CADEMIA DE ŞTIINŢE – REPUBLICA MOLDOVA

NSTITUTUL DE ARHEOLOGIE ŞI ETNOGRAFIE

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Serie nouă

Volumul 1

Nr. 1

Redactorul volumului
Eugen Sava

CHIIŞINĂU
2005

Светлана Иванова, Эпоха ранней бронзы Причерноморских степей 34

Oleg Leviţki, Tatiana Demcenco, Construcţii şi obiceiuri funerare practicate de comunităţile hallstattiene târzii din Platoul Moldovei de Nord (în baza necropolei Trinca "Drumul Feteştilor") 44

DISCUŢII – ДИСКУССИИ – DISCUSSIONS

Eugen Uşurelu, Contribuţii noi la cronologia pieselor metalice caracteristice bronzului târziu carpato-nistrean 72

Сергей Агульников, Хронология и периодизация белозерских памятников Пруто-Днестровского междуречья 77

Vasilie Haheu, Puncte de vedere cu privire la originile culturii getice 92

Александр Левинский, Оборонительная система на укрепленных поселениях гетов лесостепной Молдовы 98

Natalia Mateevici, Difuzarea amforelor greceşti în regiunea nord-vest pontică în secolele VI – V a.Chr. 110

Роман Рабинович, О культурном и хронологическом соотношении Алчедарского и Брэнештского могильников 120

Gheorghe Postică, Consideraţii privind "citadela de pământ" de la Orheiul Vechi în lumina săpăturilor arheologice din anii 1996-2001 133

MATERIALE ŞI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND FIELF SURVEYS

Сергей Коваленко, Николай Кетрару, Технико-типологическая характеристика верхнепалеолитического комплекса Рашков 8 152

Сергей Коваленко, Сергей Пуцунтикэ, Раннепалеолитическая находка из Кошницы 168

Игорь Сапожников, Виктор Сорокин (†), Новые позднепалеолитические памятники Молдовы 170

Ilie Borziac, Noi piese de artă mobilă, podoabă şi exotice de la staţiunea paleostratigrafică gravetiană Cosăuţi de pe Nistrul mijlociu 183

Александр Малюкевич, Сергей Агульников, Раскопки кургана № 2 у с. Молога в Нижнем Поднестровье 193

Ольга Ларина, Майя Кашуба, Позднейшие позднечернолесские материалы поселения Тэтэрэука Ноуэ XV в Среднем Поднестровье 212

Ольга Ларина, Производственно-хозяйственный комплекс поселения позднечернолесской культуры Тэтэрэука Ноуэ XV 240

Nicolai Telnov, Ala Belotcaci, Aşezarea fortificată de la Horodişte, raionul Călăraşi 268

Игорь Бруяко, Поселение Ново-Некрасовка-II («Геродотовы» геты на Нижнем Дунае) 279

Виктор Глазов, Сергей Курчатов, Тецканские курганы. Новое в погребальном обряде сармат Днестровско-Прутского региона 301

Игорь Четвериков, Валерий Бубулич, Уникальный погребальный комплекс на Нижнем Днестре (по материалам курганного могильника у с. Глиное) 321

Vlad Vornic, Ceramica lucrată cu mâna din aşezarea şi necropola de tip Sîntana de Mureş-Černjachov de la Budeşti 331

Vlad Vornic, Larisa Ciobanu, Un complex funerar cu amforă romană din secolul IV, descoperit la Cantemir 340

Светлана Рябцева, О листовидных украшениях - подвесках, копоушках и решмах 350

Anatol Gorodenco, Lilia Dergaciov, Consideraţii privind reprezentarea călăreţului pe monedele din Podolia şi Moldova de la finele secolului XIV şi al treilea deceniu al secolului XV 359

Лилия Дергачёва, Неизвестные монеты Богдана III из Сесенского клада 364

CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS

Anatolie David, Teriofauna staţiunii paleolitice Ofatinţi 368

Виорика Паскару, Морфотипическая изменчивость зубов M^1 и M^3 Microtus gregalis Pallas из раскопок палеолитической стоянки Буздужень 1 374

Александр Варзарь, Денис Пежемский, Ольга Ларина, Палеоантропологический материал позднечернолесского комплекса Тэтэрэука Ноуэ XV (Предварительное заключение) 381

RECENZII ŞI PREZENTĂRI DE CĂRŢI – РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEWS

Die Thraker. Das goldene Reich des Orpheus. Katalog zur Ausstellung 23.7. – 28.11. 2004 in der Kunst- und Ausstellungshalle der Bundesrepublik Deutschland in Bonn [Tracii. Regatul de aur al lui Orfeu. Catalogul expoziţiei între 23 iulie – 28 noiembrie 2004 în sala de artă şi expoziţii a Republicii Federale Germania din Bonn] (Mainz: von Zabern 2004). 384 pagini, 742 figuri, 1 tabel, 7 planuri şi 19 hărţi. ISBN 3-8053-3341-2) (***Valeriu Banaru***) 387

D. Popovici, A. Bălăşescu, C. Haită, V. Radu, A.M.F. Tomescu, I. Tomescu, Cercetarea Arheologică Pluridisciplinară. Concepte, Metode şi Tehnici, Editura Cetatea de Scaun, Bucureşti, 2002, 78 p., 12 pl. (***Nicolae Cătălin***) 392

Lista abrevierilor 394

Неолитизация Северо-Понтийской зоны и Балкан в контексте разливов морей

Валентин Дергачев, Кишинэу

Studiul abordează aspecte ale procesului de neolitizare a zonei sudice a Europei de est şi Balcanilor, al corelaţiei între procesele cultural-istorice şi transgresiunile maritime. Analiza datelor privind localizarea monumentelor arheologice din perioada mezolitică până în bronzul timpuriu din zonele litorale a peninsulei Balcanice, indică o interdependenţă directă între modificările periodice a nivelului acvatic şi manifestările cultural-istorice.

Статья посвящена вопросам неолитизации юга Восточной Европы и Балкан, проблемам возможного соотношения культурно-исторических явлений с трансгрессивно-регрессивными процессами. Анализ данных по локализации археологических памятников от мезолита и раннего неолита до ранней бронзы (7-начало 3 тыс. до н.э.) в прилиторальных зонах Балканского полуострова дает основание говорить о прямой взаимозависимости между периодически изменяющимися уровнями окружающих акваторий и культурно-историческими процессами во всех их основных проявлениях. Статья носит дискуссионный характер.

The article deals with the neolithization aspects of the south of the Eastern Europe and the Balkans, the problems, relating to the transgressions and the regressions of the Black Sea water area and the Mediterranean. The direct interconnection between the sea transgressions and the cultural-historical processes, between the caracteristics of the territorial localization of cultural phenomena in the littoral zones and so on is established.

Вводное

В контексте европейской истории переход от мезолита к эпохе неолита или, иными словами, переход от адаптивного, присваивающего хозяйства к производящему земледелию и животноводству расценивается как одно из наиболее значимых событий прошлого, обозначившего, по сути, вступление европейских сообществ в эру цивилизации.

Известно, что процесс неолитизации Европы разворачивался с юга на север. Исходным звеном этого процесса считается миграция населения из юго-западной Анатолии. Это население, переселившись в западные и северные районы Эгейского побережья (Сескло, Нея Никомедея и др.), вскоре распространилось во Фракию и далее на север до Среднего Подунавья и Центральной Трансильвании, привнеся с собой первые культурные растения и навыки по выращиванию домашних животных (Srejović 1993; Demoule 1994; Andel, Runnels 1995; Lazarovici 1996; Parzinger, Özdoğan 1996; Титов 1996; Yakar 1998; Todorova 1998; Ursulescu 2000; др.).

Образование и последующее длительное развитие общности Протосескло – Караново I-II- Старчево – Криш, распространившейся от Фессалии до Потисья, а в широтном направлении от Адриатики до Восточного Прикарпатья и Поднестровья имело двоякие последствия. С одной стороны, оно привело к неолитизации традиционно развивающихся в этих регионах культур позднего мезолита (Лепенски Вир, Шкела Кладовей, др.). С другой стороны, своими влияниями носители этой общности оказали существенную роль на процесс неолитизации как центральноевропейских, так и восточноевропейских сообществ (рис. 1; карта 1).

Следуя многочисленным определениям на ^{14}C, время наиболее ранних комплексов с монохромной керамикой Греции и Фракии оценивается приблизительно в 6300 – 6000 BC, а верхняя дата культурной общности Старчево–Криш, когда она сменяется культурами винчанского облика, около 5500 BC. В целом на этот же период приходится переход от мезолита к развитому неолиту и для Северопонтийской зоны и даже шире - югу Восточной Европы (рис. 1). В оговорке нуждается лишь так называемый «докерамический» неолит. Если для Греции этот культурный горизонт в последнее время все чаще подвергается сомнению (Tellenbach 1983; Demoule 1993, 3-4; Gallis 1994, 58), то для юга Восточной Европы (Поднестровье, Нижнее Подонье) этот горизонт как явление все более находит подтверждение в новых материалах. Более того, в среднем Поволжье зафиксирована группа памятников (Елшанская культура), которые, при отсутствии признаков производящих форм хозяйства, характеризуются

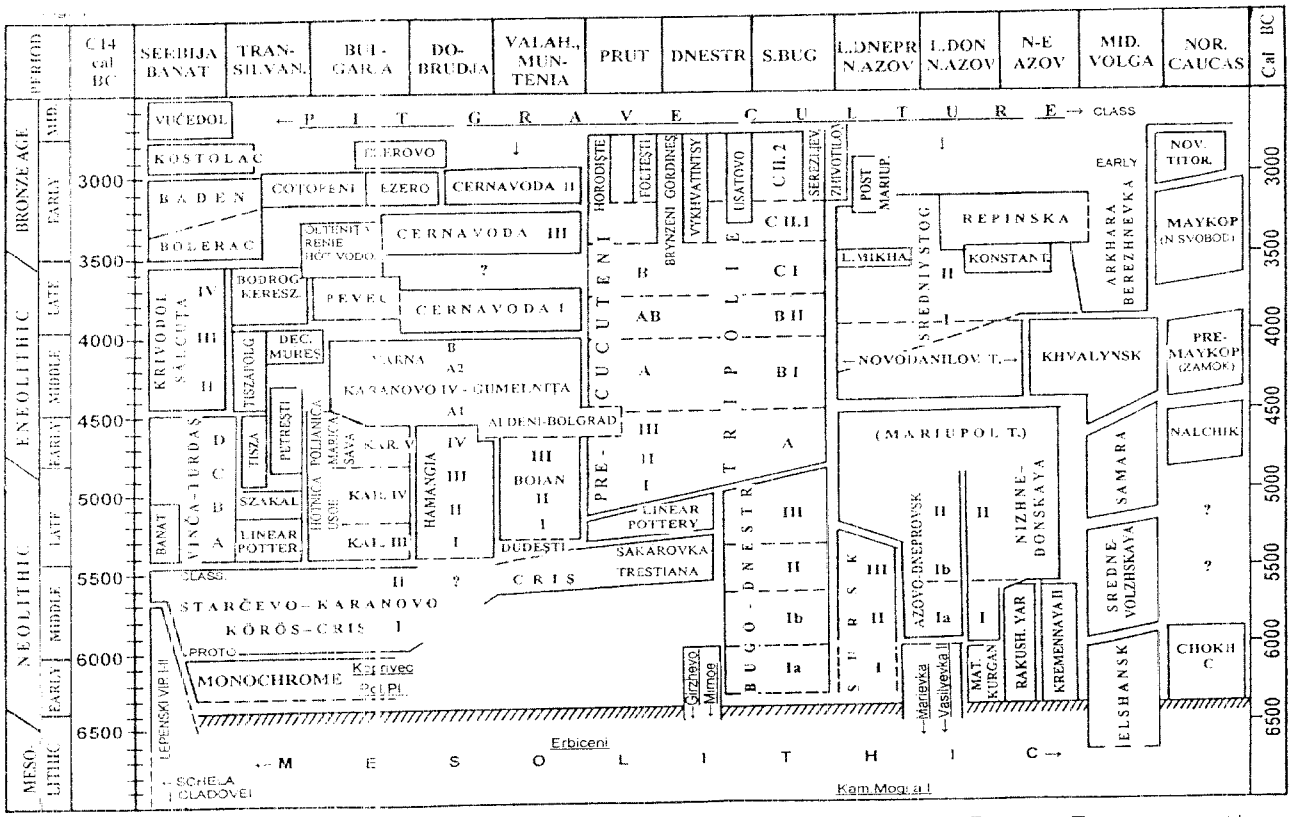
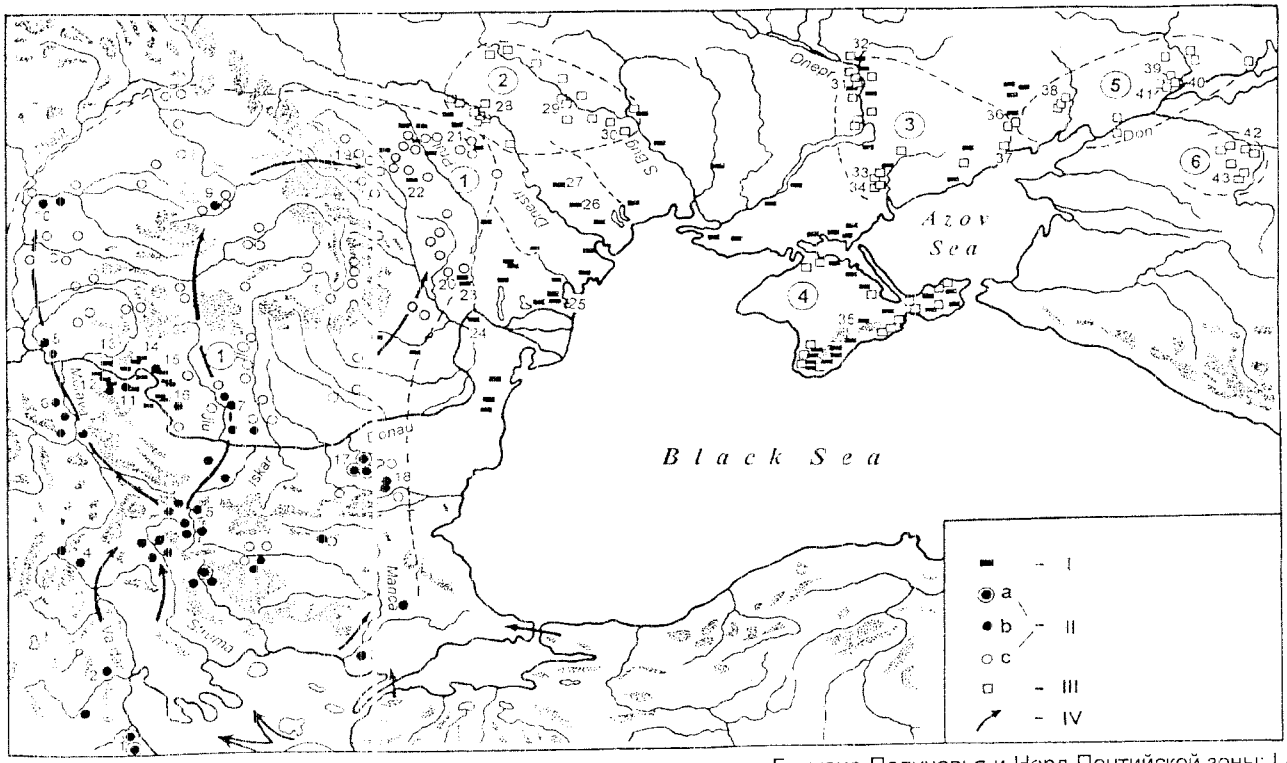


Рис. 1. Периодизация и хронология основных культур мезолита – ранней бронзы Балкано-Подунавья и Норд-Понтийской зоны.



Карта 1. Основные культуры и памятники мезолита – раннего неолита Балкано-Подунавья и Норд-Понтийской зоны: I - поздний мезолит; II – неолит Балкан (IIa - с монохромной керамикой; IIbc- Протосескло – Сескло – Старчево – Криш – Караново I-II); III- неолит Норд-Понтийской зоны (культуры: 1 – Старчево-Криш; 2 - Буго-Днестровская, 3 – Сурская, 4 – Крымская, 5 – Ракушечноярская, 6 – Кременная -?); IV- направления миграций. Основные памятники: 1 – Sesklo, 2 – Nea Nikomedeia, 3 - Hoca Çeşme, 4 – Anzabegovo, 5 – Kremikovtsy, 6 – Divostin, 7 – Cârcea, 8 – Starčevo, 9 – Gura Baciului, 10 – Szarvas, 11 – Lepenski Vir, 12 - Padina, 13 - Alibeg, 14 – Ogrădeana, 15 - Schela Cladovei, 16 –Ostrovul Mare, 17 – Koprivets, 18 – Ovčarovo, 19 – Suceava, 20 – Trestiana, 21 - Sacarovca, 22 – Erbiceni, 23 – Bereşti, 24 – Garvăn, 25 – Мирное, 26 – Гренбеники, 27 – Гиржево, 28 – Сороки, 29 – Базьков остров., 30 – Пугач, 31 – Сурский, 32 – Игрень, 33 – Каменная Могила, 34 – Семеновка, 35 – Кукрек, 36 - Раздольное, 37 – Мариуполь, 38 – Матвеев Курган, 39 – Самсоновское, 40 – Ракушечный Яр, 41 – Раздорское, 42 – Рассыпная, 43 – Кременная.

вполне сложившимся керамическим комплексом. А их датировка, судя по серии радиоуглеродных дат, приходится на первую половину 7 и отчасти – даже на 8 тысячелетие до н.э. (Мамонтов 2000). Но тема эта – особая.

Проблема

Поздний мезолит, начальные этапы неолитизации юга Европы приходятся отчасти на ранний (Бореал) и, главным образом, на первую половину среднего (Атлантик) голоцена. Следуя специалистам, это было время непрерывно изменяющихся природных условий постплейстоценового периода, характеризующееся окончательным оформлением современного рельефа и ландшафтных зон, формированием аллювиального и черноземного покрова, общим потеплением климата с его отдельными, более или менее значительными колебаниями, предопределившими изменения состава флоры, фауны и пр. На эти же периоды голоцена приходится и ряд крупных трансгрессий и регрессий Черного моря (Шнитников1973; Федоров 1978; Палеогеография 1982; Аладаменко и др. 1997).

Отмеченные обстоятельства и, в особенности – колебания уровня Черного моря и Мирового океана, а также вызванные ими изменения климата, с одной стороны, а с другой – неоднократные массовые миграции населения, наблюдаемые для периода перехода от мезолита к неолиту, на последующих этапах нео-энеолита в Балкано-Подунавье и в Нордпонтийской зоне, логически вполне допускают прямую взаимосвязь между оговоренными природными и историческими явлениями.

Верификация гипотезы

Вынужден сразу же оговориться. Верификация возможной взаимозависимости между миграциями населения эпох мезолита и/или нео-энеолита с возможными колебаниями уровня Черного моря по археологическим данным составляет чрезвычайно сложную задачу. В особенности это касается юга Восточной Европы. Причин тому несколько.

Первая и главная из них, конечно же исключительно слабое сотрудничество между археологами и природоведами во всех возможных разделах последней. Эта явление имеет достаточно давнюю традицию, когда, даже в случаях редкого сотрудничества, каждая из сторон как бы исходила из своих собственных «эгоистичных» интересов. Из-за редкости радиоуглеродных дат, палеогеографы нуждались в археологах лишь ради их – археологических датировок. Археологи же, в лучшем случае, вполне удовлетворялись самыми общими палеогеографическими характеристиками, не вдаваясь в детали. И не более. Специальные речные или морские подводные исследования археологических памятников Черноморско-Азовской литорали если и проводились, то, как правило, они касались лишь периода античной колонизации или средневековья[1]. Этим объясняется то, что многие из замечательных многослойных памятников мезолита или нео-энеолита, раскопанные на протяжении 50-80-х годов прошлого века, так и остались вне контекста палеогеографических исследований. Ситуация заметно улучшилась в последнее десятилетие, но это лишь первые публикации, первые попытки свода банка данных и их осмысления (Иванов, Васильев 1995; Шилик 1999; Долуханов 2003; Левковская и др. 2003).

Вторая причина – существенно объективного свойства и связана с тем, что процесс неолитизации юга Восточной Европы был приурочен, главным образом, к лесостепной зоне, природные условия которой были более благоприятны для комплексного развития земледельческо-животноводческого хозяйства. Степная, Азово-Причерноморская зона, в силу специфики природных условий, была более или менее интенсивно заселена лишь позже, начиная с эпохи энеолита, и представлена, как известно, преимущественно погребальными,

[1] О направленности основных подводных археологических исследованиях советского периода можно судить по полному списку литературы, опубликованному Л.М. Всевиов (1993).

курганными комплексами. Сказанное отчасти объясняет и крайнюю редкость поселенческих памятников нео-энеолита в интересующей нас степной зоне, а вместе с тем, и редкость многослойных, стратифицированных памятников, аккумулировавших в себе разноэпохиальные материалы.

С учетом вышеизложенного, в целях хотя бы частичной ориентации в сформулированных вопросах, автором была предпринята попытка анализа материалов по трем основным направлениям:

1 – сравнительный анализ данных по основным многослойным, четко стратифицированным памятникам мезолита и нео-энеолита на предмет выявления каких- либо изменений, возможно связанных с колебаниями уровня Черного моря;

2 – ареальное картирование памятников оговоренных эпох Северо-Западного, Северного Причерноморья и Приазовья с целью выяснения каких-либо возможных отклонений применительно к прибрежной Азово-Черноморской литорали;

3 – анализ хронологического соотношения выявленных тенденций в локализации археологических памятников: их сравнительный анализ с автономно разработанными палеогеографическими схемами на предмет выявления возможных синхронизмов или взаимозависимостей в развитии природных и культурно-исторических явлений.

Анализ стратифицированных памятников мезолита – неолита

К сожалению, это направление поиска оказалось весьма малопродуктивным. Сказалась и малочисленность многослойных памятников, и зачастую низкий уровень их документированности. Поэтому ограничусь лишь несколькими примерами. Речь, естественно, пойдет о наиболее ярких – эталонных памятниках, включающих разнокультурные или разноэпохиальные материалы: памятниках, обеспеченных радиоуглеродными датами.

Сороки I, Сороки II (г. Сороки, Молдова). Два многослойных памятника ранненеолитической – Буго-Днестровской культуры, в 600 м друг от друга, южнее г. Сороки (карта 1, № 28). Расположены на узкой невысокой пойменной террасе Днестра (6-8 м от совр. уровня реки, абс. высота – 65-70 м). Раскапывались во второй половине 50-х - первой половине 60-х гг. XX в. В.И. Маркевичем (1974).

Оба памятника включают по три четко выраженных культурных слоя. Нижний слой (2) поселения Сороки I и два нижних слоя (3 и 2) поселения Сороки II характеризуются отсутствием керамики, но содержат остатки домашних животных (Bos taurus L., Sus scrofa domestica L., Canis familiaris L.). Два верхних слоя (1a и 1b) поселения Сороки I и верхний слой (1) Сороки II дали остатки тех же домашних животных, но отличаются наличием керамической посуды. Иными словами, для рассматриваемого региона это пока что единственные памятники, нижние слои которых (и по археологической типологии, и по остаткам домашней фауны) документируют начало эпохи неолита.

Для всех трех культурных слоев поселения Сороки II имеются радиокарбонные даты. Их значения: нижний (3) слой - 7520±120 BP / ок. 6300 BC (BIn-588), второй бескерамический слой (2) - 7420±80 BP / ок. 6250 BC (BIn-587) и верхний – керамический (слой 1) - 6830±150 BP / ок. 5700 BC (BIn-586).

Стратиграфически установлено, что на обоих памятниках нижние культурные слои были приурочены к слою аллювиальных легких лёссовидных суглинков (толщиной до 2,0 м), непосредственно залегающих на материковом галечнике русла реки. На поселении Сороки I нижний культурный слой (2) был разделен от двух верхних (1a и 1b) мощным слоем (до 1,0 м) известняковой щебенки и камней, перекрывающих в том числе и два верхних слоя. Их происхождение связывается с эрозией и размывом берегов находящегося рядом с поселением древнего оврага. Вместе с тем в нижней (ближе к реке) части поселения, в стратиграфическом профиле, зафиксированы две линзы тонких аллювиальных отложений, одна из которых вклинилась между двумя верхними культурными слоями, а вторая - в толщу перекрывающей эти

культурные слои известняковой щебенки. Они свидетельствуют о периодах резкого поднятия уровня реки Днестр.

Последнее из обстоятельств особенно отчетливо прослежено в стратиграфии поселения Сороки II (рис. 2/B), на котором все три культурных слоя разделены почти что равными по толщине стерильными прослойками из аллювиальных отложений реки. Лишь позже место поселения бы перекрыто мощным слоем из тяжелых или песчанистых суглинков, известняковой щебенки, вызванных оползневыми процессами.

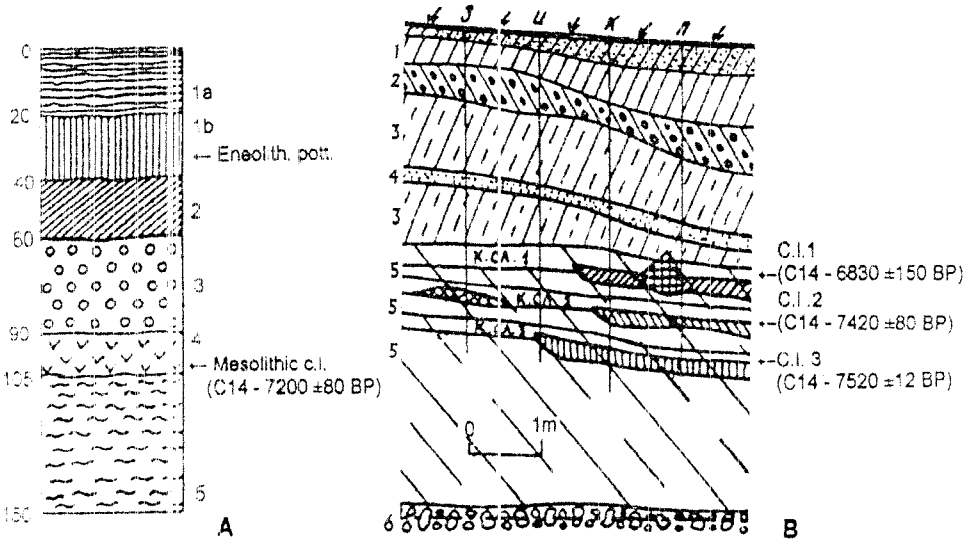


Рис. 2. Литологическая схема мезолитического поселения Мирное (A) и многослойного поселения Буго-Днестровской культуры Сороки II (B). Условные обозначения: A. 1a – растительный слой; 1b – суглинок с керамикой эпохи энеолита; 2 – светло-серый суглинок пылевой, торфяниковый; 3 – погребенная суглинистая почва; 4 - желтый суглинок с культурными остатками мезолита; 5 – светло-коричневый суглинок, тяжелый с карбонатными включениями (по В.Н. Станко); B. 1 – серая лесная почва; 2 – суглинок с известняковой щебенкой; 3 – тяжелый суглинок; 4 – песчанистый суглинок; 5 – легкий лессовидный суглинок с культурными слоями; 6 – галечник (по В.И. Марковичу - фрагмент).

К сожалению, описанные памятники чрезвычайно отдалены от Черноморской литорали (более 300 км) и ничего не дают в прояснении интересующего нас вопроса.

Каменная Могила 1 (с. Терпенье, р-н Мелитополь, обл. Запорожье, Украина). Крайне важный многослойный памятник мезолита-неолита. Расположен приблизительно в 30 км от озера Молочного, соединяющегося с Азовским морем (карта 1, № 33). Памятник приурочен к возвышенности первой надпойменной террасы правого берега старицы р. Молочной. Включает множество культурных слоев, в том числе позднемезолитический (датирован - 8570±85 BP/ок. 7500 BC – Ki-7669), слой раннеолитической – Сурской культуры (три даты: 7250±95/ок. 6100 BC; 7170±70/ ок. 6050 BC и 7055±60 BP/ок. 5900 BC, соответственно – Ki-4022, 4226 и 7667), слой позднеолитической – Азово-Днепровской[1] культуры (три даты: 6376±60/ ок. 5350 BC; 6180±90/ок. 5100 BC и 6120±80 BP/ок. 5050 BC, соответственно – Ki-4025, 4024 и 4023) и более позднего времени. Но, увы, памятник раскапывался в разные годы (до войны, разные послевоенные годы) разными специалистами. Разобраться в культурной, а тем более в геологической стратиграфии памятника практически невозможно (Котова 2002, 12).

Семеновка 1 (с. Семеновка, р-н Мелитополь, обл. Запорожье, Украина). Поселение на окраине г. Мелитополя (карта 1, № 34). Расположено на пойменной террасе правого берега р. Молочной. Памятник многослойный, но интересующие нас неолитические слои занимали разные участки террасы, разделенные в древности небольшим ручьем. В одном случае слой

[1] По терминологии Н.С. Котовой, или - Днепро-Донецкой культуры в терминологии Д.Я.Телегина.

атрибутирован к Сурской культуре и залегал на материковом суглинке на глубине от 1,4 до 1,8 м. Датировки этого слоя: 7282±70, 7125±60, 7110±60, 6980±65, и 6850±70 BP (или ок.: 6100, 5950, 5900, 5800, 5670 BC), соответственно – Ki-7679, 6689, 7677, 6688 и 7678. Второй слой связывается с Азово-Днепровской культурой развитого неолита. Слой состоял из "светло-серой гумусированной супеси", и залегал на песчаной возвышенности. Датируется слой - 6360±70 BP/ ок. 5340 BC (Ki-7675). Вот, собственно, и вся информация (Kotova, Tuboltsev 1996; Котова 2002, 13).

Ракушечный Яр, Раздорское 1 (станица Раздорская, р-н Усть-Донецкий, обл. Ростовская, Россия), представляют принципиально важные многослойные неолитические поселения, находящиеся в Низовьях реки Дон (карта 1 № 40-41).

Поселение Ракушечный Яр расположено на обширном пойменном острове Поречном, образовавшемся в результате раздвоения русла реки на два рукава. Поселение включает 23, как правило, тонких (от 5-7см. и лишь изредка до 10-20 и более см.), недолговременных культурных слоя. Зачастую они разделены также тонкими стерильными прослойками песка, образовавшихся при неоднократных затоплениях острова водами Дона. Нижние культурные слои с 23 по 6 атрибутируются к раннему неолиту и послужили основанием для выделения самостоятельной культуры, получившей название Ракушечноярской. Датировка слоев охватывает время около 6800 по 5700 BC. Верхние культурные слои с 6 по 2 относят к Нижнедонской культуре развитого неолита и приходятся на период приблизительно в 5650–5200 BC. При исследовании поселения, двумя разными специалистами было проведено изучение голоценовых отложений острова на месте памятника. Однако, к сожалению, при запоздалой публикации материалов данные по культурной стратиграфии и стратиграфии почвенных наслоений остались несовмещенными, несогласованными (Белановская 1995, 11 и след.).

Второе поселение – Раздорское I находится напротив поселения Ракушечный Яр в 0,5 км ниже по течению реки. Расположено на невысокой (4-8 м от уровня воды) пойменной террасе правого берега р. Дон. Памятник включает 23 разнокультурных слоя. Общая их толщина достигает 5,7 м. Нижний (23, по публикации 1-ый) культурный слой относится к раннеэнеолитической – Ракушечноярской культуре (имеется единственная дата - 9470±310 BP или 8597±402 BC, IGAN-722, которая, однако, считается недопустимо заниженной). Второй и третий снизу (или 22 и 21) слои связываются с разными горизонтами Нижнедонской (или Мариупольской) культуры развитого неолита - раннего энеолита. Поселение находится еще в стадии исследования, и пока что мы располагаем лишь предварительной информацией (Кияшко 1987). Но зато полностью были опубликованы результаты палинологических исследований К.В. Кременецкого (1991, 114 и след.). Основываясь на указанной выше радиокарбонной дате, этот автор приходит к заключению, "что формирование споро-пыльцевого спектра (нижнего – 23 культурного слоя, В.Д.) происходило в самом начале бореального периода голоцена" (Кременецкий 1991, 123). Однако, как уже отмечалось, указанная радиокарбонная дата не была и не может быть принята ни одним из специалистов-археологов. Так что комментарии здесь излишни.

Из иных опорных памятников конца мезолита – нео-энеолита рассматриваемой зоны можно назвать поселения Самсоновское (Гей 1983), Матвеев Курган (Крижевская 1992), а также новые, исследующиеся поселения: Раздорское 2 (Цыбрий, Кияшко 2003), Рассыпная VI, Кременная II и др. (Цыбрий 2003). Однако, при всей их археологической значимости, и эти и многие иные известные памятники, скажем горного Крыма или Дагестана (Чох), взятые в отдельности, не дают каких-либо заметных данных касательно интересующей нас проблемы.

Редкое исключение в этом плане составляет лишь мезолитическое поселение **Мирное** (с. Мирное, р-н Килия, обл. Одесса, Украины). Это один из наиболее полно исследованных памятников позднего мезолита Северо-Западного Причерноморья (карта 1, № 25). Памятник раскапывался в 1969-1976 гг. В.Н. Станко с широким привлечением геологов и палеогеографов. Для культурного слоя имеется, к сожалению, лишь одна радиоуглеродная дата (Le-1647) 7200±80 BP/ 6025 BC, которая, в контексте иных сходных памятников, явно несколько завышена.

Поселение расположено в пойме, на правом берегу небольшой, пересыхающей в летние сезоны речки. Ныне эта территория находится на самом низком гипсометрическом уровне и относится к первому ландшафтному ярусу с абсолютной высотой 15-20 м. Поселение находится приблизительно в 12 км по прямой от оз. Сасык, соединенного с Черным морем, или в около 15 км к северу от Килийского гирла устья Дуная. Геологическими изысканиями, осуществленными в зоне памятника, установлено, что в древности «поселение располагалось на высоком берегу реки (не менее 8-10 м), к которому примыкала эолово-делювиальная равнина лиманного типа, сложенная суглинками позднеплейстоценового возраста». Определено также, что в древности берег Черного моря проходил предположительно «в 120 км по прямой и в 200 км по долинам рек» от поселения (Станко 1982, 6).

В отличие от многих иных памятников мезолита, поселение отличается насыщенным, моногенным культурным слоем (рис. 2/А). Его толщина - от 0,15 до 0,30 м. Культурный слой, по определениям П.М. Долуханова, залегал на светло-желто-коричневых тяжелых суглинках позднего плейстоцена. Образование же опесчаненного суглинка, к которому приурочены культурные остатки, он относит, предположительно, к раннему голоцену. Выше культурного горизонта зафиксирован слой погребенной почвы (светло-коричневый эластичный суглинок, толщиной – 0,25-0,30 м), перекрытый, в свою очередь, слоем комковатого торфяниково суглинка (около 0,2 м.). Происхождение слоя погребенной почвы связывается с почвенно-делювиальными процессами ранне- и начала среднеголоценового времени. Как тому свидетельствует автор монографии, «Процесс формирования погребенной почвы был прерван накоплением пылеватых торфянистых суглинков, отложение которых П.М. Долуханов связывает с вторичным обводнением долины реки в период новочерноморской трансгрессии, максимум которой П.В. Федоров относит ко времени около 6 тыс. лет тому назад» (Станко 1982, 8). Выше к поверхности, над торфяниковым суглинком, имелись два горизонта современной почвы, в нижнем из которых были найдены отдельные фрагменты керамики развитого этапа энеолитической культуры Триполье.

Таким образом, поселение Мирное пока что единственный памятник, непосредственно содержащий в своей стратиграфии данные об изменявшемся в прошлом уровне Черного моря. Ориентируясь на приведенную выше радиокарбонную дату, можно утверждать, что приблизительно чуть более 6000 лет до н.э., в период действия мезолитического поселения Мирное, Черное море находилось в стадии регрессии, а очередная его трансгрессия приходится где-то на период между концом мезолита и развитым энеолитом.

Гораздо более интересные данные обнаруживают ареальные проявления разнокультурных археологических памятников, взятых по отношению к Черноморской литорали в их временной эволюции.

Памятники мезолита – нео-энелита в их соотношении с Черноморско-Азовским побережьем

Суть предлагаемого анализа заключается в картировании разновременных, разнокультурных археологических памятников на предмет выявления их возможного соотношения с нынешним побережьем Черноморско-Азовской акватории.

В данном случае мы исходим из общеизвестного положения, что, подобно природным, всякое значимое культурное явление прошлого (включая и археологические культуры), как правило, имело достаточно большую территориальную протяженность. С другой стороны, хорошо известна "вездесущность" человека в использовании любой природной "ниши". Опираясь на эти исходные посылки, легко предположить, что наличие или отсутствие археологических памятников того или иного культурно-исторического периода в узкой полосе (скажем шириной в 10-20 км) морского побережья, неминуемо должно отражать собой состояние уровня моря на данный конкретный исторический период прошлого: состояние регрессии или трансгрессии.

Иными словами, мы полагаем, что при относительно большой территориальной протяженности археологической культуры, наличие ее памятников непосредственно в прибрежной полосе то ли Черного, то ли Азовского морей непременно должно указывать на то, что на этапе развития этой культуры уровень этих морей находился несколько или значительно ниже современного, т.е. что море находилось в стадии большей или меньшей регрессии. Ибо, если даже допустить, что часть памятников древней культуры из-за последующего поднятия уровня моря ныне находятся под ее водами, то другая их часть (благодаря большому территориальному проявлению культуры) обязательно должна обнаружиться в узкой прибрежной полосе нынешней литорали.

В случаях же полного отсутствия или малочисленности археологических памятников в узкой полосе нынешней литорали, мы определено сможем констатировать, что на данном историческом этапе море наверняка находилось в режиме трансгрессии. Конечно, в этом случае мы не сможем четко оценить истинный уровень морских вод, который, в одних случаях, мог быть ниже, а в других, возможно и выше современного. Но, поскольку, если следовать специалистам, некоторые из трансгрессий моря периода голоцена сопровождались перепадом уровня морской воды до десяти, а иногда и более метров, такие резкие изменения не могли не сказаться на условиях обитания людей в прибрежной, береговой зоне. Ведь всякая сколько-нибудь значимая трансгрессия неминуемо предполагает изменения общего уровня грунтовых вод, уровня вод в устьях рек и озерах, обводнение, заболачивание и/или засоление низких приподменных участков и почв, удобных для земледелия и животноводства. Кроме того, нельзя не учитывать, что всякий значительный перепад уровня морей прямым образом связан с относительно резкими изменениями климатических условий (Шнитников 1973, 8). А все эти обстоятельства, в случаях поднятия уровня моря, с неизбежностью предполагают некоторое дистанцирование - отход населения, по крайней мере, на 10-20 км от прежнего (до наступления трансгрессии) уреза морской воды и наоборот, их смещение вслед отходящим водам – в случаях регрессии.

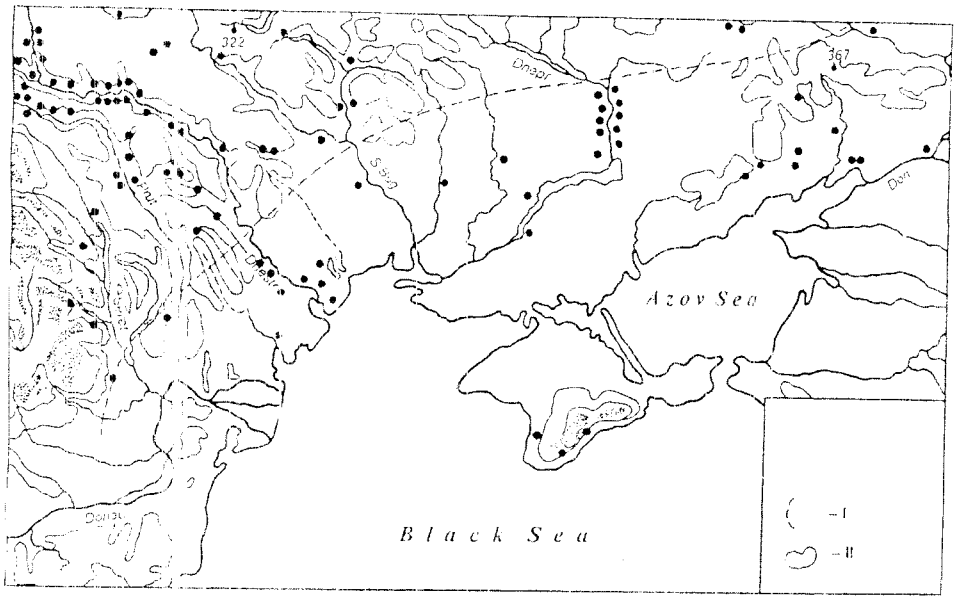
Наш анализ построен на картировании археологических памятников по всем основным культурным периодам: от позднего мезолита – раннего неолита до ранней поры эпохи бронзы. Развитие культур этих периодов приходится на самый конец раннего и, главным образом, на средний период голоцена, а их общий хронологический диапазон составляет приблизительно от 6500 до 3000 лет до н.э. Основные археологические культуры и горизонты, представляющие отмеченные периоды, оговорены в периодизационной таблице – рис.1, составленной с учетом основных калиброванных дат по ^{14}C, и - в большей части – общепринятых синхронизмов[1].

Уточняю, задача анализа – определение соотношения разнокультурных археологических памятников определенного периода с узкой - прибрежной полосой Северо-Западного, Северного Причерноморья и Приазовья. При этом наличие памятников, по логике, должно указывать на состояние этих морей в режиме регрессии, а их отсутствие или малочисленность – на состояние трансгрессии. Определив территориальное проявление памятников и располагая данными об их абсолютной датировке, вполне возможно, что нам удастся выявить время и общий хронологический диапазон или интервалы, по крайней мере, основных, интересующих нас колебаний уровня Черного моря. А, зная - пусть даже отчасти гипотетически- истоки и направленность миграции носителей целого ряда археологических культур рассматриваемых эпох, попытаться определить возможную взаимозависимость между отмеченными природными и миграционными процессами.

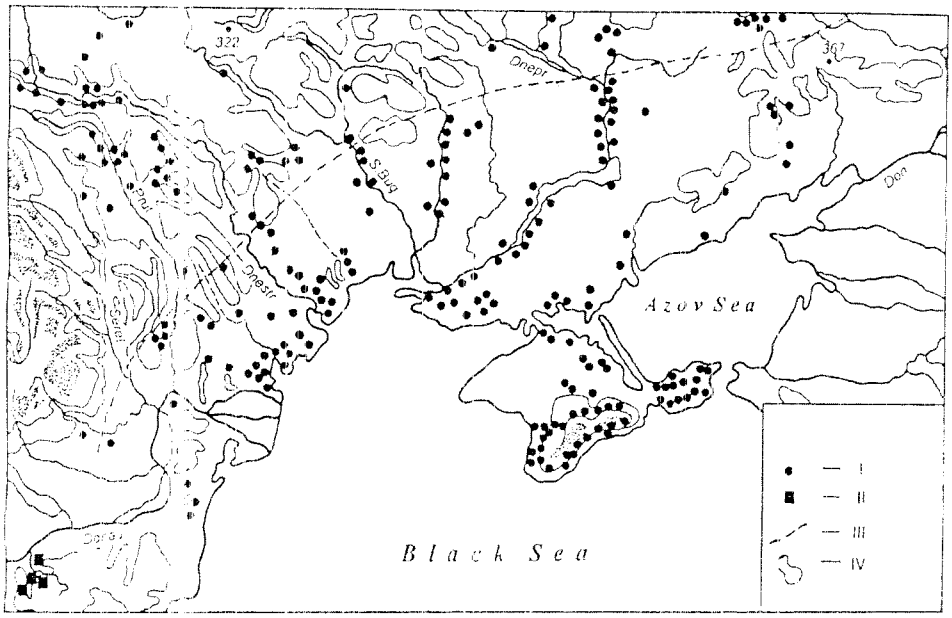
Для начала отметим, что в длинной исторической ретроспекции, именно на эпоху мезолита приходится первое наиболее полное освоение человеком степных районов Причерноморья и Приазовья. Это обстоятельство очевидно из картирования основных памятников позднего палеолита (карта 2) и памятников позднего мезолита (карта 3). Обе эти карты, с незначитель-

[1] Из-за ограниченности отпущенного объема и здесь, и во многих иных случаях расшифровка многочисленных использованных работ просто невозможна.

ными дополнениями применительно к территории Молдовы и Румынии[1], заимствованы из работы Е.В. Смынтына (1999, 240, рис. 1; 2). Их сравнение отчетливо демонстрирует, что, если в период позднего палеолита большее число памятников приходится на лесостепную зону и севернее (Карт 2), то в период позднего мезолита численность памятников резко смещается к югу – в степную зону. Принципиально то, что многие из этих местонахождений локализируются в непосредственной близости от современной литорали, занимая, в том числе, и наиболее низкие равнинные участки морского побережья. Это отчетливо наблюдается как для степного Крыма, для Северного Причерноморья и Приазовья, так и для Северо-Западного Причерноморья, включая Добруджу (карта 3).



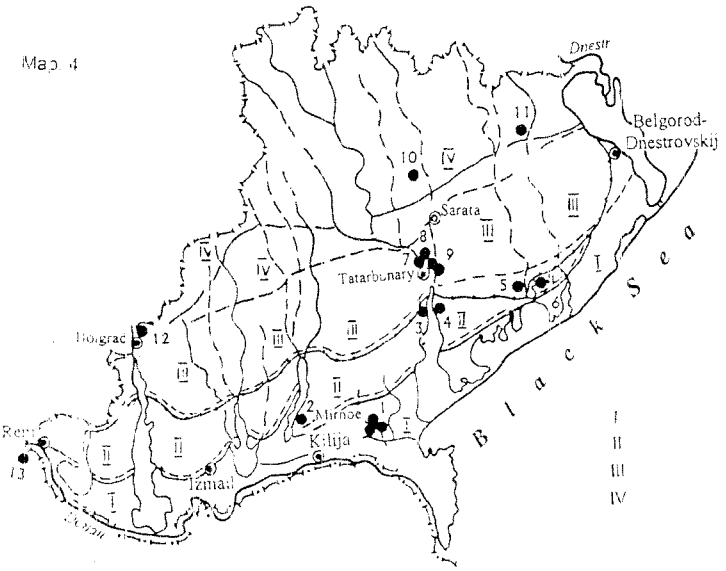
Карта 2. Распространение основных памятников позднего палеолита Норд-Понтийской зоны (по Смынтына Е.В., с дополнениями): I – современная граница степи и лесостепи; II – рельеф с абсолютной высотой более 200 м.



Карта 3. Распространение основных памятников позднего мезолита Норд-Понтийской зоны: I – памятники позднего мезолита (по Смынтына Е.В., с дополнениями); II – раннеенеолитические памятники с монохромной керамикой; III - современная граница степи и лесостепи; IV – рельеф с абсолютной высотой более 200 м.

[1] По просьбе автора, эти дополнения выполнены специалистом по палеолиту – С.И. Коваленко. Выражаю искреннюю признательность С.И. Коваленко за консультации по проблемам палеолита и мезолита.

Еще более наглядную картину демонстрирует детализированная карта соотношения поздних мезолитических памятников с ландшафтными ярусами, составленная В.Н.Станко для Причерноморской зоны междуречья Дуная и Днестра (Станко и др. 1999, 9, рис.1). Как следует из этой карты, наряду с высотным расположением (карта 4, IV-III яруса), некоторые из памятников занимают и самые низкие места – I-II-ого ярусов с абсолютными высотами 10-15 и более метра. К последним относятся уже известное нам поселение Мирное, поселения Мирное 2-3, Васильевка, Дивизия и др. (карта 4, №№ 1-9). Важно обратить внимание, что предельно низкое расположение мезолитических памятников зафиксировано и в румынской Добрудже. Так, поселение Гарвэн (карта 4, № 13) расположено на самой низкой, периодически затопляемой ныне Дунаем, песчанистой террасе (Păunescu 1987, 3; 1987a, 12).



Карта 4. Локализация памятников позднего мезолита Причерноморской зоны Дунай-Днестровского междуречья (по Станко В.Н.). Ландшафтные ярусы с абсолютными высотами: I – 10-20 м; II – 20-50 м; III – 50-85 м; IV – 85-140 м. Памятники: 1 – Мирное 1-3; 2 – Васильевка; 3 – Борисовка; 4 – Траповка; 5 –Дивизия; 6 – Новоселица 1; 7 –Татарбунары 1; 8 – Когыльник; 9 – Белолесье 1, 4; 10 – Кантемир; 11 – Царичанка; 12 – Железничное; 13 – Garvăn (Румыния).

Следуя радиоуглеродным датам, на самый финал мезолита приходится и появление в Низовьях Дуная первых памятников раннего неолита с монохромной керамикой (карта 3, II). Но, что показательно, они также расположены на самых низких участках придунайской низменности, в долинах р. Ломи (Попов 1996, 30 и след.).

Итак, как выясняется, памятники позднего мезолита достаточно широко представлены по всей узкой полосе Северо-Западного и Северного побережья Черного и, отчасти, Азовского морей, занимая в ряде случаев самые низкие прибрежные склоны и террасы. Подобное расположение характерно и для самых ранних неолитических памятников низовьев Дуная, отчасти хронологически соответствующих позднейшим мезолитическим. Следуя оговоренным выше методическим принципам, отмеченное территориальное проявление перечисленных памятников дают основания считать, что в период их бытования уровень Черного моря определенно находился ниже современного, или иными словами, что море находилось в состоянии регрессии. Напомним, что этот же вывод раннее был самостоятельно сформулирован П.М. Долухановым и В.Н. Станко на основании геологических изысканий и изучения стратиграфии почв поселения Мирное (Станко 1982, 8, 13).

Уже отмечалось, что для поселения Мирное имеется лишь одно определение на С 14 (7200±80 ВР или 6025 ВС). Но в контексте иных дат, известных для позднейших мезолитиче-

ских памятников (Erbiceni, Каменная Могила I, Мариевка, Васильевка и др. – см. – рис. 1) или для памятников "бескерамического" неолита (Сороки II, 3, 2, Матвеев Курган I и др.), дата поселения Мирное (как и Гаржево) кажется несколько завышенной. По совокупности известных данных, отчасти отраженных в таблице (рис 1), время бытования позднейших памятников мезолита падает приблизительно на период не позже 6500-6300/6200 лет до н.э., который, в данном случае, собственно и определяет регрессивное состояние Черного моря. Обратимся к памятникам эпохи неолита.

Эпоху неолита на самом обобщенном уровне (т.е. абстрагируясь от множества существующих региональных периодизаций) мы подразделили на три периода. Ранний – представлен в Балкано-Подунавье памятниками с монохромной керамикой, а на юге Восточной Европы – равными горизонтами Буго-Днестровской, Сурской, Ракушечноярской культур, памятниками типа Кременная II. Приблизительный хронологический диапазон их бытования – 6300-6000 ВС (рис. 1).

Средний период неолита, согласно предложенной схеме, на Балканах и в Карпато-Подунавье вбирает в себя развитие памятников культурной общности Старчево – Караново I-II – Криш, а в Нордпонтийской зоне – средние горизонты Буго-Днестровской и Сурской культур, ранние горизонты Азово-Днепровской, Нижне-Донской культур, отчасти поздние горизонты Ракушечноярской культуры, и, по-видимому, часть памятников типа Кременная II. Приблизительное время этого горизонта – 6000 – 5500/5400 лет до н.э. (рис. 1).

Поздний период неолита на Балканах приходится на первые два горизонта культуры Винча (A,B) и на множество соответствующих им культур с материалами типа Караново III-IV, Хаманджия I-II, Боян I-II; на юге Восточной Европы – на культуру линейно-ленточной керамики Восточного Прикарпатья и Молдовы, отчасти культуру Прекукутень I-II – Триполье А[1] и далее на восток – на поздние горизонты Буго-Днестровской, Азово-днепровской и Нижнедонской культур (или – классического Мариупольского типа). Временной диапазон этого периода - 5500/5400 – 5000/4700 ВС (рис. 1).

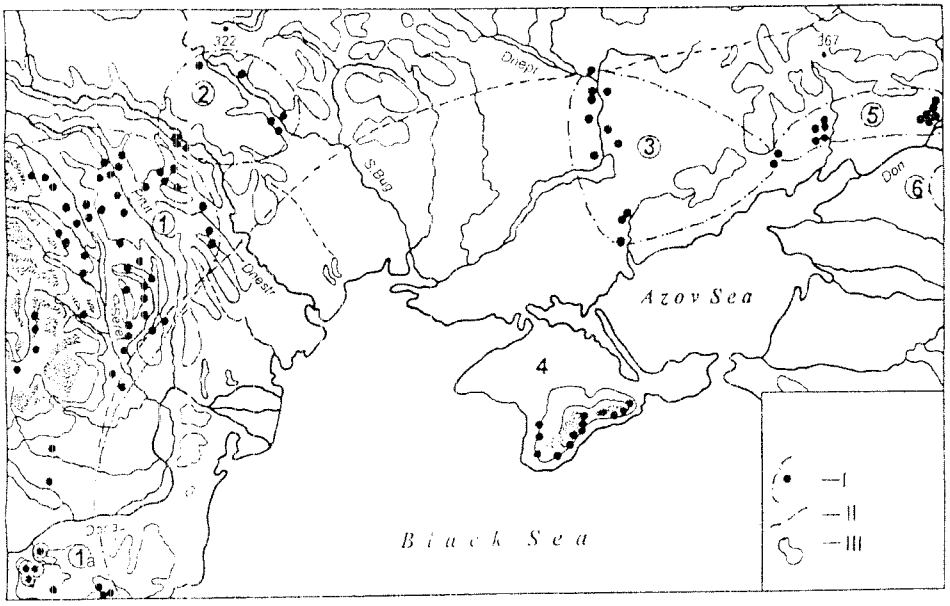
Рассмотрим территориальное соотношение памятников культур названных периодов относительно интересующей нас Черноморско-Приазовской литорали.

Необычность ситуации в распространении памятников раннего и среднего неолита Балкан отчетливо обнаруживается из карты, иллюстрирующей общую направленность процесса неолитизации юга Европы (карта 1). Как видно из этой карты, при чрезвычайно широком территориальном распространении ранних (с монохромной керамикой) и более поздних памятников культуры Старчево – Криш - Караново I-II, они совершенно отсутствуют в прибрежной зоне Западного Причерноморья. Даже если в представленную карту внести все остальные памятники хронологического уровня Караново I-II, их восточная граница останется приблизительно по линии, образованной бассейном нижнего и среднего течения реки Марица (Hoca Çeşme, Aşağı Pinar), верховьями реки Камчия (Овчарово и др.) и впадающей в Дунай реки Лом (Копривец и др.). В прибрежной Черноморской зоне памятники раннего неолита полностью отсутствуют, что ныне невозможно объяснить недостаточностью археологической изученности территории. Это неопровержимое обстоятельство неоднократно отмечалось болгарскими специалистами, дававшими ему разные толкования (Тодорова 1986; Todorova 1995; 1998; 2002; Попов 1996; Матева, Скакун 2003). Однако обратимся к памятникам Северо-Западного и Северного Причерноморья.

На карте 5 скартированы все основные памятники раннего и среднего неолита интересующего нас пространства. В виде исключения в карту не включены лишь памятники степного Крыма, остающиеся еще крайне слабо изученными и к тому же не обеспечены радиокарбонными датами (Колосов 1985).

---

[1] По недавно опубликованным новым определениям на ^{14}C для памятников раннего Триполья, начало этой культуры отодвигается к самой середине 6 тыс. до н.э. (Telegin and al. 2003, 463, fig.2). Однако безоговорочное принятие всех этих новых дат еще более усиливает, существующее противоречия в синхронизации целого ряда культур конца неолита – раннего энеолита Карпато-Подунавья – см. Бурдо 2002.



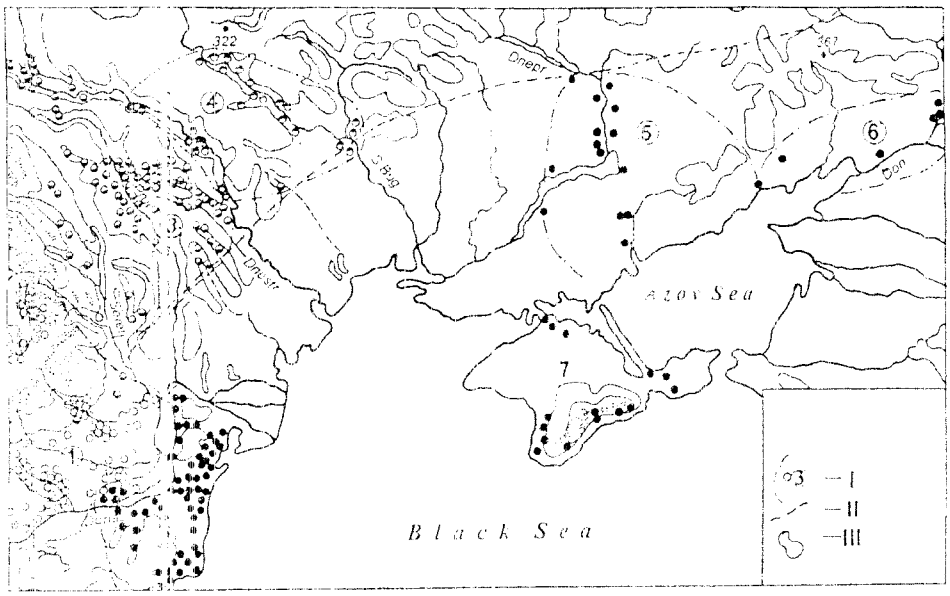
Карта 5. Основные памятники и ареалы культур раннего и среднего неолита Норд-Понтийской зоны. Культуры: 1 - Криш – Караново I-II (1а – типа Копривец); 2 – Буго-Днестровская; 3 – Сурская; 4 – Крымская; 5 – Ракушечноярская; 6 – Кременная (?). I – Памятники и культурные ареалы; II – современная граница степи и лесостепи; III – рельеф с абсолютной высотой более 200 м.

Сравнивая составленную Карту 5 с данными по позднему мезолиту – карта 3, выявилась весьма неожиданная ситуация. Практически ни одна из культур раннего неолита не дает памятников в прибрежной полосе ни Черного, ни Азовского морей. Причем это характерно как для раннеземледельческих культур Карпато-Подунавья, так и для степных культур Северного или Восточного Приазовья. Во всех случаях памятники этих культур отдалены на 20 и более километров от современной береговой линии моря.

Если следовать предложенной выше логике, единственно возможным объяснением этой ситуации является то, что в рассматриваемые периоды Черное море находилось в режиме трансгрессии.

Между тем, обращает на себя внимание предельно низкое расположение ряда ранних неолитических памятников. В восточном, степном регионе, это поселение Семеновка 1 (нижний слой) близ Мелитополя (карта 1, № 34). В западном регионе, на правом берегу Дуная, в бассейне р. Лом (карта 5, левый, нижний угол) это уже отмеченные неолитические памятники с монохромной керамикой, выделенные В. Поповым в культурную группу Копривец. Их отличительная черта – низкое расположение в затопляемых Дунаем равнинах. Но, как отмечает автор, такое расположение свойственно лишь для памятников, соответствующих нижним горизонтам поселения Копривец. Все же остальные, более поздние памятники времени Караново I-II резко смещаются к югу, и, как правило, расположены на высоких местах с абсолютными высотами более 150-250 м (Попов 1996, 30, 33). Определений на ^{14}C для поселения Копривец нет. Но по другим памятникам ныне хорошо известно, что горизонт с монохромной керамикой завершается приблизительно на уровне около 6000 лет до нашей эры (рис. 1), а памятники с расписной керамикой типа Караново I начинаются сразу же вслед за ними – около 6000-5950 до н.э. (Боянджиев 2000, 57). На этот же интервал времени указывают и три из пяти дат, известных для нижнего слоя поселения Семеновка 1 (см. выше). Опираясь на эти даты вполне определенно можно утверждать, что наступившая на этапе перехода от раннего к среднему неолиту (по нашей периодизации) трансгрессия Черного моря имела место приблизительно около 6000 лет до н.э. А ее неблагоприятные последствия охватывают чуть ли не весь период среднего неолита (время развития культуры Караново I-II), характеризующегося полным отсутствием памятников в узкой прибрежной полосу Северо-Западного, Северного Причерноморья и Приазовья.

Культурная ситуация в Причерноморских районах резко меняется с переходом к позднему неолиту. И это, опять таки, вполне очевидно из локализации памятников, представленных на карте 6.



Карта 6. Основные памятники и ареалы культур позднего неолита Норд-Понтийской зоны. Культуры: 1 – Boian; 2 – Hamangia; 3 – Линейно-ленточной керамики; 4 – Буго-Днестровская (поздняя); 5 – Азово-Днепровская (Мариуполь); 6 – Нижнедонская; 7 – Крымская. I – Памятники и культурные ареалы; II – современная граница степи и лесостепи; III – рельеф с абсолютной высотой более 200 м

Как следует из карты, по-прежнему интенсивно заселена лесостепная зона Восточного Прикарпатья, где рассматриваемый период связан с развитием культуры линейно-ленточной керамики (карта 6,3). К востоку от нее продолжает свое развитие Буго-Днестровская культура позднего периода (карта 6,4). Традиционно редки памятники в степной зоне. В низовьях Днестра, Южного Буга и отчасти Днепра они практически полностью отсутствуют[1]. Относительно редки памятники Азово-Днепровской (Мариупольский тип), Нижнедонской культур и степного неолита Крыма (карта 6,5-7).

Но, что примечательно, при редкости памятников некоторые из них явно опускаются ближе к берегам Азова. Это наблюдается и для степного северного (Долинское) или восточного (Фронтовое) Крыма. Восстанавливается жизнь на поселениях Семеновка I (слой 3), Каменная могила I (слои второго периода), Раздольное, Ракушечный Яр и др.

Однако, если перечисленные памятники еще оставляют какие-то сомнения, то общеизвестный археологам Мариупольский могильник говорит сам за себя. А находился он на склоне мыса (на высоте 15-20 м от уровня воды), образованного устьем р. Кальмиус и берегом Азовского моря, т.е. непосредственно на берегу моря. Большое же число погребенных (более 120 скелета) предполагает достаточно крупное долговременное поселение, расположенное, быстрее всего, где-то на нижних террасах, по выражению М. Макаренко, «полуострова» (Макаренко 1933, 24-25, рис. 1).

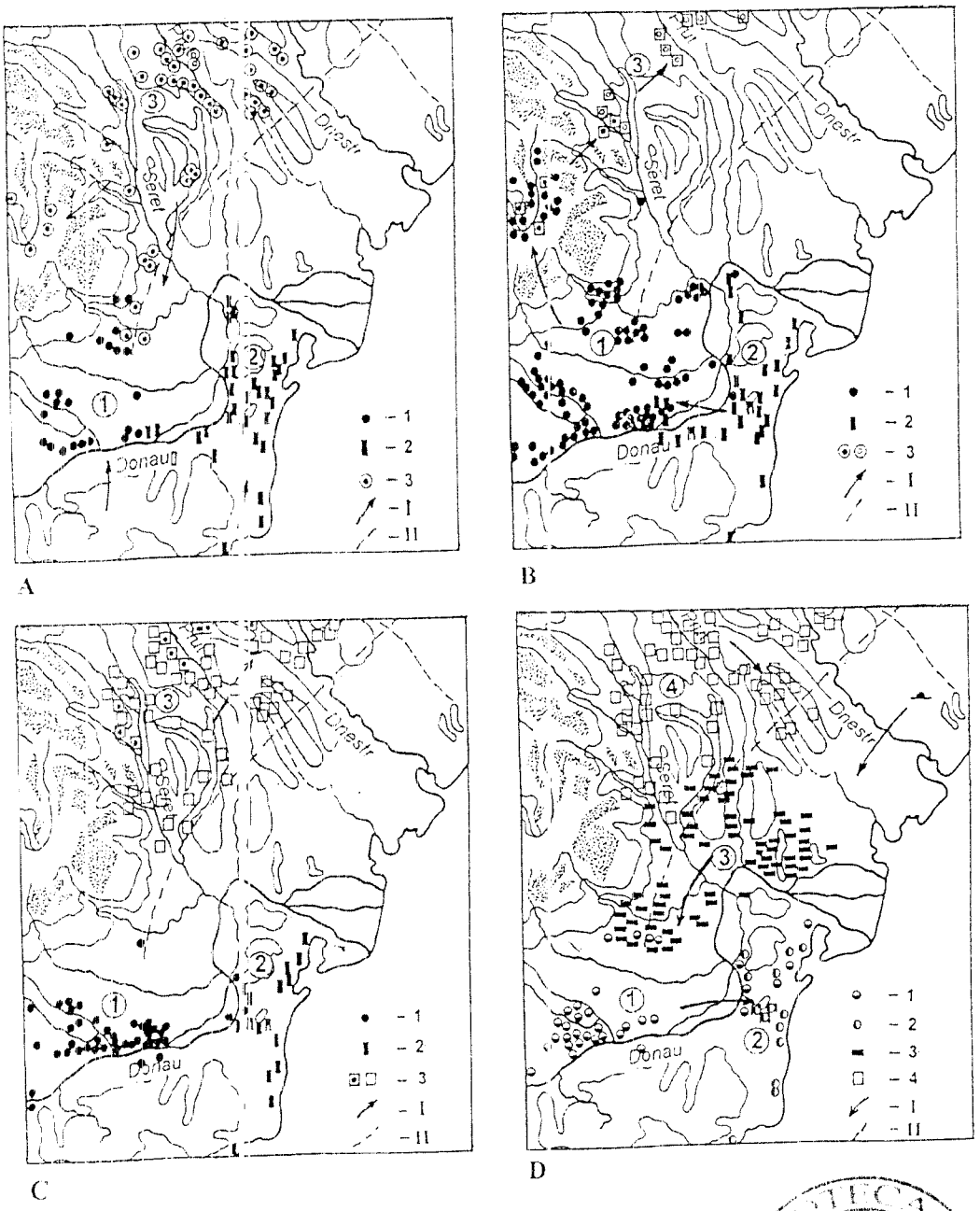
И все же, состояние моря в данном случае определяется через ситуацию в низовьях Дуная и Добруджи, характеризующихся предельно опущенным рельефом (Munteanu 1996). Если в предшествующем периоде среднего неолита эта зона выступала в археологическом отношении просто белым пятном (карта 5), то в период позднего неолита она буквально напичкана археологическими памятниками. На левобережье Дуная это памятники культуры Boian (Comşa 1974) (карта 6,1), а в Добрудже – памятники культуры Хаманджия (Haşotti 1984; 1997) (карта 6,2). Однако, все дело в том, что обе эти культуры имели длительное развитие, охваты-

---

[1] Следует обратить внимание, что для рассматриваемого времени, процесс наиболее интенсивного культурного развития юга Восточной Европы связан преимущественно с пограничными районами степи и лесостепи Северского Донца и Подонья и, в особенности, со Средним Поволжьем, где в период позднего неолита окончательно формируется специализированное скотоводческое (коневодческое) хозяйство, приведшее к возникновению номадизма, распространившегося в эпоху энеолита по всей степной зоне.

вающее и период позднего неолита, и, в значительной степени, период раннего энеолита (рис. 1). Поэтому, зрительно «спрессованные» в хронологическом отношение в одной и той же карте, эти памятники не могут отразить, интересующую нас ситуацию в поведении Черного моря, возможно изменяющуюся время от времени

На карте 7, на базе данных соответствующих специалистов (расшифрованы в текстах к картам), занесены все памятники, последовательно представляющие разновременные горизонты культур Боян и Хаманджия.



Карта 7. Поперисдное территориальное распределение памятников культур позднего неолита – раннего энеолита Низовьев Дуная: A – Памятники горизонта Boian I-(1), Hamangia I (2) и культуры линейно-ленточной керамики (3) (по Comşa 1974; Haşotti 1984;1997; Лапина 1999); B - Памятники горизонта Boian II (1), Hamangia II (2) и культуры Precucuteni I-II (3) (по Comşa 1974; Haşotti 1984;1997; Marinescu-Bîlcu 1974; Збенович 1989); C - Памятники горизонта Boian III (1), Hamangia III (2) и культуры Precucuteni II-N (3) (по Comşa 1974; Haşotti 1984;1997; Marinescu-Bîlcu 1974; Збенович 1989); D – Памятники переходного периода от позднего неолита к раннему энеолиту: 1 – Boian IV; 2 - Gumelniţa A1; 3 – Болградi-Alderi; 4 – Precucuteni III (3) (по Comşa 1974; Haşotti 1984;1997; Dragomir 1983; Субботин 1983; Збенович 1989). I – Направления территориального смещения; II – современная граница степи и лесостепи.

Первый горизонт представляет начальный этап культур - Боян I и Хаманжия I. Их памятники образуют компактные ареалы (карта 7/A,1-2). Они занимают преимущественно низкие речные или приозерные террасы, острова и отличаются хорошо выраженными культурными слоями длительного накопления. Все обстоятельства говорят о стабильности ситуации как с точки зрения возможной военной угрозы (полное отсутствие искусственно укрепленных поселений), так и в смысле возможных природных катаклизмов, исходящих со стороны черноморской литорали.

Ситуация резко меняется на втором этапе. Приумножившиеся памятники культуры Boian II, сохраняя отчасти прежнюю территорию, резко смещаются к Карпатским горам, включая и Юго-Восточную Трансильванию (карта 7/B,1). Существенные изменения наблюдаются в ареале культуры Хаманжия II (карта 7/B/2). Сокращается число памятников (28 против 37 предшествующего периода). Они отличаются бедностью культурных наслоений. Возрастает число обитаемых пещер. Одновременно увеличивается число памятников этой культуры на правом берегу Дуная. При, по-прежнему полном отсутствии искусственно укрепленных поселений, наблюдаемые в ареале культуры Хаманжия II кризисные явления и отчетливые тенденции территориального смещения памятников обеих этих культур с удалением от Черноморской литорали (Хаманжия II) и/или от приозерных, опущенных мест низовьев Дуная (Боян II), с определенной долей осторожности вполне могут быть объяснены угрозой со стороны активизировавшихся на этом этапе трансгрессирующих процессов Черного моря.

На третьем горизонте (Боян III, Хаманжия III) заметно сокращается число памятников, но восстанавливается их территориальная компактность (карта 7/C, 1-2). Памятники обеих культур занимают, в том числе, самые низкие приречные или приозерные террасы, острова и отличаются культурными слоями длительного накопления. И все это вместе можно расценивать как результат восстановления прежней, предшествующей второму этапу, ситуации.

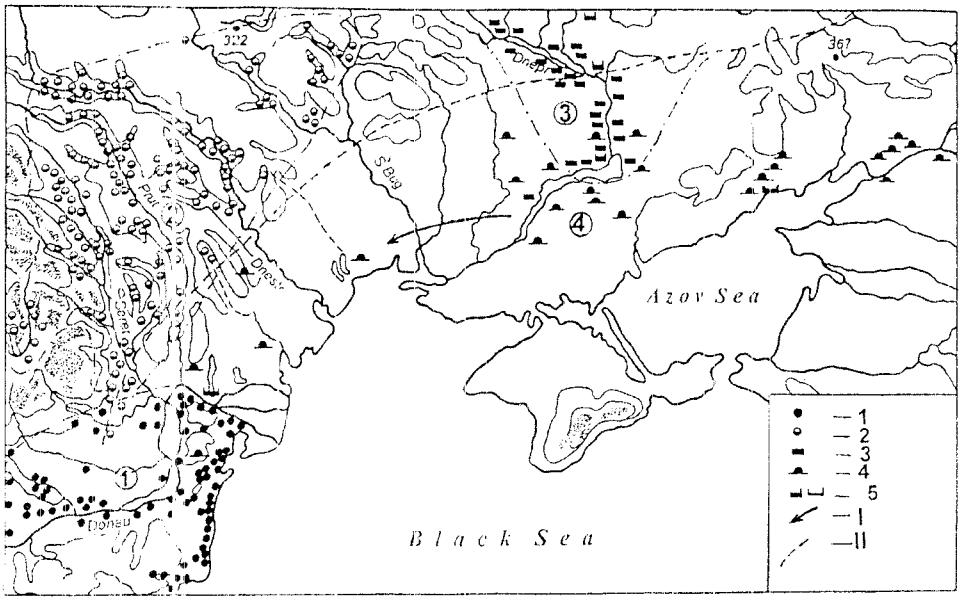
Последний из горизонтов соответствует периоду раннего энеолита (рис. 1) и включает памятники, характеризующие постепенное переоформление культур Боян IV, Хаманжия IV (или IIIc по P. Haşotti) и формирование культурной общности Болград - Алдень II – Гумельница - Караново VI - Варна. К сожалению, механизм процесса культурного переоформления региона и систематика памятников этого времени, продолжают оставаться проблематичными (см. сноска 5; Haşotti 1984; 1997, 72-76; Todorova 1995, 85-88; 1998, 41-44). Опираясь на новые исследования по синхронизации разнокультурных памятников рассматриваемого времени (Slavčev 2002), определенно можно утверждать, что одним из наиболее ранних звеньев в формировании отмеченной выше культурной общности, по видимому, были памятники группы Болград - Алдень II. Приняв это положение и скартировав известные для этого времени разнокультурные памятники, можно легко обнаружить, с одной стороны, отчетливый культурный кризис в ареалах культур Боян IV и Хаманжия IV (резкое сокращение числа памятников, их территориальная и культурная неопределенность, смешанность) (карта 7/D,1-2). С другой стороны – четко выраженный компактный ареал группы Болград - Алдень II, представленный множеством памятников с хорошо выраженными культурными слоями. Примечательно однако то, что ареал культурной группы Болград - Алдень II явно несколько дистанцирован от побережья Черного моря, занимая преимущественно низовья Сирета и Прута (карта 7/D,3). Причем, как отмечают исследователи, большинство этих памятников тяготеет к высотным местам. Это прослежено как для территории Румынии (Dragomir 1983, 17), так и, в особенности, для территории Молдовы и Украины, где, несмотря на интенсивные полевые исследования в прибрежных районах Черного моря, памятники этой группы так и не были обнаружены (Субботин 1983, 14). Трудно настаивать, но не исключено, что одним из факторов наблюдаемого временного территориального смещения эпицентра культурного процесса из Низовьев Дуная и Добруджи в более отдаленные от Черноморского побережья районы, также могли быть вызваны активизацией трансгрессионных явлений.

Итак, детальный анализ соотношения локализации разнокультурных памятников позднего неолита – раннего энеолита для наиболее опущенных участков Низовьев Дуная обнаруживает несколько двойственную ситуацию. С одной стороны, непрерывное развитие культур Боян и Хаманжия, разновременные памятники которых встречаются как на самых низких, приозерных участках или островах Дуная, так и на самом побережье Черного моря. Следуя предложенной нами логике анализа, это обстоятельство, должно быть, указывает на заметно более низкий уровень вод Черного моря на момент бытования названных культур. Но, вместе с тем, та же локализация памятников, взятая в территориально-временной изменчивости или динамике, демонстрирует, по крайней мере, дважды повторяющуюся кризисную ситуацию - ситуацию, сопровождающуюся резким смещением памятников (а, соответственно, и носителей этих памятников) на север, на удаление от Черноморского побережья. Одна из этих ситуаций приходится на этап памятников Боян II и Хаманжия II, вторая – на финальные этапы этих культур, на период формирования и развития культурной группы Болград - Алдень II. При множестве других возможных факторов, вызвавших эти ситуации, одним из них вполне могла быть активизация трансгрессионных процессов, масштабы которых, однако, не привели к полному отстранению населения из литоральной зоны. Придерживаясь известных датировок (рис. 1), время первой из кризисных ситуаций может быть датирована приблизительно в интервале 5100-5000 ВС, а второй – около 4700-4600 ВС.

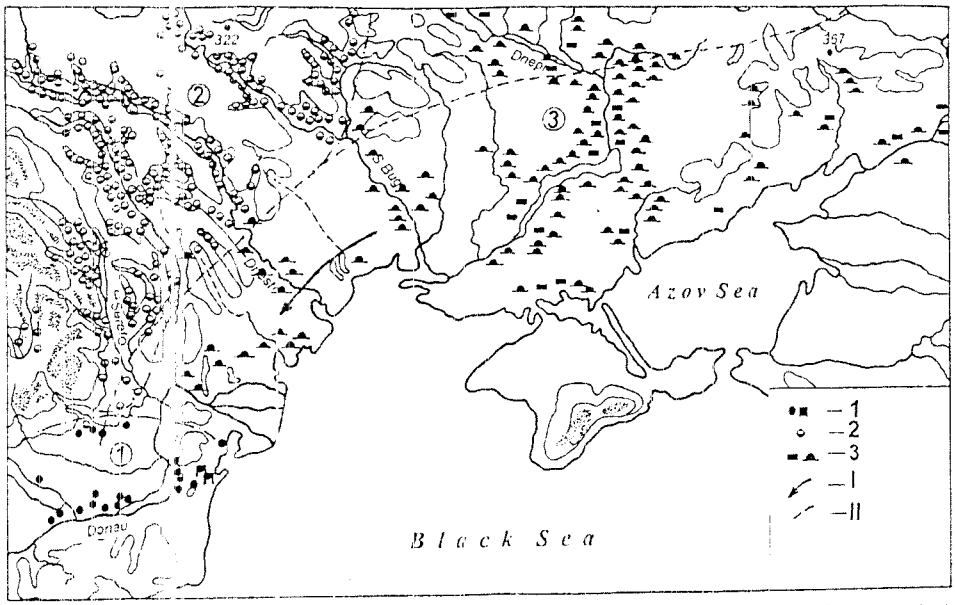
Последующая эволюция культурной ситуации в прибрежных районах Северо-Западного Причерноморья и Северного Приазовья отражена в следующих трех картах.

На карте 8 нанесены основные памятники культур среднего энеолита. Как следует из карты, культурное развитие юга Восточной Европы по-прежнему связано главным образом с лесостепной зоной, с развитием культуры Кукутень А - Триполье В1 и ранним горизонтом культуры Средний Стог II (карта 8,2-3). В степной же зоне это время появления грунтово-курганных комплексов Новоданиловского типа и их распространения на запад. Подавляющее большинство этих памятников занимает внутренние районы степи (карта 8,4), но отдельные из них встречаются и на побережье Азова (Мариуполь – поздние комплексы), и в пониженных, приустьевых районах Дуная (Суворово, Новосельское, Джурджулешть, др.). Однако, как и прежде, в этом случае показательнее всего ситуация в Северо-Западном Причерноморье, занятом многочисленными, долговременными, многослойными поселениями культуры Гумельница - Караново VI - Варна (карта 8,1). Причем, многие из этих памятников, как известно, занимают предельно низкие места у озер, на островах, по самой кромке нынешнего побережья, а в ряде случаев - и на ныне затопленных террасах (Lazarov 1993; Ivanov 1993). И все это, даже не считая последнего факта, следуя предложенной логике, должно означать, что на всем протяжении развития названной культуры, приблизительно с 4500/4400 до 4000 лет до н.э. (рис. 1) Черное море находилось в режиме регрессии, и уровень его вод на момент бытования этих памятников был заметно ниже.

Совершенно иная ситуация наблюдается для позднего периода энеолита (карта 9). При продолжавшемся интенсивном заселении лесостепной (памятники типа Кукутень АВ-В-Триполье В2-С1) и степной (памятники Дереивско-Квитянского типа, типа Нижней Михаиловки) зон (карта 9,2-3) резко сокращается число памятников в Низовьях Дуная. На всю эту, ранее плотно заселенную территорию, в общей сложности приходится не более 20-25 памятников культуры Чернавода I, из которых лишь пять-шесть поселений и две пещеры - на всю Добруджу. Показательна в данном случае рассеянность ареала (карта 9,1), а также то, что при относительно длительном развитии, поселения, как правило, занимают высотные места и практически полностью отсутствуют по берегам Черного моря (Haşotti 1997, 119). Одним из возможных объяснений подобного проявления памятников является трансгрессивное состояние Черного моря, вызвавшее отдаление населения от ее берегов. И это состояние, по-видимому, сохранялось на всем протяжении развития этой культуры, охватившее первую половину IV-го тыс. до н.э.

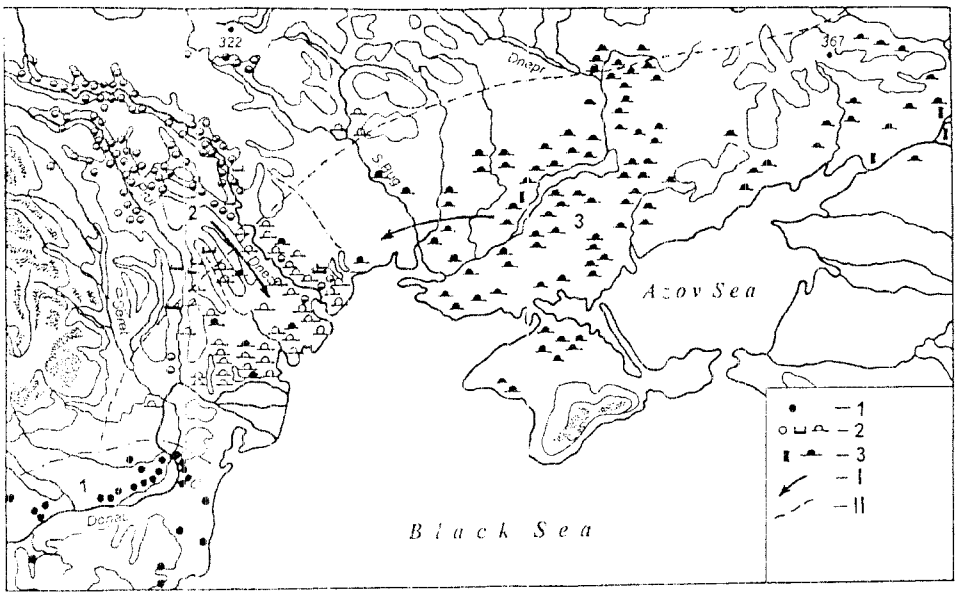


Карта 8. Основные памятники и ареалы культур среднего энеолита: 1 – Gumelniţa-Караново VI-Варна; 2 – Ariuşc-Cucuteni A – Триполье B1; 3 – Средний Стог (ран.); 4 – комплексы Новоданилоского типа; 5 – грунтовые могильники.
I – Направление территориального смещения; II - современная граница степи и лесостепи.



Карта 9. Основные памятники и ареалы культур позднего энеолита: 1 – Cernavoda I (все известные памятники); 2 – Cucuteni AB-B1 – Триполье B2-C1; 3 – Средний Стог (Дереивско-Квитянский горизонт). I – Направление территориального смещения; II - современная граница степи и лесостепи.

Несколько неопределенную картину демонстрируют памятники последнего из рассматриваемых нами культурных горизонтов – периода ранней бронзы. В этот период интенсивно заселяется Причерноморская зона Пруто-Днестровского междуречья (памятники типа Усатово-Фолтешть). Но, как следует из карты (карта 10,2), относительно редкие поселенческие комплексы этой культурной группы обычно несколько дистанцированы от берегов Черного Моря (Усатово, Маяки, Фолтешть, Стоикань). В Низовьях Дуная, в сравнении с предшествующим периодом, заметно возросло число памятников культуры Чернавода III, но их общее число не велико, ареал рассеян, хотя при этом они встречаются как на низких местах Дуная, так и непосредственно на побережье моря (см: Cernavodă III-Boleráz 2001, 13, 166, 213 и др.). Следуя предложенной логике анализа, отмеченное проявление памятников этого периода демонстрирует несколько нестабильную с точки зрения трансгрессивно-регрессивных процессов ситуацию в прибрежной полосе Черного моря.



Карта 10. Основные памятники и ареалы культур периода ранней бронзы: 1 – Cernavoda III (все известные памятники); 2 – Триполье С II (поселения, грунтовые и курганные комплексы разнотипных памятников); 3 – Ямная культура – ранний горизонт (поселения, курганы). I – Направление территориального смещения; II - современная граница степи и лесостепи.

Подведем некоторые итоги. Как следует из вышеизложенного, картирование разновременных, разнокультурных памятников от мезолита до ранней бронзы Северного Причерноморья и Приазовья отчетливо демонстрируют неоднократно изменявшуюся или точнее - чередовавшуюся культурную ситуацию в прибрежных зонах этих морей. Эта ситуация в одних случаях выражается в полном, почти полном отсутствии или в чрезвычайной редкости археологических памятников в прибрежных – приморских районах. В других случаях – наоборот, прибрежные районы буквально усеяны археологическими памятниками, характеризующимися к тому же культурными слоями длительного накопления. Последняя из ситуаций особенно отчетлива для Низовьев Дуная, для зоны раннеземледельческих культур. Менее очевидна она для степной зоны Причерноморья и Приазовья, что определенно объясняется спецификой хозяйственного уклада развивающихся здесь культур. Но главное то, что имеющиеся для этого ареала незначительные, фрагментарные данные нисколько не противоречат отчетливым закономерностям, наблюдаемым в чередовании отмеченных ситуаций для ареала земледельческих культур.

Если, как договорились, разнокачественные территориальные проявления археологических памятников в прилиторальных зонах предположительно отнести на счет колебаний уровня вод Черного моря, то из выявленных вышеописанных конкретных ситуаций вполне можно выстроить следующую, так же предположительную, последовательность в эволюции трансгрессивно-регрессивных явлений этого моря:

1. Поздний мезолит, ранний неолит - состояние регрессии. Прибрежная зона Черного и Азовского морей характеризуется множеством разнокультурных памятников позднего мезолита; реже – памятниками раннего (бескерамического) неолита, а в Низовьях Дуная – памятниками с монохромной керамикой. Хронологический диапазон - 6500/6300-6000 ВС.

2. Средний неолит – состояние трансгрессии. Полное отсутствие памятников в прибрежной зоне Азовского моря, Северного и Западного Причерноморья. Ее начало определяется концом развития памятников типа Копривец – началом бытования памятников типа Караново I, когда последние резко удаляются от затапливающихся низин Дуная (около 6000 ВС). Это состояние сохраняется до конца развития культуры Караново I-II (около 5500/5400 ВС).

3. Поздний неолит, ранний энеолит – двукратное чередование регрессивно– трансгрессивных состояний. Первый этап – состояние регрессии (время появления и бытования в низовьях Дуная памятников типа Боян I, Хаманжия I); второй этап – состояние трансгрессии, с пиком

около 5100-5000 ВС (время кризиса и территориального смещения памятников типа Боян II, Хаманжия II); третий этап – временная стабилизация состояния (бытование памятников типа Боян III, Хаманжия III); четвертый этап – активизация трансгрессивных процессов с пиком около 4700-4600 ВС (этап переоформления культур Боян IV, Хаманжия IIIc/IV и бытования культурной группы Болград - Алдень II, удаленной от литорали).

4. Средний энеолит – стабильное регрессивное состояние моря. Интенсивное, длительное бытование памятников культуры Гумельница – Караново VI – Варна по всему побережью Добруджи и в Низовьях Дуная. Хронологический диапазон – около 4500 до 4000 ВС.

5. Поздний энеолит – длительное трансгрессивное состояние. Общий культурный «хиатус» с редкими для литоральной зоны памятниками типа Чернавода I. Приблизительное время 4000/3900 – 3500/3400 ВС.

6. Ранний период эпохи бронзы – неопределенная ситуация, сочетающая, по-видимому, отдельные регрессивные и трансгрессивные явления. Относительно массовое распространение памятников типа Усатово в Пруто-Днестровском междуречье, а также памятников культуры Чернавода III в низовьях Дуная, по Северо-Западному берегу Черного моря. Время этого состояния – 3500/3400 до 2800/2700 до н.э.

Таковы основные этапы и возможные временные вехи динамики трансгрессивно-регрессивных явлений, вытекающие из анализа территориального проявления разновременных археологических памятников в прилиторальных зонах Северо-Западного и Северного Причерноморья и Приазовья.

Осмысливая полученные результаты, нельзя не обратить внимания на одно - принципиальное, на мой взгляд, обстоятельство. Практически все наметившиеся изменения в колебаниях уровня Черного моря падают на этапы эпохальных культурных изменений: на переход от мезолита и раннего неолита к среднему неолиту, от последнего – к позднему неолиту, от неолита – к раннему энеолиту, от последнего – к среднему, а затем – к позднему энеолиту и, наконец, от энеолита – к раннему периоду бронзы. Не составляет в этом отношении исключения и случай с кризисной ситуацией, наблюдаемой на этапе перехода от горизонта Боян II к горизонту Боян III, если учитывать, что территориальное смещение носителей первого из горизонтов (Боян-Жулешть) на север, в Карпатскую зону, имело как следствие формирование культуры Прекукутень II.

Отмеченное обстоятельство важно тем, что, косвенно оно указывает на вполне вероятностный характер обозначенных нами трансгрессивно-регрессивными явлений. А если последние подтвердилось бы, мы неминуемо должны были бы признать факт прямой взаимозависимости между эпохальными явлениями, связанными с изменениями уровня моря и эпохальными (попериодными) культурными процессами.

К сожалению, прямых археологических данных, подтверждающих намеченную нами динамику развития уровня Черного моря не так уж много. Они касаются его западного побережья и связаны с исследованиями, выполненными в зоне Варненского озера, близ Созополь, Урдовиза и других местах. Известно, что в результате многолетних наблюдений, а в последнее время и благодаря подводным исследованиям, во всех этих случаях – и по побережью, и на прибрежных подводных террасах - было зафиксировано множество археологических памятников. Но, что показательно, следуя публикациям, все эти памятники связаны лишь с двумя из интересующих нас культурными периодами. В одном случае, это памятники среднего (по принятой нами периодизации) энеолита - культура Варна, а в другом – разнотипные памятники периода ранней бронзы (Езерово, Езеро В, Михалич). А при этом практически полностью отсутствуют памятники неолита – раннего энеолита или же памятники позднего энеолита по нашей схеме (Ivanov 1993; Lazarov 1993; Angelova, Draganov 2003 и др.). Первое из отмеченных обстоятельств, т.е. локализация памятников среднего энеолита и периода ранней бронзы (порой зафиксированные на глубине 7-9 м ниже современного уровня вод), прямым образом подтверждает наш вывод применительно к Северо-Западному Причерноморью, что на момент бытования культур этих периодов Черное море находилось в режиме регрессии, т.е., что уровень ее вод был ниже древней

береговой линии, охватывающей часть ныне затопленных террас. В то же время, полное отсутствие памятников неолита - раннего энеолита или позднего - финального энеолита, косвенно может служить свидетельством того, что на протяжении этих периодов Черное море находилось в режиме трансгрессии, и его побережье было неблагоприятным для стабильного обитания.

Вот собственно и все основные археологические свидетельства, информативность которых, однако, не ограничивается сказанным. Но об этом позже.

Сравнительный анализ автономных схем

Нисколько не преувеличивая возможности предложенного метода картирования археологических памятников для решения столь необычной задачи, как определение возможных колебаний уровня Черного моря, автором была предпринята попытка сравнительного анализа собственных полученных результатов с результатами автономно выработанных палеогеографами схем и тенденций.

Не могу не отметить, что, обратившись к специальной литературе, первое, с чем я столкнулся, была работа А.В. Шнитникова, писавшего в свое время по поводу приозерных памятников мезолита-неолита Карелии: «Все, или почти все эпохи существования стоянок человека здесь оказались зависящими от трансгрессивных, т. е. прохладно-влажных, а возможно и многогодовых фаз многовековой климатической изменчивости» (Шнитников 1973, 16). И это мнение авторитетнейшего природоведа меня весьма обнадежило.

Между тем, при ознакомлении и сопоставлении ряда самостоятельных схем, у меня создалось впечатление (возможно, ошибочное), что в геологии-природоведении, как это зачастую встречается и в археологии, имеются общепринятые схемы-тенденции, но на уровне конкретного каждый автор придерживается лишь своих собственных разработок. Можно сопоставлять отдельные звенья или сегменты, но не схемы, вбирающие всю конкретику, хотя на обобщенном уровне они достаточно близки друг другу.

На таблице (рис. 3) нами сведены воедино данные об эволюции климата в голоцене на территории юго-запада Восточноевропейской платформы, выработанные относительно недавно коллективом разнопрофильных специалистов в процессе исследования, главным образом, Пруто-Днестровья (Адаменко и др. 1997, 193, рис. 84, фрагмент). По этой же работе приводятся фазы ритмов А.В. Шнитникова[1]. Далее следуют два графика, демонстрирующие динамику изменения среднегодовых температур, определенные по данным двух торфяников (Никольско-Лютинский, Ширинский Мок) Северо-Запада России (Aslanov и др. 1999)[2]. Им следует график колебаний уровня Каспийского моря (Иванов, Васильев 1995, 14, рис. 2), который, по сравнению с Черным морем, разумеется, должен иметь противоположные значения (закрытое море); схема изменений уровней Черного моря по П.В. Федорову (1978, 156, рис. 31). Далее следует геолого-археолого-историческая схема К.К. Шилика (1999, 33, рис. 12) и схема, вытекающая из выполненного нами анализа культурной ситуации.

Сравнивая между собой приведенные схемы, легко обнаружить, что, как уже отмечалось, на уровне общих тенденции они вполне созвучны между собой как с точки зрения изменяющихся уровней Каспийского и Черного морей, так и в сравнении с колебаниями основных палеоклиматических показателей. Но в деталях они различны как по численности выделенных трансгрессивно-регрессивных колебаний, так и по определению их места в хронологической шкале. Схема П.В. Федорова носит более обобщенный характер. Схемы И.В. Иванова и К.К. Шилика более детализированы и вместе ближе к ритмике схемы А.В. Шнитникова, хотя при этом их значения не всегда совпадают.

---

[1] В указанной работе, временные параметры приводимых фаз несколько смещены во времени по сравнению с оригиналом (Шнитников 1973, 9, рис. 1). Но я их сохранил, в надежде, что они отражают уточненные мнения специалистов.

[2] Заимствовано из работы H. Todorova (2002, 22, Abb.11).

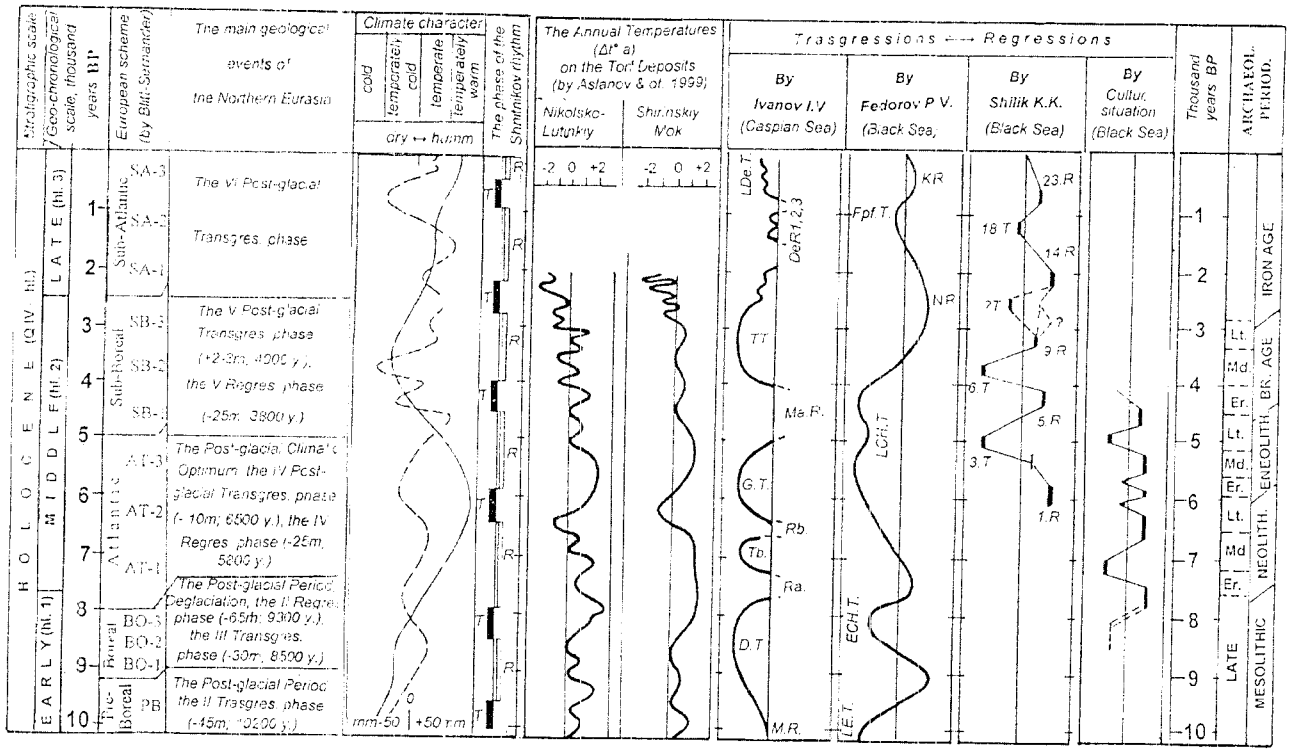


Рис. 3. Схема эволюции климата в голоцене на территории юго-запада Восточно-Европейской платформы с фазами ритма Шнитникова (по Адаменко and others 1997, фрагмент); колебаний годовых температур по данным торфяников (по Todorova 2002); изменений уровня Каспийского (Иванов, Васильев 1995) и Черного (Федрову 1978; Шилик 1999) морей и данным анализа проявления археологических памятников Норд-Понтийской зоны.

Что же касается нашей собственной схемы, то, сравнивая ее со схемой К.К. Шилика, первое, что бросается в глаза, это противоречие в состоянии Черного моря на уровне около 6000 лет до наших дней: по этому автору – регрессия (рис. 3,1.R), по нашим данным – два возможных трансгрессивных сдвига (рис. 3). Но у К.К. Шилика это состояние моря определено через единственную радиокарбонную дату, имеющую, к тому же, весьма большой диапазон вероятности - 5825±215 BP (Шилик 1999, 11, точка 1). А при таком диапазоне смещение точки вниз или вверх на 100 лет в корне меняет ситуацию, и наши данные могут стать вполне совместимыми. Полностью же совпадают наши данные касательно трансгрессии, имевшей место около пяти тысяч лет назад, которая у К.К. Шилика основана на исторических свидетельствах Геродота (там же, 12, точка 3). Главное же, в чем совпадают наши схемы (если намеченные нами для уровня 6000 BP незначительные трансгрессии рассматривать как две разные фазы одного и того же явления), это ритмика сменяющихся состояний с интервалом приблизительно в 1250 лет, на котором настаивает тот же автор (там же, 27). А при таком интервале в нашей схеме (рис. 3, пунктирная линия) легко "восстанавливается" еще одна трансгрессия, возможно, имевшая место где-то в конце IX тыс. до наших дней и обозначенная и в схеме А.В. Шнитникова, и в схеме П.В. Федорова (древнечерноморская трансгрессия, на рис. 3 – ECH.T). Так что, при всей кажущейся гипотетичности предложенная нами схема как будто бы вполне вписывается в другие разработки по этой проблеме.

Но сказанного мало. Уже на стадии последней редакции статьи я счел возможным сравнить наметившуюся в результате анализа археологических памятников схему возможной эволюции уровня Черного моря с динамикой изменении уровня Мирового океана. Логика здесь проста. Если, как это утверждает большинство специалистов, прорыв Босфора, т.е. соединение Черного моря с морями Средиземноморья, произошло где-то на уровне раннего голоцена, то наша схема касательно Черного моря неминуемо должна хотя бы в общих чертах соотнестись с колебаниями Мирового океана.

Для сравнения была использована схема R.W. Fairbridge (1961, 156, fig. 14), которая, к тому же (с соответствующими поправками на абсолютную хронологию), постоянно привлекается в последних работах Х. Тодоровой (Todorova 1998a, 66, Abb. 1; 2002, 20, Abb. 9).

Эти сравнения приведены на рисунке 4. Результаты таковы, что я попросту могу быть заподозрен в «подтягивании фактов». Но еще раз подчеркиваю, анализ археологических данных на много предшествовал во времени моменту, когда я обратил внимание на схему Р.В. Файрбридже.

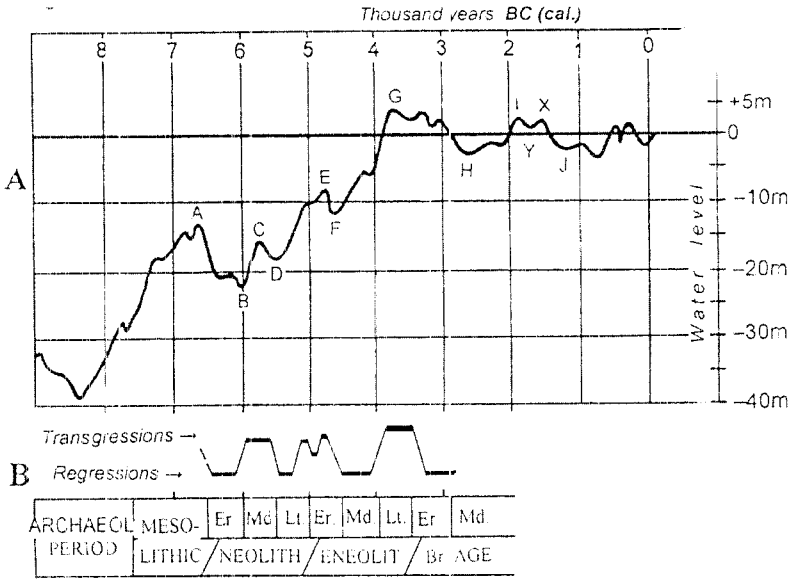


Рис. 4. Соотношение колебаний мирового океана (по R.W. Fairbridge 1961; Todorova 2002) и трансгрессивно-регрессивных процессов Черного моря, по данным территориального проявления археологических памятников.

Как следует из приведенного рисунка (рис. 4), обе схемы, применительно к рассматриваемому времени, полностью совпадают и по основным пикам трансгрессивно-регрессивных состояний, и по их временным границам. Обращает на себя внимание полное совпадение двухфазовой трансгрессии на уровне около 5000 ВС, отчетливо обозначенной и в схеме Р.В. Фрайбридже (рис. 4/A,E), и в нашей схеме. Наконец, нельзя не обратить внимания на практически полное соответствие в последовательно изменяющихся состояниях уровней то ли мирового океана, то ли намеченных для Черного моря трансгрессивно-регрессивных явлений со сменностью культурных периодов по принятой нами археологической периодизации: ранний неолит – регрессия, средний неолит – трансгрессия, средний энеолит – регрессия, поздний энеолит – трансгрессия. На первый взгляд, определенные отклонения от этого правила наблюдаются как бы для позднего неолита и раннего энеолита, но именно на эти периоды приходится двухфазовая трансгрессия, отчетливо прослеживаемая и по культурной ситуации, о чем сказано выше, и по колебаниям мирового океана (рис. 4/A,B). А все это вместе определенно указывает на возможную прямую зависимость культурных процессов от состояния окружающих акваторий, о чем уже говорилось и раннее.

Между тем, выявленные совпадения или синхронизмы в ритмах колебаний мирового океана и определенных по территориальному проявлению археологических памятников колебаний Черного моря, с одной стороны, как будто бы полностью подтверждают мнение специалистов, считающих, что прорыв Босфора произошел еще до рассматриваемого нами времени, т.е. до начала неолитизации Балкан. Но, с другой стороны, это же обстоятельство предполагает, что намеченные нами для Черноморского побережья тенденции и/или закономерности в эволюции культурных ситуаций (и соответственно, колебаний уровня этого моря), непременно должны найти более или менее четкие соответствия и в локализации культур и археологических памятников западного и/или южного побережий Балканского полуострова, поскольку уровни Адриатики, Ионического или Эгейского морей в равной степени определялись уровнем Мирового океана. Конечно, в этом случае крайне сложно учитывать волнообразный характер изменений уровня океана, обуславливающий региональные особенности в разных частях акватории и в особенности - уровня

вод полузакрытых морей. Но речь все же идет об общих возможных тенденциях, а не о детализированной конкретике.

Балканы: культурные процессы и миграции в контексте трансгрессивно-регрессивных явлений

Полевые исследования памятников нео-энеолита, осуществленные на протяжении 80-начала 90-х годов XX в. по всему Балкано-Подунавью и, в особенности, в северо-западной Турции, в прилегающих с севера и с юга к Мраморному морю районах, существенным образом изменили прежние представления об основных этапах и характере процесса нео-энеолитизации Балкан и той особой роли, которую сыграло в этом процессе мигрирующее из Анатолии на Европейский континент население.

Среди множества работ, посвященных осмыслению всех этих новых открытий, я бы особенно выделил две публикации J-P. Demoule, которые на деле представляют разные варианты одной и той же концептуальной работы. Первый вариант этой работы был опубликован среди материалов Лионского Коллоквиума 1990 г. (Demoule 1994). Второй, более детализированный вариант, был изложен среди материалов Стамбульского Симпозиума 1991 года (Demoule 1993). Важным преимуществом последнего из вариантов работы являются сопровождающие его карты, иллюстрирующие постепенно изменяющуюся культурную ситуацию по всему Балканскому полуострову и прилегающим акваториям на всем протяжении интересующего нас периода: от первых проявлений анатолийских влияний на юге Балкан до полного завершения процесса энеолитизации.

В самом сжатом изложении концепцию J-P. Demoule касательно логики процесса нео-энеолитизации Балкан можно свести к единой формуле, а именно: многократная, повторяющаяся цикличность культурной ситуации, при которой каждый цикл вбирает в себя три основные фазы или момента:

A – появление на юге Балкан новых культурных явлений, за которыми, как правило, видятся или подразумеваются определенные группы мигрировавшего из Анатолии населения;

B – распространение или расселение носителей этого нового культурного феномена по разным областям Балкано-Подунавья и временная "регионализация" или стабилизация культурной ситуации;

C – очередная новая волна анатолийских влияний, знаменующая собой очередную миграцию; их распространение вглубь материка, сопровождающееся кризисными явлениями, дезинтеграцией прежней культурной ситуации, территориальными перемещениями, частичным "выталкиванием" местного населения на северную периферию неолитической ойкумены и возникновением новых - вторичных, периферийных культурных образований, знаменующих собой нео-энеолитизацию ранее неохваченных областей; после чего ситуация снова повторяется по тому же сценарию.

Таков, согласно этому автору, внутренняя логика или суть отраженного в археологических материалах культурно-исторического процесса нео-энеолитизации Балкан (Demoule 1994; 1993). И надо сказать, что с такой логикой нельзя не согласиться, и мы ее полностью принимаем.

Далее тот же автор дает, хоть и сжатую, но вполне обстоятельную характеристику эволюции культурной ситуации на Балканах по каждому из хронологических периодов: от мезолита и первых проявлений так называемого докерамического неолита до завершения процесса энеолитизации. Во втором варианте работы, как уже отмечалось, поперiодные характеристики культурных ситуаций сопровождены также картами. Эти карты, несмотря на принятую условность, полностью отражают локализацию основных культурных явлений по каждому из периодов, как применительно к центральной – континентальной, так и применительно к прилиторальным зонам Балканского полуострова или прилегающих к нему островам Эгейского, Ионического или Адриатического морей (Demoule 1993, 15-17, Carte 1-6).

Так вот, если обратится к составленным J-P. Demoule картам, которые мы приводим здесь полностью (карта 11/A-F) легко обнаруживается, что они отражают ту же динамику и в тех

же хронологических диапазонах, что и изменчивость культурной ситуации, прослеженной нами по материалам главным образом Северо-Западного Причерноморья. А это обстоятельство предполагает, если не полную, то, по крайней мере, в большей своей части синхронность трансгрессивно-регрессивных процессов Черного моря и морей, омывающих западное и южное побережье Балканского полуострова.

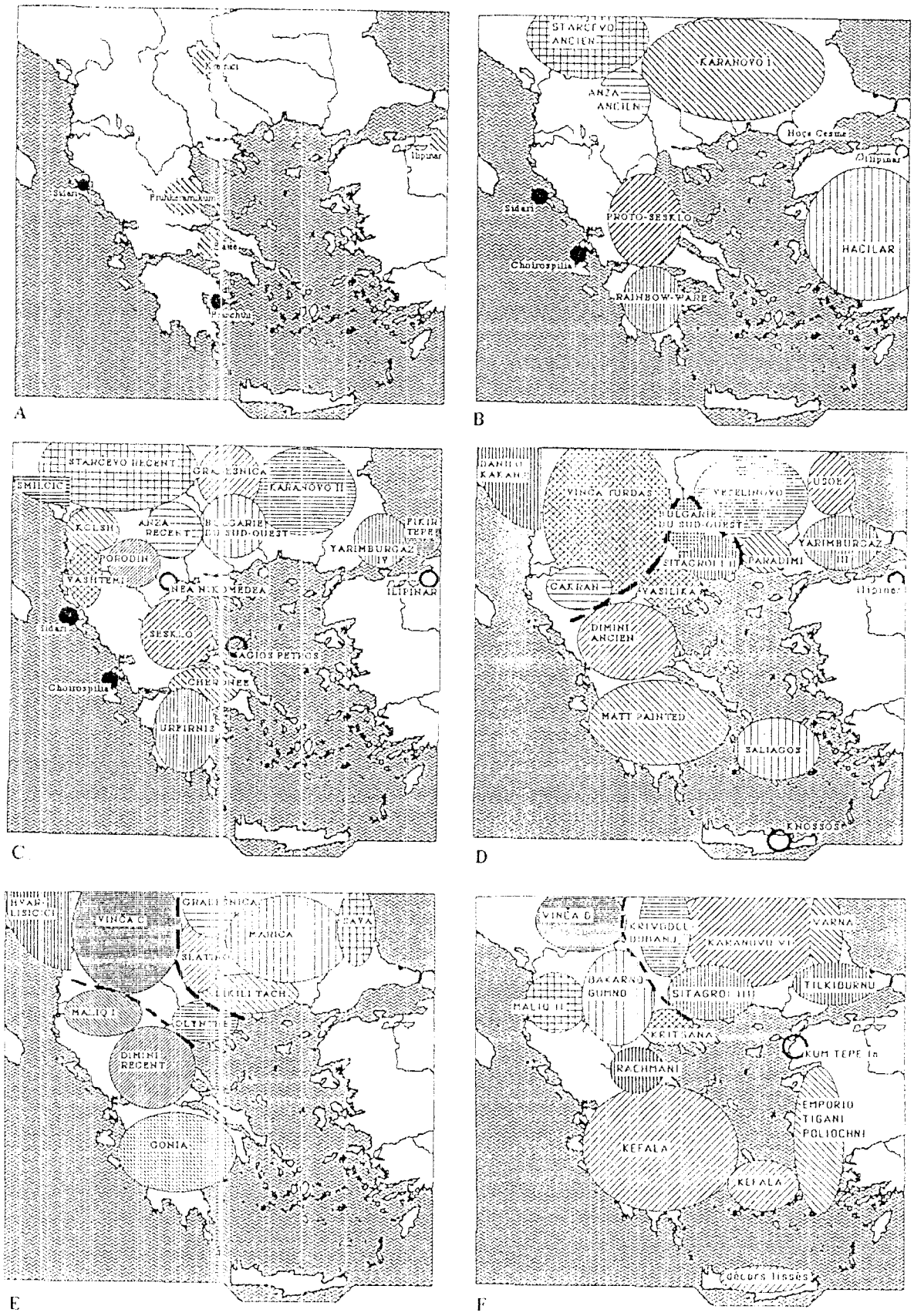
Обратимся к приведенным картам. карта 11/A отражает ситуацию на этапе позднего мезолита - раннего неолита. Это время бытования памятников с монохромной керамикой, время, которое, как было показано выше, по нашим данным приходится на период регрессии. Как следует из карты (карта 11/A), мезо-неолитических памятников мало и они лоскутиками разбросаны по разным регионам Балкан от Пелопоннеса и Беотии до Южной Фракии (Крайничи) и Нижнего Дуная (группа Koprivets – не внесена на карте). Заселены отдельные островные пещеры (Сидари). Добавим, что примерно на это же время приходится появление поселения Hoca Çeşme IV в устье р. Марицы (Özdoğan 2003) и поселения Ilipinar X в Северо-Западной Анатолии (Roodenberg и др. 1990).

Время среднего неолита (по нашей схеме) характеризуется состоянием морей в режиме трансгрессии. Как это отражено в картах J-P. Demoule?. На этапе Караново I (карта 11/B) все культурные общности приходятся на Пелопоннес, Фессалию и, подчеркиваю - на центральную, континентальную часть Балканского полуострова (и севернее до Центральной Трансильвании) при полном их отсутствии в прилиторальных зонах. Следуя J-P. Demoule (1993, 4), почти на 300 лет прекращается жизни в пещере Сидари. Эта ситуация постепенно меняется к концу периода (карта 11/C), когда в различных вариантах памятники классического и позднего Старчево - Караново II - Криш широко распространяются до Адриатики, предпочитая, однако, преимущественно высотные места и пещеры и лишь изредка опускаясь на низкие прибрежные районы (Korkuti 1995; Markovič 1985). Одновременно носители этих памятников распространяются до Восточного Прикарпатья и Молдавии. Возрастает число островных памятников (Агия Петрос, Сидари и др.), а также число памятников по берегам Мраморного моря (Özdoğan и др. 1991; Karul и др. 2003). Но что показательно, все они включают отдельные разрывы в культурных наслоениях, расположены на высоких каменных останцах (Hoca Çeşme III-II), в пещерах (Yarimburgaz 5-4) или на определенном удалении от литорали (Aşaği Pinar 7-6).

Следующий хронологический срез – карта 11/D. Уровень морей на период позднего неолита, по нашим данным, находится в режиме регрессии. Балканы охвачены очередными культурными преобразованиями: появление культур Винчанского блока, Димини, Караново III-IV, занимающие внутренние континентальные зоны полуострова. Но при этом широко осваиваются острова Эгейского моря (Салиагос и др.). Заселяются почти не обжитые ранее пониженные районы Восточной Македонии и Эгейского побережья (Ситагри I-II, Дикили Таш I, Парадимини). Возобновляются культурные слои на многих из памятников побережий Мраморного моря (Hoca Çeşme I, Aşaği Pinar 5, Yarimburgaz 3,2,0, Toptepe, др.). Осваиваются ранее пустовавшие районы западного побережья Черного моря и Низовьев Дуная (Усое, Дудешть, Боян I, Хаманжия I).

А вслед за этим, по нашей схеме – двухфазная трансгрессия времени конца неолита – раннего энеолита. Что наблюдается на карте J-P. Demoule? Очередное культурное обновление Балкан, хотя некоторые из культур, испытав определенные изменения, продолжают свое развитие (Димини, Боян III, Хаманжия III). Но что показательно? Ареалы всех основных прежних или новых культур этого времени как бы удаляются от прилиторальных зон. Прерываются культурные слои на большинстве памятников побережий Мраморного моря. Полностью исчезают островные памятники (карта 11/E).

А затем, по нашим данным – регрессивное состояние, соответствующее периоду среднего энеолита по принятой схеме. И это состояние полностью подверждается данными J-P. Demoule, включенными в Карту 11/F. При очередном, почти полном культурном обновлении Балкан, снова востанавливается интенсивная жизнь на западном побережье Черного моря (культура Гумельница - Караново VI - Варна), в зоне Мраморного моря (Тилкибурну), на Кикландских островах (Куфала), на островах и в прибрежных районах Западной Анатолии (Кумтепе IA-IB1-3, Полиохни I).



Карта 11. Территориальное соотношение основных культур и памятников мезолита – энеолита Балканского полуострова и окружающих акваторий по J-P. Demoule (1993 15-17, Carte 1-6). A - Культуры конца мезолита-протонеолита (по нашей периодизации – ранний неолит) с монохромной керамикой; B-C – культуры раннего (по нашей схеме - среднего) неолита; D – культуры среднего (позднего В.Д.) неолита; E – культуры "прото" или раннего энеолита; F- культуры среднего энеолита.

Карты J-P. Demoule заканчиваются иллюстрацией культурной ситуации на уровне среднего энеолита по нашей схеме. А что было дальше, хорошо известно всем специалистам - большой культурный «хиатус», большой культурный разрыв, охвативший практически все прилиторальные зоны Балканского полуострова и в меньшей степени континентальную зону. 10-15 лет назад этот культурный разрыв объяснялся за счет инвазии степных скотоводов (первая волна индоевропейских народов – по концепции М. Гимбутас). В последнее десятилетие отмеченное обстоятельство трактуется, главным образом, как следствие резких климатических изменений, вызванных мощной трансгрессией (с поднятием уровня вод на 2-3 м выше современного) первой половины 4-го тыс. ВС. Затем, в период ранней бронзы как будто бы снова регрессивное состояние и снова же -- относительно интенсивное заселение прилиторальных зон и Балкан, и островов, и Западной Анатолии. Эти обстоятельства неоднократно обсуждались во многих из последних работ H. Todorova (1998; 1998a; 2002) и других исследователей.

Итак, анализ данных, выявленных нами преимущественно для Северо-Западного Причерноморья, в сравнении с данными, отраженными в работах и в, частности, картах J-P. Demoule применительно к южным или западным прилиторальным зонам Балканского полуострова, обнаруживают сходную культурную ситуацию, чередование которой приходятся на те же временные интервалы, которые, в свою очередь, определенно совпадают с периодически изменяющимся уровнем окружающих этот полуостров акваторий. Интенсивное заселение прилиторальных зон и островов совпадает с регрессивным состоянием акватории, а редкость археологических памятников или их полное отсутствие – с состоянием трансгрессии. Это же заключение напрашивается и из анализа хронологии «культурных разрывов» и их соотношения с уровнем колебаний мирового океана, самостоятельно выполненных H. Todorova (Pernicka и др. 1997, 44-45, Fig. 1-2; Todorova 1998, 28-32, Tab. 1-3). Наконец, не могу не отметить, что сходные выводы легко выводятся и из анализа хронологии культурных разрывов в колонках многочисленных многослойных памятников, приведенных в работе Г. Парцингера (Parzinger 1993, Beilagen 1-5).

С определенной долей условности все отмеченные выше обстоятельства представлены на таблице (рис. 5). В ней графически скоррелированны все основные интересующие нас параметры. По левому краю таблицы дана абсолютная хронология в системе калиброванных радиоуглеродных дат и колебания мирового океана по схеме R.W. Fairbridge. В центральной части - графически отражены все основные культурные явления Балканского полуострова от мезолита до раннего бронзового века в их строго хронологической последовательности. Балканы взяты в трех условных территориальных проявлениях -- центральные, континентальные и двух литоральных: западную, соответствующую Эгейскому или Адриатическому побережьям (с островами), и восточную – Причерноморскую. Далее показаны основные миграции (или сильные культурные импульсы, подразумевающие частичную миграцию населения), связанные с Анатолией или степями Восточной Европы. Следующий раздел включает некоторые из основных памятников Северо-Западной Анатолии и побережья Мраморного моря, выступающие в качестве связующих звеньев между культурами Анатолии и Балкан и, отчасти, документирующих основные этапы процесса миграции и культурных влияний. Затем следует схема возможных колебаний уровня Черного моря, напрашивающаяся из оценки локализации памятников Северо-Западного и Северного Причерноморья. Завершает таблицу несколько не традиционная, но изначально принятая нами (рис. 1) археологическая периодизация.

Обращаю внимание, что, определяя конфигурации пространственно-временного соотношения основных культурных явлении, я руководствовался, главным образом, данными из оговоренных выше работ J.-P. Demoule - тексту и картам, с неизбежными, незначительными собственными дополнениями и уточнениями. Но, графически скоррелированные с данными по основным предполагаемым миграциям, разным состояниям то ли уровня Черного моря, то ли колебаний Мирового океана, все эти данные на удивление выстроились в единую, строгую систему, наглядно демонстрирующую *прямую взаимозависимость или, можно сказать – причинно-следственную связь* между состоянием морских акваторий и культурно-историческими процессами во всех их возможных проявлениях: собственно культурном, миграционном и/или в пространственно-хронологическом выражении.

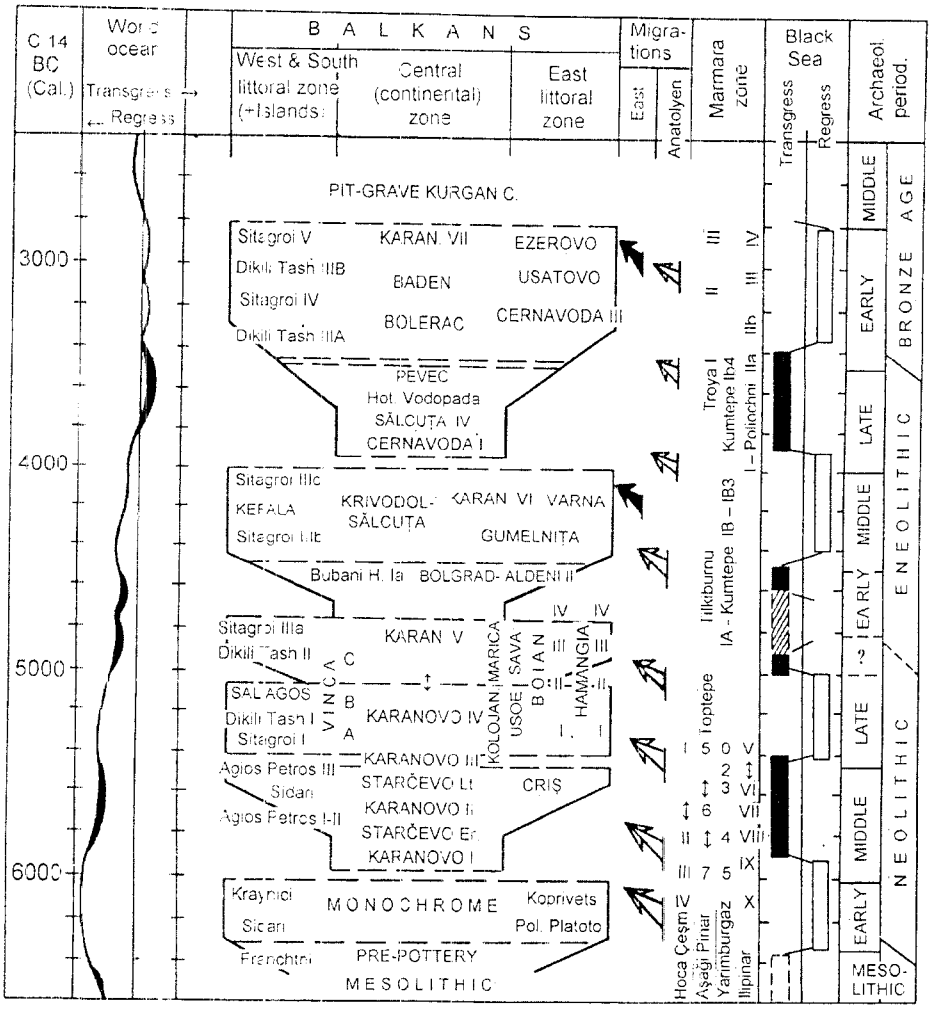


Рис. 5. Территориальное проявление культурных общностей неолита – ранней бронзы Балканского полуострова в контексте трансгрессивно-регрессивных процессов (на базе данных J-P. Demoule, с дополнениями).

Выводы (или комментарии к сводной таблице – рис. 5)

Анализ эволюции культурной ситуации в прилиторальных зонах Балканского полуострова дает основание говорить о прямой взаимозависимости между культурно-историческими процессами и периодически изменяющимися уровнями окружающих акваторий. Это обстоятельство обнаруживается в следующих основных положениях.

Каждый из основных культурных периодов то ли неолита, то ли энеолита или ранней бронзы Балканского полуострова отчетливо коррелирует с определенным состоянием окружающих акваторий: состоянием трансгрессии или регрессии. Возникают основания полагать что каждый переход от одного культурно-исторического периода к другому прямым образом обусловлен изменением состояния акватории.

Каждый из периодов связан с определенными культурными импульсами или более или менее значительными миграциями (прослеживаемых в стилистике керамики, своеобразных предметов культа, архитектурных традициях и пр.), которые, собственно, и предопределяли своеобразие большинства археологических общностей данного, конкретного периода. Показательно, что сам момент миграции на Балканы, как правило, приходится или на время непосредственно предшествующее той или иной трансгрессии, или же непосредственно вслед за ними. Эта тенденция отчетливо наблюдается в случаях основных анатолийских миграций и в меньшей степени (рис. 5) в случаях первых двух крупных миграций восточноевропейского - степного населения на Балканы: первой – энеолитической, отраженной в памятниках Новоданиловского типа, и второй – эпохи ранней бронзы, связанной с носителями ямной или курган-

ной культуры. Но поскольку истоки обеих этих общностей связаны со Средним и, отчасти, Нижним Поволжьем, не исключается, что их миграция могла быть спровоцирована трансгрессивными явлениями Каспийского моря, закрытая акватория которой предполагает иное – противоположное по отношению к открытым морям состояние.

Прямая взаимозависимость между состоянием окружающих акваторий и культурными явлениями Балканского полуострова отчетливее всего обнаруживаются в пространственном проявлении последних. Состояние акваторий в режиме регресса сопровождалось широким интенсивным заселением низовьев устьев рек, морских прилиторальных зон и островов. Активизация трансгрессивных процессов, поднятие уровней морей вело к отстранению населения от прибрежных зон, переносу поселений на высотные места, в пещеры и/или к миграции большей или меньшей части населения во внутренние районы континента.

Синхронность эволюции культурно-исторических ситуаций, наблюдаемых, с одной стороны, на восточном – Западно-причерноморском, а с другой – на западном – Адриатическом или южном - Эгейском побережьях Балканского полуострова, дают все основания полагать, что эти акватории к началу неолита (приблизительно с 6500-6300 до н.э.) находились уже в едином водном режиме, т.е., что к указанному времени Босфор уже был прорван.

Таковы основные напрашивающиеся выводы.

И в заключение еще об одном наблюдении. Практически все намеченные нами временные вехи возможных колебаний Черного моря, помимо отмеченных уже соответствий, находят почти что полные совпадения с резкими изменениями в концентрациях радиоуглерода на общеизвестной калибровочной кривой, выстроенной по радиоуглеродным измерениям дендрохронологических образцов (для примера, интервалы: 6000-5900; 5200-5100; 4700-4600; 4500-4400 ВС и др.). И это обстоятельство – косвенно - работает в пользу правильности намеченных нами по археологическим данным дат.

Автор сполна осознает ответственность за сформулированные выводы и наблюдения, но выявленные тенденции настолько отчетливы, что детальная проработка материалов, уверен, лишь только подтвердит намеченные закономерности. А это возможно лишь общими усилиями разнопрофильных специалистов.

Библиография

Адаменко и др. 1997: О.М. Адаменко, А.В. Гольберт, В.А. Осиюк, В.П. Покатилов, В.Е. Моток, Ж.Н. Матвиишина, Четвертичная палеогеография экосистемы Нижнего и Среднего Прута (Киев 1997).

Белановская 1995: Т.Д. Белановская, Из древнейшего прошлого Нижнего Подонья (Санкт-Петербургский университет 1995).

Всевнов 1993: Л.М. Всевнов, Отечественная литература по подводной археологии. В сб: Изучение памятников морской археологии (Санкт-Петербург 1993), 123-146.

Бурдо 2002: Н.Б. Бурдо, Особенности керамического комплекса Прекукутень-Триполье А и проблема генезиса Трипольской культуры. Stratum-Plus 2, 2001-2002, 141-163.

Бояджиев 2000: Я. Бояджиев, Развитие на раннонеолитните култури в Тракия в светлината на радиовъглеродните дати. Годишник на Департамент Археология IV-V, 2000, 55-62.

Гей 1983: А.Н. Гей, Самсоновское поселение. В сб: Древности Дона (Москва 1983), 7-34.

Долуханов 2003: П.М. Долуханов, Неолитизация Европы: хронология и модели. В сб: Неолит-энеолит юга и неолит севера Восточной Европы (Санкт-Петербург 2003), 193-206.

Збенович 1989: В.Г. Збенович, Ранний этап Трипольской культуры на территории Украины (Киев 1989).

Иванов, Васильев 1995: И.В. Иванов, И.Б. Васильев, Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене (Москва 1995).

Кияшко 1987: В.Я. Кияшко, Многослойное поселение Раздорское I на Нижнем Дону. КСИА АН СССР 192, 1987, 73-80.

Колосов 1985: Ю.Г. Колосов, Неолит Крыма. Археология Украинской ССР. Том 1 (Киев 1985), 155-156.

Котова 2002: Н.С. Котова, Неолитизация Украины (Луганск 2002).

Кременецкий 1991: К.В. Кременецкий, Палеоэкология древнейших земледельцев и скотоводов Русской равнины (Москва 1991).

Крижевская 1992: Л.Я. Крижевская, Начало неолита в степях Северного Причерноморья (Санкт-Петербург 1992).

Ларина 1999: О.В. Ларина, Культура линейно-ленточной керамики Пруто-Днестровского региона. Stratum-Plus 2, 1999, 10-140.

Левковская и др. 2003: Г.М. Левковская, В.И. Тимофеев, Ю.В. Степанов и др., О неолитическом земледелии на западе Евразийской степной зоны. В сб: Неолит-энеолит юга и неолит севера Восточной Европы (Санкт-Петербург 2003), 298-314.

Макаренко 1933: М. Макаренко, Маріупільський могильник (Київ 1933).

Мамонтов 2000: А.Е. Мамонтов, Ранний неолит. Елшанская культура. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век (Самара 2000), 147-176.

Маркевич 1974: В.И. Маркевич, Буго-Днестровская культура на территории Молдавии (Кишинев 1974).

Матева, Скакун 2003: Б. Матева, Н.Н. Скакун, Хронология и периодизация культур неолита и раннего энеолита северо-восточной Болгарии. В сб: Неолит-энеолит юга и неолит севера Восточной Европы (Санкт-Петербург 2003), 207-212.

Палеогеография 1982: Палеогеография Европы за последние сто тысяч лет (Москва 1982).

Попов 1996: В. Попов, Периодизация и хронология на неолитните и халколитните култури от поречието на р. Русенски Лом (Русе 1996).

Смынтына 1999: Е.В. Смынтына, К проблеме типологии мезолитических памятников. Stratum-Plus 1, 1999, 239-256.

Станко 1982: В.Н. Станко, Мирное. Проблема мезолита степей Северного Причерноморья (Киев 1982).

Станко и др. 1999: В.Н. Станко, П.М. Долуханов, М. Сафериадес, Е.В. Смынтына и др., Мезолит южной Бессарабии. Записки Історичного факультету. Вип. 8, Одесский университет 1999, 8-67.

Субботин 1983: Л.В. Субботин, Памятники культуры Гумельница Юго-Запада Украины (Киев 1983).

Титов 1996: В.С. Титов, Неолит Карпатского бассейна (Москва 1996).

Тодорова 1986: Х. Тодорова, Каменно-медната епоха в България (София 1986).

Федоров 1978: П.В. Федоров, Плейстоцен Понто-Каспия (Москва 1978).

Цыбрий, Кияшко 2003: В.Б. Цыбрий, В.Я. Кияшко, Изделия из кости стоянки Раздорская 2 на Нижнем Дону. В сб: Неолит-энеолит юга и неолит севера Восточной Европы (Санкт-Петербург 2003), 30-40.

Цыбрий 2003: А.В. Цыбрий, Неолитические памятники Восточного Приазовья. В сб: Неолит-энеолит юга и неолит севера Восточной Европы (Санкт-Петербург 2003), 41-55.

Шилик 1999: К.К. Шилик, Колебания Черного моря по геологическим, археологическим и историческим данным. Добруджа 14-16, 1997-1999, 10-33.

Шнитников 1973: А.В. Шнитников, Многовековой ритм развития ландшафтной оболочки. Хронология Плейстоцена и климатическая стратиграфия (Ленинград 1973), 7-38.

Andel, Runnels 1995: T.H. Andel, C.N. Runnels, The earliest farmers in Europae. Antiquity 69, 1995, 481-500.

Angelova, Draganov 2003: H. Angelova, V. Draganov, Underwater archaeological excavtions of submerged Late Eneolithic and Early Bronze Age settlements in Kiten and Sozopol. Thracia Pontica VI, 2, 2003, Sofia, 9-22.

Cernavodă III-Boleráz 2001: Cernavodă III-Boleráz. Mangalia, 18-24 Oktober 1999 (Bucureşti 2001).

Comşa 1974: E. Comşa, Istoria comunităţilor culturii Boian (Bucureşti 1974).

Demoule 1993: J-P.Demoule, La logique évolutive du Néolithique égéen. Anatolica XIX, 1993, 1-17.

Demoule 1994: J-P. Demoule, Problèmes chrono-culturels du néolithique de Grèce du nord. La Thessalie. Actes du Colloque International. Lion, 17-22 avril 1990, Vol. A, Athènes 1994,79-90.

Dragomir 1983: I.T. Dragomir, Eneoliticul din sud-estul României (Bucureşti 1983).

Fairbridge 1961: R.W. Fairbridge, Eustatic changes in sea level. Physics and Chemistry of the Earth 4, 1961, (New York), 99-185

Gallis 1994: K.J. Gallis, Results of recent excavations and topographical work in Neolithic Thessaly. La Thessalie. Actes du Colloque International. Lion, 17-22 avril 1990, Vol. A. (Athènes 1994), 57-60.

Haşotti 1984: P. Haşotti, Noi date privind difuziunea culturii Hamangia. Pontica XVII 1984, 25-36.

Haşotti 1984: P. Haşotti, Epoca neolitică în Dobrogea (Constanţa 1997)

Ivanov 1993: I.S. Ivanov, A la question de la localisation et des études des sites submergés dans les lacs de Varna. Pontica XXVI, 1993, 19-26.

Karul и др. 2003: N. Karul, Z. Eres, M. Özdoğan, H. Parzinger, Aşağı Pinar I. Archäologie in Eurasien Band 15. Verlag Philipp von Zabern (Mainz am Rhein 2003).

Kotova, Tuboltsev 1996: N.S. Kotova, O.V. Tuboltsev, New Settlements of the Neolithic-Eneolithic Period at Melitopol. Eurasia Antiqua 2, 1996, 29-58.

Korkuti 1995: M. Korkuti, Neolithikum und Chalkolithikum in Albanien (Mainz am Rhein 1995).

Lazarov 1993: M. Lazarov, Les sites submérgés le long du Pont Ouest dans le contexte de l'histoire pontique et méditerranéenne. Pontica XXVI, 1993, 7-18.

Lazarovici 1996: Gh. Lazarovici, The Process of Neolithisation and the development of the First Neolithic Civilisation in the Balcans. XIII CISPP (Congrès International des Sciences Préhistoriques et Protoistoriques). Sec. 9, Colloquium XVII (Forli 1996), 21-38.

Marinescu-Bîlcu 1974: S. Marinescu-Bîlcu, Cultura Precucuteni pe teritoriul României (Bucureşti 1974).

Markević 1985: Č. Markević, Neolit Črne Gore (Beograd 1985).

Munteanu 1996: M. Munteanu, Asupra condiţiilor geografice din preistoria sud-estului României. Pontica XXVIII-XXIX, 1995-1996, 247-251.

Özdoğan et al.1991: M. Özdoğan, Y. Miyake, N. Özbaşaran Dede, An interim report on excavations at Yarimburgaz and Toptepe in Eastern Thrace. Anatolica XVII, 1991, 59-122.

Özdoğan 2003: M. Özdoğan, Hoca Çeşme. Un site du Néolithique Ancien en Thrace. Dossiers d'Archeologie 281, 2003, Tourquie, 26-29.

Parzinger 1993: H. Parzinger, Studien zur Chronologie und Kulturgeschichte der Jungstein- Kupfer- und Frühbronzezeit zwischen Karpaten und Mittlerem Taurus. Teil 1-2. Römisch-Germanische Forschungen. Bd. 52 (Mainz am Rhein 1993).

Parzinger, Özdoğan 1996: H. Parzinger, M. Özdoğan, Die Ausgrabungen in Kirkareli (Türkisch-Thrakien) und ihre Bedeutung für die Kulturbeziehungen zwischen Anatolien und dem Balkan vom Neolithikum bis zur Frühbronzezeit. BRGK 76, 1995, 5-29.

Păunescu 1987: A. Păunescu, Tardenoasianul din Dobrogea. SCIVA 38, 1, 1987, 3-22.

Păunescu 1987a: A. Păunescu, Le tardenoisien de L'Est et du Sud-Est de la Romanie. Dacia N.S. XXXI, 1987, 11-19.

Pernicka et al. 1997: E. Pernicka, F. Begemann, S. Schmitt-Strecker, H. Todorova, I. Kuleff, Prehistoric copper in Bulgaria. Eurasia Antiqua 3, 1997, 41-180.

Roodenberg et al. 1990: J. Roodenberg, L. Thissen, H.Buitenhuis, 1990. Preliminary report on the archaeological investigations at Ilipinar in NW Anatolia. Anatolica XVI, 1989-1990, 61-144.

Slavčev 2002: V. Slavčev, Die Beziehungen zwischen Durankulak, dem Bereich der Präcucuteni-Tripol'e-Kultur und der Gruppe Bolgrad-Aldeni. In: H. Todorova, Durankulak. Band II. Teil 1 (Sofia 2002), 297-308.

Srejović 1993: D. Srejović, Der Balkan und Anatolien in der mittleren und jüngeren Steinzeit. Anatolica XIX, 1993, 269-282.

Telegin et al. 2003: D.Ya. Telegin, M. Lillie, I.D. Potekhina, M.M. Kovaliukh, Settlement and economy in Neolithic Ukraine: a new chronology. Antiquity 77, N 297, 2003, 456-470.

Tellenbach 1983: M. Tellenbach, Materialien züm Präkeramischen Neolithikum in Süd-Ost-Europa. Sonderdruck aus Bericht der Römisch-Germanischen Kommission 64 (Mainz am Rhein 1983).

Todorova 1995: H. Todorova, The Neolithic, Eneolithic and Transitional Period in Bulgarien Prehistory. Preistoric Bulgaria. Monographs in World Archaeology N 22. Ed. by D.W. Bailey and I. Panayotov (Sofia 1995), 79-98.

Todorova 1998: H. Todorova, Der Balkano-Anatolische Kulturbereich vom Neolithikum bis zur Frühbronzezeit (Stand der Forschung). In memoriam James Harvey Gaul (Sofia 1998), 27-54.

Todorova 1998a: H. Todorova, Probleme der Umwelt der prähistorischen Kulturen zwischen 7000 und 100 v. Chr. Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe. Herausg. vor B. Hänsel und J. Machnik (München 1998), 65-70.

Todorova 2002: H. Todorova, Durankulak. Band II (Sofia 2002).

Ursulescu 2000: N. Ursulescu, Contribuţii privind neoliticul şi eneoliticul din regiunile Est-Carpatice ale României. Vol. 1 (Iaşi 2000).

Yakar 1998: J. Yakar, Cultural Interaction Between Anatolia and Southeast Europe: an Archaeological Appraisal. In memoriam James Harvey Gaul (Sofia 1998), 13-26.

Валентин Дергачев,
Институт Археологии и Этнографии, Академия Наук Республики Молдова,
ул. Митрополит Бэнулеску-Бодони 35, MD-2012 Кишинэу, Республика Молдова

Эпоха ранней бронзы Причерноморских степей

Светлана Иванова, Одесса

În literatura de specialitate timp îndelungat se vehiculează axioma despre o mişcare masivă a purtătorilor culturii Jamnaja, în perioada timpurie a epocii bronzului, de la E spre V, inclusiv în Balcani (al treilea val după M. Gimbutas). Însă acumularea datelor radiocarbonice ne permite să formulăm concluzia despre formarea concomitentă a culturii Jamnaja. În acest caz, concepţia despre "protopatria estică" a culturii Jamnaja îşi pierde actualitatea. În opinia noastră sunt mai plauzibile poziţiile cercetătorilor care consideră că fenomenul aşa numitei comunităţi cultural-istorice Jamnaja are rădăcini autohtone. Totodată considerăm existenţa unei astfel de comunităţi integrale destul de ipotetică, deoarece pentru întregul areal se poate evidenţia numai un singur element comun – ritul funerar. Compararea formelor ceramice şi a altor elemente a culturii materiale din diferite zone geografice demonstrează mai multe deosebiri decât asemănări. Or, considerăm că fenomenul discutat nu poate fi echivalat cu o comunitate cultura-istorică integrală. Posibil că explicaţia poate fi găsită în apariţia unei ideologii noi care poate fi considerată un gen de "religie mondială" reflectată pe un teritoriu imens tocmai în ritul funerar.

В археологической науке в течение долгого времени в качестве аксиомы функционировал тезис о широкомасштабном продвижении в раннебронзовую эпоху ямных племен с востока на запад, включая Балканы (третья волна по М. Гимбутас). Между тем, накопление радиоуглеродных дат позволило прийти к выводу об одновременном формировании памятников ямной культуры в восточном и западном ее ареалах. В таком случае концепция «восточной прародины» теряет свою состоятельность. На наш взгляд, вполне справедливы взгляды тех исследователей, которые видят местные, автохтонные корни того явления, которое принято называть ямной культурно-исторической областью/общностью. В то же время само существование такой общности нам представляется гипотетичным и умозрительным. Объединяющим компонентом для памятников, расположенных на огромной территории, является лишь погребальный обряд, его характерные черты и особенности. Сопоставление же публикуемых керамических серий из различных регионов зачастую демонстрирует больше различий, чем сходства. Отличны и некоторые другие компоненты материальной культуры. Таким образом, рассматриваемое явление следует считать не культурой (общностью, областью), а новым мировоззрением, своеобразной „мировой религией", распространившейся на огромной территории и отразившейся в погребальном обряде.

In archeological science for a long time past as the axiom the thesis about wide area progression of tribes of Yamnaya culture from east on west, in Early Bronze Age, including Balkan operated (third wave by M. Gimbutas). Between that, the accumulation of radiocarbonic dates has allowed to reach a conclusion about simultaneous formation of monuments of Yamnaya culture in eastern and western its geographic ranges. In that case concept «of eastern ancestral home» loses the competence. On our view, the views of those explorers are quite fair, which one see the local, autochthonous radicals of that phenomenon, it is accepted to call which one as a Yamnaya cultural - historical area / commonality. At the same time existence of such commonality is represented to us hypothetic and speculative. Integrating component for monuments arranged in huge terrain, is only funeral rites, its characteristics and features. The confrontation of published ceramic series from different locales frequently demonstrates more differences, than resemblance. Some other components of material culture are different also. Thus, it is necessary to consider this phenomenon not as culture (community, area), but as a new world outlook, peculiar „global religion", distributed on huge terrain and mirrored in funeral rite.

В последние годы все чаще звучит предположение о том, что ямная культура как широкое явление могла быть изначально результатом трансформации локальных культур энеолитического периода (Рассамакин, Евдокимов 2001, 85). Ее следует рассматривать как мозаичный блок, где каждая группа на фоне типологических (временных и этнокультурных) различий имела свои традиции и судьбу. Впрочем, и Н.Я. Мерперт, выделяя ямную культурно-историческую область, отмечает, что уже сами размеры ее территории исключают возможность сколько-нибудь полного культурного единства. Ее историю он представляет как длительный, сложный и многообразный этап развития и взаимодействия ряда племенных групп, причем вопрос о происхождении каждой должен решаться особо (Мерперт 1974, 125-128).

По мнению исследователей, с появлением в Причерноморских степях носителей ямной культуры связывается период культурной интеграции эпохи ранней бронзы, наиболее продолжительный и стабильный. Основой ее формирования были внутренние причины, которые привели к определенной унификации общеисторической картины (Рассамакін 1997, 308). На месте позднеэнеолитической раздробленности появляется мощная этнокультурная общность (ямная КИО) с очень унифицированными чертами ритуала, общность, расселившаяся на ог-

ромной территории – от Приуралья на востоке до р. Тисы на западе. Эта общность отмечена расцветом курганного строительства, распространением колесного транспорта, строительством в Поднепровье укрепленных поселений. Материальная же культура по сравнению с энеолитическим временем характеризуется существенной деградацией (Рассамакін 1997, 295). Ю.Я. Рассамакин отдает предпочтение эколого-хозяйственной модели, согласно которой именно экологическая ситуация повлекла за собой не только хозяйственную, но и культурную трансформацию. При этом автор не исключает влияние внешних факторов, как с Востока, так и с Запада. Основные черты ямной культуры, по его мнению, не дают возможности утверждать последовательность и постепенность перехода от энеолита к раннему бронзовому веку. Этот переход фиксируется исследователем как исторический скачок, который трудно объяснить чисто археологическими данными. В силу определенных причин территориально ограниченные хозяйственные системы превратились в специализированные пастушеские системы бронзового века. В данной ситуации общность хозяйственного уклада могла определяться общей палеоэкологической ситуацией (Рассамакин 1995, 48-49).

Исследователи отмечают существование ямных племен на фоне суббореального периода голоцена. Он характеризуется похолоданием, уменьшением количества осадков, аридизацией климата. Полагают, что в такой ситуации был закономерным переход первобытных скотоводов к более подвижным формам хозяйства. Ямное же население заняло практически все свободные экологические ниши не только степи, но и лесостепи (Рассамакін 1997, 322, 324).

Но можно ли считать этот процесс скачком, учитывая, что мобильные племена, хозяйство которых имело уже специализированный скотоводческий характер, появляются в причерноморских степях в начале энеолитической эпохи? Было ли реальным передвижение населения? И в какой степени культурные изменения могли быть детерминированы климатическими условиями?

Следует учитывать, что территория, с которой соотносится ямная КИО была трансландшафтной, следовательно и климатические изменения в ней были различны. При сохранении общей тенденции процессы аридизации были неодновременными. Поэтому на разных территориях формирование ямных памятников происходит в разных климатических условиях. К тому же в разной географической среде, как атлантический оптимум, так и суббореальная аридизация проявлялись по-разному.

На вторую половину атлантического периода (6000-4500 л.н., или около 4910/4805 – 3340/3100 лет до н.э. по калиброванным данным) приходится климатический оптимум. Аридизация климата в степной зоне определяется между 4500 и 3500 л.н. (3340/3100 - 1880/1770 ВС) с максимумом аридизации между 4200 и 3700 л.н. (2880/2710 – 2135/2035 ВС). Максимальная аридизация в Приазовье и на Украине датируется временем около 3700 л.н. (2135-2035 ВС). В бассейне Дона аридизация климата стала ощущаться после 4200 л.н. (2880/2710 ВС), наибольшее усиление континентальности проявилось в период между 4200 и 3700 л.н (2880/2710 – 2135/2035 ВС) (Кременецкий 1997, 43-44). Эти даты не совпадают с начальными датами появления ямных памятников в регионах.

П.П. Барынкин полагает, что негативные изменения в природной обстановке в течение некоторого времени могут смягчаться за счет культурно-хозяйственных ресурсов, человеческих коллективов (а именно, более сложной внутренней и внешней коммуникацией и использованием более широких территорий). При кратковременных изменениях это позволяет поддерживать сложившийся уклад, но при длительных масштабных переменах неблагоприятного характера это влекло слом хозяйственного механизма, что можно назвать катастрофой. Чем более сложной внутренней и внешней коммуникацией культурного массива осуществлялась поддержка хозяйственных связей, тем более значимой была глубина социально-культурных перемен. В первую очередь нарушение этих связей вызывало популяционные изменения, что вело к заметным переменам в культурном массиве (уменьшение занимаемой площади, сегментация демографического массива и т.п.). Реконструируемые хозяйственно-бытовые уклады как производные от ландшафтно-территориальных привязок культурных комплексов позволили исследователю сделать важный вывод. Все хозяй-

ственные и внутрикультурные трансформации происходят в пределах занятого географического ареала, ресурсы ландшафтов которого используются максимально, и снижение их продуктивности не может рассматриваться в качестве причин перемещения населения, тем более культурных массивов, на другие территории, в иные ландшафты. Поводами к таким заметным перемещениям крупных социально-этнических групп, фиксируемых письменными источниками в более поздние периоды, всегда служат конкретные события, ставшие причинами подвижек, которым, как правило, не сопутствуют массовые материальные отражения. В традиционном анализе процессов более ранних, дописьменных периодов масштаб события недостижим в принципе. Тем более в качестве таких событий не могут рассматриваться природные изменения, в том числе и неблагоприятные, сколь бы быстрыми они ни представлялись современному исследователю. В случае нарастания неблагоприятных изменений ландшафтно-климатического характера, первым следствием будет не перемещение население, а процесс угнетения популяции (уменьшение численности, изменение связей и т.п.). Предположения об оттоках населения из какой-то части культурного ареала в другую допустимы, но маловероятны (Барынкин 2002, 54-57).

В то же время данные антропологии опровергают существование каких-либо масштабных миграций или перемещений, с которыми традиционно связывалось распространение ямной культуры на столь обширной территории (Круц 1997).

Сопоставление данных палеоэкологии разных регионов, на фоне опубликованных более 200 радиоуглеродных дат, позволяет прийти к выводу, что ухудшение климата и общая палеоэкологическая ситуация не могли быть тем катализатором, который привел в действие механизм образования т.н. ямной культурно-исторической области.

Группы энеолитического населения на всей территории сформировавшейся впоследствии «ямной культурно-исторической области» придерживались разных погребальных традиций и довольно стойких канонов. Это свидетельствует не только об этнокультурных особенностях, но и о разнице в духовной культуре, мировосприятии отдельных племен. Унификация погребальной обрядности на огромной территории в эпоху ранней бронзы отразилась в археологических реалиях, что и привело к конструированию ямной культуры (области, общности). Этому способствовала и неразработанность самой концепции археологической культуры. Между тем, наблюдаемое в эпоху ранней бронзы определенное ритуальное единство указывает, прежде всего, на духовную общность населения.

Можно констатировать, что ямная культурно-историческая область в различных регионах имеет разную подоснову: разные антропологические типы, различный хозяйственно-бытовой уклад, различную материальную культуру, разные векторы этнокультурных связей. Включаемые в нее элементы различны по своей сути. Она не может рассматриваться ни как целостный этнокультурный организм, ни как совокупность составляющих ее локальных вариантов. Ее структура на разных уровнях (материальная культура, этнические процессы, социальное устройство) несопоставима. В зависимости от смещения акцентов выделяются различные варианты или территориальные группы, не сводимые к общему знаменателю. Развивается она в разных географических зонах и различных климатических условиях.

На наш взгляд, единственным стержнем, объединившим данную область, явилась общность мировоззрения, общность религиозно-мифологических представлений. Близость на других уровнях (материальной культуры, хозяйственно-экономических, социальных, этнических связей) носила локальный характер. Пожалуй, лишь «ямная общность» Северо-Западного Причерноморья, имеющая свою специфику и в качестве географического ареала, и территориальной группы с определенными чертами материальной культуры и ритуала (Николова 1992), отличающаяся этнической обособленностью (Рычков 1990), представляла собой единый этносоциальный организм (Иванова 2001).

Исследователи отмечают, что в эпоху энеолита этапы развития Причерноморья в значительной степени согласуются с развитием земледельческого мира Карпато-Балканской области и Триполья. Распад Трипольской культуры на заключительном этапе С II совпадает с сегментацией ряда степных культур на локальные формирования (Рассамакин 1995, 47). Объяс-

нить отчасти этот процесс, на наш взгляд, можно вхождением названных блоков археологических культур в состав Балкано-Карпатской металлургической провинции (БКМП), просуществовавшей в период с 58 по 38 вв до н.э. В ее рамках Е.Н. Черных (с соавторами) выделяет два ведущих блока. Первый из них, земледельческий, расположен на плодородных и богатых медными минералами землях Северных Балкан, Карпатского бассейна и Подунавья. Северо-восточной оконечностью основного блока провинции является культура Триполье-Кукутени. Второй блок – степные скотоводческие культуры Причерноморских степей, Среднего и Нижнего Поволжья (Черных и др. 2000, 6, 21). Исследователи пишут о совершенно очевидном катастрофическом коллапсе энеолитических культур основной зоны Балкано-Карпатской металлургической провинции. Причины этого внезапного распада, полного отказа от технологических достижений этого круга сообществ пока неясны. Однако фиксируется 500-летний хиатус между распадом БКМП и формированием Циркумпонтийской металлургической провинции (ЦМП). Полагают, что развитие этой новой металлургической провинции в ареале Причерноморских степей (33-22 вв до н.э.) происходит на фоне новых археологических реалий, становлении новых общностей бронзового века, наиболее мощной из которых является ямная КИО (Черных и др. 2000, 21, 30).

На наш взгляд, существенным фактором в этом процессе становления новых мировоззренческих традиций явились не столько экологические трансформации, сколько последствия фатальных событий охвативших Балкано-Карпатскую металлургическую провинцию. Унификация обряда, с одной стороны, и возрастание иррациональности в культуре (расцвет курганного строительства, распространение монументальных погребальных сооружений, антропоморфных стел, повозок) могли быть своеобразной реакцией человеческих коллективов на предшествующие события. В какой-то мере подтверждением этому служат выводы исследователей об одновременности памятников восточного и западного ареалов «ямной культуры» (Черных и др. 2004). Высказывается предположение о том, что ситуация после распада БКМП до известной степени напоминают ту, что сложилась в Евразии гораздо позднее – в средние столетия I тыс. н.э. Эпоха Великого Переселения народов оказалась трагической для необозримого множества культур; при этом разительно изменился характер большинства важнейших археологических памятников, уменьшилось число культур (Черных и др. 2000, 30).

По-видимому, в «темные века» (хиатус) зарождаются основы новых мифо-религиозных и мировоззренческих представлений, широкое распространение которых наблюдается уже на фоне Циркумпонтийской металлургической провинции. Они отличны от канонов энеолитических скотоводческих и земледельческих обществ, при сохранении ряда традиций погребальной обрядности. Распространение, трансляция этих идеологических и мировоззренческих представлений, своего рода культурного текста, может быть связано с существованием определенных коммуникационных каналов. Таковые каналы (и «коридоры») реконструируется исследователями, к примеру, для степных культур Евразии скифского времени (Кузин-Лосев 1999, 125-126). Формирование трансформационной модели и ее распространение в рамках «коммуникационных каналов» может объяснить тот археологически фиксируемый «скачок», с которым связывают появление ямной КИО.

Итак, анализ основных компонентов ямной КИО показывает, что лишь общность мировоззрения и религиозно-мифологических представлений объединяет население раннебронзовой эпохи, проживающее на огромной территории. Отразившись в археологических реалиях как единство, унификация погребальной обрядности, «новая идеология» стала основой для выделения культуры или культурной области, таковою не являющейся. Эти мировоззренческие представления формируются и начинаются распространяться в кризисный период, последовавший за распадом БКМП. Последствия кризиса проявились не только в ареале провинции, но далеко за ее пределами, на огромной территории от Дуная до Урала. В дальнейшем, с угасанием теперь уже ЦМП, меняются и религиозно-мифологические представления скотоводческого мира Степи, что вновь находит свое отражение в погребальных ритуалах.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РАДИОУГЛЕРОДНЫХ ДАТ ПО РЕГИОНАМ

БАЛКАНЫ

Материал:дерево

№	Адрес	Лаб. №	BP	BC 68%	Источники
1	Baia-Hamangia п.1	GrN-1995	4530 ± 65	3360-3100	Черных и др., 2000
2	Плачидол, к.2, кострище	Bln-2504	4380 ± 60	3100-2920	Черных и др., 2000
3	Baranhat	Bln-2219	4320 ± 50	3040-2890	Черных и др., 2000
4	Ketegyhaza	Bln-609	4265 ± 80	3030-2660	Черных и др., 2000
5	Плачидол, к.2, насыпь	Bln- 2502	4260 ± 60	3020-2700	Черных и др., 2000
6	Поручик Гешаново 1/3	Bln-3302	4260 ± 50	3040-2920	Черных и др., 2000
7	Плачидол 1/1	Bln-2501	4170 ± 50	2890-2620	Черных и др., 2000
8	Поручик Гешаново 1/4	Bln-3303	4110 ± 50	2870-2600	Черных и др., 2000
9	Baia-Hamangia п.1	Bln-29	4090 ± 160	2890-2100	Черных и др., 2000
10	Поручик Гешаново 1/1	Bln-3301	4080 ± 50	2870-2510	Черных и др., 2000
11	Baia-Hamangia п.1	KN-38	4060 ± 160	2890-2450	Черных и др., 2000

СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Материал: дерево

№	Адрес	Лаб. №	BP	BC 68%	Источники
1	Утконосовка 1/3	Ки-660	4770 ± 120	3700-3370	Черных и др., 2000
2	Новоселица 20/9	Ки-1713	4750 ± 80	3540-3370	Черных и др., 2000
3	Семеновка 4/2	Ки-2126	4600 ± 90	3510-3100	Черных и др., 2000
4	Маяки-82, 1/9	Ле-2328	4580 ± 40	3500-3120	Субботин, 2000
5	Петрешты 1/8	Лу-2472	4530 ± 50	3360-3100	Яровой, 2000
6	Новоселица 19/7	Ки-1219	4490 ± 70	3370-2920	Черных и др., 2000
7	Лиман 2/2	Ки-2394	4490 ± 90	3350-3030	Субботин, 2000
8	Саратены 1/4	Лу-2476	4480 ± 50	3340-3040	Яровой, 2000
9	Семеновка 1/6	Ки-1758	4380 ± 50	3090-2920	Черных и др., 2000
10	Саратены 1/5	Лу-2459	4360 ± 30	3020-2910	Яровой, 2000
11	Курчи 20/16	КИГН-634	4660 ± 10	31-28 вв	Иванова, 1991
12	Курчи 20/16	КИГН-636	4380 ± 45		Иванова, 1991
13	Курчи 20/16	UB-3135	4290 ± 60		Мэллори, Телегин, 1994
14	Курчи 20/16	Ки-3136	4204 ± 19		Мэллори, Телегин, 1994
15	Курчи 20/16	КИГН-635	4080 ± 45		Иванова, 1991
16	Новоселица 20/8	Ки-7086	4235 ± 55	2897-2709	Назаров, Ковалюх, 1999
17	Вишневое 17/38	Ки-1711	4250 ± 80	3030-2660	Черных идр., 2000
18	Вишневое 17/38	Ки-7126	4105 ± 65	2860-2500	Kovalyukh, Nazarov, 1999
19	Новоселица 19/16	Ки-7080	4205 ± 55	2884-2699	Назаров, Ковалюх, 1999
22	Новоселица 19/19	Ки-7127	4055 ± 60	2832-2474	Kovalyukh, Nazarov, 1999
20	Новоселица 19/19	Ки-7085	4180 ± 60	2881-2625	Назаров, Ковалюх, 1999
21	Вишневое 17/17	Ки-7078	4180 ± 60	2881-2625	Назаров, Ковалюх, 1999
23	Семеновка 11/7	Ки-7088	4130 ± 65	2875-2579	Назаров, Ковалюх, 1999
24	Огородное, 1/14	Ле-2323	3970 ± 40	2570-2400	Субботин, 2000
25	Вишневое 17/4	Ки-1217	3950 ± 90	2590-2310	Черных и др., 2000
25	Затока 1/14	Ки-6817	3920 ± 45	2470-2330	Szmyt, 1999
27	Затока 1/13	Ки-6816	3865 ± 50	2430-2250	Szmyt, 1999
28	Затока 1/17	Ки-6818	3840 ± 65	2410-2200	Szmyt, 1999
29	Новоселица 19/11	Ки-1220	3770 ± 60	2310-2130	Черных и др., 2000
30	Нагорное 15/10	Ле-2322	3790 ± 40	2290-2140	Субботин, 2000
31	Затока 1/22	Ки-6821	3775 ± 60	2310-2100	Szmyt, 1999
32	Вишневое 17/36	Ки-1424	3750 ± 60	2290-2040	Черных и др., 2000
33	Затока 1/21	Ки-6820	3760 ± 45	2260-2090	Szmyt, 1999

Материал: кость

№	Адрес	Лаб. №	BP	BC 68%	Источники
1	Затока 1/17	Ки-6819	3865 ± 60	2430-2240	Szmyt, 1999
2	Затока 1/22	Ки-6822	3810 ± 55	2370-2170	Szmyt, 1999
3	Ревова, кург. 3, погр. 7	Ki-11058	3910±50	2467-2305	Иванова и др., 2005
4	Ревова, кург. 3, погр. 15	Ki-11060	3780±70	2327-2041	Иванова и др., 2005
5	Ревова, кург. 3, погр. 16	Ki-11059	4135±50	2863-2599	Иванова и др., 2005
6	«Любаша», погр. 8	Ki-11177	3990±70	2581-2455	Иванова и др., 2005
7	«Любаша», погр. 19*	Ki-11204	3090±50	1425-1263	Иванова и др., 2005
8	«Любаша», погр. 19	Ki-11249	4030±60	2657-2467	Иванова и др., 2005

МЕЖДУРЕЧЬЕ БУГА И ИНГУЛА

Материал: дерево

№	Адрес	Лаб .№	BP	BC 68%	Источники
1	Христофоровка 1/1	Ки-578	4170 ± 170	3050-2450	Черных и др., 2000
2	Новая Одесса 1/1	Mo-67	4220 ± 50	2920-2700	Черных и др., 2000
3	Отрадный 26/9	Ки-478	3990 ± 100	2900-2350	Черных и др., 2000
4	Христофоровка 1/11	Ки-549	3980 ± 200	2900-2200	Черных и др., 2000
5	Отрадный 1/22	Ки-100/3	3920 ± 110	2580-2270	Черных и др., 2000
6	Отрадный 1/17	Ки-431	3890 ± 105	2570-2200	Черных и др., 2000
7	Отрадный 24/1	Ки-470	3870 ± 105	2500-2200	Черных и др., 2000
8	Отрадный 26/9	Ки-7069	3920 ± 60	2470-2306	Назаров, Ковалюх, 1999
9	Отрадный 1/21	Ки-452	3830 ± 120	2470-2130	Черных и др., 2000
10	Отрадный 1/21	Ки-7070	3890 ± 65	2467-2286	Kovalyukh, Nazarov, 1999
11	Отрадный 36/4	Ки-483	3660 ± 120	2210-1880	Черных и др., 2000

МЕЖДУРЕЧЬЕ ИНГУЛА И ДНЕПРА

Материал: дерево

№	Адрес	Лаб .№	BP	BC 68%	Источники
1	Виноградное 15/12	Ки-7097	4220 ± 70	2897-2699	Назаров, Ковалюх, 1999
2	Виноградное 15/5	Ки-7095	4200 ± 60	2884-2679	Назаров, Ковалюх, 1999
3	Виноградное 15/5	Ки-7129	4145 ± 55	2876-2585	Kovalyukh, Nazarov, 1999
4	Виноградное 4/4	Ки-7093	4180 ± 65	2881-2624	Назаров, Ковалюх, 1999
5	Виноградное 4/6	Ки-7094	4150 ± 65	2878-2583	Назаров, Ковалюх, 1999
6	Червоный Яр 1/10	Ки-1436	4100 ± 130	2880-2500	Черных и др., 2000
7	Верхнетарасовка I, 59/13?	Ки-957	4090 ± 95	2870-2510	Черных и др., 2000
8	Верхнетарасовка 9/18	Ки-602	4070 ± 120	2870-2490	Черных и др., 2000
9	Стрюковка 105/20	Ки-897	4035 ± 60	2860-2490	Черных и др., 2000
10	Дмитровка 10/12	Ле-824	3920 ± 50	2500-2340	Черных и др., 2000
11	Верхнетарасовка 21/11	Ки-7074	3860 ± 70	2462-2202	Назаров, Ковалюх, 1999
12	Дмитровка 1/5	Ле-822	3850 ± 90	2460-2200	Черных и др., 2000
13	Верхнетарасовка 17/3	Ки-581	3820 ± 190	2600-1950	Черных и др., 2000
14	Верхнетарасовка 21/11	Ки-582	3740 ± 150	2400-1970	Черных и др., 2000
15	Дмитровка 1/16	Ле-823	3680 ± 60	2190-1970	Черных и др., 2000

Материал:кость

№	Адрес	Лаб. №	BP	BC 68%	Источники
1	Чкалово 11/11	Ки-6572	4060 ± 55	2850-2488	
2	Чкалово 11/11	Ки-6572а	4005 ± 55	2580-2460	Nikolova, 1999
3	Чкалово 11/11	Ки-6829	3900 ± 55	2460-2296	Nikolova, 1999
4	Чкалово 11/11	Ки-6829а	3990 ± 50	2574-2456	Nikolova, 1999
5	Чкалово 11/9	Ки-6571а	4035 ± 50	2608-2470	Nikolova, 1999
6	Чкалово 11/9	Ки-6828а	4010 ± 50	2574-2454	Nikolova, 1999

* Некорректная дата

№	Адрес	Лаб. №	BP	BC 68%	Источники
7	Чкалово 11/9	Ки-6571	3985 ± 45	2540-2456	Nikolova, 1999
8	Чкалово 11/9	Ки-6828	3960 ± 50	2562-2354	Nikolova, 1999
9	Голозковка 11/5	Ки-6723	4030 ± 60	2614-2494	Nikolova, 1999a
10	Голозковка 5/5	Ки-6731	4005 ± 55	2610-2470	Nikolova, 1999a
11	Голозковка 7/4	Ки-6722	3980 ± 60	2574-2360	Nikolova, 1999a
12	Шахта 22, 2/9	Ки-6834	3970 ± 50	2568-2360	Nikolova, 1999
13	Шахта 22, 2/9	Ки-6834a	3930 ± 50	2470-2332	Nikolova, 1999
14	Головковка 5/3	Ки-6730	3960 ± 60	2564-2348	Nikolova, 1999a
15	Головковка 5/3	Ки-6730a	3925 ± 55	2490-2330	Szmyt, 1999
16	Головковка 12/3	Ки-6724	3950 ± 50	2556-2348	Nikolova, 1999a
17	Протопоповка 1/2	Ки-6733	3945 ± 50	2580-2360	Nikolova, 1999a
18	Протопоповка 1/3	Ки-6734	3925 ± 55	2560-2340	Nikolova, 1999a
19	Голоковка 3/1	Ки-6718	3920 ± 60	2468-2296	Nikolova, 1999a
20	Голоковка 14/9	Ки-6729	3920 ± 50	2580-2010	Nikolova, 1999a
21	Голоковка 14/2	Ки 6727	3910 ± 55	2464-2316	Nikolova, 1999a
22	Чкалово 11/8	Ки-6827	3910 ± 45	2460-2334	Nikolova, 1999
23	Голоковка 14/7	Ки-6728	3905 ± 55	2500-2300	Nikolova, 1999
24	Шахта 22, 2/6	Ки-6833	3900 ± 55	2460-2296	Nikolova, 1999a
25	Головковка 14/3	Ки-6725	3895 ± 55	2458-2294	Nikolova, 1999a
26	Протопоповка 1/4	Ки-6732	3890 ± 55	2410-2310	Nikolova, 1999a
27	Головковка 6/9	Ки-6720	3880 ± 55	2456-2284	Nikolova, 1999a
28	Головковка 6/11	Ки-6721	3850 ± 55	2460-2296	Nikolova, 1999a
29	Головковка 14/4	Ки-6726	3840 ± 50	2398-2198	Nikolova, 1999a
30	Головковка 6/8	Ки-6719	3790 ± 55	2568-2356	Nikolova, 1999a

ЛЕСОСТЕПЬ

Материал: дерево

№	Адрес	Лаб. №	BP	BC 68%	Источники
1	Баштечки 4/2	Ки-1720	4450 ± 70	3320-2930	Черных и др., 2000
2	?	Ки-3139	4450 ± 50	3330-3010	Сыволап, 2001
3	Доброводы 2/3	Ки-2122	4370 ± 60	3090-2910	Черных и др., 2000
4	Доброводы 2/3	Ки-7092	4040 ± 55	2621-2472	Назаров, Ковалюх, 1999
5	Доброводы 1/2	Ки-2124	4200 ± 70	2910-2620	Черных и др., 2000
6	?	Bln-4602	4182 ± 46	2880-2670	Сыволап, 2001
7	?	Ки-4044	4060 ± 60	2840-2470	Сыволап, 2001
8	Приднепровское 3/2	Ки-7101	3990 ± 55	2574-2464	Назаров, Ковалюх, 1999
9	Доброводы 2/5	Ки-2107	3980 ± 45	2580-2460	Черных и др., 2000
10	Приднепровское 4/1	Ки-7100	3970 ± 50	2563-2461	Назаров, Ковалюх, 1999
11	Доброводы 1/5	Ки-7090	3960 ± 60	2563-2353	Назаров, Ковалюх, 1999
12	Доброводы 2/4	Ки-2129	3960 ± 55	2580-2460	Черных и др., 2000
13	Приднепровское 3/1	Ки-7099	3950 ± 65	2560-2349	Назаров, Ковалюх, 1999
14	Доброводы 2/10	Ки-7091	3920 ± 60	2470-2306	Назаров, Ковалюх, 1999

ДНЕПРОВСКОЕ ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ

Материал: дерево

№	Адрес	Лаб.№	BP	BC 68%	Источники
1	Миновка 2/5	Ки-858	4590 ± 110	3510-3100	Черных и др., 2000
2	Могилев, Брюлова та Могила /5	Ки-522	4530 ± 130	3500-2900	Черных и др., 2000
3	Могилев, Брюлова та Могила /5	Лг-?	3830 ± 120	2470-2130	Черных и др., 2000
4	Широкая балка 3/6	Ки-1717	4450 ± 85	3330-2930	Черных и др., 2000
5	Перещипино 1/13	Ки-659	4405 ± 120	3320-2910	Черных и др., 2000
6	Подкалиновка 5/5	Ки-1441	4400 ± 150	3340-2900	Черных и др., 2000
7	Любимовка 27/9?	Мо-72	4390 ± 60	3100-2920	Черных и др., 2000
8	Балки 1/57	Ки-606	4370 ± 120	3310-2890	Черных и др., 2000

№	Адрес	Лаб.№	BP	BC 68%	Источники
9	Балки 1/57	Ки-7073	3930 ± 60	2488-2312	Назаров, Ковалюх, 1999
10	Запорожье 1/14	Ки-7072	4360 ± 70	3083-2879	Черных и др., 2000
11	Перещепино 1/7	Ки-603	4310 ± 105	3100-2700	Черных и др., 2000
12	Перещепино 1/7	Vs-?	4215 ± 65	2920-2660	Черных и др., 2000
13	Перещепино 1/6	Ки-100/4	4290 ± 90	3090-2700	Черных и др., 2000
14	Могилев, Брюловата Могила /6	Ки-497	4270 ± 120	3090-2620	Черных и др., 2000
15	Могилев, Брюловата Могила /6	Ки-493	4020± 80	2860-2460	Черных и др., 2000
16	Могилев, Брюловата Могила /6	Ле-1167	4000 ± 100	2870-2360	Черных и др., 2000
17	Подкаменовка 6/12	Ки-1715	4180 ± 60	2890-2620	Черных и др., 2000
18	Чернявщина 3/2	Ки-803	4180 ± 120	2920-2600	Черных и др., 2000
19	Чернявщина 3/2	Vs-?	3790 ± 105	2460-2130	Черных и др., 2000
20	Широкая балка 1/6	Ки-7087	4105 ± 55	2860-2504	Назаров, Ковалюх, 1999
21	Балки 1/40	Ле-1168	4080 ± 90	2870-2500	Черных и др., 2000
22	Балки 1/40	Ки-587	3990 ± 110	2900-2300	Черных и др., 2000
23	Могилев, Брюловата Могила /12	Ки-494	4080 ± 100	2870-2500	Черных и др., 2000
24	Миновка 1/3	Ки-421	3970 ± 80	2610-2350	Черных и др., 2000
25	Волчанск 1/18	Ки-2191	3860 ± 50	2460-2290	Черных и др., 2000
26	Могилев 1/6	Ки-497	3840 ± 120	2470-2130	Черных и др., 2000

Материал:кость

№	Адрес	Лаб. №	BP	BC 68%	Источники
1	Мироновка 1/8	Ки-6741	4235 ± 60	2900-2710	Szmyt, 1999
2	Мироновка 3/1	Ки-5828	4010 ± 60	2630-2460	Szmyt, 1999
3	Тальянки 1/1	Ки-6714	3990 ± 50	2570-2450	Szmyt, 1999
4	Тальянки 1/2	Ки-6715	3945 ± 50	2530-2360	Szmyt, 1999
5	Тальянки 1/3	Ки-6716	3905 ± 60	2470-2290	Szmyt, 1999
6	Мироновка 7/2	Ки-5823	3895 ± 60	2450-2280	Szmyt, 1999
7	Мироновка 2/3	Ки-5826	3875 ± 60	2440-2225	Szmyt, 1999
8	Мироновка 2/4	Ки-5825	3810 ± 55	2370-2170	Szmyt, 1999

ЛУГАНСКО-ДОНЕЦКИЙ РЕГИОН

Материал: дерево

№	Адрес	Лаб №	BP	BC 68%	Источники
1	Привольное 11/5	Ки-1437	4800 ± 140	3780-3370	Черных и др., 2000
2	Астахово 3/15	Ки-853	4750 ± 140	3700-3370	Черных и др., 2000
3	Привольное 1/9	Ки-1707	4550 ± 100	3380-3040	Черных и др., 2000
4	Кремневка 6/7	Ки-7125	4365 ± 55	3080-2900	Kovalyukh, Nazarov, 1999
5	Кремневка 6/7	Ки-7077	4170 ± 60	2876-2578	Назаров, Ковалюх, 1999
6	Кремневка 6/6	Ки-7124	4325 ± 60	3020-2880	Kovalyukh, Nazarov, 1999
7	Кремневка 6/6	Ки-7076	4130± 70	2876-2617	Назаров, Ковалюх, 1999
8	Николаевка 5/12	Ки-873	4300 ± 100	3100-2700	Черных и др., 2000
9	Кремневка 6/4	Ки-1708	4250 ± 60	2930-2700	Черных и др., 2000
10	Сватово 1/1	СОАН-1043	4150 ± 30	2880-2660	Черных и др., 2000
11	Сватово 1/1	Ки-585	4000 ± 190	2900-2300	Черных и др., 2000
12	Сватово 2/1	Ки-586	4010 ± 180	2900-2300	Черных и др., 2000
13	Сватово 2/1	СОАН-1044	3850 ± 30	2460-2290	Черных и др., 2000
14	Войтово 4/8	Ки-1718	3980 ± 60	2610-2400	Черных и др., 2000
15	Астахово 3/15	Ки-7075	3950 ± 65	2462-2202	Назаров, Ковалюх, 1999
16	Привольное 8/1	Ки-1214	3770 ± 100	2400-2040	Черных и др., 2000

Материал: кость

№	Адрес	Лаб. №	BP	BC 68%	Источники
1	Клешня 3, п.2	Ки-7847	4120 ± 60	2861-2581	Манько, Телиженко, 2003
2	Клешня 3, п.2	Ки-7848	4170 ± 60	2877-2669	Манько, Телиженко, 2003
3	Клешня 3, п.2	Ки-7849	4050 ± 60	2833-2471	Манько, Телиженко, 2003

ПРИКУБАНЬЕ

Материал: кость

№	Адрес	Лаб. №	BP	BC 68%	Источники
1	Олений 2/19	Ле 23117	4020 ± 60	2860-2470	Черных и др., 2000
2	Олений 2/30	Ле-23116	3790 ± 160	2470-2030	Черных и др., 2000

ПОДОНЬЕ

Материал: дерево

№	Адрес	Лаб .№	BP	BC 68%	Источники
	НИЖНИЙ ДОН				
1	Усьман 1/13	UKLA-1271	4150 ± 80	2890-2610	Черных и др., 2000
	СРЕДНИЙ ДОН				
2	Павловск 38/4	ИГАН-?	4580 ± 90	3500-3100	Черных и др., 2000

КАЛМЫКИЯ

Материал: дерево

	Адрес	Лаб №	BP	BC cal	Источники
1	Манджикены II 1/3	GrA-12690	4060 ± 50	2835-2475	Шишлина и др., 2001
2	Цаца 6/4	Ле-?	3980 ± 50	2580-2460	Черных и др., 2000
3	Манджикены I 3/2	ИГАН-1850	3980 ± 110	2700-2300	Шишлина, 1999
4	Манджикены II 1/2	ИГАН-2042	3920 ± 70	2550-2295	Шишлина и др., 2001
5	Цаца 6/3	Ле-?	3690 ± 120	2290-1920	Черных и др., 2000
6	Остров 3/33	ИГАН-2116	3620 ± 260	2393-1635	Шишлина и др., 2001

Материал: кость

№	Адрес	Лаб №	BP	BC cal	Источники
1	Зунда-Толга /15	ИГАН-1528	4586 ± 77	3500-3100	Черных и др., 2000
2	Манджикены I 4/10	ИГАН-2402	4240 ± 70	2911-2700	Шишлина и др., 2003
3	Манджикены II 11/2	ИГАН-2058	4070 ± 40	2835-2495	Шишлина и др., 2001
4	Манджикены II 11/3	ИГАН-2056	4050 ± 50	2830-2475	Шишлина и др., 2001
5	Зунда-Толга /3	ИГАН-1634	3955 ± 41	2555-2355	Шишлина и др., 2001
6	Манджикены I 4/12	ИГАН-2492	3930 ± 70	2489-2313	Шишлина и др., 2003
7	Манджикены I 3/2	ИГАН-1891	3910 ± 50	2830-23	Шишлина и др., 2003
8	КВЧ-56 17/3	ИГАН-1006	3850 ± 40	2405-2205	Шишлина и др., 2001
9	Манджикены II 11/4	ИГАН-2057	3760 ± 40	2275-2065	Шишлина и др., 2001
10	КВЧ-56 8/7	ИГАН-1005	3510 ± 90	2135-1780	Шишлина и др., 2001
11	КВЧ-56 13/9	ИГАН-1004	3500 ± 150	2030-1625	Шишлина и др., 2001

ВОЛГО-УРАЛЬСКИЙ РЕГИОН

Материал: дерево

№	Адрес	Лаб.№	BP	BC cal	Источники
1	Шумаево II Одиночный курган/2	?	?	2870-2490	Моргунова, Турецкий, 2003
2	Шумаево II 6/6	?	?	2870-2490	Моргунова, Турецкий, 2003
3	Шибельный	?	3880 ± 90	2500-2200	Черных и др., 2000

Материал: кость

№	Адрес	Лаб.№	BP	BC cal	Источники
1	Н.Орлянка 4/2	AA-12573	4520 ± 75	3350-3100	Черных и др., 2000
2	Н.Орлянка 1/5	OxA-4254	4510 ± 75	3350-3100	Черных и др., 2000
3	Кутулук , 4/1	OxA-4306	4400 ± 70	3110-2920	Черных и др., 2000
4	Кутулук , 4/1	AA-12570	4370 ± 75	3100-2910	Черных и др., 2000
5	Першин /4	Вм-3157	4200 ± 60	2910-2660	Черных и др., 2000
6	Н.Павловка 2/3	Ки-7766	4010 ± 90	2835-2351	Кузнецов, 2000

Библиография

Барынкин 2002: П.П. Барынкин, Культурно-хозяйственная традиция и экологические процессы степного Поволжья в период 10-5 тыс. лет назад. Вопросы археологии Поволжья 2, 2002, 50-58.

Иванова, 1991: С.В. Иванова, Н.Е. Ветчинникова, О датировке деревянной повозки из Нижнего Подунавья. Тезисы докладов конференции "История и археология Нижнего Подунавья" (Рени 1991), 20-21.

Иванова 2001: С.В. Иванова, Социальный строй населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья (Одесса 2001).

Иванова и др. 2005: С.В. Иванова, В.Г. Петренко, Н.Е. Ветчинникова, Курганы древних скотоводов междуречья Южного Буга и Днестра (Одесса 2005).

Кременецкий 1997: К.В. Кременецкий, Природная обстановка голоцена на Нижнем Дону и в Калмыкии. В сб: Степи и Кавказ (культурные традиции) (Москва 1997) 30-47.

Круц 1997: С.І. Круц, Антропологічний склад населення. Давня історія України. Т. 1. (Київ 1997), 374-383.

Кузин-Лосев 1999: В.И Кузин-Лосев, О возможности существования трансформационных моделей в скифо-сибирском культурном мире. В сб. Етнічна історія та культура населення степу та лісостепу Євразії (від кам'яного віку по раннє середньовіччя) (Дніпропетровськ 1999), 125-126.

Кузнецов 2000: П.Ф. Кузнецов, О хронологической позиции погребений с заплечиками Южного Урала. Археологические памятники Оренбуржья 4, 2000, 98-99.

Манько, Телиженко, 2003: В.А. Манько, С.А. Телиженко, Проблемы абсолютной хронологии мезолита-энеолита Подонечья В сб: Материалы и исследования по археологии Восточной Украины. (Луганск 2003),31-65

Мерперт 1974: Н.Я. Мерперт, Древнейшие скотоводы Волго-Уральского междуречья (Москва 1974).

Моргунова, Турецкий 2003: Н.Л. Моргунова, М.А. Турецкий. Новые находки повозок ямной культуры в южноуральском регионе В сб: Чтения, посвященные 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ (Москва 2003), 84-87.

Мэллори, Телегин, 1994: Д. Мэллорі, Д.Я. Телегін, Поява колісного транспорту на Україні за радіокарбонними даними В сб: Проблемы хронологии культур энеолита и бронзового века Восточной Украины и юга Восточной Европы (Днепропетровск, 1994), 30-32.

Назаров, Ковалюх, 1999 С.В. Назаров, М.М. Ковалюх, Київська радіовуглецева калібраційна програма. Археометрія та охорона історико-культурної спадщини 3, 1999, 70-81.

Николова 1992: А.В. Николова, Хронологическая классификация памятников ямной культуры степной зоны Украины. Автореф. дис. к.и.н. (Киев 1992).

Рассамакин 1995: Ю.Я. Рассамакин, Поздний энеолит – ранний бронзовый век Степного Причерноморья: проблема «скачка» в развитии древних скотоводов. В сб: Конвергенция и дивергенция в развитии культур энеолита-бронзы средней и восточной Европы (Санкт-Петербург 1995).

Рассамакін 1997: Ю.Я. Рассамакін. Світ скотарів. Давня Історія України. Т. 1 (Київ 1997), 273-347.

Рассамакин, Евдокимов 2001: Ю.Я. Рассамакин, Г.Л. Евдокимов, Новый энеолитический могильник на р. Ингулец и проблема выделения «постстоговских» погребений. В сб: Донецкий археологический альманах 10, 2001, 71-86.

Рычков 1990: Н.А. Рычков, Этническая характеристика населения ямной культуры Северного Причерноморья. Автореф. дис. к.и.н (Киев 1990).

Субботин 2000: Л.В. Субботин, Северо-Западное Причерноморье в эпоху ранней и средней бронзы. Stratum plus 2, 2000, 350-387.

Сыволап 2001: М.П. Сыволап, Краткая характеристика памятников ямной культуры Среднего Поднепровья В сб: Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология, периодизация (Самара 2001), 109-117.

Черных и др. 2000: Е.Н. Черных, Л.И. Авилова, Л.Б. Орловская, Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология (Москва 2000).

Черных и др. 2004: Е.Н. Черных, Л.И. Авилова Л.Б. Орловская, Радиоуглеродная хронология древнеямной общности и истоки курганных культур. Российская археология 1, 2004, 84-98.

Шишлина и др. 2001: Н.И. Шишлина, А.Л. Александровский, О.А.. Чичагова, Й. ван дер Плихт, Хронологическая позиция ямной культуры Северо-Западного Прикаспия. В сб: Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология, периодизация. (Самара 2001), 117-123.

Яровой 2000: Е.В. Яровой, Скотоводческое население Северо-Западного Причерноморья эпохи раннего металла. Автореф. дисс. д.и н. (Москва 2000).

Kovalyukh, Nazarov 1999: N. Kovalyukh, S. Nazarov, Radiocarbon dating calibration in archeological studies. The foundation of radiocarbon chronology of cultures between the Vistula and Dnieper: 3150-1850. Baltic-Pontic Studies 7, 1999, 12-27.

Nikolova 1999: A. Nikolova, Radiocarbon dating from the graves of Yamnaya culture at the Ingulets river (the Kirovograd region). The foundation of radiocarbon chronology of cultures between the Vistula and Dnieper: 3150-1850. Baltic-Pontic Studies 7, 1999, 72-80.

Szmyt 1999: M. Szmyt, Between West and East. People of the globular amphora culture in eastern Europe: 2950-2350. Baltic-Pontic Studies 8, 1999.

Светлана Иванова,
Отдел Археологии Северо-Западного Причерноморья,
Институт Археологии Национальной Академии Наук Украины,
ул. Пушкинская 37, 65011-Одесса, Украина.

CONSTRUCŢII ŞI OBICEIURI FUNERARE PRACTICATE DE COMUNITĂŢILE HALLSTATTIENE TÂRZII DIN PLATOUL MOLDOVEI DE NORD (ÎN BAZA NECROPOLEI TRINCA "DRUMUL FETEŞTILOR")

Oleg Levițki, Tatiana Demcenco, Chişinău

Necropola de la Trinca reprezintă unul din puținele monumente funerare din perioada hallstattiană târzie (secolele VII–VI î.e.n.) din spațiul est-carpatic cercetată complet. Studiul în cauză are ca obiectiv analiza detaliată a construcțiilor, practicilor și obiceiurilor funerare atestate, precum și examinarea lor în contextul realităților caracteristice pentru alte necropole sincrone, atât din zona nemijlocit limitrofă – bazinul Nistrului Mijlociu – Depresiunea Rădăuți, cât și din teritorii mult mai îndepărtate – spațiul carpato-dunărean la vest și, silvostepa din partea dreaptă a Niprului de Mijloc. Analiza întreprinsă demonstrează că necropola de la Trinca prezintă similitudini pronunțate cu cimitirile tumulare hallstattiene târzii – scitice timpurii de la Dunăre până la Nipru. Cele mai multe dintre elementele caracteristice au paralele în complexele funerare din bazinul Nistrului Mijlociu și Depresiunea Rădăuți, zonă populată de comunitățile grupului podolian de vest sau podolian-moldav. În același timp necropola de la Trinca atestă un aspect hallstattian mult mai pregnant, elementele scitice având o pondere limitată.

Курганный могильник Тринка «Друмул Фетештилор» является одним из немногих полностью исследованных, позднегальштатских погребальных памятников (VII-VI вв. до н. э.) восточно-карпатского региона. Настоящий труд посвящен всестороннему, детальному анализу выявленных здесь погребальных сооружений, параметрам погребального обряда и обрядности, а также их рассмотрению в контексте с реальностями, обнаруженными в других синхронных некрополях, как соседней зоны – бассейн Среднего Днестра, низменность Рэдэуць, так и более отдаленной – Карпато-Дунайский регион и лесостепная зона бассейна Среднего Днепра. Проведенный анализ показывает, что параметры могильника у с. Тринка, в целом характерны, как позднегальштатским курганным некрополям, так и раннескифским, от Дуная до Днепра, преобладающее большинство из которых, имеют прямые параллели в погребальных комплексах соседних территорий, заселенных общностями западно-подольской группы памятников. В то же время, рассмотренный могильник, в отличие от западноподольских, характеризуется преобладанием черт гальштатских традиций и ограниченностью элементов скифского происхождения.

The burial grounds of Trinka "Drumul Fetesilor" is one of a few completely surveyed Late Hallstatt burial sites (VII-VI centuries b. c.) of the East Carpathian region. This paper is devoted to the all-sided detailed analysis of the revealed burials, the parameters of the funeral rites, as well as it considers them in the context with the realities, discovered in other synchronous necropoli both of the neighboring zone – the Middle Dniester basin, Radauti lowland and the more remote Carpathian-Danubian region and the forest-steppe zone of the Middle Dnieper basin. The effected analysis shows that the parameters of the burial ground in the vicinity of the Village of Trinca, are on the whole characteristic of the Late Hallstatt necropoli, as well as of the Early Scythian barrow necropoli from the Danube to the Dnieper, the overwhelming majority of which have direct parallels in the burial complexes of the neighboring territories, inhabited by the communities of the West Podol group of sites. Alongside with it the surveyed burial is characterized by the prevalence of the Hallstatt attributes and a limited share of the Scythian elements.

INTRODUCERE

Necropola tumulară Trinca "Drumul Feteştilor" a fost descoperită în anul 1990 şi investigată complet pe parcursul a patru campanii de săpătură (1991, 1994, 1995, 1999).

Complexele şi materialele depistate pe parcursul explorării sitului, cu excepţia celor cercetate în campania anului 1999, sunt deja cunoscute specialiştilor prin intermediul rapoartele de săpătură editate (Левицкий, Савва, Чобан 1992, 95-107; Levițki 1995, 247-278; Levițki, Haheu 1997, 167-212). Vestigiile din necropolă au constituit de asemenea şi subiectele unor comunicări la diferite întruniri ştiinţifice, în prezent publicate (Levițki 1996, 165-193; Idem 1997, 149-180; Idem 2000, 38-39; Idem 2004, 76-82; Idem 2004a, 369-393; Левицкий 2004, 152-157) în care s-a abordat cu precădere aspecte ce ţin de concretizarea încadrării cronologice şi determinarea apartenenţei culturale a sitului. Examinarea complexă a indicilor cronologici a pieselor de inventar a permis datarea necropolei Trinca "Drumul Feteştilor" în perioada cuprinsă între mijlocul secolului al VII-lea şi primul sfert al secolului al VI-lea î.e.n. (Levițki 2004, 81). Analiza indicilor etno-culturali, ce ţin atât de condiţiile de habitat, cât şi de sfera spirituală a demostrat că necropola în cauză având cele mai multe similitudini cu complexele funerare din bazinul Nistrului

Mijlociu şi Depresiunea Rădăuţi, zonă populată de comunităţile grupului podolia de vest sau podolian-moldav în acelaşi timp atestă un aspect hallstattian mult mai pregnant în comparaţie cu acesta, elementele scitice având o pondere limitată (Levitki 2004, 389).

Subiectul acestui studiu[1] – ţinând cont de faptul că necropola de la Trinca reprezintă unul din puţinele monumente funerare din perioada hallstattiană târzie din spaţiul est-carpatic cercetată complet şi care furnizează informaţii deosebite referitor la: tipul de monument funerar, condiţiile topografice de amplasare, organizarea lui internă, dimensiunile şi astructura tumulilor, tipurile de construcţii sepulcrale, ritul şi practicile funerare - constă în primul rând în prezentarea detaliată a acestor paramentri, iar în al-doilea, în examinarea lor în contextul realităţilor hallstattiene târzii şi scitice timpurii sud-est europene. Comparându-le în deosebi, cu cele atestate în zona nemijlocit limitrofă Platoului Moldovei de Nord - (bazinul Nistrului de Mijloc şi Superior, Depresiunea Rădăuţi), precum şi cu cele caracteristice grupurilor culturale hallstattiene târzii din vest (spaţiul carpato-dunărean, bazinul Tisei superioare) şi, scitice timpurii de la est de Nistru, cu precădere, din bazinul Niprului de Mijloc.

ASPECTUL NECROPOLEI

Situată la circa 0,7-0,8 km spre sud de marginea satului, pe un promontoriu înconjurat de un meandru a râuleţului Draghişe, necropola se întindea pe panta lină de sud-vest a înălţimii (fig. 1/1). Cercetările noastre au evidenţiat un număr de 12 tumuli de dimensiuni mici, dintre care cinci puternic afectaţi de lucrări agricole. Cei mai bine conservaţi erau patru tumuli cu înălţimea de circa 0,5 m. Cele 12 movile, răspândite pe o suprafaţă de cca 2 ha, erau aliniate în trei şiruri, pe direcţia sud-vest – nord-est (fig. 1,2).

Este incontestabil că necropola consta dintr-un număr mult mai mare de tumuli. Asupra acestui fapt indică: distanţa mare dintre tumuli în cadrul rândurilor (25–70 m) şi între rânduri (30–75 m); cât şi tumulii răvăşiţi complet de lucrările agricole (nr. IIIa, IXa). Şi mai concludentă în această ordine de idei apare situaţia evidenţiată sub mantaua de pământ a tumulului III, în care au fost dezvelite două aglomeraţii de pietre: A – care corespunde mantalei de piatră propriu-zisă a tumuluii şi, B – de proporţii mai mici amplasată la 3 m spre sud de prima. Toate acestea permit a constata că necropola a fost formată nu numai din tumuli cu mantaua de piatră şi pământ vizibili la momentul cercetărilor dar şi din morminte acoperite de platforme de pietre de dimensiuni mult mai mici (2–1,5 m) asupra cărora mantale de pământ nu se ridicau, sau iniţial erau de o înălţime mai mică şi nu sau păstrat.

Necropola tumulară Trinca "Drumul Feteştilor", după astfel de parametri, precum: condiţiile topografice de amplasare; numărul tumulilor; modul de dispunere a lor în perimetrul suprafeţei ocupate; caracterul ei monocultural – atestă o serie de similitudini cu monumentele funerare de acelaşi tip caracteristice perioadei hallstattiene târzii–scitice timpurii din Europa de Sud-Est.

Cele mai apropiate asemănări necropola de la Trinca le are cu obiectivele funerare ale grupului vecin, podolian de vest din zona Nistrului de Mijloc şi din Depresiunea Rădăuţi din Bucovina de Sud. În regiunea Nistrului de Mijloc, în condiţii topografice similare celor de la Trinca , promontorii înalte, sunt amplasate necropolele tumulare de la Lenkovcy (Мелюкова 1958, 60), Kruglik (Смирнова 1968, 14), Dolinjany (Смирнова 1977, 29), Myskovcy (Малеев 1991, 123), Perebykovcy (Смирнова 1979, 37) ş.a. De obicei constau dintr-un număr relativ redus de tumuli. Necropolele complet investigate, de la Dolinjany îngloba 4 tumuli, cea de la Perebykovcy – 6 tumuli. Necropolele cercetate parţial (câte un singur tumul) de la Lenkovcy şi Myškovcy constau din 4 şi, respectiv 3 movile. În necropola de la Kruglik, formată din 11 tumuli, de tip podolian de vest sa dovedit a fi doar unul. Nu este cert numărul tumulilor de tipul podolian de vest în necropola de la Ivanovcy, alcătuită din 128 de movile. Printre cei 7 tumuli investigaţi, acestui tip se atribuie doar 4 (nr. 3,4,5,6) (Щукин 1989, 107). La Šutnivcy, din grupul format din 7 tumuli, patru datează din perioada scitică timpurie (Гуцал, Гуцал, Мегей 1998, 74)

[1] Rezultatele complete a cercetărilor obiectivului funerar de la Trinca, în formă monografică, deja timp de trei ani se află la editura Institului Român de Tracologie, Bucureşti.

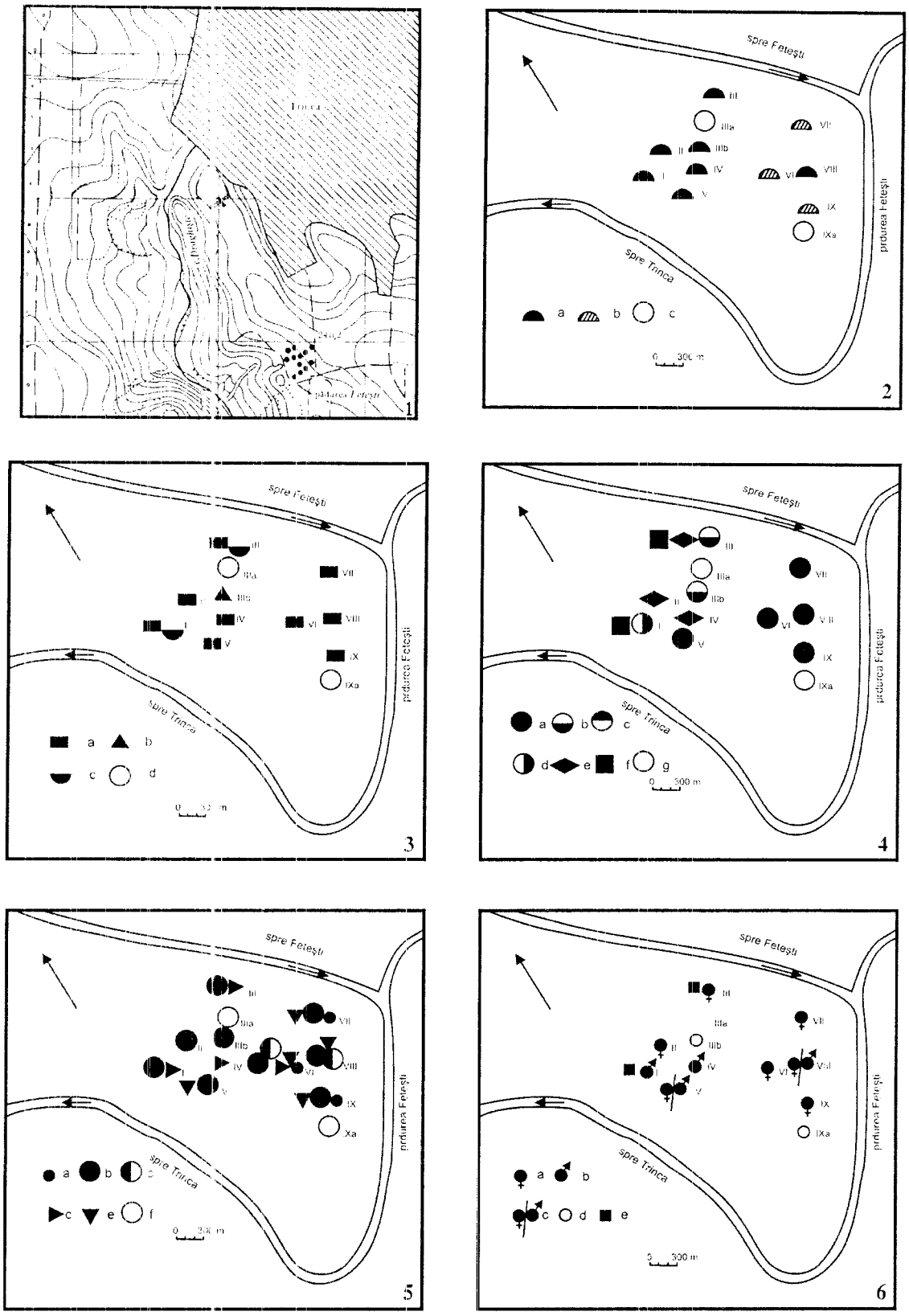


Fig. 1. Necropola Trinca "Drumul Feteştilor": 1 – condiţiile topografice de amplasare; 2 – organizarea internă, structura tumulilor (a – manta de piatră şi pământ; b – movilită de pământ suprapusă de mantaua de piatră şi pământ; c – tumuli deterioraţi); 3 – construcţii funerare (a – suprafaţa orizontului antic; b – construcţii de lemn şi piatră de suprafaţă; c – gropi; d – tumuli deterioraţi); 4 – tipuri de morminte (a – resturi cinerare depuse pe orizontul antic; b – incinerări depuse în urne; c – incinerări în construcţii de suprafaţă; d – incinerări incomplete; e – inhumări; f – cenotafe; g – tumuli deterioraţi); 5 – elemente complimentare de ritual (a – coloranţi naturali; b – depunerea inventarului sub mantaua de piatră; c – depunerea inventarului în afara mantalei de piatră; d – ofrandă de carne; e – rug pe manta, depunerea ofrandelor ulterior înmormîntării; f – tumuli deterioraţi; 6 – amplasarea mormintelor în funcţie de sex (a – feminin; b – masculin; c- feminin/masculin; d – tumuli deterioraţi; e – cenotaf (masculin).

Informaţii certe referitor la dispunerea tumulilor în perimetrul necropolelor cunoaştem doar pentru necropola de la Dolinjany, unde trei movile situate la distanţe nesemnificative unul de altele sunt grupate în linie axată nord-vest – sud-est, iar al patulea, amplasat spre sud-vest de ele (Смирнова 1977, 29), şi de la Perebykovcy, în care cei şase tumuli erau dispuşi aproximativ într-un şir orientat sud-est (Смирнова 1979, 37). Planul necropolei, însă, în opinia noastră, demonstrează că tumulii au fost ridicaţi în două şiruri, axate sud-est – nord-vest, distanţa dintre ele fiind de circa 60 m, iar dintre tumuli, în cadrul rândurilor de circa 35,5–110 m (Смирнова 1979, рис. 1). Referitor la distanţa dintre tumuli în cadrul necropolelor (grupurilor tumulare) mai menţionăm şi situaţia fixată la Myškovcy, unde tumulul nr. 2 este situat la 15 m spre nord de tumulul nr. I, iar tumulul nr. 3, la 50 m spre nord-vest de tumulul nr. I (Малеев 1991, 123). Din rândul necropolelor (grupurilor tumulare) menţionate, aspectul monocultural (apartenenţa la grupul podolian de vest) este cert numai pentru cele cercetate complet, Dolinjany şi Perebykovcy. Nu este exclus, că aceiaşi atribuţie culturală să fie proprie şi grupurilor tumulare de la Lenkovcy şi Myškovcy, precum şi scitică timpurie a celor trei tumuli neinvestigaţi de la Šutnivcy.

În aria sud-bucovineană a grupului podolian de vest, (depresiunea Rădăuţi), necropola tumulară de la Volovăţ este amplasată cu predilecţie pe platourile din locurile cele mai înalte ale crestelor dealurilor (Ignat 1978, 107–108, fig. 1). Cartarea efectuată odată cu desfăşurarea săpăturilor în anii 1971–1973, a stabilit că tumulii au fost amplasaţi numai pe platourile pe care le face din loc în loc creasta, separând necropola, prin distanţe de 500–1500 m în cinci sectoare. În sectorul A (Dealul Burlei), evidenţiindu-se 15 movile, în sectorul B - 3, în sectorul C – 3, în sectorul D – 1 şi în sectorul E – 4, în total – 26. În necropola Caşvana – Codru au fost evidenţiaţi 50 de tumuli (Ignat 2000a, 219). Tumulii din sectorul A, Dealul Burlei, de la Volovăţ sunt amplasaţi în şir axat nord-est – sud-vest, iar în sectorul E, sud-est - nord-vest (Ignat 1978, 109, fig. 1,2). Din cei 9 tumuli săpaţi în sectorul Dealul Burlei, la perioada hallstattiană târzie se atribuie doar 2 (nr. 2 şi 7) (Ibidem, 112). La Caşvana – Codru, toţi cei 11 turnuli investigaţii aparţin aceluiaşi orizont cultural – cronologic – grupului podolian de vest (Ignat 2000, 331).

În acest context este necesar de menţionat că în regiunea Nistrului de Mijloc, necropola tumulară din faza târzie a culturii Cernyj Les de la Luca Vrubleveckaja, era amplasată pe o înălţime neînsemnată a primei terase a râului Nistru, cei 8 tumuli ce o constituiau erau dispuşi în două linii axate sud-est – nord-vest (Шовкопляс 1952, 5, рис. 1; Шовкопляс, Максимов 1952, 89, рис. 1). Prima terasă a malului drept a râului Nistru este şi locul de amplasare a necropolei tumulare Dnestrovka-Luka, formată din 5 movile situate la distanţe mari una de la alta (Смирнова 1982, 30). Necropola de la Bandyševka este situară pe un promontoriu înalt a malului drept a râului Murafa, cei 8 tumuli fiind dispuşi în linie axată nord-vest – sud-est (Скорый 1999, 79).

Necopola Trinca "Drumul Feteştilor", din punctul de vedere al parametrilor examinaţi, manifestă anumite paralele şi cu necropolele tumulare ale culturii Kuštanovice din regiunea Transcarpatică a Ucrainei. Comunităţile acestei culturi amplasau necropolele pe platouri mai puţin supraînălţate– Kolodnoe II (Смирнова, Бернякович 1965, 107), sau chiar pe câmpuri drepte, puţin relevante– Cernyj Potok (Смирнова 1979a, 40). De regulă, cimitirile sunt formate din mici grupuri de tumuli, înglobând de la 4–6 până la 10–16 movile, dispuse fără oarecare ordine, la distanţe considerabile una de alta (Смирнова, Бернякович 1965, 107; Смирнова 1979a, 40; Попович 1990, 159). Suprafaţa necropolei Kolodnoe II, de exemplu constituia circa 1 km.p. în perimetrul căreia erau amplasaţi, fără careva sistemă 29 de tumuli (Смирнова, Бернякович 1965, 107). Referitor la necropolele de la Kuštanovice şi de la Nevicke se menţionează că tumulii de dimensiuni mari erau amenajaţi în rând, în jurul cărora, excentric, se situau movile de dimensiuni mai mici (Попович 1990, 158). La Cernyj Potok, cei 11 tumuli cartaţi în anul 1971, formau trei grupe mult distanţate între ele, în cadrul cărora movilele erau dispuse în rânduri axate nord-est – sud-vest, prima grupă şi, nord-vest – sud-est, grupa a doua (Смирнова 1979a, 39–40, рис. 11). Complexele funerare cercetate în cadrul necropolelor menţionate, fără excepţie, aparţin culturii Kuštanovice.

Necropolele tumulare a grupului hallstattian târzîu Ferigile-Bârseşti, din regiunea Carpaţilor meridional şi de curbură erau amplasate în felul următor: cea de la Ferigile, pe vechiul con de degecţie al confluienţei celor două pârae, într-o zonă cu înfăţişare tipică a luncii unui râu de munte, în partea

de sud a depresiunii Costeşti – Bistriţa (Vulpe 1967, 9); necropolele Tigveni "Babe", Tigveni "Pietroasa" şi Cepari "Toplita', pe marginea terasei mijlocii a malului stâng al râului Topolog (Vulpe, Popescu 1972, 77; Popescu, Vulpe 1982, 77, 99, fig. 1,2); cea de la Bârseşti ocupă un platou care domină satul situat în vale, la locul numit «Lacul Dumbrăvii» (Morintz 1957, 219). Necropolele de la Balta Verde şi Gogoşu – în lunca inudabilă a Dunării (Berciu, Comşa 1956, 265, fig. 1).

În necropola de la Fenigile, au fost investigaţi 149 de tumuli individuali, alăturaţi, grupaţi în pâlcuri apropiate, fără respectarea unei anumite ordini în dispunerea lor (Vulpe 1967, 15, vezi planul general al necropolei). Referitor la necropola Tigveni "Babe", iniţial formată din 40 de tumuli, deasemenea nu se menţionează că în procesul înălţării lor s-ar fi respectat anumite norme. În acelaşi timp, planul situaţional al tumulilor, în cadrul suprafeţei necropolei, indică că în amplasarea celor 17 tumuli identificaţi şi cercetaţi (făcând abstracţie de cei distruşi) poate fi urmărită o oarecare ordine (Vulpe, Popescu 1972, fig. 2). Tumulii cu dimensiuni relativ mai mari (nr. 17,15,9,10,16,3,5) erau dispuşi într-un şir axat sud-nord. Spre nord-est de tumulul nr. 9, care ocupă locul central în incinta necropolei, au fost amenajaţi tumulii nr. 11 şi 12; de la tumulul nr. 10, spre nord-est, tumulii nr.1 şi 2, iar spre sud-vest, tumulul nr. 14. Mai mult ca atât, în jurul tumulilor nr. 5 şi nr. 3 se situau tumuli de dimensiuni mai mici, nr. 6, 7, 8, şi respectiv, nr. 4. La Tigveni "Pietroasa", cei 5 tumuli cartaţi constituie două grupe distanţate între ele cu circa 100 m. Tumulii nr. 1,4,5, care formează grupa de sud-vest sunt amplasaţi într-un rând orientat est-vest, tumulii nr. 2 şi 3 din grupa de nord-est, într-un şir axat sud-nord, cu abatere spre vest (Popescu, Vulpe 1982, fig. 21). În cadrul suprafeţei accesibile pentru cercetare a necropolei Cepari "Toplita", cei 9 tumuli investigaţi sunt amplasaţi într-un grup compact , distanţa dintre ei nedepăşind 4–8 m (tumulii nr. 1 şi 2,4 şi 5 fiind chiar apropiaţi nemijlocit). Conform planului situaţional, tumulii nr. 1,2,6 şi tumulii nr. 3,7,8 , formează două rânduri orientate sud-vest – nord-est, ceilalţi, nr. 4,5,9, un alt rând axat est-vest (Popescu, Vulpe 1982, 77, fig. 2). Tumulii evidenţiaţi în necropola de la Bârseşti, în număr de 40, erau amplasaţi pe o întindere de mai multe sute de metri (Morintz 1957, 219). Informaţii suplimentare referitor la modul de amplasare a tumulilor, precum şi planul general al necropolei, în publicaţiile ulterioare nu există (Моринц 1957; Morintz 1959; 1959a, 1961). Necropola tumulară de la Balta Verde, formată din 24 de movile, este divizată în patru grupe, distanţate diferit între ele (Berciu, Comşa 1956, 320 – 321). Lipsa planului general al necropolei, cât şi cel al grupelor, nu permite atestarea existenţei unei organizări interne. În acelaşi timp, planul situaţional al movilelor nr. XXII, XXIII şi XXIV (Ibidem, fig. 123) indică, cel puţin, că în cadrul primului grup ele erau amplasate în linii axate nord-est – sud-vest, distanţa dintre ele fiind de circa 10 m. La Gogoşu, cele 55 de movile au fost ridicate fără respectarea anumitei ordine (Ibidem, fig. 184).

În zona de silvostepă din Dreapta Niprului, necropolele tumulare scitice arhaice, fără excepţie, sunt amplasate pe platouri înalte, înălţimi separate prin râpi sau cumpenele apelor (Ильинская 1975, 73; Ковпаненко 1981, 60; Ковпаненко и др. 1989, 27). Sunt reprezentate prin grupuri compacte, în cadrul cărora numărul movilelor variază între 3 şi 11–30. Cele patru grupuri de tumuli de la Medvin, Gorčakovskij Les, de exemplu, sunt situate una de alta la distanţa de 200 m – 2 km (Ковпаненко 1981, 60, рис. 45). De regulă, în cadrul grupurilor, tumulii sunt situaţi fără respectarea unor reguli. Totodată, în unele din ele pot fi urmărite anumite elemente de organizare internă. În această ordine de idei, semnificativă este necropola de la Medvin, unde tumulii din grupul II sunt plasaţi în linie orientată nord-vest – sud-est, iar în grupul III, unii formează un şir axat sud-vest – nord-est (Ковпаненко 1981, рис. 45). Majoritatea grupurilor includ tumuli din diferite epoci. În acelaşi timp sunt cunoscute şi necropole (grupuri) formate exclusiv din tumuli din perioada scitică timpurie – Konstantinovka, Tenetinka (Ильинская 1975, 74), Berestnjagi, Bobrica, Medvin, Kurilovka, Kazarovka (Ковпаненко 1981, 61).

STUCTURA TUMULILOR

Structura tumulilor de la Trinca, în linii mari, este aceiaşi pentru toată necropola. Sunt de tipul celor cu mantalele din pietre şi pământ. În cazul tumulilor complet înţeleniţi (nr. IV – IX) a

fost posibil stabilirea modului de construcție a mantalelor. În jurul locului înmormântării se amenaja un ring de formă circulară/ovală, din pietre de calcar rupt de dimensiuni mari, diametrul exterior al căruia variază de la 5–5,2 m (tumulul nr. IX) până la 10–10,5 m (tumulul nr. VIII), iar lățimea – de la 1,0-1,2 până la 2,2 m. Procedeele de construcție ce urmau se efectuau conform următoarelor variante:

I. locul depunerii resturilor cinerare și a inventarului, corespunzător nivelului solului antic din interiorul ringului, se acoperea cu pietre de calcar de dimensiuni mici și mijlocii, dispuse în mai multe rânduri, întreaga construcție acoperindu-se cu un strat de pământ (tumulii nr. IV,V,VIII);

II. locul depunerii resturilor cinerare și a inventarului, corespunzător nivelului solului antic, din interiorul ringului se acoperea cu o movilită de pământ, suprapusă de un strat de pietre de dimensiuni mijlocii și mici dispuse în mai multe nivele (tumulii nr. VI și VII), sau cu pietre de dimensiuni mari (tumulul nr. IX), întreaga construcție acoperindu-se cu încă un strat subțire de pământ (fig. 1,2).

Înălțimea mantalei de pietre în partea centrală variază de la 0,4 până la 0,6 m, treptat micșorându-se spre poale. Mantalele de piatră, la rândul lor se acopereau cu un strat de pământ vegetal. Mantalele de pământ, în cazurile când a fost constatată în întregime, au diametrele de la 7–8, până la 12–14 m, înălțimile – 0,45–0,7 m.

Primul mod de construcție a mantalelor a fost practicat și în cazul tumulilor parțial deteriorați, nr. I, II, III, care deasemenea sau amenajat de la nivelul orizontului antic, perimetrul mantalei de piatră, după cum se prezintă sectoarele mai puțin afectate, consta din pietre mari, iar partea de mijloc, din pietre mai mici, acoperite de o manta de pământ vegetal.

Tumulii erau predestinați pentru o singură înmormântare. Tumulii nr. I și nr. III, de rând cu mormântul de sub mantaua de piatră mai conțineau și câte un mormânt-cenotaf.

Particularitățile constructive, dimensiunile, predestinația tumulilor pentru o singură înmormântare, atestate în necropola Trinca "Drumul Feteștilor" denotă o serie de similitudini cu obiectivele funerare ale comunităților din perioada hallstattiană târzie care practicau înmormântările sub tumuli (fig. 2). Construcțiile funerare de tipul tumulilor, cu mantaua din pietre de calcar rupt, conturul cărora este marcat de un ring format din pietre masive, acoperite cu un strat de pământ arabil reprezintă una din caracteristicile definitorii a grupului podolian de vest. Diametrele lor variază între 10 și 30 m, înălțimile – 1,0–1,5 m, lățimea ringului de circa 1,2 m, fiind predestinate pentru o singură înmormântare (Мелюкова 1958, 39-40). Același mod de amenajare a tumulilor este atestat și în necropola de la Satu Mare din depresiunea Rădăuți în Bucovina de Sud, racordată la același grup cultural. Unica deosebire reducându-se la dimensiunile relativ mai mici: diametrul – 3,5–5,0 m, înălțimea – 0,35–1,0 m (Ignat 1976, 106). Structură și dimensiuni analogice tumulilor de la Trinca sunt caracteristice și necropolelor tumulare din faza evoluată a culturii Cernjy Les, care în bazinul Nistrului de Mijloc precede grupului podolian de vest, în particular, pentru cea de la Luka-Vrubleveckaja (Шовкопляс 1952, 5–6, рис. 3; Шовкопляс, Максимов 1952, 89) și tumulului de la Dnestrovka-Luka (Смирнова 1982, 31–32, рис. 1). Deosebirea constând doar în aceia că în obiectivele numite, mantalele din pietre de calcar rupt acoperea nu un mormânt, dar mai multe.

Monumentele funerare de tipul tumulilor prevăzuți cu o manta din pietre de calcar rupt erau practicate și de către comunitățile culturii Kuștanovice din regiunea Transcarpatică a Ucrainei. O astfel de structură a mantalelor este atestată în 9 din cei 21 de tumuli investigați în necropola Kolodnoe II, cât și în necropolele de la Žornino și Lesovica (Смирнова, Бернякович 1965, 90–91).Tumulii cercetați în necropola tumulră de la Cernyj Potok, în număr de 13, cu excepția tumulului III, aveau la bază o manta din pietre de calcar rupt care înconjura și parțial acoperea suprafața ocupată de rugul funerar și inventarul (Смирнова 1979a, 51). Pietre în structura tumulilor sunt atestate și în tumulii nr.VI – VII din necropola de la Kutanovice, tumulul nr. 4,8,9 din necropola de la Belki și tumulii nr. 1–3 din necropola de la Osoj (Смирнова, Бернякович 1965, 91). La Cernyj Potok, diametrele tumulilor variază între 7,5–11 m, înălțimile, 0,6–1,2 m. Predestinația tumulilor din necropolele menționate fiind pentru o singură înmormântare.

Tumuli în structura cărora este prezentă mantaua din pietre sunt caracteristici și pentru grupul Ferigile–Bârsești din regiunea Carpaților meridionali și de curbură. La Ferigile, peste solul antic unde era depus mormântul se construia o grămadă de bolovani de râu dispuși în cele mai multe cazuri într-un singur strat, arareori pe două sau chiar trei, acoperite la rândul ei cu o manta de pământ vegetal (Vulpe 1967,

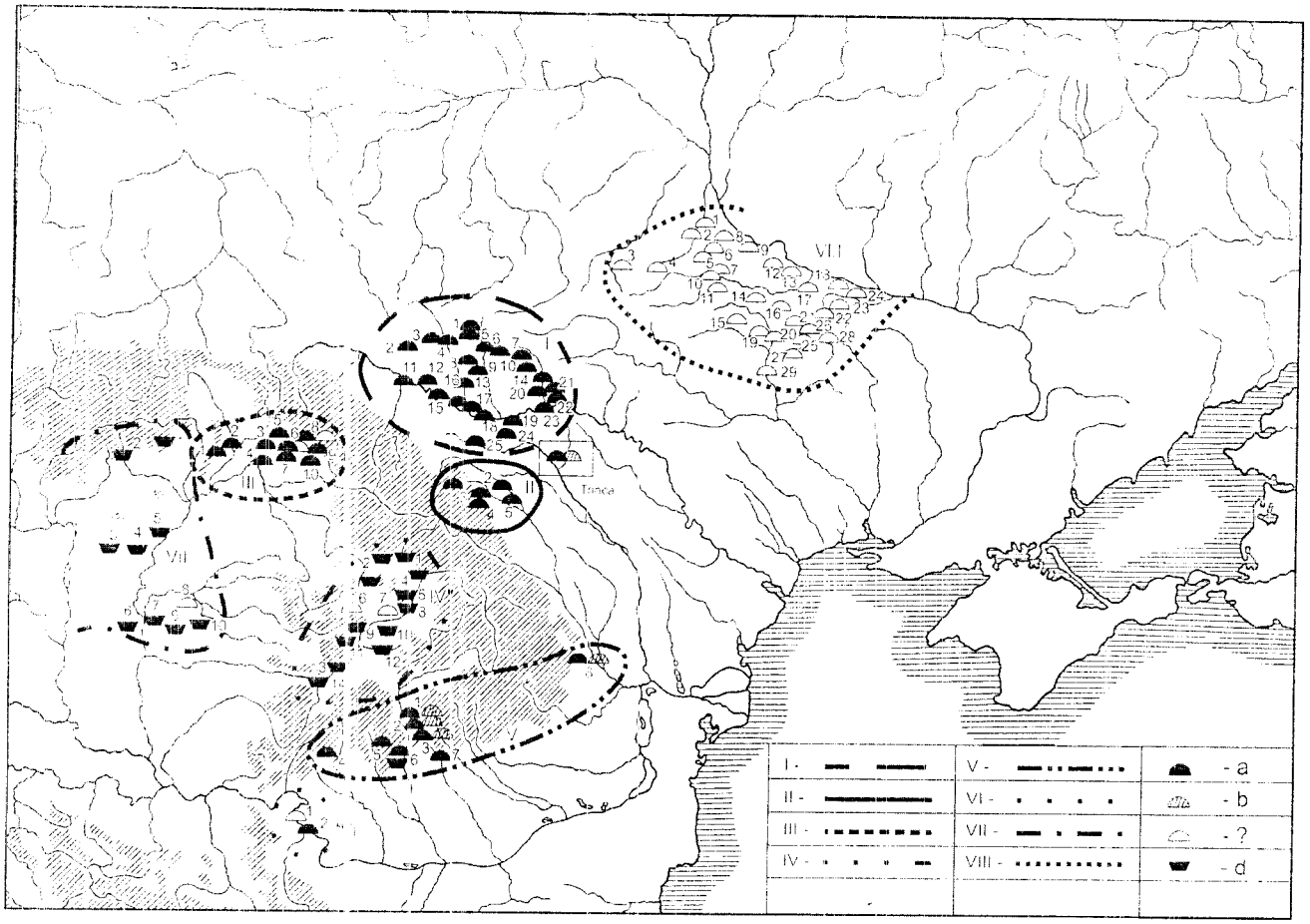


Fig. 2. Grupuri culturale sincrone necropolei examinate, în obiectivele funerare ale cărora au paralele parametrii atestați la Trinca. **I** – grupul podolian de vest (1 – Novoselka-Grimajlovskaja, 2 – Ivanovka, 3 – Ladyčin, 4 – Myškovcy, 5 - Kačanovka, 6 – Servatincy, 7 – Ivanovcy, 8 – Rakov Kut, 9 – Šidlovcy, 10 – Kupin. 11 – Bratyšev, 12 – Beremjany, 13 – Bilče Zolotoe, 14 – Zavadincy, 15- Gorodnica (reg.Ivan Franco), 16 – Duplisk, 17 – Gorodok, 18 – Perebykovcy, 19 – Dolinjany, 20 – Šutnivcy, 21 – Lenkovcy, 22 – Loevcy, 23 – Gorodnica (reg. Ternopol), 24 – Kruglik, 25 – Novoselka); **II** – grupul podolian-moldav (1 – Vicovu de Sus, 2 – Satu Mare, 3 – Volovăț, 4 – Cașvana, 5 – Vornicenii Mici); **III** – cultura Kuștanovice (1 - Nevicke, 2 – Malye Geevcy, 3 – Žornino, 4 – Lesovica, 5 – Kuštanovice 6 –Cernyj Potok, 7 – Dunkovice, 8 – Kolodnoe, 9 – Osoj, 10 – Beleki); **IV** – grupul scitic din Transilvania (1- Mărășelu, 2 – Fîntânele, 3 – Gădăliu, 4 – Băița, 5 – Șopteriu, 6 – Câmpia Turzei, 7 – Cipău, 8 – Târgu Mureș, 9 – Cimbrud, 10 – Ozd, 11 – Teiuș. 12 – Blaj, 13 – Blandiana, 14 – Simeria); **V** – grupul Bîrsești-Ferigile (1 – Cepari, 2 – Tigveni "Pietroasa", 3 – Tigveni "Babe", 4 – Telești-Drăgoești 5 - Vaideeni, 6 – Ferigile, 7 – Țițești, 8 – Bârsești); **VI** – grupul Balta Verde și Gogoșu (1 – Gogoșu, 2 – Balta Verde); **VII** – cultura Vekerzug (1 – Monaj, 2 – Mátraszele, 3 – Tápiószentmárton, 4 – Tápiószele, 5 – Heves, 6 – Czanytelek, 7 – Sentes-Vekerzug, 8 – Gyoma, 9 – Orosháza, 10 – Békéscsaba "Fényes", 11 – Zöldhalompuszta); **VIII** – grupul scitic timpuriu din dreapta Niprului Mijlociu (1 – Glevacha, 2 – Malaja Ofirna, 3 – Novaja Kotel'nea, 4 – Žovtneve, 5 – Perepjaticha, 6 – Lazurcy, 7 – Steblev, 8 – Kazarovcy, 9 – Trachtemir, 10 – Medvin, 11 – Kurilovka, 12 – Berestnjagi, 13 – Bobrica 14 – Berkozovka, 15 – Ryžanovka, 16 – Garnarnja, 17 – Jasnozor'e, 18 – Tašlyk (Kovalicha), 19 – Špoly, 20 – Konstantinovka, 21 – Cvetkovo, 22 – Tenetinka, 23 – Žabotin, 24 – Guljaj Gorod, 25 – Makeevka, 26 – Repjachovataja Mogila, 27 – Žurovka, 28 – Ositnjažka, 29 – Turija).
Semne convenționale: a – tumuli cu manta de piatră și pămînt; b – tumuli prevăzuți cu o movilită de pămînt suprapusă de mantaua de piatră și pămînt; c – tumuli cu mantaua de pămînt; d – necropole plane.

15).Tumuli cu structura asemănătoare cu a celora de la Ferigile : inventarul mormântului depus pe sol, acoperit cu o movilită de bolovani depuși pe mai multe straturi, sunt caracteristice și pentru necropolele de la Vaideeni (Vulpe 1967, 19) și de la Telești-Drăgoești (Berciu, Comșa 1956, fig. 193; Vulpe 1967, 28; Călătoiu, Mocioi, Marinoiu 1987, 88). În necropolele Tigveni "Babe", Tigveni "Pietroasa", Cepari "Toplița" și Țițești se evidențiază două tipuri de tumuli. Primul, de dimensiuni mici, pietrele mantalei fiind depuse într-un singur strat pe solul antic. Al doilea, de dimensiuni mai mari, mantaua de piatră cu grosimea de circa 0,5 m suprapune o manta de pământ amenajată asupra inventarului funerar depus pe solul antic. Mantalele de piatră ale ambelor tipuri la rândul lor erau acoperite cu un strat de pământ vegetal (Vulpe, Popescu 1972, 88; Popescu, Vulpe 1982, 108, 102, 110–111, fig. 23). În necropola de la Bârsești înmormântarea depusă pe solul antic era acoperită cu o manta din pământ roșcat, suprapusă de un strat de pietre de râu, mai subțire pe creștetul movilei și mai gros la poale, acoperit la rândul său de un strat de pământ arabil (Morintz 1957,

219, fig. 1). Mantalele din bolovani de râu mai fiind atestate de asemenea şi în necropola de la Balta Verde (Berciu, Comşa 1956, 322, fig. 123). Diametrele tumulilor de la Bârseşti variază între 7 şi 20 m, înălţimile, 0,25–1,5 m, iniţial prevăzute pentru o singură înmormântare, în care ulterior au fost depuse şi alte morminte secundare (Morintz 1957, 221, fig. 1) Dimensiuni similare şi predestinaţie analogică aveau şi tumulii din necropolele de la Ferigile (Vulpe 1967, 19) şi de la Gogoşu (Berciu, Comşa 1956, 453).

Referitor la zona de silvostepă din Dreapta Niprului menţionăm doar, că movilele înălţate din pământ erau predestinate numai pemtru o singură înmormântare (Ковпаненко 1981, 63; Ковпаненко и др. 1989, 28).

CONSTRUCŢII FUNERARE

Construcţiile funerare în tumulii din necropola Trinca "Drumul Feteştilor" sunt rare. Atât resturile cinerare, cât şi inhumaţiile, de regulă ,se depuneau sub mantaua tumulului, direct la suprafaţa orizontului antic, fără amenajarea construcţiilor sepulcrale. În acelaşi timp, în unii tumuli au fost atestate:

a) vestigii ale construcţiilor de lemn, amenajate la suprafaţa orizontul antic, ulterior arse;

b) gropi adâncite în lutul galbem, viu (fig. 1,3).

Vestigiile construcţiei de suprafaţă, depistate în tumulul nr. IIIb, reprezintă o platformă de lut ars de formă ovală (0,9 x 0,7 m) şi grosimea de 0,05 m, orientată pe axa sud-nord, special amenajată la suprafaţa orizontului antic. La nivelul depistării platforma era încunjurată de 6 gropi dispuse câte două în trei grupe în partea de sud-est, nord-est şi nord-vest a platformei. Pe suprafaţa platformei se găsea un strat răvăşit de fragmente mici de oase umane calcinate, fragmente de ceramică grosieră şi cărbuni de lemn. Umplutura gropilor consta din pământ ars cu incluziuni de cenuşă, cărbuni de lemn şi pietre arse.

Gropi au fost descoperite în doi tumuli - nr. I şi III. În ambele cazuri, ele sunt amplasate la periferia mantalelor de piatră, în partea ei de nord, respectiv, de sud.Groapa din tumulul nr.I, de formă ovală alungită (2,54 x 0,96 m) şi adâncimea de 1,32 m, era orientată în direcţia nord-vest – sud-est. Secţiunea transversală a gropii este conică (pereţii logitudinali se îngustează lin spre fund). Groapa la nivelul de la care a fost săpată, a fost prevăzută cu un acoperiş din bârne. Umplutura consta din pământ negru granulat, pietre, fragmente de lemn, spre fund cu o cantitate mare de cărbuni de lemn şi câteva oase de animale. Bârnele acoperişului şi pereţii , în partea superioară a gropii atestă evidente urme de ardere. Groapa din tumulul nr. III, de formă ovală (0,84 x 0,34 m) şi adâncimea de 0,4 m este orientată în direcţia nord-ves – sud-est. Secţiunea gropii este tronconică, prevăzută în partea de nord-vesr cu o treaptă. Umplutura consta din pământ cenuşiu şi pietre de calcar.

Depunerea resturilor cinerare şi a defuncţilor direct sub mantaua tumulului, pe suprafaţa orizontului antic, fără amenajarea construcţiei sepulcrale, era frecvent practicată de către comunităţile umane din perioada hallstattiană târzie, cărora le sunt caracteristice necropolele tumulare (fig. 3).

Înmormântarea defuncţilor pe solul antic asupra cărora se ridica mantaua tumulară predomină în cadrul ritualului funerar al comunităţilor grupului podolian de vest din zona Nistrului de Mijloc (Мелюкова 1958, 40), precum şi din depresiunea Rădăuţi din sudul Bucovinei (tumulul nr.VII, din necropola de la Volovăţ, pe solul vechi fiind prevăzut cu o platformă de pământ şi prundiş) (Ignat 1978, 121). Comunităţile culturii Kuştanovice, deasemenea, mai frecvent înmormântau defuncţii direct pe suprafaţa orizontului antic, pe o platformă de pământ, sau în gropi mici, acoperite de mantaua tumulului (Смирнова, Берлякович 1965, 91; Смирнова 1979a, 51). Mormintele cu inventarul depus pe solul antic predomină şi în cadrul necropolelor tumulare din regiunea Carpaţilor meridionali de la Ferigile (Vulpe 1967, 22–23); Vaideeni (Ibidem, 19); Tigveni "Babe" (Vulpe, Popescu 1972, 78); Tigveni "Pietroasa"(Popescu, Vulpe 1982, 110–111); Cepari "Topliţa"(Ibidem, 102);Ţiţeşti (Ibidem, 111); Teleşti-Drăgoeşti (Vulpe 1967, 28; Călătoiu, Mocioi, Marinoiu 1987, 88) şi de curbură, de la Bârseşti (Morintz 1957, 221; 1959, 355; 1959a, 231; 1961, 201.), precum şi din Câmpia Dunăreană–la Balta Verde (Berciu, Comşa 1956, 390-391) şi Gogoşu (Ibidem, 409). La Tigveni "Babe", Teleşti şi Balta Verde, în unele, cazuri resturile cinerare, respectiv, inhumaţiilee erau depuse pe un pat/strat subţire de pietre de râu.

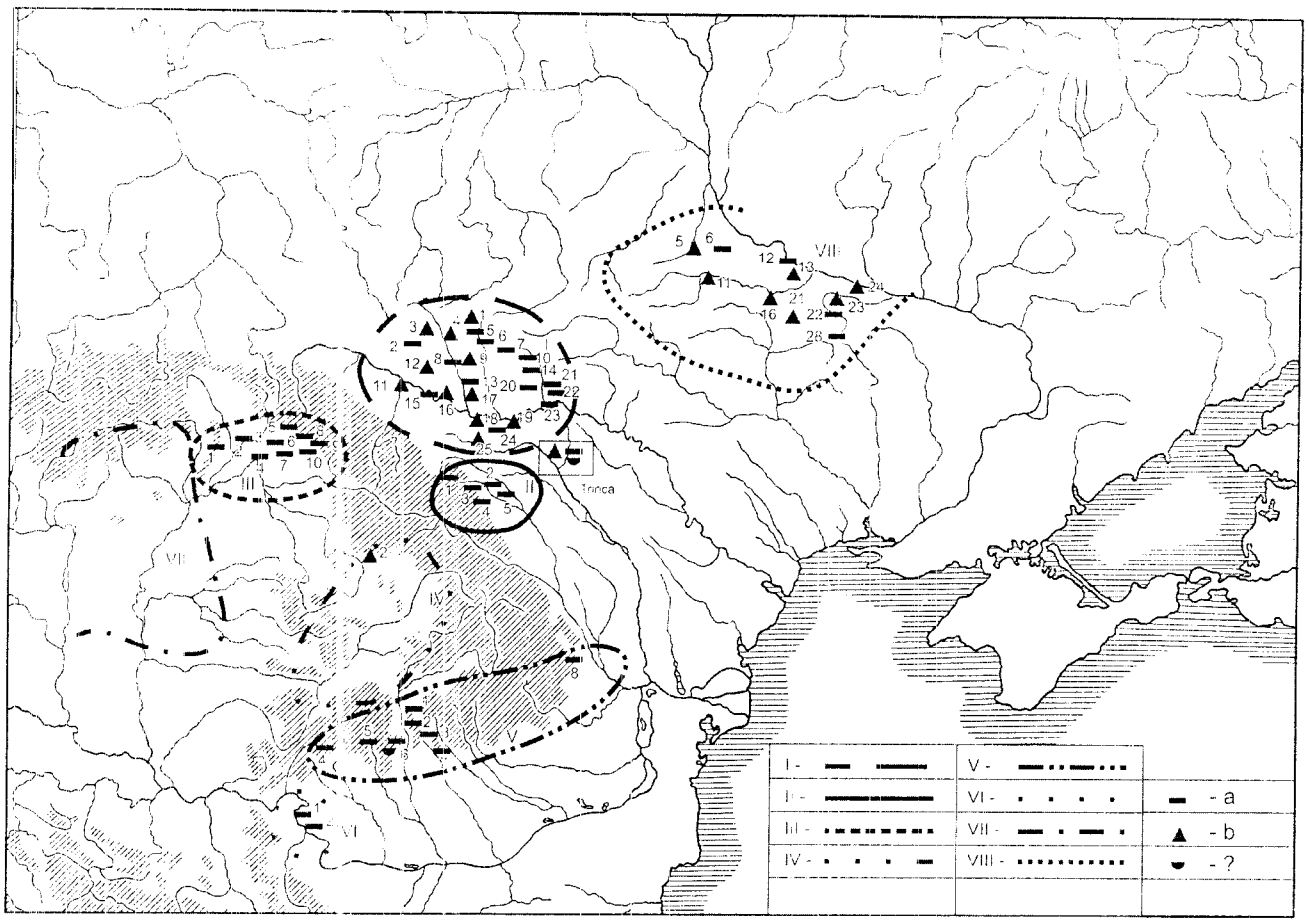


Fig. 3. Paralele pentru construcţiile funerare depistate la Trinca în necropole grupurilor culturale sincrone. Semne convenţionale: a - resturi cinerare depuse pe suprafaţa orizontului antic; b – construcţii de lemn şi piatră amenajate la suprpafaţa orizontului antic; c – gropi.

Platforma de lut ars, amenajată la suprafaţa orizontului antic, orientată pe axa sud-nord, şi gropile (6 la număr) dispuse în jurul ei, săpate de la nivelul de depistare a platformei, depistate în tumulul nr. IIIb din necropola de la Trinca, reprezintă vestigiile unei construcţii funerare de lemn (cavou). Construcţii analogice cunoaştem în aria grupului podolian de vest, unde construcţiile de lemn pereţii cărora constau din stâlpi verticali şi bârne dispuse orizontal erau amplasate atât la suprafaţa orizontului antic, cât şi în gropi mari rectangulare (Sulimirski 1936, 81; Мелюкова 1958, 40; Смирнова 1977, 38 рис. 1,2.5.7; Idem 1977a, 3-10; Idem 1979, 61; Idem 1997, 57; Малеев 1991, 124-125,127, рис. 1; Крушельницкая 1990, 152). Printre construcţiile funerare de suprafaţă cunoscute în obiectivele grupului podolian de vest, cavoul de la Trinca, după aşa parametri precum: prezenţa platformei în incinta marcată de gropile de pari; orientarea platformei pe axa sud-nord; prezenţa în umplutura gropilor a pietrelor folosite la întărirea capetelor inferioare a stâlpilor, are similitudini cu construcţiile din: tumulul "A» de la Novoselka Grimajlovskaja, unde locul pe care a fost efectuată incinerarea prezintă o platformă de pietre, lipite cu un strat de lut galben, feţuit cu o masă de lut alb, pereţii fiind din stâlpi dispuşi vertical (Sulimirski 1936, 81; Мелюкова 1958, 40); tumulul nr. 2 de la Duplisk, în care locul înmormântării a fost amenajat în mod similar (Sulimirski 1936, 71); tumulul nr. 1 de la Gorodok, prevăzut cu o platformă de construcţie similară cu suprafaţa presărată cu un strat subţire de var (Ibidem, 68); tumulul nr. I de la Myškovcy, în care construcţia funerară consta din patru gropi de pari pe colţurii, care marcau camera funerară cu suprafaţa de 14 m.p., axată sud-nord, pereţii căreia erau din bârne dispuse orizontal, iar fundul reprezenta o platformă dreaptă cu suprafaţa feţuită cu lut de culoare deschisă (Малеев 1991, 127); tumulul de la Novoselka, în care înmormântarea a fost depusă pe o lespede rotundă de piatră (Ibidem, 128); tumulii din necropola de la Perebykovcy, unde podelele cavourilor erau pavate cu lespezi de piatră, iar în tumulii nr. 1 şi nr. 2 fiind şi lipite cu lut (Смирнова 1979, 61); tumulii de la Šutnivcy, fundurile gropilor cărora erau aşternute cu pietre plate subţiri (Гуцал, Гуцал, Мегей 1998, 74-75).

În zona de silvostepă din Dreapta Niprului, construcţiile funerare de lemn amplasate la suprafaţa orizontului antic, ulterior arse, sunt cunoscute deja în perioada prescitică (Ильинская 1975, 83-85; Ковпаненко 1981, 68), totodată, în perioada scitică arhaică (secolele VII–VI î.e.n) ele se întâlnesc extrem de rar (Ковпаненко 1981, 68, Табл. 1; Ковпаненко и др. 1989, Табл. 4), mai frecvente fiind cavourile de lemn de diverse tipuri şi dimensiuni amenajate în gropi, ponderea cărora este de circa 30% din lotul mormintelor scitice timpurii (Ковпаненко и др. 1989, 32).

Gropile săpate de la nivelul orizontului antic, la periferia mantalei de pietre cu forma, dimensiunile, orientarea şi caracterul umpluturii asemănătoare cu cele depistate în tumulul nr. I şi nr. III din necropola de la Trinca, în obiectivele funerare hallstattiene târzii-scitice timpurii nu ne sunt cunoscute. Ele sunt net deosebite de gropile de formă circulară (0,5 x 0,6, adâncimea 0,6 m), pavate cu pietre, umplutura cărora constă din pământ, pietre, bucăţi de lemn, cărbuni, cenuşă, precum şi piese de inventar descoperite în tumulii grupului podolian de vest, iniţial considerate gropi rituale (Sulimirski 1936, 8; Мелюкова 1958, 41). Cercetările ulterioare întreprinse în necropolele de la Dolinjany (Смирнова 1977, 40), Perebykovcy (Смирнова 1979, 63; Смирнова 1977a, 3-10) a permis sa se stabilească predestinaţia reală a acestora – gropi pentru stâlpii construcţiilor funerare de lemn amenajate la suprafaţa orizontului antic. Gropile din tumulii de la Trinca se deosebesc şi de cele două gropi de dimensiuni mici, (diametrele 0,35, respectiv, 0,25 , adâncimea 0,15 m) săpate în suprafaţa rugului funerar din tumulul nr. VII de la Volovăţ, umplutura cărora consta din cenuşă, cărbuni, lut înroşit în foc, precum şi unele piese de inventar (Ignat 1972, 122). Construcţiile adâncite din tumulii discutaţi, deasemenea nu au nimic comun nici cu gropile circulare de dimensiuni şi adâmcime mică, depistate în suprafeţele rugurilor funerare din tumulii necropolelor culturii Kuštanovice, predestinate pentru depunerea resturilor cinerare adunate de pe platforma din incinta tumulului, sau de pe locul special amenajat în afara tumulului (Смирнова, Бернякович 1965, 91; Смирнова 1979a, 51; Поповић 1990, 159; Idem 1993, 265).

În acelaşi timp menţionăm că gropi de formă ovală situate la periferia mantalelor tumulilor sunt atestate în tumulii nr. XV,XVI,XXI din necropola culturii Kuštanovice, Kolodnoe II (Смирнова, Бернякович 1965, 106-109, рис. 1,2.4). Groapa din tumulul nr. XV (1,15 x 0,55 m, adâncimea de 0,1 m), orientată pe axa sud-nord cu o mică deviere spre est a fost săpată la periferia mantalei de pământ , la o anumită distanţă de aglomeraţiile de piatră amenajate în partea de vest şi de est a rugului funerar (Ibidem, рис. 1); în tumulul nr. XVI groapa (1,7 x 1,3 m, adâncimea de 0,4 m), orientată nord-vest–sud-est este situată spre sud-vest de rugul funerar (Ibidem, рис. 2); în tumulul nr. XXI, groapa (2,8 x 0,95 m), adâncită cu 0,2 m, orientată sud-vest–nord-est, este amplasată la periferia de sud-est a mantalei de piatră, fiind parţial acoperită de ea (Ibidem, рис. 4). Umplutura lor consta din cărbuni, cărbuni şi bucăţi de pământ ars, respectiv, cărbuni, cenuşă şi mici fragmente de oase calcinate. În tumulii nr. XV şi XVI care conţineau incineraţii efectuate în locul unde ulterior sau ridcat tumulii, gropile sunt amplasate în apropierea rugurilor funerare şi erau predestinate depunerii cărbunilor. Incertă rămâne semnificaţia gropii din tumulul nr. XXI, care acoperea o incineraţie efectuată în afara tumulului. Posibil, ca resturile cinerare umane, de cărbuni şi de cenuşă se curăţeau în locul unde ulterior erau depuse în urne asupra cărora se ridica mantaua tumulului, iar pentru cărbuni şi cenuşă se săpa o groapă specială, practică confirmată şi de micile aglomeraţii de cărbune şi pământ ars aflate lângă vasele de ofrandă (Ibidem, 109).

Particularităţile constructive ale gropii din tumulul nr. 1 de la Trinca, îndeosebi, forma secţiunii transversale, prezenţa acoperişului din bârne, adâncimea considerabilă, componenţa umpluturii, demonstrează că ea a avut o altă predestinaţie. Posibil, reprezintă un mormânt cenotaf, amenajat în acelaşi vreme cu efectuarea incineraţiei incomplete (mormântul principal din tumul) suprapus de mantaua de piatră , apoi acoperite cu o manta de pământ comună.

În această ordine de idei, ţinem să menţionăm că o construcţie funerară asemănătoare a fost cercetată în cadrul necropolei plane de la Ferigile. Aici, mormântul nr. 10 a fost depus într-o groapă mare ovală-alungită (2,26 x 0,85 m), adâncimea de 1,3 m, de forma unui şanţ cu deschiderea mai largă. Pământul gropii conţinea pigmenţi de arsură şi cărbuni. Pe fund se afla o mare cantitate de cioburi de ceramică puternic arse, bucăţi de cărbune, bucăţi mari de arsură cu amprente produse de capete de nuiele, câţiva bolovani de râu, ş.a., oasele calcinate lipsind complet (Vulpe 1967, 187). Cosultarea planului necropolei plane de la Ferigile (Ibidem, fig. 23) denotă faptul că groapa motmântului nr. 10 era axată nord-vest –

sud-est. Forma de şanţ cu deschiderea largă, în expresia cercetătorului, eventual, trebuie atribuită secţiunii transversale a gropii. Bucăţile mari de arsură cu amprente de nuiele, considerate de A.Vulpe ca fragmente ale unei vetre, s-ar putea să provină de la acoperişul gropii, construit din nuiele pe care sa aplicat un strat de lut. Astfel, similitudinea gropii mormântuli-cenotaf din tumulul nr. 1 de la Trinca şi cea a mormântului nr. 10 din necropola plană de la Ferigile este evidentă. În ambele lipsesc oasele umane calcinate. Deosebirea constând în faptul că la Trinca sau găsit doar oase de la ofranda de carne, pe când la Ferigile, inventar funerar format din mai multe vase de lut ars şi piese de fier corodate.

PRACTICI FUNERARE

Pentru necropola tumulară Trinca "Drumul Feteştilor" este caracteristic biritualismul, incinerarea şi inhumarea, raportul dintre ele fiind, respectiv 7:3 (fig. 1,4). Incineraţiile se efectuau în mod diferit.

I. în afara locului înmormântării, resturile cinerare fiind adunate şi împreună cu inventarul erau:

I.a - plasate în locul unde trebuia sa fie înmormântarea, direct pe nivelul orizontului antic (tumulii nr. V–IX);

I.b. - depuse în urne fără capac (tumulul nr. III, aglomeraţia B).

II. nemijlocit pe locul unde ulterior se ridica tumulul, resturile cinerare rămânând pe loc:

II.a. – cremaţii incomplete direct pe suprafaţa orizontului antic (tumulul nr. 1);

II.b – cremaţii complete în construcţii sepulcrale de suprafaţă (tumulul nr. IIIb).

Incineraţiile de tipul I sunt complete. Mormintele variantei Ia sunt reprezentate prin resturi cinerare (fragmente mici de oase umane calcinate, cenuşă, cărbuni, pietricele arse până la transformare în var, bulgări de pământ ars) care împreună cu inventarul sunt răspândite în centrul tumulului pe o suprafaţă de circa 3–4 m.p. (tumulii nr. V,VI,IX), 6–7 m.p. (tumulul nr. VII) şi circa 13–15 m.p. (tumulul nr. VIII).

Varianta Ib este reprezentată doar de un singur mormânt (tumulul nr. III, aglomeraţia B). în urna căruia era depusă o cantitate mică de oase calcinate curăţite de alte resturi de la rug. Pentru tumulii care conţin incineraţii de tipul I este caracteristic: pietrele ce formează partea interioară a ringului şi umplutura lui atestă urme evidente de ardere, cantitatea extrem de redusă a oaselor umane adunate, starea lor foarte fragmentară, gradul puternic de calcinare, lipsa (cu excepţia unor piese din tumulul nr. VII) urmelor de ardere secundară a inventarului, precum şi lipsa stratului de pământ ars în locul depunerii resturilor cinerare.

Incineraţiile de tipul II sunt mai puţin numeroase. Varianta IIa a acestei categorii de morminte, incineraţiile incomplete, a fost atestată doar în tumulul nr. I. Resturile ei fiind răspândite pe o suprafaţă de circa 7,5 m.p, grosimea stratului de pământ ars neuniform constituind circa 0,2 m. Gradul de cremare a oaselor este diferit. Foarte puternic sunt arse oasele craniului, braţelor şi posibil a picioarelor. Coastele şi fragmentele coloanei vertebrale sunt arse într-o măsură mai mică. Identificarea aparteneţei oaselor la diferite părţi a scheletului a făcut posibil constatarea că, iniţial defunctul fusese depus în poziţie chircită pe o parte cu craniul orientat în direcţia nord-vest. Varianta Ib, deasemenea, este reprezentată doar de un singur mormânt, incineraţie completă efectuată împreună cu construcţia de lemn amenajată la suprafaţa orizontului antic (tumulul nr. IIIb). Grosimea stratului de pământ ars din interiorul construcţiei, suprapus de platformă este de circa 0,08 m. În incinta rugului funerar, pe platformă, se găsea o cantitate neînsemnată de oase calcinate.

Practicile funerare respectate în cadrul înmotmântărilor conform ritului de incinerare apar în mai multe variante, deseori enigmatice. Se are în vedere în primul rând acţiunile efectuate în procesul înmormântărilor de tipul Ia (tumulii nr. V–IX) şi de tip IIa (tumulul nr. I). Faptul că cremaţiile de tipul Ia au fost efectuate în afara locului înmormântării este argumentat prin aceia că, în centrul tumulilor, unde erau răspândite resturile cinerare nu a fost evidenţiat stratul de pământ ars, inevitabil în cazul arderii nemijlocite a cadavrului. Piesele de inventar (cu excepţia unora din tumulul nr. VII) nu atestă urme de ardere secundară, atunci când pietrele din partea interioară a ringului şi cele ce nemijlocit suprapun înmormântările sunt arse puternic. Resturile cinerare şi inventarul în tumulii nr. VI şi VIII erau protejate de o mică movilită de pământ, ce ar prezenta o explicaţie. În tumulii nr. V, VIII şi

IX ele împreună cu inventarul erau acoperite nemijlocit de pietrele cu urme evidente de ardere. Posibil, neafectarea inventarului de foc în aceşti tumuli se datorează grosimii mantalelor de piatră şi, eventual, rugurilor de proporţii mai mici. Explicaţia posibilă a acestor realităţi ar fi: defuncţii, deposedaţi de piesele de podoabă, de port şi de ustensile erau cremaţi pe un loc special amenajat; resturile cinerare adunate de la rug împreună cu piesele ce le-a deţinut şi vesela (vase întregi, sau sparte ritual la locul înmormântării) se împrăştiau în incinta ringului de piatră; tot atunci depunându-se şi ofranda de carne (tumulul nr. VI), apoi urma acoperirea lor cu un strat de pământ suprapus de mantaua de pietre (tumulii nr. VI şi VII), sau exclusiv de mantaua de pietre (tumulii nr. V, VIII, IX). Ulterior asupra mantalei de piatră se ardea un rug ritual, concomitent cu care avea loc "ospăţul funebru" (tumulul nr. VI şi VIII), însoţit de spargerea vaselor ce conţineau ofrande (mâncăruri, băuturi) şi, în sfârşit – acoperirea construcţiei de piatră cu un strat de pământ. În cazul înmormântării din tumulul nr. VII, se poate presupune că unele dintre vase au fost sparte la rug şi că împreună cu fusaiola au nimerit pe jăratic, de unde cu resturile de ardere au fost aduse la locul ridicării tumulului.

Referitor la incineraţia de tip IIa din tumulul nr. I, remarcăm că incontestabilitatea efectuării ei pe locul ridicării tumulului este evidentă. În acelaşi timp, cu excepţia unor vârfuri de sageată de os, inventarul mormântului nu atestă urme de ardere secundară. Posibil, că aceasta se datorează faptului că acoperirea rugului cu pietre a avut loc înaintea arderii lui complete, în rezultat scheletul a fost cremat incomplet, focul afectând doar unele piese de inventar.

Inhumaţiile depistate în tumulii de la Trinca, sunt depuse exclusiv direct pe suprafaţa orizontului antic, nemijlocit pe locul unde ulterior se amenaja mantaua de pietre şi pământ (tumulii nr. II, III, IV). Mormintele sunt în mare măsură deteriorate de lama plugului (tumulii nr. II şi IV), de către devastatori sau, probabil, de o reînhumare (tumulul nr. III). Oasele scheletelor sunt în stare fragmentară, împrăştiate pe o suprafaţă de circa 4,5 m.p. Poziţia şi orientarea defuncţilor nu a fost posibil de stabilit. În acelaşi timp, ţinând cont de faptul că în tumulul nr. I defunctul iniţial a fost depus în poziţie chircită pe o parte cu capul orientat spre nord-vest, considerăm că, posibil, aşa poziţie era practicată şi în cazul inhumaţiilor. Orientarea spre est poate fi presupusă doar pentru mormântul din tumulul nr. IV. Studierea vestigiilor scheletelor a permis constatarea faptului că în cadrul ritului de inhumaţie se practicau înmormântările singulare (tumulii nr. II şi IV), în pereche sau succesive şi, probabil reânhumările (tumulul nr. III).

De rând cu mormintele săvârşite comform ritului incinerării şi a inhumării care ocupau o poziţie centrală sub mantaua de piatră amenajată cu această ocazie, tumulii nr. I şi III din necropola de la Trinca conţineau şi câte un mormânt-cenotaf (desemnate, morminte secundare, cu nr. 2). Caracterul de mormânt-cenotaf al acestora a fost argumentat mai sus, cu ocazia analizei construcţiilor sepulcrale. Mormintele-cenotaf spre deosebire de mormintele centrale efectuate direct pe suprafaţa orizontului antic, erau amenajate în gropi ovale, orientate pe axa nord-vest – sud-est, amplasate la periferia mantalelor de piatră. Resturile cinerare sau de inhumare lipsesc. Cu excepţiaa oaselor de animale de la ofranda de carne (tumulul nr. I), alte piese de inventar nu au foast depistate, umplutura gropilor constând din pământ negru sau cenuşiu, pietre, fragmente de lemn putrezit şi cărbuni.

Biritualismul (practicarea incinerării şi inhumării) atestat în necropola Trinca "Drumul Feteştilor" reprezintă un fenomen caracteristic pentru comunităţile mai multor culturi şi grupuri culturale din perioada hallstattiană târzie – scitică timpurie, atât care practicau necropolele tumulare, cât şi cele plane (fig. 4): grupul podolian de vest din zona Nistrului de Mijloc şi a Subcarpaţilor Moldovei (Мелюкова 1958, 40; Смирнова 1980, 236; Петренко 1989, 73; Крушельницкая 1990, 152; Ignat 1978, 121; Idem 2000, 332); cultura Vekerzug din Ungaria de Nord-Est şi Slovacia de Sud-Vest (Йерем 1986, 174; Мелюкова 1989, 90); grupul scitic din Transilvania (Vasiliev 1980, 90); necropola de la Gogoşu din Câmpia Dunăreană (Berciu, Comşa 1956, 405,453,456), precum şi cultura scitică timpurie din zona de silvostepă din Dreapta Niprului (Ильинская 1975, 80; Ковпаненко 1981, 68-70; Ковпаненко и др. 1989, 34-35). Exclusiv incinerarea era practicată în cadrul culturii Kuštanovice din regiunea Transcarpatică a Ucrainei (Смирнова, Бернякович 1965, 91; Смирнова 1979a, 51; Попович 1990, 158-159; 1993, 264), grupului Ferigile–Bârseşti din zona Carpaţilor meridionali şi de curbură (Vulpe 1967, 20; Morintz 1957, 201), precum şi în unele necropole a culturii Vekerzug (Мелюкова 1989, 99), iar inhumarea – în necropola de la Balta Verde din Câmpia

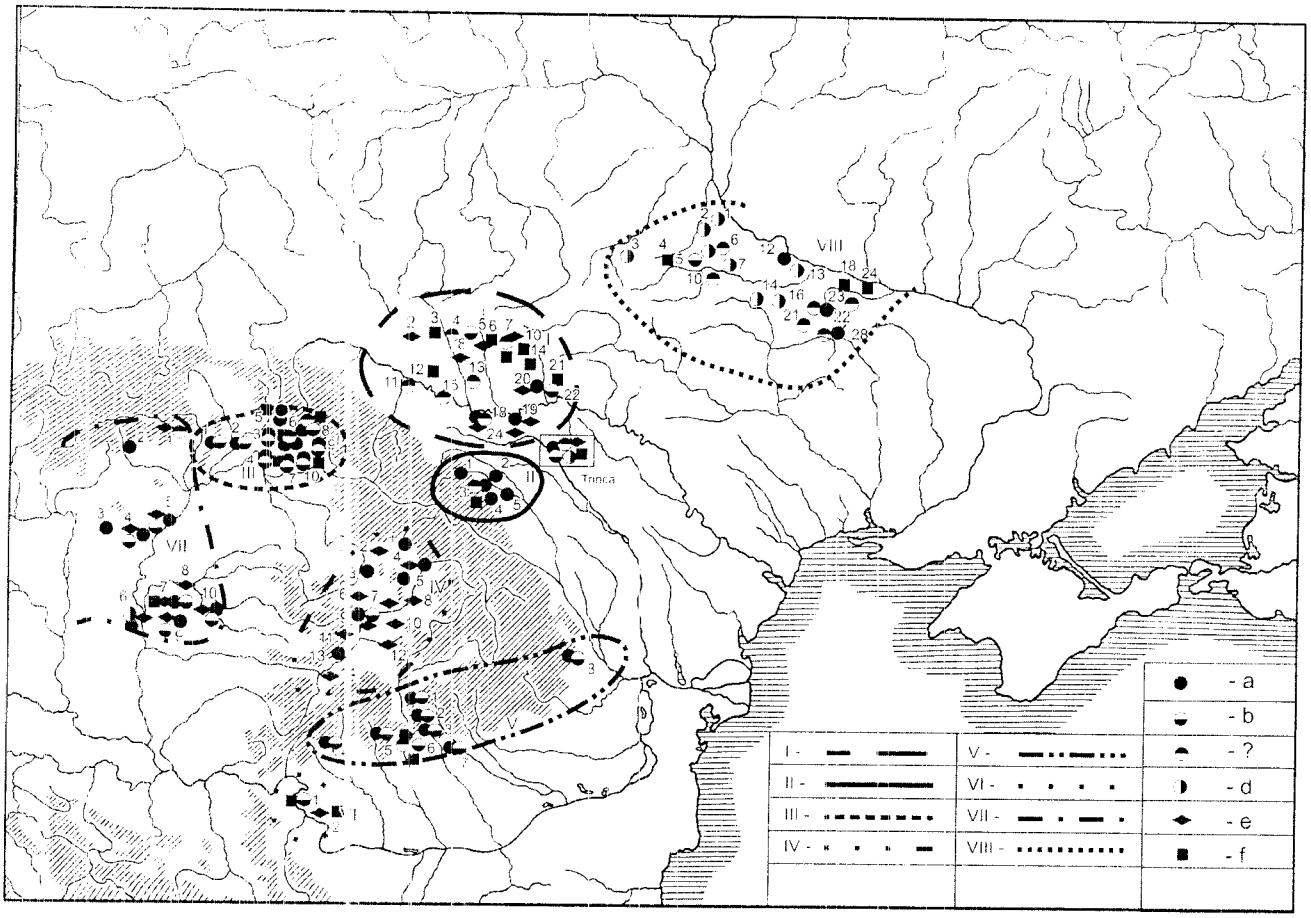


Fig. 4. Paralele pentru tipurile de morminte depistate la Trinca în necropolele grupurilor culturale sincrone. Semne convenționale: a – resturi cinerare depuse pe orizontul antic; b – resturi cinerare depuse în urne; c – incinerări complete efectuate în construcții de suprafață; d – incinerări incomplete; e – inhumări; f – cenotafe.

Dunăreană (Berciu, Comșa 1956, 391-392). Ponderea incinerărilor și a inhumărilor în ritul funerar al unităților culturale care practicau biritualismul este diferită. Incinerările predomină în practicile funerare ale comunităților grupului podolian de vest (Мелюкова 1958, 40; Смирнова 1980, 243; Крушельницкая 1990, 152-153; Ignat 2000, 332-333). În cadrul culturii Vekerzug, grupului scitic din Transilvania, necropolei de la Gogoșu și a culturii scitice timpurii din silvostepa din Dreapta Niprului mai frecvente sunt inhumările, care constituie: 35-82% în Nord-Estul Ungariei (Йерем 1986, 176); 94% în Transilvania (Vasiliev 1980, 41); circa 66% în necropola de la Gogoșu (Berciu, Comșa 1956, 453) și 74% în silvostepa din Dreapta Niprului (Ковпаненко и др. 1989, 34).

Semnificativ este faptul că ambele rituri erau practicate atât în cadrul aceleiași necropole, cât și a unor complexe aparte. În zona Nistrului de Mijloc, în necropola de la Perebykovcy, cavourile din tumulul nr. 3 și nr. 5, conțin atât resturi cinerare, cât și oase ale unor inhumări în pereche (femeie și copil) (Смирнова 1979, 51,57). În necropola de la Šutnivcy, cavoul din tumulul nr. I conținea oase calcinate și părți a unei inhumări, iar în tumulul nr. IV, sau depistat trei morminte sincronice, cel central reprezintă o inhumare în pereche, celelalte două – incinerări (Гуцал, Гуцал, Мегей 1998, 74-75). Mormântul 3 din necropola de la Ciumbrud din Transilvania conținea scheletul unei femei adulte și resturile cinerare ale unui copil depuse în urnă cu capac (Vasiliev 1980, 56). Situație similară este atestată și în necropola de la Oroshaza din Ungaria de Nord-Est, unde în mormântul 158 a fost descoperită o inhumare însoțită de o incinerare în urnă (Йерем 1986, 178, nota, 327). Practicarea ambelor rituri în cadrul aceluiași complex funerar este înregistrată și în zona de silvostepă din Dreapta Niprului. În tumulii nr. 174 și nr. 177 din grupul tumular din bazinul râului Tenetinka, în aceiași groapă se găsea scheletul unui matur, întins pe spate cu craniul orientat spre vest, alături de care era depusă o incinerație (Ильинская 1975, 81, 85). În tumulul de la Perepjaticha au fost depistate atât inhumări, cât și incinerări depuse în vase-urne, precum și în gropi-urne special săpate în podeua camerii sepulcrale (Ковпаненко и др. 1989, 34; Скорий 1990, 12-13).

Obiceiul cremării defuncților în afara locului înmormântării, resturile cineraree fiind adunate și depuse direct pe solul antic, cel mai frecvent practicat de comunitatea care a lăsat necropola de la Trinca, sau depuse în urne, atestat într-un singur caz, în practicile funerare din perioada hallstattiană târzie-scitică timpurie a avut o mare răspândire. În aria grupului podolian de vest, incinerarea se efectua în crematorii special amenajate, de tipul celui descoperit în tumulul nr. 6 din necropola de la Perebykovcy (Смирнова 1979, 60). Resturile cinerare adunate, de regulă, erau depuse direct pe fundul cavourilor – tumulii nr.2 și 4 de la Perebykovcy (Ibidem, 45, 55); tumulii nr. 2-4 de la Dolinjany (Смирнова 1977, 38); grămăjoară pe fundul gropii – tumulul nr. 3 de la Šutnivcy (Гуцал, Гуцал, Мегей 1998, 75); sau direct pe sol – necropola Cașvana-Codru (Ignat 2000, 333), fără utilizarea urnelor. Depunerea oaselor calcinate în urne este atestată doar sporadic – într-un tumul de la Kačanovka (Sulimirski 1936, 84; Мелюкова 1958, 41) și în tumulul nr. 1 ,deteriorat, de la Loevcy (Крушельницкая 1990, 140). În primul caz cremarea a fost efectuată în incinta unui ring de piatră, unde a și fost depusă urna, la rândul sau protejată și acoperită cu lespezi de piatră.

Incinerarea în afara locului unde avea loc înmormântarea predomină în practicile funerare ale comunităților culturii Kuštanovice, resturile cinerare fiind apoi depuse în urne (159 de morminte în 64 de tumuli), în gropi mici . sau în grămăjoare, direct pe suprafața orizontului antic (Попович 1990, 159; 1993, 265; Смирнова 1979a, 51).

De regulă, conform acestui obicei erau efectuate incinerațiile atestate în cadrul culturii Vekerzug, resturile cărora se depuneau în urne sau pe fundul gropii (Йерем 1986, 176; Мелюкова 1989, 90), precum, și cele sporadic atestate în practicile funerare ale grupului scitic din Transilvania resturile depunându-se în grămăjoare în partea de nord-vest a gropii (Vasiliev 1980, 56-60).

În exclusivitate obiceiul cremării în afara locului înmormântării era practicat de către comunitățile tracice din zona Carpaților meridionali și de curbură. În necropola de la Ferigile, resturile cinerare, împreună cu inventarul erau depuse cu preponderență pe solul antic, în urne, sau în urne neacoperite amplasate în gropi drept unghiulare – tipurile de morminte Ia, Ib și III, după A-Vulpe (Vulpe 1967, 22-23). Situații similare au fost evidențiate și în necropolele Tigveni "Babe" (Vulpe, Popescu 1972, 78-79; Popescu, Vulpe 1982, 32), Tigveni "Pietroasa" (Popescu, Vulpe 1982, 110), Cepari "Topliță"(Ibidem, 102), Țițești (Ibidem, 111), Vaideeni (Vulpe 1967, 27), Telești-Drăgoești (Călătoiu, Mocioi, Marinoiu 1987, 88). În necropola de la Bârsești, resturile cinerare de obicei erau depuse în mici grămăjoare pe nivelul solului antic și numai în unele cazuri în urne (Morintz 1959, 355; 1959a, 231, 1961, 203). Incinerațiile depistate în necropola de la Gogoșu, fără excepție, sunt morminte în urne (Berciu, Comșa 1956, 410 și urm).

Sporadic, cremarea defuncților în afara locului înmormântării este atestată și în complexele funerare scitice arhaice din zona de silvostepă din Dreapta Niprului: tumulul nr. VI de la Ositnjazka, unde oasele calcinate au fost aduse din altă parte; tumulul nr. 174 din bazinul râului Tenetinka, în groapa căruia de rând cu scheletul unui matur au fost depuse vestigiile cinerare ale altuia (Ильинская 1975, 85); tumulul nr. 6 de la Berestnjagi, unde pe fundul gropii se găsea o grămăjoară de resturi cinerare și inventar fără urme de ardere (Ковпаненко 1981, 70).

Obiceiul incinerării nemijlocit pe locul unde ulterior se amenaja mantaua din pietre și pământ a tumulului, direct pe suprafața orizontului antic, sau în construcții sepulcrale de suprafață atestat în tumulii nr. I și IIIb din necropola de la Trinca, în perioada hallstattiană târzie–scitică timpurie, deasemenea a cunoscut răspândire largă.

Conform acestui obicei se efectua marea majoritate a incinerărilor în cadrul grupului podolian de vest, atât în zona Nistrului de Mijloc cât și a Subcarpaților Moldovei. După ardere, în cele mai multe cazuri, oasele erau lăsate pe suprafața rugului funerar, mai rar, adunate într-o grămăjoară (Мелюкова 1958, 41; Смирнова 1980, 236; Крушельницкая 1990, 152-153). Ambele variante cel mai autentic au fost constatate în necropola de la Perebykovcy: în cavoul tumulului nr. 6 oasele calcinate au fost lăsate pe suprafața rugului funerar; în cele din tumulul nr. 1 și nr. 3, separate de resturile rugului și se împrăștiau pe fundul cavoului (Смирнова 1979, 58, 41, 52). Obiceiul de a lăsa oasele umane calcinate pe locul arderii, deasemenea a fost atestat în tumulul nr. 1 de la Myškovcy (Малеев 1991, 125) și tumulul nr. 3 de la Ivanovcy, (Щукин 1989, 107), iar de a le aduna într-o grămăjoară în tumulul nr. 7 din necropola de la Volovăț (Ignat 1978, 121).

Mult mai rar, obiceiul cremării pe locul unde ulterior se ridica tumulul este atestat în cadrul culturii Kuštanovice – 11 din 95 de morminte investigate (Попович 1990, 158-159; Idem 1993, 264), descoperite numai în două necropole: Kolodnoe II, în care conform acestui obicei au fost efectuate o treime din 21 morminte cercetate (Смирнова, Бернякович 1965, 91) şi Cernyj Potok – 4 din 13 (Смирнова 1979a, 51). În tumulul nr. IV de la Cernyj Potok, cremările succesive au fost efectuate pe o platformă de lut ars de formă circulară (2,1 x 2,2 m) special amenajată la suprafaţa orizontului antic (Смирнова 1979a, 44). De regulă, oasele calcinate se lăsau pe loc şi doar o cantitate neînsemnată se depunea în urne, gropi de dimensiuni mici săpate în suprafaţa rugului funerar, sau se adunau în grămăjoare.

Sporadic, cremarea pe locul înmormântării era practicată şi de către comunităţile culturii Vekerzug din Nord-Estul Ungariei. În această categorie de morminte A.I. Meliukova include complexul funerar de la Monaj, unde într-o groapă cu adâncimea de 1,7 m, sub un strat de bârne de lemn putrezite, eventual, proveniite de la acoperişul gropii, au fost găsite oase umane calcinate, cenuşă şi cărbuni. Printre resturile cinerare, se aflau 20 de vârfuri de săgeată de bronz, arse intens şi fragmente dintr-un vas (Мелюкова 1989, 90).

Într-un singur caz practicarea acestui obicei este atestată şi în zona Carpaţilor meridionali, la Ferigile, în tumulul nr. 150, situat în preajma necropolei plane din partea de nord a satului (Vulpe 1967, 75, 78). Mormântul este reprezentat de un rug de formă ovală (2,2 x 1,16 m), suprafaţa căruia a fost complet curăţată, rămânând doar vatra de pământ ars. Oasele calcinate au fost depuse în două vase amplasate la marginea de nord a rugului, alături de care se mai găseau fragmente de vase arse, oase calcinate, cărbuni, precum şi două bucăţi informe de fier (Vulpe 1967, 190). Aici insistăm să menţionăm că conform planului tumulului nr. 150 (Ibidem, fig. 26), trei vase erau amplasate la periferia de sud-vest a rugului funerar şi doar unul (nr. 3) spre nord-vest.

În zona de silvostepă din Dreapta Niprului arderea defuncţilor de obicei se efectua pe loc, împreună cu construcţia funerară, amenajată atât pe suprafaţa solului antic, cât şi în gropi (Ильинская 1975, 84-85; Ковпаненко 1981, 70). În tumulul nr. 419 de la Lazurcy, oasele umane calcinate au fost lăsate pe suprafaţa rugului funerar (Ковпаненко 1981, 70; Ковпаненко и др. 1989, 34).

Incinerările incomplete, de tipul celei descoperite în tumulul nr. I din necropola de la Trinca, ne sunt cunoscute numai în complexele funerare ale unităţilor culturale cărora le este caracteristic biritualismul. În cadrul grupului podolian de vest din zona Nistrului de Mijloc, ele sunt atestate în tumulul de la Gorodnica, tumulul nr. 1 de la Bilče Zolotoe şi tumulul nr. IV de la Bratyšev (Мелюкова 1958, 41). Incineraţiile incomplete au fost evidenţiate şi în necropola culturii Vekerzug de la Csanytelek din nord-estul Ungariei (Мелюкова 1989, 89). Relativ mai frecvent ritualul arderii incomplete a defuncţilor şi a construcţiilor de lemn este atestat în cadrul monumentelor funerare scitice arhaice din zona de silvostepă din Dreapta Niprului: tumulii nr. 35 şi nr. 86 (mormântul 2) de la Bobrica; tumulul nr. 382 de la Berkozovka; tumulul nr. 1 de la Gamarnja (Ковпаненко 1981, 70); tumulul nr. 15 de la Steblev; tumulii de la Malaja Ofirna, Novaja Kotel'nja, Glevacha, Lazurcy ş.a. (Ковпаненко и др. 1989, 34). În tumulii necropolei de la Medvin, parţial arse erau doar construcţiile de lemn (Ковпаненко 1981, 70).

Caracteristicile ritualului funerar practicat în cadrul ritului inhumării, dat fiind starea insuficientă de conservare a mormintelor din necropola de la Trinca, pot fi doar reconstituite. Defuncţii se depuneau direct pe suprafaţa orizontului antic, sub mantaua tumulului fără amenajarea construcţiilor sepulcrale, în poziţie chircită pe o parte cu capul orientat în direcţia estică sau nord-vestică. Se practicau înmormântările singulare, în pereche sau succesive şi probabil reînhumările.

Parametrii constataţi pentru mormintele de inhumaţie de la Trinca au cele mai apropiate paralele în practicile funerare ale comunităţilor grupului podolian de vest din zona Nistrului de Mijloc (Мелюкова 1958, 40; Смирнова 1980, 236; Крушельницкая 1990, 152-153). Depunerea defuncţilor direct sub mantaua tumulului fără construcţii funerare este atestată în tumulul nr. 6 de la Ivanovcy (Щукин 1989, 107). În tumulul nr. 1 de la Ivanovka, defunctul în poziţie întinsă era depus pe o platformă de pietre plate amenajate la baza tumulului (Sulimirski 1936, 88; Мелюкова 1958, 40; Крушельницкая 1990, 152). Modul predominant de depunere a defuncţilor este poziţia chircită, de rând cu care, într-un număr mai mic, se întâlnesc şi morminte cu scheletele în poziţie întinsă (Мелюкова 1958, 40). Depunerea scheletu-

lui în poziție chircită, făcând abstracție de tipul construcțiilor funerare, este cunoscută în complexul nr. 2 de la Rakov Kut (Sulimirski 1936, 80, fig. 19; Мелюкова 1958, 40; Крушельницкая 1990, 153, рис. 56,2), tumulul nr. 1 de la Kruglik (Смирнова 1968, 14, рис. 1), tumulul nr. 6 de la Ivanovcy (Щукин 1989, 107), tumulul nr. 4 de la Šutnivcy (Гуцал, Гуцал, Мегей 1998, 75). Orientarea inhumațiilor în cadrul acestui grup este instabilă, totodată, într-o oarecare măsură predomină direcția nord și nord-vest (Мелюкова 1958, 40), ultima fiind atestată în complexul nr. 2 de la Rakov Kut (Мелюкова 1958, 40), mormântul 1 din tumulul nr. 4 de la Šutnivcy (Гуцал, Гуцал, Мегей 1998, 75), posibil mormântul secundar din tumulul nr. 1 de la Kruglik (Смирнова 1968, 146, рис. 1) și tumulul nr. 1 de la Dolinjany (Смирнова 1968, 23). De rând cu inhumațiile singulare, care predomină, erau practicate, deasemenea, și înmormântările în pereche: tumulul nr. 1 de la Servatincy, scheletele în poziție chircită erau orientate diametral, unul spre sud-est, altul – nord-vest (Мелюкова 1958, 40), mormântul 1 din tumulul nr. 4 de la Šutnivcy, în care scheletele unui bărbat și a unei femei erau depuse în poziție chircită pe partea dreaptă cu craniile spre nord-vest (Гуцал, Гуцал, Мегей 1998, 75), eventual tumulul nr. 3 și nr. 5 de la Perebykovcy, unde cadavrelor de femei și copii au fost asociate morminte de incinerație depuse anterior (Смирнова 1979, 52,57).

Inhumațiile succesive în aceiași construcției funerară, sunt ilustrate și prin morminte cu scheletele întinse, înmormântarea din cista nr. 2 de la Rakov Kut, în care scheletul unui a fost așezat în poziție chircită pe partea dreaptă cu craniul orientat spre nord-vest, oasele altor două morminte, depuse anterior, fără conexiune anatomică, sunt adunate la picioarele ultimului (Sulimirski 1936, 80, fig. 19; Мелюкова 1958, 40; Крушельницкая 1990, 153, рис 53,2).

Mult mai puține similitudini se observă între inhumațiile de la Trinca și cele caracteristice grupurilor culturale din Vest, care practicau biritualismul în necropolele plane. În cadrul culturii Vekerzug, inhumațiile, ponderea cărora variază între 35 și 82%, de obicei erau depuse în gropi, adâncimea cărora nu depășește 1 m, preponderent în poziție chircită pe partea dreaptă, mai rar pe stânga, de rând cu care se întâlnesc și morminte cu scheletele întinse pe spate. Orientarea scheletelor nu este stabilă, totodată, predominând direcțiile vest și est cu devieri spre nord sau sud (Йерем 1986, 176-178; Мелюкова 1989, 89).

Pentru grupul scitic din Transilvania caracteristic este depunerea defuncților în gropi , în poziție întinsă pe spate, care cuprinde marea majoritate a mormintelor, cele în care scheletele se aflau în poziție chircită reducându-se la numai câteva cazuri izolate. În orientarea scheletelor predomină direcția nord-vest - 50%, vest – 25%, est – 12%, restul de 13% constituind mormintele cu altă orientare (Vasiliev 1980, 42–49).

În necropola tumulară de la Balta Verde, defuncți erau depuși în poziție întinsă pe spate, în gropi simple, la suprafața orizontului antic pe un pat subțire de pietre de râu, fie direct pe sol acoperite de o platformă de piatră sau în gropi umplute cu pietre. Orientarea scheletelor este foarte variată, atât către toate cele patru puncte cardinale, cât și în direcții intermediare (Berciu, Comșa 1956, 390-392). La Gogoșu, defuncții erau depuși în poziție întinsă pe spate, de regulă, în gropi adâncite cu 0,03, 0,3 m în solul vechi și mai rar în solul viu peste care se ridica movila. În orientarea scheletelor predomină direcția estică, cu devieri spre sud și mai rar spre nord (Ibidem, 409-452). În tumulul nr. XXX, defunctul a fost depus direct pe solul vechi cu craniul spre est – nord-est, deasupra căruia sa ridicat movila (Ibidem, 429).

Pentru complexele funerare scitice timpurii din zona de silvostepă din Dreapta Niprului este specific predominarea inhumațiilor în poziție întinsă pe spate, orientate, cu precădere, cu craniul spre vest, de rând cu care se întâlnesc și inhumații în poziție chircită orientate cu craniul spre vest și mai puțin, spre est. Predomină depunerea lor în construcții sepulcrale de tipuri diverse. În cazuri sporadice sunt atestate și inhumațiile depuse direct sub mantaua tumulului (Ильинская 1975, 79-88; Ковпаненко 1981, 68-70; Ковпаненко и др. 1989, 34-35). Inhumațiile în poziție chircită, în tumuli sunt morminte principale - tumulul nr. 330 de la Gujaj Gorod, tumulii nr. 2,7, 471 de la Ositnjazka, tumulul nr. 5 de la Ryžanovka (Ильинская 1975, 88), tumulul nr. 1 de la Gamarnja, tumulul nr. 7 de la Berestnjagi (Ковпаненко 1981, 69), cât și secundare - tumulul nr. 2 de la Konstantinovka (Ильинская 1975, 88). În mormintele care conțin 2 sau 3 defuncți, scheletele în poziție chircită aparțin defuncților care însoțeau mormântul principal, depus în poziție întinsă – tumulul nr. 40 de la Gul-

jaj Gorod, tumulul nr. 407 de la Žurovka, tumulul nr. 211 din bazinul râului Tenetinka (Ильинская 1975, 88) şi mormântul nr. 1 şi 2 din Repjahovataja Mogila (Ковпаненко и др. 1989, 35). În perioada scitică mijlocie, a doua jumătate a secolului VI–V î.e.n., depunerea defuncţilor în poziţie chircită nu se mai practica (Ibidem, 39).

Obiceiul amenajării mormintelor-cenotaf (morminte simbolice în memoria unei persoane decedate în altă parte), atestat în necropola de la Trinca, în perioada hallstattiană târzie/scitică timpurie era practicat de către comunităţile mai multor grupuri culturale. În cadrul necropolelor grupului podolian de vest din zona Nistrului de Mijloc, tumulii cenotaf conţineau construcţii funerare, resturi de ruguri şi inventar similar tumulilor în care erau efectuate înmormântări, lipsind complet resturile umane incinerate sau inhumate (Мелюкова 1958, 41; Крушельницкая 1990, 155). În această categorie se încadrează tumulul nr. II de la Beremjany (Sulimirski 1936, 63), tumulul nr. II de la Ladyčin (Ibidem, 84), tumulul nr. II de la Servatincy (Ibidem, 95), tumulul nr. I de la Kupin (Ibidem, 99), tumulul nr. II de la Zavadincy (Ibidem, 99), tumulul de la Lenkovcy (Мелюкова 1953, 60), tumulul nr. IV de la Ivanovcy (Щукин 1989, 107). Tumuli – cenotaf sunt atestaţi şi în cadrul necropolei de la Caşvana–Codru, atribuită aceluiaşi grup cultural din depresiunea Rădăuţi (Ignat 2000, 332). În tumulul nr. 6, care conţinea inventar caracteristic şi pentru alţi tumuli, resturi osteologice nu au fost atestate. Tumulul nr. 5, mai mult ca atât nu conţinea nici inventar funerar şi nici material osteologic. Autorul săpăturilor, reeşind din faptul că situaţii similare celei din tumulul nr. 5 au fost identificate în 40% din numărul tumulilor investigaţi consideră că lipsa vestigiilor în aceşti tumuli este cauzată de particularităţile solului si structura mantalelor care nu au asigurat conservarea materialului osteologic.

Amenajarea tumulilor – cenotaf reprezintă o trăsătură frecventă şi în cadrul ritualului funerar a culturii Kuštanovice din regiunea Transcarpatică a Ucrainei (Крушельницька 1974, 266). Tumuli, sub mantalele cărora au fost depistate ruguri, resturi de la ospăţul funerar şi piese de inventar, dar care nu conţin resturi de oase umane incinerate au fost descoperiţi în necropolele de la Kuštanovice (tumulul nr. IV), Dunkovice (tumulul nr. I), Kolodnoe (tumulii nr. V, XIII), Bilke (tumulii nr. 1, 2, 7) (Смирнова, Бернякович 1965, 91) şi posibil, Černyj Potok (Смирнова 1979a, 51).

Înmormântările simbolice, care conţineau numai inventar, de obicei, vase, erau practicatee şi de către comunităţile culturii Vekerzug din nord-estul Ungariei – necropola Szentes-Vekerzug (Йерем 1986, 171).

Monumentele funerare cu caracter de cenotaf, fără nici un inventar, fără oase sau cărbuni, în necropola de la Ferigile din regiunea Subcarpaţilor meridionali sunt reprezentate atât de tumuli (nr. 22, 23, 25, 111, 144a, 144b, 146, 147), precum si de morminte secundare constituite din mici grămăjoare de bolovani cu diametrul de circa 1 m, depuse pe solul antic lângă mantaua mormântului principal în partea de vest (mormântul V din tumulul nr.2; mormântul VI din tumulul nr. 26; mormântul II din tumulul nr. 67), în partea de sud-vest, vest (mormântul II din tumulul nr. 64), de est (mormântul II din tumulul nr. 116), sau nord-est (mormântul II din tumulul nr. 27) (Vulpe 1967, 23, 35-36, vezi catalogul şi planuile tumulilor). Movile fără urme arheologice, ridicate în cinstea unor luptători căzuţi departe se întâlnesc şi în necropolele hallstattiene târzii de la Balta Verde şi de la Gogoşu din Câmpia Dunării (Berciu, Comşa 1956, 408, 445).

Tumuli care nu conţin morminte sunt cunoscuţi şi în cadrul culturii scitice arhaice – secolele VI-I, VII-VI î.e.n. din zona de silvostepă din Dreapta Niprului. În mantaua tumulului nr. 334 de la Guljaj Gorod au fost descoperite numai două cupe ornamentate cu motive geometrice incizate (Ильинская 1975, 18, Табл. III/18-19); sub mantaua tumulului nr. 343 de la Kovalicha (Tašlyk) – cinci gropi (una rotundă, diametrul 2,25 m, adâncimea de 0,6 m. şi patru ovale cu lungimea de 1–2 m), umplutura cărora consta din cărbuni, cenuşă, bucăţi de pământ ars, fragmente de vase, oase de animale, pietre, o piesă de silex, patru fusaiole, cinci străpungătoare de os şi o cupă neagră lustruită, ornamentată cu motive geometrice incizate (Ibidem, 40, Табл. XXIV/4–10); sub mantaua tumulului nr. 2 de la Žovtneve, o strachină cu gura în jos şi o piesă de fier (Ковпаненко и др.1989, 140). Aceşti tumuli în opinia unor cercetători ucraineni, nu sunt monumente funerare, ci reprezintă locuri de cult , varietăţi de altare (Ibidem, 36).

Amplasarea tumulilor cercetaţi în necropola Trinca "Drumul Feteştilor" în funcţie de particularităţile constructive a mantalelor; amenajarea construcţiilor sepulcrale; practicarea birituralismului; tipurilor de morminte evidenţiate, atestă prezenţa în cadrul ei a două grupări separate,

cu anumite trăsături specifice – de nord-vest şi de sud-est. Petru prima este caracteristic amenajarea construcţiilor sepulcrale de suprafaţă, ulterior arse şi a construcţiilor adâncite, practicarea spiritualismului, diversitatea t purilor de morminte – ir humaţii, incineraţii incomplete la suprafaţa orizontului antic, incineraţii complete în construcţii de suprafaţă de piatră şi lemn, mormintele-cenotaf. Pentru a doua – tumuli în care locul depunerii resturilor cinerare şi a inventarului se acoperea iniţial cu o movilită de pământ, suprapusă de un strat de pietre, acoperite la rândul său cu un alt strat de pământ, prezenţa în exclusivitate a incinerăţiilor efectuate în afara locului înmormântării, resturile cinerare fiind depuse pe suprafaţa orizontului antic, fără amenajarea construcţiilor funerare (fig. 4).

ELEMENTE COMPLEMENTARE DE RITUAL

Cu referinţă la necropola tumulară Trinca "Drumul Feteştilor" în această categorie se includ practicile de cult care se îndeplineau pe parcursul ceremoniei funebre, precum : depunerea în morminte a granulelor de mineral de culoare roşie dschisă (ocru) şi de de cretă; a ofrandei de carne, pe care o constatăm prin oasele de animale; modul de dispunere a inventarului; depunerea ofrandelor ulterior înmormântării în afara mantalei de piatră (fig. 1,5).

Coloranţi naturali. În cadrul necropolei de la Trinca depunerea granulelor de ocru a fost atestată numai în tumulul nr. VI. În tumulii nr. VI, VII, IX, suprafeţele ocupate de resturile cinerare depuse direct pe solul antic erau pigmentate cu alb (pietricele arse până la transformare în var), fapt ce eventual indică practicarea obiceiului presărării locului înmormântării cu var sau cretă.

În ritualul funerar a comunităţilor din zonele limitrofe Platoului Moldovei de Nord –bazinul Nistrului de Mijloc şi Superior, regiunea Transcarpatică a Ucrainei, zona Carpaţilor meridional şi de curbură din perioada hallstattiană târzie acest obicei nu este cunoscut. Depunerea rituală a coloranţilor naturali (ocru) este atstată sporadic doar în unele complexe tracice din perioada hallstattiană târzie – mormântul nr. 1 din necropola plană de la Giurgiuleşti de la gurile Frutului, în care de rând cu alte piese de podoabă se găsea şi o lespede de gresie uşor albiată pe una din feţe (Leviţki, Haheu 1999, 122-123).

În acelaşi timp, acest obicei era practicat pe larg de către comunităţile scitice timpurii din zona de silvostepă din bazinul Niprului de Mijloc (Ильинская 1975, 154-155; Ковпаненко 1981, 72; Ковпаненко и др. 1989, 36), comunităţile grupului scitic din Transilvania, care practicau şi presărarea mormintelor cu cretă (Vasiliev 1980, 89-90; Мелюкова 1989, 87), precum şi a celui scitoid din Câmpia Tisei (Parducz 1955, 13; Мелюкова 1989, 89). Deseori, granulele de ocru, ca şi în tumulul nr. VI de la Trinca, se găseau în asociere cu o tava de gresie, sau cu o lespede dreptunghiulară uşor albiată pe una din feţe (fig. 5).

Ofranda de carne. Oasele de animal de la ofranda de carne, au fost atestate în toate categoriile de morminte: de incineraţie – tumulul nr. VI, în care ofranda de carne era depusă într-o strachină; de inhumaţie – tumulii nr. III şi nr. IV, unde ofranda de carne era depusă direct pe pământ; şi, morminte-cenotaf – tumulul nr. I, ofranda de carne găsindu-se pe fundul gropii. Determinările paleozoologice demonstrează că resturile osteologice animaliere din tumulul nr. III sunt de ovicaprine; piciorul cu tot cu copită din tumulul nr. VI aparţine unui miel; o parte din oasele de animale din tumulul nr. IV sunt de măgăruş domestic, altele, inclusiv fragmentele de coarne fiind de ovicaprine; cele din tumulul nr. I de bovine şi ovicaprine.

Depunerea ofrandei de carne în morminte reprezintă un obicei funerar larg practicat în epoca bronzului – fierului timpuriu, inclusiv perioada hallstattiană târzie – scitică timpurie. În zona Nistrului de Mijloc el este atestat în mai multe necropole a grupului podolian de vest (Мелюкова 1958, 42). Oasele de animale sunt prezente în tumulul nr. II de la Ladyčin (Sulimirski 1936, 88), tumulul nr. I de la Duplisk (Ibidem, 70), tumulul nr. IV de la Bratyšev (Ibidem, 59), tumulul nr. 2 de la Dolinjany (Смирнова 1977, 33), tumulul nr. 2 de la Perebykovcy (Смирнова 1979, 44), tumulul nr. I de la Loevcy (Крушельницька 1985, 122 и сл.; Idem 1990, 140). Resturile osteologice indică că la Dolinjany a fost depusă carne de cal, la Perebykovcy – de ovicaprine şi de iepure, împreună cu un cuţitaş de fier, pe fundul unui vas spart, la Loevcy – de porc.

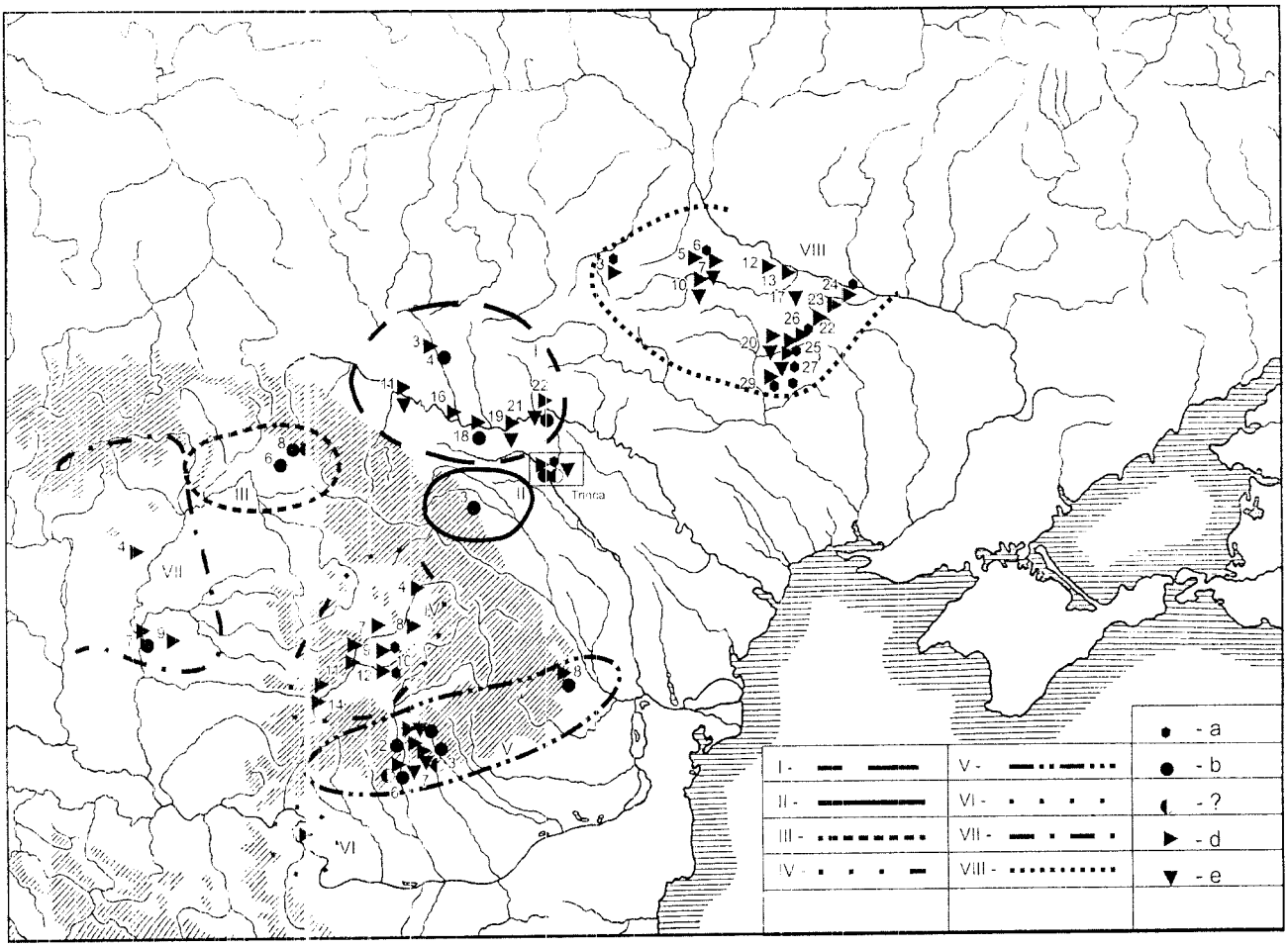


Fig. 5. Paralele pentru elementele complemetorii ale ritului funerar atestate la Trinca în necropolele grupurilor culturale sincrone. Semne convenționale: a – coloranți naturali; b – depunerea inventarului sub mantaua de piatră: c – depunerea inventarului în afara mantalei de piatră; d – ofrandă de carne; e – rug pe mantaua de piatră, depuneri de ofrandă ulterior înmormîntării.

În grupul scitic din Transilvania, ofranda de carne a fost atestată în 73% din numărul de morminte cunoscute. Dese ori era depusă în străchini (mormintele nr. 1, 3 din necropola de la Blaj; nr. 3, 11, 17, de la Ciumbrud; nr. 4, 8, 11, de la Ozd; nr. 2 de la Simeria; nr. 1/1969 şi 1/1970 de la Teiuş). Mai frecvent, ofranda se depunea direct pe pămînt, lîngă vase. În mormintele nr. 6, 8, 11, 14 de la Ozd, nr. 1, 2/1969 şi 1/1970 de la Teiuş, nr. 5, 9 de la Târgul Mureş ofranda de carne era însoţită de câte un cuţitaş curb de fier. Resturile osteologice depistate în morminte atestă că cel mai frecvent se depunea carne de ovină - în mormintele de femei şi, de bovideu – în cele de bărbaţi. Oase de la alte specii de animale – ca . porc, câine (lup ?), iepure, pasăre sunt semnalate într-un număr redus de morminte (Vasiliev 1980, 50-53).

Oasele de animale apar, deasemenea şi în complexele funerare a culturii Szentes-Vekerzug din Ungaria de Nord-Est (Ґерем 1986, 180).

În necropolele de incineraţie a grupului Ferigile – Bârseşti din zona Carpaţilor meridionali şi de curbură, graţie analizei oaselor calcinate, deasemenea a fost posibil sesizarea practicării obiceiului depunerii ofrandei de carne. La Ferigile, din numărul de 70 de morminte analizate, în 10 au fost identificate oase de pasăre (mormintele nr. 1, tumulul nr. 19; 1, tumulul nr. 26; 1, tumulul nr. 42; 1, tumulul nr. 72; 2, tumulul nr. 77; 1, tumulul 79; 1, tumulul nr. 106; 1, tumulul nr. 120), în două dintre care se mai găseau oase de ovicaprine şi de animal de talie mai mare (mormintele 2 şi 3 , tumulul nr. 20) (Nicolaescu-Plopşor, Wolski 1975, 31-43). Fragmente de oase de la ofranda animalieră au fost atestate şi în mormântul nr. 11 din necropola plană din partea de nord a s. Ferigile (Ibidem, 43). Resturile osteologice de la ofranga de carne depistate în 9 din cele 21 de morminte analizate din necropola Tigveni "Babe", deasemenea indică o mai mare preferinţă a comunităţilor din această zona pentru carnea de pasăre (mormintele 4 şi 12, tumulul nr. 3), care

uneori apare în asociere cu cea de ovicaprine (mormântul 6, tumulul nr. 3), bovideu (mormântul 1, tumulul nr. 3) şi căprior de munte (mormântul 9, tumulul nr. 3). În două morminte au fost atestate numai oase de bovine (1, tumulul nr. 5; 1, tumulul nr. 10), iar tumulul nr. 15 – de cal (Nicolaescu-Plopşor, Wolski 1975, 44-48; Popescu, Vulpe 1982, 92). În mormintele 1 şi 3 din tumulul nr. 2 din necropola Tigveni "Pietroasa" sunt atestate oase de pasăre şi respectiv, de cal (Popescu, Vulpe 1982, 100-101), iar în tumulul nr. 1 din necropola de la Cepari "Topliţa" - oase calcinate de animal de talie mare (Ibidem, 79). În acest context, un caz deosebit prezintă mormântul 10 din T- nr. 3 din necropola Tigveni "Babe" care conţinea două vase cu oase calcinate în exclusivitate de animale : primul – 42 fragmente, printre care se identifică – ovicaprinele, porcul, boul şi capra; al doilea – peste 420 fragmente de porc, bou, cal, majoritatea aparţinând porcului (Nicolaescu-Plopşor, Wolski 1975, 45). În necropola de la Bârseşti, T, nr. XIX conţinea oase de cal sau bou (Morintz 1959a, 233), tumulul nr. 7, oase de animale nedeterminate (Idem 1959, 358-360). Oase de animale au fost identificate şi în tumulul nr.XVII şi nr. LIII din necropola de la Gogoşu din Câmpia Dunării (Berciu, Comşa 1956, 417, 450).

Ofranda de carne reprezintă un element ritual caracteristic pentru complexele tumulare scitice timpurii din zona de silvostepă din Dreapta Niprului. Determinările osteologice arată că în morminte erau depuse fragmente de leşuri de cal, bovine, ovicaprine, porc. În tumulul nr. 447 de la Žurovka şi nr. 407 de la Turia ofranda de carne era însoţită de câte un cuţitaş de fier (Ковпаненко и др. 1989, 35). În tumulul nr. 6 de la Medvin, datat în a doua jumătate a secolului al VI-lea – secolul V î.e.n., oasele de cal erau depuse într-o strachină lucrată cu mâna (Ibidem, 40).

COMPONENŢA ŞI DISPUNEREA INVENTARULUI ÎN TUMULI

Inventarul mormintelor de incineraţie, în genere, puţin se deosebeşte de cel atestat în inhumaţii. Toţi tumlui, fără excepţie, conţineau aglomeraţii de fragmente de ceramică, vase întregibile, şi, mai rar vase întregi. Excepţie prezintă tumulul nr. 3b, unde fragmentele de ceramică sunt cu totul atipice şi nu permit atribuirea lor la unele tipuri certe de vase. Numărul de vase, inclusiv cele identificate după părţile superioare, sau aspectul tehnologic, este: de 2 în tumulul nr. III; 3 în tumulul nr. I; 4 în tumulul nr. V; 5 în tumulul nr. II şi VI; 6 în tumulul nr. IV şi VII; 15 în tumulul nr. VIII şi 16 în tumulul nr. IX. Cu excepţia tumulul nr. V, în care a fost depistat un fragment de buză de vas de culoare cenuşie lucrat la roată, şi tumulul nr. VIII, la periferia mantalei de piatră a căruia a fost găsită o aglomeraţie de fragmente de amforă din perioada romană târzie, ceramica din necropola Trinca "Drumul Feteştilor" este lucrată cu mâna, reprezentând ambele categorii : fină şi de uz comun. Piesele de uz comun atestate în tumuli sunt reprezentate prin: cuţite de fier – tumulul nr. I şi V; piese de fier fragmentare, puternic corodate – tumulii nr. III, VI, VII şi fusaiole de lut ars – tumulul nr. VI şi VII. Armele apar doar sporadic: 5 vârfuri de sageată de os în T- nr. I şi un vârfr de săgeată de bronz în tumulul nr. VIII. În tumulul nr. I sunt atestate piesele de tolbă –"beţişor-încheietoare" şi "pilonaş-cuişor". Frecvente în inventarul funerar sunt piesele de podoabă, îndeosebi, mărgelele de sticlă (?), atestate cu excepţia T, nr. IIIb, în toţi tumulii : câte 1 exemplar – tumulul nr. IV, V, VIII; câte 2 – tumulul nr. I, VII, IX; 4 – tumulul nr. II; 15 – tumulul nr. III; de lut ars – tumulul nr. II şi de bronz – tumulul nr. VIII. În trei tumuli, nr. I, III, VII, sau descoperit câte un cercel de bronz în spirală cu unul din capete în formă de măciulie conică sau pălărioară rotundă: acele de bronz în formă de cui cu gămălia conică sau concavă sunt atestate în tumulul nr. III (două exemplare) şi nr. VII (un exemplar), o bucşă/pandantiv de os provine din tumulul nr. VI: piesele de toaletă – tava de gresie şi granule de ocru, exclusiv în tumulul nr. VI.

Piesele de inventar în tumulii ce conţineau incineraţii complete efectuate în afara locului înmormântării erau amplasate:

a) în centrul tumulului, împreună cu resturile cinerare aduse de la rug (tumulul nr. V – IX);

b) în nemijlocita apropiere a suprafeţei ocupate de resturile cinerare, de obicei în partea de sud–sud-est – tumulul nr. VII, VIII, sau de vest – tumulul nr. VI, acoperite de mantaua de piatră;

c) în afara perimetrului mantalei de piatră, în sectorul de sud-est al mantalei de pământ - tumulul nr. VI şi VIII (fig. 1,5).

În partea centrală a tumulului de regulă sunt găsite piesele de uz comun, armele, piese de podoabă şi de toaletă vasele şi aglomeraţiile de fragmente de ceramică fiind amplasate cu precădere în partea de sud. Într-un caz, tumulul nr. IX, aglomeraţiile de fragmente de la diferite vase sunt situate pe perimetrul suprafeţei ocupate de resturile de la rug. În nemijlocita apropiere a suprafeţei în care se găseau resturile cinerare erau depuse atât vase întregi, cât şi unele aglomeraţii de fragmente de ceramică. În tumulul nr. VI împreună cu două străchini a fost depusă şi o fusaiolă. În afara perimetrului mantalei de piatră sau descoperit fragmente de vase din ambele categorii: de uz comun şi fină, precum şi o piesă de fier puternic corodată, - tumulul nr. VI. Referitor la ceramică, din punct de vedere a tipurilor morfologice, în incinta suprafeţei ocupate de resturile cinerare, de obicei se depuneau vase întregi sau fragmente de străchini, cupe, căni, pahare, vase de tip borcan, vase cu corpul bitronconic. Cât priveşte repertoriul formelor de vase atestate în tumuli, nu se poate afirma că se respecta obiceiul depunerii obligatorii a unor tipuri concrete de vase. Comun pentru tumulii din necropola de la Trinca este prezenţa vaselor din ambele categorii : fină şi de uz comun. În tumulul nr. V sunt atestate fragmente de strachină, cupe, cană, vas lucrat la roată; în tumulul nr,VII – cupă, pahar; în tumulul nr. VII -- strachină, vas de tip borcan. Semnificativ în acest sens este situaţia din tumulul nr. IX unde aglomeraţiile de fragmente ceramice dispuse pe perimetrul suprafeţei ocupate de resturile cinerare, prezintă : în trei cazuri fragmente de la un singur vas – strachină, cupă, vas bitronconic de proporţii; în alte trei, de la două vase – strachină, vas de tip borcan; cupă, vas bitronconic; două vase bitronconice; în două cazuri, de la trei vase – strachină, vas de tip borcan, cană; cupă, vas de tip borcan, vas nedeterminat. Ultima, conţinând fragmente de la şase vase din ambele categorii, atestate şi în unele aglomaraţiile deja enumărate. Inventarul depistat în incinta suprafeţei de răspândire a resturilor de la rug, cu excepţia fusaiolei şi aglomeraţiei de fragmente de ceramică din tumulul nr. VII, nu atestă urme de ardere secundară. În nemijlocita apropiere a suprafeţei de răspândire a resturilor de la rug, erau depuse vase întregi, de regulă, străchini – tumulul nr. VI, VIII, precum şi aglomeraţii conpuse din fragmente de străchini şi vase de tip borcan – tumulul nr. VII, VIII. În tumulul nr. VI, de rând cu două străchini se găsea şi o fusaiolă. În afara perimetrului mantalei de piatră a tumulul nr. VI se identifică fragmente de strachină, vas de tip borcan şi de la o piesă de fier puternic corodată, iar a tumulul nr. VIII – părţile unui chiup şi a unui vas de tip borcan.

În incineraţia incompletă din tumulul nr. I, piesele de inventar se găseau în nemijlocita apropiere şi printre oasele scheletului. Din componenţa lui – vase lucrate cu mâna (cană, chiup, vas de uz comun cu buza evazată) cuţit de fier, vârfuri de săgeată de os, piese de tolbă, mărgele de sticlă, cercel de bronz, urme de ardere secundară poartă doar unele vârfuri de săgeţi.

Inventarul tumulilor în care a fost practicat ritul inhumării – nr. II, III, IV, de rând cu vasele de lut ars, include – piese de uz comun – sule de fier (tumulul nr. III); de podoabă – mărgele de sticlă (tumulul nr. II – 4; nr. III – 15; nr. IV – 1), mărgele de lut ars (tumulul nr. II), cercei de bronz în spirală cu unul din capete în formă de pălărioară (tumulul nr. III); ace de bronz în formă de cui cu gămălia conică sau concavă (tumulul nr. III). Amplasarea pieselor de inventar, cu excepţia vaselor, este printre, sau în nemijlocita apropiere a oaselor scheletelor răvăşite. Vasele de lut ars în tumulul nr. II şi III sunt depuse în sectoarele jumătăţilor de sud, spre sud – sud-est şi respectiv , spre sud - sud-vest de spaţiul de răspândire a oaselor, iar în tumulul nr. IV – spre nord-vest de locul depunerii scheletului. Similar tumulilor ce conţineau incinerări, erau depuse vase din ambele categorii tehnologice : fină şi de uz comun. Din punct de vedere a tipurilor morfologice sunt evidenţiate :în tumulul nr. II - strachină, cupă, vas din categoria fină nedeterminat, vase de tip borcan, vas bitronconic în T- nr. III - strachină, vas bitronconic, în tumulul nr. IV – strachină, vas de tip borcan, chiup, fragmente de la alte două vase de uz comun.

Inventarul funerar depistat în tumulii necropolei de la Trinca, relativ sărac şi puţin variat, din punct de vedere al categoriilor componente, în linii generale este caracteristic complexelor funerare ale perioadei hallstattiene târzii – scitice timpurii.Vasele de tipuri diferite, lucrate cu mâna, mai rar la roata olarului, piesele de uz comun (cuţitele, fusaiolele), armele (vârfurile de săgeată de os şi de bronz), piesele de la tolbă (încheietoarele, cuişoarele), piesele de podoabă (mărgelele de sticlă, lut

ars, bronz, cercei de bronz în spirală cu capul conic), piesele vestimentare (acele de bronz în formă de cui), pisele de toaletă (tavele de gresie, granulele de ocru) ş.a., în cantităţi şi combinaţii diferite sunt prezente în inventarul funerar al mormintelor grupului podolian de vest din zona Nistrului de Mijloc şi Bucovina de Sud (Мелюкова 1958, 41-42 ; Смирнова 1968, 14-19; Idem 1979, 62; Idem 1980, 236; Крушельницкая 1990, 154-155; Ignat 1976 106; Idem 1978, 121-122; Idem 2000, 333); culturii Kuštanovice (Смирнова, Бернякович 1965, 96; Смирнова 1979a, 52; Попович 1990, 161; Idem 1993, 266); culturii Vekerzug (Йерем 1986, 178-180, nota, 341; Мелюкова 1989, 89); grupului scitic din Transilvania (Vasiliev 1980, 53-56); grupului Ferigile-Bârseşti (Vulpe 1967, 37-74; Vulpe, Popescu 1972; Popescu, Vulpe 1982; Morintz 1957, 222; Idem 1959, 356; Idem 1959a, 231-232); culturii scitice arhaice din zona de silvostepă din Dreapta Niprului (Ильинская 1975, 96; Ковпаненко 1981, 73; Ковпаненко и др. 1989, 35).

Modurile de dispunere a inventarului în tumulii din necropola de la Trinca, care ilustrează o acţiune rituală efectuată în momentul ceremoniei funebre, deasemenea au paralele în ritualurile funerare practicate de comunităţile hallstattiene târzii – scitice timpurii. În complexele funerare a grupului podolian de vest care conţineau incineraţii complete pe locul unde ulterior se amenaja tumulul piesele de inventar se găseau : pe fundul cavourilor – tumulul nr. 1, 3, 6 în necropola de la Perebykovcy (Смирнова 1979, 62); în incinta limitată de mantaua de piatră – tumulul nr. 1 de la Lenkovcy (Мелюкова 1953, 60) sau în partea centrală a construcţiei de lemn amenajată la suprafaţa orizontului antic – tumulul nr. 1 de la Myškovcy (Малеев 1991, 125). În incinta suprafeţei rugului funerar erau concentrate piesele de inventar şi în tumulul nr. 7 de la Volovăţ (Ignat 1978, 121). Ceramica (vasele întregi şi fragmentare) în tumulul nr. 3 de la Perebykovcy se găsea la periferia de sud-vest a podelei cavoului (Смирнова 1979, 51); în tumulul nr. 1 de la Lenkovcy era dispusă la periferia de sud-est a suprafeţei ocupate de resturile cinerare (Мелюкова 1953, рис. 27); în tumulul nr. 7 de la Volovăţ – în sectorul de sud-est a suprafeţei rugului funerar (Ignat 1978, fig. 12), iar în tumulul nr. 1 de la Myškovcy – cu precădere în partea de sud a construcţiei funerare (Малеев 1991, рис. 1). În tumulul nr. 2 de la Perebykovcy, care conţinea o incineraţie efectuată în afara locului înmormântării nemijlocite, vasul de tip chiup şi fundul unui alt vas lucrat cu mâna pe care se găseau oasele de la ofranda de carne, erau dispuse în colţul de nord-vest al cavoului (Смирнова 1979, 44).

În tumulii culturii Kuštanovice, care conţineau ir cinerări efectuate pe locul unde ulterior se ridica tumulul inventarul funerar era dispus: în incinta rugului funerar – tumulii nr. I şi II din necropola de la Cernyj Potok (Смирнова 1979a, 40, рис. 2,3); în incinta şi la sud-vest de periferia suprafeţei rugului funerar – tumulul nr. VI din necropola de la Cernyj Potok (Ibidem, 47, 50, рис. 11); în incinta rugului funerar, în nemijlocita apropiere a suprafeţei rugului funerar, spre sud-vest, cât şi la periferia de sud a mantalei tumulului – tumulul XV şi XVI din necropola Kolodnoe II (Смирнова, Бернякович 1965, 107-108, рис. 1, 2). Demn de remarcat în acest contex este situaţia atestată în tumulul nr. IV de la Cernyj Potok, unde resturile cinerare ale cremării efectuate pe locul amenajării tumulului au fost adunate de pe suprafaţa rugului funerar şi depuse în două urne şi într-o groapă mică amplasate în sectorul de sud-vest a mantalei, împreună cu vasele ce le însoţeau (Смирнова 1979a, 43-44).

La Ferigile, în unicul mormânt tumular cu cremare pe loc, nr. 150, vasele-urne cu resturile cinerare adunate de pe suprafaţa rugului, au fost depuse la marginea de sud-vest a rugului. În afara incintei rugului funerar, la nord-vest fiind amplasat un alt vas (nr. 3) (Vulpe 1967, fig. 26). Referitor la necropola tumulară de la Ferigile, se remarcă că incinerările se efectuau în altă parte şi că la majoritatea mormintelor sau putut deosebi două grupe de inventar : cel acoperit de mantaua de bolovani şi cel situat în marginea acesteia, fiind în parte acoperit, în parte în afara bolovanilor, ultima fiind alcătuită, în special de fragmentele vaselor mari (vase mari pântecoase, căni vase de tip borcan). În opinia lui A. Vulpe, ceramica din marginea şi din jurul mantalei de bolovani reprezintă sau o parte a inventarului sau o ofrandă depusă ulterior înmormântării (Vulpe 1967, 25). În necropola Tigveni "Babe" sunt menţionate trei grupe de ofrande : resturile de la rugul funerar, inclusiv fragmentele de ceramică, depuse în gropi de dimensiuni mici săpate de la nivelul orizontului antic; fragmente de la mai multe vase cu urme de ardere secundară sunt depuse la marginea mantalei de bolovani; fragmente de ceramică amplasate la periferia mantalei de

pământ, parțial acoperite de mantaua de piatră (Vulpe, Popescu 1972, 79-80). La Cepari, în unii tumuli, resturile cinerare împreună cu ceramica în stare fagmentară erau amplasate în partea centrală a tumulului; în alții – vasele si armele erau situate la o anumită distanță de resturile cinerare depuse în gropi mici sau urne în centrul mantalei de piatră (Popescu, Vulpe 1982, 102). La Bârsești, în unii tumuli inventarul (piesele vestimentare și de podoabă) este amplasat în centrul mantalei de pământ roscat, la nivelul solului vechi , vasele – în grup a câte 4 spre sud-vest, în alții, vasele sunt grupate spre sud de oase (Morintz 1957, 221, fig. 1; Idem 1961, 201).

În cadrul grupului scitic din Transilvania, mormântul nr. 13 din necropola plană de la Ciumbrud, inventarul compus din două vase și oase de la ofranda de carne, se afla la sud de resturile umane depuse într-o grămadă în jumătatea de nord-vest a gropii mortuare (Vasiliev 1980, 56-57).

Referitor la modul de dispunere a inventarului funerar respectat în cazurile incinerărilor efectuate pe locul înmormântării nemijlocite, practicat de comunitățile scitice arhaice din zona de silvostepă din Dreapta Niprului informațiile sunt extrem de scunde. Menționăm doar că în cavoul ars din tumulul nr. 3 din necropola de la Ositnjazka, vasele împreună cu oasele calcinate a doi defuncți se găseau pe fund, lângă peretele de sud-est (Ильинская 1975, 84).

Inventarul din tumulii din necropola de la Trinca în care a fost practicată inhumarea după componență și modul de dispunere vis-a-vis de suprafața ocupată de oasele scheletelor răvășite este identic cu cel din mormintele de incinerare examinate mai sus. Categoriile obiectelor de port (piesele de uz comun, de podoabă, vestimentare) se găseu printre sau în nemijlocita apropiere a oaselor scheletelor și a vaselor. Sau aglomerațiile de fragmente de ceramică erau depuse spre sud-est, sud-vest sau nord-vest de suprafața de răspândire a oaselor umane. Compararea modului de dispunere a inventarului funerar evidențiat în mormintele de inhumare depuse direct pe suprafața orizontului antic din necropola de la Trinca cu cele practicate în obiectivele funerare de același tip ale unităților culturale sincrone este dificilă, chiar și cu cele mai apropiate atât teritorial, cât și în aspect cultural – de tip podolian de vest. În această ordine de idei menționăm doar că inhumația în poziție chircită de sub mantaua tumulul nr. 6 de la Ivanovcy era lipsită de inventar (Щукин 1989, 107). Modul de dispunere a inventarului în unele complexe: tumulul nr. 1 de la Ivanovka (Sulimirski 1936, 88; Мелюкова 1958, 40; Крушельницкая 1990, 152); complexul nr. 2 de la Rakov Kut (Sulimirski 1936, 80; Мелюкова 1958, 40; Крушельницкая 1990, 153, рис. 56,2); tumulul nr. 1 de la Servatynce (Мелюкова 1958, 40); mormântul 1 din tumulul nr. 4 de la Šutnivcy (Гуцал, Гуцал, Мегей 1998, 75) nu este specificat, iar privitor la altele – tumulul nr. 1 de la Kruglik (Смирнова 1968, 14) tumulul nr. 1 de la Dolinjany (Ibidem, 23), tumulul nr. 3 și 5 de la Perebykovcy (Смирнова 1979, 52, 57) nu a putut fi stabilit din cauza devastărilor ulterioare sau a efectuării înmormântărilor succesive în aceiași construcție funerară. Totodată , în contextul discutat, semnalăm că în tumulul nr. 1 de la Kruglik vasele se găseau în sectorul gropii care n-a fost deranjat de devastatori; lângă peretele de vest a camerei funerare (Смирнова 1968, 14), iar la Perebykovcy – la marginea de sud-vest a cavoului din tumulul nr. 3, sau în partea de sud, sud-est a cavoului din tumulul nr. 5 (Смирнова 1979, 51, 57, рис. 14).

Referitor la inventarul funerar atestat în mormintele de inhumație cu scheletele în poziție chircită pe partea dreaptă, preponderente în cadrul ritualului funerar a culturii Vekerzug, informațiile se referă mai mult la componența lui și doar sporadic la modul de dispunere a pieselor vis-a-vis de defunct (Йерем 1986, 178 ; Мелюкова 1989, 89). Pentru necropola de la Szentes-Vekerzug, de exemplu, se menționează că în mai multe morminte care conțin inhumații în poziție întinsă, ceramica (1–3 vase) se găsea deasupra scheletului, în umplutura gropii funerare (Мелюкова 1989, 89). În acest context, mai menționăm că consultarea planurilor unor complexe funerare, în care se indică și locul pieselor de inventar putem constata că în mormintele cu scheletele chircite, orientate cu craniul spre vest, poziția pieselor de podoabă corespunde locului de purtare, vasele, împreună cu fusaiolele găsindu-se la picioarele defuncților (la est) – mormântul 19 de la Heves; mormântul 20 de la Nógrádkövesd (citate după Chochorowski 1985, Abb. 46); în cele cu scheletele în poziție întinsă pe spate,podoabele, armele, etc. sunt așezate conform locului de purtare, iar vasele, indiferent de orientarea acestora, sunt depuse spre sud de oasele picioarelor – mormântul 30 și mormântul 76 din necropola de la Szentes-Vekerzug (Chochorowski 1985, Abb. 47).

În ritualul funerar oficiat de comunitățile grupului scitic din Transilvania, o serie de categorii de piese (podoabe, arme, etc.) își au locul lor foarte precis în morminte, la așezarea lor respectându-se poziția de purtare. Vasele de lut ars și ofranda de carne erau depuse la sud de defunct, indiferent de orientarea acestora (Vasiliev 1980, 53-56). O singură excepție a fost evidențiată în mormântul 6 de la Ozd, care avea vasele depuse la nord de schelet (Ibidem, nota 273). Aceste constatări efectuate în baza inhumațiilor în poziție întinsă pe spate, predominante în cadrul necropolelor, par a fi valabile și pentru mormintele cu scheletele în poziție chircită, care din punct de vedere al inventarului și a altor aspecte nu se deosebesc cu nimic de mormintele cu scheletele întinse (Ibidem, 44-46).

În complexele funerare ale comunităților scitice arhaice din zona de silvostepă din Dreapta Niprului piesele de inventar, în morminte deasemenea își aveau locul lor foarte precis. Vesela (1-3, mai rar 5–7 vase) de obicei era depusă lângă craniu, la picioare mai rar, lângă mână, umăr, în colțul sau la peretele gropii, în unele cazuri vasele de lângă craniu erau însoțite si de fusaiole. În apropierea craniului se depunea și ofranda de carne împreună cu cuțitul de fier. Așezarea armelor în morminte se efectua conform locului lor de purtare: tolba cu săgeți - în dreapta bazinului defunctului; lăncile – în dreapta sau stânga defunctului, paralel cu corpul; akinakes-urile – în stânga bazinului. Piesele de harnașament – psaliile, zăbalele, aplicile, de obicei se depuneau în dreapta defunctului, mai jos de bazin. Obiectele de toaletă – oglinzile, vasele (farfuriile) de piatră și vopselele se găsesc lângă craniu, de regulă în dreapta lui. Podoabele – aplicile de aur se găsesc pe craniu; cerceii și inele de buclă de bronz, uneori de aur – de o parte și alta a craniului; acele de bronz, mai rar de fier – în regiunea craniului, sau a cutiei toracice; salbele din perle de topaz, agat, cristal de stâncă, chihlimbar, calcedon, sticlă - în jurul gâtului (Ковпаненко 1981, 71-73).

DEPUNEREA OFRANDELOR ULTERIOR ÎNMORMÂNTĂRII

În necropola de la Trinca această practică rituală a fost atestată în doi tumuli – nr. VI și VIII. În ambele cazuri vestigiile lor sunt amplasate în afara mantalei de piatră, în sectorul de sud-est a mantalelor de pământ. În tumulul nr.VI ea este reprezentată de fragmente de strachină, vas de tip borcan și de un fragment de piesă de fier corodată. În tumulul nr. VIII – de părțile unui chiup și a unui vas de tip borcan. Aceste ofrande reprezintă vestigiile «banchetului funebru» (trizna) organizat odată cu terminarea amenajării mantalelor de piatră, concomitent cu arderea rugului amenajat de asupra. După terminarea "banchetului funebru" urma spargerea rituală a vaselor și acoperirea mantalei de piatră cu pământ.

Obiceiul arderii rugului funerar pe mantalele de piatră amenajate asupra locului depunerii resturilor cinerare aduse de la locul cremării propriu-zise și a organizării triznei – "banchetului funebru" era practicat de comunitățile grupului podolian de vest din zona Nistrului de Mijloc – tumulul nr. 2 din necropola de la Dolinjany (Смирнова 1977, 38), tumulul nr. VI de la Bratyšev (Крушельницкая 1990, 153). Urme ale "banchetului funebru" reprezentate de vestigii ale unor ruguri mari și de un set considerabil de piese de inventar au fost atestate și în tumulul-cenotaf nr. 1 de la Lenkovcy (Мелюкова 1953, 60).

Oficierea acestui obicei este atestată și în practicile funerare ale unor comunități tracice din zona Carpaților meridionali. În necropola de la Ferigile ofrandele de tipul celor de la Trinca au fost evidențiate în tumulii nr. 11, 26, 105, 142 (Vulpe 1967, 117-118, Pl. XXX; 124, Pl. XXXI; 170, Pl. XXXVIII; 183, Pl. XL). Erau depuse concomitent cu mormântul principal, la nivelul orizontului antic, la 0,2–1 m distanță de piriferia mantalei de piatră în partea de sud-est, est sau nord. Reprezintă aglomerații de fragmente ceramice provenite de 3-5 vase mari în tumulul nr. 105 și un cuțit de fier, unele cu urme de ardere secundară. Autorul săpăturilor a considerat aceste vestigii ca morminte secundare ipotetice, Faptul că nici într-un caz nu sau găsit oase calcinate sau cărbune nu permite o astfel de calificare. Aceste fragmente de ceramică reprezintă ofrande contemporane cu mormântul principal făcând parte din inventarul tumulului, lucru acceptat și de A. Vulpe în una din lucrările următoare (Popescu, Vulpe 1982, 80). Aceiași practică funerară este atestată și în necropolele Tigveni "Babe" – tumulii nr. 9, 10, 15 (Vulpe, Popescu 1972, 109,

fig. 11; 111, fig. 14; Popescu, Vulpe 1982, 95, fig. 16) şi Cepari "Toplița" – tumulii nr. 7, 8, 9, (Popescu, Vulpe 1982, 90, fig. 5,9).

Obiceiul depunerii ofrandei ulterior înmormântării şi amenajării mantalelor tumulilor era practicat de comunitățile sci ice timpurii din zona de silvostepă din Dreapta Niprului, unde vestigiile triznei se găsesc în mantaua tumulilor – tumulul nr. 6 de la Jasnozor'e (Ковпаненко и др. 1989, 36) sau în şanțurile ce înconjoară mantaua – tumulul nr. 1 din grupul II, Gorčjakovskij Les de la Medvin (Ковпаненко 1981, 73) şi tumulul nr. 15 de la Steblev (Ковпаненко и др.1989, 36).

DIFERENȚIEREA DEFUNCȚILOR ÎN FUNCȚIE DE SEX (FIG. 1,6)

Obiectivul Trinca "Drumul Feteştilor" reprezintă o necropolă tumulară în care sa practicat biritualismul, incinerarea şi inhumarea, raportul dintre ele fiind, respectiv 7:3. Argumentul definitoriu pentru stabilirea apartenenței la unul dintre sexe a mormintelor de inhumație este prezentat de către expertiza antropologică. Determinarea sexului pe oasele incinerate este mult mai dificilă şi din cauze obiective nici nu a fost efectuată. În aceste condiții, indicii pentru determinarea sexului incinerațiilor sunt furnizați de inventarul funerar, deşi diagnozele de sex realizate numai în baza acestui criteriu sunt adesea contestabile (Nicolaescu-Plopşor, Wolski 1975, 55). De obicei, în componența inventarului funerar a tuturor mormintelor indiferent de sex sunt prezente vasele de ceramică. Specific numai pentru cele de bărbați sunt armele şi piesele de harnaşament, iar pentru cele de femei, piesele de podoabă şi de toaletă, ustensilele caracteristice activității lor de muncă, în primul rând, fusaiolele. În acelaşi timp, mormintele de bărbați nu sunt lipsite şi de unele piese de podoabă (mărgele, cercei, brățări, coliere), iar printre cele de femei sunt cunoscute şi morminte care conțin arme. Mormintele inventarul cărora este constituit exclusiv din ceramică nu pot furniza nici un indiciu în determinarea sexului. Mormintele-cenotaf, amenajate în memoria unor luptători căzuți departe de comunitate, în opinia specialiştilor, aparțin unor persoane adulte de sex masculin (Nicolaescu-Plopşor, Wolski 1975, 55, 75, 76; Ильинская 1975, 89; Ковпаненко 1981, 73; Vasiliev 1980, 38-39; Ковпаненко и др. 1989, 35).

Un alt parametru, care în condițiile neefectuarii analizie antropologice a oaselor calcinate, poate avea valoare de criteriu pentru definirea sexului celor incinerați este specia de animale, părțile cărora au fost depuse în morminte în calitate de ofrandă de carne. Tot odată, diagnosticarea sexului în baza oaselor de la ofranda de carne, dat fiind faptul că în anumite zone preferințele erau diferite, deasemenea, într-o oarecare măsură poate fi contestabilă. În general pentru perioada hallstattiană – scitică timpurie este caracteristic depunerea ofrandei de carne cu precădere în mormintele de maturi şi mai rar în cele de copii. În cele de bărbați, determinate arheologic în baza inventarului, din zona Nistrului de Mijloc sunt atestate atât oase de animale de talie mare (cal), cât şi de ovicaprine, porcine, iepure (Смирнова 1977, 33; Idem 1979, 44; Крушельницкая 1990, 140). Mormintele de bărbați, determinate atât antropologic cât şi arheologic, din zona Niprului de Mijloc conform expertizei paleozoologice conțineau oase de cal şi de bovideu (Ильинская 1975, 89, vezi repertoriul la p. 17,27,32,37,41,47; Ковпаненко 1981, 7), în cele de femei – de ovicaprine (Ильинская 1975, 16,28,43,45). Totodată în mormântul de bărbat din tumulul 376 de la Konstantinovka erau depuse oase de ovicaprine însoțite de un cuțitaş de fier (Ильинская 1975, 30), iar în cel din tumulul 319 de la Guljaj Gorod, de rând cu oasele de cal, sunt atestate şi oase de ovicaprine şi porcine (Ibidem, 17), cel feminin din tumulul 330 din aceiaşi localitate, conținea oase de bovidee şi de cal (Ibidem, 17). Situație aproximativ similară este atestată şi în necropolele plane a grupului scitic din Transilvania, unde în mormintele de bărbați se depunea carne de bovidee, iar în cele de femei de ovicaprine (Vasiliev 1980, 50-53). În necropolele tumulare de incinerație tracice târzii din zona Carpaților meridionali, atât în mormintele de bărbați cât şi de femei, cu preferință se depunea carne de pasăre. În acelaşi timp, în mormintele determinate antropologic, de bărbați, de rând cu oasele de pasăre se găseau şi oase de animale de talie mare şi de ovicaprine, iar cele de femei – oase de ovicaprine şi de bovidee (Nicolaescu-Plopşor, Wolski 1975, Tab. nr. 8,16,17).

Racordarea realităților din tumulii necropolei de la Trinca la parametrii relevanți în determinarea sexului permit următoarele constatări: conform expertizei antropologice tumulul nr. III conține un mormânt de inhumație a doi indivizi de sex feminin în vârstă de 12, respectiv 18-21 de ani, însoțit de vase de ceramică, mărgele de sticlă, cercel și ace de bronz, precum și de oase de ovicaprine; tumulul nr. IV – un matur de sex masculin în vârstă de 40-45 de ani, însoțit de vase de ceramică, mărgică de sticlă și, oase de măgăruș domestic ș. de ovicaprine; tumulul nr. II, expertiza antropologică a resturilor scheletului ne fiind efectuată, în baza inventarului (vase de ceramică, mărgică de sticlă, mărgică de lut ars) care nu conținea arme sau piese de harnașament, poate fi considerat feminin; tumulul nr. I, care reprezintă o incinerație incompletă, în baza inventarului care de rând cu ceramica, câteva piese de podoabă și un cuțitaș de fier conține vârfuri de săgeată de os și piese de tolbă, este de bărbat: aceiași apartenență are și mormântul cenotaf din acest tumul, însoțit de oase de bovideu, precum și cel din tumululnr. III, doar din considerentele că reprezintă un mormânt simbolic a unui luptător căzut în depărtare.

Determinarea sexului pentru incinerațiile de tipul Ia din tumulul nr. V–IX, în lipsa datelor expertizei antropologice, poate fi realizată doar în baza pieselor de inventar și a speciilor de animale părțile cărora au fost depuse în calitate de ofrandă de carne. Cert feminin este mormântul din tumulul nr. VI însoțit de vase, fusaiolă, piese de podoabă (mărgele de sticlă, pandantiv de os), obiecte de toaletă (tava de gresie, granule de ocru), ofrandă de carne (picior de ovicaprină depus într-o strachină). Eventual, de sex feminin este și mormântul din tumulul nr. VII, care de rând cu vasele de ceramică conține o fusaiolă, piese de podoabă (mărgele de sticlă, cercel și ac de bronz) și alte ustensile de fier.

Diagnoza de sex a mormintelor din tumulul nr. V și VIII este dificilă, deoarece în inventarul lor predomină ceramica, iar cuțitul de fier în asociere cu mărgelele de sticlă, respectiv, vârful de săgeată de bronz în asociere cu mărgelele de sticlă, sunt atestate atât în mormintele de bărbați, cât și în cele de femei.

Mormântul din tumulul nr. IX, inventarul căruia constă cu precădere din vase de ceramică și doar două mărgele de sticlă, deasemenea nu poate fi atribuit cu certitudine la unul din sexe, în același timp, apartenența lui la sexul feminin este mai verosimilă.

Amplasarea tumulilor în cadrul necropolei Trinca "Drumul Feteștilor", în funcție de sex atestă o oarecare grupare a mormintelor în incinta necropolei. Partea ei de nord-vest constă atât din morminte de bărbați, cât și de femei, reprezentate prin inhumații, incinerații, parțiale sau complete, cenotafe, cea de sud-est, cu precădere din morminte de femei efectuate conform incinerației în afara locului amenajării tumulului, resturile cinerare și inventarul fiind depuse pe orizontul solului antic. Situația evidențiată în partea de sud-est a necropolei, permite să presupunem existența obiceiului aplicării unui ritual deosebit la femei și depunerea lor într-un loc separat de înmormântare.

ÎNCHEIERE

Analiza efectuată demonstrează că necropola de la Trinca prezintă similitudini pronunțate cu cimitirele tumulare hallstattiene tîrzii/scitice timpurii de la Dunăre pînă la Nipru. Cele mai multe dintre elementele caracteristice au paralele în complexele funerare din bazinul Nistrului Mijlociu și Depresiunea Rădăuți, zonă populată de comunitățile grupului podolian de vest (Смирнова 1990, 24-31; Крушельницкая 1990, 151-157) sau podolian-moldav (Ignat 2000, 313-344).

Construcțiile și practicile funerare atestate în necropola Trinca "Drumul Feteștilor", comparate cu cele caracteristice obiectivelor funerare tumulare de tip podolian de vest, atestă și unele trăsături deosebite. Specificul constă în prezența tumulilor în care resturile cinerare și inventarul se acopereau inițial cu o movilită de pământ, suprapusă de mantaua de piatră și pământ; utilizarea gropilor ovale de dimensiuni mari, amplasate la periferia mantalei de piatră pentru efectuarea mormintelor-cenotaf; predominarea incinerației defuncților în afara locului înmormîntării și depunerea resturilor cinerare și a inventarului direct pe solul antic; prezența în tumuli a două grupuri de inventar, unul acoperit de mantaua de piatră, iar altul în afara ei; obiceiul depunerii ofrandelor ulterior efectuări înmormîntării etc. Toate caracteristicile menționate sunt de tradiție

hallstattiană, cu paralele directe în necropolele grupului hallstattian tîrziu Ferigile-Bârseşti. Caracteristică este şi ponderea limitată a elementelor proprii grupului pdolian de vest, de origine scitică (amenajarea construcţiilor de lemn şi piatră la nivelul orizontului antic, ulterior arse; incinerarea defuncţilor pe solul antic sau în în construcţii de suprafaţă, pe locul ridicării viitorului tumul; incineraţiile incomplete; numărul mic de morminte care conţin arme şi piese de toaletă în inventar; lipsa pieselor executate în stil animalier).

Tipul de monument, condiţiile topografice de amplasare, modul de dispunere a tumulilor, structura mantalelor, tipurile construcţiilor sepulcrale, practicarea biritualismului, elementele complementare de ritual, inventarul (componenţă, mod de amplasare) demonstrează că Platoul Moldovei de Nord era populat în perioada hallstattiană tîrzie de aceleiaşi comunităţi ce locuiau zona Nistrului de Mijloc şi Depresiunea Rădăuţi. Inovaţiile intervenite în ritul şi practicile funerare, oficierea (preluarea) unor noi obiceiuri rituale, depunerea în morminte în calitate de inventar funerar a unor seturi de piese de origine diversă sînt un indiciu privind caracterul mixt al acestei populaţii. De asemenea, se evidenţiază astfel contactele comunităţilor locale cu grupuri de populaţie din diferite zone ale spaţiului carpato-dunărean pe de o parte, şi cu cele din silvostepa nord-pontică, pe de alta.

Bibliografie

Berciu, Comşa 1956: D. Berciu, E. Comşa, Săpăturile arheologice de la Balta Verde şi Gogoşu (1949-1950). MCA II, 1956, 251-489.

Călătoiu, Mocioi, Marinoiu 1987: Gh. Călătoiu, I. Mocioi, V. Marinoiu, Mărturii arheologice în Gorj (Târgu-Jiu 1987).

Chochorowski / 1985: I. Chochorowski, Die Vekerzug-Kultur. Charakteristik der Funde (Warszawa-Krakow 1985).

Ignat 1976: M. Ignat, Decuvertes du Hallstatt thrace dans le departement de Suceava. Thraco-Dacica I, 1976, 99-108.

Ignat 1978: M. Ignat, Necropola tumulară hallstattiană de la Volovăţ – Dealul Burlei. Suceava V, 1978, 107-140.

Ignat 2000: M. Ignat, Un nouveau groupe culturel du hallstatt tardif sur le territoire de la Roumanie. Studia Antiqua et Archaeologica VII, 2000, 331-344.

Ignat 2000a: M. Ignat, Funerary rite and ritual in the Podolo-Bucovinean group in the late hallstatt, Tombes tumulaires de l'Âge du Fer dans le Sud-Est de l'Eeurope. Actes du II-e Colloque International d'Archeologique Funeraire. Tulcea, 18-24 septembrie 1995 (Tulcea 2000), 219.

Levitki 1995: O. Levitki, Investigaţiile arheologice de la Trinca, raionul Edineţ, Republica Moldova. In: Cercetări arheologice în aria nord-tracă (I) (Bucureşti 1995), 247-278.

Levitki 1996: O. Levitki, Considerations sur les monuments funeraires du Hallstatt tardif sur le territoire de la Moldavie. Der Basarabi-Komplex in Mittel–und Südosteuropa. Kolloquium in Drobeta-Turnu Severin (7-9-November 1996) (Bucarest 1996), 165-193.

Levitki 1997: O. Levitki, Ensembles tumulaires d'epoque Hallstattienne en Moldavie. Premier age du fer aux bouches du Danube et dans les regions autour de la Mer Noire. Actes du Colloque International (Septembre 1993, Tulcea) (Tulcea 1997), 149-180.

Levitki 2000: O. Levitki, Necropola tumulară hallstattiană târzie – Trinca "Drumul Feteştilor" (jud. Edineţ). Funeral practtices as forms of cultural identity (Bronze and Iron Ages). Abstracts (Tulcea 2000), 38-39.

Levitki 2004: O. Levitki, Încadrarea cronologică a necropolei tumulare Trinca "Drumul Feteştilor". Studii de istorie veche şi medievală. Omagiu Profesorului Gheorghe Postică. (Chişinău 2004), 76-82.

Levitki 2004a: O. Levitki, Apartenenţa culturală a necropolei tumulare hallstattiene de la Trinca, Jud. Edineţ. Memoria Antiqvitatis XXIII. 2004, 369-392.

Levitki, Haheu 1997: O. Levitki, V. Haheu, Şantierul arheologic Trinca (Republica Moldova), (Campania 1995). In: Cercetări arheologice în aria nord-tracă (II) (Bucureşti 1997), 167-212.

Levitki, Haheu 1999: O. Levitki V. Haheu, Necropola hallstattiană tîrzie de la Giurgiuleşti. Studia în honorem Ion Niculiţă (Chişinău 1999), 121-134.

Morintz 1957: S. Morintz, Săpăturile de la Bîrseşti (reg. Galaţi, r. Vrancea), MCA III, 1957, 219-225.

Morintz 1959:S. Morintz, Săpăturile de la Bîrseşti-Vrancea (r. Vrancea, reg. Galaţi), MCA V, 1959, 355-361.

Morintz 1959a: S. Morintz, Săpăturile de la Bîrseşti (r. Vrancea, reg. Galaţi), MCA VI, 1959, 231-235.

Morintz 1961: S. Morintz, Săpăturile de la Bîrseşti (r. Vrancea, reg. Galaţi), MCA VII, 1961, 201-206.

Nicolaescu-Plopşor, Wolski 1975: D. Nicolaescu-Plopşor, W. Wolski, Elemente de demografie şi ritual funerar la populaţiile vechi din România (Bucureşti 1975).

Parducz 1955: M. Parducz, Le cimetiere hallstattien de Szentes-Vekerzug III. Acta Arhaeologica VI, 1-4, 1955, 1-22.

Popescu, Vulpe 1982: E. Popescu, A. Vulpe, Nouvelles decouvertes du type Ferigile. Dacia N.S. XXVI, 1-2, 1982, 77-114.

Sulimirski 1936: T. Sulimirski, Scytowe na zachodniem Podolu (Lwow 1936).

Vasiliev 1980: V. Vasiliev, Sciţii agatîrşi pe teritoriul României (Cluj-Napoca 1980).

Vulpe 1967: A. Vulpe, Necropola hallstattiană de la Ferigile. Monografie arheologică (Bucureşti 1967).

Vulpe, Popescu 1972: A. Vulpe, E. Popescu, Contribution a la connaissance des debuts de la culture ceto-dacique dans la zone Subcarpatique Vîlcea-Argeş (La necropole tumulaire de Tigveni), Dacia N.S. XVI, 1972, 75-111.

Гуцал, Гуцал, Мегей 1998: А.Ф. Гуцал, Б.А. Гуцал, В.П. Мегей, Дослідження курганів скіфського часу у Середньому Подністров'ї. В сб: Археологічні відкриття в Україні 1997-1998 рр (Київ 1998), 74-75.

Ильинская 1975: В.А. Ильинская, Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII-VI вв. до н. э) (Киев 1975).

Йерем 1986: Э. Йерем, Скифский период в восточной Венгрии. В кн: Археология Венгрии (конец II тысячелетия до н.э. - I тысячелетие н.э.) (Москва 1986), 169-187.

Ковпаненко 1981: Г.Т. Ковпаненко, Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. (Киев 1981).

Ковпаненко и др. 1989: Г.Т. Ковпаненко, С.С. Бессонова, С.А. Скорый, Памятники скифской эпохи Днепровского-лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион) (Киев 1989).

Крушельницька 1985: Л.І. Крушельницька, Взаємозвязки населення Прикарпаття і Волині з племенами Східної і Центральної Европи (рубіж епох бронзи і заліза) (Київ 1985).

Крушельницкая 1990: Л.И. Крушельницкая, Культуры Прикарпатья, Волыни и Закарпатья раннескифского времени. В сб: Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья (энеолит, бронза и раннее железо) (Киев 1990).

Левицкий 2004: О.Г. Левицкий, Курганный могильник позднегальштатского периода Тринка "Друмул Фетештилор". В сб: Матеріали Конференції "Проблеми скіфо-сарматської археології Пивнічного Причорномор'я». (до 105 – річчя з дня нарождения Б. М. Гракова). Старожитності степового Причорномор'я і Криму XI (Запоріжжя 2004), 152-157.

Левицкий, Савва, Чобану 1992: О.Г. Левицкий, Е.Н. Савва, Л.Ф. Чобану, Исследования курганного могильника раннего железного века у с. Тринка. Anuarul Muzeului Național de Istorie a Moldovei I, 1992, 95-107.

Малеев 1981: Ю.Н. Малеев, История племен Западной Подолии и Прикарпатья в конце бронзового – начале железного веков. Автореферат дисс. канд. ист. наук (Киев 1981).

Мелюкова 1953: А.И. Мелюкова, Памятники скифского времени на Среднем Днестре. КСИИМК 51, 1953, 60-73.

Мелюкова 1958: А.И. Мелюкова, Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья. МИА СССР 64, 1958, 5-102.

Мелюкова 1989: А.И. Мелюкова, Скифообразные памятники в средней Европе. В кн: Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время (Москва 1989), 87-91.

Петренко 1989: В.Г. Петренко, Локальные группы скифообразной культуры лесостепи Восточной Европы. В кн: Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время (Москва 1989), 67-80.

Попович 1990: И.И. Попович, Памятники Куштановицкой культуры. В сб: Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья (энеолит, бронза и раннее железо) (Киев 1990), 157-162.

Попович 1991: И. И. Попович, Курган IV-III вв. до н.э. у с. Бобовое в Закарпатье. В сб: Курганы степной скифии (Киев 1991), 130-137.

Попович 1993: І. Попович, Куштановицька група пам'яток. В сб: Пам'тки гальштатьского періоду межиріччя Вісли, Дністра і Прип'яті (Київ 1993), 250-286.

Скорий 1990: С.А. Скорий, Курган Переп'ятиха (Київ 1990).

Скорый 1999: С.А. Скорый, Киммерийцы в Украинской лесостепи. (Киев 1999).

Смирнова 1968: Г.И. Смирнова. Раскопки курганов у сел Круглик и Долиняны на Буковине. АСГЭ 10, 1968, 14-27.

Смирнова 1977: Г.И. Смирнова, Курганный могильник раннескифского времени у села Долиняны. АСГЭ 18, 1977, 29-40.

Смирнова 1977а: Г.І. Смирнова, Щодо поховального характеру ранньоскіфських пам'яток поблизу сіл Долиняни, Новосілки, Білоусівки. Археологія 23, 1977, 3-10.

Смирнова 1979: Г.И. Смирнова, Курганы у села Перебыковцы–новый могильник скифской архаики на Среднем Днестре. Труды ГЭ XX, 1979, 37-67.

Смирнова 1979а: Г.И. Смирнова, Куштановицкие курганы в Закарпатье у села Черный Поток. АСГЭ 20, 1979, с. 39-54.

Смирнова 1980: Г.И. Смирнова, Население Среднего Поднестровья в VI-V вв. до н. э. и его западные соседи. In: Actes du II-ie Congres International de Thracologie, 4-10 septembrie, Bucarest. București 1980, 235-251.

Смирнова 1982: Г.И. Смирнова, Закрытые предскифские комплексы у села Днестровка-Лука. Древние памятники культуры на территории СССР (Ленинград 1982), 30-52.

Смирнова 1990: Г.И. Смирнова, Культурно-исторические процессы в бассейне Среднего Днестра в конце - первой половине тысячелетий до н.э. Диссертация на соискании ученной степени докт. ист. наук (Киев 1990).

Смирнова, Бернякович 1965: Г.И. Смирнова, К.В. Бернякович, Происхождение и хронология памятников Куштановицкого типа Закарпатья. АСГЭ 7, 1965, 89-115.

Шовкопляс 1952: І.Г. Шовкопляс, Курганий могильник передскіфського часу на Середньому Дністрі. Археологі пам'ятки УРСР IV, 1952, 5-11.

Шовкопляс, Максимов 1952: І.Г. Шовкопляс, Е.В. Максимов, Дослідження курганного могильника передскіфського часу на Середньому Дністрі. Археологія VII, 1952, 89-109.

Щукин 1989: М.Б. Щукин, Семь сезонов славяно-сарматской экспедиции. В сб: Итоги археологических экспедиций (Ленинград 1989), 103-114.

Oleg Levițki,
Institutul de Arheologie și Etnografie, Academia de Științe, Republica Moldova,
str. Mitropolitul Bănu'escu Bodoni nr. 35, MD-2012, Chișinău, Republica Moldova

Tatiana Demcenco,
Institutul de Arheologie și Etnografie, Academia de Științe, Republica Moldova,
str. Mitropolitul Bănulescu Bodoni nr. 35, MD-2012, Chișinău, Republica Moldova

CONTRIBUȚII NOI LA CRONOLOGIA PIESELOR METALICE CARACTERISTICE BRONZULUI TÂRZIU CARPATO-NISTREAN

Eugen Uşurelu, Chişinău

Articolul are ca subiect reactualizarea cronologiei relative şi absolute a pieselor şi complexelor metalice caracteristice bronzului târziu din spaţiul carpato-nistrean, care sunt delimitate în două orizonturi cronologice. Ambele orizonturi sunt constituite din câte două subgrupe, Rădeni-Deleni, Hristici-Băleni şi respectiv Râşeşti-Lozova şi Ilişeni-Mândreşti. În conformitate cu cronologia absolută actuală a complexului cultural Sabatinovka-Noua şi al focarelor metalurgice sincrone din nordul Mării Negre şi de la Dunărea de Jos, subgrupele de piese metalice menţionate mai sus, se încadrează în intervalul de timp cuprins între sfârşitul secolului XVI–începutul secolului XII a.Chr., iar din punct de vedere a cronologiei central europene, se plasează între BC-HA (după Reinecke) şi între MDII-SDII (după Hänsel).

Статья посвящена пересмотру относительной и абсолютной хронологии металлических кладов и изделий поздней бронзы Карпато-Поднестровья, разделенных на два хронологических горизонта. Оба горизонта состоят из двух подгрупп кладов и изделий, Рэдень-Делень, Христич-Бэлень и соответственно Рышешть-Лозова, Илишешь-Мындрешть. Исходя из нынешней абсолютной хронологии культурного комплекса Сабатиновка-Ноуа и синхронных очагов металлообработки Северного Причерноморья и Нижнего Дуная, вышеуказаные подгруппы металлических кладов и изделий датируются концом XVI–началом XII вв. до н. э., а по центральноевропейской хронологии, между BC–HA (по Рейнеке) или MDII–SDII (по Хензелю).

The article is devoted to the revision of the relative and absolute chronology of the metal deposits and the Late Bronze pieces of the Carpathian-Dniester zone, which are divided into two chronological horizons. The both of these horizons consist of two sub-groups of deposits and pieces: Radeni-Deleni, Hristici-Beleni and Risesti-Lozova, Iliseni-Mindresti accordingly. Proceeding from the existing absolute chronology of the Sabatinovca Noua cultural complex and the synchronous metal making centers of the Northern Black Sea Littoral and the Low Danube zone, the above sibgroups are dated in the end of the XVI–the beginning of XII centuries b. c. and in accordance with the Central European Chronology between BC–HA (after Reineke) or MDII–SDII (after Hansel).

Dintre elaborările consacrate cronologiei complexelor şi pieselor metalice aparţinând bronzului târziu din spaţiul carpato-nistrean, cele mai importante sunt contribuţiile lui M. Petrescu-Dîmboviţa, care au ca subiect descoperirile est-carpatice (Petrescu-Dîmboviţa 1953; Idem 1960; Idem 1964; Idem 1977), şi contribuţiile lui V. Dergacev (Дергачев 1975; Idem 1986; Idem 2002), care cuprind descoperirile din interfluviul Nistru-Prut.

Conform acestora, descoperirile est-carpatice aparţinând bronzul târziu, au fost încadrate in seria Râşeşti-Băleni (Petrescu-Dîmboviţa 1977, 21), iar complexele şi piesele izolate din bronzul târziu din interfluviul Nistru-Prut, sunt delimitate în grupa cronologică Lozova-Mândreşti (Дергачев 1975, 75). Ambele scheme, au ca suport cronologic schema orizonturilor de depozite din Transilvania (Rusu 1963), în primul caz, seria Râşeşti-Băleni este sincronizată cu seria Uriu-Domăneşti şi este datată în perioada BrD (sec. XIII a.Chr.) (Petrescu-Dîmboviţa 1977, 29), iar grupa cronologică Lozova-Mândreşti este sincronizată cu seriile est-carpatice Ulmi-Liteni-Ilişeni şi seriile Uriu-Domăneşti şi Cincu-Suseni, fiind încadrată perioadelor BrD-HaA_1 (sec. XIII-XII, parţial XI a.Chr.) (Дергачев 1975, 77).

În plan cultural, atât seria Râşeşti-Băleni (Petrescu-Dâmboviţa 1977, 30) cât şi grupa Lozova-Mândreşti au fost sincronizate cu cultura Noua, evidenţiindu-se în cadrul ambelor serii două grupe de depozite, Ulmi-Liteni-Lozova (BrD sau sec. XIII a.Chr.) şi Ilişeni-Mândreşti (HaA_1 sau sec. XII a.Chr.) (Дергачев 1986, 170).

De menţionat că schemele tradiţionale consacrate pieselor metalice din bronzul târziu din spaţiul carpato-dunărean (Rusu 1963; Petrescu-Dîmboviţa 1977) şi prin intermediul acestora şi cele din nordul Mării Negre (Черных 1976, 152-153; Bočkarev, Leskov 1980, 68-85; Дергачев 1975, 76-77) au fost raportate la schema cronologică al lui Müller-Karpe (Müller-Karpe 1959), elaborată pentru zona alpină.

Adoptării fără rezerve a cronologiei absolute a schemei lui H. Müller-Karpe pentru realităţile arheologice din spaţiul carpato-dunărean i s-a obiectat în mai multe rânduri, argumentul principal constând în faptul că legăturile dintre Egeea şi Carpaţi sunt mai scurte decât acelea avute în vedere de H. Müller-Karpe cu Egiptul, Sicilia şi Italia până în sudul Germaniei (Hänsel 1976, 45). Rezultate concludente în acest sens au fost oferite de analiza pieselor metalice din bronzul târziu de pe teritoriul Bulgariei (Черных 1978, 254-261). Analogiile egeice din unele complexe din acest teritoriu şi anali-

za tipologico-combinatorie au scos în evidență necesitatea datării apariției focarului metalurgic Dičevo și a formelor metalice specifice bronzului târziu la Dunărea de Jos începând cu secolul al XV-lea a.Chr. (Черных 1978, 259).

Evidențierea sincronismelor focarului metalurgic Dičevo cu focarul Ingul-Krasnomajack a fost urmată de o coborâre cronologică similară a debutului bronzului târziu și în nordul Mării Negre (Черных 1981, 25).

„Direcția egeică" este dezvoltată și de V. Kločko, ca urmare a evidențierii analogiilor din aria egeică în cadrul complexelor focarului Dičevo, cât și în cadrul focarului Krasnomajack (Kločko 1995, 149-150). Datarea și sincronizarea complexelor acestor două focare este efectuată în concordanță cu paralele cronologice evidențiate, apariția acestora fiind plasată în secolele XVI-XV a.Chr.

Aceste tendințe de coborâre a cronologiei absolute al complexelor metalice din bronzul târziu de la Dunărea de Jos și din nordul Mării Negre sunt susținute și de datele ^{14}C din ultimii ani, care au rezultat o coborâre radicală a cronologiei absolute a unei serii de culturi euroasiatice (Трифонов 1996; Idem 1996a; Idem 1997; Idem 2001) și carpato-dunărene (Popa, Boroffka 1996; Palincaș 1996; Idem 2000; Gogâltan 1999; Sava 2002).

În afară de aceasta, datele radiocarbonice au scos în evidență și decalajul cronologic semnificativ de 3-4 secole, între apariția celturilor în mediul Sejmino-Turbino, față de alte regiuni ale Eurasiei (Бочкарев 2002, 115). Această premiză, cât și amplasarea grupelor teritorial-cronologice de celturi post Sejmino-Turbino în Europa de Est și de Sud-Est, în timp ce în Europa Centrală și de Nord lipsesc prototipurile locale în perioadele ce preced apariția celturilor – i-au permis lui V.S. Bočkarev să infirme conceptele originii convergente a celturilor în Europa. Conform modelului propus, răspândirea grupei teritorial-cronologice de celturi de tip Lobojkovka din bazinul Niprului Mijlociu și Inferior în regiunile Carpato-Balcanice în secolele XV-XIV a.Chr., odată cu constituirea complexului Sabatinovka-Noua, a determinat saltul calitativ și cantitativ al producerii celturilor în aceste regiuni în secolul al XIII a.Chr., constituind în același timp impulsul unui fenomen similar în secolul al XII-lea a.Chr., la Dunărea Mijlocie și periferia estică a Europei Centrale (Бочкарев 2002, 118).

Observațiile făcute de V.S. Bočkarev cu privire la originea nord-pontică a apariției celturilor în bazinul carpatic sunt confirmate de multiple date directe și indirecte.

În primul rând trebuie menționat că, artefactele de factură răsăriteană – celturi de tip Lobojkovka, seceri de tip „srubnaja", vârfuri de lance de tradiție Sejmino-Turbino ș.a., amplasate exclusiv la est de Carpați (Dergačev 2002, Taf. 31,B1; 40,C; 68,A411; Șadurschi 1989, fig. 6,6; 7,6; 8,6; Chirica, Tanasachi 1984, 122, fig. 9,8;10,3), în Muntenia (Morintz 1978, fig. 53), în nordul Bulgariei (Черных 1978, табл. 40,8.10), corelează pe de o parte cu arealul culturii Noua și grupul Coslogeni, iar pe de alta, au analogii în complexele cele mai timpurii din bronzul târziu din nordul Mării Negre, din etapa timpurie a culturii Sabatinovka (Bočkarev, Leskov 1980, 65-85; Leskov 1981, 90-101).

Cel mai concludent exemplu în această ordine de idei, constituie cazul culturii Noua. Epicentrul inițial de formare a acestei culturi este plasat în nord-vestul Basarabiei și Podișul Moldovei, unde sunt concentrate cele mai multe așezări și majoritatea complexelor funerare, inclusiv cele mai mari necropole a culturii Noua (Sava 2002, 226). Anume în această regiune este cunoscută și cea mai numeroasă și mai compactă grupă de piese metalice de factură răsăriteană (Dergačev 2002, Taf. 31, B1; 40,C; 68, A411, Șadurschi 1989, fig. 6,6; 7,6; 8,6; Chirica, Tanasachi 1984, 122, fig. 9,8;10,3), descoperite izolat cît și în depozite, cu analogii în complexele timpurii ale culturii Sabatinovka (Leskov 1981, 98).

Alte argumente în susținerea celor menționate reprezintă: sincronizmele culturii Noua cu fazele finale ale culturilor Komarow, Wietenberg C-D, Monteoru Ia-IIa, cu etapele timpurii ale culturii Sabatinovka și cu Srubnaja târzie, care au permis plasarea începutului culturii Noua până la începutul secolului al XV –lea a.Chr. (Sava 1999, 77; Idem 2002, 227); rectificările cronologiei absolute a complexului Sabatinovka-Noua (Geršković 1999; Sava 2002); datarea actuală, în baza analogiilor egeice, al focarelor metalurgice din nordul Mării Negre și de la Dunărea de Jos (Kločko 1995, 151), sincronizate cu complexul cultural Sabatinovka-Noua; apartenența fondului cultural de bază al complexului cultural Sabatinovka-Noua comunităților arhaice ponto-caspice, confirmată și de analiza altor categorii de materiale, cum ar fi habitatul, ritul funerar (Sava 1998; Idem 2002; 2004).

Originea răsăriteană a orizontului timpuriu de piese metalice din cadrul culturii Noua, este confirmată şi de evoluţia tipologică al unor tipuri, cum ar fi de exemplu secerele cu cârlig de tip Ghermăneşti, care au evoluat din secerele cu cârlig arhaice de tip Borodaevka (Дерачев 1997, 32; Dergačev 2002, 153). În afară de aceasta, în susţinerea celor menţionate vine şi faptul că formele diagnostice al bronzului târziu din spaţiul carpato-dunărean, celturile de „tip transilvănean" (tipul Ruginoasa), „varianta răsăriteană a tipului transilvănean"(tipurile Râşeşti şi Negreşti), secerele cu cârlig, secerele cu două orificii la mâner etc., apar mai întâi în mediul est-carpatic al culturii Noua, răspândindu-se ulterior şi în Transilvania, odată cu penetrarea în această regiunea a purtătorilor acestei culturi (Дерачев 1997, 24-33; Dergačev 2002, 138, 140-141, 145-146, 152-153).

Unele dintre tipurile enumerate, cum ar fi celturile de „tip transilvănean" (tipul Ruginoasa), „varianta răsăriteană a tipului transilvănean"(tipurile Râşeşti şi Negreşti), cel mai probabil au avut ca prototip celturile de tip Malye Kopani, cunoscute după forma de turnat din atelierul de la Malye Kopani (Bočkarev, Leskov 1980, Taf. 4,39a) şi descoperirile finite de la est de Carpaţi (Petrescu-Dîmboviţa 1953, fig. 14,5; Buzdugan 1970, fig. 2,3; Iconomu, Chişcă 1994, fig. 1,3). În ceea ce priveşte „varianta răsăriteană a tipului transilvănean"(tipurile Râşeşti şi Negreşti), o formă intermediară probabilă au fost celturile cu faţetele arcoidale, prevăzute cu decor bogat reliefat (Dergačev 2002, Taf. 31,B; Iconomu 2003 fig. 3,10).

Este concludentă în ceea ce priveşte legătura celor două etape în dezvoltarea metalurgiei culturii Noua şi componenţa depozitului de la Hristici, din nordul Basarabiei (Dergačev 2002, Taf. 31,B1-7). În cadrul acestuia, pe lângă celturile de tip Râşeşti şi secerele cu două orificii la mâner, care reprezintă tipuri diagnostice pentru seriile tradiţionale Râşeşti-Băleni şi Lozova-Mândreşti, se află un celt de tip Lobojkovka, care este aproape identic cu celturile similare descoperite la Vorona Nouă, la est de Carpaţi (Şadurschi 1989, fig. 8,6), în Bulgaria (Черных 1978, табл. 40,10), în bazinul Niprului Mijlociu (Тереножкин 1961, рис. 83,1.2).

Toate cele menţionate determină în stadiul actual de cercetare necesitatea unei inevitabile reactualizări a schemelor cronologice consacrate pieselor metalice aparţinând bronzului târziu din spaţiul carpato-dunărean-nordpontic raportate la schema lui H. Müller-Karpe, atât a datelor absolute, cât şi a celor relative.

În ceea ce priveşte spaţiul carpato-nistrean, ţinând cont de datele prezentate mai sus, trebuie de constatat că, cele mai timpurii piese metalice aparţinând epocii bronzului târziu, sunt de origine răsăriteană şi îşi fac apariţia în acest teritoriu odată cu penetrarea şi stabilirea purtătorilor tradiţiilor culturale din nordul Mării Negre, care au stat la baza constituirii complexului cultural Sabatinovka-Noua-Coslogeni (Бочкарев 2002, 115-118). În spaţiul carpato-nistrean aceste piese sunt reprezentate de celturile de tip Lobojkovka, descoperite izolat la Brătuşenii Noi, Chiperceni (Dergačev 2002, Taf. 40, B.C), Ibăneşti, Socrujeni, Vorona Nouă (Şadurschi 1989, fig. 6,6; 7,6; 8,6), în complexele de la Deleni, Rădeni, Hristici (Chirica, Tanasachi 1984, fig. 9,8; Dergačev 2002, Taf. 31,1; Taf. 68, A411); de secera de tip Borodaevka din cadrul depozitului de la Deleni (Chirica, Tanasachi 1984, fig. 10,3); dălţile tubulare şi plate din cadrul depozitului de la Rădeni (Dergačev 2002, Taf. 68-69, A415, A419). Acestei grupe de artefacte probabil trebuie atribuite şi celturile de tip Malye Kopani, care sunt localizate exclusiv la est de Carpaţi. Grupa respectivă de artefacte, care poate fi numită Rădeni-Deleni, din punct de vedere cronologic, este anterioară seriilor tradiţionale Râşeşti-Băleni şi Lozova-Mândreşti şi reprezintă prima fază a etapei timpurii a metalurgiei culturii Noua, care din punct de vedere tipologic, are un caracter răsăritean. Această grupă este sincronă, cu depozitul Odăile Podari din Muntenia (Morintz 1978, fig. 53), şi descoperirile izolate de pe teritoriul Bulgariei(Черных 1978, табл. 40,8.10), cu grupul de depozite Staro-Bykovo, Borisovka, Uljanovka, Krymskoje, Lobojkovka, Kabakovo, Trechizbenoje, Elisejeviči, Blagoveščenka (Leskov 1981, 96) şi grupul de complexe de forme de turnat Golourov (Bočkarev, Leskov 1980 80) din etapa timpurie a culturii Sabatinovka. Toate aceste grupe de artefacte formează un orizont tipologico-cronologic caracteristic fazelor timpurii al complexului cultural Sabatinovka-Noua, unele din complexele din nordul Mării Negre având prioritate cronologică faţă de cele de la periferia estică a bazinului carpatic.

Dintre complexele din spaţiul carpato-nistrean, acestui orizont timpuriu aparţin şi depozitele Băleni, Ulmi-Liteni şi Hristici, care reflectă a doua fază a etapei timpurii a metalurgiei culturii Noua, în

care pe lângă tipurile răsăritene apar şi inovaţii specifice acestei culturi, „varianta răsăriteană a tipului transilvănean"(tipurile Râşeşti şi Negreşti), secerele cu două orificii la mâner, secerele de tip Ghermăneşti, care vor fi tipurile diagnostice în etapa următoare.

Depozitele din spaţiul carpato-nistrean, care aparţin etapei clasice a metalurgiei culturii Noua, sunt următoarele: la est de Carpaţi – Bozia, Ciorani, Criveşti, Doljeşti, Duda, Ghermăneşti, Heleşteni, Mândrişca, Moşna, Negreşti, Râşeşti, Ruginoasa, Tansa, Ţigăneşti; din interfluviul Nistru-Prut – Alexăndreni, Chişinău, Dancu II, Lozova II, Vărvăreuca, Novotrojany, Heciul Nou, Sâneşti, Moleşti. Această grupă care poate fi numită Râşeşti-Lozova, este sincronă cu depozitele seriei Uriu-Domăneşti din Transilvania, depozitele Dremajlovka, Dobrjanka, Orehovo, Becilovo, Rajgorodka, Ingul, Knjaz´grigor´evka, Juravlinka, Avraamovka, Nikopol´, Kurjač´i Lozy, cu grupul de complexe de forme de turnat Krasnyi Majak, din etapa târzie a culturii Sabatinovka (Bočkarev, Leskov 1980, 74), cu depozitele seriilor Drajna de Jos-Oinac din Muntenia şi Nicolae Bălcescu-Gura Dobrogei din Dobrogea.

În depozitele acestei etape a metalurgiei culturii Noua, celturile de tip Lobojkovka, Malye Kopani, celturile cu faţetele arcoidale cu decor bogat reliefat, nu se mai întâlnesc. În schimb sunt caracteristice în continuare dălţile plate şi tubulare, pumnalele şi vârfurile de lance din etapa timpurie, care suferă modificări neînsemnate. Tipurile diagnostice acestei etape sunt celturile de tip „transilvănean" (tipul Ruginoasa), „varianta răsăriteană a tipului transilvănean"(tipurile Râşeşti şi Negreşti), secerele cu două orificii la mâner, secerele cu cârlig de tip Ghermăneşti.

Ultimul grup de complexe din spaţiul carpato-nistrean aparţinând sfârşitului epocii bronzului este constituit de depozitele Ilişeni, Tomeşti şi Mândreşti. Componenţa acestor complexe are un caracter mixt, depozitul de la Ilişeni şi Tomeşti îmbină elemnentele caracteristice culturii Noua cu cele hallstattiene timpurii, cel de la Mândreşti pe lângă cele două elemente menţionate, conţine şi elemente caracteristice etapei Sabatinovka târzie – Belozerka timpurie.

Din punct de vedere al cronologiei relative şi absolute grupele de depozite din spaţiul carpato-nistrean evidenţiate mai sus pot fi delimitate în două orizonturi cronologice.

Primul orizont include două subgrupe de depozite, Rădeni-Deleni şi Hristici-Băleni. Acesta este sincron cu cel mai timpuriu grup de monumente a culturii Noua, localizat în nord-vestul Basarabiei şi Podişul Moldovei. Cel de-al doilea orizont include deasemenea două subgrupe de depozite, Râşeşti-Lozova şi Ilişeni-Mândreşti, şi din punct de vedere cronologic poate fi sincronizat cu varianta subcarpatică şi varianta transilvăneană a culturii Noua (Sava 2002, 227). Ţinându-se cont de cronologia actuală a culturii Noua şi datarea focarelor metalurgice sincrone, din nordul Mării Negre şi de la Dunărea de Jos (Kločko 1995, 149-151), grupele de depozite din spaţiul carpato-nistrean menţionate mai sus se încadrează în intervalul de timp cuprins între sfârşitul secolului XVI – începutul secolului XII î. Chr., iar din punct de vedere a cronologiei central europene, se plasează între BC-HA (după Reinecke) şi între MDII-SDII (după Hänsel).

BIBLIOGRAFIE

Bočkarev, Leskov 1980: V. Bočkarev, A. Leskov, Jung- und spätbronzezeitliche Gußformen im nördlichen Schwarzmeergebiet PBF XX, 1 (München 1980).

Buzdugan 1970: C. Buzdugan, Câteva celturi provenite din descoperiri fortuite. Memoria Antiqvitatis II, 1970, 487-490.

Chirica, Tanasachi 1984: V. Chirica, M. Tanasachi, Repertoriul arheologic al judeţului Iaşi (I) (Iaşi 1984).

Dergačev 2002: V. Dergačev, Die äneolithischen und bronzezeitlichen Metallfunde aus Moldavien PBF XX, 9 (Stuttgart 2002).

Gerškovič 1999: J.Gerškovič, Studien zur Spätbronzezeitlichen Sabatinovka Kultur am unteren Dnepr und an der Westküste des Azov'schen Meeres, Archäologie in Eurasien, Band 7, Deutches Archäologisches Institut Eurasien- Abteilung, Verlag Marie Leidorf GmbH-Rahden/Westf 1999.

Gogâltan 1999: F. Gogâltan, Bronzul timpuriu şi mijlociu în Banatul românesc şi pe cursul inferior al Mureşului. Cronologia şi descoperirile de metal. Bibl. Hist. et. Arch. Banatica 23 (Timişoara 1999).

Hänsel 1976: B. Hänsel, Beiträge zur regionalen und chronologischen Gliederung der älteren Hallstattzeit an der unteren Donau. Beitr. Zur ur-u. frühgesch. Arch. d. Mittelmeer-Kulturraumes 16/17 (Bonn 1976).

Iconomu, Chişcă 1994: C. Iconomu, V. Chişcă, Descoperiri arheologice în comuna Vânători, judeţul Iaşi. AM XVII, 1994, 291-296.

Iconomu 2003: C. Iconomu, Noi date arheologice despre judeţul Vaslui rezultate dintr-o donaţie. AM XXIII-XXIV, 2003, 273-288.

Kločko 1995: V. Kločko, Zur brozezeitlichen Bewaffnung in der Ukraine. Eurasia Antiqua 1, 1995, 81-163.

Leskov 1981: A. Leskov, Jung- und spätbronzezeitliche Depotfunde im nördlichen Schwarzmeergebiet. PBF XX, 5 (München 1981).

Morintz 1978: S. Morintz, Contribuţii arheologice la istoria tracilor timpurii (I) (Bucureşti 1978).

Müller-Karpe 1959: H. Müller-Karpe, Beiträge zur Chronologie der Urnenfelderziet nördlich und südlich der Alpen, Römisch-Germanische Forschungen 22 (Berlin 1959).

Palincaş 1996: N. Palincaş, Valorificarea arheologică a probelor ^{14}C din fortificaţia aparţinând bronzului târziu de la Popeşti (jud. Giurgiu). SCIVA 47, 1996, 239-297.

Palincaş 2000: N. Palincaş, Archäologische Auswertung von ^{14}C-Proben aus der spätbronzezeitliche befestigten Siedlung von Popeşti (Rumänien). Arch. Korrbl. 30, 2000, 209-226.

Petrescu-Dîmboviţa 1953: M. Petrescu-Dîmboviţa, Contribuţii la problema sfârşitului epocii bronzului şi începutului epocii fierului în Moldova. SCIV 3-4, 1953, 443-481.

Petrescu-Dîmboviţa 1964: M. Petrescu-Dîmboviţa, Date noi relativ la descoperirile de obiecte de bronz de la sfârşitul epocii bronzului şi începutul Hallstatt-ului din Moldova. AM II-III, 1964, 251-272.

Petrescu-Dîmboviţa 1977: M. Petrescu-Dîmboviţa, Depozitele de bronzuri din România (Bucureşti 1977).

Popa, Boroffka 1996: A. Popa, N. Boroffka, Consideraţii privind cultura Noua. Aşezarea de la Ţichindeal, jud. Sibiu. SCIVA 47, 1996, 51-61.

Rusu 1963: M. Rusu, Die Verbreitung der Bronzehorte in Transsilvanien vom Ende der Bronzezeit in die mittlere Hallstattzeit. Dacia N.S. VII, 1963, 177-210.

Sava 1998: E. Sava, Die Rolle der „östlichen" und „westlichen" Elemente bei der Genese des Kulturkomplexes Noua-Sabatinovka. In: Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe. Nomadenbewegungen und Kulturaustasch in den vorchristlichen Metallzeit (4000-500 v.Chr.) (Hrsg. B..Hänsel und J. Machnik) (München-Rahden/Westf. 1998), 267-312.

Sava 1999: E. Sava, Istoricul cercetărilor şi contribuţii noi la periodizarea şi cronologia absolută a culturii Noua. In: Studia in Honorem Ion Niculiţă (Chişinău 1999), 54-84.

Sava 2002: E. Sava, Die Bestattungen der Noua-Kultur. Ein Beitrag zur Erforschung spätbronzezeitlicher Bestattungsriten zwischen Dnestr und Westkarpaten (Hrsg. B. Hänsel). PAS. Bd. 19 (Kiel 2002).

Sava 2004: E. Sava, Unele aspecte economice din perioada târzie a epocii bronzului (complexul cultural Noua-Sabatinovka). In: Studia in Honorem Gheorghe Postică(Chişinău 2004), 68-75.

Şadurschi 1989: P. Şadurschi, Piese metalice din epoca bronzului descoperite pe teritoriul judeţului Botoşani. Hierasus VII-VIII, 1989, 158 –182.

Бочкарев 2002: В. Бочкарев, Металлические топоры-келъты Европы эпохи поздней бронзы. В кн. Степи Евразии в древности и средневековъе (Санкт-Петербург 2002), 115-118.

Дергачев 1975: В. Дергачев. Бронзовые предметы XIII-VIII вв. до н. э. из Днестровско-Прутского междуречья (Кишинев 1975).

Дергачев 1986: В. Дергачев, Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы (Кишинев 1986).

Дергачев 1997: В. Дергачев. Металлические изделия к проблеме генезиса культур раннего гальштата Карпато-Нордпонтийского региона (Кишинэу 1997).

Петреску-Дымбовица 1960: М. Петреску-Дымбовица, Конец бронзового и начало раннежелезного века в Молдове в свете последних археологических раскопок. Dacia N.S., IV, 1960, 139-160.

Тереножкин 1961: А. Тереножкин, Предскифский период на днепровском Правобережье (Киев 1961).

Трифонов 1996: В. Трифонов. К абсолютному датированию «микенского» орнамента эпохи развитой бронзы Евразии. Радиоуглерод и Археология 1,1996, 60-64.

Трифонов 1996а: В. Трифонов, Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита- бронзы Северного Кавказа. Вкн. Между Азией и Европой. Кавказ в тыс. до н.э. Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.А. Иессена (Санкт-Петербург 1996), 43-50.

Трифонов 1997: В. Трифонов. К абсолютной хронологии евро-азиатских культурных контактов в эпоху бронзы. Радиоуглерод и Археология 2 1997, 60-64.

Трифонов 2001: В. Трифонов, Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита-средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы (по данным радиоуглеродного датирования). В кн. Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы» (Самара 2001), 71-82.

Черных 1976: Е. Черных, Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР (Москва 1976).

Черных 1978: Е. Черных, Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии (София 1978).

Черных 1981: Е. Черных, Клад из Констанцы и вопросы Балкано-Кавказких связей в эпоху поздней бронзы. СА 1, 1981, 19-25.

Eugen Uşurelu,
Institutul de Arheologie şi Etnografie, Academia de Ştiinţe din RM,
str. Mitropolitul Bănulescu-Bodoni 35, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova

Хронология и периодизация белозерских памятников Пруто-Днестровского междуречья

Сергей Агульников, Кишинэу

Subiectul acestui articol îl constituie studierea cronologiei şi periodizării culturii Belozerka în spaţiul Pruto-Nistrean, în legătură cu cronologia culturilor vecine şi a culturii premergătoare Sabatinovka. Tradiţional, cultura Belozerka era datată cu sec. XII-X î.e.n. şi era împărţită în două etape – timpurie şi târzie. Utilizând noile datări, autorul propune divizarea culturii Belozerka în trei etape: timpurie – sfârş. sec. XIII î.e.n., prima jumătate a sec. XII î.e.n.; mijlocie – sfârş. sec. XII, prima jumătate a sec. XI î.e.n. şi târzie – a doua jumătate a sec. XI, prima jumătate a sec. X î.e.n.

В данной статье приводятся результаты исследования хронологии и периодизации беозерской культуры Пруто-Днестровского междуречья в соотношении с памятниками соседних культур и с учетом датировок культуры Сабатиновка. Белозерская культура традиционно датировалась XII-X вв. до н.э. и разделялась на два этапа: ранний и поздний. В статье написанной с учетом новых разработок по хронологии предлагается разделить время существования белозерской культуры на три этапа: ранний – конец XIII, первая пол. XII века до н.э.; средний – конец XII, первая пол. XI вв. до н.э.; и поздний – вторая пол. XI, первая пол. X вв. до н.э.

The purpose of this article is the analysis if chronology and periodisation of Belozerka culture sites of the steppe region between Dniester and Prut rivers, it's relations/correlations with neighbor cultures concerning finds related to the pre-merging Sabatinovka culture. Belozerka culture is traditionally dated with XII-X century B.C. and is divided in two parts: I – early Belozerka culture and II – the late one. Concerning new materials, the author proposes to divide the Belozerka culture into 3 parts: the early period which is dated with the end of XIII century B.C. – first half of the XII cent. B.C.; the middle one : end of the XII cent. B.C. – first half of the XI cent. B.C. and the late one: the second half of the XI cent. B.C. – first half of X cent. B.C.

Вопросы хронологии и периодизации памятников белозерской культуры Пруто-Днестровского междуречья следует рассматривать с учетом аналогий в соседних и предшествующих культурах, а также с привлечением материалов эпохи поздней бронзы Центральной Европы, Средиземноморья и Северного Кавказа. Хронологически белозерские древности региона традиционно разделяются на два периода – раненебелозерский и позднебелозерский (Ванчугов 1990, 138). Раннебелозерский период в плане материальной культуры во многом сходен с предшествующей сабатиновской культурой. В первую очередь это касается металлических изделий. Наиболее ранним комплексом для белозерской культуры региона следует считать Соколенский клад, изделия которого восходят к позднему этапу сабатиновской культуры в Пруто-Днестровском междуречье. Так, бронзовый кинжал с листовидным лезвием и рукояткой с кольцевым упором восходит к изделиям Красномаяцкой мастерской и по аналогиям из Ново-Александровки и литейным формам из Кардашинки-II (Bočkarev, Leskov 1980, 21, 24. Taf. 9,73a; Taf. 11,90c) относится к типам H-37-H-40 (Черных 1976, 121-122) и датируется периодом BrD-HaA$_1$ (Dergačev 2002, 128). Аналогичный нож происходит из Коржова (случайная находка) (Дергачев 1975, 28, 55. рис. 9,14), а также из закрытого археологического комплекса – погребение 3, курган 4 у с. Лиманское в Нижнем Поднестровье (Иванова, Ветчинникова 1993, 177). В Нижнем Поднепровье, на Херсонщине подобный нож-кинжал найден в составе инвентаря основного погребения белозерской культуры № 1, курган 4 у с.Каиры. Скорченный на боку скелет с южной ориентировкой сопровождался типично белозерским материалом – лощеной корчагой, кубком и чашей, в том числе и кинжалом с листовидным лезвием и черешковой рукояткой с кольцевым упором (Агульников, Шилов 1990, 67-70, рис. 1,3-7).

Находка подобного ножа-кинжала на памятнике Вынэторь в юго-восточной Румынии на Нижнем Пруте, наряду с происходящей с того же памятника белозерской корчагой, свидетельствует о достаточно раннем проникновении объектов белозерской культуры в позднебронзовые памятники

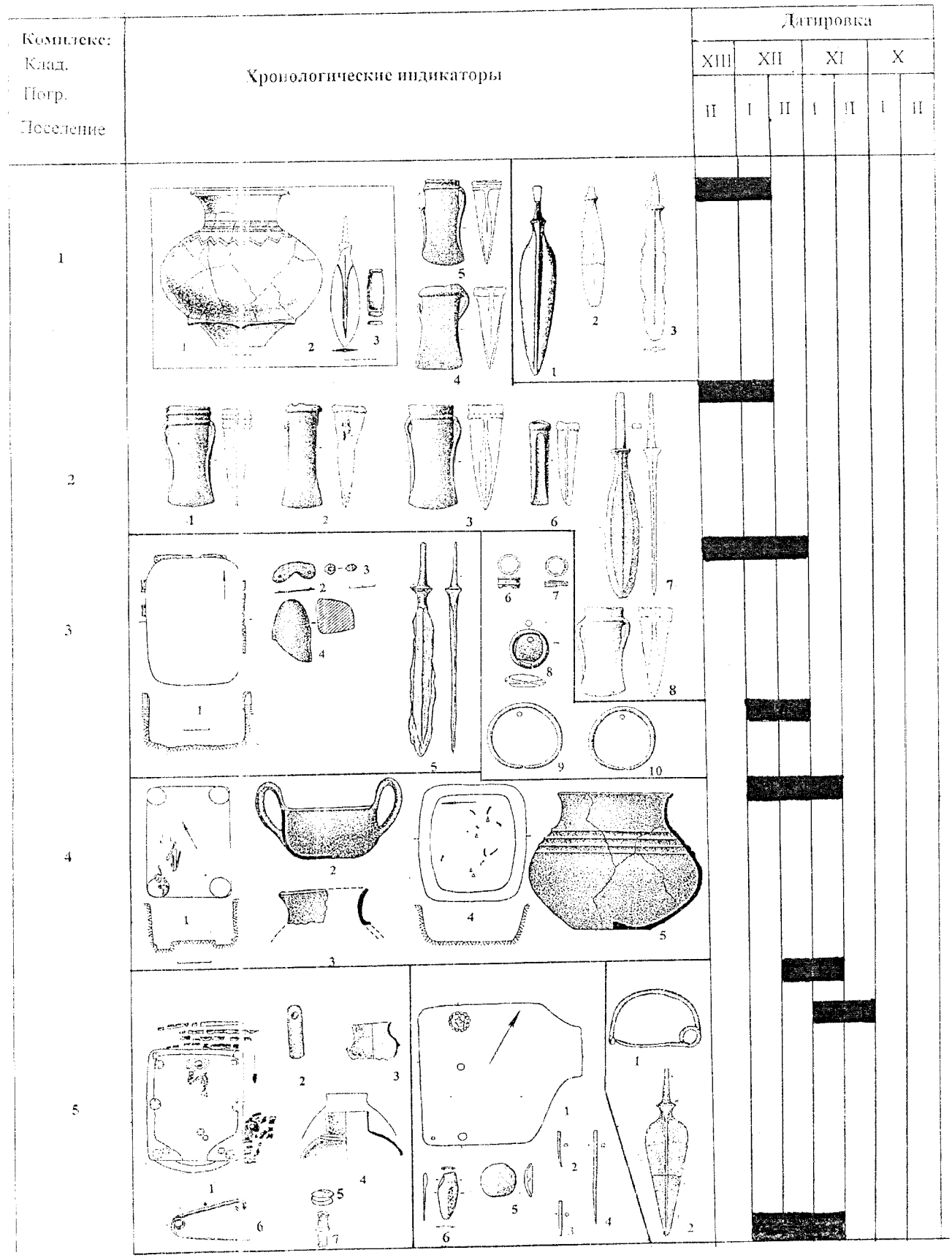


Табл. I. Хронологические индикаторы белозерского времени в Северо-Западном Причерноморье. **1.** 1-3 - Владимировка, курган 6 (раскопки Кубышева; по Ванчугов 1990); 1-3; 1- Березки, 2- Вынэторь, 3- Коржево (по Dergačev 2002). **2.** 1-3,6-7 - Соколень; 5 - Суручень; 4 - Телица; 8 - Григорьевка. **3.** 1-5 - Лиманское, курган 4 погр. 3 (по Иванова, Ветчинникова 1993); 6-10 - Ново-Котовск, погребение (по Dergačev 2002). **4.** 1-2 – Тараклия курган 9 погр. 3; 3-5 - Тараклия курган 7 погр 1 (по Агульников 2002). **5.** 1-7 - Струмок, курган 9 погр. 1 (по Тощев 1984); 1-6. Чобручи (по Агульников, Чеботаренко 1990); 1-6 - Комрат I (по Рафалович, Чернякову 1982); 1-2 -Градиштя-Кослоджень (по Neagu, Nanu 1986).

Нижнего Подунавья (Brudiu 1992, 6, fig. 1,1; Dergačev 2002, Taf. 70,A/427). В свою очередь находка ножа-кинжала с кольцевым упором в комплексе с орнаментированной корчагой, характерной для культур средней бронзы Карпато-Дунайского басейна, в захоронении белозерского типа с южной ориентировкой из Владимировке на Херсонщине, подтверждает датировку раннебелозерских древностей – XII в. до н.э. (Ванчугов 1990, 94. рис. 40). Двуушковые кельты из Соколенского клада, наряду с кельтами из Григорьевки, Суручень, Телицы, Фырлэдень (1 экз.) появляются в Северо-Западном Причерноморье в финале периода BrD (конец XIII в. до н.э.) и достаточно четко датируются позднесабатиновским – раннебелозерским временем (Бочкарев. Шинкаренко 2001, 592-595; Dergačev 2002, 132). Долото из состава Соколенского клада имеет аналогии в материалах Завадовской мастерской и Кардашинка I (Bočkarev, Leskov 1980, Taf. 9,78а-б; Taf. 10,83а; Taf. 11,87а-б) и датируется периодом BrD-HaA$_1$ (Гершкович, Клочко 1987, 111). Подобное долото имеется в составе клада Дриду в Мунтении (Enăchiuc 1995, 296 Abb. 5) на поселении времени Бабадаг-I является самым ранним предметом данного клада наряду с одноушковым кельтом, аналогичным третьему кельту из Соколень. Согласно данным аналогиям, Соколенский клад надежно датируется периодом HaA$_1$, что является временем начала белозерской культуры в Пруто-Днестровском междуречье.

Биметаллические ножи – с бронзовой рукояткой, кольцевым упором и железным клинком с параллельными лезвиями, найденные в белозерских курганах у сс. Кочковатое и Хаджиллар на Буджаке, относятся к варианту «степной» по классификации В.А. Дергачева (Dergačev 2002, 128). По всей видимости, данный тип ножа-кинжала возникает во время перехода от раннебелозерского к позднебелозерскому времени. Унаследовав от изделий Красномаяцкого и Новоалександровского типа черешковую бронзовую рукоять с кольцевым упором, они имеют железное лезвие. Появление железа в данном типе изделий наглядно демонстрирует результаты кризиса бронзолитейного производства в Северном Причерноморье в конце II тыс. до н.э. В погребении 1/31, Кочковатое, и погребении 3/1, Хаджиллар, имелись лощеные чаши с налепами и каннелюрами. Данная керамическая форма свойственна посуде позднебелозерского времени.

Черешковые ножи-кинжалы с параллельными лезвиями, в двух экземплярах найденные на поселениях (Кишинев, Етулия VI) и 16 экземпляров в погребениях, составляют самую многочисленную категорию металлических изделий белозерской культуры в регионе. Хронологически все они соотносятся с изделиями Кардашинской (I и II) и Завадовской мастерских Нижнего Поднепровья. Ножи варианта «Кардашинка» (Dergačev 2002, 128-129) являются типично белозерским изделием и датируются периодами HaA$_1$-HaB$_1$. Появление среди данных типов железных изделий (Кочковатое 2/29) и находки их в комплексе с корчагами времени Бабадаг-I (могильник Кальчево) позволяют предположить их доживание до X в. до н.э. Наибольшее распространение черешковые ножи получают в период развитой белозерской культуры, о чем свидетельствует находка данного изделия в погребальном комплексе (погр. 39) Казаклийского могильника (Agulnikov 1996, fig. 16). Совместно с кинжалом в данном захоронении имелись раннегальштатские черпак и миска (Тэмэоань, Кишинэу), а также и типично белозерские корчага и кубок. В ряде случаев находки черешковых ножей типов Н-18, Н-20-22 сопровождались на могильниках Казаклия, Васильевка, Дивизия, Алкалия, Будуржель, Кочковатое типичным белозерским инвентарем. Таким образом, черешковые ножи-кинжалы с параллельными лезвиями хронологически соответствуют времени существования белозерской культуры в Днестровско-Прутском междуречье с XII до начала X вв. до н.э. Черешковый однолезвийный нож с горбатой спинкой, подтреугольный в сечении, из погребения 27 Казаклийского могильника (Agulnikov 1996, fig. 11,2) относится к типу Н-4 по классификации Е.Н. Черных (Черных 1976, 113-114). Аналогии данного типа в Северо-Западном Причерноморье представлены преимущественно раннефракийским импортом. Аналог данного ножа имелся в составе Новогригорьевского клада (Tallgren 1927, 161 fig. 94). В Пруто-Днестровском междуречье находки подобных ножей отмечены в погребении 1, кургана 4 у с. Погребя, на поселениях белозерского времени Кошница, Погребя (Агульников, Кетрару 1992, 137. рис. 2,4; Dergačev 2002, 50 Taf. 52,VI; Агульников, Хахеу 1989, 129 рис. 2,18).

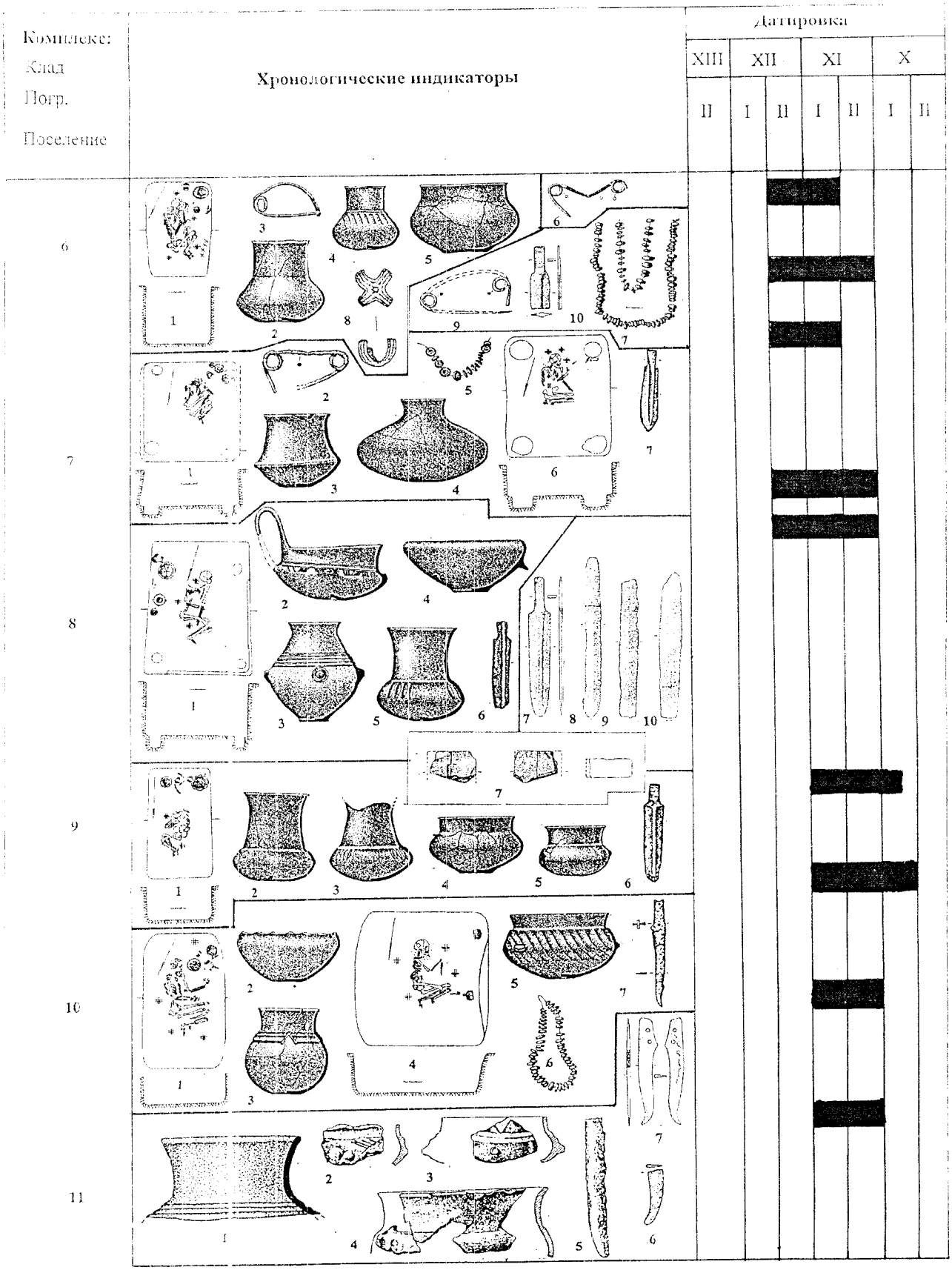


Табл. II. Хронологические индикаторы белозерского времени в Северо-Западном Причерноморье. **6.** 1-5.7-8 - Казаклия, могильник погр.1 (по Agulnikov 1996); 6 - Лукашевка (по Dergačev 2002); 9 - Алкалия курган 2, погр. 1 (по Vancugov, Subbotin 2000); 10 - Етулия-VI (по Dergačev 2002). **7.** 1-5; 6-7 - Казаклия, могильник погр. 14, 34 (по Agulnikov 1996). **8.** 1-6 - Казаклия, могильник погр. 39 (по Agulnikov 1996); 7 - Попяска (Поповка) I (по Гукин, Левицкий 1994; Dergačev 2002). 8.7-10 – Кишиневское поселение (по Мелюкова 1961) **9.** 1-6 - Казаклия, могильник погр. 34 (по Agulnikov 1996). **10.** 1-3 - Казаклия, могильник погр. 26 ; 4-7 Казаклия, могильник погр. 26 (по Agulnikov 1996). **11.** 1-6 - Тудора (по Мелюкова 1961); 7 - Тэмэоань (по Petrescu-Dîmboviţa 1953).

Как в погребении, так и на поселениях ножи типа Н-4 найдены совместно со специфической керамикой выделенного в последнее время горизонта памятников белозерского времени Ханска-Холеркань (Levițki 1994, 252 pl. 13,5). Наибольшее распространение данные ножи получают в позднебронзовых и раннегальштатских памятниках Нижнего Подунавья – Радовану, Кирножь, Султана (Morintz 1978, 146, fig. 86,2-4), а также в материалах поселения Тэмэоань (Petrescu-Dîmbovița 1953, 765-778).

По ряду аналогий с кладами юго-востока Румынии и северо-востока Болгарии С. Моринц датирует данные ножи XII- XI вв. до н.э. (Morintz 1978, 149). В целом черешковые ножи Н-4 могут являться хроноиндикаторами перехода от поздней бронзы к раннему железному веку в Карпато-Днестровском регионе. В дальнейшем эта форма бытует в белозерской культуре и фиксируется в предскифское время, где данные изделия выполнены из железа. Диапазон существования ножей типа Н-4 охватывает период от финала позднебронзовых культур Подунавья Монтеору IIb, Зимнича-Пловдив вплоть до раннескифской культуры степей Северного Причерноморья.

Для установления хронологических рамок существования белозерской культуры Прут-Днестровского междуречья существенную роль играют находки проволочных металлических фибул.

В погребении 1 Казаклийского могильника найдена бронзовая однопружинная фибула с ассиметрично выгнутой спинкой (Agulnikov 1996, fig. 5,6). Данное украшение относится к серии „Violenbogenfibeln" и имеет аналогию в материалах белозерского могильника Степной в Поднепровье (Отрощенко 1975, 200 рис. 7). В Нижнем Подунавье аналогичная фибула найдена на эпонимном памятнике Грэдиштя-Кослоджень (Neagu, Nanu 1986, 99 fig. 24). По аналогиям с украшениями из Анатолии, Северной Италии, находками из субмикенского-протогеометрического горизонта островной Греции фибулы данной серии датируются XI- X вв. до н.э. (Caner 1983, nr. 24,A-B; 35,A-L; Sapouna-Sakellarakis 1978, 41, nr. 51,A-89; Dergačev 2002, 181). Е. Сапоуна-Сакелларакис выделяет однопружинные арочные фибулы в тип П и датирует их серединой XI в. до н.э. (Sapouna-Sakellarakis 1978, 41,A-89). Эти даты в целом соответствуют времени существования белозерской культуры в Северо-Западном Причерноморье. Железная фибула из погребения 55 Казаклийского могильника (Agulnikov 1996, fig. 19, 4) также относится к серии „*Violenbogenfibeln*". Найденная в комплексе с типично белозерским инвентарем – чашей, корчагой, стеклянными бусами – данная фибула вряд ли может являться более поздним изделием, чем фибула из погребения 1.

Из погребения 14 Казаклийского могильника происходит бронзовая двупружинная фибула с прямыми спинкой и иглой (Agulnikov 1996, fig. 8,7). В белозерской культуре подобный тип фибул (серия „*Violenbogenfibeln*") распространен более широко, чем однопружинные изделия. В Днестро-Дунайском междуречье подобная фибула найдена в погребении 1, кургана 2, могильника Алкалия (Ванчугов 1990, 82 рис. 35,12; Vancugov, Subbotin 2000, 175 fig. 5). В Северном Причерноморье двупружинные фибулы найдены в могильниках Белозерской культуры Нижнего Подунавья -- Широкое, Первомаевка, Лукьяновка (Отрощенко 1986, 519-526; Евдокимов 1987, 107-110). Практически во всех случаях двупружинные фибулы находились в захоронениях в комплексе с типичным белозерским инвентарем. В погребении 1, кургана 2, могильника Алкалия кроме фибулы имелся черешковый нож с параллельными лезвиями типа Н-22 и спиралевидные золотые подвески – изделия, датирующиеся периодом HaA_1. Двупружинная фибула, найденная на Лукашевском поселении в слое раннегальштатской культуры Кишинэу-Корлэтень, является территориально близкой белозерским памятникам Прут-Днестровского междуречья (Дергачев 1975, 25 рис. 10,31). Еще один экземпляр двупружинной фибулы имелся в кладе культуры Бабадаг I на поселении Дриду в Нижнем Подунавье (Enăciuc 1995, Abb. 7,8) и датируется не позднее X в. до н.э. На территории Югославии двусмычковые фибулы имеются в материалах памятников Велеснице-Коробово (Vasič 1982, 267-285) и Ваюга-Песак (Сербия, Банат) (Vinski-Gasparini 1977, 116 Tab. 89,7), они датируются XI-X вв. до н.э. и относятся к раннегальштатской культуре каннелированной керамики Белегиш-II.

Однопружинная фибула с прямой иглой и прямой спинкой из погребения 1, кургана 7 у с. Струмок отнесена В.П.Ванчуговым к типу Peskiera и считалась наиболее архаичной для территории Северного Причерноморья (Смирнова 1985, 44-45; Ванчугов 1990, 110). В качестве аналогии Г.И. Смирновой приводятся изделия из Эгейского бассейна, связанные с 8 и 71 гробницами в Микенах (Blikenberg 1976, 46 fig. 9,16-17.45), а также северопонтийские фибулы типа Peskiera, которые датируются XIV-XIII вв. до н.э. (Müller-Karpe 1959, 89-95, 228). В качестве территориально близких аналогий приводятся находки из кладов Трансильвании (Сакоцы) (Petrescu-Dîmboviţa 1977, 120 pl. 281,16) и Запрутской Молдовы (Ратешу-Кузей) (Buzdugan 1979, 59-75; Ванчугов 1990, 110-115). По этому поводу следует отметить, что в кладе из Сакоцы кроме фибулы имелись кельты раннегальштатского типа, наконечники копий и серпы, а также фракийского облика орнаментированные браслеты (Petrescu-Dîmboviţa 1977, pl. 281-282). Следовательно, фибула из Сакоцы датируется раннегальштатским временем. В свою очередь фибулу из Ратешу-Кузей, жуд. Васлуй следует рассматривать в связи с раннегальштатской группой Корлэтень, учитывая ее находку на многослойном памятнике не в слое Ноуа, а в горизонте, связанном с культурой Корлэтень (Laszlo 1994, 149). Фибулы типа Peskiera с территории Карпато-Днестровского бассейна датируется временем HaA_1-HaA_2 и синхронны белозерским памятникам Днестро-Дунайского междуречья. Если в Восточном Средиземноморье наиболее поздние фибулы типа Peskiera из могильника Панталича-I датируются XII в. до н.э. (Müller-Karpe 1959, 191), то в Карпато-Днестровском бассейне они бытуют и в течении XI до н.э. Таким образом, фибула из кургана у с. Струмок не является архаичной, а датируется временем существования белозерской культуры.

Смычковые и арочные фибулы появляются на территории Средиземноморья в эпоху поздней бронзы (XIV-XIII вв. до н.э.), но наибольшее распространение получают в финальную фазу поздней бронзы – начале раннего железного века. В северопричерноморских степях они характеризуют и датируют преимущественно белозерскую культуру и раннегальштатские памятники. Верхняя дата существования данных изделий не позднее X в. до н.э., что доказывается присутствием двухсмычковых железных фибул в погребальных комплексах культуры Козия-Сахарна (Кашуба 2000, 348). Согласно находкам фибул, белозерские памятники Пруто-Днестровского междуречья датируются XII-X вв. до н.э.

Датировка белозерской культуры региона уточняется благодаря находкам металлических наконечников стрел, наиболее ранние из которых найдены в виде готового изделия и литейной формы на позднесабатиновском поселении Суворово VI в. Нижнем Подунавье (Ванчугов 1990, 92). Находки подобного наконечника в закрытом погребальном комплексе вместе с белозерскими сосудами на могильнике Васильевка (Ванчугов, Субботин 1989, 54-65 рис. 3,6) позволяет синхронизировать двухлопастные стрелы с западноевропейскими образцами. Находка подобного наконечника на раннегальштатском памятнике Старые Буюканы, подтверждает синхронность фракийских памятников Кишиневского типа с белозерской культурой (Агульников, Ткачук 1990, 105-107). Наиболее ранние наконечники стрел данного типа в лужицкой культуре датируются 1200-1000 гг. до н.э. (Смирнова 1985, 47), что синхронно времени существования Белозерской культуры и датам раннего фракийского гальштата. Эти даты подтверждают находки двухлопастных стрел в составе клада из Молдова-Веке (Petrescu-Dîmboviţa 1977, pl. 165,3-5).

В белозерских погребальных комплексах и на поселениях (Казаклия, Васильевка, Новосельское-I) встречаются колоколовидные бронзовые подвески-ворворки со слабопрофилированным конусом и плоской шляпкой. Подобная подвеска найдена в составе клада Молдова-Веке-I, относящегося к горизонту Чинку-Сусень (Petrescu-Dîmboviţa 1977, pl. 165,35). Наиболее поздние подвески колоколовидной формы имеются в составе клада из Дриду культуры Бабадаг (Enăchiuc 1995, Abb. 12,28.35.42; Abb. 13,2-20). Таким образом, данные колоколовидные ворворки синхронны белозерскому времени и датируются XII-X вв. до н.э.

Находка литейной формы на поселении Ранжевое подтверждает местное производство таких изделий на территории Северо-Западного Причерноморья (Ванчугов 1990, 113). В материалах Завадовской мастерской имелась литейная форма колоколовидной подвески по одной матрице с наконечником копья с прорезным пером (Гершкович, Клочко 1987, 106. рис. 4,2).

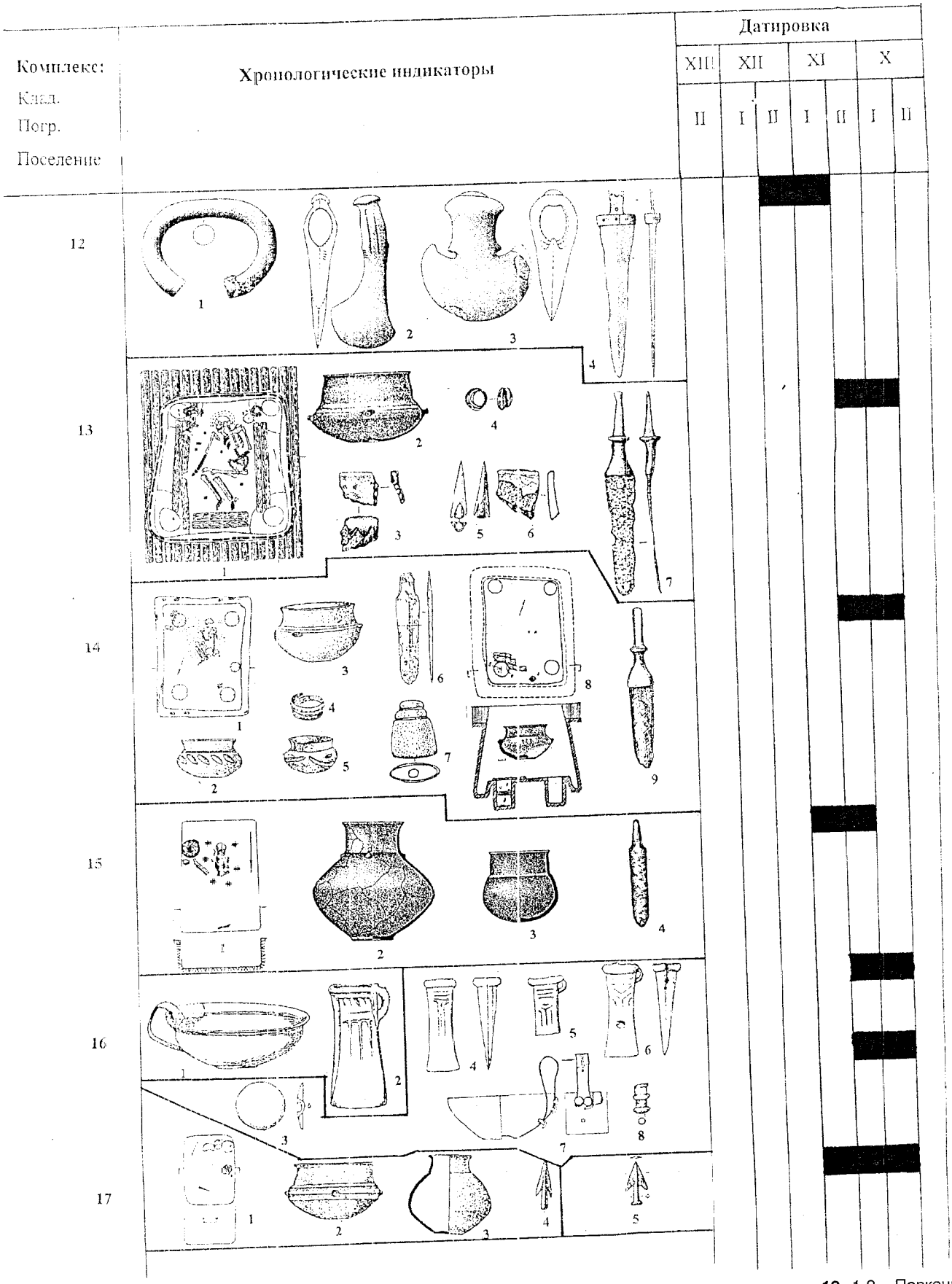


Табл. III. Хронологические индикаторы белозерского времени в Северо-Западном Причерноморье. **12.** 1-2 - Паркань (раскопки Стемпковских) (по Derçačev 2002); 3-4 - Чеболакчия-Еикторовка (Dergačev 2002). **13.** 1-7 - Хаджиллар курган 1 погр.3 (по Агульников, Бубулич, Курчатов 2001). **14.** 1-9 - Кочкуватовский могильник, курган 42 погр.1; курган 31 погр.1 (по Ванчугов, Дзыговский, Субботин 1992). **15.** 1-4 - Казаклия, могильник погр. 63 (по Agulnikov 1996). **16.** 1-2 - клад из Павловки, (по Tallgren 1927). 3-8 клад из Дриду (по Enachiuc 1995). **17.** 1-4 - Васильевский могильник курган 3 погр. 3 (по Ванчугов, Субботин 1989); 5 - Старые Буюканы (Буюканий Векь, (по Агульников, Ткачук 1990)

Металлические изделия кавказского происхождения из кладов у с. Чеболакчия-Викторовка (Дергачев 1975, рис. 9,1-2), инвентаря погребения из Паркан (Dergačev 2002, Taf. 47,A1-2), находки топора из Аккермана (Ванчугов 1990, рис. 36,13-14) являются доказательством контактов Северо-Западного Причерноморья с Северным Кавказом в эпоху поздней бронзы. По ряду аналогий эти изделия соотносятся с ранней фазой кобанской культуры и колхидским типом бронзовых изделий. В целом все эти находки датируются XI-X вв. до н.э., что соответствует белозерским датам (Dergačev 2002, 136). Хронологически они соотносятся с позднесабатиновским – белозерским временем.

Бронзовые изделия, найденные в кургане у с. Павловка (Ванчугов 1990, рис. 36,1-2), являются типично фракийским импортом. Морфологически-стилистический анализ предметов, составляющих Павловский клад, показывает его синкретический характер. Так, металлический сосуд имеет аналогии в Банате, Трансильвании и Венгрии, а кельт относится к Нижнедунайской группе, распространенной в Северо-Восточной Болгарии (Левицкий 2002, 190). Ближайшей аналогией Павловской чаше является территориально близкая находка из состава клада Дриду в Мунтении (Enăchiuc 1995, Abb. 4,2), которая сопровождается как предметами белозерского облика – катушковидными пронизями, так и кельтами времени Бабадаг I (Enăchiuc 1995, Abb. 1,11-12). Таким образом, Павловский клад датируется периодом HaA_2-B_1, что соответствует позднебелозерскому времени.

Для определения хронологии белозерской культуры Пруто-Днестровского междуречья значительный интерес представляют памятники переходного периода от сабатиновской к белозерской культуре. В позднесабатиновских памятниках региона является ряд черт, которые в дальнейшем получают развитие в белозерское время (Ванчугов 1990, 118). На позднесабатиновском этапе каменное домостроительство сменяется углубленными землянками и полуземлянками. Подобные сооружения отмечаются на поселениях Каушаны (Кэушень) (Агульников, Левинский 1990, 79-80), Томай, Мерень, Чалык (Sava 2002, 65-71).

При преобладании на данных памятниках типично сабатиновской посуды – банок с валиками, пифосообразных горшков, чаш и черпаков с вертикальными петлевидными ручками, усеченно-конических мисок, глиняных жаровен, дисков, хлебцов – появляются белозерские типы и формы керамики – горшки с округлым туловом и выделенным горлом, горшки с выпуклым корпусом и уступом при переходе шейки в корпус, корчаги. Столовая посуда представлена лощеными кубками с туловом приземистых пропорций, черпаками с тонкой ленточной ручкой, чашами с округлым туловом и коротким цилиндрическим горлом. Аналогичная ситуация отмечается и на позднебронзовых поселениях Нижнего Подунавья – Суворово-VI, Приозерное. Сабатиновская и белозерская керамика имелась и на поселении Калфа, где также открыты полуземляночные жилые сооружения, но, к сожалению, стратиграфия и соотношение материалов не были прослежены. Два строительных горизонта отмечены на поселении Ялпуг-IV. Горизонты сменялись последовательно. К раннему горизонту относились два наземных жилища с каменными основаниями стен, а к позднему – углубленная полуземлянка (Ванчугов 1981, 91-102). Все жилища располагались на одном уровне и составляли один керамический комплекс. Но только в полуземлянке были найдены фрагменты лощеной керамики с прочерченным геометрическим и каннелюрным орнаментом (Ванчугов 1990, 22). Тем не менее, материал из жилищ с каменным основанием стен представляется более архаичным, чем из полуземлянки III. Так, по описанию автора раскопок, у очага жилища I найдены фрагменты толстостенных банковидных сосудов позднесабатиновского облика, горшков, мисок. Находки из жилища II представлены более разнообразным керамическим инвентарем – крупными горшками с налепами на плечиках, горшками с выделенной шейкой, мисками, кубками, корчагой, орнаментированной каннелюрами (Ванчугов 1981, 94). В свою очередь, из полуземлянки (жилище III) происходит преимущественно лощеная керамика – кубки с резным геометрическим орнаментом, чернолощеная миска с каннелированным венчиком, корчага с каннелюрным орнаментом на плечиках (Ванчугов 1981, 95). Таким образом, на памятнике Ялпуг-IV отчетливо прослеживаются два горизонта – позднесабатиновский-раннебелозерский с преобладанием неор-

наментированной толстостенной посуды (жилища I и II) и позднебелозерский, представленный полуземлянкой и лощеной орнаментированной керамикой.

К раннебелозерским памятникам можно отнести и поселение Чобручи в Нижнем Поднестровье (Агульников, Чеботаренко 1990, 90-99). При наличии типично белозерского жилища в виде углубленной полуземлянки керамический материал представлен в основном сабатиновской архаикой. Это сосуды баночной формы, орнаментированные валиком, толстостенные горшки с отогнутым венчиком, баночный сосуд с ручками-ушками, оттянутыми от венчика. Значительно меньшим процентом представлены типично белозерские формы – конические миски с каннелюрами по венчику, корчаги с лощеной поверхностью. В какой-то степени архаичность памятника подтверждает находка бронзовой бляшки-пуговицы, датирующейся в диапазоне BrD-HaA$_1$. Следует отметить полные отсутствие цилиндрошейных кубков и чаш – посуды, преобладающей в позднебелозерский период.

Хронологически к раннебелозерскому относится и поселение Комрат I. Несмотря на утверждение авторов публикации об отнесении памятника к позднему белозерско-тудоровскому типу (Рафалович, Черняков 1982, 64), анализ керамического материала показывает несколько противоположные данные. Столовая лощеная посуда составляет лишь 20%. В свою очередь грубая кухонная керамика представлена 66% и, соответственно, посуда специального производственного назначения составляет 14%. Типологически это соотношение выглядит так: кубки – 14%, корчаги – 5,7%, миски – 5,7%, горшки – 23%, банковидные сосуды – 2,8%, сковородки – 20%, крышки – 17,5%, тарелки – 8,8% (Рафалович, Черняков 1982, 59). Следовательно, в процентном отношении преобладает условно-кухонная керамика – банки с валиками, толстостенные горшки, сковородки-жаровни. И лишь в незначительном количестве имеется лощеная тонкостенная условно столовая посуда. При этом совершенно отсутствует орнаментация как пластическая, так и рельефная и углубленная – налепы, каннелюры, прочерченные линии. На достаточно раннюю дату памятника указывает и находка листовидного миниатюрного ножа типа Н-6 (Черных 1976, 114), имеющего аналогии в поздносрубных памятниках Поволжья и Урала (Черных 1970, 72 рис. 62,24-26).

В.П. Ванчугов при определении хронологии и периодизации белозерской культуры выделяет раннебелозерские и позднебелозерские памятники. При этом к раннебелозерским относятся те, где преобладают предметы с преимущественно сабатиновскими чертами (Ванчугов 1990, 119). И.Т. Черняков в свою очередь выделяет среди позднебронзовых памятников Северо-Западного Причерноморья развитой белозерско-тудоровский этап (Рафалович, Черняков 1982, 64-65). К развитому белозерскому периоду следует отнести время существования Тудоровского поселения.

На Тудоровском поселении имеются горшки и банки с валиковой орнаментацией, горшки с раздутым сферическим туловом, орнаментированные налепами, но наряду с ними имеются приземистые горшки и чаши с лощеной поверхностью, широким устьем, выпуклым плечом и низким округлым туловом (Мелюкова 1961, 118, рис. 43,44) Лощеная посуда Тудоровского поселения представлена корчагами, чашами, кубками и мисками с рельефным и углубленным орнаментом в сочетании с пластичным. В орнаментации тудоровской лощеной керамики имеются каннелюры, прочерченные линии, образующие треугольники, цилиндрические и остроконечные налепы (Мелюкова 1961, рис. 45). Нож типа Н-2 с горбатой утолщенной спинкой, подтреугольный в сечении (Мелюкова 1961, рис. 44,7), датируется периодом HaA$_1$-HaB. В комплексе материалы Тудоровского поселения могут определяться концом XII – серединой XI вв. до н.э.

Развитым белозерским временем могут датироваться такие поселения, как Криничное, Мирное, второй горизонт памятника Ялпуг IV, Этулия VI и, судя по подъемному материалу, поселение Кирсово в верховьях р. Ялпуг. На данных памятниках преобладает лощеная тонкостенная посуда,орнамент преимущественно пластический и рельефный. Как отмечает В.П. Ванчугов, на данных памятниках отсутствуют баночные прямостенные сосуды, исчезает кухонная посуда с валиковой орнаментацией. Лощеная посуда составляет 20-25% керамического комплекса, появляются чаши и кубки с углубленным орнаментом, продолжают бытовать каннелюры и разнообразные налепы (Ванчугов 1990, 119).

Наиболее ранние белозерские погребальные комплексы продолжают сохранять ряд черт, свойственных предшествующим культурам Ноуа и Сабатиновка. К ним следует отнести мате-

риалы из погребения у с. Ново-Котовск (Дергачев 1975, 25), погребения 1 кургана 4 у с. Лиманское (Иванова, Ветчиникова 1993, 176-183), погребения 9 кургана 16 у с. Никольское (Агульников, Сава 2004, 138 рис. 69,3-4), погребения 21 кургана 1 у с. Щербанка (Белейкчи 1993, 77) в Днестровском левобережье. Металлические украшения из захоронения в Ново-Котовске, кинжал с кольцевым упором на рукоятке «киммерийского» типа из Лиманского могут датироваться раннебелозерским временем – HaA_1. Сосуд из погребения 9/16 у с. Никольское аналогичен сосуду с поселения Тэмэоань (Hänsel 1976; Petrescu-Dîmboviţa 1953, 157-175), а сосуд из погребения 21/4 из Щербанки сочетает сабатиновские и белозерские черты при южной ориентировке погребенных (Агульников. 2002, 180). В курганном могильнике Олэнешть (Оланешты-I) погребение 3/2 с восточной ориентировкой содержало типичный белозерский кубковидный сосуд (Мелюкова 1962, 30-37 рис. 2,4).

Тараклийский курганный могильник белозерской культуры является наиболее ранним для степной зоны Пруто-Днестровского междуречья. Погребение 1, кургана 7 при восточной ориентировке погребальной камеры (сабатиновский признак) сопровождалось белозерским каннелированным кубком и корчагой, а погребение 3, кургана 9 при южной ориентировки погребенного имело в качестве инвентаря чашу с вертикальными петлевидными ручками, присущую кругу памятников Ноуа-Сабатиновка-Кослоджень (Агульников, Хахеу 1988, 74-79; Агульников 2002, 176). В кургане 18 Тараклийского могильника впускное захоронение 2 в прямоугольной камере с южной ориентировкой сопровождалось сосудом сабатиновско-белозерского облика (Агульников 1999, 8 рис. 1,5-6).

Группа захоронений со смешанными сабатиновско-белозерскими чертами из степной зоны Республики Молдова наглядно отражает течение переходного процесса, происходившего в первой половине XII столетия до н.э. в Северо-Западном Причерноморье.

Казаклийский могильник, согласно аналогиям инвентаря из погребальных комплексов, имеет более широкую датировку (Ванчугов 1990, 119). В диапазоне XII-XI вв. датируются металлические изделия – проволочные фибулы, подвески, кольца, ножи, находки стеклянных и янтарных бус. Керамический материал Казаклийского могильника представлен посудой белозерского типа и раннегальштатским импортом из Нижнего Подунавья. В определенной степени ощущается влияние предшествующей сабатиновской культуры и Кишинэу-Корлэтень.

Так, погребения 1 и 14, содержат смычковые бронзовые фибулы и типично белозерский керамический материал – лощеные кубки, чаши, а также, сосуды являющиеся импортом из Среднего Подунавья (погр. 14) (Agulnikov 1996, fig. 5; 8). К ним примыкает погребение 30, в инвентарь которого имеется черпак сабатиновского облика и типично белозерская лощеная чаша. А также, материалы из погребения 32 представленые белозерской чашей и кубком с орнаментом свойственым для культур Сихлеану–Тэмэоань (Agulnikov 1996, fig. 13).

Представляет интерес инвентарь погребений 53-56, объединенные в одну группу под распаханным курганом – пятном № 2, несколько отдаленном от основной площади могильника (Agulnikov 1996, 42-43). В инвентаре погребения 54 имелась чаша, орнаментированная штампом (полой трубочкой), свойственным культуре Бабадаг-I и кубок с углубленным орнаментом в виде треугольников и горизонтальных линий, свойственного группе Сихлеану. Но находка в этом же погребении лезвия железного ножа, определяемого как изделие типа «Степной» (Dergačev 2002, 128), также позволяет датировать данное захоронение XI в. до н.э. В свою очередь железная фибула из погребения 55 соотносится с серией „Violenbogenfibeln" и может датироваться XI-X вв. до н.э. В одновременном с ними погребении 56 имелся лепной горшок белозерского типа с округлым туловом, перегибом у плечиков и бронзовая колоколовидная ворворка (Agulnikov 1996, fig. 18; 19).

Одновременными Казаклийскому могильнику являются погребения белозерской культуры могильников Дивизия и Алкалия. Находки кинжала с параллельными лезвиями типа H-20 в комплексе с двусмычковой фибулой позволяют датировать их концом XII-XI вв. При этом в составе инвентаря основного погребения кургана 5 у г. Дивизия наряду с типично белозерской посудой имелся баночный сосудик на кольцевом поддоне, имеющий аналогии в погребение 31 могильника Бэдражий Векь культуры Ноуа (Sava 2002, Taf. 6, 10; Агульников 2004, 3-10). А в тризне данного кургана имелись фрагменты баночных сосудов, орнаментированных валиком, свойственных позднесабатиновскому времени (Vančugov, Subbotin 2000, 174 fig. 4).

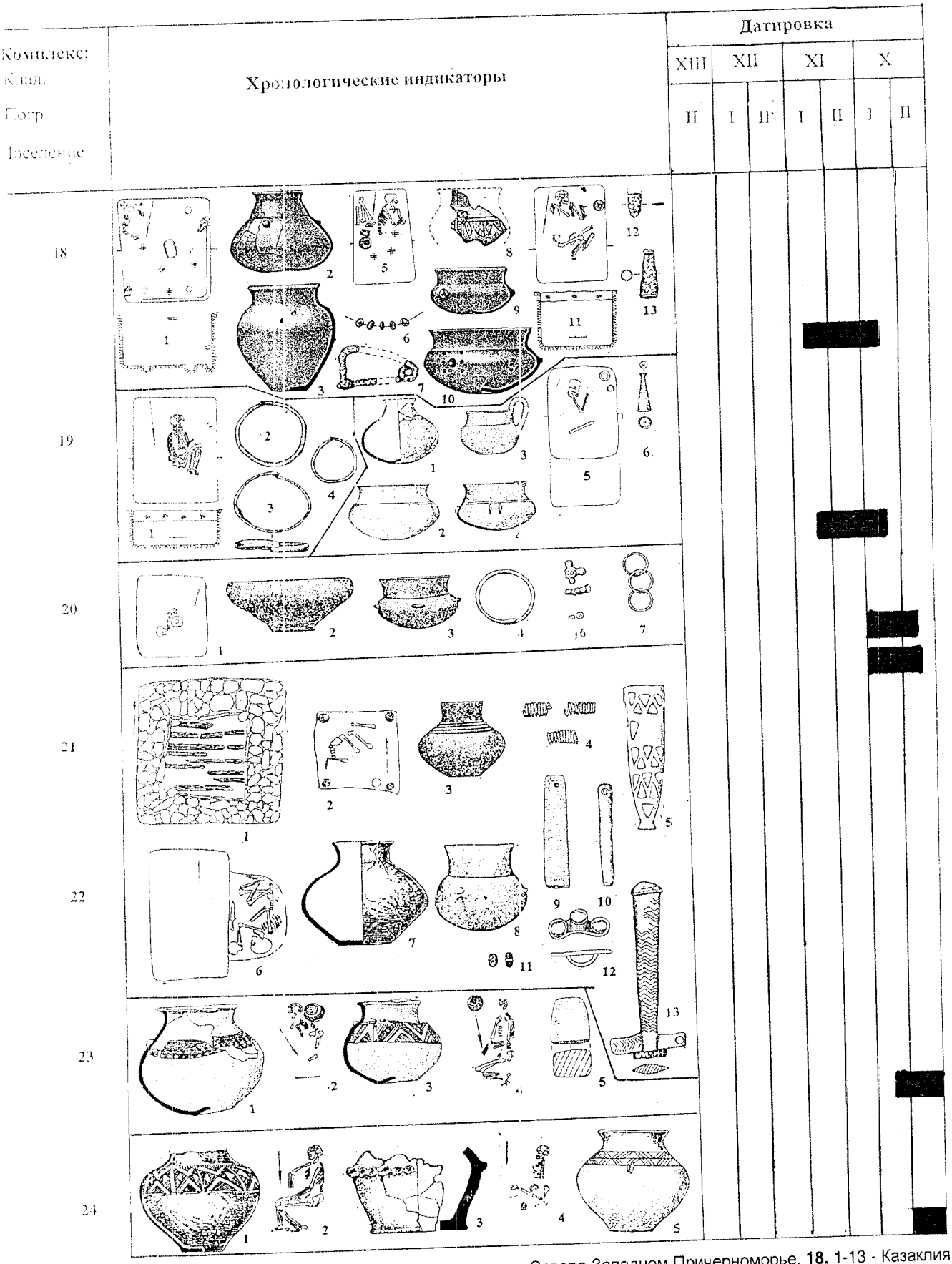


Табл. IV. Хронологические индикаторы белозерского времени в Северо-Западном Причерноморье. **18.** 1-13 - Казаклия, могильник погр. 51,9 (по Agulnikov 1996). 1-6 - могильник комплекс погр. 53-56 (по Agulnikov 1996). **19.** 1-4 - Казаклия, Васильевский могильник (по Ванчугов, Субботин 1989). **20.** 1-7 - Суворовский могильник, (по Черняков 1975,Тереножкин 1976). **21-22.** 1-13 - Суворовский могильник, (по Черняков 1975,Тереножкин 1976). **23.** 1-5 - Великодолинское курганы 1,2 (по Черняков, Субботин, Ядвичук 1976). **24.** 1 - Конгаз (по Бейлекчи 1974); 2 - Великодолинское курган 2 (по Черняков, Субботин, Ядвичук 1976). 3-4 - Глиное (по Яровой, Савва 1983) 5 - Суклея курган (по Мелюкова 1989).

К развитому белозерскому периоду отнесятся материалы могильника Будуржель в Нижнем Подунавье (Тощев 1992, 12-22). Датировка памятника может основываться на находке круглого в сечении браслета со спиралевидными загнутыми окончаниями, характерным для восточно-тшинецкой культуры (Ванчугов 1990, 95). Данные изделия датируются концом XII – началом XI вв. до н.э. (Свешников 1990, 78-88). Наиболее близкие аналогии представляют браслеты из Канева (Киевская обл.) и Униева в Северной Украине (Березанская 1972, 225 рис. XXIV,8.13). По мнению С.С. Березанской эти браслеты распространены в Центральной и Восточной Европе с II по IV период эпохи бронзы. Ножи-кинжалы с параллельными лезвиями без нервюры представлены типом Н-18 и восходят к изделиям Завадовской и Кардашинской мастерских и датируется периодом НаА1. Лощеные кубки могильника Будуржель орнаментированы рельефным и углубленным орнаментом (прорезные линии и треугольники на кубке из погребения 9). По аналогиям с керамикой Тэмээань-Ханска-Холеркань-Балта, учитывая даты металлических изделий могильник Будуржель датируется временем не позднее II половины XI вв до н.э. Подобную раннюю дату подтверждают находки в тризне могильника сабатиновской баночной посуды, в том числе и орнаментированной заликом.

К позднебелозерскому периоду следует отнести материалы Васильевского и Кочковатовского могильника, а также и курганов у с. Кальчево.

Керамический комплекс Васильевского могильника представлен преимущественно лощеной каннелированной посудой – чашами, кубками, корчагой, горшком. Преобладает рельефный орнамент, практически отсутствует орнамент углубленный. Наиболее ранние бронзовые изделия из инвентаря могильника – колоколовидная подвеска, двухлопастная стрела и нож типа Н-20 дают дату в пределах XI в. до н.э. Авторами раскопок памятник относится к позднебелозерскому времени – II половина XI–начало X вв. до н.э. (Ванчугов, Субботин 1989, 63).

Кочковатовский могильник белозерской культуры также определяется в пределах II половины XI–начала X вв. до н.э. Пластинчатое золотое кольцо с пуансонным орнаментом из погребения 1/42, согласно с аналогиями с кобанской культурой Северного Кавказа датируются X в. до н.э. Биметаллический нож типа «Степной» и цельножелезный кинжал типа Н18 также датируется XI-X вв. до н.э. – временем появления железных изделий в Северо-Западном Причерноморье. Радиоуглеродные даты образцов угля из погребения 1/32 – 930±45 лет (Ванчугов 1990, 120). Среди керамики могильника преобладают чаши. В процентном соотношении их больше, чем кубков, которые обычно преобладают на более ранних могильниках белозерской культуры. На керамике полностью отсутствует углубленный орнамент, за исключением горшка из погребения 1/36, украшенного несквозными проколами, и имеющего аналогии в поздних горизонтах культуры Ноуа. На остальной посуде отмечено преобладание пластического и рельефного орнамента. Некоторые чаши из Кочковатовского могильника близки по форме керамике горизонта Бабадаг-I и позволяют авторам публикации памятника датировать его концом XI – началом X вв. до н.э. (Ванчугов и др. 1992, 76). По времени Кочковатовского могильника примыкают материалы из основного погребения 3, кургана 1 у с. Хаджилар, где также найден биметалический нож типа «Степной» (Агульников, Бубулич, Курчатов 2001, рис. 3,11)

Курганы у с. Кальчево также датируются позднебелозерским временем в связи с находкой корчаги, имеющей аналогии в культуре Бабадаг (фаза I). Корчаги с биусеченно-коническим туловом и высоким коническим горлом с отогнутым венчиком найдены на эпонимном городище Бабадаг и в материалах многослойного памятника (телля) Хыршово на правобережье Нижнего Дуная (Moritz 1987, fig. 8,1-9; 10,10; Hänsel 1976, Taf. 47,1.7-8). В инвентаре курганов у с. Кальчево имелся и черешковый нож-кинжал с параллельными лезвиями типа Н-20 (Vančugov, Subbotin 2000, 169). Согласно данным находкам, могильник Кальчево датируется концом XI – началом X вв. до н.э.

Финал белозерской культуры в Северо-Западном Причерноморье традиционно определяется хронологической позицией Суворовского могильника в Нижнем Подунавье (Черняков 1976, 29-36; Тереножкин 1977, 207; Ванчугов 1990, 119-120. При наличии ряда признаков бе-

лозерского погребального обряда, таких, как столбовые конструкции погребальных камер, скорченное положение погребенных, южная ориентировка, появляются такие несвойственные белозерской культуре черты, как подбои, обкладка стен камер камнем. В инвентаре, наряду с типично белозерскими кубками, чашами и корчагой, браслетом, тройными бронзовыми кольцами, чешировыми и стеклянными бусами имеются находки биметаллического меча, наконечника пояса и лунницы киммерийского облика. Несмотря на то, что речь может идти о разновременных комплексах в пределах одного могильника, данный памятник считается позднейшим белозерским – переходным к черногоровскому этапу киммерийской культуры (Тереножкин 1977, 168, 207; Ойстрах 1991, 82-87).

В Нижнем Поднестровье финал белозерской культуры может маркировать группа впускных захоронений со скорченными на боку скелетами с южной ориентировкой из курганов у с. Великодолинское (Субботин, Черняков, Ядвичук 1976, 194). В двух из них имелся инвентарь в виде лощеных цилиндрошейных кубков, украшенных геометрическим орнаментом. Подобные сосуды имеют аналогии в культуре Козия-Сахарна и соотносятся с керамикой раннего горизонта варианта Сахарна (Кашуба 2000, 342, рис. XXXVI/A). Культура Козия-Сахарна синхронна началу Бабадаг-II в Нижнем Подунавье (Смирнова 1985, 36). Находки на могильнике Сахарна-Цыглэу железных фибул, типологически сходных с изделием несколько более раннего времени из погребения 55 Казаклийского могильника, уточняет верхнюю хронологическую дату существования белозерской культуры Пруто-Днестровского междуречья в пределах I-ой половины X в. до н.э. (Кашуба 2000, 348). В свою очередь, стратиграфия памятника культуры Козия-Сахарна – Солончень-Хлиная показывает наличие раннегальштатского горизонта Ханска-Холеркань, генетически родственного белозерской культуре совместно с материалами Козия-Сахарна (Кашуба 2000, 417).

Результаты раскопок последних лет многослойного памятника Картал-Орловка показали, что материалы культуры Бабадаг-II стратиграфически следовали за материалами горизонта со смешанными стратиграфическими комплексами Тэмэоань-Белозерка–Кишинэу-Корлэтень (комплекс № 28) (Vančugov, Sîrbu, Niculiță, Bârcă 1999, 147 fig. 25-26).

Резюмируя вышеперечисленные данные, верхнюю границу белозерской культуры Пруто-Днестровского междуречья следует определить в I-ой четверти X в. до н.э. К этому периоду прекращают функционировать поселения белозерской культуры региона, появляются изменения в погребальном обряде и инвентаре. В ранних черногоровских погребальных комплексах какое-то время еще проявляются белозерские черты, но к концу X–началу IX вв. они полностью вытесняются влиянием киммерийских культур Евразийских степей.

Таким образом, белозерскую культуру Пруто-Днестровского междуречья следует разделить не на два, а на три основных периода, согласно периодизации Мюллер-Карпе (Müller-Karpe 1959).

Первый период, раннебелозерский, включает в себя находки бронзовых изделий времени Соколенского клада, материалы поселений Кэушень (Каушаны), Чалык, Томай, Чобручи, Комрат; погребальные комплексы из Лиманского, Щербанки, Ново-Котовска, Олэнешть, Тараклии, Плавни. Датировка раннебелозерского периода BrD-HaA$_1$ – конец XIII–первая половина XII вв. до н.э.

Второй период, собственно белозерской культуры, включает в себя материалы Тудоровского поселения, Криничного, второй горизонт Ялпуг IV, Мирное, Кирсово, могильников Казаклия, Струмок, Будуржель, Алкалия, Похребя. Датировка белозерского периода HaA$_1$-HaA$_2$ – вторая половина XII-XI вв. до н.э. Вероятно, этим же временем датируется клад из Павловки.

Третий период, позднебелозерский, представлен материалами могильников Кочковатое, Васильевка, Дивизия, Кольчево, Хаджиллар, а также раннечерногоровскими комплексами Суворовского могильника. По времени к ним примыкают материалы из курганов у с. Великодолинское, Глинное, Суклея, и ранний горизонт культуры Козия-Стойкань. Позднебелозерский период датируется временем HaA$_2$-HaB$_1$ – конец XI – первая половины X в. до н.э.

Библиография

Агульников 2002: С.М. Агульников, Погребальные комплексы позднесабатиновского-раннебелозерского времени в Пруто-Днестровском междуречье. В сб: Древнейшие комплексы земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (Тирасполь 2002), 176-181.

Агульников 2003: С.М. Агульников, Погребальный обряд Казаклийского могильника белозерской культуры. В сб: Interferenţe cultural-cronologice în spaţiul Nord-Pontic (Chişinău 2003), 139-164.

Агульников 2004: С.М. Агульников, Компоненты культуры Ноуа в белозерской погребальной обрядности. Старожітності степового Прічорномор'я і Криму XI, 2004, 3-10.

Агульников 2004б: С.М. Агульников. Формирование погребального обряда белозерской культуры. Thracians and circumpontic world (Chişinău 2004), 103-135.

Агульников, Бубулич, Курчатов 2001: С.М. Агульников, В.Г. Бубулич, С.И. Курчатов, Курганный могильник у с. Хаджиллар в Нижнем Поднестровье. Старожитності степового Причорномор'я і Криму IX, 2001, 95-115.

Агульников, Хахеу 1989: С.М. Агульников, В.П. Хахеу, Разведочные работы на поселении Погребя-III. АИМ в 1984 г. (Кишинёв 1989), 67-70.

Агульников, Левинский 1990: С.М. Агульников, А.Н. Левинский, Раскопки на поселении Каушаны. АИМ в 1985 г. (Кишинёв 1990), 107-120.

Агульников, Чеботаренко 1990: С.М. Агульников, Г.Ф. Чеботаренко, Поселение белозерской культуры Чобручи. АИМ в 1985 г. (Кишинёв 1990), 90-99.

Агульников, Сава 2004: С.М. Агульников, Е.Н. Сава, Исследования курганов на левобережье Днестра (Кишинёв 2004), 213 с.

Агульников, Ткачук 1990: С.М. Агульников, М.Е. Ткачук, Находки раннего железного века с поселения Старые Буюканы. Археологические исследования молодых ученых Молдовы (Кишинёв 1990), 105-107.

Бейлекчи 1993: В.В. Бейлекчи, Курган 1 у с. Щербанка. Древности Северо-Западного Причерноморья и Крыма IV, 1993, 62-79.

Березанская 1972: С.С. Березанская, Средний период бронзового века в Северной Украине (Киев 1972).

Бочкарев, Шинкаренко 2001: В.С. Бочкарев, З.С. Шинкаренко. Металлические изделия эпохи бронзы из историко-краеведческого музея г. Бендеры. В сб: Stratum N2. 2001-2002. Кишинев, 2002, 592-595.

Ванчугов 1981: В.П. Ванчугов, Поселение конца бронзового века Ялпуг –IV в Нижнем Подунавье. В сб: Древности Северо-Западного Причерноморья (Киев 1981), 71-84.

Ванчугов 1990: В.П. Ванчугов, Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье (Киев 1990).

Ванчугов, Субботин 1990: В.П. Ванчугов, Л.В. Субботин, Васильевский курганный могильник белозерской культуры на левобережье Нижнего подунавья. В сб: Археологические памятники степей Поднестровья и Подунавья (Киев 1989), 54-55.

Ванчугов, Субботин, Дзиговский 1990: В.П. Ванчугов, Л.В. Субботин, А.Н. Дзиговский, Курганы приморской части Днестровско-Дунайского междуречья (Киев 1992).

Гершкович, Клочко 1987: А.П. Гершкович, В.И. Клочко, Связи племён Нижнего Поднепровья в эпоху поздней бронзы (по материалам Завадовской мастерской). В сб: Межплеменные связи в эпоху поздней бронзы на территории Украины (Киев 1989), 101-114.

Дергачёв 1975: В.А. Дергачёв, Бронзовые предметы XIII-VIII в.в. до н. э. из Днестровско-Прутского междуречья (Кишинёв 1975).

Иванова, Ветчинникова 1993: С.В. Иванова, Н.С. Ветчинникова, Раскопки курганов у с. Лиманское Раздельнянского р-на Одесской области. Древности Северо-Западного Причерноморья и Крыма IV, 1993, 176-183.

Кашуба 2000: М.Т. Кашуба, Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия-Сахарна). Stratum plus 3, 2000, 141-176.

Мелюкова 1961: А.И. Мелюкова, Работы в Поднестровье в 1958 г. КСИА АН СССР 84, 1961, 113-124.

Мелюкова 1962: А.И. Мелюкова, Курганы у с. Олонешты. КСИА АН СССР 89, 1961, 30-37.

Ойстрах 1991: Т.И. Ойстрах, О датировке Суворовского курганного могильника. В сб: Северо-Западное Причерноморье – контактная зона древних культур (Киев 1991), 82-87.

Отрощенко 1975: В.В. Отрощенко, Новый курганный могильник белозерского времени. В кн: Скифский мир (Киев 1975), 193-206.

Рафалович, Черняков 1982: И.А. Рафалович, И.Т. Черняков, Комратское поселение эпохи поздней бронзы. В сб: Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья (Киев 1982), 53-66.

Свешников 1990: И.К. Свешников, Средний период бронзового века Прикарпатья и Волыни. Тшинецкая культура Волыни и Закарпатья. Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья (Киев 1990), 78-88.

Субботин, Черняков, Ядвичук 1976: Л.В. Субботин, И.Т. Черняков, В.И. Ядвичук, Некоторые проблемы древнейшей истории Северо-Западного Причерноморья. В сб: Материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья (8) (Одесса 1976), 186-201.

Тереножкин 1976: А.И. Тереножкин, Киммерийцы (Киев 1976).

Тощев 1981: Г.Н. Тощев, Памятники белозерского периода у с. Струмок Одесской области. В сб: Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья (Киев 1981), 21-32.

Тощев 1992: Г.Н. Тощев, Белозерский могильник Будуржель в Подунавье. Российская Археология 3, 1992, 19-30.

Черных 1976: Е.Н. Черных, Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР (Москва 1976).
Agulnikov 1996: S. Agulnikov, Necropola culturii Belozerka de la Cazaclia. Biblioteca Tracologica XIV (Bucureşti 1996).
Blinkenberg 1926: Chr. Blinkenberg, Fibules gregues et orientales. Historisk-Filologiske Meddelelser (Ser. 13-1) (Kopenhaga 1926).
Bočkarev, Leskov 1980: V. Bockarev, M. Leskov, Jung-und spätbronzezeitliche Gußformen im nördlichen Schwarzmeergebiet. PBF XIX (München 1980).
Brudiu 1992: M. Brudiu, Descoperiri arheologice în Judeţul Galaţi. Danubius XIII-XIV, 1992, 5-21.
Buzdugan 1979: C. Buzdugan, Cercetările arheologice de la Ratesu Cuzei, Jud. Vaslui. Cercetări arheologice 3, 1979, 224-232.
Enăchiuc 1995: V. Enăchiuc, Der Bronzefund von Dridu, Kr. Ialomiţa. In: Bronzefunde aus Rumänien. PAS. Bd. 10 (Berlin 1995), 279-310.
Dergačev 2002: V. Dergačev, Die äneolithischen und bronzezeitlichen Metallfunde aus Moldavien. PBF XX. Bd. 9. (Stuttgart 2002).
Hänsel 1976: B. Hänsel, Beiträge zur regionaler und chronologischen Gliederung der älteren Hallstattzeit an der unteren Donau (Hrsg. V. Milojcic) BAM. Bd. 16, Teil I (Text). Teil II (Abb) (Bonn 1976).
Müller-Karpe 1959: H. Müller-Karpe, Beiträge zur Chronologie der Urnenfeldzeit nordlich und sudlich der Alpen. RGF. Bd. 22 (Leipzig 1959).
László 1986: A. László, Grupul Tămăoani. Asupra orizontului hallstattian timpuriu cu ceramică incizată din sudul Moldovei. Mem. Ant. XII-XIV, 1986, 65-91.
Levitki 1994: O. Levitki, Grupul Holrcani-Hansca. Aspectul Pruto-Nistrean al complexului Hallstatian timpuriu cu ceramică incizată. In: Relations Thraco-Illyro-Hellenigues (Bucureşti 1994), 219-256.
Morintz 1978: S. Morintz, Contribuţii arheologice la istoria triburilor timpurii. Epoca bronzului în spaţiul carpato-balcanic (Bucureşti 1978).
Morintz 1987: S. Morintz, Noi date şi probleme privind perioadele hallstattiană timpurie şi mijlocie în zona istro-pontică (cercetările de la Babadag). Thraco-Dacica VIII, 1-2, 39-71.
Neagu, Basarab Nanu 1986: M. Neagu, D. Basarab Nanu, Consideraţii preliminare asupra aşezării eponime de la Grădiştea Coslogeni, Jud. Călăraşi.Cultura şi Civilizaţia la Dunîrea de Jos (II) (Călăraşi 1986), 99-141.
Sapouna-Sakellarakis 1978: E. Sapouna-Sakellarakis, Die Fibeln der greichischen inseln. PBF. Bd. 16,4 (München-Stuttgart 1978).
Petrescu-Dîmboviţa 1977: M. Petrescu-Dîmboviţa, Depozitele de bronzuri din România (Bucureşti 1977).
Petrescu-Dîmboviţa 1953: M. Petrescu-Dîmboviţa, Cercetări arheologice în aşezarea din prima epocă a fierului de la Tămăoani. SCIV IV, 3-4, 1953, 765-778.
Sava 2003: E. Sava, Interferenţe culturale – cronologice în epoca bronzului târziu din spaţiul Carpato-Nistrean (Complexul cultural Noua - Sabatinovka). Autoreferatul tezei de doctor habilitat în ştiinţe istorice (Chişinău 2003).
Vančugov, Sîrbu, Niculiţă, Bârcă 1998: V. Vančugov, V. Sîrbu, I. Niculiţă, V. Bârcă, Cercetările arheologice de salvare de la Orlovka-Cartal (Ukraina) – campania 1998. In: Cercetări arheologice în aria nord-tracă (III) (Bucureşti 1999), 135-223.
Vančugov, Subbotin 2000: V. Vančugov, L. Subbotin, Cultura Belozerka în zona dintre Nistru şi Dunăre. Thraco-Dacica XXI, 2000, 163-176.
Vasić 1982: V. Vasić, Spätbronzezeitliche und älterhallstattzeitliche Hortfunde im ostlichen Jugoslawien. In: Sudosteuropa Zwischen 1600-1000v. Chr. (Berlin 1982), 267-285.
Vinski-Gasparini 1973: K. Vinski-Gasparini, Kultura polja sa sarama u sjevernoj Hrvatskoj (Zadar 1973).

Сергей Агульников,
Институт Археологии и Этнографии, Академия Наук Республики Молдова,
ул. Митрополит Бэнулеску-Бодони 35, MD-2012 Кишинэу, Республика Молдова

PUNCTE DE VEDERE CU PRIVIRE LA ORIGINILE CULTURII GETICE

Vasile Haheu, Chişinău

Pământurile Carpato-Nistrene în perioada hallstattiană târzie au constituit locul unor intense transformări culturale, proces finalizat cu destrămarea masivului cultural tracic şi apariţia culturii getice timpurii. Fiind unanim acceptat că cultura Basarabi-Şoldăneşti îş. încetează existenţa în mijlocul sec. VII a.Chr., până nu demult majoritatea cercetătorilor datau începuturile culturii getice cu mijl. - sf. sec. VI a.Chr., astfel între cele două culturi înrudite, succesive apărea artificial o ruptură cronologică de aproximativ un secol. Şi aceasta era din cauza că cronoindicatorii culturii getice timpurii nefiind locali (ceramica şi alte vestigii locale sunt amorfe cu datări largi) dar import grecesc care apare aici la mijl. sec.VI a.Chr. şi anumite vestigii scitice timpurii, care în prezent se datează cu un secol mai devreme,- acestea frânau datarea începuturilor culturii cu un secol. Redatarea originii culturii getice cu mijl.–sf. sec. VII a.Chr. este confirmată şi de analiza ritului şi ritualului funerar.

Днестро-Карпатский регион в позднегальштатское время являлся местом интенсивных культурогенетических трансформаций, которые привели к тому, что гальштатский культурный массив разрушается, и появляется раннегетская (=фракo-гетская) культура. Общепринято, что культура Бессарабь-Шолдэнешть прекращает свое существование в середине VII в. до н.э., тогда как для начала гетской культуры большинство из них предлагали период- середина-конец VI в. до н.э., вследствие чего между родственными и последовательными культурами "образовывался" хронологический разрыв более чем в сто лет из-за неправильной датировки основных хроноиндикаторов для эпохи, в основном скифские вещи Обнаружение гетской керамикие в комплексах с раннескифскими вещами позволяет датировать время появления гетской культуры более ранним периодом: середина-конец VII в. до н.э.

It is generally accepted that the Basarabi-Sholdanesti culture ceases to exist in the middle of the VII century BC, whereas the majority of the researshers referred the beginning of the Getian culture to the middle-end of the VI century BC, that resulted in a chronological gap of almost 100 years. This anomalistic states was created artiffically due to the incorrect dating of the main chronological indicators of the epoch- the Greek import and the Skythian metal pieces. At present the Skythian ansient pieces are re-dated by almost 100 years earlier and the Greek import appears in that zone not earlier than in the second half of the VI century BC, in this way it supports an ealier dating of the Getian culture. Being rather amorphous for a long period of time, the very Getian pottery cannot be used as an independent chronological indicator. It was discoverd in the complexes togrther with earlz Skitian pieces and these two factors allow us to refer the emergence of the Getian culture to an earlier period- the middle-end of the VII BC.

Perioada Hallstattiană târzie, pentru teritoriile de la est de Carpaţi, se caracterizează prin destrămarea masivului cultural tracic şi apariţia culturii traco-getice. Este perioada când într-o zonă de contact bine conturată şi unanim acceptată (Дергачев 1992, 26-31), au loc o serie de importante transformări culturale, când cultura Basarabi-Şoldăneşti î-şi încetează existenţa (transformându- se!) şi are loc apariţia pe arena istorică a celor mai îndepărtaţi strămoşi ai neamului: traco- geţii. Faptul că tracogeţii sunt succesorii direcţi ai purtătorilor culturii Basarabi- Şoldăneşti, fiind popoare înrudite, în prezent este unanim acceptat în literatura de specialitate. Necesită precizări serioase doar specificările ***când- unde- cum*** s-a petrecut acest proces.

Nu demult am abordat această problemă, pentru un spaţiu geografic mai restrîns- zona de sud a bazinului Nistrului de Mijloc (Кашуба, Хахеу, Левицкий 1999, 127; Kaşuba, Haheu, Leviţki 2000). Este drept, studiul în cauză a fost făcut doar în baza siturilor de habitat (fortificaţii şi aşezări deschise, inclusive elementele interne ce le caracterizează). Dar în pământurile carpato-nistreano- pontice numărul siturilor de epocă este de peste 200, fiind documentate şi 80 de monumente funerare (necropole şi morminte izolate).

În prezent, una dintre direcţiile prioritare a cercetării culturii traco-getice o constituie cea legată de cronologie şi periodizare. Pentru a determina esenţa culturii, originea şi rădăcinile sale, cît şi atribuirea sa etnică este necesar, mai întîi a preciza, pe cît se poate de exact, perioada, spaţiul şi modalitatea de constituire a acesteia. Procedura nu este deloc simplă nu numai în cazul culturii traco-getice. Este destul de dificil a determina segmentul cronologic de transformare a trăsăturilor şi a contura spaţiul de inovaţii doar în baza materialului arheologic. Chiar şi în cazul datării tradiţionale a monumentelor, în baza unor grupuri de cronoindicatori cu referinţe sigure de cronologie absolută (vârfuri de

săgeată, spade akinakes, fibule, psalii, accesorii de podoabă, ceramică grecească etc.) căpătăm un tablou oarecum static, superficial. Obținem pilonii, dar nu și împlutura. De asemenea sunt riscante și datările în baza unor analogii disparate, îndepărtate. La acest compartiment, pe bună dreptate M. Tkaciuk constata într-un studiu recent: "ce înseamnă cronologia culturii getice nu știe nimeni" (Tkaciuk 1994, 221).

În ultimii ani s- a încercat abordarea de noi principii, care de fapt se bazează pe cronologia relativă, evidențierea corelației dintre diferite tipuri de vestigii, mai ales pentru complexele închise. (Vulpe 1967, 80-91; Idem 1977; Alexandrescu 1976, 126; Babeș 1975, 125-139; Conovici 1986, 129-141).

Dar aceste scheme nu pot fi utilizate pe larg, deoarece, în primul rând, este vorba despre complexe închise (A. Vulpe), care sunt mai puține; ceramica grecească, cu mai mult de două toarte ștampilate de același fel (N. Conovici), sau se bazează pe prezența monedelor (M. Babeș). În mare măsură continuă să fie pe larg utilizată metoda clasificării tipologice a vestigiilor cu analiza și analogiile respective.

Dintre materialele traco-getice depistate în majoritatea siturilor cercetate cu un caracter local sigur poate fi interpretată doar ceramica modelată cu mîna (în afara recipientelor cu caracter advenit), dar pentru care este unanim acceptat încă prin punctul de vedere emis de către Vasile Pârvan (1926), ulterior aprofundat de către E. Moscalu (1983, 58-61) despre caracterul său, în general amorf de-a lungul unor perioade îndelungate ale ambelor epoci a fierului.

În asemenea situație vestigiile depistate de epocă se datau, de regulă, în baza unor cronoindicatori siguri: ceramică grecească (amfore și recipiente a veselei de lux), arme, piese de harnașament, podoabe etc. scitice, frecvente la majoritatea siturilor. Dar de o parte, ceramica grecească apare în Moldova începînd cu mijlocul – sf. sec. VI a.Chr. (Серова 1989, 159; Banaru 1999, 174-175), iar pentru teritoriul din nord-vestul Mării Negre de la sf. sec. VII - începutul sec. VI a.Chr. (Canarache 1957, 8-9; Лейпунская 1981, 5). De altă parte, vestigiile scitice timpurii, pînă nu demult, se datau practic cu un secol mai tîrziu decît în realitate (Медведская 1992, 86-107). În așa fel, datarea vestigiilor getice timpurii era artificial frînată un secol, pentru perioada sa inițială, din care cauză a fost nevoie de "inventat" noțiunea de hiatus cronologic între culturile tracice înrudite Basarabi- Șoldănești și getică timpurie (Ткачук 1999, 284). Constatarea respectivă a fost formulată și de către I. Niculiță (1987, 15).

Reeșind din cele expuse mai sus, o abordare nouă a problemelor legate de cronologia culturii traco-getice este posibilă doar în baza unor indicatori cronologici deosebiți, majoritatea nefiind locali. Am mai menționat faptul că categoriile de piese speciale ce reprezintă inventarul siturilor traco-getice, primordiale în reconstrucțiile cronologice sunt negetice, de proveniență estică (scitice timpurii), vestică (celto-ilirice) și sudice (tracice și grecești) (Kașuba, Haheu, Levițki 2000). A.M. Leskov, în genere susține că anumite artefacte - arme, piese de harnașament, piesele de podoabă, majoritatea ustensilelor metalice pot fi utilizate exclusiv pentru soluționarea problemelor legate de cronologie și nu pentru urmărirea succesiunilor etnoculturale și identificări culturale (Лесков 1971, 90). Abordând problemele pericadei nominalizate A. Vulpe, menționând că starea de lucruri este cauzată "...nu atât de lipsa materialelor..., cât de neputință de a le organiza pe acestea cronologic", totodată propunând de a se dezice de la etichetările entice a monumentelor, propunând evidențierea unor aspecte culturale sincronice sau succesive (Vulpe 1970, 182-213).

Revenind la categoriile de inventar a siturilor traco-getice cu pondere de indicator cronologic acestea sunt reprezentate de arme, unelte piese de harnașament, vestimentare, bijuterii, ceramica de import (*nu numai grecească* –) și în unele cazuri ceramica locală în dependență de contexte.

Despre apariția și evoluția culturii getice în regiune predomină două opinii diametral opuse. Ele sunt arhicunoscute, fiind vehiculate dea lungul zecilor de ani în mai multe zeci de volume. Doar sumar le aducem aici într-o formă mai concentrată.

Una dintre ele susține că geții s-au format și au evoluat pe un fundal tracic local, fără prea multe influențe intruse (Niculiță 1987, 20-21).

Cel de-al doilea punct de vedere este propus de către M. Tkaciuk, care declară caracterul advenit al culturii getice în teritoriile Moldovei istorice (*de la sud de Dunăre sub influiența tribalilor*) pe spa-

ţiile ocupate anterior de vestigiile scitice timpurii şi ulterior de orizontul scito-trac Pîrjolteni-Dănceni-Olonești. Afirmaţii similare au fost enunţate de către E. Redina (2000, 243-250), iar A. Meljukova revăzîndu-şi opinia despre graniţa dintre geţi şi sciţi expusă în 1969 (Meljukova 1969, 61-80), afirmă de curînd că aceasta nu numai că trecea pe Prut şi Dunăre, dar că "se şi survola deseori de către ultimii" (2001, 29-30).

Pentru E. Redina Dunărea de Jos (regiunea cultural-istorică nistreano-dunăreană) începînd cu sec. VI a.Chr. constituie o parte componentă a Sciţiei Mari cu o populaţie scitică permanentă. Este zona de contact între comunităţi etnice cultural–istorice de proporţii, unde avem reflectate legături ample dintre structuri gospodăreşti diferite: crescători de vite, agricultori şi eleni (2000, 243). În opinia acestui autor, pentru perioada de la începutul sec. V a.Chr. în regiunile de stepă creşte numărul siturilor şi vestigiilor scitice, ceiea ce nu se poate afirma despre cele tracice (Ibidem).

În ce ne priveşte, ne-am expus deja opinia cu privire la manifestările culturale din epoca hallstattiană tîrzie în spaţiul carpato-pontico-nistrean (Kaşuba, Haheu, Levitkii 2000, 101-113). Totuşi, avîndu-se în vedere situaţia creată, credem că este cazul să revenim la aceasta mai amplu.

Manifestările culturale din epoca hallstattiană tîrzie în nordul zonei circumpontice reprezintă, de fapt, ultima transformare cultural-genetică pentru prima epocă a fierului şi care are drept rezultat înlocuirea culturii hallstattiene tîrzii Basarabi-Şoldăneşti (pentru Dobrogea- Babadag III) cu cultura traco-getică (=getică timpurie).

Vorbind despre importantele schimbări în componenţa culturii materiale din spaţiul Carpato-Dunărean Al. Vulpe sublinia că ele sunt în strînsă legătură de pătrunderea în zonă a unei anumite "populaţii de călăreţi din est" undeva la începutul sec. VI a.Chr. (Vulpe 1970, p. 203). Această lovitură puternică şi destabilizatoare a afectat nu numai cîmpia Dunării şi cursul superior a Mureşului, dar şi Moldova. O situaţie practic identică este semnalată de către G. Simion pentru regiunea Dunărea de Jos (Dobrogea), unde purtătorii orizontului Babadag III sunt "bulversaţi" de aceieaşi călăreţi nomazi din est, urmele cărora s- au imortalizat în ruinele orizontului respectiv de la majoritatea siturilor fortificate din regiune (Beidaud ş.a. 1989, 213-223).

Despre geţi din punctul de vedere al onomasticii lor se poate de vorbit doar începînd cu sfîrşitul sec. VI a.Chr., odată cu apariţia primelor izvoare scrise despre ei (Herodot VI, 93) şi atunci doar pentru spaţiul de la sud de Dunăre. Dar dacă spusele sînt valabile pentri geţi ca unitate etnoistorică, atunci pentru cultura getică situaţia este oarecum alta. Este deja unanim acceptat că masivul cultural getic s-a constituit mult înainte decît nominalizarea lor în izvoarele scrise şi pentru spaţii geografice mult mai întinse (Vulpe 1970, 200-202; Никулицэ 1987, 18-57, harta 1).

Nu stăruim aici prea mult vis-a-vis de aceste necorespunderi: *etnie-cultură* ele fiind de curînd pe larg analizate de către M. Tcaciuc (Ткачук 1998, 60-65). Cazul atestării culturii încă în lipsa etnicului şi respectiv a persistării etnicului deja în lipsa culturii este unanim acceptat. "Getica " lui Iordanes constituie o dovadă în plus a constatării.

Am menţionat deja că izvoarele arheologice acumulate pe parcursul unui secol demonstrează apariţia mai timpurie a culturii getice şi pe spaţii mult mai largi, inclusiv spaţiul carpato-nistrean (Кашуба, Хахеу, Левицкий 1999, 121-127; Kaşuba, Haheu, Levitki 2000, 101-118). Din denumirea primului studiu "A patra Getică sau aceiaşi" mai reese şi atitudinea noastră despre caracterul unitar al masivului cultural getic.

Deşi, cum constatam mai sus, apariţia culturii getice nu are un singur focar de constituire, procesul este, în general, similar, "pro- Patria" fiind una, particularităţile de transformare de asemenea sînt practic aceleaşi. Schimbările respective au fost posibile graţie unor forţe cinetice ce funcţionau în spaţiul nominalizat către mijlocul mln. I a.Chr.

Începînd cu izvoarele scrise, dar mai ales cu apariţia monumentalelor lucrări ale lui Vasile Pârvan (1926, 1965, passim.) avem nominalizaţi participanţii de bază a grandioaselor manifestări (interferenţe) culturale, - în opinia justă a lui I. Brujako şi M. Tcaciuc - "*dialogurilor crossculturale*" (Бруяко, Ткачук 1994, 27-31), - care se finalizează cu apariţia pe arena istorică a "celor mai viteji şi mai drepţi dintre traci" (Herodot IV, 93) - geţii.

Este vorba despre purtătorii culturii Basarabi-Şoldăneşti, în calitate de ultimii reprezentanţi a trunchiului general tracic; sciţii nomazi arhaici, ilirii şi grecii din zona din nord-vestul pontic.

Elementul tracic reprezintă componentul local, bine documentat în literatura de specialitate (Лапушнян 1979; Мелюкова 1979, passim.), celelalte elemente fiind advenite.

Prezentarea şi analiza atât a elementelor enumărate cît şi a coraportului dintre ele este, în opinia noastră, una dintre abordările care are drept finalitate cunoscutele transformări culturale şi geneza culturii getice timpurii.

În ce ne priveşte, vedem procesul respectiv în felul următor. Un rol important în aceste procese complicate, cu caracter intens sau latent, revine elementului nomadist,- veşnicului factor destabilizator al situaţiilor culturale concrete, dar în acelaşi timp şi un important coautor al transformărilor. Ca de fapt şi în restul cazurilor ce ţin de cele mai diverse domenii (prin analogie evocăm fizica, chimia, biologia etc.), schimbările în cadrul comunităţilor umane, transformările culturale sunt, în mare măsură, un rezultat al proceselor cauzate de lovituri cinetice. Ţinem să precizăm că nu suntem adeptul absolutizării rolului factorului nomadist în opera de transformare culturală, aici fiind prezenţi şi alţi factori. Prioritar,- şi este normal să fie aşa,- este desigur îndelungatul proces de evoluţie a comunităţilor umane locale, reflectat pe parcurs în permanente transformări şi drept rezultat, schimbarea faciesului cultural. Dar acest proces este pe cît de natural, pe atât de latent, din care cauză, trăsăturile care enunţă schimbarea este sesizat mai dificil şi mai disparat.

Elementul nomadist, în acest caz, prin anumite izbituri cinetice (nu obligatoriu violente) „destabilizează" concretica culturală locală, intensifică procesele de schimbare la majoritatea componentelor culturii (modalităţi de habitat, rit şi ritual funerar, inventarul special şi de masă), proces care are drept finalitate transformările culturale. Repetăm, baza acestui proces îl constituie elementul local, autohton, care în continuare, rămâne valabil şi pentru culturile ulterioare, dar deja la un alt nivel şi oarecum cu un alt facies cultural general. Insistăm: general, pentru că analiza în detalii confirmă fenomenul continuităţii permanente (continuitate care oricum nu poate fi statică şi amorfă).

Progresul redat autohtonilor de către greci prin forme directe sau indirecte (majoritatea în cadrul relaţiilor comerciale) nu a putut sta nemijlocit la baza proceselor de transformare culturală şi a originii culturii getice timpurii,- procesul acesta fusese declanşat încă pînă la venirea grecilor în regiune. Aceştea au jucat, totuşi, un mare rol în ce priveşte evoluţia şi consolidarea etnosului local, legăturile greci- autohtoni păstrîndu- se, practic, pînă la venirea în regiune a romanilor.

Pînă în prezent, mai mulţi cercetători, poate în primul rând de la Chişinău, nu recunosc, sau trec cu vederea nu numai rolul elementului scitic în evoluţia etnoculturală a zonei în perioada nominalizată, dar şi însăşi prezenţa = atestarea acestora aici fără a se ţine cont de multiplele semnalări bibliografice asupra cărora am stărui mai sus.

Cu toate acestea nu putem constata o dată în plus, că elementul cultural scitic este atestat în zonă începînd cu perioada hallstattiană târzie şi că aceştea reprezintă principala forţă cinetică de transformare culturală, în rezultatul căreiea masivul cultural hallstattian târziu se destramă, dând naştere masivului cultural ulterior, dar absolut înrudit-getic.

Lucrarea nominalizată mai sus cu privire la traco-geţii din zona de sud a Nistrului de Mijloc (Kaşuba, Haheu, Levitki 2000) a fost realizată mai mult în baza materialelor provenite din siturile de habitat. De altă parte, este unanim acceptat că problematica ce ţine de coloritul culturii (etnicul) cel mai bine este reprezentat de complexele funerare, care în cadrul unei culturi sau alta, sunt dintre cele mai conservative, păstrând un anumit facies, şi sunt foarte receptive la schimbări şi transformări culturale. Ne vom referi, în continuare, doar succint la situaţia ce ţine de ritul şi ritualul funerar în perioada hallstattiană târzie cu referire la originea culturii traco-getice, aceasta fiind de fapt subiectul unei alte lucrări mai ample.

După cum menţionam ceva mai sus, pentru epocă şi spaţiul nominalizat avem documentate 80 de obiective funerare. Cartografierea vestigiilor indică că, în general, ele au fost atestate, mai mult, sau mai puţin uniform pe întreg arealul desemnat. Plasarea lor este dintre cele mai diversă, dar predomină locurile înalte şi greu accesibile (44; 55 %, în condiţiile când 21; 25% sunt incerte). Tipul obiectivelor de asemenea este dintre cele mai diferit-necropole plane, tumulare, mixte, morminte secundare în tumuli şi izolate.

Nu mai puţin divers este şi ritul funerar, fiind semnalate inhumaţii, incineraţii şi incineraţii parţiale.

În sfârşit, în ce priveşte ritualul funerar, particularităţile prevalează asupra seriaţiilor. Şi nu este vorba doar despre deosebiri zonale sau de timp, acestea fiind fixate nu numai în interiorul „zonei",

dar şi a microzonelor şi a unor obiective singulare sincronice, pentru a evoca doar aşa situri de proporţii cercetate masiv: Dănceni (Haheu 2000), Poieneşti (Vulpe 1953, 279-281; 312-313, 399), Celic Dere (Simion 1992, 95-105).

Au fost cercetate şi obiective cu mai multe morminte, care sunt mai uniforme la acest capitol (inclusiv ritul funerar): Giurgiuleşti- Stâna lui Mocanu (5 inhumaţii) (Levitki, Haheu 1999, 121-134), Isaccea (27 inhumaţii) (Simion 2003, 113-128), Slobozia (11 incineraţii) (Buzdugan 1968, 76-94).

Pentru mormintele de inhumaţie, predominând cele în poziţie decubitus dorsal, au fost semnalate cazuri de schelete chircite pe stânga (Poşta, Coşvana). Orientarea craniului este mult mai diversă, predominând direcţiile NV şi SV.

Mâinile fiind dea lungul corpului, uneori stânga este pe bazin (Ciucurova,Cuconeştii Vechi, Isaccea) sau dreapta (Isaccea, Poşta, Trestiana). Picioarele fiind majoritatea cazurilor drepte au fost atestate cazurile când cel stâng era îndoit (Poşta), cel drept (Poşta), sau în formă de romb (Răscăieţii Noi).

Sunt diverse şi construcţiile auxiliare atât din interiorul structurii funerare (ardere, lemn, piatră), cît şi cele exterioare (mantale sau ringuri de piatră, piatră în asociere cu manta de pământ).

În sfârşit, dar de asemenea doar în linii generale, constatăm o diversitate şi mai mare în ce priveşte inventarul mortuar cât şi plasarea acestuia în contextul funerar.

Nu vom stărui aici pe larg atât asupra analizei caracteristicilor de rit şi ritual funerar, cât şi atribuirea lor, acestea urmând a fi subiectul unei lucrări viitoare.

Situaţia legată de ritul şi ritualul funerar, este o dovadă destul de elocventă în favoarea supoziţiei că procesul de constituire a culturii traco-getice (= getice timpurii) a avut un caracter polietnic în ce priveşte participanţii, pe lângă elementul tracic local, fiind prezent şi elementul advenit estic, autorul loviturii cinetice a procesului de transformare culturală.

Prezenţa sciţilor timpurii în spaţiul în discuţie deja a fost nominalizată în literatura de specialitate (Левицки. Демченко 1995, 41-53).

În favoarea elementului scitic la vest de Nistru vorbeşte şi descoperirea a mai bine de 60 de spade akinak în diverse contexte, dar care credem că provin din morminte distruse (Vulpe 1990; Haheu, Bikbaev 1998, 160-162; Haheu 2001, 38-40).

Reconstrucţia prezentată este poate prea schematică şi expusă prea succint, dar avem certitudinea că este dintre cele mai plauzibile, investigaţiile ulterioare, atât de teren, de care este strigentă nevoie, dar şi cele de sinteză, contribuind la elucidarea problemei.

BIBLIOGRAFIE

Alexandrescu 1976: P. Alexandrescu, Pour une chronologie des Ve- IVe siecles. Thraco- Dacica I, 1976, 117-126.

Babeş 1975: M. Babeş, Problemes de la chronologiee de la culture geto- dace a la lumiere des fouilles de Cîrlomăneşti. Dacia N.S. XIX, 1975, 125-139.

Buzdugan 1968: C. Buzdugan, Necropola getică de la Slobozia. Carpica I, 1968, 77-94.

Canarache 1957: V. Canarache, Importul amforelor ştampilate la Istria (Bucureşti 1957).

Conovici 1986: N. Conovici, Repere cronologice pentru datarea unor aşezări geto-dacice. Cultură şi civilizaţie la Dunărea de Jos II, Călăraşi 1986, 129-141.

Haheu 2000: V. Haheu, Necropola traco- getică de la Dănceni. *mss.*

Haheu 2001: V. Haheu, Akinakesul de la Ungheni în contextul elementelor scitice de la vest de Nistru. Pyretus 1, 2001, 38-40.

Haheu, Bicbaev: V. Haheu, V. Bikbaev, Akinakesul din r-nul Ungheni. Revista Arheologică 2, 1998, 160-162.

Kaşuba, Haheu, Levitki 2000: M. Kaşuba, V. Haheu, O. Levitki, Vestigii traco-getice la Nistrul de Mijloc (Bucureşti 2000).

Levitki, Haheu 1999: O. Levitki, V. Haheu, Necropola hallstattiană tîrzie de la Giurgiuleşti. Studia in honorem Ion Niculiţă (Chişinău 1999), 121-134

Moscalu 1983: E. Moscalu, Ceramica traco-getică (Bucureşti 1983).

Pârvan 1926: V. Pârvan, Getica. O protoistorie a Daciei (Bucureşti 1926).

Pârvan 1967: V. Pârvan, Dacia. Civilizaţiile antice din ţările Carpato-Danubiene (Bucureşti 1967).

Simion 1976: G. Simion, Cetes de la Dobroudja septentrionale VI-I ss. a.Chr. Thraco-Dacica I, 1976, 143-163.

Simion 1989: G. Simion, Geneza civilizaţiei geto- dace (sec. VII-V î.e.n.). Symposia Thracologica 7, 1989, 213- 223.

Simion 1992: G. Simion, Geţii şi sciţii dinspre gurile Dunării. Carpica XXIII/1, 1992, 95-105.

Simion 2003: G. Simion, O necropolă din sec.VI-V a.Chr. de la Isaccea. Peuce S.N. I, 2003, 113-128.

Tkaciuk 1994: M. Tkaciuk, Manifestări culturale din sec V-I a.Chr. Thraco-Dacica XV, 1-2, 1994, 215-256.
Vulpe 1967: A. Vulpe, Necropola hal stattiană de la Ferigile (Bucureşti 1967).
Vulpe 1970: A. Vulpe, Cercetări arheologice şi interpretări istorice privind sec. VII-V a.Chr. MemAntyq II, 1970, 115-214.
Vulpe 1977: A.Vulpe, Zur Chronologie der Ferigilegrup. Dacia N.S. XXI, 1977, 49-90.
Vulpe 1990: A.Vulpe, Die Kurzschwerter Dolche und Streimesser der Hallstattzeit in Rumanien. PBF VI, 9 (Munchen 1990).
Бруяко, Ткачук, 1994: И.В. Бруяко, М.Е. Ткачук, Бессарабия VII-I вв до Р.Х. Цикл кросскультурных диалогов. В сб.: Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тезисы докладов Международной конференции (Запорожье 1994), 27-31.
Банару 1999: В. Банару, К вопросу об экономических связях населения Пруто- Днестровского междуречья с греческим миром (по данным греческого импорта с городища Бутучень). В сб.: Никоний и античный мир Северного Причерноморья (Одесса 1997), 174-179.
Брашинский 1980: И. Брашинский Греческий керамический импорт на Нижнем Дону (Ленинград 1980).
Дергачев 1992: В.А. Дергачев, О понятии "контактная зона". В сб.: Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдовы (Кишинев 1992), 26-31.
Кашуба, Хахеу, Левицкий 1999: М.Т. Кашуба, В.П. Хахеу, О.Г. Левицкий, Та самая Гетика или... четвертая? В сб.: Проблемы скифо- сарматской археологии Северного Причерноморья (Запорожье 1999), 120-127.
Лапушнян 1979: В.Л. Лапушнян, Ранние фракийцы X-начала IV в. до н.э. в Лесостепной Молдавии (Кишинев 1979).
Левицкий, Демченко 1995: О.Г. Левицкий, Т И. Демченко, Памятники скифской архаики на территории Молдовы. В сб.: Древности Степного Причерноморья и Крыма (V) (Запорожье 1995), 41-53.
Лейпунская 1981: Н. Лейпунская. Керамическая тара из Ольвии (Киев 1981).
Лесков 1971: А.М. Лесков, Предскифский период в степях Сезерного Причерноморья. МИА СССР 177 (Москва 1971).
Медведская 1992: И.Н. Медведская, Периодизация скифской архаики и Древний Восток. РА 3, 1992, 86-107.
Мелюкова 1969: А.И. Мелюкова, К вопросу о границе между скифами и гетами. Древние фракийцы в Северном Причерноморье. МИА СССР 150. (Москва 1969), 61-80.
Мелюкова 2001: А.И. Мелюкова. Новые данные о скифах в Дэбрудже (к вопросу о "Старой Скифии" Геродота). РА 4. 2001, 20-32.
Никулицэ 1987: И.Т. Никулицэ. Северные фракийцы в VI-I вв. до н.э. (Кишинев 1987).
Редина 2000: Е.Ф. Редина, Нижний Дунай в системе культурных контактов скифов и фракийцев. В сб.: Археологія та етнологіа східної Европи матерали и дослідженння (Одеса 2000), 243-253.
Серова 1989: Н.Л. Серова, Греческая керамическая тара из курганов Молдавии. В сб.: АИМ в 1984 года (Кишинев 1989), 149-162.
Ткачук 1998: М.Е. Ткачук, Гетика. Археология имени. Revista Arheologică 2, 1998, 60-86.
Ткачук 1999: М.Е. Ткачук, Гетика, которую мы потеряли (из антологии хронологических разрывов). Стратум 3, 1999, 274–304.

Vasile Haheu,

Institutul de Arheologie şi Etnografie, Academia de Ştiinţe din Republica Moldova, str. Mitropolitul Bănulescu-Bodoni nr. 35, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova

Оборонительная система на укрепленных поселениях гетов лесостепной Молдовы

Александр Левинский, Кишинэу

Pe parcursul ultimilor zece ani în Republica Moldova se bucură de o atenţie sporită aşezările fortificate ale geţilor, accentul principal fiind pus pe studierea sistemelor defensive. Cu toate că pe această problematică au apărut şi lucrări speciale de sinteză sau pe situri aparte, multe principii fundamentale şi detalii aparte, legate de construcţia zidurilor de apărare continuă să rămână neclare. Cercetările din ultimul timp, tot mai des, scot la iveală în preajma valurilor de pământ, rămase de la aşezările fortificate, şanţuri nu prea adânci, care nici cum nu pot fi un obstacol în timpul asediului. Cercetarea sistemului defensiv al fortificaţiei getice Saharna–La Revechin şi confruntarea rezultatelor căpătate cu cele cunoscute din cercetările altor situri ne-a permis să "pipăim" în cadrul lor prezenţa multor elemente constructive comune. Astfel nu mai poate fi pus la îndoială faptul, că la baza fortificării aşezărilor întărite stă palisada de lemn, valul actual de pământ constituind doar resturile umpluturii ei (sistemul de fixare a pereţilor poate să difere de la caz la caz). Aproape în toate cazurile pe peretelui intern al palisadei îi sunt alipite locuinţele de suprafaţă. Şanţurile din faţa palisadelor, din care s-a scos pământ pentru umplutura zidurilor, în toate cazurile au fost concepute ca obstacol suplimentar şi ca parte componentă a sistemului defensiv. Din păcate, în majoritatea cazurilor cunoscute, adâncimea lor este mică şi pantele line. Este sigur că umplutura lor nu a fost excavată până la capăt. Majoritatea absolută a sistemelor defensive poartă amprente de incendii puternice. Studiile anterioare au permis să constatăm, că aşezările fortificate ale geţilor şi-au încetat existenţa în limita sfertului trei al sec. IV î.e.n., fiind distruse de către sciţi.

Исследование оборонительной системы гетского городища Сахарна–Ла Ревекин и сопоставление полученных результатов с данными исследования аналогичных комплексов позволило нам "нащупать" среди них наличие многих общих конструктивных особенностей. Таким образом, вряд ли можно поставить под сомнение тот факт, что в основе оборонительной конструкции укрепленных поселений стоит деревянная палисада, а современные земляные валы являются лишь остатками её заполнения. Почти во всех случаях к внутренней стене палисады примыкают наземные жилища. Рвы перед палисадами, из которых был изъят грунт для заполнения клети палисады, во всех случаях имели и роль дополнительной преграды и как составная часть оборонительной системы. К сожалению, в большинстве известных случаях, их глубина представлена как небольшая, с очень пологими скатами. Даже не подлежит сомнению, что их заполнение не докопано. Основная часть оборонительных систем содержат явные следы мощных пожаров. Проведенные исследования позволили нам установить, что укрепленные поселения гетов прекратили своё существование в пределах третьей четверти IV в. до н.э., когда были разрушены скифами.

Investigating the defense system of the Getic fortification "Saharna–La Revechin" and corroborating our results with the ones provided by researches on other sites allowed us to notice common architectural elements. Therefore, there is no doubt that the basic structure of fortified settlements is the wooden palisade, while the contemporary earthen valium is just a rest of its filling. In the majority of cases, surface dwellings adhere to the inside wall of the palisade. The earthen filling of the palisade has been dug out from the moats outside of it, which were conceived as an additional obstacle and as part of the defense system. Unfortunately, in most cases the moats are gently-sloping and not deep, so they have not been completely excavated. Almost all the defense systems carry the marks of devastating fires. Previous studies helped us come to the conclusion that Getic fortified settlements ceased to exist by the year 330 B.C., having been destroyed by Scythians.

На высоком коренном берегу Днестра, ниже города Резина, по самому краю обрыва еще и сейчас хорошо заметны остатки земляного укрепления, известного в литературе как городище гетов "Сахарна–Ла Ревекин" (Смирнов 1949, 196) или "Стохная II" (Пассек 1949, 67). В самом начале его обследования было отмечено благоприятное расположение городища, обеспечивающего просмотр прилегающей долины Днестра и большого участка противоположного берега. Стратегическое положение городища на местности, предопределило его назначение в качестве северного форпоста в оборонительной системе гетов, центром которой было городище "Большая Сахарна" (Левинский 2002, 256).

К началу исследований археологической экспедиции Национального Музея Истории Молдовы в 1998 году, остатки оборонительных сооружений на памятнике представляли собой земляной вал и ров, снивелированных с западной стороны при посадке лесополосы (Levinschi ş.a. 1999, 52). По конфигурации своих оборонительных сооружений и общей площади, городище относится к типу малых подковообразных укреплений, часто сооружаемых на высоких обрывистых берегах рек. Планомерные раскопки памятника позволили установить, что укре-

плённое поселение было основано к концу VI в. до н.э. (Levinschi ş.a. 1999, 67) и использовалось для постоянного проживания в течение всего периода функционирования (Levinschi 2001, 103-112).

В ходе раскопок 2001 года (Levinschi ş.a. 2002, 41-43), с целью определения типа фортификационной системы городища, был произведён разрез рва в его южном секторе, вала и прилегающего к нему участка (рис. 1.1). В результате этих исследований были сделаны следующие выводы:

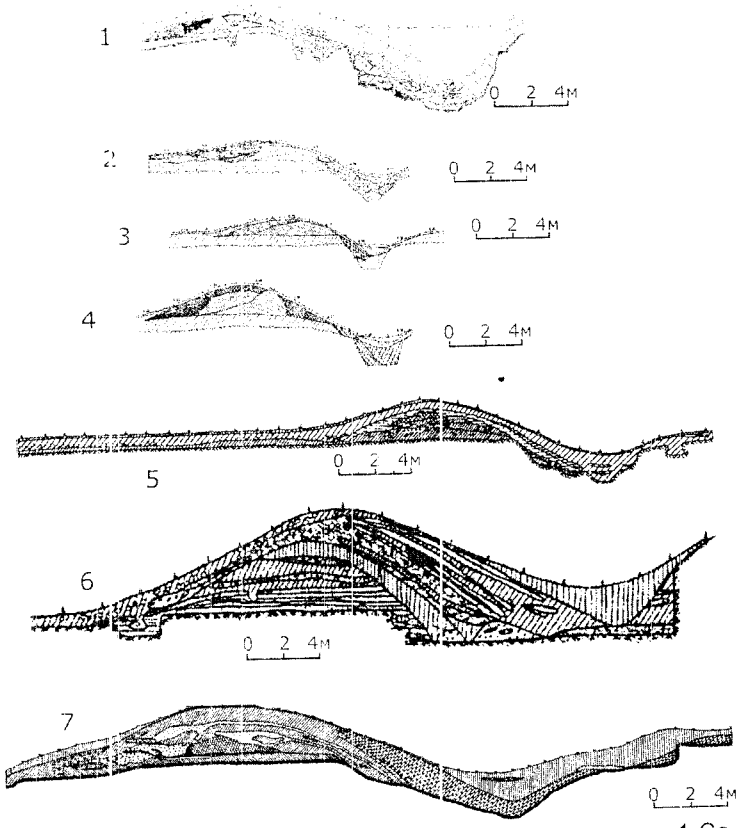


Рис. 1. Разрезы оборонительных систем гетских городищ: 1 Сахарна Ла Ревекин (по А. Левинскому, С. Коваленко); 2-4 Косэуць (по О. Мунтяну); 5 Матеуць (по Т.Д. Златковской); 6 Большая Сахарна (по Г.Д. Смирнову); 7 Большая Сахарна – центральный бастион (по И. Никулицэ, А. Заноч).

- остатки вала являются частью земляного заполнения деревянной палисады, возведённой вокруг поселения;

- палисада состояла из двух рядов вертикально вкопанных с уровня древней поверхности столбов, на расстоянии 3-3,5 м друг от друга. Внутренний ряд столбов крепился дополнительно с внешней стороны, у основания, пачкой хорошо утрамбованного глинистого грунта шириной не менее 1,5 м и высотой до 1 м. Внешний ряд удерживался в вертикальном положении бревенчатым контрафорсом;

- основание контрафорса упиралось в бревенчатый настил, состоящий из брёвен длиной не менее 4 м, уложенных под небольшим углом и выступающих над краем рва. Судя по всему, выступающая часть брёвен была заострена, создавая дополнительное препятствие при преодолении рва;

- ров, шириной 8 м по верхнему краю и глубиной 4,5 м от уровня современной поверхности (5,5 м от древней), имел с обеих сторон небольшой уклон и дополнительные уступы по внутренней стене;

- более точные расчёты объёма грунта сползшего в ров позволяют предположить, что высота палисады была не менее 6 м. Внешний ряд столбов, скорее всего, возвышался ещё до 2-х м над заполнением клети, с расчётом, что в нём были устроены бойницы, и доходил до 8 м;

- с внутренней стороны палисады, вплотную к ней, отмечены остатки жилых помещений, с которыми связаны шесть очагов. Они расположены на небольшой площади (5 х 5 м) и на разных уровнях, что свидетельствует о постоянной досыпке пола и использования жилищ в течение длительного времени;

- следы мощного пожара, скелет пожилой женщины на полу жилища у палисады и фрагменты костей человеческих рук, выявленных в его развале свидетельствуют о том, что городище погибло при штурме;

- не исключено, что это событие произошло в пределах третьей четверти IV в. до н.э. Детальный анализ датирующих материалов из комплексов городища позволил сделать вывод, что укрепленное поселение было разрушено скифами в 331/330 гг. до н.э., в ходе завершающегося этапа похода наместника Александра Македонского во Фракии – Зопириона, против скифов (Levinschi 2003, 280-281).

Прямых аналогий для воссозданного типа оборонительных сооружений в нашем регионе нет. И это притом, что оборонительные сооружения исследовались на многих городищах Днестровско-Прутского междуречья. Рассмотрим некоторые из них.

Рудь – Ла Шанцуль. М.А. Романовская исследовала четыре оборонительные линии этого укрепления, однако, результаты опубликованы в очень краткой форме и трудно совместимы. Несмотря на это некоторые сведения о характере сооружений можно восстановить.

Так, по данным автора, *первый* внутренний вал, или последний, пятый с запада, образовался от разрушения стены, сделанной из *двух рядов вертикально вкопанных в землю кольев*. Пространство между кольями было забутовано белым камнем. При гибели городища *городни сгорели*, а камни покатились в ров (Романовская 1971, 358). Обратим внимание, что камни покатились только в ров, и это было возможно при разрушении только внешнего ряда кольев.

Что касается конструктивных особенностях *второго* вала – информация крайне скудна. Он образовался от разрушения стены-городни, сделанной из *двух рядов столбов, вкопанных в траншею* (Лапушнян, Романовская 1972, 450).

Еще меньше данных о следующей, *третьей* оборонительной линии. По данным автора она оригинальна. С внутренней ее стороны расчищены ямы от столбов большого диаметра, возможно, подпиравших внутренний навес (Романовская 1973, 416). Оказалось что это необычное по конструкции большое помещение, примыкавшее с внутренней стороны к третьему валу городища. Его размеры 9,2 м с запада на восток и около 8 м с севера на юг. У северо-западной стены жилища был сооружен глинобитный очаг с ямкой от центрального столба в середине (?). Остатки рухнувших деревянных конструкций жилища найдены в заполнении (Масленников и др. 1974, 425).

Внешняя, самая большая *четвертая* стена, была сооружена *из деревянных клетей*, заполненных каменной забутовкой. У внешнего основания стены прослежен *панцирь из крупных камней известняка*. К стене вплотную примыкал ров с отвесными стенами (Масленников и др. 1974, 425), который был исследован в следующем полевом сезоне. Эта четвертая линия обороны являлась основной, для всей укрепленной цитадели, и центральный въезд на городище был дополнительно укреплен двумя башнями. Южная из них, подвергнутая раскопкам, овальная в плане и вытянутая с запада на восток, была построена из больших бревен (диаметром до 0,5 м), врытых вертикально и отстоящих друг от друга на расстоянии до 0,4 м, которые снаружи были обложены камнем. Длина башни достигает 12 м, при ширине 3 м, а высота сохранившейся части 2,18 м (Романовская 1975, 446; Романовская 1976, 476; Романовская и др. 1977, 459-460).

Особого внимания заслуживает тот факт, что во рвах, на валах и в жилищах обнаружены человеческие скелеты или части скелетов, часто одни черепа. Всего по публикациям удалось насчитать свыше 50 останков. Если к этому прибавить и материалы исследований, проведенных экспедицией Высшей Антропологической Школы в 1995-1999 гг. (Tcaciuc, Zasâpchin 2000, 101-111), в ходе которых были выявлены еще 35 человеческих останков – в подавляющем большинстве дети и женщины (Pavlov 2000, 113-118), то картина выглядит очень удручающей.

Косэуць. Мунтяну Октавиан прорезал все четыре оборонительные линии (Munteanu 2004, 81-96). Следует обязательно заметить, что при пере-губликации этих материалов на французском языке (Munteanu 2004a, 82-103) изменена нумерация оборонительных систем и перепутаны ссылки на рисунки, в связи с чем, мы сохраняем данные первоисточника. Исходя из этого, *первая*, внутренняя, линия состояла их вала и рва (рис. 1,2). Высота вала до 0,8 м при ширине 8 м. По мнению автора над валом была возведена деревянная конструкция, которая была сожжена при нападении неприятеля. В очень короткое время после пожара, на пепелище, свидетели событий возвели новую стену, но уже из камня на земляной связке. Ров относится к категории подтреугольных, шириной 4 м и глубиной более 2 м от уровня древней поверхности.

Вторая оборонительная линия, также, представляла собой вал и ров (рис. 1,3). Земляной вал имел ширину 7 м и высоту 1 м (1,8 м в момент возведения). Ров усеченно конической формы имел ширину 3 м (в основании 0,85 м) и глубину 1,8 м от древнего уровня. Перепад высот между макушкой вала и дном рва, в момент возведения, составлял 2,6 м. Дополнительных сооружений на валу не отмечено.

Третья внешняя оборонительная линия почти идентична второй (рис. 1,4). Вал имел ширину в основании 10 м и высоту 1,5 м (2,1-2,3 м в момент возведения). Ров усеченно конической формы имел ширину свыше 3 м по верхнему краю и 1,6 м по дну, при глубине более 2 м от древнего уровня. По расчетам автора первоначальный перепад высот между дном рва и макушкой вала составлял 4,6-4,8 м, что допускает предположение о наличии на валу дополнительной деревянной конструкции, хотя сам он и признает, что, на исследованной площади, отсутствовали какие либо намеки на её существование (Munteanu 2004, 84). Информация о *четвертой* оборонительной линии отсутствует.

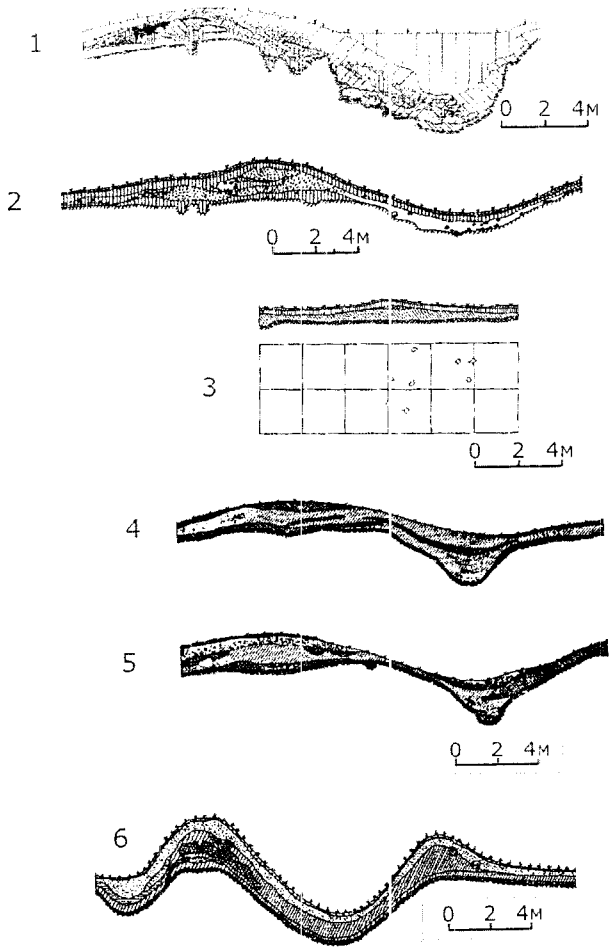


Рис. 2. Разрезы оборонительных систем гетских городищ: 1 Сахарна Ла Ревекин (для сравнения); 2 Требужень-Потырка (по И. Никулицэ, С. Матвеев, Эд. Потынгэ); 3 Машкэуць-Дялул чел Маре (по А. Заноч); 4-5 Бутучень (по И. Никулицэ); 6 Столничень (по В. Сырбу, Т. Арнэут).

Наша попытка разгадать загадку и выявить признаки наличия деревянной конструкции на третьем валу по рисункам разрезов, впрочем, как и на первом, не увенчалась успехом. Однако детальное изучение разрезов еще больше затрудняет понимание процедуры строительства первой (внутренней) оборонительной линии. По мнению автора раскопок, первоначальные оборонительные сооружения на первом валу были уничтожены очень мощным пожаром (Munteanu 2004, 90-91). Судя по рисунку, верхняя часть вала была сброшена только в ров и засыпала его больше чем на половину (рис. 1,2). В связи с этим кажется странным, что оставшиеся в живых обитатели городища, возведя новую оборонительную стену из камня на земляной связке, не позаботились о том, чтобы очистить ров от засыпавшей его земли. О том, что это не было сделано, свидетельствует и тот факт, что остатки "каменной стены" обвалились только в сторону противоположную рву. В заполнении рва камни отсутствуют. Не являются убедительными и остатки деревянной конструкции в виде "ровика" отмеченного в восточном профиле, на стыке квадратов 5А-6А. Его продолжение отсутствует через два метра, в западном профиле. Таким образом, количество вопросов увеличивается, а логических объяснений найти пока не удается.

Не останавливаясь более подробно на деталях, подчеркнем, что представленные профиля первой оборонительной линии (в зафиксированном виде) во многом напоминают профиля городища Сахарна–Ла Ревекин, только в последних четко читаются ровики от деревянного палисада. Есть в Сахарне и, так называемые, остатки "каменной стены", которые "обвалились" только во внутрь (Levinschi, Covalenco 2002, pl. 9/2), однако здесь камни, возможно, связаны с обустройством жилых помещений примыкающих к внутренней стороне стены палисады (Levinschi 2004, 71) или с внутренней стеной самой палисады. Это еще предстоит уточнить, хотя уже сейчас становится ясно, что камни на валу городища Косэуць вряд ли являются остатками второй фазы строительства оборонительной стены.

Относительно рвов городища Косэуць мне представляется однозначным, что они не докопаны. Нет смысла все это детализировать по рисункам. Элементарные расчеты по объёму грунта на валу и объем заполнения рва являются неоспоримым тому подтверждением, притом, что часть вала сползла в этот ров.

Матеуць. Согласно Т.Д. Златковской оборонительное сооружение включает вал высотою до 1,6 м, который представляет собой остатки стены толщиной 3,3 м, идущей кольцом вокруг городища. Конструкция выполнена из двух рядов вертикальных столбов, оплетенных прутьями, между которыми был засыпан материковый грунт. Он добывался тут же, с напольной стороны, из-за чего вокруг образовалась выемка, имеющая теперь вид рва. По мнению автора, ров не имел оборонительных функций. Он ступенчатый, его ширина 7 м и глубина до 3 м от древнего уровня (Златковская 1966, 220-221).

Городище погибло в результате пожара, о чем свидетельствуют следы сгоревших столбов и оплетавших их прутьев (кв. 3). Резкая граница между слоями в пределах квадрата 4 (рис. 1,5) истолкована Т.Д. Златковской как присутствие отвесной стены с внешней стороны, которая удерживала грунт засыпки. Далее допускается что она, скорее всего, тоже была деревянной, но на данном участке не подвергалась действию огня, так как была присыпана землей на высоту 0,6-0,7 м, что и предохранило её от огня. Стена постепенно истлела, из-за чего невозможно было проследить следы обгоревших столбов, как в случае с внутренней стеной (Златковская, Полевой 1969, 43).

Представленный рисунок профиля и описание напластований даны настолько безупречно, что не вызывают какого-либо сомнения. Только при сопоставлении профилей нескольких оборонительных сооружений можно заметить некоторые логические неувязки в залегании пластов или в их интерпретации. В первую очередь обращает на себя внимание мощный слой чернозема на валу и во рву, отмеченный сразу под гуммированной почвой. Его толщина достигала во рву 1,4 м. В его однородную массу вклиниваются линза материковой глины и прослойка обожженного грунта, а в северной части рва отмечается заполнение перемежающихся слоев чернозема, суглинка и глины. По мнению автора, такое заполнение может быть определено как заплыв насыпи вала (Златковская, Полевой 1969, 41).

В данной ситуации настораживает чередование слоев у северной стенки рва, что вряд ли возможно в процессе заплыва насыпи. С другой стороны совсем не естественной выглядит однородность черноземного слоя при полном отсутствии слоя затечного чернозема, который присутствует в верхней части заполнения рвов городища Косэуць (второй слой) и составляет большую часть верхнего заполнения рва городища Сахарна–Ла Ревекин. Судя по всему, ров не докопан до дна.

Далее, под слоем чернозема на валу, стратиграфическая ситуация повторяет во многом ту, что мы отметили на первом валу городища Косэуць и бесспорно присутствует в составе оборонительного сооружения городища Сахарна–Ла Ревекин. Речь идет о чередующихся слоях со следами мощного пожара. Пожалуй, комментарии здесь излишни, так как это остатки жилища примыкающего к стене палисада. Такую версию высказала и сама Т.Д. Златковская, считая, что некоторые дома вплотную примыкали к внутренней стороне оборонительной стены, которая одновременно служила и задней стеной дома (Златковская, Полевой 1969, 39).

Большая Сахарна. По Г.Д. Смирнову основная оборонительная линия состояла из земляного вала и рва с мощными бастионами по центру и краям. Во время функционирования городища, по мнению автора раскопок, вал насыпался пять раз, т.е. прослежено пять строительных периодов существования вала. В конечном итоге он достиг высоты 4 м, при ширине 23 м в основании. Ров шириной 13-16 м и глубиной 5 м от древнего уровня, был вырыт до каменного основания мыса. Со стороны вала откос рва имел ступенчатые очертания (Смирнов 1949, 94).

Пожалуй, есть смысл детализировать строительные периоды формирования вала (рис. 1,6) по Г.Д. Смирнову (1949, 200-201; 1949а, 93-97).

В *первый* строительный период вал был насыпан из светлого чернозема. Его высота от уровня древней дневной поверхности составляла 1 м, а глубина рва – 5 м. Отвлекаясь от описания, данного Г.Д. Смирновым, отметим, что здесь основное противоречие мы видим в последовательности залегания пластов. Дело в том, что культурный слой или слой чернозема в районе вала (поселение "Дялул Мэнэстирий"), по результатам наших исследований, не превышает 0,8-1 м (Usataia, Levinschi 1995, 77) и ниже, естественно, следует материк. При глубине рва 5 м, в первый строительный период, абсолютно не ясно, куда делись 4 м материкового грунта изъятого изо рва, так как вал в этот период насыпан только из светлого чернозема.

Во *втором* строительном периоде вал был досыпан светлым и темным черноземом, включающем фрагменты лощенной лепной керамики с резным орнаментом, до высоты 2-2,5 м (Kašuba ş.a. 2000, 78). Материковый грунт отсутствует, как и в прежнем периоде.

Только в *третьем* строительном периоде появляется материковый грунт. По Г.Д. Смирнову в этот период вал был значительно укреплен досыпкой глины до высоты 2,5-3 м и дополнительно была применена сплошная его обмазка глиной с наружной стороны.

Четвертый строительный период связан с ремонтными работами, во время которых вал со стороны рва был дополнительно укреплен несколькими прослойками светло-желтой глины, с примесью обмазки, которые доходили до дна рва.

На последнем, *пятом*, строительном периоде была сделана по всему валу досыпка из светло-серого чернозема, однако *только* (курсив наш А.Л.) на его внутреннем скате появляется прослойка известняковых камней.

Комментировать описания Г.Д. Смирнова очень сложно. Если принять буквально восстанавливаемую им картину, то возникает ряд недоразумений. Так, после всех досыпок и ремонтных работ скат вала стал настолько пологим, а ров настолько незначительным, что оборонительные сооружения вряд ли могли устоять при осаде.

Логичнее всего видеть в этих наслоениях и строительных периодах обычную картину утекания заполнения деревянной палисады, при разрушении внешнего ряда столбов, как и на городище Сахарна–Ла Ревекин. Возможно, этот внешний ряд столбов, большей частью был разрушен пожаром, о чем можно судить по так называемой примеси обмазки в слое светло-желтой глины четвертого строительного периода. Т.Д. Златковская даже утверждает, что в конструкцию вала входила толстая прослойка обожженной глины (Златковская

1966, 223). При этом, на центральном бастионе, по нашим наблюдениям, угадываются следы мощного пожара.

Примечателен тот факт, что в верхней части внутреннего ската вала городища Большая Сахарна, как и на внутреннем скате первой оборонительной линии городища Косэуць, а также в верхней части заполнения жилищ примыкающих к внутренней стороне оборонительной стены городища Сахарна–Ла Ревекин, выявлена прослойка-развал камней. Как и на упомянутых памятниках, камни отсутствуют на внешнем скате и в заполнении рва. Единственное что можно было бы добавить ко всему вышесказанному это то, что, судя по наличию столбовых ям (одна в профиле разреза) и двух очагов у подножья внутреннего ската вала, к внутренней стороне палисады примыкали жилища.

Экспедицией Государственного Университета в 2003-2004 годах исследовались центральный и восточный бастионы городища (Niculiță, Zanoci 2004). Материалы исследований вышли из печати совсем недавно и пока с трудом поддаются осмыслению, многие детали не ясны, а уточнить их в ходе обсуждений нам не удалось. Может ещё будет случай. На данном этапе есть абсолютная уверенность, что ров перед бастионами не докопан (рис. 1,7).

Офатинць (Выхватинцы). А.И. Мелюкова дает следующее описание оборонительной линии полукруглого городища, которая состояла из вала и рва (чертежи отсутствуют). Вал высотой 2 м был насыпан из чернозема с вкраплениями материкового суглинка. С внутренней стороны на вал жители городища выбрасывали золу и мусор. Никаких дополнительных укреплений вала не обнаружено. Ров с внешней стороны городища, глубиной 2,65 м от уровня древней поверхности, был вырыт уступами, для предохранения стенки от сползания (Мелюкова 1954, 65).

Информация крайне скудна, уточнить или восстановить что-либо уже невозможно. Городище больше не существует. Можем себе позволить только небольшие комментарии по поводу "мусора и золы", выбрасываемого жителями городища на внутренний скат вала. У нас сложилось точно такое же впечатление при снятии слоев на внутреннем скате вала городища Сахарна–Ла Ревекин. В конечном итоге это оказалось заполнением уже упомянутых неоднократно жилищ, примыкающих к внутренней стороне палисады, которые сгорели при осаде.

Машкэуць–Деалул чел Маре. А. Заноч предполагает наличие оборонительной линии в виде вала или палисады (Zanoci, Matveev 2002, 85-86). Внешний "вал" поселения имеет в длину свыше 850 м, ширину в основании 4 м и высоту 0,3 м. По уточненным данным в скальной породе под основанием вала были обнаружены два параллельных ряда столбовых ям, расстояние между рядами 1,2 и 1,8 м. Аналогичную конструкцию имел и внутренний вал (Zanoci 2004, 46). Представленный профиль (рис. 2,3) мало информативен и невыразителен, а расположение столбовых ям от якобы *параллельных* (курсив мой, А.Л.) рядов деревянного каркаса палисады (Zanoci 2004, 65, fig. 8) выглядит по рисунку несколько иным, что заставляет задуматься над нашими познаниями в области геометрии. Не вдаваясь в комментарии, осмелимся предположить, что это "городище" не что иное, как обычное неукрепленное поселение гетов.

Машкэуць–Четате (Пояна Чукулуй). По результатам раскопок 2001-2002 гг. С. Мустяцэ приводит следующую информацию. На мысу, в местности Пояна Чукулуй, существует целый комплекс фортификационных сооружений античного периода (IV-III вв. до н.э..), включающих пять оборонительных линий (Musteață 2004, 89). Если считать с внешней стороны, то *первая* линия это ров номер 1, в южном профиле которого выделяются следы возможной палисады (*второй* оборонительной линии), обустроенной на восточном краю рва. Второй и третий рвы (*еще две* оборонительные линии), по данным автора раскопок, практически составляют двойной защитный ров, таким образом, являясь целостным защитным сооружением. *Перед* (курсив мой, А.Л.) рвом номер 2 (с внешней стороны) была обустроена деревянная палисада (*пятая* по счету линия или третья по порядку), состоящая из двух рядов бревен внушительной толщины. Она была разрушена в результате пожара. Внутренняя площадь городища расположена восточнее рва номер 3, где также были обнаружены гетские сооружения.

Такова почти дословная информация, приведенная С. Мустяцэ – с полным отсутствием цифр и рисунков, а также логики в расположении оборонительных линий. Кроме того, умест-

но ввести и небольшую корректировку по отношению к понятию "оборонительная линия". Даже по отношению к современности понятие "оборонительная линия" подразумевает *систему* оборонительных и фортификационных сооружений. Что касается гетских городищ (и других), то оборонительная линия представляет собой систему, состоящую изо рва и палисады и, на некоторых из них, бастионы. Таким образом, не отрицая наличие в данной местности древностей относящихся к культуре гетов, опубликованная информация комментариям не поддается. Единственное, что следовало бы добавить, это то, что на данном памятнике могут быть остатки только двух античных оборонительных линий.

Требужень–Потырка. По данным И.Т. Никулицэ и А. Заноч (2001, 109-112) поселение защищено с юга двумя земляными валами и рвами (рис.). Из опубликованного технического отчета о раскопках нам удалось выудить некоторую дополнительную информацию, так как описанию по штыкам прилагались рисунки разрезов (Niculiță ş.a. 1999, 279-343). Мы сопоставили данные обеих публикаций и дополнили информацию относительно восстановленной ими картины конструктивных особенностей оборонительных сооружений.

Внутречняя линия построена на основе деревянного каркаса, напоминающего частокол, сооруженного на уровне древней поверхности и забутованного камнем, щебнем, глиной и землей. Следы 18-ти обугленных продольных и поперечных балок обнаружены в насыпи вала до глубины 1,4 м. С внешнего края он примыкал к краю рва и был укреплен стеной из кусков необработанного камня или обычной глиной и землей. С внутреннего края каркас засыпали землей, что делало его пологим. Сверху накрывали слоем камней, многие из которых со следами обработки. На подготовленном таким способом валу строили (*другой* – А.Л.) деревянный частокол. Его следы, в виде обугленных вертикальных бревен, выявлены во всех *пяти* траншеях, посредством которых исследовались валы. Ширина вала в основании 14 м и высота 2,2 м. Прилегающий ров с пологими скатами имеет ширину 8 м, при максимальной глубине в 2,1 м. Деревянный частокол был сожжен. Обугленные вертикальные бревна выявлены в заполнении вала.

Внешняя линия сооружена несколько иначе, но тем же способом, в виде деревянного частокола на уровне древней поверхности, от которого сохранились две параллельные траншеи. Это сооружение имело ширину до 1,2 м. На расстояние 8 м от него в каменной скале был вырыт ров шириной до 8 м, при глубине до 1,9 м от уровня древней поверхности. С течением времени на частокол был возведен вал, который в верхней части был покрыт каменным настилом. На гребне вала был сооружен деревянный частокол. Его следы, в виде обугленных вертикальных и горизонтальных бревен, выявлены в верхней части вала. Ширина вала в основе составляет 16 м, при максимальной высоте 2,1 м. Почти по середине этих оборонительных линий был вход на городище, обозначенный широкими проёмами (Никулицэ, Заноч 2001, 109-111).

Опубликованная информация очень трудно поддается расшифровке, тем более что разрез обеих оборонительных линий дан в очень мелком масштабе и почти не читаем. Из опубликованного текста явствует, что обгоревшие бревна из заполнения внутреннего вала трактованы исследователями как остатки первоначального каркаса-частокола и как остатки деревянного частокола на гребне вала. При всём этом остатки верхнего частокола догорели во всей толще земляного вала. Нам очень трудно все это представить. Это, пожалуй, возможно, только в том случае, когда горящий деревянный каркас стен палисады был затушен высыпающимся грунтом из внутреннего заполнения клетей. В такой трактовке информация приобретает смысл. В таком случае приобретает смысл, и наличие слоя камней в верхней части заполнения вала – это расползшийся настил. Что касается рва, то он явно не раскопан до дна. Это хорошо видно по, более крупномасштабной, прорисовке рва внешней оборонительной линии (рис. 2,2). Его ступенчатость со стороны палисады почти полностью "скопирована" с прорисовки рва городища Матеуцы. Сам прилегающий вал, по описанию, имеет аналогичную первому структуру, но здесь вклинились параллельные траншеи от первоначального частокола, на отдалении 8-ми (?) метров от края рва. Судя по рисунку, они не имеют никакого отношения к палисаде. Прерывистость слоев по середине

квадрата 6, напротив, позволяет предположить, как и на других городищах, наличие остатков сгоревшей жилой постройки, примыкающей к внутренней стене палисады. Доказательством тому служат и целые лепные сосуды, выявленные в пределах внутреннего ската (кв. 4) внешнего вала, а также те 6 горшков, обнаруженных в аналогичных условиях (кв. 6) внутреннего вала (Niculiță ş.a. 1999, 284, 290; fig. 3-5, 9-12). При наличии многочисленных загадок в расшифровке строительных особенностей оборонительных линий городища, неоспоримыми остаются некоторые элементы, характерные для большинства укрепленных поселений, в том числе, Сахарна–Ла Ревекин.

Бутучень. Раскопками Г.Д. Смирнова и И.Т. Никулицэ исследованы сложные по конструкции оборонительные линии, охватывающие Бутученский мыс. Г.Д. Смирнов успел опубликовать свои исследования лишь очень кратко и в общих чертах (Смирнов 1954, 24-25). И.Т. Никулицэ уже ввёл частично в научный оборот результаты его работ (Никулицэ, 1987) и продолжил исследования большей части оборонительных сооружений (Niculiță ş.a. 1995, 472-490). По последним уточненным данным на мысу были два городища – западное и восточное (Никулицэ, Заноч 2001, 107). Просмотрев публикации, связанные с оборонительными сооружениями на Бутученском мысу, нам с трудом представляется возможным выделить на местности признаки двух городищ. Кроме этого остается много загадок по поводу периодов строительства и перестроек на западной половине мыса и, в конечном итоге, время функционирования всего укрепленного комплекса. Все это ещё предстоит осмысливать, так как проверить в процессе раскопок вряд ли уже станет возможным. Городище считается полностью исследованным.

По данным авторов раскопок *первоначально* поселение (70 х 50 м) было защищено с востока и запада валами и рвами (3 и 7), которые не сохранились. На месте восточного вала выявлены два ряда ям от столбов, врытых в скальную породу и пересекающих мыс поперек. Возможно, вал был сооружён из двух рядов вертикальных столбов, забитых в скальную породу на расстоянии 7,2 м. Пространство между ними было заполнено в основании большими необработанными камнями, перекрытыми утрамбованным слоем щебня и земли. Ров, шириной 4,6-6,4 м и глубиной 2,6-3,6 м, был вырыт в скальной породе с восточной стороны. Аналогичная линия обороны, по форме, размерам и конструкции была воздвигнута и с западной стороны (Никулицэ, Заноч 2001, 108). При внимательном анализе плана и разреза этой линии (Niculiță, Teodor, Zanoc 1995, 484), выясняется, что ямы от столбов деревянных клетей расположены с ***внешней (?)*** стороны рва. Этот факт в тексте не комментируется, так как и о ямах ничего не упоминается. По мнению авторов раскопок, эти оборонительные линии были снивелированы в конце V – начале IV в. до н.э.

При расширении площади поселка (215 х 25-50 м) была возведена новая оборонительная линия (4 и 6). Речь идет о палисаде, из двух параллельных заборов, которая защищала поселение с восточной, южной и западной стороны. Пространство между ними, шириной 1,8-2,5 м, забутовывалось землёй и камнями, а внешняя деревянная стена обмазывалась глиной, о чем свидетельствуют многочисленные куски обмазки из траншей палисады и возле них. В западной части палисада была двойной и, в пространстве между стенами, был выкопан ров шириной 4 м и глубиной 2 м. Аналогичный ров был вырыт и перед палисадом, с восточной стороны. Дополнительно этот вход был защищен каменной стеной и бастионами, построенными в 13 м к востоку от рва. Почему эта фортификационная система прекратила своё существование к середине III в. до н.э. – не объясняется. Однако в конце III века были построены новые фортификационные сооружения (Никулицэ, Заноч 2001, 107-108).

Последняя оборонительная линия, сохранившаяся до настоящего времени (2 и 1), представлена валами и рвами. Изучению подвергалась только восточная линия (вторая), которая была исследована двумя траншеями (2 и 6) в ходе раскопок 1983-1985 гг. (Никулицэ 1987, 90-91). Вал шириною 10 м в основании, при максимальной высоте 1 м, был заложен из крупных камней в основании и забутовкой из земли и щебня. На внутреннем скате вала, под слоем щебня и земли, были обнаружены остатки развала наземной постройки с гетской лепной керамикой и фрагментами греческих амфор. Непосредственно к валу, с восточной стороны,

примыкал ров, вырытый в скальной породе, шириной 9 м (6,6 м), при глубине 3,3 м (3 м) от уровня древней поверхности. В его заполнении, кроме эллинистических амфор, выявлены фрагменты золотоордынских горшков. Относительно времени прекращения существования этой фортификационной системы ничего не говорится.

Проанализировав внимательно описание восточного вала (рис. 2,4-5), в сопоставлении с рисунками двух разрезов одной и той же линии, хотя они и отнесены к разным оборонительным системам (Никулицэ 1987, 90-91 рис. 13), мы позволим себе небольшие комментарии. Во-первых, при отсутствии планов, в разрезе раскопа 6, на границе вала и рва, в профиле четко читается столбовая яма, которая явно имела отношение к деревянной клети палисады. В тексте она не упоминается, как и ямы 7-ой линии. Во-вторых, в обоих разрезах на внутреннем скате хорошо читается прерывистость, сравнительно, однородного чередования слоёв заполнения вала. В тексте даже уточняется, что в раскопе 6 обнаружены остатки постройки с гетской лепной керамикой и, судя по материалам из вала, он был сооружён в IV в. до н.э.. Вся эта ситуация сильно напоминает остатки жилищ примыкающих к внутренней стене палисады, о которых мы уже неоднократно упоминали. Признаки таких жилищ присутствуют и вдоль деревянной палисады, о которой пишут, что с внешней стороны была обмазана глиной для защиты от поджогов (Никулицэ, Заноч 2001, 108). Не было смысла этого делать. В другие подробности вникать не будем, так как нужно пересмотреть многие вопросы, которым не место здесь.

Бутучень–восточное городище (?). С северной стороны было защищено валом и рвом. Вал был построен из деревянных клетей, забутованых щебнем и землей, от которых сохранились обугленные бревна. Ширина вала в основании 18-21 м, при общей высоте в 2,5-3 метра. Выкопанный в скальной породе с северной стороны ров имел глубину 2,2 м, при ширине устья 6 м и основания 3 м. С южной стороны городище было защищено палисадом из двух рядов столбов, расположенных на расстояние 0,6-0,8 м. Пространство между заборами заполнялось камнями, щебнем и землей. Сохранились обугленные бревна. Культурный слой на этом городище отсутствует (Никулицэ, Заноч 2001, 109).

Столничень. Городище укреплено двойными валами со рвами. По данным авторов раскопок, В. Сырбу и Т. Арнэут (рис. 2,6), *внешний* ров с покатыми стенами имеет ширину 5-5,5 м и глубину более 2 м, а вал, при ширине в основание 14 м, возвышается на 4 м над уровнем древней поверхности. Для придания стабильности в процессе возведения были использовано несколько подсыпок лёссовой породы, взятого поблизости, а также пески и почва, извлечённые изо рвов. Следы палисады не были обнаружены.

Ров между валами с плавным переходом вала в ров, имеет максимальную ширину 6 м и глубину 4 м. *Внутренний* вал, шириной 10 м и высотой 2,2 м – без каких либо видимых напластований, однако на внутреннем скате отмечены прожоги, зола и обожжённая глина, а также небольшое количество культурных остатков. Данных о наличии палисады нет.

Для стабильности валов и рвов вся конструкция была перекрыта сплошным слоем лёсса, до одного метра по дну рвов и более чем двумя метрами на валах (Sîrbu, Arnăut 1995, 379-380). Разница высот, между верхом внешнего вала и дном рва между валами, составляет 11,5 м (высота 3-х этажного дома?!), что по представленным фотографиям (Sîrbu, Arnăut 1995, fig. 9,10) и собственными наблюдениями является малозероятным. Сравнительный анализ фотографий позволяет предположить, что размеры оборонительных сооружений преувеличены, а красивый рисунок разреза не соответствует реальной ситуации и комментарию не поддаётся. Все эти данные нуждаются в уточнениях.

Из утомительного перечисления размеров и конструктивных особенностей оборонительных сооружений, отмеченных исследователями при раскопках на гетских городищах лесостепи Днестровско-Прутского междуречья, все же напрашиваются определенные выводы:

1. Несмотря на разнобой представленных фактов становится ясным, что в основу оборонительных сооружений большинства перечисленных городищ стоит не земляной вал, а палисада в виде двух параллельных рядов вертикально вкопанных бревен или деревянные клети. Нынешние валы с многочисленными напластованиями являются не чем иным как расползши-

мися остатками заполнения деревянной палисады, которая сгорела, была разобрана или сгнила со временем.

2. Ров, который образовался, как считают некоторые, в результате выемки грунта для сооружения палисады (как наполнитель), в основном имел оборонительные функции, хотя мы склонны считать такого рода назначение обязательным для него всегда. В большинстве случаях, когда отмечена небольшая глубина рва и однородное его заполнение, можно быть уверенным, что он в процессе исследования не был докопан и был изъят только затёчный грунт. Его глинистое или щебневое заполнение воспринято как материковый грунт, которым представлен реальный материк на этих памятниках.

3. Судя по не всегда точным рисункам разрезов оборонительных сооружений, во многих случаях с внутренней стороны палисады угадывается наличие жилых конструкций, примыкающих к её стене. Кстати, это вполне логично, ведь это самое безопасное место при обстреле и, кроме того, во многом экономит силы и средства при сооружении жилищ. Для малых городищ это должно быть закономерностью.

4. На основной части исследованных городищ отмечены следы пожарищ, а среди остатков разрушенных палисад найдены человеческие кости и скелеты (Рудь–Ла Шанцурь, Сахарна–Ла Ревекин). Человеческие останки в непогребальных позициях обнаружены и внутри некоторых городищ (Рудь–Ла Шанцурь, Столничень). Несомненно, они свидетельствуют о насильственной гибели людей и самих укрепленных поселений. Это "мертвые городища". Жизнь на них не возрождалась.

5. Самые поздние из датированных гетских материалов, выявленных на исследованных городищах, не выходят за рамки третьей четверти IV века до н.э.. Следующий хронологический пласт находок, выявленный на некоторых из них, связан с приходом бастарнов.

Библиография

Златковская 1966: Т.Д. Златковская, Городище Матеуцы. В кн.: Новое в советской археологии (Москва 1966), 220-225.

Златковская, Полевой 1969: Т.Д. Златковская, Л.Л Полевой, Городища Прутско-Днестровского междуречья IV-III вв. до н.э. и вопросы политической истории гетов. МИА СССР 150, 1969, 35-50.

Лапушнеан, Романовская 1972: В.Л. Лапушнеан, М.А. Романовская, О работе гетского отряда. В сб: АО 1971 года (Москва 1972), 450.

Левинский 2002: А.Н. Левинский, Реконструкция фортификационного сооружения гетского городища VI-IV вв. до н.э.. "Сахарна – Ла Ревекин". В сб: Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V век н.э.) (Тирасполь 2002), 256-258.

Левинский, Коваленко 2004: А. Левинский, С. Коваленко, Городище гетов на Днестре – "Сахарна – Ла Ревекин". В сб: Thracians and circumpontic World. IX-th International Congress of Thracologi (Chişinău 2004), 90-91.

Масленников и др. 1974: А.А. Масленников, М.А. Романовская, А.А. Юшко, Раскопки на городище Рудь. В сб: АО 1973 года (Москва 1974), 424-426.

Мелюкова 1954: А.И. Мелюкова, Результаты раскопок на двух поселениях скифского времени в Молдавии. КСИИМК 56, 1954, 59-68.

Никулицэ 1987: И.Т. Никулицэ, Северные фракийцы в VI-I вв. до н.э. (Кишинев 1987).

Никулицэ, Заноч 2001: И. Никулицэ, А. Заноч, Фрако-гетские поселения I тыс. до н.э. в центральных Кодрах Молдовы. Carpatica 13 (Ужгород 2001), 107-115.

Пассек 1949: Пассек Т.С. Археологические разведки в Молдавии. КСИИМК 26, 1949, 57-68.

Романовская. 1971: М.А. Романовская, Раскопки на гетском городище Рудь. В сб: АО 1970 года (Москва 1971), 358-359.

Романовская. 1973: М.А. Романовская, О работе гетского отряда. В сб: АО 1972 года (Москва 1973), 415-416.

Романовская. 1975: М.А. Романовская, Работы гетского отряда. В сб: АО 1974 года (Москва 1975), 446.

Романовская. 1976: М.А. Романовская, Исследования на городище Рудь. В сб: АО 1975 года (Москва 1976), 476.

Романовская и др. 1977: М.А. Романовская, П.Г. Гайдуков, Н.М. Макаров, А.В. Варенов, Раскопки городища Рудь. В сб: АО 1976 года (Москва 1977), 459-460.

Смирнов 1949: Г.Д. Смирнов, Итоги археологических исследований в Молдавии в 1946 г. Ученые Записки 2, 1949, 189-202.

Смирнов 1949а: Г.Д. Смирнов, Скифское городище и селище "Большая Сахарна". КСИИМК 26, 1949, 93-96.

Kašuba ş.a. 2000: M. Kašuba, V. Haheu, O. Levițki. Vestigii traco-getice pe Nistrul Mijlociu. Bibliotheca Thracologica (XXXI) (Bucureşti 2000).

Levinschi 2001: Al. Levinschi, Date preliminare privind datarea complexelor fortificației getice "Saharna–La Revechin". Tyragetia 10, 2001, 103-112.
Levinschi 2003: Levinschi Al. Limita cronologică superioară a fortificațiilor getice din zona Saharna–Rezina. In: Interferențe cultural-cronologice în spațiul nord-pontic (Chișinău 2003) 261-284.
Levinschi 2004: Al. Levinschi, Fortificația getică "Saharna–La Revechin" (cercetările din anii 2000-2002). In: Cercetări arheologice în Republica Moldova (2000-2003) vol I (Chișinău 2004) 64-80.
Levinschi, Covalenco 2002: Al. Levinschi, S. Covalenco, Raport științific privind rezultatele investigațiilor arheologice în fortificația getică "Saharna–La Revechin", campania 2001. (Chișinău 2002).
Levinschi ș.a. 1999: Al. Levinschi, O. Șcipachin, Gh. Dulea, Rezervația istorico-naturală "Saharna" – primele investigații. Tyragetia 8, 1999, 51-68.
Levinschi ș.a. 2002: Al. Levinschi, S. Covalenco, E. Abâzov, Fortificația getică "Saharna–La Revechin" – sistemul defensiv. Tyragetia 11, 2002, 41-48.
Munteanu 2004: O. Munteanu, Preliminarii privind sistemul defensiv de la Cosăuți, județul Soroca. In: Cercetări arheologice în Republica Moldova (2000-2003) (I) (Chișinău 2004), 91-96.
Munteanu 2004a: O. Munteanu, Les elements du systeme defensif de Cosăuți. În: Thracians and circumpontic World (II) (Chișinău 2004), 82-103.
Musteață 2004: S. Musteață, Unele considerații preliminare privind reyultatele cercetărilor arheologice din cadrul cetății getice Măşcăuți-Cetate. In: Thracians and circumpontic World. IX-th International Congress of Thracologi. (Chișinău 2004), 88-90.
Niculiță ș.a. 1995: I. Niculiță, S. Teodor, A. Zanoci, Săpăturile arheologice de la Butuceni, raionul Orhei (1993-1994). In: Cercetări arheologice în aria nord-tracă (I) (Bucureşti 1995), 472-490.
Niculiță ș.a. 1999: I.T. Niculiță, S. Matveev, Ed. Potângă, Cetatea dreaco-getică Potârca. In: Cercetări arheologice în aria nord-tracă (III) (Bucureşti 1999), 279-343.
Niculiță ș.a. 2002: I. Niculiță, S. Teodor, A Zanoci, Butuceni. Monografie arheologică. Bibliotheca Thracologica (XXXVI) (Bucureşti 2002).
Niculiță, Zanoci 2004: I. Niculiță, A. Zanoci, Sistemul defensiv la traco-geții din regiunea Nistrului Mijlociu. In: Thracians and circumpontic World (II) (Chișinău 2004), 104-129.
Pavlov 2000: M. Pavlov, Materiale antropologice şi arheozoologice de la cetatea Rudi – La Șanțuri. Tyragetia 9, 2000, 113-118.
Sîrbu Arnăut 1995: V. Sîrbu, T. Arnăut, Incinta fortificată de la Stolniceni, raionul Hâncești – Rep. Moldova. In: Cercetări arheologice în aria nord-tracă (I) (Bucureşti 1995) 378-400.
Teaciuc, Zasâpchin 2000: M. Teaciuc, G. Zasâpchin, Date noi de la cetatea Rudi – La Șanțuri. Caracterizarea tipologică şi cronologică a complexelor închise. In: Tyragetia 9, 2000, 101-112.
Usataia, Levinschi 1995: E. Usataia, Al. Levinschi, Saharna. In: Cronica cercetărilor arheologice (XXIX) (Cluj-Napoca 1995) 76-77.
Zanoci 1998: A. Zanoci, Fortificațiile geto-dacice din spațiul extracarpatic în secolele VI-III a.Chr. (Bucureşti 1998).
Zanoci, Matveev 2002: A. Zanoci, S. Matveev, Situl traco-getic Maşcăuți – Dealul cel Mare. In: Карпати в давнину (Матеріали міжнародного симпозіуму). Carpatica – Карпатика 15 (Ужгород 2002) 85-98.
Zanoci 2004: A. Zanoci, Traco-geții din bazinul Răutului Inferior. Cetatea Măşcăuți "Dealul cel Mare". In: Thracians and circumpontic World (II) (Chișinău 2004) 45-81.
Zanoci, Moldovan 2004: A. Zanoci, V. Moldovan, Getic citadel Saharna – "La Șanț. In: Thracians and circumpontic World (II) (Chișinău 2004) 130-138.

Александр Левинский,
Национальный Музей Истории Молдовы,
ул. 31 Августа 121А, MD-2012, Кишинэу, Республика Молдова

DIFUZAREA AMFORELOR GRECEŞTI ÎN REGIUNEA NORD-VEST PONTICĂ ÎN SECOLELE VI – V A.CHR.

Natalia Mateevici, Chişinău

Secolele VI-V a.Chr., reprezintă etapa de debut a relatiilor comerciale greco–barbare în regiunea bugo-carpatică. Centrele producătoare greceşti, care sunt antrenate în acest proces în perioada respectivă sunt: Chios, Lesbos, Samos, Klazomene, Thasos şi centrul neidentificat, care producea amfore ale aşa numitului tip Prothothasos. Dintre cele 21 de monumente barbare în care a fost semnalat materialul amforistic grecesc din sec. VI-V a.Chr., 6 sunt aşezări fortificate, 9 - aşezări nefortificate şi 6 complexe funerare. Este evident şi faptul că scopul principal al coloniştilor greci, la momentul întemeierii coloniilor în teritoriile populate de autohtoni, era nu atât stabilirea şi dezvoltarea relaţiilor economice cu indigenii, ci mai degrabă dezvoltarea propriei producţii agrare şi meşteşugăreşti. Cu certitudine, la această etapă a relaţiilor greco-indigene produsele greceşti, ce necesitau ambalaj amforistic, erau destinate doar aristocraţiei tribale, care era principalul consumator al acestora. Majoritatea complexelor funerare barbare din această perioadă, ce conţin ambalaj amforistic drept inventar de ofrandă, aparţin reprezentanţilor păturii sociale înstărite a indigenilor. Piesele amforistice descoperite în habitatele barbare din această perioadă, provin, de regulă, din complexele locative, care ar putea aparţine aristocraţiei locale. Deja în sec. VI a.Chr. societatea barbară din această regiune, în special triburile geţilor ca comunităţi agricole sedentare, atinseseră un nivel avansat al dezvoltării economice, care putea crea condiţii adecvate pentru realizarea mărfurilor greceşti şi era aptă pentru întreţinerea unor relaţii de schimb cu societatea sclavagistă greacă.

Вторая половина VI-V вв. до Р.Х. является начальным периодом коммерческих отношений между греками и варварами в Бугo-Карпатском регионе. В этом периоде устанавливаются отношения с несколькими греческими центрами-производителями, прежде всего средиземноморскими и эгейскими, включая такие как Хиос, Лесбос, Клазомены, Самос, Фасос, а также неизвестный центр, производивший так называемые протофасосские амфоры. Необходимо отметить, что главными потребителями греческих товаров, привозимых в амфорах, в варварскую среду Бугo-Карпатского региона, в VI-V вв. до Р.Х. были северные земледельческие общества фракийцев. Из 21 памятника, где были выявлены греческие амфоры, 15 причадлежат оседлому гетскому населению и всего 6 скифским кочевникам. О том, что племенная аристократия являлась главным потребителем греческого вина, которое на данном временном промежутке стоило немалых денег, доказано и другими артефактами с варварских памятников, присутствие которых указывает их принадлежность бесспорно зажиточным слоям варварского населения. Уже в VI в до Р.Х. местные варварские общества достигли определенного политического и экономического развития, которые позволили вступить им в контакт, иногда даже на приоритетных началах с пришлым греческим населением и начать с ним торговые отношения.

The 2nd half of the 6th–the 5th century B.C. is the initial period of trade relations between Greeks and Barbarians in the Bug-Carpathian Region. At that time the relations with certain Grecian centres of production were established. These are Chios, Lesbos, Klazomenai, Samos Thasos, and an unknown centre produced so-called proto-Thasos amphorae. It is necessary to mark that the main consumer of Grecian goods imported in amphorae to the Bug-Carpathian Region in the 2nd half of the 6th–the 5th century B.C. were the northern agricultural communities of Thracians. From 21 monuments where Grecian amphorae had been discovered 15 ones belonged to the Getian settled population and only 6 ones were of Scythian nomads. The main consumer of Grecian wine that at this period of time had had a high price was tribal aristocracy. This fact was confirmed with other artefacts, which had been found at the Barbarian sites and pointed out their belonging to undoubtedly rich groups of the Barbarian population. By the 6th century B.C. local Barbarian communities achieved the certain political and economical development that had allowed them getting into touch with arrived Greek population and establishing trade relations with them, sometimes even with a priority.

Perioada cronologică, plasată între a doua jumătate a sec. VI şi sec. V a.Chr., reprezintă etapa de debut a relaţiilor comerciale greco–barbare în regiunea bugo–carpatică. Numărul centrelor producătoare greceşti, care sunt antrenate în acest proces în perioada respectivă, este destul de "modest", cuprinzând doar câteva centre mediteraneene: Chios, Klazomene, Lesbos, Samos, Thasos şi centrul neidentificat, care producea amfore ale aşa - numitului tip Prothothasos.

Amforele timpurii de Chios sunt atestate în 15 puncte, dintre care trei sunt complexe funerare. Printre aceste exemplare sunt atestate atât amfore chiote timpurii cu gâtul umflat, cât şi cele cu gâtul cilindric.

Cele mai timpurii amfore chiote cu gâtul umflat, datate după Ruban (Рубан 1982, 96-112) cu sfârşitul sec. VI–primul sfert al sec. V a.Chr., au fost atestate la cetatea getică Stânceşti (fig. 2,4.8), unde alături de mai multe fragmente de amfore ale acestui tip, a fost descoperită şi o amforă întregibilă (Florescu, Raţă, 1969,12) (fig. 2,3)[1]. Fragmente de gâturi şi picioruşe, aparţinând amforelor chiote cu gâtul umflat, cu o da-

[1] Materialul amforistic inedit ne-a fost oferit pentru cercetare de către dna S. Teodor, căreia îi aducem sincerele noastre mulţumiri şi pe această cale

tare analogică, au fost sesizate la aşezarea Brădiceşti, în punctul Odaie – Dealul Beschiei, datate cu sec. V a.Chr. (Iconomu 2002, 61 fig. 12,2). Credem, totuşi, că piesele ar putea fi datate cu prima jumătate a sec. V a.Chr. (fig. 2,7). Fragmente de amfore chiote timpurii au fost sesizate şi în cetatea Hârtopul Mare (fig. 2,11), care, în lucrările despre rezultatele investigaţiilor, cu toate că sunt ilustrate, nu sunt menţionate în text (Cebotarenco 1997, 219; Чеботаренко, Субботин 2000, 132 рис. 3,13). Fragmente de vase similare sunt descoperite la aşezarea mixtă Majaki (Черняков 1960, 200) (fig. 2,19). În aşezările Gradenicy III şi Hansca au fost semnalate fragmente de amfore chiote timpurii, ce la fel se încadrează în perioada cuprinsă între sfârşitul sec. VI–sec. V a.Chr. (Мелюкова 1963, 70-72; Arnăut 2003, 90).

Fragmente de amfore chiote cu gâtul umflat, care sunt datate în prima jumătate a sec. V şi al treilea sfert al aceluiaşi secol au fost semnalate în cetatea getică de la Butuceni, printre care menţionăm mai multe fragmente de picioruşe, buze, gâturi (Niculiţă, Banaru 1997, 373-383; Mateevici 1999, 86; Mateevici 2000, 77) (fig. 2,9.12.18-19). La Butuceni mai remarcăm şi fragmente de amfore chiote timpurii cu gâtul cilindric, producerea cărora începe din al treilea sfert al sec. V a.Chr. (Mateevici 1999, fig. 1.3-6) (fig. 2,13-16.22).

Prezenţa amforelor cu gâtul umflat încadrate între sfârşitul sec. VI şi prima jumătate a sec. V a.Chr. a fost semnalată la aşezarea Ciobruciu (Щербакова 1997, 169; Iarovoi, inedit, piesele se păstrează în Muzeul laboratorului Arheologic al Universităţii din Tiraspol). În aşezarea greco-barbară Novo-Nekrasovka II au fost sesizate fragmente de amfore chiote timpurii, atât cu gâtul umflat, datate cu mijlocul sec. V a.Chr. (fig. 2,5-6), cât şi ale celor cu gâtul cilindric, datarea cărora aparţine celei de a doua jumătăţi a sec. V a.Chr. (fig. 2,17) (Сапожников, Бруяко, Кожокару 1999, 93–94).

O amforă întregibilă cu gâtul umflat a fost recuperată din tumulul 1G de la Adžigol (fig. 2,2), care, în viziunea noastră, conform analogiilor cunoscute, s-ar putea data cu prima jumătate a sec. V a.Chr. Această piesă a fost publicată ce cercetătorul german M. Ebert, însă, fără a se oferi încadrarea ei cronologică (Ebert 1913, 12–13 Abb. 9,10). O altă amforă chiotă întregibilă provine din tumulul scitic de la Ciobruciu (Агульников, Субботин 1997, 186) (fig. 2,1). Piesa a fost găsită împreună cu alte obiecte de ofrandă: vârfuri de săgeţi de bronz, aplică zoomorfă în aur, care pendulează într-un diapazon cronologic destul de larg. Anume amfora chiotă a contribuit la atestarea acestui complex către cea de a doua jumătate a sec. V a.Chr (Рубан 1982, 96-112).

Fragmentul unei amfore chiote cu gâtul umflat a fost depistat şi la fortificaţia Satu Nou II- Novosel'skoe II (fig. 2,24).

Amfore chiote timpurii sunt menţionate şi în aşezarea de la Nemirovo (Вахтина 2000, 216). Lipsa ilustraţiilor tipului de amfore chiote de la aşezarea Nemirovo, nu ne poate oferi posibilităţi pentru o datare mai exactă a pieselor. Bănuim, totuşi, că ar putea fi vorba despre amfore chiote cu gâtul umflat, reieşind din datarea amforelor arhaice de la această aşezare. O situaţie similară se întâlneşte şi în aşezarea Zalissja (Ганина 1984, 77).

Spre regret, însă, o datare mai precisă a pieselor amforistice chiote de la tumulul scitic 7 de la Kovalevka, este imposibilă, deoarece, autorii nu au socotit de cuviinţă să ilustreze piesele, limitându-se doar la menţionarea tipului amforistic chiot: cu gâtul umflat, datându-le tradiţional cu sec. VI-V a.Chr. (Ковпаненко, Бунатян, Гаврилюк 1978, 75).

E greu de spus cu certitudine ceva concret despre aşa-numita amforă «cu gâtul plin», atestată în aşezarea getică Alcedar - La Cordon, datată cu sec. V a.Chr. (Haheu 1998, 120). Această informaţie a fost deja preluată şi de alţi cercetători (Kašuba, Haheu, Levitki 2000, 110). Originalul ne fiind accesibil, se poate constata, că ilustraţia redată de autorul publicaţiei, nici pe departe nu prezintă o amforă chiotă cu gâtul umflat (Haheu 1998, 133 fig. 10,1). Prin urmare, piesa nu poate fi inclusă în această categorie, deşi materiale ceramice de factură locală, ce se încadrează în diapazonul cronologic al sec. VI - V a.Chr., sunt atestate în această aşezare.

Un alt centru grecesc, care exporta marfa în ambalaj amforistic în regiunea vizată în această perioadă, este Lesbosul. Amfore ale acestui polis au fost sesizate în 10 puncte, doar patru dintre care sunt habitate. Cele mai timpurii amfore de Lesbos au fost atestate în aşezarea traco-getică de la Curteni, reprezentate prin mai multe fragmente de toarte (Iconomu 1979, 82). Un gât de amforă de Lesbos a fost descoperit în aşezarea Ciobruciu, fără a fi specificată proveniența ei (Щербакова 1997, 169) (fig. 10, 5). Piesele, provenite din săpături recente, au reconfirmat prezenţa acestui

centru la Ciobruciu, prin fragmentul unui picioruş de amforă roşiatică, aparţinând Lesbosului[1]. Atât datarea pieselor de la Curteni, cât şi celor de la Ciobruciu se încadrează între sfârşitul sec. VI – începutul sec. V a.Chr.

O amforă întregibilă aparţinând acestui polis, a fost recuperată din tumulul scitic 1N de la Adžigol (Ebert 1913, 27 Abb. 28/ ; Монахов 1999, 227 Tab. 93/6) (fig. 1,29). Amfora de la Adžigol iniţial fusese inclusă în acest complex funerar scitic, datat cu primul sfert al sec. IV a.Chr. (Монахов 1999, 226). Totodată, acelaşi autor menţiona prezenţa cel puţin dubioasă a acestei piese în complexul respectiv, întrucât amfora de Lesbos are o cu totul altă datare – începutul sec. V a.Chr. Probabil, primul cercetător al necropolei de la Adžigol nu s–a clarificat pe deplin în stratigrafia tumulului, sub mantaua căruia posibil ca ar mai fi existat şi un alt complex din perioada clasică. Cu atât mai mult că această necropolă, după cum s-a menţionat în cazul amforei chiote, conţinea şi înmormântări din perioada respectivă.

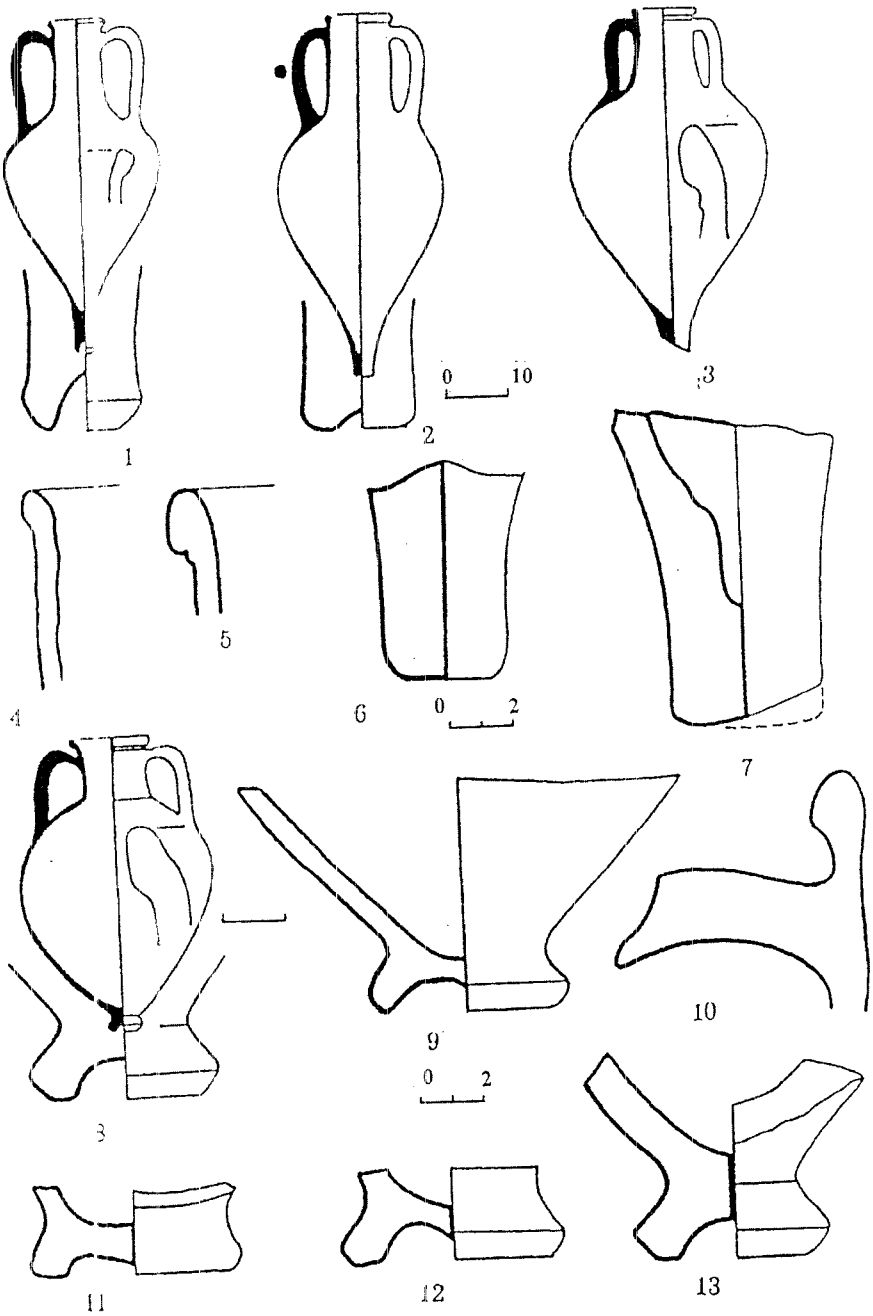


Fig. 1. Amfore de Lesbos şi Samos.

[1] Material inedit studiat de noi, graţie amabilităţii autorilor săpăturii E. Iarovoi, I. Niculiţă, S. Fidelski, cărora le aducem sincerele noastre mulţumiri şi pe această cale.

Mult timp amfora cu corpul bombat din tumulul 7 de la Corjova era considerată ca, aparţinând unui centru necunoscut (Борзияк, Манзура, Левицкий 1981, рис. XII,26) sau unui centru ionian neconcretizat (Arnăut, 2003, 91). Analizând această piesă din punct de vedere morfologic, metric şi structura pastei, putem afirma că recipientul dat este o amforă roşiatică de Lesbos, datată cu prima jumătate a sec. V a.Chr. (fig. 1,3). Recipiente amforistice de Lesbos au mai fost semnalate în necropola de la Majak (fig. 1,1), unde în mormânt alături de amfora propriu – zisă au mai fost recuperate şi alte piese, precum ar fi vârfurile de săgeţi de bronz, care datează între sec. V- IV a.Chr. Autorii publicaţiei, însă, au datat complexul nu după amforă, ci după vârfurile de săgeţi – sec. IV a.Chr. (Субботин, Охотников 1981, 106). Totuşi, cel mai exact reper cronologic timpuriu rămâne amfora, datarea căreia ar fi mijlocul – sfârşitul sec. V a.Chr. Credem că aceeaşi datare o are şi picioruşul de amforă de la necropola Kovalevka II (Ковпаненко, Бунатян, Гаврилюк 1978, 62) (fig. 1,6) şi fragmentul amforistic de la cetatea getică Stolniceni (inedit, fig. 1,7)[1].

Fragmentul ne expresiv al unei amfore cenuşii de Lesbos a fost recuperat din cetatea Butuceni, care poate fi datat în limitele sec V a.Chr. (Mateevici 1999, 178 fig. 1,10). Prezenţa amforelor acestui centru mediteranean este semnalată în aşezările Zalissja (Ганина 1984, 77) şi Ivane-Puste (Ганина 1965, 106-117).

Şi mai mic este numărul monumentelor arheologice la care au fost atestate amfore de Samos – 4, dintre care două sunt complexe funerare. Cea mai timpurie prezenţă a Samosului în regiunea vizată este atestată în aşezarea Curteni, reprezentată fiind prin picioruş şi partea superioară a vasului, datate cu a doua jumătate - sfârşitul sec. VI – începutul sec. V a.Chr. (fig. 1,9-10). Sfârşitul sec. VI – începutul sec. V a.Chr. este perioada vehiculării amforei samiene, întregibile din tumulul scitic 46 (fig. 1,8) şi a fragmentului de picioruş de amforă samiană din tumulul 43 de la Dubăsari (Кетрару, Сорова 1986, 163, рис. 14,6-7) (fig. 1,3). Din recentele cercetări la fortificaţia getică Saharna – La Revechin provine şi fragmentul unui picior de amforă a acestui centru, având o datare asemănătoare (Levinschi, Şcipachina, Dulea 1999, 66-67) (fig. 1,12). Fragmentul unei amfore samiene (picioruş) a fost descoperit în cetatea Butuceni[2] (fig. 1,11).

Thasosul, centru grecesc cunoscut, care în sec. V a.Chr., începe livrarea mărfurilor lichide în amfore în regiunea nord – vest pontică. La etapa iniţială de pătrundere a mărfurilor greceşti în această regiune, prezenţa amforistică thasiană este semnalată deja din prima jumătate - mijlocul sec. V a.Chr. la cetatea Stânceşti prin fragmente de buze[3]. Câteva fragmente de amfore thasiene timpurii au fost recuperate şi la cetatea Butuceni (Mateevici 1999, 17). Precizăm, că piesele din aşezarea Huşi – Corni, considerate de noi iniţial ca aparţinând importului thasian timpuriu (Mateevici 2002, 55-56), în realitate s-au adeverit a fi fragmente de amfore heracleote, cu toate că cercetătoarea S.Teodor le menţionează ca piese de import thasian (Teodor 1981, 185). Ultimele cercetări de teren, efectuate în aşezarea Novo-Nekrasovka II, au scos la iveală şi prezenţa amforelor timpurii ale Thasosului, datarea cărora se încadrează în a doua jumătate a sec. V a.Chr.[4]

Publicând materialul ceramic recuperat din tumulul scitic de la Nicolaevka (Efimovka), cercetătoarea A.I. Meljukova semnalează prezenţa aici atât în mantaua tumulului, cât şi în umplutura mormântului 2, a fragmentelor de amfore protothasiene, datându-le cu sec. VI-V a.Chr. (Мелюкова 1984, 96–97), (apartenenţa acestor piese, a fost stabilită de regretatul savant Iu. Vinogradov). Doar în două puncte ale spaţiului bugo – carpatic a fost sesizată amfora de Klazomene – în aşezările Ciobruciu şi Nemirovo, unde au fost recuperate fragmentele mai multor amfore, aparţinând acestui centru grecesc, printre care toarte de amfore pictate cu vopsea maronie, pereţi, picioruşe, iar mai recent şi buze (Щербакова 1997, 167; inedit[5]) (fig. 2,10.23); (Вахтина 2000, 21). Încadrarea cronologică a importului amforistic al acestui polis corespunde sfârşitului sec. VI şi sec. V a.Chr.

---

[1] Sincere mulţumiri colegului T. Arnăut pentru posibilitatea de a cerceta materialul inedit de la Stolniceni.

[2] Piesă inedită, care ne-a fost oferită cu bunăvoinţă de către autorul săpăturilor I. Niculiţă, căruia îi aducem sincerele noastre mulţumiri şi pe această cale.

[3] Sincerele noastre mulţumiri dnei S. Teodor pentru posibilitatea de a cerceta piesele inedite de la Stânceşti.

[4] Informaţia ne-a fost oferită cu amabilitate de către autorul săpăturilor I. Brujako, pentru care îi aducem sincere mulţumiri.

[5] Mulţumirile noastre autorilor săpăturilor E. Iarevoi şi I. Niculiţă pentru posibilitate de a face cunoştinţă cu aceste piese.

Depistarea la această etapă a 21 de monumente barbare, în care au fost surprinse amfore greceşti, ne vorbeşte în primul rând de situaţia demografică existentă pe atunci în aceste teritorii. Pe de o parte densitatea populaţiei autohtone la această etapă este nesemnificativă, iar pe de alta – comunităţile barbare în sec. VI-V a.Chr. nu ajung încă la un nivel de dezvoltare economică şi politică necesară, care să le permită implicarea masivă în comerţul cu populaţia nou-venită.

A doua jumătate a sec. VI – sec. V a.Chr. semnifică pentru lumea grecească din regiunea circumpontică, perioada de apariţie şi stabilizare a majorităţii aşezărilor întemeiate de către colonişti. Pentru coloniştii şi negustorii greci, interesele prioritare, la acel moment nu erau axate asupra stabilirii relaţiilor comerciale durabile şi permanente cu populaţia locală. Bineînţeles, trebuia să treacă o anumită perioadă de stabilizare în urma căreia să apară necesitatea de a consolida relaţiile comerciale cu băştinaşii.

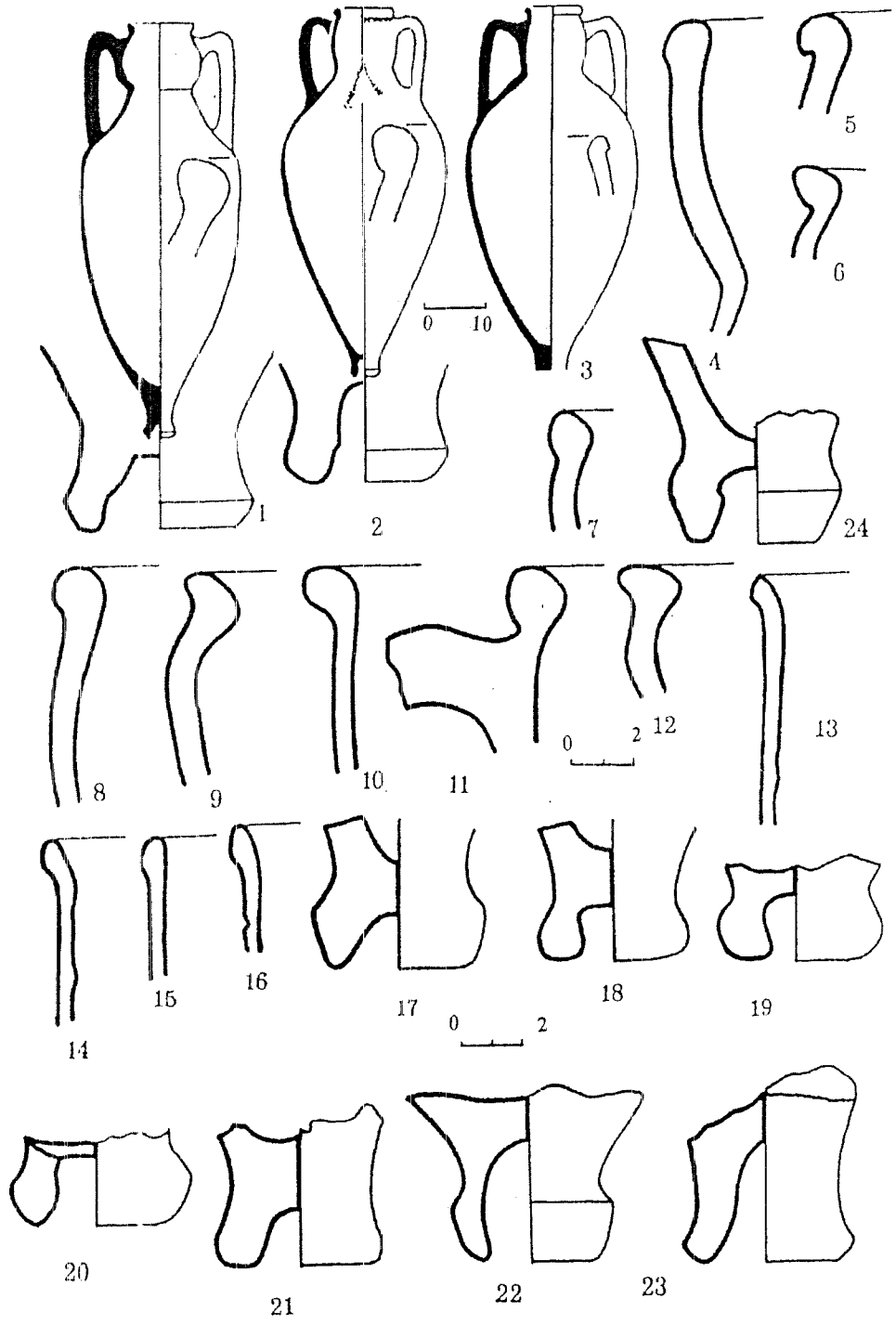


Fig. 2. Amfore de Chios, Klazomene şi Thasos.

Apariția în regiunea nord-vest pontică a mărfurilor grecești din centrele exportatoare, cunoscute în prima fază a dezvoltării comerțului greco-barbar, poate fi explicată și prin faptul că, probabil, aceste centre nu își găseau un debușeu propice pentru realizarea mărfurilor sale în teritoriul grecesc propriu-zis. Aceste polisuri sunt nevoite să-și îndrepte privirile spre alte regiuni, încă nevalorificate, în cazul dat - spre cele circumpontice. Este cunoscut că Atena și Samosul erau principalii producători de ulei de măsline în lumea greacă. Însă datorită puterii politice și celei economice Atena s-a impus pe piața locală, eliminând concurentul principal – Samosul, într-o măsură mai mică, Lesbosul, care s-au văzut nevoiți să-și aleagă alte direcții de comercializare a mărfurilor. O situație similară poate fi urmărită și în privința centrelor exportatoare de vinuri, cum ar fi Korinthul și Chiosul. Primul, în virtutea amplasării sale geografice, dar și fiind probabil mai puternic din punct de vedere politic, deținea întâietatea în comerțul vinicol în Grecia continentală și regiunea mediteraneană (amforele de Korinth din perioada arhaică și clasică în regiunea nord-vest pontică sunt practic inexistente). Acest polis a putut elimina concurența pe plan intern a Chiosului, care, la rândul său, a fost impus să-și caute piețe de desfacere ale mărfurilor sale. Aceste motive stau la baza transformării Chiosului în liderul comerțului vinicol greco - barbar în cea de a doua jumătate a sec. VI-sec. V a.Chr. Drept confirmare ale celor expuse mai sus servește și numărul monumentelor barbare, în care au fost atestate amfore chiote timpurii: din 21 de monumente, la care au fost semnalate amfore grecești în perioada respectivă, 15 conțin amfore chiote.

În susținerea ideii expuse anterior, privind a doua jumătate a sec. VI–sec. V a.Chr., ca perioada de debut a relațiilor comerciale greco-barbare în regiunea bugo-carpatică, vine și numărul neînsemnat de piese amforistice descoperite la monumentele barbare. Dacă în perioada imediat următoare numărul amforelor sesizate la monumentele barbare ale acestei regiuni trece de cifra zecilor, la unele situri, în perioada inițială ele nu depășesc cifra unităților. De obicei numărul amforelor în perioada arhaică nu depășește două sau trei exemplare la fiecare sit.

Dintre cele 21 de monumente barbare în care a fost sesizat materialul amforistic grecesc din sec. VI-V a.Chr., șase sunt așezări fortificate, nouă - așezări nefortificate și șase complexe funerare (harta 1). Cea mai masivă prezență a importului grecesc în această perioadă este cea a Chiosului (harta 2), fiind urmat de Lesbos (harta 3), Samos, Thasos și prothothasos, și Klazomene (harta 4). Răspândirea mai largă în mediul barbar al regiunii nord-vest pontice a amforelor chiote și ale Lesbosului se poate explica prin producerea vinicolă mai dezvoltată și interesele comerciale ale acestora, în special prin faptul că atât Chiosul, cât și Lesbosul, făcând parte din Liga Ateniană, erau într-o situație privilegiată atât din punct de vedere politic, cât și din punct de vedere economic, fapt ce le facilita pătrunderea economică în Pont. (Tucidide Ist. I,19). Prezența „modestă" a importului amforistic samian în mediul barbar al spațiului bugo-carpatic, poate fi explicată nu prin faptul că Samosul nu ar fi putut concura cu celelalte două centre exportatoare grecești, ci printr-un motiv mai simplu. În această perioadă Samosul era principalul exportator al uleiului de măsline în regiunea nord-vest pontică. Cunoaștem, că uleiul de măsline era folosit în cantități mult mai mici decât vinul, deci, și cererea amforelor samiene pe piața circumpontică era mai mică, comparativ cu centrele exportatoare de vinuri.

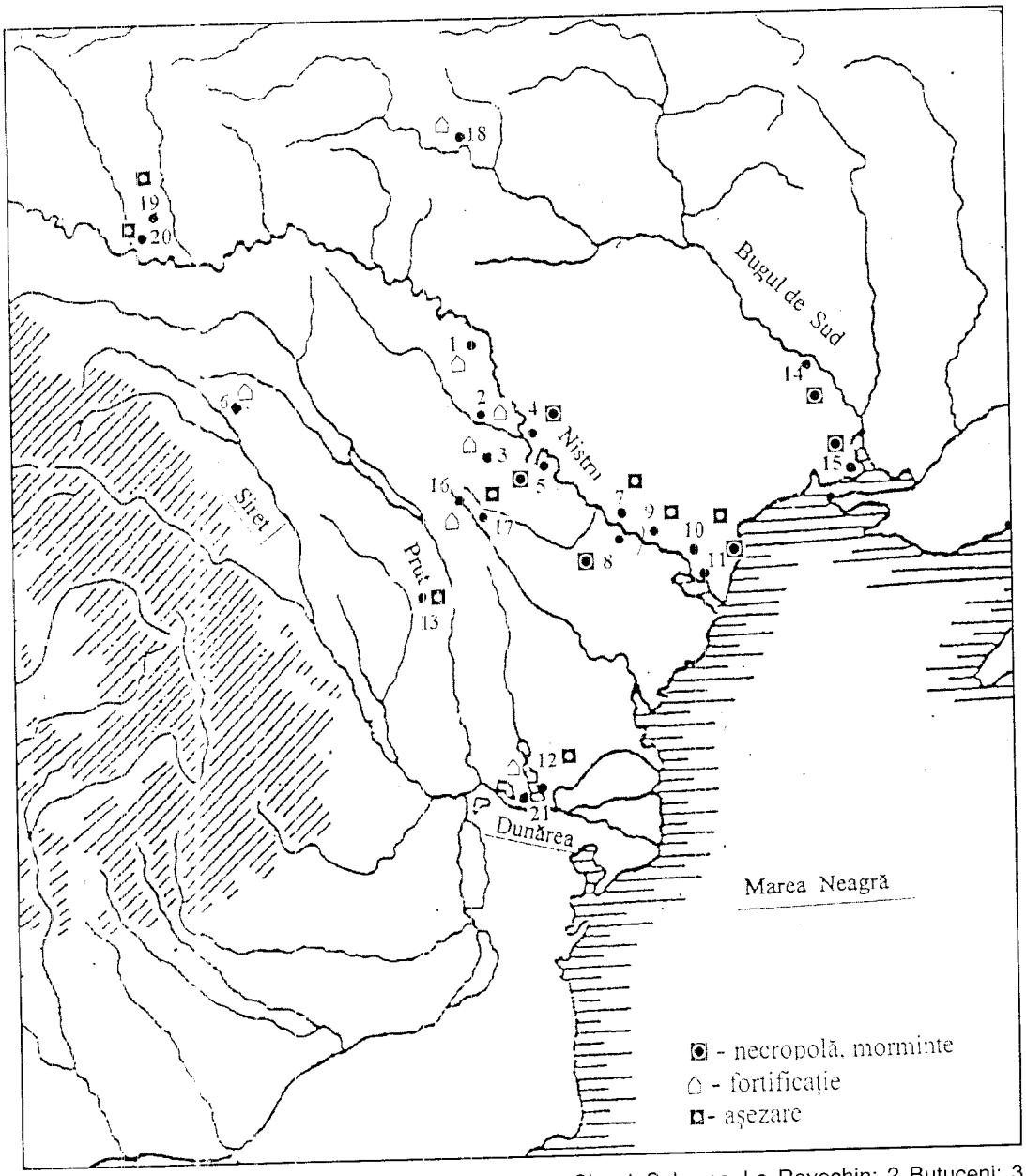
Analiza pătrunderii în mediul barbar al regiunii nord-vest pontice în sec. VI-V a.Chr. a amforelor grecești, demonstrează că, în cele mai multe cazuri, consumatorii principali ai acestor produse erau triburile sedentare ale tracilor septentrionali. Astfel, amfora chiotă este atestată doar la 4 complexe funerare, celelalte 11 fiind habitate, cea de Lesbos, atestată în 6 habitate și 4 complexe funerare, iar amfora samiană, atestată în 4 puncte, dintre care doar 1 fiind complex funerar. Aceeași situație este observată și privind exportul thasian și cel de Klazomene. Una din explicațiile acestui fenomen ar putea fi și faptul că relațiile dintre greci și geți la această etapă purtau un caracter pașnic, ceea ce se explică prin avantajele economice reciproce. De altă ratura erau relațiile noilor – veniți cu sciții, din partea cărora totdeauna persista pericolul unei incursiuni.

Colonizarea teritoriilor nord-vest pontice, în special a regiunii Nistrului Inferior, era strâns legată de cunoașterea de către greci a situației etno - culturale a acestei zone și alegerea unui moment oportun, când relațiile dintre cele trei componente etnice principale: greci, geți și sciți erau pașnice.

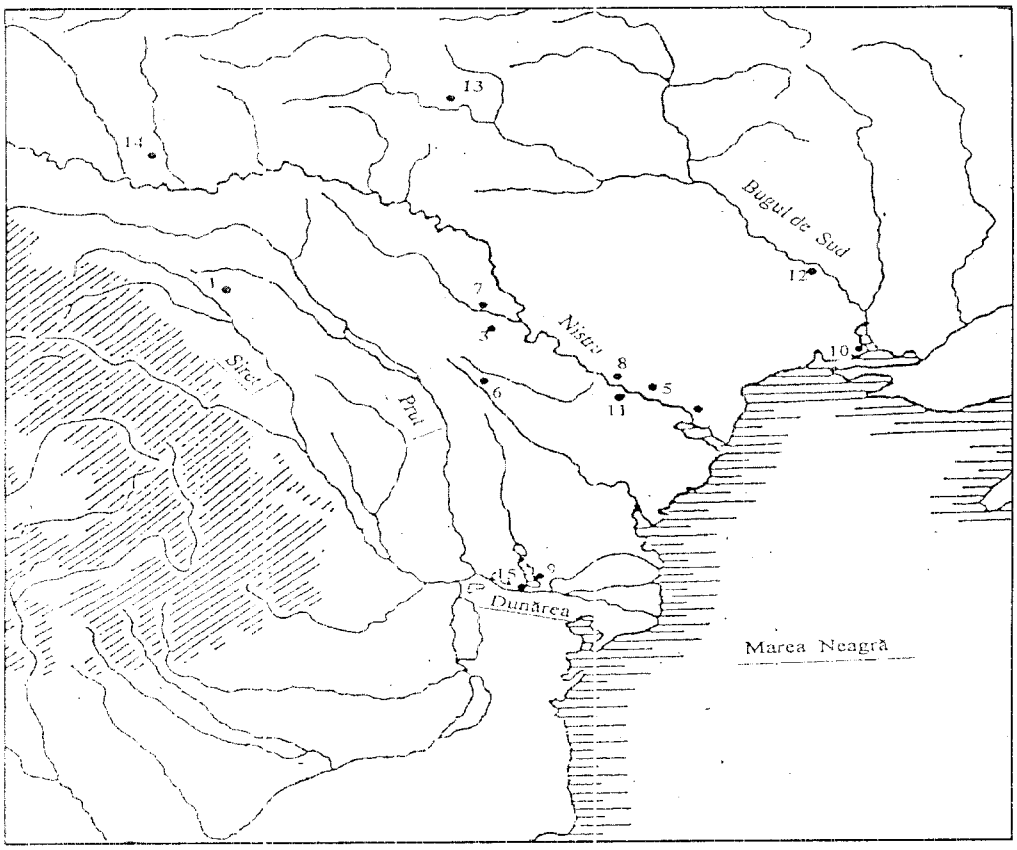
Este evident și faptul că scopul principal al coloniștilor greci, la momentul întemeierii coloniilor în teritoriile populate de autohtoni, era nu atât stabilirea și dezvoltarea relațiilor economice cu indigenii, ci mai degrabă dezvoltarea propriei producții agrare și meșteșugărești (Самойлова 2000, 85-86).

Cu certitudine, la această etapă a relațiilor greco-indigene produsele grecești, ce necesitau ambalaj amforistic, erau destinate doar aristocrației tribale, care era principalul consumator al acestora. Majoritatea complexelor funerare barbare din această perioadă, ce conțin ambalaj amforistic drept inventar de ofrandă, aparțin reprezentanților păturii sociale înstărite a indigenilor. Drept confirmare servesc și alte piese de ofrandă, depistate în aceste complexe: un număr impunător de vârfuri de săgeți și aplici de aur la Ciobruciu (Agulnicov 2003, 43 fig. 2,2), obiecte de bronz, arme, armuri la Adžigol, Dubăsari, Kovalevka II, Majaki (Ebert 1913, 12-13; Кетрару, Серова 1992, 164; Ковпаненко, Бунатян, Гаврилюк 1978, 75; Субботин, Охотников 1981, 106).

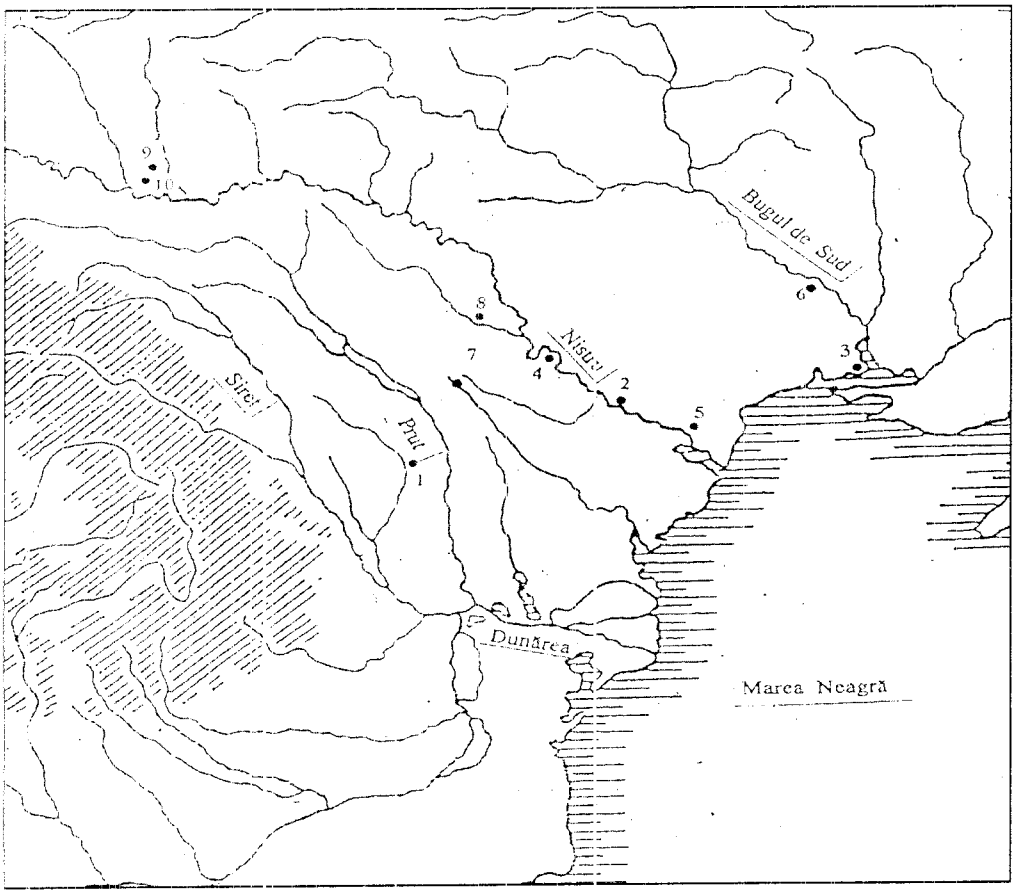
Piesele amforistice descoperite în habitatele barbare din această perioadă, provin, de regulă, din complexele locative, care ar putea aparține aristocrației locale. Ghidându-ne după celelalte piese sesizate în aceste complexe, ca în locuința de la Curteni, unde alături de fragmentele amforistice au mai fost semnalate vase de lux (Iconomu 1978-79, 217-220; Iconomu 1979, 81-85), sau în complexul de cult din așezarea de la Ciobruciu (Щербакова 1997, 169-170). Aceste mărturii ale schimburilor de mărfuri vădesc cu prisosință o etapă de debut în relațiile greco-barbare (Никулицэ 1987, 34).



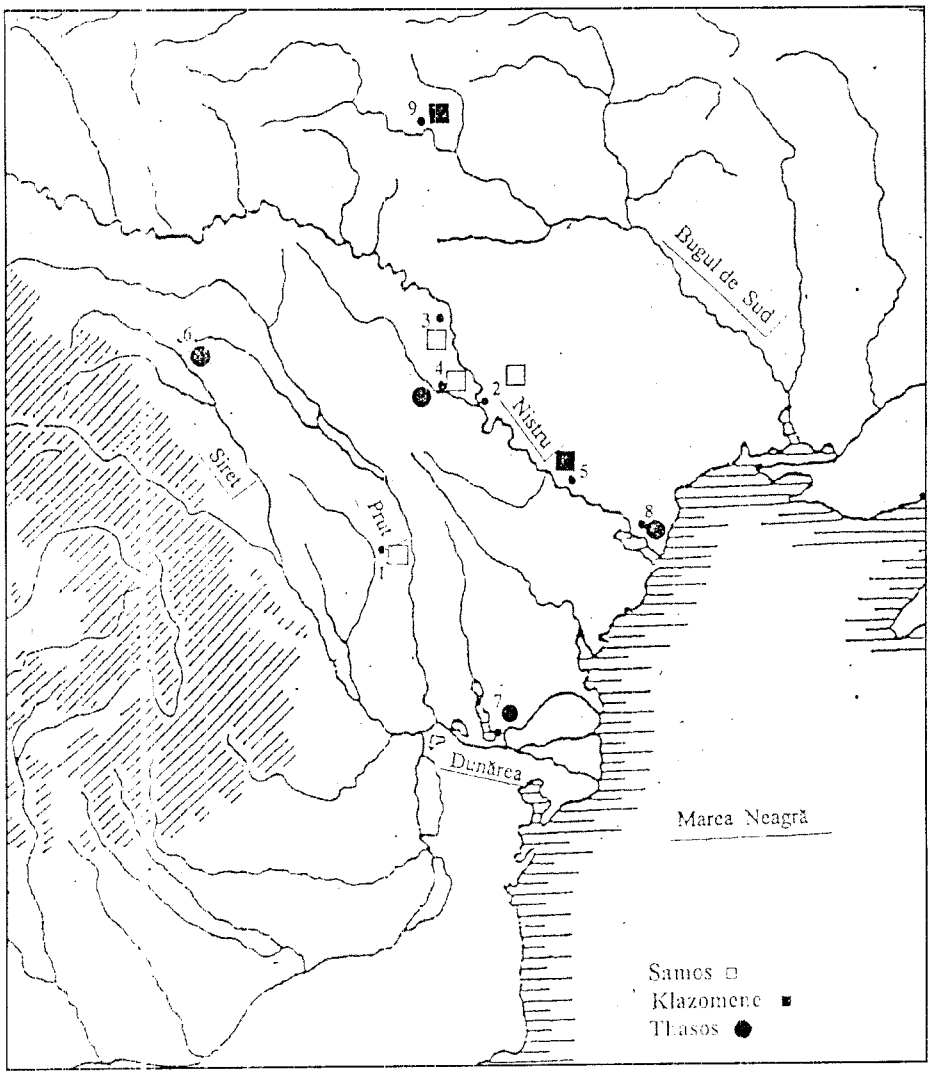
Harta 1. Difuzarea amforelor grecești în sec. VI-V a. Chr: 1 Saharna–La Revechin; 2 Butuceni; 3 Hârtopul Mare; 4 Dubăsari; 5 Corjova; 6 Stânceşti; 7 Ciobruciu (aşezare); 8 Ciobruciu (necropolă); 9 Gradenicy III; 10 Majaki; 11 Nicolaevka; 12 Novo-Nekrasovka II; 13 Curteni; 14 Kovalevka II; 15 Adžigol; 16 Stolniceni; 17 Hansca; 18 Nemirovo; 19 Zalissja; 20 Ivane-Puste; 21 Satu Nou II (Novoseľskoe II).



Harta 2. Difuzarea amforelor de Chios în sec. VI-V a- Chr: 1 Stânceşti; 2 Brădiceşti; 3 Hârtopul Mare; 4 Majaki; 5 Gradenicy III; 6 Hansca; 7 Butuceni; 8 Ciobruciu (aşezare); 9 Novo-Nekrasovka II; 10 Adžigol; 11 Ciobruciu (necropolă); 12 Kovalevka II; 13 Nemirovo; 14 Zalissja; 15 Satu Nou II (Novoseľskoe II).



Harta 3. Difuzarea amforelor de Lesbos în sec. VI-V a Chr.: 1 Curteni 2; Ciobruciu (aşezare); 3 Adžigol; 4 Corjova; 5 Majak; 6 Kovalevka II; 7 Stolniceni; 8 Butuceni; 9 Zalissja; 10 Ivane-Puste.



Harta 4. Difuzarea amforelor de Samos, Klazomene, Thasos în sec. VI-V a.Chr.: 1 Curteni; 2 Dubăsari; 3 Saharna – La Revechin; 4 Butuceni; 5 Ciobruciu (aşezare); 6 Stânceşti; 7 Novo-Nekrasovka II; 8 Nicolaevka; 9 Nemirovo.

Este cunoscut faptul că vinurile ce erau aduse în această perioadă aveau un preţ destul de mare (de exemplu, o amforă cu vin de Chios costa în Grecia 100 de drahme, pe când preţul unui bou era doar de 60 drahme) şi din aceste considerente mărfurile greceşti nu erau accesibile populaţiei de rând. La fel de scumpe erau şi vasele de lux, în special cele cu firnis negru. Este prea puţin probabil că negustorii greci să-şi comercializeze mărfurile pe piaţa nord-vest pontică la preţuri mai mici decât în ţara lor, luând în consideraţie costul transportului pe mare şi pe uscat, putem presupune că mărfurile exportului grecesc erau chiar mai scumpe decât în metropolă.

Deja în sec. VI a.Chr. societatea barbară din această regiune, în special triburile geţilor ca comunităţi agricole sedentare, atinseseră un nivel avansat al dezvoltării economice, care putea crea condiţii adecvate pentru realizarea mărfurilor greceşti şi era aptă pentru întreţinerea unor relaţii de schimb cu societatea sclavagistă greacă (Preda 1973, 37-38; Никулицэ 1987, 34; Mihăilescu-Bârliba 1990, 20).

Bibliografie

Agulnicov 2003: S. Agulnicov, Un tumul scitic de lângă satul Ciobruciu. Tyragetia XII. 2003, 40-44.
Arnăut, 2003: T. Arnăut, Vestigii ale sec. VII-III a.Chr. în spaţiul de la Răsărit de Carpaţi (Chişinău 2003).
Cebotarenco 1997: Gh.Th. Cebotarenco, Cetatea hallstattiană târzie de la Hârtopul Mare. În: Vestigii Argeologice din Moldova (Chişinău 1997), 211-220.
Ebert 1913: M. Ebert, Ausgrabungen auf dem Gute Maritzin, gouv. Cherson (Sud-Russland). Prahistorische Zeintschrift 5, 1913, 1-84.
Florescu, Raţă 1969: M. Florescu, S. Raţă, Complexul de cetăţi traco–getice (sec. VI - III î.e.n.) de la Stânceşti–Botoşani. Studii şi Materiale (Suceava 1969).

Iconomu 1979: C. Iconomu, Decouvertes récentes dans l' établissement hallstattien tardif de Curteni (dep. Vaslui). Dacia XXIII, 1979, 79-91.
Iconomu 2002: C. Iconomu, Noi descoperiri arheologice în aşezarea din epoca fierului de la Brădiceşti, Iaşi (II). Arheologia Moldovei XXII, 2002, 60-65.
Haheu 1998: V. Haheu, Cercetări arheologice la cetatea traco-getică Alcedar–La Cordon, raionul Şoldăneşti. Revista Arheologică 2, 1998, 111-135.
Kašuba, Haheu, Leviţki 2000: M. Kašuba, V. Haheu, O. Leviţki, Vestigii traco-getice pe Nistrul Mijlociu. Biblioteca Thraclogică (XXXI) (Bucureşti 2000).
Levinschi, Şcipachina, Dulea 1999: A. Levinschi, O Şcipachina, G. Dulea, Rezervaţia istorico-naturală „Saharna –La Revechin" – primele investigaţii. Tyragetia VII, 1999, 51-68.
Mateevici 1999: N. Mateevici, Contribuţii la cercetarea şi studierea materialului ceramic grecesc de la cetatea getică de la Butuceni. În: Studia în Honorem I.Niculiţă (Chişinău 1999), 177-195.
Mateevici 2000: N. Mateevici, Penetraţia amforelor greceşti în spaţiul nord-vest pontic în sec. VI-înc.sec. II a.Chr. Tyragetia IX, 2000, 75-86.
Mateevici 2002: N. Mateevici, Difuzarea amforelor greceşti în interfluviul Siret-Prut în sec.VI- înc. sec.II a.Chr. Tyragetia XI, 2002, 53-62.
Mihăilescu-Bârliba 1990: V. Mihăilescu-Bârliba, Dacia răsăriteană în sec. VI-I î.e.n. Economie şi monedă (Iaşi,1990).
Niculiţă, Banaru 1997: I. Niculiţă, V. Banaru, Les importations grecques de la Forteresse de Butuceni, republique de Moldavie. În: The Thracian wolrd at the crossroads of civilisations (Bucarest 1997), 373-383.
Preda 1973: Fl. Preda, Procesul pătrunderii mărfurilor greceşti şi consecinţele acestuia în Dacia extracarpatică. Apulum IX, 1973, 37-80.
Teodor, 1981: S. Teodor, Aşezarea geto-dacică de la Huşi-Corni. Thraco-Dacica II, 1981, 169-197.
Tucidide, ΙΣΤΟΡΙΑΙ, I,19
Агульников, Субботин 1996: С.М. Агульников, А.В. Субботин, Скифский курган V в. до н.э. в Днестровском побережье. В сб: Никоний и античный мир Северного Причерноморья (Одесса 1997), 182-186.
Борзияк, Манзура, Левицкий 1981: И.А. Борзияк, И.В. Манзура, О.Г. Левицкий, Коржевские курганы. В сб: АИМ в 1979-80 гг. (Кишинев 1982), 3-27.
Вахтина 2000: М.Ю. Вахтина, Греческая столовая керамика VI в. до н.э. из раскопок Немировского городища в Побужье. В сб: ΣΙΣΣΙΤΥΑ, Памяти Ю.В. Андреева (Санкт-Петербург 2000), 209-17.
Ганина 1965: О.Д. Ганіна, Поселення скіфського часу у селі Іване-Пусте. Археологія XIX, 1965, 106-117.
Ганіна 1984: О.Д. Ганіна, Поселенне ранньоскіфської доби поблизу у с. Залісся. Археологія 47, 1984, 68-79.
Кетрару, Серова 1986: Н.А. Кетрару, Н.Л. Серова, Исследования курганов в Дубоссарском районе. В сб: АИМ в 1986 (Кишинев 1992), 141-170.
Ковпаненко, Бунатян, Гаврилюк 1978: Г.Т. Ковпаненко, К.П. Бунатян, Н.А. Гаврилюк, Раскопки курганов у с. Ковалевка II. В сб: Курганы на Южном Буге (Киев 1978), 7-132.
Мелюкова, 1963: А.И Мелюкова, Исследование гетских памятников в степном Поднестровье. КСИА 94, 1963, 64–72.
Мелюкова 1984: А.И. Мелюкова, Курганы скифских кочевников у с. Николаевка. В сб: Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья (Киев 1984), 90 -103.
Монахов 1999: С.Ю. Монахов, Греческие амфоры в Причерноморье (Саратов 1999).
Никулицэ 1987: И.Т. Никулицэ, Северные фракийцы VI-I вв. до н.э (Кишинев 1987).
Рубан 1982: В.В. Рубан, О хронологии раннеантичных поселений Бугского лимана. В сб: Материалы по хронологии археологических памятников Украины (Киев 1982), 96-112.
Самойлова 2000: Т.Л. Самойлова, Этно-культурная ситуация в степной зоне Северо-Западного Причерноморья и основание греческих колоний в Нижнем Поднестровье. В сб: Пам'ятки археології Північно-Західного Причорномор' я (Одеса 2000), 79-86.
Сапожников, Бруяко, Кожокару 1999: И.В. Сапожников, И.В. Бруяко, В.М. Кожокару, Новые данные о поселении Ново-Некрасовка II. В сб: Краткие сообщения Одесского Археологического Общества (Одесса 1999), 92-95.
Субботин, Охотников 1981: Л.В. Субботин, С.Б. Охотников, Скифские поселения Нижнего Поднестровья. В сб: Древности Северо-Западного Причерноморья (Киев 1981), 102-116.
Чеботаренко, Субботин 2000: Г.Ф. Чеботаренко, Л.В. Субботин, Позднегальштатское городище Хыртопул Маре. В сб: Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья (Тирасполь 2000), 128-135.
Черняков 1960: И.Т. Черняков, Археологическая разведка берегов Днестровского лимана. В сб: Записки Одесского Археологического общества 1 (34) (Одесса 1960), 209-218.
Щербакова 1997: Т.А. Щербакова, Позднеархаический горизонт поселения Чобручи. В сб: Никоний и античный мир Северного Причерноморья (Одесса 1997), 167-170.

Natalia Mateevici,
Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei,
str. 31 August 121A, Chişinău,

О культурном и хронологическом соотношении Алчедарского и Брэнештского могильников

Роман Рабинович, Кишинэу

Prezentul articol este consacrat elucidării deosebirilor culturale şi cronologice dintre două monumente medievale timpurii din Moldova – necropolele Alcedar şi Brăneşti. În necropola tumulară Alcedar înmormântările s-au făcut după ritul incinerației. Necropola Brăneşti este plană, majoritatea mormintelor prezintă înhumații cu orientarea vestică, însă aici au fost descoperite şi câteva morminte de incinerație. În articol sunt analizate opiniile în privința contextului etnocultural al acestor situri. Unii cercetători disting continuitatea cronologică şi culturală între necropolele Alcedar şi Brăneşti. Şi în această continuitate văd schimbarea ritului funerar la același grup de populație – trecerea de la incinerații tumulare păgâne la înhumații creştine cu orientarea vestică. Autorul articolului, atrăgând atenție datării necropolelor, atribuirii lor culturale şi elementelor comune ce le leagă între ele, a constatat că aceste cimitire au origine diferită, aparținând unori grupuri de populații diferite în plan cultural şi etnic.

Данная статья посвящена выявлению культурных и хронологических отличий двух раннесредневековых памятников Молдовы - Алчедарского и Брэнештского могильников. В могильнике Алчедар захоронения совершены в курганных насыпях по обряду кремации. Могильник Брэнешть - грунтовый, основная часть погребений представлена ингумациями с западной ориентировкой. Но несколько захоронений по обряду кремации выявлены и на могильнике Брэнешть . В статье анализируются мнения по поводу этнокультурного контекста этих памятников. Некоторые ученые усматривают хронологическую и культурную преемственность между Алчедарским и Брэнештским могильниками. И в этой преемственности видят смену погребального обряда у одной и той же группы населения – переход от языческих трупосожжений под курганными насыпями к христианским трупоположениям с западной ориентировкой. Автор статьи, обращая внимание на датировку могильников, их культурную принадлежность и данные, связывающие их между собой, пришел к выводу о том, что их происхождение различно, и они оставлены разными в культурном и этническом отношении группами населения.

The article is dedicated to the clarification of cultural and chronological differences between two medieval Moldavian cemeteries – Alcedar and Brăneşti. The Alcedar cemetery contains cremations under barrows. The Brăneşti cemetery contains mainly pit inhumations oriented westwards, although there are a few cremations as well. The author examines historiography in order to reveal the ethno-cultural context of these sites. Some researchers trace chronological and cultural continuity between the Alcedar and Brăneşti cemeteries. It is in this continuity that they see the change of funeral rituals with the same group of population – transition from pagan cremations buried under barrows to the Christian inhumations oriented westwards. The author of the article, on the basis of dating of the cemeteries, their cultural belonging and the facts binding them together came to the conclusion that the origins of these cemeteries are different and that they belong to different (in cultural and ethnic respects) groups of population.

Данная статья посвящена выявлению культурных и хронологических отличий двух раннесредневековых памятников Молдовы - Алчедарского и Брэнештского могильников.

На территории Пруто-Днестровских земель в настоящее время известны следующие могильники и одиночные погребения, относимые исследователями ко времени в интервале - вторая половина IX-XIII вв.: Алчедар, Екимэуць, Лукэшеука, Брэнешть, Брэнешть XIII, Ханска, Лимбарь, Кэпрэрия, Калфа*. Погребальные памятники в Пруто-Днестровье представлены курганными (Алчедар) и грунтовыми (Брэнешть, Лимбарь, Кэпрэрие, Калфа) могильниками, одиночными погребениями на поселениях Екимэуць, Брэнешть XIII, Лукэшеука, Ханска. В курганном могильнике Алчедар захоронения совершены по обряду кремации. Несколько захоронений по обряду кремации выявлены и на грунтовом могильнике Брэнешть, основная часть погребений которого представлена ингумациями. Все материалы, за исключением могильника Алчедар и погребений на Екимэуцком городище, полностью опубликованы (Федоров 1964; 1964а; 1968; Федоров, Чеботаренко 1974, 101-116; Хынку 1969, 12-18; 1970; 1973; Федоров, Чеботаренко, Великанова 1984; Чеботаренко 1973, 73-75; Чеботаренко, Тельнов 1983, 95-96; Рабинович, Гукин 1991, 213-214).

В раннесредневековый период на небольшой по площади территории Пруто-Днестровья мы наблюдаем удивительное многообразие погребальной обрядности, безусловно, явившееся

* Географические названия соответствуют Закону о территориально-административном устройстве Республики Молдова, № 764-XV, от 27.12.2001 года.

следствием многообразия культурного и этнического. Каждый из перечисленных погребальных памятников отличается яркими индивидуальными чертами, характеризующими те или иные элементы погребальной обрядности, и зачастую относятся эти памятники разными исследователями то к одним и тем же, то к разным культурам («Древнерусская культура», «группа памятников Екимэуць-Алчедар», «Балкано-Дунайская культура», «памятники контактной зоны», «группа Петруха», «культура Ханска-Рэдукэнень» и т.д.), за которыми они видят специфическое этническое содержание.

Прежде, чем мы перейдем к выявлению культурных и хронологических отличий Алчедарского и Брэнештского могильников, видимо, имеет смысл кратко охарактеризовать мнения историографии по поводу этнокультурного контекста этих памятников.

Этнокультурный контекст могильника Алчедар

Могильник Алчедар, сопутствующий одноименному поселению – кольцевому городищу Алчедар, по мнению своего первого исследователя Г.Б. Федорова, является памятником древнерусской культуры (Федоров 1960; и др.). К ней же он относил и десятки других поселений – кольцевых и сложно-мысовых городищ и синхронных неукрепленных селищ – на севере и северо-востоке Молдовы по Днестру и в ее центральной части – в Днестровско-Реутском междуречье. Г.Б. Федоров считал эту культуру местным явлением в Пруто-Днестровье, генетически восходящей к культуре типа Луки-Райковецкой, а этническим носителем ее древностей – восточнославянское население, а именно летописных тиверцев. Характерный древнерусский облик эта культура, по мнению исследователя, приняла в конце IX-первой половине X вв. после вхождения тиверцев в состав Древнерусского государства. Древнерусская культура в Поднестровье, по Г.Б. Федорову, была распространена в X-XII вв., хотя жизнь на некоторых памятниках прекратилась значительно раньше – в XI и даже в X в. (Федоров 1960; 1973; Федоров, Чеботаренко 1974).

Определенные возражения вызвала этническая атрибуция Г.Б. Федоровым древнерусской культуры Поднестровья как "тиверской" у И.Г. Хынку. По его мнению, культура памятников типа Екимэуць-Алчедар принадлежит другому летописному восточнославянскому племени – уличам, в то время как тиверцы, на его взгляд, являются племенем, если не романским, то романо-славянским. И именно тиверцам принадлежат древности памятников балкано-дунайской культуры и культуры Дриду (Хынку 1972, 159-175). Забегая вперед, отметим, что возражения у некоторых молдавских и румынских исследователей вызывает и отнесение Г.Б. Федоровым к древнерусской культуре памятников указанного времени (в том числе и Брэнештский комплекс), расположенных в центральной части Днестровско-Прутского междуречья.

И, наконец, третья точка зрения на этнокультурный контекст памятников типа Алчедар, возникшая в последние годы. В отличие от Г.Б. Федорова и следующих в русле его идей исследователей мы полагаем, что в выделяемой им т.н. древнерусской культуре Поднестровья необходимо вычленять два существовавших синхронно и, по-видимому, местами чересполосно культурных массива. Один – местного происхождения, связанного с предшествующим горизонтом культуры Луки-Райковецкой в регионе, представленный сложно-мысовыми городищами типа Глинжены II и Речула и синхронными этим городищам неукрепленными поселениями. Предполагаем, что носителями этих древностей были летописные уличи. Второй культурный массив – памятники кольцевых городищ типа Екимэуць-Алчедар. Эта культура западнославянского происхождения, пришлая в данном регионе, характеризующаяся специфическими, не имеющими местных корней, фортификацией, домостроительством, керамическим комплексом, вещевым инвентарем и, как мы попытаемся далее показать, обрядом захоронений. Предполагаем, причем не только на основании археологических древностей, но и на основании анализа письменных источников, что культура кольцевых городищ Екимэуць-Алчедар – эта культура летописных тиверцев, заселивших наш регион, а также соседние вос-

точные области Буковины и бассейн среднего течения Южного Буга во второй половине 50-х – первой половине 80-х гг. IX в. Со временем под нивелирующим и интегративным влиянием Древнерусского государства и других культурно-исторических факторов отличия между обоими массивами стали стираться, и начался процесс формирования единообразной материальной культуры, сближающейся с культурой других регионов Древней Руси (Рабинович 1997; 1999; Рабинович, Рябцева 1997).

Этнокультурный контекст могильника Брэнешть

Могильник Брэнешть, сопутствующий неукрепленному поселению Брэнешть XIII, входит в довольно многочисленную группу раннесредневековых поселений в центральной лесостепной части Днестровско-Прутского междуречья (зона Оргеевских Кодр). Исследовавшие Брэнештский могильник Г.Б. Федоров и Г.Ф. Чеботаренко отнесли этот памятник к древнерусской культуре (Федоров, Чеботаренко, Великанова 1984, 112), хотя мнение по этому поводу второго автора, как мы увидим далее, отличается некоторой противоречивостью.

И.Г. Хынку исследовал на поселении Брэнешть XIII полуземлянку и отнес данное поселение к варианту балкано-дунайской культуры типа Петруха (Хынку 1969, 52-53). Необходимо уточнить, что термин «балкано-дунайская культура» этот автор и некоторые его последователи наполняют вовсе не тем содержанием, каким его видит абсолютное большинство исследователей Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы (Плетнева 1981, 76; Федоров, Чеботаренко 1974, 94-98; Федоров, Негруша 1979, 50-55; Бырня, Рафалович 1978, 65-75; Чеботаренко 1979; 1983). По И.Г. Хынку, все Днестровско-Прутское междуречье в период с X по XIV века входит в ареал балкано-дунайской культуры. На этой территории он выделяет четыре варианта данной культуры: тип Калфа (датируется им X-XI вв.); типа Ханска (X-XIV вв.); типа Петруха (XI-XIV вв.) и самый северный, четвертый вариант, локализующийся в Попрутье - типа Стынкауцы (XIV в.) (Хынку 1974, 43-47). Исследователь полагает, что среди носителей балкано-дунайской культуры кроме "традиционно-местного" восточнороманского населения были также славяне и тюрко-болгары. Всем трем группам он приписывает те или иные элементы материальной культуры. Но все три упоминавшиеся этнокультурных компонента, участвуя в генезисе культуры, в результате столь долгого совместного развития (пять столетий!), так и не оказали друг на друга никакого влияния. "Традиционно-местный" субстрат "благополучно" проскочил в самый поздний по времени, Стынкауцкий вариант балкано-дунайской культуры, собственно уже молдавской, оставив в предыдущих и славян и тюрко-болгар.

В рамках острой дискуссии с И.Г. Хынку по поводу этнокультурной интерпретации и хронологии группы средневековых поселений, расположенных в центральной части Днестровско-Прутского междуречья в районе Оргеевских и Ганчештских Кодр, выкристаллизовалась точка зрения Г.Ф. Чеботаренко на эту проблему. Он учел заметное своеобразие и некоторые отличия этой группы памятников от древнерусских типа Екимэуць-Алчедар на северо-востоке междуречья, располагавшихся севернее, и балкано-дунайских, располагавшихся южнее, и выступил с идеей контактной зоны в центральной части междуречья между ареалами древнерусской и балкано-дунайской культур (Чеботаренко 1982). Таким образом, характеризуя в целом группу памятников типа Петруха, в которую входит поселение Брэнешть XIII, Г.Ф. Чеботаренко в работе 1982 г. говорит о ее «контактном», синкретическом характере, отражающим присутствие элементов как древнерусской, так и балкано-дунайской культуры. В то же время в коллективной публикации исследований Брэнештского могильника, увидевшей свет в 1984 г., этот автор относит данный памятник к древнерусской культуре, не оговаривая никаких условий (Чеботаренко 1982; Федоров, Чеботаренко, Великанова 1984).

Таким образом, в отношении Брэнештского комплекса – поселения Брэнешть XIII и Брэнештского могильника – возникла парадоксальная историографическая ситуация: поселение и

принадлежащий ему могильник оказались в лоне разных культур и даже этносов. Впрочем подобная ситуация оказалась не единичной.

Например, городище Лукэшеука исследовалось Г.Б. Федоровым и было отнесено им к древнерусской культуре, так как по многим элементам оно оказалось сходным и тождественным с Екимэуцами, Алчедаром, Рудью и т.д. (Федоров, Чеботаренко 1974, 94-98). И.Г. Хынку исследовал поселение Лукэшеука V, которое, по сути, являлось посадом городища, примыкало к нему и было синхронно, по крайней мере, в какой-то период. Он отнес поселение Лукэшеука V к балкано-дунайской культуре – варианту типа Петруха. На материалах именно этого поселения, по его словам, наиболее четко прослеживается континуитет "местного населения" с XI по XIV в. (Хынку 1969, 51). Любопытно, что данный тип памятников И.Г. Хынку назвал типом "Петруха", хотя поселение Лукэшеука V исследовалось им раньше чем Петруха, да и "связь" между периодами на Петрухе ему представлялась менее ясной чем на Лукашевке V (Хынку 1969, 51). Мне же представляется, что данный тип памятников И.Г. Хынку не назвал типом "Лукэшеука", видимо, потому, что его "смутило", что балкано-дунайское поселение Лукэшеука V и древнерусское городище Лукэшеука составляли, по крайней мере, в какой-то период один комплекс.

Видимо излишним, будет указывать, что в сложившейся ситуации любой средневековый памятник, особенно в центральной части Днестровско-Прутского междуречья будет интерпретироваться, главным образом, исходя из приверженности исследователя тому или иному направлению.

Попыткой разрядить ситуацию, возникшую в связи с интерпретацией памятников типа Петруха, явилось стремление автора данной работы пересмотреть взгляд на контактную зону в центральной части Днестровско-Прутского междуречья как на чисто механическое "смешение" культур, так как культура этих памятников носит достаточно сложный, синтетический характер, особенно в поздний период своего существования. Одновременно я попытался показать, что в генезисе памятников типа Петруха-Лукэшеука и Ханска не могли принимать участия элементы балкано-дунайской культуры, и в ее создании, помимо носителей восточнославянских древностей (Лука-Райковецкая культура) в регионе, участвовали носители салтово-маяцкой культуры (Рабинович 1990а, 51-57).

Выше высказанные суждения, хотя похоже и не вызвали критических замечаний в литературе, но они не объясняли характера связи и, главное, причины возникновения связи между памятниками разных культурно-хронологических групп в регионе. В то же время, данные раскопок в последующее время в 90-е гг. (в том числе и автора данной работы) на таких памятниках как Брэнешть XIII, Орхеюл Векь, Рэчула, Алчедар, Рудь и Германарие видоизменили характер проблемы специфики связи между всеми без исключения культурно-хронологическими группами Днестровско-Прутского междуречья в X-XII вв. (Власенко 1990, 212-229; Рабинович 1990 б, 88-90; 1991 а, 99-109; 1991 б, 63-68; Рабинович, Гукин 1991, 205-224; Рабинович, Ткачук 1995, 164-170; Sava, Manzura, Tcaciuc, Kurciatov, Bubulici, Rabinovici, Guchin, Alaiba, Badau-Wittenberger 1995, 281-358).

Полученные данные свидетельствовали о глубоком и взаимном проникновении культуры между памятниками типа Екимэуць-Алчедар и памятниками контактной зоны. Стало ясно, что характер связи между указанными группами сложен и интегративен по своей природе и был обусловлен одновременным и конструктивным действием соседних культурных миров (Рабинович 1993; 1997; Gukin, Manzura, Rabinovich,Tkaciuk 1995).

Возвращаясь непосредственно к теме исследования, считаю сегодня возможным говорить, что, несмотря на интегративный характер связи между памятниками типа Екимэуць (Алчедарский могильник относится к этому кругу древностей) и типа Петруха (поселение Брэнешть XIII и принадлежащий ему могильник ближе всего к этому кругу древностей), их происхождение различно, и они оставлены разными в культурном и этническом отношении группами населения. В статье постараюсь показать это на примере данных двух могильников – Алчедарского и Брэнештского. Для этого рассмотрим более подробно материалы каждого из них.

Могильник Алчедар

Могильник Алчедар находился в 800 м от городища Алчедар и 500 м от посада "Район металлургов". В его составе было 34 курганных насыпи, протянувшихся узкой полосой. Прут-Днестровская экспедиция под руководством Г.Б. Федорова в 1961-1963 гг. исследовала 11 насыпей, в ходе чего было обнаружено 254 погребения. Материалы раскопок опубликованы частично и в публикациях представлены суммарно (Федоров 1964; 1964 а, 67-80; 1968, 85-93; 1974, 273-279; Федоров, Чеботаренко 1974, 101-103). Средняя высота курганных насыпей 0,6-1 м. Диаметры от 4 до 11 м. В каждом кургане от 10 до 50 захоронений, совершавшихся не одновременно. Перед сооружением курганной насыпи почва нивелировалась. В центре на уровне горизонта сооружалась глиняная площадка толщиной до 40 см. Кремация совершалась на стороне. Остатки сожжений помещались или на глиняной площадке (в центре), либо за ее пределами, либо выше уровня глиняной площадки в насыпи. Г.Б. Федоров и Г.Ф. Чеботаренко отмечают несколько видов местоположения погребений: а) погребения на глиняной площадке; б) погребения на уровне глиняной площадки, но вне ее, по внешнему обводу; в) на линии горизонта; г) выше уровня глиняной площадки; д) впускные (совершенные после сооружения насыпи или в присыпанной позже части насыпи). Остатки кремации помещались в урнах, которые ставились в ямки диаметром 20-50 см, и без урн в ямках, а также располагались виде кучек на глиняной площадке или выше ее в насыпи. В качестве урн использовались круговые сосуды, типичные для городища Алчедар. По мере совершения новых захоронений насыпи постепенно подсыпались. Иногда захоронения совершались прямо в насыпи. Об этом, пишет автор раскопок, свидетельствуют следы ям и перекопов в насыпях (Федоров 1964; 1964 а, 67-80; 1968, 85-93; 1974, 273-279; Федоров, Чеботаренко 1974, 101-103).

Большинство погребений было без вещей. В целом инвентарь беден. Всего найдено 38 индивидуальных предметов. Судя по публикациям, известны следующие предметы: бусины из стеклянной пасты золотистого, серебристого, но в основном синего цветов зонные двойные, тройные, пятизонные, одна желтая лимоновидная, одна сердоликовая 14-гранная, плитчатые со срезанными краями, тисненые серебряные с зернью; бронзовые предметы - грушевидные пуговицы, кольцевидная трехпроволочная серьга, две поясные пряжки, два проволочных колечка, поясная прорезная подвеска с циркульным орнаментом, браслет с несомкнутыми концами, витая гривна; железные ножи, железная трубка, ромбовидные черенковые наконечники стрел, втулки от копья, калачевидное кресало с язычком, кованый четырехгранный гвоздь, железный шлак, тигли и руда, сланцевое точило, керамика (ок. 5000 фрагментов по одной публикации и свыше 6486 фрагментов по другой). Могильник датирован Г.Б. Федоровым концом IX-первой половиной X в. (Федоров 1964а; 1974; Федоров, Чеботаренко 1974, 102).

Любопытны аналогии, которые нашел алчедарским погребальным памятникам их исследователь Г.Б. Федоров. В одной из работ он пишет: *"Алчедарские курганы аналогичны славянским языческим сооружениям древлян, вятичей, кривичей, словен и других восточнославянских племен, а также славянским погребальным сооружениям Южной Моравии, Словакии, Чехии, Южной Польши, Трансильвании и Закарпатья, где сооружения такого рода появились раньше, чем у славян Днестровско-Прутского междуречья"* (Федоров, Чеботаренко 1974, 102-103). Видимо, под аналогичностью в данном случае исследователь видел близость алчедарского могильника общеславянской традиции трупосожжений, помещенных в курганных насыпях. Исходя из особенностей погребального обряда в алчедарских древностях, Г.Б. Федоров ближайшую аналогию нашел в курганных могильниках среднего течения Южного Побужья и в частности в могильнике, находившемся рядом с кольцевым городищем Малые Валы у с.Ястрембиха, аналогичным пруто-днестровским. В могильнике у с. Ястрембиха найдены два арабских дирхема Ахмед ибн Нафа (914-943). Городище и могильник датируются IX-X вв. (Федоров 1974, 275, 276; Березовец 1952, 214).

Учитывая сходство в планировке и конструкции кольцевых городищ Поднестровья и Побужья (днестровские кольцевые городища, по классификации П.А. Раппопорта, входят вместе с городищами бассейна Южного Буга в первую группу городищ, и это группа территориально

отдалена от трех других групп круглых городищ Древней Руси – Раппопорт 1967, 196, рис.153), данное наблюдение Г.Б. Федорова представляется очень ценным.

В.В. Седов, Е.И. Тимофеев и др. исследователи, анализировавшие особенности погребального курганного обряда на территории Днепровского Правобережья, отмечали его относительную однородность в землях летописных древлян, дреговичей и волынян и ярко выраженные отличия от среднеднестровских и южнобугских памятников (Тимофеев 1961 а; 1961 б, 105-127; Седов 1962, 197-203). Более близкие аналогии особенностям курганного погребального обряда Алчедара присутствуют в Закарпатье и западных районах Черновицкой области (Седов 1982, 126; Федоров 1974, 276). Близкую аналогию алчедарскому могильнику представляют исследованные Б.А. Тимощуком в восточных районах Северной Буковины, и в частности в Хотинском районе, курганы у села Чепоносы. (Тимощук 1976, 94-95). На основании анализа особенностей погребального обряда и сопутствующего инвентаря на памятниках Б.А. Тимощук сделал вывод, к которому я присоединяюсь: *"Очевидно, что на Хотинщине (Среднее Поднестровье) и на территории Молдавии (Нижнее Поднестровье) жила одна этнографическая группа восточных славян"* (Тимощук 1976, 95). Таким образом, картина распространения кольцевых городищ пруто-днестровского типа в восточных районах Черновицкой области и районах бассейна среднего течения Южного Буга дублируется и распространением погребального обряда алчедарского типа.

Следует обратить внимание еще на одну деталь алчедарского погребального комплекса – присутствие в инвентаре железной руды и железного шлака. В то же время отсутствуют находки, связанные с другими видами деятельности, земледелием, животноводством, другими ремеслами. Этот факт не может не говорить об огромной роли металлургии в экономике жителей городища Алчедар и, возможно, свидетельствует о значительной сакрализованности у них этого ремесла.

Могильник Брэнешть

Грунтовый биритуальный могильник у села Брэнешть в Оргеевском районе Республики Молдова находился рядом с селищем Брэнешть XIII и, судя по материалам, являлся его кладбищем. Материалы могильника в наиболее обобщенном виде опубликованы в виде монографии. В ней же приведены подробные антропологические определения, проведен анализ вещевого инвентаря, планировки, обряда погребения. Представлены датировка памятника, его культурная и этническая принадлежность (Федоров, Чеботаренко, Великанова 1984). Поэтому нет смысла давать подробную характеристику этому памятнику. Я ограничусь очень краткой характеристикой и теми моментами, которые, как мне кажется, наиболее важны для темы нашего исследования.

Могильник расположен на берегу речки Иванча, и его южная и восточная части подмыты и разрушены ее течением. Сохранившаяся часть могильника исследована полностью. Могильник располагался на склоне, и мощность черноземного слоя на его разных участках была различной от 70 до 110 см. Все погребения были найдены в черноземном слое, контуры погребальных ям, как правило, не прослеживались. На могильнике открыты 98 погребений. (В монографии 1984 г. указаны 98 погребений, но в археологической карте, выпущенной теми же авторами, указано 97 погребений. – Федоров, Чеботаренко, Великанова 1984, 29; Федоров, Чеботаренко 1974, 105). Из них три трупосожжения в урнах и 95(94) трупоположений. В качестве урн использовались горшки. В публикации 1974 г. указано, что в качестве урн использовались два лепных горшка с линейно-волнистым орнаментом типа Луки Райковецкой и один горшок, сделанный на круге. В публикации 1984 г. в качестве урн указаны один лепной горшок и два круговых сосуда (Федоров, Чеботаренко 1974, 105; Федоров, Чеботаренко, Великанова 1984, 29).

Отметим, что погребения с трупосожжениями были закопаны неглубоко (20-35 см от современной поверхности). Большинство трупоположений вытянуто на спине головой на запад с руками, уложенными вдоль тела или на груди. Два трупоположения (женских) лежали скор-

ченными на боку. Авторы раскопок интерпретировали их как принадлежащие кочевникам (Федоров, Чеботаренко, Великанова 1984, 35-36).

Исследователи полагают, что для памятника в основном характерен христианский обряд. Лишь на ранней стадии использования могильника применялся языческий обряд трупосожжения. Реминисценцией язычества авторы считают наличие в погребениях стеклянных и глиняных сосудов (лепных и круговых), пряслиц и другого инвентаря, который не может рассматриваться как постоянно носимый (Федоров, Чеботаренко, Великанова 1984, 35-36).

В планировке могильника авторы раскопок выявили определенную систему. Могильник можно разделить на три участка, окружающих площадку, где не было каких-либо останков погребенных. Большинство погребений с инвентарем находились в восточном секторе, меньше в южном, и совсем мало в западном. Восточный сектор могильника самый большой, погребения в нем расположены гуще, чем в других секторах, в нем же находятся погребения с трупосожжениями, а также скорченные на боку. Восточный сектор представлял собой самую древнюю часть могильника. Могильник с юга и востока размыт речкой Иванча, много погребений разрушено. То есть, разрушена самая древняя часть могильника.

Инвентарь могильника не очень богат и разнообразен. Керамика лепная и гончарная. Судя по ситуации – неглубоко от современной поверхности залегающие погребения, не прослеженные контуры могильных ям, распашка поверхности памятника, отсутствие целых и графически реконструируемых сосудов, – можно полагать, что во многих случаях невозможно определить, относятся ли фрагменты керамики к погребениям или культурному слою памятника.

Наиболее значительные находки: шиферные пряслица; бусы стеклянные зонные, глазчатые, золоченные; бусы сердоликовые; проволочные серьги, медные височные кольца с полой бусиной, серебряное височное кольцо с зернью «волынского типа»; бубенчики; пуговицы полые, грибовидные, рифленые полые, рифленые литые; медные витой и кованый квадратный в сечении браслеты; медная ложнозерненая лунница с язычком; калачевидное кресало с язычком (Федоров, Чеботаренко, Великанова 1984, 42-52).

Антропологические изыскания М.С. Великановой, основанные на серии из 50 черепов и 44 скелетов, привели ее к выводу о наибольшем морфологическом сходстве погребенных на Брэнештском могильнике с древлянами и значительном расхождении с сериями могильника Лимбарь (которые показали присутствие двух этнокомпонентов – местных славян и инородных здесь тюрко-болгар, носителей салтово-маяцкой культуры – Великанова 1978, 35-37) (Федоров, Чеботаренко, Великанова 1984, 92-95).

Важной своей задачей исследователи Брэнештского могильника считали определение культурной и этнической принадлежности памятника. Она устанавливалась, исходя из антропологических данных, особенностей погребального обряда и материальной культуры. О выводах антропологии мы только что сказали. За исключением двух погребений, где отмечены скорченные положения погребенных, все остальные погребения интерпретированы авторами как восточнославянские (древнерусские). Исследователи памятника разбили весь инвентарь на три группы: 1)предметы специфически древнерусские 2) предметы неславянские, присущие носителям салтово-маяцкой культуры и кочевникам южнорусских степей и 3) предметы, имеющие широкий ареал бытования на различных территориях с разноэтничным населением. Отметим, что к первой группе были отнесены: шиферные пряслица, керамика, височное кольцо, (определенное как «екимауцкого» типа), гривна, бусы. Могильник датирован авторами раскопок X-серединой XI вв. (Федоров, Чеботаренко, Великанова 1984, 96-100).

Соотношение Алчедарского и Брэнештского могильников

Г.Б. Федоров и Г.Ф. Чеботаренко усматривают преемственность между Алчедарским могильником и Брэнештским. Именно трупосожжения в Брэнештском могильнике связывают его хронологически и типологически с Алчедарским, – считают эти исследователи. В период

между использованием Алчедарского и Брэнештского могильников у древнерусского населения междуречья произошла смена погребального обряда – переход от языческих трупосожжений под курганными насыпями к христианским трупоположениям с западной ориентировкой. Переход этот совершился примерно в середине X в. (Федоров 1974, 279-281; Федоров, Чеботаренко 1974, 107-108).

Для того, чтобы согласиться с этим мнением или отвергнуть его, необходимо обратить внимание на датировку могильников, их культурную принадлежность и данные, связывающие их между собой.

Некоторая территориальная отдаленность между двумя памятниками не является аргументом ни в чью пользу. Могильник Брэнешть, относящийся к селищу Брэнешть XIII, расположен в северной части центральной зоны Пруто-Днестровья в гуще группы памятников типа Петруха-Лукэшеука. Но при этом он находится в 20 км от кольцевого городища Лукэшеука, аналогичного другим кольцевым городищам типа Екимэуць-Алчедар.

Я уже указывал, какие острые формы приняло обсуждение вопросов о датировке и этнокультурной принадлежности памятников Брэнешть XIII, Лукэшеука, Петруха и др.

Исследования в этом районе на поселениях Брэнешть XIII, Скок, Орхеюл Векь убеждают, что памятники этой группы, находящиеся территориально между более северными памятниками типа Екимэуць-Алчедар и более южными типа Ханска, несут на себе ощутимые следы влияний обеих указанных групп, выглядят синтезированными, вобравшими в себя черты их обеих (Рабинович 1990 а; 1990 б; 1991 б; Рабинович, Гукин 1991). Но и датировка и культурная интерпретация Брэнештского могильника, по Г.Б. Федорову и Г.Ф. Чеботаренко, выглядят в свете указанных споров неубедительно. Авторы раскопок не могут отрицать принадлежность могильника поселению Брэнешть XIII, этнокультурное определение и датировка которого в литературе неоднозначны. Г.Б. Федоров и Г.Ф. Чеботаренко пишут в монографии 1984 г.: *"Использование Брэнештского могильника, как и жизнь на поселении Брэнешть XIII, прекратилось не позднее середины XI в."* (Федоров, Чеботаренко, Великанова 1984, 100). Однако в монографии 1982 г., специально посвященной хронологии памятников центральной части Молдовы, Г.Ф. Чеботаренко датой прекращения жизни на поселении Брэнешть XIII называет середину XII в. (Чеботаренко 1982, 37).

Нечетко определена и нижняя дата функционирования могильника. В монографии 1984 г. Г.Б. Федоров и Г.Ф. Чеботаренко начало использования могильника относят к концу IX-началу X в. (трупосожжения), но в предшествующей публикации 1974 г. они же пишут: *"могильник оставлен древнерусским населением во второй половине X-XI вв.* (Федоров, Чеботаренко, Великанова 1984, 96; Федоров, Чеботаренко 1974, 107).

В свете вопроса о соотношении обоих могильников нас особенно интересует время начала функционирования Брэнештского могильника. В материалах поселения Брэнешть XIII широко представлен горизонт культуры Луки-Райковецкой с лепной керамикой VIII-IX вв. (Рабинович, Гукин 1991). В стенке оврага, частью своего русла проходящего по площади поселения, в 1988 г. местным жителем С. Горбеем была обнаружена и более ранняя лепная керамика относящаяся к VI-VII вв. И в культурном слое и в отдельных погребениях Брэнештского могильника лепная керамика также хорошо представлена. Это может свидетельствовать о более раннем начале функционирования могильника, то есть синхронно времени поселения, а не о конце IX-начале X в.

Речкой Иванча был размыт восточный сектор могильника, наиболее древняя его часть, по мнению авторов раскопок. Ландшафтные условия в месте расположения могильника таковы, что склон, на котором он находится, представляет оползневую зону. Трупосожжения были найдены только в урнах на небольшой глубине. Но мы знаем, что при обряде кремации у славян значительная часть кремаций помещалась не в урны, а просто в ямки, как это было и в Алчедарском могильнике. Обнаружить ямки с кремациями в черноземном слое, тем более потревоженном, авторам, как они сами признавались, не удавалось. Косвенно о том, что и в урнах захоронений было гораздо больше, чем три, свидетельствует большое количество фрагментов лепной керамики в культурном слое.

Больше половины предметов, отмеченных исследователями в качестве хронологических индикаторов на памятнике, – бусы стеклянные зонные и глазчатые, сердоликовые, височные кольца с полой бусиной, бубенчики, грибовидные и рифленые литые пуговицы, пряжки, браслеты, калачевидное кресало с язычком и др. – широко распространены на протяжении всего IX века. Такая находка, как бронзовый литой крючок с острием в виде стилизованной головки лошади из погребения 59, встречается в ареале салтово-маяцкой культуры в IX в., но не позднее первой четверти X в. (Федоров, Чеботаренко, Великанова 1984, 51; Плетнева 1967, 159, рис.43/14). На поселениях культуры типа Луки-Райковецкой в Молдове практически отсутствуют предметы, которые бы имели узкую дату VIII-IX вв. Не следует их ожидать и в материалах могильника Брэнешть . Все вышеизложенное заставляет нас предполагать, что начало функционирования могильника Брэнешть не может относиться к концу IX, а тем более к середине X в. Начало функционирования могильника относится к более раннему периоду и соответствует горизонту культуры Луки Райковецкой на поселении Брэнешть XIII.

Когда же, в свою очередь, начал функционировать могильник Алчедар? Видимо не намного позже начала жизнедеятельности на поселении Алчедар – городище и его посаде. Могильник Алчедар, равно как и городище Алчедар, возникают, по Г.Б. Федорову, в конце IX в. По мнению Т.В. Равдиной, Алчедар возникает даже позже в середине X в. (Равдина 1988). Мы посвятили исследованию датировки группы памятников типа Екимэуць-Алчедар специальную работу и, рассмотрев все категории находок (нумизматические, вещевые материалы и керамику), пришли к выводу, что датировка Г.Б. Федорова верна и начало существования этой культуры в нашем регионе надо относить ко второй половине IX в. (Рабинович 1999, 266-270). Даже не соглашаясь с Т.В. Равдиной, должно признать: Алчедарский могильник не начал функционировать раньше Брэнештского.

Рассуждая об их хронологическом соотношении, стоит особо обратить внимание на керамику. На могильнике Алчедар, в отличие от Брэнештского, нет лепной керамики. Кремации совершены в круговой посуде. Как показывает Т.В. Равдина, ее нет и на самом городище Алчедар. По Г.Б. Федорову, в целом на поселении Алчедар лепная керамика занимает в общем керамическом комплексе менее 2% процентов, на Екимэуцах и того меньше – десятые доли процента и т.д. Причем лепная и раннегончарная керамика присутствует только в той части плато городища, которая перекрыла небольшое по площади (250x60 м) раннеславянское селище Алчедар III, на остальной части плато городища она совершенно отсутствует (Федоров 1960, 182, 281).

Кстати, попытки показать местные истоки в происхождении памятников типа Алчедар при помощи отыскания там более раннего горизонта с лепной славянской керамикой, давно уже восприняты критически. Например, И.И. Ляпушкин считал, что на этих поселениях не существует никаких материалов, которые датировали бы их древнее конца IX века, эти памятники не возникли на подстилающем более раннем горизонте типа Луки-Райковецкой, не говоря уже о более раннем периоде VI-VII вв. (Ляпушкин 1968, 30,34). Возможно, стремление Г.Б. Федорова удревнить более чем на три столетия существование этих поселений связано с желанием показать непрерывность их развития с VI-VII вв. и генетическую эволюционную связь с самыми ранними славянскими древностями в регионе. В этом плане, если обратить внимание на описание конструкции полуземлянки на селище Алчедар III и ее инвентаря, необходимо признать, что или эта полуземлянка не принадлежит горизонту селища Алчедар III, или селище Алчедар III, даже если оно и предшествовало созданию городища, не связано с горизонтом древностей культуры типа Луки-Райковецкой в регионе (Рабинович 1999, 270).

На основании вышеизложенного у нас есть основания считать, что могильник Брэнешть возник не позже Алчедарского. Более того, очевидно, что Брэнештский могильник возник намного раньше Алчедарского, так же как поселение Брэнешть XIII возникло намного раньше, чем поселение Алчедар.

Авторы раскопок могильника Брэнешть считают, что обряд кремации, отмеченный на памятнике, сближает его с Алчедарским, и на Брэнештском могильнике можно видеть переход от языческого обряда "по-алчедарски" к христианскому обряду "по-брэнештски".

Нельзя с этим согласиться и не только из-за отмеченного хронологического несоответствия. Сближает оба могильника только одно – сам факт кремации. Но ведь это один из всего лишь двух наиболее распространенных универсальных способов захоронения в разных культурах. На Алчедаре мы видим очень специфичный курганный обряд, заметно отличающийся от синхронных курганных обрядов на других славянских территориях. О том, что он существовал уже в тот период, когда на Брэнештском могильнике совершали захоронения в лепных урнах, свидетельствуют материалы хотинских курганов у с.Чепоносы, в которых остатки кремации помещали и в лепных сосудах (Тимощук 1976, 94-95).

Таким образом, мы можем говорить о существовании в период не позднее конца IX в. (начало существования городища Алчедар) на территории Пруто-Днестровья двух типов погребальных обрядов – кремации в курганных насыпях и кремации в грунтовых могильных ямах.

Насколько характерна культурная близость между двумя памятниками? Этот вопрос интересен и в плане определения культурной и этнической принадлежности и Брэнештского и Алчедарского могильников. Рассмотрим, какие предметы из Брэнешть Г.Б. Федоров и Г.Ф. Чеботаренко считают специфически древнерусскими (то есть, по мнению авторов раскопок принадлежащими к культуре Екимэуць-Алчедар).

Шиферные пряслица. Их наличие на памятнике нельзя признавать аргументом его древнерусской принадлежности. Они широко распространены как на памятниках в Карпато-Днестровских землях, так и за его пределами на западе и юго-западе (Dinogeţia 1967, I, 100-119; Barnea 1955, 169-180).

Керамика. Естественным выглядит наличие на могильнике керамики, которую можно определить, как характерную для памятников типа Екимэуц. Учитывая и близость кольцевого городища Лукэшеука, и в целом массива памятников типа Екимэуц, это не вызывает удивления. Но ведь на поселении Брэнешть XIII найдена в большом количестве керамика, заметно отличающаяся от екимауцкой, та, которая И.Г. Хынку называется балкано-дунайской (Хынку 1969, 52-55). Авторы монографии 1984 г. пишут: *"О влиянии южнославянской культуры свидетельствует некоторое количество керамики южнославянского типа, найденной на селище Брэнешть XIII. На самом могильнике обнаружена керамика исключительно восточнославянская"* (Федоров, Чеботаренко, Великанова 1984, 98). Дело уже даже не в том, что "некоторое количество керамики", которую называют южнославянской или балкано-дунайской, представлено не меньше, а гораздо больше, чем керамика "специфически екимауцкой" на поселениях этой группы (Хынку 1969, 52-55; Рабинович 1990 а, 51-57). Поражает странная метаморфоза: пока жители поселения Брэнешть XIII были живы, они были носителями одной культуры, а вот как их не стало, у них изменились культурные приоритеты.

Среди специфически древнерусских изделий на Брэнештском могильнике авторы называют височное серебряное кольцо "екимэуцкого типа", которое, по их мнению, могло быть произведено только на Екимэуцком поселении или на другом городище этой группы памятников. С этим нельзя согласиться. На Брэнештском могильнике найдено височное кольцо не екимэуцкого типа, его правильнее было бы назвать кольцо «волынского» типа, учитывая то огромное «семейство» разнообразных украшений, традиционно называющихся «волынскими». На Екимэуцах неоспоримы следы производства височных серебряных украшений с зернью, а именно височных колец с подвеской, составленной из многих литых шариков в форме виноградной грозди. Это серьги или височные кольца типа I,1 (по типологии Е.Ю. Новиковой) или типа «С» (по типологии «волынских» серег С.С. Рябцевой) (Новикова 1990; Рябцева 1999; 2005).

На Брэнештском могильнике найдено височное кольцо, относящееся к тому же стилю серебряных украшений с зернью, но абсолютно другое по технике изготовления и по форме. Оно с тисненой подвеской, с расширением в центральной части. Височные кольца подобного типа (оно близко к типу «А» по типологии «волынских» серег С.С. Рябцевой) встречаются на Волыни и в Польше (Рябцева 1999; 2005). Показательно, что на Брэнештском могильнике, равно как и на поселении Брэнешть XIII, не найдены не только височные кольца действитель-

но «екимауцкого» типа, но и типичные, часто находимые на памятниках типа Екимауц серебряные тисненые с зернью бляшки, лунницы, бусы.

В качестве еще одного образца типично древнерусских предметов на Брэнештском могильнике авторы раскопок указывают на бусы. Правда, не сообщают, какие именно (Федоров, Чеботаренко, Великанова 1984, 97). Возможно, это не случайно, поскольку трудно выбрать из перечня найденных на Брэнештском могильнике видов бус те, которые были бы распространены только на территории Древней Руси, встречались бы в Карпато-Днестровских землях, но не выходили бы при этом за пределы последних.

Материалы могильника Брэнешть, как впрочем и поселения Брэнешть XIII, представляют его неоднородным в культурном отношении памятником, как это наблюдается и на всех памятниках региона. Выше мы говорили о неоднородности "самой древнерусской группы памятников" в регионе типа Екимэуць. Стремление отнести могильник Брэнешть XIII исключительно к древнерусской культуре типа Екимэуц лишает, на мой взгляд, его исследование дальнейших перспектив. Именно инородные элементы в материалах Брэнештского могильника сближают его с памятниками типа Екимэуць.

К сожалению, антропологически не изучены два погребения со скорченным положением тел. Интерес вызывает погребение 59, судя по всему, одно из самых ранних инвентарных погребений, совершенных по обряду ингумации. Погребенный лежал в вытянутом положении головой на запад с руками, положенными вдоль тела. На поясе справа был подвешен на бронзовом крючке с острием в виде стилизованной головы животного (лошади?) кинжал в ножнах. Здесь же обнаружены два точильных бруска, калачевидное кресало с язычком и осколок стеклянного сосуда. Пояс застегивался двумя железными пряжками – круглой и прямоугольной. Найденное там же костяное кольцо, видимо, тоже являлось деталью пояса. Частично сохранилась кожа, из которой был изготовлен пояс. Справа от черепа обнаружена медная проволочная серьга (Федоров, Чеботаренко, Великанова 1984, 22, рис. 9). Это единственное погребение с оружием, пряжками и с кресалом. В других погребениях были только ножи. Бронзовые крючки, как отмечалось, распространены на памятниках салтовской культуры и не бытовали позже первой четверти X в. Калачевидные кресала и железные пряжки, даже согласно приведенным авторами раскопок аналогиям на Среднем и Нижнем Дунае, Саркеле (Федоров, Чеботаренко, Великанова 1984, 52-53), позволяют погребение в целом датировать IX – началом X в. Возможно, данное погребение отражает те же процессы, что и наличие на памятниках типа Екимэуць жилищ с тамбурами, очагами и подмазанными полами. Ведь и на памятниках типа Петруха, к которым относится и поселение Брэнешть XIII, распространенный тип отопительного сооружения – очаг (Хынку 1969, 5-55).

В любом случае исследование этих процессов, затронувших и памятники типа Екимэуць-Алчедар, и памятники типа Петруха, невозможно без предварительного размежевания этнокультурных контекстов обеих групп. А то, что он различен, как раз и показывают отличия Алчедарского и Брэнештского могильников.

Библиография

Березовец 1952: Д.Т. Березовец, Розвідка у верхів'ях р. Південного Бугу. Археологічні пам'ятки УРСР 3, 1952, 207-219.

Бырня, Рафалович 1978: П.П. Бырня, И.А. Рафалович, Проблема местного населения Днестровско-Прутского междуречья X-XII вв. и балкано-дунайская культура. Известия АН МССР 1, 1978, 65-75.

Великанова 1978: М.С. Великанова, Данные палеоантропологии о перемещении населения в Днестровско-Прутское междуречье в I-II тысячелетиях. В сб: Славяно-волошские связи. (Кишинев 1978), 30-76.

Власенко 1990: И.Г. Власенко, Исследования городища Речула. АИМ 1985. (Кишинев 1990), 212-229.

Ляпушкин 1968: И.И. Ляпушкин, Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII-первая половина IX в.). Историко-археологические очерки. МИА СССР 152, 1968.

Новикова 1990: Е.Ю. Новикова, О серьгах "екимауцкого типа". Проблемы археологии Евразии (по материалам ГИМ). ТГИМ 74, 1990,107-117.

Плетнева 1967: С.А. Плетнева,От кочевий к городам: Салтово-маяцкая культура. МИА СССР 142, 1967.

Плетнева 1981: С.А. Плетнева, Салтово-маяцкая культура. Балкано-дунайская культура. Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР 1981, 62-77.

Рабинович 1990а: Р.А. Рабинович. К проблеме культурной и этнической интерпретации памятников типа Петруха-Лукашевка. В сб: Археологические исследования молодых ученых Молдавии, (Кишинев 1990), 51-57.

Рабинович 1990б: Р.А. Рабинович, К проблеме соотношения памятников типа Екимэуць-Алчедар и Петруха-Лукашевка в Днестровско-Прутском междуречье. «Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестровья». Тезисы докладов конференции. Часть I. «История». Белгород-Днестровский, Украина 1990, 88-90.

Рабинович 1991а: Р.А. Рабинович, Гончарный горн на поселении X-XII вв. у с. Рудь. В сб: Хозяйственные комплексы древних обществ Молдовы (Кишинев 1991), 99-109.

Рабинович 1991б: Р.А. Рабинович, Жилище древнерусского времени с мыса Пештере. В сб: Археологические исследования в Старом Орхее (Кишинев 1991), 63-68.

Рабинович 1993: Р.А. Рабинович, Карпато-Поднестровье в контексте культурных и межгосударственных связей Юго-Восточной и Восточной Европы. Международная научная конференция «Международные отношения и государственные структуры в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе в IV-XVIII вв.» Запорожье, Украина 1993, 88-91.

Рабинович 1997: Р.А. Рабинович, Карпато-Днестровские земли во второй половине IX – первой половине XIII вв. (Историко-археологическое исследование). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук (Санкт-Петербург 1997).

Рабинович 1999: Р.А. Рабинович, Дирхемы на территории Молдовы: культурно-исторический контекст. Stratum Plus 6, 1999, 263-275.

Рабинович, Гукин 1991: Р.А. Рабинович, В.Д. Гукин, Результаты раскопок на поселении Бранешты XIII и некоторые спорные вопросы изучения памятников типа Петруха-Лукашевка. В сб: Древности Юго-Запада СССР (I-середина II тысячелетия н.э.) (Кишинев 1991), 205-224.

Рабинович, Рябцева 1997: Р.А. Рабинович, С.С. Рябцева, Ювелирные украшения с зернью из Карпато-Поднестровья в контексте культурно-исторических процессов X-XI вв. В сб: Stratum Plus/Петербургский археологический вестник (Санкт-Петербург – Кишинев 1997), 236-245.

Рабинович, Ткачук 1995: Р.А. Рабинович, М.Е. Ткачук, Исследования на поселении древнерусской культуры у с. Рудь в Молдове. Археологические вести 4, 1995,165-170.

Равдина 1983: Т.В. Равдина, О датировке городища Алчедар. В сб: Средневековые памятники Днестровско-Прутского междуречья (Кишинев 1988), 54-71.

Раппопорт 1967: П.А. Раппопорт, Военное зодчество западнорусских земель X-XIV вв. МИА СССР 140, 1967.

Рябцева 1999: С.С.Рябцева, «Близнецы» или «двойники»? О сходстве и отличии «волынских» и «прикамских» серег. Stratum Plus 5, 1999, 338-356.

Рябцева 2005: С.С. Рябцева, Древнерусский ювелирный убор. Основные тенденции формирования. (Санкт-Петербург 2005).

Седов 1962: В.В. Седов, О юго-западной группе восточнославянских племен. В сб: Историко-археологический сборник (Москва 1962), 197-203.

Седов 1982: В.В. Седов, Восточные славяне в VI-XIII вв. Археология СССР, 1982, 326 с.

Тимофеев 1961 а: Е.И. Тимофеев, Расселение юго-западной группы восточных славян по материалам могильников X-XIII вв. СА 3, 1961, 56-75.

Тимофеев 1961 б: Е.И. Тимофеев, Юго-западная группа восточных славян по материалам могильников X-XIII вв. Ученые записки Хабаровского пединститута 6, 1961,105-127.

Тимощук 1976: Б.О. Тимощук, Слов'яни Північної Буковини V-IX ст. (Київ 1976).

Федоров 1960: Г.Б. Федоров, Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н.э. МИА СССР 89, 1960.

Федоров 1964: Г.Б. Федоров, Работы Прутско-Днестровской экспедиции 1960-1961 гг. КСИА АН СССР 99, 1964, 77-88.

Федоров 1964а: Г.Б. Федоров, Работа Прутско-Днестровской археолого-этнографической экспедиции в 1962 г. Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея 1964, 67-81.

Федоров 1968: Г.Б. Федоров, Работы Прутско-Днестровской экспедиции в 1963 г. КСИА АН СССР 113, 1968, 85-93.

Федоров 1973: Г.Б. Федоров, Генезис и развитие феодализма у древнерусского населения Днестровско-Прутского междуречья в IX-XII вв. (по археологическим данным). В сб: Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма (Кишинев 1973), 42-52.

Федоров 1974: Г.Б. Федоров, Население Прутско-Днестровского междуречья и левобережья Нижнего Дуная в конце I и начале II тысячелетия н.э. (Москва 1974) - рукопись.

Федоров, Негруша 1979: Г.Б. Федоров, В.М. Негруша, Славяне и балкано-дунайская археологическая культура. В сб: Комплексные проблемы истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы (Москва 1979), 48-56.

Федоров, Чеботаренко 1974: Г.Б. Федоров, Г.Ф. Чеботаренко, Памятники древних славян (VI-XIII вв.). Археологическая карта Молдавской ССР (6) (Кишинев 1974).

Федоров, Чеботаренко, Великанова 1984: Г.Б. Федоров, Г.Ф. Чеботаренко, М.С. Великанова, Бранештский могильник X-XI вв. (Кишинев 1984).

Хынку 1969: И.Г. Хынку, Поселения XI-XIV веков в Оргеевских кодрах Молдавии (Кишинев 1969).

Хынку 1970: И.Г. Хынку, Лимбаць – средневековый могильник XII-XIV веков в Молдавии (Кишинев 1970).

Хынку 1972: И.Г. Хынку, К вопросу о расселении тиверцев и уличей в Поднестровье. В сб: Юго-Восточная Европа в средние века (Кишинев 1972), 159-175.

Хынку 1973: И.Г. Хынку, Кэпрэрия – памятник культуры X-XII вв. (Кишинев 1973).

Хынку 1974: И.Г. Хынку, Памятники балкано-дунайской культуры (X-XIV вв.). В сб: Древняя культура Молдавии (Кишинев 1974), 127-150.

Чеботаренко 1973: Г.Ф. Чеботаренко, Калфа – городище VIII-X вв. на Днестре (Кишинев 1973).

Чеботаренко 1979: Г.Ф. Чеботаренко, К вопросу об этнической принадлежности балкано-дунайской культуры в южной части Пруто-Днестровского междуречья. В сб: Этническая история восточных романцев (Москва 1979), 86-105.

Чеботаренко 1982: Г.Ф. Чеботаренко, Население центральной части Днестровско-Прутского междуречья в X-XII вв. (Кишинев 1982).

Чеботаренко 1983: Г.Ф. Чеботаренко, Балкано-дунайская археологическая культура в зарубежной историографии. В сб: Славяно-молдавские связи и ранние этапы этнической истории молдаван (Кишинев 1983), 58-79.

Чеботаренко, Тельнов 1983: Г.Ф. Чеботаренко, Н.П. Тельнов, Исследования южнославянской экспедиции в 1979 г. АИМ 1979-1980 (Кишинев 1983), 88-102.

Barnea 1955: I. Barnea, Byzance, Kiev et l'orient sur le Bas Danube du X au XII siecle. Nouvelles etudes d'histoire 1, 1955, 169-180.

Gukin, Manzura,Rabinovich,Tkaciuk 1995: V. Gukin, I. Manzura, R. Rabinovich, M. Tkaciuk, Nonarchaeologycal theory and problem of cultural Heritage. World Archaeological Bulletin 8, 1995, 9-18.

Dinogeţia 1967: Dinogeţia – Aşezarea feudala timpurie de la Bisericuţa-Garvan. Gh. Stefan, I. Barnea, M. Comşa, E. Comşa (Bucureşti 1967).

Sava, Manzura, Tcaciuc, Kurciatov, Bubulici, Rabinovici, Guchin, Alaiba, Badau-Wittenberger 1995: E. Sava, I. Manzura, M. Tcaciuc, S. Kurciatov, V. Bubulici, R. Rabinovici, V. Guchin, R. Alaiba, M. Badau-Wittenberger, Investigaţiile istorico-arheologice efectuate în microzona istorico-naturala Rudi - Tatarauca Nouă - Arioneşti - raionul Donduşeni, Republica Moldova. Cercetări arheologice în aria Nord-Thraca (I) (Bucureşti 1995), 281-358.

Роман Рабинович,
Высшая антропологическая школа,
ул. Зимбрулуй 10а, МД-2024 Кишинэу, Республика Молдова

CONSIDERAȚII PRIVIND „CITADELA DE PĂMÂNT" DE LA ORHEIUL VECHI ÎN LUMINA SĂPĂTURILOR ARHEOLOGICE DIN ANII 1996-2001

Gheorghe Postică, Chișinău

În anii 1952-1957 în preajma zidului de vest al citadelei ae piatră de la Orheiul Vechi a fost descoperit un șanț (Gh.D. Smirnov), care mai târziu fiind pus în legătură cu un alt complex de același tip, descoperit la est de fortificație, era interpretat drept urmele unei „cetăți din pământ" datată în prima jumătate a secolului XV, considerată anterioară „citadelei din piatră" (P.P. Bîrnea). În anii 1996-2001 în aceste sectoare au fost efectuate investigații noi (Gh. Postică), prin care s-a constatat, că „citadela din piatră" a fost construită cel târziu în anii 60 ai secolului XIV, iar „șanțul de vest" a fost astupat cu resturile acestei construcții. În același timp, n-a fost confirmată existența unui șanț similar la est de citadelă. Or, în lipsa șanțului de est, ideea despre „cetatea de pământ" de la Orheiul Vechi devine problematică.

В 1952-1957 гг. возле западной стены каменной цитадели Старого Орхея был открыт ров (Г.Д. Смирнов), который позднее, вместе с аналогичным комплексом обнаруженном к востоку от цитадели, был интерпретирован как остатки «земляной крепости» (П.П. Бырня). В 1996-2001 гг. на тех же участках были проведены новые раскопки (Г.И. Постикэ), в результате которых было установлено что «каменная цитадель» была построена не позднее 60-х годов XIV в., когда «западный ров» был засыпан строительным мусором. В то же время не получило подтверждение идея существования аналогичного рва возле восточной стенки каменной цитадели. А в отсутствии «восточного рва», гипотеза о существовании «земляной крепости» в Старом Орхее становится проблематичной.

Between 1952-1957 near the western wall of the stone citadel from Orheiul Vechi was discovered a ditch (Gh.D. Smirnov), which, later being connected with another complex of the same type revealed to the east of the fortification, was considered to be the traces of a "ground citadel" dated with the first half of the 15th century and considered earlier than the „stone citadel" (P.P. Bîrnea). Between the years 1996-2001 in these sectors were undertaken new researches (Gh. Postică), which proved that the „stone citadel" was built the latest in the 60ies of the 14th century and the "western ditch" was covered with the remains of this construction. In the same time the existence of a similar ditch to the east of the citadel was not confirmed. Or, in the lack of the „eastern ditch", the idea about the „ground citadel" from Orheiul Vechi becomes problematic.

INTRODUCERE

În anii 50 ai secolului XX în timpul investigațiilor arheologice de la Orheiul Vechi realizate de către Gh.D. Smirnov, în preajma citadelei medievale din piatră au fost descoperite câteva șanțuri care au fost interpretate de către autor drept construcții medievale, unul dintre acestea fiind datat cu secolul XIV, iar altul cu secolul XVII. Cu regret, în anii care au urmat, aceste materiale prețioase n-au fost publicate, o parte rămânând în arhiva Muzeului de Arheologie al AȘM, iar altele în arhiva personală a autorului.

Mai târziu, noul conducător al șantierului arheologic de la Orheiul Vechi, P.P. Bîrnea, în baza materialelor de arhivă, a exprimat opinia potrivit căreia șanțurile descoperite de predecesor, ar fi reprezentat urmele unei cetăți din pământ, pe care a datat-o cu prima jumătate a secolului XV. Această ipoteză s-a datorat unor vestigii depistate în cadrul șanțului aflat la vest de citadela din piatră și interpretarea forțată a unor date obținute anterior în șanțul din preajma zidului de est. Ca rezultat, în istoriografie a apărut ideea despre existența la Orheiul Vechi, pe parcursul secolului XV a două fortificații : cetatea de pământ atribuită perioadei lui Alexandru cel Bun și cetatea din piatră atribuită perioadei lui Ștefan cel Mare. Această opinie, devenită idee de referință, a dominat istoriografia de la Chișinău până la sfârșitul secolului XX, fără a fi pusă la îndoială de către cineva.

Reluarea săpăturilor arheologice din cadrul citadelei Orheiului Vechi în anul 1996 a scos în evidență unele probleme ce țineau de cronologia șanțului de vest, care nu concorda cu opinia lui P.P. Bîrnea, dându-i dreptate lui Gh.D. Smirnov. Dar, lucrurile s-au schimbat și mai radical, după consultarea aprofundată a materialelor de arhivă ale lui Gh.D. Smirnov, care indicau asupra unei probleme mult mai serioase, ce țineau de însăși vizibilitatea ideii „citadelei de pământ" [1]. Or, corelarea datelor

[1] Din cauza unor circumstanțe nefericite, albumurile cu materiale grafice anexate la rapoartele de săpturi ale lui Gh.D. Smirnov, la momentul actual, sunt dispărute din arhiva IAE AȘM.

arheologice obținute de Gh.D. Smirnov cu materialele arheologice descoperite în timpul săpăturilor noastre din anii 1996-2001, a arătat foarte clar, că ideea „cetății de pământ" de la Orheiul Vechi nu are suportul științific corespunzător.

În acest context, în cele ce urmează vom prezenta cele mai recente materiale arheologice descoperite în preajma citadelei Orheiului Vechi și va fi efectuată o corelare a acestora cu datele obținute de către Gh.D. Smirnov, pentru a oferi un tablou exhaustiv al problemei în cauză în scopul soluționării divergențelor apărute.

1. Cercetarea arheologică a Șanțului de Vest

1.1. Date generale

„Șanțul de Vest" reprezintă un complex arheologic situat în preajma zidului de vest al citadelei de piatră de la Orheiul Vechi (fig. 1; 2). A fost identificat de către Gh.D. Smirnov în anul 1952, când a și fost realizată prima lui secționare. În anii 1955-1957 autorul a descoperit încă patru segmente ale șanțului respectiv. Mai apoi, săpăturile arheologice din cadrul acestui complex au fost stopate, acestea fiind reluate de către subsemnatul pe la mijlocul anilor 90.

În anii 1996-2001 au fost cercetate patru segmente ale șanțului, trei dintre care se află la vest de zidul citadelei de piatră: sectorul nr. 71 - carourile A19-A20 (fig. 3), sectorul nr. 71 - carourile GH5-2[1] (fig. 4; 6; 7), sectorul nr. 75 (fig. 5; 8), iar una în incinta citadelei, în colțul ei de sud-vest: sectorul nr. 76. Lungimea totală a segmentelor de șanț studiate este de 23,0 m (respectiv: 6,0 m, 13,0 m, 1,0 m și 3,0 m).

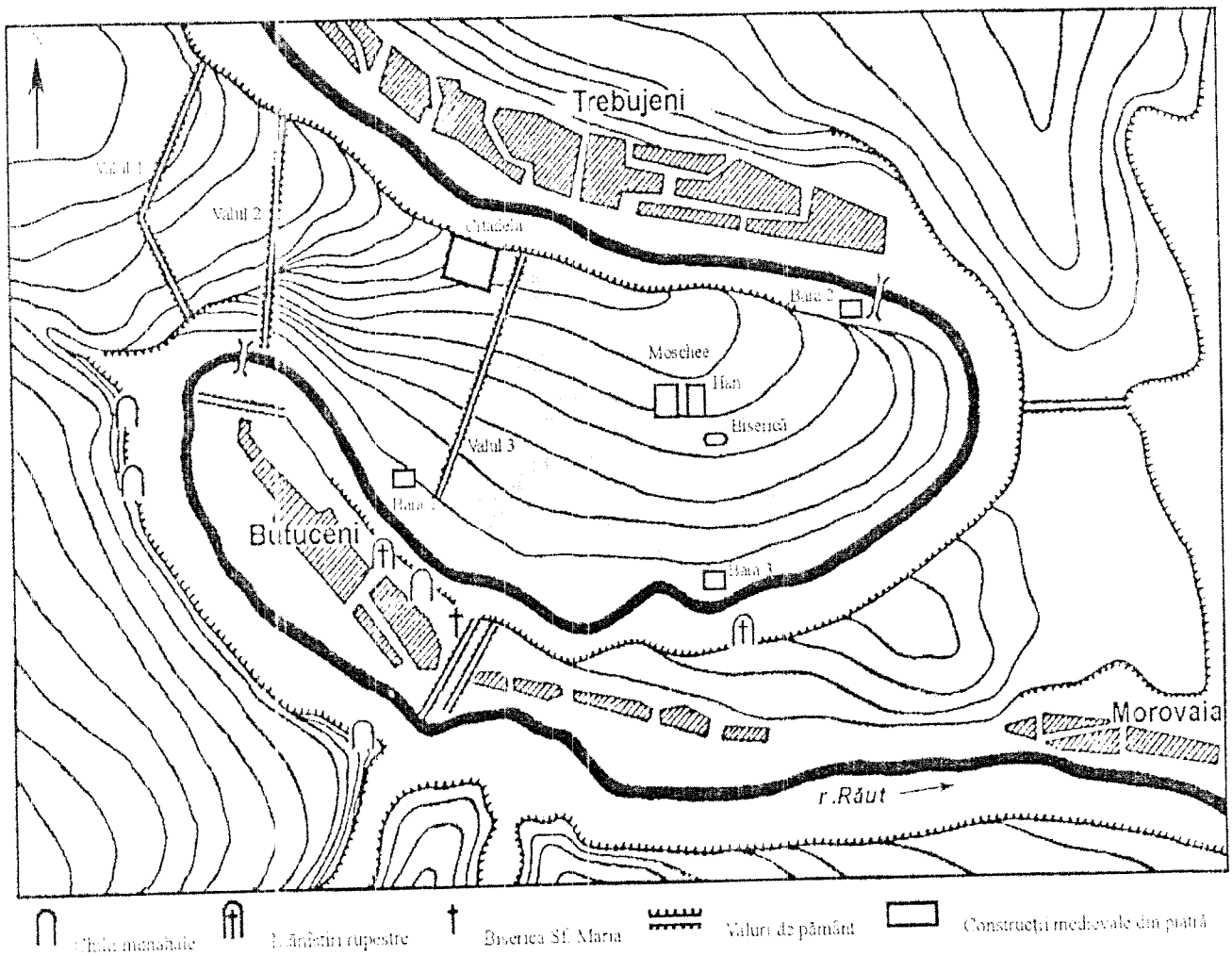


Fig. 1. Complexul arheologic Orheiul Vechi. Plan general.

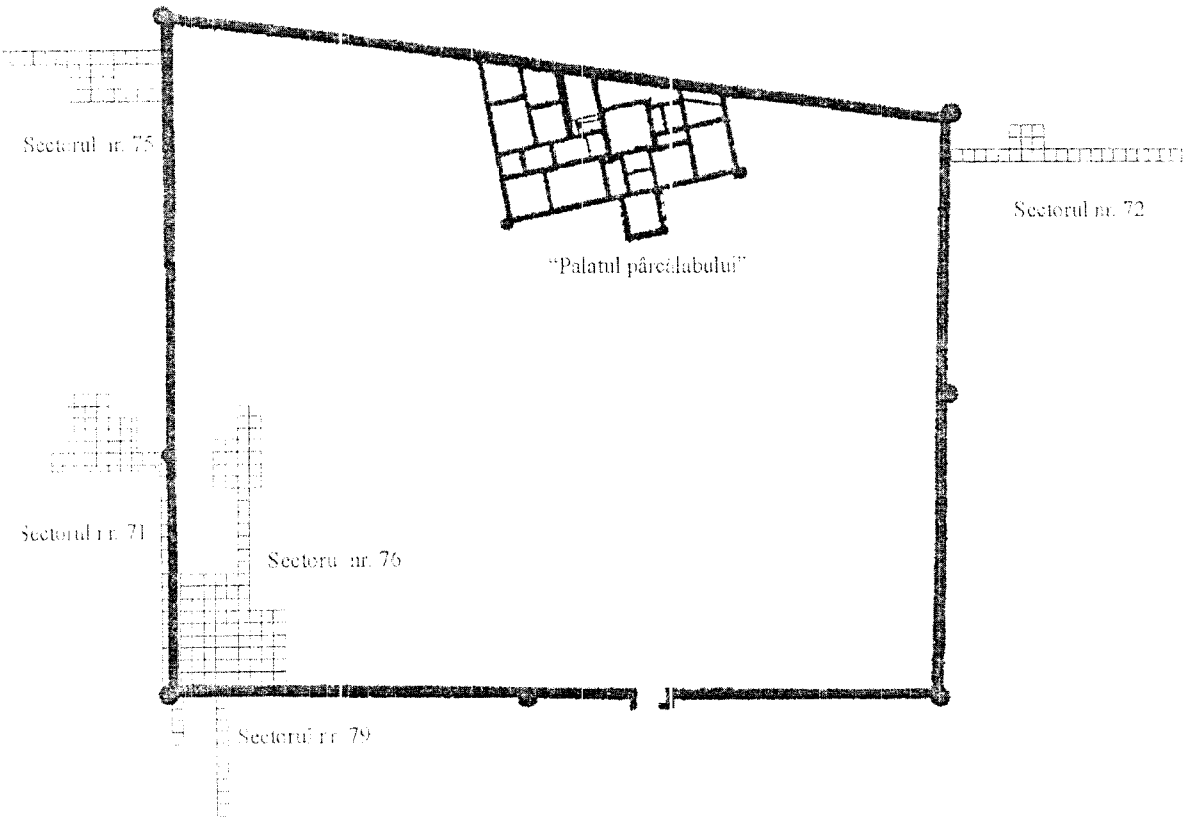


Fig. 2. Cetatea de piatră de la Orheiul Vechi. Plan general cu sectoare arheologice cercetate în anii 1996-2001.

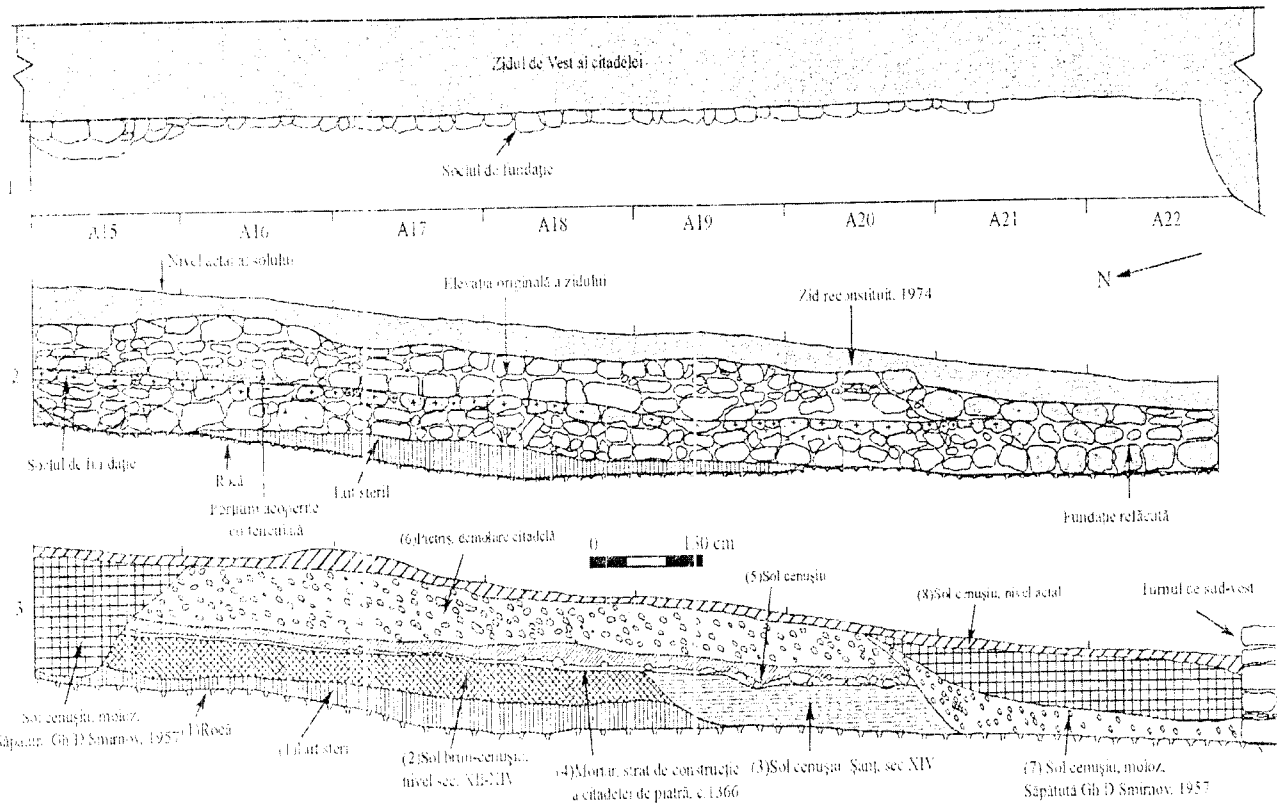


Fig. 3. Orheiul Vechi. Sectorul nr. 71: 1 – plan general, 2 - profilul fundației cetății de piatră (secolul XIV), văzut dinspre vest (carourile A15-A22), 3 - profilul peretelui de vest al carourilor A15-A22 (optică inversată).

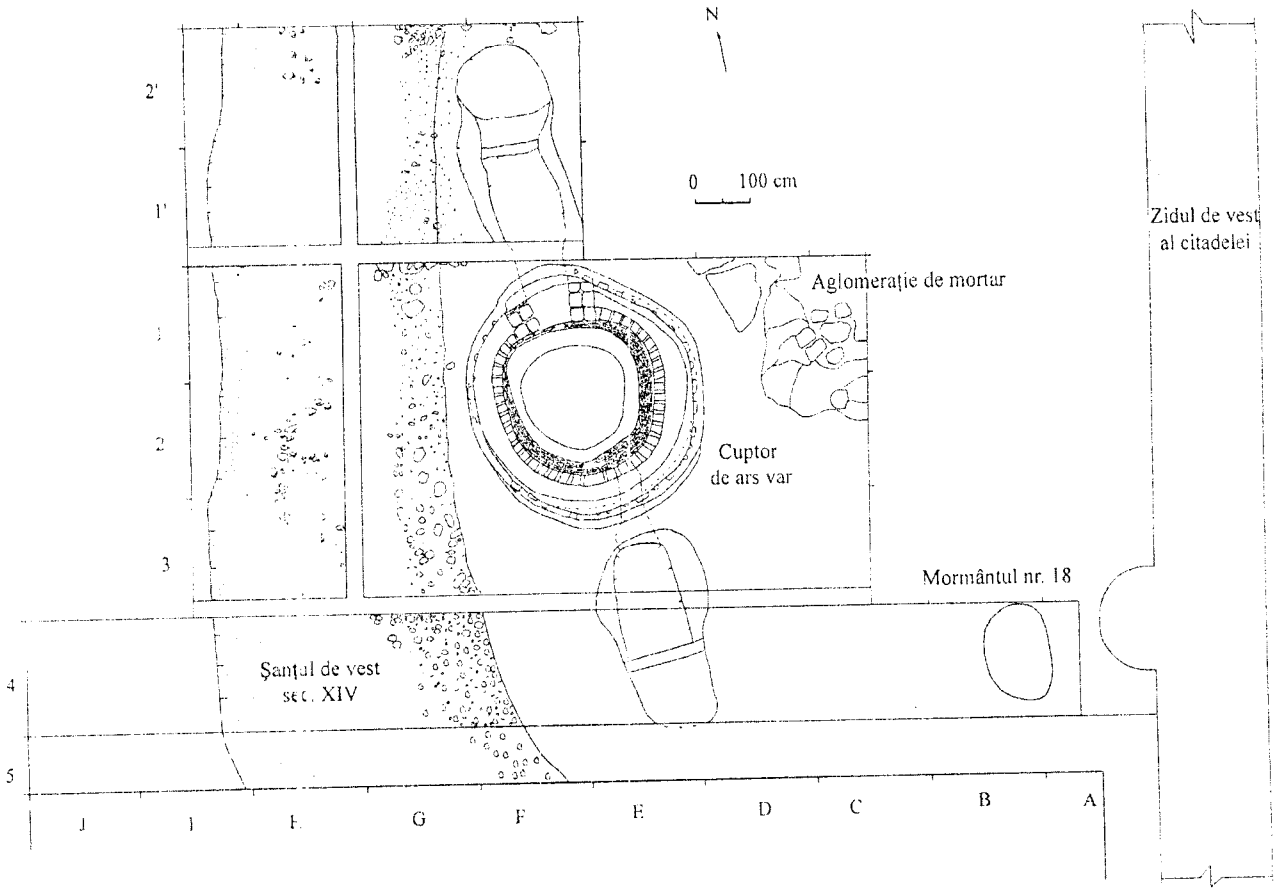


Fig. 4. Orheiul Vechi. Sectorul nr. 71. Plan al complexelor arheologice din secolul XIV: Șanțul de vest, Cuptorul de ars var nr. 15, Mormântul nr. 18.

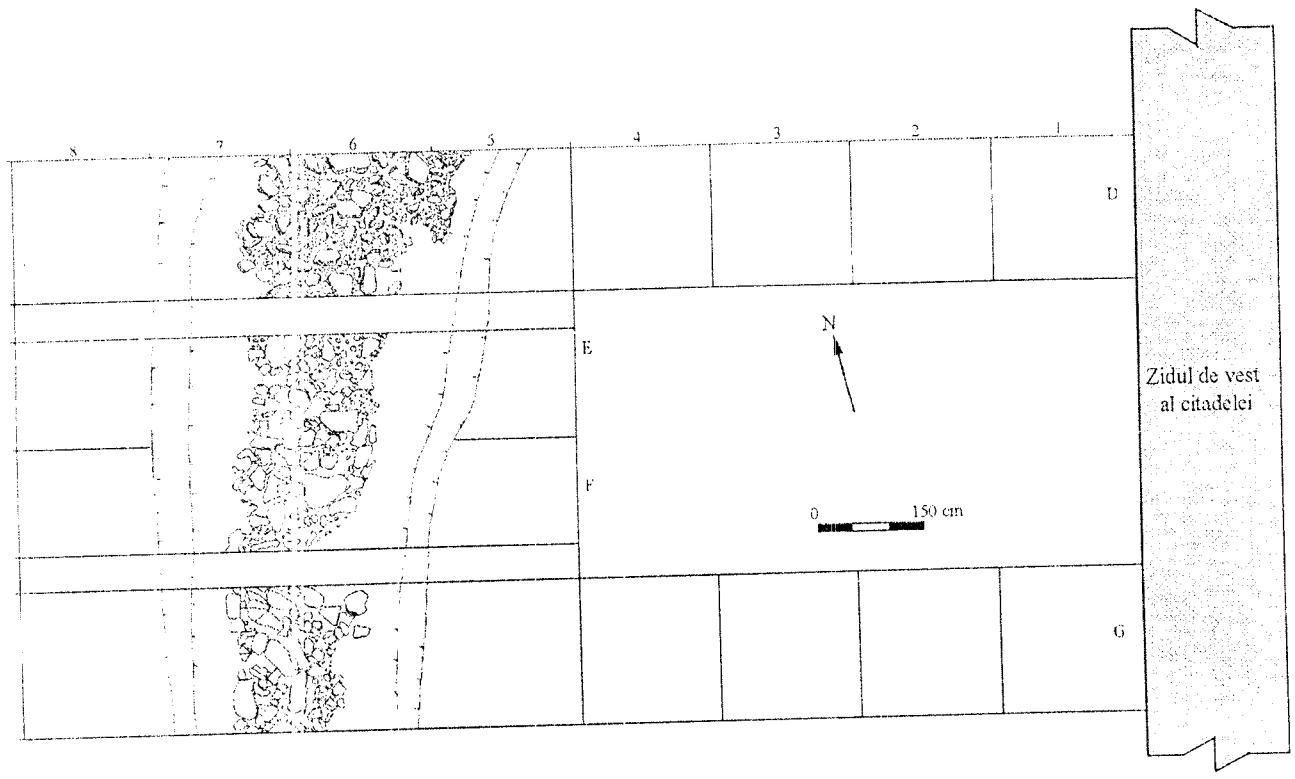


Fig. 5. Orheiul Vechi. Sectorul nr. 75. Plan al Șanțului de vest (secolul XIV).

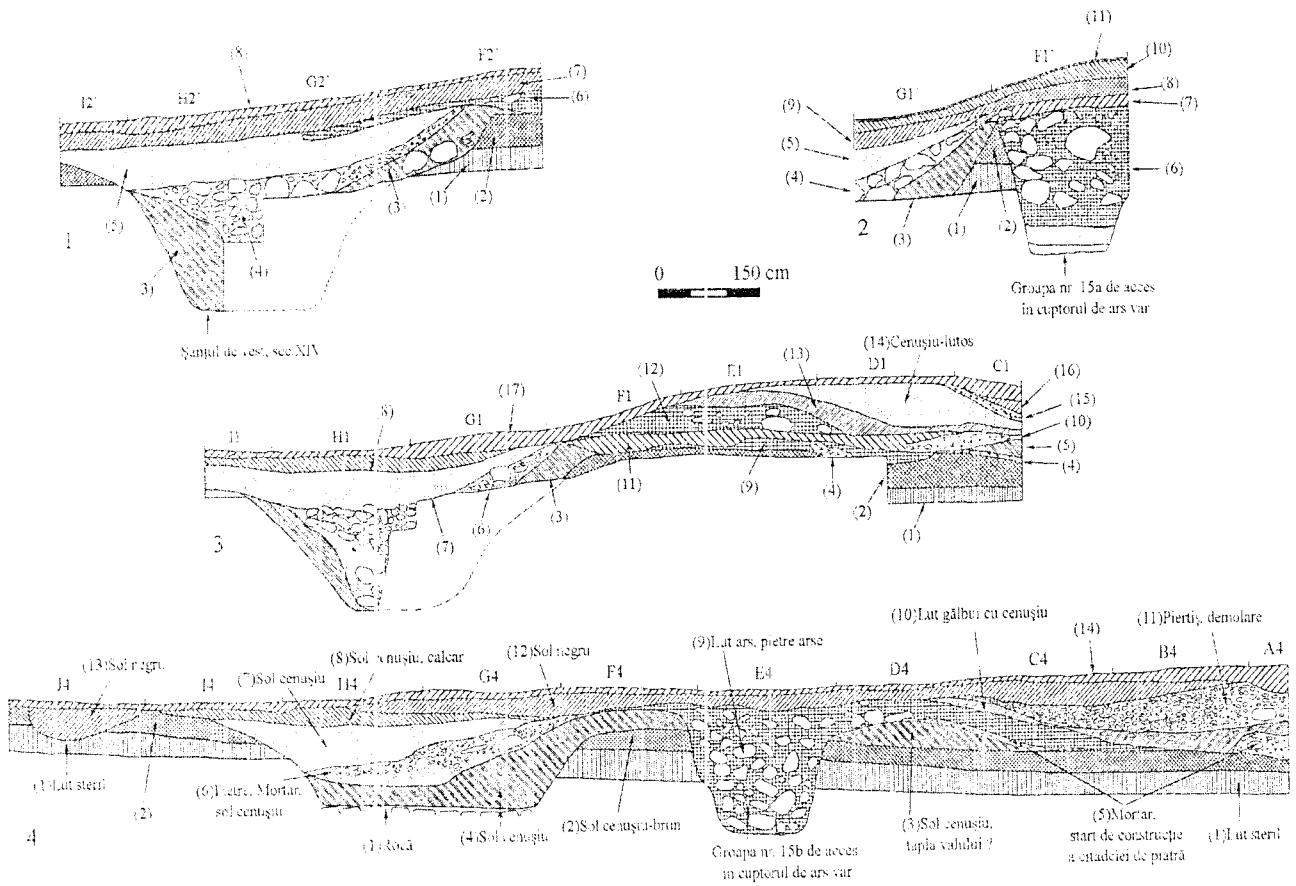


Fig. 6. Orheiul Vechi. Sectorul nr. 71. Şanţul de Vest (secolul XIV). Profile vest-est: 1 - carourile I2'-F2' (peretele de nord), 2 - carourile G1'-F1' (peretele de sud), 3 - carourile I1-C1 (peretele de nord), 4 - carourile J4-A4 (peretele de nord).

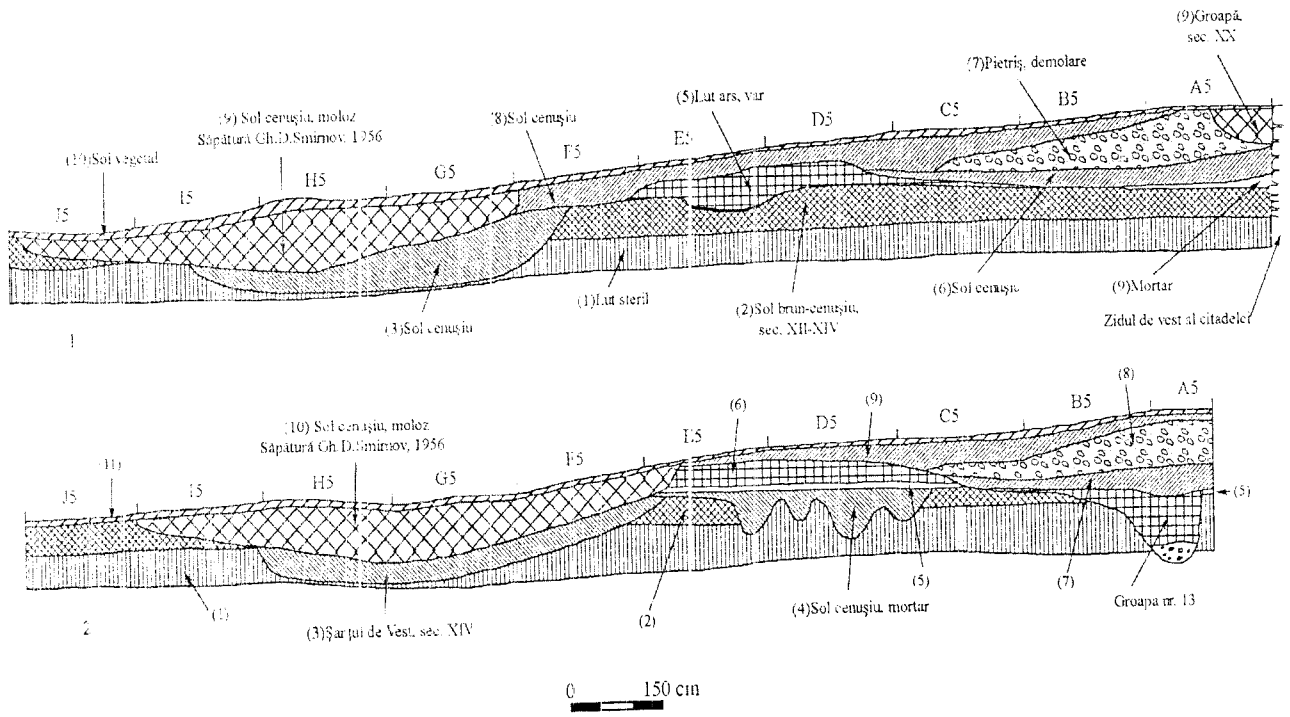


Fig. 7. Orheiul Vechi. Sectorul nr. 71. Şanţul de Vest (secolul X V). Profile vest-est: 1 - peretele de nord al carourilor A5-J5, 2 - peretele de sud al carourilor A5-J5 (optică inversată).

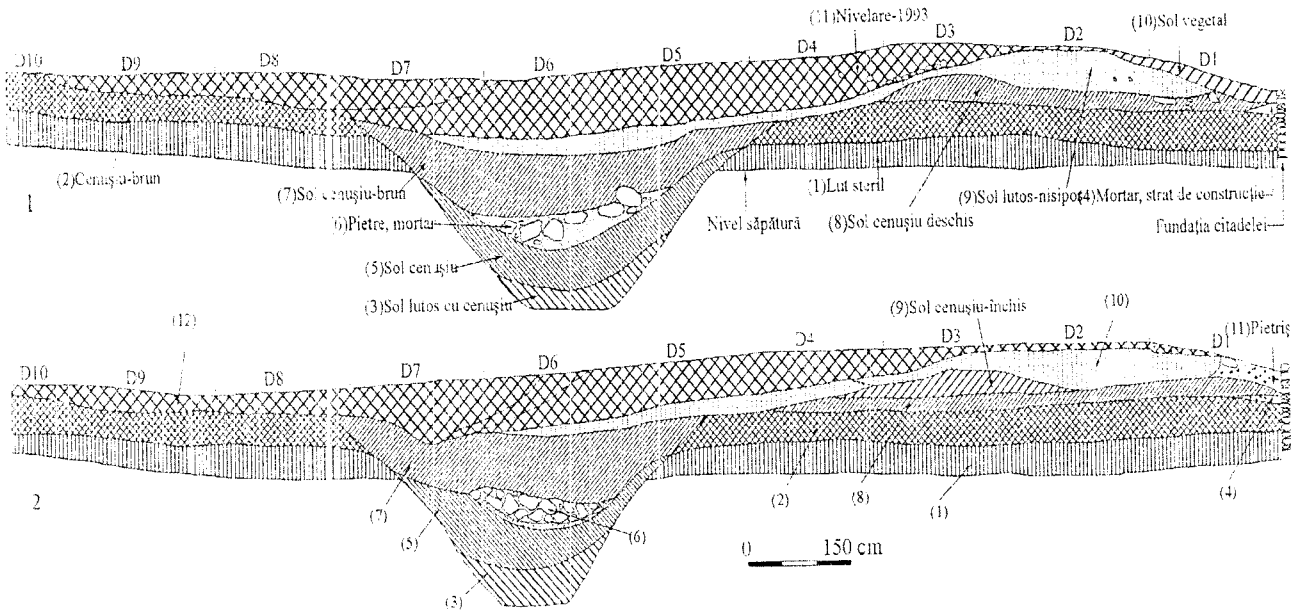


Fig. 8. Orheiul Vechi. Sectorul nr. 75. Şanţul de Vest (secolul XIV). Profile vest-est. 1 – peretele de nord al carourilor D8-D1, 2 – peretele de sud al carourilor D8-D1 (optică inversată).

1.2. Segmentul nr. 1 (sectorul nr. 71, carourile A19-A20)

Amplasarea. A fost cercetat în cadrul sectorului nr. 71, lângă latura de vest a citadelei de piatră, în carourile A19, A20, pe o porţiune cu lungimea de 4,0 m şi lăţimea de 1,0 m, în locul, unde după calculele lui Gh.D.Smirnov, şanţul făcea o cotitură spre est, fapt confirmat şi de către prezentele investigaţii (fig. 3).

Caracteristica. Şanţul era săpat în solul steril, parţial în stânca de calcar, de la nivelul solului cenuşiu-gălbui, datat cu materiale arheologice din secolul XIII – prima jumătate a secolului XIV. Segmentul şanţului era orientat pe axa vest-est. Profilul şanţului a fost urmărit foarte clar în peretele de vest al carourilor A19, A20. Latura de nord a şanţului era albiată. În partea de sud şanţul era întretăit de săpătura lui Gh.D.Smirnov din 1952. Adâncimea şanţului era de 1,20 m Nc (de la nivelul contemporan). Sub zidul citadelei de piatră traseul şanţului n-a fost observat, dat fiind faptul că în acest sector fundaţia zidului se sprijinea pe stânca de calcar.

Umplutura şanţului reprezenta sol de culoare neagră amestecat cu multă arsură, fragmente de lut ars şi cărbune de lemn. În partea superioară, şanţul era suprapus de stratul de construcţie al citadelei de piatră, alcătuit din mortar şi pietriş.

Inventar. În partea superioară a umpluturi a fost descoperit un fragment de ceramică gălbuie-roşietică a Hoardei de Aur.

1.3. Segmentul nr. 2 (sectorul nr. 71, carourile GH5-2[1])

Amplasarea. A fost cercetat în partea de nord-vest a sectorului nr. 71, în carourile G5-G2[1], H5-H2[1], pe o porţiune cu lungimea de 13 metri, aflată la distanţa de 12 m spre vest de la zidul de citadelei de piatră (fig. 4, 6, 7). În sectorul menţionat şanţul este paralel cu zidul citadelei din piatră, orientat spre nord cu o deviere de 15° spre est. Şanţul a fost observat la adâncimea de 0,30-0,60 m.

Caracteristica. Porţiunea menţionată a şanţului a fost studiată în proporţie de 60 %, restul fiind conservată. Acest lucru a fost dictat de necesitatea păstrării cuptorului de ars var din secolul XIV, descoperit lângă marginea de est a şanţului. Din această cauză a fost cercetată complet doar porţiunea şanţului din carourile GH4-5, în rest fiind studiată doar jumătatea de vest a şanţului (carourile H3, H2, H1, H1[1], H2[1]). În partea de răsărit a fortificaţiei lucrările arheologice au fost sistate la nivelul evidenţierii conturului şanţului.

La adâncimea de 0,50-0,60 m șanțul avea o lățime de 5,50-6,0 m. Șanțul era săpat în lut steril de culoare gălbuie închisă. În carourile G-H4 șanțul era săpat până la nivelul rocii de calcar, în celelalte carouri aflate în partea superioară a pantei, fundul șanțului nu ajungea la stâncă. Pereții șanțului coborau spre fund în pantă. Fundul șanțului era plat. Lățimea fundului șanțului după cum au arătat cercetările integrale din carourile G-H4 era de 3,0 m Adâncimea șanțului era de 1,60 m Nc, în carourile G4, H4, din partea inferioară a pantei și de 2,60 m Nc, în carourile $H2^1$, $G2^1$ din partea superioară a pantei, sau de 1,10-2,0 m de la nivelul vechi de călcare al solului.

Umplutura șanțului era alcătuită din patru straturi:

Primul strat, din partea inferioară a șanțului, reprezenta o lentilă alcătuită din sol cenușiu (provenit probabil din fostul val, aflat la est de șanț, demolat în perioada edificării citadelei de piatră), cu pigmenți de mortar și de calcar (proveniți din construcția citadelei de piatră). Acest start avea grosimea de 0,30-0,70 m și era așternut pe fundul șanțului, de la marginea de est cu o ușoară înclinare spre vest. În partea de nord a porțiunii cercetate a șanțului, stratul respectiv era compus din sol negru sau gălbui amestecat cu lut ars, calcar, bucăți de mortar, iar pe alocuri cu cărbune de lemn.

Deasupra stratului inferior era plasată o lentilă masivă, alcătuită din pietre de calcar de diferite dimensiuni (cele mai mari atingeau 40x20x15 cm) și bucăți de mortar similar după compoziție și culoare cu cel folosit la construcția citadelei, așternute în pantă de la marginea de est a șanțului (adâncimea de 0,30-0,40 m Nc) spre centrul lui (adâncimea de 0,80-1,10 m Nc). La capătul de sud a porțiunii studiate, stratul avea grosimea de 0,3-0,45 m, iar în partea centrală a porțiunii studiate grosimea stratului de pietre atingea 1,0-1,10 m.

Al treilea strat, suprapus peste lentila din pietre și mortar reprezenta o nivelare, alcătuită din sol cenușiu închis granulos sau negru cu fărâmături de calcar, cu o grosime de 0,20-0,60 m, provenit probabil, din săpătura cuptorului de ars var – complexul nr.15.

Al patrulea strat, din partea superioară, reprezenta o nivelare sub forma unei lentile alcătuită din sol cenușiu cu lut, cu o grosime de 0,10-0,25 m, care a fel ca și startul precedent provenea probabil din săpătura cuptorului de ars var.

Inventar. În șanț au fost depistate: un fragment de sticlă (-1,37 m) și 12 fragmente de ceramică gălbuie-roșietică de tipul Hoardei de Aur. Ceramica a fost descoperită în stratul inferior al șanțului, sub lentila de pietre și mortar.

Cronologia șanțului. Pentru stabilirea cronologiei șanțului prezintă interes ceramica, pietrele, mortarul și datele stratigrafice.

Ceramica descoperită în partea inferioară a umplaturii șanțului, aparține în totalitate perioadei Hoardei de Aur, datată din prima jumătate a secolului XIV până în anul 1369.

Mortarul din umplutura șanțului este identic după structură, compoziție și culoare cu mortarul folosit în construcția fundației citadelei de piatră, datată în ultima fază de dominației a Hoardei de Aur la Orheiul Vechi, 1366-1369 (Постикэ 2005).

Pietrele din umplutura șanțului sunt similare după structură și culoare cu pietrele din fundația citadelei de piatră, multe dintre care aveau amprente evidente de mortar tipic pentru fundația construcției nominalizate.

Observațiile făcute indică o legătură directă între procesul de edificare a citadelei de piatră și astuparea șanțului din preajma zidului de vest. Această legătură este demonstrată de stratigrafia șanțului. Astfel, observațiile minuțioase indică foarte explicit că șanțul a fost astupat dinspre est, dinspre citadela de piatră, cu pământ amestecat, ce conținea resturi evidente provenite din timpul lucrărilor de construcție a citadelei de piatră.

În baza celor prezentate, data limitei superioare a șanțului este stabilită între anii 1366-1369, când era astupat în legătură cu edificarea citadelei din piatră.

În contextul stratigrafiei șanțului atragem atenția la faptul că în umplutura acestui complex lipsesc resturi materiale ce ar ține de demolarea cuptorului de ars var. Această observație demonstrează că în perioada de funcționare și de demolare a cuptorului de ars var, șanțul era deja astupat. Procesul astupării șanțului, după cum o demonstrează straturile de nivelare din partea superioară a acestei construcții s-a finalizat în perioada amenajării gropii cuptorului, care s-a produs la un mic interval de

timp după amenajarea fundației citadelei de piatră. Resturile materiale provenite din cuptor s-au suprapus doar parțial asupra șanțului după ce acesta era astupat.

Etape. În baza observațiilor efectuate putem stabili următoarea cronologie relativă a complexelor din sectorul cercetat: la prima etapă a fost amenajat șanțul; la a doua a fost demolată partea superioară a valului, solul fiind aruncat în partea inferioară a șanțului; la a treia a urmat construcția parțială a citadelei de piatră; la următoarea etapă a fost astupată partea inferioară a șanțului cu resturi din construcția citadelei de piatră; la a cincia etapă a fost săpată groapa cuptorului de ars var, iar solul scos din groapă a servit pentru nivelarea părții superioare a șanțului; la a șasea etapă a funcționat cuptorul, care producea varul necesar pentru construcția și tencuirea zidului citadelei, iar la etapa finală a fost distrus cuptorul de ars var, resturile căruia parțial s-au suprapus peste umplutura superioară a șanțului.

În baza observațiilor realizate și inventarului arheologic descoperit în straturile respective, lucrările efectuate la etapele nr. 2-7 pot fi atribuite cu siguranță perioadei Hoardei de Aur, din anii 1366-1369.

1.4. Segmentul nr. 3 (sectorul nr. 75)

Amplasarea. Segmentul nr. 3 a fost studiat în cadrul sectorului nr. 75, nemijlocit pe marginea stâncii Răutului, unde începea traseul șanțului, la distanța de 8,0-10,0 m spre vest de la zidul citadelei de piatră (fig. 5, 8). Porțiunea cercetată a șanțului avea o lungime de 6 m și era orientată pe axa nord-sud cu deviere de 15 grade spre vest.

Caracteristica. Extremitatea de nord a șanțului era mai largă în comparație cu corpul de bază al complexului și devia de la traseul general, fiind cotită spre nord-est. Lățimea șanțului la nivelul vechi de călcare al solului (adâncimea de 0,70-1,0 m) varia de la 5,10 m la capătul de nord, 4,30 m la mijlocul porțiunii cercetate și 3,50 m la capătul de sud al porțiunii șanțului.

Șanțul era săpat în lut steril, atingând adâncimea de 2,80-3,0 m Nc sau 2,0-2,30 m de la nivelul vechi de călcare. Pereții aveau formă de pantă, sub un unghi de 45 de grade, iar fundul șanțului era plat. În secțiune șanțul avea o formă trapezoidală cu lățimea fundului de 1,0-1,30 m.

Umplutura șanțului era alcătuită din patru straturi succesive, care erau amplasate în ordine inversată comparativ cu stratigrafia solurilor din preajma secțiunii (partea de est), fapt ce ne permite să reconstituim etapele astupării șanțului.

1. La fundul șanțului, la adâncimea de 2,36-3,05 m (carourile D5-D7) și 1,80-2,40 m (carourile G5-G7), se găsea un strat, alcătuit din sol lutos pe alocuri cenușiu cu grosimea de 0,60-0,80 m. În cadrul acestui strat, la fundul șanțului, au fost descoperite 6 fragmente de ceramică gălbuie-roșietică de factură orientală tipică secolului XIV, 1 fragment de ceramică cenușie moldovenească tipică pentru a doua jumătate a secolului XIV – începutul secolului XV, o lupă de fier de circa 500 grame și 2 lame de silex din paleoliticul târziu. Aceste descoperiri datează stratul respectiv cu secolul XIV. Analiza compoziției solului din acest strat pare să indice că acesta ar putea proveni din partea superioară a valului din preajma șanțului, care, fiind demolat după finisarea lucrărilor de construcție a citadelei de piatră, a fost aruncat direct la fundul șanțului, sau acolo de unde cândva a fost extras.

2. Deasupra stratului precedent, la adâncimea de 1,80-2,36 m (carourile D5-D7) și 1,07-1,80 m (carourile G5-G7) se găsea un strat de pământ cenușiu închis, compact cu pigmenți de calcar, de 0,50-0,75 m în grosime. În cadrul acestui strat au fost descoperite: 10 fragmente de ceramică gălbuie-roșietică de factură orientală tipică secolului XIV, 1 fragment de ceramică cenușie moldovenească tipică pentru a doua jumătate a secolului XIV – începutul secolului XV și 7 lame de silex din paleoliticul târziu, 1 os uman, 6 oase de animale, un inel din fier (-2,0 m), o placă din aramă (adâncimea -2,11 m) și 3 bucăți de zgură de fier (150 gr.). Aceste descoperiri datează stratul respectiv cu perioada secolul XIV. Judecând după compoziția solului se poate presupune că stratul respectiv provine din partea mijlocie a valului de lângă șanț, care a fost aruncat în șanț după finisarea lucrărilor de construcție a citadelei de piatră.

3. Peste stratul nr. 2 se găsea o aglomerație de mortar și pietre sub forma unei lentile, care se așternea în partea centrală a șanțului, pe axa nord-sud. Lățimea stratului era de 1,60 m la capătul de sud

al şanţului şi de 3,0 m la capătul de nord, iar grosimea lui maximală era de 0,40 m. Mortarul era de culoare gălbuie, unele bucăţi atingând dimensiuni de până la 15x13x10 cm, 12x10x8 cm, fiind analogic după compoziţie şi culoare cu mortarul din stratul de construcţie al citadelei de piatră din secolul XIV, descoperit lângă zidul acesteia. Mortar similar a fost descoperit în segmentul nr. 2 al şanţului, cercetat în sectorul nr. 71. Mortarul era amestecat cu pietre de dimensiuni mari (80x65x40 cm, 60x50x40 cm, 55x35x30 cm, 50x40x30 cm), mijlocii şi mici, provenite din resturile de construcţie a citadelei de piatră din secolul XIV, care, după finisarea lucrărilor de construcţie a celei din urmă, au fost aruncate în şanţ.

În stratul de mortar din şanţ au fost descoperite 8 fragmente de ceramică gălbuie-roşietică de factură orientală tipică pentru secolul XIV. Această ceramică demonstrează că stratul respectiv aparţine perioadei Hoardei de Aur. În acelaşi strat, la adâncimea de 1,62 m, a fost descoperită o lupă de fier cu greutatea de circa 3 kg, provenită de la fundul unui captor de redus minereu de fier.

4. În partea superioară a şanţului se găsea un strat de pământ cenuşiu deschis practic fără impurităţi, care reprezenta o parte din stratul de cultură nr. 2 din sectorul nr. 75, observat în preajma şanţului. Acest strat cu grosimea de 0,20-0,90 m, avea forma unei lentile care acoperea toată partea superioară a şanţului, de la nivelul solului din secolul XIV, adâncimea de 0,45-0,57 m până la 1,20-1,60 m. În cadrul stratului respectiv au fost descoperite: o bară din fier (-1,54 m), 28 fragmente de ceramică, dintre care 12 fragmente aparţin Hoardei de Aur, secolul XIV, iar 16 fragmente de ceramică moldovenească, de culoare cenuşie tipică pentru a doua jumătate a secolului XIV – începutul secolului XV. Au mai fost descoperite 4 fragmente de silex din paleoliticul târziu şi 1 cui din fier.

Acest strat este analogic după compoziţie şi culoare cu stratul de cultură nr. 2 din cadrul sectorului nr. 75, observat în afara şanţului, spre est şi vest. Pornind de la faptul că partea superioară a stratului din şanţ se găsea practic la acelaşi nivel cu stratul respectiv din preajmă, reprezentând de fapt o continuare şi o parte a acestuia, putem conchide că acest sol, a fost aruncat în şanţ dinspre est, din talpa fostului val, demolat în rezultatul finisării lucrărilor de construcţie a citadelei de piatră.

Inventar din şanţ. În porţiunea cercetată a şanţului au fost descoperite: o verigă din fier, element de la o zăbală pentru cai (-2,0 m), o bară din fier (-1,54 m), o placă din aramă (-2,11 m) şi 1 cui de fier (-1,35 m), 13 lame de silex din paleoliticul târziu, 2 lupe de fier (3,5 kg), 3 bucăţi de zgură de fier (150 gr), 6 oase de animale, 1 os uman şi 54 fragmente de ceramică: 36 fragmente ceramică de factură orientală tipică secolului XIV şi 18 fragmente ceramică cenuşie moldovenească tipică pentru a doua jumătate a secolului XIV - începutul secolului XV.

Cronologia şanţului. În baza materialelor obţinute, putem conchide că în partea de est a şanţului a existat un val de pământ, care la o anumită etapă istorică a fost demolat, pământul din corpul lui fiind aruncat în şanţ. Data demolării valului de pământ şi data astupării şanţului este stabilită cu certitudine în limitele anilor 60 ai secolului XIV. În favoarea acestei date pledează ceramica şi mortarul din umplutura şanţului. Ceramica, descoperită la toate nivelurile şanţului, inclusiv la fund, aparţine perioadei Hoardei de Aur şi este datată la Orheiul Vechi cu anii 30-60 ai secolului XIV (Постико 2005). Dat fiind, că în umplutura şanţului a fost descoperit un strat masiv de mortar şi pietre, provenite din resturile de construcţie ale citadelei de piatră, edificată în perioada Hoardei de Aur, putem susţine că şanţul a fost astupat după finisarea lucrărilor de construcţie a citadelei de piatră şi curăţirea terenului din preajma ei. În acelaşi timp a fost demolat şi valul de pământ. Observaţiile stratigrafice au permis să stabilim ordinea demolării valului şi, respectiv, ordinea astupării şanţului. La început a fost tăiat vârful valului, alcătuit din sol lutos, extras cândva din fundul şanţului, şi aruncat înapoi în şanţ. La a doua fază, a fost demolată partea de mijloc a valului, alcătuită din sol cenuşiu, extras cândva din partea de mijloc şi superioară a şanţului, şi aruncat înapoi în şanţ, deasupra stratului precedent alcătuit din sol lutos. La a treia fază, în şanţ au fost aruncate resturi de construcţie (mortar şi pietre), provenite din şantierul citadelei de piatră, după curăţirea terenului din preajma citadelei, dintre zid şi valul de pământ. La a patra fază a fost demolată baza valului de pământ, alcătuită din sol cenuşiu, extras din nivelul vechi de călcare şi aruncat deasupra stratului de mortar şi piatră.

În legătură cu inventarul identificat un interes aparte prezintă descoperirea fragmentelor de ceramică moldovenească în partea inferioară a şanţului. Condiţiile descoperii ceramicii moldoveneşti

exclud orice gând despre o pătrundere a lor la fundul şanţului într-o perioadă mai târzie decât timpul astupării lui. Analiza atentă a fragmentelor descoperite demonstrează că acestea sunt similare ceramicii moldoveneşti tipice pentru a doua jumătate a secolului XIV – începutul secolului XV. În acest context putem conchide că prezenţa ceramicii moldoveneşti în şanţ împreună cu ceramica Hoardei de Aur reprezintă de fapt un indice care permite să stabilim timpul astupării şanţului de vest, care în acest caz nu poate fi decât perioada din ultima fază a dominaţiei în ţinut a Hoardei de Aur, anii 60 ai secolului XIV.

În legătură cu prezenţa în şanţ a ceramicii moldoveneşti trebuie de amintit că descoperiri similare a făcut în anii 50 şi Gh.D.Smirnov. Aceste fapte, mai târziu, au fost folosite nejustificat de către P.P.Bîrnea pentru datarea acestui complex cu epoca lui Alexandru cel Bun (Бырня 1984, p. 82-85). Această opinie este contestată de observaţiile stratigrafice, caracterul umpluturii şi materialele ceramice descoperite în şanţ pe parcursul anilor 1996-2001. Descoperirea în partea inferioară a şanţului a două fragmente de ceramică moldovenească, cu caracteristici tipice pentru a doua jumătate a secolului XIV – începutul secolului XV, la fel ca şi descoperirea unui fragment similar în partea de mijloc a complexului respectiv, reprezintă un argument foarte serios în favoarea prezenţei la Orheiul Vechi în timpul dominaţiei Hoardei de Aur a populaţiei moldoveneşti. Această interpretare a descoperirilor menţionate se găseşte în deplină concordanţă cu descoperirile arheologice din gropile de ars var (complexele nr.11 şi 15).

1.5. Segmentul nr. 4 (sectorul nr. 76)

A fost identificat în sectorul nr. 76, începând cu adâncimea de 1,18-1,30 m în partea de est a carourilor C5-E5 şi carourile C6-E6.

În porţiunea din carourile C5-E5 şi C6-E6 şanţul era adâncit în solul steril până la nivelul stâncii de calcar, pe alocuri străpungând stânca cu 5-8 cm. Grosimea lentilei de pământ pe această porţiune de şanţ era de 0,20-0,40 m. Urmele construcţiei au fost observate atât în plan, sub forma unei pete de culoare cenuşie-închisă, cât şi în profilul pereţilor carourilor respective. Traseul construcţiei era orientat pe axa vest-est, fiind observat pe o porţiune cu lungimea de aproximativ 3,0 m, având o lăţime de 4,60-4,80 m. În partea de nord latura construcţiei coboară în pantă spre sud. Latura de sud a şanţului era suprapusă de vestigiile unor construcţii din secolul XV (complexul nr. 54). Solul de umplutură din şanţ reprezenta pământ de culoare cenuşie închisă, fără impurităţi. În partea superioară se găsea un strat de pământ ars puternic de 5-7 cm. În solul de umplutură a fost descoperită o *cheie de fier*. La distanţa de 12 m spre est de la latura interioară a zidului de vest a citadelei de piatră traseul şanţului se termina.

În continuarea traseului dat, la nivelul rocii de calcar, în carourile C7-E7 pe o porţiune de 3,0 m a fost observată o lentilă alcătuită din sol cenuşiu steril cu pietriş, care venea în continuarea poţiunii de şanţ observată în carourile C5-E5 şi C6-E6, dar dat fiind că acesta se afla sub nivelul vechi de călcare al solului nu putem pune această lentilă în legătură cu traseul şanţului.

1.6. Particularităţile Şanţului de Vest

Analiza materialelor obţinute permite să facem anumite observaţii privind particularităţile şanţului de vest. Prin segmentele cercetate au fost stabilite dimensiunile şi traseul şanţului de vest.

Şanţul se afla la distanţa de 10,0-12,5 m de la zidul citadelei de piatră. Are un traseu semioval. Capătul lui de nord face un cot spre est la distanţă de 6,0-8,5 m vest de la colţul citadelei de piatră. Pe de altă parte, capătul de sud al şanţului făcea un cot spre sud-est-est intrând sub zidul citadelei de piatră în porţiunea aflată la distanţa de 3,0-8,0 m nord de la turnul ei de sud-vest. Lungimea şanţului de vest, măsurată pe axa zidului citadelei de piatră era de circa 98-99 m. Şanţul era perpendicular malului abrupt al Răutului, se întindea pe axa nord-sud cu deviere de 15 grade spre vest, fiind paralel cu zidul citadelei de piatră până în regiunea turnului semioval din mijlocul laturii, pe o lungime de 66,0 m, de unde începea cotitura lentă spre est, intrând sub zidul citadelei de piatră, în punctul aflat la distanţa de 97,70 m de la latura de nord.

În colțul de sud-vest al citadelei de piatră, pe porțiunea cercetată în cadrul sectorului nr. 76, a fost sesizată o porțiune slab pronunțată a șanțului, care desemna începutul traseului de sud orientat spre est. Traseul de sud al șanțului a fost observat doar pe o porțiune de 6,0 m, în intervalul aflat la distanța de 10,0-16,0 m spre est de la marginea interioară a zidului de vest al citadelei de piatră, mai departe spre est nefiind sesizabil, posibil din cauza terminării acestei construcții în punctul indicat. În sectorul de sud, șanțul era săpat într-un strat de cernoziom cu o grosime de 0,20-0,40 m.

Șanțul de vest avea o formă trapezoidală, pe alocuri semiovală în secțiune cu lățimea în partea superioară de 4,70-5,80 m, iar la fund de 0,95-3,0 m. Adâncimea șanțului de la nivelul vechi de călcare varia de la 0,60 m la capătul de sud în regiunea intersecției cu latura de vest a citadelei de piatră, la 1,0 m în regiunea din preajma turnului semioval al zidului, ajungând până la 2,35 m în capătul de nord.

În partea de est a șanțului, în timpul săpăturilor arheologice au fost descoperite probe care permit să susținem că în sectorul respectiv a existat un val de pământ, care a fost demolat în timpul construcției citadelei de piatră. Pe parcursul săpăturilor a fost descoperit un strat de pământ cenușiu, care, poate fi pus în legătură cu eventualul val de pământ. Cu valul de pământ din preajma șanțului de vest poate fi legată și umplutura din partea inferioară a acestui șanț.

1.7. Cronologia Șanțului de Vest

Pentru stabilirea cronologiei șanțului de vest prezintă interes următoarele materiale: datele stratigrafice generale, datele stratigrafice și materialele ceramice din șanț, corelarea șanțului cu cuptorul de ars var nr. 15 și cu citadela de piatră.

Primul reper cronologic, îl reprezintă nivelul stratigrafic al gropii șanțului, observat foarte bine în sectoarele cercetate. Or, groapa șanțului era săpată de la nivelul vechi de călcare al solului, ce conținea materiale tipice pentru secolul XIII – prima jumătate a secolului XIV, fapt ce indică, că, cronologia relativă a șanului de vest poate fi stabilită într-un anumit interval de timp din perioada menționată.

Al doilea reper cronologic, îl reprezintă stratigrafia umpluturii șanțului, care demonstrează că șanțul de vest a fost astupat în 3-4 etape, la început cu pământ din valul demolat, iar în final cu moloz de la construcția citadelei de piatră. Pornind de la faptul, că data edificării citadelei de piatră este stabilită în ultima fază a dominației Hoardei de Aur în ținut, în perioada anilor 1366-1369, se poate susține că și astuparea șanțului s-a produs în perioada respectivă. Or, limita cronologică superioară a șanțului de vest poate fi stabilită în a doua jumătate a deceniului șapte a secolului XIV.

Al treilea reper cronologic, îl reprezintă materialele ceramice din umplutura șanțului. În majoritatea cazurilor în umplutura șanțului a fost descoperită ceramică de tip oriental, caracteristică pentru Hoarda de Aur – 49 fragmente și relativ rar ceramică timpurie moldovenească – 18 fragmente. În straturile inferioare ale umpluturii șanțului au fost depistate 28 fragmente de ceramică de tip oriental și 2 fragmente de ceramică moldovenească, în stratul de mortar și piatră din șanț au fost descoperite 8 fragmente de ceramică a Hoardei de Aur, iar în stratul superior al șanțului au fost recuperate 13 fragmente de ceramică de tip oriental și 16 fragmente de ceramică moldovenească. Aceste date demonstrează că astuparea șanțului de vest s-a produs în perioada când în așezarea de pe malul Răutului, în rând cu ceramica tipică orientală, capătă răspândire și ceramica moldovenească cenușie de tip mușatin, aceasta fiind relativ rară în momentul demolării valului citadelei și mai numeroasă după finisarea procesului de nivelare a șanțului. O asemenea situație se putea crea în ultima fază a dominației mongole în ținut sau în primii ani după plecarea mongolilor produsă în anul 1369, când tradițiile și ceramica orientală în mod logic trebuia să se păstreze în așezare pentru o anumită perioadă, dar în același timp trebuiau să se impună tradiții și materiale noi, caracteristice pentru populația autohtonă a ținutului carpato-nistrean. Astfel, se poate conchide, că astuparea șanțului de vest s-a produs în perioada finală a dominației Hoardei de Aur în ținut, în a doua jumătate a anilor 60 ai secolului XIV.

Al patrulea reper cronologic, îl reprezintă rezultatul corelării stratigrafice a șanțului de vest cu cuptorul de ars var descoperit în preajma lui (complexul nr. 15). Ultimul a fost descoperit la est de șanț, pe locul valului demolat, acoperind cu dărâmăturile sale o parte din suprafața șanțului. Din cele

expuse reiese două concluzii: prima constă în faptul că în momentul construcției cuptorului de ars var, valul de pământ era demolat, iar ce-a de-a doua, este că în momentul când cuptorul își încetase existența, șanțul era astupat complet, inclusiv cu moloz din construcția citadelei de piatră. Având în vedere faptul, că umplutura cuptorului conținea materiale tipice pentru perioada finală a Hoardei de Aur, susținem că șanțul ține de o fază mai veche.

Al cincilea reper cronologic, îl reprezintă corelarea șanțului de vest cu citadela de piatră. Observațiile stratigrafice și unele categorii de materiale demonstrează foarte clar că șanțul de vest este mai vechi în comparație cu citadela de piatră. Despre aceasta vorbește, în primul rând, faptul că latura de vest a citadelei de piatră din punct de vedere stratigrafic era suprapusă peste capătul de sud al șanțului de vest pe o porțiune aflată la distanța de 3-8 m spre nord de la turnul din colțul de sud-vest. În al doilea rând, stratul de mortar și piatră din umplutura șanțului reprezintă moloz din construcția citadelei de piatră, aruncat în șanț după terminarea zidului citadelei și amenajarea teritoriului din preajma lui. În acest context, ținând cont de faptul că citadela de piatră este datată cu anii 1366-1369, susținem că șanțul de vest a funcționat până în perioada menționată.

În baza reperelor cronologice enunțate, data limită a șanțului de vest de la Orheiul Vechi este stabilită în perioada anilor 60 ai secolului XIV.

Cât privește limita cronologică inferioară a șanțului de vest, putem remarca, că la etapa actuală știința nu dispune de materiale necesare pentru stabilirea unei date cât de cât exacte. Cu toate acestea, în baza investigațiilor arheologice se poate susține cu certitudine, că limita cronologică inferioară a acestui șanț ține de un interval de timp de până la mijlocul secolului XIV.

Faptul că în stratul de cultură din preajma citadelei, sporadic, se întâlnesc fragmente ceramice tipice pentru secolele XII-XIII ar putea constitui un indice indirect în favoarea datării șanțului de vest cu perioada premongolă, după cum credea și Gh.D. Smirnov. Dar, având în vedere, că materialele ceramice din perioada indicată sunt foarte puține la număr (doar 219 fragmente din circa 30.000), iar în interiorul citadelei de piatră n-a fost identificat nici un complex arheologic din perioada secolelor XII-XIII, în stadiul actual al cercetărilor este foarte dificil a atribui șanțul de vest perioadei nominalizate. Din același unghi de vedere prezintă interes și faptul, că în porțiunile cercetate ale șanțului n-a fost descoperit nici un fragment de ceramică tipică pentru secolele XII-XIII. Pe de altă parte, descoperirea la fundul șanțului a unor fragmente ceramice de factură orientală tipică pentru secolul XIV, ar putea constitui o probă în favoarea atribuirii acestei construcții perioadei de la începutul dominației în ținut a Hoardei de Aur, din prima jumătate a secolului XIV.

2. Ipoteza Citadelei de pământ

2.1. Date generale

Descoperirea șanțului de vest în anii 50, a sugerat specialiștilor ideea aparteneței acestui complex la o anumită fortificație. În acest context, ținând cont de faptul că în perioada respectivă era identificat un al doilea șanț în partea de est a citadelei de piatră, autorul săpăturilor Gh.D. Smirnov, a emis o ipoteză de lucru potrivit căreia cele două complexe puteau reprezenta urme ale unei citadele de pământ. Această idee, însă, n-a fost promovată în publicațiile științifice ale autorului, rămânând a fi expusă doar în materiale de arhivă (Смирнов 1954b, 75).

Primul care a promovat în literatura de specialitate ipoteza privind existența la Orheiul Vechi în afară de citadela de piatră a unei citadele pământ a fost P.P. Bîrnea. În rezultatul prelucrării arhivei lui Gh.D. Smirnov, autorul dat a lansat ideea respectivă în anul 1984 (Бырня 1984) și a reconfirmat-o în 1991 (Бырня 1991, 17-20). În anii care au urmat, având drept bază investigațiile lui P.P. Bîrnea asupra arhivei lui Gh.D. Smirnov, ideea menționată a fost preluată de către alți cercetători în legătură cu studierea unor aspecte legate de istoria și arhitectura Orheiului Vechi.

Dat fiind, că săpăturile arheologice din anii 1996-2001 au confirmat existența șanțului de vest, ideea privind apartenența acestuia la o eventuală "citadelă de pământ" se impunea de la sine. Dar, având în vedere faptul, că aceleași săpături, prin sectorul nr. 72, n-au dus la identificarea șanțului de

est, a apărut necesitatea reevaluării întregului context ce ține de ideea "citadelei de pământ" de la Orheiul Vechi, pentru a stabili în ce măsură este viabilă această ipoteză și care ar fi locul șanțului de vest în sistemul fortificațiilor de la Orheiul Vechi.

2.2. Esența ideii

Conform datelor lui Gh.D. Smirnov, expuse de P.P. Bîrnea, "citadela de pământ" ar fi ocupat un spațiu ceva mai mare în comparație cu citadela din piatră, depășind-o pe ce-a din urmă spre est și vest, spre sud, însă, fiind ceva mai mică. "Citadela de pământ", în viziunea autorului, avea o formă semiovală în plan, la nord fiind protejată de malul abrupt al Răutului, iar din celelalte părți de un val de pământ cu palisdă din lemn, prevăzut cu șanț de apărare pe laturile de est și de vest (Бырня 1991, 12-37).

În viziunea lui Gh.D. Smirnov "citadela de pământ" era anterioară dominației mongole în ținut, fiind atribuită populației autohtone din perioada secolelor XIII – începutul secolului XIV (Смирнов 1960, 79). În anii 80, P.P. Bîrnea, propunea o altă interpretare a datelor arheologice obținute de către Gh.D. Smirnov, ajungând la concluzia potrivit căreia presupusa "citadelă de pământ" era atribuită perioadei de domnie a lui Alexandru cel Bun, respectiv fiind datată cu anii 20 ai secolului XV (Бырня 1984, 82-85). Într-un manuscris mai recent al lui P.P. Bîrnea, scris în colaborare cu E.Nicolae și mediatizat de către M. Șlapac (Șlapac 2004, 84, 153-164), este exprimată o idee nouă, potrivit căreia "citadela de pământ" ar reprezenta o construcție apărută în perioada de până la Alexandru cel Bun, în anii 1370-1400. Pe de o altă parte, în ultimul deceniu, ipoteza lui Gh.D. Smirnov, ținând cont de investigațiile lui P.P. Bîrnea, a fost preluată în câteva publicații de către I. Hâncu (1995) și Gh. Postică (2000a, 2000b).

Analiza istoriografică demonstrează, că pe parcursul ultimilor 50 de ani, cercetătorii au exprimat trei ipoteze cu referire la cronologia presupusei citadele de pământ de la Orheiul Vechi, aceasta fiind datată cu perioada premongolă, secolul XIII - începutul secolului XIV (Gh.D. Smirnov, Ion Hâncu, Gh. Postică), perioada moldovenească, cc. 1370-1400 (E. Nicolae, P. Bîrnea, M. Șlapac) și perioada domniei lui Alexandru cel Bun, 1400-1431 (P. Bîrnea).

2.3. Formularea ipotezei

Ipoteza privind "citadela de pământ" a fost formulată de către Gh.D. Smirnov în rezultatul descoperirii a două șanțuri în preajma citadelei de piatră, nominalizate de către el drept *șanțul de est* și *șanțul de vest*. Cele două șanțuri, aproape paralele, cu o lungime de aproximativ 90-100 m fiecare, erau ancorate în muchia malului prăpăstios al Răutului pe axa nord-sud și se aflau la o distanță de circa 160-165 m unul de altul. Poziția de extremă a celor două șanțuri, cât și caracteristicile lor morfologice apropiate, l-au dus pe autorul descoperirilor din anii 1952-1957 să facă o legătură logică între aceste complexe, pentru a le interpreta în rapoartele nepublicate de săpături drept părți componente ale unui sistem fortificat, definit la timpul respectiv drept "citadelă de pământ".

Apartenența celor două complexe la un sistem unic fortificat părea logică și din punctul de vedere al corelării acestuia cu citadela de piatră, care se înscria perfect între cele două șanțuri. Cu toate acestea, trebuie remarcat faptul, că în construcția ipotezei privind "citadela de pământ", chiar de la început existau anumite probleme. Astfel, nu-și găsea o lămurire rezonabilă lipsa de continuitate a șanțurilor, pe traseul de sud al posibilei fortificații de pământ. Pe de altă parte, plasarea șanțului de est nemijlocit lângă valul de pământ nr. 3 datat cu începutul secolului XVII, aducea după sine anumite suspiciuni. Or, aceste probleme, la fel ca și imperfecțiunea săpăturilor arheologice de la Orheiul Vechi din anii 50, nu și-au găsit aprecierea potrivită și explicația corespunzătoare din partea autorilor preocupați de acest obiectiv pe parcursul anilor 70-80. Mai mult, ca atât, după cum se va vedea în continuare, respectivii autori, pe lângă faptul că nu s-au clarificat în labirintul greșelilor metodice din anii 50, pe care le-au tirajat în continuare, au introdus în circuitul științific alte erori, care la rândul lor au complicat și mai mult problema în cauză.

În contextul celor expuse, este imperios de a reevalua rezultatele săpăturilor arheologice obținute de către Gh.D. Smirnov în timpul cercetării citadelei Orheiului Vechi, pentru a stabili nivelul veridi-

citării lor şi măsura în care acestea pot fi servi în calitate de sursă istorico-arheologică. O asemenea abordare va avea în consecinţă drept efect, aprobarea sau dezaprobarea ipotezei preliminare a lui Gh.D. Smirnov despre existenţa la Orheiul Vechi a citadelei de pământ.

Din acest punct de vedere, urmează a analiza separat fiecare dintre cele două şanţuri, a evidenţia materialele arheologice din cadrul acestora, a stabili cronologia fiecăruia în parte şi a efectua corelarea lor.

2.4. Şanţul de Vest

Şanţul de Vest a fost identificat de către Gh.D. Smirnov la distanţa de 12 m spre vest de la zidul citadelei de piatră. La suprafaţa solului la timpul respectiv nu exista nici un semn care putea să indice asupra prezenţei şanţului în acel loc. S-a constatat că şanţul era paralel zidului de vest al citadelei de piatră, urmându-i traseul până în preajma turnului de sud-vest, unde făcea un cot spre sud-est, după ce se termina. Primul segment al complexului dat a fost cercetat în anul 1952 (Secţiunea nr. 3/1952) (Смирнов 1956, 5). În anul 1956 au fost dezvelite alte trei porţiuni ale şanţului (Secţiunile nr. 1/1956, nr. 2/1956, 3/1956) (Смирнов 1956, 5-7), iar în anul 1957 încă o porţiune (Secţiunea nr. 1/1957) (Смирнов 1957, 7-8). În acest context, trebuie de subliniat faptul, că documentarul arheologic ce ţine de cercetarea acestui şanţ este foarte vag, iar materiale grafice practic lipsesc. La etapa actuală, informaţii generale despre şanţul de vest pot fi găsite doar sub formă de text în rapoartele de săpături ale lui Gh.D. Smirnov din 1956 şi 1957. Informaţiile generale, culese din aceste surse sunt expuse în tabelul nr. 1.

TABELUL NR. 1. DATE PRIVIND MATERIALELE DESCOPERITE DE CĂTRE GH.D. SMIRNOV ÎN „ŞANŢUL DE VEST"

Nr	Materiale	Secţiuni				
		3/1952	1/1956	2/1956	3/1956	1/1957
1.	Ceramică de tipul Hoardei de Aur		52 frag.		1 frag.	16 frag.
2.	Ceramică moldovenească		1 frag.			27 frag.
3.	Oase de animale		20 frag.		+	12 frag.
4.	Lacăt din fier		1 frag.			
5.	Monedă, aramă. Hoardei de Aur		1 frag.			
6.	Lăţimea şanţului		5,0 m			
7.	Adâncime şanţului		2,10 m	+ 0.85 m		
8.	Forma şanţului	triunghi	triunghi	albiată		
9.	Umplutura şanţului	strat de piatră	strat de piatră	strat de piatră, 250x40/50 m	strat de piatră, 360x...m	strat de piatră

Pentru toate porţiunile cercetate ale şanţului de vest era caracteristic faptul prezenţei în partea superioară a umpluturii a unui strat masiv de pietre, care aveau o întindere de până la 2,50-3,60 m cu o grosime de circa 0,40-0,50 m. În partea dinspre nord şanţul avea o formă triunghiulară în secţiune, iar spre sud o formă albiată.

Pentru stabilirea cronologiei şanţului prezintă interes următoarele materiale descoperite în partea inferioară a complexului dat: fragmente ceramice de tipul Hoardei de Aur datate cu mijlocul secolului XIV, o monedă din aramă a Hoardei de Aur din aceiaşi perioadă şi un fragment de ceramică cenuşie moldovenească. Pentru datarea complexului prezintă interes şi stratul de piatră din partea superioară a şanţului, care în opinia autorului săpăturilor reprezenta resturi de construcţie de la citadela de piatră. În baza materialelor obţinute, Gh.D. Smirnov considera că data astupării şanţului de vest poate fi stabilită în faza finală a dominaţiei mongole la Orheiul Vechi.

Tabloul arheologic din săpăturile lui Gh.D. Smirnov din cadrul şanţului de vest, cât şi data stabilită de acest autor, concordă perfect cu situaţia arheologică din cadrul aceluiaşi şanţ documentată arheologic prin săpăturile metodice din anii 1996-2001.

2.5. Şanţul de Est

Şanţul de Est a fost identificat de Gh.D. Smirnov la distanţa de circa 30-40 m spre est de la zidul citadelei de piatră. Spre deosebire de şanţul de vest, unde lipseau urmele unui val adiacent din pământ, în cazul şanţului de est, după cum se menţionează în raportul de săpături al lui Gh.D. Smirnov, se constată o îmbinare a acestui complex cu un val de pământ, mai mult sau mai puţin pronunţat la suprafaţa solului. Şanţul de est urma traseul acestui val de pământ, fiind plasat în faţa lui dinspre est. Acest val după cum susţine însăşi Gh.D. Smirnov întretăia teritoriul oraşului în două părţi, începând de la malul abrupt al Răutului, aflat în partea de nord la o distanţă de circa 20-30 m de la turnul de nord-est al citadelei de piatră, spre sud, în direcţia Mănăstirii Peştera.

În baza datelor lui Gh.D. Smirnov, ajungem la concluzia potrivit căreia complexul nominalizat, reprezenta în fapt Valul de pământ nr. 3 al Orheiului Vechi, care după cum s-a constat mai târziu datează din secolul al XVII-lea (Бырня 1991).

În anul 1952 a fost cercetat primul segment al şanţului de est (Secţiunea nr. 2/1952), în anul 1954 un alt segment (Secţiunea nr. 6/1954) (Смирнов 1954б, 74-75; Arhiva MA-1954, nr. 100), iar în 1955 alte şapte segmente ale acestui complex (Sectoarele nr. A/1955, Б/1955, B/1955, Г/1955, Е/1955, Ж/1955, К/1955) (Смирнов 1955, 30-37). Documentarul arheologic ce ţine de săpăturile şanţului de est, ca şi în cazul şanţului de vest, este foarte vag. Cu excepţia secţiunii nr. 6/1954, nu s-au păstrat materiale grafice. Unele date sumare textuale, dar, cu importante lacune şi contradicţii sau păstrat în rapoartele de săpături ale lui Gh.D. Smirnov din anii 1954 şi 1955. Informaţiile culese din aceste surse sunt expuse în tabelul nr. 2.

TABELUL NR. 2. DATE PRIVIND MATERIALELE DESCOPERITE DE CĂTRE GH.D.SMIRNOV ÎN „ŞANŢUL DE EST"

Nr.	Materiale	Sectoare, secţiuni								
		2/1952	6/1954	A/1955	Б/1955	B/1955	Г/1955	Е/1955	Ж/1955	К/1955
1.	Ceramică de tipul Hoardei de Aur		+	3 +	+				+	
2.	Ceramică cenuşie moldovenească		+	+	+	+		+ marcoteţ	+	
3.	Oase de animale		+	+				+	+	
4.	Oase umane izolate							+		
5.	Întretăiere mormânt			1						
6.	Râşniţă de piatră			1						
7.	Monedă aramă Hoarda de Aur				1					
8.	Monedă aramă Alexandru cel Bun									1
9.	Lăţimea şanţ sus		310 cm							
10	Lăţimea şanţ jos		32 cm							
11.	Adâncime şanţ		315 cm							
12.	Forma şanţ		triunghi	troncon	troncon					
13.	Umplutura		Cernoziom, piatra	piatră, mortar	piatră, mortar	piatră			piatră	

În secţiunea nr. 6/1954 în partea superioară a umpluturii şanţului a fost descoperită o lentilă din piatră, care în opinia lui Gh.D. Smirnov era similară lentilei observată în secţiunile şanţului de vest.

În alte secțiuni ale șanțului de est umplutura reprezenta cernoziom în amestec cu pietriș. Șanțul avea o formă tronconică sau triunghiulară în secțiune. Materialele ceramice din șanț țin de un diapazon destul de larg, începând cu secolul XIV și terminând cu secolul XV-XVI: ceramică de tipul Hoardei de Aur – în 4 cazuri (6/1954, A/1955, Б/1955, Ж/1955), ceramică cenușie moldovenească – în 6 cazuri (6/1954, A/1955, Б/1955, B/1955, E/1955, Ж/1955), monedă a Hoardei de Aur (Б/1955) și monedă moldovenească din timpul lui Alexandru cel Bun (K/1955).

Analiza materialelor din șanțul de est arată, că structura acestora și diapazonul cronologic diferă în comparație cu descoperirile din șanțul de vest. Dacă materiale descoperite în șanțul de vest au permis datarea etapei finale a complexului cu perioada dominației Hoardei de Aur, apoi materialele descoperite în șanțul de est datează etapa finală a acestei construcții cu perioada moldovenească.

Or, aceste constatări, în cazul acceptării ca rezultate veridice, vin să răstoarne toată construcția referitoare la citadela medievală de pământ de la Orheiul Vechi, lansată public de către P.P.Bîrnea și acceptată fără discuții de alți specialiști. În această situație, teoretic se poate presupune că în timpul săpăturilor din anii 50 putea să se producă o confuzie de materiale, mai ales că asemenea lucruri au avut loc în alte situații. Dar, o analiză atentă a rapoartelor de săpături ale lui Gh.D.Smirnov, arată că în cazul de față problema nu este în posibila greșeală a autorului, ci în interpretarea diferită a celor două șanțuri și acceptarea de apriori a legăturii organice dintre aceste construcții în cadrul unui sistem unic fortificat.

2.6. Soluții științifice

În legătură cu problema elucidată, trebuie menționat, că descoperitorul celor două șanțuri, Gh.D. Smirnov, practic, n-a încercat să facă argumentarea metodică a cronologiei acestor complexe în legătură cu încadrarea lor în sistemul posibilei „citadele de pământ". Interpretarea șanțurilor în calitate de părți componente ale "citadelei de pământ" s-a făcut la etapa inițială în baza unor constatări formale: poziția valurilor în spațiu; corelarea lor cu citadela de piatră; orientarea, forma și dimensiunile șanțurilor; descoperirea în șanț a ceramicii moldovenești.

N-a făcut nimic pentru argumentarea cronologiei celor două șanțuri nici P.P. Bîrnea, care cu toate că a avut la îndemână materialele lui Gh.D. Smirnov, n-a făcut analiza cuvenită a acestora, acceptând fără rezerve ideea legăturii celor două șanțuri în sistemul unic fortificat al citadelei de pământ. În același timp, P.P. Bîrnea, a lansat ideea despre existența la est de citadela Orheiului Vechi a două șanțuri, unul fiind legat de "citadela de pământ", datată la începutul secolului XV, iar celălalt de valul nr. 3 de la începutul secolului XVII (Бырня 1991, 12)[1].

Conform opiniei lui P.P. Bîrnea șanțul ce ținea de valul nr. 3 datat cu secolul XVII se afla la poalele de vest ale valului, iar șanțul mai vechi, ce ținea de "citadela de pământ" era amplasat la poalele de est a acestui val (Бырня 1991, 12, 17)[2].

În legătură cu cele menționate, atragem atenția al faptul, că respectiva afirmație a lui P.P. Bîrnea nu avea nici un temei, reprezentând o simplă eroare, dat fiind că autorul săpăturilor, Gh.D. Smirnov,

---

[1] În acest context P.P. Bîrnea menționa: *"Ров вала III нужно отличать от рва к востоку от цитадели. Они располагались рядом, но относятся к разным периодам. Первый - более поздний (XVII), а второй – более ранний. Поэтому первый перерезал кладбище, часть могил которого была впущена в насыпь второго, более раннего рва, синхронного с другим рвом, выявленным к западу от каменной цитадели"* (Șanțul valului nr. 3 trebuie deosebit de șanțul de la est de citadelă. Ele se găseau alături, dar se referă la diferite perioade. Primul este mai târziu (secolul XVII), iar cel de-al doilea – mai timpuriu. De aceea, primul întretăia cimitirul, o parte din mormintele căruia au fost săpate în umplutura celui de-al doilea șanț mai timpuriu, sincron cu alt șanț aflat la vest de citadelă).

[2] În legătură cu aceasta P.P. Bîrnea scria: *„Оно (кладбище) было перерезано рвом вала III, разрушившим частично его захоронения, а сам вал III, примыкавший к восточной стенке рва, перекрыл кладбище, что свидетельствует о более позднем сооружении вала и рва по отношению к кладбищу"* (Ea (necropola) a fost întretăiată de șanțul valului nr. 3, care parțial a distrus mormintele, iar însăși valul nr. 3, alăturat peretelui de est al șanțului, acoperea necropola, ce vorbește despre construcț a mai târzie a valului și șanțului în comparație cu necropola). În altă ordine de idei același autor scrie: *„Раскопки оборонительных сооружений к востоку от каменной цитадели выявили остатки раннего восточного рва, расположенного перед валом III и его рвом. Ров глубиной 315 см"* (Săpăturile construcțiilor de apărare de la est de citadela de piatră au scos la iveală vestigiile șanțului timpuriu de est, amplasat în fața valului nr. 3 și șanțului lui. Șanțul are adâncimea 315 m).

n-a scris nicăieri despre existența în sectorul de la est de citadela de piatră a două șanțuri, iar P.P. Bîrnea n-a demonstrat vre-un argument scris sau grafic în acest sens.

Analiza rapoartelor de săpături ale lui Gh.D. Smirnov din anii 1952-1956 aflate în arhiva Muzeului de Arheologie al Academiei de Științe a Republicii Moldova, nu oferă nici un indice cu referire la un al doilea șanț la est de citadela de piatră. Din potrivă, în raportul de săpături din anul 1955, se stipulează foarte clar, că aici este vorba de un singur șanț și un singur val, acestea fiind cercetate pe parcursul mai multor ani prin intermediul unor secțiuni arheologice.

Aici, trebuie să remarcăm, că este adevărat și faptul, că în raportul de săpături din anul 1957 de la Orheiul Vechi, în legătură cu cercetarea unei noi poțiuni din cadrul valului nr. 3, Gh.D. Smirnov, constata că la poalele de vest ale acestui complex ar fi descoperit ur. șanț. Dar, având în vedere faptul că secțiunea operată asupra valului nr. 3 în anul 1957 după cum este indicat în raportul de săpături, se afla la distanța de 450 m spre sud de la capătul de nord al valului nominalizat, complexul adâncit de la poalele de vest ale valului, chir în cazul interpretării lui în calitate de șanț, nu poate fi pus în legătură cu presupusa "citadelă de pământ" dat fiind că nu se încadrează nici pe departe în traseul acesteia.

În același context, P.P. Bîrnea susținea că șanțul de est al "citadelei de pământ", aflat la poalele valului nr. 3 a fost suprapus de necropola medievală din a doua jumătate a secolului XV - începutul secolului XVI, în umplutura șanțului fiind descoperite după cum afirmă autorul mai multe morminte (Бырня 1991, 17-18)[1].

În legătură cu problema cronologică iscată între șanțul de est și șanțul de vest din preajma citadelei de piatră de la Orheiul Vechi, trebuie menționat, că până la urmă cheia rezolvării, se găsește la însăși descoperitorul acestor construcții. În acest sens un interes deosebit prezintă concluziile lui Gh.D.Smirnov la raportul de săpături din anul 1955, prin care autorul săpăturilor pune la îndoială apartenența șanțului de est la "citadela de pământ". Gh.D. Smirnov susține, că șanțul de est (considerat mai înainte parte a "citadelei de pământ"), este mai târziu decât necropola din acest sector (datată cu a doua jumătate a secolului XV - începutul secolului XVI), reprezentând mai degrabă o parte din sistemul defensiv intuit la Orheiul Vechi de către Eremia Movilă la începutul sec. XVII.

Astfel, autorul ideii citadelei de pământ, bazându-se pe datele arheologice obținute, a ajuns în final la concluzia potrivit căreia unul dintre șanțurile presupusei fortificații, și anume șanțul de răsărit ar fi dintr-o perioadă mai târzie decât șanțul de vest, sau mai exact din secolul XVII. Constatările lui Gh.D. Smirnov din anul 1955, creau, bineînțeles, o situație de confuz în problema dată, dat fiind că puneau sub semnul întrebării însăși ideea existenței la Orheiul Vechi a "citadelei de pământ", exprimată de autor cu câțiva ani mai înainte. După cercetările din anul 1955 Gh.D. Smirnov n-a revenit la cercetarea șanțului de est, din care cauză problema a fost conservată. Ultima opinie a lui Gh.D. Smirnov, însă, a fost trecută cu vederea de către P.P. Bîrnea, din care cauză aceasta a rămas necunoscută pentru cercetători.

În legătură cu observațiile făcute, putem consta, că în viziunea lui Gh.D. Smirnov, traseul așanumitului șanț de est, după cum recunoștea mai târziu și P.P. Bîrnea, se afla la poalele de est ale valului nr. 3. Diferența dintre cei doi cercetători consta în faptul că în timp ce primul ajungea la concluzia finală despre datarea acestui complex cu secolul XVII, cel de-al doilea considera că șanțul respectiv ține de "citadela de pământ", datată cu începutul secolului XV.

În cazul acceptării ideii din urmă, practic nu poate fi lămurită situația cum putea să se întâmple coincidența traseului unui șanț astupat în secolul XV cu traseul unui val edificat cu circa 150 ani mai târziu, la începutul secolului XVII. Or, este greu de admis ca valul nr. 3 ridicat de constructorii lui Eremia Movilă, „din greșeală" să fi fost trasat exact pe marginea unui șanț astupat cu peste o sută de ani mai înainte.

---

[1] P.P. Bîrnea menționează: *„Уместно отметить, что западный и восточный рвы и вал III не могут быть синхронными, так как в засыпи восточного рва и под валом III прослежены христианские погребения без инвентаря. Если бы вал III был синхронен восточному рву, он не перекрывал бы кладбище, а погребения были бы впущены в его насыпи, как это было в случае, когда кладбище перекрыло засыпь рва после его постепенного заполнения, то есть не когда ров строился, а после, когда он давно уже был заброшен..."* (Este cazul să subliniem, că șanțurile de vest și de est și valul nr. 3 nu pot fi sincrone, fiindcă în umplutura șanțului de est și sub valul nr. 3, au fost descoperite morminte creștine fără inventar. Dacă valul nr. 3 ar fi sincron șanțului de est, el n-ar acoperi necropola, iar mormintele s-ar afla în mantaua lui, după cum era în cazul când necropola acoperea umplutura șanțului după astuparea lui treptată, deci, nu atunci când se construia șanțul, dar mai târziu, când el era demult părăsit).

Amplasarea şanţului la poalele de est ale valului nr. 3, s-a produs, fără îndoială odată cu ridicarea acestui val (Смирнов 1956, 1-2)[1], în aceiaşi perioadă de la începutul secolului XVII. La o asemenea concluzie a ajuns şi Gh.D. Smirnov în urma cercetărilor arheologice din anul 1955. După studierea a şapte porţiuni ale acestui şanţ, Gh.D. Smirnov făcea constatări, care aveau să pună la îndoială ipoteza apartenenţei şanţului de est la presupusa „citadelă de pământ": *„În rezultatul săpăturilor s-a constatat următoarele: şanţul continuă de la malul abrupt al râului Răut până la drumul ce vine din Brăneşti spre Trebujeni. Într-un loc şanţul se întrerupe, aici, probabil, a fost podul (trecerea) de intrare din spaţiul din afară în incinta citadelei. Şanţul are forma pâlniei, în ce-a mai mare parte fiind săpat în stâncă. Adâncimea şanţului – 3,5 m, lăţimea fundului – 20-40 cm, lăţimea şanţului la suprafaţă – 4,5-5,0 m. Au fost depistate – oase de animale, ceramică de culoare cenuşie şi roşie, pietre de calcar, fragmente de cărămizi arse şi alte deşeuri de construcţie. Într-un caz a fost descoperită o monedă de tipul Hoardei de Aur, în altul una moldovenească, probabil din timpul lui Alexandru cel Bun. Şanţul, posibil, nu era parte componentă a citadelei de pământ, reprezentând mai degrabă o parte din sistema generală de fortificaţii a oraşului. Cercetările de mai departe vor permite să elucidăm definitiv traseul lui"* (Смирнов 1955, 38-39)[2].

Şanţul de est n-a deviat de la traseul valului, după cum ar fi fost normal în cazul apartenenţei acestuia la presupusa "citadelă de pământ". În raportul de săpături pentru anul 1955 când au fost realizate cercetări de amploare în scopul elucidării traseului şanţului de est şi în special a presupusei cotituri spre şanţul de vest, Gh.D. Smirnov, menţionează după a 11-a încercare de „căutare" prin săpături a „cotiturii şanţului": *„În rezultatul cercetărilor de mai departe, s-a constat, că şanţul la 3 m de la marginea de nord a secţiunii se termină, fără a cârni în vre-o oarecare direcţie şi fără a continua mai departe"* (Смирнов 1955, 30)[3], ceea ce înseamnă că acest şanţ nu avea nici o legătură cu presupusul traseu de est al citadelei de pământ, care logic trebuia să facă un cot în direcţia de vest, spre capătul de sud al şanţului de vest. Această constatare, demonstra pe de altă parte că şanţul de est reprezenta o construcţie neterminată.

În altă ordine de idei, remarcăm, că suprafaţa şanţului de est nu era suprapusă de necropola creştină din a doua jumătate a secolului XV după cum susţinea P.P. Bîrnea. Ideea cu descoperirea unor morminte creştine în umplutura şanţului din preajma valului nr. 3 reprezintă o eroare a cercetătorului dat şi nu are nimic comun cu realitatea arheologică stabilită de Gh.D. Smirnov. În rapoartele de săpături ale lui Gh.D. Smirnov, la care se referă P.P. Bîrnea nu există nici un caz când vre-un mormânt al necropolei ar suprapune sau ar întretăia umplutura şanţului de est. Din contra, în timpul săpăturilor din anul 1955 este semnalat un caz când şanţul de est a întretăiat un mormânt creştin şi nu invers, fapt ce demonstrează că complexul dat este mai târziu decât necropola (Смирнов 1955, 30)[4]. În ace-

---

[1] În acest sens Gh.D. Smirnov scria: *„В 1953 г. близ восточной стены цитадели были замечены незначительные остатки земляного вала, а в 1954-1955 гг. посредством траншеи обнаружен ров. В ходе раскопок установлено, что этот ров связан с оснатками земляного вала. Уже в то время стало ясно, что на месте цитадели прежде существовало небольшое земляное укрепление – городище. Однако, система земляного укрепления, стратиграфия рвов, городища и его контуры оставалась неизвестным"* (În anul 1953 în apropierea peretelui de est al citadelei au fost observate vestigiile neînsemnate ale unui val de pământ, iar în anii 1954-1955 prin intermediul unor secţiuni a fost descoperit un şanţ. În timpul săpăturilor a fost stabilit, că acest şanţ este legat de vestigiile valului de pământ. De acum la acel moment a devenit clar, că în acel loc al citadelei a existat mai înainte o fortificaţie din pământ – o cetăţuie. Dar, sistema fortificaţiei de pământ, stratigrafia şanţurilor, a cetăţuiei şi contururile ei rămâneau necunoscute).

[2] Textul original este următorul: *„В результате раскопок выяснено следующее: ров продолжался от обрывистного берега реки Реут до дороги ведущей из Браниште в Требужены. В одном месте ров прерывается, здесь, повидиму, был мост (переход) с внешней территории на внетреннюю территорию цитадели. Форма рва – воронкообразная, большая его часть выдолблена в материковой скале. Глубина рва -3,5 м, ширина дна – 20-40 см, ширина рва на поверхности – 4,5-5,0 м. Материал – кости животных, сероглиняная и красноглиняная керамика, известняковые камни, обломки обожженных кирпичей и другие строительные отходы. В одном раскопе найдена золотоордынская монета, а с другом молдавская, повидиму, принадлежащая Александру Доброму. Ров, может быть, не был составной частью земляной цитадели, а является неоконченной частью общей оборонительной системы города. Дальнейшие раскопки дадут возможность выяснить окончательные его контуры."*

[3] Textul original este următorul: *„При дальнейших раскопках выяснилось, что ров в 3 м от северной бровки раскопа кончается, не поворачивая ни в какую сторону, а также и не продолжается дальше"*

[4] În acest context Gh.D. Smirnov menţionează: *„Скелет сильно разрушен. Сохранилась лишь нижняя часть (таз и нижние конечности). Верхняя часть туловища отсуствует, что дает возможность предполагать, что скелет был разрушен при строительстве рва"* (Scheletul este deteriorat foarte mult. S-a păstrat doar partea inferioară (tazul şi memberele inferioare). Partea superioară a corpului lipseşte, ce ne permite să presupunem, că scheletul a fost distrus în timpul construcţiei şanţului).

laşi timp, în umplutura şanţului de est, într-un alt caz, au fost descoperite câteva oase umane dispersate, care proveneau de la morminte distruse (Смирнов 1955, 35, 39), fapt ce indică la o datare posterioară a şanţului comparativ cu necropola. În finalul investigaţiilor efectuate în sectorul şanţului de est, Gh.D. Smirnov ajungea la concluzia despre datarea mai târzie a acestui complex în raport cu necropola (Смирнов 1955, 39)[1].

În contextul celor prezentate, se poate constata, că legătura dintre şanţul de est şi şanţul de vest, în vederea atribuirii lor la unul şi acelaşi sistem fortificat - presupusa „citadelă din pământ", cel puţin în stadiul actual al cercetărilor, nu poate fi acceptată.

Faptul, că săpăturile arheologice din anul 1996 efectuate în partea de est a citadelei de piatră, inclusiv în preajma valului nr. 3, n-au dus la identificarea şanţului de est, sporeşte şi mai mult aceste îndoieli, ridicând în general problema viabilităţii ideii exprimate de Gh.D. Smirnov şi promovată într-un fel sau altul de alţi cercetători, privind existenţa pe locul citadelei de piatră de la Orheiul Vechi a unei "citadele de pământ şi lemn".

Rezolvarea definitivă a problemei „citadelei de pământ" ţine de viitoarele săpături arheologice. În cazul dacă la est de citadela de piatră va fi descoperit cu adevărat un complex arheologic similar şanţului de vest, asupra cărui fapt ne îndoim, se va putea vorbi despre vestigiile unei "citadele de pământ". Un eventual rezultat negativ însă, va avea drept efect dezaprobarea definitivă a ideii privind existenţa presupusei „citadele de pământ". În acest caz va apărea necesitatea explicării sensului construcţiei solitare - a şanţului de vest, care nu este exclus să reprezinte un complex nefinisat din timpul dominaţiei Hoardei de Aur şi astupat tot atunci, pe la mijlocul secolului XIV, în legătură cu schimbarea strategiilor şi edificarea citadelei din piatră.

BIBLIOGRAFIE

Arhiva MA 1954: Археологические исследования в Старом Орхее. Arhiva MA al AŞM, nr. inv. 100, Jurnal arheologic. Săpăturile din anul 1954.

Hâncu 1995: I.Hâncu, Orheiul Vechi (Chişinău 1995).

Postică 2000a: Gh. Postică. Observaţii stratigrafice privind cetatea medievală de pământ de la Orheiul Vechi (în baza investigaţiilor arheologice din anii 1996-1999). In: Symposia Professorum ULIM – 2000 (Chişinău 2000).

Postică 2000b: Gh. Postică. Problema cronologiei cetăţilor medievale de la Orheiul Vechi în lumina ultimelor cercetări arheologice. In: Restituţio in integrum. Materialele conferinţei ştiinţifice, 17 iunie 2000 (Chişinău 2000), 5-6.

Şlapac 2004: M. Şlapac. Cetăţi medievale din Moldova (mijlocul secolului al XIV-lea – mijlocul secolului al XVI-lea) (Chişinău 2004).

Бырня 1984: П.П. Бырня, Молдавский средневековый город в Днестровско-Прутском междуречье (XV – начало XVI в.) (Кишинев 1984).

Бырня 1991: П.П.Бырня. Из истории исследования Старого Орхея (1946-1958). В сб.: Археологические исследования в Старом Орхее (Кишинев 1991), 5-43.

Постикэ 2005: Г.И. Постикэ, Цитадель Золотоордынского города Шехр аль-Джедид (Старый Орхей, Молдова). PA 2, 2005.

Смирнов 1954а: Г.Д. Смирнов. Археологические исследования Старого Орхея (МССР). In: Краткие сообщения о докл. и полевых исслед. Ин-та истории материальной культуры. Том 56 (Москва 1954), 24-39.

Смирнов 1954б: Г.Д. Смирнов, Отчет об археологических исследованиях Молдавского средневекового города Старого Орхея за 1954 г. Arhiva MA al AŞM, Nr. de inv. 3.

Смирнов 1955: Г.Д. Смирнов, Отчет о работе отряда молдавской археологической экспедиции в 1955 году. Arhiva MA AŞM, Nr. inv. 5.

Смирнов 1956: Г.Д. Смирнов. Отчет об археологических исследованиях молдавского средневековья за 1956 году. Arhiva MA AŞM, Nr. inv. 6.

Смирнов 1957: Г.Д. Смирнов, Пруто-Днестровская археолого-этнографическая экспедиция. Старый Орхей 1957 г. Arhiva MA al AŞM, Nr. inv. 385.

Смирнов 1960: Г.Д.Смирнов, Из истории Старого Орхея. In: Известия Молд. Филиала АН МССР, 1960, nr. 4 (70).

Gheorghe Postică,
str. Alecu Russo 22, ap.106, MD-2044 Chişinău, Republica Moldova

[1] În acest caz Gh.D. Smirnov scrie: *„Ров проложен через территорию, до его сооружения, занимаемой под христианским кладбищем, о чем свидетельствуют погребения разрушенные при его сооружении"* (Şanţul a fost trasat prin teritoriul, ocupat până la construcţia lui de necropola creştină, despre ce ne vorbesc mormintele distruse în timpul constucţiei lui).

Технико-типологическая характеристика верхнепалеолитического комплекса Рашков 8

Сергей Коваленко, Николай Кетрару, Кишинэу

Staţiunea din paleoliticul superior Raşcov VIII, cercetată de către N.A. Chetraru şi G.V. Grigorieva în anii 1971-1972 în preajma satului eponim din raionul Camenca, a căpătat faima unui sit-model, în baza căruia a fost evidenţiată cultura arheologică de tip Raşcov din regiunea Nistrului Mijlociu. Şi până în prezent, însă, piesele din silex, colectate la suprafaţă şi cele din sondaje, sunt prezentate insuficient de complet, fapt ce nu ne permite să facem o analiză obiectivă a industriei acestei culturi. Descrierea în detaliu a pieselor din staţiunea Raşcov VIII şi compararea lor cu industria complexului învecinat Raşcov VII, ne permit să scoatem în evidenţă, atât specificul cultural al monumentelor de tip Oriniac din regiunea Nistrului, cât şi posibila lor rudenie cu monumentele din stepă de tip Anetovka I, Muralovka şi Zolotovka I.

Верхнепалеолитическая стоянка Рашков 8, исследованная Н.А. Кетрару и Г.В. Григорьевой в 1971-1972 годах у одноименного села Каменского района, получила известность в качестве одного из опорных памятников рашковской археологической культуры Среднего Поднестровья. До настоящего времени кремневые находки с поверхности стоянки и из шурфов были представлены недостаточно полно, что не позволяло провести объективный анализ её индустрии. Детальное описание находок Рашкова 8 и сравнение их с индустриально близким комплексом Рашкова 7 дает основания проследить культурное своеобразие этой особой группы ориньякоидных памятников Поднестровья, так и их возможное родство со степными памятниками типа Анетовка I, Мураловка и Золотовка I.

An Upper-Palaeolithic site of Rascov 8 researched by N.A. Chetraru and G.V. Grigorieva in 1971 – 1972 near the village of the same name in the Camenca District became famous as one of the main monuments of the Raşcov archaeological culture in the Middle Dniester region. To the present day flint materials from the surfaces of the site and from the prospect-holes were produced insufficiently full and did not allow unbiased analyzing of its industry. Detailed description of the finds from Raşcov 8 and their comparison with the similar complex of Raşcov 7 give grounds for showing up cultural peculiarities of the Aurignacian monuments from the Dniester region as well as their possible relationship with steppe monuments of the type of Anetovka I, Muralovka, and Zolotovka I.

Стоянка Рашков 8 открыта Н.А. Кетрару в 1958 г. при обследовании левобережной террасы р. Бугорня (приток Заля-Адынкэ, недалеко от Днестра), всего в 400 м востоку от северной окраины с. Рашков Каменского района. Первые находки были собраны на небольшом распаханном участке, после посадки молодого леса. Из частично нарушенной кровли плейстоценовых суглинков на поверхность попало несколько тысяч кремневых изделий, обломки трубчатых костей северного оленя и лошади, остатки зубов мамонта. Большая часть этих находок была собрана в 1971 г. участниками Молдавской палеолитической экспедиции (начальник экспедиции – Н.А. Кетрару, начальник отряда – сотрудник Ленинградского отделения Института археологии АН СССР Г. В. Григорьева) (Кетрару 1972, 10-12; Григорьева, Кетрару 1972, 449; Григорьева, Кетрару 1973, 25-26). В 1972 г. при участии трех молодых археологов И.А. Борзияка, Н.П. Тельнова и Н.П. Оленковского на месте стоянки были дополнительно заложены 7 глубоких шурфов (Кетрару 1973, 4-7). Стратиграфия памятника изучалась геологом И.К. Ивановой (Кетрару, Григорьева, Иванова, Ренгартен 1986, 123-125), обратившей внимание на необходимость выделения двух культурных слоев.

Богатая коллекция кремневых изделий с поверхности памятника и из шурфов нашла свое отражение в публикации Г.В. Григорьевой, к сожалению, описавшей материал суммарно, в излишне сжатом виде (Григорьева 1974, 142-149). Позднее своеобразие инвентаря Рашкова 8, его ориньякоидный облик, послужил одним из оснований при выделении обособленной технико-типологической группы памятников, которую было предложено рассматривать как культуру со всеми присущими ей особенностями (Григорьева 1980, 72-75,81). Выделение рашковской археологической культуры (Борзияк 1983, 59; Рогачев, Аникович 1984, 218-219) подразумевало генетическую близость двух памятников – Рашкова 7 и 8. Но, если отличительные черты инвентаря Рашкова 7, ставшего прототипом для всей культуры, были в целом раскрыты (Кетрару, Григорьева, Коваленко 2000; Chetraru, Covalenco 1999), то в характеристике Рашкова 8 оставалось много неясного. По этой причине без детального анализа его индустрии, проводить полноценное сравнение двух основных памятников рашковской культу-

ры, а значит, определять действительный облик всей культуры, не представлялось корректным. В связи с этим мы вновь обратились к коллекции каменных артефактов со стоянки Рашков 8, ныне хранящейся в фондах Музея археологии и этнографии АН Молдовы.

В настоящее время на инвентарном хранении имеется 6784 каменных изделий. Такое количество находок, на первый взгляд, может вызвать недоумение, так как в предварительной публикации Г.В. Григорьевой речь идет о «приблизительно 9 тыс. кремней». Исключая возможность утраты части коллекции, мы склонны объяснять такое несоответствие неточными, приблизительными подсчетами количества находок на этапе первичной обработки материала. В Отчете за 1971 г. отмечено «около 5000 кремней», а за 1972 г. – «около 4000» (Кетрару, Григорьева 1972; 1973). Детальных статистических подсчетов по массовому материалу произведено не было. С другой стороны, даже беглый осмотр коллекции изделий с вторичной обработкой убеждает нас в её сохранности по основным группам орудий. Другое дело, что наш типологический анализ позволил представить несколько измененный расклад по отдельным категориям орудий, что вполне допустимо и порой встречается в исследовательской практике.

Обращаясь к характеристике самого материала, мы обязаны оговориться, что считаем правомерным на данном этапе исследований, представлять описание находок с поверхности и из шурфов совместно. Отбор орудий из шурфов и попытка распределить их в зависимости от глубины обнаружения или штыка, не дали ожидаемого результата. Оказалось, что лишь с поверхности памятника происходит коллекция находок, крайне важная для определения его культурного облика, какими являются скребки–нуклеусы, пластины с круговой ориньякской ретушью и микроинвентарь граветтоидного типа.

Раскладка коллекционного материала в зависимости от использованного сырья показал, что основным видом камня раскалываемого на стоянке можно считать желвачный кремень серого цвета, с пенистой коркой и обилием каверн. Безусловно, он обладал хорошей пластичностью и был легко доступен, часто вымываемый из меловых отложений прорезаемых долинами Днестра и его притоками. Такого рода месторождения желвачного сырья известны в непосредственной близости от стоянки. Галечный кремень встречается реже. Он легко распознается по остаткам корочного покрытия на нуклеусах и сколах, которое может быть бледно-серым и светло-коричневым у находок с гладкой поверхностью и различных коричневатых оттенков у находок с бугристой и шероховатой поверхностью.

В меньшей степени использовались другие кремнистые породы. 81 предмет выполнен из окремневшего известняка бледно-серого цвета, шероховатого на изломе, высокого качества. 10 находок изготовлены из окремневшего известняка светло-серого цвета, бугристого на изломе, трещиноватого, низкого качества. Еще 10 изделий выполнено из окремневшего известняка с вкраплениями кварца, серо-пятнистого окраса, шероховатого на изломе, трещиноватого, средней пластичности. 3 предмета сделаны из цветного галечного кремня, темно-коричневой и серой окраски, трещиноватого, низкого качества. Песчаниковые гальки, используемые для отбойников и тёрочников, представлены крупно- и мелкозернистыми породами, крупнозернистой с включениями кварца. В единичном экземпляре обнаружена находка из гранита.

Характерное для днестровских памятников обилие кремневого сырья часто допускало неэкономное его использование. Для Рашкова 8, наоборот, свойственно более бережное к нему отношение. Общий объём отходов кремнеобработки здесь ниже, количество заготовок отобранных для орудий значительно выше (11 % от всех кремней). Не исключено, что это связано с более тщательным осмотром и выбраковкой кремневых желваков еще на этапе его поиска, более качественным раскалыванием камня, получением большего числа заготовок, нередко используемых в трудовых операциях без дополнительной обработки.

В составе коллекции фигурируют 2 желвака, 1 галька и 267 нуклеусов, из которых каждый десятый был превращен в скребок. Максимальная величина нуклеусов составляет 11 х 8 х 6 см. Средние их размеры в два раза меньшие. Показательны в этом отношении 4 сохранившихся пренуклеуса (рис. 1,14), средняя величина которых 6 х 4 х 4 см. Среди нуклеусов ровно четвертая часть связана с галечным кремнем, остальные – с желвачным.

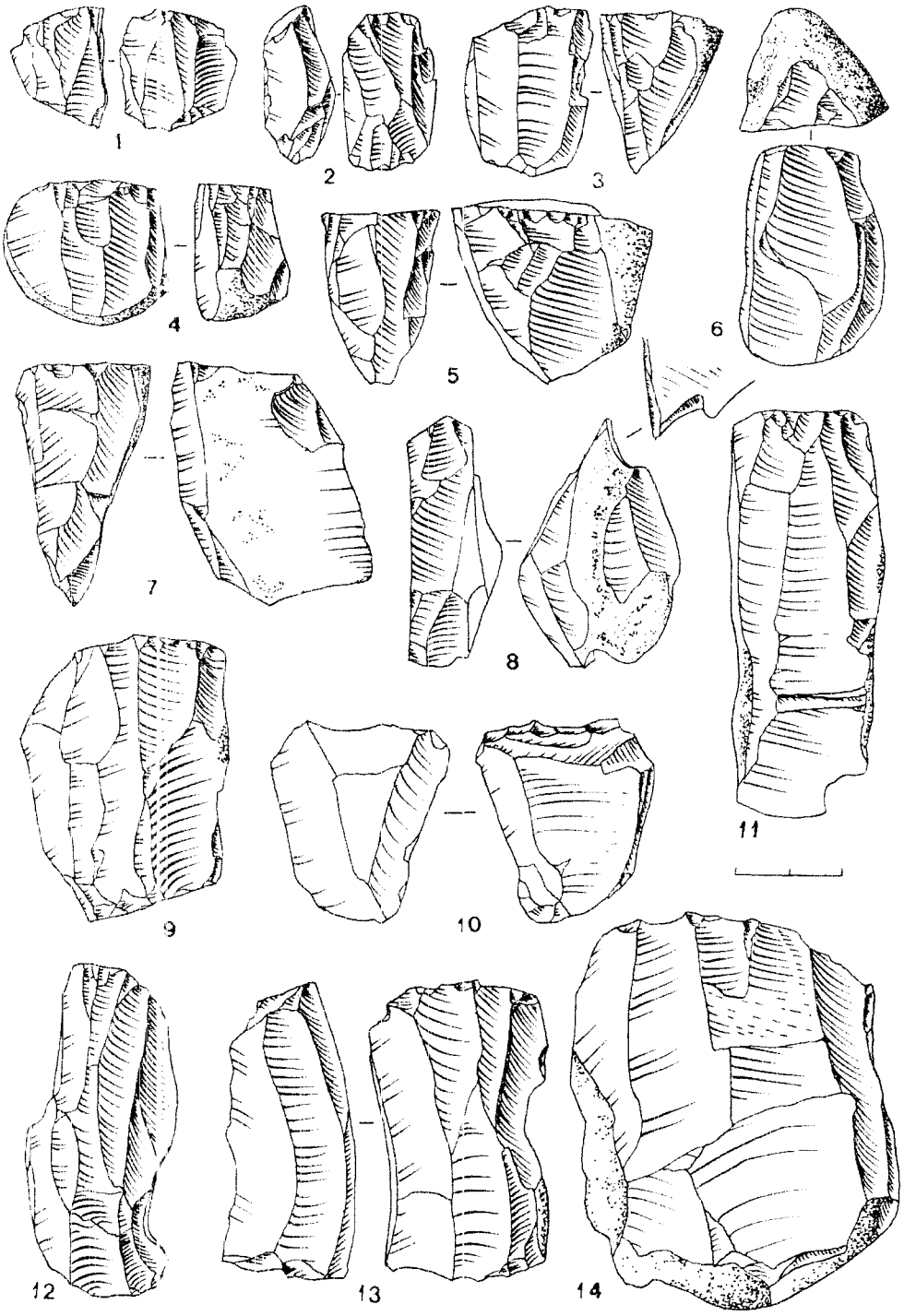


Рис. 1. Нуклеусы.

Доминирующая техника раскалывания кремня – призматическая. В частности выявлено 17 нуклеусов на рабочей стадии раскалывания, 17 – истощенных, 6 – микролитичных (рис. 1,1-4). Дополнительно обнаружено 44 подпризматических нуклеусов. 9 призматических нуклеусов с правильным огранением уплощены (рис. 1,6.11.12). В отличие от всех указанных нуклеусов, относящихся к одноплощадочным односторонним формам, у 4 конусовидных нуклеусов скалывание производилось по всему периметру. В одном экземпляре найден клиновидный нуклеус (рис. 1,7). Среди двуплощадочных образцов, также связанных с призматической техникой скалывания, 50 находятся на рабочей стадии использования (рис. 1,9.12-13), а 29 относятся к истощенным (рис. 1,1-2). Среди них со встречным скалыванием представлены 54 нуклеуса (включая 16 галечных), в том числе 24 – с пра-

вильным огранением, 6 из которых уплощены. Систему скалывания в разных плоскостях имеют 25 нуклеусов (включая только 4 галечных), в том числе с правильным огранкой – 6, а с уплощением – 2. Противолежащие плоскости расщепления отмечены у 4 образцов, остальные – со скалыванием под 90°.

Обособлены 4 многоплощадочных кубовидных нуклеуса, 4 дисковидных, в двух случаях с радиальным двусторонним скалыванием. Среди вторичных нуклеусов выделяются одинарные (13 экз), с двумя или несколькими сколами (11 экз; рис. 1,10), двугранные по типу срединных резцов, но с широкими снятиями (2 экз; рис. 1: 8). Аморфных нуклеусов не меньше 50.

Продукты расщепления кремня представлены: 3679 отщепами (54 % от всех кремней), 1543 пластинами (23 %), 707 техническими сколами (11 %), 531 обломком (почти 8 %) и 22 чешуйками. Среди отщепов: сверхкрупных – 27, крупных – 245, средних – 1582, мелких – 1825. В группе пластин: крупных (шириной > 2,5 см) – 158, средних (2,5-1,2 см) – 1107, мелких (1,2-0,7 см) – 234 см, микролитичных (< 0,7 см) – 44. Неиспользованные для орудий технические сколы включают: краевые – 353, ребристые – 148, сколы оживления ударных площадок нуклеусов – 102 и резцовые сколы – 38.

Традиционно основное внимание при характеристике заготовок обращено к пластинам. Десятая их часть принадлежит крупным экземплярам, до 15 % представлено пластинками, обычных пластин – 72 % и микропластин – всего 3 %. Любопытно, что четвертая часть пластинчатых заготовок найдена в целом виде, а сечений, проксимальных и дистальных концов выявлено в одинаковой пропорции. Именно пластинчатый скол – наиболее часто употребляемый для орудий тип заготовки. Наиболее высокий коэффициент использования у микропластин – 1,5 (из 44 на 29 заметна ретушь), крупных пластин – 2,1 (из 158 у 77 вторичная обработка), пластин средних размеров – 4,6 (1107: 239). Для сравнения этот коэффициент у отщепов составляет: 5,2 у сверхкрупных, 5,5 у крупных, 7,3 у средних и более 55 у мелких.

Ведущие позиции в орудийном наборе Рашкова 8 составляют резцы (256 экз; 33 % от всех орудий). Несколько меньшим числом представлены скребки (149 экз; 20 %). Устойчивым компонентом рассматриваемого комплекса можно считать микроинвентарь (6 %). Он включает пластинки и микропластинки с ретушированным краем (33 экз), а также микроострия (14). Проколок в коллекции всего 5. Несколько больше острий (14). Выразительна группа пластин с интенсивной краевой ретушью (26) и серия долот (7). Среди оставшихся орудий можно указать скребла (4), скобели на отщепах (10), пластины-анкош (9) и пластины с усеченным ретушью концом (2), зубчатые (3) и сравнительно многочисленные комбинированные инструменты (26). Изделия с мелкой краевой ретушью от утилизации представлены 140 экземплярами.

Резцы разделены на ретушные (76 экз; 30 % от их общего числа), угловые (60 экз; 24 %), двугранные (57 экз; 22 %), сложные (26 экз; 10 %) и поперечные (11 экз; 4 %). Оставшаяся часть это обломки резцов и несколько изделий с резцовыми сколами.

В составе двугранных резцов: срединные одинарные (37 экз), срединные двойные (3) и срединно-угловые (17). До половины двугранных резцов выполнено на массивной пластинчатой заготовке. Целые срединные резцы на крупной пластине часто ретушированы по одному из краев (рис. 2,17). Полукрутая ориньякская ретушь распознается на трех экземплярах (рис. 2,4.8.10), многофасеточные лезвия подготовлены у двух (рис. 2,5.13). Серией из 15 срединных резцов представлены экземпляры на обломках массивных пластин, с непреднамеренным изломом нижнего конца (рис. 2,1-3). Атипичный облик имеют 9 срединных резцов на удлиненных ребристых сколах, 5 из которых с многофасеточным лезвием (рис. 2,7.14). Они во многом близки срединно-угловым формам резцов. У последних резцовое лезвие сформировано продольными и поперечными снятиями (рис. 2,12.15-16). Активно использован прием предварительного ретуширования края перед его подправкой. Среди двойных двугранных резцов (рис. 2,9.10-11) выделяется срединный многофасеточный на массивной пластине.

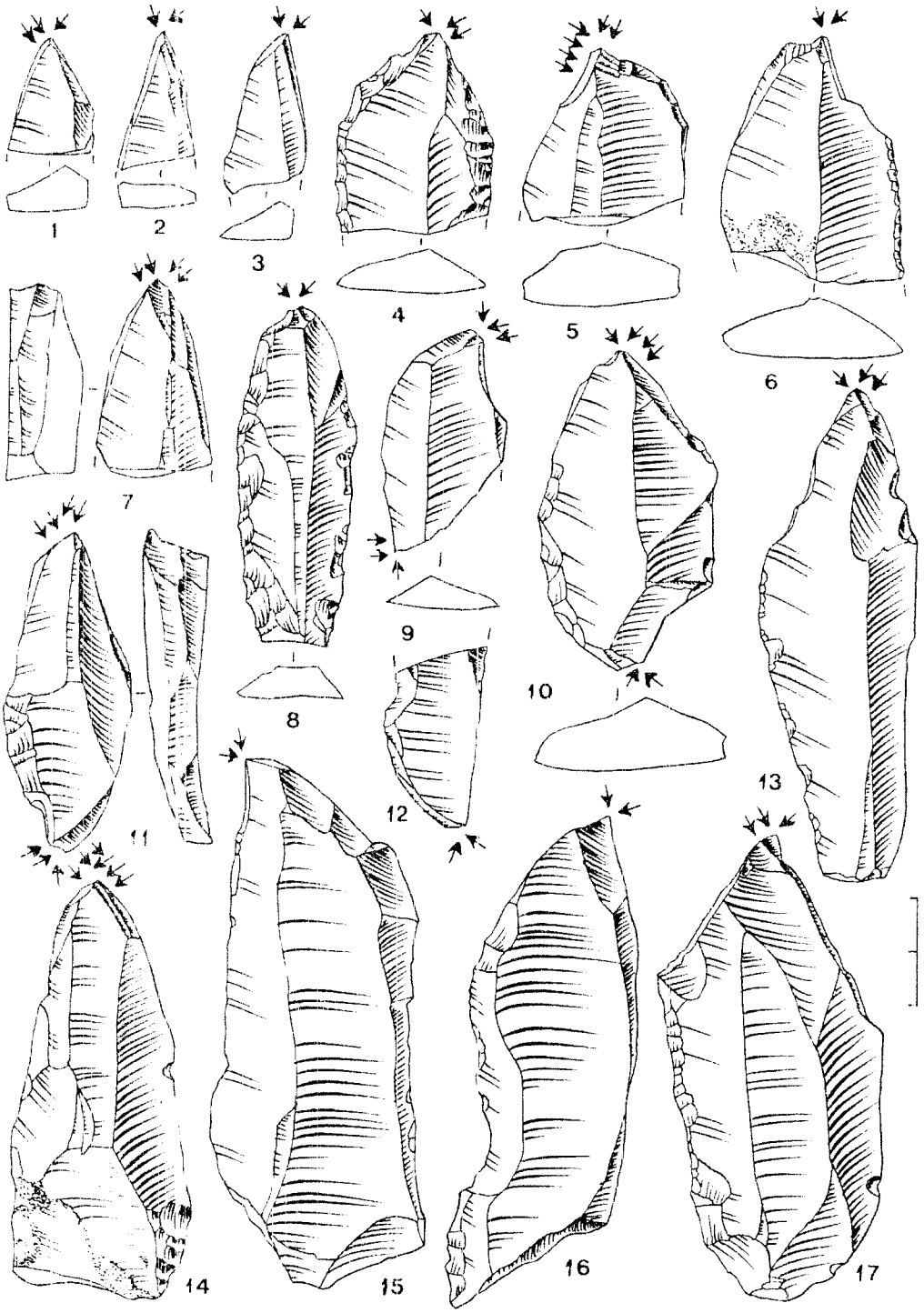


Рис. 2. Двугранные резцы.

Ретушные резцы включают: прямо усеченные (8 экз), косоусеченные (23), вогнутоусеченные (14), выпуклоусеченные (14), двойные (16) и один тройной. Почти половина из них выполнена на пластинах, более тонких, чем у двугранных резцов (рис. 3,3-4.6.8). Среди используемых отщеповых заготовок преобладают первичные (рис. 3,5.10). Для обработки применялась крупная усекающая ретушь, срезающая конец заготовки, как правило, на небольшом участке. Исключение составляет группа выпуклоусеченных резцов, проработанных по всему краю. Из них изделия на отщепах имеют зубчатые очертания ретушированного края (рис. 3,10), а на пластинах – более ровные, но менее выпуклые (рис. 3,7.15). Выделяется одно сегментовидное орудие, проработанное по дуге отвесной ретушью, с уплощенным резцовым сколом (рис. 3,2). Среди двойных ретушных резцов отмечено перекрестное расположение лезвий у 5 изделий (рис. 3,9.12), противолежащее – у 5 и с одного конца – у 6 (рис. 3,13).

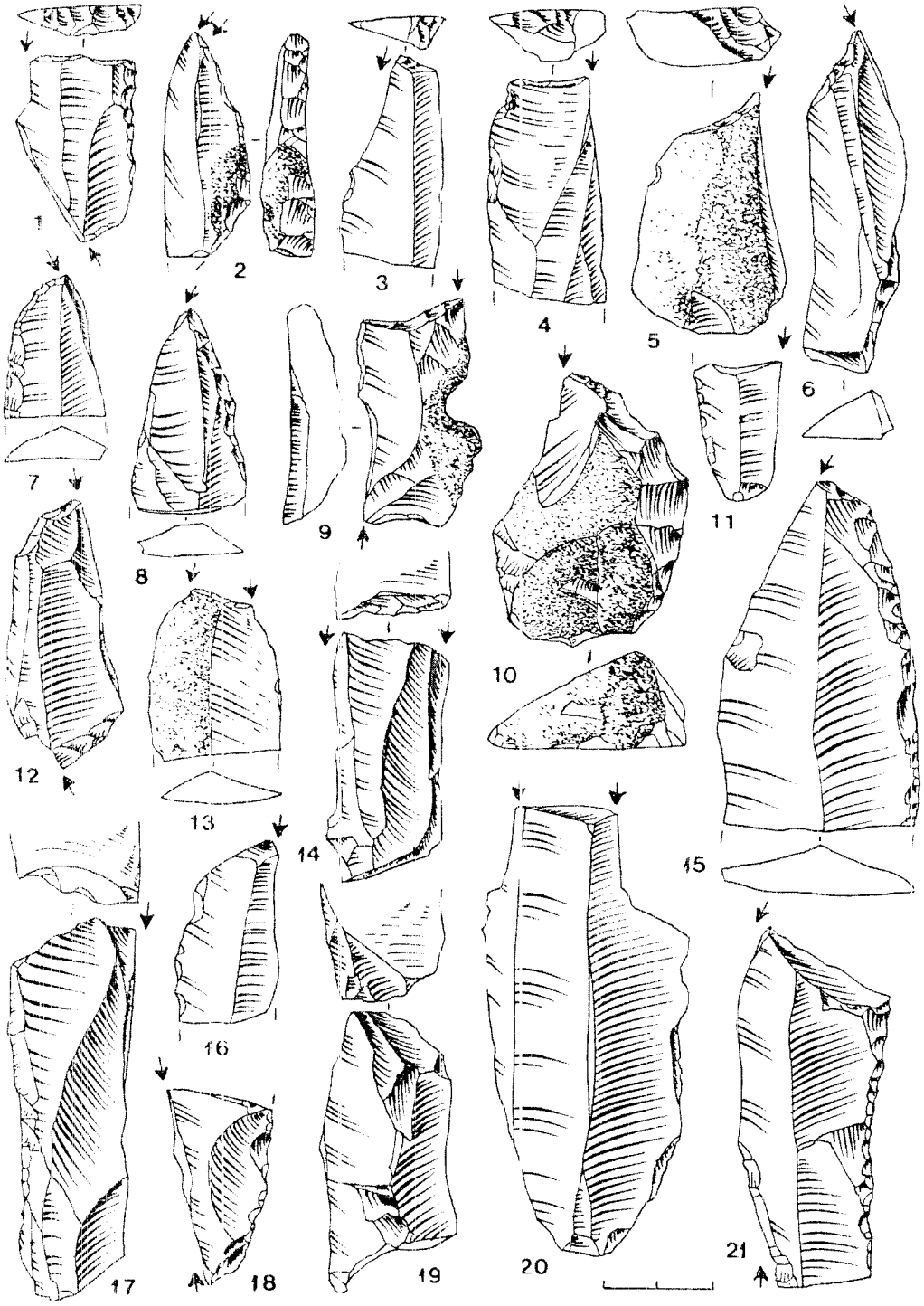


Рис. 3. Ретушные и угловые резцы.

Классических плоских выемчаторетушных резцов-стамесок не обнаружено (мы не считаем возможным рассматривать в качестве такового вторичный нуклеус с двумя широкими плоскими сколами – рис. 1,10). Вместе с тем, найден один экземпляр так называемого резца геометрических очертаний с двумя вогнуторетушированными концами (рис. 3,9). Вентральная ретушная подработка концов, близкая ножам костенковского типа, наблюдается у двух резцов (рис. 3,14.17). Еще у одного поперечно усеченного резца переход на прилегающий край подготовлен через прямой угол (рис. 3,1). Среди угловых резцов отмечены: одинарные на углу сломанной пластины (31 экз), двойные на углу сломанной пластины (4), одинарные простые (22) и двойные простые (3). Для резцов на углу сломанной заготовки часто использовались крупные пластины с правильным огранением (рис. 3,20). У 8 из них приём резцового скалывания применялся с

целью создания обушка, которому противолежит лезвие с интенсивной ретушной сработанностью (рис. 3,11.16.18). Такая же ретушь утилизации прослежена у 3 двойных резцов с лезвием на углу сломанной пластины крупного размера (рис. 3,21). Угловые резцы на отщепах средних размеров и краевых сколах (6) менее выразительны. Исключение составляет плоский резец (рис. 3,19). Лезвия двойных резцов подготовлены с одного конца или с двух противоположных углов по одному краю.

В группе сложных или комбинированных резцов имеются ретушно-угловые (10 экз), двугранно-угловые (10), двугранно-ретушные (4) и поперечно-угловые (2). Характерно употребление массивной заготовки средних размеров. Они обычно одинарные, реже с подновлением лезвия. Многофасеточный резец только один (рис. 4,5). Обязательно расположение лезвия на противолежащих концах. У ретушно-угловых резцов преобладает косоусеченный тип, пряморетушных – всего 2. У двух экземпляров наблюдаются плоские резцовые сколы. Обычно основным лезвием представлено двугранное (рис. 4,4) Использование приёма приострения основания по типу двугранного резца четко выражено лишь у одного орудия (рис. 4,9).

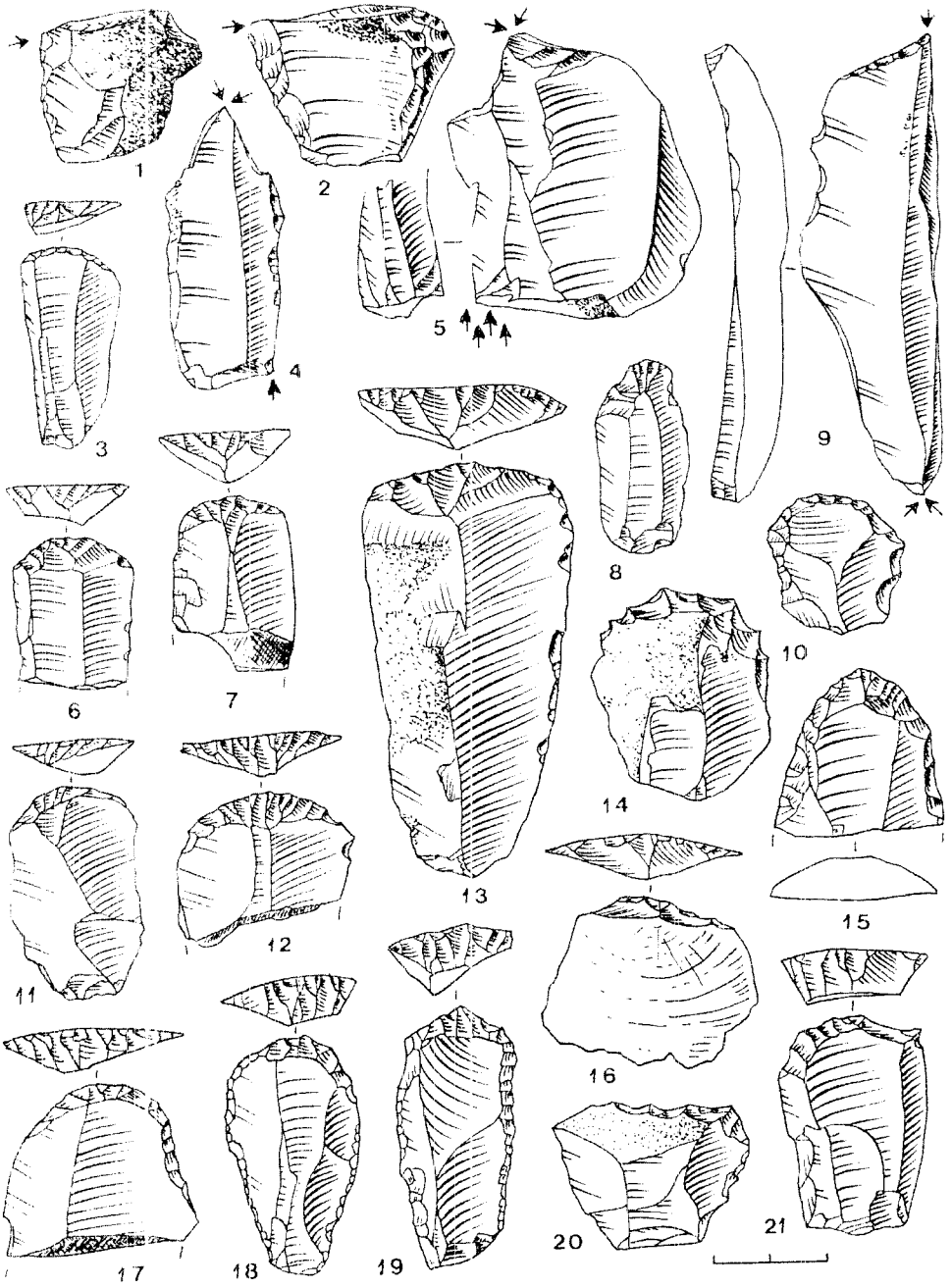


Рис. 4. Низкие скребки, поперечные и комбинированные резцы.

Поперечные резцы разделяются на простые без ретуши (3 экз), прямоусеченные (4; рис. 4,1,2) и близкие к супоневским (4). Они подготовлены на средних отщепах. В случае использования ретуши, она крутая по одному краю, реже – по двум. У 4 орудий ретушированный участок со слабой вогнутостью. Лишь у одного резца лезвие уплощено.

Осмотр 38 резцовых сколов показал, что у 22 из них имеется четко выраженная ретушь по краю, свидетельствующая об активном применении приёма предварительного ретуширования. Вторичных резцовых сколов прослежено чуть меньше половины.

Скребки составляют пятую часть от общего числа орудий, при соотношении с резцами как 1:1,7. В группе скребков преобладают изделия на отщепах (42 %), чуть меньше на пластинах (31 %), встречаются на нуклеусах (17,5 %) и технических сколах (9,5 %).

Низкие концевые скребки (всего на пластинах и отщепах – 82 экз) представлены на целых пластинах (18 экз; рис. 4,3.11), включая 10 коротких, на укороченных пластинах (26 экз; рис. 4,6-7.12.17), большинство которых с обломанным основанием. Встречаются экземпляры на крупных пластинах (рис. 4.13). Ретуширование краев не характерно. Найдено лишь по одному скребку – с расходящимися к лезвию ретушированными краями (рис. 4,18) и с одним продольно усеченным краем. К редкому типу концевых скребков отнесены два их экземпляра с шипом на выпуклом лезвии массивных пластин, проработанных по краям крутой и отвесной ретушью (рис. 4,19). Специфическую форму лезвий имеют 2 стрельчатых (рис. 4,15) и 3 скошенных скребка, еще у 2 отмечено слабо выраженное «рыльце» (рис. 4,8).

Концевые скребки на низких отщепах (23) имеют не столь правильную огранку, более массивны, некоторые с желвачной коркой на спинке. Притупляющая ретушь по двум краям отмечена у двух скребков. Обособлены скребки с зубчатым лезвием (2 экз; рис. 4.14), подокруглым (1 экз; рис. 4,10), угловым его расположением (1 экз; рис. 4,20) и с «шипом» на углу (1 экз; рис. 4,21). Несколько более удлиненные пропорции имеют обычные концевые скребки на краевых сколах (9). Дополнительную отделку лезвий получили скребки на сколах оживления ударных площадок нуклеусов (4 экз; рис. 4,16). Они достаточно широкие, со следами износа по кромке. У 3 двойных скребков на отщепах встречаются скошенное и стрельчатое лезвия.

Скребки высокой формы (39 экз) выполнены на массивных отщепах средних, реже – мелких размеров. Часто использовались первичные и аморфные отщепы с небрежно подготовленным лезвием (11 экз; рис. 5,12). На таких же заготовках, но с более тщательной отделкой небольшой протяженностью лезвия представлены 3 обломка скребка. Еще 5 орудий имеют полуокруглое лезвие (рис. 5,10), а 2 – подокруглое, охватывающее до 2/3 периметра отщепа (рис. 5,4). Специфическое оформление лезвия высоких скребков прослежено у 15 орудий: с боковым рабочим краем – 1, с остроугольным – 2 (рис. 5,1-2), с зубчатым – 4 (рис. 5,9), «с шипом» – 3 (рис. 5,3,5), «с носиком» – 5 (рис. 5,6-8) и с узким ламелярно подработанным – 2 (рис. 5,13-14). Для подготовки лезвия большинства скребков этой группы применялась крутая, часто ламелярная ретушь.

Для нуклевидных скребков (26 экз) подбирались, прежде всего, ядрища укороченных пропорций, предельно сработанные, с негативами снятия узких пластинок. Почти все из них имеют дополнительную отделку лезвия крупной затупливающей ретушью, нивелирующей выступы карнизов ударных площадок нуклеусов. Визуальный осмотр кромки лезвий свидетельствует об их эпизодическом использовании в трудовых операциях. Типологически нуклевидные скребки подразделяются на орудия: с мелким слабо выделенным лезвием (4), включая один миниатюрный (рис. 5,11); с мелким ламелярно подработанным лезвием (5 экз; рис. 5,15-17; 6,4); с полуокруглым тщательно ограненным лезвием (6 экз; рис. 6,5) и подокруглые (2 экз; рис. 6,2), известные как «каренэ»; с остроугольным лезвием (2) и двойные (7), три из которых с противолежащими лезвиями (рис. 6,3), остальные – со смежными. Среди подокруглых скребков выделяется мелкий конусовидный экземпляр со сплошной ламелярной огранкой до самой вершины (рис. 6,1). Попытка обнаружить в коллекции нуклевидных скребков изделия с четко выделенным «носиком» оказалась неудачной. Невыразительное слабо выступающее лезвие угадывается у 3 экз.

Отдельного рассмотрения заслуживают скребки на ребристых сколах. Высокие лезвия этих орудий подготовлены узкими ламелярными снятиями. У одного оно спрямленное полукрутое на конце скола, у другого – узкое скошенное с крутым углом наклона на ребре отщепа (рис. 6,7).

В группу проколок (5 экз) не включены изделия представленные Г.В. Григорьевой (1974, рис. 4,19.20) как проколки–острия, обнаружить которые в коллекции Музея археологии и этнографии не удалось. Одно из них относится к проколкам–сверлам рашковского типа на массивной пластине с предельно вытянутым жалом, интенсивно подработанным крутой ретушью на всем протяжении обоих краев. Имеющиеся в наличии проколки включают два массивных орудия на крупных первичных отщепах с высоким шиповидным жалом, подготовленным крутой чешуйчатой ретушью с двух сторон (рис. 6,14.19). В одном случае жало подправлено резцовым сколом. Еще две проколки подготовлены на углу широких отщепов. Одна из них аморфная, жало которой лишь намечено мелкими выемками, другая, с шиловидным окончанием, сформирована поперечным изломом и широко ретушированной выемкой (рис. 6,8). Единственным экземпляром представлена небольшая симметричная проколка, обработанная у жала по двум краям крупной отвесной ретушью, срезающей заготовку на всю её толщину (рис. 6,9).

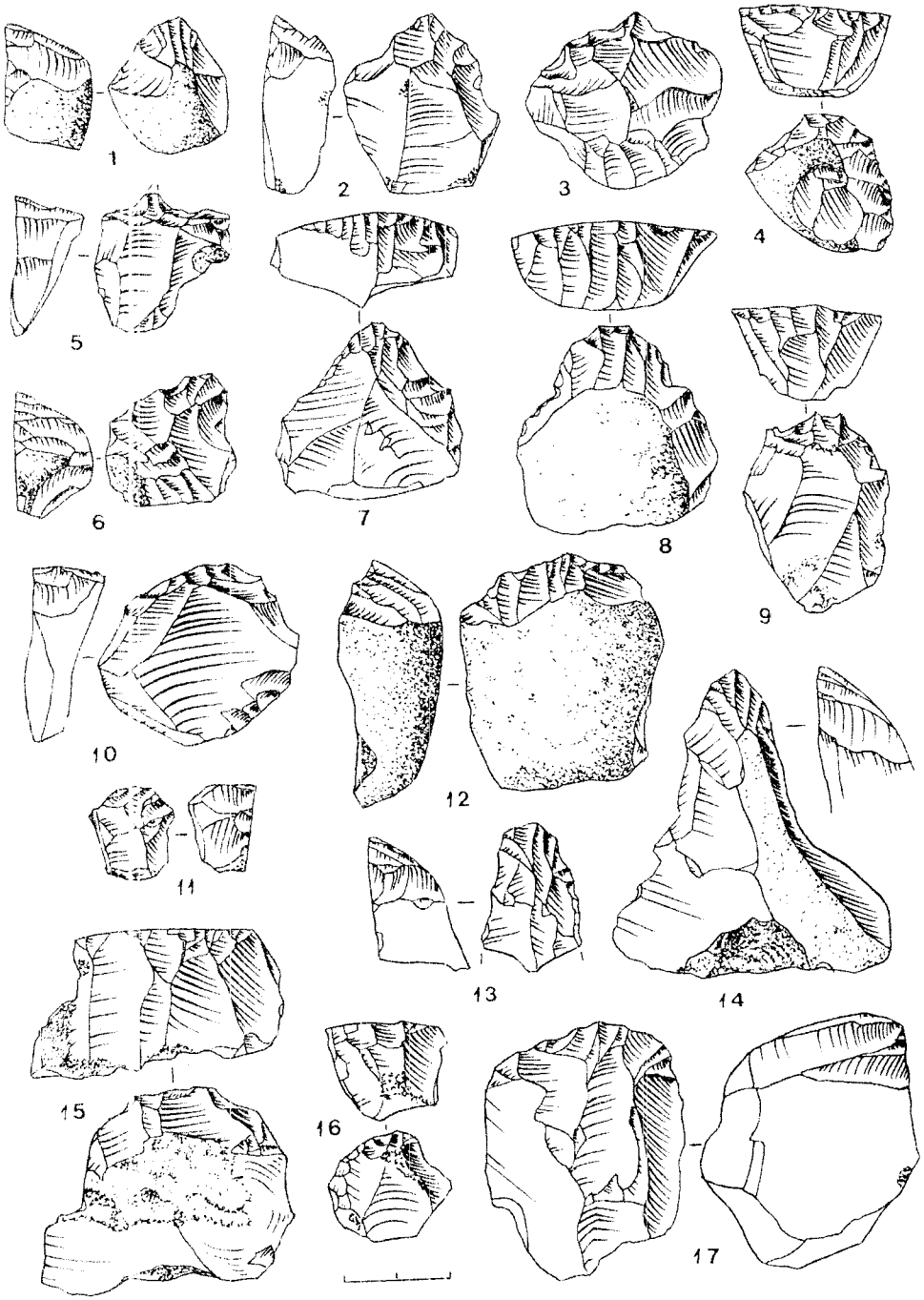


Рис. 5. Скребки высокой формы и нуклевидные.

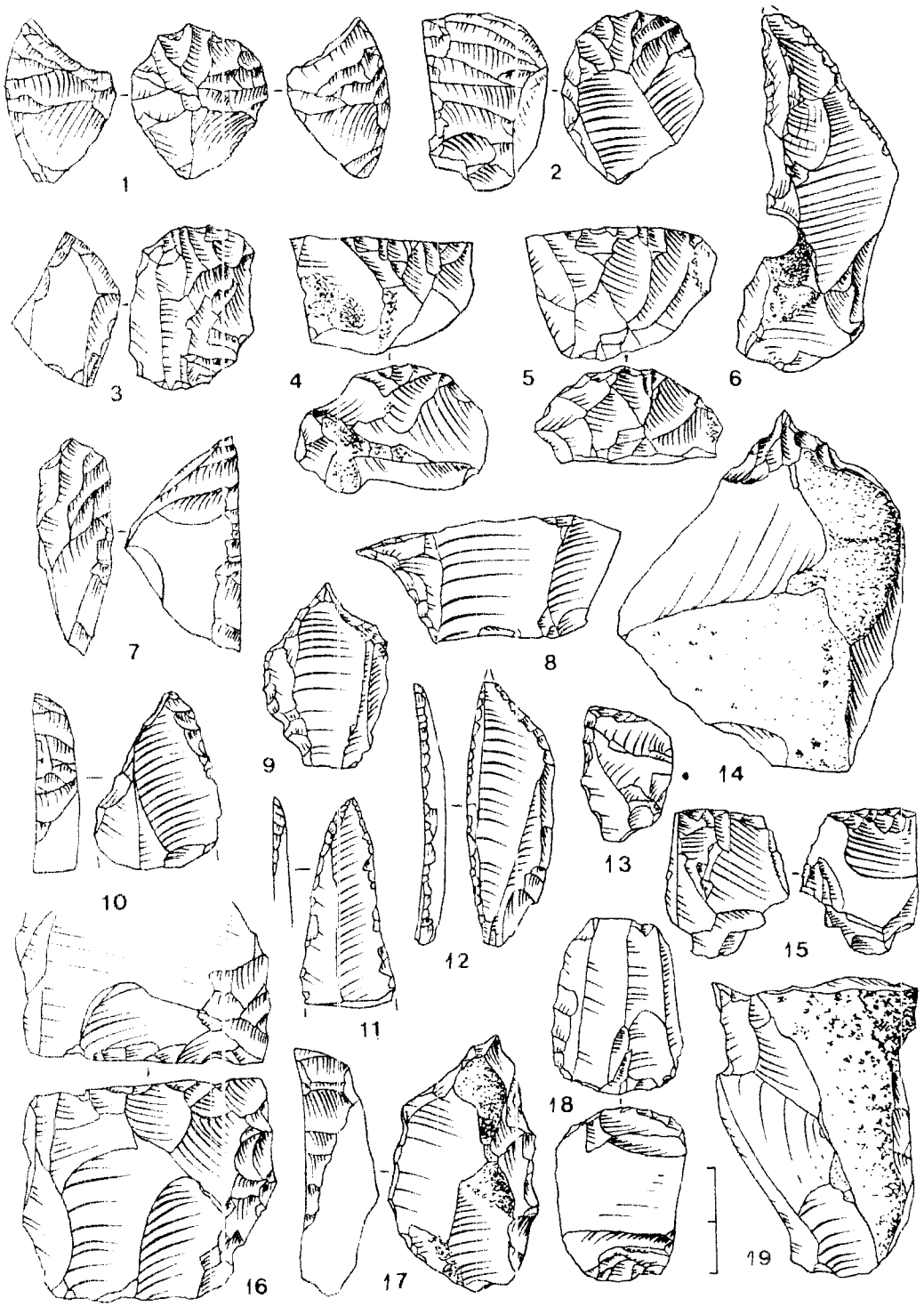


Рис. 6. Острия, проколки, долотовидные изделия, скребло.

К последнему типу проколок примыкает высокое острие на отщепе, подработанное по двум краям крутой чешуйчатой ретушью (рис. 6,17). Несколько скошенное лезвие имеет другое острие, выполненное на обломке пластины, дополнительно обработанное отвесной ретушью (рис. 6,10). Вертикальная ретушь отмечена еще у одного орудия, относимого к косым остриям (рис. 7,29). Для изделий со скошенным лезвием (рис. 6,11-12) характерна мелкая затупливающая ретушь по одному (2 экз) или обоим (2) краям пластины. Они разнородны также как и 5 острий на отщепах с боковым лезвием (рис.6,13) обычно лишь слегка подправленным ретушью. К остриям–сверлам мы отнесли два массивных краевых скола с грубой ретушной отделкой рабочего конца с двух сторон (рис. 6,6).

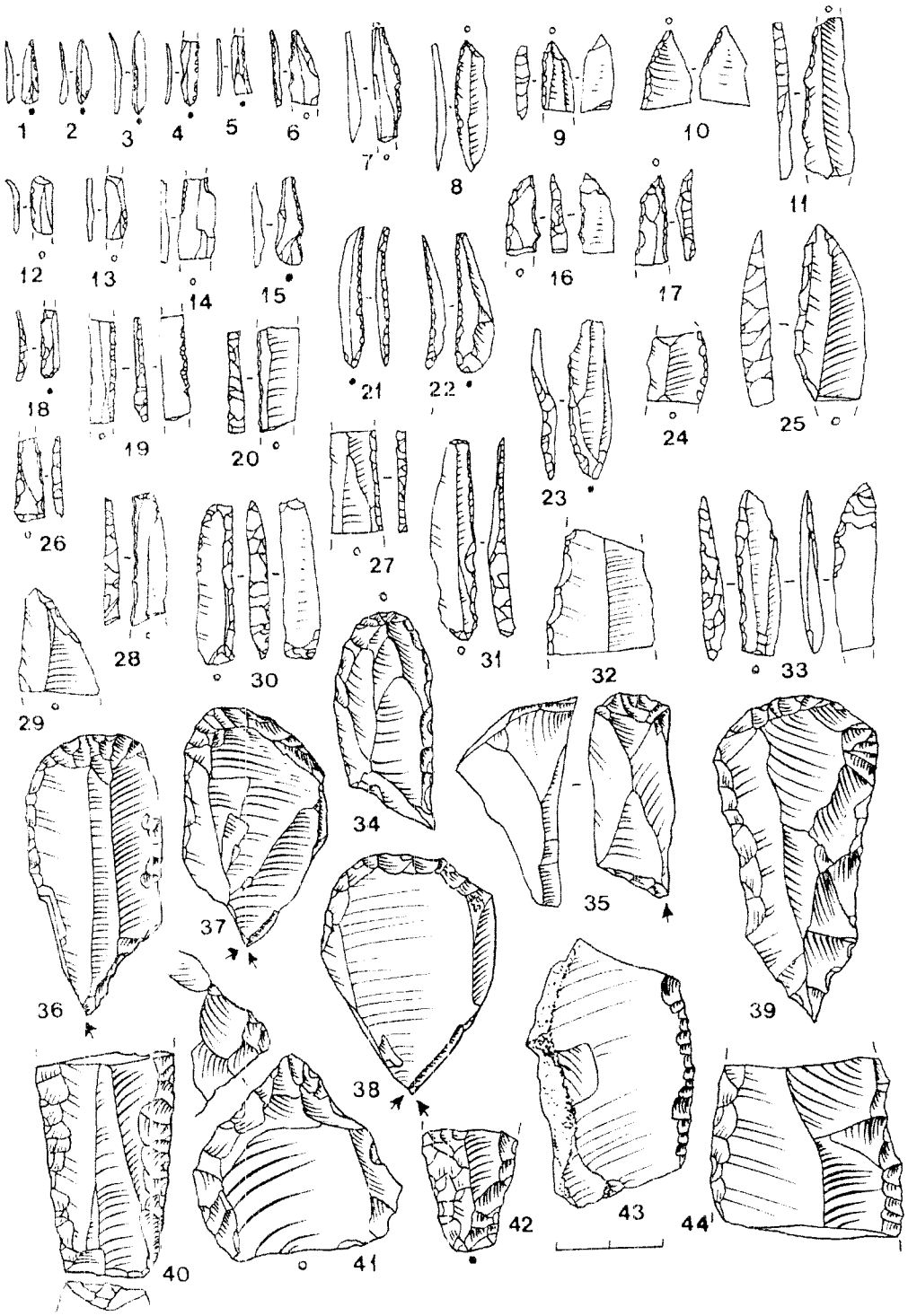


Рис. 7. Микроинвентарь, комбинированные орудия, ретушированные пластины.

Микроинвентарь Рашкова 8 представлен 47 находками. Прежде всего, это микроострия (14 экз) трех разновидностей. Первая из них (3), менее интересная, обработана мельчайшей ретушью по одному краю (рис. 7,6-8), иногда выпуклому, в одном случае в сочетании с косым срезом конца. Вторая включает микроострия (6) с крутой ретушью срезающей заготовку на всю её толщину. Три орудия имеют косой срез края пластинки (рис. 7,9-11), в одном случае используется противолежащая ретушь. Еще три микроотрия можно рассматривать как граветтоидные: два на микропластинках с обоими притупленными краями и косоусеченным концом (рис. 7,16-17) (у одного с плоской вентральной подправкой) и одно на узкой пластине с вертикально срезанной «горбатой» спинкой и дополнительным приострением у дистального конца (рис. 7,25). Третья разновидность микроострий (5), сопоставимая с одной из сагайдакско-

мураловских форм, выполнена на микропластинках шириной 3-4 см, имеющих мельчайшую («абразивную») выкрошенность кромки (рис. 7,1-5).

Среди микропластинок и пластинок с притупленным краем (33 экз), обычно находимых в обломках, наиболее часто встречаются вкладыши с мельчайшей ретушью по одному краю (рис. 7,12-15.21-22.24). Эта ретушь может быть прерывистой (15) или регулярной (5). Более показательны вкладыши с крутой срезающей ретушью по одному из краев заготовки. Как правило, для них отбирались пластинки (рис.7,23). Встречается частичная обработка края (4) и регулярная (4). Последняя разновидность (рис. 7,18-20.27), соотносимая с граветтоидными образцами на других верхнепалеолитических памятниках нашего региона, дополняется изделиями на микропластинках с прямоусеченными концами. Это так называемые «прямоугольники» (рис. 7,26.28.30). Два из них найдены в обломках, один – целый. Для одного из этих вкладышей отмечена необычная обработка вертикальной ретушью по двум краям, что не исключает возможность его принадлежности к редкому типу микроострий (рис. 7,26). Слегка выпуклые очертания затупленных концов имеет еще один вкладыш, подготовленный на пластинке (рис. 7,31). Особого внимания заслуживает обломок вкладыша на пластинке с притупленным краем и плоской вентральной подтёской конца (рис. 7,33).

Комбинированные орудия (17 экз) включают три группы изделий. Самая многочисленная это скребки–резцы (12). Наиболее часто лезвие скребка на одном конце заготовки сочетается с резцовой подправкой на другом (у 9 экз). Оформление скребкового лезвия не выходит за пределы вариаций известных для обычных скребков на пластинах, лишь у двух из них оно узкое. На краевых сколах подготовлены два скребка, в одном случае лезвие высокое крутое с ламелярной отделкой (рис.7,35). Резцовая подправка у большинства изделий предназначалась для создания лезвия полноценного орудия, о чем свидетельствуют следы утилизации. Только у одного из них она могла преследовать цель создания утонченного насада для использования орудия в рукоятке. У 6 изделий этого вида резцовое лезвие двугранное (рис. 7,37-38) (2 срединных, 3 скошенных, 1 срединно-угловое), у 3 – угловое (слабовыраженное), еще у 2 – косоретушированное (рис. 7,36). Обособлены 3 скребка-резца на отщепах, у которых скребковое лезвие боковое, а резцовое -- двугранное (2) или косоретушированное.

Два прекрасных образца комбинированных орудий представлены скребками–проколками. Первое выполнено на крупной пластине частично ретушированной по обоим краям. Его широкое концевое лезвие противопоставлено симметричному острию, лишь слегка выделенному с двух сторон (рис. 7,39). Другое подготовлено на пластине, проработанной по одному краю крутой зубчатой ретушью. Лезвие скребка у него несколько заужено, а угловое жало проколки сформировано ретушью по одному краю (рис. 7,34). Последнее из комбинированных орудий – долото–резец–развертка на отщепе средних размеров. Его ретушная обработка дополняется явными следами утилизации – плоскими вентральными фасетками от использования орудия в его основной функции, в качестве долота. Два уплощенных резцовых скола могли быть следствием подправки лезвия, а крутая чешуйчатая ретушь предназначалась для создания рабочего конца развертки (рис. 7,41).

Ярким компонентом орудийного комплекса являются пластины с интенсивной краевой ретушью по двум краям, представленные Г.В. Григорьевой как ножевидные пластины с «круговой сриньякской ретушью» (Григорьева 1974, 147). Классических экземпляров с полукрутой наслаивающейся чешуйчатой ретушью – 6 (рис. 7,40.42.44). Они представлены обломками (2 сечения, 3 проксимальных части) крупных пластин, за исключением одной. Из такого рода заготовки выполнен типичный нож костенковского типа с плоской чешуйчатой подтёской конца (рис. 7,40).

Такой же крупной наслаивающейся ретушью, в сочетании с мелкой приостряющей, проработаны на отдельных участках края или обоих краев еще 20 пластин, включая 3 крупных. Исключительно для пластин средних размеров применялась крутая и отвесная ретушь. 7 обломков таких пластин имеют регулярную вторичную обработку преимущественно по одному краю (рис. 7,32).

Неожиданно целой серией представлены долотовидные орудия (7 экз; рис. 6,15-16.18). Все они выполнены на отщепах, в двух случаях крупных. За исключением одного изделия,

они имеют по два спрямленных, реже – выпуклых лезвия. Заметен интенсивный износ в виде плоских чешуйчатых фасеток с брюшка. Два из них найдены в обломках. Отличны от долотовидных изделий два обломка массивных пластин с крутой вентральной подработкой конца.

К атипичным скреблам отнесено 4 предмета. Крупная крутая или полукрутая ретушь, иногда лишь подправляющая лезвие формирует слабовыпуклые очертания рабочего края (рис. 7,43). Для одной находки отмечена ретушная отделка по всему периметру.

Изделия с ретушированными выемками включают маловыразительные отщепы – скобели (10) и пластины с мелкими ретушированными выемками от использования (9). К зубчатым инструментам отнесены 3 находки. С мелкой краевой ретушью от использования орудий в различных трудовых операциях встречается 89 пластин (24 крупных, 61 средних, 4 мелких), 59 отщепов, 5 краевых сколов и 2 скола оживления площадок нуклеусов.

И, наконец, последней группой орудий являются 8 отбойников и 1 тёрочник. Два крупных отбойника шаровидной формы имеют диаметр до 75 мм. Целый экземпляр изготовлен из гранитной породы, остальные из кремня. Самый мелкий кремневый отбойник продолговатой формы с интенсивным износом имеет размеры 43 х 35 х 26 мм. Еще два отбойника являются вторично использованными нуклеусами. Единственный обломок песчаникового тёрочника имеет сильный износ одной из фиксированных граней.

Наиболее рельефно индустриальный облик Рашкова 8 просматривается при его сравнении с богатой коллекцией Рашкова 7. Попытка такого сравнения, подтвердившая технико-типологическую близость обоих памятников, была нами уже предпринята (Covalenco 2005). По этой причине ограничимся краткой констатацией результатов, свидетельствующих как о сходстве, так и некоторых различиях сравниваемых объектов.

Сырьевой базой для обитателей рашковских стоянок являлся местный кремень. В Рашкове 7 это, прежде всего речные гальки из аллювиальных отложений террас, а в Рашкове 8 – желваки из меловых отложений со склонов речных долин. Преобладание на обоих памятниках традиционной призматической техники раскалывания выражено через большое число нуклеусов, как одноплощадочных односторонних, так и двуплощадочных со встречным скалыванием. Среди них много предельно истощенных форм – микронуклеусов и нуклеусов с уплощенным рабочим фронтом. В Рашкове 7 больше подпризматических и микролитичных экземпляров, в Рашкове 8 – более правильно ограненных нуклеусов на рабочей стадии расщепления, с признаками неоднократного подновления ударных площадок.

Основной заготовкой для орудий выступают сколы средних размеров – отщепы и пластины. Последних несколько больше в Рашкове 8, где часто использовались и пластины крупных размеров, в то время как в Рашкове 7 доминируют пластинки и чаще отбирались для орудий мелкие отщепы.

Номенклатура изделий с вторичной обработкой практически совпадает. Но если в обширной коллекции Рашкова 7 нашел отражение почти весь спектр орудий, свойственных ориньякоидным комплексам региона, то в Рашкове 8 такого разнообразия мы не наблюдаем. Более того, явным контрастом выступает различное соотношение по числу находок двух основных категорий орудийного набора – резцов и скребков. В Рашкове 8 резцов на треть больше, чем скребков, а в Рашкове 7, наоборот, скребков почти в два раза больше, чем резцов. Опять же в Рашкове 7 более чем в 3 раза больше проколок-острий, но меньше ножевидных пластин с ретушью, в том числе ориньякской.

Среди резцов на рашковских памятниках преобладают ретушные. Прежде всего, это косоусеченные, прямо- и вогнуторетушированные образцы на пластинах. Специфические формы резцов («с шипом», сегментовидные, двойные геометрических очертаний и др.) в Рашкове 7 найдены сериями, а в Рашкове 8 они единичны. Исключение составляют выпуклоретушированные резцы, с обработкой по всему краю. Вместе с тем, в Рашкове 8 в 2 раза больше двугранных резцов, выразительны срединные на пластинах, включая многофасеточные и двойные. Общим можно считать наличие комбинированных резцов и резцов на краевых и ребристых сколах.

Сходство двух памятников хорошо заметно по скребкам, для которых отбирались практически однотипные заготовки. При этом в Рашкове 8 чуть меньше скребков на отщепах, но

больше на нуклеусах. В обоих комплексах много скребков на укороченных пластинах, скребков высокой формы «с носиком», с полуокруглым зубчатым лузвием, скребков-каренэ, включая изделия с вытянутым ламелярно оформленным лезвием, «с шипом», подокруглых. Встречаются мелкие конусовидные скребки с огранкой по всему периметру. Выразительны нуклевидные скребки, среди которых многочисленны микролитичные экземпляры. Обязательным компонентом являются скребки на сколах оживления площадок нуклеусов и на краевых сколах, в том числе с высоким узким лезвием на ребре заготовки.

Вместе с тем, в Рашкове 8 крайне мало скребков с ретушированными краями, в частности, найден только один веерообразный скребок. Здесь же нет скребков с зауженным лезвием, в меньшем количестве встречаются подокруглые формы, но более выразительны образцы со стрельчатым лезвием, остроугольные и «с шипом». Нельзя не подчеркнуть отсутствие среди нуклевидных скребков Рашкова 8 изделий «с носиком».

Взаимовстречаемость по отдельным типам отмечена и среди пластинчатых острий, в числе которых косые с глубоким срезом и изделия с частичной ретушью по двум краям. Для Рашкова 8 заслуживает упоминания тип высокого острия на отщепе с крутой ретушью по двум краям, притом, что только в Рашкове 7 имеются острия с дугообразно отретушированным краем, нуклевидные с ламелярной обработкой, климауцкого типа.

Опять же общими для сравниваемых памятников можно считать массивные проколки с высоким шиповидным жалом, симметричные проколки с крутой ретушью по двум краям, проколки-сверла рашковского типа. В Рашкове 8 они единичны, а другие разновидности, столь эффектные в Рашкове 7 (симметричные с глубокими ретушированными выемками, с игловидным жалом, комбинированные со сверлами) отсутствуют.

В тоже время в Рашкове 8 большее впечатление производят пластины с так называемой «круговой ориньякской ретушью». Пластины с такого рода интенсивной краевой ретушью известны и в Рашкове 7. Именно на такой заготовке выполнено, найденное в Рашкове 8 изделие с подтёской конца по типу ножа костенковского типа. Значительно чаще встречаются в Рашкове 8 «piece esquillée».

Обязательно присутствие в инвентаре обоих памятников комбинированных орудий. В их составе скребки-резцы, обычно с двугранным лезвием, и скребки-проколки. К сожалению, только в Рашкове 7 присутствуют скребки-скребла на удлиненных заготовках со скребковым лезвием «à museau».

Отношение к микроорудиям рашковских комплексов неоднозначно. Присутствие микроострий и микропластинок с мелкой краевой ретушью удивления не вызывает. Они могут рассматриваться как естественный компонент позднего ориньякоидного комплекса. Это же представление вполне уместно и по отношению к сагайдакско-мураловским микроострия с мельчайшей абразивной ретушью по краю. В Рашкове 8 они, правда, известны лишь в своей побочной разновидности – на микропластинках, а не на чешуйках.

Что же касается микроострий, микропластинок и пластинок с притупленным краем, ретушная обработка которых срезает заготовку на всю её толщину, то высказывания по поводу их роли существенно разнятся. По мнению Н.А. Кетрару, они являются органичной частью орудийного набора рашковской индустрии, а сами по себе граветтоидные элементы могут закономерно вписываться в ориньякоидный ансамбль, свойственный памятникам Поднестровья. С этим представлением, значительно расширяя пространственные рамки, согласен и И.В. Сапожников (2003, 229).

Диаметрально противоположную позицию занимает Д.Ю. Нужный, в свое время откавшийся даже бегло ознакомиться с материалами Рашкова 7 и 8. Он настаивает, что материалы рашковских памятников смешаны, граветтоидные признаки категорически не могут совмещаться с ориньякоидными в одном комплексе. По его мнению, такого рода «индустриальный салат», характерный для стоянок с нарушенной стратиграфией, исключается на памятниках с не потревоженным культурным слоем. Он настаивает, что в «чистых комплексах» Анетовки 1, Мураловки и Золотовки 1, безусловно, относимых к ориньякоидным памятникам юга Восточной Европы, примеси из граветтоидных микропластинок нет и быть не может (Демиденко, Нужный 2003-2004).

Позиция Д.Ю. Нужного выглядит достаточно логичной, учитывая отсутствие на Рашкове 7 четко выраженного культурного слоя с планиграфическими объектами и нерасчлененностью материала по литологическим слоям. Последнее обстоятельство признает и сам Н. А. Кетрару, подчеркивая вместе с тем, что на раскопе 1 (1962 г.) «ориньякоидный набор инвентаря практически не содержит микрограветтоидных пластинок. В то же время на раскопе 3 (1971-1972 г.), где была собрана большая часть материалов, микроинвентарь обилен и может содержать «позднюю примесь». Что касается Рашкова 8, то здесь основная масса кремня получена при сборах с поверхности, что опять же допускает инородные включения. Но на этом памятнике, в отличии от Рашкова 7, в ближайшее время планируется провести дополнительные исследования, которые реально могут подтвердить или опровергнуть мнение о «девственности» ориньякоидных комплексов Поднестровья.

По нашим представлениям, даже если допустить, что граветтоидный элемент является инородным, его доля в инвентаре обоих памятников несравненно мала. По Рашкову 7 она не превышает 2 % от основной группы изделий с вторичной обработкой, т. е. составляет менее 1/5 от всего объёма микроинвентаря. В Рашкове 8 граветтоидных микроорудий также 2 %, хотя в составе микроинвентаря они уже составляют 2/5.

Если в отношении роли граветтоидных микролитов в индустрии рашковских памятников вопрос остается открытым, то в представлении Д.Ю. Нужного о рашковских наконечниках с пазами как типично восточнограветтских или эпиграветтских мы видим явную ошибку. Во-первых, пазовые наконечники пока обнаружены только в Рашкове 7, во-вторых, величина и характер оформления пазов не дает оснований рассматривать их как основу для крепления кремневых вкладышей. Они отличаются от наконечников, где эта функция определяется однозначно для вставки микролитов (Абрамова 1967, 12-13; Гвоздовер 1952, 207-208; Станко 1982, 51). Их назначение, видимо, определялось повышением аэродинамических качеств наконечника или необходимостью стока крови у раненных животных. Сами по себе веретенообразные наконечники из рога известны на позднеориньякских памятниках Западной и Центральной Европы (Шовкопляс 1965, 210).

Возвращаясь к характеристике рашковской кремневой индустрии, подчеркнем, что оба сравниваемых памятника обладают достаточным технико-типологическим сходством, позволяющим рассматривать их в рамках одной верхнепалеолитической культуры. Н.А. Кетрару признавая правомерным существования рашковской культуры, в тоже самое время, указывает на необходимость идентификации этой культуры с материалами, прежде всего Рашкова 7, считая Рашков 8 более своеобразным.

По мнению С.И. Коваленко, выделение рашковской культуры допустимо лишь на определенном этапе систематизации материала, для более рельефного представления такого рода индустрии среди верхнепалеолитических памятников Поднестровья. Рассмотрение же её особенностей на более широком фоне предполагает включение рашковских стоянок в круг памятников юга Русской равнины средней поры верхнего палеолита. Допуская расмотрение граветтоидных элементов в рашковской индустрии как инородных, С.И. Коваленко считает оправданным прямое сопоставление Рашкова 7 и 8 с такими памятниками, как Сагайдак, Анетовка 1, Мураловка и Золотовка 1. В рамках этой обширной ориньякоидной общности рашковские материалы могут выступать в качестве самостоятельного варианта, отдельного варианта культуры.

Библиография

Абрамова 1967: З.А. Абрамова, О вкладышевых орудиях в палеолите Енисея. КСИА 111,12-18.

Борзияк 1983: И.А. Борзияк, Поздний палеолит Днестровско-Карпатского региона (опыт систематизации). В сб: Первобытные древности Молдавии (Кишинев 1983), 33–64.

Гвоздовер 1952: М.Д. Гвоздовер, Вкладышевый наконечник с палеолитической стоянки Талицкого. Ученые записки МГУ, вып. 158 (Москва 1952), 207-210.

Григорьева 1974: Г.В. Григорьева, Палеолитическая стоянка Рашков VIII. СА 3, 1974, 142–149.

Григорьева 1980: Г.В. Григорьева, Некоторые итоги изучения позднего палеолита в Молдавии. В сб: Первобытная археология – поиски и находки (Киев 1980), 71-82.

Григорьева, Кетрару 1972: Г.В. Григорьева, Н.А. Кетрару, Работы Молдавской палеолитической экспедиции. В сб: АО в 1971 г. (Москва 1972), 448-449.

Григорьева, Кетрару 1973: Г.В. Григорьева, Н.А. Кетрару, Исследования палеолитических стоянок Рашков VII и VIII. В сб: АИМ в 1970-1971 гг. (Кишинев 1973), 15-26.

Демиденко, Нужный 2003-2004: Ю.Э. Демиденко, Д.Ю. Нужный, Проблемы верхнего палеолита Северного Причерноморья и книга И. В. Сапожникова «Большая Аккаржа. Хозяйство и культура позднего палеолита степной Украины». Stratum plus №1 (Кишинев 2003-2004) (в печати).

Кетрару 1972: Н.А. Кетрару, Отчет о работе Молдавской палеолитической экспедиции в 1971 г. Архив МА ИАЭ АН РМ, Инв. № 67 (Кишинев 1972), 26 с.

Кетрару 1973: Н.А. Кетрару, Отчет о работе палеолитической экспедиции в 1972 г. Архив МА ИАЭ АН РМ, Инв. № 76 (Кишинев 1973).

Кетрару, Григорьева, Иванова, Ренгартен 1986: Н.А. Кетрару, Г.В. Григорьева, И.К. Иванова, Н.В. Ренгартен, Палеолитическая стоянка Рашков VIII. В кн: Антропоген и палеолит Молдавского Приднестровья (Кишинев 1986), 123-126.

Кетрару, Григорьева, Коваленко 2000: Н.А. Кетрару, Г.В. Григорьева, С.И. Коваленко, Позднепалеолитическая стоянка Рашков VII (кремневая индустрия). Stratum plus №1 (Кишинев 2000), 272-314.

Рогачев, Аникович 1984: А.Н. Рогачев, М.В. Аникович, Поздний палеолит Русской равнины и Крыма. В кн: Палеолит СССР (Москва 1984), 162-271.

Сапожников 2003: И.В. Сапожников, Большая Аккаржа. Хозяйство и культура позднего палеолита степной Украины (Киев 2003), 303 с.

Станко 1982: В.Н. Станко, Мирное. Проблема мезолита степей Северного Причерноморья (Киев 1982), 164 с.

Шовкопляс 1965: И.Г. Шовкопляс, Мезинская стоянка (Киев 1965), 326 с.

Chetraru, Covalenco 1999: N. Chetraru, S. Covalenco, Particularităţile tehnico–tipologice ale complexului de silex din staţiunea paleoliticului superior Raşcov VII. Tyragetia IX, 31-50.

Covalenco 2005: S. Covalenco, Analiza comparativă a monumentelor paleolitice superioare Raşcov VII şi VIII. Tyragetia XIV (în tipar).

Коваленко Сергей Иванович,
научный сотрудник Национального музея истории Молдовы,
ул. 31 Августа 121А, Кишинев, MD-2012

Кетрару Николай Антонович,
заведующий Отдела научных изданий Национального музея истории Молдовы,
ул. 31 Августа 121А, Кишинев, MD-2012.

Раннепалеолитическая находка из Кошницы

Сергей Коваленко, Сергей Пуцунтикэ, Кишинэу

Descoperirea rarisimă a unui toporaş de mână preistoric în împrejurimile s. Coşniţa, raionul Criuleni, a constituit o importantă mărturie, privind prezenţa omului preistoric în regiunea Nistrului de Jos încă din paleoliticul timpuriu. Piesa masivă în formă de migdal, graţie prelucrării bilaterale pe tot perimetrul, are proporţii simetrice, secţiune concav-aplatizată şi margini neregulate sinuozitate. Nu este exclus, că ştergerea excesivă a muchiilor acestei unelte, ca şi culoarea neobişnuită a suprafeţei de un cafeniu intens, să fie un rezultat al depozitării toporaşului în depunerile de pietriş şi prundiş ale terasei a şasea a Nistrului, sub un strat masiv de argile roşiatice.

Редкая находка ручного рубила из окрестностей с. Кошница Криулянского района явилась еще одним важным свидетельством пребывания древнего человека в Нижнем Поднестровье в период раннего палеолита. Массивное миндалевидное рубило, посредством сплошной двусторонней оббивке, получило симметричные пропорции, выпукло-уплощенное сечение и неровные извилистые края. Не исключено, что сильная сглаженность граней этого орудия, также как и необычно густая коричневатая окраска его поверхности, образовалась при залегании рубила в гравийно-галечных отложениях VI надпойменной террасы, под мощным слоем красноземов.

A rare find of a hand axe in the vicinity of the Coşniţa village (Criuleni District) became one more important evidence of ancient people's presence in the Lower Dniester region in the Early Palaeolith. The massive almond-shaped axe due to its continuous bifacial processing has symmetric proportions, convexo-plane section, and uneven tortuous edges. It is not unlikely that substantial smoothness of edges of the tool as well as unusually deep brown color of its surface originate from the deposition of the axe in the gravel and pebble measures of the 6th above-flood-lands terrace under a thick layer of red soil.

Древнейшие местонахождения раннего палеолита Нижнего Поднестровья вблизи крупной Вадул-луй-Водской излучины, между Дубоссарами и Григориополем, известны с 80-х годов прошлого века (Адаменко, Анисюткин, Гольберт, Кетрару 1986, 78-84). Благодаря исследованиям Н.К. Анисюткина (1989, 1994) у с. Похребя, была собрана коллекция архаичных орудий домустьерского времени. Вооруженное противостояние на Днестре в начале 90-х годов исключило возможность проведения дальнейших работ. Лишь по прошествии 15 лет, в январе 2005 г. группа археологов – А.Н. Левинский, С.И. Коваленко, С.И. Пуцунтикэ – смогла впервые выехать в зону конфликта. Причиной этому стала уникальная находка, принесенная в Национальный музей истории Молдовы жителем с. Кошница Криулянского района В.В. Гросул. Как оказалось, место находки удалено от известного раннепалеолитического местонахождения Похребя почти на 8 км к югу.

Находка ручного рубила позднеашельского типа была обнаружена в 0,4 км от восточной окраины с. Кошница, на низкой левобережной террасе Днестра, на пашне у дороги. Предполагается, что периодическая подсыпка песка с гравием для укрепления дорожной насыпи привела к появлению здесь одного из самых древних орудий, известных в нашем регионе. По сведениям местных жителей, песок с гравием подвозился сюда с близлежащего карьера, расположенного в 3 км к северо-востоку, у дороги Кошница–Дороцкое. Осмотр этого активно разрабатываемого карьера не исключил такую версию. Карьером вскрываются 20-метровые супесчано-глинистые отложения VI надпойменной террасы, в основании которой хорошо заметны две ископаемые почвы, называемыми красноземами. Под ними у цоколя террасы вскрыт мощный слой песка с гравием и галечником, идентичным гравийно-галечной подсыпке дороги у места находки рубила.

О большой древности находки свидетельствует техника её изготовления и специфическая окраска. Изначально для подготовки рубила была отобрана крупная конкреция светло-серого кремня овально-уплощенной конфигурации. Она оббивалась сильными ударами по периметру, о чем свидетельствуют негативы центростремительных сколов, снимающих почти полностью корочное покрытие (фото 1: рис. 1). Его незначительные остатки в виде шероховатой, с мелкой забитостью поверхности сохранились лишь на центральных, выступающих участках обеих сторон, куда не достигли сколы оббивки. На одной из этих сторон, имеющей выпуклые очертания, наблюдаются удлиненные негативы сколов, шириной 2-3 см, на другой, несколько

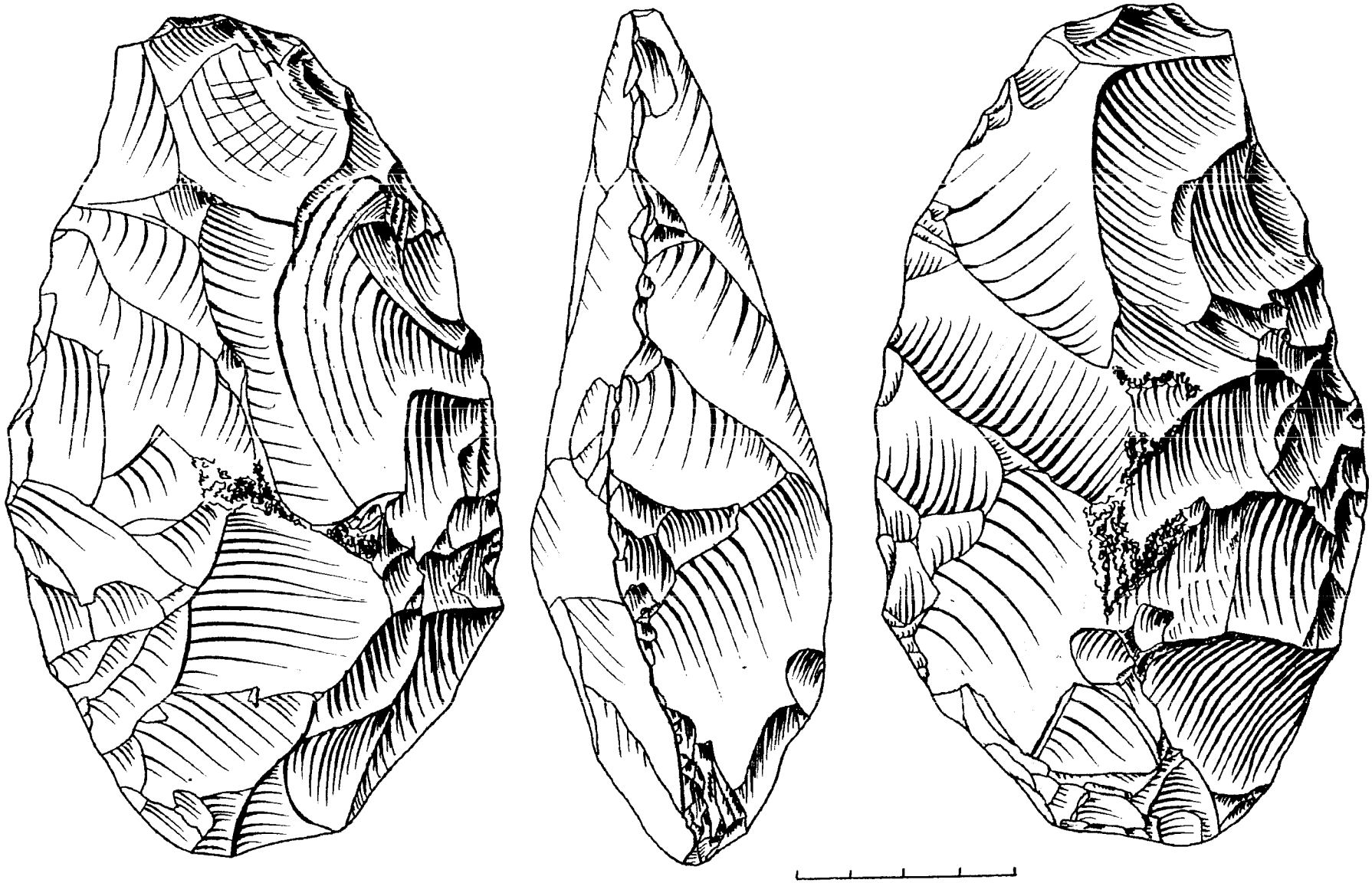


Рис. 1. Ручное рубло

Фото 1. Ручное рубило из Кошницы

уплощенной, использована серия более широких, часто налегающих сколов. С уплощенной стороны отмечено и большое число мелких сколов подправки края. Такого рода двусторонняя обработка сформировала у изделия выпукло-уплощенное сечение, максимальная толщина которого приходится не на пятку, а на его вторую четверть от основания. Само основание равномерно проработано по дуге, а верхняя часть, постепенно сужающаяся к лезвию, облегчена более глубокими сколами. Все это придало орудию симметричные очертания и позволяет его соотнести с широко распространенными, согласно Ф. Борду (1961), миндалевидными рубилами. Наше рубило слегка удлиненно (коэффициент удлиненности – 174) и отличается массивностью (коэффициент массивности – 58). Его размеры – 15,7 x 9 x 5,2 см. Вес равен 672 гр.

Немаловажной особенностью кошницкого рубила являются его неровные извилистые края, с многочисленными выщерблинами и сильной сглаженностью, свойственной и всему изделию. Такую подработку краев можно отнести к архаичным признакам.

Другой показатель глубокой древности рубила – окраска. Если бы не позднее повреждение, позволяющее увидеть, что оно изготовлено из кремня, его можно было бы спутать с разновидностью яшмы. Именно такой цвет поверхности имеют контрольные образцы древнейших орудий Румынии из Дыржова, хранящиеся в Музее археологии АН РМ. Но в отличие от нашего рубила, они имеют такой цвет и на изломе. Кошницкое рубило равномерно окрашено лишь по поверхности, без глубокого проникновения в «тело» орудия. Окрас – густой коричневый, через который иногда пробиваются разводы желтоватых тонов. Вместе с блеском создается впечатление особой маслянистой фактуры. Первое впечатление от этого, что перед нами подделка, но при ближайшем рассмотрении убеждаешься в устойчивости, естественности окраски. Такого рода цвет имеют редкие изделия из нижнего слоя грота Старые Дуруиторы, датируемого ранним палеолитом. Мы допускаем, что окрашенность рубила объясняется его длительным залеганием, либо в красноземах, тех самых которые обнаружены в карьере, либо в нижележащем слое аллювия, где идентичную окраску имеет галечный кремень.

Так или иначе, перед нами одно из самых совершенных и привлекательных орудий, изготовленных рукой древнего человека. Таких качественно выполненных рубил в Молдавии до сих пор не найдено. На стоянке Варзаровка 10 (Кетрару 1969, табл. XII) и в гроте Выхватинцы (Сергеев 1950, рис. 8,1) известны более грубые рубила микокского типа. Типологический возраст кошницкого рубила мы осторожно определяем позднеашельским временем, хотя, по мнению Х.А. Амирханова, оно может быть и древнее.

Библиография

Адаменко, Анисюткин, Гольберт, Кетрару 1986: О.М. Адаменко, Н.К. Анисюткин, А.В. Гольберт, Н.А. Кетрару. Опорный разрез VII (михайловской) террасы Днестра у с. Погребя. Погребя 1. Погребя 2. Погребя 3. В кн: Антропоген и палеолит Молдавского Приднестровья. Путеводитель экскурсий VI Всесоюзного совещания по изучению четвертичного периода (Кишинев 1986), 78-84.

Анисюткин 1989: Н.К. Анисюткин. Домустьерские местонахождения у села Погребя на Нижнем Днестре и положение его индустрий в раннем палеолите Европейско части СССР и сопредельных территорий. В сб: Четвертичный период. Палеонтология и археология. (Кишинев 1989), 124-137.

Анисюткин 1994: Н.К. Анисюткин. Древнейшие местонахождения раннего палеолита на юго-западе Русской равнины. Археологические Вести 3, 1994, 6-15.

Кетрару 1969: Н.А. Кетрару. Палеолитические и мезолитические местонахождения в бассейне р. Реут. В сб: Антропоген Молдавии (Кишинев 1969), 24-88.

Сергеев 1950: Г. П. Сергеев. Позднеашельская стоянка в гроте у сел. Выхватинцы (Молдавия). СА XII, 1950, 203-212.

Bordes 1961: F. Bordes, Typologie au Paléolithique ancien et moyen (Bordeaux 1961).

Сергей Коваленко,
Национальный Музей Истории Молдовы,
ул. 31 Августа 121А, MD-2012, Кишинэу, Республика Молдова

Сергей Пунтикэ,
Национальный Музей Истории Молдовы,
ул. 31 Августа 121А, MD-2012, Кишинэу, Республика Молдова

Новые позднепалеолитические памятники Молдовы

Игорь Сапожников, Одесса, Виктор Сорокин (†), Кишинэу

În articol se prezintă 11 situri paleolitice descoperite şi cercetate în Moldova în anii 1987-1989. Majoritatea siturilor sunt situate în valea râului Ivancea, afluent al râului Răut, iar unele în zona cursului inferior al râului Nistru. Interes deosebit reprezintă materialele siturilor Lăpuşna, Oxentea III, Iarna, Peresecina V şi Iuştubei. Materialul litic din Lăpuşna este foarte expresiv şi se încadrează în faza mijlocie a paleoliticului superior. Acest material este asemănător inventarului litic din siturile Raşcov VII şi Anetovca I, care se datează cu 22-30 mii ani BP şi este de tip gravettoidal epiaurignac. Aproximativ aceleaşi perioade pot fi atribuite şi materialele din staţiunile Iarna, Peresecina V şi Iuştubei, iar Oxentea III este un sit mai timpuriu

В статье публикуются материалы 11 новых позднепалеолитических памятников открытых и исследованных в Молдове в 1987-89 годах. Большая часть из них расположена в долине реки Иванча – правого притока реки Реут, а еще два – в долине Нижнего Днестра. Наибольший интерес представляют материалы стоянок Лэпушна, Оксентье III, Ярна, Пересечина V и Юштубей. Каменный инвентарь Лэпушны очень выразителен и относится к средней поре позднего палеолита. В культурном отношении его можно сопоставить со стоянками Рашков VII и Анетовка I, которые датируются около 22-20 тысяч лет ВР и определяются как «граветтоидный эпиориньяк». Примерно к этому же времени можно отнести материалы Ярны, Пересечина V и Юштубея, а Оксентье III является более ранним памятником.

In article are published materials of 11 new upper palaeolithic sites, which have been found out in Moldova in 1987-89. The most part from them is located in a valley of the river Ivancha – the right inflow of the river Reut, and two more – in a valley of the Lower Dnestr. The greatest interest is represented materials of sites Lapushna, Oksent'e III, Peresechino V and Jushtubej. Stone stock of Lapushna is very expressive and concerns to the middle period of upper palaeolith. In the cultural relation it is possible to compare to sites Rashkov VII and Anetovka I, which are dated about 22-20 thousand years BP, and are defined as «gravettoidal epiaurignac». Approximately it is possible to relate Jarna, Peresechino V and Jushtubej to same time, but Oksent'e III is more earlier site.

В статье вводятся в научный оборот материалы 11 местонахождений и пунктов находок времени позднего палеолита, выявленных в Молдове в 1987-89 годах, а также публикуются артефакты, собранные на стоянке Лэпушна в 1988 г.[1] В 1987 году В.Я. Сорокин и И.В. Сапожников руководили работами разведочного отряда Экспериментально-трасологической экспедиции ЛОИА АН СССР (начальник – Г.Ф. Коробкова), который полностью обследовал долину речки Иванча – правого притока р. Реут, а также участок правого берега долины Днестра у с. Оксентье. В результате этих разведок нами было открыто 11 новых памятников (Сорокин, Сапожников 1990), 10 из которых расположены компактной группой на склонах двух коротких циркообразных балок – Барсук и Лэпушна, впадающих в долину Иванчи справа севернее пос. Пересечина (рис. 1). В географическом отношении местность представляет собой восточные отроги Центрально-Молдавской возвышенности (Кодр), а абсолютные отметки на водоразделах превышают здесь 250 м. До наших разведок в Кодрах был известен лишь один выразительный памятник позднего палеолита – стоянка Реча в долине р. Икель (Кетрару 1989).

Ярна. Местонахождение обнаружено на террасовидном уступе (высотой около 50 м над тальвегом реки) мыса, образованного правым склоном балки Барсук и левым склоном балки Лэпушна. Площадь распространения материала составляет около 120х80 м, расположена в 1,3 км к З – ЮЗ от кафе «Ярна» и в 120 м к СВ от поворота шоссейной дороги Кишинев – Оргеев (рис. 1). Она приурочена к искусственным террасам сливового сада. Наибольшая плотность находок прослежена на 6-8-й террасах вниз по склону от шоссе и в промоине, проходящей между двумя участками сада. Покровные отложения в районе местонахождения практически полностью уничтожены бороздовой эррозией, глубокой вспашкой и при террасировании. Поиски культурного малоперспективны.

[1] Большинство памятников открыты и обследованы И.В. Сапожниковым. В иных случаях это специально оговаривается.

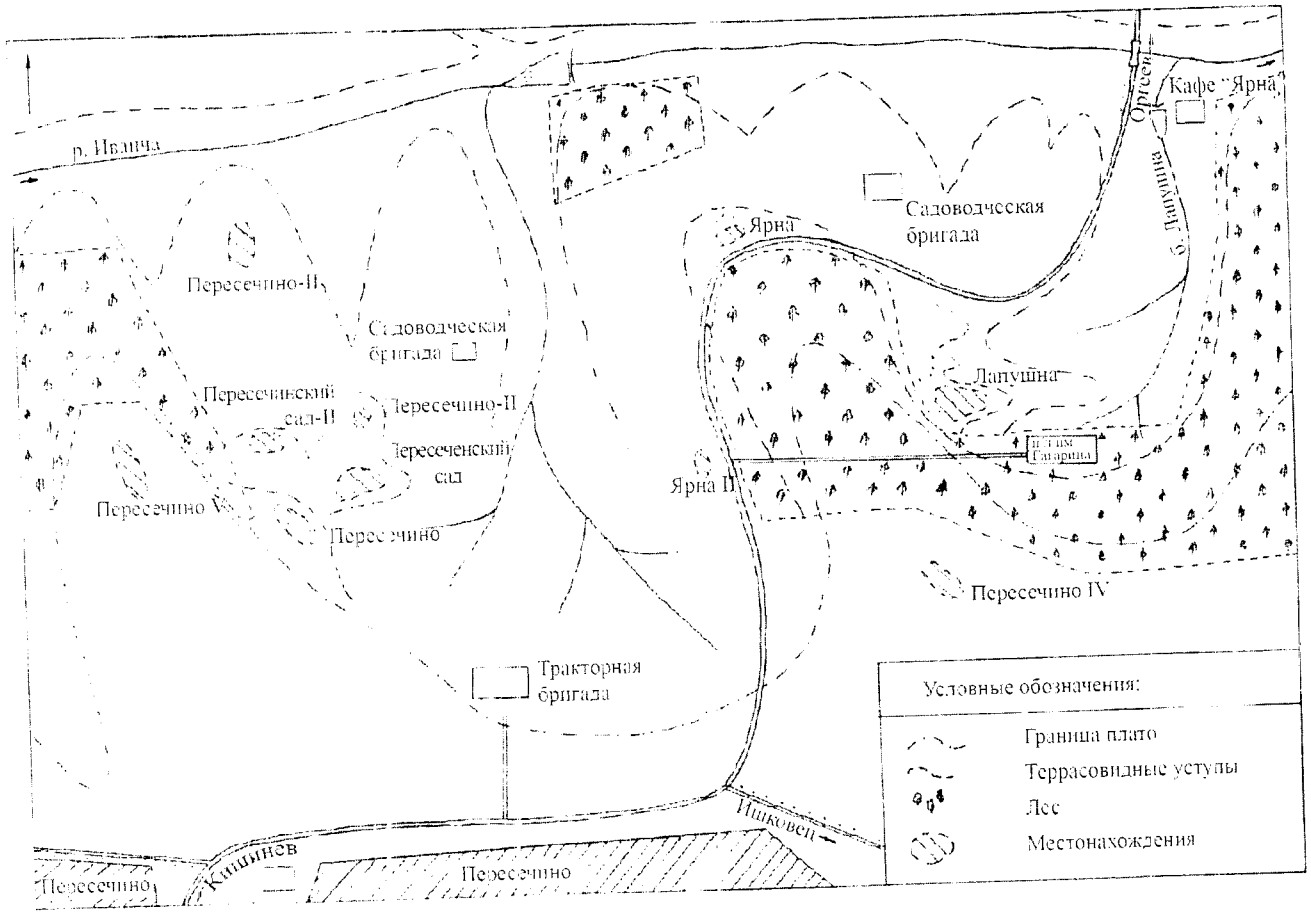


Рис. 1. Схема расположения памятников у Пересечина

Коллекция состоит из небольшого (5-6 см) обломка бивня мамонта и кремней, покрытых белой и голубовато-белой патиной. Обитатели Ярны, как и других стоянок у Пересечина, использовали для изготовления орудий желвачный и галечный кремень хорошего качества, серый и коричневый в изломе, выходы которого в долине Иванчи нами не отмечены. Каменные изделия имеют следующую технико-морфологическую характеристику:

Изделия	*Количество*
Нуклевидные осколки	8
Осколки	13
Пренуклеусы	2
Нуклеусы	8
Обломки нуклеусов	2
Отщепы	43
Крупные	13
Средние	29
Чешуйки	1
Пластины	14
Крупные	5
Средние	6
Микропластины	3
Фрагменты сколов	16
Поперечный скол (отщеповый)	1
Изделия со вторичной обработкой	8
Всего	122

Одно- и двухплощадочные нуклеусы представлены равным числом. Первые из них подразделяются на призматические (3 экз.) с подкруговым (2 экз.; рис. 2,7.10) и односторонним (рис. 2,9) скалыванием, а также неправильнопризматический одностороннний. Среди двух-

площадочных нуклеусов выделены: призматические с противолежащими площадками – 2 экз. (рис. 2,8,11) и неправильнопризматические (2 экз.) – с встречным односторонним и встречным смежным скалыванием.

Изделия со вторичной обработкой (6,6%) представлены двумя скребками – концевым на крупном пластинчатом отщепе (рис. 2,2) и концевым-боковым на крупной пластине (рис. 2,5), тремя резцами – угловым на отщепе со скошенным концом (рис. 2,1), боковым на отщепе (рис. 2, 6) и двойным – угловым и срединным на реберчатой пластине (рис. 2, 4), а также долотовидным орудием (рис. 2, 3) и двумя отщепами с краевой ретушью.

Ярна II. Пункт находок, выявленный А.Ю. Следковым на террасовидном уступе правого берега балки Барсук в 30 м к З от шоссе Кишинев – Оргеев, на винограднике, против поворота дороги к детскому летнему лагерю (рис. 1). На площади 20 х 20 м собрано пять патинизированных кремней: 3 отщепа, фрагмент крупного скола и сечение средней пластины с приостряющей краевой ретушью по двум сторонам с брюшка.

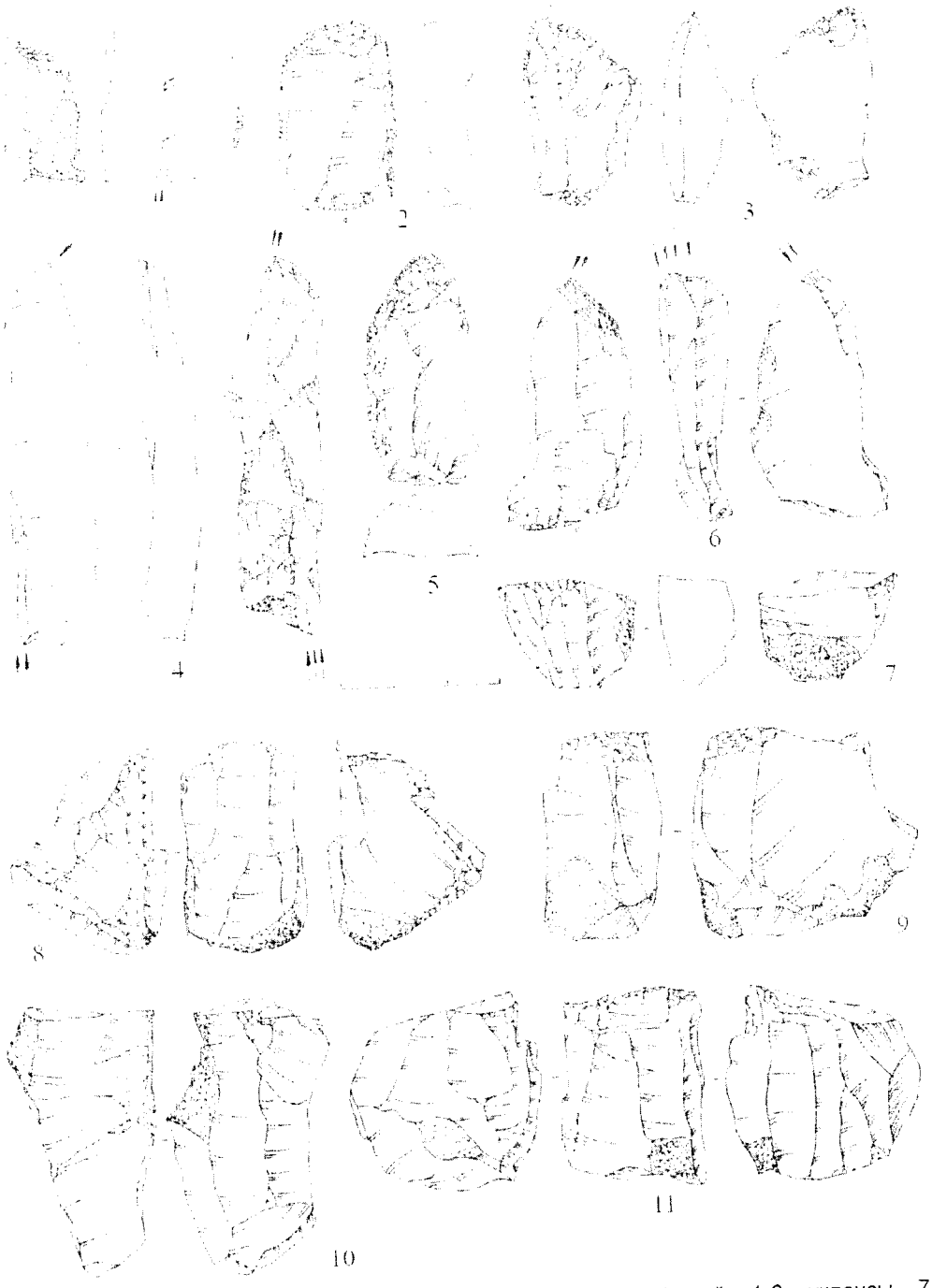


Рис. 2. Ярна. Кремневый инвентарь (изделия со вторичной обработкой – 1-6; нуклеусы – 7-11)

Пересечинский Сад. Местонахождение на мысу террасовидного уступа (высотой 30-35 м) левого берега балки Барсук. Площадь распространения материала составляет 100х100 м, вытянута по линии СВ – ЮЗ и приурочена к правому склону мыса. Расположено в 400 м к ЮВ от садоводческой и в 450 м к СЗ от тракторной бригад (рис. 1). В коллекцию входят:

Изделия	*Количество*
Обитая галька	1
Расколотые гальки	2
Нуклевидные осколки	3
Осколки	6
Нуклеусы	11
Обломки нуклеусов	12
Отщепы Крупные Средние Чешуйки	51 8 42 1
Пластины Крупные Средние Микропластины	51 12 31 8
Фрагменты сколов	24
Реберчатые сколы Пластинчатые Отщеповые	6 3 3
Поперечные сколы (отщеповые и один пластинчатый)	3
Изделия со вторичной обработкой	16
Всего	186

Нуклеусы комплекса подразделяются на одноплощадочные (4 экз.), двухплощадочные (6 экз.) и один четырехплощадочный. Среди одноплощадочных ядрищ: три призматические с подкруговым (2 экз.) и с односторонним (1 экз.) скалыванием, а также неправильнопризматический односторонний (рис. 3,16). Большинство двухплощадочных нуклеусов призматические (5 экз.) со встречным – 4 экз. (рис. 3,12.14-15) и встречным смежным скалыванием – 1 экз. Единичны неправильнопризматический двухплощадочный нуклеус со встречным скалыванием и ядрище с четырьмя площадками и общей плоскостью скалывания.

Среди изделий со вторичной обработкой (8,6%) наиболее представительны резцы (7 экз.), которые подразделяются на боковые (2 экз.): пряморетушный (рис. 3,7) и двойной прморетушный (рис. 3,8); срединные (2 экз.: рис. 3,6.9), угловой (рис. 3,10); на углу сломанной заготовки (рис. 3,13) и комбинированный – боковой выпуклоретушный и угловой (рис. 3,11). Скребок один – концевой на укороченной пластине (рис. 3,3). Единичны также микроострие граветт (рис. 3,1), сечение микропластины с противолежащей ретушью (рис. 3,2), долотовидное орудие (рис. 3,5), реберчатая пластина с прямоусеменным концом (рис. 3,4) и пластина усеченная притупливающей ретушью по двум концам. Кроме этого, найдены 3 отщепа с участками краевой ретуши.

Пересечинский Сад II. Местонахождение на мысу того же террасовидного уступа, что и Пересеченский Сад, в 300 м к З – СЗ от него. Площадь распространения материала составляет 70х40 м и вытянута по линии СЗ – ЮВ (рис. 1). Здесь собраны:

Изделия	*Количество*
Нуклевидные осколки	1
Нуклеусы	2
Отщепы Крупные Средние Чешуйки	11 5 5 1

Изделия	*Количество*
Пластины	6
Крупные	3
Средние	3
Реберчатые сколы (пластинчатые)	2
Фрагменты сколов	6
Изделия со вторичной обработкой	2
Всего	31

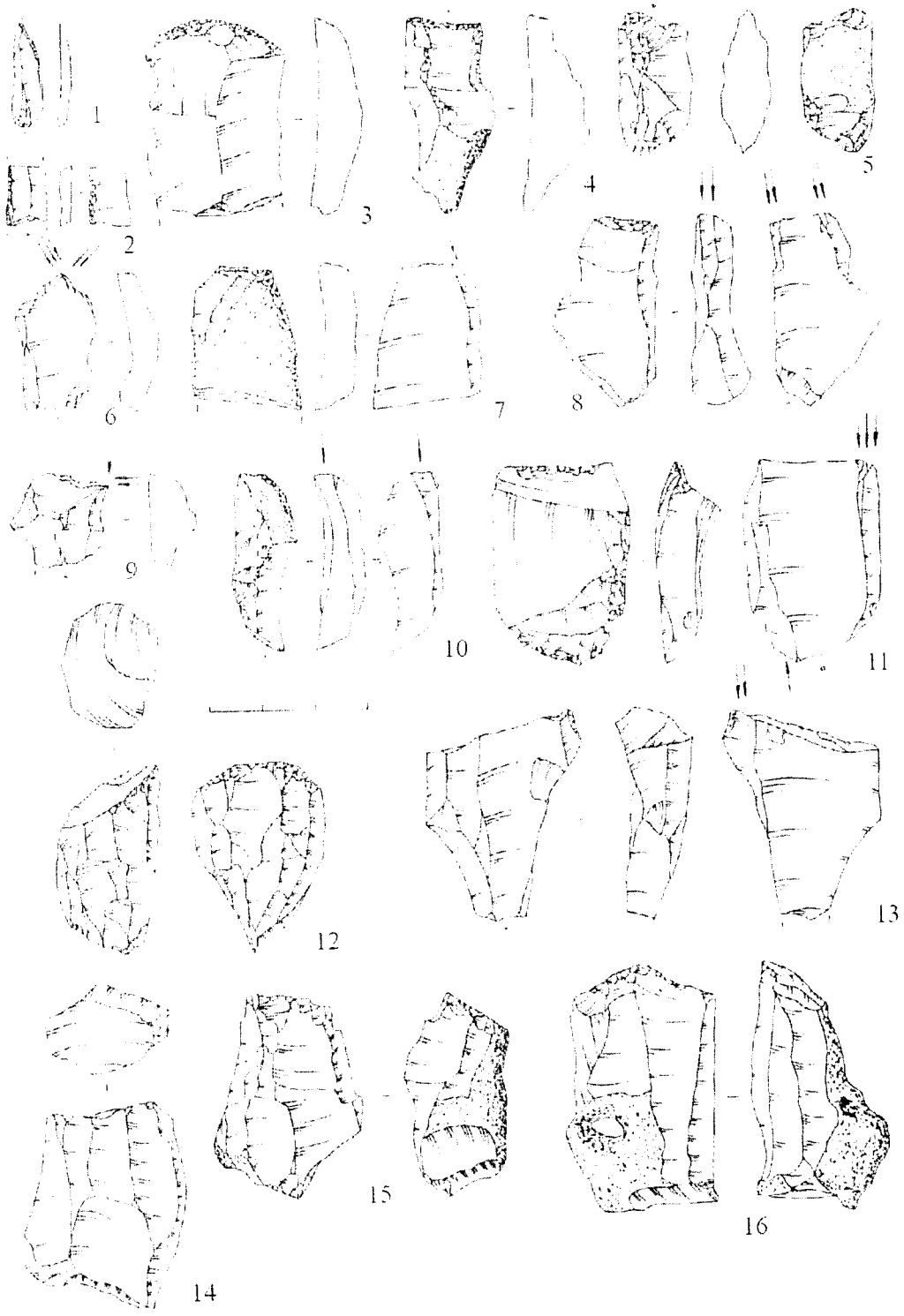


Рис. 3. Пересечинский Сад. Кремневый инвентарь (изделия со вторичной обработкой – 1-11, 13; нуклеусы – 12, 14-16)

Оба нуклеуса призматические двухплощадочные со встречным скалыванием. Орудия представлены резцом на углу сломанной пластины с притупленным краем и фрагментом пластины с прямоусеченным концом.

Пересечина II. Пункт находок на мысу того же террасовидного уступа, в 100-120 м к С от Пересеченского Сада (рис. 1). Найдено три предмета: концевой скребок на крепной укороченной пластине, комбинированным орудием – боковым резцом с уплощенными сколами на крупном отщепе с зубчатой ретушью, а также реберчатым отщеповым сколом. Все кремни покрыты белой и бело-голубой патиной.

Пересечина. Местонахождение на узком террасовидном уступе (высотой 45-50 м) левого берега балки Барсук, в 120 м к З – ЮЗ от Пересечинского Сада (рис. 1). Площадь распространения материала составляет 65х25 м и вытянута по линии ЮВ – СЗ. Отдельные находки встречаются и ниже по крутому склону (на расстояние до 50-70 м). Коллекция обработанных кремней, покрытых голубовато-белой патиной, состоит из 85 предметов:

Изделия	*Количество*
Нуклевидные осколки	1
Осколки	6
Нуклеусы	2
Обломки нуклеусов	2
Отщепы Крупные Средние	26 11 15
Пластины Крупные Средние Микропластины	15 5 9 1
Реберчатые сколы Пластинчатые Отщеповые	3 2 1
Поперечный скол (отщеповый)	1
Фрагменты сколов	24
Изделия со вторичной обработкой	5
Всего	85

Один из двух неправильнопризматических нуклеусов двухплощадочный с разными плоскостями скалывания и площадками, расположенными под прямым углом друг к другу, второе ядрище – с двумя встречными площадками представлено обломком (рис. 4,5).

Изделия со вторичной обработкой представлены: комбинированным орудием – боковым косоретушным резцом и высоким концевым скребком «с носиком» (рис. 4,3), обломком острия с притупленным краем и скошенным концом (рис. 4,1), отщепом с двумя выемками (рис. 4,4), сечением микропластины (рис. 4,2) и пластиной с краевой ретушью (рис. 4,6).

Пересечина III. Пункт находок на мысу правого берега долины р. Иванча. Этот мыс высотой около 25 м является вторым по счету вверх по течению реки от места впадения в нее балки Барсук (рис. 1). Здесь, на пахоте поднято 4 патинизированных кремня: осколок, обломок небольшого призматического одноплощадочного нуклеуса и фрагменты двух пластин средних размеров.

Пересечина IV. Пункт находок в 300-350 м к СВ от окраины пос.Пересечина, на вершине останца плато, примыкающего к мысу, образованному балками Барсук и Лэпушна, к ЮЗ от леса (рис. 1). С площади 150х80 м, ориентированной по линии СЗ – ЮВ, происходят 7 кремней, покрытых белой и голубовато-белой патиной. Среди них: 2 нуклевидных осколка, 2 крупных отщепа, средняя пластина и 2 фрагмента сколов.

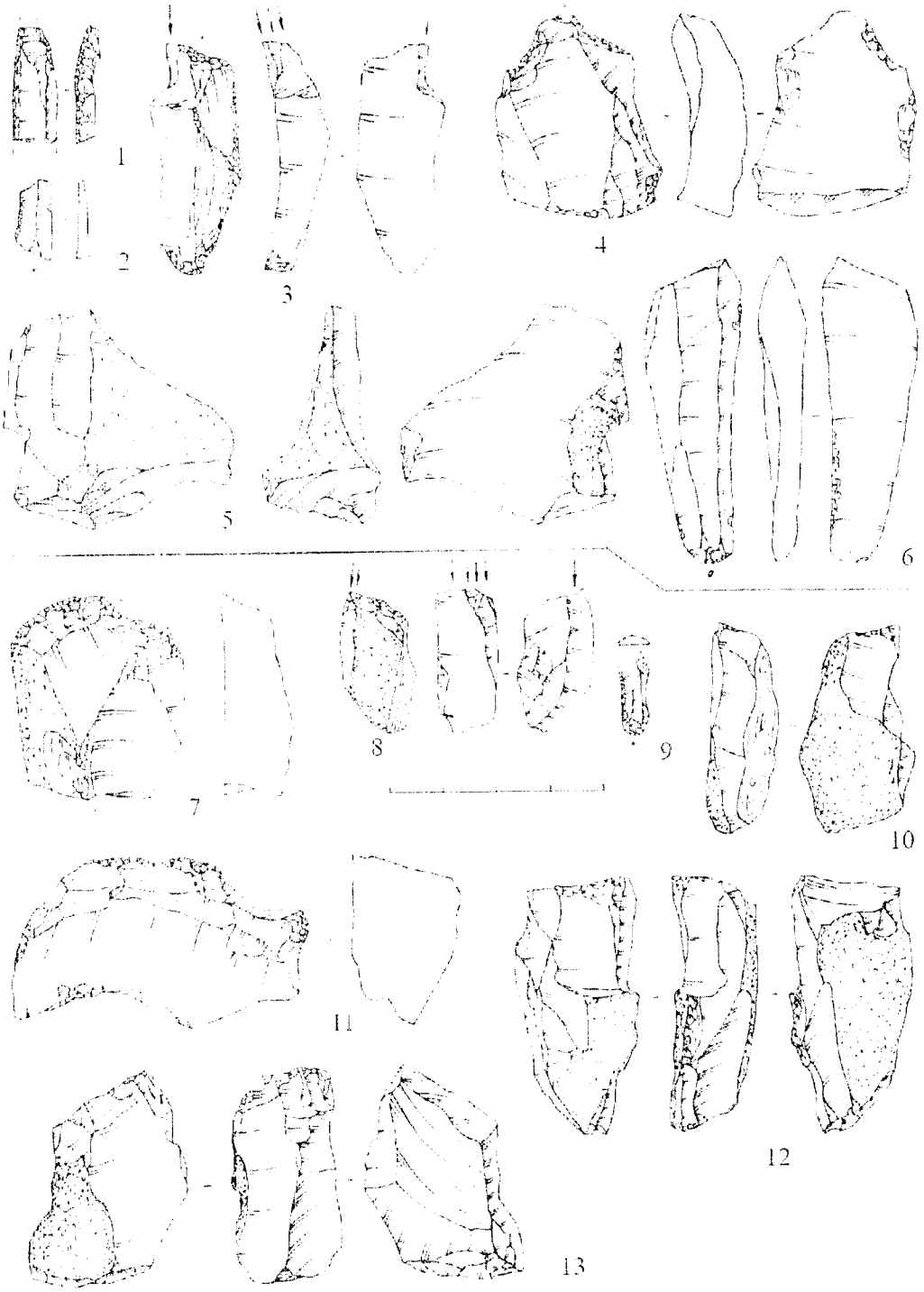


Рис. 4. Пересечина (кремневый инвентарь – 1-6); Пересечина V (кремневый инвентарь – 7-13)

Пересечина V. Местонахождение в 450-500 м к С – СЗ от придорожного кафе «Старая крепость», на мысу-останце плато, прилегающем к левому берегу балки Барсук (рис. 1). На винограднике, на протяжении около 250 м собраны такие изделия, покрытые бело-голубой патиной:

Изделия	*Количество*
Осколки	1
Нуклеусы	4
Отщепы	10
Крупные	3
Средние	7

Изделия	*Количество*
Пластины	4
Крупные	3
Средние	1
Реберчатые сколы	2
Пластинчатые	1
Отщеповые	1
Поперечный скол (отщеповый)	1
Фрагменты сколов	4
Изделия со вторичной обработкой	4
Всего	30

Нуклеусы комплекса представлены: неправильнопризматическим одноплощадочным с подкруговым скалыванием (рис. 4,10), двумя двухплощадочными – призматическим с встречным скалыванием (рис. 4,12) и неправильнопризматическим с разными плоскостями скалывания и площадками, расположенными под прямым углом друг другу (рис. 4,13), а также одним трехплощадочным.

Среди изделий со вторичной обработкой коневой скребок на крупной реберчатой пластине (рис. 4,7), боковой резец (рис. 4,8), скребловидное орудие на обломке нуклеуса (рис. 4,11) и обломок микропластины с притупленным краем (рис. 4,9).

Лэпушна. Поскольку материалы этого памятника были подробно описаны ранее (Сапожников 1990), здесь мы охарактеризуем только 225 обработанных кремней, собранных И.В. Сапожниковым в 1988 году:

Изделия	*Количество*
Расколотые гальки	2
Оббитые гальки	2
Нуклевидные осколки	2
Осколки	16
Нуклеусы	7
Обломки нуклеусов	7
Отщепы	94
Крупные	37
Средние	56
Чешуйки	1
Пластины	41
Крупные	14
Средние	22
Микропластины	5
Фрагменты сколов	24
Реберчатые сколы	10
Пластинчатые	3
Отщеповые	7
Резцовые сколы	1
Изделия со вторичной обработкой	19
Всего	225

Среди одноплощадочных нуклеусов (3 экз.) выделены неправильнопризматические (2 экз.) с подкруговым (рис. 5,11) и односторонним скалыванием, а также призматический уплощенный с односторонним скалыванием (рис. 5,14). Двухплощадочные ядрища представлены: двумя неправильнопризматическими с встречным скалыванием (рис. 5,15), призматическим со встречным скалыванием и призматическим с разными плоскостями скалывания и площадками, расположенными под прямым углом друг к другу.

В группе изделий со вторичной обработкой (8,4%), как и в основном комплексе, преобладают скребки (5 экз.): концевой на крупной пластине (рис. 5,6), два концевых на укороченных заготовках (рис. 5,4-5), фрагмент концевого на отщепе (рис. 5,8) и обломок лезвия высокого

скребка (рис. 5,2). К ним примыкает скребловидное орудие на осколке, «оживленное» уплощенным сколом (рис. 5,13). Оба резца боковые на крупных отщепах (рис. 5,9-10). Единичными являются микропластина с притупленным краем (рис. 5,1) и долотовидное орудие на отщепе (рис. 5,3). Кроме того, отметим 3 фрагмента сколов (рис. 5,7) и 7 отщепов (рис. 5,11) с участками краевой ретуши. Всего коллекция Лэпушна насчитывает 1112 экз.

Оксентье III. Стоянка открыта В.Я. Сорокиным на второй террасе правого берега Днестра на СЗ окраине одноименного села. Подъемный материал собран на протяжении около 200 м (при ширине 15-25 м) на огородах крестьян. Территория памятника, на месте которого позже существовало трипольское поселение, расчленена двумя молодыми оврагами. Не исключено, что именно оно было обнаружено в окрестностях села разведочным отрядом Молдавской экспедиции ИИМК АН СССР под руководством С.Н. Бибикова (Черныш 1973, 106).

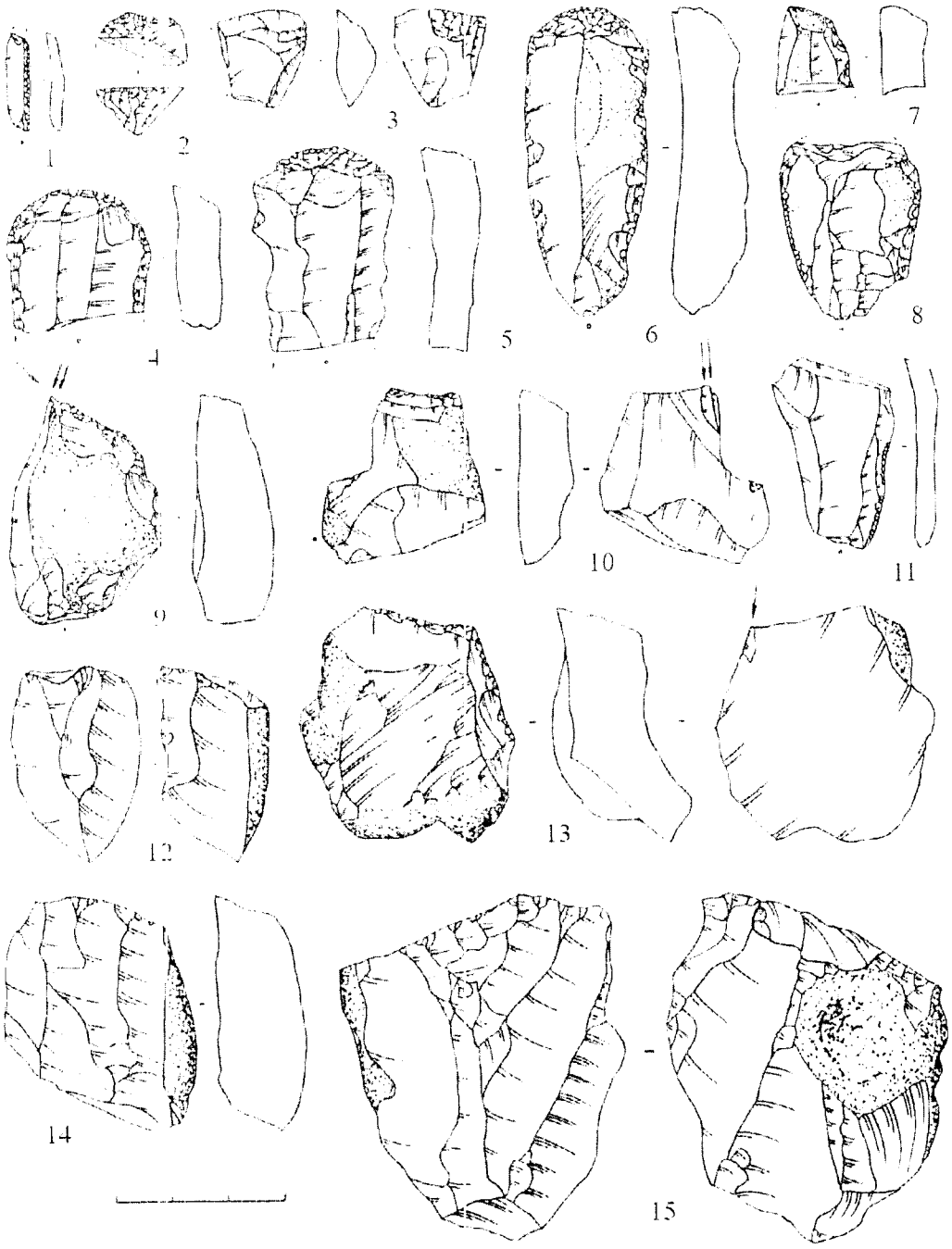


Рис. 5. Лэпушна. Кремневый инвентарь (изделия со вторичной обработкой – 1-11, 13; нуклеусы – 12, 14-15)

Палеолитические кремневые изделия хорошо выделяются среди трипольского кремня как по форме и технике обработки, так и по патине, имеющей белый и голубовато-белый цвет. Некоторые предметы обожжены. В коллекцию входят:

Изделия	*Количество*
Нуклевидные осколки	2
Осколки	2
Нуклеусы	2
Отщепы	12
Крупные	9
Средние	3
Пластины	5
Крупные	1
Средние	4
Фрагменты сколов	2
Реберчатый скол (пластинчатый)	1
Изделия со вторичной обработкой	8
Всего	34

Нуклеусы комплекса представлены призматическим одноплощадочным конусовидным с подкруговым скалыванием (рис. 6,10) и призматическим двухплощадочным с встречным скалыванием (рис. 6,9).

В группе изделий со вторичной обработкой, которые отличаются значительными размерами, выделены: концевой скребок с суженным основанием на пластинчатом отщепе (рис. 6,1), два резца на углах сломанных пластин (рис. 6,4-5), двойной резец того же типа (рис. 6,7), долотовидное орудие на отщепе (рис. 6,8), обломок крупной пластины (возможно, острия) с притупленным краем (рис. 6,12), пластина с краевой ретушью (рис. 6,6) и отщеп с выемкой (рис. 6,3).

Юштубей. Местонахождение открыто С.М. Агульниковым и И.В. Сапожниковым в 1989 г. на плато правого берега балки Юштубей, впадающей в долину Днестра у западной окраины с. Талмаз, на мысу (высотой 70-75 м над тальвегом), образованном двумя балками, нижняя из которых называется Арпентье, в 100 м к З от дороги Штефан-Водэ – Талмаз. Площадь распространения материала составляет около 100х40-50 м, вытянута по линии С-Ю и приурочена к спланированным отвалам кургана № 1 могильника Талмаз I, раскопанного в том же году Суворовской новостроечной экспедицией (Агульников, Антипенко 1990). Коллекция кремневых изделий, покрытых белой и бело-голубой патиной, состоит из:

Изделия	*Количество*
Нуклевидные осколки	3
Осколки	10
Нуклеусы	7
Обломки нуклеусов	1
Отщепы	61
Крупные	12
Средние	49
Пластины	18
Крупные	1
Средние	15
Микропластины	2
Фрагменты сколов	15
Реберчатые сколы	9
Отщеповые	2
Пластинчатые	7
Изделия со вторичной обработкой	5
Всего	129

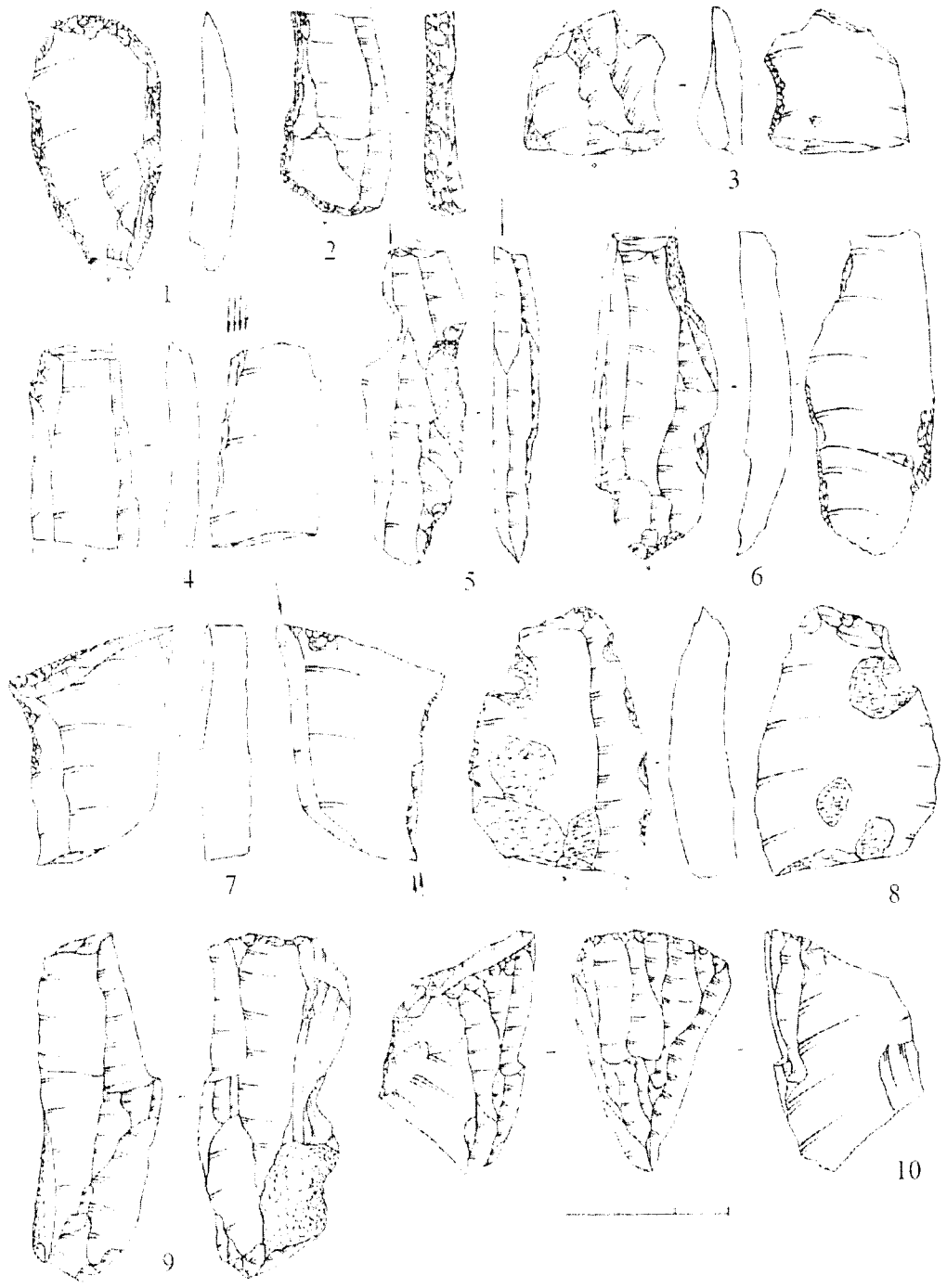


Рис. 6. Оксентье III. Кремневый инвентарь (изделия со вторичной обработкой – 1-8; нуклеусы – 9-10)

Все нуклеусы неправильнопризматические. Большинство из них одноплощадочные (6 экз) – три с подкруговым (рис. 7,6-8) и столько же – с односторонним (рис. 7,9-11) скалыванием. Одно ядрище двухплощадочное с встречным скалыванием (рис. 7,12).

Изделия со вторичной обработкой (3,1%) представлены двумя концевыми скребками на пластине (рис. 7,1) и отщепе (рис. 7,2), высоким скребком на фрагменте нуклеуса (рис. 7,3), двойном боковым резцом на осколке (рис. 7,4) и комбинированным – срединным и угловым резцом на отщепе (рис. 7,5).

Хотя большая часть охарактеризованных коллекций малочисленна и недостаточно выразительна, анализ материалов позволяет сделать некоторые выводы. Наиболее представительный комплекс Лэпушна ранее был отнесен к средней поре позднего палеолита (Сапожников 1990, 77-78) и дополнительные сборы позволяют подтвердить эту датировку. Сейчас, по при-

сутствию в индустрии выразительных эпиориньякоидных и граветтоидных черт, стоянку следует отнести ко второй половине нижнего уровня средней поры верхнего палеолита, соотнеся с такими памятниками, как Рашков VII, Анетовка I и др., которые характеризуются в целом как «граветтоидный эпиориньяк» (Сапожников 2003, 230). Не исключено также, что к той же поре позднего палеолита в целом следует отнести материалы местонахождений Ярна, Пересечина V и Юштубей.

Вместе с тем, комплекс Пересечина может оказаться более поздним (эпиграветтским), а Оксентье III – более ранним. Материалы второго из них, по ряду признаков, скорее всего, относятся к ранней поре эпохи и могут быть предварительно охарактеризованы как граветтские. Так или иначе, опубликованные памятники закрывают ряд белых пятен на археологической карте Молдовы и очерчивают те районы, которые являются наиболее перспективными для поисков новых стоянок и местонахождений.

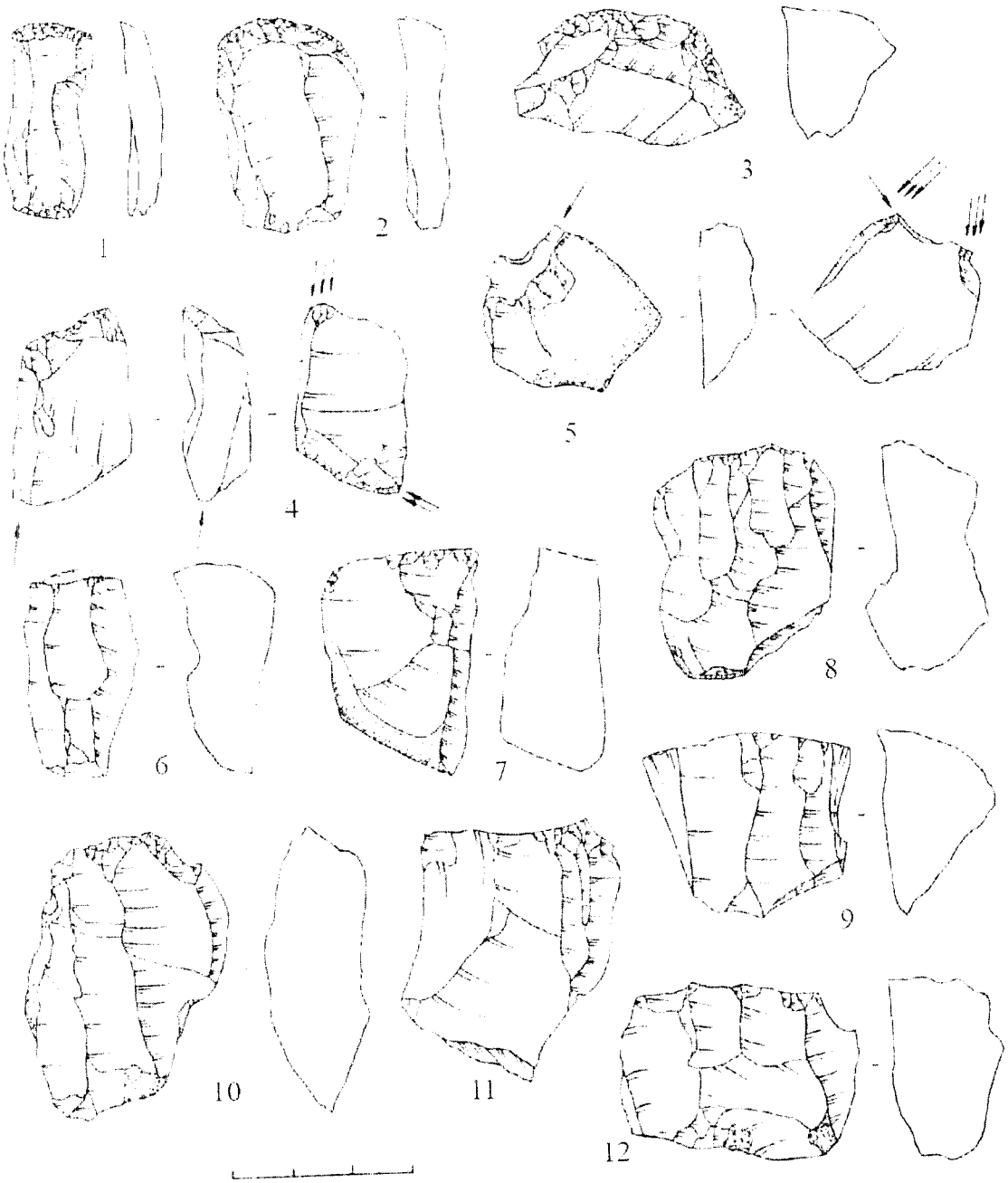


Рис. 7. Юштубей. Кремневый инвентарь (изделия со вторичной обработкой – 1-5; нуклеусы – 6-12)

Библиография

Кетрару 1989: Н.А. Кетрару, Палеолитическая стоянка Речa в Кодрах. В сб: АИМ в 1984 г. (Кишинев 1989), 3-16.

Сапожников 1990: И.В. Сапожников, Лэпушна – новый позднепалеолитический памятник в бассейне р. Реут. В сб.: Археологические исследования молодых ученых Молдавии (Кишинев 1990), 71-78.

Агульников, Антипенко 1990: С.М. Агульников, Е.О. Антипенко, Отчет о полевых исследованиях Суворовской новостроечной экспедиции в 1989 г. (Кишинев 1990). Архив ИАЭ АН РМ. Инв. № 297.

Сапожников 2003: И.В. Сапожников, Большая Аккаржа: хозяйство и культура позднего палеолита Степной Украины (Киев 2003).

Сорокин, Сапожников 1987: В.Я. Сорокин, И.В. Сапожников, Отчет о работе разведочного отряда Экспериментально-трасологической экспедиции ЛОИА АН СССР в 1987 (Кишинев-Одесса 1987). Архив ИА АН РМ. Инв. № 270.

Черныш 1973: А.П. Черныш, Палеолит и мезолит Приднестровья (Москва 1973).

Игорь Сапожников,
Отдел археологии Северо-Западного Причерноморья,
Институт Археологии Национальной Академии Наук Украины,
ул. Пушкинская 37, 65011-Одесса, Украина

Виктор Сорокин (†),
Институт Археологии и Этнографии, Академия Наук Республики Молдова,
ул. Митрополит Бэнулеску-Бодони 35, MD-2012 Кишинэу, Республика Молдова

NOI PIESE DE ARTĂ MOBILĂ, PODOABĂ ŞI EXOTICE DE LA STAŢIUNEA PLURISTRATIGRAFICĂ GRAVETIANĂ COSĂUŢI DE PE NISTRUL MIJLOCIU

Ilie Borziac, Chişinău

La staţiunea paleolitică gravetiană cu mai multe nivele de locuire, Cosăuţi până în prezent au fost depistate peste 50 piese de artă paleolitică. În articol sunt publicate noi piese, depistate, în majoritate în nivelul 5 de locuire, studiat pe o suprafaţă de peste 130 m² în 1997. Printre piese se impun un portic ornamentat cu incizii transversale grupate, un pandantiv din fildeş de mamut cu ornament transversal circular şi piese din os cu gravură. Sunt de asemenea prezente piesele din marnă şi gresie, acomodate la gusturile artistice ale locuitorilor de la această staţiune. Piesele depistate, ca forme şi motive artistice se încadrează pe deplin în arta mobilă gravetiană din spaţiul Carpato-Nistrean şi gravetianul şi «magdalenianul» din Europa Centrală. Nivelul 5 de locuire a staţiunii Cosăuţi are data exactă de 17 200 ani BP.

В статье рассматриваются новые изделия, относимых автором к предметам палеолитического мобильного искусства, украшениям и экзотическим вещам, происходящих, главным образом из 5–го слоя стоянки Косэуць. Описываются, анализируются и интерпретируются более 20 предметов из кости, бивня мамонта, рога и камня. Среди них есть типичные для гравета Поднестровья образцы орнаментального искусства, но есть и некоторые новые сюжеты, как-то гравированные ребра животных, антропо- зооморфные стилизованные фигурки. Представляет особый интерес иголъчик из трубчатой кости с системой насечек на поверхности несущие, как видно палеоинформативную нагрузку. Датируется этот слой возрастом в 17 200 BP и по характере каменного инвентаря и костяных изделий является типичным для позднемолодовско-косэуцкой позднепалеолитической гравветекой культуру. Новые материалы дополняют существенно прежних, опубликованных в номере 2 данного периодического издания.

The essay considers new pieces, which the author refers to the makes of the Late Paleolithic mobile art, decorations and exotic pieces, mainly form the fifth layer of the Cosauti site. More than 20 pieces, made of bone, mamoth tusk, horn and stone are described, analyzed and interpreted. There are ornamental art samples, which are typical for the Dniester graveta, among them, but there are also some new subjects such as engraved animal ribs, anthro-zoomorph stylized figurines. A catchplate, made of tubular bone with a system of surface inscisions, bearing obviously a palaeo-information, are of interest. This layer is dated as 17 200 BP and is typical for the Late Molodovsko-Cosauti Late Paleolithic graveta stone and bone pieces. The new pieces replenish considerably the former ones, published in issue 2 of this periodical.

INTRODUCERE

La staţiunea din paleoliticul tardiv, cu mai multe niveluri de locuire gravetiană Cosăuţi, până în prezent au fost depistate peste 50 piese de artă paleolitică mobilă, de podoabă şi exotice, care deja au fost obiectul unor abordări atât sistematice, pe parcursul publicării materialelor arheologice, cât şi speciale, ce vizau, în special, publicarea şi analiza în exclusivitate a unor astfel de piese (Борзияк 1990; Borziac 1991, 56-71; 1993, 67-85; 1994, 19-40; Borziac, Otte 1996, 49-51; Borziac, Chirica 1996, 393-406; Borziac, Otte, Noiret 1998, 5-28; etc.). În aceste lucrări au fost abordate piesele, depistate până în anul 1995. În anii următori, lucrările la staţiune, deşi mai restrânse ca amploare, decât în anii precedenţi au continuat. Pe parcursul cercetărilor au fost depistate noi piese de artă mobilă şi de podoabă, cât şi noi piese exotice, care, în opinia noastră merită să fie examinate în ansamblu. Publicarea şi introducerea în circuitul ştiinţific al acestor mostre constituie obiectivul principal al acestei lucrări, insistându-se în acelaşi timp şi asupra încadrării lor în etapele de evoluţie a paleoliticului din zona carpato-nistreană şi cele limitrofe. Ca material comparativ vom readuce pe aceste pagini şi unele piese de artă mobilă paleolitică depistate anterior, dar care au fost publicate în surse mai puţin accesibile.

Staţiunea paleolitică pluristratigrafică Cosăuţi este situată la circa 500 m spre nord-vest de satul Cosăuţi, raionul Soroca, pe malul drept al Nistrului (Борзияк 1985, рис. 1,1). Pe parcursul cercetărilor sistematice multianuale (1981-1999, 2003) pe locul staţiunii au fost depistate şi parţial studiate resturile a 21 niveluri de locuire paleolitică, încorporate în depunerile tardiglaciare ale terasei a II-a a Nistrului, ce ating aici o grosime de peste 18 m. Toate nivelurile de locuire sunt separate unul de altul de niveluri de depuneri arheologic sterile şi în timp ocupa spaţiul între circa 20 şi 12 mii ani

a.Chr. Pentru datarea nivelelor de locuire au fost obținute peste 50 date radiometrice, iar stratigrafia impecabilă a nivelelor de locuire și a celor litologice de pe locul stațiunii au servit esențial ca model de elaborare a unei noi interpretări ai geocronologiei paleoliticului superior dintre Carpații Orientali și Nistru (Haesaerts, Borziak, Chirica, Damblon, Kulakovska, van der Plicht 2003). Această nouă citire și interpretare a geocronologiei, la etapa actuală de studii permite încadrarea în ea a majorității stațiunilor stratificate din paleoliticul superior din zonă, facilizând astfel cercetările cronologice și culturale (fig. 6)

În 1996 a fost studiat nivelul 5 de locuire, pe o suprafță de 134 m^2, în 1997 și 1998 a fost studiat nivelul 6a pe o suprafață de 12m^2. Tot o dată, printr-un sondaj adânc, menit pentru studiul stratigrafiei și colectarea de mostre pentru datare și analiza structurală a sedimentelor și palinologică, au fost studiate pe o suprafață de 8m^2 nivelurile de locuire 6b, c, d, 7-10[1]. Pe parcursul efectuării acestor lucrări au fost depistate numeroase date arheologice, inclusiv și unele piese, care reprezintă obiectivul acestui studiu. Mai readucem pe aceste pagini unele piese, care au fost depistate anterior, dar care din anumite considerente n-au fost abordate în publicațiile citate.

Repertoriul pieselor

În nivelul 3b de locuire, în incinta complexului de locuire N4 (Борзияк, Коваленко 1992) a fost depistat un metatars de Equus caballus L fragmentat intenționat. În zona mai plată, în apropierea epifizei osul este perforat din ambele părți și ca rezultat are un orificiu cu diametrul de 1,9-2,2 cm. Marginile perforației și suprafața interioară a ei sunt șlefuite minuțios, atât în urma perforării, cât și în urma unei utilizări intense (fg. 1,6). O piesă similară a fost depistată de M.Brudiu, la stațiunea Cotul Miculinți (Brudiu 1987) Ambele piese au o destinație neclară. Puteau fi utilizate ca „îndreptătoare", aidoma celor confecționate din corn de ren și denumite „baton de comendant" și interpretate și ca „îndreptătoare", cât și ca semn de prestigiu al purtătorului (posesorului), dar și ca mediatoare la frânile săniilor ori capcanelor, la care se utilizau funiile.

Tot în acest nivel de locuire au fost depistate 4 fragmente de tuburi pentru păstrarea acelor din os. Toate reprezintă fragmente de oase tubulare (metapodii) de iepure. O metapodie este reprezentată de un fragment cu lungimea de 7,7 cm. În zona mai subțiată a epifizei este perforat un orificiu, cu diametrul de 0,4 cm. Tot astfel de orificii mai au și alte două fragmente epifizice ale altor metapodii.Două fragmente de portace sunt reprezentate de fragmente centrale de metapodii de iepure, cu suprafețele șlefuite și interiorul gol. Unul din aceste fragmente convine unui fragment cu orificiu, altul, are gravat un semn de tipul literei N, plasat transversal la un capăt al osului. Orificiile serveau pentru atârnarea și purtarea portacelor pe fir (fig. 1,2-3,5,10).

În nivelul 5 de locuire a fost depistat un portac întreg, confecționat dintr-un os tubular de ren (femur?). Lungimea piesei este de 17,8 cm, diametrul exterior 1,6-1,8 cm. Suprafețele exterioară și interioară a osului sunt șlefuite. Capetele sunt retezate și locul tăieturilor de asemenea este minuțios șlefuit. La un capăt (numit de către noi proximal), în peretele osului este o perforație, sfredelită din partea exterioară. Diametrul ei este de 0,5 cm. Orificiul, ca și la portacele descrise mai sus, era predestinat pentru atârnare și purtarea piesei pe fir (fig. 3,1-2). Pe suprafața exterioară a piesei sunt amenajate 6 grupe de incizii transversale, plasate câte 2 grupe în trei coloniță verticale. În prima grupă (vezi imaginea desfășurată, de la stânga la dreapta) sunt 7 incizii cu lungimea de 0,6-0,7 cm, cu începutul la 1,5 cm de la capătul proximal și continuă până la distanța de 4,6 cm, având un interval între ele de 0,4-0,6 cm. La distanța de 3,1 cm de prima grupă și sub ea este plasată a doua grupă de incizii, care au aceeași lungime și ritmicitate metrică, dar conține 9 incizii. Prima grupă de incizii (a treia) din a doua coloniță, similare primelor, începe nemijlocit de la capătul proximal și continuă până la distanța de 8 cm și conține 19 incizii. O privire mai

[1] În una din lucrări, S. Covalenco, nu numai că a publicat informații inedite despre sit, care nu-i aparțineau, inclusiv și secvența stratigrafică, dar și în mod arbitrar, a schimbat numerotarea nivelelor de locuire de la stațiune, deja incluse în circuitul științific. Vezi: Kovalenko 1996, 233-267. Consider, că S. Covalenco astfel a încălcat dreptul de autor al săpăturilor.

atentă ne convinge că 11 incizii de sus sunt oarecum distanțate (0,7 cm) de alte 8 din această grupă de mai jos. Întreaga grupă se termină exact la nivelul, unde începe grupa a doua de incizii din prima coloniță. A doua grupă de incizii din coloniţa a doua începe la nivelul terminării incizilor grupei a doua din prima coloniță şi conține 10 incizii. Distanța de la sfârşitul ei şi până la capătul distal al piesei este de 3,8 cm.

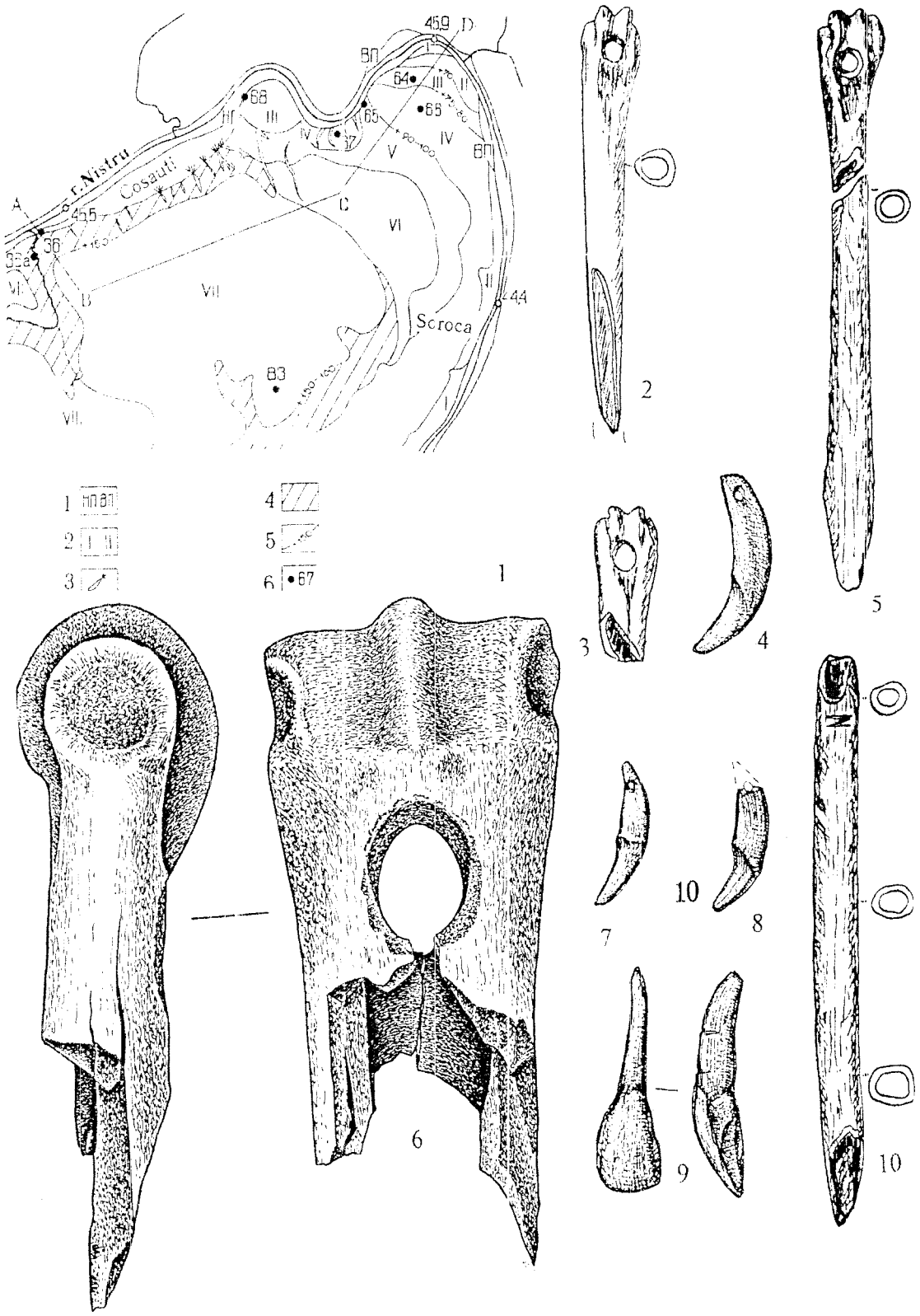


Fig. 1. Cosăuți: 1-schema amplasării stațiunii Cosăuți (1 - terasă de luncă; 2/I,II – terase; 3 - râpi; 4 - localități; 5 - izoparalele de landşaft; 6 - înălțimi de asupra Nistrului; A36 – stațiunea Cosăuți); 2-3,5,10 – fragmente de portace; 4,7-9 – pandantive-perle; 6 – metatars de cal cu perforație.

Prima grupă din atreia coloniță începe sub orificiul de atârnare (1,1 cm) de la capătul proximal) și continuă pe parcursul a 6,3 cm, incluzând 15 incizii (între a 3-a și a 5-a este una mai scurtă). Ultima incizie din această grupă transversal coincide cu penultima incizie din prima grupă a coloniței a doua. A doua grupă de incizii din colonița a treia începe la 6,8 cm mai jos și conține 7 incizii. Începutul ei corespunde cu ultima incizie din grupa de jos (a doua) al coloniței a doua. Între grupele de sus ale coloniţelor a doua și a treia este gravată o scăriță de 4 bare transversale. De asupra scăriței mai este amenajată o incizie transversală, oarecum oblică.

Semnificația și importanța paleoinformatică al acestor grupe de incizii, precum și de pe alte piese de artă paleolitică mobilă, inclusiv și de la Cosăuți, este și continuă să fie pusă în discuție (Vartic 2001), iar aici ne vom referi mai pe scurt la această piesă. Este clar, că ea reprezintă, din punct de vedere funcțional un portac. În umplutura lui (caz unical pentru astfel de piese) a fost depistat un ac (cu urechiușa frântă) din os, cu lungimea de 7,7 cm (fig. 2,3). Având în vedere volumul interior, portacul dat era confecționat și predestinat pentru păstrarea a mai multor ace. Ornamentul incizat implică portacului un caracter de piesă de artă paleolitică mobilă, iar amplasarea inciziilor în grupe, aranjate într-o modalitate specială – și de piesă cu evidente amprente paleoinformatice. Oricum, piesa de tip portac descrisă mai sus, atât după mărime, ornament și depistare „în act flagrant" cu un ac în ea este unicală pentru paleoliticul european.

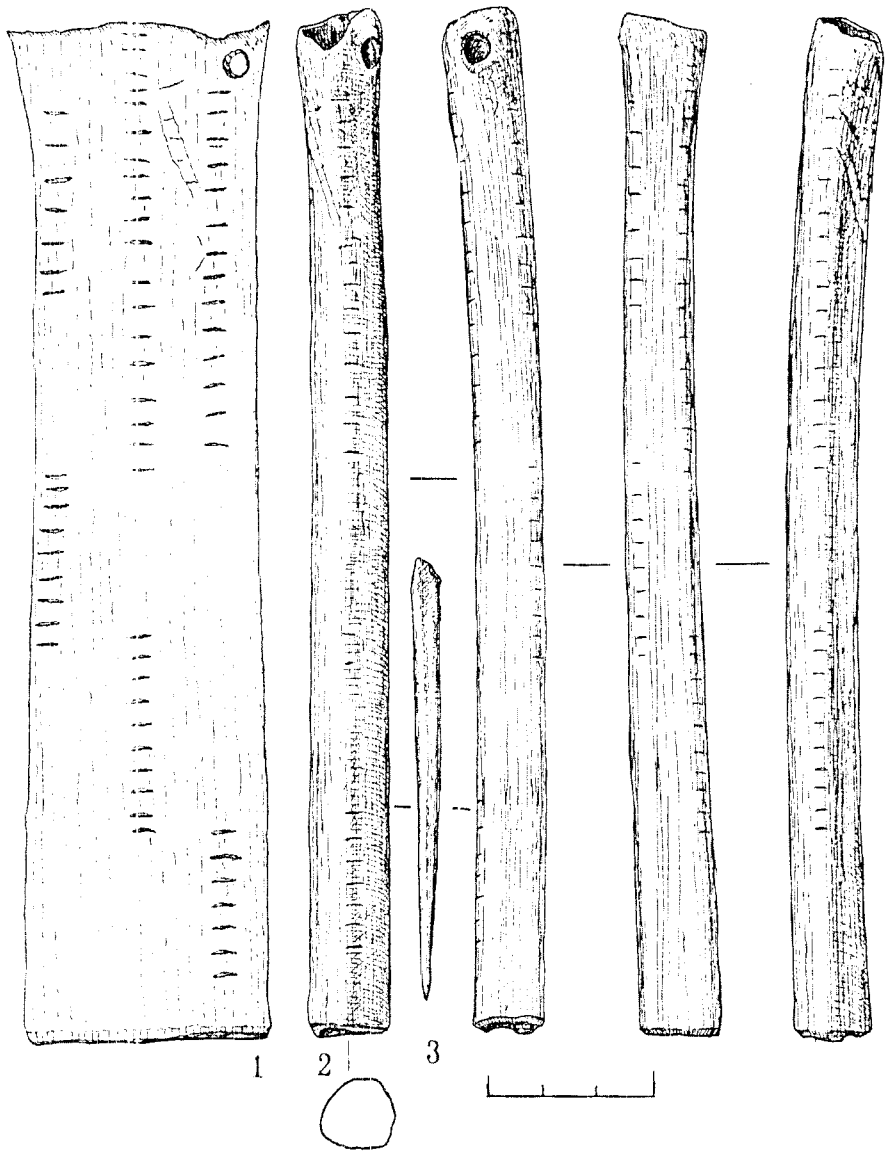


Fig. 2. Cosăuți: 1,2 – portac ornamentat; 3 – ac, depistat în portac.

Tot astfel poate fi considerat şi un pandantiv din fildeş de mamut (fig. 3,5) depistat în două fragmente, plasate în nivelul de locuire la o distanţă de 3,4 m unul de altul. Lungimea piesei – 9 cm, lăţimea maximală (în partea de jos – 1,7cm, în partea de sus – 1,3 cm. Secvenţa transversală mai circulară jos şi mai plată sus este lentiliformă. Pe toată suprafaţa sa piesa este şlefuită. La extremitatea de sus se observă urmele deteriorate ale unui orificiu pentru atârnare pe fir. La 0,6 cm mai jos, de pe ambele părţi plane, pe axa centrală sunt efectuate tentative de repetată perforare, dar care nu a fost terminată. Mai jos de această tentativă de perforare se observă 4 zone acoperite cu incizii circulare transversale, grupate în 6, 6-7, 5 şi 8 incizii. Alocuri, inciziile sunt şterse, posibil, de utilizarea îndelungată a piesei.

În nivelul 5 de locuire au fost depistate piese de artă paleolitică mobilă, constituite din gravuri pe oase. Au fost depistate 4 piese de acest tip. Două dintre ele reprezintă unelte de muncă, alte două – fragmente de coaste de animale cu gravuri incizate.

Prima dintre ele reprezintă un străpungător, confecţionat din coastă de cal. Lungimea piesei - 13,5 cm. Pe o faţă plană a piesei se observă două zone cu urme de gravură (fig. 3,1). Prima grupă de semne, plasată mai aproape de mijlocul piesei este constituită dintr-o linie oblică (de la dreapta la stânga), sub care sunt plasate paralel una faţă de alta şi perpendicular ei 7 incizii scurte. De asupra acestei linii, de sus în jos sunt plasate patru linii încrucişate, două câte două, două semne sub forma literei V, cu deschizătura spre marginea piesei şi ascuţişul spre linia oblică. Mai aproape de vârf este plasată a doua grupă de semne incizate, constituită din 5 linii scurte, oblice, de la stânga la dreapta. Sensul incrustaţiilor rămâne neclar.

A doua unealtă de muncă, sau armă, reprezintă un vârf din os, cu lungimea de 11cm şi grosimea de 0,4 cm. Secţiunea pe toată lungimea este rotundă, suprafaţa şlefuită. Funcţional, poate fi atribuit străpungătoarelor sau vârfurilor de săgeată (fig. 3,4). În partea de sus, mai aproape de vârful ascuţit, pe suprafaţa piesei se observă 4 incizii scurte, aranjate în formă de zig-zag longitudinal plasat pe piesă. Alte două piese reprezintă fragmente de coaste de cal cu elemente de gravură.

Prima dintre ele (fig. 3,6), este cu un capăt frânt şi pieziş disecată, astfel că alt capăt este ascuţit. Suprafaţa dezgolită prin disecare este şlefuită. Pe o suprafaţă plană a osului, transversal sau puţin oblic sunt incizate peste 4-5 linii mai drepte sau mai puţin văluroase, mai lungi sau mai scurte, unele dintre ele, evident fiind grupate câte 2, unite la o latură (din dreapta) a coastei, sau câte 2,3 şi 4, despărţite de intervale libere de gravură. Aceste incizii continuau şi pe partea fracturată a piesei. Atât destinaţia funcţională, cât şi sensul gravurei de pe suprafaţa ei rămân neclare.

A doua coastă are lungimea de 20,8 cm şi lăţimea de 2,3 cm. Pe ambele feţe plane ale osului, cu linii înguste sau simple zgârieturi, sunt gravate imagini suprapuse, finite sau foarte stilizate, care în ansamblu sunt foarte dificil de descris şi examinat. Aparte, se desluşesc siluete de animale cu coarne (reni, bovide ?), animale mărunte, extrem de stilizate, posibil, şi figuri umane. Această piesă este inclusă de noi în numărul celor de artă mobilă paleolitică datorită prezenţei pe ea a siluetelor gravate. Alte coaste, depistate în acest nivel de locuire, cât şi din alte niveluri, studiate la staţiune anterior, nu poartă pe suprafeţe astfel de incizii.

În nivelul 5 de locuire au mai fost depistate şi piese din diferite varietăţi de piatră, care, de asemenea pot fi încadrate în categoria celor de artă mobilă paleolitică.

Din numărul acestora, în primul rând, vom menţiona o figurină antropomorfă sau zoomorfă (?), modelată dintr-un fragment de silex cenuşiu, acoperit cu cortex din cretă. Înălţimea acestei concreţii este de 4,6 cm (fig. 3,2). Partea de sus a concreţiei, uşor bombată după subţierea ce semnalează gâtul, pe o parte are o proeminenţă, ce reprezintă nasul sau botul, prin adâncituri sunt redate orbitele ochilor, nările şi gura. În acest caz , ca şi în altele, despre ce vom relata în continuare, omul preistoric, a adaptat, prin aplicaţii necesenţiale, gusturilor sale estetice, o concreţie naturală, ce semăna cu partea superioară a unui om sau animal.

A doua piesă din această grupă reprezintă o plachetă de gresie de culoare maronie, de o formă antropomorfă. Înălţimea ei este de 12,5 cm, lăţimea, la nivelul „umerilor" – 9 cm, grosimea maximală – 1,2 cm (fig. 4,1). Atât suprafeţele plane, cât şi laturile pe întreg perimetru sunt şlefuite la luciu. Posibil, că această piesă reprezintă o figurină antropomorfă.

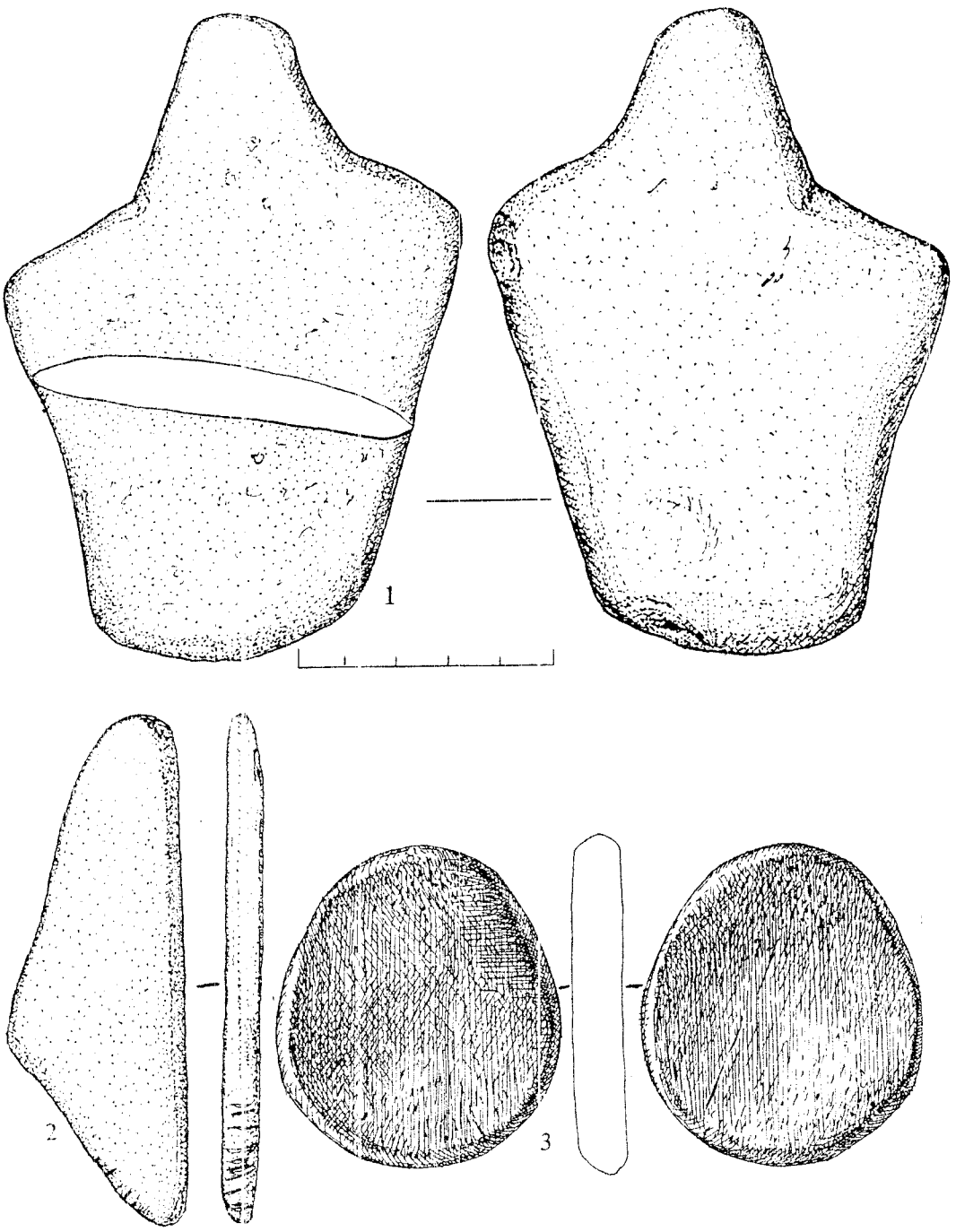


Fig. 4. Cosăuți: 1 – figurină stilizată antropomorfă din gresie; 2 – figurină stilizată antropomorfă din marnă cu ornament incizat; 3 – disc șlefuit din gresie.

O altă piesă din marnă compactă, de culoare albă, de o formă oarecum triunghiulară, de asemenea reprezintă o figurină feminină stilizată (fig. 5,2). Înălțimea piesei este de 9,8 cm, lățimea maximă – 3,5; grosimea maximă – 0,7 cm. Capetele „unghiurilor" sunt ușor rotungite, laturile – șlefuite. Pe o latură, în partea de jos sunt aplicate 9 incizii. Ultimele două piese, ca și prima – antropomorfă-zoomorfă, descrisă mai sus, reprezintă „creații" naturale, care printr-o acomodare neesențială, inclusiv șlefuire, sfredelire și incrustare au fost transformate în ceea ce noi acum numim piese de artă mobilă.

O piesă din acest repertoriu reprezintă o plachetă – disc din gresie de culoare brună-maronie. Forma piesei este rotundă, diametrul – 5,6-6,3 cm, grosimea – 0,9-1,0 cm. Perimetrul și fețele plane ale piesei sunt intens șlefuite. Posibil, că piesa reprezintă un semifabricat pentru pandantiv. Oricum, utilizarea lui ca șlefuitor (lisoire) nu necesită modelarea lui într-o manieră atât de minuțioasă. Astfel

de discuri au mai fost depistate atât la staţiunea Cosăuţi (Borziac, Chirica 1996) cât şi din zonele limitrofe şi mai îndepărtate.

Ultima piesă din acest lot şi din repertoriu poate fi considerată mai degrabă ca exotică decât ca piesă de decor. Reprezintă o plachetă din şist silicios de culoare maronie, fragmentată în mai multe bucăţi. Cele recuperate se constitue în două mai mari, care având o formă cvazitriunghiulară neregulată se unesc între ele. Pe margini, piesa întregită astfel (rămâne fără un mare fragment) poartă pe suprafeţe urme de cioplire şi şlefuire. Pe una din feţele plane piesa poartă o adâncitură de forma (după calcule geometrice) unei treimi din volumul unei sfere, cu diametrul de circa 5 cm. Diametrul la suprafaţă al acestei adânciturі este de 3,8 cm. Adâncimea ei este de 1,6 cm. Este formată, conform urmelor din interiorul ei, în urma intenselor şi îndelungatelor şlefuiri circulare. La 2 cm de prima adâncitură s-au păstrat urmele alteia, asemănătoare ca formă, mărime şi ca mod de formare ca şi prima (fig. 5). Consider, că această piesă reprezintă un suport pentru căpătarea focului pfrin frecare circulară. Oricum, piesa este bizară şi reprezintă un interes aparte. Posibil, că în efectuarea mişcărilor circulare a elementului „frecător" pentru căpătarea astfel a focului, era antrenată coarda arcului, procedeu cunoscut în mediul comunităţilor arhaice, conservate în unele zone insulare din Asia de Sud-Est. Nu este exclus, că în calitate de suport pentru căpătarea focului a servit şi piatra cu adâncituri similare din grota La Ferasie, datată cu epoca musteriană (Столяр 1975). Posibil, că acest procedeu de a căpăta focul a fost inventat de către om încă foarte timpuriu, cu mai mult de 40 mii ani în urmă.

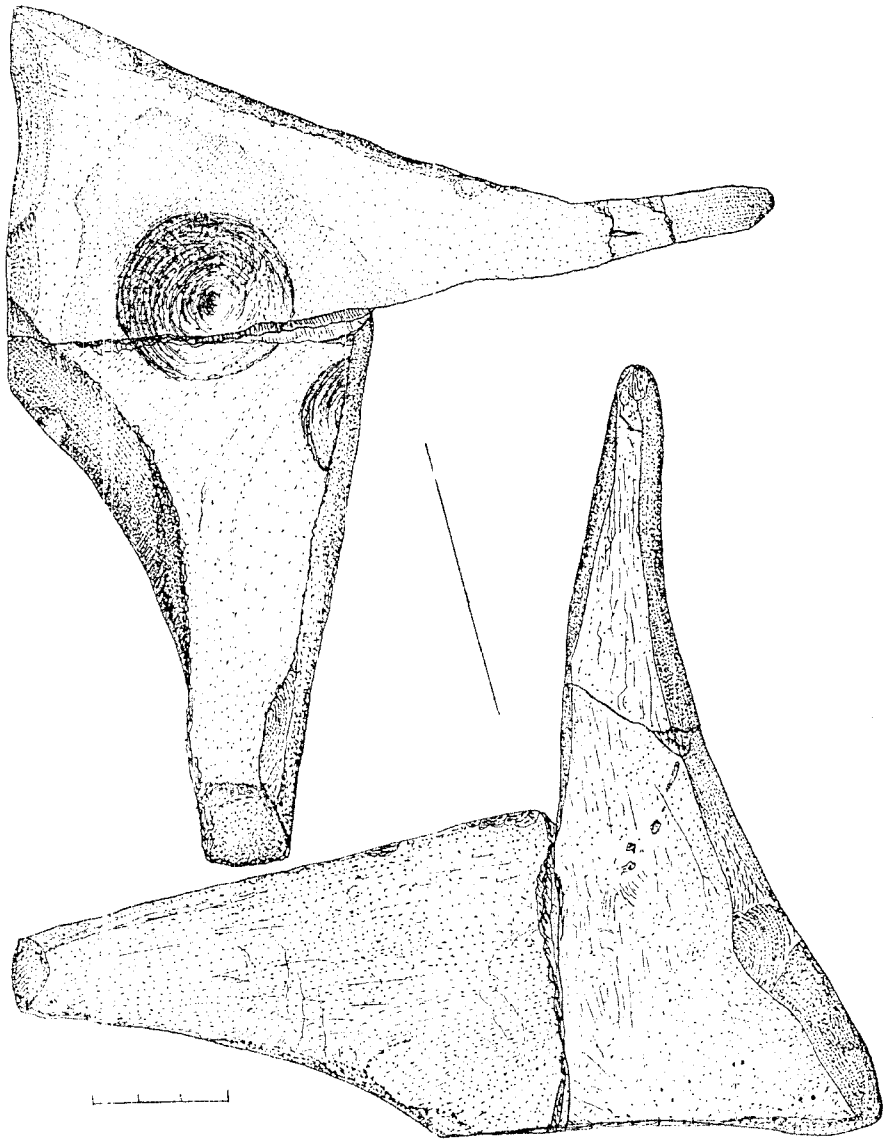


Fig. 5. Cosăuţi: piesă fragmentară din şist silicios, cu adâncituri şlefuite – suport pentru dobândit focul.

CONCLUZII

Printre piesele de artă mobilă şi de podoabă puse în discuţie sunt mostre, care au mai fost depistate şi în alte nivele de locuire – portace ornamentate, perle din dinţi de răpitori – vulpe, lup, discuri.

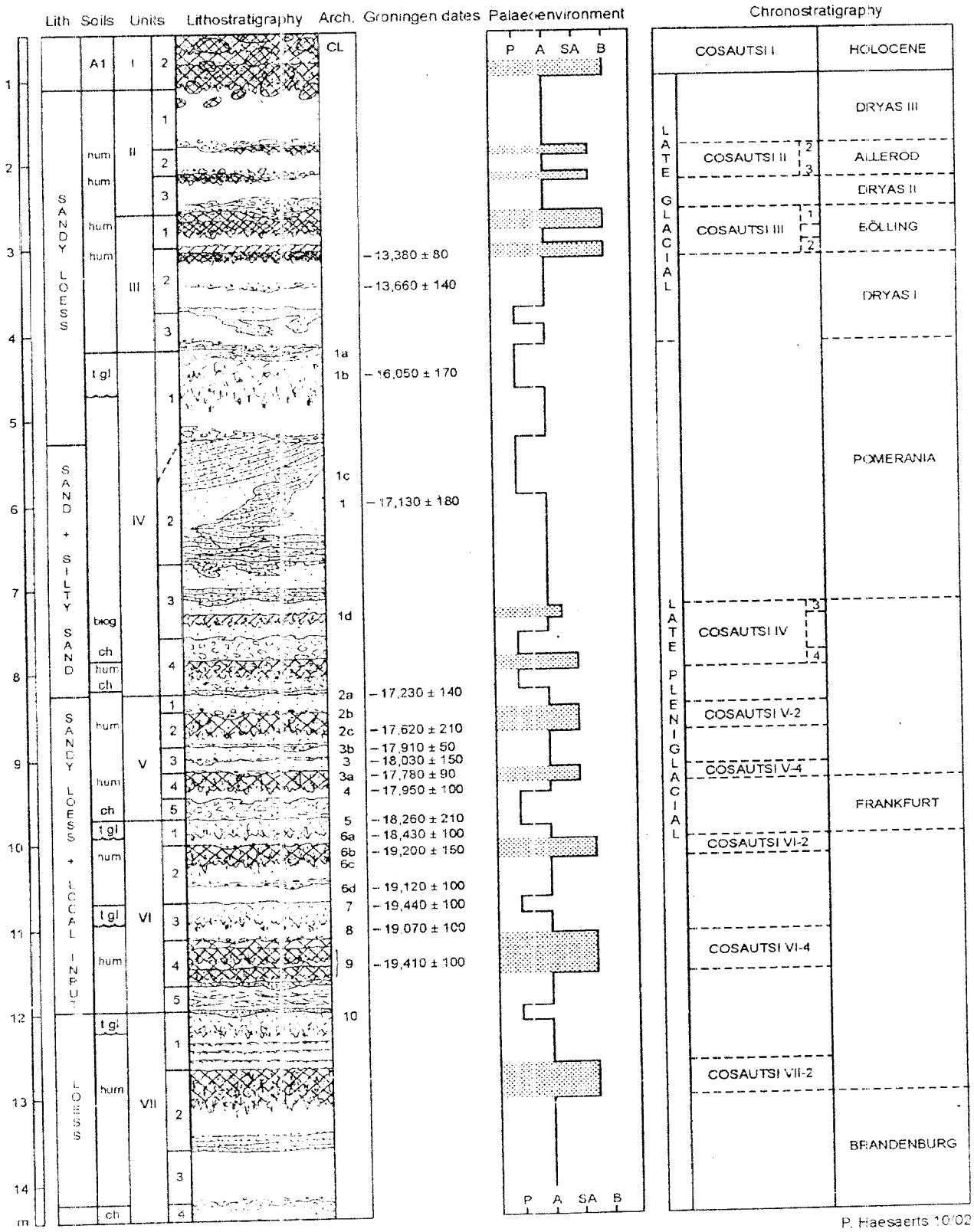


Fig. 6. Schema straturilor de depuneri tardiglaciare de pe locul staţiunii Cosăuţi (după Haesaerts, Borziac, Chirica, Damblon, Koulakovska, van der Pliht 2003).

De asemenea sunt prezente pandantive, inclusiv cele cu ornament punctiform, piesele din concreţii cu urme de adaptare, descoperite anterior doar în nivelul II de locuire al acestei staţiuni. Apar, însă, şi forme şi motive artistice noi, precum ar fi portacul, ornamentat cu grupe distincte de incizii şi de proporţii impunătoare, pentru astfel de piese cunoscute anterior, oasele cu gravură „abundentă", pandantivul din fildeş cu ornament circular grupat. Aceste noi nuanţe completează evident repertoriul general al pieselor de artă paleolitică mobilă şi de podoabă de la această staţiune.

Nivelul 5 de locuire a staţiunii Cosăuţi, ca şi toate, identificate la această staţiune este încorporat în depunerile cuaternarului tardiv, reprezentate de orizonturi de loess, nisip fin cuarţitic, pietriş aluvionar, argile. Studiul microstratigrafic, efectuat de către geologul şi arheologul de la Institutul de Ştiinţe Naturale din Bruxelles P. Haesaerts, corespunde cu un nivel de depunere pe argilă, cu ingrediente de nisip fin şi pietriş dezagregat, plasat deasupra unui orizont degradat (sau embrionar) de sol fosil, ce încununează ciclul IV de depuneri de la această staţiune. Corespunde unei faze reci şi aride a climei. Această fază rece corespunde microglacialului Francfurt din Europa Ocidentală (fig. 6). Pentru acest nivel de locuire a fost obţinută data radiometrică GrN-23581/18.260±210 ani BP (Haesaerts, Borziac, Chirica, Damblon, Koulakovska, van der Plicht 2003, 163-188). De acum este evident că datorită unei suficiente conservări ale resturilor de cultură umană, parvenite în urma acoperirii consecutive rapide ale nivelelor de locuire de noi sedimente, altor factori naturali, staţiunea Cosăuţi a devenit cel mai important furnizor de piese paleolitice de artă mobilă şi podoabă pentru Gravetianul din spaţiul dintre Nistru, Tisa şi Dunăre.

BIBLIOGRAFIE

Borziac 1991: I. Borziac, Quelques données préalables sur l'habitat tardipaléolithique pluristratifie de Cossoutsy sur le Dniestr Moyen. Le Paléolitique et le Néolitique de la Roumanie en contexte Européen (Iaşi 1991), 56-71.

Borziac 1994: I. Borziac, Paleoliticul şi mezoliticul în spaţiul dintre Nistru şi Prut. Thraco-Dacica XV, 1-2, 1994, 19-41.

Borzyak 1993: I. Borzyak, Subsistence Practices of Late paleolithic Groups along the Dnestr River and is tributaries. From Kostenki to Clovis Upper Paleolithic–Paleo-Indian Adaptation (New-York and London 1993), 67-85.

Borziac, Otte 1996; I. Borziac, M. Otte, Piese de artă paleolitică şi de podoabă din staţiunea pluristratigrafică gravetiană Cosăuţi (Nistrul Mijlociu, Moldova). Simpozionul de Arheologie, Târgovişte 1996 (Târgovişte 1996), 49-51.

Borziac, Chirica 1996: I. Borziac, C.V. Chirica, Pieses de marne du paleolitique superieure de la valle du Dniestr. Prehistoare Europeene 9, 1996, 293-402.

Borziac, Otte, Noiret 1998: I. Borziac, M. Otte, P. Noiret, Piese de artă paleolitică şi de podoabă de la staţiunea paleolitică cu mai multe niveluri de locuire Cosăuţi din zona Nistrului Mijlociu. Revista arheologică 2, 1998, 5-28.

Brudiu 1987: M. Brudiu, Le travaille de l'os et au bois de renne dans le Paléolitique superieure de la zone du Prut Moyen. Le Paléolitique et le Néolithique de la Roumanie en contexte Européene (Iaşi 1987), 73-86.

Haesaerts, Borziak, Chirica, Damblon, Koulakovska, van der Plicht 2003: P. Haesaerts, I. Borziak, V. Chirica, F. Damblon, L. Koulakovska, van der Plicht, The east Carpatian loess record: a reference for the middle and Late Pleniglacial Stratigraphy in Central Europe. Quaternaire 14 (3), 2003, 163-188.

Kovalenko 1996: S. Kovalenko, The upper Paleolitic Industries in the Dnester Zone of Moldova. Prehiistoire Europeenne 9, 1996, 233-267.

Vartic 2001: A. Vartic, Port-acul lui Borziac ori anexă la paleoinformatică //www-ournet.md/portac/.

Борзияк 1985: И.А. Борзияк, Открытие новой многослойной палеолитической стоянки Косоуцы на Среднем Днестре. В сб: АИМ в 198 году (Кишинёв 1985), 3-14.

Борзияк 1989: И.А. Борзияк, Предметы изобразительной деятельности человека на многослойной позднепалеолитической стоянке Косоуць на Среднем Днестре. Памятники древнейшего искусства на территории Молдавии (Кишинёв 1989) 1-26.

Борзияк, Коваленко 1992: И.А. Борзияк, С.И. Коваленко, Исследование слоя 3Б стоянки Косауцы на Среднем Днестре. В сб: АИМ в 1986 году (Кишинёв 1992), 3-27.

Столяр 1975: А.Д. Столяр, Происхождение изобразительного искусства (Москва 1975).

Ilie Borziac,
Universitatea Liberă Internaţională din Moldova,
str. Vlaicu Pîrcălab 52, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova

Раскопки кургана № 2 у с. Молога в Нижнем Поднестровье

Александр Малюкевич, Одесса,
Сергей Агульников, Кишинэу

În anul 2004 s-au efectuat săpături de salvare a tumulului № 2 lîngă localitatea Mologa, raionul Belgorod-Dnestrovsk, regiunea Odesa, Ucraina. Tumulul, cu înălțimea de 0,8 m și diametrul 42 m a conținut 163 morminte. Orizontul cronologic cel mai timpuriu este reprezentat de opt morminte aparținînd culturii Yamnaya timpurie. Al doilea orizont include șase morminte ale culturii Yamnaya târzie. Următorul grup de morminte se datează în epoca bronzului tardiv (cultura Sabatinovka). Al patrulea nivel cronologic este reprezentat de morminte din sec. III-II î.e.n). Ultimul orizont cronologic este reprezentat de numarul cel mai mare de morminte (138) atribuite nomazilor turanici (nogai) din secolele XVI-XVII e.n.

В 2004 г. экспедиция Одесского Археологического Музея НАН Украины провела охранные раскопки кургана № 2 у с. Молога, Белгород-Днестровского района Одесской области Украины. В кургане, современной высотой 0,8 м, диаметром 42 м было исследовано 163 погребения. Наиболее ранний горизонт представлен погребениями ямной культуры. Второй хронологический горизонт составляли погребения позднеямной (Буджакской) культуры, а третий горизонт – это захоронения различных периодов эпохи бронзы и сабатиновской культуры. Погребения четвертой хронологической группы относятся к античному периоду (III-II вв. до н.э.?). Все они ограблены в древности и в их камерах были устроены ногайские могилы датируемые XVI-XVII вв. н.э. Пятый хронологический горизонт представлен 138 ногайскими захоронениями.

In the year 2004 Odessa Archaeological Museum of NSA Ukraine carried out the risqué excavations of tumulis № 2 near village of Mologa, Belgorod-Dnestrovsk district, Odessa region, Ukraine. The tumulus, with actual height of 0,8 m and diameter 42 m contained 163 burials. The earlier chronologicel horizon is presented by 8 burials of the Pit-Grave culture. The second chronological horizon consisted of 6 burials of the late (Budjac) phase of Pit-Grave culture. The third horizon is presented by 5 burials of Sabatinovka culture. The fourth chronological horizon is attributed to the Ancient period (III-II sec. B.C.). All of them were robbed in antiquity and their chambers were occupied by the Turanic burials of the 16-17 sec. The fifth chronological horizon is presented by the biggest number of tombs and is tied with Turanic burials of the 16-17 sec. – 138 tombs.

Введение

В ноябре-декабре 2004 года Моложская археологическая экспедиция Одесского Археологического музея НАН Украины провела охранные раскопки кургана № 2 у с. Молога (курган № 1 был раскопан в 1999-2000 гг.). Целью работ являлись спасательные раскопки кургана, в центре которого весной 2004 г. грабителями был вырыт большой шурф. В бортах шурфа были отмечены контуры погребальных камер, материкового выброса и разрозненные человеческие кости.

Курган был расположен на высоком коренном правом берегу Днестровского лимана на левой стороне балки "Балкань" в 0,7 км к СЗ от окраины с. Садовое (Молога-Малая) Белгород-Днестровского района Одесской обл. Он находился в 100 м к СВ от трассы Белгород-Днестровский - Кишинев и от бетонного триангуляционного знака, отмеченного румынской маркой 20-30-х гг. XX века *"Nivelmentgenerale"* (рис. 1). Насыпь кургана постоянно распахивалась, в том числе и глубокой (до 1,0 м) плантажной вспашкой. К северной поле кургана примыкало вытянутое по линии СЗ-ЮВ естественное углубление на местности – результат оврагообразования, в связи с чем, насыпь кургана резко понижалась к северу. Таким образом, при общей высоте кургана в 0,8 м от уровня древней дневной поверхности и 1,75 м от уровня материка, высота кургана от склона понижения составляла 2,2 м, а диаметр - 42 м. В результате раскопок было исследовано 165 захоронений различных культурно-исторических эпох (рис. 2).

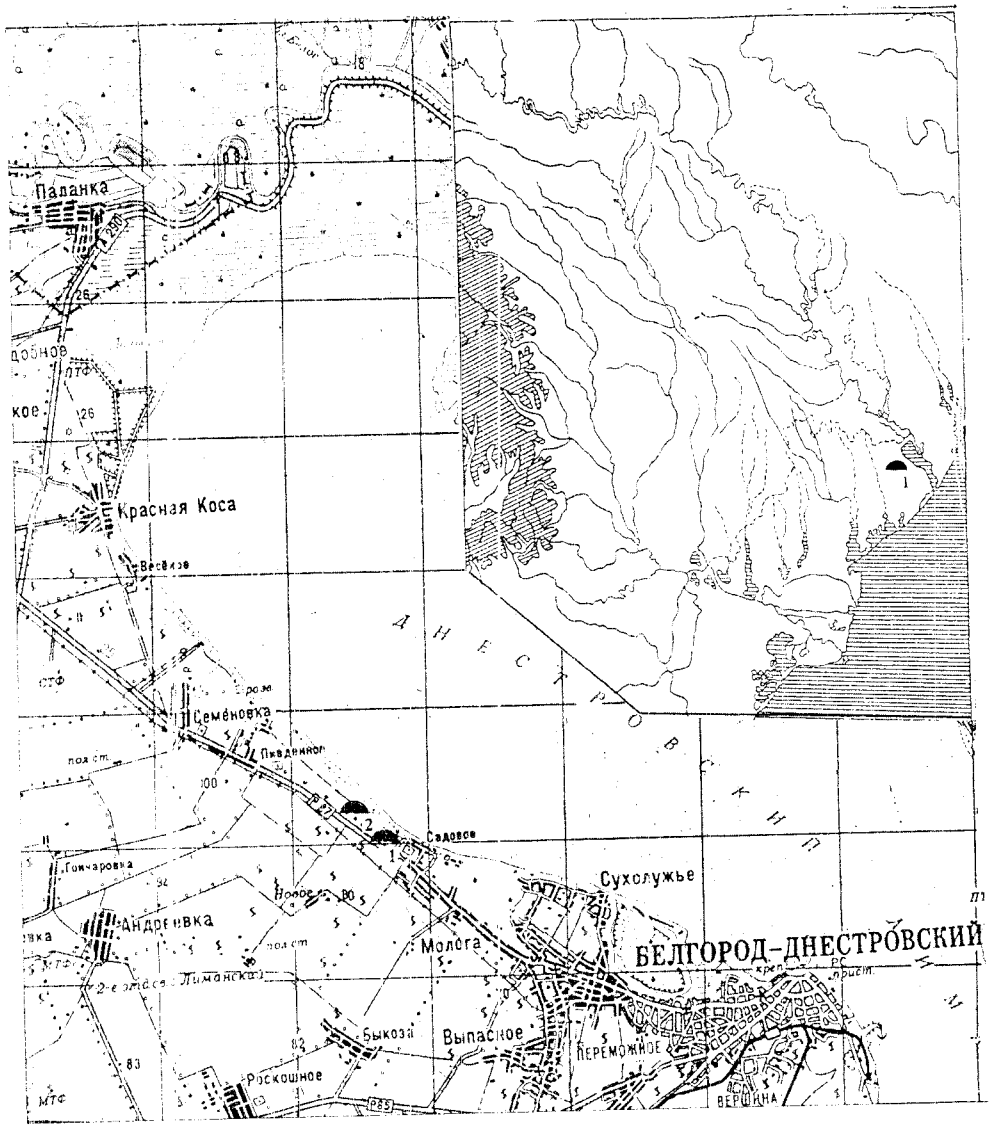


Рис. 1 Ситуационный план и географическое расположение кургана 2 у села Молога.

Стратиграфия

Первоначальная насыпь кургана была связана с погребением ямной культуры № 14. Отмеченный в профиле диаметр первой насыпи составлял 27 м и дополнительные досыпки не прослеживались. Древняя дневная поверхность фиксировалась в центральной части профиля насыпи кургана длиной примерно в 6 м. Толщина предматерикового суглинка составляла 0,4-0,5 м, далее он плавно переходил в желтую материковую глину. Материковый выброс из основного погребения № 14 имел сегментовидную форму. Отмеченные в плане его размеры составляли 2,7 х 2,0 м. Мощность выкида из черноземного и глиняного грунтов составляла 0,35-0,4 м. Первоначальная насыпь состояла из чернозема светло-серого цвета с вкраплениями суглинка. По краям первоначальной насыпи отмечены типичные для курганов ямной культуры региона черноземные клинья. В северной поле кургана черноземный клин резко понижался ниспадая в естественное углубление на краю плато. В южном секторе так же отмечен черноземный клин опускающийся ниже уровня древней дневной поверхности, но более полого чем в северной поле. Длина черноземных клиньев 10,5 м в северном секторе и 9,5 м в южном. Толщина клиньев от 0,2 м в начале до 1,5 м в окончании конструкции. В слое клиньев на глубине от 0,5 до 1,0 м встречается большое количество разрозненных камней желтого известняка (размеры 0,15–0,5 м). Камни, очевидно, принадлежали не сохранившейся крепиде. Дополнительные досыпки в профилях кургана не прослеживались.

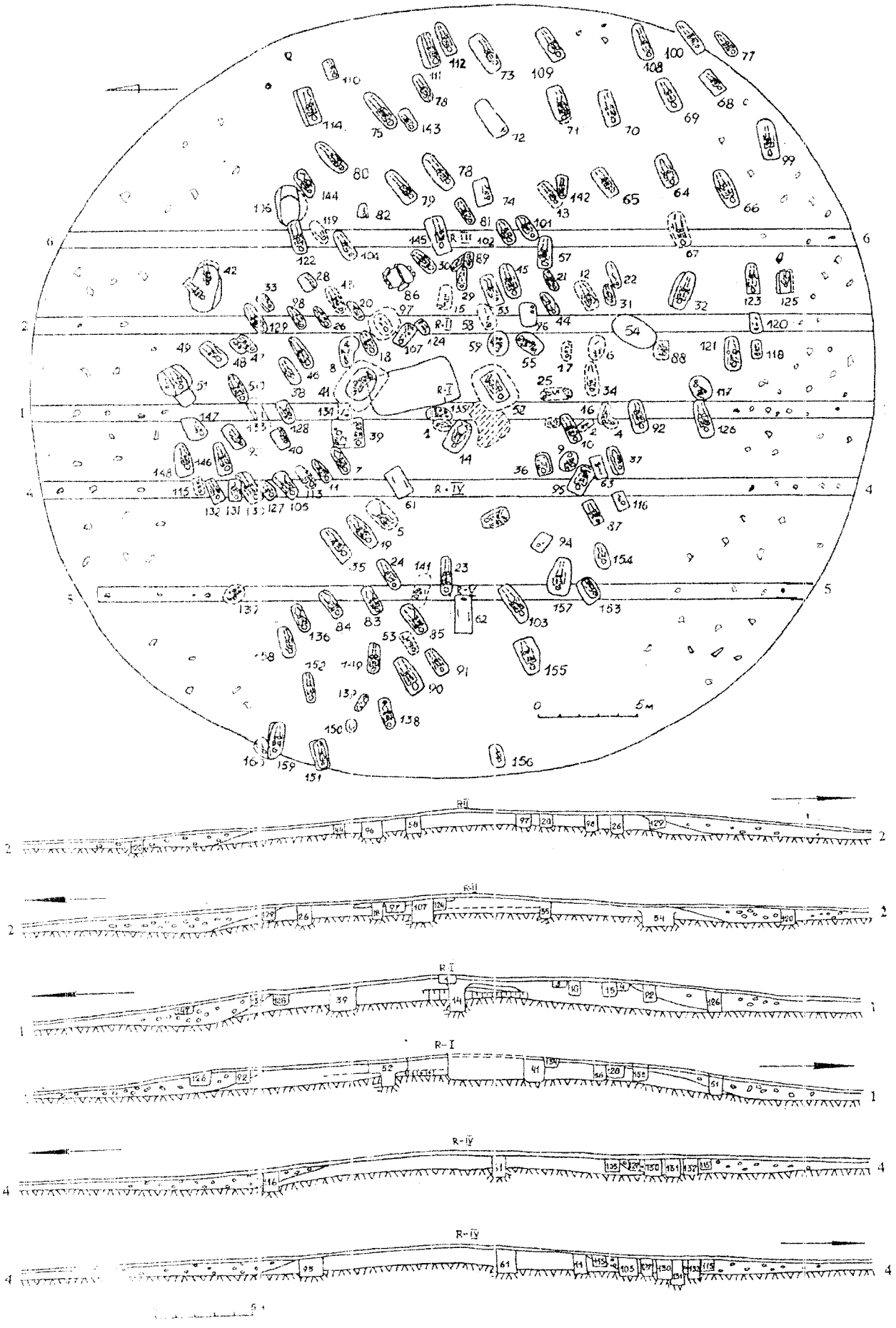


Рис. 2. План и профили кургана 2 у села Молога.

Первый, наиболее ранний горизонт представлен восемью погребениями развитого этапа ямной культуры №№ 14, 36, 39/1-2, 52, 60, 107, 140. Погребения образовывали кольцо вокруг центрального захоронения.

Следующий второй хронологический горизонт составляли шесть погребений позднеямной культуры (буджакский вариант) №№ 3, 41, 86, 94, 95, 96. Захоронения так же совершены в насыпи кургана с эффектом круговой планировки.

Третий хронологический горизонт это пять захоронений эпохи поздней бронзы – сабатиновской культуры. Погребения сабатиновского времени №№ 9, 25, 55, 59, 117 концентрируются в южном секторе кургана, образуя небольшой могильник. Погребения №№ 1, 2, 4, 6, 124 из за сильной разрушенности не поддаются четкой интерпретации, и возможно, были совершены в эпоху бронзы.

Четвертая хронологическая группа представлена тремя погребениями №№ 42/3, 51/3, 106 и относится к античному периоду. Все они представляли собой сложные подбойные и ступенчатые конструкции, ограбленные в древности, и в дальнейшем, два из них, были использованные для позднесредневековых ногайских захоронений.

Пятая и самая многочисленная группа погребений в кургане представлена ногайскими захоронениями, количество которых достигает 138. Могильник был впущен в насыпь кургана эпохи бронзы. В целом, ногайское кладбище вытянуто широкой (30 м) полосой в направлении СЗ-ЮВ и в зоне кургана прослежено на 40 м в длину. К СЗ и особенно в ЮВ направлении, вне площади кургана, могильник переходит в грунтовой некрополь и имеет продолжение.

В данной публикации, носящей предварительный характер, освещаются погребальные комплексы эпохи бронзы, скифского времени и наиболее неординарные материалы периода позднего средневековья. Учитывая резко сократившиеся в постперестроечный период исследования степных курганов Дунай- Днестровского междуречья, новые материалы вызывают вполне оправданный интерес специалистов в области археологии и древней истории Юго-Западного региона.

Погребения эпохи бронзы

Погребение 1 (эпохи бронзы?) (рис. 3,1) открыто в центре кургана в 0,25 м к З от репера на глубине 0,36м. Погребение разрушено плантажной вспашкой. Судя по расположению черепа, ориентировано по оси С-Ю. Отмечены фрагменты черепной коробки и разрушенные кости ребер и позвонков. Все кости были слабо окрашенные охрой красного оттенка.

Погребение 2 (эпохи бронзы?) (рис. 3,5). Обнаружено в южном секторе кургана в 6,8 м от репера на глубине 0,4 м. Скелет разрушен плантажной вспашкой. Судя по расположению сохранившихся костей ног погребенный лежал скорченно на правом боку, ориентирован на Ю-ЮВ. Сохранность костей удовлетворительная.

Погребение 3 (позднеямное) (рис. 3,2) обнаружено в ЮЗ секторе кургана в 6,2 м от репера на глубине 0,55 м. Скелет погребённого отсутствовал (вероятно, уничтожен плантажной вспашкой). В насыпи отмечено пятно тёмносерого цвета – остатки циновки овальной в плане формы размером 0,7х0,4 м. Там же найдены фрагменты дерева, обмазанного белой глиной. На циновке найдено 2 сосуда.

Находки: сосуд 1 – представлял собой миниатюрную амфорку с округлым туловом, округлым дном и коротким цилиндрическим горлом. На тулове имелись две горизонтальных ручки со сквозными отверстиями. Поверхность заглаженная, оранжевого цвета с серыми пятнами, внутренняя поверхность серо-чёрного цвета. В тесте имеется примесь мелкого шамота, дресвы и песка. Размеры: высота – 7 см, диаметр дна около 2 см, диаметр тулова – 6,8 см, диаметр горла – 4,7 см, высота горла – 1,8 см, размер ручек – 2х0,7 см, диаметр отверстий на ручках – 0,3 – 0,5 см (рис. 3,3); сосуд 2 – представлял собой коническую банку с расширяющим кверху устьем. Дно выполнено на кольцевом поддоне. Сосуд повреждён распашкой, но профиль реконструируется. Поверхность серого цвета с чёрными пятнами неравномерного обжига. Внешняя поверхность орнаментирована двумя рядами горизонтального шнурового орнамента – один ближе к устью, другой из места перехода к кольцевому поддону. Простран-

ство между горизонтальными рядами орнаментировано равнобедренными треугольниками, обращёнными вершинами книзу, выполненными отпечатками шнура. Венчик прямой с заглаженным краем. В тесте имеется примесь крупного шамота и растительности. Реконструируемые размеры сосуда: высота - 7см, диаметр дна – 2,5 см, диаметр устья – 6,5 см (рис. 3,4).

Погребение 6 (эпохи бронзы) обнаружено в ЮВ секторе кургана в 9м от репера на глубине 0,35 м. Погребение разрушено плантажной вспашкой. От скелета, лежавшего на спине, сохранилась лишь плечевая кость и часть рёбер, рядом находилась смещённая лучевая кость. На костях имелся налёт тёмно-коричневого цвета.

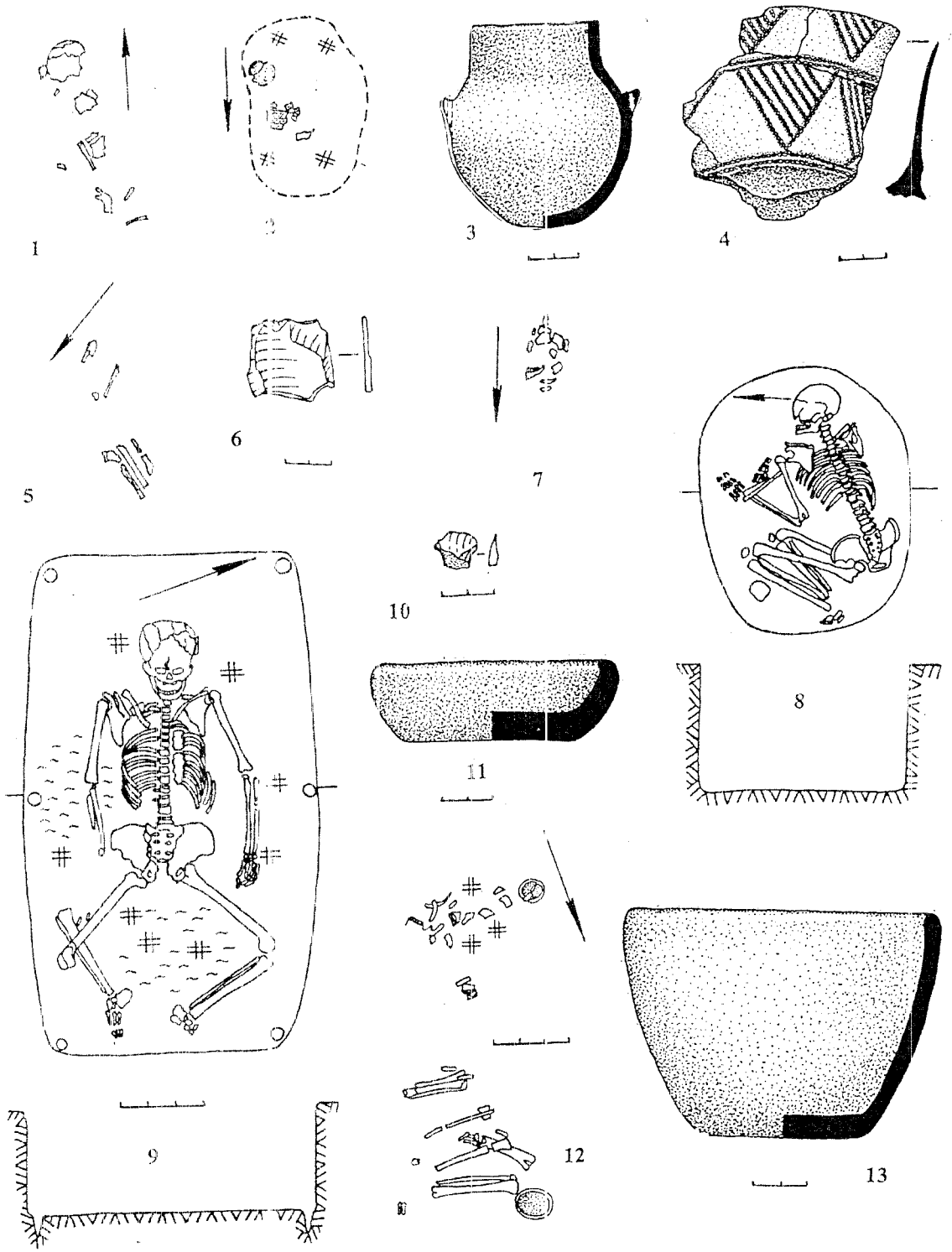


Рис. 3. Курган 2 у с. Молога: 1- погр.; 2- погр. 3; 3- сосуд 1, погр. 3; 4- сосуд 2, погр. 3; 5- погр. 2; 6- погр. 6, кремень; 7- погр. 4; 8- погр. 9; 9- погр. 14; 10- погр. 25; 11- погр. 25, миска; 12- погр. 25; 13- погр. 25, сосуд.

Находки: ниже плечевой кости обнаружен кремнёвый отщеп подтреугольной формы, размерами 3,5х1,6 см (рис. 3,6).

Погребение 9 (эпохи поздней бронзы – Сабатиновка?) (рис. 3,8) обнаружено в ЮЮЗ секторе кургана на глубине 0,68 м. Погребальная камера овальной формы была ориентирована по оси В-З. Погребённый лежал скорченно на правом боку, головой на В. скелет развёрнут на "грудь". Руки согнуты перед грудной клеткой. Ноги резко скорчены вправо. В области берцовых костей находился известняковый камень размером 0,7 х 0,6 см.

Погребение 14 (основное, ямной культуры) (рис. 3,9) обнаружено в центре кургана на глубине 1,5 м в 0,7 м к югу от репера. Погребальная камера прямоугольной формы, размерами 1,9 х 1,15 м была ориентирована по оси СВ-ЮЗ. Глубина камеры – 0,4 м. В заполнении отмечены деревянные плахи от перекрытия, уложенные вдоль погребальной камеры. Погребённый лежал скорченно на спине головой на ЗЮЗ. Череп обращён лицевой частью вверх. Слегка согнутые в локтях руки уложены вдоль туловища. Ноги, первоначально стоявшие коленями вверх, распались "ромбом". На дне погребальной камеры отмечены остатки циновки серого цвета, под которой зафиксирован тёмно-коричневый тлен, с вкраплениями охры и мела. Скелет погребённого окрашен охрой ярко-красного оттенка – интенсивно череп.

Погребение 25 (эпохи поздней бронзы – Сабатиновка?) (рис. 3,12) обнаружен

В ЮВ секторе кургана на глубине 0,75 м. Скелет разрушен плантажной вспашкой. От погребённого сохранились кости ног, согнутые влево и сильно фрагментированный череп. Согласно позиции черепа, погребённый был ориентирован по оси СВ – ЮЗ. В области черепа отмечено тёмно коричнезого цвета.

Находки: 1. в 0,05 м к З от черепа найдена лепная плоскодонная миска с загнутым слегка внутрь венчиком. Внешняя поверхность оранжевого цвета с чёрными пятнами. Тесто в изломе чёрного цвета с примесью мелкого шамота и дресвы. Размеры: высота – 2, 5 м, диаметр дна – 4 см, диаметр устья – 9 см. (рис. 3,11); 2. В области ног погребённого найден лепной плоскодонный сосуд баночной формы. Поверхность светло-коричневого цвета, внутренняя поверхность серо-чёрного цвета. Тесто в изломе чёрного цвета. В тесте отмечена примесь мелкого шамота. Размеры: высота – 9 см, диаметр дна – 7 см, диаметр устья – 11 см (рис. 3,13); 3. в области ног выявлен невыразительный кремнёвый отщеп 1,5 х 0,6 см (рис. 3,10).

Погребение 36 (ямной культуры) (рис. 4,4) обнаружено в ЮЗ секторе кургана в 5,5 м от репера на глубине 1,1 м. Погребальная камера прямоугольной формы была ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Размеры камеры 1,4 х 0,8 м, глубина от уровня фиксации – 0,3 м. У южной и восточной части погребальной камеры отмечена ступенька шириной 0,1-0,15 м. Погребальный лежал, скорчено на спине, головой на ЮЗ. Череп обращён лицевой частью вверх и слегка склонён вправо. Руки, прямые, уложены вдоль костяка. Лучевые кости левой руки не сохранились. Ноги, первоначально стоявшие коленями вверх, завалились вправо. Скелет слабо окрашен красной охрой. Под скелетом и по дну ямы отмечен тёмно-коричневый тлен.

Погребение 39 (ямной культуры) (рис. 4,1) обнаружено в 2,5 м к С от репера, отмечено в СЗ секторе кургана. Погребальная камера прямоугольной формы, размерами 1,8 х 1,6 м, глубиной 0,3 м от уровня фиксации была ориентирована по линии СВ-ЮЗ. В погребальной камере находилось два скелета.

Скелет 1 находился в скорченном положении на спине головой на ЮЗ. Череп обращён лицевой частью вверх. Руки уложены вдоль туловища, прямые. Ноги, первоначально стоявшие коленями вверх упали вправо. Скелет окрашен охрой красного оттенка, интенсивно череп.

Скелет 2 находился в 0,4 м слева от скелета 1 у северной стенки погребальной камеры. Погребённый лежал скорченно на левом боку, головой на ВСВ. Череп обращён лицевой частью влево, лежит на боку. Руки согнуты влево, перед грудной клеткой. Ноги согнуты влево. Скорченность средняя. Скелет окрашен охрой, интенсивно череп и кости рук. Охра бурого оттенка.

Находки: за черепом погребённого в 0,1 м находился лепной плоскодонный сосуд в виде широко открытой банки со слегка заглаженным внутрь краем устья. Поверхность сосуда светло-коричневого цвета с чёрными пятнами неравномерного обжига, слабо заглажена. Тесто в изломе чёрного цвета с примесью мелкого шамота и дресвы. Внутренняя поверхность тёмно-серого цвета. Размеры: высота – 8 см, диаметр дна – 0,6 см, диаметр устья – 11,8 см. (рис. 4,2).

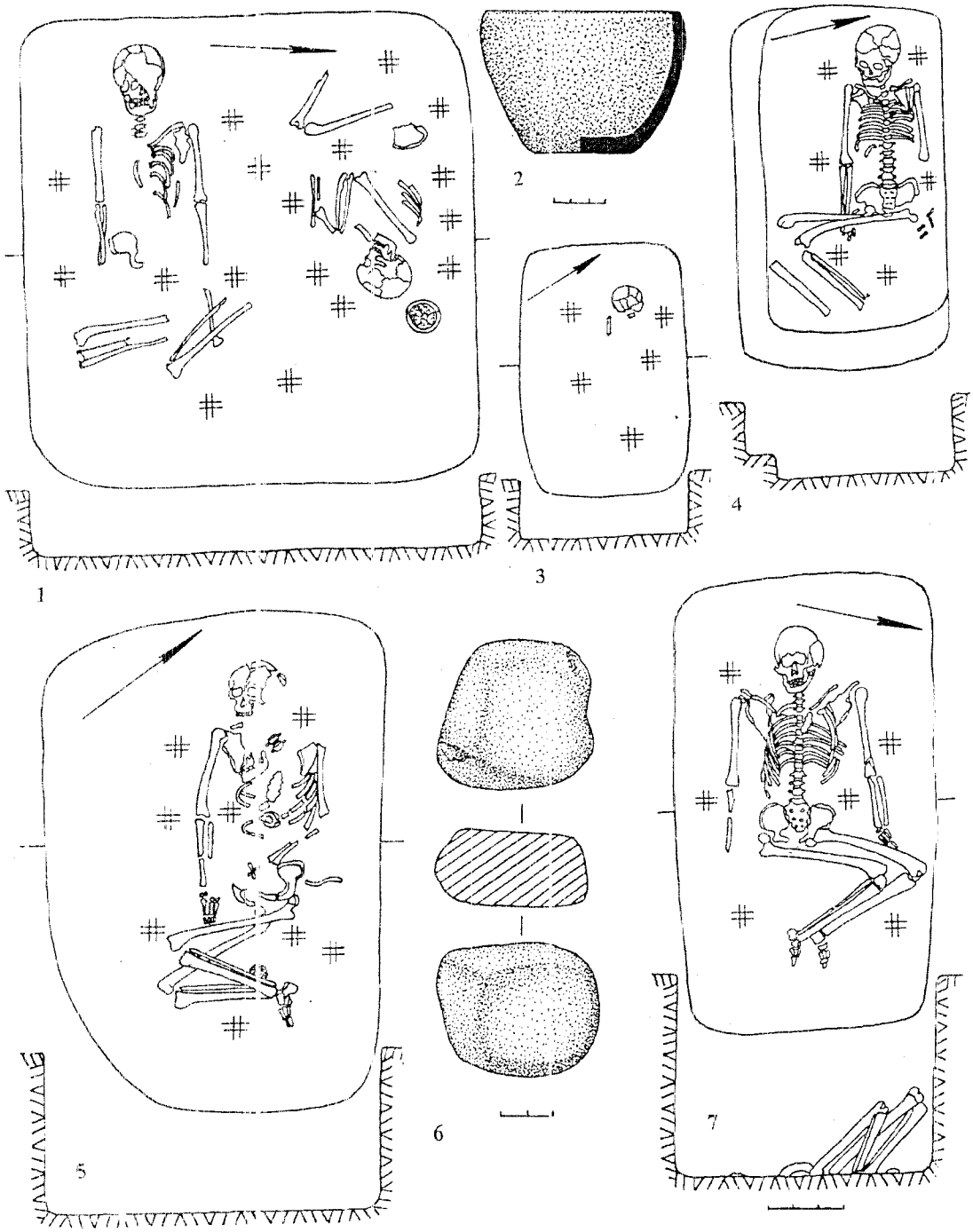


Рис. 4. Курган 2 у с. Молога. 1- погр. 39; 2- сосуд из погр. 39; 3- погр. 94; 4- погр. 36; 5- погр. 41; 6- погр. 41, растиральник; 7- погр. 51.

Погребение 41 (позднеямное) (рис. 4,5) обнаружено в СВ секторе кургана в 4,5 м от репера на глубине 0,8 м. Погребальная яма с уступом была ориентирована по линии ЮВ-СЗ. Уступ частично разрушен грабительским шурфом, который задел и ЮВ часть погребальной камеры. Реконструируемые размеры уступа 2,8 х 2,2 м, ширина 0,4-0,5 м. Погребальная камера неправильной прямоугольной формы была ориентирована по линии ЮВ-СЗ. Размеры камеры 1,9 х 1,25 х 0,9 м. В заполнении камеры встречались остатки плах от поперечного перекрытия. Глубина – 0,6 м. Погребённый лежал в скорченном положении на спине с разворотом вправо, головой на ЗСЗ. Череп обращён лицевой частью вправо. Затылочная кость смещена грызунами, нижняя челюсть лежит ниже лопатки правой руки. Правая рука, слегка согнутая, уложена вдоль туловища. Левая согнута в локте и кистью лежит на тазе. Ноги согнуты вправо. Погребённый окрашен охрой ярко – красного оттенка, интенсивно окрашен череп и берцовые кости.

Под погребённым и по дну камеры отмечен тлен тёмно-коричневого цвета с вкраплениями охры и мела.

Находки: в области окончания левой берцовой кости наполовину перекрытый ею находился тёрочник неправильно-овальной формы, выполненный из гальки (змеевика) серо-зелёного цвета со следами сработанности на всех гранях в виде залощённости и длинных царапин. Одна из граней имеет следы охры тёмно-коричневого оттенка. Размеры тёрочника (растиральника?) 6 х 4,8 см, толщина 2 см (рис. 4,6).

Погребение 52 (ямной культуры) (рис. 4,7) выявлено в ЮВ секторе кургана в 2,5 м от репера на глубине 0,4 м. Погребальная камера с уступом прямоугольной формы. Размеры уступа 2,5 х 2 м, глубина – 0,45 м. Уступ зафиксирован в профиле, размеры реконструируются. Отмечено поперечное деревянное перекрытие. Погребальная камера, прямоугольной формы, зафиксирована на глубине 1,52 м. Размеры камеры 1,75 х 1 м. Глубина от уровня уступа – 0,73 м. На стенках камеры отмечено покрытие известью и следы работы желобчатого орудия диаметром 0,05 м. Погребённый лежал скорченно на спине, головой на ЮЗ. Череп обращён лицевой частью вверх. Руки прямые, уложены вдоль корпуса. Ноги первоначально стоявшие коленями вверх, завалились влево, но сохранились в приподнятом состоянии. Скелет окрашен охрой ярко-красного оттенка, интенсивно череп. Дно покрывал тёмно-коричневый тлен с вкраплениями охры и мела.

Погребение 55 (эпохи поздней бронзы) (рис. 5,14) обнаружено в ЮВ секторе кургана в 6 м от репера на глубине 0,55 м. Погребальная камера, овальной формы, была ориентирована по линии ЮЗ-СВ. Размеры камеры 1,5 х 0,8 х 0,5 м. Глубина от уровня фиксации 0,1 м. Погребённый лежал скорченно на правом боку, головой на ВСВ. Череп лежит на правом боку, руки согнуты в локтях перед корпусом, кистями обращены к черепу. Ноги резко скорчены.

Погребение 59 (эпохи поздней бронзы) (рис. 5,12) обнаружено в ЮВ секторе кургана в 4,5 м от репера на глубине 1м. Погребальная камера овальной формы была ориентирована по линии ВЮВ-ЗСЗ. Размеры камеры 1,35 х 1 м, глубина от уровня фиксации – 0,2м. Погребённый лежал в скорченном положении на левом боку головой на ЗСЗ. Руки согнуты, кистями обращён к лицевой части черепа. Ноги сильно скорчены влево. Скелет окрашен тленом тёмно-коричневого цвета. Тёмно-коричневый тлен, отмечен по всему дну погребальной камеры.

Погребение 60 (ямной культуры) (рис. 5,13) обнаружено в ЮЗ секторе кургана в 6,3 м от репера на глубине 1,45 м. Погребальная камера прямоугольной формы с сильно округлёнными углами ориентирована по линии ЮЮВ-ССЗ. Размеры камеры 1,75 х 1,05 м. Глубина 0,45 м от уровня фиксации. Погребённый лежал скорченно на спине, головой на ССЗ. Череп обращён лицевой частью вверх, склонён к левому плечу. Ноги зафиксировались приподнятыми коленями вверх, берцовые кости слегка завалились к тазу. Скелет окрашен охрой красного оттенка, интенсивно – череп. Дно покрывал тёмно-коричневый тлен.

Находки. В области таза найден невыразительный отщеп кремня светло -серого цвета.

Погребение 86 (ямной культуры) (рис. 6,1) обнаружено в СВ секторе кургана в 7,8 м от репера на глубине 0,75 м. Погребальную камеру перекрывал каменный заклад размером 1,6 х 1,1 м, состоящий из отдельных камней размерами 1 х 0,8, 1,1 х 0,4, 0,5 х 0,2, 0,44 х 0,2, 0,3 х 0,15 м. Толщина плит составляла 0,05, 0,08, 0,11 м. Под плитами была выявлено погребальная камера прямоугольной формы размерами 1,1 х 0,5 м, глубиной 0,14 м. Погребённый (ребёнок) лежал скорченно на левом боку головой на ССЗ. Череп обращён лицевой частью вниз. Правая рука вытянута, левая не сохранилась. Предплечье правой руки перекрывал камень подтриугольной формы размерами 0,2 х 0,1 м. Ноги согнуты влево. Скелет окрашен ярко-красной охрой, интенсивно – череп. По дну ямы отмечен тёмно-коричневый тлен с вкраплениями охры.

Находки: в 0,22 м к С от черепа погребённого находился лепной плоскодонный сосуд. Верхняя часть не сохранилась, тулово слегка окрашенное, дно плоское. Поверхность светло-коричневого цвета с чёрными пятнами, внутренняя поверхность серого цвета. Тесто в изломе чёрного цвета с примесью шамота. На дне отмечены отпечатки травы. По всей вероятности сосуд имел горшковидную форму. Размеры: сохранившаяся высота – 7,5 см, диаметр дна – 6 см, диаметр тулова – 9 см (рис. 6,2).

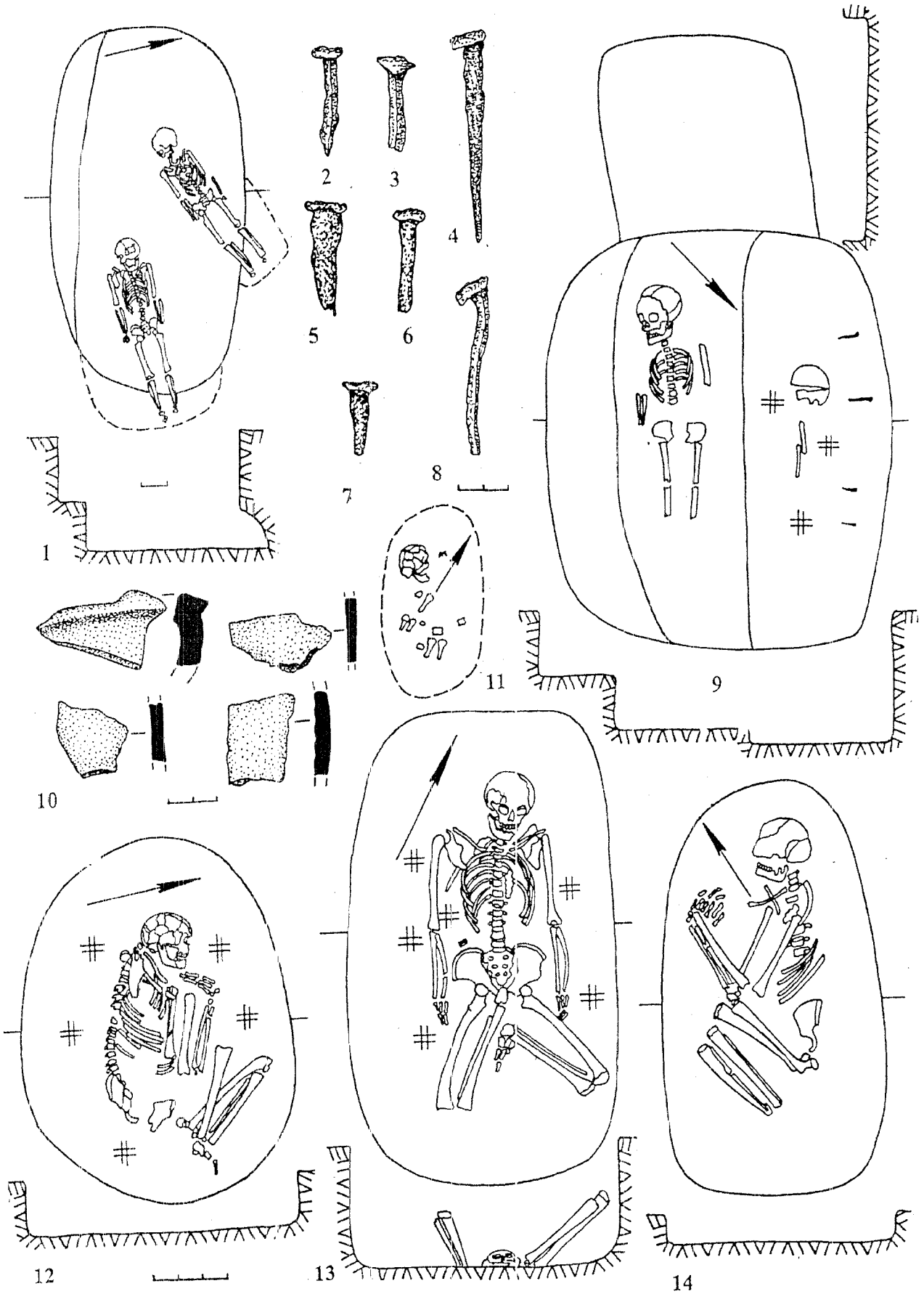


Рис. 5. Курган 2 у с. Молога. 1- погр. 42/3; 2-8 погр. 42/3- гвозди; 9- погр. 51/3; 10- керамика из погр. 51/3; 11- погр. 140; 12- погр. 59; 13- погр. 60; 14- погр. 55.

Погребение 94 (позднеямное?) (рис. 4,4) обнаружено в ЮЗ секторе кургана в 8 м от репера на глубине 0,75 м. Погребальная камера, прямоугольной формы, была ориентирована по линии ЮВ-СЗ. Размеры: 1 х 0,6 м. Глубина от уровня фиксации – 0,25 м. Погребённый (ребёнок до 1 года) лежал головой на СЗ. От скелета сохранился лишь череп и фрагмент кости руки. На черепе имелись следы охры. На дне камеры прослежен тёмно-коричневый тлен.

Погребение 95 (позднеямное) (рис. 6,6) обнаружено в ЮЗ секторе кургана в 8,5м от репера на глубине 1,5 м. Погребальная камера прямоугольной формы ориентирована по оси ЮВ-СЗ. Размеры камеры: 1,6 х 1,18 х 1,15 м при глубине 0,2 м от уровня фиксации. Погребенный лежал скорченно на спине с наклоном влево. Череп был направлен вполоборота влево. Левая рука прямая вытянута вдоль корпуса, правая – согнута в локте, кисть положена на таз. Ноги согнуты в коленях и уложены влево. Погребенный окрашен охрой бурого оттенка. Наиболее интенсивно окрашен череп. Под костяком отмечен темно-коричневый тлен.

Погребение 96 (позднеямное) (рис. 6,4) обнаружено в ЮВ секторе кургана в 6,5м от репера на глубине 1,5 м. Погребальная камера прямоугольной формы с сильно скругленными углами, ориентирована по оси В-З. Размеры 1,35 х 0,9 м, глубина от уровня фиксации – 0,25 м. От погребённого (ребёнка) сохранился лишь череп у южной стенки погребальной камеры. Череп окрашен охрой красного оттенка.

Находки: в ЮВ углу погребальной камеры найден миниатюрный баночный сосуд, усечённо-конической формы. Дно плоское, стенки слегка выпуклые, край устья слегка загнут внутрь. Поверхность светло-коричневого цвета. Внутренняя поверхность тёмно-серого цвета. Тесто в изломе чёрного цвета с примесью шамота. Устье сосуда орнаментировано двумя параллельными линиями выполненными шнуром, к которым в свою очередь примыкают треугольники, также выполненные оттисками тонкого шнура. Размеры: высота – 6,5 см, диаметр устья – 7 см, диаметр дна – 2,5 см.

Погребение 107 (ямной культуры) (рис. 6,5) выявлено в СВ секторе кургана в 4,5 м от репера на глубине 1,2 м. Погребальная камера, прямоугольной формы, была ориентирована по оси ЮВ-СЗ. Размеры: 1,25 х 0,75 м, глубина от уровня фиксации – 0,35 м. Погребённый (скелет плохой сохранности) лежал скорченно на спине, головой на СЗ. Ноги, поставленные первоначально коленями вверх, сохранились в первоначальном положении, но слегка наклонились влево. Череп обращён лицевой частью вверх. Правая рука не сохранилась. От левой сохранилась лишь плечевая кость. Погребённый окрашен охрой ярко-красного оттенка – интенсивно череп и кости ног. На дне камеры прослежен тёмно-коричневый тлен.

Погребение 117 (эпохи поздней бронзы – Сабатиновка) (рис. 7,1) обнаружено в ЮВ секторе кургана в 13 м от репера на глубине 1,41 м. Погребальная камера, овальной формы, была ориентирована по линии ВСВ-ЗЮЗ. Размеры: 1,55 х 1,1 м, глубина от уровня фиксации – 0,15 м. Погребённый лежал скорченно на правом боку, головой на ВСВ. Руки согнуты к черепу, ноги резко скорчены вправо.

Находки: 1. В заполнении погребальной камеры у южной стенки, на глубине 0,05 м, найден фрагмент верхней части лепного горшочка с округлым туловом, цилиндрическим горлом и выделенным отогнутым венчиком. Поверхность светло-серого цвета, слабо заглаженная, шероховатая, со следами заглаживания пучком травы. В верхней части тулова имелись горизонтальные налепы. Тесто в изломе чёрного цвета с примесью крупного шамота. Реконструируемые размеры: диаметр тулова 9 см, диаметр венчика 7 см (рис. 7,2); 2. За черепом погребённого находился лепной чернак с округлым туловом, выделенным в верхней части ребром, выделенной цилиндрической шейкой, выделенным венчиком и оттянутой от венчика вертикальной петлевидной ручкой. Дно выделено небольшим кольцевым поддоном. Поверхность сосуда тёмно-серого цвета, хорошо залощённая. Тесто в изломе чёрного цвета с примесью шамота. Размеры: высота – 12 см, диаметр дна – 6,5 см, диаметр тулова – 18 см, диаметр венчика 10,5 см, высота ручки, украшенной по краям двумя нервюрами – 6 см, ширина ручки – 2,5 см (рис. 7,3).

Погребение 124 (эпохи бронзы, ямное?) обнаружено в СВ секторе кургана в 5 м от репера на глубине 0,7 м. Камера не прослеживалась. Скелет погребённого (ребёнок 3-4 лет) лежал головой на восток. Сохранился череп, левая рука и несколько рёбер. Череп окрашен ярко-красной охрой. Под скелетом отмечен коричневый тлен.

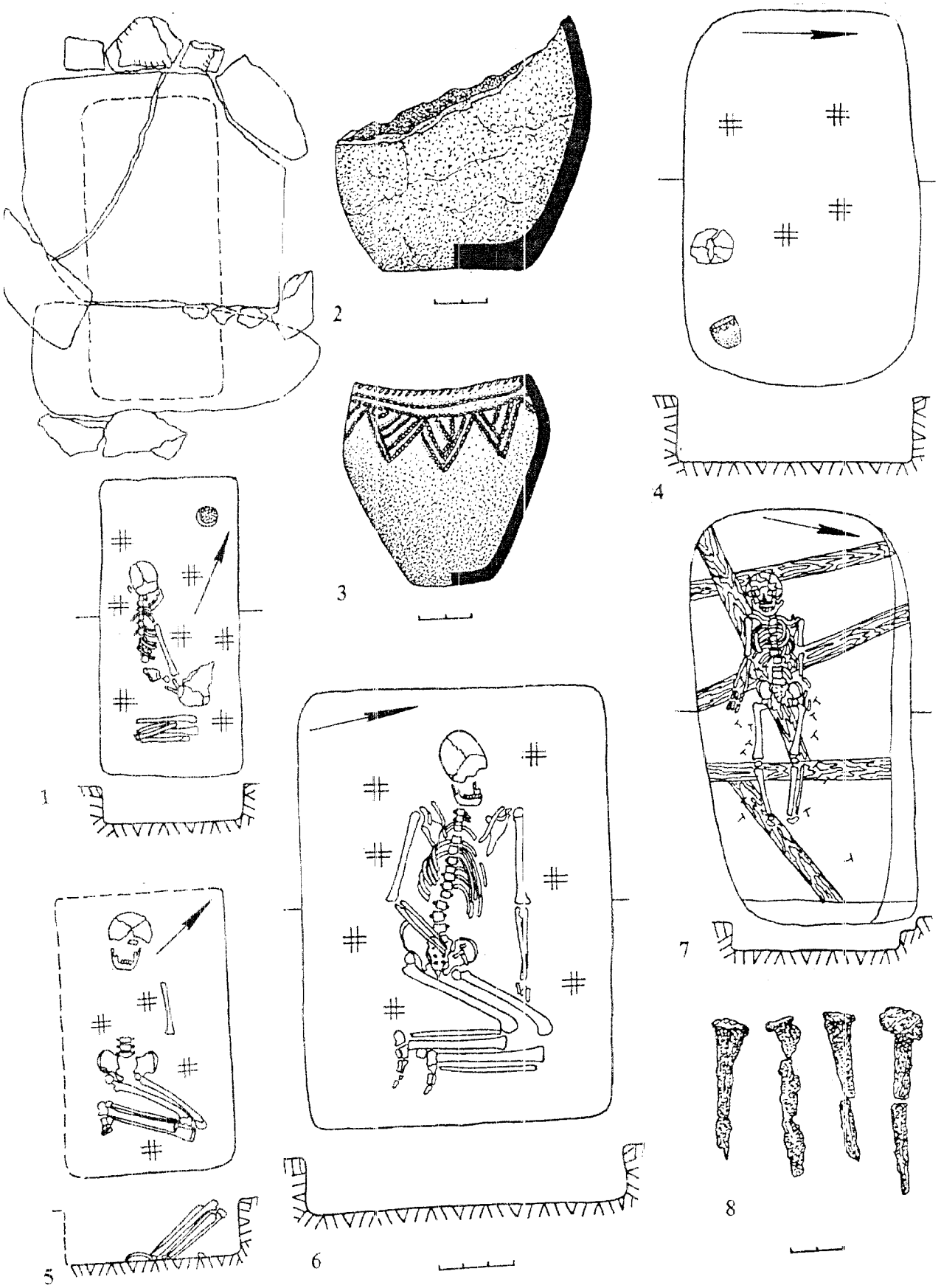


Рис. 6. Курган 2 у с. Молога. 1- погр. 86; 2- погр. 86, сосуд; 3- погр. 96, сосуд; 4- погр. 96; 5- погр. 107; 6- погр. 95; 7- погр. 147; 8- погр. 147, гвозди.

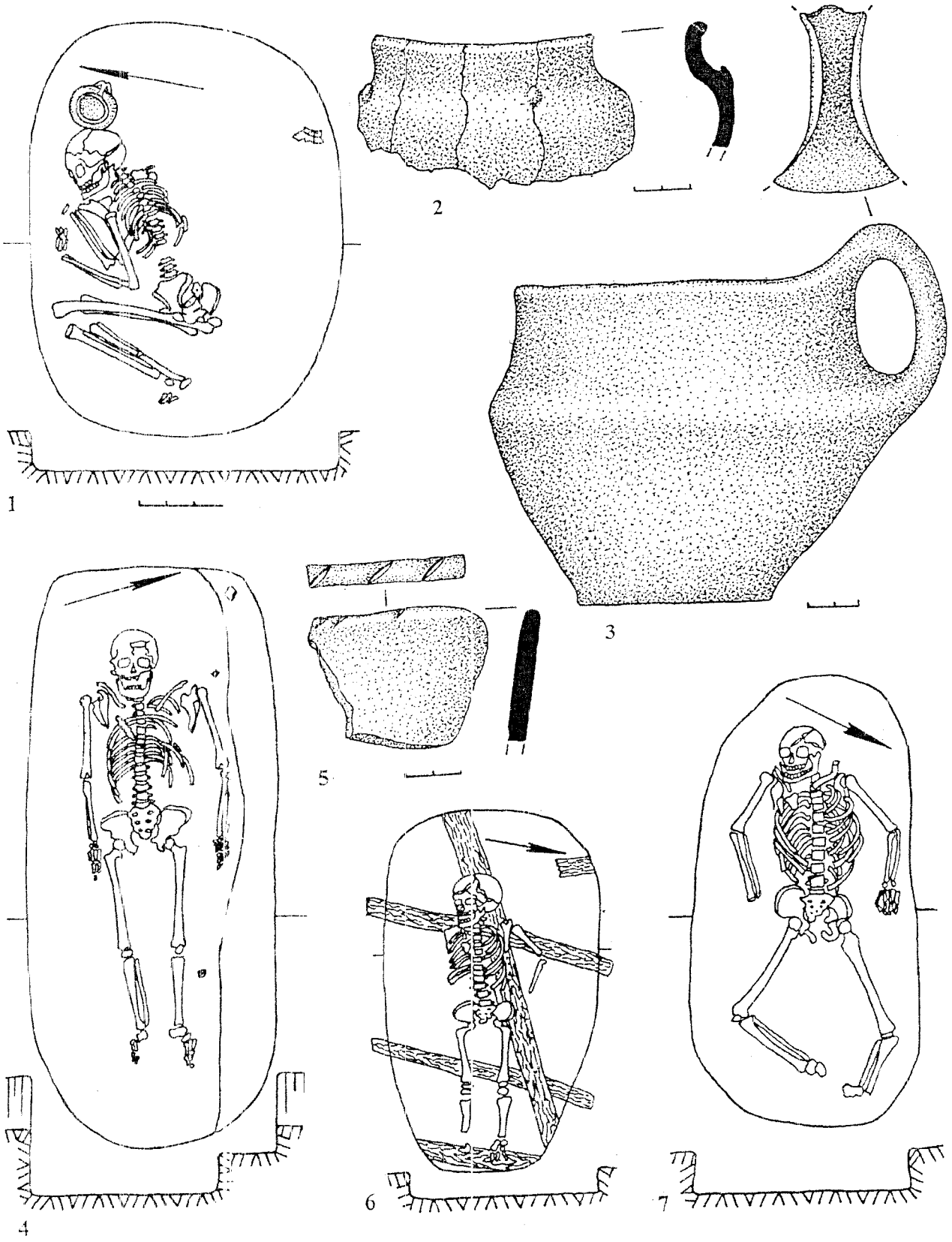


Рис. 7. Курган 2 у с. Молога: 1- погр. 117; 2- погр. 117, сосуд 1; 3- погр. 117, сосуд 2(черпак); 4- погр. 32; 5- погр. 32, ф-т миски; 6- погр. 156; 7- погр. 144.

Погребение 140 (ямной культуры) (рис. 5.11) обнаружено в ЮЗ секторе кургана в 7,0 м от репера на глубине 1,55 м. Данное погребение расположено непосредственно под погребением ямной культуры № 60. Погребальная яма четко не прослеживается, так она входит в зону погребальной камеры погребения № 60. И только по контуру западной стенки можно опреде-

лить, что это была небольшая яма округло-продолговатой формы вытянутой по оси ССЗ-ЮЮВ. Размеры ямы: 0,7 х 0,4 м, глубина 0,1 от уровня фиксации.

Сохранность костяка очень плохая. Фрагментарно зафиксированы отдельные кости ног, рук, позвонки и компактное расположение костной трухи черепа. Погребенный младенец лежал в скорченном положении на левом боку головой на северо-запад. Ноги согнуты в коленях и подведены к животу. Голова слегка повернута влево. Пред лицевой частью обнаружен коренной зуб, а в области груди три фаланги ног взрослого человека. Эти останки принадлежали погребенному № 60. На костях младенца прослеживаются слабые следы охры. Дно покрывал тёмно-коричневый тлен или подсыпка темной охрой.

Погребальные камеры античного времени

Погребение 42/3. Это погребальная камера выявлена на глубине –0,85 м. Она овальной формы была ориентирована по линии В-З с небольшим отклонением к северу. Размеры камеры 2,7 х 1,5 м. Глубина от уровня фиксации – 0,9 м. В южной части отмечена ступенька длиной 2,2 шириной 0,22 м. В восточной части имелся подбой, увеличивший длину камеры до 3 м. В северной части камеры имелся небольшой подбой – ниша размером 0,7 х 0,4 м. По всей видимости, данная погребальная камера относится к скифскому времени и была вторично использована для ногайских захоронений №№ 42/1 и 42/2.

Погребение 51/3 (рис. 5,9) обнаружено в СВ секторе кургана в 13,2 м от репера на глубине 0,75 м. Погребальная камера овальной формы была ориентирована по оси СВ-ЮЗ. С ЮЗ к погребальной камере примыкало сооружение наподобие входного колодца подпрямоугольной формы, размером 0,7 х 0,8 м, глубиной 0,1 м. Размеры погребальной камеры 1,6 х 1,35 м, глубина – 0,5 м. В Ю части камеры имелась ступенька размером 0,3 х 1,6 м, глубиной 0,25 м от уровня фиксации, далее имелась ещё одна ступенька размером 0,46 х 1,6 м. По дну погребальной камеры имелось углубление размерами 1,5 х 06 х 0,4 м, глубина на 0,05 см ниже второй ступеньки. В дальнейшем камера использовалась для ногайских погребений 51/1 и 51/2.

Погребение 106 (скифское?) (рис. 8) выявлено в СВ секторе кургана в 13,5 м от репера на глубине 0,75 м. Погребальное сооружение было ориентировано по линии В-З. Входная яма, под прямоугольной формы, размерами 2,25 х 1,1 х 0,6 м. На глубине 0,44 м имелась горизонтальная ступенька длиной 1,8 м, шириной 0,4-0,2 м. На глубине 0,63 м в В части камеры находилась другая ступенька длиной 0,6 м, шириной 0,57 м. На глубине 1,5-1,73 м находилась погребальная камера, неправильно овальной формы, размерами 1,8 х 1,6 м, повреждённая грабительскими перекопами. В З части сохранился неповреждённый край погребальной камеры, размерами 0,8 х 0,2 м. В донной части погребальной камеры имелось углубление неправильно овальной формы, размерами 0,9 х 0,7 м, глубиной 2,1 м от уровня фиксации. Углубление заполнено необработанными песчаниковыми камнями размерами 0,25 х 0,1, 0,15 х 0,7, 0,14 х 0,5 м. У северной стенки также имелся подбой уходящий под 1-ю ступеньку до 0,25 м в длину. Глубина подбоя – 1,57 м. Сооружение было заполнено затечным чернозёмом, перемешанным с суглинком. В заполнении встречались отдельные камни, разрозненные человеческие кости. На одной из костей – фаланге пальцев рук, имелись следы ярко-красного реальгара.

Находки. В заполнении и на дне погребальной камеры найдены: 1 – фрагмент стенки эллинистической амфоры – Синопа?; 2. два фрагмента стенок амфор римского времени; 3. фрагмент стенки желтоглиняной амфоры римского времени; 4. нуклеус позднепалеолитического периода, размерами 5,5 х 8 см, со следами многочисленных сколов, выполненный из серого днестровского кремня; 5. кремнёвый скребок под прямоугольной формы, размером 3,5 х 4 см; 6. обломок кремнёвой ножевидной пластины, с хорошо выраженной ретушью, размерами 2,5 х 2 см (рис. 8,2-4).

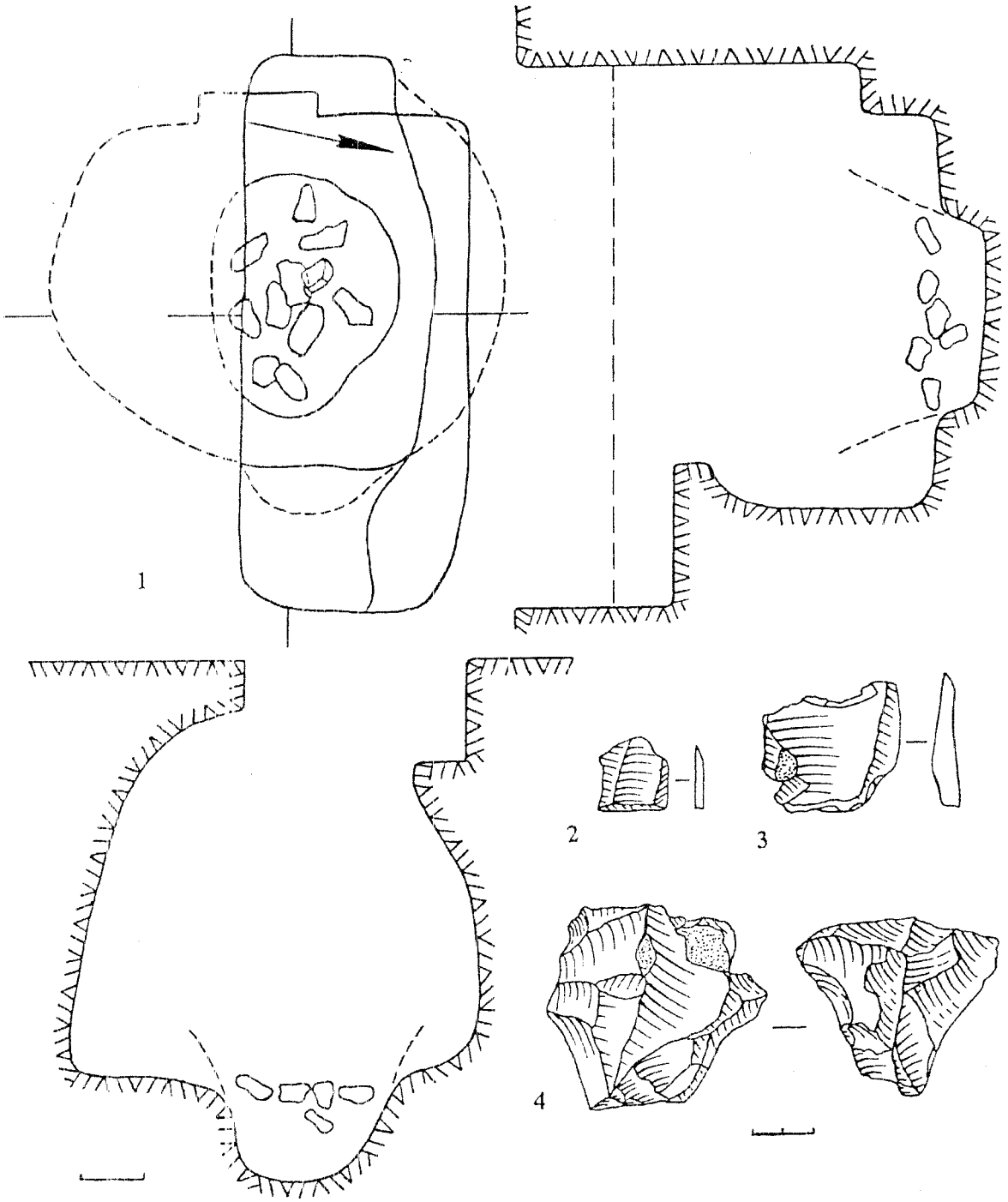


Рис. 8. Курган 2 у с. Молога. 1- погр.106; 2-4- кремень из погр. 106.

Средневековые погребения

Пятая и самая многочисленная группа погребений в кургане представлена ногайскими захоронениями, количество которых достигает 138. Могильник был впущен в насыпь кургана эпохи бронзы. В целом, ногайское кладбище вытянуто широкой (30 м) полосой в направлении СЗ-ЮВ и в зоне кургана прослежено на 40 м в длину. К СЗ и особенно в ЮВ направлении, вне площади кургана, могильник переходит в грунтовой некрополь и имеет продолжение. Погребальные конструкции пяти типов – простые прямоугольные, прямоугольные с уступами, подпрямоугольные с подбоями, овальные и подтрапециевидные камеры.

В основной массе погребенные уложены вытянуто на спине головой на ЮЗ. Из 118 определимых положений головы костяка в 68 случаях (57,6%) череп повернут вправо на ЮЮЗ (в сторону Мекки), в 42 случаях (35,6%) лицевой частью направлен вверх на СВ, в 8 случаях (6,8%) повернут влево. Кроме превалирующего вытянутого положения рук и ног, у 11 взрослых и у 2 детских погребенных правая или левая нога слегка согнуты в колене, при этом в шести случаях левая рука покоится на тазе. У четырех взрослых и двух детских погребенных ноги расположены ромбом. В северном секторе кургана зафиксировано несколько костяков с широко раздвинутыми в стороны ногами. Предположительно это были захоронения умерших при родах женщин. Подтверждением чему служит погребение № 83, где в области таза обнаружены останки плода младенца (рис. 9,2). Но необходимо заметить, что положение с раздвинутыми ногами придавалось и отдельным погребениям детей.

Аномальным представляется погребение № 74, где найден скелет пожилой женщины на спине с ногами закинутыми за голову (рис. 9,4). Аналогичным является и захоронение ребенка № 88 ориентированным головой на запад: костяк на спине в скорченном положении, таз на грудной клетке, кости ног заброшены за голову. Выделяется из общей массы трупоположений и захоронение № 75, где погребенный уложен вытянуто на "живот", голова влево, а позвоночник в верхней части перебит (рис. 9,1). Знаменательно, что в точно таком же положении совершено погребение ребенка № 143.

Необходимо отметить необычайно высокую детскую смертность среди ногайского населения данной местности. Так 30% всех исследованных захоронений составляют дети, подростки, младенцы. Детские погребения концентрируются, в основном, по краям могильника в южной и западной полах, образуя небольшие компактные группы по 3-6 захоронений, преимущественно младенцев грудного возраста. В целом могилы на кладбище располагались относительно четкими рядами по оси СЗ–ЮВ. При этом выделяется несколько групп с более или менее плотной концентрацией ям. А в южном и западном секторах кургана отмечены скопления могил с четкой ориентировкой З-В. Очевидно к заупокойной тризне относится погребение нижней части головы крупного рогатого скота № 137.

Практически все ногайские захоронения безынвентарные. Но при засыпке ям в момент похорон умершего, из слоя кургана в погребальные камеры случайно попали различные предметы более ранних эпох. В основном это фрагменты стенок красноглиняных эллинистических и светлоглиняных римских амфор, кремневые отщепы позднепалеолитического и мезолитического облика. В погр. № 32 найден фрагмент устья миски белозерского времени с насечками по венчику (рис. 7,5). Непосредственно к ногайскому времени относятся найденные в насыпи кургана одновитковый железный браслет с заостренными окончаниями (рис. 9,12) и серебряная венгерская монета 1569 г.

В некоторых захоронениях, преимущественно в детских, сохранились остатки деревянных гробовищ, носилок и плах перекрытий. В некоторых случаях прослежены остатки вертикально вкопанных кольев или шестов, что свидетельствует о существовании определенных надмогильных знаков, присущих мусульманскому погребальному обряду. Отмечены и находки железных четырехгранных в сечении гвоздей с прямоугольными и округлыми шляпками (рис. 9,6.9–10). В разрушенной вспашкой могиле № 135 найдены – железный предмет округло-вытянутой формы, маленький железный обивочный гвоздик и бронзовое височное кольцо. В погребении № 145 взрослого мужчины без верхней части черепа сохранились гвозди, а справа от головы лежал листовидный, плоский железный наконечник дротика (рис. 9,11.14)

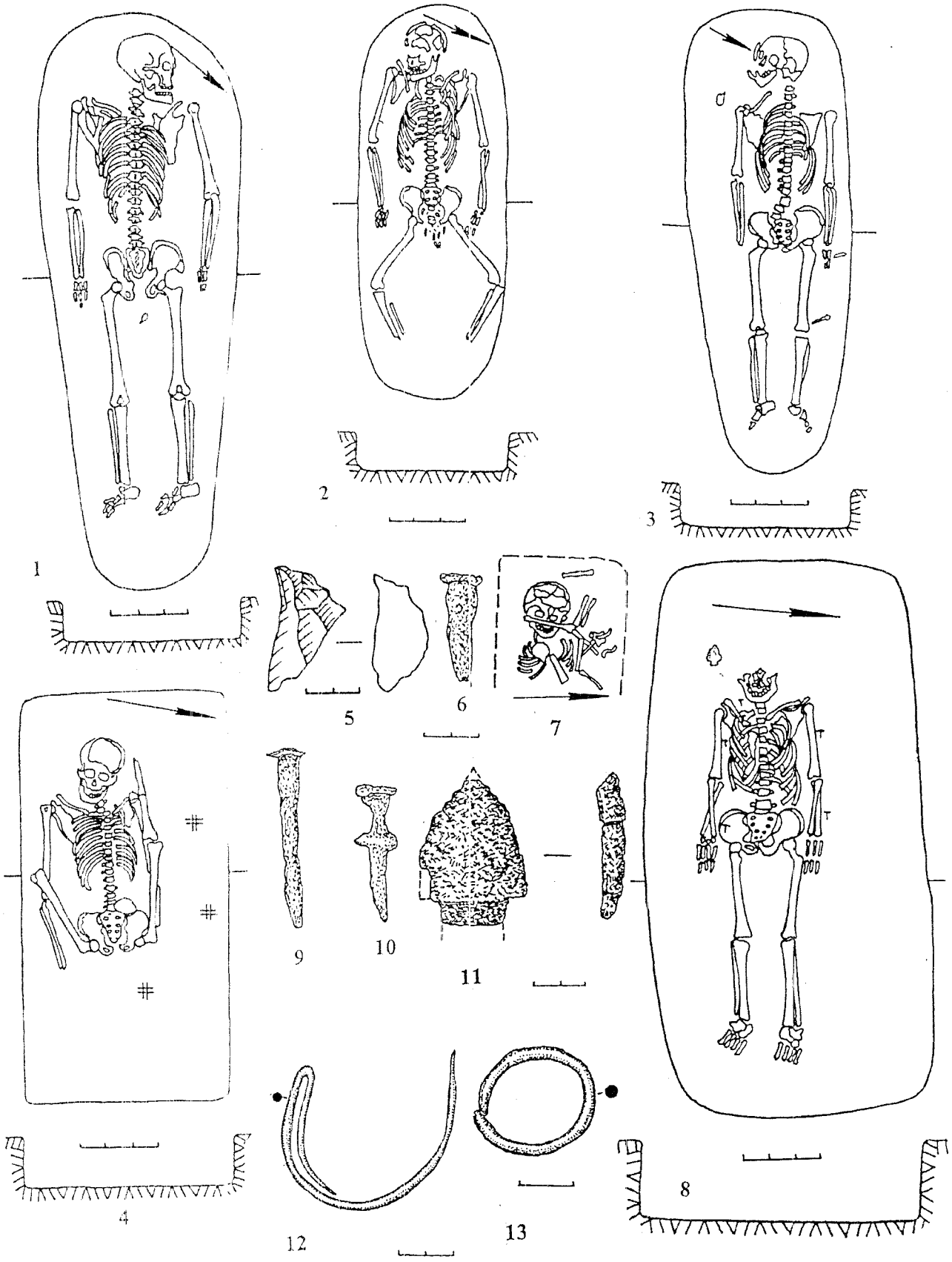


Рис. 9. Курган 2 у с. Молога[illegible]1 - погр. 75; 2 - погр. 83; 3 - погр. 50; 4- погр. 74; 5 - кремень погр. 75; 6, 9-10 - гвозди, погр. 50; 7 - погр. 88; 8 - пог[illegible]. 145; 11- дротик погр. 145; 12 - браслет из насыпи кургана; 13 - кольцо из погр. 135(11, 12 - железо; 13 - бронза).

Культурные группы

Наиболее ранними в кургане являлись погребения ямной культуры №№ 14, 36, 39/1,2, 52, 60, 107, 140. Они были совершены в погребальных камерах прямоугольной формы имеющих круговую планировку относительно центра насыпи. Погребенные уложены скорчено на спине, руки прямые уложены вдоль туловища. Ноги либо распались "ромбом", либо сохранились в приподнятом положении. Скелеты окрашены охрой темного оттенка – темно-красного, или малинового. Захоронения практически безынвентарные. Данные погребения, по всем признакам, соответствуют группе 5 – ямные памятники, по классификации Е.В. Ярового. Указанная группа является наиболее многочисленной и включает в себя 51% погребальных комплексов ямной культуры Северо-Западного Причерноморья (Яровой 2000, 21). Группа 5 соответствует Днестровскому варианту ямной культуры и свойственна обширному региону Днестро-Дунайского междуречья и Днестровского левобережья (Дергачев 1986, 53). Интерес представляет комплекс парного погребения № 39, где один из скелетов лежит в позе характерной для группы 5, а второй – скорченный на боку, что соответствует группам III-IV коллективных захоронений (Яровой 1985, 70-72). Скорченный скелет № 2 из погребения № 39 сопровождался сосудом типа V усеченно-конической формы (Яровой 1985, 85, рис. 20,V).

Позднеямные погребения №№ 3, 41, 86, 94, 95, 96 совершены, в основном, в прямоугольных камерах со скелетами, уложенными в скорченном положении на спине с разворотом в одну из сторон. Кости равномерно окрашены охрой. В большинстве своем, все они соответствуют, по ряду признаков, группе 6 – позднеямные памятники (Яровой 2000, 20-23) или "буджакскому" варианту ямной культуры (Дергачев 1986, 82-87).

Перекрытое каменным закладом погребение № 86 имеет аналогии в соседнем Семеновском курганном могильнике (Субботин 1985, 45-95). Погребение ямной культуры под каменным закладом было исследовано и кургане № 1 у с. Молога (Малюкевич, Субботин 2002, 51). К сожалению, в инвентарных погребениях данной группы, не удалось зафиксировать положения погребенных. Это были детские захоронения и кости практически не сохранились. В погребении № 3 найдено два сосуда: один из них – амфорка, относится к типу 6- шнуровые амфоры (Яровой 1985, 85-86, рис. V; VII). Сосуды 2 из погребения № 3 и сосуд из погребения № 95 представляли собой усеченно-конические банки с загнутыми внутрь краями. В обоих случаях орнамент состоял из горизонтальных линий в сочетании с треугольниками. Он выполнен отпечатками шнура, а серия относится к III типу позднеямных сосудов (Яровой 1985, 84-85, рис. 19,II). В целом погребальные комплексы ямной культуры из кургана № 2 у с. Молога не выделяются от ранее исследованных в правобережье Днестровского лимана и Нижнего Днестра у сел Семеновка, Оланешты, Пуркары, Толмаз, Чобручи (Субботин 1985, 45-95; Мелюкова 1962, 30-37; Яровой 1990; Агульников, Антипенко 1989; Агульников 1999, 118-132), а также кургана "Крестовая могила" у с. Карналиевка (Гудкова 1993, 22-28).

Погребения эпохи поздней бронзы №№ 9, 25, 55, 59, 117,124 концентрировались в ЮВ секторе кургана, образуя небольшой могильник. Погребальные камеры овальной формы неглубокие. Преобладает сильно скорченное положение, в двух случаях, погребения №№ 9,17, с разворотом на грудь. В погребении № 25 отмечается ЮЗ, а погребении № 59 – западная ориентировка. По совокупности признаков они относятся к сабатиновской культуре. Интерес представляют инвентарные погребения №№ 25, 117. В погребении № 25 найдены два сосуда, один из которых – банка усеченно-конической формы со слегка выделенным устьем, соответствует типу VII (Sava, Agulnikov 2003, fig 8/VIII). Второй сосуд представлял собой миску с загнутым внутрь краем, свойственную раннегальштатским культурам Нижнего Подунавья и белозерской культуре Северо-Западного Причерноморья. Подобный инвентарь, наряду с южной ориентировкой погребенного, позволяет отнести комплекс погр. № 25 к позднесабатиновскому – раннебелозерскому времени.

Погребение № 117, где погребенный в сильно скорченном состоянии был ориентирован на СВ, найдено два сосуда. Один из них представлял собой черпак черно-серого цвета с подлощенной поверхностью. Вертикальная петлевидная ручка была украшена двумя нервюрами по краям. Этот

сосуд соответствует типу II и относится к одноручным черпакам круга памятников Ноуа–Сабатиновка (Sava, Agulnikov 2003, fig. 5/II). Подобные нервюры по краям рукояток черпаков и чаш присущи керамике культуры Монтеору фазы IIb, а также культуры Кослоджень Нижнего Дуная. Они имеются в материалах культуры Монтеору в Мунтении из могильника Кырломанешть и на поселении культуры Кослоджень-Улму на левобережье Нижнего Дуная (Motzoi-Chicideanu, Sirbu, Constantinescu, Sultana 2004, 15-16, fig. 3,8 9,11-12; Mornitz 1978,132, fig. 70-72). Второй сосуд из погребения № 117 представлял собой горшок с вертикальными налепами в верхней части тулова, свойственный для раннебелозерского времени в Северо-Западном Причерноморье (Ванчугов 1990, 59-66). Материалы погребений №№ 25 и 117 у с. Молога подтверждают высказанное ранее мнение о компонентах формирования белозерской культуры (Агульников 2002, 43-52; 2004, 103-134). В свою очередь, эти материалы, в определенной степени, соответствуют керамике позднесабатиновского времени поселения Молога II, имеющей ряд специфических черт культуры Кослоджень Нижнего Поду навья (Черняков 1984, 48-57; Малюкевич 2002, 45-47).

Погребения №№ 42/3, 51/3 и 106 относится к античному периоду. Изначально они имели сложные конструкции с подбоями, уступами и входными колодцами. Но впоследствии оказались сильно разрушенными, и четко определить их культурную принадлежность невозможно. Вполне вероятно, что они относились к скифским захоронениям и были ограблены в римское время о чем свидетельствуют находки в заполнении погребальной камеры № 106 фрагментов светлоглиняных амфор II-III вв н.э.

Наиболее поздний горизонт кургана № 2 представлен захоронениями позднесредневековых кочевников–ногайцев. Ногайские племена, наряду с буджакскими татарами, с начала XVI века сконцентрировались в низовьях Днестра и на правом берегу Днестровского лимана в районе Аккерманской крепости (Четатя Албэ) занятой к тому времени войсками Оттоманской Порты (Гизер 1999, 128-131). Буджакская орда к XVI веку сложилась как родо-племенное образование, представлявшее собой военно-грабительское полукочевое объединение, состоявшее из различных ногайских родов и племен (Бачинский, Добролюбский 1984, 82-94). В Нижнем Поднестровье данное формирование представляло собой т.н. Едиссанскую орду, кочевья которой располагались к западу от Днестровского лимана до степных рек Алкалия, Сарата, Хаджидер (Бачинский, Добролюбский 1990, 213). Безынвентарные могилы и их большое количество свидетельствуют о том, что в зоне кургана № 2 у с. Молога сформировалось крупное кладбище позднесредневекового времени связанное с беднейшими слоями ногайского населения.

Данное кладбище можно соотнести с некоторыми объектами XVI-XVII вв. поселения Молога II, где были исследованы зольники и ямы с ногайскими материалами (Малюкевич 2002, 47). Использование курганной насыпи ногайским населением неслучайно, т.к. обычай насыпать над ногайскими захоронениями курганы отмечен и для других территорий (Юрченко 1879, 487).

Ногайский могильник у с. Молога является одним из самых значимых в Северо-Западном Причерноморье, что сближает его идентичным ногайским могильником у с. Мирное Килийского района (Добролюбский 1986, 24-25). На берегах Днестровского лимана в XVIII в. было известно несколько ногайских поселений: Аджидер, Гири-Бурзино, Бозгаз, Сарыяр, Будлак и др. (Шмидт 1774). Исследованные погребения можно связать с поселком Сарыяр, предположительно локализуемого в 4 км севернее кургана, в районе села Пивденное. В этом же районе, в верховьях Днестровского лимана в XVII в. находилась ставка наместника Крымского хана в Буджакской орде "ялы-агасси" Ханкышла (с. Удобное). Именно здесь поселились первые ногайские переселенцы на землях предоставленных крымским ханом Менгли-Гиреем в конце XV века (Гизер, Малюкевич 2000, 176). Таким образом, исследованный средневековый комплекс, является еще одним весомым подтверждением исторического существования ногайцев в Нижнеднестровском регионе.

Охранные археологические раскопки кургана № 2 у с. Молога показали, что данный памятник древней истории являлся долговременным погребальным сооружением с эпохи ранней бронзы до позднего средневековья, и соответственно функционировал с III тысячелетия до н. э. до XVI–XVII столетий н.э. Дальнейшие раскопки средневекового некрополя являются значимыми и перспективными для медиевистики Днестро-Дунайского междуречья.

Библиография

Агульников 1999: С.М. Агульников, Новые комплексы катакомбной культуры из Нижнего Понднестровья. В сб. Старожитності степового Причорномор'я і Криму (VII) (Запорожье 1999), 118-132

Агульников 2002: С.М. Агульников, Погребальные комплексы позднесабатиновского-раннебелозерского времени в Пруто-Днестровском междуречье. В сб: Древнейшие комплексы земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (Тирасполь 2002), 176-181.

Агульников 2004б: С.М. Агульников, Формирование погребального обряда белозерской культуры. In: Thracians and circumpontic world (Chişinău 2004), 103-135.

Агульников, Антипенко 1989: С.М. Агульников, Е.О. Антипенко, Отчет о раскопках Суворовской новостроечной экспедиции в 1989 г. Архив МАЭ ИАЭ АН РМ. № 297 (Кишинев 1990).

Бачинский, Добролюбский 1988: А.Д. Бачинский, А.О. Добролюбский, Буджакская Орда в XVI-XVII вв. В сб: Социально-экономическая и политическая история Молдавии периода феодализма (Кишинев 1988), 82-94.

Бачинский, Добролюбский 1990: А.Д. Бачинский, А.О. Добролюбский, Конец Буджакской Орды (по материалам монетных находок в погребальном инвентаре могильника у с. Бурсучень). В сб: Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы (Кишинев 1990), 208-222.

Ванчугов 1990: В.П. Ванчугов: Белозерские памятники в Северо-Западном причерноморье (Киев 1990).

Гизер 1999: С.Н. Гизер, Белгородские «казаки» первой половины XVI-го в. В сб: Краткие сообщения Одесского Археологического Общества (Одесса 1990), 128-131.

Гизер, Малюкевич 2000: С.Н. Гизер, А.Е. Малюкевич, Ногайские погребения кургана №1 в с. Молога. В сб: Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья (Тирасполь 2000), 174-178.

Гудкова 1993: А.В. Гудкова, Курган ямной культуры Крестовая могила в низовьях Днестра. В сб: Древности Причерноморских степей (Киев 1993), 22-28.

Дергачев 1986: В.А. Дергачев, Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы (Кишинев 1986).

Добролюбский 1986: А.О. Добролюбский, Кочевники Северо-Западного Причерноморья (Киев 1986).

Малюкевич 2002: А.Е. Малюкевич, Охранные исследования позднескифской Мологи. В сб: Археологічні відкриття в Україні 2000-2001 рр. (Киев 2002), 45-47.

Малюкевич, Субботин 2002: А.Е. Малюкевич, Л.В. Субботин, Раскопки усатовского кургана №1 в с. Молога. В сб: Археологічні відкриття в Україні 2000-2001 рр. (Киев 2002), 50-52

Мелюкова 1962: А.И. Мелюкова, Курганы эпохи бронзы у с. Оганешты. КСИА АН СССР 9, 1962, 30-37.

Черняков 1984: И.Т. Черняков, Керамика позднебронзового века из поселения Молога II. В сб: Новые археологические исследования на Одесчине (Киев 1984), 48-57.

Юрченко 1879: П.Н. Юрченко, Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жан Де Люка, монаха Доминиканского ордена. ЗООИД XI, 1879.

Шмидт 1774: Я.Ф. Шмидт, Карта Молдавии и Валлахии 1774-го г. Фонды библиотеки ОАМ НАН Украины.

Яровой 1985: Е.В. Яровой, Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР (Кишинев 1985).

Яровой 1990: Е.В. Яровой, Курганы эпохи энеолита – бронзы Нижнего Поднестровья (Кишинев 1990).

Яровой 2000: Е.В. Яровой, Скотоводческое население Северо-Западного Причерноморья в эпоху раннего металла. Авт. реф. докт. дисс. (Москва 2000).

Sava, Agulnikov 2003: E. Sava, S. Agulnikov, Contribuţii noi la cefinirea ritului funerar în cultura Sabatinovka. În: Interferenţe cultural cronologice în spaţiul nord-pontic (Chişinău 2003), 115-139.

Motzoi-Chicideanu, Sîrbu, Constantinescu, Sultana 2004: I. Motzoi–Cicideanu, D. Sîrbu, M. Constantinescu, N. Sultana, Cimitirul din epoca bronzului de la Cîrlomăneşti–La Arman. Mussaios IX, 2004, 24-59.

Morintz 1978: S. Morintz, Contribuţii arheologice la istoria tracilor timpurii. Epoca bronzului în spaţiul carpato-balcanic (Bucureşti 1978).

Александр Малюкевич,
Одесский Археологический Музей, Национальная Академия Наук Украины,
ул. Ланжероновская 4, 65026-Одесса, Украина

Сергей Агульников,
Институт Археологии и Этнографии, Академия Наук Республики Молдова,
ул. Митрополит Бэнулеску-Бодони 35, MD-2012 Кишинэу, Республика Молдова

Позднейшие позднечернолесские материалы поселения Тэтэрэука Ноуэ XV в Среднем Поднестровье

Ольга Ларина, Майя Кашуба, Кишинэу

În articol sunt publicate materiale din etapa finală a perioadei prescitice (situri şi morminte), care au fost obţinute în urma săpăturilor în cadrul aşezării pluristratigrafice Tătărăuca Nouă XV, raionul Donduşeni. Corelarea diferitor artefacte (ceramica şi inventarul din morminte) determină poziţia cronologică a monumentului la sf. sec. VIII a.Chr. Analiza inventarului din silex demonstrează „specializarea" în prelucrarea lemnului. Materialul fixează fenomenul de schimbare a epocilor – de la etapa finală a perioadei prescitice la perioada scitică timpurie.

В статье публикуются материалы позднейшего предскифского периода (поселение и погребение), которые были получены на многослойном памятнике Татарэука Ноуэ XV Дондюшанского района Республики Молдова. Корреляция различных артефактов (керамики и инвентаря из погребения) определяет возможную хронологическую позицию памятника концом 8. в. до н.э. Анализ кремневого инвентаря устанавливает «специализацию» населения поселка в деревообработке. Материал фиксирует время смены эпох – от позднейшего предскифского периода к раннему скифскому.

The article publishes the materials of the Late Prescythian period (settlement and burial), which were discovered during the excavations of the multi-layer site of Tatarauca Noun XV in the Dondiuseni district of Republic Moldova. The correlation of various artifacts (ceramics and arrowhead from burial) of this settlement gives the possibility of their chronological position in the late VIII century BC. Analyses of the silex materia point a function of the settlement as a center for a woodworking. The materials show the time of the turn of the epochs – from the Late Prescythian to the Early Scythian periods.

В 1996-1997 гг. на севере Республики Молдова работала совместная немецко-молдавская экспедиция в рамках программы по изучению процессов "неолитизации" Пруто-Днестровского региона[1]. В результате поиска (в 1996 г.) памятников буго-днестровской культуры в северной и центральной зонах Молдовы (Ларина и др. 1997, 107-109) были идентифицированы два пункта, на одном из которых – Тэтэрэука Ноуэ XV (далее – ТН XV) – в 1997 г. были проведены археологические исследования (Wechler u.a. 1998, 151-166; Ларина 2003, 57-80).

Местоположение, раскоп

Памятник ТН XV расположен на левом берегу р. Днестр, в 1,6 км (20°) от церкви одноименного села (48°19′27″ с.ш., 27°58′56″ в.д. – Tătărăuca Nouă, com. Tătărăuca Veche, raionul Dondiuşeni) (рис. 1). Он занимает прибрежную часть широкой (100-150 м) пойменной террасы, высота которой над уровнем моря 60 м. С Ю терраса ограничена крутым коренным берегом реки с перепадом высот до 100-130 м. Русло на этом участке образует меандр в направлении З-В, берег активно размывается и разрушается. В 200 м к В от этого памятника в Днестр впадает ручей, ложе которого выстлано кремнем, а конус выноса подпруживает течение – вследствие этого, непосредственно на месте памятника, русло Днестра изгибается, образуя заводь (рис. 1-2).

Раскоп был заложен с учетом максимального выхода материалов в обрыве берега[2], по его кромке вдоль течения реки – длиной 50 м (З-В) и шириной 3 м (С-Ю)[3], отклонение от направления на север составило 18°. На площади 150 кв.м[4] был выявлен 31 объект различного вида, типа и культурной принадлежности периодов неолита, энеолита и раннего железного века[5] (рис. 2-3).

---

[1] Финансирование осуществлялось за счет средств, выделенных Свободным Университетом Берлина, руководитель проекта докт., приват-доцент К.-П. Вехлер, второй руководитель – докт. хаб. В.А. Дергачев.

[2] Современная дневная поверхность территории, выбранная под раскоп, имела явные следы позднейших нарушений: бороздчатые углубления с З на В и повышение береговой кромки от основного уровня террасы более чем на 0,5 м, что создавало впечатление обваловки этого участка берега. Непосредственно с В к раскопу примыкали заплывшие углубления окопов. По словам местного жителя, на этом месте с помощью бульдозера происходил поиск патронов и снарядов военного времени. Начальный этап работ подтвердил бульдозерную версию – по всей площади раскопа отмечено перемещение грунта вдоль берега с З на В, выразившееся в разрушении культурного слоя в южных квадратах линии 1-30/F на глубину 0,20-0,45 м (от СДП) или до 0,95 м (от условного нулевого репера). Грунт (толщиной до 0,3-0,7 м) перемещен и к обрыву берега с Ю на С.

[3] Площадь была разбита на метровые квадраты, получившие в широтном направлении цифровые, а в меридиональном буквенные обозначения. Через каждые 10 м были оставлены поперечные стратиграфические бровки шириной 0,5 м.

[4] В силу разного рода обстоятельств была исследована меньшая площадь против первоначально планируемой в 630 кв.м, как это видно из схемы закладки раскопа (рис. 1,3; 2).

[5] В позднеенеолитическое время здесь существовала стоянка буго-днестровской культуры, материалы которой представлены несколькими комплексами, типичной керамикой и кремневыми предметами. К энеолитическому слою отно-

Хорошо выраженный культурный слой и особая концентрация материалов раннего железного века были прослежены в восточной части раскопа (квадраты линии 25-40). Здесь обнаружено 9 объектов, а сам культурный слой (мощностью 0,1-0,7 м) наряду с обломками характерной керамики был насыщен золой, фрагментами обмазки и кусочками обожженной глины (рис. 3).

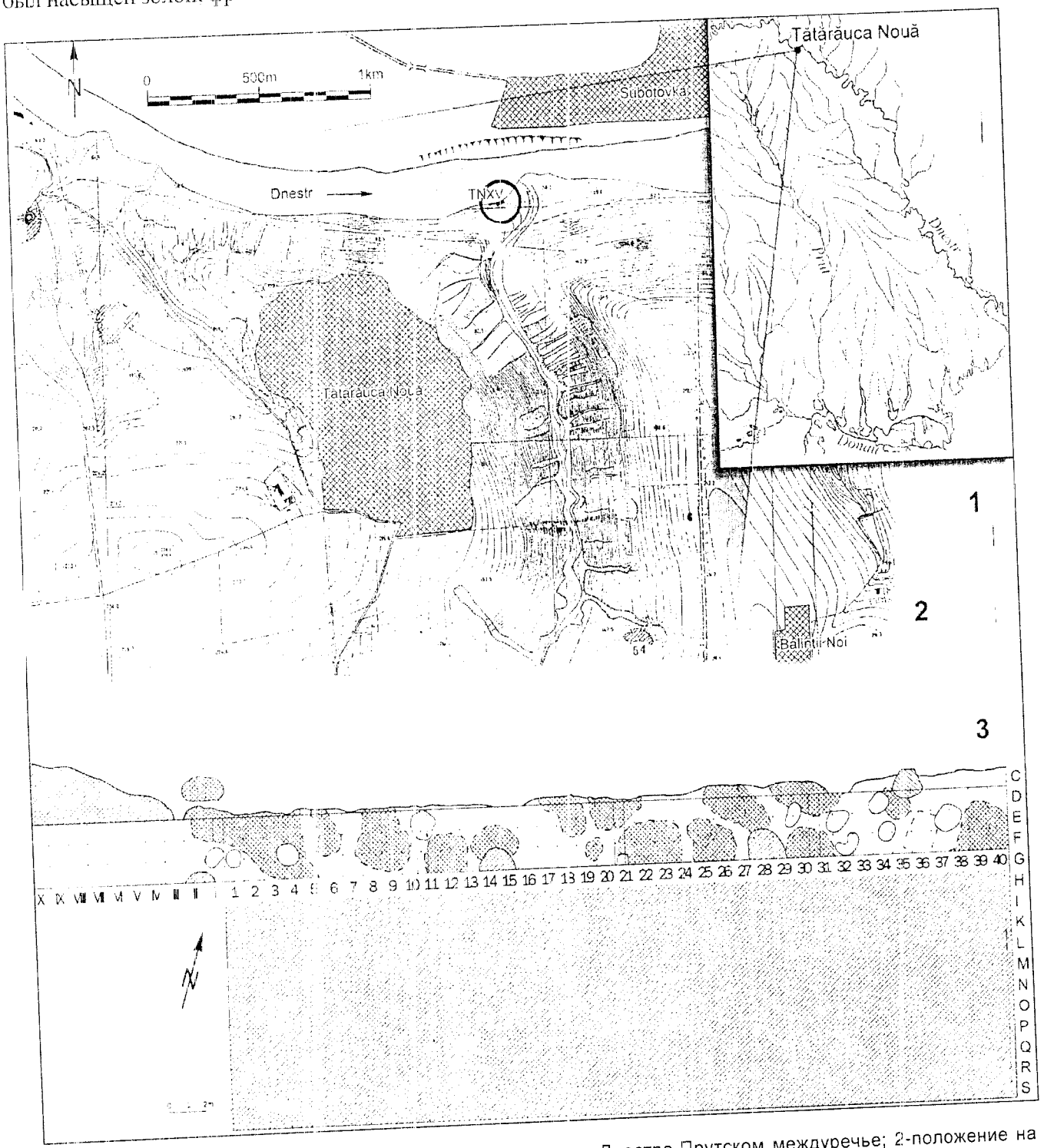


Рис. 1. Поселение Тэтэрэука Ноуэ XV. 1-местоположение в Днестро-Прутском междуречье; 2-положение на местности; 3-первоначально планируемый раскоп и исследованная площадь (косая правая штриховка-нераскопанные участки и объекты; клетка-объекты нео-энеолита; косая левая штриховка-погребение раннего железного века).

сятся погребение (объект 13), а также находки керамики, изделия из кости, камня и кремня, атрибутированные финальным гординештским этапом позднего Триполья (конец IV – начало III тыс. до н.э.). Кроме того, с хозяйственной деятельностью населения нео-энеолита связаны десять мощных наземных скоплений куч раковин унионитов, содержавших от 500 до 1,5-2,5 тыс. створок моллюсков (Ларина 2003, 57-80; Варзарь, Пежемский 2003, 81-88).

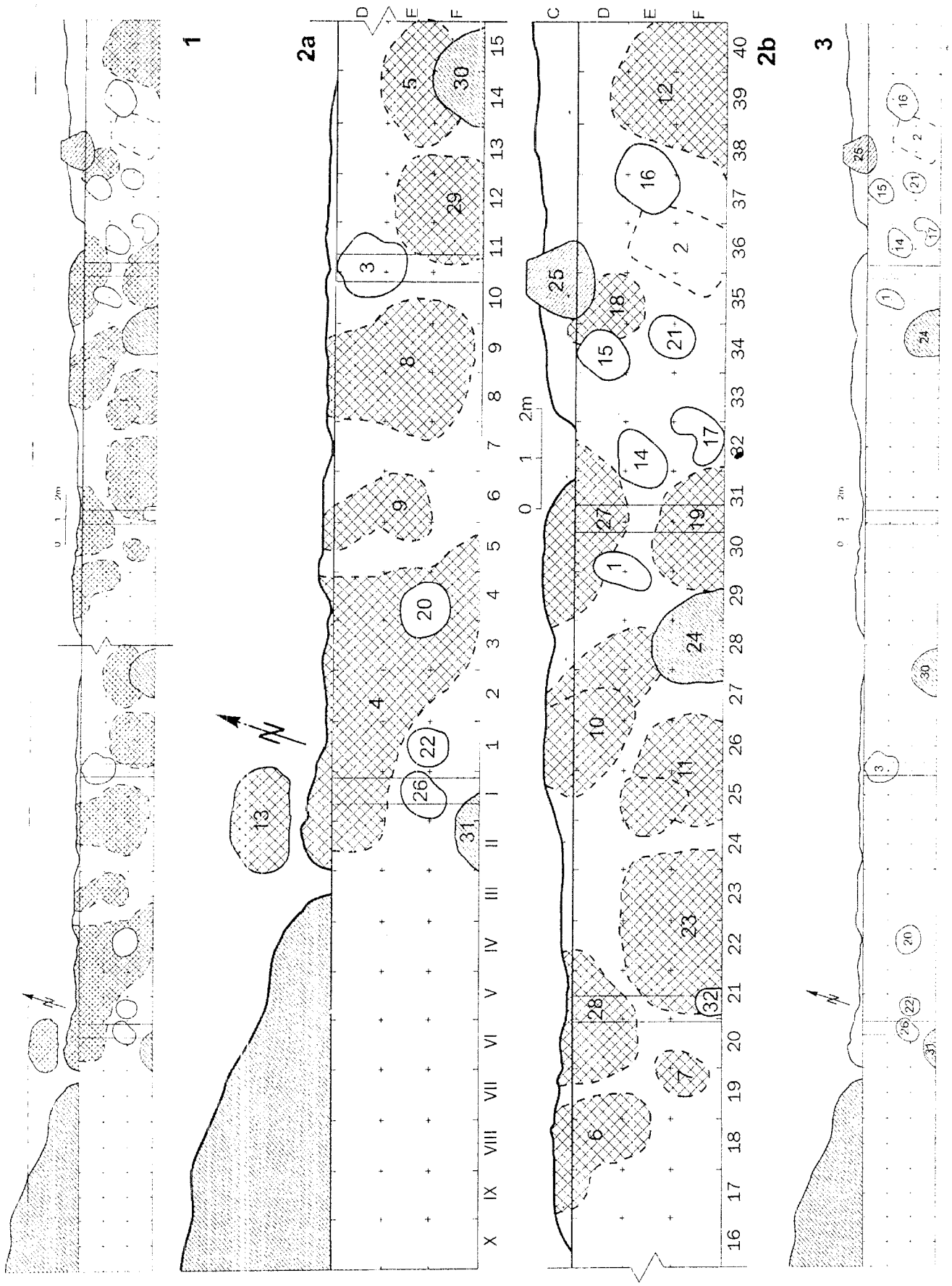


Рис. 2 Поселение Тэтэрэука Ноуэ XV. Донная часть раскопа. 1-уменьшенный вариант с указанием места разрыва плана 2-общий план донной части раскопа (косая правая штриховка-нераскопанные участки и объекты; клетка-объекты нео-энеолита; косая левая штриховка-погребение раннего железного века); 3-план донной части с объектами раннего железного века

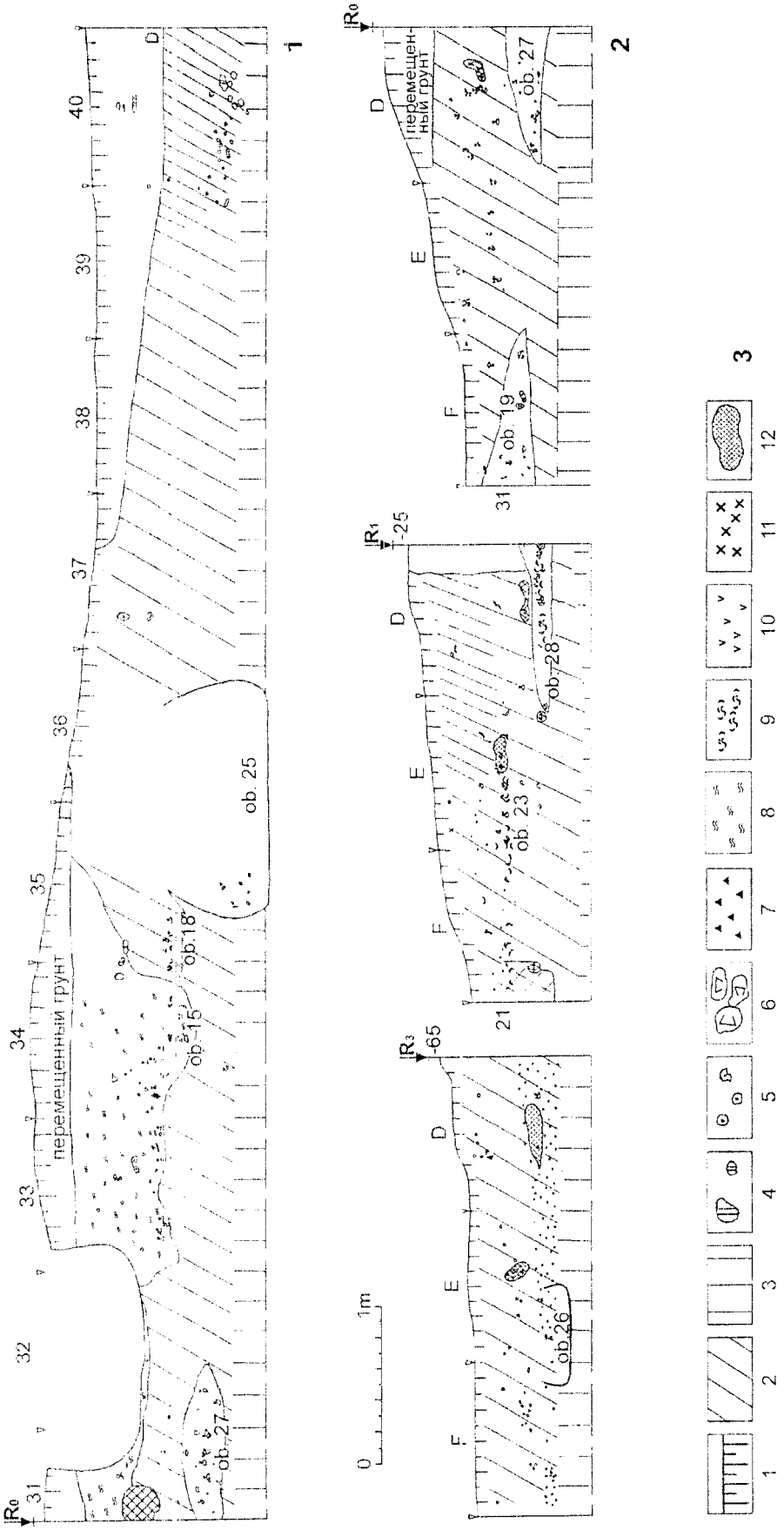


Рис. 3. Поселение Тэтэрэука Ноуэ XV. Профили стенки и стратиграфических бровок. 1-профиль северной стенки (кв. линии 31-40/D), вид с Ю; 2-профили стратиграфических бровок, вид с В; 3-условные обозначения: 1-чернозем; 2-песчанистый грунт; 3-суглинок; 4-обмазка; 5-глина-крошка; 6-камни; 7-керамика; 8-зола; 9-раковины Unio; 10-угли; 11-кремень; 12-кротовины.

Комплексы

На поселении исследовано 15 объектов раннего железного века[1] – остатки одного наземного сооружения (объект 2), 12 (исследовано 9) сооружений углубленного типа и 1 захоронение (объект 25). Показательно, что при их сооружении выбирались места, свободные от раковинных куч (рис. 2,2), что дополнительно свидетельствует не только о более раннем времени появления таких куч, но и очень медленном накоплении и росте почв в данной местности.

ТАБЛИЦА 1. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ МАССОВОГО МАТЕРИАЛА И НАХОДОК В КОМПЛЕКСАХ И КУЛЬТУРНОМ СЛОЕ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА ПОСЕЛЕНИИ ТЭТЭРЭУКА НОУЭ XV

Находки / Комплексы	**Керамика**	**Кремень**	**Камень** (орудия)	**Кость** (кухон. отходы)	**Примечания** (и изделия)
Объект 1	35; фр. миниат. сосудика	26	2	48	яма; фр. глин. пряслица, обл. кост. лощила
Объект 2	9[2]	45	1	27	наземное соор.; кост. лощило-острие
Объект 3	62; фр. сосудика со спарен. чашечками	46	2	43	яма; обл. жаровни, фр. кружка из ст. черпака, обл. кост. ножа
Объект 14	6	14		9	яма
Объект 15	17; 2 миниат. мисочки	2		22	яма
Объект 16	21	25		33	яма; ретушер из рога
Объект 17	11	6		10	яма
Объект 20	10	138	2	9	яма
Объект 21	3; миниат. мисочка	18		13	яма
Объект 22	3	8		11	яма
Объект 24	8	5	1	4	яма, исслед. частично
Объект 25	2	4			погребение в хоз. яме
Объект 26	2				яма
Культурный слой	452; 3 фр. миниат. сосудов	908	23	865	фр. глин. пряслица; фр. глин. пряслица; глин. фигурка животного
Всего (объекты и культурный слой)	**628**	**1245**	**31**	1094/ 584 определ.	

Объект 1 *(кв.29-30/Д-Е, гл. 0,77-0,83 м*[3]*)* (рис. 2; 4,9) – яма неправильной овальной формы, 1,3х0,63-0,72 м, СЮ. Стенки наклонные, с глубины 1,15 м образуют подбой в 0,15 м (С) и 0,25-0,3 м (Ю). Дно ровное (1,7х1-1,22 м), глубина 0,9-1,3 (1,65) м. *Заполнение* – смешанный песчанисто-золистый грунт, с линзами очажных выбросов, состоящих из золы, мелких угольков и мелких кусочков (62 фрагмента) обожженной глины. В заполнении (преимущественно верхней части) – 35 фр. керамики, фр. пряслица, обломок костяного лощила, 2 изделия из камня, 26 изделий из кремня, 48 костей животных, 1 фр. глиняной обмазки; часть материалов (21 фр. керамики с растительной примесью и 26 створок раковин Unio) попала из неолитического слоя.

Керамика – 35 фр. 24 фр. кух. (рис. 6,3-4.7.12), 10 лощ. стол. (3 корч., 6 черп.), 1 миниат. сосудик (рис. 6,5).

---

[1] Три объекта – ямы 24, 30 и 31 – не были целиком доследованы (рис. 1,3; 2,2-3), но выбранный с уровня их обнаружения материал свидетельствует об их принадлежности к горизонту раннего железного века.

[2] Керамика из наземного сооружения 2 была подсчитана как относящаяся к культурному слою, так как именно в В часть раскопа был сильно смещен грунт.

[3] Нулевой репер был установлен в точке пересечения квадратов 30-31/С-Д. Репер № 1 – на пересечении кв.20-21/С-Д с отметкой -0,25 м; № 2 – кв. 10-11/С-Д с отметкой -0,5 м и № 3 – кв.1-I/С-Д с отметкой -0,65 м. Глубины даются от нулевого репера и уровня обнаружения объектов.

Индивидуальные находки: орудия труда – изделия из глины: фрагмент биусеченно конического пряслица, В. 2,5 см, Дм. 3 см и До. 0,5 см[1] (рис. 6,2); изделия из кости: обломок лощила-наконечника (?) на бедренной кости свиньи (разрушен); изделия из камня: ретушер-отбойник на песчаниковой гальке; сланцевая плитка с тремя функциями (наковальни, абразива и ретушера-отбойника).

Кремень[2] – 26 экз. 14 отщепов (5 мелких – два скребка; 7 средних – 2 подретушированы, 1 скобель), 2 пластины – на одной макропластине (размером 2,7 х 6,0 см) изготовлен вкладыш серпа, лезвие которого оформлено двусторонней зубчатой ретушью; впоследствии он был переиспользован как режущее орудие по дереву; вторая крупная пластина использозалась как режущее орудие с одним лезвием, 3 макроорудия для работы по дереву – изготовлены на крупном сколе-макроотщепе (режущее с резцовым сколом для усиления функции), и конкрециях (скобель и тесло), 8 экз. – бесформенные обломки и сколы.

Кости животных[3] – 48 обл. неопр. 30; крс 3; мрс 1; свинья 13/2 ос. (молодая и старая); бл.олень 1.

Объект 2 *(кв. 36-37/Д-F, гл. 0,75-0,81 м)* (рис. 2; 4,2) – наземное сооружение представлево скоплением материалов в виде крупных (17х17, 18х10 и 17х15 см) и мелких камней и большого количества фрагментов обмазки, зафиксированных на площади 2,0х1,4 м (Т. до 0,15 м). По форме оно имело прямоугольные очертания (С-Ю) и вплотную примыкало к яме (объект 16). Наиболее крупные камни и кремневые конкреции (правильной прямоугольной формы, уплощенные) тяготели к В и Ю сторонам скопления, а пространство между ними было насыщено обмазкой (Т. до 3 см). *Заполнение* – песчанисто-золистый рассыпчатый грунт серо-черного цвета. На площади скопления зафиксировано (керамика – см. сн. 7), костяное лощило-острие, каменный ретушер-отбойник, 45 кремневых предметов, 27 костей животных.

Индивидуальные находки: орудия труда – изделия из кости: орудие (лощило-острие-?) на бедренной кости свиньи; изделия из камня: 1 ретушер-отбойник.

Кремень – 45 экз. 5 нуклеусов на всех стадиях изготовления, 1 нуклевидный обломок, 17 первичных сколов-выступов с конкреций и обломков, 18 отщепов (10 мелкие – 1 резчик; 6 средние – 1 с ретушью; 2 крупных – 1 режущий: обработан по периметру крутой и полукрутой зубчатой ретушью, разведенной как у пилы), 1 макропластина, 3 макроорудия на кремневых конкреция ударно-рубящего предназначения (рубило, топоры).

Кости животных – 2[3] обл. неопр. 10; крс 1; свинья 7; собака 2; бл.олень 7.

Объект 3 *(кв. 10-11/Д-E, гл. 1,10 м)* (рис. 2; 4,5) – яма неправильной округлой формы, 1,24х1,3 м. Стенки образовывали небольшой подбой у дна в 0,25-0,3 м, дно неровное, глубина 0,6-0,65 (1,7-1,75) м. *Заполнение* – до глубины 0,4 м насыщенный золой песчанистый грунт с включениями обожженной глины, костей животных, камней и керамики, ниже – светло-желтая почва с включениями обожженной глины и угля. В заполнении – 62 фр. керамики, обломок переносного отопит. сооружения (жаровня - рис. 7,13), фр. кружка из стенки сосуда, обломок костяного ножа, обломок каменного топора, каменный ретушер-отбойник, 46 кремневых предметов, 10 камней (6 из них обожжены), 43 кости животных.

Керамика – 62 фр. 25 фр. кух. (9), 9 фр. лощ., 25 фр. лощ. стол. (3 корч. – рис. 7,7; 16 черп. – рис. 7,3, 11;4 миски – рис. 7,2, 8, 14, 15), 1 фр. сосудика со спарен. чашечками (рис. 7,6).

Индивидуальные находки: орудия труда – изделия из глины: фрагмент кружка из стенки серолощеного черпака, Д. 3,5 см, Т. 0,5 см (рис. 7,1); изделия из кости: ножевидный скол с трубчатой кости животного (рис. 7,5); изделия из камня: обушковая часть топора (рис. 7,12); ретушер-отбойник на песчаниковой гальке (рис. 7,4).

---

[1] В. = высота; Дм. = диаметр максимальный; До. = диаметр отверстия; *и далее*: Дв. = диаметр венчика; Дд. = диаметр дна; Д. = длина; Ш. = ширина; Т. = толщина.

[2] Определения кремня, а также орудий труда из камня и кости сделаны О.В. Лариной. Более детальная характеристика орудий дана в статье О.В. Лариной в настоящем издании.

[3] Определения костей животных сделаны А.И. Давидом, за что авторы выражают ему искреннюю благодарность.

Кремень – 46 экз. 1 нуклеус, 1 нуклевидный обломок; 15 сколов-обломков (1 крупный, 14 мелких). 19 отщепов (14 мелкие – 1 ретуширован пологой ретушью, 1 концевой скребок; и 5 средние – 1 серп). 2 пластины (крупная и макро) со вторичной обработкой – зубчатая ретушь и угловой резчик. 1 макроорудие на меловой конкреции с рубящей функцией.

Кости животных – 43 обл. крс 5; мрс 6; свинья 15 (их них 1 молодая особь); лошадь 1; бл.олень 15; бизон 1.

Объект 14 *(кв.31-32/Д-Е, гл. 0,84 м)* (рис. 2; 4,3) – яма неправильно-овальной формы, 1,46х0,93 м (СВ-ЮЗ). Стенки прямые, в 3 части плавно округлялись ко дну. Дно ровное, глубина 0,3 (1,10) м. *Заполнение* – золистое с включениями угольков, крупинок обожженной глины и камней. В заполнении – 6 фр. керамики, 14 кремневых изделий, 9 костей животных; часть материалов (1 фр. керамики с растительной примесью и 1 фр. трипольской керамики) попала из нео-энеолитического слоя.

Керамика – 6 фр. 3 фр. кух. (рис. 8,2.5), 3 фр. лощ. стол. (2 черп. – рис. 8,3; 1 миска – рис. 8.1).

Кремень – 14 экз. 5 обломков, 2 отщепа (мелкий, средний – концево-боковой скребок), 2 пластины (средняя и очень крупная).

Кости животных – 9 обл. крс 3; мрс 6.

Объект 15 *(кв. 34/Д, гл. 0,8 м)* (рис. 2; 3,1; 9,3) – яма неправильной округлой формы, 1,0-1,10 м и глубиной 0,2 (0,97) м. *Заполнение* – золистое с включениями угольков, кусочков обожженной глины, мелких и средних камней. В заполнении – 17 фр. керамики, 2 кремневых изделия, 22 кости животных, 2 фр. глиняной обмазки; часть материалов (2 фр. керамики с примесью толченой раковины) попала из неолитического слоя.

Керамика –17 фр. 2 фр. кух. (рис. 9,4.7-8), 1 фр. лощ. (рис. 9,5), 2 фр. лощ. стол. (рис. 9,1), 2 арх. целые миниат. мисочки (рис. 9,2, 6).

Кремень – 2 техн. скола.

Кости животных - 22 обл. неопр. 11; крс 3; мрс 2; свинья 6.

Объект 16 *(кв. 37-38/Д-Е, гл. 0,9 м)* (рис. 2; 4,2) – яма овальной формы, 1,5х1,35 м, СВ-ЮЗ. Стенки ровные, с подбоем в 0,05-0,2 м у дна, глубина 0,4 (1,30) м. *Заполнение* – золистое с включениями угольков и мелких обожженных камней. В заполнении – 21 фр. керамики, 1 ретушер из рога, 25 кремневых изделия, 33 кости животных, 11 кусков обмазки.

Керамика – 21 фр. 13 фр. кух., 8 фр. лощ. стол. (2 корч. – рис. 8,7; 5 черп., 1 миска).

Индивидуальные находки: орудия труда – <u>изделия из рога:</u> ретушер на отростке рога оленя благородного.

Кремень – 25 экз. Первичное расщепление: 2 нуклеувидных обломка и 1 краевой ребристый скол; 7 аморфных сколов. 13 отщепов (11 мелкие, 1 средний, 2 крупные – один со следами использования в качестве режущего инструмента с двумя лезвиями). 2 средние пластины. 1 макроорудие – тесло на крупной конкреции.

Кости животных - 33 обл. неопр. 22; крс 3; свинья 7; бл.олень 1.

Объект 17 *(кв.32-33/Е-F, гл. 0,8 м)* (рис. 2; 4,1) – яма неправильной овальной (восьмерковидной) формы, 1,28х0,62 м, СЗ-ЮВ. Южная стенка С сектора ступенчато понижалась ко дну, остальные образовывали небольшой подбой, дно Ю сектора вогнутое. Глубина Ю и С секторов, соответственно, 0,2 (1,0) и 0,32 (1,12) м. *Заполнение* – грунт с кусками обмазки и золой, наиболее насыщен С сектор: у С стенки найдены куски обмазки черного цвета (Т. 1,5 см), в В его половине (на глубине 0,15-0,2 м) зафиксирован завал уплощенных кусков обмазки (Т. до 3 см, с растительной примесью и отпечатками прутьев), под которыми был прослежен слой золы, мощностью до 8 см. В Ю секторе заполнения также были найдены крупные куски обмазки и скопление золы в его СЗ части. Прожог был зафиксирован и в З части перемычки между секторами. В заполнении – 11 фр. керамики, 6 кремневых изделий, 10 костей животных; часть материалов (3 фр. неолитической керамики и 1 фр. трипольской керамики) попала из нео-энеолитического слоя.

Керамика – 11 фр. 9 фр. кух. (рис. 8,8), 1 фр. лощ., 1 фр. лощ. стол. (черпак).

Кремень – 6 экз. 1 конкреция крупная горелая; 4 отщепа (1 мелкий, 2 средние, 1 макро). 1 средняя пластина – вкладыш серпа.

Кости животных – 10 обл. неопр. 1; крс 4; свинья 5.

Объект 20 *(кв. 3-4/E-F, гл. 1,45 м)* (рис. 2; 4,7) – яма округлой формы, 1,13-1,18 м и глубиной 0,15 (1,58) м. Объект был прослежен в культурном слое с глубины 1,0-1,10 м на площади 1,5х1,0 м по золистому размытому контуру, содержащему крупные камни и множество древесных угольков. *Заполнение* – гумусированный песчанистый грунт с включениями золы. В заполнении – 10 фр. керамики, 1 каменный отбойник-ретушер, 1 каменная плитка-наковальня, 138 кремневых изделий, 9 костей животных.

Керамика – 10 фр. 7 фр. кух. (рис. 10,8.10), 2 фр. лощ., 2 фр. лощ. стол. (2 черп., 1 миска – рис. 10,6).

Индивидуальные находки: орудия труда – изделия из камня: отбойник-ретушер на песчаниковой гальке (рис. 10,11); плитка-наковальня (рис. 10,12).

Кремень –138 экз. Первичное расщепление 119 экз.: 2 отбойника-ретушера, 6 нуклеусов, 1 нуклеувидный обломок; 6 сколов оживления ударных площадок; ребристые 5; крупные и мелкие обломки 94 – крутые сколы, заломы и обломки с коркой. 15 отщепов (6 мелкие – 2 скребка: боковой и концевобоковой, 7 средние – один с пологой заостряющей ретушью, 2 крупные обработаны: один мелкой затупливающей ретушью по одному боку, второй противолежащей крутой затупливающей). 2 пластины (одна использовалась без вторичной обработки как однолезвийное режущее орудие). 3 макроорудия типа тесел и 1 топориковидное орудие.

Кости животных – 9 обл. неопр. 3; крс. 6.

Объект 21 *(кв. 34-35/E-F, гл. 1 м)* (рис. 2; 4,4) – яма неправильной округлой формы, 0,82-0,93 м. Стенки прямые, с подбоем в 0,1-0,15 м. Дно ровное, глубина 0,2 (1,2) м. В придонной части (0,2 м) яма по периметру была выложена песчаниковыми плитками, многие из которых обожжены. *Заполнение* – золистое с угольками, мелкими кусочками обожженной глины и мелкими камешками. В придонной ЮВ части ямы (глубина 0,2 (1,20) м – уровень обкладки песчаниковыми плитками) зафиксировано пятно овальной формы (0,4х0,25 м, СВ-ЮЗ, толщиной до 8 см), насыщенное мельчайшими древесными угольками. В заполнении – 3 фр. керамики, 18 кремневых изделий, 13 костей животных (в центральной части и у С стенки); часть материалов (10 мелких фр.) попала из неолитического слоя.

Керамика – 3 фр. 1 фр. кух., 1 лощ. стол. (черп.), 1 арх. целая миниат. миска (рис. 10,9).

Кремень – 18 экз. Первичное расщепление: 3 обломка, один ретушер-отбойник. 15 отщепов (10 мелкие, 3 средние, 2 крупные – один использовался без вторичной обработки как режущий с одним лезвием). 10 пластин (9 средние, 1 макро). 2 макроорудия типа тесел.

Кости животных – 13 обл. крс 3; мрс 2; свинья 7; кабан 1.

Объект 22 *(кв. 4/E-F, гл. 1,43 м)* (рис. 2; 4,6) – яма овальной формы, 0,85х1,0 м, СЮ. Стенки ровные, дно ровное, глубина 0,12 (1,55) м. *Заполнение* – песчанистый грунт с мелкими кусочками обожженной глины. В заполнении – 3 фр. керамики, 8 кремневых изделий, 11 костей животных; часть материалов (17 створок раковин Unio) попала из неолитического слоя.

Керамика – 3 фр., кух.

Кремень – 8 экз. 3 обломка, 3 отщепа (2 мелкие, 1 средний); 2 средние пластины.

Кости животных – 11 обл. неопр.10; бл.олень 1.

Объект 24[1] *(кв. 27-29/E-F, гл. 1,40 м)* (рис. 2) – яма, возможно, овальной формы, размеры уровня обнаружения 1,5х1,8 м, СЗ-ЮВ. В заполнении на уровне обнаружения – 8 фр. керамики, 1 каменный ретушер, 5 кремневых изделий, 4 кости животных.

Керамика – 8 фр. 1 фр. кух., 3 фр. лощ., 4 фр. лощ. стол. (1 корч., 3 черп. – рис. 8,4.6).

Индивидуальные находки: орудия труда – изделия из камня: ретушер-отбойник на песчаниковой гальке.

Кремень – 5 экз.: 2 крупных обломка, 1 скол оживления, 2 крупные пластины.

Кости животных – 4 обл. крс 4.

---

[1] Объект исследован частично, имеется лишь часть материалов.

Объект 26 *(кв. I-I/E-F, гл. 1,55 м)* (рис. 2; 3,2; 4,8) – яма овальной формы, 1,14 х 0,8 м, СЮ. Глубина 0,22 (1,77) м. *Заполнение* – песчанистый грунт с угольками, около 50 фрагментами обмазки-крошки и 6 мелкими камешками. В заполнении – 2 мелких фр. керамики.

Керамика – 2 фр. кух.

Погребение

Объект 25 *(кв. 35-36/С-Д, гл. 1,23 м)* (рис. 2; 3,1; 5) – погребение, зафиксировано в северной стенке раскопа и зачистье берегового обрыва со стороны реки (яма впущена с уровня культурного слоя раннего железного века – рис. 3,1). Яма неправильной округлой формы, размеры с уровня фиксации в зачистке берегового обрыва (0,7 м от нулевого репера) 1,2-1,4 м, колоколовидная в сечении, стенки на 0,15-0,2 м расширяются ко дну, диаметр которого составил 1,5-1,6 м; глубина 0,26 (1,49) м. На дне, в С, З и Ю частях, зафиксированы три столбовые ямы, диаметром 0,18-0,2 м и глубиной 0,04 м (С) и по 0,08 м (З и Ю). *Заполнение* – светло-желтый суглинок с небольшой примесью золы. В заполнении, до уровня обнаружения (1,23 м), непосредственно над ямой – 13 фр. керамики[1] (10 кух. и 3 лощ. стол.), 3 изделия из кремня. В заполнении, на дне между камнями – 2 фр. керамики (с внешней черной, заглаженной и подлощеной поверхностью и внутренней – ярко-оранжевой), 4 изделия из кремня (конкреция, нуклевидный обломок, 2 отщепа); часть материалов (отдельные створки раковин Unio) попала из неолитического слоя.

В центре придонной части ямы обнаружены развал камней (мелкие и средние известняковые) и разрушенный скелет человека. Среди камней преобладают средние (Д. 10-15 см), один самый большой камень (30 х 26 х 20 см) находился в З части ямы, посередине между З и Ю столбовыми ямками (рис. 5,3).

Основной уровень размещения костей человека – непосредственно на дне ямы (гл. 0,2-0,26 м). Кости размещались хаотично по периметру ямы, с концентрацией у С и В стенок (рис. 5,3). Отдельные части скелета (мужчина, 45-55 лет[2]) сохранились в сочленении. В В части ямы зафиксирован верхний отдел позвоночного столба (17 позвонков размещались с С на Ю позвоночными отростками к центру ямы); кости левой ноги (бедренная и большеберцовая) согнуты в коленном суставе; возле них находились смещенные тазовые кости. Здесь же зафиксирован разломанный череп: перевернутая черепная крышка и лицевой отдел под стенкой ямы. В З части ямы (между З столбовой ямкой и большим камнем) прослежены мелкие обломки черепа и нижняя челюсть. В С части ямы (частично разрушена берегом реки) находились бедренная и обломок большеберцовой кости правой ноги, под ними – обломки левых локтевой и лучевой костей, и остатки шейных позвонков. Фрагментированные ребра обнаружены среди остальных костей в В и С частях ямы. В Ю части ямы прослежены кости правой руки, находящиеся в вытянутом положении в сочленении, рядом с ними зафиксирована левая ключица.

Рядом с В краем ямы (к слое кв. 36 С) был найден фрагмент правой части черепа погребенного, имеющий четкие следы вырезания-трепанации[3] (рис. 5,2). Фрагмент имеет форму высокой трапеции (высота общая 4.0 см) почти правильной формы (В. общая 4 см, Д. верхней грани 2,7 см, Д. основания 4,7 см, Д. боковых сторон 3,5 и 4 см). Боковые грани имеют четкие следы вертикального среза, основание трапеции вырезалось наискось внутрь черепа, а верхняя ее часть подрезана и частично выломана.

Судя по положению сочлененных костей скелета, погребенный мог быть положен скорченно, на правом боку, головой на СЗ.

Пог. инвентарь[4]*:* Под лицевым отделом черепа, на дне (гл. 1,49 м) рядом с В стенкой ямы, был обнаружен бронзовый наконечник стрелы. Наконечник двухлопастный, крупный, с широким лавролистным пером и сравнительно длинной выступающей втулкой. Д. 4,2 см, Дп. 3,4 см, Дв. 0,8 см, Ш. 1,4, До. 0,4 см (рис. 5,1).

---

[1] Эта керамика подсчитана, как относящаяся к культурному слою.

[2] См. статью Варзарь, Пежемский, Ларина в настоящем издании.

[3] По данным А. Варзаря и Д. Пежемского.

[4] Найденный при погребении наконечник стрелы, судя и по заключениям антропологов, явился причиной его смерти – в данном случае понятие "погребальный инвентарь" употреблено нами как наиболее устоявшийся термин для изделий, находимых в погребении.

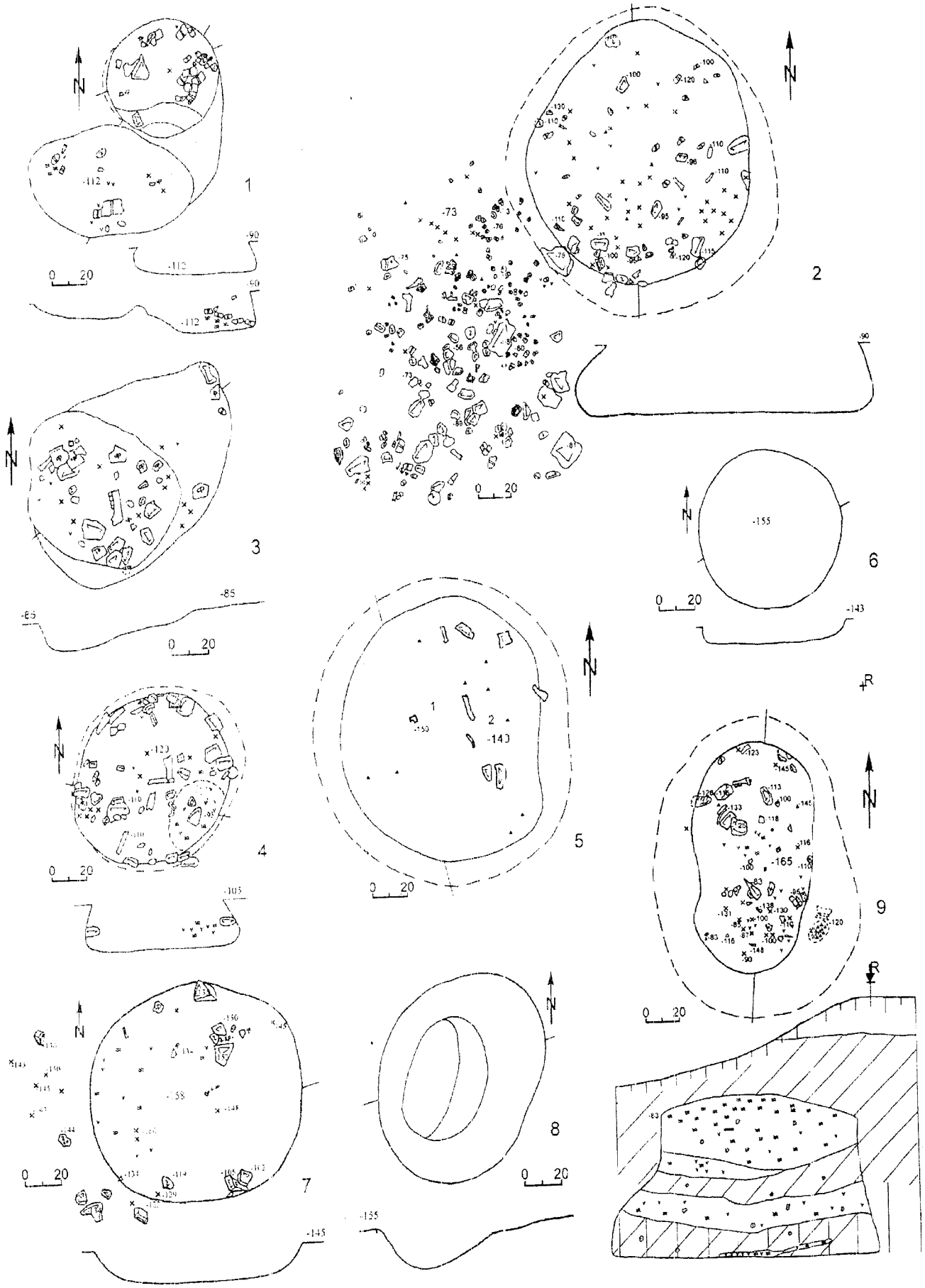


Рис. 4. Поселение Тэтэрэука Ноуэ XV. Планы и разрезы сооружений раннего железного века. 1-об. 17; 2-об. 2 и 16; 3-об. 14; 4- об. 21; 5-об. 3; 6-об. 22; 7-об. 20; 8-об. 26; 9-об. 1.

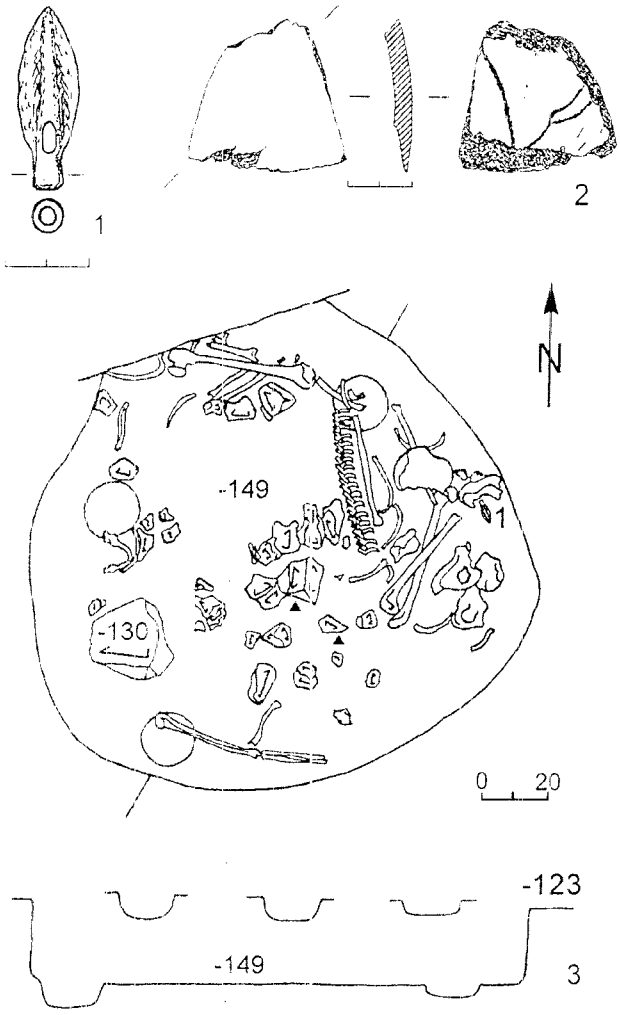


Рис. 5. Поселение Тэтэрэука Ноуэ XV. Объект 25 (погребение). 1-наконечник стрелы; 2-вырезанный фрагмент черепа; 3-план и разрез ямы.

Материалы

Керамика. Керамическая коллекция раннего железного века ТН XV представлена 5 археологически целыми сосудами и 628 фрагментами, происходящими из сооружений (176 фр.) и культурного слоя. Часть керамики из культурного слоя (109 фр.) происходит из перемещенного грунта и В части раскопа (квадраты линии 31-40).

По технико-технологическим особенностям керамика делится на кухонную и столовую, при этом выделяется еще отдельная ее часть, которую технологически (достаточно хорошо лощеная поверхность темно-серого цвета) можно причислить к столовой, а по морфологическим характеристикам (и, видимо, функционально) это типичная кухонная посуда. Такую керамику мы отнесли к разряду кухонной, среди которой она составляет 17 %. Здесь же отметим, что лощение столовой посуды преимущественно серого цвета и тусклое. На поселении известна также культовая посуда (миниатюрные и функционально специализированные сосудики).

Соотношение кухонной и столовой посуды составило 63,4 % к 36,6 %.

Классификация посуды памятника была выполнена с учетом существующих классификаций для керамики раннего железного века региона (например, Смирнова 1978, 39 и сл.; она же 1983, 60 и сл.; Смирнова, Кашуба 1988, 18 и сл.; Крушельницька 1998, 147-168 и др.), а также с использованием отдельных работ методического характера (например, Barthel u.a. 1980, A 23-28; Schreg 1998, 30 и сл.).

Кухонная посуда (396 фр.) представлена сосудами, сделанными из глиняного теста с примесью песка, незначительной примесью шамота, изредка – органических добавок. Визуальное обследование глиняного теста кухонной керамики показывает следующее. Часть кухонной посуды (39 %) хорошо обожжена, более тонкостенная (Т. 0,7-0,8 см); ее поверхность преобладающе коричневого цвета, нередко с серым оттенком тщательно заглажена и слегка залощена («чернолесская технология») (рис. 6,7-8,11; 7,9; 8,5). Как уже было отмечено, особо выделяются сосуды с серо-коричневой поверхность (17 %), которая сравнительно хорошо залощена (рис. 9,5; 10,8; 11,2,7). Еще одну часть кухонной керамики (38 %) составляют сравнительно толстостенные сосуды (Т. 1 см и более); их поверхность оранжево-коричневого цвета, заглажена (рис. 6,1,6,12; 8,8; 11,8). Особо отметим, что среди кухонной керамики присутствуют фрагменты сосудов (6 %), внутренняя поверхность которых имеет ярко- или светло-оранжевый цвет. В заполнении объекта 1 была найдена также нижняя часть горшка (Дд. 14 см) с вертикальными расчесами в придонной части и закраиной на дне (рис. 6,12).

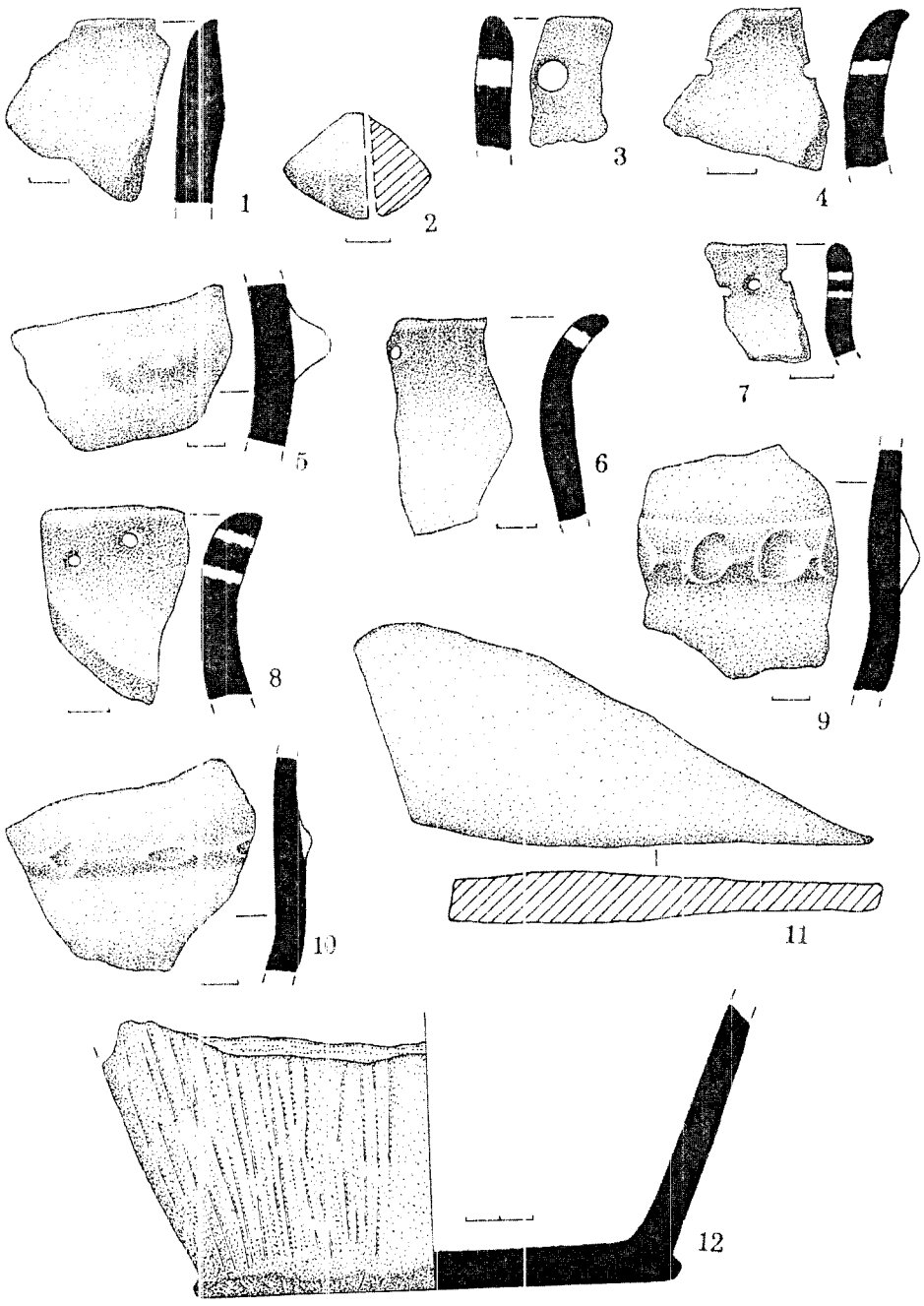


Рис. 6. Поселение Тэтэрэука Ноуэ XV. Керамика и индивидуальные находки (глина) из сооружений (об. 1 - 2-5, 7-9, 12) и культурного слоя.

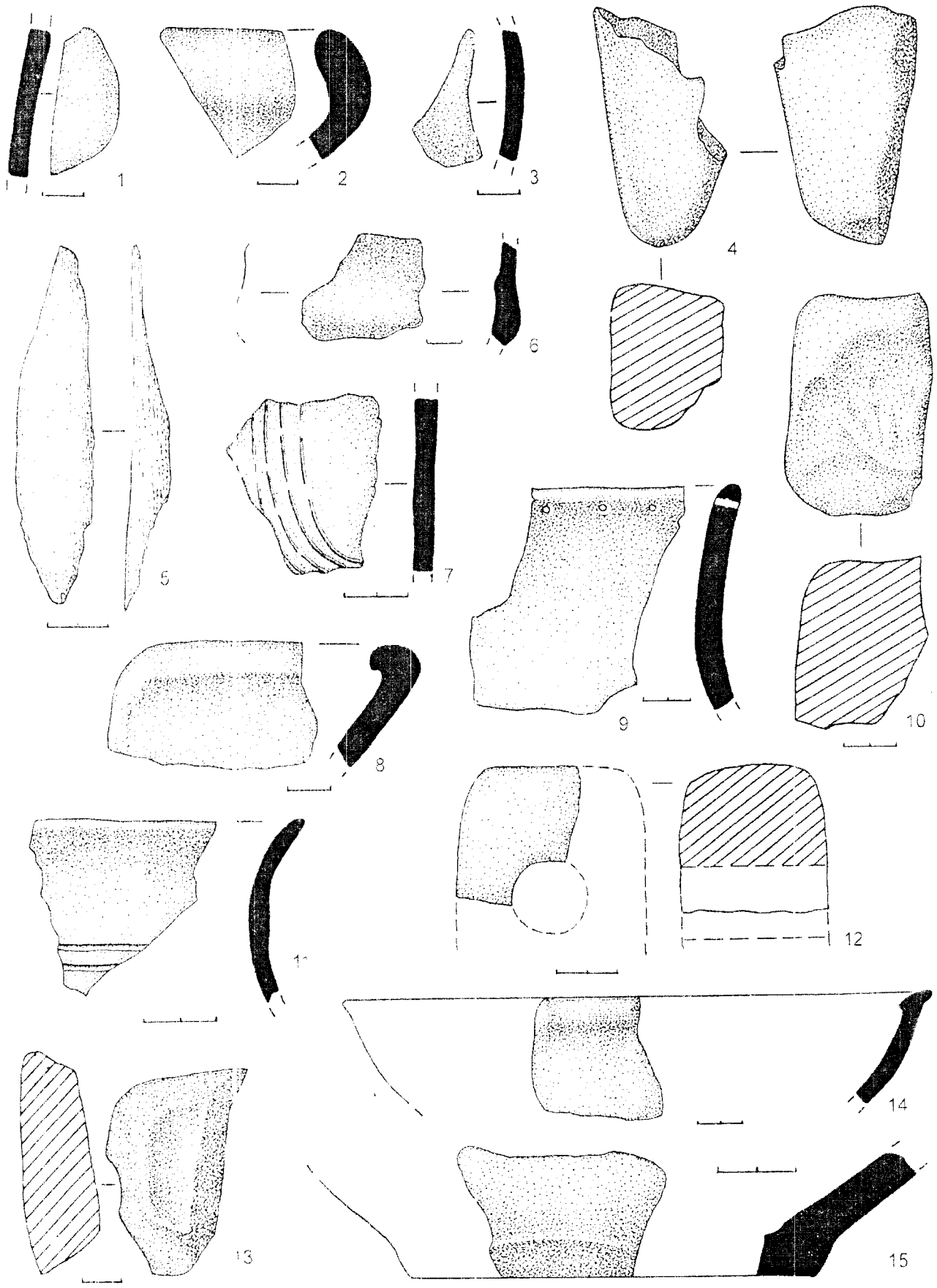


Рис. 7. Поселение Тэтэрэука Нэуэ XV. Керамика и индивидуальные находки из сооружения (об. 3). 1-3, 6-9, 11, 13-15-глина; 4, 10, 12-камень; 5--ость.

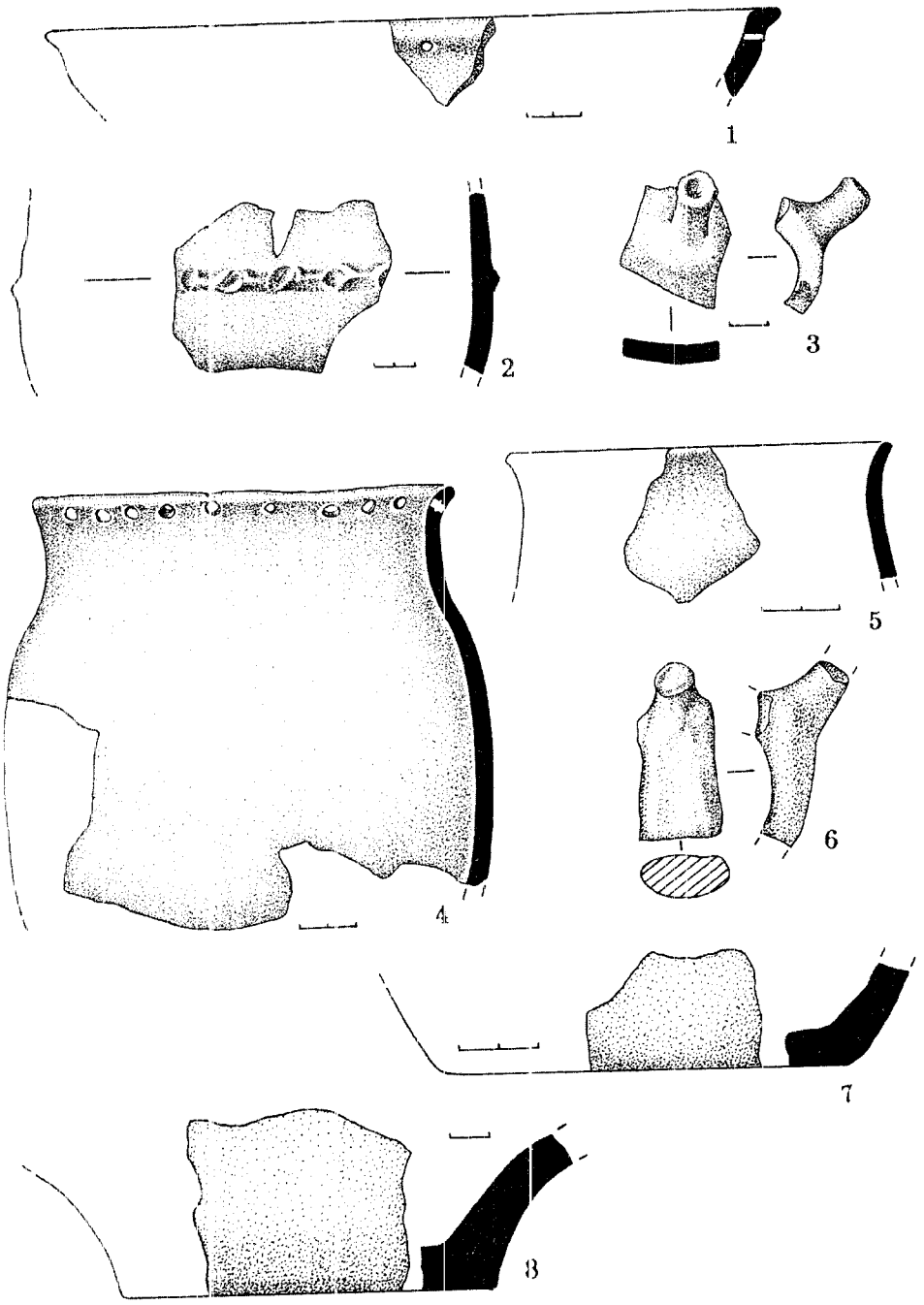


Рис. 8. Поселение Тэтэрэука Ноуэ XV. Керамика из сооружений. 1-3, 5-об. 14; 4, 6-об. 24; 7-об. 16; 8-об. 17.

Выделяются 3 основных типа кухонных сосудов: тюльпановидные (сильно профилированные), прямостенные и бочонковидные.

Абсолютное большинство (I тип – 64 %) составляют открытые сосуды тюльпановидной формы. Венчик их плавно отогнут наружу, край его приострен или закруглен, шейка вогнутая, плечики выпуклые, дно без закраины. Сосуды этого типа на поселении сравнительно невысокие, пропорции их невытянутые, диаметр дна, как правило, составляет 9-10 см (рис. 6,7.8-10; 7,9; 8,5.8; 9,6.8; 10,8.10; 11,5-6.8).

Край венчика горшков I типа может быть снабжен проколами (рис. 6,3.68; 7,9; 8,5; 10,8; 11.8), по плечикам обычно расположен налепной валик, расчлененный пальцевыми вдавлениями (рис. 6,9-10; 11,1.5). Единичными экземплярами представлены высокий гладкий (нерасчлененный) валик, подтреугольный в сечении (рис. 9,8) и невысокий (оттянутый) гладкий валик. Поясок пальцевых вдавлений по плечикам прослежен в нескольких случаях, в одном из них – в сочетании с проколами под краем.

Тюльпановидные горшки представлены 3 вариантами. Вариант 1 типа I составляют сравнительно высокие сосуды с приостренным краем венчика, сравнительно высокой вогнутой шейкой и покатыми плечиками (рис. 6,8; 7,9; 10,8). Такие сосуды можно отнести к «классическим тюльпановидным». Сосуды варианта 2 типа I имеют более короткий венчик, край которого округлен или приострен; невысокую, невыделенную вогнутую шейку и покатые плечики (рис. 6,4.10; 9,6; 11,8). Венчик сосудов 3 варианта типа I короткий, с округленным краем; шейка выделена, сравнительно высокая и подцилиндрическая; тулово удлиненно овальное (рис. 8,5; 11,6). Из объекта 14 происходит верхняя часть такого сосуда с крупными проколами под краем венчика. Поверхность этого сосуда серо-коричневого цвета, тщательно заглажена и подлощена («чернолесская технология»). Дв. 15 см, Дт. 16,5 см, Т. 0,6-0,8 см (рис. 8,5).

Ко II типу (27,5 %) относятся открытые сосуды усеченно конической или подцилиндрической формы, с закругленным (изредка приостренным) краем венчика, прямыми стенками и дном с небольшой закраиной (рис. 6,1.3; 9,4; 10,7; 11,2.4.7). На поселении значительная часть горшков этого типа снабжена проколами под краем венчика (рис. 6,3; 9,4; 11,7). Изредка горшки II типа были снабжены налепным валиком с пальцевыми вдавлениями.

Гораздо меньшим количеством (8,5 %) представлены в коллекции бочонковидные сосуды (III тип). Это закрытые сосуды с закругленным (иногда утонченным) краем венчика, выпуклыми стенками и округлобоким туловом. Такие сосуды в верхней (средней) части тулова могли быть снабжены налепным валиком с пальцевыми вдавлениями (рис. 8,2) или выступами-упорами подтреугольной (конической) формы (рис. 6,5).

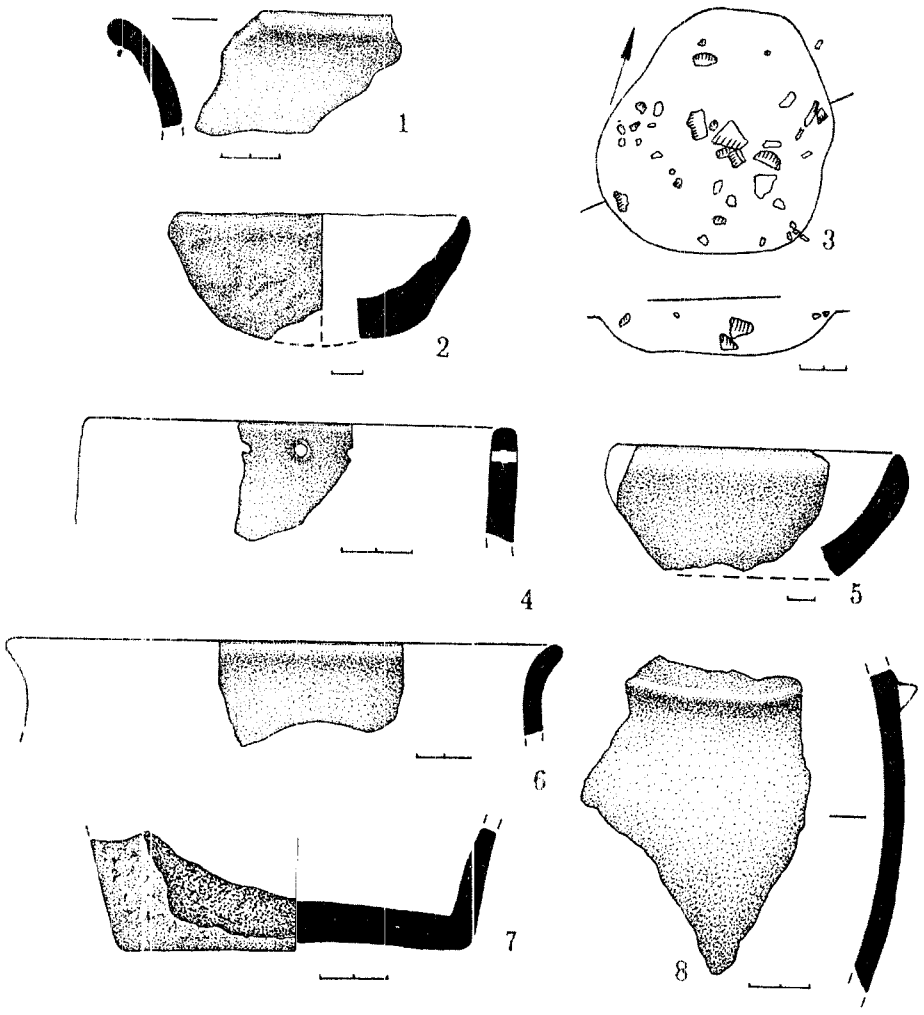


Рис. 9. Поселение Тэтэрэука Ноуэ XV. План, разрез (3) и керамика из сооружения (об. 15).

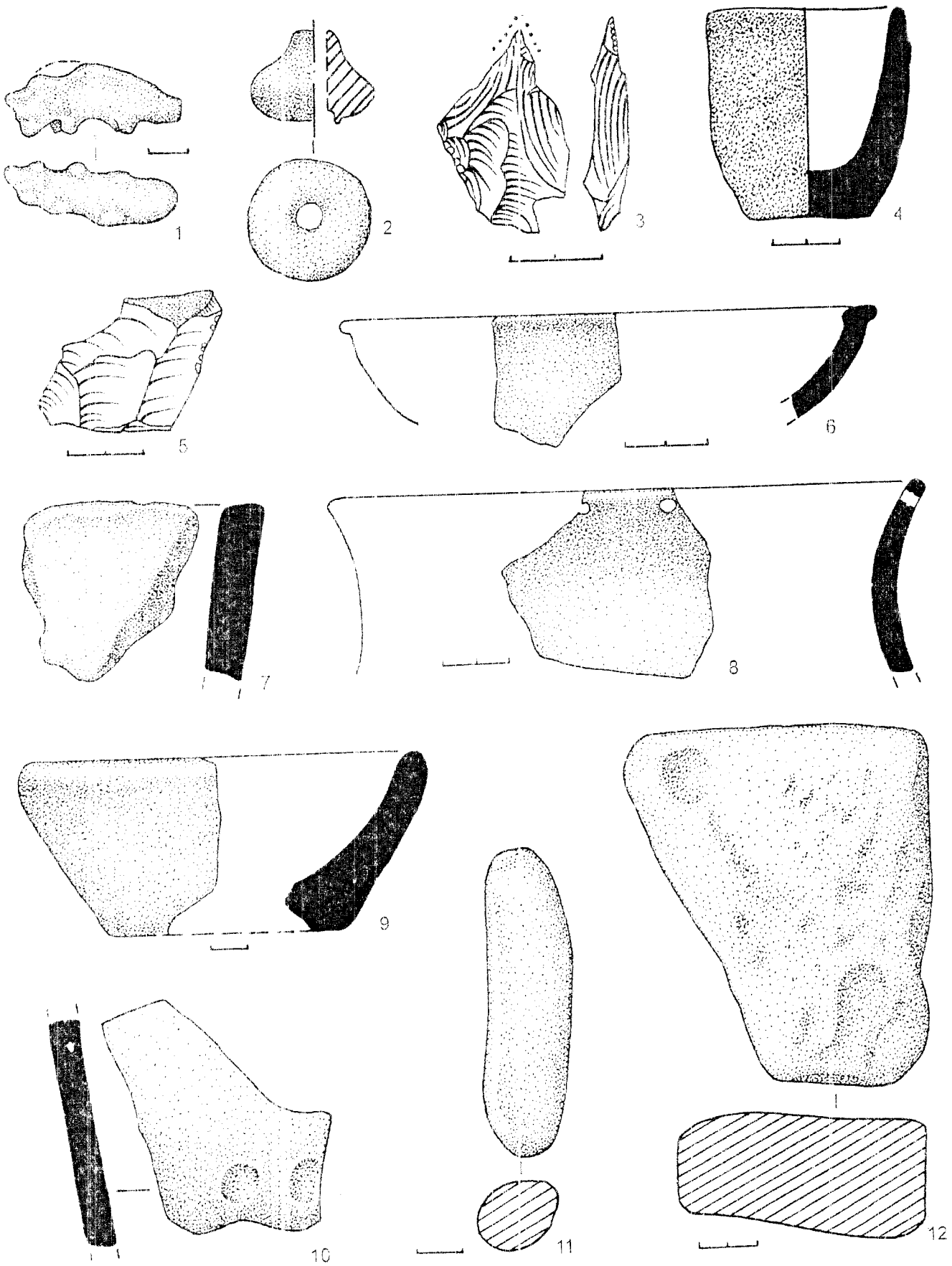


Рис. 10. Поселение Тэтэрэука Ноуэ XV. Керамика и индивидуальные находки из сооружений (4, 6-12) и культурного слоя. 4-об. 31; 6–8, 10-12-об. 20; 7, 9-об. 21. 1, 2, 4, 6-10-глина; 3, 5-кремень; 11, 12-камень.

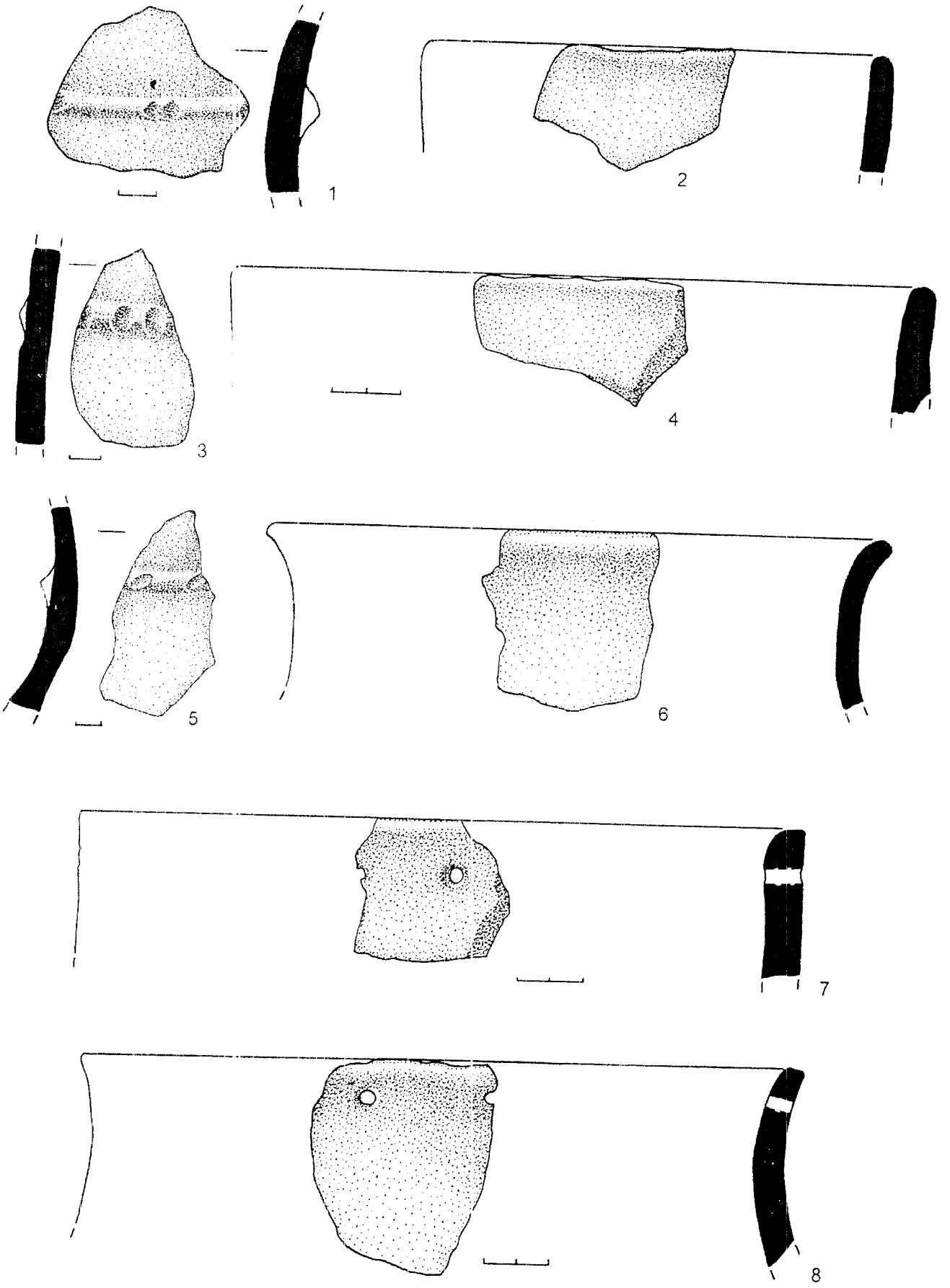


Рис. 11. Поселение Тэтэрэука Ноуэ XV. Кухонная посуда из культурного слоя.

Столовая посуда (229 фр.) представлена сосудами, сделанными из глиняного теста с большой примесью шамота и песка. Поверхность ее преимущественно серого цвета (темно-светло-), лощеная. Хотя преобладает тусклое лощение (как это уже было отмечено), на поселении известны фрагменты сосудов с качественным лощением и темно-серой (черной) поверхностью. Среди столовой посуды выделяются сосуды 3 категорий: корчаги, черпаки и миски (рис. 7,2-3,6-8,11,14-15; 8,1,6-7; 9,1; 10,6; 12,1-5,7,9).

Корчаги составили 45,4 % среди лощеной посуды. Типы корчаг из-за сильной фрагментированности и малочисленности керамической коллекции не выделяются, но о наличии как минимум 3 различных типов свидетельствуют характерные фрагменты.

От корчаг I типа сохранились короткие сильно отогнутые наружу венчики (рис. 9,1) с округленным, слегка приостренным краем, в одном случае венчик был снабжен проколами под краем. К корчагам этого типа можно отнести и фрагменты чернолощеных стенок, придонных частей, а также 2 фрагмента с геометрическим орнаментом: в одном случае с прочерченным узором в виде концентрических овалов (рис. 7,7), во втором – с резным узором в виде заштрихованных треугольников (рис. 12,1).

От корчаг II типа сохранился фрагмент шейки (внутренняя поверхность черепка сбита) с неширокими горизонтальными канелюрами (рис. 12,2); фрагменты с внешней чернолощеной (серолощеной) поверхностью и внутренней ярко-оранжевой (34,6 % среди корчаг), а также донные части (Дд. 9 см) с внутренней ярко-оранжевой поверхностью (рис. 8,7).

Еще один тип корчаг, характеризующийся сосудами округло биконического профиля и прямой удлиненной шейкой (III тип) представлен фрагментом верхней части с косо срезанным утолщенным краем венчика (Дв. 18 см) и наколами изнутри под краем. Внешняя поверхность черепка черная, хорошо залощена, внутренняя – светло-оранжевого цвета (рис. 12,8).

Черпаки составили 41 % среди лощеной столовой посуды на поселении. Сильная фрагментированность материала не дает возможность выделить определенные типы. Характерные фрагменты показывают, что бытовали как высоко качественные сосуды, так и менее качественные. Это чернолощеные и тонкостенные сосуды, S-овидного профиля (с отогнутым наружу венчиком, короткой или длинной шейкой, шаровидным туловом) и петлевидной возвышающейся ручкой с гвоздевидным выступом-упором на перегибе (рис. 7,1,3,11; 8,3-4,6; 12,3). Менее качественные черпаки толстостенные, с поверхностью серого цвета и тусклым лощением. Известны лишь 2 фр. с резным геометрическим орнаментом (рис. 7,11; 12,7). Один из них, скорее, от большого кубка (Дт. 16 см), украшенного многорядным горизонтальным поясом узора из групп параллельных косых линий, чередующихся под углом друг к другу; орнаментальные линии были заполнены белой пастой (рис. 12,7).

Миски (13,6 %) на поселении представлены широко открытыми глубокими сосудами усеченно конической или полусферической формы и небольшим выделенным дном (Дд. 10 см) иногда с поддоном (рис. 7,2,8,15; 8,1; 10,6; 12,4,9). Выделяются 3 основных типа мисок: с загнутым внутрь краем, с косо срезанным краем и прямым краем.

Половину всех найденных на поселении мисок составили сосуды с загнутым внутрь краем (I тип – 53,8 %), который сильно загнут внутрь, закруглен, иногда снабжен выраженным перегибом (рис. 7,2,8).

Миски с косо срезанным краем (II тип – 38,5 %) представлены небольшими сосудами (Дв. около 20 см) с утолщенным, иногда выступающим, краем и неширокой кромкой (рис. 7,14; 8,1; 10,6; 12,4,9). В 2 случаях миски этого типа были снабжены проколами под краем (рис. 8,1).

В культурном слое памятника найдены лишь несколько фрагментов мисок с прямым краем (III тип – 7,7 %). Как правило, это глубокие сосуды конической формы.

Несмотря на фрагментированность и малочисленность керамической коллекции, была найдена и культовая керамика – миниатюрные и функционально специализированные сосуды. Среди миниатюрных известны 4 археологически целых сосудика: прямостенный сосудик, повторяющий прямостенные горшки (II тип), В. 6 см, Дв. 6 см. Дд. 3,6 см (рис. 10,4); 2 мисочки с приостренным краем сделаны небрежно, В. 4 и 4 см, Дв. 10 и 9 см (рис. 9,2, 6); край еще од-

ной мисочки округлен. В. 5 см, Дв. 11 см, Дд. 6 см (рис. 10,9). От еще одного миниатюрного сосудика сохранилась верхняя часть с округленным прямым венчиком и проколами под краем (рис. 6,5). К функционально специализированным культовым сосудам относятся 2 фрагмента от сосудиков со спаренными (строенными-?) чашечками, обнаруженные в сооружении (объект 3 – Дт. 8 см) и культурном слое (рис. 7,6; 12,6).

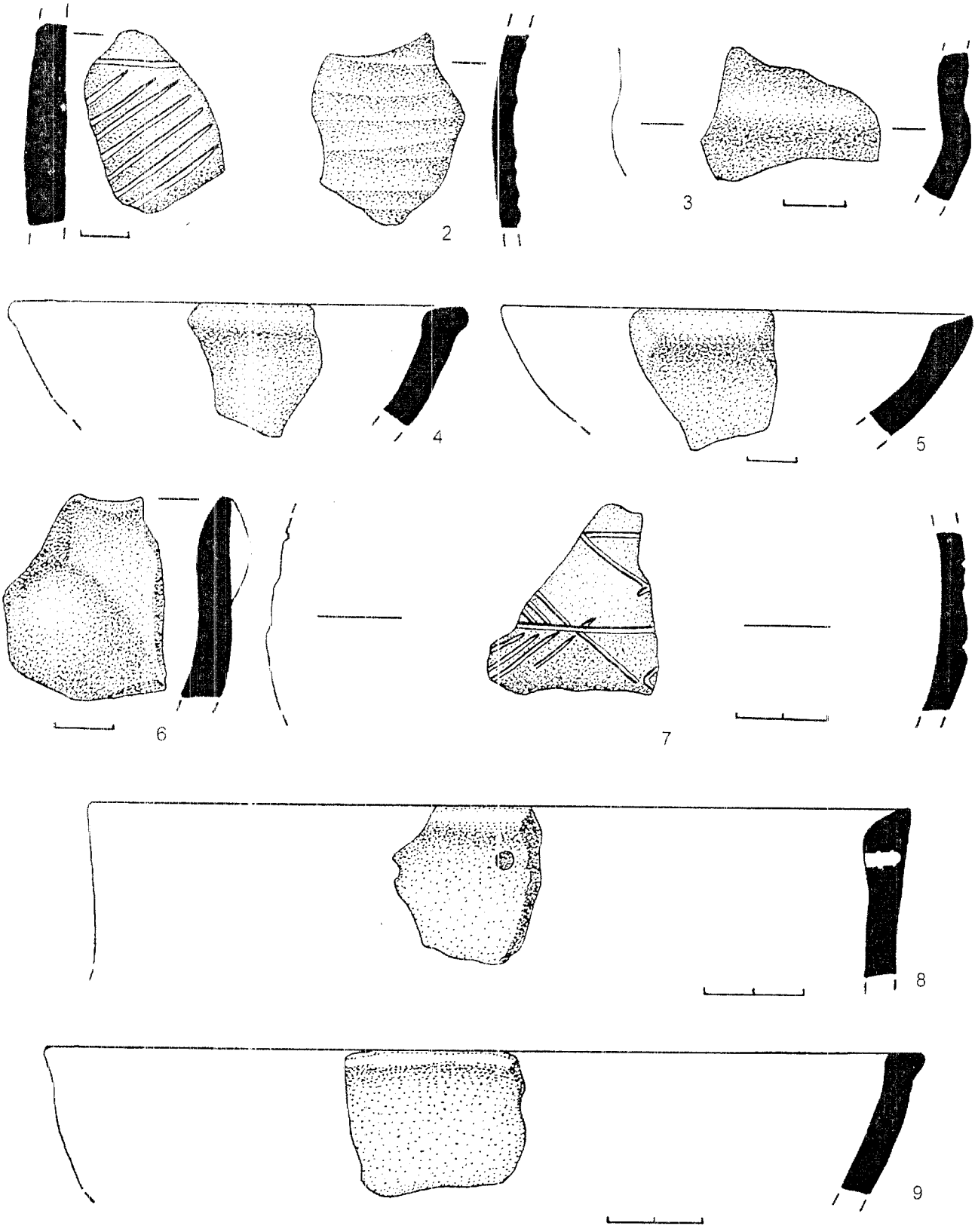


Рис. 12. Поселение Тэтэрэука Ноуэ XV. Лощеная столовая посуда из культурного слоя.

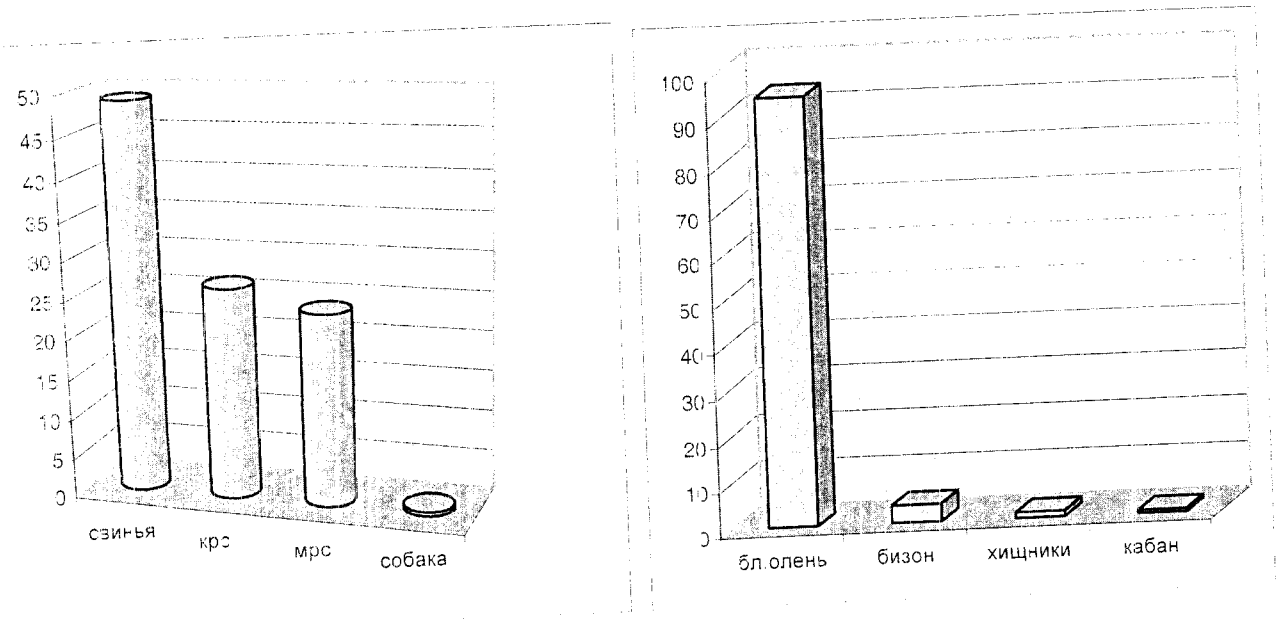
К ***изделиям из глины***, обнаруженным в культурном слое В части раскопа (усадьба № 1 – см. ниже), относятся пряслице и фигурка животного. Пряслице усеченно конической (грушевидной) формы, поверхность серо-коричневого цвета. Дм. 3,2 см, В. 2,4 см, До. 0,8 см (рис. 10,2). Животное (барсук-? бобр-? лисица-?) имеет длинное туловище с широким укороченным хвостом (-?), защипами сформированы морда, уши, четыре ноги. Д. 4,6 см, В. 1,8 см (рис. 10,1).

Кремень, камень и кость (предметы). Было проанализировано 1278 предметов, из которых наиболее широко представлены изделия из кремня (1245 – 97,4 %), тогда как другие породы камня (31 – 2,4 %) использовались гораздо меньше, а изделия из кости (2 – 0,2 %) в производственно-хозяйственной деятельности фактически не употреблялись[1].

Кости животных (кухонные отходы). Для раннего железного века ТН XV было учтено 1094 обломков костей животных, представляющих собой кухонные отходы: они сильно утилизированы и раздроблены [510 обломков (= 47 %) являются неопределимыми].

Соотношение домашних и диких животных (584 обл. = 100 %) составило: домашние – 71,2 % (416), лошадь – 2,6 % (15) и дикие – 26,2 % (153).

Половину костей домашних животных (416 обл. = 100%) составили кости свиньи (204 – 49 %), кости крс и мрс встречены практически в одинаковом количестве (110 – 26,5 % и 100 – 24 %), а кости собаки состав или 0,5 % (2).



Фактически все обнаруженные кости диких животных (153 обл. = 100 %) принадлежат бл. оленю (144 – 94,1 %), среди остальных: бизон (6 – 1,0 %), хищники (2 – 1,3 %) и кабан (1 – 0,7 %).

Находки из Тэтэрэука Ноуэ XV и синхронные древности региона

Ситуация на поселении (*планиграфия, датировка, аналогии*). Исследованные на поселении объекты представляют собой постройки хозяйственного и/или производственного назначения, большая часть которых (14 из 15) имеет вид округлых или овальных котлованов (рис. 4). Среди них известны ямы 2 типов: с расширяющимися к горизонтальному дну стенками (с подбоем, колоколовидные, об. 1, 16, 17, 21 и 25) и со скошенными/закругляющимися к горизонтальному/округленному дну стенками (об. 14, 17, 20, 22 и 26). Наземное сооружение (об. 2) имело прямоугольную форму и площадь около 3 кв.м.

[1] Полная характеристика этих материалов дана в статье О. Лариной в настоящем издании.

На исследованной площади объекты располагались тремя отдельными группами, расстояние между которыми составляло 5-10 м (рис. 2,3). Такое группирование, характер заполнения объектов и найденные материалы[1] позволяют выделить 3 усадьбы: № 1, в В части раскопа (об. 1, 2, 14-17, 21, 24 и 25); № 2 , в 10 м к З от усадьбы № 1 (об. 3 и 30); № 3, в 5 м к З от усадьбы № 2 (об. 20, 22, 26 и 31) (рис. 2,3).

Наиболее полно была раскопана усадьба № 1, объекты которой были ближе всего расположены к берегу реки; ее площадь могла составлять более чем 75 кв.м. Территория усадьбы имела навесы-перекрытия (см. характер заполнения об. 14-17 и 21), соединяющие сооружения внутри ее надежными (защищающими от погодных условий) переходами. Объект 17 в этой усадьбе мог функционировать в качестве хранилища, состоящего из двух отсеков и небольшого входа-приступки с В стороны (рис. 4,1). В качестве небольшого складского помещения мог использоваться объект 14, с заглубленной южной частью и входом с С стороны (рис. 4,3). Как небольшое хранилище использовался и объект 21, на выложенном плиточками дне которого стояло что-то из деревянной утвари (кадка-? бочонок-?), впоследствии сгоревшее при пожаре (рис. 4,1). Объект 1 первоначально функционировал как производственный комплекс (= зона производства орудий труда для деревообработки), но впоследствии использовался как мусорная яма (см. характер заполнения). В этой связи не вызывает удивления концентрация рядом с ним орудий охотничье-скотоводческого комплекса. Еще одна зона производства орудий труда для деревообработки приурочена к восточной части усадьбы (об. 2, 16 и 21). К сооружениям усадьбы мы относим и объект 25 (погребение) (см. ниже).

Отсутствие в усадьбе № 1 стационарных отопительных сооружений и наличие очажных выбросов в мусорной яме (об. 1) свидетельствуют о том, что для обогрева использовались переносные сооружения типа жаровен (обломок одной из них был найден в усадьбе № 2 – рис. 7,13). Помимо этих наблюдений, показателем стационарного проживания населения в этой усадьбе являются находки, связанные как с земледелием (серпы), так и со сферой женщины и семьи (пряслица, зооморфная фигурка).

Усадьба № 2 осталась наименее исследованной, но характер заполнения объекта 3 позволяет предположить также наличие перекрытий на ее территории. Само же сооружение (об. 3 – рис. 4,5) первоначально функционировало для производственных целей (= зона производства орудий труда для деревообработки), впоследствии использовалось как мусорная яма.

Была раскопана лишь северная часть усадьбы № 3, объект 26 которой (аналогичный по конструкции об. 14 – с заглубленной южной частью и входом с С стороны) мог использоваться в качестве небольшого складского (-?) помещения (рис. 4,8). В объекте 20 было найдено наибольшее количество изделий из кремня (138), известное в закрытых комплексах этого поселения – это также зона производства орудий труда для деревообработки.

Керамическая коллекция раннего железного века Тэтэрэука Ноуэ XV имеет не только прямые аналогии среди посуды позднечернолесской культуры Среднего Днестра, но и демонстрирует одинаковую с ней специфику.

В позднечернолесской культуре не только Среднего Днестра, но и всей территории ее распространения тюльпановидные горшки (тип I ТН XV – рис. 6,7-8.10-11; 7,9; 8,5.8; 9,5.8; 10,8.10;11,5-6.8) являются основным типом кухонной посуды (Тереножкин 1961, 60 и сл.; Смирнова 1982, 41-46; она же 1983, 60 и сл.; она же 1985, 12 и сл.; Левицкий 1987, 93 и сл.; Крушельницька 1998, 147 и сл.). Тюльпановидные сосуды с пояском вдавлений (в ТН XV – рис. 6,8) в керамическом комплексе среднеднестровской позднечернолесской культуры были выделены в отдельный тип (Смирнова, Кашуба 1988, 21 и сл., рис. 3).

Баночные и бочонковидные сосуды (в ТН XV – рис. 6,1.3.6; 8,2; 9,4; 10,7; 11,2.4.7) также являются хорошо известными типами в позднечернолесской культуре, но не исключено, что какая-то часть кухонной посуды (особенной с внутренней ярко-оранжевой, красной поверхностью) могла относиться к банкам голиградского типа, выделенным в этой культуре в самостоятельный тип (Смирнова, Кашуба 1988, 21 и сл.).

[1] См. также статью О. Ларионовой в настоящем издании.

воение местными керамистами гальштатских достижений в керамическом производстве), когда для кухонной посуды (глиняное тесто которой и обработка поверхности традиционно были более низкого качества) начинают применяться технологии, используемые для изготовления качественных лощеных сосудов.

Рассматривая керамику из сооружений (добавляя и немногочисленные вещевые находки), к самым ранним среди раскопанных объектов можно относить объект 3 (и, видимо, усадьбу № 2 в целом) (рис. 4,5; 7). В яме (об. 3) было найдено не только самое большое количество керамики, среди которой высока доля качественной лощеной (и тонкостенной, в том числе) посуды, но и обушная часть топора-молота (рис. 7,12). Массивные каменные топоры-молоты широко представлены в Северном Причерноморье еще в культурах средней и поздней бронзы и продолжают использоваться в предскифское время, являясь показателем сохранения такой традиции в лесостепных культурах (Кашуба 2000, 321).

Анализ керамики раннего железного века ТН XV показывает ее полное соответствие с керамическим комплексом позднечернолесской культуры Среднего Днестра, что позволяет относить поселение в целом к позднечернолесской культуре. Единственный возникающий при этом вопрос – это соответствие между такой трактовкой и датировкой бронзового наконечника стрелы из погребения (об. 25), который выступает для раскопанных материалов поселения едва ли не единственным хроноиндикатором.

Ситуация, связанная с погребением *(датировка).* Анализ характера заполнения объекта 25, положение остатков погребенного и проделанный антропологический анализ[1] позволяют предположить следующую ситуацию, связанную с захоронением (рис. 5,3).

Под захоронение было использовано хозяйственное сооружение типичной формы (округлая яма, колоколовидная в сечении), занимающее в усадьбе № 1 несколько обособленное положение (самый северный объект, берег реки). После захоронения в яме было возведено перекрытие (3 столбовые ямки на дне), поддерживающее на уровне древнего горизонта заклад из известняковых камней. Причиной смерти погребенного мужчины явилось ранение в голову (наконечник стрелы найден в лицевом отделе черепа).

Через некоторое непродолжительное время (в течение жизни того поколения, при котором этот мужчина был похоронен = часть сдвинутых костей найдена в сочленении, тогда как период естественной мацерации составляет не менее 30 лет) погребение было вскрыто, при этом камни заклада попали в яму. Тело погребенного было перевернуто на левый бок и расчленено: череп был отделен и трепанирован, кисти и стопы отсечены (при этом разрушены диафизы и эпифизы). Характер положения сохранившихся костей показывает, что такие манипуляции с остатками тела были проделаны в самой яме (трепанация черепа производилась на большом камне в З части, где зафиксированы мелкие кусочки черепа и нижняя челюсть). После всего яма была засыпана находившимся вокруг грунтом, а вырезанный фрагмент черепа (рис. 5,2) был брошен (утерян-?) неподалеку.

Заключения антропологов А. Варзаря и Д. Пежемского предлагают любопытную информацию. Захороненный на поселении ТН XV мужчина испытывал повышенную физическую нагрузку на бедро и значительные нагрузки на правое плечо (конный лучник-?). Он демонстрирует реальное сходство с тремя мужчинами, захороненными на позднесахарнянском святилище Хлижень II-Ла Шанц, особенно с одним из них (из парного погребения в округлой яме, СЗ ориентировки).

С хлиженскими материалами близкое сходство показывает и характер обработки костей человеческих скелетов в ритуальных скоплениях и культурном слое Хлижень II-Ла Шанц найдено значительное число вырезанных фрагментов человеческих черепов (чаще всего лобной или теменной костей) и более 10 длинных костей с удаленными эпифизами/диафизами. У скелета из другого (одиночного) захоронения отсутствовали череп и предплечье правой руки, – кости, которые могли находиться в культурном слое зольника (Гольцева, Кашуба 1995, 11 и сл., табл. XIV; XXXVI; XXXVII; Литвинова 1995, 91-99).

[1] См. статью Варзарь, Пежемский, Ларина в настоящем издании.

В добавление аналогий из сахарнянской среды упомянем и грунтовое погребение XIX Сахарнянского могильника I с каменным закладом и погребенным/погребенной на правом боку и СЗ ориентировкой (Кашуба 2000, табл. VII,2-3). В целом же, СЗ ориентировка погребенных в культуре Козия-Сахарна составляет 15,5 %, при этом большим числом (21,4 %) она известна в грунтовых захоронениях, представляющих местную северопричерноморскую традицию (Кашуба 2000, 274 и сл., табл. IX).

Приведенные аналогии, несмотря на пока небольшой объем антропологического материала, могут дополнительно свидетельствовать не только о тесных контактах между племенами поздней Сахарны и позднего Чернолесья, но и продвижении части позднесахарнянского населения к северу, в центральную зону Среднего Днестра, в более глубинные районы лесостепи.

В позднечернолесской культуре Среднего Днестра известны курганно-грунтовые могильники (Бернашовка), где грунтовые захоронения представлены как простыми прямоугольными ямами, так и с каменной облицовкой стен (Гуцал 1998, 34-35). На поселениях у Непоротово были найдены несколько захоронений в ямах (с СЗ ориентировкой погребенных), одно из которых имело навес-перекрытие (Крушельницька 1998, рис. 14,6; 18,1). Навес-перекрытие («домик мертвых», согласно С.Н. Бибикову и И.Г. Шовкоплясу) зафиксирован в погребении 1 кургана 1 могильника Лука-Врублевецкая (Шовкопляс 1952, 7 и сл.).

Ведущими же признаками погребального обряда позднего Чернолесья на Днестре являются скорченное положение погребенных преимущественно на правом боку и преобладающая СЗ ориентировка (Кашуба 2000, 290-291).

Найденный в погребении наконечник принадлежит к стрелам жаботинского типа, существовавшим во второй половине 8–начале 7 вв. до н.э. (Медведская 1992, 86 и сл.). Отметим, что археологическая датировка (конец 8 в. до н.э.), предложенная для кургана 15 Стеблёва (где найдены аналогичные наконечники стрел – Клочко, Скорый 1993, 80-81, рис. 3,9-13; 6,1-6) была уточнена датировками ^{14}C – это поздний 8 в. до н.э. с ранними скифскими аналогиями (Alekseev et al. 2002, 144 etc., tab. 1). Среди жаботинских стрел вплоть до середины 7 в. до н.э. бытовали наконечники с ромбической головкой, встречаясь еще в колчанных наборах 2 этапа РСК (Медведская 1992, 87-88; Полін 1987, 21 и сл.; он же 1996, 120).

Наиболее близкие аналогии наконечнику из ТН XV среди раннескифских стрел дают экземпляры, обнаруженные в регионе Северной Бессарабии – это стрелка из погребения Куконештий Векь (Дергачев 1979, 240, рис.1,4; он же 1982, 103; Левицкий, Демченко 1995, рис. 3,1), и особенно наконечник, найденный в микрозоне Рудь (Левицкий, Демченко 1995, рис. 3,3). Хотя эти обе находки были соотнесены со временем появления скифов на Среднем Днестре, что определяется 2 этапом РСК (Смирнова 1993, 101 и сл.; Левицкий, Демченко 1995, 41 и сл.), было высказано мнение о более ранней датировке отдельных раннескифских комплексов в Бессарабии, в том числе погребение Куконештий Векь было передвинуто в первую половину 7. в. до н.э. (Gawlik 1998, 54-56). Близким является и наконечник, но с короткой втулкой, обнаруженный на Немировском городище, который Г.И. Смирнова продатировала широко, в пределах второй половины 8. – начала 7. вв. до н.э., с учетом наличия на памятнике финально чернолесских и раннескифских материалов (Смирнова 2002, 220, 221, рис. 2,4).

Захороненный на поселении ТН XV обнаруживает все признаки погребальной обрядности позднечернолесской культуры Среднего Днестра (каменный заклад, перекрытие, скорченное положение, правый бок, СЗ ориентировка), при этом имея близкое сходство, в том числе по характеру произведенных ритуальных действий, с позднесахарнянскими материалами из лесостепной Бессарабии. Все это позволяет относить время совершения захоронения ко второй половине 8. в. до н.э. Учитывая хронологический диапазон бытования наконечников жаботинского типа и факт вскрытия могилы для совершения ритуальных действий, погребение можно датировать в пределах конца 8–рубежа 8-7 вв. до н.э.

Время же существования самого поселения ТН XV в раннем железном веке можно определить в пределах конца 8 в. до н.э. и относить к финальной фазе позднечернолесской культуры на Среднем Днестре.

Результаты

Хотя была раскопана лишь часть поселения ТН XV, полученные материалы раннего железного века позволяют сделать некоторые заключения не только о характере этого отдельного памятника позднечернолесской культуры, но и акцентировать внимание на ситуации времени конца 8 в. до н.э. и рубежа 8-7 вв. до н.э. на Среднем Днестре.

Несмотря на то, что все наземные конструкции усадеб сгорели при пожаре (см. заполнения об. 14-17, 21 усадьбы № 1 и об. 3 усадьбы № 2), этот участок поселения (и, возможно, и само поселение) не был внезапно покинут жителями. Это подтверждает также характер и объем керамической коллекции. Сильно фрагментированные обломки посуды (при отсутствии даже в сооружениях целых форм) представляют собой обычный фон для культурного слоя поселения. С другой стороны, столь малое количество найденной посуды и наличие деревообработки как основной отрасли специализации (когда присутствует значительная дифференциация размеров и видов инструментов, позволяющих производить не только крупные предметы, но и домашнюю утварь, и сложные составные предметы), может означать также, что в быту широко применялась различная деревянная посуда (малые и крупные формы).

Поселение ТН XV на финальном этапе позднечернолесской культуры представляется как специализированный поселок производственного характера (возможно, частично сезонный), жители которого занимались преимущественно деревообработкой и придомным животноводством[1]. Также значительную роль играла охота, являясь дополнительным источником мясной пищи. Произведенными изделиями могли снабжаться многие расположенные неподалеку поселения позднечернолесской культуры. Так, в 1,5-2 км к ЮЗ на высоком коренном берегу, размещается многослойный памятник типа городища – Тэтэрэука Ноуэ V (Пискул Гол), где в процессе разведывательных раскопок был выявлен слой с синхронными материалами раннего железного века (Sava ş.a. 1995, 289). В близлежащих территориях к СЗ от поселения ТН XV известно порядка 9 поселений (в том числе 3 укрепленных – рис. 13), на которых выявлены слои раннего железного века с материалами позднечернолесской культуры (Лапушнян и др. 1974, 12 и сл.; Sava ş.a. 1995, 281 и сл.). Можно предположить связь между отмеченными памятниками, обусловленную не только географической близостью, но и экономическими соображениями – основание производственного поселка ТН XV могло быть вызвано необходимостью в изделиях деревообработки [горбыли, доски, бревна для каркасов жилищ, плавсредства (лодки, плоты), домашняя утварь, сложные составные предметы (оправы серпов и др.)], возникшей во второй половине-конце 8 в. до н.э. в этом микрорегионе. Уже давно высказывались предположения как о наличии деревообработки в раннескифское время (жаботинский этап) в Среднем Поднепровье, так и воспроизведении керамистами в глине отдельных форм, выработанных в местной резьбе по дереву (например, плоский черпак с очень высокой тонкой ручкой – Тереножкин 1961, 78; также см. Дараган 2004, 53). Однако только после проведенных исследований на поселении ТН XV можно уверенно считать, что деревообработка являлась довольно развитой среди населения позднейшего предскифского времени на Среднем Днестре.

Факт обнаружения наконечника жаботинского типа в позднейшем позднечернолесском контексте является не единственной находкой такого рода на Среднем Днестре. Известны уже упоминаемый наконечник из Рудь (Левицкий, Демченко 1995, рис. 3,3), а также небольшая серия жаботинских стрел с ромбической головкой на Рудковецком городище (Гуцал 2000, рис. 3,1-8). Такие материалы, а также наличие в регионе многослойных бытовых памятников (Непоротово, Рудковецкое городище) и могильников (Бернашевка) с культурно-хронологическими горизонтами позднечернолесской и раннескифской культур (период с конца 10/9. вв. до н.э. до (как минимум) середины 7 в. до н.э.) позволяют заключить, что позднечернолесская культура на Среднем Днестре доживает вплоть до появления в Северном Причерноморье ранних скифов (конец 8 в. до н.э. – см. Alekseev et al. 2002, tab. 1; Alekseev 2004,

[1] Важное значение, видимо, имело само место основания поселка (близость к источникам сырья и воде), так как жители были вынуждены размещать свои усадьбы на свободных от скоплений раковин-унионитов площадях.

10 и сл.). Это также может означать, что жаботинский этап на Среднем Днестре если даже и существовал, то ранние его фазы представлены здесь позднейшими материалами позднечернолесской культуры, и, скорее всего, для этого региона предпочтительней использовать понятие «жаботинское время» (не этап-!), что и есть раннескифский период.

В связи с находками жаботинских наконечников стрел в регионе можно поставить вопрос и о первых проникновениях скифов на Средний Днестр уже в конце 8 в. до н.э. Отметим, что А.Ф. Гуцал жаботинские наконечники на Рудковецком городище датирует несколько поздним временем – второй четвертью 7 в. до н.э. (Гуцал 2000, 75). Использование в данном случае понятия "проникновения" позволяет акцентировать тот факт, что это вовсе не означает присутствие ранних скифов в среднеднестровском регионе уже в конце 8 в. до н.э. и, с другой стороны, вполне допустимо и не связывать такие наконечники с собственно скифами.

Возвращаясь к материалам поселения ТН XV, можно подчеркнуть то обстоятельство, что захороненный мужчина, будучи, вероятно, всадником (-?) (конным лучником-?) погиб в результате некоего вооруженного конфликта, в котором использовалось новейшее для того времени оружие. Возможно, такое столкновение происходило неподалеку от поселения ТН XV, а он, будучи жителем (родственником или связанным иными социальными отношениями), был захоронен на территории поселка. После этого столкновения, согласно анализу полученных материалов, в начале 7 в. до н.э. производственный поселок прекратил свое существование.

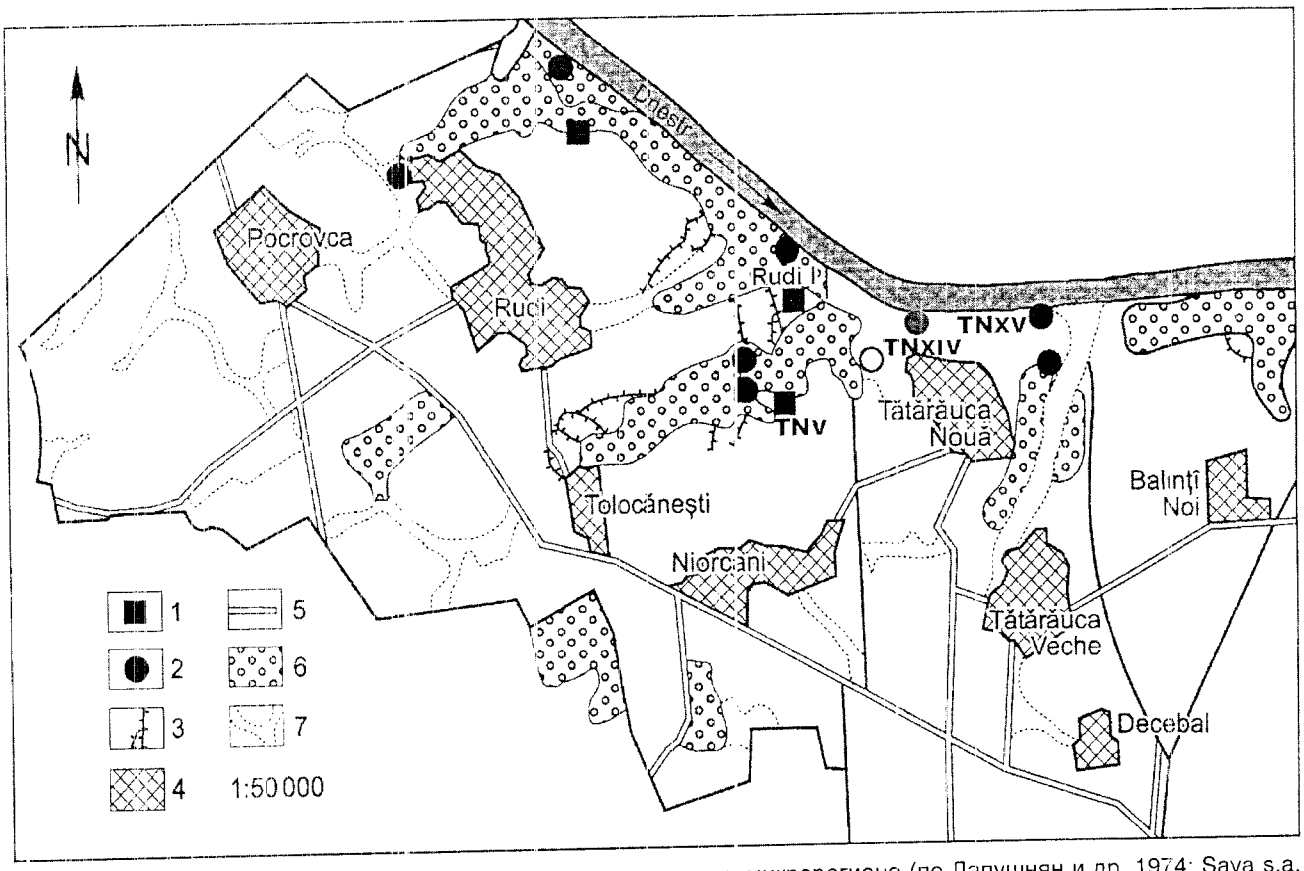


Рис. 13. Поселение Тэтэрэука Ноуэ XV и синхронные памятники микрорегиона (по Лапушнян и др. 1974; Sava ş.a. 1995, Ларина и др.1997). Условные обозначения: 1-городища; 2-поселения; 3-валы; 4-современные населенные пункты; 5-дороги; 6-леса; 7-овраги и урочища.

Библиография

Варзарь, Пежемский 2003: А. Варзарь, Д. Пежемский, Палеоантропологический материал из позднетрипольского комплекса Тэтэрэукэ Ноуэ XV. In: Interferenţe cultural-cronologice în spaţiul nord-pontic (Chişinău 2003), 81-88.

Гольцева, Кашуба 1995: Н.В. Гольцева, М.Т. Кашуба, Глинжень II. Многослойный памятник Среднего Поднестровья (Тирасполь 1995).

Гуцал 1998: А.Ф. Гуцал, Бернашевский могильник из Среднего Поднестровья в системе памятников раннего железного века. В кн.: Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. Материалы конференции к 100-летию М.И. Артамонова (Санкт-Петербург 1998), 34-35.

Гуцал 2000: А.Ф. Гуцал, Рудковецьке городище і перший похід скіфів у придністровський лісостеп. В кн.: Давня і середньовічна історія України (історико-археологічний збірник). На пошану Іона Винокура з нагоди його 70-річчя (Кам'янець-Подільський 2000), 69-79.

Дараган 2004: М. Дараган, Палеоэкономика Жаботинского поселения. В сб.: Палеоекономіка раннього залізного віку на території України (Київ 2004), 32-65.

Дергачев 1979: В.А. Дергачев, Раннескифское погребение на Среднем Пруте. СА 3, 1979, 239-241.

Дергачев 1982: В.А. Дергачев, Материалы раскопок археологической экспедиции на Среднем Пруте (1975-1976 год) (Кишинев 1982).

Кашуба 2000: М.Т. Кашуба, Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия-Сахарна). Stratum plus 3 (СПб-Кишинев-Одесса-Бухарест 2000), 241-488.

Клочко, Скорий 1993: В.І. Клочко, С.А. Скорий, Курган № 15 біля Стеблева у Поросі. Археологія 2, 1993, 71-84.

Крушельницька 1976: Л. Крушельницька, Північне Прикарпаття і Західна Волинь за доби раннього заліза (Київ 1976).

Крушельницька 1998: Л. Крушельницька, Чорноліська культура Середнього Придністров'я (за матеріалами непоротівської групи пам'яток) (Львів 1998).

Лапушнян и др. 1974: В.Л. Лапушнян, И.Т. Никулицэ, М.А. Романовская, Памятники раннего железного века. Археологическая карта Молдавии (4) (Кишинев 1974).

Ларина 2003: О. Ларина, Позднетрипольское погребение гординештского типа на Днестре. In: Interferenţe cultural-cronologice în spaţiul nord-pontic (Chişinău 2003), 57-80.

Ларина и др. 1997: О.В. Ларина, К.-П. Вехлер, В.А. Дергачев, С.И. Коваленко, В.М. Бикбаев. Новые полевые исследования памятников мезолита и неолита Молдовы. В сб.: Vestigii arheologice din Moldova (Chişinău 1997), 62-110.

Левицкий 1987: О.Г. Левицкий, Горизонт раннего железного века на многослойном памятнике Мерешовка. В сб.: Молдавское Поднестровье в первобытную эпоху (Кишинев 1987), 92-106.

Левицкий, Демченко 1995: О.Г. Левицкий, Т.М. Демченко, Памятники скифской архаики на территории Молдовы. Древности Северо-Западного Причерноморья и Крыма (V) (Запорожье 1995), 41-53.

Литвинова 1995: Л.В. Литвинова, Антропологический материал из раннегальштатского зольника цитадели городища Глинжень II. В кн.: Н.В. Гольцева, М.Т. Кашуба, Глинжень II. Многослойный памятник Среднего Поднестровья (Тирасполь 1995), 91-99.

Медведская 1992: И.Н. Медведская, Периодизация скифской архаики и Древний Восток. РА 3, 1992, 86-107.

Полін 1987: С.В. Полін, Хронологія ранньоскіфських пам'яток. Археологія 59, 1987, 17-36.

Полін 1996: С.В. Полін, Про хронологію ранньоскіфської культури. Археологія 4, 1996, 115-136.

Свєшніков 1964: І.К. Свєшніков, Пам'ятки голіградського типу на Західному Поділлі. МДАПВ 5 (Київ 1964), 40-66.

Смирнова 1969: Г.И. Смирнова, Поселение Магала-памятник древнефракийской культуры в Прикарпатье. В кн.: Древние фракийцы в Северном Причерноморье. МИА 150 (Москва 1969), 7-34.

Смирнова 1976: Г.И. Смирнова, Гавско-голиградский круг памятников Восточно-Карпатского бассейна. АСГЭ 17, 1976, 18-34.

Смирнова 1978: Г.И. Смирнова, Поселение скифского времени у села Долиняны в Днестровском Правобережье (по материалам раскопок 1972-1973 гг.). АСГЭ 19, 1978, 29-36.

Смирнова 1982: Г.И. Смирнова, Закрытые предскифские комплексы у с. Днестровка-Лука. В кн.: Древние памятники культуры на территории СССР (Ленинград 1982), 30-53.

Смирнова 1983: Г.И. Смирнова, Материальная культура Григоровского городища (к вопросу о формировании чернолесско-жаботинских памятников). АСГЭ 23, 1983, 60-71.

Смирнова 1985: Г.И. Смирнова, Поселение у с. Днестровка – памятник чернолесской культуры на Днестре. АСГЭ 26, 1985, 5-29.

Смирнова 1993: Г.И. Смирнова, Памятники Среднего Поднестровья в хронологической схеме раннескифской культуры. РА 2, 1993, 101-118.

Смирнова 2002: Г.И. Смирнова, Немировское городище в хронологической схеме скифской архаики Северного Причерноморья. В сб.: Северное Причерноморье: от энеолита к античности (Тирасполь 2002) 217-233.

Смирнова, Кашуба 1988: Г.И. Смирнова, М.Т. Кашуба, О двух локальных группах культуры позднего Чернолесья на Среднем Днестре. АСГЭ 29, 1988, 18-28.

Новокопляс 1952: І.Г. Новокопляс, Курганний могильник передскіфського часу на Середньому Дністрі. АН УРСР IV, 1952, 5-10.

Alekseev 2004: A.Yu. Alekseev, Some chronological problems of European Skythia: archaeology und radiocarbon. In: E.M. Scott et al. (eds.) Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia, NATO Science Series IV: Earth and Environmental Sciences, vol. 42 (Dordrecht-Boston-London 2004), 9-19.

Alekseev et al. 2002: A.Yu. Alekseev, N.A. Bokovenko, Yu. Boltrik, K.A. Chugunov, G. Cook, V.A. Dergachev, N. Kovaliukh, G. Possnert, J. van der Plicht, E.M. Scott, A. Sementsov, V. Skripkin, S. Vasiliev, G. Zaitseva, Some problems in the study of the chronology of the ancient nomadic cultures in Eurasia (9th – 3rd BC). Geochrono-

metria. Journal on Methods and Applications of Absolute Chronology 21, 2002, 143-150.

Barthel u.a. 1980: S. Barthel u.a., Typentafeln zur Ur- und Frügeschichte. 1. Ergänzung (Weimar 1980).

Gawlik 1998: A. Gawlik, Znaleziska scytyjskie na Wyżynie Mołdawskiej i Besarabskiej. Materiały i Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego XIX (Rzeszów 1998), 53-79.

Sava, şi a. 1995: E. Sava, I. Manzura, M. Teaciuc, S. Kurciatov, V. Bubulici, R. Rabinovici, V. Gukin, R. Alaiba, M. Bădău-Wittenberger, Investigaţiile istorico-arheologice efectuate în microzona istorico-naturală Rudi-Tătărăuca Nouă-Arioneşti – raionul Dondiuşeni, Republica Moldova. Cercetări arheologice în aria Nord-Tracică (I) (Bucureşti 1995), 281-357.

Schreg 1998: R. Schreg, Keramik aus Südwestdeutschland. Eine Hilfe zur Beschreibung, Bestimmung und Datierung archäologischer Funde vom Neolitikum bis zur Neuzeit (Tübingen 1998).

Wechler und col. 1998: K.-P. Wechler, V. Dergačev, O. Larina, Neue Forschungen zum Neolithikum Osteuropas. Ergebnisse der moldawich-deutschen Geländearbeiten 1996 und 1997. PZ 73, 2, 1998, 151-166.

Ольга Ларина,

Институт Археологии и Этнографии, Академия Наук Республики Молдова. ул. Митрополит Бэнулеску-Бодони 35, MD-2012 Кишинэу, Республика Молдова

Майя Кашуба,

Институт Археологии и Этнографии, Академия Наук Республики Молдова, ул. Митрополит Бэнулеску-Бодони 35, MD-2012 Кишинэу, Республика Молдова

Производственно-хозяйственный комплекс поселения позднечернолесской культуры Тэтэрэука Ноуэ XV

Ольга Ларина, Кишинэу

În articol se publică materiale, legate de activitatea economică în cadrul aşezării culturii Černoless târzie Tătărăuca Nouă XV, raionul Donduşeni RM, investigată în anul 1997. Un interes aparte pentru tema dată reprezintă o parte dominantă a materialului din silex (peste o mie de piese). În limitele arealului de est a culturii sunt descoperite cinci puncte de prelucrare a silexului. Este stabilită gradarea monumentelor după utilizarea materialului dat. Problema „renaşterii" prelucrării silexului în cultura Černoless târzie este redată din punct de vedere al crizei economice, în urma situaţiei politice (militare) instabile.

В статье публикуются материалы, связанные с производственно-хозяйственной деятельностью на поселении поздней чернолесской культуры Тэтэрэука Ноуэ XV район Дондюшень Республика Молдова, исследованного в 1997 году. Особый интерес к этой теме обусловлен преобладанием в коллекции изделий из кремня (более 1 тыс. предметов). Их анализ позволил выявить технико-технологические особенности раскалывания кремня; определить характер орудийного набора и основные виды деятельности населения. Установлено, что кремнепроизводство было ориентировано на внутренние потребности обитателей и обеспечивало орудиями все сферы жизнедеятельности: домашние промыслы (20%), земледелие (6%) и, главным образом, деревообрабатывающую отрасль (более 50% орудий). Что косвенно указывает и подтверждает полное отсутствие орудий из металла. В пределах восточного ареала культуры выявлено пять очагов кремнепроизводства. Установлена градация памятников по степени использования этого материала. Проблема "возрождения" кремнеобработки в поздней чернолесской культуре рассматривается с точки зрения экономического кризиса, обусловленного нестабильной политической (военной) ситуацией.

The materials are published in article, connected to industrial - economic activities on settlement late Cernolessky culture Тэтэрэука Ноуэ XV area Dondjushen Republic Moldova, investigated in 1997. Special interest to this theme is caused by prevalence in a collection products from silex (more than 1 thousand subjects). Within the limits of east area of culture it is revealed five centers of silex production. The gradation of monuments on a degree of use of this material is established. It is offered to consider a problem of "revival" silex production in late Cernolessky culture from the point of view of an economic crisis caused by an astable political (military) situation.

Данная работа продолжает[1] представление материалов памятника Тэтэрэука Ноуэ XV (север Молдовы), исследованного в 1997 году.

Выделение аспекта производственно-хозяйственной деятельности на поселении в тему отдельной статьи было обусловлено главным образом обилием находок из кремня, которые, наряду с изделиями из камня и кости, составили четко выраженный производственный комплекс. Его анализ позволяет определить качественные особенности самой кремнеобработки. Вряд ли можно настаивать на особой актуальности этого вида деятельности для эпохи раннего железа. Но для позднечернолесской культуры на Днестре кремень и его обработка все больше приобретают статус проблемы. Почти каждый вновь исследуемый памятник содержит эту категорию инвентаря.

Особенно расширился круг источников в последнее десятилетие. Археологические работы, проведенные сотрудниками ИА АН Молдовы и ВАШа[2] в микрозоне сел Рудь-Тэтэрэука Ноуэ район Дондюшень, дополнили количество разведанных (Sava ş.a. 1995, 281-303; Ларина и др. 1997, 102-107) и исследованных объектов. Фактически с 1995 по 2002 г. копались все, составляющие микрорегион, позднечернолесские памятники.

В 1993 г. проведены разведывательные раскопки на городище Тэтэрэука Ноуэ V "Пискул Гол"(далее ТН V) (рис. 14,3) (Sava ş.a. 1995, 292-299). Наиболее планомерно, на протяжении шести полевых сезонов, в 1995, 1997-2000, 2002 годах, проводилось доисследование городища Рудь I "Ла Шанцурь" (рис. 14,4). Параллельно в 1997 и 2001 гг. изучалось поселение Тэтэрэука Ноуэ XIV (далее ТН XIV) (рис. 14,2). Все эти памятники, вместе с ТН XV (рис. 14,1),

[1] см. статью Ларина, Кашуба в настоящем сборнике.

[2] Высшая Антропологическая Школа (Кишинэу)

фиксируют крайний юго-западный рубеж ареала культуры. На каждом обнаружены кремневые изделия.

Кроме того, значительное число кремня видимо содержал также и позднечернолесский горизонт многослойного городища Мерешовка-Четэцуе район Дондюшень (рис. 14,5), хотя этот факт не оговорен исследователями. Судить можно только по отдельным иллюстрациям и рисункам предметов в Отчете, которые, к сожалению, не соотнесены ни со слоями, ни с текстом (Власенко, Сорокин 1980, рис. 10,1.3.6.11; 12,1-14; 13,1-7).

И наконец, масштабная обработка кремня в позднечернолесский период зафиксирована Г.Ф. Петруней при обследовании группы местонахождений у с. Наслача (Карпов Яр) район Дондюшень (рис. 14,6). Причем часть из них были определены как мастерские-стоянки, где могли изготавливаться орудия для потребностей близлежащих поселений и городищ (Петрунь 1998).

Для украинской части западного ареала культуры кремневые изделия наиболее масштабно представлены на поселениях у с. Непоротово (Непоротово I, II, III) (Крушельницька 1985, 113-115; 1998, 13-125), имеются в Ленковцах (Мелюкова 1958, 18, 20). На прочих, исследованных, чаще представлены готовыми орудиями, например: Днестровка-Лука, Григоровка (Смирнова 1982, 44; она же 1983, 65-67; Смирнова, Кашуба 1988, 19-20).

Общие параметры пространственно-хронологического аспекта употребления кремня в среде Черняховской культуры определены давно и соответствуют вышеприведенным данным: максимальное использование кремня приходится на позднюю фазу существования культуры (Черняховье II), а территория увязывается лишь с крайне западной ее периферией ("анклавом" Среднего Днестра) (Тереножкин 1961, 83-89; Археология УССР 1986, 30).

Потребовалось почти 40 лет, чтобы от констатации факта наличия и использования кремня в раннем железном веке (Мелюкова 1958, 14) перейти к его анализу (Крушельницька 1998, Кашуба 2000). Однако, информационный потенциал источника еще не использован в полной мере. Отсутствуют конкретные разработки по определению как технико-технологических особенностей страсли, так и социально-экономических условий ее функционирования. Не решены, связанные с ней, самые простые вопросы: кто, где и (главное), как колол кремень?

Значимость Тэтэрэука Ноуэ XV (далее ТН XV) состоит в том, что его материалы позволяют конкретно обсуждать предложенные вопросы (не претендуя на окончательность выводов). Основной задачей исследования представляется максимально полная и всесторонняя публикация материалов, типа Свода, позволившего бы в перспективе проводить сравнительный анализ как в пределах культуры, так и шире. По степени приоритетности, в этой связи, главным является выяснение особенностей раскалывания кремня на уровне технико-технологических показателей. И соответственно далее, в системе типов определение характера орудийного набора с выходом на производственно-хозяйственные сферы деятельности населения. Что должно в итоге служить основанием для уточнения вида памятника в контексте культуры.

Предваряя результаты исследования, отметим, что некоторую сложность представляла выработка ценностных критериев, по которым необходимо было расчленить коллекцию в 4,5 тыс. предметов, оставленную носителями трех «камненосных» эпох: неолит, энеолит, ранний железный век. Стерильные прослои между ними отсутствовали. К тому же, механические нарушения верхнего слоя (смещение грунта) должны были исказить естественную картину депонирования артефактов. Однако принадлежность предметов из перемещенного грунта к раннему железному веку не вызывает сомнений, поскольку нижние слои при этом затронуты не были.

С верхним слоем памятника, черняховским поселением, оказалось связано почти 40% находок. Чтобы свести к минимуму действие субъективного фактора, предметы из слоя учитывались лишь по уровень обитания в раннем железном веке. Не представлены в данной работе материалы из явно смешанных скоплений, даже если отдельные из них, по нашему мнению, и могли относиться к раннему железному веку.

Общие сведения о коллекции. Учтено 1278 предметов из кремня, камня и костей животных, связанных с производственно-хозяйственной сферой деятельности его обитателей. Самую значительную часть составляют изделия из кремня (1245 экз. 97,4 % от всех). Другие породы камня (гранитно-гнейсовые, песчаник, сланец) использовались значительно реже (31 экз. 2,4%). Обработка кости представлена единичными предметами (2 экз. 0,2%).

Более четверти всех находок (340 экз. 27%) обнаружено в закрытых комплексах. Именно они служат для нас основным мерилом правомерности культурной идентификации и максимально полно отражены в иллюстрациях.

Источником поступления сырья, в частности кремня, служило месторождение, переотложенные залежи которого в настоящее время устилают дно оврага-яра, промытого ручьем. Ручей берет начало на плато к югу от поселения и впадает в р. Днестр в 200 м ниже от него. На своем пути до устья он вскрывает практически всю толщу наслоений, вымывая меловой валунчатый кремень нижнего тортона (Петрунь 1998, 96). Во времена обитания на поселении, выходы кремня вероятно не были такими мощными, и его скорее всего добывали. Известно, что кремень из залежей более лучшего качества, а побывавший на поверхности утрачивает их из-за внутриструктурных изменений.

Гальки, плитки из прочих пород камня (песчаник, сланец, гранит) и сейчас являются обычными находками на бечевнике реки и в тальверге ручья.

Характеристика сырья. Основная масса инвентаря изготовлена из местного валунного/галечного кремня. Меловые поверхности его с разной степенью интенсивности окатаны и сглажены. Преимущественно использовался цветной матовый: черный; черный со светло и темно-серыми прожилками (более 48%); серый пятнистый с прожилками светло, темносерогого и черного (до 20%). Значительную часть составляет полупрозрачный серый и галечный черно-коричневый со следами ожелезнения (27%). Прочие единичные представлены крупными конкрециями кремня с меловой пенистой непереработанной коркой, плитчатым кремнем, изделиями из кварцита. Диссонирует в коллекции орудие на отщепе серого с голубыми прожилками кремня.

Это тот самый набор кремня право и левобережья Среднего Днестра, физические свойства которого в превосходной степени оценивают геологи, сравнивая с некоторыми сортами железа (Петрунь 1998, 97), а пластические археологи (Бибиков 1953, 79; Коробкова, Гиря 1987, 1-3).

Изделия из кремня. Изучаемая коллекция кремневых орудий и продуктов расщепления насчитывает 1245 экз.

При их исследовании применены методические и практические разработки С.А. Семенова (1957; 1968), С.А. Семенова и Г.Ф. Коробковой (1983), Г.Ф. Коробковой (1969; 1987), Е.Ю. Гири (1997). Статистический учет продуктов расщепления (пластины, отщепы) проведен с использованием значимых параметров, установленных на материалах нео-энеолита (Коробкова 1987, 15). Для отщепов диаметр: мелкие (от 1 до 3 см), средние (от 3 до 5 см), крупные (от 5 до 7 см), очень крупные (свыше 7 см). Для пластин соответственно по ширине: мелкие (до 0,7 см), средние (0,7-1,5 см), крупные (1,5 –2,5 см), очень крупные (свыше 2,5 см).

Технико-технологические особенности расщепления на памятнике представлены с учетом всего ансамбля кремневых изделий (Табл. 1)

ТАБЛИЦА 1. ТЕХНИКА РАСЩЕПЛЕНИЯ НА ТЭТЭРЭУКА НОУЭ XV.

категория	группа	тип	Наименование категории групп, типов	Общее число изделий	%		
					От общего числа изделий	от категории	от группы
А			**Первичное расщепление**	729	58,50%	729= 100,0	
	I		Ядрища	140	11,2	19,2	140=100,0
		1	Конкреции	22	1,8	3	15,7
		2	Гальки	6	0,5	0,8	4,3
		3	Пренуклеусы	5	0.4	0.7	3,60%

категория	группа	тип	Наименование категории групп, типов	Общее число изделий	%		
					От общего числа изделий	от категории	от группы
		4	Нуклеусы	40	3,20%	5,5	28,6
		5	Обломки нуклеусов	45	3,60%	6,20%	32,1
		6	Сколы оживления	15	1,2	2,1	10,7
		7	Ребристые сколы	7	0,5	0,9	5
	II		Технические сколы	589	47,3	80,8	589=100,0
		8	Сколы -обломки крупные	281	22,6	38,5	47,7
		9	Сколы-обломки мелкие	308	24,7	42,3	52,3
Б			**Заготовки и отходы**	516	41,5	516= 100,0	
	III		Отщепы	413	33,2	80	413=100,0
		10	Чешуйки до 1 см	1	0,1	0,2	0,2
		11	Мелкие от 1 до 3 см	213	17,1	41,3	51,6
		12	Средние от 3 до 5 см	159	12,8	30,8	38,5
		13	Крупные от 5 до 7 см	34	2,7	6,6	8,2
		14	Очень крупные более 7 см	6	0,5	1,1	1,5
	IV		Пластины	104	8,3	20	104=100,0
		15	Мелкие до 0,7		0,1	0,2	1
		16	Средние от 0,8 до 1,4	53	4,2	10,3	51
		17	Крупные от 1,5 до 2,4	36	2,9	6,8	34,6
		18	Очень крупные более 2,5 см	14	1,1	2,7	13,4
			ОБЩЕЕ ЧИСЛО ИЗДЕЛИЙ	1245	100,00		

При определении особенностей этой техники, выявилось преобладание предметов категории А, связанных с первичным расщеплением кремня (729 шт. 58,50%). Тогда как категория Б, включающая заготовки и отходы в виде отщепов и пластин, составляет 516 шт. 41,5%.

Обе категории представлены группами и типами, полноценно отражающими весь процесс обработки кремня от исходного материала в виде конкреций, галек до нуклеусов на всех этапах их утилизации (группа 1 категории А – 140 шт. 9,2%).

Преобладает же в категории А группа технических сколов (группа 2 - 589 шт. 80,8%). В основном это аморфные грубые обломки и первичные сколы выступов, углов, "отростков" кремня причудливой формы. Эта группа артефактов фиксирует не только начальный этап оформления нуклеусов, но и видимо находится в соответствии со значительным количеством специфических макроорудий, выполненных на гальках, плитках и конкрециях.

Отметим, что почти 80% предметов коллекции сохранили участки желвачной корки. Трактовать данный факт можно двояко: и как экономию трудовых затрат, и как возможное свидетельство профессионального отбора сырья с заранее заданными свойствами, когда необходима минимальная корректировка поверхности конкреции (наблюдение Е.Ю. Гири 1997, 179). Отметим сразу, что и для орудий использовались заготовки с остатками участков корки (79 шт. 71%). Второе обстоятельство то же видимо из области оценки профессионализма мастеров, поскольку в подкорковой части конкреции располагается кремень с самыми лучшими пластическими свойствами. Визуально же складывается впечатление небрежности и примитивизма.

Особенности расщепления на поселении ярко проявляются при учете предметов категории Б. Среди которых отщепы (413 шт. 80%) превалируют над пластинчатыми сколами (104 шт. 20%). Соответственно доминирующее положение занимает отщеповая техника скола с преимущественно торцовым развитием фронта скалывания подпризматических одно, двух и более площадочных нуклеусов. Типологически подразделяются на:

1. Одноплощадочные (16 шт.) с поперечным (10 шт.) и реже продольным (3 шт.) расположением фронта скалывания по отношению к наибольшей высоте исходной заготовки. Как правило, на углу торца выделяется ребро (рис. 1,5), от которого формируется фронт скалывания по большей части периметра нуклеуса (рис. 1,4). В коллекции этот тип представлен формами в разных стадиях утилизации. Негативы преимущественно отщеповые (рис. 1,1.6). Одноплощадочные с односторонним лицевым скалыванием отщепов (3 шт.) зафиксированы по наличию уплощенных сработанных (истощенных) экземпляров (рис. 1,2-3).

Основания одноплощадочных нуклеусов имеют либо естественное сужение, либо подострены односторонними или встречными сколами.

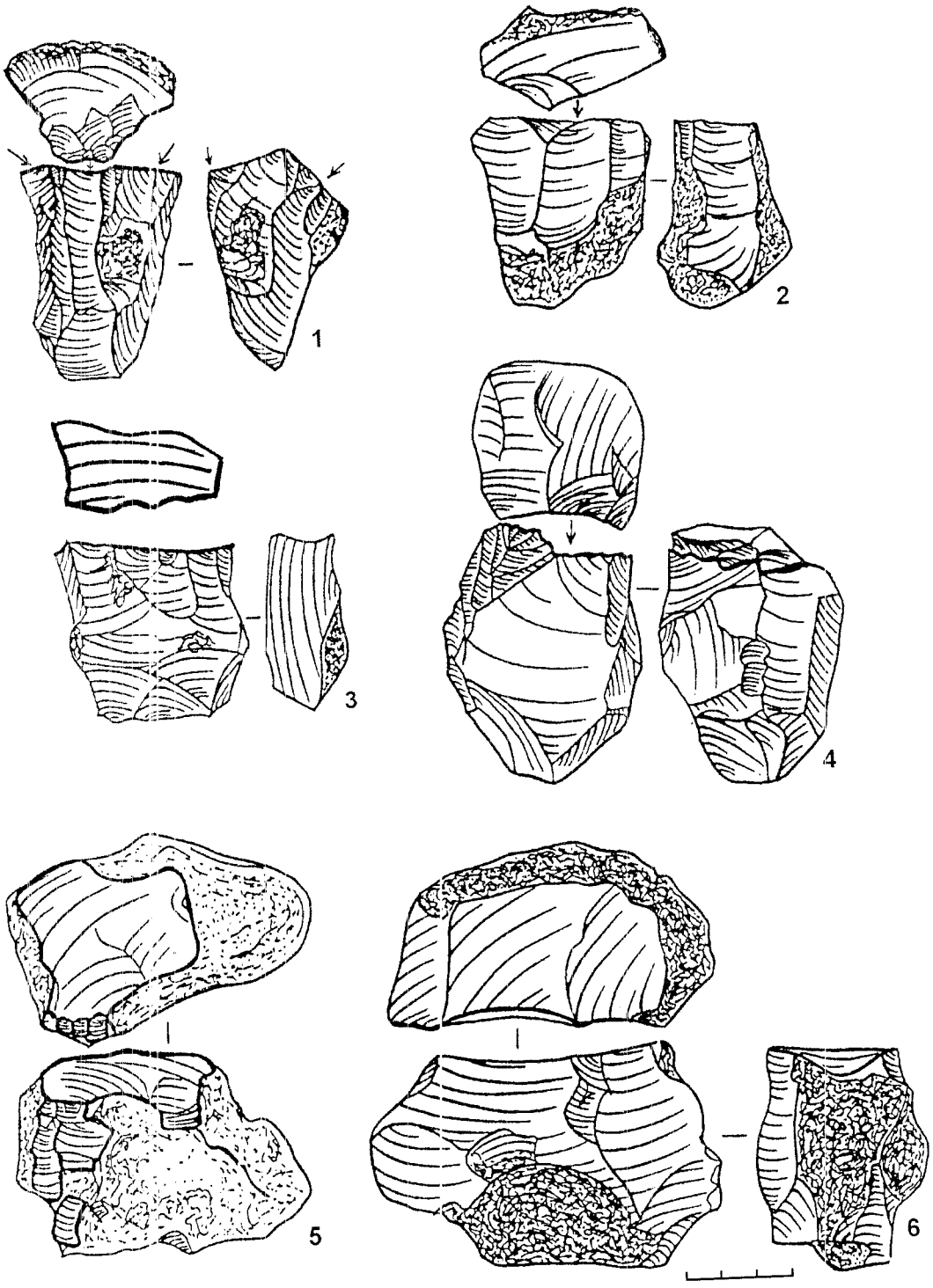


Рис. 1.Тэтэрэуца Ноуэ XV. Изделия из кремня. Нуклеусы из об. 2 (3,5-6) ; об. 20 (1); слой (2, 4).

2. Нуклеусы с двумя противолежащими площадками (14 шт.), преимущественно продольного (9 шт.) фронта скалывания относительно максимальной высоты предмета (рис. 2,10.12). Скалывание чаще встречное по торцовой стороне нуклеуса и дополнено на боковых поверхностях косыми от тыла к торцу, что придает им вид дисковидных (7 экз.) (рис. 2,12); смежно-встречного скалывания (5 экз.); параллельно-встречное в разных плоскостях (2 экз.). Соответственно, утилизировалось 2/4 или 3/4 поверхности. Выступающая углом тыльная часть нуклеусов сохраняла естественную поверхность (рис. 2,10-11).

Негативы сколов на нуклеусах этого типа преимущественно отщеповые (мелкие и средние), причем значительная часть празильной подпрямоугольной формы типа укороченных пластин. На некоторых фиксируются и пластинчатые (средние и крупные), но исключительно редко, по одному на предмет.

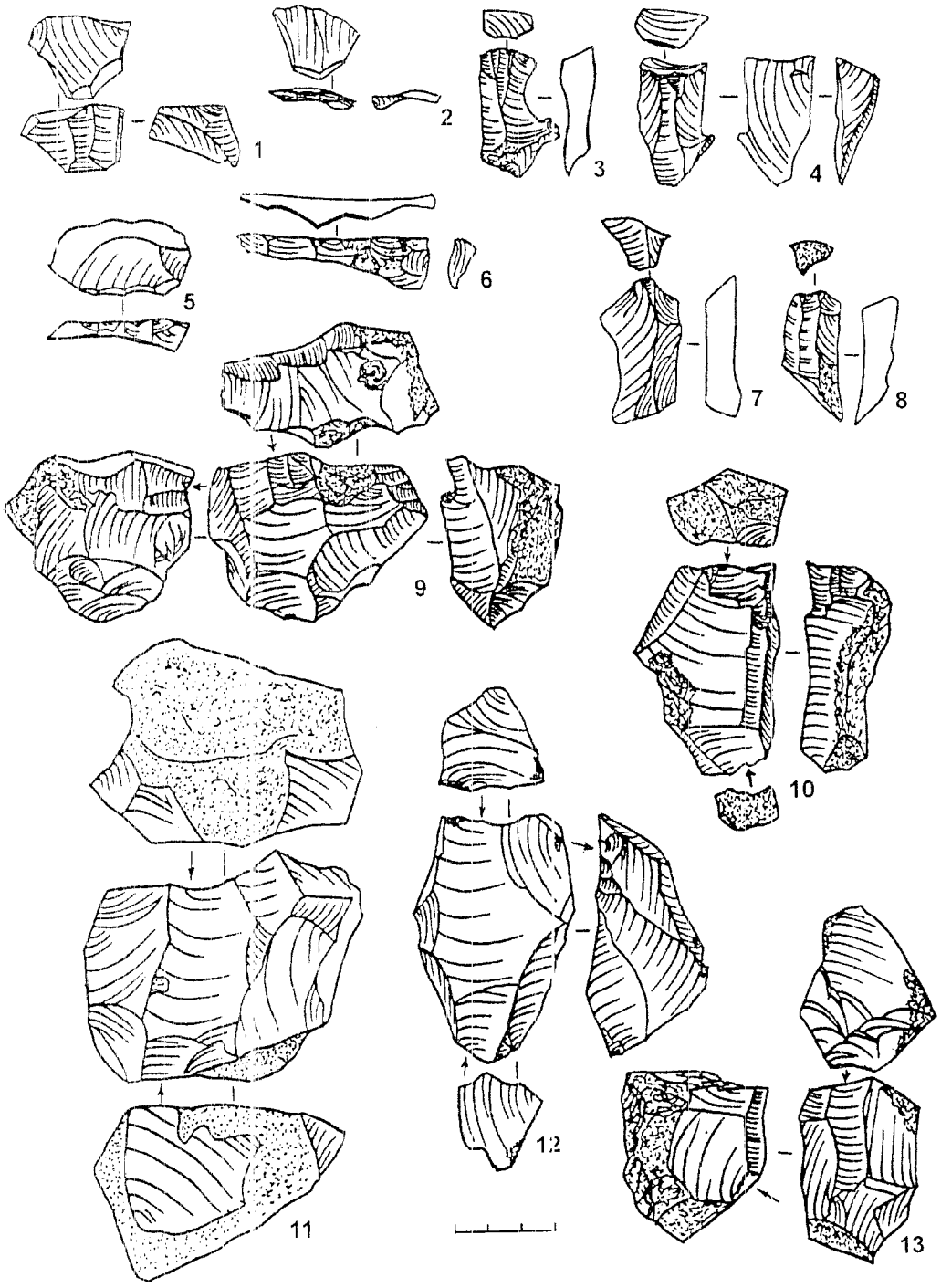


Рис. 2. Тэтэрэука Ноуэ XV. Изделия из кремня. Нуклеусы (9-13) и технологические сколы (1-8). Обнаружены в об. 2 (11); об.3(2); об. 16 (8); об. 20 (1,3-7,9,13); слой (10,12).

3. Аморфные с конкретно-ситуационным (по Е.Ю. Гиря) скалыванием во всех направлениях, без специально выделяемых ударных площадок (10 экз.) (рис. 2,9.13). Их роль выполняют сами рабочие поверхности. Часто заготовки с таких нуклеусов имеют пересекающиеся негативы направлений сколов: например, на брюшке размещаются вертикально, а на спинке – горизонтально (рис. 4,10; 5,1; 7,2-3.6). Сохранили негативы только мелких и средних отщепов. Выглядят неряшливо, как обломки, сработанные.

Размеры нуклеусов, для всех представленных типов, подтверждают стандартизированность отбора исходного сырья. Максимальные размеры конкреций, пренуклеусов: 10-8,5 х 7–5 х 6–5 см. Нуклеусы, оставленные на рабочей стадии расщепления, имеют примерно следующие параметры: 7 х 5 х 4 см, а сработанные 5 х 4 х 2,7 см. Разница определена лишь условиями расположения фронта-плоскости скалывания для продольных и поперечных. Для первых максимальная цифра обозначает высоту предмета, у вторых - ширину, либо толщину.

В оформлении ударных площадок прослежено несколько приемов. Во-первых, использовались естественные прямые или скошенные 90°-70° поверхности. При необходимости, отщеповыми сколами подправлялись лишь небольшие краевые участки. Этот вид практиковался достаточно часто, так как многие проксимальные части (основания) заготовок покрыты естественной коркой (рис. 2,10,11).

Во-вторых, ударные площадки оформлялись одним крупным вогнутым (ныряющим) 80°-60° сколом, пристраивающим угол схождения площадки и поверхности скалывания. Этим создавались предпосылки развития фронта скалывания по большей части периметра ядрища без дополнительных подправок (рис. 1,5).

В-третьих, наиболее часто использовалось многоступенчатое оформление ударных площадок двумя-тремя отщеповыми сколами, размещающимися ступенчато с понижением к тыльной части предмета (например, 70° –50° / 80°– 75 °- 45°) (рис. 1,6; 2,12).

Четкие соответствия между типами нуклеусов и видами площадок не установлены. Хотя отметим, что второй вид чаще используется при оформлении одноплощадочных, а для двухплощадочных нуклеусов характерны комбинации из всех трех видов. Для этих последних отметим также, что чаще противолежащие площадки скошены в разных плоскостях относительно друг друга.

На ударных площадках не фиксируется ретушная подправка рабочей кромки самой площадки. Судя по сколам оживления, восстановление рабочих свойств производилось отщеповыми, чаще поперечными снятиями (рис. 1,2). Как исключение, в ряде случаев отмечается грубая, занозистая, ступенчатая подтеска от фронта скалывания к тылу (рис. 1,4; 2,10).

Лишь для незначительного числа заготовок предпочтительных пропорций, пластин и отщепов правильной подпрямоугольной формы, отмечается более тщательная проработка кромки удара мелкими сколами или ретушью. Фиксируется непосредственно лишь на заготовках (рис. 5,5.11; 6,13.15).

Отработанная при утилизации нуклеусов техника скола применялась и при изготовлении других орудий, например, отбойников-ретушеров, теслобразных (рис. 4,12; 9,4.8).

При учете заготовок и отходов, предметов категории Б, преимущество отщеповых сколов над пластинчатыми составляет 4:1. Это преимущество сохраняется и при учете количества орудий: на отщепах в 2,6 раза больше, чем на пластинах.

Среди заготовок, ведущие позиции в группе отщепов занимают мелкие и средние, соответственно 213 шт. 51,6% и 159 шт. 38,5%, тогда как на крупные 34 шт. (8,2%) и очень крупные 6 шт. (1,5%) приходится не более 10%. Примерно те же пропорции отмечаются и для пластин: преобладают средние 53 шт. 51,0% и крупные 36 шт. 34,6%; очень крупных 14 шт. 13,4%. Технологически значимыми для орудий были отщепы и пластины средних и крупных размеров.

И для пластин, и для отщепов, употреблявшихся в работе, отметим преобладание изделий с прямым и слабоизогнутым профилем. Прослежены довольно плоские или слабо выпуклые ударные бугорки. Исключительно редко встречается уплощающая их подтеска (для удобства крепления орудия в рукояти).

При ведущей ударной технике скола подобная форма достигалась увеличением ширины дистального конца и массивностью проксимального. В основном, конечно, использованием "мягких" каменных и роговых отбойников.

Проведение сравнительного анализа коллекций раннего железного века по технико-технологическому признаку почти невозможен. Лишь для памятника Матеуць Ла Башне (культура Козия-Сахарна) определен дисковидный тип ядрищ (Кашуба 2000, 441).

Орудия. Кремневый инвентарь насчитывает 114 предметов со вторичной обработкой и следами использования. Три из них с двойными функциями. От всей коллекции кремня орудия составляют 9%.

При учете распределения их по видам заготовок явственно преобладание изделий на отщепах (54 шт. 47%); пластины использовались гораздо реже (23 шт. 21%). Около трети макроорудия. Они изготовлены на конкрециях, гальках, плитках, крупных сколах, нуклеусах (37шт. 32%), и являются достаточно яркой специфической особенностью орудийного набора памятника.

Формально-типологически выделено 18 видов орудий. Функции отдельных предметов, в частности отщепов с ретушью, уточнил С.И. Коваленко, за что выражаем ему большую признательность.

Самую значительную группу представляют *теслообразные* орудия типа: скобели, тесла-долота, тесла-стамески, топоры-тесла (рис. 3,4).

Преобладают орудия типа *скобели* (18 экз.) (рис. 3,1-13). Основными признаками скобелей является заостренное, сильно или слабо вогнутое лезвие. Работа ими может производиться во всех направлениях: "от и на себя", соскабливая обрабатываемую поверхность. Для некоторых, где лезвие оформлено в выемку, движение - возвратно-поступательное. Изготовлены в основном на отщепах 11 экз.(мелкие 2шт, средние 6 шт., крупные 2 шт., очень крупные 1 шт.) (рис. 3,1-2,4-9); и на очень крупной пластине (рис. 3,3). Макроорудия представлены на гальке и конкрециях (6 экз.) исключительно с одним лезвием (рис. 3,10-13). Они оформлялись обычно крупными и мелкими отщеповыми сколами, зазубрены. Противоположная рабочему краю сторона (рукоять ?) обычно утолщена (рис. 3,10,13).

Длина рабочих лезвий у орудий на отщепах и пластине от 1 до 2,5 см с пиком на 2 см. Для макроорудий рабочие участки лезвий от 2 до 5 см, пик на 3 см, вес от 76 до 192 гр.

Преобладание и видовое разнообразие орудий типа скобелей позволяет предположить их использование при нескольких трудовых операциях типа скобление и строгание. Часть из них, особенно выемчатого типа, использовались при изготовлении всевозможных рукоятей и древков оружия/орудий. При этом обрабатывались стволы и ветки диаметром от 1 до максимум 3 см, поскольку рабочий участок лезвия не превышал 2,5 см (соответствует диаметру отверстия=рукояти проушного топора из объекта-ямы №3)[1].

Скобели-макроорудия с относительно ровным и слабоизогнутым лезвием можно считать более универсальными инструментами, которые использовались и при скоблении, и при строгании, выполняя роль одноручных рубанков. Как отмечал С.А.Семенов, ими можно было работать как от себя, так и на себя, смещая лезвие по плоскости как вправо, так и влево, производя режущие операции по выравниванию поверхностей. Среди скобелей отмечается группирование по степени заострения рабочих лезвий. Высокие скобели на конкрециях и гальках снабжены лезвиями в 50-55° (рис. 3,10-12), а более низкой формы на макроотщепах и плитчатых гальках имеют лезвия с углом заострения от 30 до 36° (рис 3,11,13). Это наиболее оптимальный угол заострения кремневых лезвий. Поскольку при его уменьшении хрупкий кремень крошится, а при увеличении возрастает сопротивление древесины (Семенов, Коробкова 1983, 23-29).

В следующую группу выделены 15 экз. орудий с выпуклым рабочим краем, предполагающим работу "от себя": *тесла-долота* (рис. 4,1-11,13; 7,4). Судя по набору, для них использован весь спектр заготовок, среди которых преобладают макроорудия на конкрециях 7 экз.(одна из кварца); средние отщепы 5 экз.; пластины 3 экз. (одна очень крупная и 2 сечения средней и крупной).

[1] см. статью Ларина, Кашуба в настоящем сборнике.

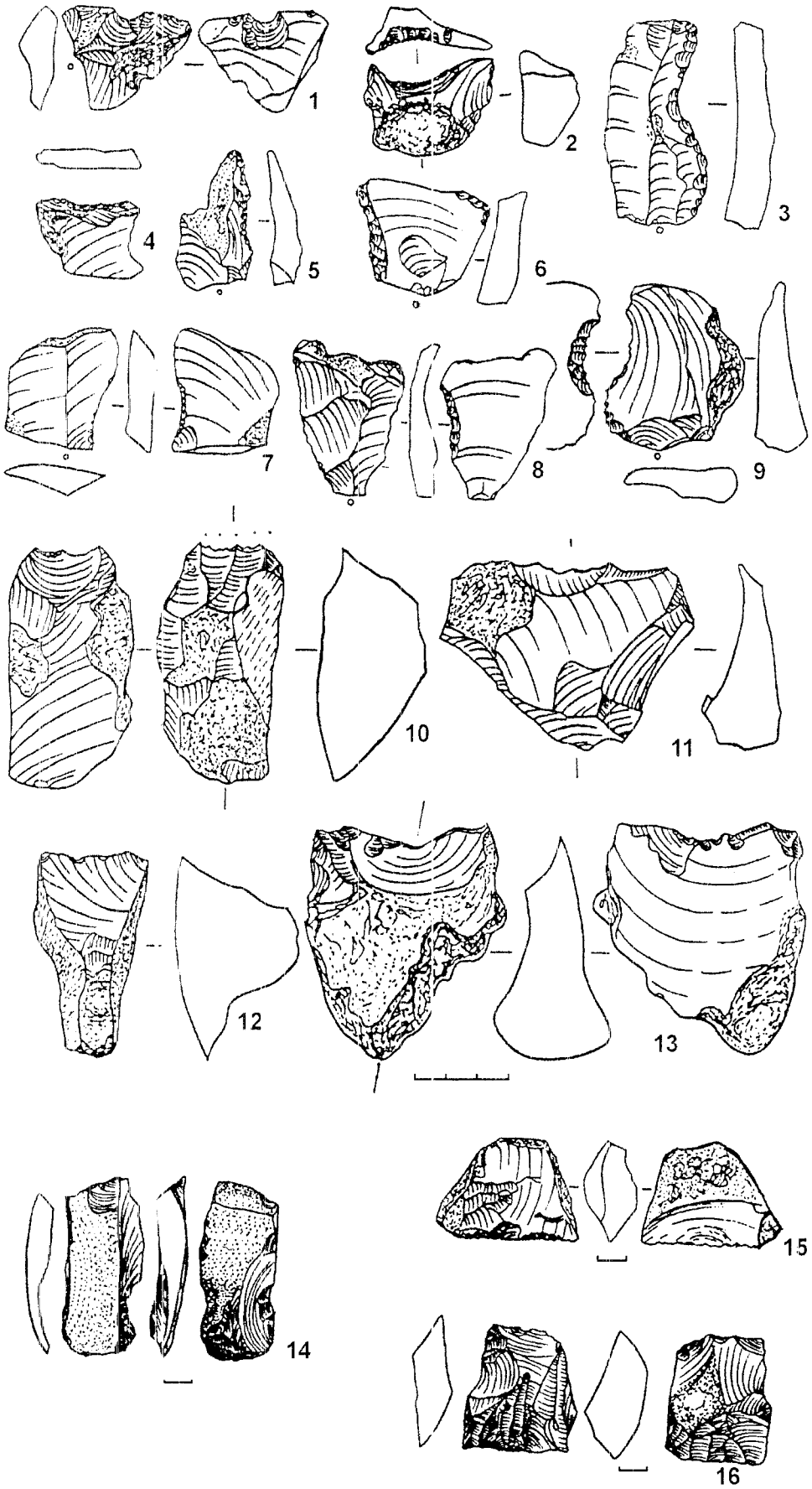


Рис. 3. Тэтэрэука Ноуэ XV. Изделия из кремня. Теслообразные типа скобелей (1-13) и тесел (14-16). Обнаружены в об. 1 (4,10); об. 21 (11); слой (1-3,5-9,12-16).

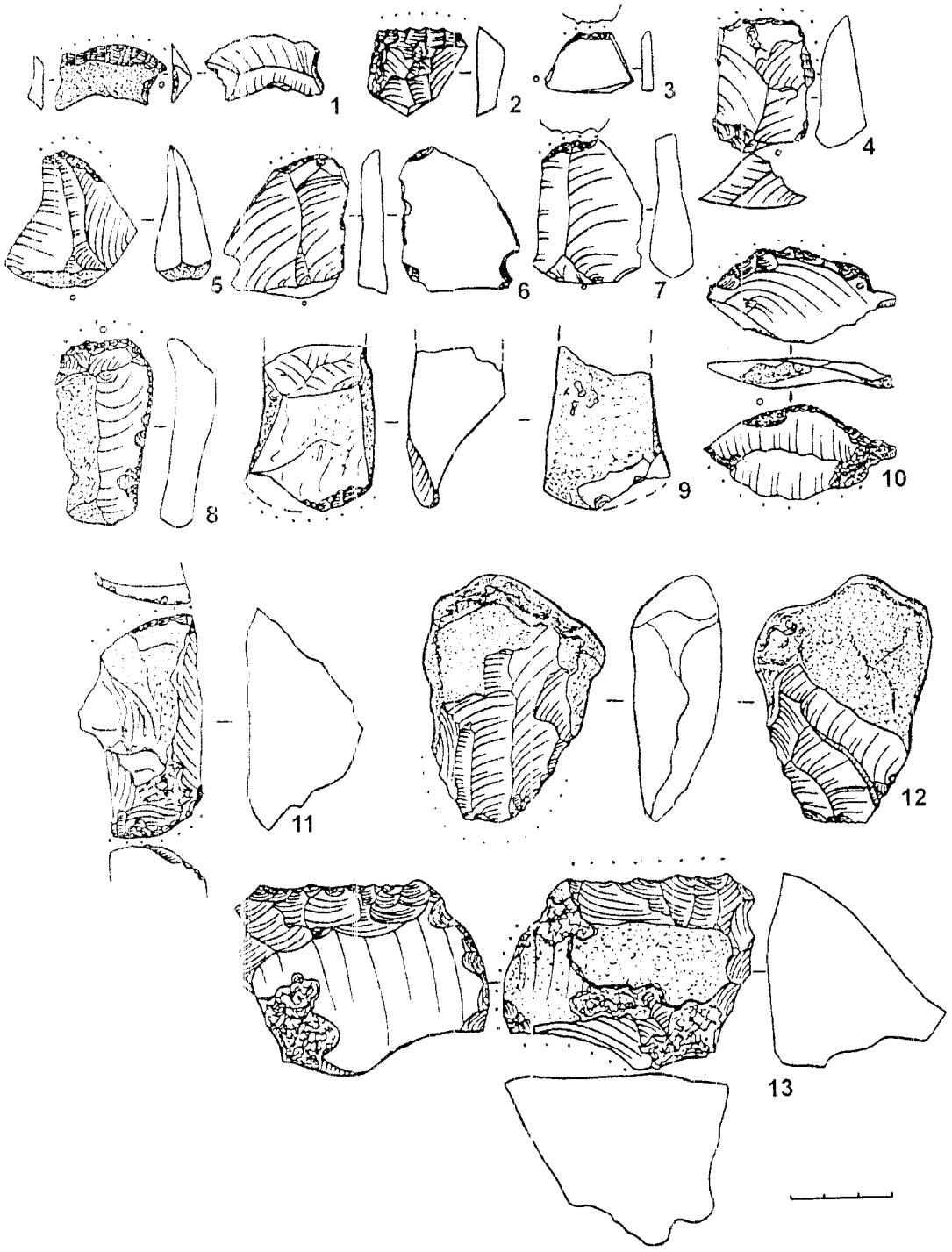


Рис. 4. Тэтэрэука Ноуэ XV. Изделия из кремня.Тесловидные типа долот (1-11,13) и топоров (12,13). Обнаружены в об. 2 (5); об. 20 (10); слой (1-4, 6-9, 11-13).

Орудия на отщепах и пластинах преимущественно концевого типа, имеют прямой или слабоскошенный рабочий край и массивные проксимальные части. Вторично обработаны крутой (5 сл.) и полукрутой (2 сл.) ретушью. Следует особо выделить 3 шт. вкладышей-лезвий для составных орудий, изготовленные на сечениях пластин и среднем отщепе. Степень сработанности незначительная (рис. 4,1-5).

Макроорудия на кремневых конкрециях (6 шт.) имеют вид, условно говоря, "рубанков" преимущественно с одним или двумя противолежащими лезвиями (2 сл.) на узких концах (рис. 4,11,13). У них высокая спинка, служившая рукоятью. Подокругло-овальные рабочие края заострены отщеповыми сколами или ретушью со стороны брюшка или спинки. Одно из-

делие сочетает функции тесла и топора (?) (рис. 4,13). Рабочий участок лезвия топора заострен в технике двусторонней оббивки. Очень вариабельны по размерам и весу: преобладают от 76 гр. до 200 гр., как исключение 600 гр.

Орудие на кварците представляет собой "классическое"(в понятиях неолита) тесло с расширенным подквадратным обухом, асимметричным профилем (лицевая часть частично разрушена) (5 х 3,5 х 2,7 см) (рис. 4,9).

Длина рабочих лезвий всех предметов от 1,5 до 3,5 см. Только у самого крупного с весом 600 гр. лезвие 5 см. С учетом типов заготовок: самые короткие лезвия (1,5-3 см с пиком на 1,5 см) у орудий на отщепах и пластинах. Для макроорудий 2-5 см с пиком на 3,0 см.

Орудия типа скобелей и долот выполнены с минимальным приложением усилий: тщательно обработаны только лезвия; часто, видимо, на случайных отщепах и сколах (рис. 3,1-2,4-5).

В двусторонней технике оббивки изготовлены орудия, условно разделенные на: тесла-стамески и тесла-топоры.

Для тесел-стамесок (3 экз.) подобраны небольшие кремневые конкреции весом от 23 до 50 гр. Использовались в рукоятях, о чем свидетельствует подработка края, противоположного рабочему. Формообразование различно (условно - трапеция, квадрат, прямоугольник), а по принципу обработки лезвий – однотипны: основной упор в работе видимо приурочен к одному из заостренных углов (от 35° и меньше) (рис. 3,14-16).

У топоров-тесел (2 экз.) преднамеренно обработаны только лезвия. Обушковая часть сохраняет участки меловой корки, что делает их удобными в работе без рукояти. Угол заострения лезвий от 50° и выше. Лезвия дифференцированы по форме: узкое и высокое в первом случае; более широкое- во втором. Вес 150 и 190 гр. (рис. 4,12-13).

Орудия группы теслообразных относятся к наиболее часто упоминаемой категории кремневых орудий в коллекциях других памятников. Топоры, стамески, скобели употреблялись на ТН XIV (Ларина и др. 1998. 7-8; Ткачук 2000); на городище Рудь I "Ла Шанцурь" (Ткачук и др. 1998, рис. 4-5). Г.Ф. Петрунь приводит рубящее макроорудие из Наславчи (Карпов Яр) и теслообразное с поселения Ожев, ур. Щовб (Петрунь 1998 рис. 2,3.5). Предполагаем их наличие в на Мерешовке-Четэцуе: топоры-тесла, скобелевидные (Власенко, Сорокин 1980, рис. 10,1.3.6.11; 13,1.2-7). Также возможно их использовали в культуре Козия-Сахарна на поселении Матеуць Ла Башне. Речь идет о выемчатых орудиях и скреблах на крупных сколах (Кашуба 2000, 442).

Бифас представлен двусторонним изделием типа наконечника дротика (?) с выемчатым основанием. Выполнен на плитке (высота 6 см. основание 4,5 см) с обработкой почти всей поверхности крупными уплощающими сколами. Боковые грани подострены ретушированием (рис. 6,4). По технике изготовления наиболее близок белогрудовскому наконечнику из Собковки (Ремесло эпохи 1994, 42, рис. 11).

Следующие виды орудий изготовлены преимущественно на отщепах и пластинах.

Режущие ножевидные (15 экз.). В качестве заготовок использованы в основном средние и крупные как отщепы (8 шт.), так и пластины (7 шт.). Вторичная обработка в виде мельчайшей подостряющей ретуши прослежена на двух предметах (рис. 5, 6-7). Поперечные сечения в основном асимметричны: подтреугольной (рис. 5,7-19) или ромбовидной формы (рис. 5,11-13). Максимально утолщены в области предполагаемой рукояти (рис. 5,6-7.9-10.12). Преобладают однолезвийные (10 экз.) с размещением рабочего края на боку (рис. 5,7-10) или конце заготовки (рис. 5,6.12).

Пилки (8 экз.) (рис. 5,1-5; 7,14). Преимущественно на отщепах 6 шт. (2 средние, 3 крупные, один макро) и две на крупных пластинах. Все подвергнуты вторичной обработке характерной зубчатой крутой и полукрутой ретушью. Выделяется орудие на среднем отщепе с исключительно тщательной проработкой зубчиков лезвия, расположенного на дистальном конце, тогда как проксимальный утолщен и служит рукоятью (рис. 5,1). В двух случаях обработано два края с двусторонней подправкой лезвий, разводкой зубцов в виде пилы. Причем у орудия на макроотщепе сохранен участок меловой корки, служивший рукоятью (частично сглажен абразивом). Вес 100 гр. (рис. 7,14).

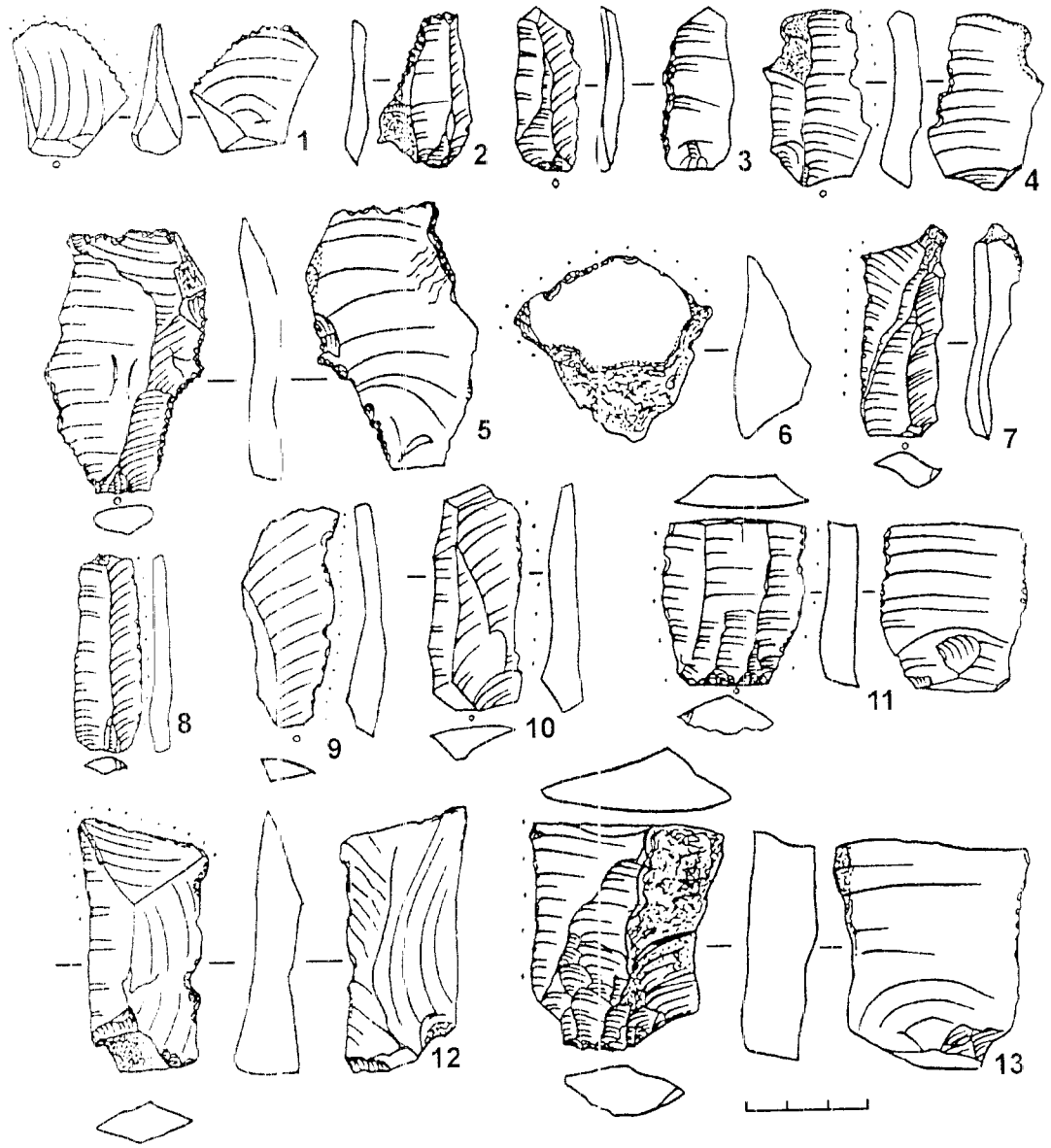


Рис. 5. Тэтэрэука Ноуэ XV. Изделия из кремня. Пилки (1-5) и режущие ножевидные (6-13). Обнаружены в об. 1 (7); об.2 (5); об. 3 (3,12); об. 16 (11); об 20 (8); об. 21 (13); слой (1-2,4,6,9-10).

Группа *пилящие-режущих* (4 экз.) выделена условно. Заготовками служили только отщепы-сколы высокой формы (очень крупный 1 шт., крупные 3 шт.) (вес от 70 до 100 гр). Рабочие края (один или два) отмечены подстряющими сколами, характерной нерегулярной выкрошенностью кромок. (рис. 7,10.13.15).

Резчик (1 экз). Использован мелкий отщеп правильной листовидной формы с прямолинейным профилем. В двусторонней технике скола на дистальном конце оформлено лезвие в виде затупленного "клювика" с очень маленьким радиусом рабочей кромки. Со стороны спинки выделено фасетками ретуши и мелким резцовым боковым сколом, с брюшка подправлен пластинчатым сколом на всю высоту заготовки. Края со спинки по периметру скруглены грубой полукрутой скребковой ретушью (рис. 6,1)

Сверла (6 экз.) (рис. 6,5.7-9). Для заготовок использованы отщепы (средний 1 шт., крупный 2 шт.), пластины (средняя и крупная) и крупный пластинчатый скол с гальки. В плане заготовки подтреугольных сбежистых очертаний и срединным расположением лезвия. Лишь в одном случае острие расположено на углу подпрямоугольного отщепа. Лезвия всех изделий в профиле долотовидной чуть изогнутой формы. В четырех случаях рабочие концы подретушированы на небольших участках, в одном почти на всю длину двух боковых граней (рис. 6,8).

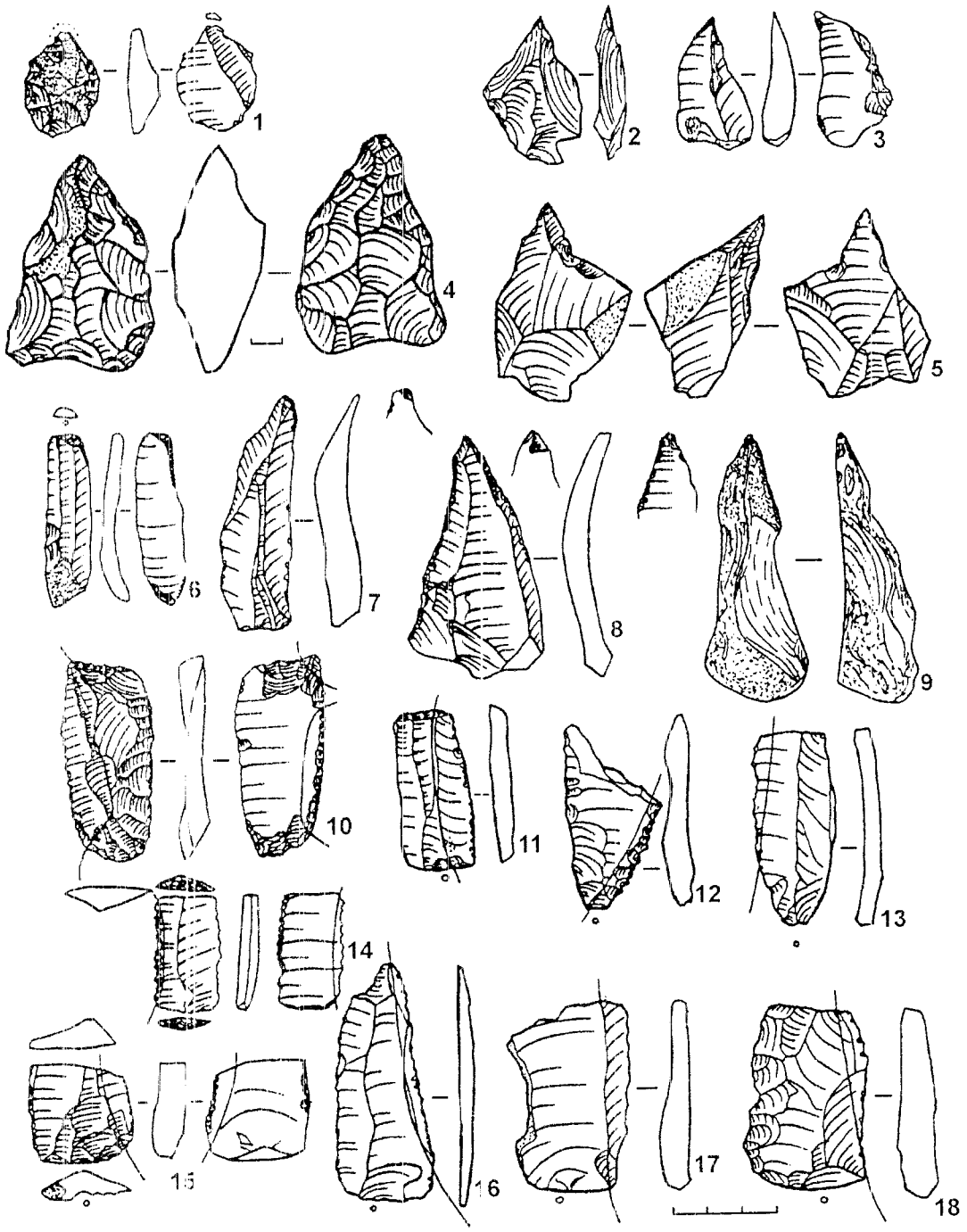


Рис. 6. Тэтэрэука Ноуэ XV. Изделия из кремня. Резчик (1); проколки (2-3); бифас (4); сверло (5,7-9); развертка (6); вкладыши серпов (10-18). Обнаружены в об. 1 (10); об. 2 (1); об. 3 (15); об. 17 (14); об. 20 (2); слой (3-9,11-13,16-18).

При учете высоты рабочего края - жальца до плечиков и , в основном, по ретуши утилизации, установлено, что могли сверлить отверстия диаметром до 1,0-1,5 см, глубиной преимущественно 1,0 –1,5 см, как исключение в одном случае до 2 см. Имеют слабую степень сработанности

Подобные орудия представлены на позднечернолесских поселениях Непоротово II и III, но гораздо разнообразнее по использованным заготовкам: также в виде макроорудий на конкрециях и крупных сколах. Что предполагает и более широкую сферу применения (Крушельницька 1998 рис. 37,12; 43,9; 76,4). Вероятно такие же употреблялись и на Мерешовке-Четэцуе. К тому же там засвидетельствовано сверление камня (сланец). При этом использовались разные по величине орудия: для начального этапа сверло Ø 0,8 см с глубиной проникно-

вения до 1,3см, а затем отверстие расширялось инструментом Ø 1,7 см (Власенко, Сорокин 1980, 28; рис. 12,1-14).

Развертка (1 экз.) на средней пластине в начальной стадии использования. Рабочий конец выделен на проксимальном конце в виде противолежащей ретуши и уплощенного рабочего кончика: Ø отверстия 1,0 см глубина 1,5 см (рис. 6,6).

Проколки (2 экз.) изготовлены на средних отщепах подтреугольных очертаний, прямой профилировки со срединным расположением лезвия. Кончики подтуплены по прилегающим граням мельчайшей ретушью. Жальца короткие с глубиной проникновения, судя по следам использования и высоте плечиков, не более 0,5 см (рис. 6,2-3). Использовались при работе с кожей.

Упоминаются на Непоротово II, III и также изготовлены на отщепах (Крушельницька 1998, 95).

Вкладыши серпов (10 экз.) (рис. 6,10-18). Заготовки – крупные, очень крупные пластины и три отщепа (средний и крупные) типа укороченных пластин. Размеры их укладываются в следующие пределы: высота от 6 до 3 см, ширина от 3,5 до 2,0 см, толщина не превышает 1 см до 0,4 см. В четырех случаях концы пластин подтесаны, им придана геометрическая форма подпрямоугольников (рис. 6,10-11.14). К тому же, в ряде случаев практиковалась и подтеска уплощением поверхности заготовки. Соответственно создавались условия для максимально точной подгонки вкладышей друг к другу в оправе (рис. 6,10.12.15.18).

В работе использовались преимущественно без вторичной обработки. Лишь на трех серпах прослежено восстановление рабочих свойств орудия зубчатой крутой ретушью (рис. 6,10.12.14), и в одном случае переиспользование в качестве пилки по дереву (рис. 6,14).

Следы использования в виде заполировки отмечены на небольших участках, на одинаковую ширину вдоль всего края заготовки. Однако ширина этой заполировки разнится от предмета к предмету в диапазоне от 0,2 до 1,1 см. Зрительно выявляются предметы с очень узеньким рабочим лезвием (рис. 6,12-14.16-18) и широким, почти на половину орудия (рис. 6,10-11). Поэтому было решено учесть такой параметр, как соотношение ширины рабочего края к ширине всего предмета. Что позволяет выяснить степень заглубления инструмента в оправу и соответственно качество прочности оправы: кость-рог или дерево. Выявились две группировки: первая (только два предмета) со средним значением соотношения как 1:2 и вторая как 1:5. Соответственно, для первых не подходит деревянная оправа, вкладыши в ней расшатываются, нужна более прочная, предположительно из кости или рога. Для вторых подходит и костяная и деревянная. Последняя вероятно использовалась чаще. Наиболее предпочтительным является определение их как: жатвенные орудия с прямым лезвием, наборного типа, в оправе из дерева или кости/рога.

Интенсивность заполировки вкладышей средняя. Она не достигает степени сработанности крупных безоправных и вкладышевых серпов поздней бронзы (например, Комарово) и раннего железного века (например, Кишинев-Корлэтень), когда заполировка нивелирует, "обтекая" всю рабочую поверхность, стирает грани уплощающих сколов и ретушь, скругляет лезвие. Соответственно предполагаем, что серпы из ТН ХУ видимо не долго находились в употреблении.

Ретушированные отщепы (11 экз). Использованы мелкие (3 экз.), средние (7 экз.) и один крупный по размерам отщепы. Найдены преимущественно (9 экз.) в закрытых комплексах. Наибольшее число предметов оформлено скребковой ретушью (6 сл.) (рис. 7,1-3.5-7). Прочие виды единичны: пологая режущая (4 сл.) (рис. 7,8- 10) и подостряющая с брюшка (1 сл.). Среди скребковой преобладает боковая (3 сл.), концево-боковая (2 сл.) и концевая (1сл.).

С.И.Коваленко проанализировал большую часть этих предметов и трасологически выделил: скребки по дереву (рис. 7,1.6), коже (рис. 7,2) и один по кости и рогу. Что предполагает обслуживание большинством из них домашних промыслов.

Скребки, скребловидные орудия и отщепы с ретушью, не более десятка, обнаружены на сахарнянских памятниках: Матеуць Ла Башне, Алчедар III, Солончень-Хлиная (Кашуба 2000, 428, 441-442). На позднечернолесских непоротовских поселениях редки (?) (Крушельницька 1998, 93).

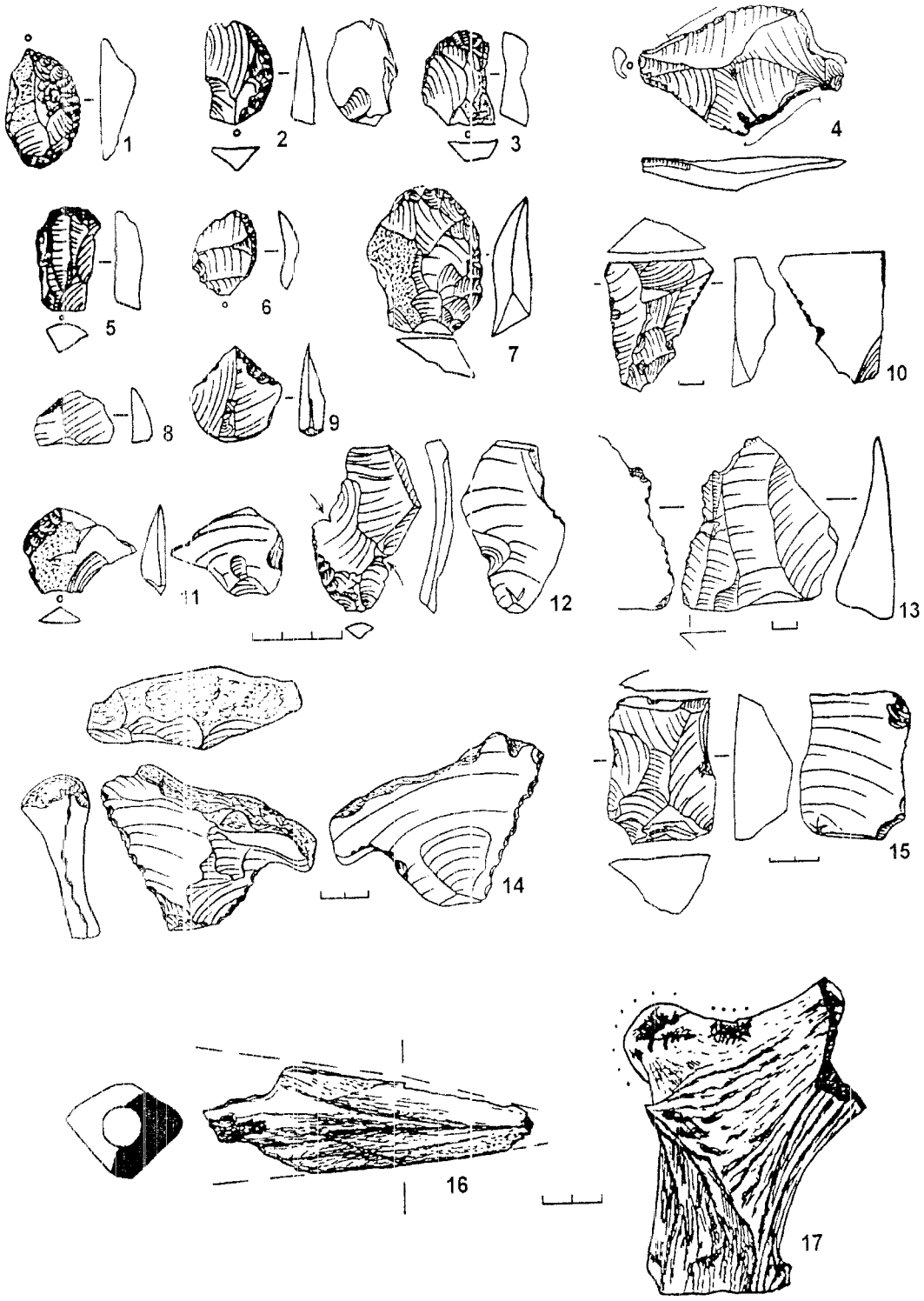


Рис. 7. Тэтэрэука Ноуэ XV. Изделия из кремня. Ретушированные отщепы (1-9,11-12) и пиляще-режущие на крупных сколах (10,13-15). Изделия из кости: наконечник (?)-лощило (16), ретушер (17). Обнаружены в об. 1 (16); об. 3 (8), об.14 (1); об. 17 (16); об. 20 (6,9); слой (2-7,10-15).

Отбойники ретушеры (10 экз.)(рис. 9,1-8). Использовались природные гальки подтреугольных очертаний небольшого размера весом от 35 до 90 гр. (5 шт.) (рис. 9,1-3), и крупные овально- вытянутые весом 184-205 гр. (2 шт.) (рис. 9,7-8). Реже конкреции подпрямоугольной и уплощенно-подпрямоугольной формы весом 82-109 гр. (3 шт.) (рис. 9,4-5).

Кроме того, выделено несколько предметов весьма архаического вида, ударно-рубящего предназначения (7 экз.) (рис. 8).

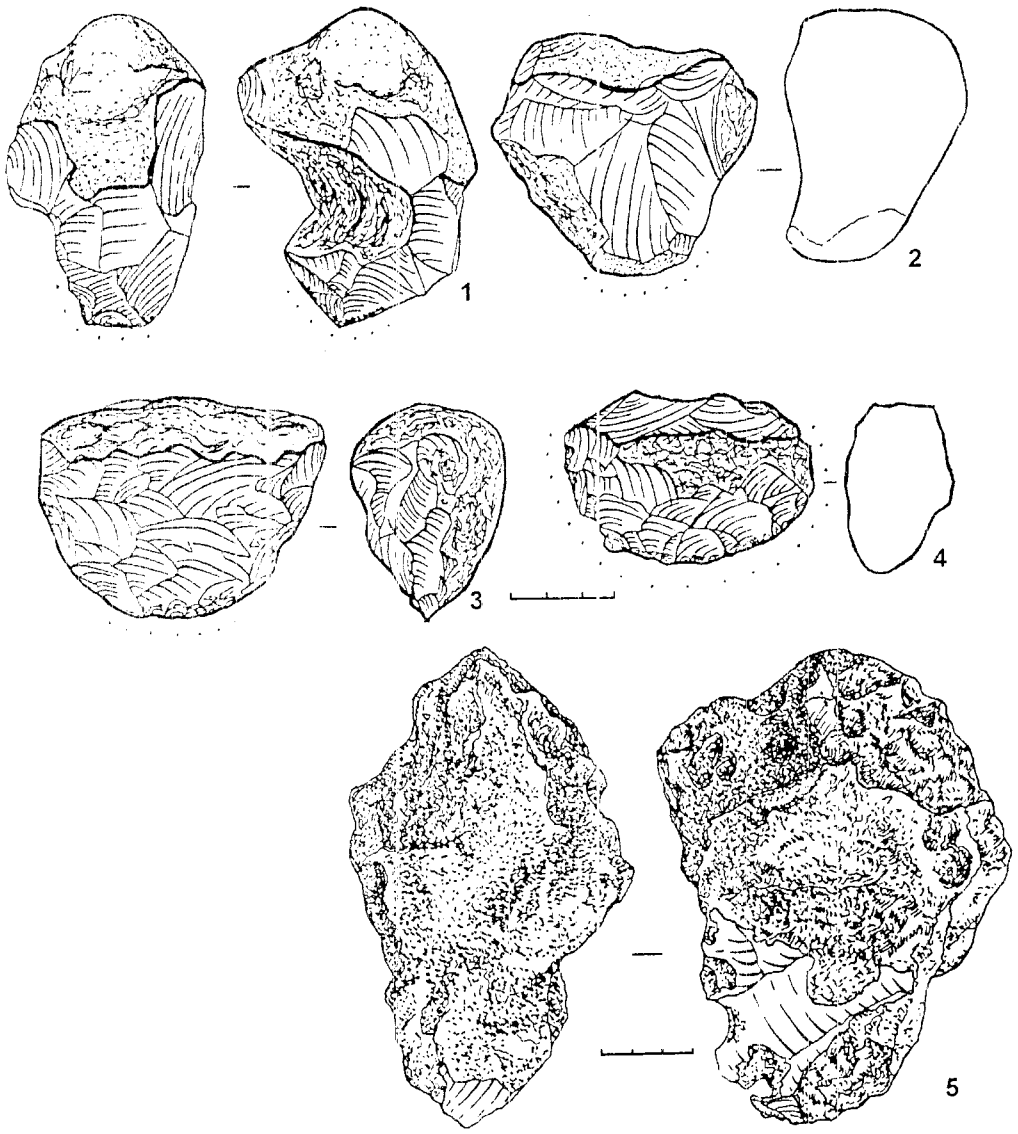


Рис. 8. Тэтэрэука Ноуэ XV. Изделия из кремня ударно-рубящего действия. Обнаружены в об. 2(3-5); об. 3 (1); слой (2).

Среди них обращает внимание очень массивное орудие типа рубила на крупной меловой конкреции весом в 1 кг, высотой 16 см. Вторичная обработка минимальна: встречными сколами заострен угол суженного основания. Скругленная меловая поверхность противоположной стороны очень удобна при охвате рукой. Визуально следы работы не прослежены (рис. 8,5). Отмечаем его только потому, что в коллекции имеются не столь выраженные крупные предметы, также без следов использования, вторичной обработкой у них сняты выступы и заострены основания. Или же сколами придана подтреугольная или подквадратная формы. Изделия типа рубил упоминаются для Милоградской культуры. (Мельниковская 1967, 67-68, рис. 26,8-9; 28)

Другие шесть орудий гораздо меньше по размерам (вес от 100 до 300 гр). Изготовлены на конкрециях удлиненно-овальной формы. Рукояти сохраняют меловую корку с абразивной подправкой отдельных участков. У четырех предметов рабочий край расположен на узком конце (рис. 8,1-2), а у двух по ширине заготовки (рис. 8,3-4). Одни преимущественно использовались в рубящих операциях (рис. 8,1.3)), другие при ударе (молотковидные ?) (рис. рис. 8,2.4).

Сфера применения подобных орудий весьма широка: можно разрубить, разбить, расчленить, раздробить.

Вторичная обработка. Завершая описание изделий из кремня, суммируем особенности вторичной обработки. Она представлена в основном ретушью на 65 экз.орудий (42% от всех). Преобладает заостряющая 36 сл. (55,4%), преимущественно со спинки с одного конца, одного бока, и с брюшка с одного бока. Зубчатой в этом типе 10 сл.(27%). Использование резцового скола (1 сл.), пологой и струйчатой ретуши незначительно. Заостряющая связана в основном с изготовлением режуще-пилящих орудий, вкладышей серпов.

Затупливание ретушированием применено в 29 сл.(44,6%). Размещается в основном со спинки на одном конце одном боку, или на одном конце и одном боку. Часто применялась при оформлении нерабочих краев скребковой ретушью и затуплиранием лезвий у части скобелей, долот.

Специально отметим большое число бифасиально оформленных орудий 21 экз. (13,5%). К ним относится значительная часть теслообразных макроорудий, а также резчик, наконечник и отдельные вкладыши серпов.

Изделия из камня. Орудия из других пород камня представлены 20 предметами, что составляет 16% от всего орудийного набора

Песчаник являлся самым предпочтительным материалом, после кремня. Использовались гальки, плитки в качестве отбойников-ретушеров, лощил, абразивов, топора-молота (16 экз.).

Наибольшим числом представлены отбойники-ретушеры (12 экз.) на природных гальках. Часть из них - очень крупные отбойники овально-вытянутой формы (яйцевидной) весом от 187 до 291 гр. 6 экз. (рис. 10.5-6). Среди других выделяются маленькие овально-уплощенные, овально-подтреугольные весом от 35 до 97 гр. 3 экз. (рис. 10,2.4), а также более крупные ромбовидной и подпрямоугольной формы весом от 147 до 188 гр.3 экз. (рис. 10,1.3).

Для *лощил гладильщиков* использованы крупные гальки подтреугольно-овальной вытянутой формы в виде "утюжков" весом 173, 283 гр. 2 экз. (рис. 10,8).

Кроме того обнаружены *абразивы*: пассивного (на плитке с выглаженным углублением); и активного типа (2 экз.). Сохранились пережженные обломки от камней подокруглых очертаний. В одном случае рабочими были две смежные стороны, в другом одна (рис. 10,7).

Топор-молот представлен обломком зауженного основания от массивного предмета.

Сланец употреблялся реже. Обнаружены две заготовки от расколотой вдоль почти поровну плитки размерами 7,5 х 4 х 1,8 см. Соответственно толщина плиток заготовок 1,1 и 0,7 см.

К орудиям же отнесено непосредственно два предмета. На обломке плитки подтреугольной формы отмечены следы от трех видов операций: функции *абразива*, наковаленки и *ретушера-отбойника*. Вес 117 гр. (рис. 9,9).

Второе орудие типа *ретушера-отбойника* изготовлено на сланце удлиненно-столбчатой формы подовального сечения. Противоположные узкие концы сбиты наискось отщеповыми сколами. В качестве рабочих использовался один узкий конец и прилегающее к противоположному концу боковое ребро. Вес 135 гр. (рис 9,10).

Гранитно-гнейсовые породы камня - 2 экз. изделий.

Плитка-наковальня изготовлена из цветного, крупно-зернистого по структуре гранита, размером: 12,5 х 10-6,5 х 3 см.

Топор перфорированный из черного мелкоструктурного камня. Сохранился фрагмент обуха: подпрямоугольный в плане и чуть выпуклый в профиле. Размеры: 6,2х4,6, отверстие-2,5см.

Изделия из кости представлены обломком лощила/наконечника ? (сильно разрушен) и роговым ретушером-отбойником.

Лощило/наконечник (?) изготовлен на бедренной кости домашней свиньи. Заострен к эпифизу уплощающими срезами, залощен. Наиболее вероятна первоначальная подромбовидная форма сечения. По острому концу затупливающая выкрошенность карнизами. С противоположного конца разлом вертикальные. Соответственно разрушение предмета произошло от давления на острие. Размеры: высота 11см (возможная 14 см), максимально по периметру 3х4 см (рис. 7,16).

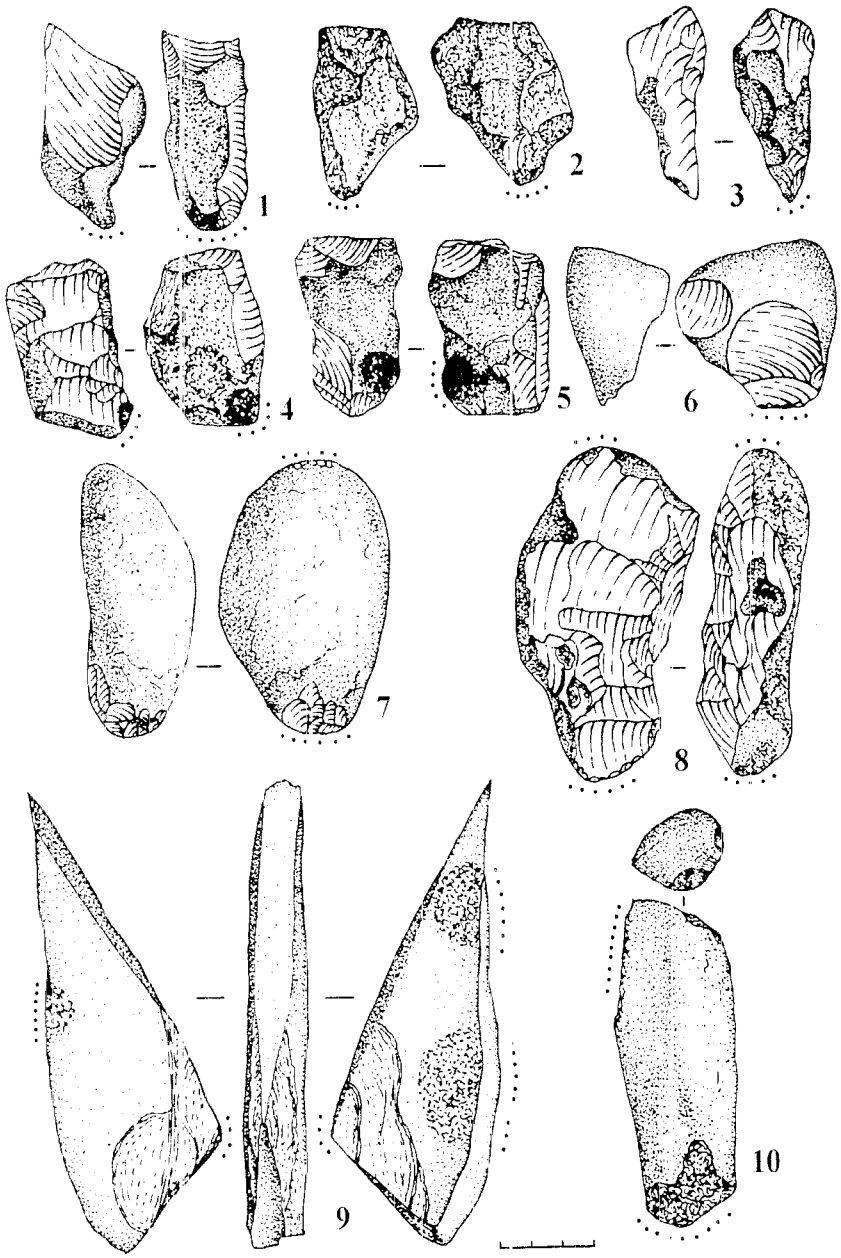


Рис. 9. Тэ-эрзука Ноуэ XV. Ретушеры отбойники (1-9) и плитка с функциями наковальник, ретушера, абразива (10). Изготовлены из кремня (1-8) и сланца (9-10).

По принципу формообразования напоминает наконечники стрел. Например, из Пересадово (Пересадовка ?) культуры Сабатиновка (Березанская и др. 1986 рис. 29,11; Тереножкин 1965 рис. 1,6), из Дружное в Крыму (Колотухин 1982 рис. 7,4-5). По размеру же наконечник копья или дротика (?).

Ретушер-отбойник. Использована комлевая часть - основание рога благородного оленя. Непосредственно рабочим является первый отросток. Он обломан почти до основания. На оставшемся выступе сформирован овально-скошенный, тщательно сглаженный рабочий край. Следы использования прослежены практически по всему его периметру: кончик залощен; в губчатой массе среза крупные подовальные выемки (ширина 0,2 до 0,6 см, глубина до 0,3-0,5 см). К тому же прослежены тончайшие звездообразные насечки, размещенные на участке соединения отростка с основным стволом рога. Противолежащие концы рога частично вырублены с наклоном друг к другу. Образовавшийся участок как раз расчитан на охват рукой взрослого человека. Максимальная высота 10 см, вес 172 гр. (рис. 7, 17).

Отметим, что при анализе массового костного материала выделен лишь один предположительно "ножевидный" скол с длинной кости. Все остальные представляют исключительно кухонные отходы, очень сильно утилизированы и раздроблены.

Изделий из глины (за исключением керамики) обнаружено всего три: фигурка животного и два пряслица: маленькие, грушевидной и биконической формы.

Общая характеристика материалов

Суммируя результаты анализа набора изделий, можно утверждать, что они представляют собой взаимосвязанный комплекс находок, позволяющий охарактеризовать особенности жизни на памятнике во всем многообразии. При объединении разнохарактерных источников по типолого-функциональной/смысловой нагрузке, выявляется несколько основных (ведущих) и подчиненных направлений хозяйственной деятельности.

Безусловный приоритет принадлежит **кремнеобработке** (с которой связано более 97% находок) и производству орудий труда из кремня (85% от всех орудий), камня, кости и рога. Важность этого вида деятельности проявляется еще и в том, что одна из самых значительных групп орудий (отбойники-ретушеры, плитки-наковальни, абразивы), предназначенная для производства орудий труда, в значительной степени связана с кремнеобработкой и обслуживает ее.

В материалах памятника обработка кремня представлена в контексте единой технологии, когда все предметы коллекции составляют единый соразмерный ансамбль: от исходного сырья, заготовок и орудий на них и для них. Отработанные навыки скалывания тиражируются при изготовлении прочих орудий труда (ретушеры-отбойники, теслообразные и т.д.).

Основным приемом являлась ударная техника скола, лишь изредка дополнявшаяся отжимом. Главная цель: получение отщепов, реже пластин (средних и крупных размеров) и изготовление макроорудий. При этом отметим, что трудовой процесс подчинен принципу целесообразности и очень рационален. Вторичная обработка для значительной части орудий сведена к минимуму с более тщательной проработкой только рабочих частей – лезвий. Значительная часть поверхности изделия "сохраняет основу"(прием, известный с ранней бронзы). При этом "основа" – меловая или галечная сглаженная корка служит рукоятью орудия.

При изготовлении же специализированных орудий для более тонких и точных работ: сверла, развертки, резчик, пилки, особенно вкладышей лезвий для серпов, долот, отмечается не только обработка ретушированием рабочего края, но и подработка прилегающих участков. Чем обеспечивался комфорт для работающего или же более точная подгонка вкладышей в рукоятях.

Определяя особенности кремнеобработки следует отметить, что ни о каком возрождении либо об особой самобытности этого вида деятельности говорить не приходится. Истоки достаточно четко прослеживаются с эпохи поздней бронзы (Ремесло эпохи 1994. 38-42), а развитие – в направлении максимального рационализма. Внешне проявляется в "небрежности" оформления.

Уровень обработки камня, кости и, в основном, кремня можно оценить опосредовано через качественное разнообразие набора орудий для производства непосредственно самих орудий. Речь в данном случае идет главным образом о **ретушерах-отбойниках**. Всего их 25 экз., что составляет 15% от всех орудий поселения. Их количество кажется даже перекрывает допустимую необходимость. Для наглядности они сведены в обобщающую таблицу с учетом особенностей материала, из которого изготовлены, формы и веса (рис. 11). Вероятно эти параметры были определяющими и для работавших ими.

Типологически выделяется три принципа действия, основанные на форме рабочего участка. Наиболее часто (11 экз.) используются выступающие углы и грани орудий (рис. 9,1-3,9-10; 10,1). Примерно столько же изделий (10 шт.) с овальными рабочими краями на гальках яйцевидных и уплощенно-овальных форм (рис. 9,7-8; 10,2-3.5). Реже, в четырех случаях, отмечается использование подокруглого выступа на боковой поверхности предмета (рис. 9,4-5; 10.3).

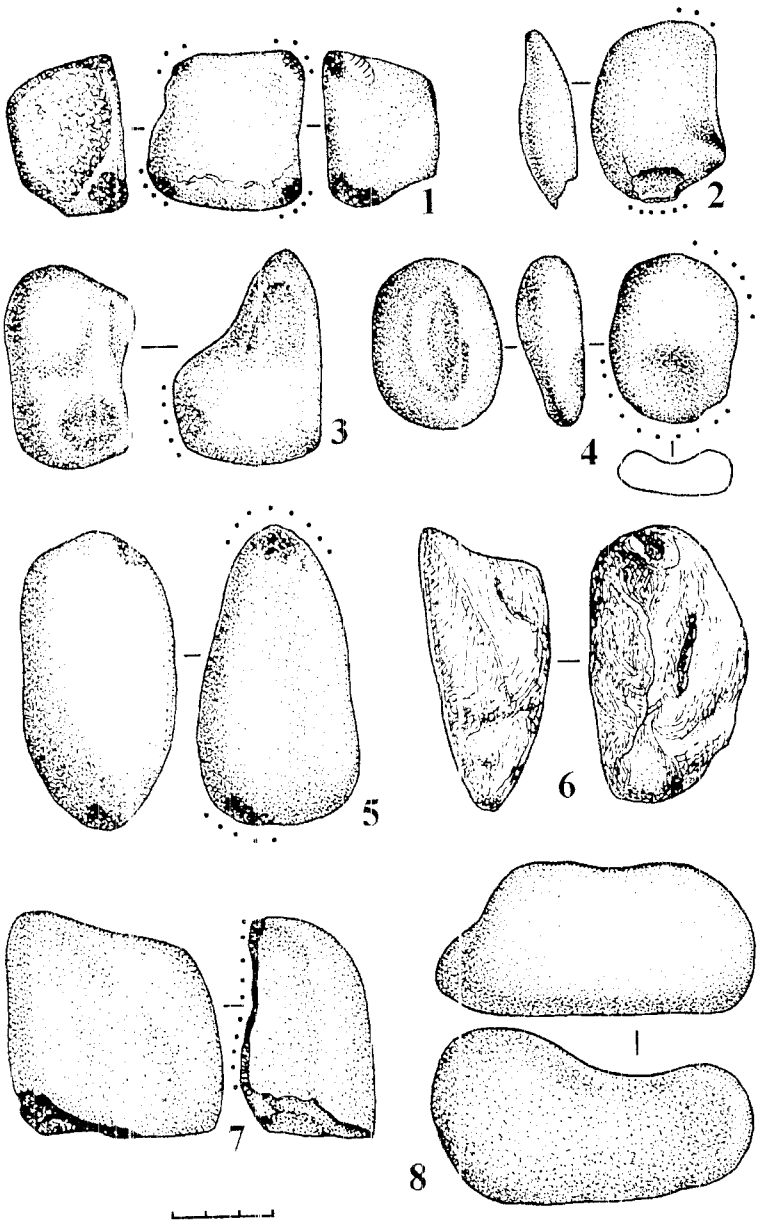


Рис. 10. Тэтэрэука Ноуэ XV. Ретушеры: отбойники (1-6), абразив (7); гладильник (8) на песчаниковых гальках и плитке.

Выделяются из основной массы орудия в форме огурца или яйцевидные на песчаниковых гальках. Они самые тяжелые в коллекции 3 экз. (рис. 11) (вес от 268 до 291), наиболее полно соответствуют понятию – отбойник, и видимо специализированы при сколе ударом выступов, углов с кремневых конкреций в начальной стадии оформления нуклеусов, рубил, макроорудий. Следы работы отмечены на узких участках площадью 1,0 х 0,7 см, оставлены от точных, резких ударов по жесткому материалу.

Следующая серия изделий (11 экз.) представляет в значительной степени компактную группу орудий, вероятно универсального типа (вес от 100 до 210 гр.) (рис. 11). Они обеспечивали основные виды работ при изготовлении разнообразных орудий не только из кремня, но и камня, сланца и кости. Это подтверждается и разнообразием материала, из которого они изготовлены сами (кремень, рог, сланец, песчаник). В полной мере здесь видимо работает установленная трасологами-практиками закономерность, требующая при работе по жесткому материалу – "мягкий" отбойник, и, соответственно, наоборот. Следы использования скомбинированы из "мягкой" сглаживающей оббивки и из занозистых выбоин по углам и выступающим поверхностям

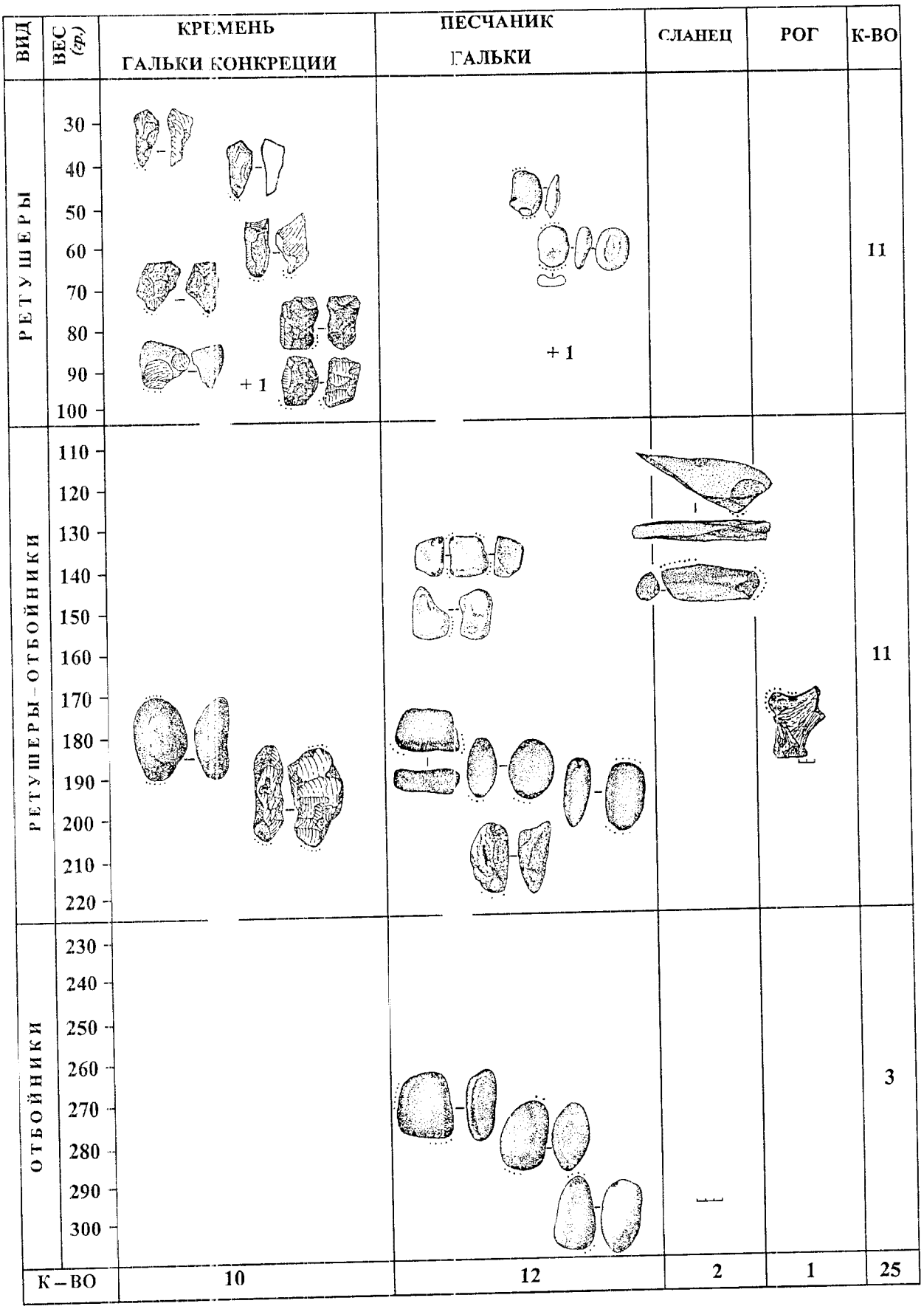


Рис. 11. Сводная таблица ретушеров-отбойников поселения Тэтэрэука Ноуэ XV

Последняя группа орудий из кремня и песчаника (11 экз.) (вес от 35 до 100 гр.) (рис. 11) служили ретушерами. У трех отмечается подправка поверхностей сколами (комфорт для ра-

бстающего). Следы работы однотипны и представлены "мягкой" оббивкой, снимающей естественную галечную поверхность на небольших участках 0.5-2,0 см.

Представленная номенклатура ретушеров-отбойников видимо подчинена технологической необходимости, напрямую связана и с самим фактом обработки кремня (реже камня, кости) и с обилием макроорудий. Когда каждый этап изготовления требует специализированного инструмента: начальная обработка производится крупными каменными отбойниками; разными по величине и качеству инструментами придают окончательную форму; для получения ударом плоских сколов и ретуши необходим роговой отбойник (Семенов 1968, 35-60; Семенов, Коробкова 1982, 16, 54). Конкретно же назначение каждого предмета определяла рука мастера.

Значительно реже, при изготовлении орудий из камня и кости применялись методы шлифовки и возможно сверления (?). Перекрестно они подтверждены как самими предметами (костяные наконечник и ретушер, каменный топор), так и орудиями для их изготовления (песчаниковые абразивы: активный и пассивный).

В этой связи уместно обратиться к вопросу существования практики изготовления и поставки (**продажа, обмен**) готовых орудий за пределы памятника. Достоверно подтвердить такую возможность мы не можем. Дело в том, что баланс артефакты – отходы, орудия труда - отходы находится в соответствии со стандартными показателями для поселений. Из 1245 обнаруженных кремневых предметов – 52% артефакты, а 9% орудия. В основном они должны были использоваться для внутренних нужд. Хотя конечно какое-то число готовых изделий безусловно могло выходить за пределы памятника.

На самом памятнике кремнеобработка обеспечивала орудиями практически все сферы жизнедеятельности обитателей. Наиболее значительную часть инструментария составляло производство орудий труда для деревообработки.

Деревообработка выделяется как специализированная отрасль. Орудийный набор в комплексе охватывает все виды работ по дереву: скобели, тесла, долота, стамески, сверла, пилки, резчики и составляет более 50 % (от всех). Каждый тип достаточно подробно охарактеризован выше, в разделе Орудий. Остановимся на некоторых интерпретационных моментах.

Значительным представляется дифференциация размеров и видов инструментов в пределах типов, особенно среди тех, что предназначены для начального этапа обработки: скобели, тесла, долота. Что позволяло производить разнообразные виды изделий от очень крупных предметов (из целых стволов деревьев при помощи макроорудий) до небольших, применяя более мелкие по размерам виды инструментов. Последние также использовались и при окончательной чистовой доводки изготавливаемых предметов.

Номенклатуру деревообработки могли составлять горбыли, доски, бревна для каркасов жилищ, грузоперевозка (волокуши, телеги, сани), домашняя утварь. Особенно отметим реальную возможность изготовления плавсредств (лодки, плоты). Поскольку именно возле ТН XV наиболее удобна переправа через Днестр: низкие берега и узкий форватер реки.

Наличие специализированных орудий в виде пилок, ножей, резчиков, сверл, разверток свидетельствует и об изготовлении более мелких, сложных составных предметов. В контексте коллекции они опосредовано представлены лишь оправами для серпов и рукоятками для самих инструментов.

Земледелие отражено лишь вкладышами 6% (10 экз. от 3-4 серпов). Им не сопутствуют какие-либо другие предметы, связанные с производством и/или переработкой продуктов земледелия. Нет ни одной мотыги, зернотерки, растирального или песта. Обычно они входят в сферу домашних производств, приуроченную к жилым объектам. Последние нами не исследовались. Их отсутствие можно объяснить лишь ограниченностью раскопок.

Уточняя особенности серпов поселения, отметим преобладание вкладышей геометрической подпрямоугольной формы и наличие пластин сбежистых очертаний. Белогрудовский показатель в виде "вареникообразности" отсутствует. Однако линия развития представляет эволюцию серпов именно этого типа (Бибиков 1962; Краснов 1971, 66). Если центральными в оправах служили подпрямоугольные вкладыши с зубчатым оформлением лезвия, а с боков их

фланкировали удлиненные пластины сбежистых очертаний, то в них еще прослеживается отдаленный белогрудовский принцип формирования. Преобладание же вкладышей геометрической формы предполагает существование иного способа набора лезвия. Что может быть свидетельством и иной хронологической (?) позиции памятника: поздний в системе культуры. Во всяком случае, поиски в этом направлении кажутся перспективными.

Другие виды орудий единичны, не образуют четко выраженных группировок и лишь маркируют различные виды хозяйственной деятельности. Их можно условно объединить в **домашние промыслы** или же рассмотреть более широко как **охотничье-скотоводческий** комплекс, поскольку связан с переработкой продуктов его деятельности 27 экз.-около 20%. Сюда относятся в основном режущие ножевидные инструменты для мяса; орудия по обработке кости и рога (пилка, скребок), шкур (проколки, скребки, лощила); шерсти (прясла). Опосредовано с охотой увязываются лишь костяной (?) и кремневый наконечник, перфорированный топор.

Планиграфически находки более или менее четко (по концентрациям) согласуются с условно выделенными в пределах раскопа усадьбами. Их три. Самая крупная №1 объединяет восемь объектов наземного, углубленного типа (об. 1-2, 14-17, 21, 24) в восточной части раскопа. Примерно в 9-10 м к западу от нее расположены объекты усадьбы № 2 (об. 3, 30). Далее в 5 м к западу усадьба № 3 (об. 20, 22, 26, 31). Закономерно, что наибольшее количество находок связано с усадьбой № 1. Однако прослеживаются и некоторые особенности.

Для большей четкости картины параметр планиграфии учтен на уровне *видов деятельности* (рис. 12; 13). Так, производство орудий труда зафиксировано во всех трех усадьбах с наименьшим показателем для № 2 (7%). С усадьбой № 1 связано 77% орудий. Отмечаются к тому же две зоны производства орудий в пределах этой усадьбы: первая - возле и в объектах 2, 16, 21; вторая приурочена к объекту яме 1 (рис. 12,1).

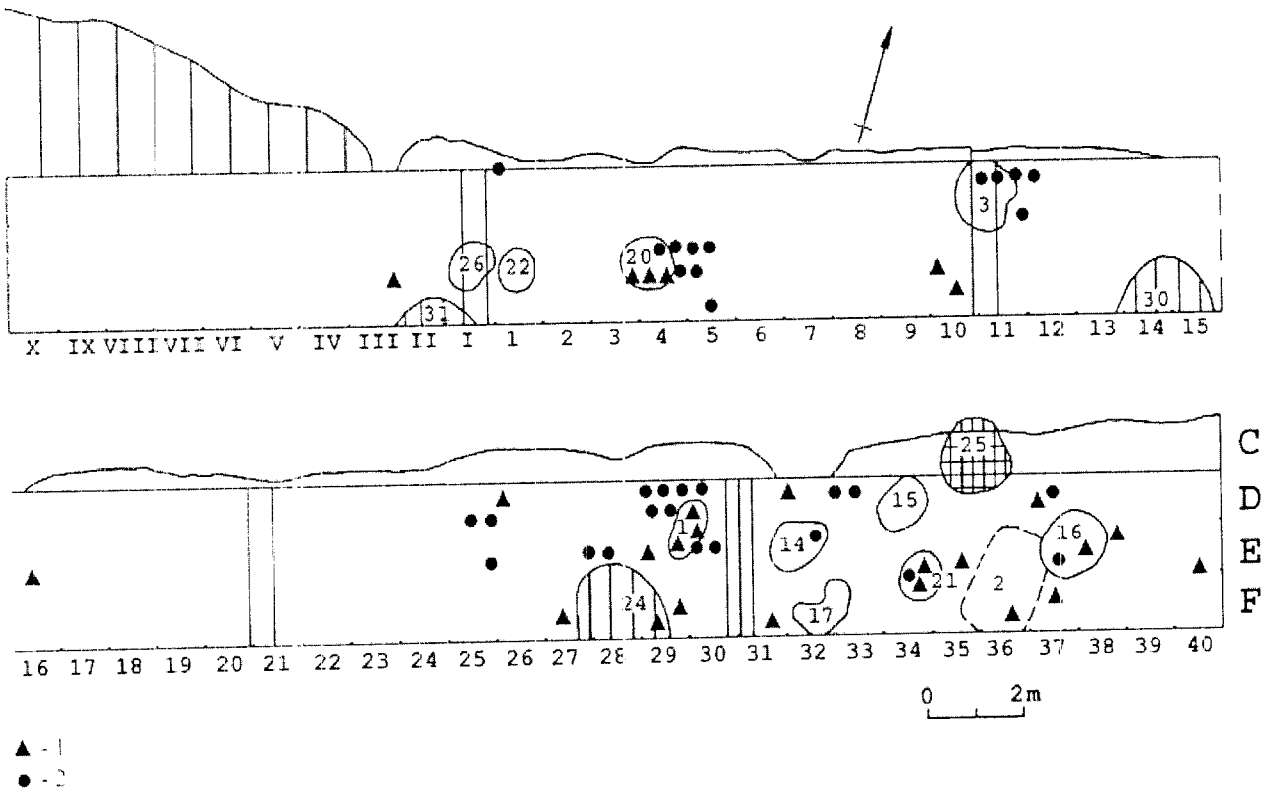


Рис. 12. Тэтэрэука Ноуэ XV. Размещение орудий труда по площади поселения и видам деятельности: 1 – производство орудий труда (наковальни, отбойники-ретушеры, абразивы); 2 – домашние промыслы.

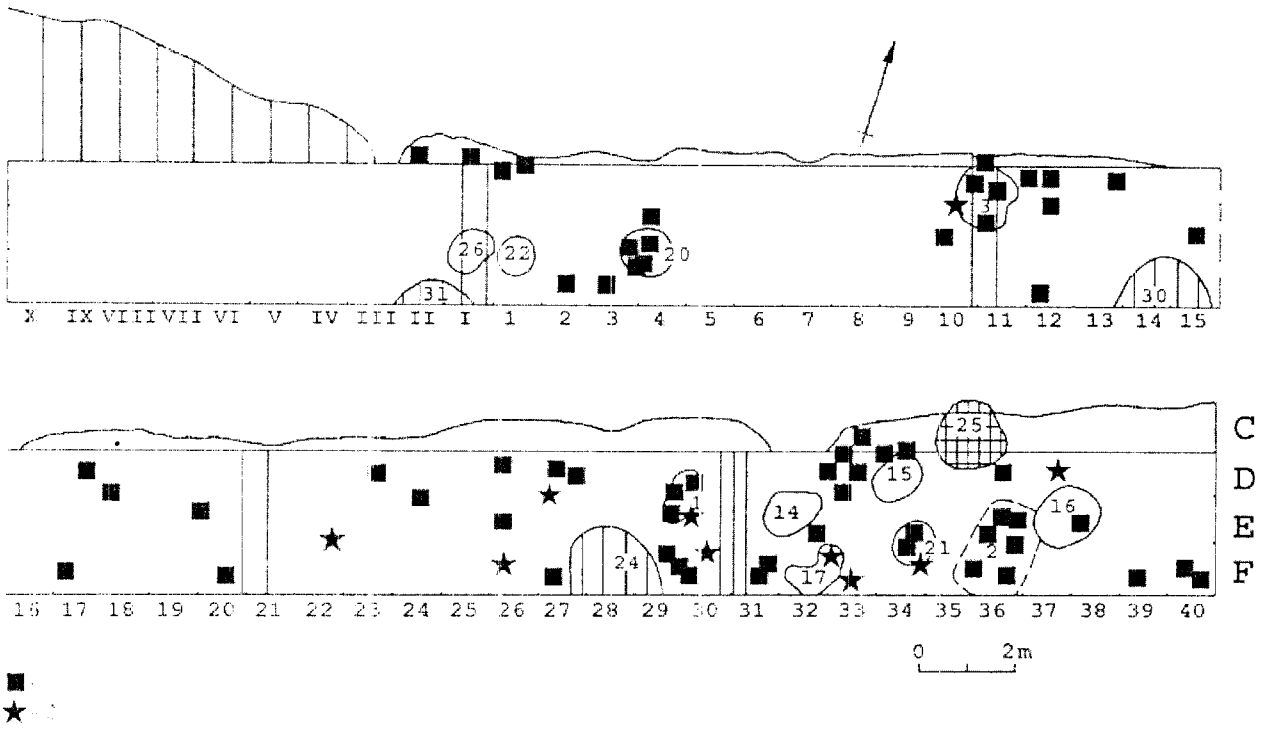


Рис. 13. Тэтэрэука Ноуэ XV. Размещение орудий труда, связанных с деревообработкой (1) и земледелием (2).

Деревообработка, как важнейшая отрасль производства, представлена во всех трех усадьбах, и в каждом случае полным набором типов орудий. Концентрируются в объектах 2,16,21 (усадьба № 1), в объекте 3 (усадьба № 2), в объекте 20 (усадьба № 3) (рис. 13,1).

Домашние промыслы (охотничье-скотоводческий комплекс) также отмечены разнообразными видами орудий во всех трех усадьбах. В усадьбе № 1 они тяготеют к ее западной части, объекту-яме 1. Только здесь найдены предметы, связанные со сферой женщины и семьи (прясла, игрушка) (рис. 12,2).

Земледелие, отраженное в серпах, преобладает в усадьбе № 1, но зафиксировано одним предметом и в усадьбе №2 (рис. 13,2)

Заключая описание материалов, укажем, что изучена небольшая часть хозяйственной зоны поселения, где была сконцентрирована производственная деятельность его обитателей. Показатели обслуживающих секторов экономики в коллекции минимальны. Однако, они представлены и вкупе с данными палеозоологии также позволяют охарактеризовать памятник как поселение, жители которого занимались земледелием, придомным скотоводством (71% от костей), и в меньшей степени охотой (26,5 %).

Отмечается специализация в производстве орудий и предметов из кремня и дерева. Причем первое обслуживало второе и планиграфически эти две сферы деятельности не разграничены.

Говорит это о том, что кремнепроизводство было ориентировано лишь на внутренний спрос? Видимо, да, поскольку подтверждается соотношением орудий и отходов; отсутствием серийных заготовок, которые можно было бы рассматривать как полуфабрикаты для наиболее востребованных в культуре изделий: наконечников стрел, вкладышей серпов.

Судя по номенклатуре орудий, на ТН XV кремень полностью перекрывал потребности жизнеобеспечивающих отраслей хозяйства, косвенно подтверждая и отсутствие металла.[1] По этому признаку памятник отличается от исследованных в ареале. На всех (Рудь I "Ла Шанцурь", ТН V "Пискул Гол", ТН XIV, Мерешовка-Четэцуэ) найдены металлические изделия из бронзы и/или

[1] К этому выводу подводит также и наблюдение С.А. Семенова, что однолезвийный, остроконечный нож эпохи ранних металлов мог заменять сразу несколько кремневых орудий: нож, резец, сверло, скобель (Семенов 1969, 14).

железа.Соответственно "глобальное" привлечение кремня является особенностью ТН XV, и видимо отражает какой-то особый момент в существовании его обитателей. На эту мысль наводит и слабая сработанность значительного числа орудий. Они потребовались для конкретного дела (в основном деревообработка ?) и на короткий срок. В какой степени эти материалы будут показательны для всей культуры на Среднем Днестре, предстоит еще выяснить.

Вопрос о существовании особых мастерских по изготовлению и распространению кремневых орудий в ареале культуры тоже остается открытым и должен решаться на уровне конкретных памятников, и в их взаимосвязи.

Кремнеобработка в системе культуры. Черняхесские памятники образуют на Среднем Днестре значительную группу из около 80 пунктов. Побережья были освоены относительно равномерно на протяжении 100-125 км, от г.Хотин и почти до г.Ямполь. Река, редкий случай, видимо была главной культурообъединяющей транспортной артерией (рис. 14).

Кремнеобработка в ареале зафиксирована в пяти пунктах. Достоверно на поселениях у с.Непоротово (рис. 14,9) (Крушельницька 1998) и у Тэтэрэука Ноуэ (ТН XV; ТН XIV) (рис. 14,1-2). С большой долей вероятности его также активно использовали в Наславче (рис. 14,6), на Мерешовском городище (рис. 14,5), в Ленковцах (Мелюкова 1958, 20) (рис. 14,11). Все пункты приурочены к выходам - месторождениям высококачественного кремня. Однако внутри групп этих памятников отмечается градация по степени овладения сырьем.

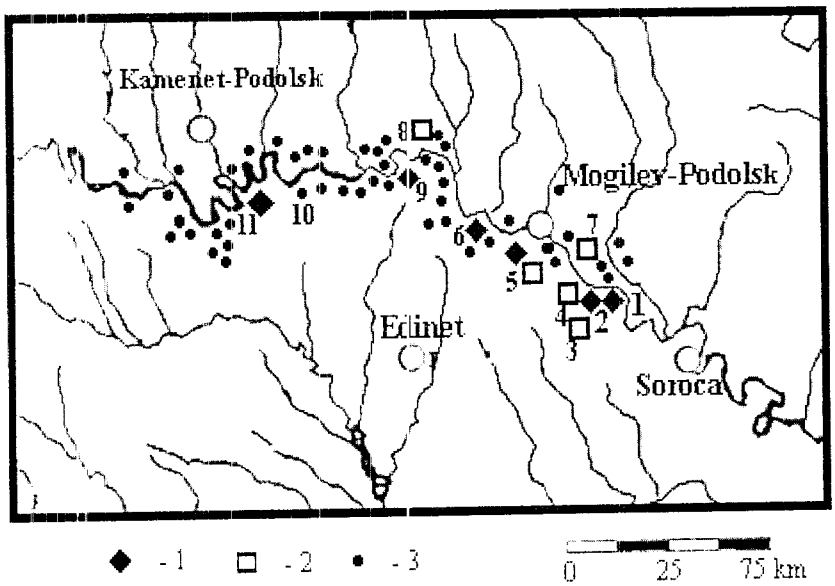


Рис. 14. Карта основных позднечернолесских памятников Среднего Днестра, упоминаемых в тексте. 1 – Тэтэрэука Ноуэ XV; 2 - Тэтэрэука Ноуэ XIV; 3 – Тэтэрэука Ноуэ V"Пискул Гол"; 4 - Рудь I "Ла Шанцурь"; 5 – Мерешовка –Четэцуе; 6 – Наславча; 7 – Григоровка; 8 – Рудковцы; 9 – Непоротово; 10 – Днестровка; 11 – Ленковцы.
Условные обозначения: 1 – памятники с полным циклом кремнеобработки 2 – городища; 3 – селища (Составлена по: Смирнова, Кашуба 1988. рис. 1; Крушельницька 1998, рис. 1; Sava ş.a. 1995, 284-289, fig. 1; Ларина и др. 1997, 102-109, рис. 1).

В этой связи, интересно сопоставление данных с поселений у с.Непоротово. Среди них наиболее масштабно занимались обработкой кремня обитатели Непоротово III - более 1600 экз. на исследованной площади 480 кв.м. Тогда как в Непоротово II на площади 2500 кв.м количество находок не превышает сотню (?) и почти половина из них серпы. В Непоротово I (ур. Дубова) на площади 700 кв.м зафиксировано 15 орудий и два скопления отходов кремнеобработки, судя по всему незначительных (наши примерные подсчеты по: Крушельницька 1998, 13-123).

Аналогичная ситуация отмечается и для микрорегиона Рудь - Тэтэрэука Ноуэ. Полномасштабная обработка кремня зафиксирована и в ТН XV и на ТН XIV. Тогда как на городищах ТН V "Пискул Гол" и Рудь I "Ла Шанцурь" обнаружены только готовые орудия (рис. 14,3-4).

Соответственно, памятники разнятся. Одни из них четко специализированы на обработке кремня. Другие привлекали этот вид сырья как подспорье. Гораздо чаще предпочитали пользоваться готовыми инструментами.

Вероятно, именно на Непоротово III и в ТН XV(?), ТН XIV изготавливались орудия для распространения в более широком ареале культуры. Такую же возможность аргументирует В.Ф.Петрунь и для Наславчи (Петрунь 1989, 91-102). Как представляется, для самой культуры потребность в изделиях из кремня была невелика. В материалах большинства изученных памятников они представлены единичными, не более десятка, готовыми орудиями. В основном это всегда серпы, реже наконечники стрел, сверла (Тереножкин 1961, 83-84; Смирнова 1983, 66; Крушельницька 1985, 19, рис. 35). Соответственно запрос, исходя из перечисленного ассортимента, мог быть удовлетворен отдельными специализировавшимися в обработке кремня мастерами/поселениями.

Примечательно, что все пункты, где фиксируется масштабная обработка кремня, расположены на правобережье Днестра, приурочены в основном к выходам кремня, и равномерно охватывают ареал с севера до юга. Что создает предпосылки для снабжения готовыми изделиями населения с двух берегов Днестра.

К дискуссии о причинах возрождения кремнеобработки. Безусловно, "ренесанс" кремня раннего железного века определен дефицитом металла, как бронзы, так и железа. Однако, почему этот дефицит так неравномерно отразился в ареале, проявившись с наибольшей силой в Чернолесье II и именно на западной периферии культуры? Основными причинами исследователи называли, во-первых, отсутствие близкорасположенных местонахождений железной руды, а, во-вторых, "обилие днестровского кремня сдерживало прогресс" (Мелюкова 1958, 18).

Дисбаланс же прослеживается не только в пределах самой культуры, но и при сравнении с ближайшими соседями во времени и пространстве: Козия-Сахарна, Гава-Голиграды (Грэничешть). Они должны были находиться под влиянием тех же факторов, что и позднее чернолесье Среднего Днестра. Однако, наблюдаемое там использование кремня не достигает масштабов, сравнимых с чернолесским.

Само по себе наличие кремня не может быть причиной возвращения к нему. Лишь более серьезные обстоятельства экономического или политического характера могли вынудить человека "отступить" от благоприобретенных "прогрессивных" навыков и средств. В данном случае обилие кремня все же видимо помогало преодолеть кризис, а не тормозило прогресс.

Особенностью Чернолесской культуры является примерная равноудаленность ее периферий от главных железоделательных центров Переднего Востока: армяно-кавказского от днепровских памятников; и Ближневосточного (западное побережье Турции и прилегающие к нему греческие острова в Ионическом море) от днестровских. При общем кризисе взаимодействия с этими центрами, для восточного (днепровского) ареала культуры он должен был быть более глобальным, поскольку отягощался к тому же нестабильной-военной ситуацией. Однако, судя по находкам исключительно вкладышей серпов, кремень возмещал здесь недостачу металла только (?) в сельском хозяйстве. (Тереножкин 1961, 83-89; История УССР 1986, 30).

Для западного же ареала культуры предполагается иная, мирная ситуация взаимодействия соседей - этносов (чернолесско-сахарнянский симбиоз) (Кашуба 2000, 359).Но как теперь кажется, политическую ситуацию на Среднем Днестре нельзя определять однозначно мирной (Давня історія 1998, 24). Военная опасность проявлялась и здесь, но пока ее можно оценить на уровне кратковременных (?) набегов. Косвенно она отражается в существовании на южной оконечности ареала, по обоим берегам Днестра, оборонительных памятников типа городищ: ТН V "Пискул Гол", Рудь I "Ла Шанцурь", Мерешовка-Четэцуе, Григоровка, Рудковцы (рис. 14,3-5,7-8). Непосредственно засвидетельствована чрезвычайной ситуацией для поселения ТН XV - погребением погибшего мужчины/воина (?) (конный лучник) (объект 25).[1]

В этой связи весьма вероятна версия о существовании в среде "чернолесского" сообщества консолидации сил, направленных на разрешение кризиса (военно-политический ?). Частич-

[1] см. статью Ларина, Кашуба в настоящем сборнике.

но консолидация могла выражаться и в перераспределении "железного запаса". Предположение работает как на уровне всей культуры вцелом (кремень только для серпов), но пока видимо наиболее четко отражает какую-то критическую (военную ?) ситуацию для западного "анклава" позднего Чернолесья. Именно здесь, в пределах культуры, прослежена наиболее масштабная компенсация металла кремнем.

Судя по основным вехам внедрения металла/железа в историю человечества (да и всю историю), приоритет (исходя из ситуации) принадлежит жизнеохраняющим отраслям (в том числе изготовлению оружия) в ущерб жизнеобеспечивающим. Лишь с утверждением силы и восстановлением спокойствия появляется возможность "перевооружить"и сельское хозяйство etc. Соответственно, металл в среде Чернолесья вероятно мог быть сориентирован в значительной степени на войну, что и фиксируется многочисленными кремневыми лезвиями серпов ("орала перековали на мечи?"). В этой связи, для будущих исследований, вероятно будет плодотворным установление хронологической и реконструкция "событийной" соподчиненности (или нет) памятников, наиболее активно использовавших кремень.

Версия "решения кремневой проблемы" с политико-экономической точки зрения находится также в русле общего контекста культур раннего железного века, и отражена частично в консолидации сил при строительстве городищ, городищ-рефугиумов, различных систем их защиты в виде валов и рвов. (Тереножкин 1961, 13; Моруженко 1975, 133-146; Шрамко 1975, 106; Фіалко, Болтрик 2003, 24-37).

Во всяком случае, она связана уже с оценкой уровня социально-политического устройства общества и должна решаться на более широком фоне многоплановых источников. Наверняка этому будет способствовать публикация и анализ материалов всех исследованных в микрозоне Рудь-Тэтэрэука Ноуэ памятников.

Библиография

Археология УССР 1986: Археология Украинской ССР. Том П (Киев 1986).

Березанская и др. 1986: С.С. Березанская, В.В. Отрощенко, Н.И. Чередниченко, И.Н. Шарафутдинова, Культуры эпохи бронзы на территории Украины (Киев 1986).

Власенко, Сорокин 1980: И.Г. Власенко, В.Я. Сорокин, Отчет Дневнерусской археологической экспедиции о раскопках многослойного поселения Мерешовка-Четэцуе в 1980 г. Архив МА ИАЭ АН РМ. Инв. № 157 (Кишинев 1981).

Гиря 1997: Е.Ю. Гиря, Технологический анализ каменных индустрий (С-Петербург 1997).

Давня історія України 1998: Давня історія України. Том П (Киев 1998).

Кашуба 2000: М.Т. Кашуба, Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия-Сахарна). Stratum plus 3, 2000, 211-488.

Колотухин 1982: В.А. Колотухин, Обследование памятников предскифского и раннескифского времени в Крыму. СА 1, 1982, 105-119.

Коробкова 1969: Г.Ф. Коробкова, Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. МИА СССР 158, 1969.

Коробкова 1987: Г.Ф. Коробкова, Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР (Ленинград 1987).

Коробкова, Гиря 1987: Г.Ф. Коробкова, Е.Ю. Гиря, Результаты работ экспериментально-трасологической экспедиции ЛОИА АН СССР в Молдавии в 1987 г. (изучение техники расщепления). Архив МА ИАЭ АН РМ. Инв. № 164 (Кишинев 1988).

Краснов 1971: Ю.А. Краснов, Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы (Москва 1971).

Крушельницька 1985: Л.І. Крушельницька, Взаимозв'язки населення Прикарпаття і Волині з племенами Східної і Центральної Эвропи (рубіж епох бронзи і заліза) (Київ 1985).

Крушельницька 1998: Л.І. Крушельницька, Чорноліська культура Середнього Придністров'я (за матеріалами непоротівської групи пам'яток) (Львів 1998).

Ларина и др. 1997: О.В. Ларина, К.-П. Вехлер, В.А. Дергачев, С.И. Коваленко, В.М. Бикбаев, Новые полевые исследования памятников мезолита и неолита Молдовы. В сб. Vestigii arheologice din Moldova (Chisinau 1997), 62-110.

Мельниковская 1967: О.Н. Мельниковская, Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке (Москва 1967).

Мелюкова 1958: А.И. Мелюкова, Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья. МИА СССР 64, 1958, 5-102.

Моруженко 1975: А.А. Моруженко, Оборонительные сооружения городищ Поворсклья в скифскую эпоху. В сб. Скифский мир (Киев 1975), 133-146.

Петрунь 1998: В.Ф. Петрунь, Нижньоторгонські валунчасті кременеві породи Подністров'я як спеціалізована артефактна сировина передскіфського часу. Археологія 3, 1998, 91-102.

Ремесло эпохи 1994: Ремесло эпохи энеолита-бронзы на Украине (авторы С.С. Березаньска, О.В. Цвек, В.И. Клочко, С.М. Ляшко) (Киев 1994).

Семенов 1957: С.А. Семенов, Первобытная техника. МИА СССР 54, 1957.

Семенов 1969: С.А. Семенов, Каменные орудия эпохи ранних металлов. СА 2 1969, 3-14.

Семенов, Коробкова 1983: С.А. Семенов, Г.Ф. Коробкова, Технология древнейших производств (Ленинград 1983).

Смирнова 1982: Г.И. Смирнова, Закрытые предскифские комплексы у села Днестровка-Лука. В сб. Древние памятники культуры на территории СССР.(Ленинград 1982), 30-53.

Смирнова 1983: Г.И. Смирнова, Материальная культура Григоровского городища (к вопросу о формировании черняхесско-жаботинских памятников). АСГЭ 23, 1983, 60-71.

Смирнова, Кашуба 1988: Г.И. Смирнова, М.Т. Кашуба, О двух локальных группах культуры позднего Черноле-сья на Среднем Днестре. АСГЭ 29, 1988, 18-28.

Тереножкин 1961: А.И. Тереножкин, Предскифский период на Днепровском Правобережье (Киев 1961).

Тереножкин 1965: А.И. Тереножкин, Основы хронологии предскифского периода. СА 1, 1965, 63-85.

Ткачук 2000: М.Е. Ткачук, Отчет об археологических исследованиях на городище Рудь "Ла Шанцурь" и поселении черняховской культуры Покровка V в 2000 г.. Архив МА ИАЭ АН РМ. Инв. № 417 (Кишинев 2001).

Ткачук и др. 1998: М.Е. Ткачук, Р.А. Рабинович, Г.В. Засыпкина, Отчет об археологических исследованиях на городище Рудь "Ла Шанцурь" и поселении черняховской культуры Покровка V в 1998 г. Архив МА ИАЭ АН РМ. Инв.№ 367 (Кишинев 1999).

Фиалко, Болтрик 2003: О. Фиалко, Ю. Болтрик, Напад скіфів на Трахтемирівське городище (Київ 2003).

Шрамко 1975: Б.А. Шрамко, Крепость скифской эпохи у с.Бельск – город Гелон. В сб: Скифский мир (Киев 1975).

Sava ş.a. 1995: E. Sava, I. Manzura, M. Tcaciuc, S. Kurciatov, V. Bubulici, R. Rabinovici, V. Guchin, R. Alaiba, M. Badau-Wittenberger, Investigatiile istorico-arheologice efectuate in microzona istorico-naturala Rudi-Tatarauca Noua-Ariontsti (raionul Dorduseni, Republica Moldova). In: Cercetari arheologice in aria Nord-Traca (I) (Bucuresti 1995), 281-357.

Ольга Ларина,
Институт Археологии и Этнографии, Академия Наук Республики Молдова,
ул. Митрополит Бэнулеску-Бодони 35, MD-2012 Кишинэу, Республика Молдова

AŞEZAREA FORTIFICATĂ DE LA HORODIŞTE, RAIONUL CĂLĂRAŞI

Nicolai Telnov, Ala Belotcaci, Chişinău

Cu ocazia acestui studiu autorii se opresc asupra vestigiilor descoperite în urma unor investigaţii periegetice făcute la aşezarea fortificată de lângă localitatea Horodişte, raionul Călăraşi. Sunt examinate cele mai reprezentative descoperiri care, deşi până în prezent nu au beneficiat de atenţia notorie a cercetătorilor, fac dovada existenţei în sec. V-III a.Chr., pe promontoriul „Dealul Pleşa", a unui important centru politico-administrativ locuit de tracii septentrionali.

В настоящей статье авторы уделяют особое внимание археологическим артефактам открытым вследствие разведок в окрестностях села Хородиште, Каларашского района. Представлен важный археологический материал, служащий подтверждением тому, что в урочище «Дялул Плеша» в период между V и III вв. до р. Хр., существовал важный административно-политический центр фракийцев.

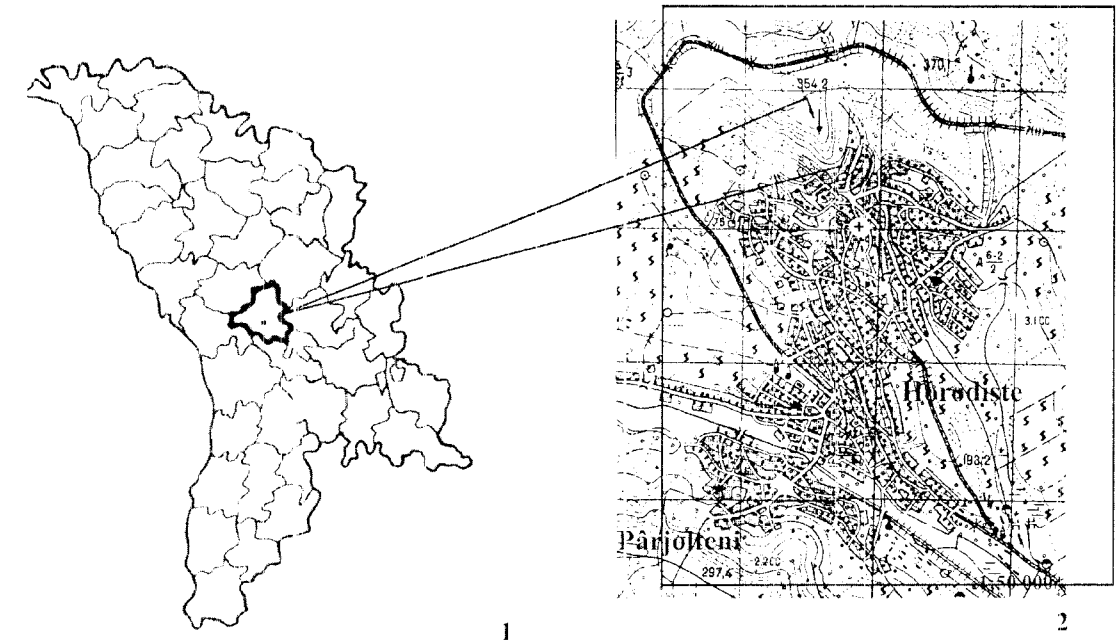
A l'occasion de cet étude les auteurs dirigent leur attention vers les vestiges archéologiques découverts à la suite d'une recherche periegetique effectuée dans la cité fortifiée près du village Horodişte, dep. Călăraşi. On présente les plus representatives découvertes qui, jusqu'à présent non bénéficiaient d'une attention notoire des chercheurs scientifiques, témoignent l'existence au V-III s. Avaht J. Ch., sur le promontoire „Dealul Pleşa" („La colline Pleşa"), d'un important centre politique-administratif peuplé par les traces septentrionals.

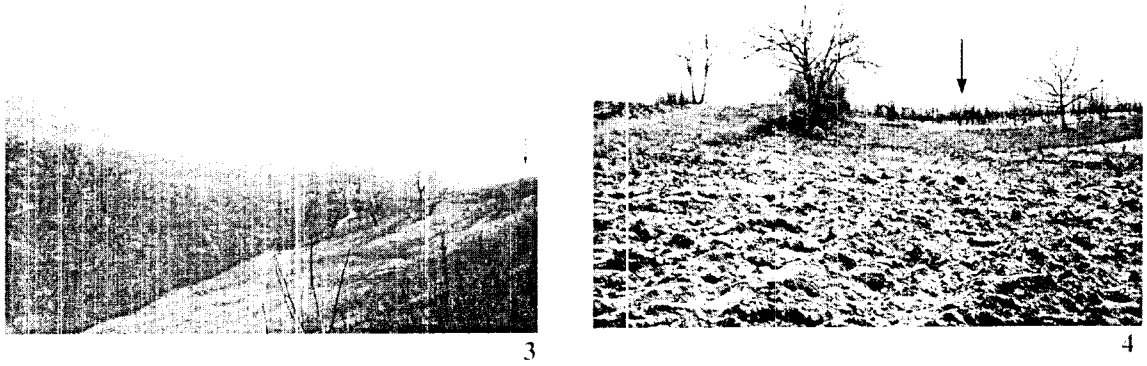
O parte a Podişului Central Moldovenesc încadrată în plasa teritorial-administrativă a raioanelor Călăraşi, Nisporeni şi Hânceşti (fig. 1,1) reprezintă un deosebit interes prin vestigiile de epocă a fierului care până astăzi nu au beneficiat de atenţia notorie a cercetătorilor. În ultimele 4 decenii, aici, arheologii au identificat un şir de monumente amplasate în diverse sectoare ale spaţiului preconizat, punând în valoare poziţii strategice însuşite cu ingeniozitate de triburile tracilor de la nord de Dunăre (Никулицэ 1977; Zanoci 1999; Babeş 1997, 199-236; Arnăut 2003, 12-40). Ne referim, în această ordine de idei, la zonele de podiş şi colinare care formează şi formau şi în antichitate condiţii favorabile de supraveghere pe o întindere de 20-30 km de jur-împrejur. Monumentele arheologice de lângă Pârjolteni (Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974, 68-69; Лапушнян 1979, 18-20), Horodca (Constantinescu-Iaşi 1931, 32; Смирнов 1949, 199; Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974, 49; Arnăut 2003, 224), Meleşeni (Hâncu 1993, 30-31; Arnăut 2003, 235), Mălăeşti (Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974, 65), Lozova (Arnăut 2003, 231); Drăguşeni[1] etc. cunoscute deja în literatura de specialitate, nu au beneficiat de cercetări de amploare, ele fiind semnalate doar prin intermediul prospecţiunilor de teren efectuate în diferite perioade.

În viziunea autorilor acestui studiu, cel mai notabil obiectiv arheologic din zona preconizată este aşezare fortificată, situată pe un pinten de deal, cu cota maximă de 335,6 m, punct denumit "Dealul Pleşa" (Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974, 48; Hâncu 1993, 29-30; Arnăut 2003, 225). Gravitând uşor spre zona central-vestică a Înălţimilor Codrilor, punctul „Dealul Pleşa" formează în plan un triunghi, vârful căruia contactează extrema de nord, nord-est a satului Horodişte (fig. 1,5). Astfel, el este uşor orientat de la nord, nord-est spre sud, sud-vest pe o distanţă de aproximativ 450 m (fig. 1,2). Axul transversal, care formează baza triunghiului, măsoară 364 m. Laturile dinspre vest, est şi sud reprezintă pantele înclinate sub un unghi cuprins între 60 şi 45 grade (fig. 1,3.5). Pentru a reda pantei dinspre est un unghi mai mic constructorii au prevăzut incinta în această zonă cu o escarpă cuprinsă de-a lungul pantei de est între liniile întâi şi cea de a doua de apărare.

Incinta, reprezintă un sistem defensiv alcătuit din trei valuri, precedate de tot atâtea şanţuri eşalonate în adâncime. Dispuse în această ordine, linia exterioară avansează faţă de cea de mijloc la distanţa de aproximativ 70 m pe latura de vest, iar pe latura de est, datorită arcuirii puternice a valului, aceasta este de aproximativ 50 m (fig. 1,4). Distanţa dintre linia defensivă de mijloc şi cea de a treia măsoară 64 m, pe panta de vest şi pe cea de est - 36 m. Panta din faţă, cu unghiul mic de înclinaţie, prevăzută cu un turn de veghe, bastion(?), care mai păstrează astăzi din înălţime aproximativ 3 m şi în diametru dimensiunea de 35 m, este avansată faţă de linia a treia de apărare cu 218 m.

[1] Cercetări inedite efectuate de Ion Eremia care a depistat patru aşezări cu un conţinut de vestigii bogat în ceramică lucrată cu mâna şi greceacă de import din sec. IV a.Chr.





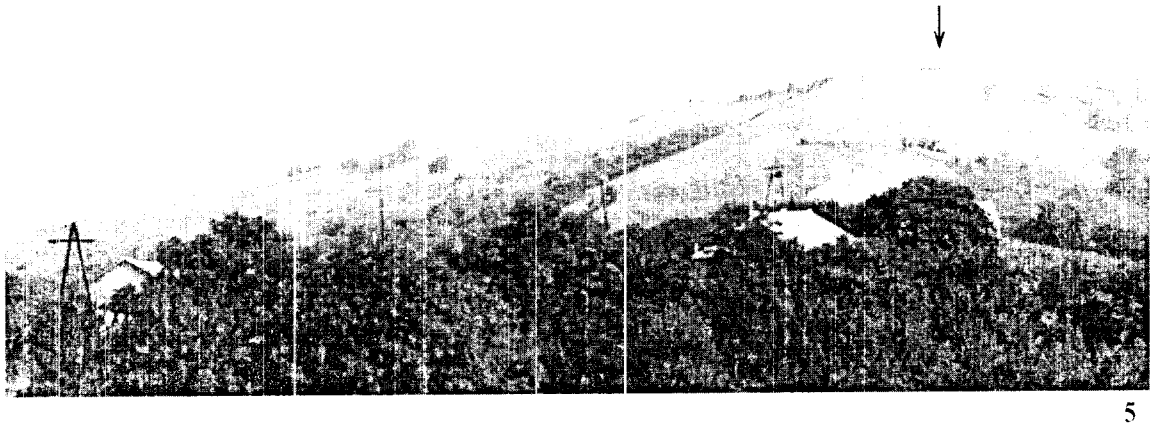


Fig. 1. Aşezarea fortificată Horodişte. 1 situl localizat pe harta Republicii Moldova; 2 schiţa topografică a aşezării fortificate; 3-5 aşezarea fortificată vedere dinspre nord (3), vedere dinspre est (4), vedere dinspre sud-sud-est (5)

După cum reiese din planul incintei, linia defensivă exterioară şi cea interioară formează un semicerc care întretaie promontoriul perpendicular pe o distanţă de 392 m şi respectiv 346 m. Linia defensivă din interiorul aşezării fortificate, adică cea de a treia, întretaie incinta pe o distanţă de 165 m. Actualmente fortificaţiile prevăzute pentru apărarea aşezării au fost distruse în rezultatul practicării lucrărilor agricole

intensive de-a lungul a cinci decenii. Mai mult decât atât, valurile, dar şi nivelurile de locuire au avut de suferit de pe urma plantajului practicat cu scopul defrişării plantaţiilor de viţă de vie.

Rezultatele preliminare ale cercetării noastre întreprinse pe platoul „Pleşa" au avut drept scop urmărirea intensităţii nivelului de locuire. Investigaţiile efectuate în mai multe sectoare ale incintei, dar, mai ales, acolo, unde aluviunile, alunecările de teren şi plantajul au oferit posibilitatea dau de bănuit că adâncimea stratului de locuire atinge maxima de 100-120 cm. Acelaşi lucru ni-l dovedesc ravenele produse pe latura estică a platoului, unde în malurile abrupte apar urme intense de locuire, cruste de chirpic de la construcţii de locuit, urme de lemn carbonizat, precum şi intense resturi de vestigii reprezentate, mai cu seamă, prin fragmente ceramice. Prin aceleaşi observaţii s-a putut constata că nu întreaga suprafaţă a platoului respectiv a incintei a fost locuită cu aceeaşi intensitate. Astfel, în punctul din extrema de sud, sud-vest, acolo unde se află presupusul turn de veghe, loesul galben, reprezentând stratul steril de urme de locuire, apare la suprafaţă. Urmele de locuire propriu-zise se concentrează în preajma celor trei linii defensive, predilecţie oferindu-se spaţiului dinspre panta de est a platoului (fig. 1,5).

Deşi cercetarea noastră poartă un caracter periegetic dispunem, totuşi, de un însemnat număr de vestigii care prin caracteristicile lor particulare permit să distingem mai multe categorii de descoperiri. Printre acestea definim mai multe figurine antropomorfe, fusaiole, rondele din lut ars, mărgele din sticlă şi fragmente de vase ceramice.

Figurine. Figurină antropomorfă confecţionată din pastă cafeniu-închisă, în amestec cu şamotă puternic stilizată la care se observă doar membrele inferioare evidenţiate pe centru. Piesa a fost prevăzută cu un orificiu care o străbate longitudinal, de jos în sus (fig. 2,1).

Figurină antropomorfă, confecţionată din lut în amestec cu şamotă măruntă şi nisip. Arderea este completă oxigenată, şi culoarea cafeniu-deschisă. Piesa are picioarele depărtate, corpul cilindric, faţa redată printr-o proeminenţă şi două adâncituri, reprezintând nasul şi ochii (fig. 2,2).

Figurină confecţionată din lut amestecat cu fragmente minuscule de şamotă. Arderea este completă, omogenă cu nuanţe de culoare cafeniu-surie (fig. 2,3).

Piesele în cauză constituie categoria de descoperiri frecvent întâlnită la Hansca (Никулицэ 1985, 113-116, fig. 3,7-10), Poiana (Vulpe, Teodor 2003, 548-549, fig. 69-70), Fedeşti (Coman 1977, 255, fig. 1,8), Mateuţi (Kašuba, Haheu, Levitchi 2000, 203, pl. XLI/1-23).

Fusaiole. De pe suprafaţă incintei au fost recoltate 12 fusaiolele care reprezintă tipurile bitronconic, cilindric, în formă de sferă şi de elipsă. Cele bitronconice sunt în număr de şase. Ele au fost confecţionate din lut în amestec cu şamotă. Au suprafaţa netedă, acoperită cu slip de aceeaşi culoare ca şi pasta (fig. 2,4-7.11-12). Două fusaiole, în formă de elipsă au fost confecţionate în aceeaşi tehnică. Piesa de tipul cilindric a fost confecţionată din lut în amestec cu calcar (fig. 2,9), iar trei exemplare, fragmentare, fac dovada unei forme sferice a fusaioleleor (fig. 2,13.15-16). Tipurile de fusaiole descrise mai sus se întâlnesc, practic, în toate aşezările din sec. IV-III a.Chr. din spaţiul carpato-balcanic. Ele au fost descoperite la Hansca (Никулицэ 1977, 92-94), Poiana (Vulpe, Teodor 2003, 543-544, fig. 64-65), Aleedar (Kašuba, Haheu, Levitchi 2000, 197, pl. XXXV/3.5.12), Butuceni (Niculiţă, Teodor, Zanoci 2002, 187-188, fig. 61,1-20; 62,1-18).

Rondele. Această categorie de vestigii reprezintă piese confecţionate din pereţi de vase de lut. Iniţial ele au avut forma relativ rotundă, dar din cauza şlefuirii, marginile au luat forma faţetată (fig. 2,14).

Mărgele. Din categoria acestor descoperiri fac parte două tipuri. A fost identificată o mărgică de tip „tubulară" confecţionată din sticlă mată de culoare albastră cu ochi albi dispuşi pe verticală în linie a câte trei (fig. 2,17). O altă piesă reprezintă mărgică „inelară", confecţionată din sticlă de culoare vişinie (fig. 1,18).

Mărgele cu ochi albi, de tip „tubular", au fost semnalate la Poiana (Vulpe, Vulpe 1927-1932, 324, fig. 105,1-2.9; Vulpe, Teodor 2003, 608, fig. 129,10-11.21-22), Căbeşti (Buzdugan 1968, 97, fig. 2,5), Buneşti (Bazarciuc 1983, 269, fig. 21,1). Exemplare de tip inelar au fost descoperite la Zimnicea (Alexandrescu 1980, fig. 52,13), Enisala (Simion 1976, 156, fig. 8,1) etc.

Discuri. În categoria respectivă fac parte trei fragmente care provin de la exemplare confecţionate din lut în amestec cu şamotă. Piesele au fost supuse unei arderi completă omogenă, iar suprafaţa acoperită cu slip de culoarea cafeniu-deschisă.

Exemplare întregi sau fragmentare sunt atestate la Saharna Mică (Kašuba, Haheu, Levitchi 2000, 217, pl. LV,6), Mateuţi (Kašuba, Haheu, Levitchi 2000, 201, pl. XXXIX,1.7), Solonceni (Kašuba, Haheu, Levitchi 2000, 178, pl. XVII,1.4), Huşi-Corni (Teodor 1981, 179), Orbeasca de Sus (Moscalu 1983, 87-88) etc.

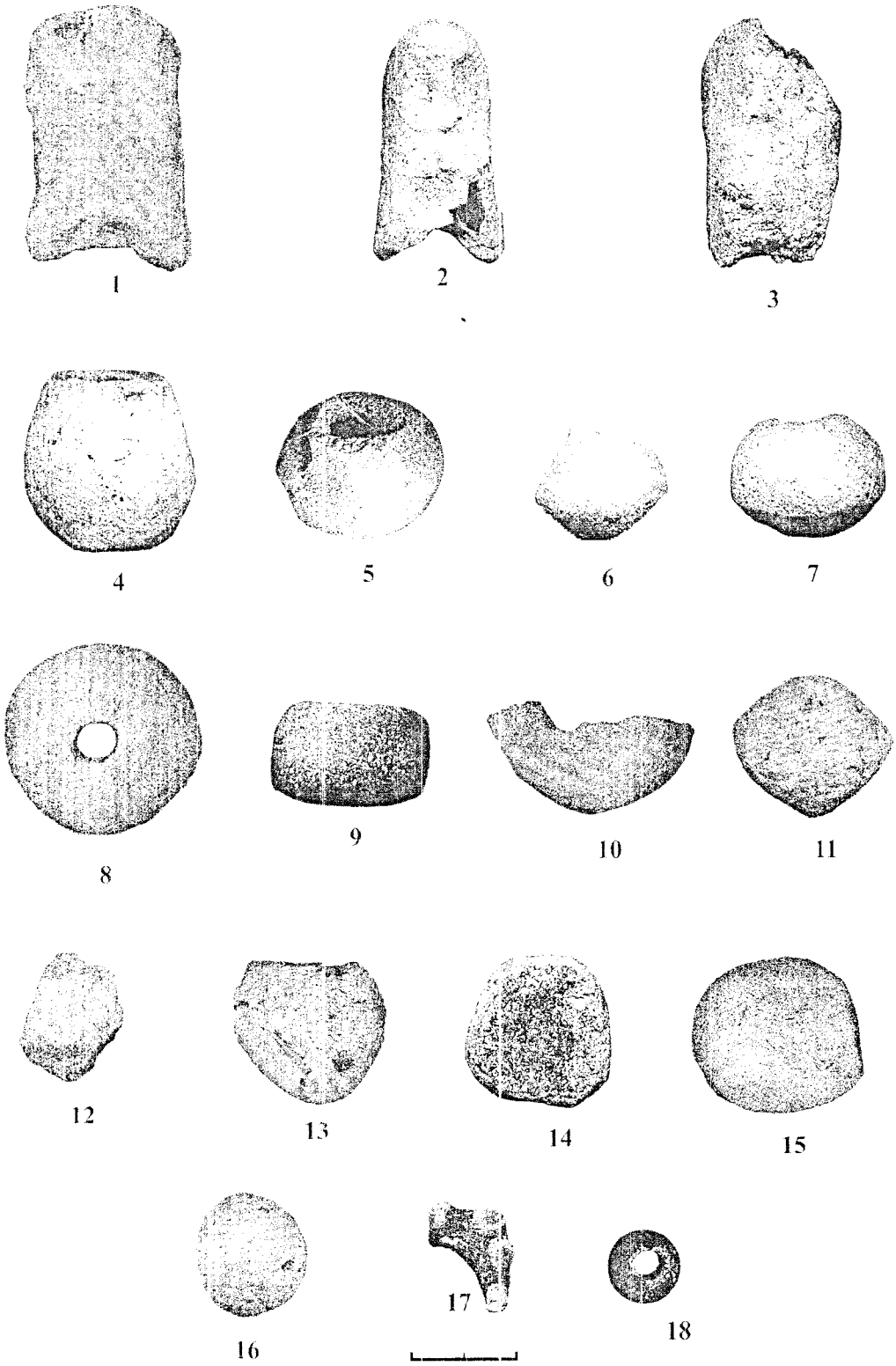


Fig. 2. Horodişte. 1-3 figurine antropomorfe din lut; 4-13, 15, 16 fusaiole din lut; 14 rondele; 17-18 mărgele din sticlă

Ceramica. Numărul mare sub raport cantitativ de fragmente de vase face dovada că şi la aşezarea fortificată de lângă Horodişte ceramica deţine locul prim printre vestigiile de epocă. O analiză mai atentă asupra acesteia ne permite să o clasificăm în grupe după tehnica şi tehnologiile de confecţionare, în tipuri şi categorii de vase. În această ordine de idei menţionăm că avem de a face cu ceramică lucrată cu mâna şi cea lucrată la roata olarului.

Ceramica lucrată cu mâna (fig. 3-6) reprezintă trei grupe din punctul de vedere al tehnologiei de confecționare. Printre fragmente distingem recipiente confecționate din lut amestecat cu șamotă, nisip și iarbă uscată. Vasele au fost supuse unei arderi reducătoare, de unde și gama variată de culori cafeniu, cenușiu, negru, gălbui. Suprafața vaselor este zgrunțuroasă.

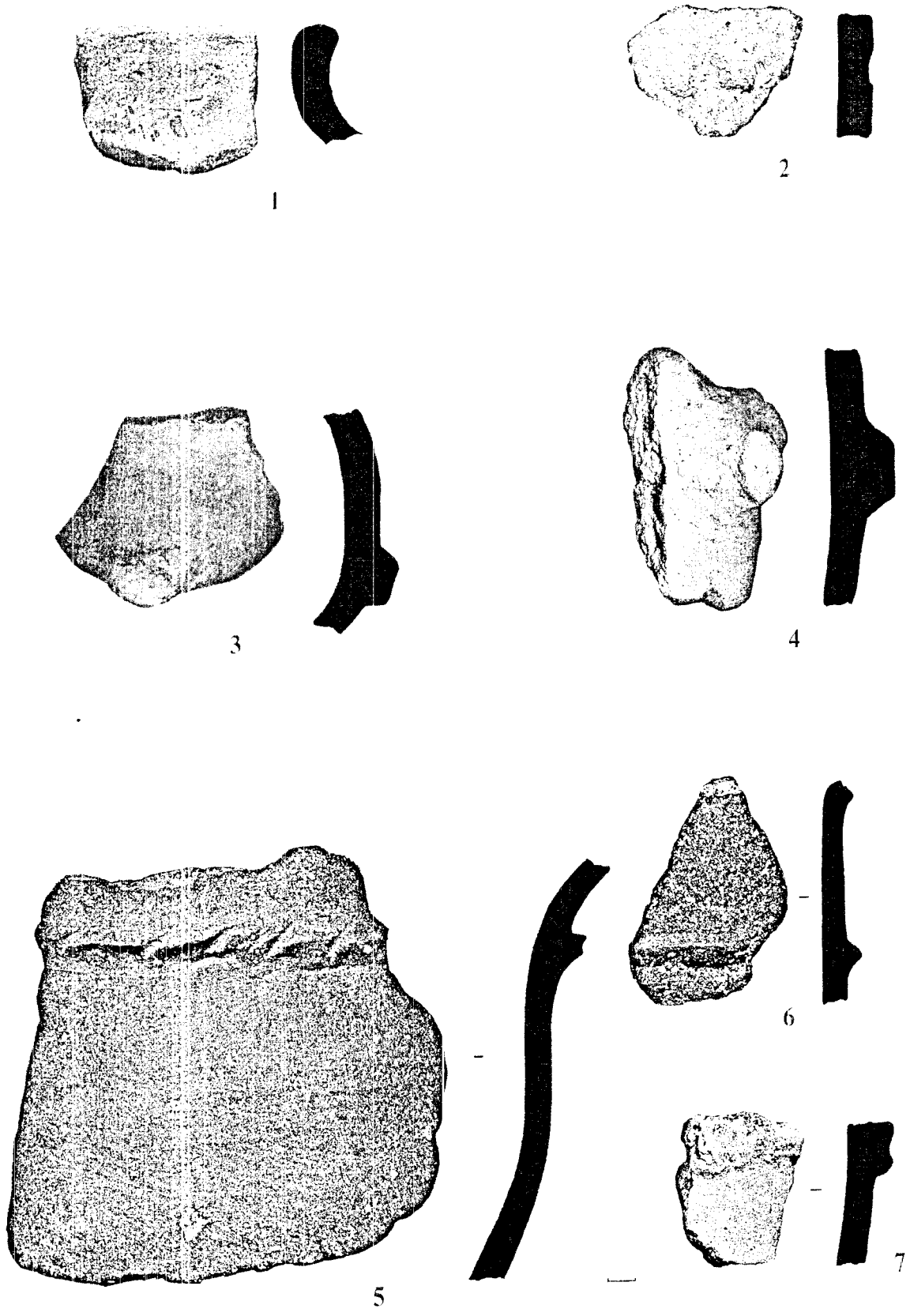


Fig. 3. Horodiște. 1-7 fragmente de ceramică lucrată cu mîna

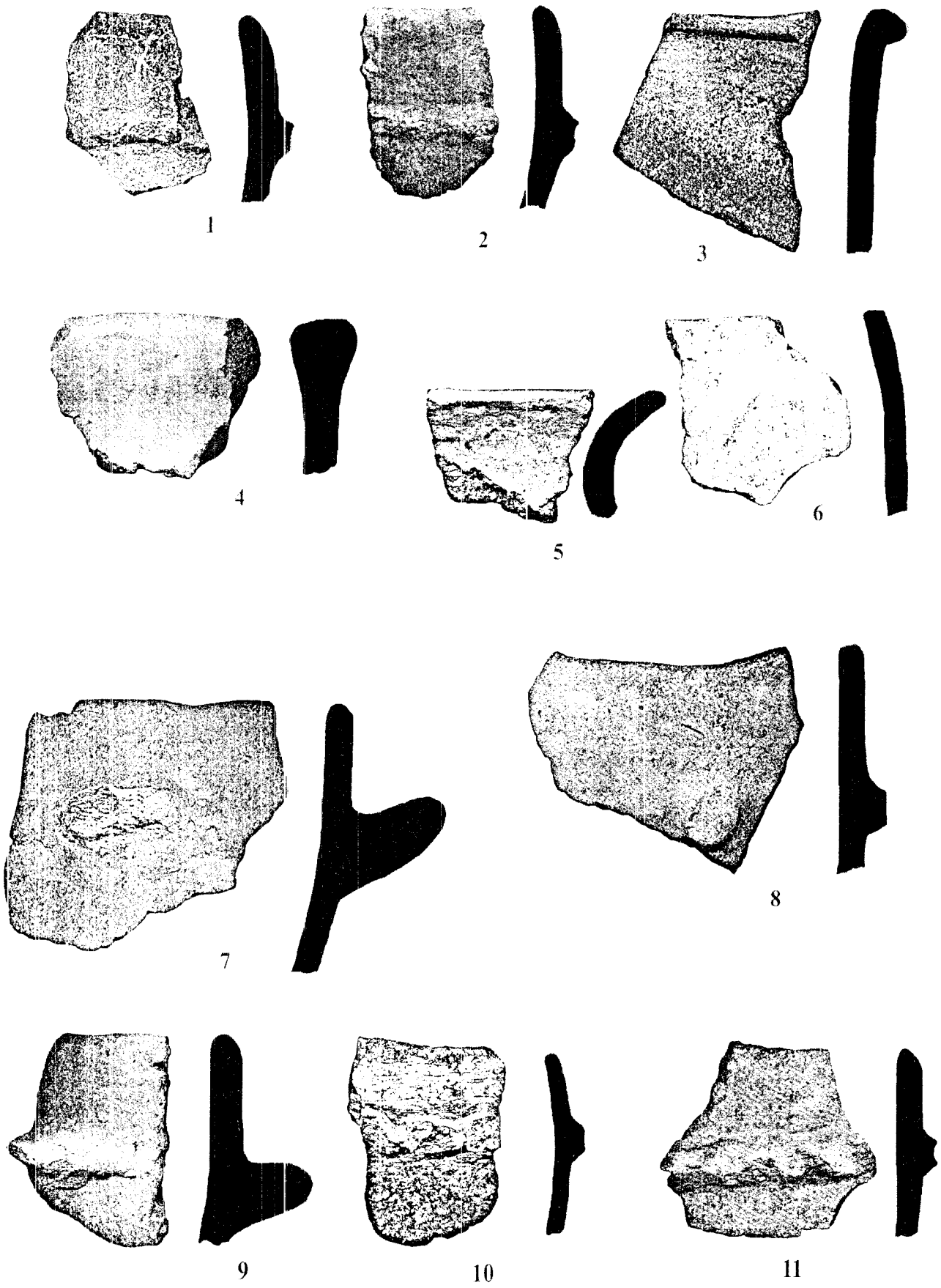


Fig. 4. Horodişte. 1-10 fragmente de ceramică lucrată cu mîna

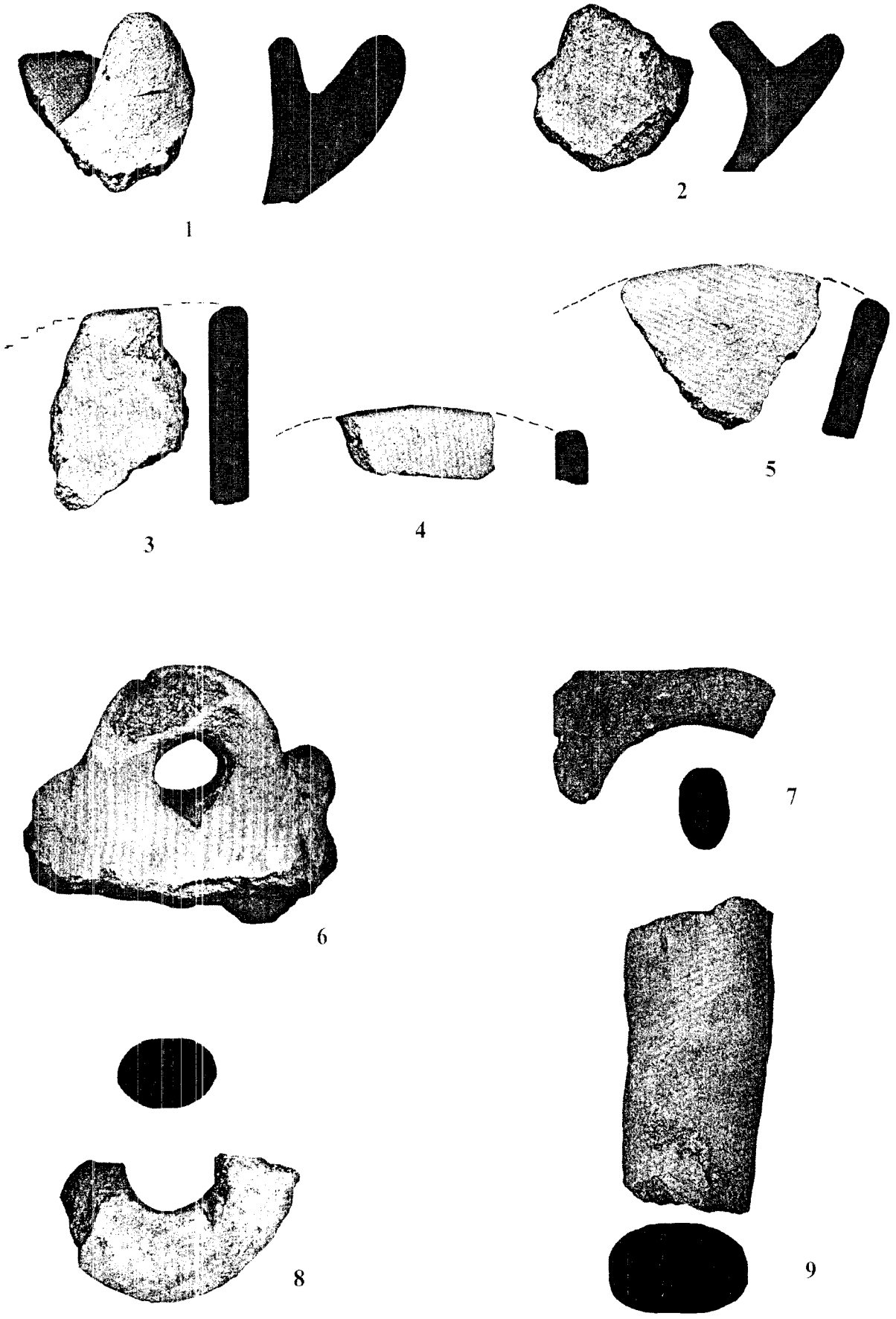


Fig.5. Horodişte. 1-9 fragmente de ceramică lucrată cu mîna

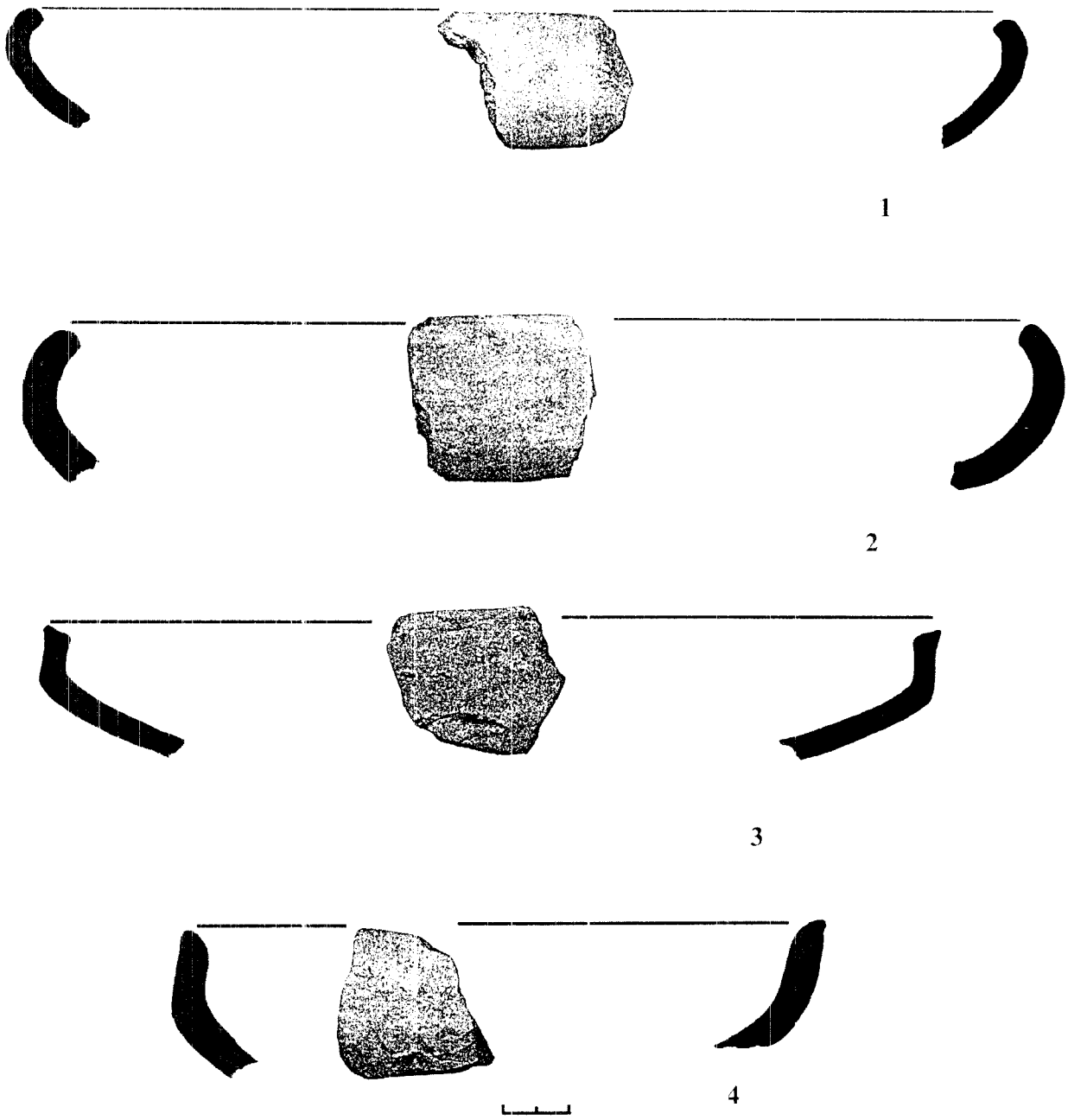


Fig. 3. Horodişte. 1-4 fragmente de ceramică lucrată cu mîna

O a doua grupă se distinge printr-o pastă în amestec cu şamotă şi nisip. Ceramica a fost supusă unei arderi incompletă neomogenă după care vasele au primit nuanțe de culori variabile între negru, cenuşiu şi cafeniu. Suprafața vaselor este relativ netedă fapt pentru care am considerat că avem de a face cu ceramica cunoscută în literatura de specialitate drept semifină.

Ceramica din cea de a treia grupă este lucrată dintr-o pastă fină, fiind supusă unei arderi complete omogenă.

Lotul de ceramică, descoperit la Horodişte, oferă stabilirea mai multor tipuri de vase. Cele mai multe fac parte din categoria oalelor. Deosebim tipul în formă de vas-clopot la care buza şi profilul peretelui sunt drepte (fig. 4,8.11). În calitate de ornament ele păstrează butonul în formă de pastilă (fig. 4,8) sau brâul cu motive de alveole (fig. 4,11). Astfel de exemplare sunt cunoscute în monumentele de la Curteni (Iconomu 1978-1979, 186, pl. VIII,4), Cozmeşti (Marin 1987-1989, 39, fig. 2,5.7.8.10), Bârseşti (Morintz, 1957, 123, fig. 2,7), unde datează din sec. VI-V a.Chr. Ele sunt frecvente şi în nivelurile de locuire ale monumentelor din sec. IV-III a.Chr. de la Mateuți (Kašuba,

Haheu, Levițchi 2000, 201, pl. XXXIX,4), Saharna Mică (Kašuba, Haheu, Levițchi 2000, 217, pl. LV,2.5) Butuceni (Niculiță, Teodor, Zanoci 2002, 214, fig. 88,1), Hansca (Никулицэ 1985, 109, fig. 4,8), Bunești (Bazarciuc 1983, 250), Poiana (Vulpe, Teodor 2003, 627, fig. 148,6), Cluj-Mănăștur. Apahida, Sanislău din Transilvania (Crișan 1969, 57, pl. XXIV). Varianta apare la Zimnicea (Alexandrescu 1980, 73, fig. 19,10), Murighiol (Bujor 1959, 376, pl. 1,2), și la Grădiștea Roxolanilor (Бруяко 1993, 62, fig. 1.2.4).

Într-un tip aparte am încadrat fragmentele de vase la care buza ușor aplecată în interior și profilul peretelui este mai puternic ori mai puțin arcuit (fig. 4,1-2.6.9-10). Întâlnim astfel de ceramică în așezările de la Saharna „La Revichin" (Levinschi, Șcipachin, Dulea 1999, 56-57, fig. 4,4; 7,5-7), Mateuți (Kašuba, Haheu, Levițchi 2000, 201, pl. XXXIX,6.8), Saharna Mică (Kašuba, Haheu, Levițchi 2000, 217, pl. LV,3-4.7), Butuceni (Niculiță, Teodor, Zanoci 2002, 213, fig. 87,1-4), Ofatinți (Kašuba, Haheu, Levițchi 2000, 183, pl. XXII,3.7.9), Cotu-Copălău (Șadurschi, Șovan, 1994, 272, fig. 3.a). Recipiente ale tipului apar la Murighiol (Bujor 1957, 251, pl. 1,5), Zimnicea (Alexandrescu 1980, 68, fig. 14,2.4.7.21), Drumevo (Dremsizova 1965, 62, fig. 16,2). Tipul a fost documentat în nivelurile de cultură de la Nikonion, Košari, Ovidiopol (Бруяко 1993, 62, fig. 3,3.11.24.28) etc.

Vasele-borcan apar și ele frecvent și se caracterizează prin buza ușor sau puternic răsfrântă în exterior (fig. 3,1.5 și fig. 4,5). Pereții sunt arcuiți și înzestrați cu proeminențe, butoane sau sunt ornamentați cu brâu simplu și alveolar. Exemplarele sunt de tradiție hallstattiană cu similitudini la Butuceni (Niculiță, Teodor, Zanoci 2002, 212, fig. 86,2-6), Potârca (Niculiță, Matveev, Potângă 1999, 328-330) etc.

În categoria străchinilor am încadrat fragmentele care oferă posibilitatea de a reda profilul vasului. În acest sens distingem străchini cu buza verticală (fig. 6,3-4). Unele au fost înzestrate cu toarte în formă de limbă (fig. 5,1). Într-o variantă aparte se înscriu străchinile cu buza ușor sau puternic arcuită în interior (fig. 6,1-2). Alte variante constituie recipiente ale căror buză este tăiată drept, îngroșată și teșită formând astfel fațete în interior și în exterior (fig. 4,4). Printre fragmente se evidențiază și toarte de la străchini de formă semi – rotundă, în secțiune ovală sau rotundă (fig. 6,6-8), unele cu proeminențe laterale (fig. 6,6).

Strachina este categoria de vase care se întâlnește în toate așezările tracilor de nord ca, de exemplu, la Butuceni (Niculiță, Teodor, Zanoci 2002, 216-220, fig. 90-94), Hlinjeni „La Șanț" (Гольцева, Кашуба 1995, 42), Poiana (Teodor 1999, 219, fig. 33,8), Hârtopul Mare (Cebotarenco 1997, 217, pl. 9,1.3.6), Hușі-Corni (Teodor 1981, fig. 20,1), Saharna „La Revichin" (Levinschi, Șcipachin, Dulea 2000, 92, fig. 4,12-19), Brăhășești (Brudiu, Păltânea 1972, 236-239), Bunești (Bazarciuc 1983, 261) etc.

Printre fragmentele lucrate la roata olarului se evidențiază trei buze de amforă: una cu marginea în formă rotundă (fig. 7,1) și două cu muchia în formă de triunghi (fig. 7,2-3). Trei toarte ovale în secțiune, un perete de gât și un altul de la corp, fac mărturia unor contacte comerciale cu centre grecești de pe insula Tassos, din Heraclea Pontica, sau Sinope. După cum este bine cunoscut amfore importate din centrele grecești mai sus menționate au fost semnalate în peste 180 de așezări ale tracilor din spațiul est-carpatic, ele datând din sec. IV- începutul sec. III a.Chr. (Niculiță, Teodor, Zanoci 2002, 53-60; Mateevici 2002, 54-61).

Cunoștințele noastre despre situl de pe promontoriul „Dealul Pleșa" de lângă Horodiște permit, la nivelul actual al cercetărilor, să concluzionăm că avem de a face cu o așezare fortificată de tipul „pinten barat". Aceasta are o structură stratigrafică simplă, reprezentând un singur nivel de locuire concentrat în stratul gros arabil. În el au fost semnalate numeroase fragmente ceramice și obiecte care se înscriu în diferite categorii ale culturii materiale getice. De la baza acestui strat arabil provin numeroase resturi ale locuințelor de suprafață și ale celor adâncite în sol. Caracterul de amplasare a așezării, pe platoul cu poziție dominantă, reprezintă un indiciu suplimentar în favoarea similitudinilor cu alte situri de epocă din silvostepa cuprinsă între Carpați și Nistru. Avem în vedere așezările fortificate de lângă Rudi (Романовская 1975, 29), Potârca (Niculiță, Matveev, Potângă 1999, 223-225), Slobozia (Chirica, Tanasachi 1985, 400-402) etc. care comportă asemănări în ceea ce privește caracterul dominant al platoului cu posibilități largi de supraveghere a spațiului și tot atâtea posibilități defensive a locuitorilor de aici. Vestigiile descoperite se înscriu în cadrul culturii getice din sec. V-III a.Chr.

Importanța monumentului rezidă din faptul că el se învecinează cu grupul de la Pârjolteni, dintre care, mormântul descoperit incidental, face parte dintr-o necropolă ce datează încă din sec. VI a.Chr. Iată de ce se impune necesitatea de cercetare a spațiului și a monumentelor de aici în vederea surprinderii nivelurilor de locuire timpurie a culturii tracilor septentrionali, nivel care constituie în literatura de specialitate o problemă intens discutată.

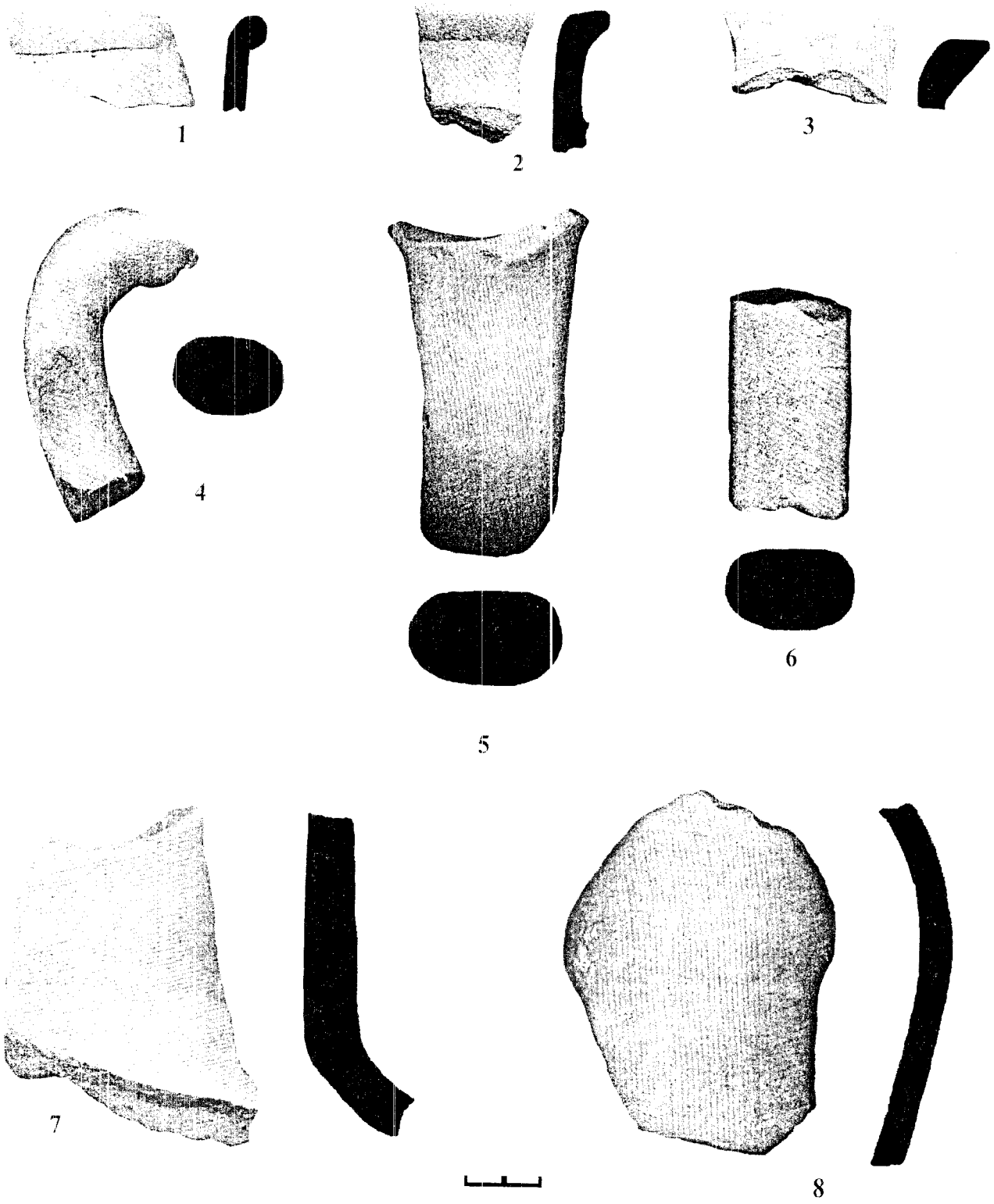


Fig 7. Horodiște. 1-8 fragmente de amfore grecești

BIBLIOGRAFIE

Alexandrescu 1980: A.D. Alexandrescu, La nécropole gète de Zimnicea. Dacia N. S. XXIV, 1980, 19-126.
Arnăut 2003: T. Arnăut, Vestigii ale sec. VII-III a.Chr. în spațiul de la răsărit de Carpați (Chișinău 2003).
Babeș 1997: M. Babeș, Despre fortificațiile „Cetății Jidovilor" de la Coțofenii din Dos. SCIVA 3, 1997, 199-236.
Bazarciuc 1983: V.V. Bazarciuc, Cetatea geto-dacică de la Bunești (jud. Vaslui). SCIVA 3, 1983, 249-273.
Brudiu, Păltânea 1972: M. Brudiu, P. Păltânea, Cetatea daco-getică de la Brăhășești, jud. Galați. Contribuție la istoria dacilor din sudul Moldovei, sec. IV-III a.Chr. AM VII, 1972, 225-239
Bujor 1959: E. Bujor, Șantierul arheologic Murighiol. MCA V, 1959, 373-378.
Buzdugan 1968: C. Buzdugan, O nouă așezare getică în bazinul Zeletinului. Carpica I, 1968, 95-99.
Cebotarenco 1997: G. Cebotarenco, Cetatea hallstattiană târzie de la Hârtopul Mare. În: Vestigii arheologice din Moldova (Chișinău 1997), 211-220.
Chirica, Tanasachi 1985: V. Chirica, M. Tanasachi, Repertoriul arheologic al jud. Iași (II) (Iași 1985).
Coman 1977: Gh. Coman, Figurine antropomorfe geto-dacice descoperite în județul Vaslui. SCIVA 2, 1977, 253-256.
Constantinescu-Iași 1933: P. Constantinescu-Iași, Basarabia arheologică și artistică (Chișinău 1933).
Crișan 1969: I. H. Crișan, Ceramica daco-getică cu specială privire la Transilvania (București 1969).
Hâncu 1993: I. Hâncu, Cetăți antice și medievale timpurii din Republica Moldova (Chișinău 1993)
Iconomu 1978-1979: C. Iconomu, Cercetări arheologice din locuirea hallstattiană târzie de la Curteni-Vaslui. Cercetări Istorice IX-X, 1978-1979, 177-236.
Kašuba, Haheu, Levițchi 2000: M. Kašuba, V. Haheu, O. Levițchi, Vestigii traco-getice pe Nistrul Mijlociu (București 2000).
Levinschi, Șcipachin, Dulea 1999: A. Levinschi, O. Șcipachin, Gh. Dulea. Rezervația istorico-culturală „Saharna" – primele investigații. Tyragetia VIII, 1999, 51-68.
Levinschi, Șcipachin, Negură 2000: A. Levinschi, O. Șcipachin, M. Negură, Complexele locative din fortificația getică „Saharna – la Revichin". Tyragetia IX, 2000, 87-101.
Marin 1989: T. Marin, Așezarea geto-dacică din secolele VI-IV î. e. n. de la Cozmești, jud. Vaslui, Acta Moldaviae Meridionalis IX-XI, 1989, 33-44.
Mateevici 2002: N. Mateevici, Difuzarea amforelor grecești în interfluviul Siret-Prut în sec. VI-începutul sec. II a.Chr. Tyragetia XI, 2002, 53-62.
Moscalu 1983: Em. Moscalu, Ceramica traco-getică (București 1983).
Morintz 1957: S. Morintz, Săpăturile de la Bârsești. Raport preliminar. MCA III, 1957, 219-226.
Niculiță, Matveev, Potângă 1999: I. Niculiță, S. Matveev, Ed. Potângă, Cetatea traco-getică Potârca. Cercetări arheologice în aria nord-tracă (III) (București 1999), 279-345.
Niculiță, Teodor, Zanoci 2002: I. Niculiță, S. Teodor, A. Zanoci, Butuceni. Monografie arheologică (București 2002).
Simion 1976: G. Simion, 1976: Les Gètes de la Dobrudja septentrionale en VII-I s. a.n.ère. Thraco-Dacica I, 1976, 143-163.
Șadurschi, Șovan 1994: P. Șadurschi, O. Șovan, Așezarea getică întărită de la Cotu-Copălău. AM XVII, 1994, 169-181.
Teodor 1981: S. Teodor, Așezarea geto-dacică de la Huși-Corni. Thraco-Dacica II, 1981, 169-195.
Teodor 1999: S. Teodor, Regiunile est-carpatice ale României în secolele V-II î.Hr. (București 1999).
Vulpe, Vulpe 1933: R. Vulpe, E. Vulpe, Les fouilles de Poiana. Dacia III-IV, 1927-1932, 277-296.
Vulpe, Teodor 2003: R. Vulpe, S. Teodor, Piroboridava. Așezarea geto-dacică de la Poiana (București 2003).
Zanoci 1999: A. Zanoci, Fortificațiile geto-dacice din spațiul extracarpatic în secolele VI-III a.Chr. (București 1999).
Бруяко 1993: И. Бруяко, Лепная керамика греческого Никония. В сб: Древности Причерноморских Степей (Одесса 1993), 58-71.
Дремсизова 1965: Цв. Дремсизова, Могилен некропол при с. Друмево. Археология IV, 1965, 54-65.
Гольцева, Кашуба 1995: Н. Гольцева, М. Кашуба, Глиножены II. Многослойный памятник Среднего Поднестровья (Тирасполь 1995).
Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974: В. Лапушнян, И. Никулицэ, М. Романовская, Памятники раннего железного века. Археологическая карта Молдавии (4) (Кишинев 1974).
Никулицэ 1977: И. Никулицэ, Геты IV-III вв. до н. е. в Днестровско-Карпатских землях (Кишинев 1977).
Никулицэ 1985: И. Никулицэ, Изучение северофракийских поселений в Ханском микрорайоне. В сб: АИМ в 1981 году (Кишинев 1985), 95-117.
Романовская 1975: М. Романовская, Оборонительные сооружения городища Рудь. В сб: Новые Открытия Советских Археологов (II) (Киев 1975), 29-31.

Nicolai Telnov,
Institutul de Arheologie și Etnografie, Academia de Științe din Republica Moldova,
str. Mitropolitul Bănulescu-Bodoni nr. 35, MD-2012 Chișinău, Republica Moldova

Ala Belotcaci,
Facultatea de Istorie și Psihologie, Universitatea de Stat din Republica Moldova,
str. Mateevici nr. 60, MD-2009 Chișinău, Republica Moldova

Поселение Ново-Некрасовка-II («Геродотовы» геты на Нижнем Дунае)

Игорь Бруяко, Одесса

Articolul prezintă rezultatele cercetărilor de teren în aşezarea Novo-Nekrasovka II, situată pe malul stâng al Dunării (raionul Izmail). Principalul orizont cultural al aşezării aparţine culturii tracice (getice). Toate construcţiile descoperite (circa 40 de gropi de diferite forme) conţineau ceramică din secolul V a.Chr. Mai puţină ceramică se datează în perioada romană (secolele I-II e.n), epoca eneoliticului (cultura Gumelniţa) şi evul mediu târziu, secolele XVII-XVIII (ceramică turcească).

Статья посвящена раскопкам поселения Ново-Некрасовка II. Древнее поселение расположено вблизи современного села с таким же названием на левом берегу Нижнего Дуная (Измаильский район). Основной слой поселения принадлежал фракийским племенам (гетам). Все объекты (свыше 40 ям различной формы) содержали керамику V в. до Р.Х. Некоторая другая керамика обнаруженная в культурном слое датируется первыми вв.н.э. (римское время), эпохой энеолита (культура Гумельница) и XVII- XVIII вв. (турецкая керамика).

This article devoted for excavations of site Novo-Nekrasovka II. Ancient site are locating near the modern village with the same name on the left bank of Lower Danube (Izmail district). The site basic level has belonged to the Thracian tribes (Getaes). All objects (more than 40 pits diverse forms) contained ceramics of V cent.B.C. Some other ceramics have been found in the cultural level – first cent.A.D. (Roman period), Gumelnitza culture (Eneolithic period) and XVII-XVIII cent. (Turkish pottery).

На протяжении большей части I тыс.до Р.Х. левобережье Нижнего Дуная (в пределах нынешней Одесской области) входило в ареал расселения фракийских племён. Ещё в самом конце II тыс. фракийцы проникают на левый берег Дуная и заселяют здесь стратегически наиболее важный пункт – городище Картал (Орловка). В это же, или чуть более позднее время, возникает фракийское поселение на городище у с. Новосельское. Оба эти местонахождения, таким образом, характеризуют культуру племён т.н. «фракийского гальштата» и существуют, по-видимому, на протяжении этапов HaB-HaC. Следующий период истории фракийских древностей в регионе связан уже с культурой гетов IV в. до Р.Х. Материалы этого времени, помимо Картала и Новосельского, представлены небольшими коллекциями, собранными либо в результате разведок, либо происходящими из разрушенных памятников. Определённую фракийскую окраску имеют и многочисленные скифские курганные могильники, раскопанные в низовьях Дуная в 80-е гг. XX в. Функционирование этих могильников определяется временем от конца V-го до первой половины III в. до Р.Х. включительно. Наконец, фракийская (позднегетская?) традиция довольно отчётливо видна в весьма интересном и вполне репрезентативном комплексе конца III-II вв. до Р.Х., открытом совсем недавно при раскопках городища у с. Новосельское (Бруяко, Ярошевич 2001).

Из этой краткой культурно-хронологической характеристики видно, что равномерную, последовательную линию развития фракийских древностей I тыс. до Р.Х. «не обеспечивают», как минимум, два столетия – VI и V вв. Заполнить одно из них стало возможным благодаря раскопкам поселения Ново-Некрасовка-II, которые в 2003 г провела Нижнедунайская археологическая экспедиция.[1]

Поселение было открыто ещё в ходе первых археологических разведок в низовьях Дуная в начале 60-х гг. XX в. (Шмаглій, Черняков 1964) В дальнейшем, территория памятника многократно обследовалась, а собранный подъёмный материал публиковался (Сапожников и др. 1999). В ходе таких обследований, особенно активно проводившихся в последние годы, было установлено следующее. Нынешняя топография поселения существенно отличается от той,

[1] В работе экспедиции помимо автора самое активное участие принимали: С.М. Агульников, В.М. Кожокару, А.В. Субботин, А.А. Росохацкий. Таблицы чертежей и рисунков вещей подготовили Л.В. Субботин и И.С. Мидарь. Предварительная информация об итогах раскопок опубликована в сборнике материалов IV чтений памяти Б.Н. Гракова (Агульников и др. 2004)

которую застали здесь в нач. 60-х гг. его первооткрыватели. В результате строительства дамбы, соединившей берега озера Ялпуг (рис. 1), часть мыса, на котором расположено поселение была срыта до уровня поймы. Ориентировочно, эта часть мыса (=поселения) имела протяжённость с востока на запад не менее 100-150 м и с севера на юг до 100 м. Где-то на западной оконечности уже не существующего мыса находилось и поселение культуры Гумельница (Ново-Некрасовка-I).[1]

С позволения сказать, археологическую «пикантность» данному памятнику, придавали обломки хиосских пухлогорлых амфор V в. до Р.Х., найденные ещё при самом первом обследовании памятника. Однако, в дальнейшем, несмотря на все усилия, такие же, или подобные им находки-хроноиндикаторы позднеархаического-раннеклассического времени, на поселении не встречались. Напрашивался вывод о том, что участок поселения, заселённый в V в. до Р.Х. был, по всей вероятности, уничтожен в результате строительных работ.

Проведение масштабных, стационарных исследований поселения Ново-Некрасовка-II стало возможным только в 2003 году в результате того, что территория поселения оказалась в зоне строительства объездной автомобильной дороги.

Поселение Ново-Некрасовка-II располагается в 100-200 м к западу от западной окраины (ул. Береговая и ул. Атамана Некрасова) одноимённого села (Измаильский р-н Одесской обл.) на широком мысу, ограниченном водами озёр Ялпуг и Кугурлуй (рис. 1,1). По южной кромке мыса проходит автомобильная трасса Измаил-Рени. За исключением узких полос вдоль западной и южной оконечностей мыса, вся остальная территория распахивается. Не будет преувеличением считать, что подъёмный материал встречается на мысу повсеместно. Наиболее плотно он сосредоточен в юго-западной части мыса на площади 250-300x100-150 м. Как раз в этом месте, проектируемая автодорога «разрезала» площадь поселения с северо-северо-востока на юго-юго-запад (рис. 2).

Следует отметить, что слой поселения на участке раскопа III серьёзно разрушен строителями. Именно здесь располагалась широкая траншея – основание проектируемой автодороги (рис. 2). К началу раскопок на этом участке как такового культурного слоя уже не было, поскольку грунт был снят на глубину от 0,5 до 1,5 м (полоса между 2 параллельными, сплошными линиями - рис. 2). У большинства из 15 ям, располагавшихся здесь, были срезаны верхние части заполнения, иногда до 2/3 от общей глубины объекта. В ряде случаев (ямы №№ 1-5, 21) на долю археологов доставались лишь придонные части ям. Уже в процессе работы экспедиции, проектировщиками было принято решение расширить полосу под основание будущей трассы. В результате, здесь удалось относительно полно исследовать еще 8 и доисследовать 3 ямы (участок, обозначенный пунктирными линиями - рис. 2).

Помимо весьма условного раскопа III, на ненарушенных участках поселения было заложено еще 3 раскопа (I, II и IV) для которых были выбраны места по обе стороны от проектируемой трассы (рис. 2-3). Раскоп I имел площадь 315 кв.м. и содержал 9 объектов (6 ям V в. до Р.Х., 1 яму эпохи позднего средневековья- раннего Нового времени, скопление керамики эпохи энеолита и ровик неустановленного времени). Раскоп II площадью 165 кв.м. содержал 1 яму V в., а также 3 объекта (яма и 2 ровика) XIX-XX вв. Раскоп IV имел площадь 150 кв.м. и содержал 8 ям V в. до Р.Х. и 1 яму эпохи позднего средневековья - раннего Нового времени(?).

Таким образом, практически все строительные остатки на поселении Ново-Некрасовка-II были представлены ямами различной формы (свыше 40) (рис. 4-6). Большинство ям представлено комплексами с округлым или овальным устьем, расширяющимися ко дну, либо прямыми стенками. Глубина ям вполне достоверно определяется лишь для объектов, исследованных на ненарушенных строителями участках.

[1] Самую общую реконструкцию ландшафта с указанием вероятной, первоначальной площади поселения см.(Сапожников и др. 1999, рис.1).

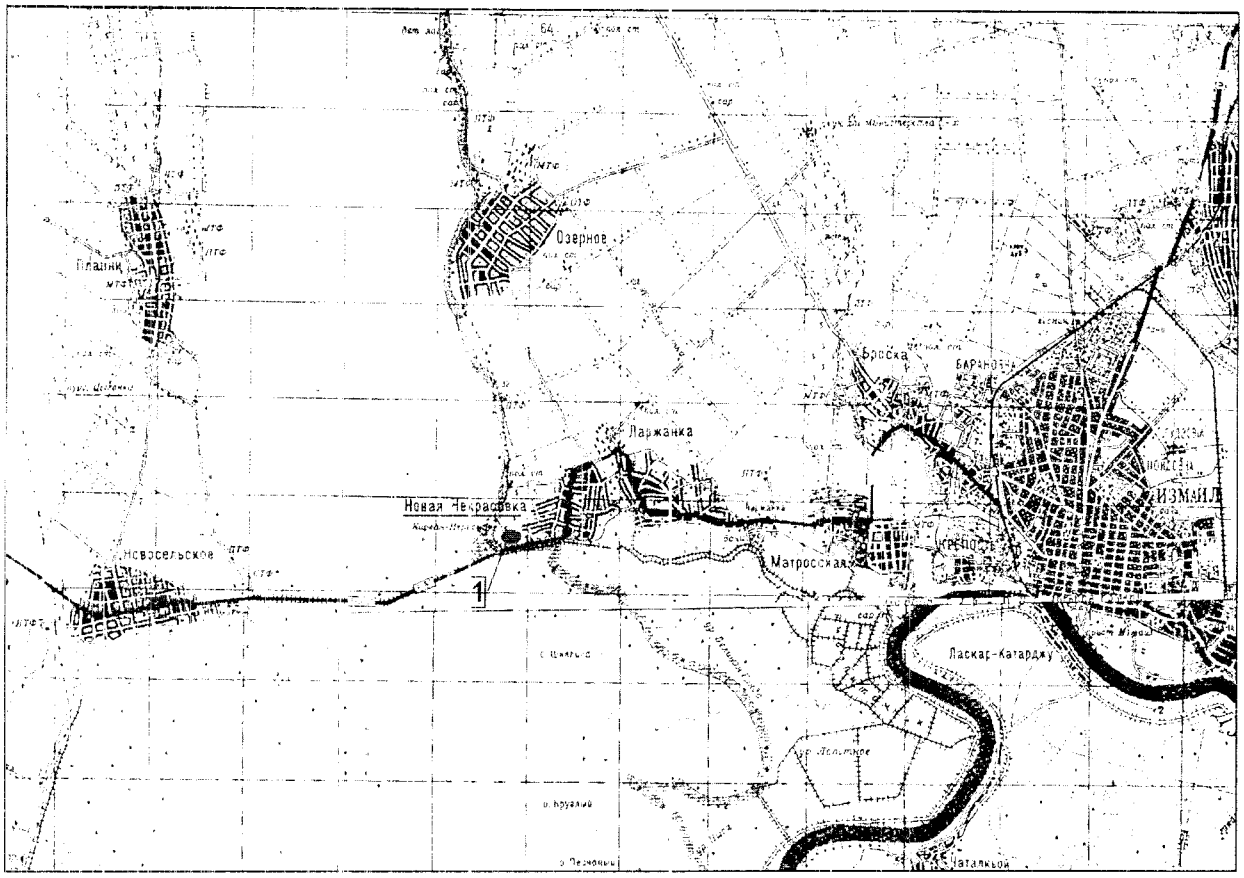


Рис. 1. Местонахождение поселения Ново-Некрасовка-II

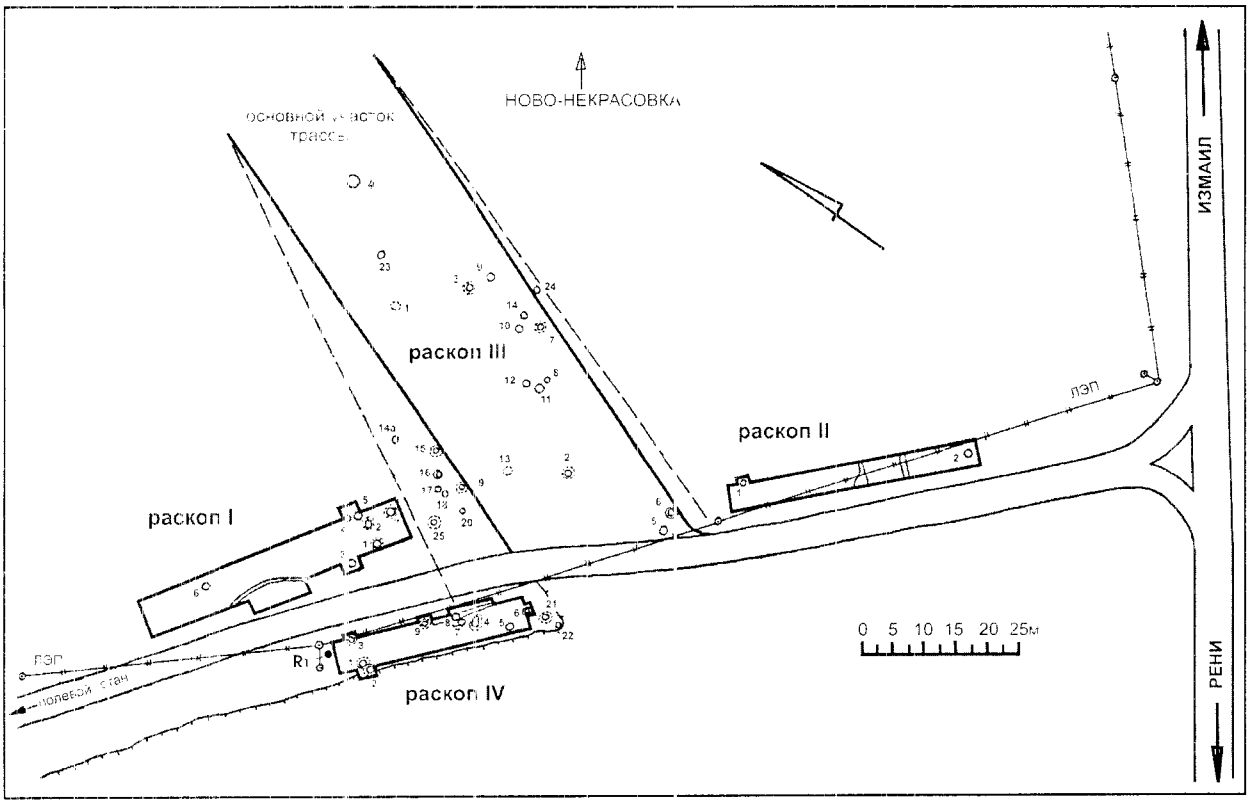
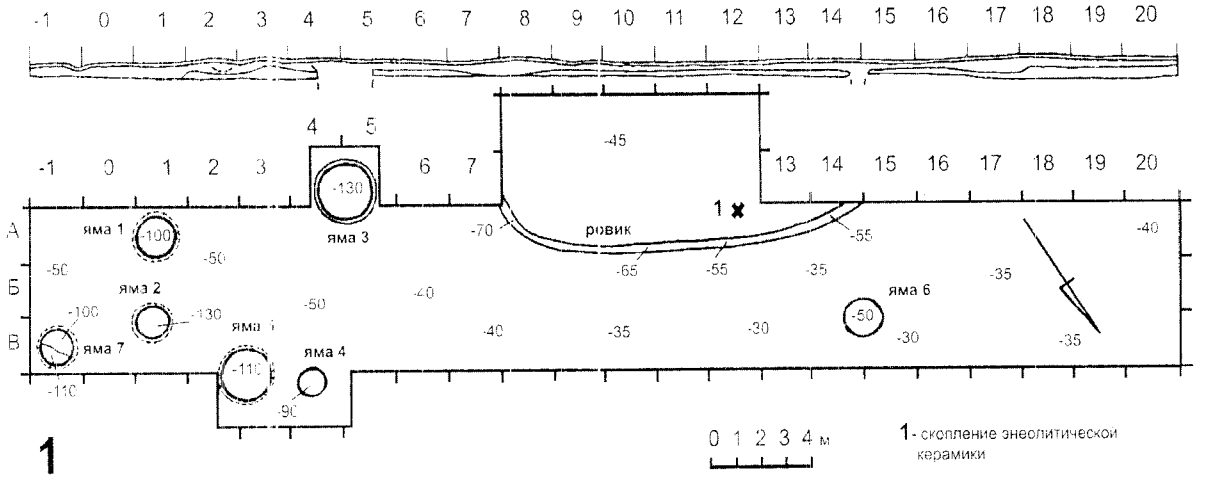
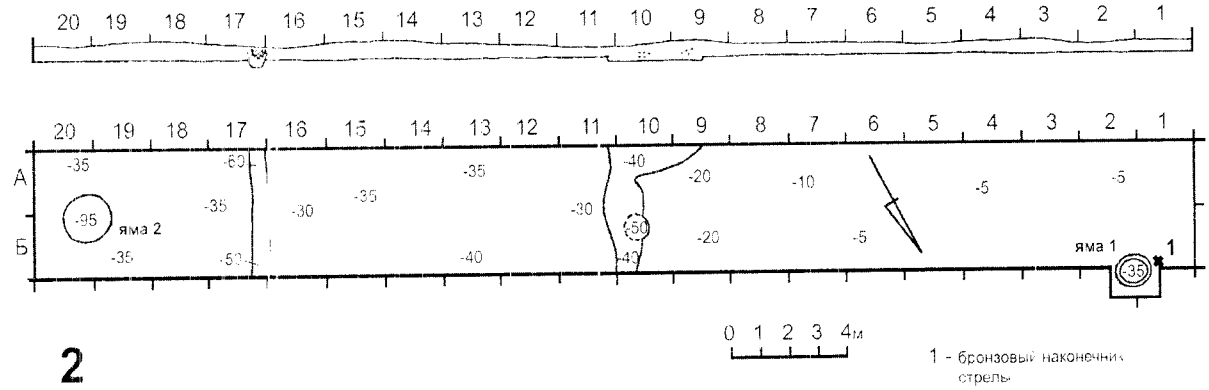


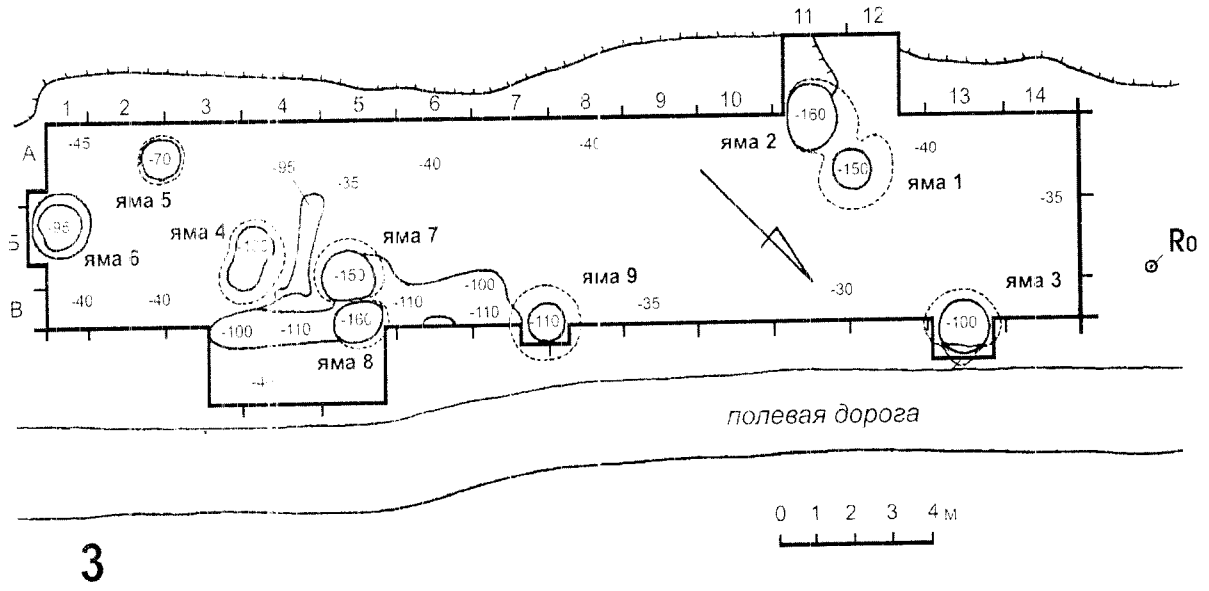
Рис. 2. Общий план раскопок поселения Ново-Некрасовка II (инструментальная съемка)



1



2



3

Рис. 3. Общие планы раскопов: 1 - раскоп I, 2 - раскоп II, 3 - раскоп IV

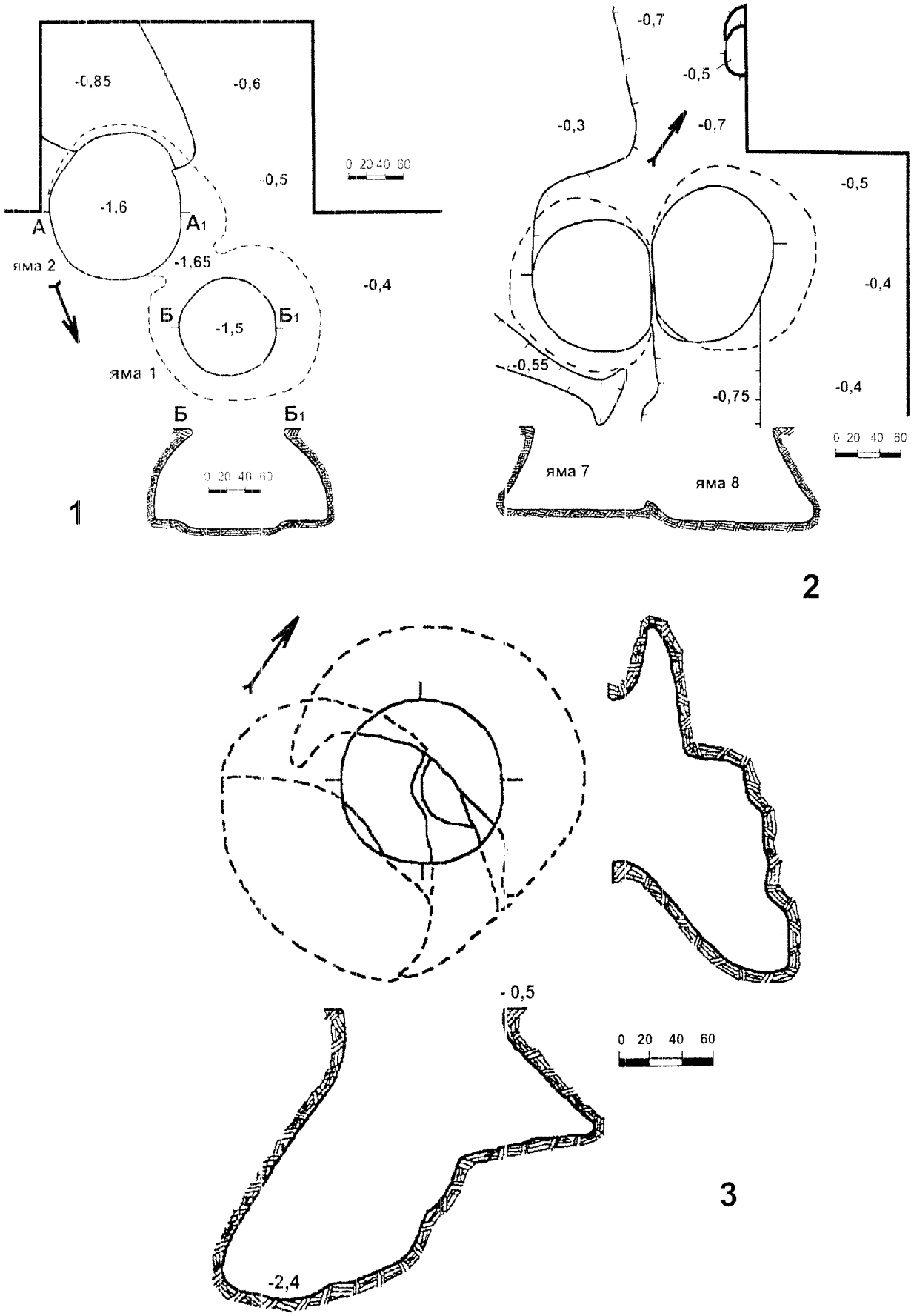


Рис. 4. 1 - комплекс ям №№1,2 раскопа IV; 2 - комплекс ям №№7,8 раскопа IV; 3 - яма №15 раскопа III

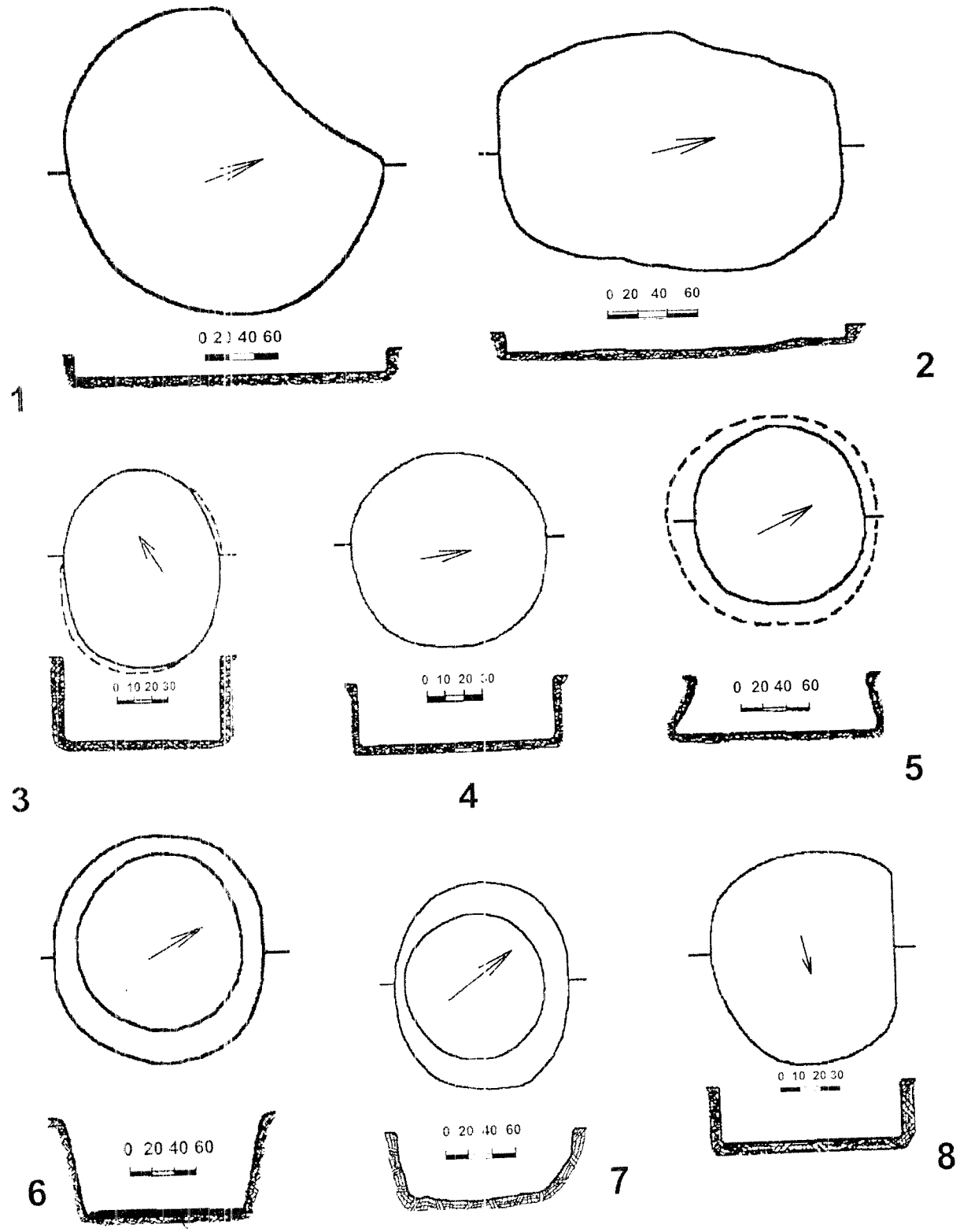


Рис. 5. 1-4,8 - ямы раскопа III (1 - №4, 2 - №5, 3 - №7, 4 - №10, 8 - №8); 5-6 - ямы раскопа I (5 - №1, 6 - №3); 7 - яма №6 раскопа IV

Несколько комплексов заслуживают отдельного описания.

Яма №№ 1-2 раскопа IV (рис. 4,1). Объединение двух комплексов в один вызвано причинами объективного свойства. В нижних частях заполнения (яма № 1 – в южном, а яма № 2 – в северном секторах) обе ямы перерезали друг друга. К сожалению, нельзя с уверенностью сказать, было ли это сделано намеренно, либо случайно. Учитывая общую конфигурацию комплекса, а также то обстоятельство, что дно ямы № 2 располагается ниже дна ямы № 1, последний вариант представляется более вероятным. Если это так, то тогда это единственный случай на поселении

когда комплексы, относящиеся в целом к одному и тому же культурно-хронологическому горизонту, перекрывают друг друга. В заполнении обеих ям встречались фрагменты керамики от одних и тех же сосудов. В частности, из нескольких фрагментов собрана практически целая (без одной ручки) верхняя часть коричневоглиняной амфоры «с раздутым горлом» (рис. 7,1а).

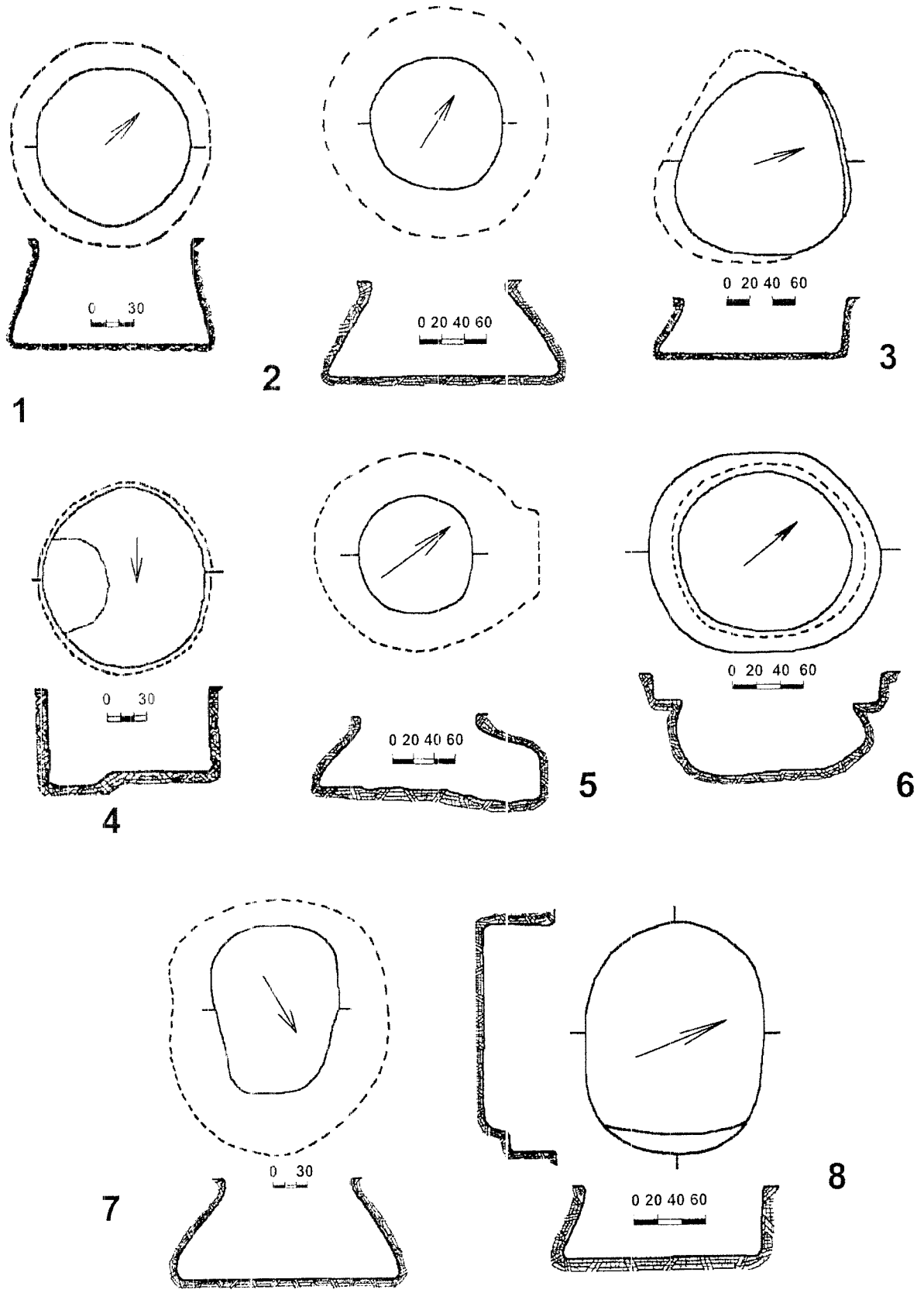


Рис. 6. 2-4,6,8 - ямы раскопа III (2 - №19, 3 - №6, 4 - №9, 6 - №16, 8 - №18); 5,7 - ямы раскопа IV (5 - №3, 7 - №4); 1 - яма №2 раскопа I

Яма №№ 7-8 раскопа IV (рис. 4,2). Обе ямы, по-видимому, являются частью какого-то, заглубленного в материк сооружения весьма сложной конфигурации. Узкий материковый «поро́жек», разделяющий ямы позволяет предполагать, что комплексы, скорее всего, были сооружены одновременно. Об этом же может свидетельствовать симметричное расположение подбоев обеих ям. К сожалению, каких-либо выразительных в хронологическом отношении находок ни в яме № 7, ни в яме № 8 не зафиксировано. Тем не менее, фрагменты стенок амфор и лепных сосудов позволяют отнести данный комплекс к основному горизонту обитания поселения – V в. до Р.Х.

Яма № 9 раскопа IV. Данный комплекс имеет одну особенность, которая выделяет его на фоне всех прочих комплексов поселения. На глубине 20 см от устья, стенки ямы по всей окружности и до самого дна обложены толстым слоем обмазки с отпечатками камыша и прутьев. В этой «облицовке», а также по центру заполнения ямы встречаются и крупные обломки каких-то изделий из плохо промешанной и слабо обожжённой глины. Более или менее выразительный обломок такого изделия был обнаружен в придонной части ямы. По форме он похож на небольшое корытце или жаровню с высокими, почти вертикальными бортиками. В заполнении ямы присутствует лишь две категории находок – куски обмазки и керамика. Костей животных нет. Из фрагментов сероглиняной гончарной керамики собрана и отреставрирована миска на кольцевом поддоне с уплощённым венцом (рис. 8,9).

Яма № 15 раскопа III (рис. 4,3). Конструктивно представляет собой наиболее сложный объект поселения. Округлый в плане контур устья ямы проступил на отм. –0.5 м от современной дневной поверхности. Диаметр – 1 м. Цилиндрическая в разрезе горловина имеет высоту от 15 (северный сектор) до 20 см (южный сектор). Ниже, стенки начинают резко расширяться. При этом, в северной половине ямы на глубине 0,8-0,9 м наблюдается широкий (до 0,9 м) полукруглый в плане уступ. Имея общий уклон к югу, почти в центре ямы этот уступ круто уходит вниз, опускаясь в южную, наиболее глубокую часть ямы. На этом склоне зафиксировано две-три неровные и крутые ступеньки-уступы. В плане, линии этих ступенек весьма неровные, хотя в целом, повторяют общий контур уступа, охватывающего стенки ямы полукругом. Заглублённая, южная половина ямы имеет овальную в плане форму и вытянута по линии В-З (длина до 1,9 м). Дно в этой части ямы весьма неровное и всё время понижается к югу, где (на стыке стенки и дна) отмечена предельная глубина объекта – 1,8 м от уровня фиксации контуров. Таким образом, общая глубина ямы от современной дневной поверхности достигает 2,4 м.

В целом, сооружение несколько напоминает конструкцию погребения с глубоким подбоем или даже катакомбой. Такое впечатление только усиливается оттого, что западная часть этого «подбоя» (южный сектор ямы) вырыта под упомянутым основным полукруглым уступом ямы. В тоже время, нельзя совершенно исключать и того, что объект мог быть жилым сооружением, возможно сезонного типа.

Заполнение ямы до отм. – 0,8-0,9 м (основной уступ) представляет собой тёмно-коричневый грунт средней плотности, более рыхлый в южной части. В южной части заполнения ямы, ниже отм. –1 м характер грунта постепенно меняется. Он становится всё более рыхлым за счёт включения прослоек золы, мелких кусочков обмазки и печины. В придонной части на высоту 15-30 см от дна заполнение местами представляло собой исключительно пепельно-золистый слой. Непосредственно у дна грунт вновь уплотняется. Исчезают прослойки золы и пепла. Цвет становится тёмно-коричневым.

Материал из заполнения ямы, хотя и довольно многочислен, но в целом, невыразительный. Большим числом представлены фрагменты стенок красноглиняных амфор. Диагностичные обломки лепной керамики с налепными валиками и ручками-упорами принадлежат гетской (фракийской) посуде. Несколько фрагментированных днищ относятся к группе сероглиняной гончарной керамики (рис. 9).

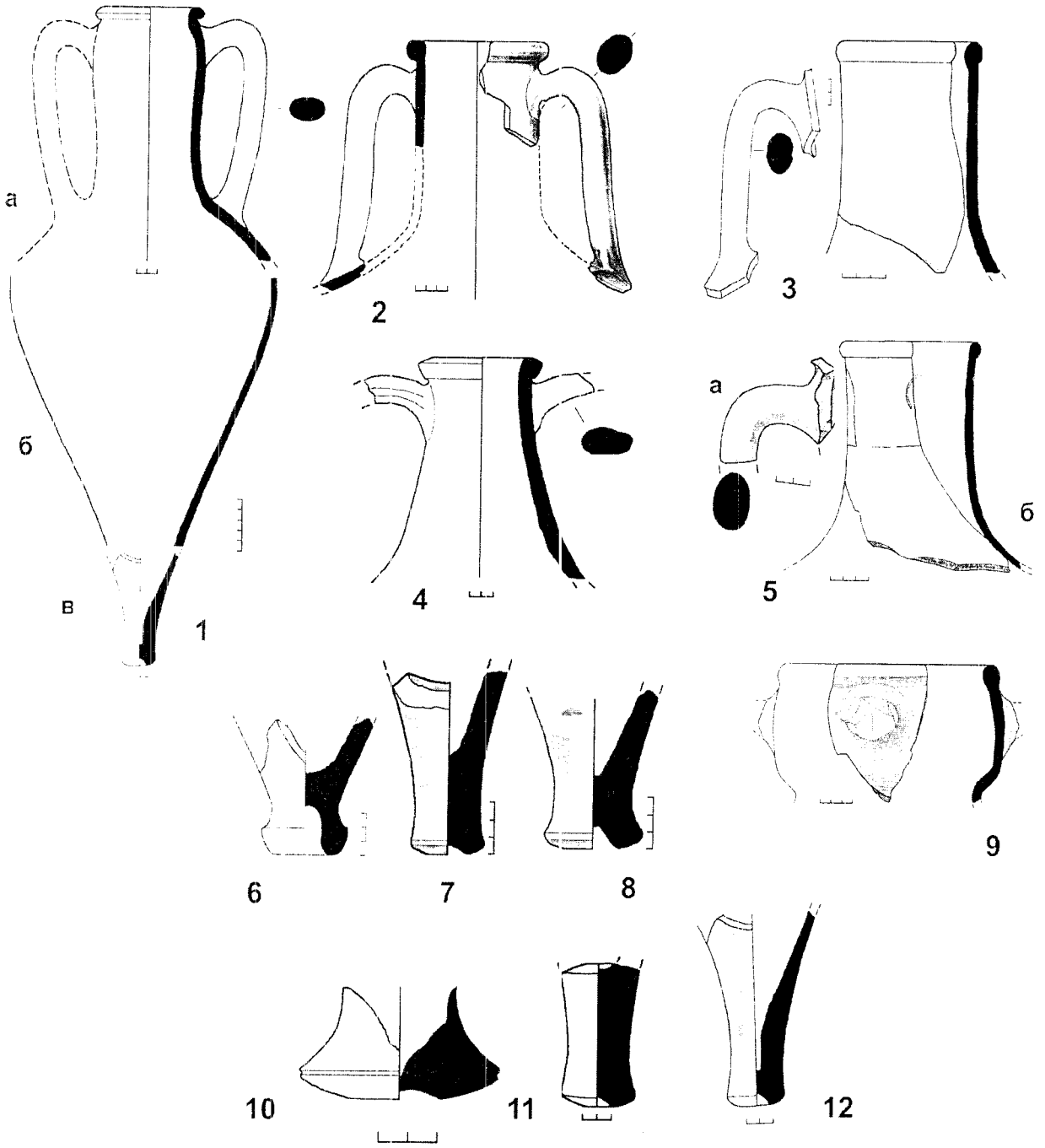


Рис. 7. Амфорная тара из поселения Ново-Некрасовка-II. 1 - условный (соста-вленный из разных обломков) тип амфор "с раздутым горлом": а - яма 2 (раскоп IV); б - яма 3 (раскоп IV); в - яма 3 (раскоп III; она же - №12); 2 - яма 13 (раскоп III); 3 - яма 19 (раскоп III); 4 - яма 4 (раскоп IV); 5а - яма 25 (раскоп III); 5б - яма 3 (раскоп III); 6 - яма 21 раскоп III); 7-8 - яма 19 (раскоп II); 9 - яма 4 (раскоп IV); 10 - раскоп I (слой); 11 - яма 24 (раскоп III); 12 - см. №1в 1,7,11,12 - тип амфор "с раздутым горлом"; 6,9 - Хиос; 4,8 - Фасос; 10 – Менде

Подавляющее большинство прочих ям содержало керамику V в. до Р.Х. которая представлена несколькими группами. Наиболее многочисленную (с учётом стенок сосудов) составляют фрагменты амфорной тары. Далее следуют лепная керамика и сероглиняная гончарная «фракийского» типа. Единичными находками представлена поздняя «полосатая» ионийская посуда, толстостенная керамика (лугерии), а также античная сероглиняная гончарная. Определённой неожиданностью следует считать *полное* отсутствие фрагментов чернолаковой керамики. Количество индивидуальных находок крайне невелико. Это пряслица, бронзовый наконечник стрелы и обломки глиняного изделия, вероятно, пинтадеры.

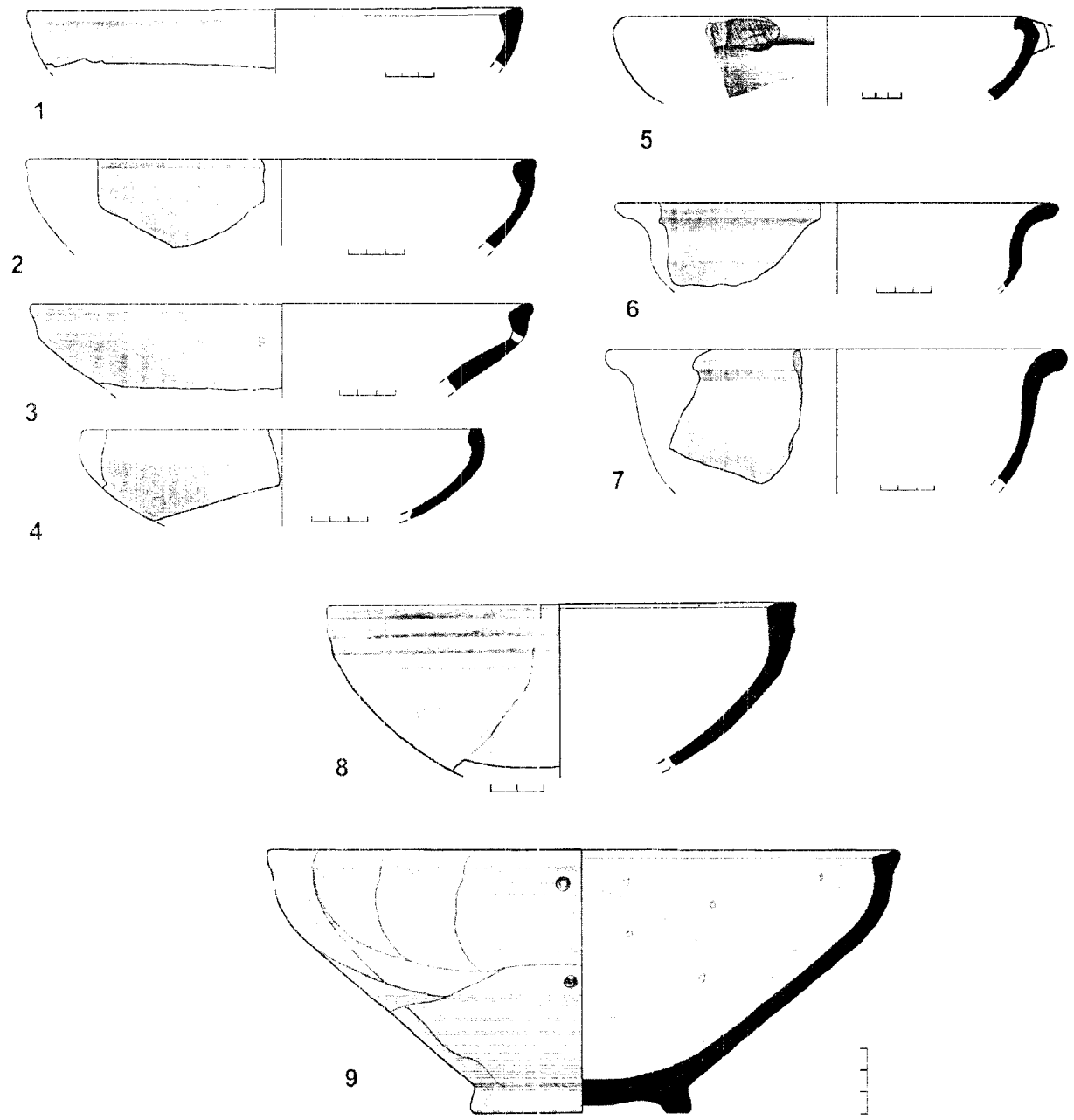


Рис. 8. Сероглиняная гончарная керамика поселения Ново-Некрасовка-II: 1 - яма 22 (раскоп III); 2 - яма 4 (раскоп IV); 3 - яма 10 (раскоп III); 4,7 - яма 4 (раскоп III); 5,9 - яма 9 (раскоп IV); 6 -яма 1 (раскоп I); 8 - яма 25 (раскоп III)

Таким образом, основным датирующим материалом выступают фрагменты амфорной тары. Определимые фрагменты позволяют выделить три основных типа амфор, встреченных на поселении. Наиболее многочисленную группу составляют т.н. амфоры с «раздутым горлом» (рис. 7,1.7.11-12), имеющие в обиходе довольно разнообразный вариационный ряд и качественные характеристики. На поселении Ново-Некрасовка-II, это небольшие, тонкостенные сосуды, довольно изящной формы. Глина темно-красная, реже – розовато-красная или светло-коричневая. Темно-красные фрагменты имеют слегка шероховатую поверхность и обильную примесь слюды в тесте. Светло-коричневые – более гладкие с крупными белыми включениями. Горло у таких сосудов короткое, цилиндрическое. За счёт припухлости под венчиком, кажется, что оно слегка расширяется кверху. Венчик имеет резкий, гранёный профиль. Ручки округлые в сечении, плавно изогнуты. Основание высокой ножки имеет скошенные края. Выемка на пятке неглубокая. Одна ножка (рис. 7,12), имеющая в отличие от остальных очень глубокую внутреннюю полость, возможно, относится к кругу Фасоса (Монахов 1999, табл. 46/13,15).

Исследователи затрудняются с определением центра производства таких сосудов. Чаще всего указывается на северную область Эгейского бассейна. Нас в данном случае, больше всего интересует датировка подобных амфор. В этом плане, разногласий значительно меньше. В основном, эти амфоры датируются второй-третьей четвертью V в. до Р.Х. (Монахов 1999, 88; 1999а, 129 и сл; Cook, Dupont 1998, 161). Фрагментов, которые могли бы принадлежать сосудам последней четверти V в. до Р.Х., судя по тем характеристикам, которые приводит для них С.Ю. Монахов (Монахов 1999а, 133), в Ново-Некрасовке отсутствуют.

Второй тип амфор представлен несколькими, хорошо определимыми фрагментами т.н. хиосских позднепухлогорлых сосудов (рис. 7,6.9). Центр их производства, а также датировка (середина-третья четверть V в.), сомнений практически не вызывают. Качественные и количественные характеристики хиосских амфор из поселения Ново-Некрасовка-II полностью соответствуют среднестатистическому ряду таких амфор. На поселении, похоже, есть и фрагменты другой разновидности хиосской тары (рис. 7,2). Это тип амфор с прямым горлом второй пол.V в. до Р.Х. (вариант IVA или IVB по Монахов 2003, 19-20, табл. 8-9).

Третий тип амфор, встреченных на поселении можно отнести к продукции Фасоса (рис. 7,4.8). Это сосуды с коротким коническим горлом. Венчик широкий, уплощённый, подтреугольный в сечении. Ручки короткие, овальные в разрезе. Поверхность гладкая, красновато-коричневого цвета. Довольно короткая ножка расширяется книзу. Края подошвы скошены. Выемка на пятке округло-конусовидной формы. Тесто очень хорошо отмученное, «мажущее». Фрагменты из Ново-Некрасовки в основном соответствуют характеристикам фасосских амфор типа IБ по А.П. Абрамову. Датировка этого типа определяется серединой-второй половиной V в. до Р.Х. (Абрамов 1993, 33). Не исключено, впрочем, что среди обломков фасосской тары есть и фрагменты, принадлежавшие более ранним экземплярам. Так, ножка амфоры из ямы № 19 (раскоп III) имеет конический выступ в углублении на подошве (рис. 7,8) и по этому признаку может быть сопоставлена с амфорами второй четверти V в. до Р.Х., в частности, с экземпляром из кургана № 13 у с. Великая Знаменка (Монахов 1999, 106-109, табл. 33/4). Причем, метрические характеристики нашего экземпляра по некоторым параметрам абсолютно соответствуют этим же значениям у сосуда из Великой Знаменки (Монахов 2003, табл. 35/5). Так, полностью совпадают максимальный внешний и внутренний диаметры ножек, контур и размеры выступа в углублении подошвы, уплощенного пояска на внешней стороне ножки.

Помимо указанных, на поселении встречено ещё, как минимум, две разновидности амфор. Первая выделяется по верхним частям сосудов. Это амфоры с прямым, относительно коротким горлом, уплощёнными ручками и валикообразным венчиком (рис. 7,3.5). По горлу красной краской нанесены широкие (1-1,5 см) вертикальные полосы. Возможно, какие-то из этих фрагментов принадлежат амфорам Менды так же, как и несколько обломков светло-коричневого цвета с тонкими горизонтальными полосками (фрагмент горловины и нижней, придонной части). Фрагмент ножки определённо мендейской амфоры был найден в слое раскопа I (рис. 7,10).

Вторая разновидность представлена обломками стенок красноглиняных сосудов покрытых снаружи зеленовато-белым ангобом. Профильные части таких амфор отсутствуют. Однако, судя по коллекции амфорной тары из Никония, где в слоях и комплексах V в. до Р.Х. найдены подобные, ангобированные амфоры (в т.ч. целые), указанные фрагменты из Ново-Некрасовки могут быть датированы этим же временем и отнесены к группе амфор «круга Фасоса».

Основной «этнодиагностирующей» группой находок является лепная керамика. Если не считать маловыразительные стенки и днища сосудов, то абсолютное большинство фрагментов принадлежит довольно легко узнаваемой фракийской (гетской) лепной керамике (рис. 10). К лепной посуде скифского типа можно уверенно причислить единичные фрагменты. Все они отражены графически (рис. 11,1-2.4.7).

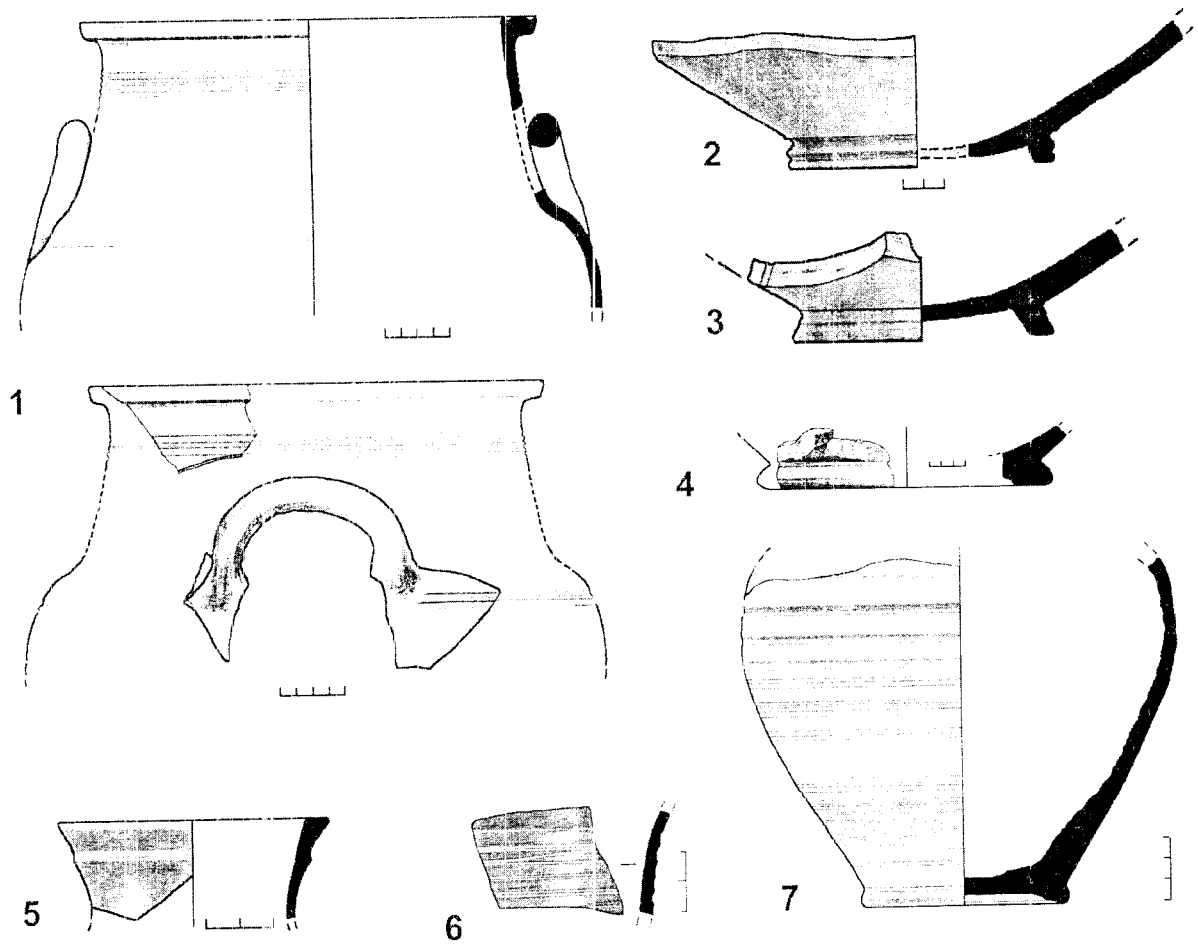


Рис. 9. Сероглиняная гончарная керамика поселения Ново-Некрасовка-II: 1 - яма 6 (раскоп III); 2,3 - яма 19 (раскоп III); 4 - яма 3 (раскоп III); 5 - яма 24 (раскоп III); 6 - яма 21 (раскоп III); 7 - яма 14а (раскоп III)

Гетская керамика представлена горшками закрытого типа с разнообразной пластической орнаментацией, мисками, чашами, глиняными плоскими дисками. Среди этого относительного разнообразия, отдельного упоминания заслуживает большой обломок крупной лепной чаши в форме усечённого перевёрнутого конуса, который имеет фигурный налеп, напоминающий греческую «омегу» (рис. 10,1). Подобная форма в сочетании с изогнутыми пластическими налепами, характерна для ранней гетской керамики VI-V вв. до Р.Х. Подобные чаши известны в некрополе Равна (фаза Равна III - Moscalu 1983, 438-439, pl. XLVI-XLVII; Мирчев 1962, табл. XXI/4(22) XXIII/2(24). Столь же ранним можно считать и большой обломок верхней части горшка закрытого типа с двумя параллельными налепными валиками из которых один (верхний) дополнительно оформлен небольшими выступами-налепами (рис. 10,4). Пара параллельных валиков, расположенных в верхней половине высоты сосуда – признак относительно ранний. На «классической» гетской керамике IV в. до Р.Х. верхний валик остаётся на своём месте, тогда как нижний «сползает» и располагается в нижней части корпуса.

Прочие фрагменты таких же сосудов закрытого типа помещаются в довольно широкий хронологический диапазон, характерный для гетской лепной керамики VI-IV вв (рис. 10,3.5-9).

Лепные миски представляют вторую по численности группу. Стенки сосудов резко расширяются от дна. В одном случае, их края плавно загнуты в верхней части, в другом отчётливо выделен бортик, который имеет наклон вовнутрь (рис. 11,5.6.8-12). Среди мисок были и экземпляры, снабжённые довольно крупными, почти горизонтально посаженными на корпус петлевидными ручками. Последние, иногда имели конические выступы по обе стороны, вблизи места соединения с туловом (рис. 12,6).

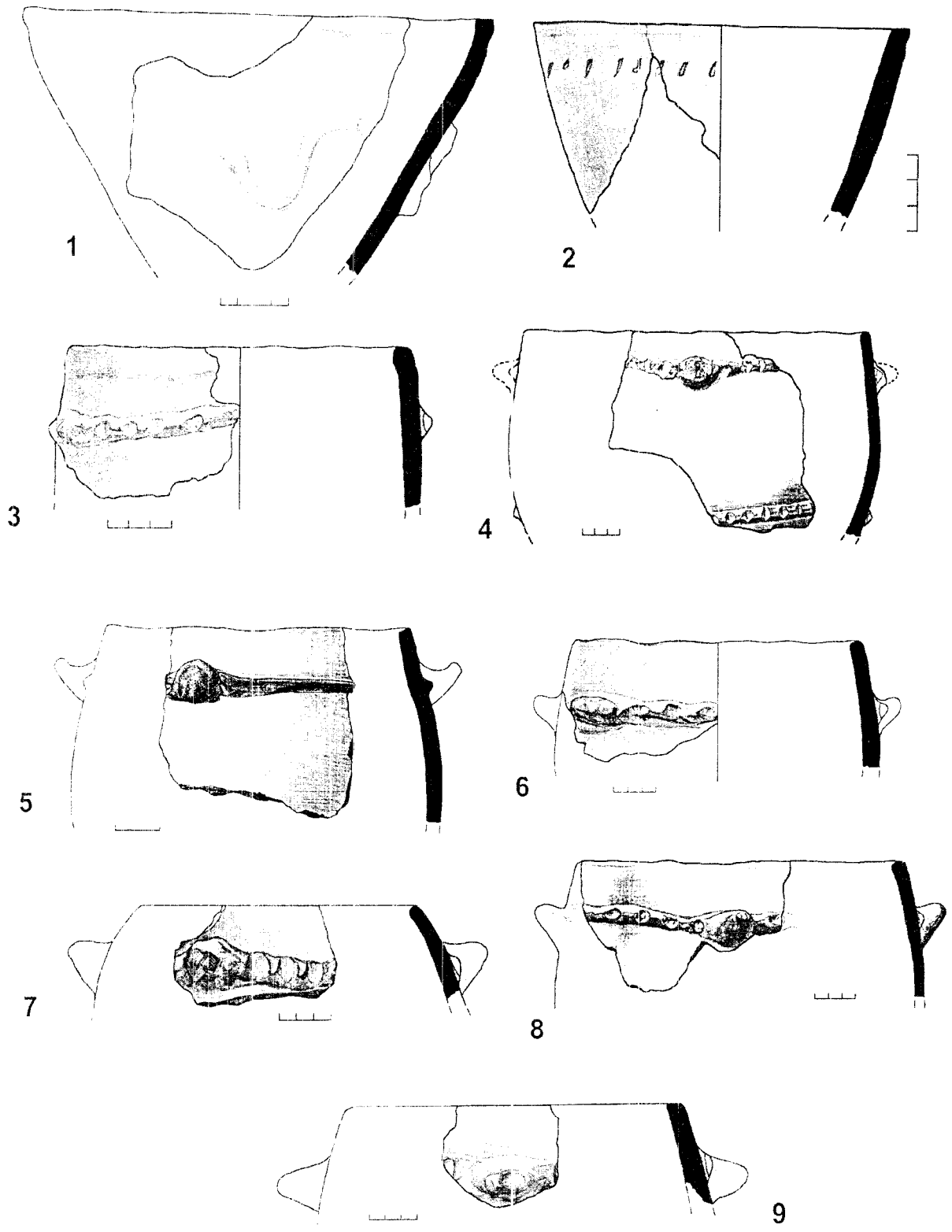


Рис. 10. Лепная керамика поселения Ново-Некрасовка-II: 1 - яма 1 (раскоп I); 2,6,7 - яма 4 (раскоп IV); 3 - яма 7 (раскоп I). 4 - яма 2 (раскоп III); 5 - яма 3 (раскоп IV); 8 - яма 19 (раскоп III); 9 - раскоп IV (слой)

Довольно большим числом представлены фрагменты плоских лепных дисков (рис. 12,1-4,7). Судя по пятнам копоти правильной, округлой формы, которые, как правило, есть на одной из поверхностей диска, эти предметы представляли собой крышки для лепных сосудов. Некоторые из них имели ручки. В своде Э. Москалу опубликована серия таких дисков, при том что ручек или их следов нет ни на одном более или менее сохранившемся экземпляр (Moscalu 1983,

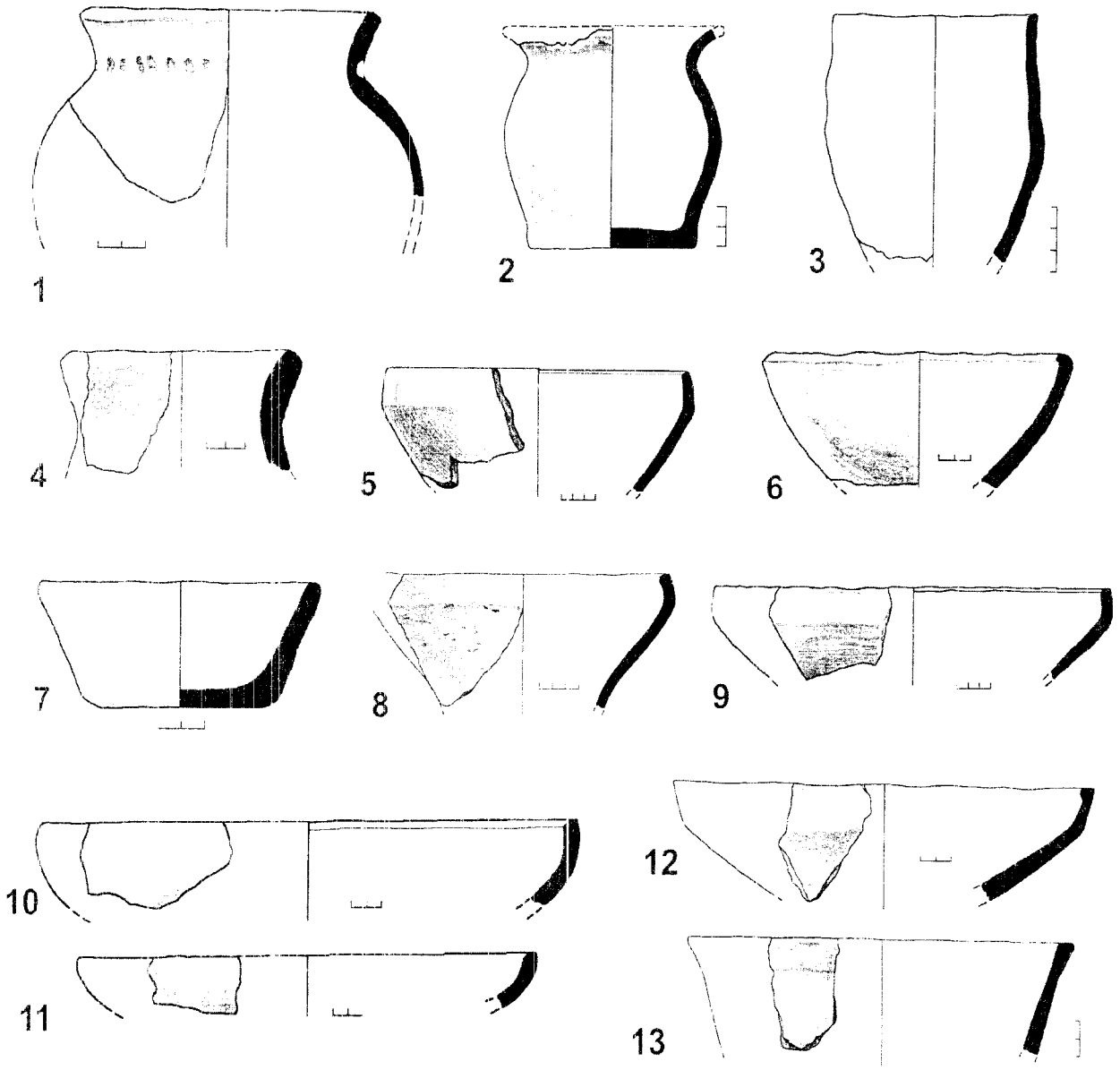


Рис. 11. Лепная керамика поселения Ново-Некрасовка-II: 1 - яма 25 (раскоп III); 2 - яма 10 (раскоп III); 3 - яма 22 (раскоп III); 4,6 - яма 19 (раскоп III); 5 - яма 5 (раскоп IV); 7,10,11 - яма 24 (раскоп III); 8 - яма 1 (раскоп IV); 9 - яма 1 (раскоп IV); 12,13 - раскоп I (слой)

457, pl. LXIV-LXV). Несмотря на явную непритязательность этих керамических изделий, среди них можно увидеть отличия. Так, некоторые диски из Ново-Некрасовки имеют в разрезе скошенные грани, а их верхняя, меньшая по диаметру плоскость слегка вогнута (рис. 12,1).

Из редких форм лепной керамики отметим фрагмент баночного сосуда с носиком-сливом (рис. 12,11). В работе Э. Москалу можно найти близкие формы, которые, впрочем, датированы здесь временем не ранее IV в. до Р.Х. (Moscalu 1983, 449, pl. LVII).

Коллекция сероглиняной гончарной керамики, судя по верхним профилированным фрагментам, в основном состоит из мисок и чаш. Первые обычно имеют более или менее вертикальный бортик в сочетании с широким уплощённым венчиком (рис. 8,1-3.8.9), либо плавно загнутый вовнутрь валикообразный край (рис. 8,4-5) Чаши имеют плавно отогнутые наружу края, оканчивающиеся валикообразным венчиком (рис. 8,6-7). Поверхность мисок и чаш коричневого, серого, либо чёрного цвета и, как правило, залощена. Полное представление об одной из наиболее часто встречающихся форм даёт реставрированный экземпляр миски из ямы № 9 (раскоп IV - рис. 8,9) Сохранившиеся фрагменты днищ, практически все имеют кольцевой поддон (рис. 9,2-4). В целом, комплекс сероглиняной гончарной керамики из Ново-

Некрасовки имеет ряд соответствий в аналогичном комплексе из Истрии и сельских поселений её округи VI-V вв. до Р.Х. В тоже время, на нашем поселении полностью отсутствуют некоторые типичные для Северо-Восточной Добруджи формы. Так, совершенно не представлены кувшины-черпаки с высоко поднятой ручкой -- едва ли не самый популярный тип сероглиняной гончарной керамики в Истрии и её округе в VI-V вв. до Р.Х. Нет и т.н. «сетчатых» лекан, мисок с вертикальными петлевидными ручками, ойнохой.

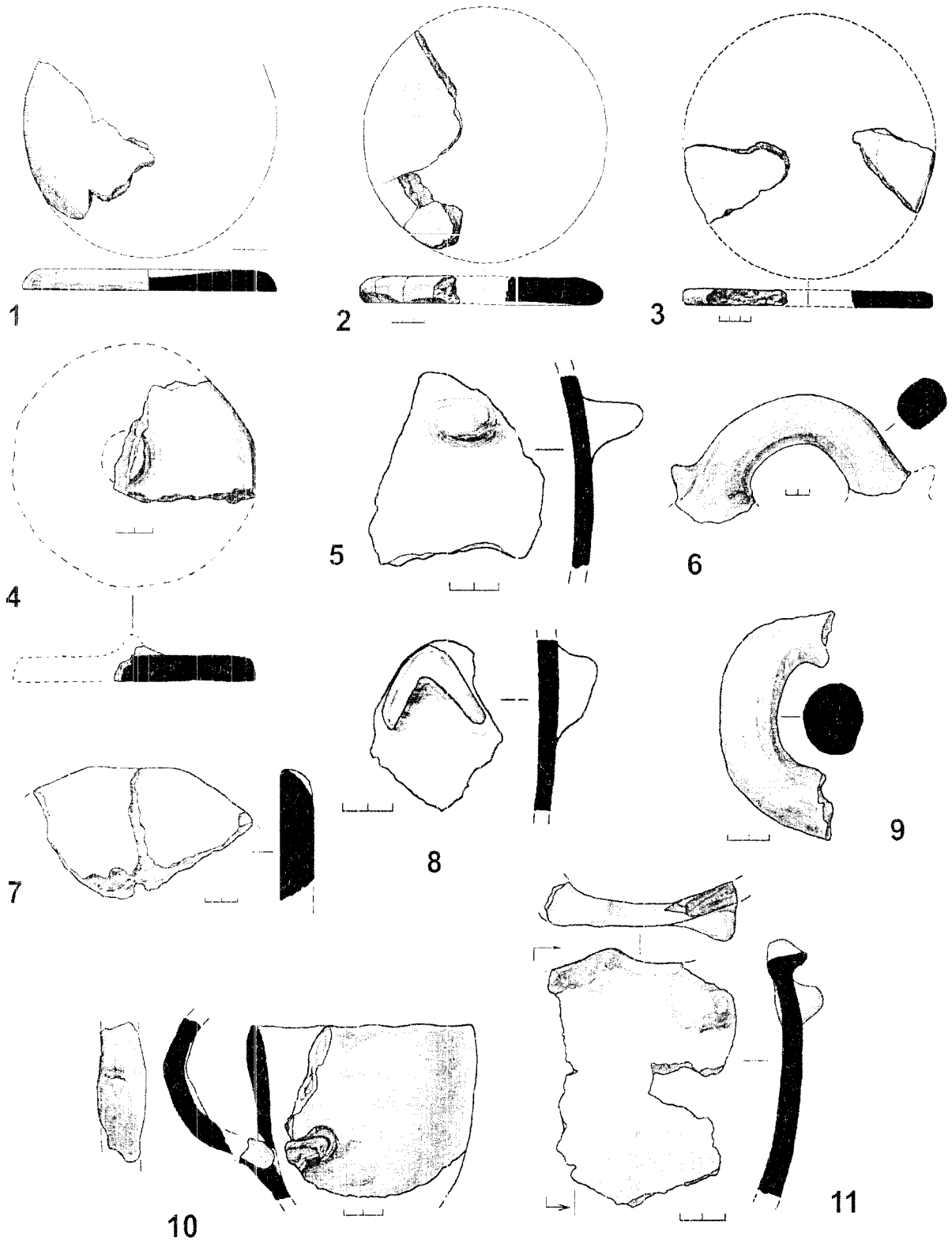


Рис. 12. Лепная керамика поселения Ново-Некрасовка-II: 1 - яма 2 (раскоп I); 2 - яма 7 (раскоп I); 3 - яма 4 (раскоп IV); 4,9,11 - яма 19 (раскоп III); 5,7,8 - яма 25 (раскоп III); 6 - яма 4 (раскоп I); 10 - яма 21 (раскоп III)

Характеризуя комплекс сероглиняной гончарной керамики в технологическом отношении, следует отметить невысокое качество выделки этой посуды. В первую очередь, это касается известной асимметричности в пропорциях и довольно грубого состава теста. По-видимому, это и есть то основное отличие, которое позволяет выделять фракийскую сероглиняную кружальную керамику на фоне высококачественной античной (греческой). Последняя, в Ново-Некрасовке представлена отдельными тонкостенными черепками, с хорошо отмученным тестом и чёрным лаковым покрытием (рис. 9,5-6). Хотя, по некоторым формам, иногда трудно отличить местное производство от импорта. В качестве примера приведу находку фрагментированной верхней части довольно крупного сероглиняного кратера (рис. 9,1). Подобные формы хорошо известны в Истрии и на поселениях её округи в Северо-Восточной Добрудже (Simion 2003, fig. 11/6). Наш экземпляр, по-видимому, можно отнести к 1 типу таких кратеров, которые по классификации П. Александреску датируются VI-V вв. до Р.Х. (Alexandrescu 1977, 115, fig. 2/1-2).

Особо следует отметить обломки глиняного предмета, одна плоскость которого имеет широкие желобчатые углубления, расположенные в определённом порядке и образующие некую композицию. Реконструированный внешний вид изделия позволяет предполагать, что в данном случае перед нами, скорее всего, разновидность пинтадеры (рис. 14,6). Некоторые сомнения в таком определении вызваны непривычно широкими для предметов этого типа желобами-углублениями и выступающими «рабочими» плоскостями. Весьма разнообразная и многочисленная серия глиняных пинтадер, ближайший ареал которых для V в. находится в Венгрии, показывает что их «рабочие» поверхности имеют более тонкий, насыщенный рисунок. Единичные находки пинтадер этого же времени известны в Северо-Западном Причерноморье - Никоний, Ханска, Орловка (Бруяко 1993, рис. 11/1; Мелюкова 1963, рис.18-19). Именно экземпляры из Ханска и Орловки, хотя и имеют иной рисунок, нежели пинтадера из Ново-Некрасовки, похожи на последнюю, как раз за счёт широких углублённых желобков, разделяющих выступы концентрической композиции на «рабочей» плоскости.[1]

В яме №9 (раскоп IV) найден обломок толстостенной «жаровни» по форме напоминающей небольшое корыто

Всего лишь двумя фрагментами представлена толстостенная гончарная керамика. Оба фрагмента (от дна и края) принадлежат лутериям (лутерию?) светло-жёлтого цвета с пористой поверхностью (рис. 13,9).

Единичные, мелкие фрагменты можно отнести к ионийской «полосатой» керамике первой половины V в. до Р.Х. Более выразительный фрагмент (рис. 14,1) принадлежал к типу небольших закрытых сосудов. На поверхности сохранились остатки узких горизонтальных полос, нанесенных красно-коричневой краской.

Обзор материала из раскопок поселения Ново-Некрасовка-II позволяет сделать следующий вывод. Основной слой поселения образовался в результате жизнедеятельности фракийских (гетских) племён, которые обитали здесь во второй-третьей четверти V в. до Р.Х. Такой дате вполне соответствует и найденный на поселении единственный металлический предмет – бронзовый опорновтульчатый наконечник стрелы (рис. 14,2). Судя по хронологическому интервалу предлагаемому для некоторых типов амфор, обнаруженных на поселении (Фасос, Менде), верхнюю дату можно продлить на всю вторую половину V в. Полное отсутствие некоторых типов амфор IV в. до Р.Х, легко узнаваемых даже по фрагментам (Гераклея, Синопа), исключает возможность существования поселения в этом столетии. Во всяком случае, пока, по тем данным, которыми мы располагаем. Вместе с тем, в юго-восточной части поля (поселения?) на пахоте были найдены обломки светлоглиняных, круглых в сечении амфорных ручек напоминающих ручки родосских амфор.

Основной итог раскопок поселения Ново-Некрасовка-II сводится к одному, совершенно бесспорному факту. А именно, здесь, мы впервые столкнулись с материальной культу-

[1] Правда, экземпляр из Орловки (раскопки 1999 года, не издан) найден в необычном для себя культурно-хронологическом контексте – в яме с керамикой культуры Басарабь.

рой гетов V в. до Р.Х левобережья Нижнего Дуная. Именно тех гетов, о которых знает Геродот и сообщает нам о них в связи с событиями на Нижнем Дунае, происходившими во время скифского похода Дария I. Хотя, очевидно, что поселение у с. Ново-Некрасовка возникло на 30-40 лет позднее этого события. По состоянию источников на сегодняшний день, мы вправе говорить о том, что фракийцы впервые после эпохи среднего гальштата (VII в. до Р.Х.) проникают на левый берег Дуная. Причём, скорее всего, речь идёт не о единичном поселении. Во всяком случае, отдельные материалы из раскопок Картала и Новосельского городища (Бруяко, Ярошевич 2001, рис. 35/8), позволяют надеяться на то, что слои V в. до Р.Х. будут выявлены и здесь.

Вполне естественен вопрос о причинах, побудивших какую-то группу гетов оторваться от своего основного ареала VI в. до Р.Х. в Северо-Восточной Добрудже и переселиться на противоположный берег реки, пограничный статус которой во все времена оставался для фракийцев более или менее очевидным. Цикличность появления и исчезновения фракийских памятников на левом берегу Нижнего Дуная, учитывая фактор стратегической переправы, находившейся в этом районе, была обусловлена, прежде всего, изменениями военно-политической ситуации. События, происходившие здесь в V в. до Р.Х., благодаря наличию письменных источников, впервые обретают живой, динамичный характер.

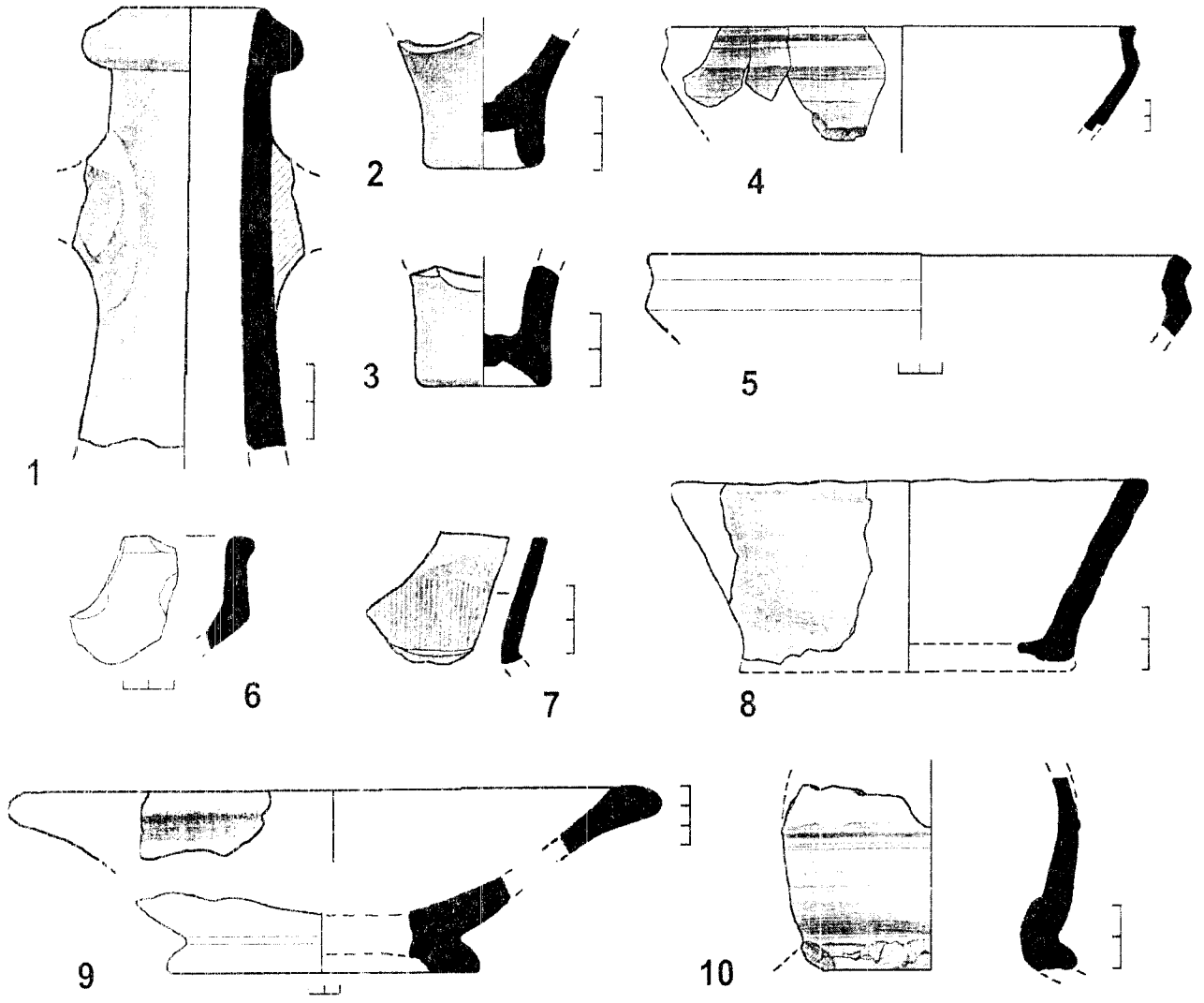


Рис. 13. 1-8,10 - керамика римского времени поселения Ново-Некрасовка-II (раскоп I, слой; 7-8 - лепная); 9 - фрагменты лутерия (раскоп I, слой)

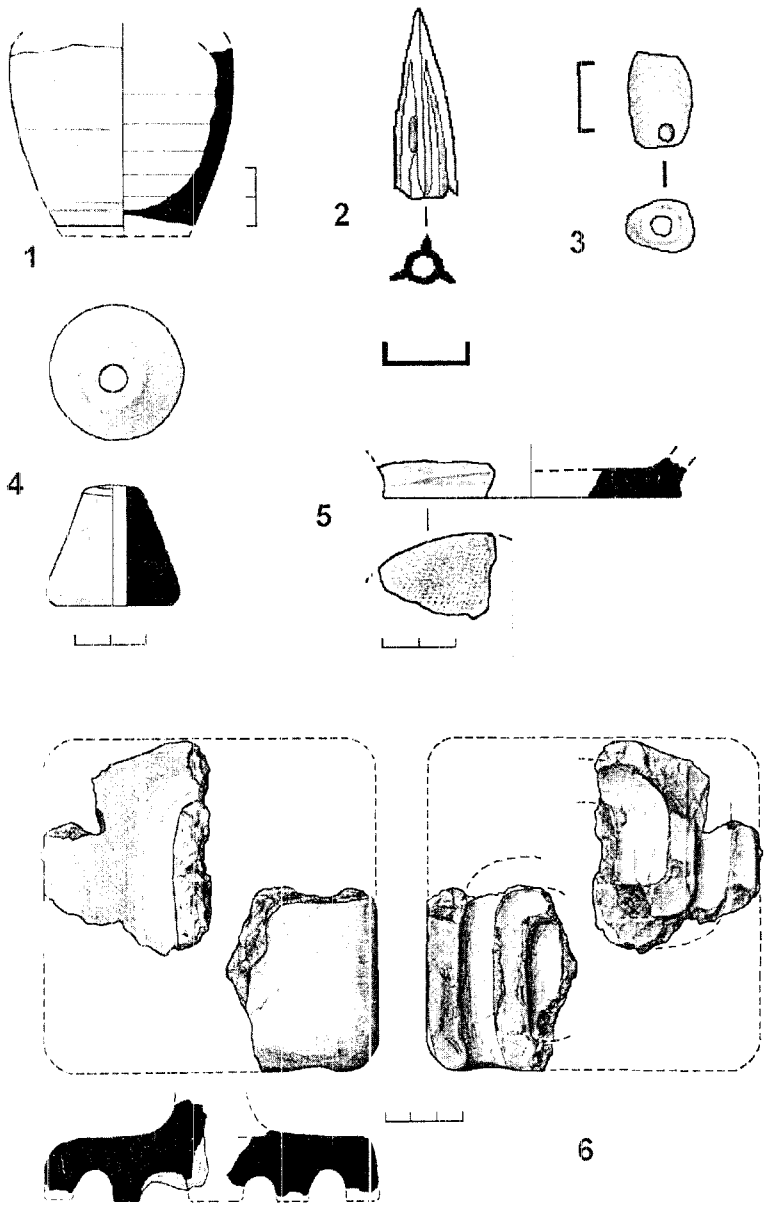


Рис. 14. Находки из комплексов и слоя поселения Ново-Некрасовка-II: 1 - фр-т ионийского сосуда (р.I, слой), 2 - бронзовый наконечник стрелы (яма 1, р.II), 3 - стеклянная бусина (р.I, слой), 4 - глиняное пряслице (яма 25, р.III), 5 - фр-т дна лепного сосуда с отпечатком ткани (р.I, слой), 6 - обломки глиняной пинтадеры? (яма 22, р.III)

Деструктивные процессы в Нижнем Подунавье, вызванные скифо-персидской войной и последовавшими за ней событиями рубежа VI-V вв., в первой половине V в. постепенно отходят в прошлое. Граница между скифским и фракийским мирами стабилизируется по течению Дуная. Однако, вплоть до конца V в. до Р.Х. демографического потенциала кочевников, судя по археологическим источникам, явно недоставало для плотного заселения и полноценного контроля степной Бессарабии. В такой ситуации, Буджакская степь (Днестро-Дунайское междуречье в частности) на протяжении большей части V в., по-видимому, оставалось своеобразной «подмандатной» территорией Скифии, контролируемой кочевниками лишь «де-юре».[1] Такое положение вещей, если и не открыто стимулировало появление гетов на левобережье Нижнего Дуная, то, по крайней мере, давало им определённые гарантии относительно безопасного существования. Всё это, отчасти подтверждает и абсолютное преобладание среди

[1] Октамасад, собравшийся воевать с одрисами Ситалка, ведёт (откуда-то) своё войско к Дунаю, причём, скорее всего, противник встречает скифов на левом берегу реки (Бруяко, Ярошевич 2001, 24).

лепной керамики поселения Ново-Некрасовка-II типично фракийских форм. С одной стороны, это может указывать на отсутствии тесных контактов со скифским населением, вероятно, по причине отсутствия последнего, а с другой свидетельствовать об относительно кратковременном функционировании поселения. В связи с этим, появление гетов на левом берегу Нижнего Дуная, скорее всего можно рассматривать как результат расширения фракийского ареала Добруджи в условиях отсутствия какой бы то ни было угрозы со стороны кочевников.

Впрочем, это продолжалось недолго. Во всяком случае, прекращение жизнедеятельности поселения может свидетельствовать о том, что к IV в. до Р.Х. политическая ситуация в регионе меняется.

Впечатление какого-то непостоянства, нестабильности в жизни обитателей поселения, помимо отсутствия остатков жилых комплексов,[1] (которые, кстати, вполне могли находиться в разрушенной части поселения) оставляет и весьма бедный инвентарь. Практически полностью отсутствуют металлические предметы. Совершенно нет находок чернолаковой керамики.[2] Многие фрагменты сероглиняной гончарной посуды имеют следы ремонта. Судя по некоторым обломкам тары, даже амфоры подвергалась такой же процедуре. Наконец, степень утилизации костей животных скорее говорит о том, что мы имеем дело с кухонными отбросами обитателей какого-нибудь захолустного поселения эпохи бронзы, а не с населением раннего железного века, обитающим в зоне хозяйственно-экономической экспансии крупного античного полиса.

Ценность полученных материалов, состоит ещё и в том, что к северу от Нижнего Дуная гетские поселения «чистого» V в. до Р.Х., до сих пор неизвестны. Даже в лесостепной Молдавии – одном из основных ареалов гетской культуры IV в. – материалы предыдущего столетия весьма немногочисленные и присутствуют главным образом на памятниках, основной период жизнедеятельности которых приходится опять-таки на IV в. до Р.Х. То есть, на материале поселений подобных Ново-Некрасовке мы можем обсуждать конкретные проблемы культуры ранних гетов и, в частности, вносить определённые коррективы в типологический ряд фракийской (гетской) керамики, хронологическая аморфность которой, по-прежнему действует довольно угнетающе.

Помимо основного горизонта обитания на поселении были зафиксированы и материалы других культурно-хронологических периодов.

Материалы эпохи энеолита. В центральной части кв. А/12, вблизи борта раскопа I на глубине 0.4-0,5 м от R_0 (предматериковый слой) было зафиксировано скопление керамики (рис. 3,1). Какого-либо углубления в материковый грунт не отмечено. Расчищенное скопление состояло из обломков, принадлежавших некогда трём сосудам.

Чаша-миска (рис. 15,2) – цвет поверхности серый с черными и оранжевыми пятнами. Снаружи поверхность слегка залощена, изнутри – небрежно заглажена. Следы заглаживания располагаются горизонтально. Тесто довольно высокого качества, плотное. Из примесей в тесте заметен мелкий шамот.

Биконический сосуд (рис. 15,1)[3] – снаружи поверхность черного цвета, залощена. Внутри – от черного до серовато-оранжевого. В тесте примесь шамота и мелкой растительности(?)

Днище какого-то крупного чашевидного сосуда (рис. 15,3). Тесто рыхлое, поверхность оранжево-коричневого цвета, в изломе оранжевая, ангобирована снаружи и изнутри; хорошо заглажена; в примесях – мелкий шамот.

Это скопление, по-видимому, есть то немногое, что осталось от энеолитического поселения Ново-Некрасовка-I, отнесенного по материалам разведок к культуре Гумельница (Шмаглій, Черняков 1964). Хотя, керамика этой культуры (рис. 15,4-5) попадается на распаханной поверхности мыса и гораздо севернее, в 300-400 м от места находки данного скопления в раскопе I.

---

[1] Не считая ямы № 15, которая если всё же и была жилищем, то, наверняка, какого-то крайне сурового аскета.

[2] Микроскопический обломок стенки чернолакового сосуда был найден мной при сборе подъёмного материала в 1986 г.

[3] Реконструкция данного сосуда и описание керамики культуры Гумельница принадлежит Л.В. Субботину

Материалы первых вв. от Р.Х. Ни одного достоверного комплекса этого периода раскопками 2003 г. не зафиксировано. Тем не менее, в слоях раскопов I и IV (в значительно меньшей мере раскопа II) постоянно встречались разнообразные материалы римского времени. Это фрагменты хозяйственной тарной керамики (светлоглиняные узкогорлые амфоры, красноглиняные кувшины), сероглиняной гончарной и лепной (рис. 13.1-8.10). Возможно, к этому же периоду относится и фасолевидная бусина белого глухого стекла, найденная в слое раскопа I (рис. 14.3).

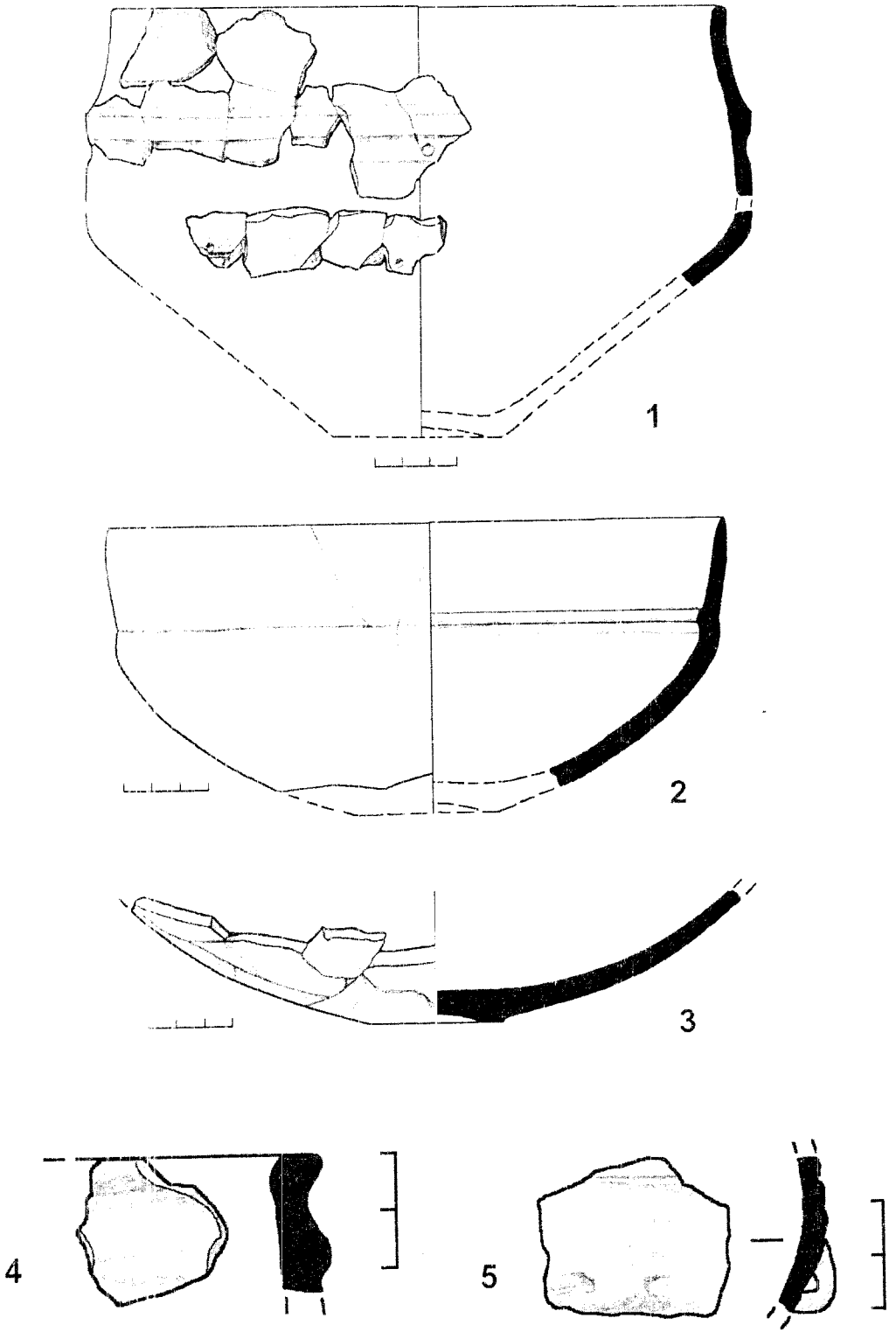


Рис. 15. Керамика культуры Гумельница из поселения Ново-Некрасовка-II: 1-3 - скопление из раскопа I; 4,5 - подъемный материал

В целом, все эти материалы можно датировать II-III вв. от Р.Х. Однако, этнокультурная атрибуция этого горизонта поселения довольно затруднительна. Возможно, его следует связывать с населением, оставившим памятники «типа Этулия», либо (учитывая отсутствие хоть каких-то заглубленных в грунт комплексов) отнести к категории т.н. «сарматских стойбищ» (Гудкова 1999, 271). Впрочем, качественные признаки последних все еще остаются в значительной мере условными.

Материалы османской эпохи. Фактически, все материалы этого времени содержит единственный комплекс – яма № 3 раскопа I (рис. 5,6).

В отличие от подавляющего большинства ям, раскопанных на поселении, стенки этой ямы сужаются от устья ко дну таким образом, что диаметр дна составляет 1,5-1,6 м, а устья – 1,9-2,0 м. Глубина ямы – 1 м от уровня фиксации контуров. На дне ямы отмечен мощный прожог практически по всей площади, но наиболее интенсивным он выглядит в центральной части дна.

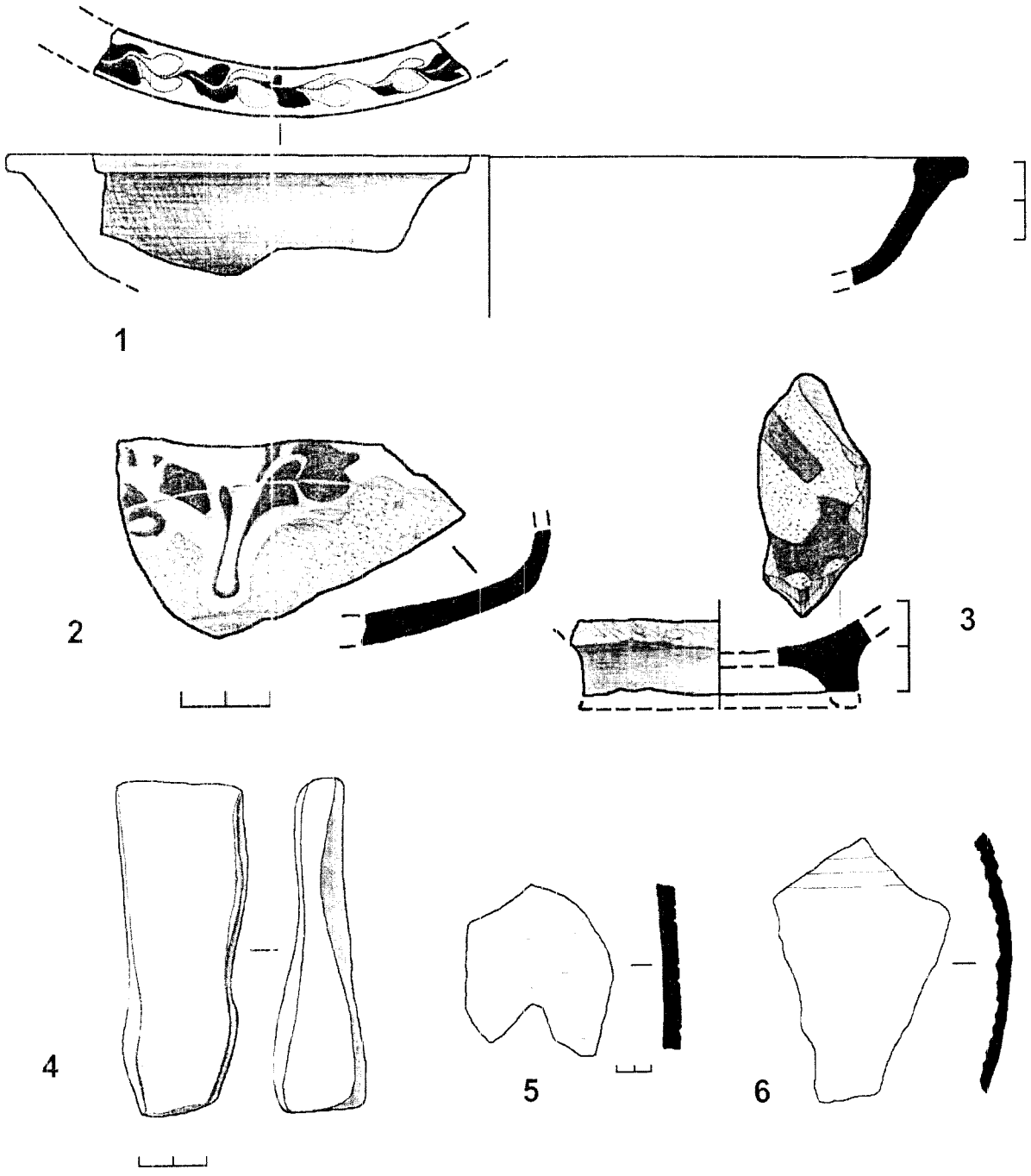


Рис. 16. Комплекс находок из ямы №3 (раскоп I): 1-3 - поливная керамика; 5-6 - простая гончарная керамика; 4 - точильный камень

Уже в процессе раскопок ямы, характер заполнения позволял предполагать относительно недавнее сооружение этого комплекса. Заполнение выглядело черезвычайно рыхлым и состояло (вплоть до придонной части) практически целиком из чернозёмного грунта с белёсыми включениями – следами перегнившей «органики».

Материал из заполнения подтвердил первоначальное предположение о поздней датировке ямы. Наряду с маловыразительными фрагментами гончарной светлоглиняной керамики (рис. 16,5-6), зафиксировано несколько фрагментов зеленоватой поливной керамики (рис. 16,2-3). Один из фрагментов представляет собой обломок верхней части неглубокой тарелки-чаши. Поверхность покрыта белым ангобом. По краю тарелки, горизонтально отогнутому наружу, нанесён орнамент в виде перевитых листьев бледно-зелёного и красноватого оттенков (рис. 16,1).

Помимо фрагментов керамики, в заполнении найден также точильный камень. Большим числом костей животных представлен археозоологический материал. В основном, это кости крупного рогатого скота.

Таким образом, яма № 3 может быть датирована турецким временем, скорее всего, XVII-XVIII вв. Учитывая близость Измаильской крепости, наличие данного комплекса особо удивлять не должно. Возможно, к этому же времени относится и яма № 6 раскопа IV (рис. 5,7). Впрочем, подобное предположение основывается лишь на конструктивном сходстве ямы № 6 и ямы № 3 раскопа I. В яме № 6, кроме костей животных других материалов не найдено. Вместе с тем, ям такого типа как две упомянутые только что на поселении больше не обнаружено.

Библиография

Абрамов 1993: А.П. Абрамов, Античные амфоры. Периодизация и хронология. БС 3, 1993, 4-135.

Агульников и др. 2004: С.М. Агульников, И.В. Бруяко, В.М. Кожокару, А.В. Субботин, Поселение гетов V в. до Р.Х. у с. Ново-Некрасовка на Нижнем Дунае. ССПК XI, 2004, 10-13.

Бруяко 1993: И.В. Бруяко, Пинтадера из Никония. Древнее Причерноморье. КСОАО (Одесса 1993), 57-60.

Бруяко, Ярошевич 2001: И.В. Бруяко, Ю.И. Ярошевич, Городище у с. Новосельское на Нижнем Дунае (Одесса 2001).

Гудкова 1999: А.В. Гудкова, I-IV вв.н.э. в Северо-Западном Причерноморье (культура оседлого населения). STRATUM plus 4, 1999, 235-406.

Мелюкова 1963: А.И. Мелюкова, Исследования гетских памятников в степном Поднестровье. КСИА 94, 1963, 64-72.

Мирчев 1962: М. Мирчев, Раннотракийският могилен некропол при с. Равна. ИАИ XXV, 1962, 97-162.

Монахов 1999: С.Ю. Монахов, Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары (Саратов 1999).

Монахов 1999а: С.Ю. Монахов, Заметки по локализации керамической тары. II: амфоры и амфорные клейма полисов Северной Эгеиды. АМА 10, 1999, 129-148.

Монахов 2003: С.Ю. Монахов, Греческие амфоры в Причерноморье. Типология, каталог-определитель (Саратов 2003).

Сапожников и др. 1999: И.В. Сапожников, И.В. Бруяко, В.М. Кожокару, Новые данные о поселении Ново-Некрасовка-II. КСОАО (Одесса 1999), 92-94.

Шмаглій, Черняков 1964: М.М. Шмаглій, І.Т. Черняков, Археологічні розвідки в пониззі Дунаю. Археологія XIX, 1964, 215-22[illegible].

Alexandrescu 1977: P. Alexandrescu, Les modeles grecs de la ceramique Thrace tourneè. Dacia N.S. XXI, 1977, 113-137.

Moscalu 1983: E. Moscalu, Ceramica traco-getica (Bucureşti 1983).

Simion 2003: G. Simion, Aşezarea hallstattiană de la Beidaud – Tulcea. In: Simion G. Culturi antice în zona gurilor Dunării. Vol. I (Tulcea 2003), 79-98.

Игорь Бруяко,
Одесский Археологический Музей, Национальная Академия Наук Украины,
ул. Ланжероновская 4, 65026-Одесса, Украина

Тецканские курганы. Новое в погребальном обряде сармат Днестровско-Прутского региона

Виктор Глазов, Владимир,
Сергей Курчатов, Кишинэу

În articol sunt examinate rezultatele cercetărilor de teren a 4 tumuli efectuate în 1988 lângă comuna Tețcani amplasată în zona cursului mijlociu al râului Prut. Un interes deosebit prezintă mormântul 10/1 și complexului votiv format din tumulul 2 și tumulii 3 și 4, în care au fost evidențiate elemente atipice ritului funerar a culturii sarmaților din spațiul pruto-nistrean. Analiza arhitectonică a complexelor funerare și descoperirea în apropierea localității a unei stele cu tamga, permite autorilor să formuleze ipoteze despre existența în zona comunei Tețcani a unui centru votiv sarmatic care au migrat în spațiul pruto-nistrean în secolele I-II.

В статье рассматриваются результаты исследования в 1988 г. в районе с. Тецканы на Среднем Пруте 4 курганных насыпей. Особое внимание уделяется погребению 10/1 и погребально-поминальному комплексу, состоявшему из кургана 2 и поминальных насыпей 3 и 4, в которых отмечены не характерные для сарматских древностей Днестровско-Прутского междуречья элементы погребального обряда. Анализ архитектоники погребально-поминального комплекса и открытие в ближайшей округе стелы с тамгообразным знаком позволило авторам высказать предположение о существовании в древности в районе Тецкан культового центра одного из сарматских родов, откочевавших в междуречье на рубеже I-II вв.

The article analyses the results of the 1988 survey of 4 tumulus banks in the Tetcazi region in the Middle Pruth zone. The stress is made on Burial 10/1 and on the burial funeral complex, consisting of two tumuli and funreal banks 3 and 4, where the funeral rite elements, which are not characteristic of the Sarmatian antiquities of the Dniester-Pruth Interfluve, were discovered.The analysis of the architectonics of the burial funeral complex and the discovery of a stella with a Tamga-shaped sign allowed the authors to make a supposition on the existence of a cult center of one of the Sarmatians clan, which arrived into the Dniester-Pruth Interfluve on the turn of the I-II centuries, in the Tetcazi region in the ancient times.

Район с. Тецканы в Среднем Попрутье известен среди исследователей сарматской культуры Северо-Западного Причерноморья открытием в его окрестностях в начале XX века Н.Н. Морошаном фрагмента первой в регионе сарматской стелы с тамгаобразным знаком (Moroşan 1938). Поздней осенью 1988 г. авторами были исследованы 4 курганные насыпи, находившиеся в 2 км к северо-востоку от окраины села, справа от дороги Тецканы-Коржеуцы, в районе доминирующей в округе высоты 229,4 м (рис. 1), на которой в то время возвышался самый крупный в окрестностях Тецкан курган высотой ок. 4 м. На следующий год работы были продолжены Прутской новостроечной археологической экспедиции, сотрудники которой исследовали не только указанный курган, но и практически все курганы, сохранившиеся на территории района. Исследования показали, что все насыпи были возведены в эпоху бронзы, а в каждый курган были впущены от одного до нескольких рядовых сарматских захоронений, связанных единством погребального обряда и сопутствующего инвентаря, за которым скрывается, по-видимому, принадлежность их к одному этнотерриториальному объединению.

Настоящая статья посвящена результатам раскопок 1988 года, в ходе которых, помимо разновременных погребений эпохи бронзы и железного века, были открыты два исключительных по набору признаков для сарматской культуры региона комплекса. Все раскопанные насыпи располагались компактной группой, на удалении 50-70 м друг от друга, вблизи четырехметрового кургана.

Курган 1 (рис. 2) находился в северной части курганной группы, на вершине небольшого всхолмления, образованного выходом известнякового щебня. Контуры погребальных камер, из-за большой насыщенности насыпи мелким щебнем, почти не улавливались и фиксировались только на уровне скелетов. Высота кургана на момент раскопок составляла 0,7 м от уровня погребенной почвы, диаметр равнялся 30 м. В ходе раскопок было обнаружено 12 погребений.

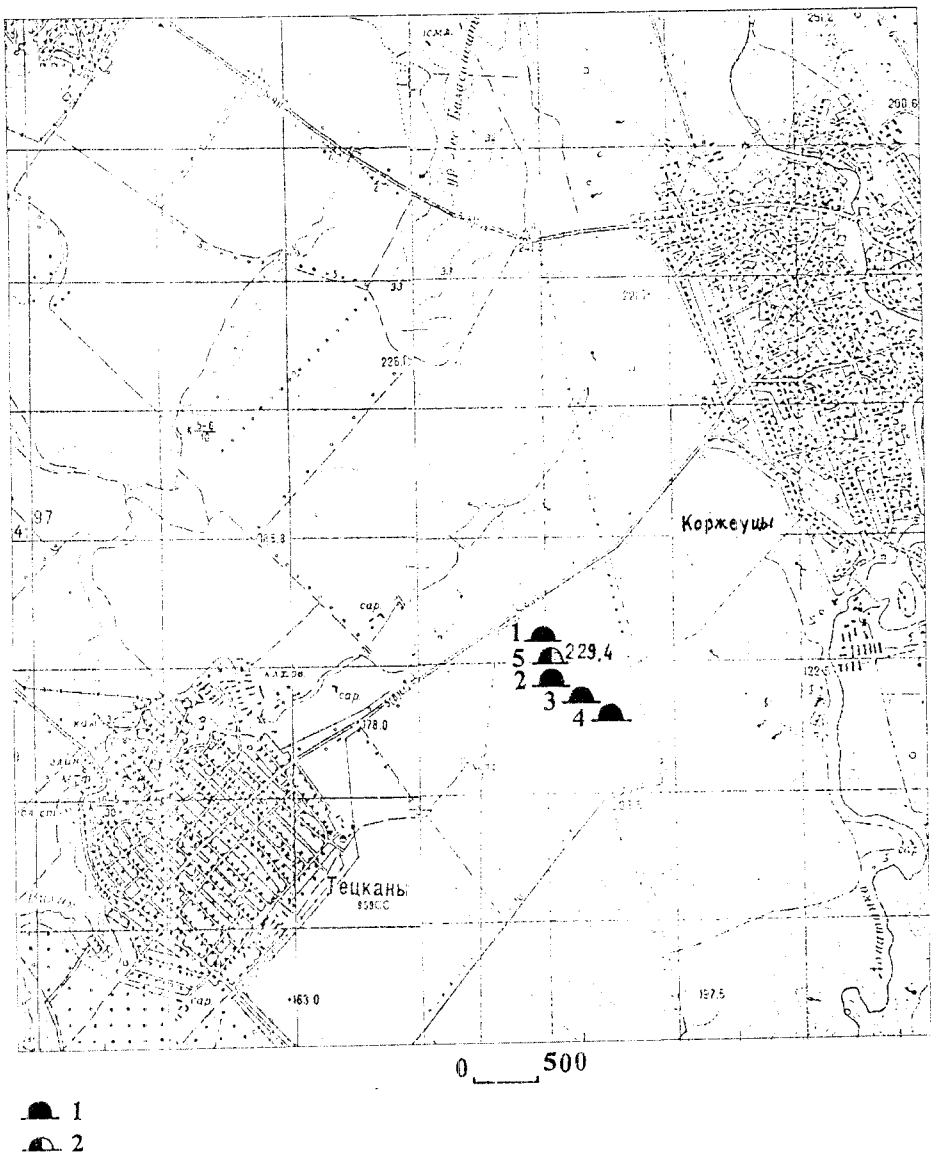


Рис. 1. Ситуационный план расположения курганов у с. Тецканы: 1 – насыпи раскопанные в 1988 г.; 2 – насыпи раскопанные в 1999 г.

Погребение 1, ямное (рис. 3,1) находилось в юго-западном секторе кургана, на глубине 0,8 м. Погребальная камера не зафиксирована.

Скелет подростка сильно разрушен грызунами, в первоначальном положении сохранились лишь несколько фрагментов черепной коробки, кости правой руки, фрагменты ребер, части тазовых костей, берцовые кости и голени ног. Судя по их положению, погребенный лежал скорченно на левом боку, головой на юг. Правая рука вытянута вдоль тела, левая не сохранилась. Ноги средне согнуты. Кости не окрашены. Находок нет.

Погребение 2, ямное (рис. 3,5) обнаружено в южном секторе кургана, в бровке.

Погребальная камера прямоугольной формы с округленными углами была ориентирована по линии запад-восток. Ее размеры 1,15 х 0,9 м, глубина 0,9 м. Погребение впущено с вершины насыпи.

Скелет взрослого человека лежал скорченно на спине, головой на восток, лицевой частью черепа вверх. Правая рука, прямая, лежала вдоль тела, кисть раскрыта ладонью вниз. Левая – слабо согнута, раскрытая кисть лежала под бедренной костью. Ноги средне согнуты, первоначально стояли коленями вверх, завалившись впоследствии крест на крест. Сохранность скелета хорошая, кости не окрашены. По всему дну ямы прослежен белесый тлен с редкими вкраплениями мелкого древесного угля.

Рядом с погребенным найдены три кремневых отщепа (рис. 3,2-4). Один из них лежал рядом с кистью правой руки, другой находился под берцовой костью упавшей правой ноги, третий – под стопой левой ноги.

Погребение 3, неопределенное (рис. 5,1), разрушенное, открыто в центре насыпи, на глубине 0,3 м, в пахотном слое. От скелета сохранились фрагменты рук, ног, ребер и тазовых костей, в беспорядке вытянутых по линии северо-восток – юго-запад на расстоянии 0,6 м. Кости не окрашены. Находок нет. Остатки скелета частично перекрывали погребение 4.

Погребение 4, эпохи бронзы (рис. 3,6) находилось в центре насыпи. Погребальная камера прямоугольной формы со скругленными углами, размерами 1,3 х 0,95 м, была ориентирована по линии запад-восток. Ее глубина 0,9 м. Погребение впущено с вершины насыпи.

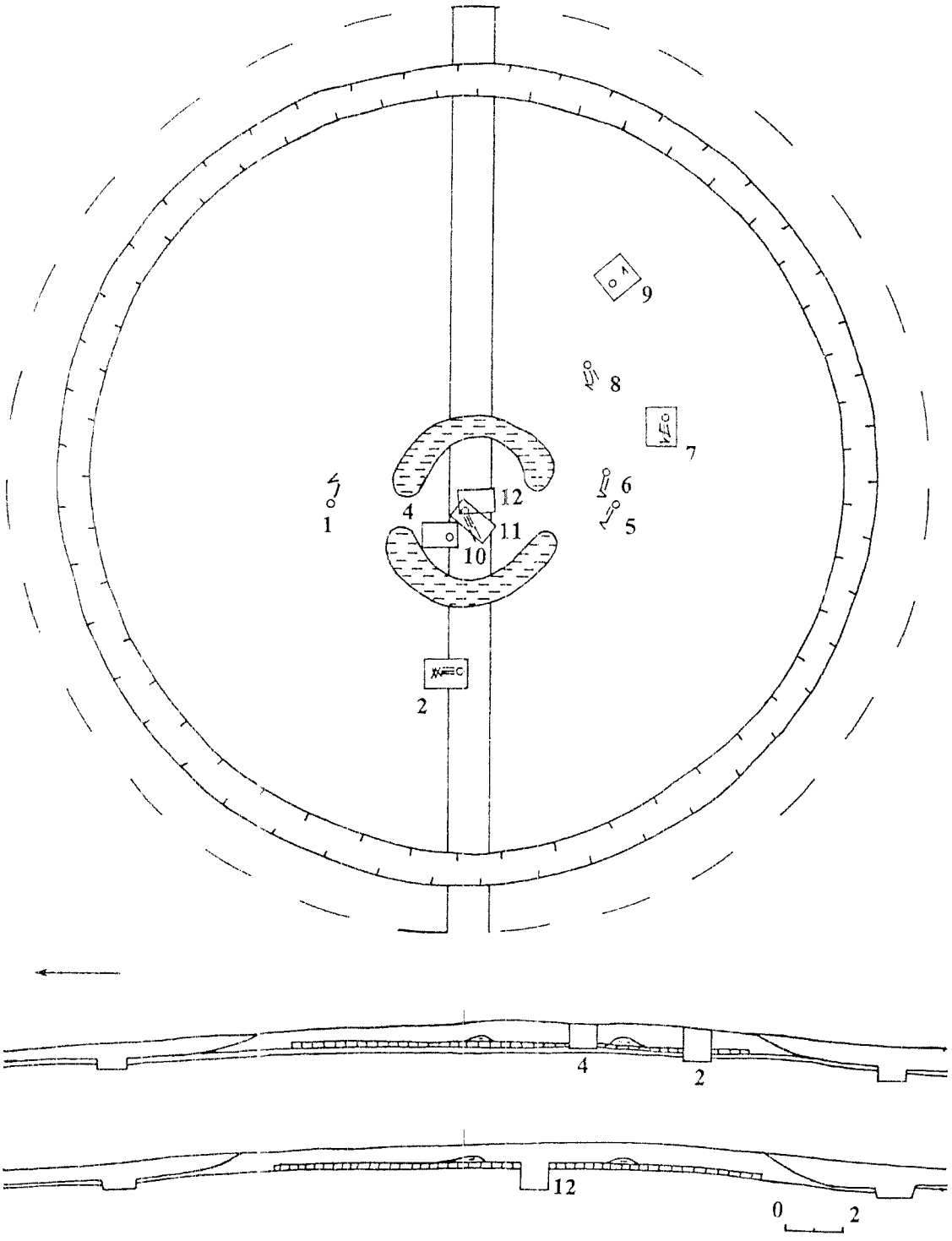


Рис. 2. Общий план и профиль кургана 1.

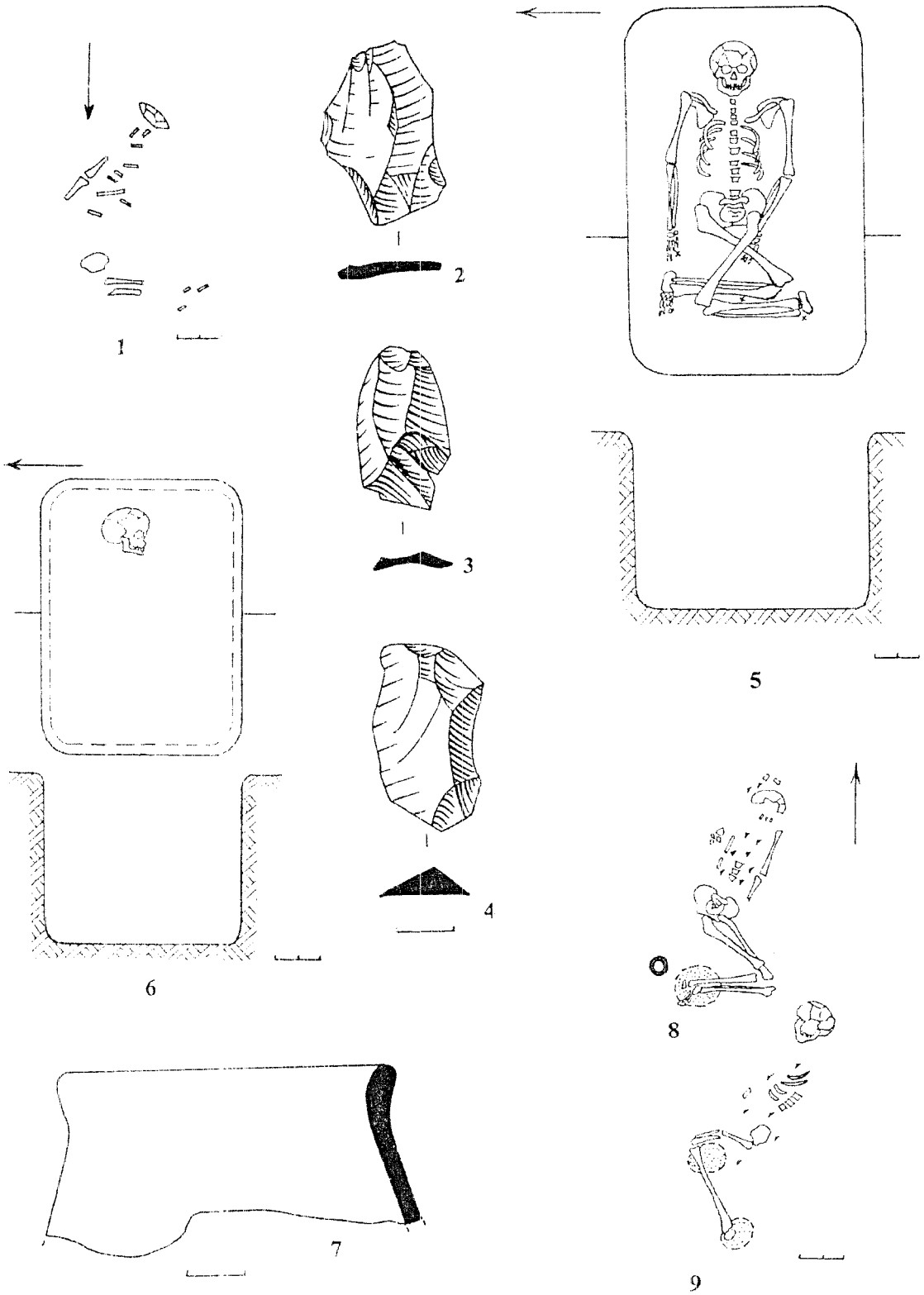


Рис. 3. Курган 1. Планы и материалы: 1 – погр. 1; 2-5 – погр. 2; 6 – погр. 4; 7,8 – погр. 6; 9 – погр. 5.

От погребенного сохранилась только часть густо окрашенного красной охрой черепа, лежавшего в восточной части ямы. По всему дну погребальной камеры отмечен тлен бурого цвета от растительной циновки с вкраплениями большого количества мелких древесных угольков. Находок нет.

Погребение 5, катакомбное (рис. 3,9) обнаружено на уровне скелета в юго-восточном секторе кургана, глубина 0,8 м.

Скелет взрослого человека плохой сохранности лежал скорченно на правом боку, головой на северо-восток. Руки не сохранились, ноги средне скорчены. Кости не окрашены. В районе колен и стоп отмечены два пятна красной охры диаметром 0,2 и 0,1 м соответственно. В области грудной клетки и под черепом встречались мелкие древесные угольки. Находок нет.

Погребение 6, катакомбное (рис. 3,8) открыто в непосредственной близости от погребения 5,севернее от него, на глубине 0,8 м. Контуры погребального сооружения не прослеживались.

Скелет взрослого человека лежал скорченно на левом боку, головой на северо-восток. Левая рука вытянута вдоль тела, правая не сохранилась. Ноги средне согнуты. Сохранность скелета плохая, кости не окрашены. В области ступней отмечено пятно красной охры диаметром 0,2-0,25 м. Под черепом и в области грудной клетки встречались мелкие древесные угольки.

В 0,1 м к западу от ступней погребенного находился развал лепного сосуда, форма которого не восстанавливается – сохранилась лишь его верхняя часть. Венчик сосуда высокий, слабо отогнут, край утолщен и закруглен. Внешняя поверхность бугристая, розового цвета. Тесто с небольшой примесью шамота. Диаметр венчика 13 см (рис. 3,7).

Возможно, погребения 5 и 6 составляли единый погребальный комплекс.

Погребение 7, позднеямное (рис. 4,1) обнаружено в восточном секторе кургана, на глубине 0,8 м.

Погребальная камера прямоугольной формы с закругленными углами была ориентирована по линии север-юг, имела размеры 1,3 х 1 м. Отмеченная глубина 0,15 м.

Скелет взрослого человека лежал скорченно на левом боку, головой на север. Левая рука прямая, лежала под острым углом по отношению к телу. Правая согнута под тупым углом, лучевыми костями уложена по направлению к лучевым костям левой руки. Ноги средне согнуты. Кисти рук, тазовые кости и ступни ног не сохранились. Кости не окрашены, на дне ямы встречались мелкие древесные угольки.

В 0,2 м к западу от тазовых костей, у стенки погребальной камеры, находилось компактное скопление кремня, состоявшее из одного орудия и 13 пластинчатых отщепов различной формы, без следов дополнительной обработки, серого и черного цвета (рис. 4, 4-10, 13-18). Орудие из черного кремня, представлено ножевидной пластиной удлиненной формы. Рабочая часть покрыта мелкой односторонней ретушью и сильно залощена в результате длительного употребления. Не исключено, что пластина могла использоваться в качестве вкладыша серпа. Длина пластины 7,8 см (рис. 4,2).

Погребение 8, позднеямное (рис. 4,3) открыто в северо-восточном секторе кургана, на глубине 0,8 м. Погребальная камера не прослежена.

Скелет взрослого человека лежал скорченно на спине с наклоном вправо, головой на северо-запад. Череп был склонен к правому плечу, лицевой частью вверх. Левая рука вытянута вдоль тела, правая слегка отстранена от тела, слабо согнута и уложена под прямым углом к бедренным костям. Кисти не сохранились. Ноги сильно поджаты, уложены (?) коленями вправо. Сохранность скелета плохая. Кости не окрашены. Находок нет.

Погребение 9, позднеямное (рис. 4,11) обнаружено в северо-восточном секторе кургана на глубине 0,65 м. Захоронение совершено в яме прямоугольной формы, с закругленными углами, ориентированной по линии северо-восток – юго-запад. Ее размеры составляли 1,4 х 1,1 м, отмеченная глубина 0,15 м.

Сохранность скелета очень плохая. Сохранились только часть черепа и фрагменты бедренной и берцовых костей с коленным суставом. Судя по ним, погребенный лежал скорченно, головой на юго-запад, лицевой частью на север. Ноги резко согнуты, повернуты коленями влево. Кости не окрашены, на черепе отмечены мелкие древесные угольки.

В области правой височной кости был найден кремневый наконечник стрелы треугольной формы с выемчатым основанием. Высота наконечника 2,2 см, цвет кремня белый (рис. 4,12).

Погребение 10, сарматское (рис. 5,2) обнаружено в южном секторе кургана, на глубине 0,5 м. Погребение зафиксировано в бровке и перекрывало погребения 11 и 12. Контуры погребального сооружения не прослеживались.

Скелет взрослого человека лежал вытянуто на спине, головой на северо-запад. Череп склонен к левому плечу, лицевой частью на северо-восток. Руки прямые, вытянуты вдоль тела. Открытые кисти частично перекрывались тазовыми костями. Ноги прямые, ступни оттянуты. Череп ярко окрашен красной охрой. На остальных костях следов охры не отмечено. Сохранность скелета хорошая.

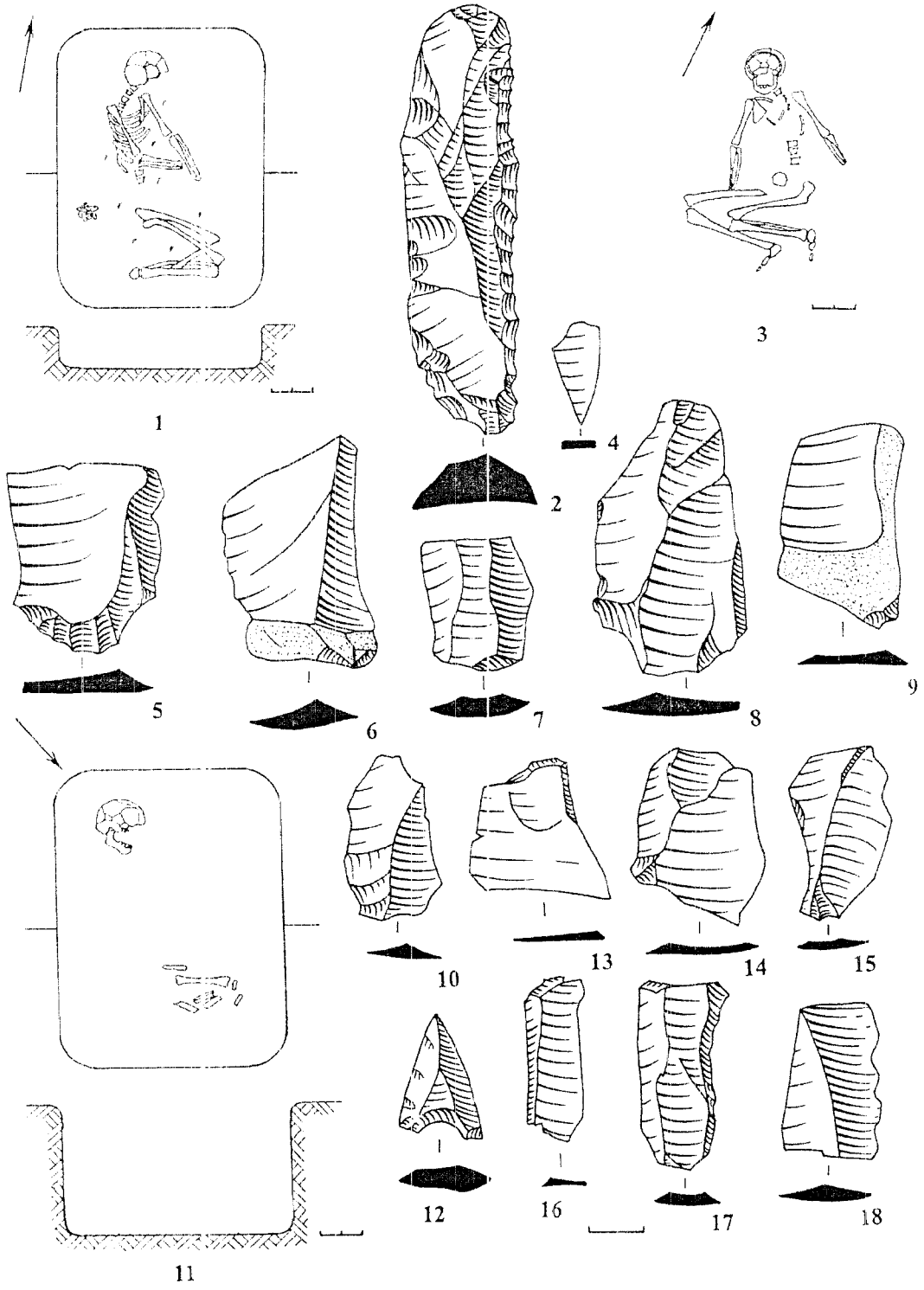


Рис. 4. Курган 1. Планы и материалы: 1,2,4-10, 13-18 – погр. 7; 3 – погр. 8; 11,12 – погр. 9.

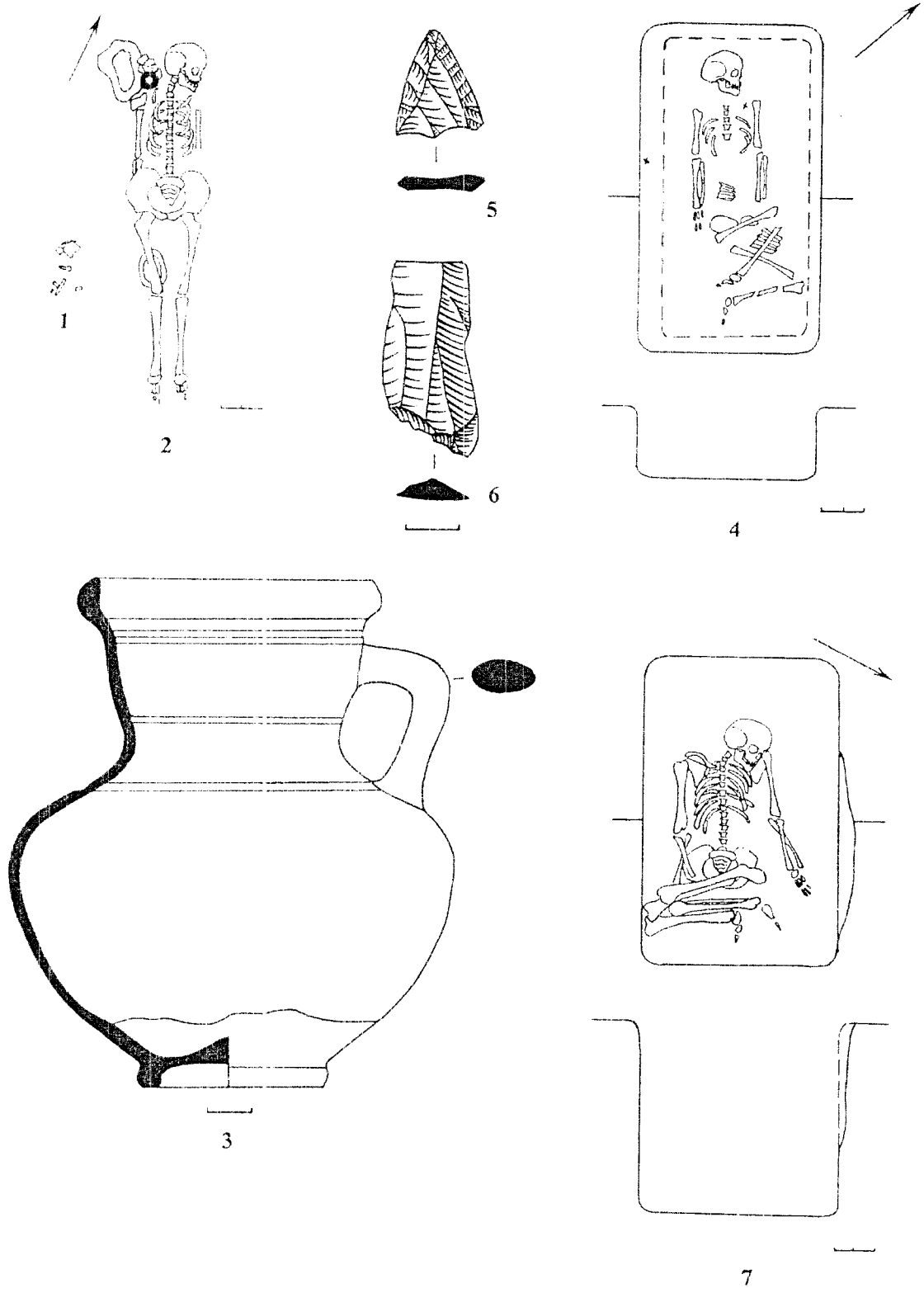


Рис. 5. Курган *. Планы и материалы: 1 – погр. 3; 2,3 – погр. 10; 4-6 – погр. 11; 7 – погр. 12.

Возле правого плеча погребенного был расчищен крупный, 29 х 19 см, необработанный камень. Еще один камень, размерами 18 х 13 см, лежал под бедренной костью правой ноги. Между черепом и камнем у правого плеча стоял вверх дном небольшой краснолаковый кувшинчик. Горло сосуда воронковидной формы, высокое, с незначительным расширением в средней части. Венчик отогнут и оформлен в виде овально-горизонтального утолщения с небольшим уступом с внутренней стороны. Плечики приподняты, покатые. Тулово округлое. Дно на невысоком кольцевом поддоне. От основания венчика к плечикам

крепилась одна ручка подпрямоугольной формы, овальная в сечении. Под венчиком и у основания горло кувшинчика орнаментировано двумя и одной врезными линиями. Еще одна горизонтальная бороздка отделяла горло от тулова. Внешняя поверхность кувшинчика, за исключением придонной части, и горло изнутри было покрыто лаком бурого цвета. Изготовлен кувшин из хорошо отмученного теста красного цвета, без заметных примесей. Высота сосуда 13,3 см, диаметр венчика 7,3 см, максимальный диаметр тулова 11,8 см, диаметр дна 4,3 см (рис. 5,3).

Погребение 11, ямное (рис. 5,4), основное для второй насыпи (?), обнаружено в центре насыпи при разборке бровки, на глубине 0,5 м по незначительным остаткам деревянного перекрытия погребальной камеры. Судя по стратиграфической бровке, погребение было впущено с вершины насыпи и частично перекрывало основное погребение 12. Яма перекрывалась поперек плахами, длину и ширину которых установить не удалось. Погребение было совершено в яме прямоугольной формы с закругленными углами, размерами 1,6 х 0,95 м и глубиной 0,4 м.

Скелет взрослого человека, очень плохой сохранности, лежал скорченно на спине, головой на северо-запад. Череп лицевой частью повернут на северо-восток. Руки прямые, уложены вдоль тела. Кисть правой руки открыта, левая не сохранилась. Ноги резко согнуты, стояли коленями вверх. Впоследствии левая нога упала влево, а правая завалилась на тазовые кости. Скелет не окрашен. Погребенный лежал на растительной циновке прямоугольной формы (1,4 х 0,75 м), от которой сохранился белесый тлен. У правой руки отмечены мелкие древесные угольки.

В области шейных позвонков был найден кремневый наконечник стрелы треугольной формы, высотой 1,7 см. Одна из плоскостей наконечника отшлифована (рис. 5,5). Под южной стенкой погребальной камеры, напротив локтевого сустава правой руки, за пределами циновки лежал кремневый отщеп темно-серого цвета (рис.5,6).

Погребение 12, ямное (рис. 5,7), основное, находилось в центре насыпи. Захоронение совершено в яме прямоугольной формы размерами 1,5 х 0,9 м и глубиной 0,9 м, ориентированной по линии северо-восток – юго-запад. Погребальная камера на 0,6 м была углублена в рыхлую меловую породу, выкид которой лег двумя сегментами в 1,8 м к северу и 2 м к югу от нее, с разрывами на запад и восток. Ширина выкида 1-0,9 м, мощность 0,2 м, ширина разрывов составляла 1,2 и 0,8 м. Следов перекрытия ямы отмечено не было.

Скелет взрослого человека лежал скорченно на спине, головой на запад-запад-юг. Череп склонен к левому плечу, лицевой частью на север. Правая рука прямая, уложена вдоль тела, левая отстранена от скелета и уложена открытой кистью вниз. Ноги резко согнуты, упали коленями вправо, перекрыв кисть правой руки. Кости густо окрашены красной охрой. Следов подстилки не обнаружено. Находок нет.

Конструктивные особенности, стратиграфия и относительная хронология кургана 1. Курганная насыпь, состоявшая из чернозема, перемешанного с глиной и щебнем, была насыпана над основным погребением 12 ямной культуры, выброс материковой глины и мелузы из которого хорошо фиксируется в стратиграфических бровках. Тогда же, судя по всему, вокруг погребения был вырыт кольцевой ровик шириной 1,2 м, глубиной до 0,5 м и диаметром 26,5 м.

Вероятно, следующий этап существования кургана связан с ямными погребениями 1,2 и 8, впущенных в насыпь кургана. Их объединяет как ориентировка, так и положение скелетов в характерной позе на спине или на боку. Позднее в центр насыпи было впущено ямное погребение 11. Плохая сохранность кургана не позволяет достоверно установить, была ли его насыпь досыпана или нет. С этим погребением, надо полагать, связан следующий строительный горизонт, представленный поздними погребениями 7 и 9, впущенными в северо-восточную полу кургана.

Следующий культурно-хронологический горизонт составляют погребения 5 и 6 катакомбной культуры. Впущенное в вершину насыпи погребение 4 отнесено к эпохе поздней бронзы. Последним в центр кургана впущено сарматское погребение 10.

Курган 2 находился в 150 м к юго-востоку от кургана 1. Насыпь ежегодно распахивалась, и на момент раскопок ее высота составляла 1,2 м от уровня погребенной почвы при диаметре 40 м. В кургане обнаружены 2 погребения (рис. 6).

Погребение 1, позднекочевническое (рис. 7,1) обнаружено в юго-западном секторе насыпи, на глубине 1,35 м. Узкая погребальная камера прямоугольной формы с закругленными углами, размерами 2,6 х 0,5 м и отмеченной глубиной 0,4 м, была ориентирована по линии запад – северо-запад – восток – юго-восток. Яма частично перекрывала ровик, ограничивавший насыпь кургана.

Погребенный лежал в колоде, выдолбленной из распущенного надвое ствола дерева, торцевые края ровно обрезаны. Размеры колоды 2,4 х 0,48 м, высота 0,3 м. Толщина торцевых стенок 0,1 м, боковых – 0,02 м. Была ли она покрыта крышкой, проследить не удалось. Колода помещалась в яме свободно. Между ее крайними стенками и стенками погребальной камеры оставалось по 0,08 м свободного пространства.

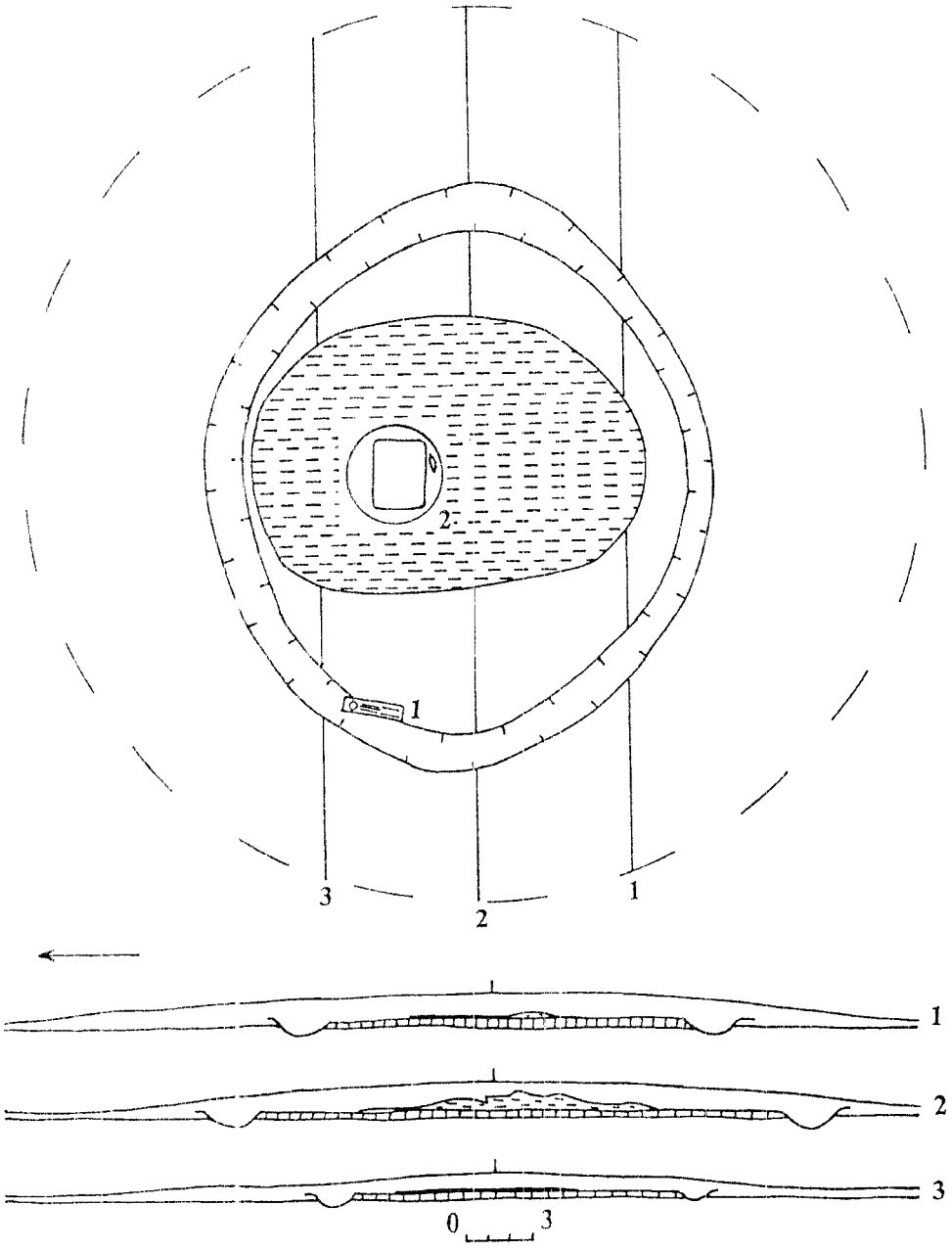


Рис. 6. Общий план и профили кургана 2.

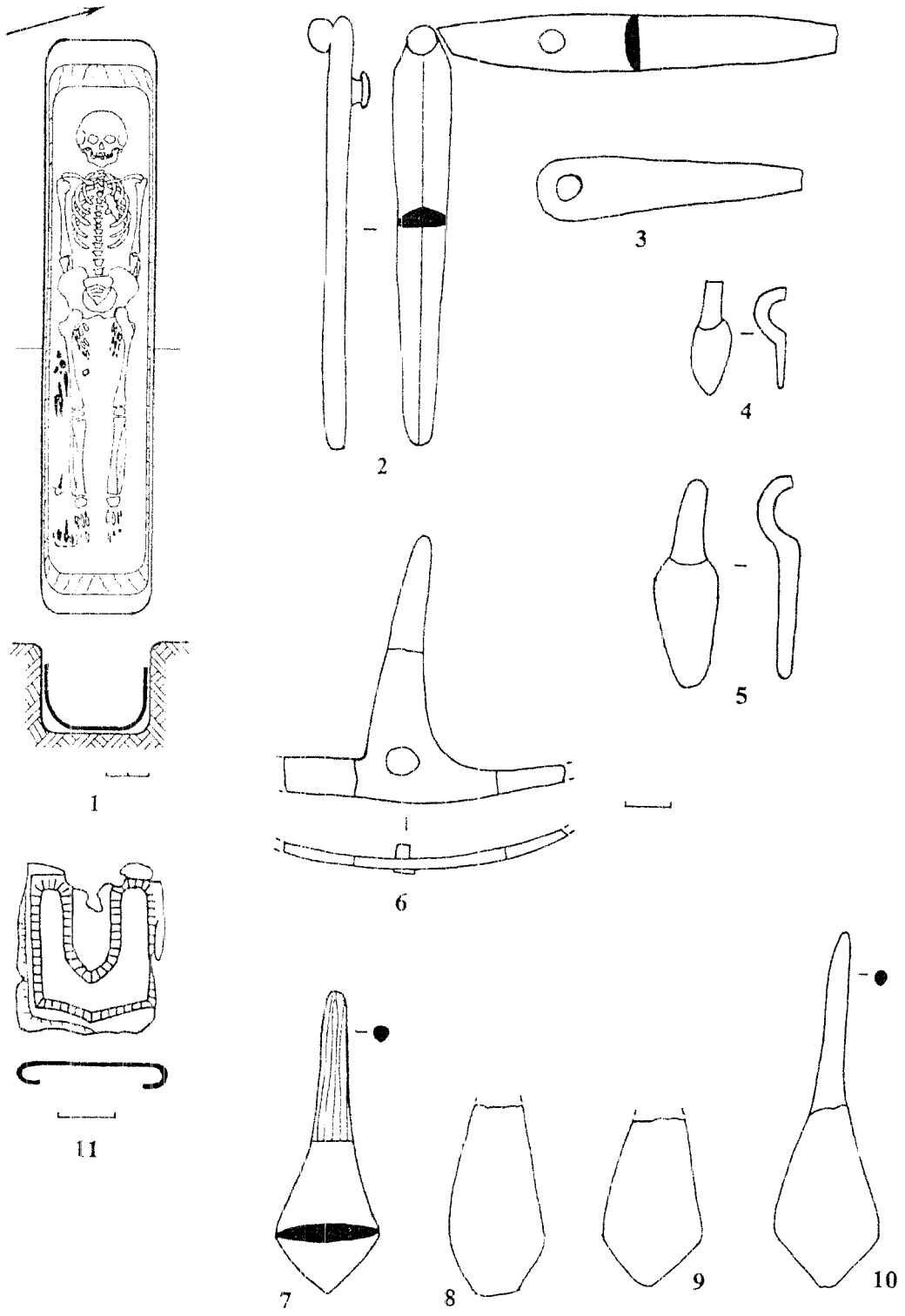


Рис. 7. Курган 2. Планы и материалы: 1-11 – погр. 1.

Скелет взрослого человека лежал вытянуто на спине, головой на запад – северо-запад, лицевой частью вверх. Руки прямы, вытянуты вдоль тела. Открытые кисти были уложены под тазобедренными суставами. Ноги прямые, ступни оттянуты. Сохранность скелета хорошая. У правой ноги погребенного лежали остатки овального в сечении колчана. Его устье было оформлено тремя железными пластинами – одной вертикальной и двумя горизонтальными (рис. 7,2,3). При помощи заклепок они крепились к органической основе толщиной около 0,4 см. В средней части колчана находились две (крупная и маленькая) петли (рис. 7,4,5), служившие для подвешивания его к поясу. Основание моделировалось фигурной оковкой (рис. 7,6). Длина колчана, судя по рас-

положению деталей, составляла 0,8 м, ширина 0,1 м. В колчане находилось 7 плоских черешковых наконечников стрел асимметрично-ромбовидной формы с тупоугольным острием и пологими плечиками (рис. 7,7-10). Общая длина наконечников 7-8,5 см, длина пера 3,5-4,5 см, ширина 2,5 см. Стрелы были вложены в колчан наконечниками вниз.

Между бедренными костями находилась накладка прямоугольной формы размерами 2,8 х 2,5 см и толщиной 0,1 см, изготовленная из золотой фольги и служившая украшением оконцовки ремня. Поверхность орнаментирована геометрическим узором, выполненным отступающим штампом (рис. 7,11).

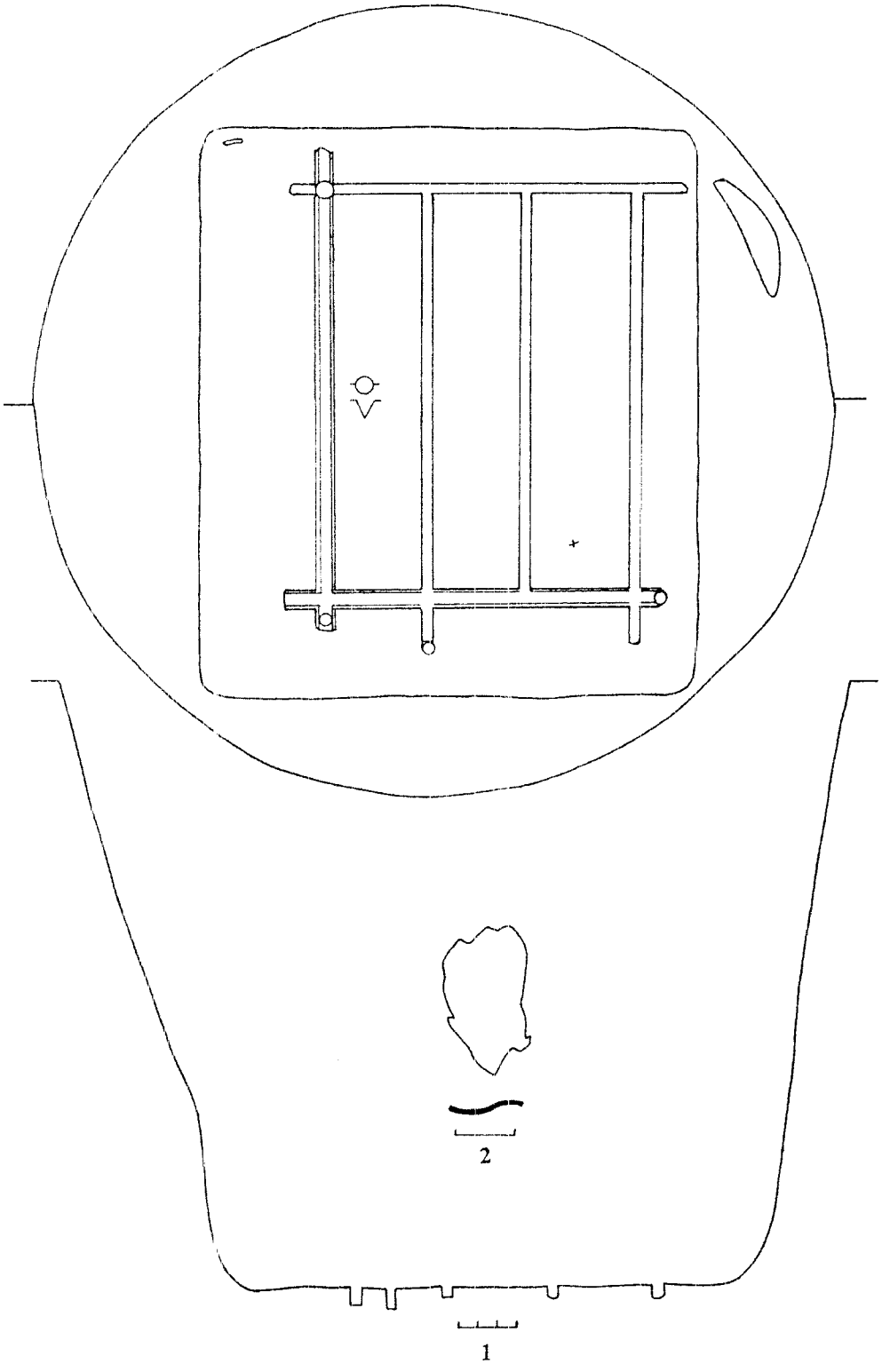


Рис. 8. Планы и материалы: 1,2 – погр. 2

Погребение 2, сарматское, основное (рис. 8,1). Могильная яма была смещена от геометрического центра насыпи к западу. Верхний контур представлял в плане круг диаметром 4,1 м. Покатые стенки, опускаясь ко дну, принимали форму прямоугольника с несколько закругленными углами, ориентированного по линии север-юг. Размеры погребальной камеры по дну составляли 2,95 х 2,55 м, глубина от уровня погребенной почвы 3,1 м. В северо-восточной части ямы, на глубине 1 м, в стенке была вырезана сегментовидная ступенька размерами 0,6 х 0,15 м. До глубины 1,7 м яма была вырублена в рыхлой меловой породе, переходящей ко дну в сарматскую глину зеленого цвета с включениями крупных кусков мела. На стенах прослеживались вертикальные следы землеройного орудия шириной 0,2 м. Следов перекрытия не отмечено. Между тем, вокруг могильной ямы на уровне погребенной почвы прослежена площадка квадратной формы, свободная от материкового выкида, размерами 4,5 х 4,5 м. Заполнение ямы состояло из плотного затечного чернозема, переходящего ко дну в слой щебня, перемешанного с глиной зеленого цвета, мощностью до 0,4 м.

На дне погребальной камеры, в глине, сохранились отпечатки деревянного сооружения, вероятно, настила. Следует отметить, что отпечатки представляли собой прямоугольные в разрезе канавки от врезавшихся (?) на глубину от 13 до 3 см в глину брусьев различной ширины. Конструкция вписывалась в прямоугольник дна параллельно стенкам погребальной камеры. Ширина брусьев и глубина оставленных ими отпечатков позволяют реконструировать последовательность ее сооружения.

Рама прямоугольной формы, размерами 2,2 х 1,7 м, состояла из двух, наложившихся одна на другую, треугольных конструкций. Первая, опорная часть, складывалась из двух крупных брусьев шириной 0,1 м - западного (длиной 2,5 м) и южного (1,9 м), стоявших на ножках (?) конусовидной формы, диаметр которых равнялся 8-10 см и соединявшихся под прямым углом. Ямки от ножек глубиной 10-14 см зафиксированы в месте пересечения брусьев и у их концов. Края брусьев небрежно обрублены, глубина отпечатков 7-13 см. На них внахлест накладывались аналогично соединявшиеся под прямым углом северный (длиной 2 м) и южный (2,3 м) узкие, шириной 4-6 см, брусья с закругленными концами. Глубина оставленных ими отпечатков составляла 4 см. К северному брусу дополнительно крепились еще два – длиной 2,04 и 2,3 м. Под южным краем последнего бруса зафиксирована ямка, в разрезе конусовидной формы, диаметром 9 см и глубиной 8 см. Брусья делили внутреннее пространство сооружения на три практически равные секции длиной 2,04 м и шириной, с востока на запад, 0,51 м, 0,48 м и 0,45 м соответственно. Последняя ямка, аналогичная по форме предыдущей, диаметром 8 см и глубиной 13 см, находилась в средней части западной секции. Назначение ее не выяснено.

Погребение ограблено в древности. От погребенного сохранилась только одна фаланга пальца ноги, лежавшая в северо-западном углу, на дне погребальной камеры. В заполнении ямы найдены два сустава мелкого рогатого скота.

В южной части восточной секции деревянной конструкции на дне погребальной камеры найден фрагмент бронзовой пластины с рваными краями размерами 2 х 1 см, толщиной 0,1 см (рис. 8,2).

Вокруг погребения лег мощный материковый выкид полуовальной формы, размерами 18 х 12 м и толщиной до 0,7 м, вытянутый по линии запад-восток.

С основным погребением 2 связан ровик овальной формы, размерами 26,5 х 22,5 м. В восточном полукруге ров фиксировался преимущественно в стратиграфических бровках, в то время как в западном хорошо прослеживался в плане. Его ширина варьировала соответственно от 1,1 до 2,3 м, а глубина от 0,4 до 0,8 м.

Курган 3 находился в 90 м к юго-востоку от кургана 2. Насыпь выделялась более светлым мешаным грунтом и большим количеством мелкого амфорного боя на поверхности. Высота не превышала 0,15 м, диаметр составлял около 20 м. Погребения, связанного с сооружением кургана, не обнаружено. В насыпи открыто только 1 впускное захоронение (рис. 9,1).

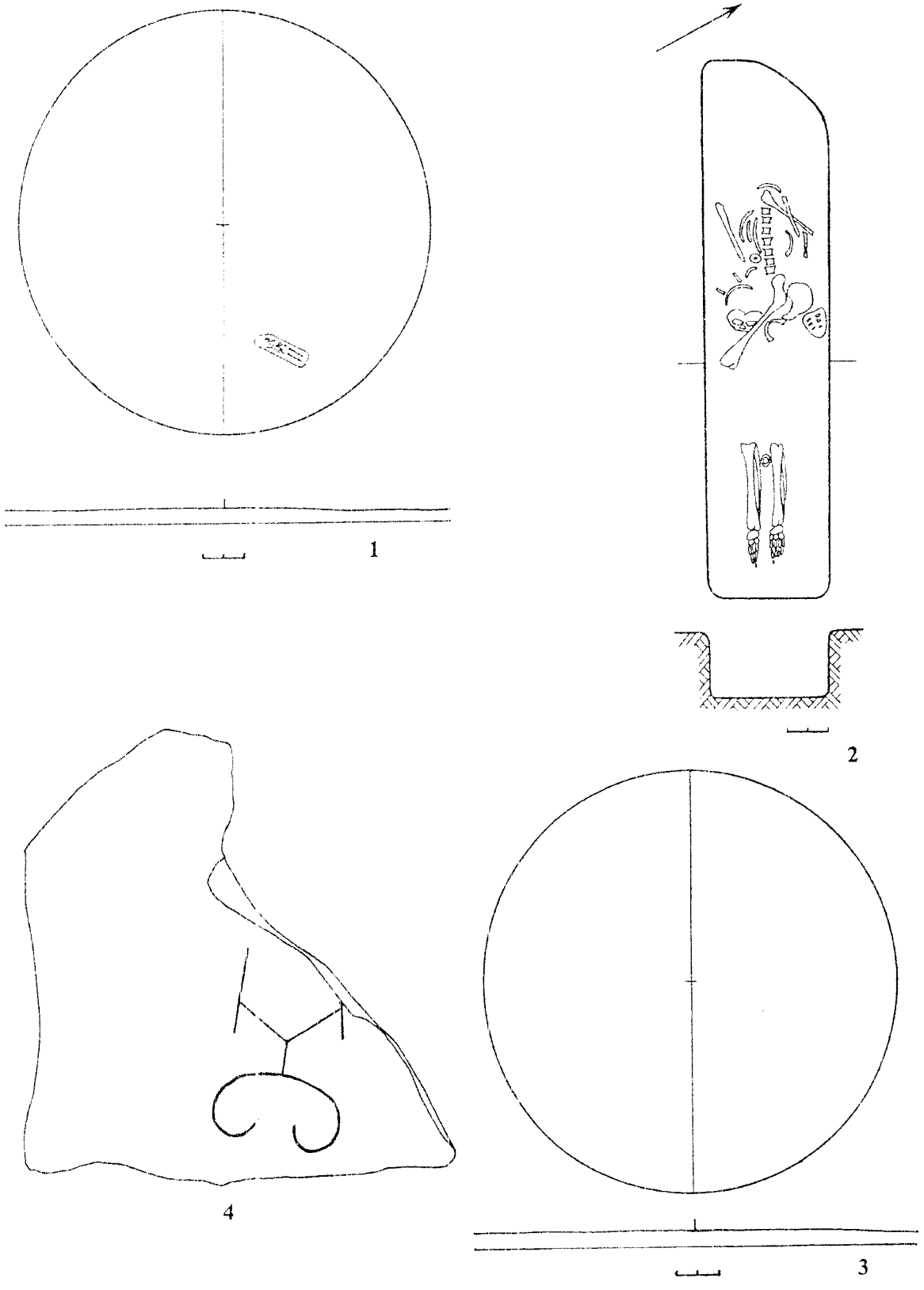


Рис. 9. Общие планы и материалы курганов 3 и 4: 1,2 – курган 3: 3 – курган 4; 4 – фрагмент стелы с тамгообразным знаком (по Moroşan 1938; без масштаба).

Погребение 1, позднекочевническое (рис. 9,2) находилось в юго-западном секторе кургана, на глубине 1,25 м. Узкая погребальная камера прямоугольной формы со скошенным северным углом, размерами 2,65 х 0,65 м и отмеченной глубиной 0,25 м, ориентирована по линии северо-запад – юго-восток.

Скелет взрослого человека был частично разрушен в древности. Не потревоженными остались часть позвоночника и берцовые кости со ступнями. Остальные части скелета оказались разбросанными в беспорядке по дну погребальной камеры. Череп и часть костей отсутствовали. Судя по положению не потревоженных костей, погребенный лежал вытянуто на спине, головой на северо-запад. Ноги прямые, ступни оттянуты. Находок нет.

На поверхности и в насыпи кургана найдены зуб лошади и большое количество фрагментов светло- и розовоглиняных амфор (рис. 10). Из них выделяется венчик широкогорлой светлоглиняной амфоры, изготовленной из хорошо отмученной глины с примесью мелкого песка. Венчик подтреугольных очертаний, диаметр 11 см (рис. 10,1). Помимо амфорного боя в насыпи найден 1 фрагмент стенки крупного гончарного сосуда, покрытого коричневым ангобом (рис. 10,13).

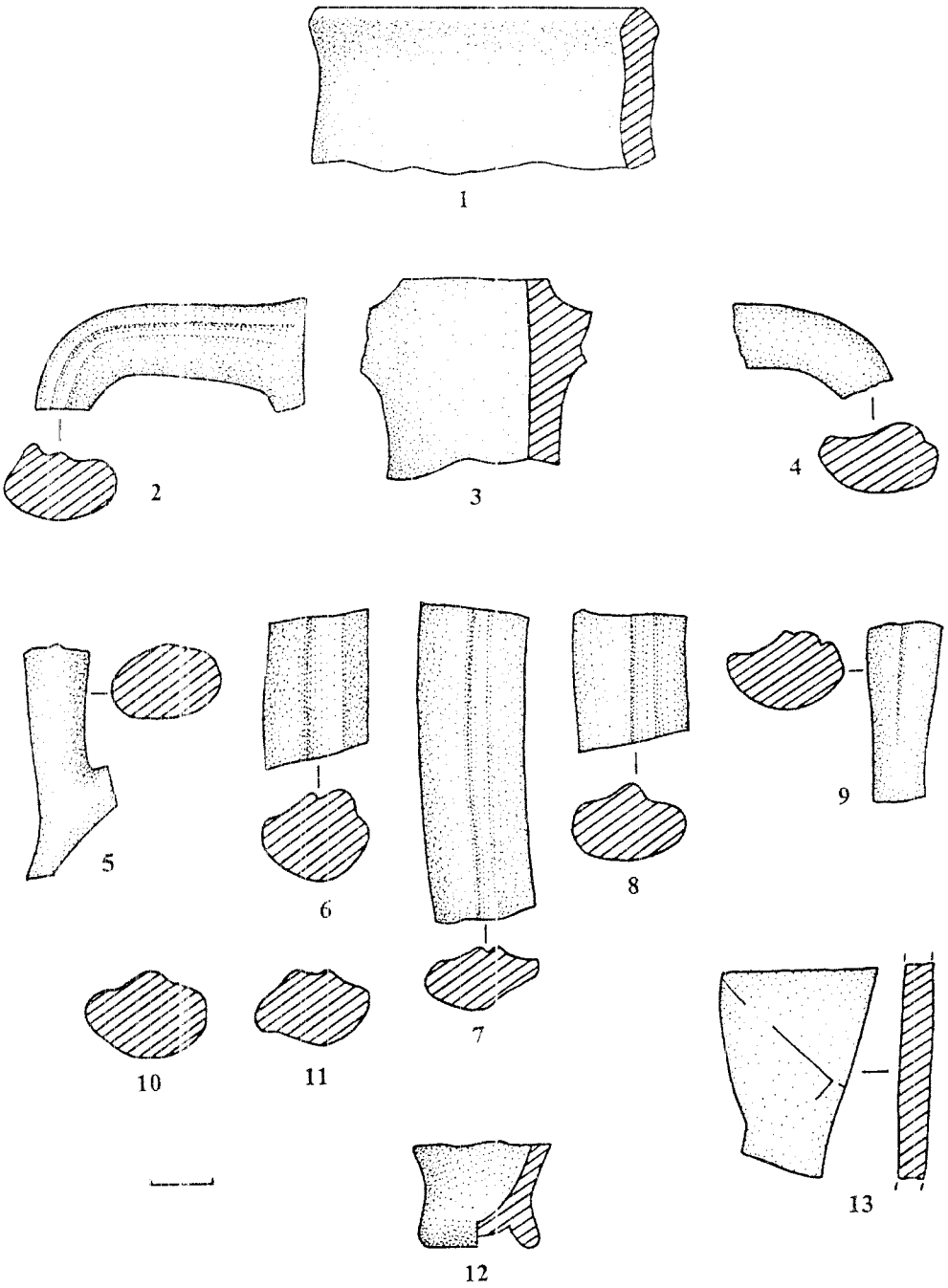


Рис. 10. Фрагменты амфор из остатков тризны на курганах 3 и 4: 1-12 – курган 3 и 4; 13 – стенка гончарного сосуда из кургана 3.

Курган 4 находился в 35 м к юго-востоку от кургана 3. Аналогично предыдущей, насыпь едва выделялась более светлым перемешанным грунтом и большим количеством керамического боя на поверхности. Высота не превышала 0,15 м, диаметр около 20 м. Погребений в насыпи не обнаружено (рис. 9,3). На поверхности и в насыпи собрано большое количество фрагментов стенок и ручек узкогорлых светло- и розовоглиняных амфор с профилированными ручками (рис. 10,2-12).

Судя по обнаруженным материалам, курганы 3 и 4 относятся к поминальным насыпям с остатками тризны по погребенному в кургане 2 индивиду. В 1989 году при раскопках четырехметрового кургана 5, в его северо-восточной поле было отмечено скопление боя светлоглиняных узкогорлых амфор. Судя по всему, это скопление не имеет отношения к единственному впускному рядовому сарматскому погребению в юго-восточной поле насыпи. Не исключено, что оно также относилось к погребально-поминальному комплексу курганов 2, 3 и 4.

Преобладающую группу погребений в исследованных курганах составляли захоронения ямной культуры – 6, представлявших 46,7% от всех раскопанных комплексов. Два из них – погребение 11/1 и 12/1, захороненные в центральной части курганной насыпи, являлись основными. Остальные располагались либо по кругу, либо на северо-восточной периферии кургана. Следов каких-либо досыпок, связанных со вторым основным захоронением, не прослежено. Погребения, в тех случаях, когда это удавалось проследить из-за специфики грунта, совершались в простых прямоугольных ямах, перекрытых деревом. В двух случаях на дне погребальных камер отмечены остатки растительной подстилки. Часто скелет и дно ямы, вероятно, в очистительных целях посыпались древесными угольками – погребения 2, 7, 9 и 11. Положение погребенных представлено двумя основными позами. В четырех случаях (в их числе оба центральных захоронений) погребенные лежали скорченно на спине и только в двух – на боку. Ориентация погребенных зависела от их положения в насыпи. Основные погребения были ориентированы в западном полукруге, первая группа впускных – против ходя часовой стрелки, вторая – хаотично. Только в одном случае (погребение 12) кости скелета оказались густо окрашены красной охрой.

Судя по характерным признакам погребального обряда, рассматриваемые комплексы относятся к типу III по классификации Е.В. Ярового, культурно-хронологической группы ямной культуры (Яровой 1985, 103). Ей же соответствует и погребальный инвентарь, обнаруженный в 4 погребениях. В большинстве случаев он состоит из 1, 3 или 13 невыразительных кремневых отщепов без дополнительной обработки. Только в погребении 7 вместе с набором отщепов найдена ножевидная пластинка, характер залощенности рабочей части которой не исключает использования ее в качестве вкладыша серпа. Особый интерес представляет находка двух наконечников стрел: один, с выемчатым основанием «катакомбного типа», в районе височной кости (погр.9), другой – в области шейных позвонков (погр. 11) погребенных. Плохая сохранность скелетов не позволила с достаточной долей уверенности заключить, было ли это результатом смертельных ранений, либо следствием каких-то других, погребальных манипуляций. По наблюдениям Е. Ярового, большинство из учтенных им наконечников с выемчатым основанием, были найдены в костях погребенных (Яровой 1985, 80).

Два погребения (5 и 6), судя по всему, относятся к катакомбной культуре. Именно для нее характерно локальное посыпание частей скелета охрой и, в редких случаях, древесными угольками (Дергачев 1986, 99). Сосуд из погребения 6, надо полагать, относится к наиболее широко распространенным в катакомбных погребениях керамическим формам (Дергачев 1986, 103-104).

Культурную принадлежность погребения 4, из-за более чем плохой сохранности скелета и отсутствия сопроводительного инвентаря, определить не представляется возможным. Следующая культурно-хронологическая группа погребений представлена одним впускным и одним основным сарматскими комплексами, речь о которых пойдет ниже.

Последними по времени захоронениями в рассматриваемых курганах оказались позднекочевнические погребения 1/2 и 1/3. Ориентированные в северо-западном секторе, скелеты лежали в узких прямоугольных ямах. Кроме того, индивид, захороненный в погребении 2/1,

был помещен в долбленую колоду и сопровождался достаточно представительным сопроводительным инвентарем. Погребения в досчатых гробах или в колодах иногда встречаются у средневековых кочевников Днестровско-Прутского междуречья (Кетрару и др. 1985, 69, рис. 11,6) без уловимых различий в социальном положении умерших. Зачастую материалы, обнаруженные в них, качественно не отличаются друг от друга. Не исключено, что обычай погребения соплеменников в различных внутримогильных сооружениях применялся кочевниками значительно чаще, но из-за плохой сохранности органических материалов редко уловим.

Погребение в кургане 3 оказалось преднамеренно разрушенным. Судя по положению сохранившихся в анатомическом порядке костей, разрушение производилось спустя некоторое время после погребения, людьми принимавшими в нем участие. В противном случае, захоронение, совершенное на периферии незначительной насыпи, отыскать было бы довольно затруднительно. Следует исключить также вероятность ограбления. Исследования хорошо сохранившихся позднекочевнических комплексов не дают для этого никаких оснований. Разрушенные погребения средневековых кочевников достаточно часто встречаются в междуречье Днестра и Прута, однако, отсутствие в них каких-либо материалов не даёт возможности для однозначного объяснения обряда.

Инвентарь погребения 2/1 характерен для позднекочевнических древностей региона. Аналогии золотой аппликации, украшавшей оконцовку ремня, остались неизвестны. Судя по всему, она является индикацией более ранних наконечников ремней. Лук и стрелы относятся к наиболее распространенным видам вооружения кочевника. Непосредственно связанные с ними колчаны, в связи с недолговечностью шедших на их изготовление материалов, сохраняются в погребальных комплексах, надо полагать, много реже их реального распространения в древности. Фрагменты колчанов различной конструкции достаточно часто встречаются в погребениях средневековых кочевников междуречья (Кетрару и др. 1990, рис. 4; Чирков 1990, 165, рис. 5,1-5 и др.). Однако, для уточнения времени их совершения они мало информативны. Наконечники стрел, находившиеся в колчане, также дают довольно широкую дату. Аналогичные наконечники - обычная находка на восточноевропейских памятниках IX-первой половины XIII в.н.э. (Медведев 1966, 70, табл. 12,35;16,14;18,22,23). Этим временем, пожалуй, следует датировать и рассматриваемый комплекс.

В количественном соотношении погребения различных археологических культур тецканских курганов сопоставимы с находившимися в сходных природно-климатических условиях каменскими (Манзура и др. 1992, 95) и мокрянскими (Кашуба и др. 2001-2002, 225) курганами. Отмеченные материалы, надо полагать, отражают реальные культурно-исторические изменения, происходившие в среде населения лесостепного пояса Среднего Днестра и Прута, исповедовавшего курганный обряд погребения.

Сарматская культура в материалах тецканских курганов представлена двумя качественно и, судя по всему, хронологически различными комплексами. Погребение 10, впущенное в вершину кургана 1, выделяется из сарматских древностей Днестровско-Прутского региона использованием в погребальном обряде камня, сравнительно часто встречаемого в восточных областях, и окраской черепа ярко-красной краской. Пигментация костей погребенных в сарматской культуре - явление исключительно редкое. Рассматривая возможные причины окрашивания скелета погребения 4 кургана 1 у с. Мэкра, нами было высказано предположение, что оно могло произойти непреднамеренно, в результате контакта с органическими материалами (Кашуба и др. 2001-2002, 226). Материалы Усть-Каменского могильника, казалось бы, подтверждают нашу гипотезу. Так, в результате использования при засыпке погребальной камеры кургана 21 кембрийской глины кости скелета оказались частично окрашенными в синий цвет. Лобные кости женщины в кургане 69 были окрашены в розовый цвет (Костенко 1993, 13 и 75) - отпечаток головного убора? Между тем, характер пигментации черепа в рассматриваемом комплексе свидетельствует о преднамеренной посыпке его красной охрой. Не вдаваясь в проблему культа головы у ираноязычных народов Евразийских степей как священной части тела (Дмитриев 1997), отметим только, что его наличие у сармат, также как и ритуально-практические действия связанные с окрашиванием тел погребенных минеральными красками,

могут быть подтверждены в результате дальнейшего накопления фактов. Время совершения погребения определяется одноручным гончарным кувшинчиком, покрытым бурым лаком. Полные аналогии ему нам не известны. Однако, генетически близкие ему сосуды, являющиеся дальнейшим развитием этой керамической формы, достаточно широко представлены в различных памятниках Северного Причерноморья. В Крымских могильниках у дер. Ново-Отрадное и Илурата типологически близкие кувшины происходят из комплексов I в.н.э. (Арсеньева 1970, 135, табл. 1-,2.9; Хршановский 1998, 85, табл. 3,4.6). Этим же временем датируются погребения с аналогичными сосудами некрополя Кобякова городища на Нижнем Дону (Косяненко 1980, 221, рис. 2,1.5) и Усть–Каменского могильника в Поднепровье (Костенко 1993, 77,107, рис. 25,25). Только в одном случае кувшин достаточно близкой формы из погребения 158 могильника Бельбек IV датируется сопровождающими материалами концом I - первой половиной II в.н.э. (Журавлев 2001, 107, рис. 6,4). По характеру оформления венчика и качеству выделки, рассматриваемый кувшин стоит ближе к ранним образцам, датируемым первой половиной – серединой I в.н.э. Подтверждением ранней даты погребения 10/1 служат и некоторые детали погребального обряда. Так, совершение захоронения в центре насыпи свидетельствует в пользу его закладки в эпоху интенсивного осваивания междуречья сарматами в начале – середине I в.н.э. В последующий период погребения рядового сарматского населения совершались преимущественно в южных полах курганов, образуя, зачастую, в них небольшие могильники.

Оценивая масштабы произведенных затрат, понесенных трудовым коллективом при совершении основного захоронения кургана 2, можно говорить о его принадлежности к родоплеменной знати. В результате деятельности грабителей, для исследования остались доступны лишь архитектурные детали погребального комплекса. Следует отметить, что аналогий ему в Северном Причерноморье нам не известно. Ближайшие захоронения к круглых ямах в незначительном количестве известны на восточной окраине сарматского мира – в Заволжье и междуречье Волги и Дона (Скрипкин 1990, 181-182). Во всех случаях погребения находились под индивидуальными курганными насыпями, датируемыми I- началом II веками н.э. В нашем случае конструкция ямы оказалась усложнена вписанной в круг прямоугольной погребальной камерой. Правильные границы верхнего контура и наличие в ее северо-восточной части ступеньки исключают возможность обрушения стен.

Использование дерева в обустройстве погребальной камеры, отмечено на всем протяжении сарматской культуры преимущественно в элитных погребениях. В ранних комплексах – гробы либо остатки носилок (Смирнов 1989, 172), поздних, как пережиток предшествующей эпохи, это облицовка досками стен и дна погребальной камеры (Мошкова 1989, 178 и 192). В Северо-Западном Причерноморье конструктивно близкий настил отмечен в Соколовой могиле (Ковпаненко 1986, 12, рис. 6), датированной I в. н.э. Однако, плохая сохранность последнего не позволяет установить доподлинно его конструкцию. Остатки небольшого деревянного настила либо гроба прослежены под скелетом в катакомбном погребении кургана 10 у с. Казаклия (Агульников и др. 1999, 12, рис. 1,4), датируемого концом I- началом II в. н.э.

Насыпи курганов 3 и 4, располагавшиеся к юго-востоку от кургана 2 и не содержавшие одновременных их возведению погребений, отнесятся, по наличию на поверхности многочисленных остатков тризны, к специфической категории памятников – поминальным насыпям (Беспалый и др. 1989). Вместе с курганом 2 они составляли единый погребально-поминальный комплекс. Не исключено, как уже говорилось выше, что с ним связано также скопление амфорного боя в северо-восточной поле кургана 5 (раскопки 1999 г.).

Помимо низовий Дона, где традиция сооружения поминальных насыпей прослеживается с IV в. до н.э. по начало II в. н.э., близкий тецканскому погребально-поминальный комплекс исследован в низовьях Днестра. При раскопках могильника Зальц, на восточном берегу Кучургапского «лимана» был исследован сарматский курган 2 первых веков н.э. В 180 м к северо – северо-западу от него находилась поминальная насыпь – курган 3, представлявшая на момент раскопок пятно мешаного грунта высотой не более 0,15 м, с многочисленными остатками тризны на поверхности (Иванова и др. 2005, 9, 12, рис. 4,5; 6,1-3). Авторы раскопок, надо

полагать, по недоразумению определили впускное позднекочевническое погребение кургана 3 как основное, сарматское. Между тем, как детали погребального обряда и найденные при костяке стеклянные бусы, не дают для этого никаких оснований. Других поминальных насыпей сарматского времени в Северо-Западном Причерноморье нам не известно.

Остается открытым вопрос о последовательности сооружения кургана 2, поминальных насыпей 3, 4 и связанных с ними тризн. Были ли они насыпаны одновременно или же в течении какого-то времени, связанного с определенным циклом поминания умершего, на данный момент ответить невозможно. Фрагменты амфорной тары из остатков тризны позволяют наметить только общие хронологические рамки функционирования комплекса.

Определить, какому типу амфор принадлежит единственный из сохранившихся фрагмент венчика (рис. 10,1), оказалось довольно сложной задачей из-за его скромных размеров. По характеру оформления края и параметрам его можно отнести к одному из вариантов светлоглиняных широкогорлых амфор типа С III (Внуков 1988, 203-204, рис. 1,11-21). Время их использования точно не установлено. Чаще всего амфоры этого типа встречаются в слоях последней четверти I в. до н.э. – первой половины I в. н.э. Однако отсутствие среди амфорного боя характерных для них конусовидных ножек позволяет усомниться в такой атрибуции фрагмента. Пожалуй, с большим основанием его можно отнести к широко распространенной в Северном Причерноморье группе амфор с воронковидным горлом. Многообразие вариантов оформления венчиков и состав керамического теста представляет широкий выбор аналогий (Самойлова 1978, 255, 257, рис. 1,2-5). Датируются амфоры I-II вв. н.э. Косвенным подтверждением принадлежности рассматриваемого венчика этой группе керамической тары служат многочисленные фрагменты светлоглиняных узкогорлых амфор II в. н.э. с профилированными ручками. В рамках этого века, вероятно, ближе к его середине, следует отнести функционирование рассматриваемого погребально-поминального комплекса.

Общепризнанно, что архитектурная форма погребального памятника, его позиционирование в сакральной структуре конкретной ландшафтной микрозоны, являлось отражением определенных религиозно-мифологических представлений, существовавших у создавшего данный памятник этнотерриториального подразделения. Материальным воплощением этих концепций является Тецканский погребально-поминальный комплекс. Строители, сооружавшие его, материально реализовали свое видение идеальной модели Вселенной, ее упорядоченной системы. Одной из преследуемых ими практических целей было стремление обезопасить себя и свое сообщество от негативного воздействия потустороннего мира. Внешней границей, отделявшей мир живых от сакральной территории мертвых, служил овальной формы ровик. На ограниченной им площадке находилось погребальное сооружение, состоявшее из вписанного в круг квадрата – мандала ведийской мифологии. На всей территории Евразии круг издревле являлся символом неба или солнца, а квадрат – символом земли и алтаря. Противопоставление квадрата кругу определяло разные уровни составляющие микрокосмос (Топоров 1992, 100). Основной частью всякого сакрального знака является его центр. В большинстве мифологических систем середина мира наделялась максимальной магической силой, являясь источником космической гармонии, местом творения мира (Рабинович 1992, 428). Следовательно, погребенный в рассматриваемой гробнице ассоциировался в сознании соплеменников с обожествленным центром вселенной, призванный обеспечить благосостояние и процветание этноса. Курганная насыпь, возвышавшаяся над ним, олицетворяла идею мировой горы, находящейся в центре мира. Представляя наиболее распространенную модель вселенной в сознании апологетов, она делилась на три сферы: вершина -- обиталище богов, подножие – мир людей, а под горой находился нижний мир, мир мертвых (Топоров 1991, 311). Организующим началом схемы выступает тесно связанная с ней идея мирового древа в виде оси мира, связывающей микрокосм людей с микрокосмосом Вселенной. С образом мировой горы тесно связан культ камней, проявлявшийся в установке на возвышенных местах менгиров и совершении на них жертвоприношений. Являясь эквивалентом космического столпа, менгир, стоящий на вершине кургана. Символизировал идею мировой оси, воплощенной в погребенном под ним конкретном индивидууме, объединяющем все три сферы мироздания.

В этой связи, особый интерес представляет фрагмент стелы с сарматским знаком, обнаруженный в начале XX века в районе Тецкан. По рассказам крестьян, он был найден к югу от села, при нивелировке довольно крупного кургана содержавшего большое количество человеческих костей (Moroşan 1938, 38).

В Северном Причерноморье идентичные тецканской крупные одиночные тамги найдены на антропоморфной стеле в Запорожье, на плите с всадником из Малой Козырки, севернее Ольвии и собрании тамг из Кривого Рога. Территориально широкий разброс памятников маркирует пути миграций крупного сарматского рода или племени внутри аорского племенного союза, либо его поступательное движение на запад, к границам Римской империи. Невозможность узкой датировки камней, суммарно относимых к середине I – середине II вв., не позволяет отследить последовательность нанесения на них знаков, не исключает права на существование обоих версий. Однако, последний вариант представляется более перспективным. Значительное увеличение в междуречье в первой половине II в. сарматского населения, оставившего крупные могильники с ровиками, тяготеющие к речным долинам – зимникам (?), фиксирует проявлении е в регионе многочисленной орды. С ней, судя по всему, связано появлениие в регионе стел с тамгами, призванными демонстрировать претензии новых хозяев на обладание окружающей территорией. Связь человеческих костей из разрушенного крестьянами кургана со стелой практически не доказуема, что, впрочем, не принципиально. Сам факт соседства менгира со знаком и погребально-поминального комплекса социально значимого представителя сарматского общества, свидетельствует о существовании в районе Тецкан сакральной зоны, располагавшейся в центре племенной или родовой территории, служившей местом почитания предков.

Краткий анализ архитектоники погребально-поминального комплекса кургана 2 свидетельствует о существовании у сармат элементов культура обожествленного предка. Текцканский «мавзолей», ставший своеобразным храмом мифопоэтизированного героя – первопредка либо родоначальника «царской» династии рода, на протяжении какого-то времени посещался соплеменниками, совершавшими на околокурганном пространстве определенные ритуально-практические действия, результатом которых являются поминальные насыпи с остатками тризн или жертвоприношений. Прекращение его функционирования, надо полагать, было связано с какими-то экстраординарными событиями, вынудившими их покинуть могилы предков. Позднее конструктивно близкие тецканской тамги встречаются в Северном Причерноморье на различных предметах вплоть до IV в. н.э.

Показательно наличие в Нижнем Поднестровье аналогичного Тецканскому погребально-поминального комплекса. Не исключено, что дальнейшие поиски приведут к открытию аналогичных сооружений в местах длительного пребывания отдельных сарматских родов, устанавливавших на них антропоморфы своих обожествленных предков.

Библиография

Агульников и др. 1999: С.М. Агульников, В.Г. Бубулич, Сарматский курган I в. н.э. у с. Казаклия. В сб.: Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья . К 100-летию Б.Н. Гракова (Запорожье 1999), 10-15.

Арсеньева 1970: Т.М. Арсеньева, Могильник у дер. Ново-Отрадное. В сб.: Поселениия и могильники Керченского полуострова начала н.э. МИА СССР 155, 1970, 82-149.

Беспалый и др. 1989: Е.И. Беспалый, Н.Н. Головкова, П.А. Ларенок, Поминальные памятники IV в. до н.э. – III в. н.э. Доно-Кагальницкого водораздела. СА 3, 1989, 154-162.

Внуков 1988: С.Ю. Внуков, Широкогорлые светлоглиняные амфоры Северо-Западного Крыма. СА 3, 1988, 198-206.

Дергачев 1986: В.А. Дергачев, Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы (Кишинев 1986).

Дмитриев 1997: С.В. Дмитриев. Тема отрубленной головы и политическая культура народов Центральной Азии (общеазиатский контекст). Стратум: структуры и катастрофы (Санкт Петербург 1997), 212-219.

Журавлев 2001: Д.В. Журавлев, О датировке *castern sigillata B* из юго-западного Крыма. Археологія 3, 2001, 99-117.

Иванова и др. 2005: С.В. Иванова, В.Г. Петренко, Н.Е. Ветчинникова, Курганы древних скотоводов в междуречье Южного Буга и Днестра (Одесса 2005).

Кашуба и др. 2001-2002: М.Т. Кашуба, С.И. Курчатов, Т.А. Щербакова. Кочевники на западной границе Великой степи (по материалам курганов у с. Мокра. Stratum Plus 4, 2001-2002 (Санкт Петербург, Кишинев, Одесса, Бухарест 2001-2002), 180-252.

Кетрару и др. 1990: Н.А. Кетрару, В.П. Хахеу, Чокалтенские курганы. В сб.: Археологические исследования в Молдавии 1985 году (Кишинев 1990), 49-73.

Ковпаненко 1986: Г.Т. Ковпаненко, Сарматское погребение I в. н.э. на Южном Буге (Киев 1986).

Костенко 1993: В.И. Костенко, Сарматы в Нижнем Поднепровье (по материалам Усть-Каменского могильника) (Днепропетровск 1993).

Косяненко 1980: В.М. Косяненко, Краснолаковая керамика из некрополя Кобяково городища (по материалам 1956-1962 гг.). СА 3, 1980, 214-223.

Манзура и др. 1992: И.В. Манзура, Е.О. Клочко, Е.Н. Савва, Каменские курганы (Кишинев 1992).

Медведев 1966: А.Ф. Медведев, Ручное метательное оружие VIII-XIV вв. САИ. Вып. Е 1-36 (Москва 1966).

Мошкова 1989: М.Г. Мошкова, Средьесарматская культура. Позднесарматская культура. Археология СССР. Степи евразийской части СССР в скифо-сарматское время (Москва 1989), 177-202.

Рабинович 1992: Е.Г. Рабинович, Середина мира. Мифы народов мира. Том 2 (Москва 1992), 428-429.

Самойлова 1978: Г.Л. Самойлова, Основные типы амфор I-IV вв. н.э. из Тиры. В сб: Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья (Киев 1978), 254-266.

Скрипкин 1990: А.С. Скрипкин, Азиатская сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект (Саратов 1990).

Смирнов 1989: К.Ф. Смирнов, Савроматская и раннесарматская культура. Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время (Москва 1989), 165-177.

Топоров 1991: В.Н. Топоров, Гора. Мифы народов мира. Том 1 (Москва 1991), 311-315.

Топоров 1992: В.Н. Топоров, Мандала. Мифы народов мира. Том 2 (Москва 1992), 100-102.

Хршановский 1998: В.А. Хршановский, Погребения I-II вв. н.э. с краснолаковой керамикой из некрополя Илурата. Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. I. ТГИМ 102, 1998, 77-87.

Чирков 1990б: А.Ю. Чирков, Новые данные о поздних кочевниках. В сб: Археологические исследования молодых ученых Молдавии (Кишинев 1990), 158-168.

Яровой 1985: Е.В. Яровой, Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР (классификация погребального обряда) (Кишинев 1985).

Moroşan 1938: N.N. Moroşan, Semn ieroglific dintr'un ungar din Basarabia. Buletinul muzeului regional al Basarabiei din Chişinău. Nr. 8, 1937 (Chişinău 1938), 36-45.

Виктор Глазов,
Отдел реставрации и охраны памятников,
г. Владимир, Россия

Сергей Курчатов,
Институт Археологии и Этнографии, Академия Наук Республики Молдова,
ул. Митрополит Бэнулеску-Бодони 35, MD-2012 Кишинэу, Республика Молдова

Уникальный погребальный комплекс на Нижнем Днестре (по материалам курганного могильника у с. Хлиная (Глиное)*

Игорь Четвериков, Тирасполь
Валерий Бубулич, Кишинэу

În lucrarea de față se publică un complex funerar unicat pentru zona Nistrului Inferior, descoperit în anul 2001 în procesul explorării tumulului nr. 50 din necropola tumulară de la Hlinaia (Glinoe). În acest tumul a fost cercetat un complex din trei morminte. Mormântul № 2 (principal, colectiv) se datează în sec. III-II î. e.n., mormântul 3 (auxiliar) se încadrează în sec. IV-V e.n., iar mormântul № 1 (auxiliar) nu a putut fi determinat cultural-cronologic. După toate probabilitățile, jefuirea mormântului central s-a produs în momentul săpării gropii mormântului № 3. În afară de mormântul № 3, în necropolă anterior s-au mai descoperit alte două înmormântări auxiliare (2/1 şi 38/2) datate în a doua jumătate a sec. III-IV e. n. Această împrejurare ne permite să presupunem că necropola din sec. III-II î. e. n. a fost suprapusă de un cimitir din perioada de început a migrației popoarelor, aparținând unui grup cultural deosbit.

В настоящей работе публикуется, уникальный для Нижнего Поднестровья погребальный комплекс, обнаруженный при раскопках кургана № 50, в курганном могильнике у с. Хлиная (Глиное) в 2001 году. В кургане исследован комплекс из трех самостоятельных погребений, объединенных центральной катакомбой с подзахоронением через дополнительный входной колодец. Погребение № 2 (основное, коллективное) относится к III-II вв. до н. э., погребение № 3 (впускное) относится к IV-V вв. н. э. и погребение № 1 (впускное) не определено. Вероятно, ограбление центральной катакомбы произошло в момент совершения захоронения № 3. Кроме него в могильнике у с. Хлиная (Глиное) открыто 2 впускных погребения (2/1 и 38/2) второй половины III – IV вв. н. э. с ориентировкой погребенных в северном полукруге. Это позволяет предположить, что на могильник III-II вв. до н. э. у с. Хлиная (Глиное), наложился более поздний могильник, другой культурно хронологической группы.

The paper publishes a burial complex, which is a unique one for the Low Dniester Zone and which was unearthed during the excavations of Tumulus №50 of the barrow burial ground in the vicinity of the Village of Hlinaja (Glinoe) in 2001.

A complex of three separate burials, united by a central catacomb with a sub-burial through an entrance shaft has been surveyed. Burial №2, which is the main and collective one, is dated back to the III-II centuries b. c., burial №3, which is an inlet one, is dated back to the IV-V centuries a. d. and burial №1, which is an inlet one, is not determined. Probably, the robbery of the central catacomb took place at the moment of carrying on burial №3. Besides, 2 inlet burials (2/1 and 38/2) of the second half of the III-IV centuries a. d., the orientation of the Buried is within the northern semicircle, were discovered in the burial in the vicinity of the Village of Hlinaia (Glinoe). It allows us to assume that another later burial of another cultural group was made in the burial of the III-II centuries b. c. in the vicinity of the Village of Hlinaia (Glinoe).

Как известно, раскопки 1896-1911 гг. в Тираспольском уезде Херсонской губернии до сих пор считаются одними из самых грандиозных в истории археологии Северозападного причерноморья. Всего супругами И.Я. и Л.С. Стемпковскими было исследовано 412 курганов, 64 из которых А.И. Мелюкова отнесла к скифскому времени (Мелюкова 1962). В свою очередь, отсутствие надежных хронологических индикаторов породило в начале 90-х гг. XX века серьезную научную проблему, связанную, в первую очередь, с датировкой раскопанных Стемковскими катакомб: в научной литературе эти комплексы получили специальный термин «Тираспольская группа» (Четвериков 2004, 279-282). Эти памятники стали более понятными только после 1995 года, в ходе изучения вновь открытого для науки курганного могильника у с. Хлиная (Глиное) Слободзейского района на Нижнем Днестре (Мелюкова 1962, 131, 137-138, табл. 8,6; 10,2.5). В настоящий момент не вызывает сомнений принадлежность этих комплексов к погребальным памятникам круга Тираспольской группы. Появление датирующего материала (клейменые античные амфоры, бронзовые фибулы и пр.) позволило обрисовать хронологическую позицию могильника – вторая половина III – начало II вв. до н. э. (Четвериков 2002, 234).

В настоящей работе публикуется, на наш взгляд, уникальный для Нижнего Поднестровья погребальный комплекс, обнаруженный при раскопках кургана № 50 (2001 г.). Насыпь,

---

* Географические названия соответствуют Закону о территориально-административном устройстве Республики Молдова, № 764-XV, от 27.12.2001 года.

находившаяся на южной окраине могильника, была снивелирована в 60-е годы при строительстве ограждения тракторной бригады и в рельефе не читалась. Курган локализован по выбросам материковой глины на уровне современной дневной поверхности (далее сдп)[1]. Раскопки его были затруднены наличием на данном участке не подлежащих вырубке плодовых деревьев.

В кургане исследован комплекс из трех самостоятельных погребений, объединенных центральной катакомбой с подзахоронением через дополнительный входной колодец.

Погребение 1 (неопределенное, впускное) - обнаружено в 4,2 м к юго-востоку и на глубине 0,75 м от Ro, в заполнении колодца подзахоронения погребения 2. Контур погребального сооружения проследить не удалось: скорее всего, это был небольшой подбой.

Костяк полугодовалого ребенка лежал в вытянутом положении на спине головой на север северо-восток, лицевой частью вверх (рис.1,1). Руки прямые, вытянуты вдоль тела: общая сохранность скелета плохая. Подстилки под костяком не отмечено, погребальный инвентарь отсутствовал.

Погребение 2 (III-II вв. до н.э., основное, коллективное) - обнаружено на глубине 0,2 м от уровня сдп. Погребальное сооружение представляло собой катакомбу типа III варианта 2А по В.С. Ольховскому (Ольховский 1991, 28, табл. XII,7).

Основной входной колодец вытянутой трапециевидной формы с умеренно округленными углами длиной - 1,9 м, шириной - от 1,3 до 1,45 м и глубиной от Ro - 2,3 м был ориентирован по линии запад-восток. К югу от него на уровне погребенной почвы встречены небольшие комья рыхлой материковой глины от почти целиком сброшенного в колодец выкида. Здесь же обнаружены следы тризны – невыразительные фрагменты стенок античной красноглиняной амфоры. Почти по центру западной стены колодца, на глубине 1,1 м от Ro была высечена вертикальная полусферическая в плане ступень, носящая следы сильного рабочего износа. Вдоль южной стены, частично захватывая юго-западную часть сооружения и, примыкая к ступени, были устроены два последовательных уступа Г-образной в плане формы. Их глубина от Ro составила соответственно - 1,45 и 1,6 м (рис. 1,1). Дно колодца горизонтальное. На стенах сооружения читались следы работы орудием в виде вертикальных желобчатых борозд шириной до 5,5 см. На западной стене, ближе к северо-западному углу, сохранились участки со следами тщательной затирки плоскости.

На всю глубину основной входной колодец был заполнен рыхлой материковой глиной с сильной примесью затечного чернозема. Затек является следствием ограбления: грабительский ход, полностью разрушив восточную стену, выходил к устью входа в дромос. Затечное заполнение дало возможность установить максимальную ширину грабительского хода - 1,3 м. С глубины 1,16 м от Ro в заполнении колодца фиксировались разрозненные человеческие кости. Основная их масса залегала на участке, прилегающем к ступени и юго-западному углу, на глубине от 1,6 до 2,1 м от Ro (рис. 1,1). Достоверно установлено наличие в основном входном колодце останков четырех человек, костяки были извлечены грабителями из камеры, вероятно, для более тщательного осмотра, а затем, сброшены в заполнение колодца. Антропологическое изучение останков[2] показало, что в погребальной камере находились останки трех мужчин в возрасте 25-30, 40-50, 50-55 лет и женщины 40-50 лет. У второго мужчины наблюдается сильная скошенность резцов, в то время как последний страдал остеоартритом суставов запястья (кости срослись).

---

[1] Доступная для исследования площадь могильника, за исключением отдельных участков, подверглась трехкратной плантажной вспашке: насыпи, за редким исключением, были полностью уничтожены. Поиск и локализация курганов проводились шурфами или вспашкой доступных участков, раскопки шли исключительно вручную. Небольшая глубина залегания древнего горизонта (20-25 см) в сочетании с ярко-желтым заполнением основных входных колодцев сделало реальной фиксацию объектов уже после первого штыка. За Ro принимался в таких случаях один из углов основного входного колодца на уровне древнего горизонта. При наличии сохранившейся насыпи репер выбирался обычным путем.

[2] Антропологические определения сделаны сотрудником Института археологии и этнографии АН РМ А. Варзарем.

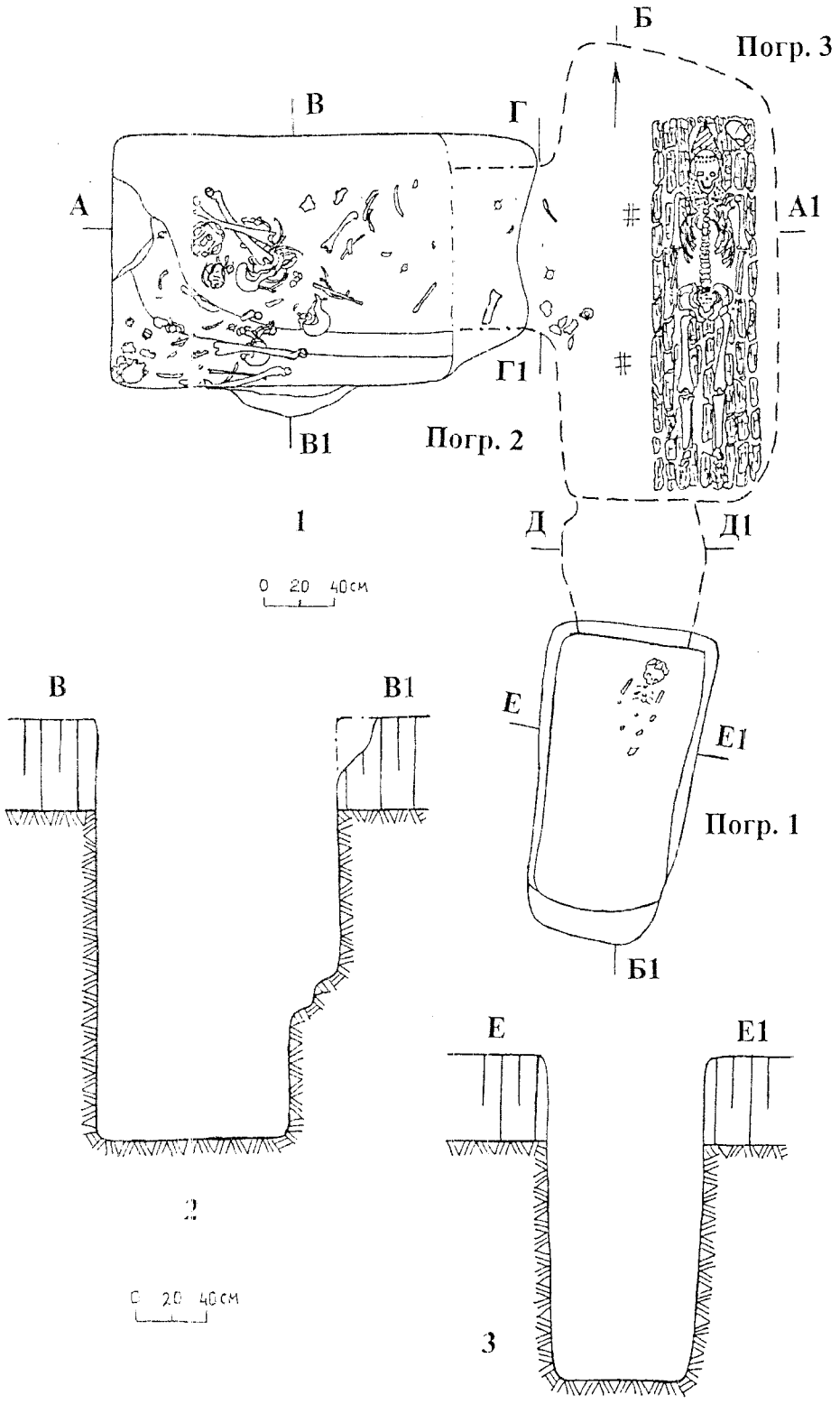


Рис. 1. 1- Общий план погребального комплекса кургана 50 курганного могильника у с. Хлиная (Глиное); 2 – Профиль ВВ1 – западного входного колодца в центральную катакомбу; 3 – Профиль ЕЕ1 – южного входного колодца в центральную катакомбу.

Ориентированный по оси входного колодца дромос был практически разрушен грабительским ходом - уцелел небольшой его участок перед устьем погребальной камеры. Наблюдения показали, что дромос был прямоугольным в плане и арочным в сечении длиной - 0,55 м, шириной - 0,95 м и высотой – около 1 м. (рис.1,1; 2,3). Отдельные встречавшиеся в дромосе человеческие кости, возможно, остались при перемещении их к устью входа.

Погребальная камера под прямоугольной формы длиной - 2,5 м, шириной - 1,2 м и высотой - 1,2 м была ориентирована по линии север-юг (рис. 1,1). Свод сильно отслоился по всей площади: установить его форму не представлялось возможным. Горизонтальное дно зафиксировано на глубине 2,3 м от Ro. На северной стене камеры фрагментарно сохранились участки поверхности со следами вертикального заглаживания. По дну, отмечая место укладки погребенных, читался тлен бежевого цвета от растительной подстилки.

Подзахоронение было произведено через южную стену камеры. Для этого был использован дополнительный входной колодец вытянутой трапециевидной формы длиной - 1,8 м, шириной - от 0,65 до 0,93 м и отмеченной глубиной от Ro - 1,8 м, ориентированный по линии север северо-восток - юг юго-запад (рис. 1,1; 2,2). Со всех сторон колодец сужался ко дну, наиболее резко это сужение было выражено на юго-западной стенке. На всю глубину дополнительный колодец был заполнен рыхлой материковой глиной со значительной примесью чернозема. На стенах отмечены следы работы орудием в виде вертикальных желобчатых борозд, аналогичные были прослежены в основном колодце.

Дромос дополнительного колодца близкий в плане к трапеции и почти арочный в сечении длиной - 0,8 м, шириной - 0,6-0,8 м и высотой - 0,8 м был ориентирован по линии север-юг. Дно его имело плавный уклон к погребальной камере и находилось на 0,3 м выше ее дна, разница уровней была оформлена вертикальной ступенью (рис. 2,4).

Следов дополнительной обработки стен и свода в колодце и дромосе подзахоронения прослежено не было.

Находки: у устья входа в погребальную камеру были обнаружены остатки керамического комплекса погребения – фрагменты крупного лепного сосуда (рис. 3,5), фрагмент венчика лепной миски (рис. 3,4) и чернолаковый античный светильник (рис. 3,6). В основном входном колодце, среди останков погребенных были обнаружены бронзовый (рис. 3,2) и железный (рис. 3,3) наконечники стрел, рядом с которыми находился железный портупейный (колчанный) крючок (рис. 3,1).

Описание находок:

1. Исходя из фрагментов лепного сосуда, можно заключить, что они принадлежат крупной корчаге с широким устьем, орнаментированной под венчиком подтреугольным в сечении рельефным валиком. Изделие выполнено из плохо отмученного теста с большой примесью шамота и крупнозернистого песка. Обжиг несквозной, неравномерный, черепок в изломе трехслойный. Поверхность серовато-желтого цвета, с внешней стороны покрыта пятнами копоти. Толщина стенок сосуда - до 1,1 см (рис. 3,5).

2. Насколько можно судить по фрагменту лепной миски, изделие имело биконический корпус со сглаженным ребром. Венчик относительно широкий, наклонный, отогнут наружу. Внутренняя поверхность венчика сохранила следы лощения, внешняя хорошо заглажена. Хорошо отмученное тесто светло-коричневого цвета содержит редкие известняковые включения. Черепок в изломе трехслойный. Высота сохранившегося фрагмента - 5 см, ширина - 6,5 см, толщина стенок - 0,9 см, ширина венчика - 1,5 см (рис. 3,4).

3. Чернолаковый античный светильник найден во фрагментах, восстановлен полностью. Форма вместилища сферическая, уплощенная по вертикали, на кольцевидном вогнутом поддоне. Рожок длинный, без подъема, почти прямоугольный в плане, со слегка округлым окончанием и овальным отверстием. Плечики слегка закругленные внутрь к заливному отверстию, ограниченному по периметру желобком. В верхней части вместилища, ближе к рожку имеется треугольный в плане выступ. Глина светло-коричневая, характерная для аттических образцов, покрытая черным лаком хорошего качества. Внешний вид говорит о длительном использовании: лак стерт примерно на 30% поверхности, имеются многочисленные выбоины до 1 мм глубиной, сильно закопчено отверстие фитиля. Диаметр - 6,5 см, высота - 3,8 см, длина - 9,9 см, диаметр заливного отверстия - 2,0 см, размеры отверстия рожка 1,4 х 1,2 см (рис. 3,6).

Светильники этого типа, в целом, характерны для второй половины IV – первой четверти III в. до н. э. и широко известны в Северо-Западном Причерноморье. Ближе всего наш экземпляр находится к типу VIII по Э.А. Левиной (Левина 1987, 111, рис. 1,8; 3,8), что соответствует

типу 25-В по Хоуленду (Howland 1958, Pl. 38, 301-313).[1] Бытование их в более позднее время подтверждается находкой в Тире четырех аналогичных светильников в одном комплексе, датируемом по монетам и амфорной ручке концом III – началом II в. до н.э. (Клейман, Кравченко, Самойлова, Сон 1978, 45). Названная дата укладывается в рамки функционирования курганного могильника у с. Хлиная (Глиное) (Четвериков 2004, 282).

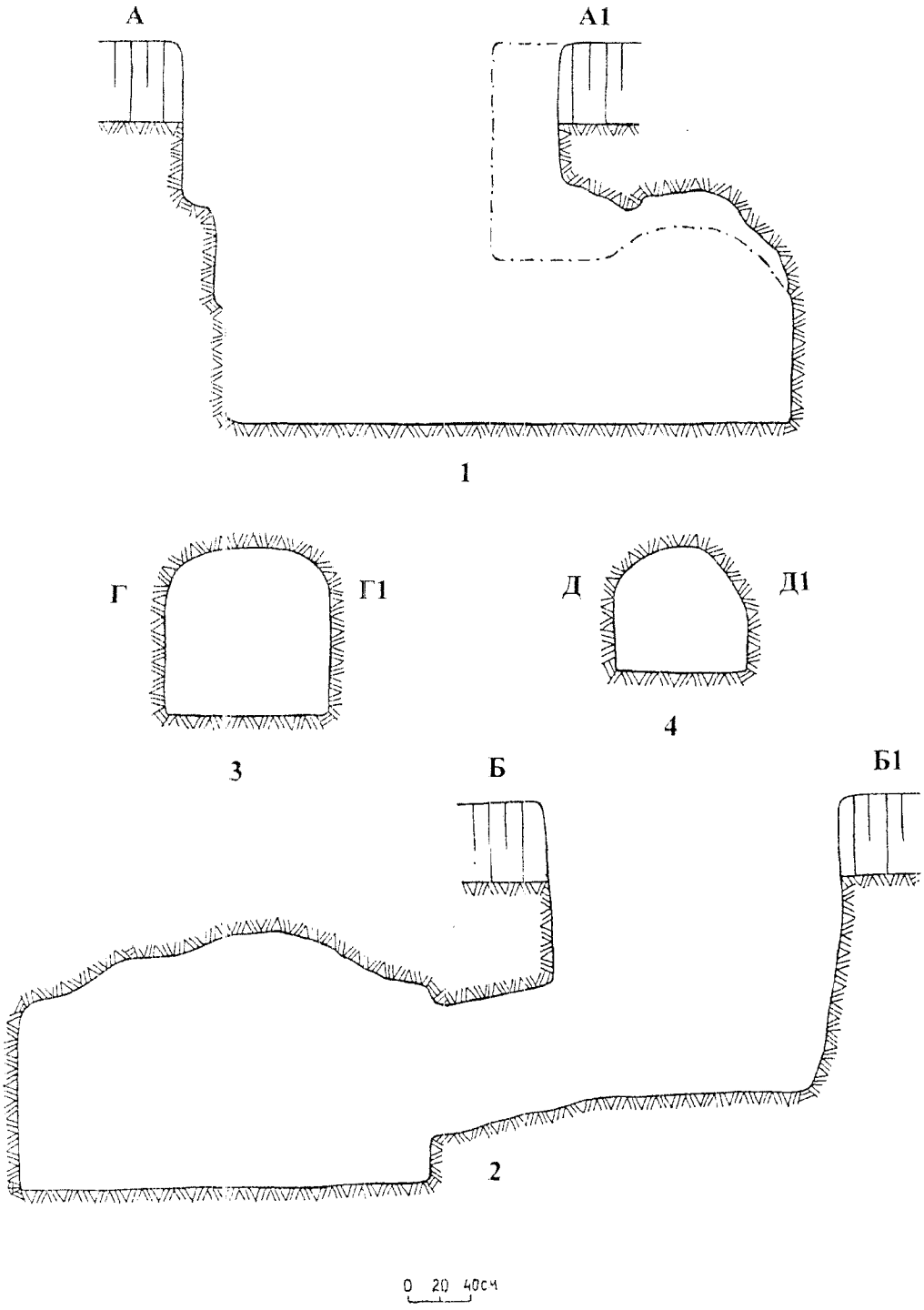


Рис. 2. 1 – Профиль АА1 – по оси Запад-Восток центральной катакомбы, дромоса и колодца; 2 – Профиль ББ1 – по оси Север-Юг центральной катакомбы и южного дромоса и колодца; 3 – Профиль ГГ1 – дромоса центрального колодца; 4 – Профиль ДД1 – южного дромоса, южного колодца.

[1] Авторы выражает глубокую признательность директору музея археологии ПГУ им. Т.Г. Шевченко А.И. Муссурову за определение светильника.

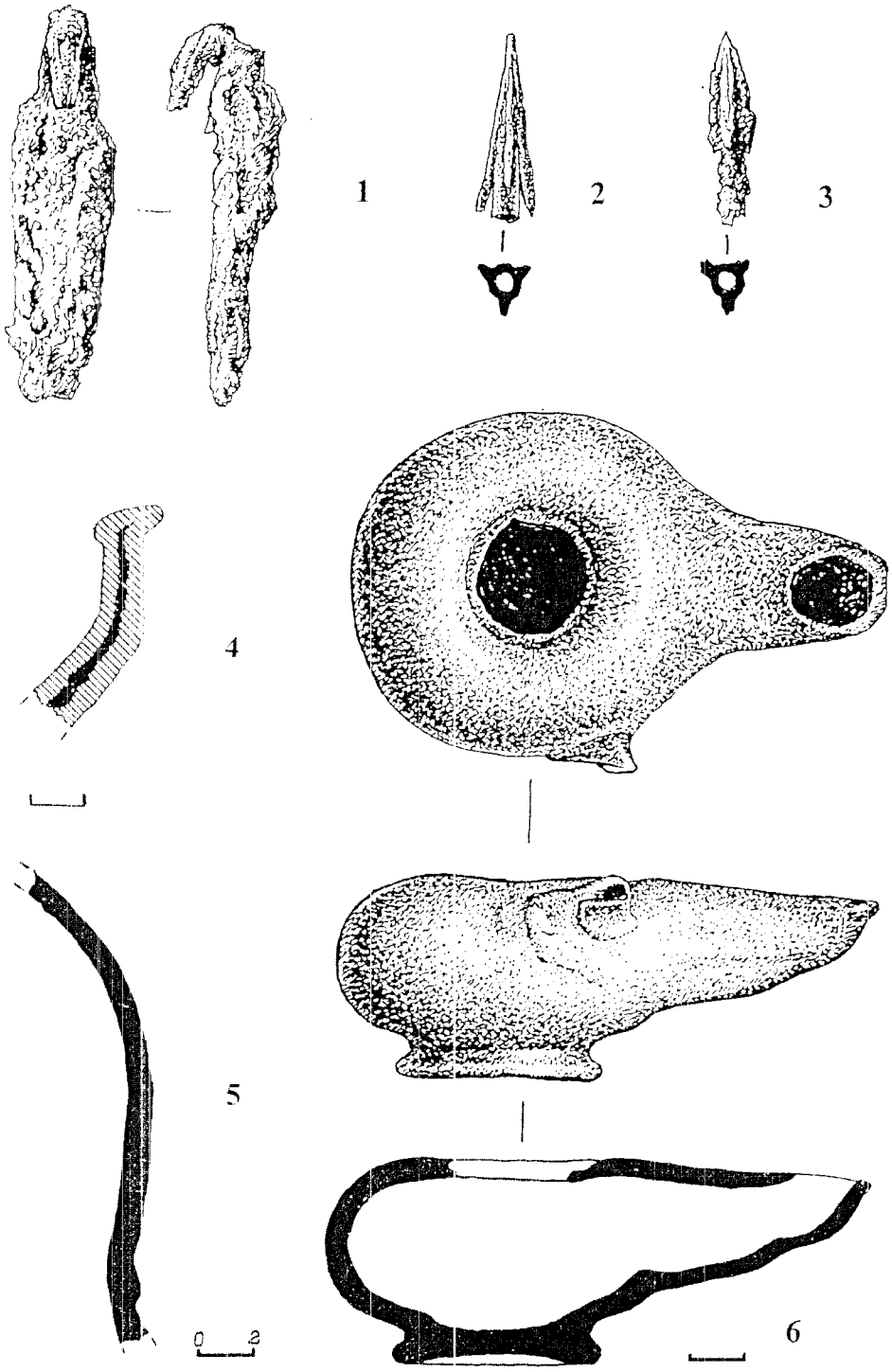


Рис. 3. 1 – Погр. 2. Железный портупейный (колчанный) крючок; 2 – Погр. 2. Бронзовый наконечник стрелы; 3 – Погр. 2. Железный наконечник стрелы; 4 – Погр.2. Фрагмент венчика лепной миски; 5 – Погр. 2. Фрагмент крупного лепного сосуда; 6 – Погр. 2. Чернолаковый античный светильник.

4. Бронзовый втульчатый трехлопастный наконечник стрелы имеет узкую вытянутую головку и средних размеров выступающую втулку. Лопасти срезаны к втулке под острым углом и оформлены как опускающиеся к ее краю шипы (один шип утрачен). На втулке имеется овальной формы сквозное отверстие. Верхняя часть наконечника заметно прогнута, скорее всего, деформация имеет естественные причины. Высота наконечника – 3,3 см, диаметр втулки – 0,3 см, высота втулки – 1,3 см. (рис. 3,2).

5. Железный трехлопастный наконечник стрелы имеет короткую, но массивную треугольную головку и выступающую, составляющую почти 1/3 общей длины наконечника, втулку. Лопасти

срезаны к втулке под прямым углом, внутри втулки сохранились фрагменты древка. Высота наконечника – 3,5 см, диаметр втулки – 0,5 см, высота втулки – 1,2 см. (рис. 3,3).

6. Железный колчанный крючок выполнен из округлого в сечении стержня, один из концов которого заострен и согнут наподобие клюва, в то время как центральная часть раскована. Одно из окончаний крючка утрачено из-за сильной коррозии. К раскованной части изделия прикипели фрагменты кожи и ткани. Общая длина крючка - 7 см, длина раскованной части - 5 см, диаметр стержня - 0,8 см, толщина раскованной части - 0,3 см (рис. 3,1).

Погребение 3 (впускное, эпохи переселения народов) - совершено на глубине 2,3 м от Ro, в ограбленной камере погребения 2 (рис. 1,1).

Костяк мужчины 25-30 лет лежал у восточной стены камеры в вытянутом положении на спине головой на север, лицевой частью вверх. Руки вытянуты вдоль тела, ноги прямые. Останки погребенного находились внутри гробовища длиной - 2,1 м, выполненного из досок шириной - до 6 см и толщиной - до 2 см: следов подстилки под телом отмечено не было. На черепе и под ним отмечен толстый слой серого ворса, возможно, от войлочной шапки – удалось проследить ее коническую конфигурацию. На верхней части туловища фиксировался равномерно расположенный толстый слой кожи желтого цвета. Характерно отсутствие кожи на лучевых костях и запястьях, не исключено, что это была куртка летнего типа. На тазовых костях, ближе к основанию позвоночного столба, читался поперечно расположенный темно-коричневый тлен от кожаного пояса шириной не более 2 см.

Находки: В 0,16 м к северо-востоку от черепа погребенного, внутри гробовища лежал на боку лепной кувшинчик (рис. 4,3). Головной убор венчала тонкая бронзовая пластина, обильно покрытая позолотой (рис.4,1). На черепе, под черепом и в области ключиц погребенного обнаружено 38 серебряных нашивных бляшек с внешней позолотой (рис. 4,2). На тазе погребенного, в слое темно-коричневого тлена от кожаного пояса, найдена золотая поясная пряжка (рис.4,4).

Описание находок:

1. Одноручный серолощеный гончарный кувшинчик с достаточно высоким коническим горлом и оформленным в виде низкого кольцевого поддона дном. Тулово биконических очертаний, с ребром перегиба в центральной части. Венчик короткий, слегка отогнут наружу, край закруглен. Ручка плоская, слабо профилированная, одним концом крепится к краю венчика, другим - к плечикам сосуда. Тулово покрыто вертикальными лощениями, которое особенно хорошо читаются в верхней части сосуда. Цвет внешней поверхности серый, с темными пятнами неравномерного обжига. Тесто с примесью известняковых частиц. Тулово орнаментировано над плечиками орнаментальным поясом высотой – 1,6 см, состоящего из сетки пересекающихся под углом пролощенных линий. Верхняя часть орнаментального пояса выделена слабо выраженным бортиком, а внизу ограничена линией плечиков. В нижней части тулова имеются два близко расположенных отверстия (результат долгого использования), послуживших, вероятно, причиной непригодности сосуда для дальнейшего употребления. Высота сосуда - 11,7 см, диаметр центральной части тулова - 9,2 см, диаметр венчика - 6 см, диаметр кольцевого поддона - 5 см, ширина ручки - 2,3 см, толщина ручки - до 0,4 см (рис. 4,3).

Сосуды похожих форм, качества и элементов орнамента распространены на памятниках различного культурно-хронологического диапазона, от Карпской культуры (Bichir 1973, 69-71, 81-82, pl. CXXI,1; CXXIV,2; CXLVIII,3; CXLIX,12), сарматской культуры (Grosu 1995, 119-121, fig. 3,2.8) до черняховской (Археология..1993, Табл. LXI,15; LXII,9.10) и датируются с конца I в н.э. до начала V в н.э. Таким образом, он не может являться культурно-хронологическим индикатором данного погребения.

2. Бронзовая пластина, служившая, вероятно, украшением головного убора, находилось в 14 см к северу от черепа погребенного. Изделие ромбовидное в плане, на окончаниях, видимо, имело по округлому расширению: сохранилось только одно из них. Края ромбовидной части оформлены едва различимым бортиком, лицевая часть пластины позолочена. Крепление пластины осуществлялась при помощи двух тонких гвоздевидных заклепок, шляпка одной из которых хорошо читается на лицевой части, в центре уцелевшего округлого расширения. Реконструируемая высота пластины – 3,8 см, ширина в центре – 1,5 см, толщина – 0,2 см (рис. 4,1)

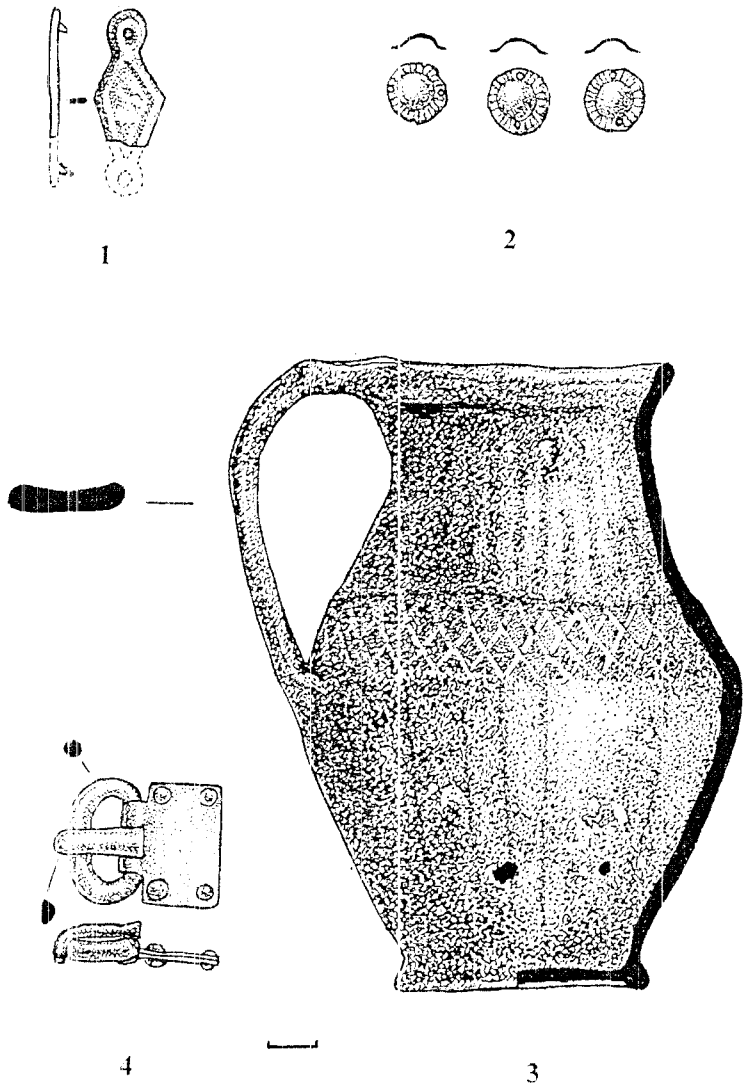


Рис. 4. 1 – Погр. 3. Бронзовая позолоченная пластина; 2 – Погр. 3. Серебряные позолоченные нашивные бляшки; 3 – Погр. 3. Сероглиняный гончарный кувшинчик; 4 – Погр. 3. Золотая поясная пряжка.

Остатки одежды и головных уборов известны в скифо-сарматское время довольно часто. Как отмечалось выше в погребении 3, был зафиксирован конусовидный головной убор, типа башлыка или клобука – шапка с заострённым верхом, боковыми и задней лопастями, доходившими до плеч. Видимо эта пластина и украшала спереди убор.

3. Нашивные бляшки – 38 штук, содержащие простой солярный орнамент, изготовлены из серебряной фольги одним штампом в технике тиснения. Изделия выпуклые в центральной части, лицевая сторона интенсивно позолочена. По краю каждой из бляшек пробито 2 диаметрально противоположных отверстия для нашивки на одежду и головной убор . Диаметр бляшек – до 1,3 см, толщина – 0,1 см (рис. 4,2).

Эта категория находок встречается практически во всем временном отрезке распространения скифских и савромато-сарматских племен от Поволжья и южного Предуралья до Кавказа и позднеантичных городов Северного Причерноморья, имея всевозможные формы и размеры с различными изображениями, выполненные главным образом посредством тиснения. Все аналогии, не видим смысла, давать. Наиболее близкие территориально и хронологически, это бляшки из кургана 22/1 сарматского курганного могильника Алкалия (Субботин, Дзиговский 1990а, 13, рис. 7,4.6) из кургана 9/1 Белолесского могильника (Субботин, Дзиговский 1990б, 16-17, рис. 13,9-11) и кургана 1/1 у с. Нагорное (Гудкова, Фокеев 1984, 39,40, рис. 12,3) в Днестро-Дунайском междуречье.

Как и в большинстве случаев, бляшки из погребения 50/3 Глинянского могильника пришивались в определенном порядке к головному убору, поскольку были найдены в районе головы, шеи и плеч как, например, в сарматском погребении 11 кургана 21 в группе Веселая Роща III Ставропольского края (Мирошина, Державин 1988, 153-155 рис. 7).

4. Все детали поясной пряжки выполнены из золота высокой пробы и отличаются хорошей сохранностью. Дужка овальной в плане формы, округлая в сечении и слегка уплощенная в передней части. Щиток прямоугольной формы, сделан из вдвое согнутой пластины. Края пластины щитка соединены 4 заклепками с округлой формы шляпками. Язычок полуовальный в сечении, длинный, одно его окончание сильно загнуто к дужке, другое – в верхней части срезано, образует петлю для крепления к основанию дужки. Длина щитка – 1,6 см, ширина щитка – 2,5 см, длина дужки – 1,5 см, ширина дужки – 2,5 см, диаметр дужки в сечении – до 0,4 см, длина языка – 1,8 см, ширина дужки в сечении у основания – 0,5 см, диаметр шляпок на заклепках – от 0,3 до 0,5 см. (рис. 4,4).

Пряжки подобной схемы – с широким прямоугольным щитком появляются в позднесарматско-гуннский период. Наиболее близкие аналогии происходят из гуннского погребения 2 кургана 8, курганного могильника Кубей в близи с. Червоноармейское Болградского р-на Одесской обл. Погребение впускное в яме с подбоем, в курган сарматского времени. (Субботин, Дзиговский 1990в, 17-20, рис. 17,9). Вторая похожая пряжка происходит из центрального погребения в катакомбе 1, кургана 14 в близи с. Казаклия Республики Молдова (Agulnikov, Simonenko 1993, 91-97, fig. 4, 2,3). В обоих случаях пряжки, серебренные, и датируются концом IV – первой половиной V вв. н.э.

И так, проведя сравнительный анализ, даже того не очень богатого материала из погребения 50/3 из курганного могильника у с. Хлиная (Глиное), мы видим его разно-культурное влияние. В связи с тем, что в погребении все-таки доминируют элементы кочевнического населения IV-V вв.н.э. и, учитывая политическую ситуацию на тот момент, авторы предлагают отнести данное погребение к гуннской культуре. К сожалению, мы не можем привлечь в качестве этно-хронологического индикатора погребальный обряд, поскольку совершенно очевидно, что ограбление и использование центральной катакомбы (позднескифского времени III-II вв.н.э.) произошло в момент совершения захоронения 50/3. Вынеся из погребальной камеры останки погребенных и инвентарь в освободившееся пространство камеры было уложено гробовище. Судя по длине гробовища (2,1 м), оно не могло быть развернуто по оси камеры по причине короткого (0,6 м) дромоса. Для устранения этого препятствия дромос мог быть расширен, при этом пострадала, видимо, и восточная стена основного входного колодца. Грубое вмешательство в арочную архитектуру дромоса и повреждение восточной стены вызвало впоследствии полное их обрушение. Есть и более простое объяснение – грабительский ход сразу обрушил восточную стену и дромос – такие случаи на могильнике у с. Хлиная (Глиное) отмечены неоднократно. Характерно, что эта методика ограбления (через основной колодец, а не подкопом или воронкой) на памятнике является единственной, что подтверждает ограбление могилы 50/2 именно в период совершения погребения 50/3.

Более сложен вопрос о причинах, вызвавших подзахоронение в камеру погребения 50/2 представителя другой культурно хронологической эпохи. Вероятнее всего катакомба была ограблена и использована в качестве усыпальницы преднамеренно. Можно предположить, что данный тип погребального сооружения и, соответственно, его ориентировка (меридиональная) подходили кочевникам эпохи переселения народов для совершения принятого в их среде погребального обряда.

В любом случае, исследованный в кургане 50 комплекс крайне интересен, поскольку является единственным на сегодняшний день не разграбленным памятником эпохи Великого переселения народов на Нижнем Днестре. Кроме него на могильнике у с. Хлиная (Глиное) открыто 2 впускных погребения (2/1 и 38/2) второй половины III–IV в. н.э. с ориентировкой погребенных в северном полукруге. Черняховский характер инвентаря этих захоронений резко контрастирует с отсутствием обычного для этой культуры грунтового могильника (Фидельский 2000, 60-67). Продолжающиеся на Нижнем Днестре исследования, возможно, выявят представительный пласт курганных и межкурганных древностей IV-V вв.н.э.

Библиография

Археология 1993: Археология СССР. Славяне и их соседи в конце I тысячилетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э (Москва 1993).

Гудкова, Фокеев 1984: А.В. Гудкова, М.М. Фокеев, Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I-IV вв.н.э (Киев 1984).

Клейман, Кравченко, Самойлова, Сон 1978: И.Б. Клейман, А.Ф. Кравченко, Т.Л. Самойлова, Н.А. Сон, Отчет о раскопках античной Тиры и средневекового Белгорода Белгород-Днестровской экспедицией в 1978 г. Архив ОАМ, инв. № 87701.

Левина 1987: Э.А. Левина, Светильники из раскопок Тиры (конец VI-I вв. до н.э.). В сб: Новые исследования по археологии Северного Причерноморья (Киев 1987)

Мелюкова 1962: А.И. Мелюкова, Скифские курганы Тираспольщины. МИА СССЗ 115, 1962.

Мирошина, Державин 1988: Т.В. Мирошина, В.Л. Державин, Сарматские погребения из могильника Веселая Роща III. СА 4, 1988, 146-156.

Ольховский 1991: В.С. Ольховский, Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII-III вв. до н.э.) (Москва 1991).

Субботин, Дзиговский 1990а: Л.В. Субботин, Ф.Н. Дзиговский, Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья (I). Курганные могильники Алкалия и Хаджидер II (Киев 1990).

Субботин, Дзиговский 1990б: Л.В. Субботин, Ф.Н. Дзиговский, Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья (II). Курганные могильники Дивизийский и Белолеский (Киев 1990).

Субботин, Дзиговский 1990в: Л.В. Субботин, Ф.Н. Дзиговский, Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья (III). Курганные могильники Васильевский и Кубей (Киев 1990).

Фидельский 2000: С.Ф. Фидельский, Сарматские погребения на могильнике позднескифского времени у с. Глиное. В сб: Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья (Тирасполь 2000) 60-67.

Четвериков 2002: И.А. Четвериков, Варварское населения Левобережья Нижнего Днестра во второй половине III в. до н.э. (попытка этнополитической реконструкции Тираспольской группы). В сб: Северное Причерноморье: от энеолита к античности (Тирасполь 2002) 234-245.

Четвериков 2004: И.А. Четвериков, О хронологическом разделении Тираспольской группы. В сб: Старожитності степового Причорномор'я і Криму (XI) (Запоріжжя 2004) 279-285.

Agulnikov, Simonenko 1993: S.M. Agulnikov, A.V. Simonenko, A late sarmatian bridle set from Moldova. Communicationes Archæologicæ Hungariæ 1993, 91-97.

Bichir 1973: Gh. Bichir, Cultura carpică (Bucureşti 1973).

Grosu 1995: V. Grosu, Ornamentica ceramicii sarmatice. Memoria antiqvitatis XX, (Piatra-Neamţ 1995) 111-122.

Howland 1958: R.H. Howland, Greek Lamps and their Survivals. The Athenian Agora (4) (Princeton, New Jersey 1958).

Игорь Четвериков,
Научно-исследовательская лаборатория "Археология", ПГУ им. Т.Г. Шевченко,
ул. 25 Октября 128, МД-3300 Тирасполь, Республика Молдова

Валерий Бубулич,
Институт Археологии и Этнографии, Академия Наук Республики Молдова,
ул. Митрополит Бэнулеску-Бодони 35, MD-2012 Кишинэу, Республика Молдова

CERAMICA LUCRATĂ CU MÂNA DIN AŞEZAREA ŞI NECROPOLA DE TIP SÂNTANA DE MUREŞ-ČERNJACHOV DE LA BUDEŞTI

Vlad Vornic, Chişinău

În articol este prezentată şi analizată amănunţit ceramica lucrată cu mâna descoperită în aşezarea şi necropola de tip Sântana de Mureş-Černjachov de la Budeşti. Materialul ceramic examinat a fost obţinut prin săpăturile arheologice efectuate la Budeşti de către E. Rikman în anii 1954-1957 şi de Gh. Cebotarenco şi T. Ščerbakova în 1973. În aşeşare olăria modelată cu mâna a fost utilizată într-o proporţie extrem de redusă, constituind circa 1% din întreg materialul recoltat. În necropolă însă cantitatea de ceramică executată cu mâna este mai mare. Din totalul de 201 vase întregi sau întregite folosite ca urne şi capace sau depuse ca ofrandă în morminte, un număr de 29 recipiente (circa 14%) au fost modelate cu mâna. Repertoriul formelor ceramicii lucrate cu mâna cuprinde oale, ceşti, castroane, vase-strecurători şi vase pentru topirea metalelor. Recipientele cele mai numeroase sunt oalele-borcan, care au fost grupate în cinci tipuri. Celelalte categorii de vase sunt rare. În ceea ce priveşte originea, ceramica lucrată cu mâna din aşezarea şi necropola de la Budeşti moşteneşte şi perpetuează tradiţiile mai multor grupuri etno-culturale, între care se evidenţiază clar unele elemente specifice populaţiilor geto-dacice, germanice şi sarmatice.

В статье представлена и детально проанализирована лепная керамика поселения и могильника Сынтана де Муреш-Черняхов у села Будешть. Исследуемый керамический материал был обнаружен в результате археологических раскопок, произведенных Э.А. Рикманом в 1954-1957 гг. и Г.Ф. Чеботаренко и Т.А. Щербаковой в 1973 г. На поселении лепная керамика составляет только около 1% из всего обнаруженного материала. Однако, в могильнике процент такой керамики увеличивается. Из общего количества известных целых и реконструированных сосудов (201 экз.), использованных в качестве погребальных урн и крышек, а также сопровождающего инвентаря в захоронениях, 29 экземпляров (около 14%) были лепными. Круг форм лепной керамики включает горшки, чаши, миски, сосуды-дуршлаги и тигли. Наиболее многочисленными являются горшки, которые группируются в 5 типов. Остальные категории сосудов встречаются редко. Лепная керамика некрополя и поселения Будешть наследует и развивает традиции нескольких этно-культурных групп. Четко выделяются отдельные культурные элементы, характерные для традиций гето-дакийского, германского и сарматского населения.

The article presents and analyses in detail the hand-made pottery of the settlement and the burial ground of Sintana de Mures-Cernachov in the vicinity of the Village of Budesti. The surveyed ceramic pieces were discovered in the result of the archaelogical excavations, effected by E. A. Rikman in 1954-1957 and G. F. Chebotarenco and T.A. Shtcherbakova in 1973. The share of the hand-made pottery on the settlement constitutes only 1 % of the whole discovered pieces. The burial ground reveals a different ratio. 29 pieces (about 14 %)out of the entire quality of intact and reconstructed vessels (201 pieces), used as funeral urns and covers, as well as the accompnying inventory in the graves, were hand-made.A range of the forms of the hand-made pottery includes flasks, basins, colander vessels and crucibles. Flasks, which are of five types, are the most numerous. The remaining vessel categories are very rare. The hand-made pottery of the necropolis and the Settlement of Budesti inherits and develops the traditions of several ethno-cultural groups. Separate elements, which are characteristic of the traditions of the Heto-Dacian, German and Sarmatian population are clearly notable.

Descoperite în anul 1954, aşezarea şi necropola de tip Sântana de Mureş-Černjachov de la Budeşti (mun. Chişinău) au fost investigate prin săpături sistematice în două etape: în anii 1954-1957 de către E. Rikman (Рикман 1967) şi în anul 1973 de către Gh. Cebotarenco şi T. Ščerbakova (Чеботаренко, Щербакова 1974). În rezultatul a cinci campanii de săpături din aşezare au fost scoase la lumină 11 locuinţe, două cuptoare de redus minereul de fier, un cuptor de olărie şi mai multe anexe gospodăreşti (construcţii de suprafaţă, vetre în aer liber şi gropi de provizii), iar din necropolă au fost dezvelite peste 370 morminte de înhumaţie şi incineraţie şi câteva gropi cu caracteristici rituale. Totodată, din ambele situri s-a obţinut un bogat şi variat material arheologic, constând din ceramică, vase de sticlă, diferite unelte, ustensile de uz casnic, accesorii vestimentare, piese de toaletă şi podoabe, care reflectă diferite sfere ale vieţii şi activităţii comunităţii umane de aici. Graţie acestor descoperiri, aşezarea şi cimitirul de la Budeşti s-au situat printre cele mai importante şi mai valoroase monumente arheologice datând din epoca romană târzie documentate pe teritoriul Republicii Moldova.

La Budeşti, ca şi în restul complexelor aparţinând culturii Sântana de Mureş-Černjachov, cele mai numeroase vestigii sunt vasele ceramice. Acestea s-au descoperit din abundenţă deopotrivă în aşezare (în complexele de locuire şi pe suprafaţa din jurul locuinţelor), ca şi în necropolă (în morminte şi în strat). Trebuie să menţionăm însă că majoritatea materialului ceramic, în special cel provenit

din aşezare, se află în stare fragmentară, reconstituirea formelor întâmpinând din acest motiv serioase dificultăţi. Dar studierea atentă a celor peste 200 de recipiente întregi şi întregibile şi a numeroaselor fragmente ceramice caracteristice a permis, totuţi, realizarea unei tipologii destul de detaliate.

În funcţie de factură, tehnica de execuţie, textura pastei şi ardere, ceramica din ansamblul arheologic de la Budeşti se împarte în patru categorii principale, fiecare cu forme şi tipuri diferite, aflate în proporţii deosebite: 1 – ceramica lucrată cu mîna; 2 – ceramica lucrată la roată din pastă zgrunţuroasă; 3 – ceramica lucrată la roată din pastă fină; 4 – ceramica romană de import.

În articolul de faţă ne propunem să prezentăm şi să analizăm amănunţit ceramica modelată cu mâna recuperată din aşezarea şi cimitirul de la Budeşti. Spre deosebire de olăria lucrată cu roata, în tehnologia şi formele căreia se resimte o puternică influenţă romană, ceramica modelată cu mâna păstrează în mare măsură tradiţiile şi elementele specifice diferitor grupuri etno-culturale înglobate în complexul cultural Sântana de Mureş-Černjachov, constituind unul din principalele criterii de determinare etnică a descoperirilor datând din această perioadă. De aceea, studierea minuţioasă şi publicarea integrală a ceramicii lucrate cu mâna din aşezările şi necropolele de tip Sântana de Mureş-Černjachov investigate prin săpături se reclamă în mod imperios.

În aşezarea de la Budeşti ceramica lucrată cu mâna a fost utilizată într-o proporţie extrem de scăzută, fiind reprezentată de circa 1% din totalul cioburilor obţinute. Din păcate, autorii săpăturilor nu au întocmit o statistică numerică şi procentuală pe categorii şi a ceramicii din necropolă. Consemnăm totuşi că din totalul de 201 vase întregi sau reconstituite, folosite ca urne şi capace sau depuse ca ofrandă în morminte, un număr de 29 de recipiente (circa 14%) sunt modelate cu mâna. Din aceste date estimative rezultă clar că în cimitir ceramica lucrată cu mâna a fost utilizată într-o proporţie mai ridicată decât în aşezare. Situaţia este însă uşor de explicat, dacă se ţine cont de faptul că obiceiurile de înmormântare reprezintă unul din componentele cele mai conservatoare ale culturii spirituale.

Absoluta majoritate a recipientelor lucrate cu mâna au fost modelate dintr-o pastă grosolană, friabilă şi prost frământată, conţinând diverse ingrediente, între care şi cioburi pisate. Două castroane însă au fost executate din pastă mai fină cu puţină şamotă în textură, având suprafaţa exterioară lustruită. Alte câteva vase, reprezentate doar prin cioburi, au fost realizate dintr-o pastă densă, cu nisip şi microprundişuri în compoziţie, amintind de ceramica lucrată la roată din pastă zgrunţuroasă. Arderea este deficitară şi neomogenă, iar vasele au culoare diferită, cenuşiu-negricioasă sau bruncărămizie pe cele două feţe şi negricioasă în secţiune

Repertoriul formelor ceramicii lucrate cu mâna cuprinde oale-borcan, ceşti, vase-strecurători şi vase pentru topirea metalelor. Precizăm că din asortimentul acestei grupe nu fac parte şi cănile, cum greşit a socotit E. Rikman. Vasul cu toartă din mormântul 101, inclus de cercetătorul amintit în categoria ceramicii modelate cu mâna, este confecţionat la roată rapidă dintr-o pastă fină, cu particule de mică în compoziţie. În acelaşi timp, considerăm nu pe deplin întemeiată delimitarea în cadrul ceramicii lucrate manual a încă unei forme – de cupă-pahar. De fapt, E. Rikman a înglobat în seria cupelor câteva ulcele şi chiar oale de dimensiuni medii, cu profile diferite. În ceea ce ne priveşte, am socotit mai judicioasă încadrarea vaselor respective în categoria oalelor, deşi nu excludem posibilitatea folosirii unor ulcele ca recipiente pentru băut.

Oale-borcan. Această categorie de vase prezintă o mare varietate şi, dacă am lua în considerare toate amănuntele, s-ar putea spune că aproape fiecare oală are o altă formă. În linii mari însă oalele lucrate cu mâna de la Budeşti pot fi încadrate în cinci tipuri.

Tipul 1 (fig. 1,1-3), cel mai bine reprezentat, cuprinde oalele cu corpul aproximativ sferoidal şi buza dreaptă sau răsfrântă în exteripor. Exemplare întregi sau întregibile de acest tip s-au descoperit în mormintele 30, 76, 80, 89, 118, 136, 354, „cenotafele" 2 şi 5 şi într-o groapă menajeră din aşezare. Oalele-borcan cu corpul globular lucrate cu mâna ocupă aproape tot arealul necropolei, exceptând zona de sud-est, în care se găsesc cu preponderenţă morminte de înhumaţie orientate V-E lipsite de inventar (fig. 3,1). În majoritatea lor, borcanele de tip 1 sunt lipsite de ornament. Numai trei oale sunt ornamentate. O oală, având marginea înaltă şi evazată şi fundul uşor concav, prezintă ca ornament pe întreaga suprafaţă exterioară striuri verticale trase cu un instrument ascuţit dinţat (fig. 1,3; aşezare). Analogii pentru acest recipient în arealul culturii Sântana de Mureş-Černjachov nu cunoaştem deocamdată. Un vas de o formă asemănătoare, având ca decor benzi de linii incizate verticale şi oblice, a

fost semnalat într-un mormânt sarmatic de lângă localitatea Majaki (Grosu 1995, 114, fig. 1,12). Ținem să subliniem în acest context că ornamentul de linii incizate verticale realizate cu pieptenele este în general rar întâlnit în cultura Černjachov (Сымонович 1964, 282, 284), decorul respectiv fiind larg răspândit în schimb în mediul cultural Przeworsk (Сымонович 1959, 94-95; Кухаренко 1980, 31). Alte două oale sferoidale lucrate cu mâna de la Budești au ca ornamente câte patru protuberanțe conice, dispuse simetric, pe umăr (mormântul 135) sau pe gât (fig. 1,3; mormântul 76). Butonii sau proeminențele conice sunt curente în ornamentația ceramicii dacice lucrate cu mâna din secolele anterioare. În cadrul culturii Sântana-Černjachov oale cu ornamente de acest fel au mai apărut la Târgșor (Diaconu 1965, pl. XXIII,3; CXLII,1), Alexandru Odobescu (Mitrea, Preda1966, fig. 23,2), Independența (ibidem, fig. 253,4), Spanțov (ibidem, fig. 253,8) Zajačivka (Рикман 1975, 315, рис. 38) și Bârlad-Valea-Seacă (Palade 1980, fig. 5,2.16-17; idem 2004, fig. 4,23).

Oalele de tip 1 lipsite de ornament imită forma vaselor globulare lucrate la roată din pastă zgrunțuroasă, fiind executate, neîndoielnic, sub influența și după modelele ceramicii realizate cu roata. În ceea ce privește cronologia oalelor cu corpul sferoidal modelate cu mâna de la Budești, subliniem că ele se datează exclusiv în faza târzie de funcționare a complexului, care corespunde, probabil, primei etape a epocii stăpânirii hunice (ultimul sfert al sec. IV – începutul sec. V e.n.) (Vornic 1999, 175-179, tab.).

Tipul 2 (fig. 1,4-6). Oale zvelte, cu corpul rotunjit, având diametrul maxim aproximativ la jumătatea înălțimii și cu buza simplă înclinată în afară. Din acest tip s-au descoperit cinci exemplare, întregi sau fragmentare, în mormintele 9, 92, 161, 202 și „cenotaful" 1. Un vas de acest tip are ca decor în jurul fundului un șir de impresiuni realizate cu degetul (fig. 1,6). De remarcat că acest gen de ornament este bine cunoscut din ceramica dacică modelată cu mâna din perioada mai veche. Oale lucrate cu mâna, de formă ovoidală, decorate cu șiruri de alveole (plasate pe linia fundului sau pe buză), s-au mai semnalat în complexul de aspect Sântana de Mureș de la Bârlad-Valea Seacă (Palade 1980, fig. 1,10; 20,7).

În arealul necropolei de la Budești, oalele-borcan de tip 2 sunt răspândite într-un sector din centru, până spre mijlocul laturii de nord-vest (fig. 3,2). Cât privește datarea, vasele din această serie se încadrează, fără excepție, în faza I-a de evoluție a cimitirului, proiectată de noi în prima jumătate a sec. IV e. n. (Vornic 1999, 175-179, tab. 1).

Tipul 3 (fig. 1,7). Oale pir forme alungite, având diametrul maxim în jumătatea superioară a corpului și buza răsfrântă în afară. Au fost descoperite cinci exemplare de acest tip, în mormintele 28, 29, 54, 250 și 313; sunt neornamentate. Cele cinci morminte cu oale-borcan de tip 3 în inventar se află în marginea de nord a necropolei (fig. 3,3), iar din punct de vedere cronologic se datează larg, pe durata celor trei faze de evoluție a complexului (Vornic 1999, 176, tab. 1). Analogii pentru acest tip de borcan se găsesc în complexele de la Târgșor (Diaconu 1965, pl. LXV,3; LXXX,1; CXI,5), Bârlad-Valea Seacă (Palade 1980; fig. 3,4; 19,2), Dănceni (Рафалович 1986, табл. XXXVII,10; XLIX,3; LIII,5), Bălțata (Рикман 1988, рис. 25), Pietriș (Zaharia ș.a. 1962, fig. 5,2) și Ranževoe (Сымонович 1979, рис. 21,9).

Tipul 4 include oale cu marginea arcuită spre interior. În cuprinsul acestui tip pot fi stabilite trei variante:

4a (fig. 1,8). Oale piriforme scunde, având diametrul maxim în jumătatea superioară a corpului și fundul masiv. Din această serie s-au găsit trei exemplare întregi, în mormintele 6, 66 și 227.

4b (fig. 1,9). Oale zvelte cu corpul ușor bombat, având diametrul maxim la mijlocul recipientului și fundul plat sau ușor concav. Cele două vase incluse în tipul 4b s-au descoperit în mormintele 132 și 313.

4c (fig. 1,12). Oală cu corpul sferoidal aplatizat și fundul plat, descoperită în mormântul 247.

Vase de acest fel se întâlnesc frecvent în mediile culturale Przeworsk (Сымонович 1957, 15,18, рис. 5,3) și Wielbark (Кухаренко 1980, 31, табл. VII,1; XV,44; XXI,7). În cadrul culturii Sântana de Mureș-Černjachov, oale modelate cu mâna având marginea trasă spre interior s-au mai semnalat la Vikniny-Velikie (Сымонович 1959, рис. 5,5-6), Gavrilovka (Сымонович 1964, рис. 5,12), Lepesovka (Щукин 1989, рис. 1,21; 10,9), Dănceni (Рафалович 1986, табл. XVIII,3; XXIII,6; XXX,10), Bârlad-Valea Seacă (Palade 1980, fig. 17,1,2), Cozia (Ioniță 1982, fig. 29,39), Mihălășeni (Șovan 1999, fig. 5.1) și Čubovka (Магомедов 1987, рис. 18,3).

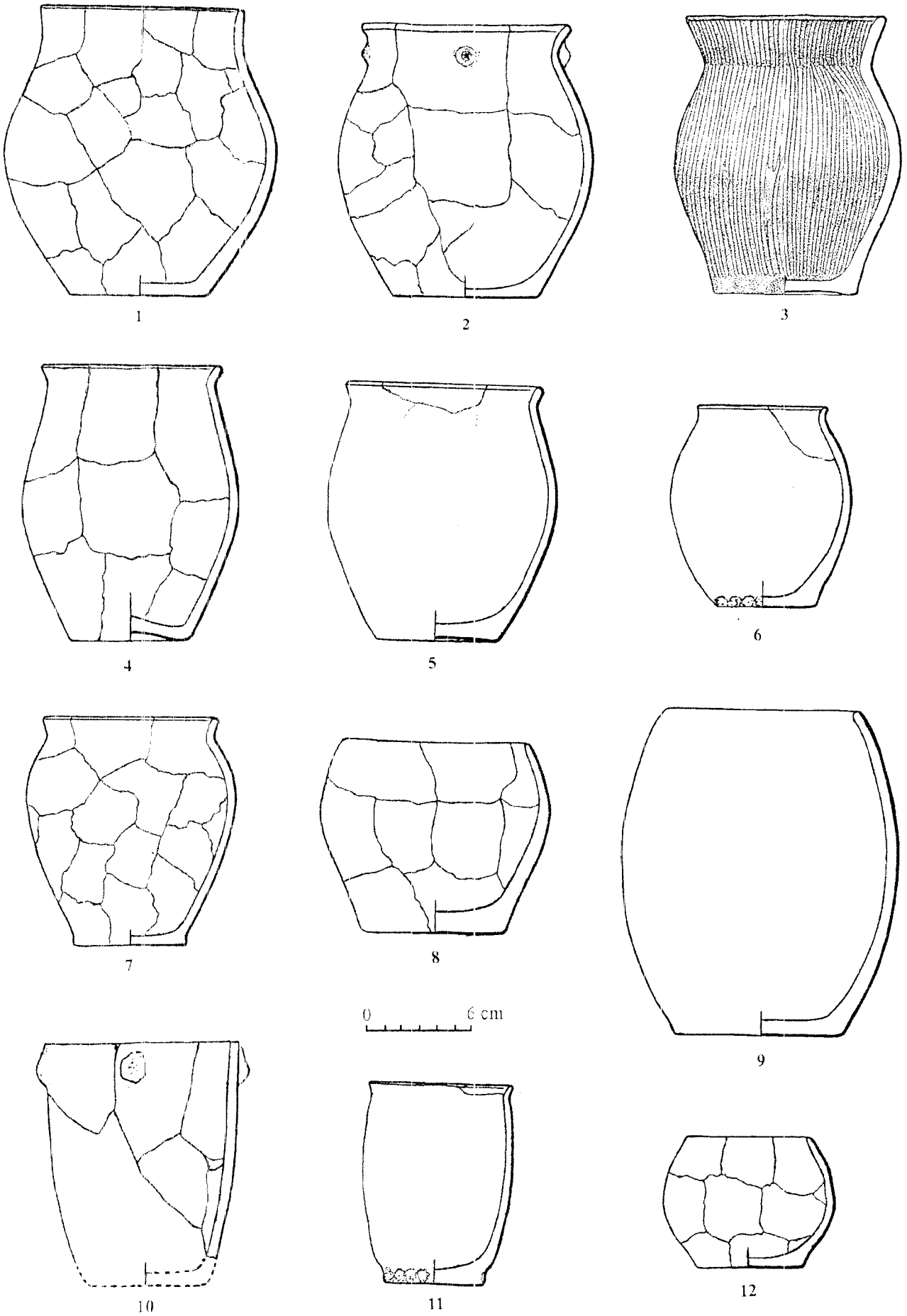


Fig. 1. Budeşti. Oale lucrate cu mâna de tip 1 (1-3), 2 (4-6), 3 (7), 4 (8, 9, 12) şi 5 (10, 11).

În planul necropolei de la Budeşti, oalele modelate cu mâna având marginea trasă spre interior se concentrează în zona centrală şi în sectorul de vest. Doar mormântul 247 se află la periferia de est a cimitirului (fig. 3,4). Referitor la cronologie, notăm că vasele de tip 4 se datează în faza I-a şi la începutul fazei a II-a de existenţă a necropolei (Vornic 1999, 176, tab. 1). Ţinem să subliniem în acest context că în marea necropolă de tip Sântana de Mureş de la Mihălăşeni (jud. Botoşani) oalele modelate cu mâna având marginea trasă spre interior se datează exclusiv în etapa timpurie de funcţionare a complexului (Şovan 1999, 17, 20).

Tipul 5 (fig. 1,10-11). Vase cu corpul cilindric sau aproape cilindric şi cu marginea dreaptă sau uşor înclinată în afară, din care s-au găsit trei exemplare, în mormintele 122, 268 şi „cenotaful" 1. Două morminte cu vase de acest fel se află în partea de vest, iar unul în cea de est a necropolei (fig. 3,5). Două din recipientele cilindrice şi anume exemplarele din mormântul 122 şi „cenotaful" 1 sunt ornamentate. Un vas este decorat cu proeminenţe conice sub margine, dispuse în cruce (fig. 1,10), iar altul cu un şir de alveole imprimate pe linia fundului (fig. 1,11). Analogii pentru vasele cilindrice de la Budeşti se găsesc printre descoperirile de la Târgşor (Diaconu 1965, pl. CII,1), Alexandru Odobescu (Mitrea, Preda 1956, fig. 237,6), Bârlad-Valea Seacă (Palade 1980, fig. 5,20; 20,1.3), Cholmskoe (Гудкова, Фокеев 1984, рис. 23,15) şi Bălţata (Рикман 1988, рис. 14). Proveniența dacică a acestui tip de oală este evidentă.

În ceea ce priveşte cronologia vaselor cilindrice de la Budeşti, notăm că ele se datează în faza I-a de evoluţie a cimitirului (Vornic 1999, 176, tab. 1)

Printre fragmentele ceramice de vase lucrate cu mâna se evidenţiază un fund inelar de oală confecţionată dintr-o pastă densă, cu nisip în compoziţie, reprezentând o imitaţie de oală lucrată la roată (fig. 2,8; locuinţa 10). Dispunem şi de un fragment de la pereţii unei oale lucrate cu mâna realizată din acelaşi tip de pastă, având ca decor pe umăr o incizie orizontală şi alveole dispuse oblic pe partea superioară a corpului (fig. 2,8; passim).

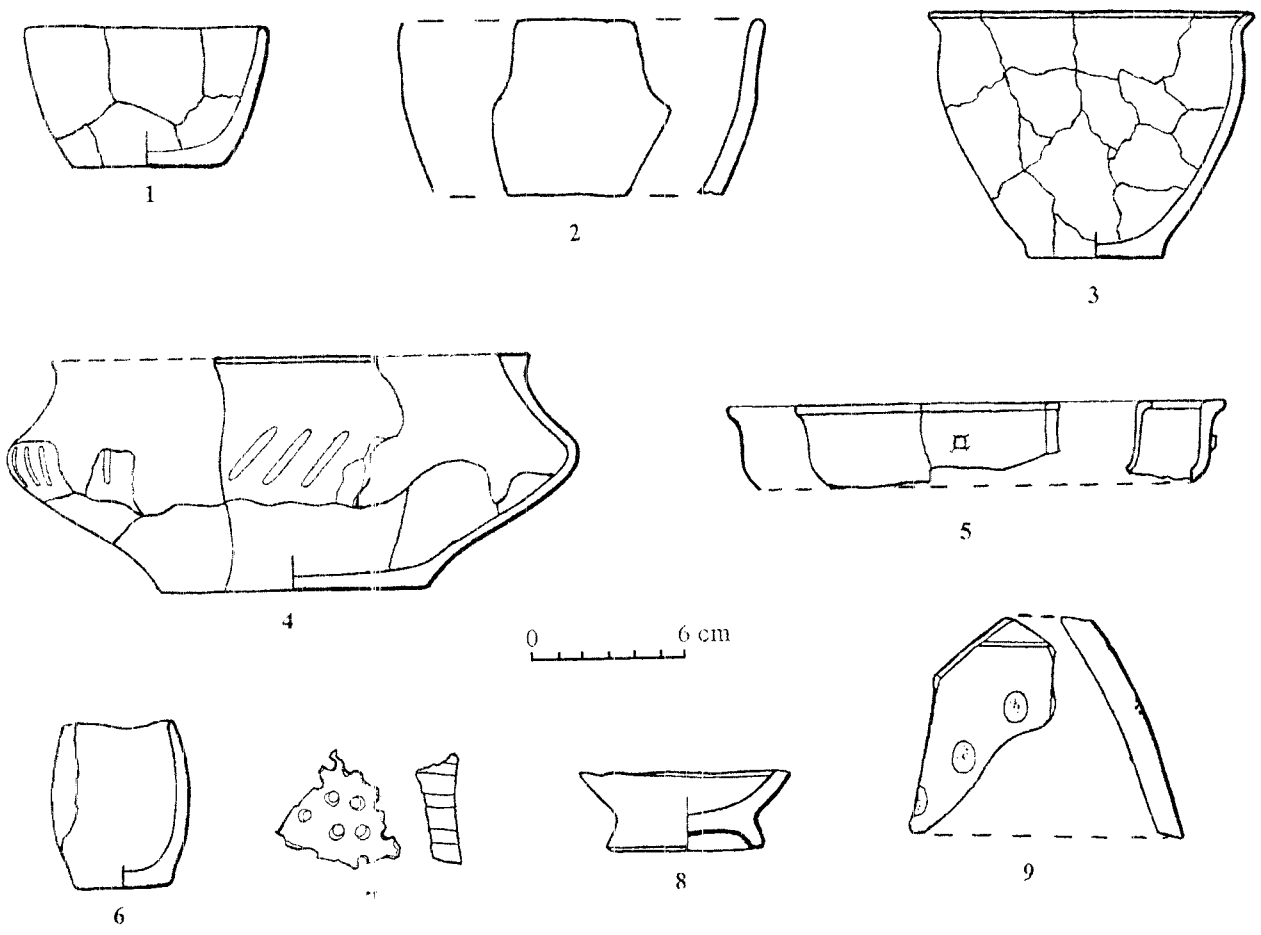


Fig. 2. Budeşti. Ceramică lucrată cu mâna.

Ceştile (fig. 2,1; 4,1) sunt puţine. S-au descoperit doar două exemplare, în mormintele 227 şi 153. Un exemplar a fost folosit drept capac pe urnă, iar altul ca vas de ofrandă, fiind depus la picioarele decedatului. Ambele văsuţe sunt fără torţi şi au marginea simplă, pereţii oblici şi fundul plat. Ceşti de acest fel au fost semnalate şi în alte complexe de aspect Sântana de Mureş-Černjachov, cum ar fi la Bârlad-Valea Seacă (Palade 1980, fig. 4), Târgşor (Diaconu 1965, pl. VII.1-2), Kamenka-Ančekrak (Магомедов 1987, рис. 20,5), Snigirevka (Магомедов 1987, рис. 20,7), Barcea (Ţau, Nicu 1982, 172, fig. 1,3.6) Şuletea (Rotaru 1982, 246, fig. 1,2) şi Furmanovka (Сымонович 1988, рис. 14,11).

În opinia lui E. Rikman, ceştile tronconice de la Budeşti sunt de tradiţie dacică, fiind considerate drept un indiciu al prezenţei populaţiei geto-dacice în staţiunea de aici. Menţionăm însă că în perioada anterioară culturii Sântana de Mureş-Černjachov acest tip de vas se întâlneşte nu numai în complexele geto-dacice, ci şi în cele sarmatice. Prin urmare, originea ceştilor nu poate fi căutată exclusiv la daci sau sarmaţi, ci la ambele populaţii deopotivă.

Castroane. Cele patru castroane descoperite se încadrează în tot atâtea tipuri:

Tipul 1 (fig. 2,2; 4,2) este reprezentat de un castron fragmentat scund, de formă tronconică, având marginea dreaptă, pereţii relativ oblici şi fundul plat. S-a găsit în mormântul 88, unde a servit drept urnă. Vasul îşi găseşte analogii cu cele descoperite în cimitirele de la Dănceni (Рафалович 1986, табл. LIII.1), Privol'noe (Никитина 1966, 80, рис. 3,21), Koblevo (Сымонович 1979, рис. 4,11) şi Kamenka Ančekrak (Магомедов 1987, рис. 25,2).

Tipul 2 (fig. 2,3; 4,3). Castron tronconic înalt, cu pereţii arcuiţi, buza evazată şi fundul plat, tras spre exterior. S-a descoperit în mormântul de înhumaţie 126. Vase de formă asemănătoare s-au identificat în staţiunile contemporane înrudite de la Lepesovka (Щукин 1989, 203, рис. 10,1), Gavrilovka (Никитина 1966, 81, рис. 4,1) şi Kamenka Ančekrak (Магомедов 1987, рис. 25,3).

Tipul 3 (fig. 2,4; 4,4). Castron fragmentar, de formă aproximativ bitronconică, cu caneluri oblice şi verticale pe diametrul maxim, buza teşită la orizontală şi fundul plat; are suprafaţa exterioară lustruită. A fost descoperit în mormântul 93, care este un mormânt de înhumaţie distrus din vechime. Deocamdată nu cunoaştem analogii directe pentru acest vas. Un castron întrucâtva asemănător, dar prevăzut cu trei tortiţe, a fost uidentificat în necropola de tip Černjachov de la Gorodok (Магомедов 1987, рис. 21,1).

Tipul 4 (fig. 2,5; 4,5). Fragmente dintr-un castron lustruit, descoperite în mormântul 93. El are pereţii curbaţi, marginea lăţită spre exterior şi protuberanţe rectangulare în secţiune în partea superioară a corpului; jumătatea inferioară lipseşte. Vasele de acest fel apar extrem de rar în cultura Sântana de Mureş-Černjachov (Kosanovo (Кравченко 1967, табл. 1,13) şi Žuravka (Сымонович 1964, рис. 9,12)), întâlnindu-se mai frecvent în mediul cultural Wielbark (Кухаренко 1980, 39,40). Potrivit lui E. Rikman, acest tip de castron este de proveniență dacică. Noi însă, bazându-ne pe analogiile găsite, considerăm că ambele castroane din mormântul 93 sunt de tradiţie nordică.

Vasele-strecurători sunt rare. S-a descoperit doar un fragment de fund masiv, plat, cu câteva găuri, dintr-un vas-strecurătoare, despre forma căruia nu putem spune nimic (fig. 2,7; locuinţa 1).

Creuzetele sunt reprezentate printr-un singur exemplar de dimensiuni mici, cu corpul ovoidal, marginea trasă spre interior şi cu fundul plat (fig. 2,6; locuinţa 1). Culoarea văsuţului este brun-cărămizie pe cele două feţe şi cenuşie-închisă în secţiune. Creuzete de lut, folosite la topirea bronzului, au fost semnalate şi în alte aşezări de tip Sântana de Mureş-Černjachov, cum ar fi spre exemplu cele de la Bârlad-Valea Seacă (Palade 1984, 124-129), Poieneşti (Vulpe 1953, 249), Ripnev (Баран 1964, 227) şi Lepesovka (Тиханова 1963, 187).

În concluzie, relevăm că ceramica modelată cu mâna din staţiunea de la Budeşti se leagă integral de descoperirile din aria vestică a culturii Sântana de Mureş-Černjachov. După cum am constatat, majoritatea covârşitoare a tipurilor de recipiente documentate în aşezarea şi necropola în discuţie îşi găsesc analogii directe în mai multe complexe de tip Sântana de Mureş, cum ar fi spre exemplu cele de la Bârlad-Valea Seacă, Spanţov, Târgşor, Dănceni ş. a. Astfel, studiul detaliat al olăriei, ca şi al celorlalte vestigii de la Budeşti, infirmă categoric opinia (Кухаренко 1980,74-76) după care acest complex s-ar încadra în cercul cultural Wielbark atribuit triburilor germanice.

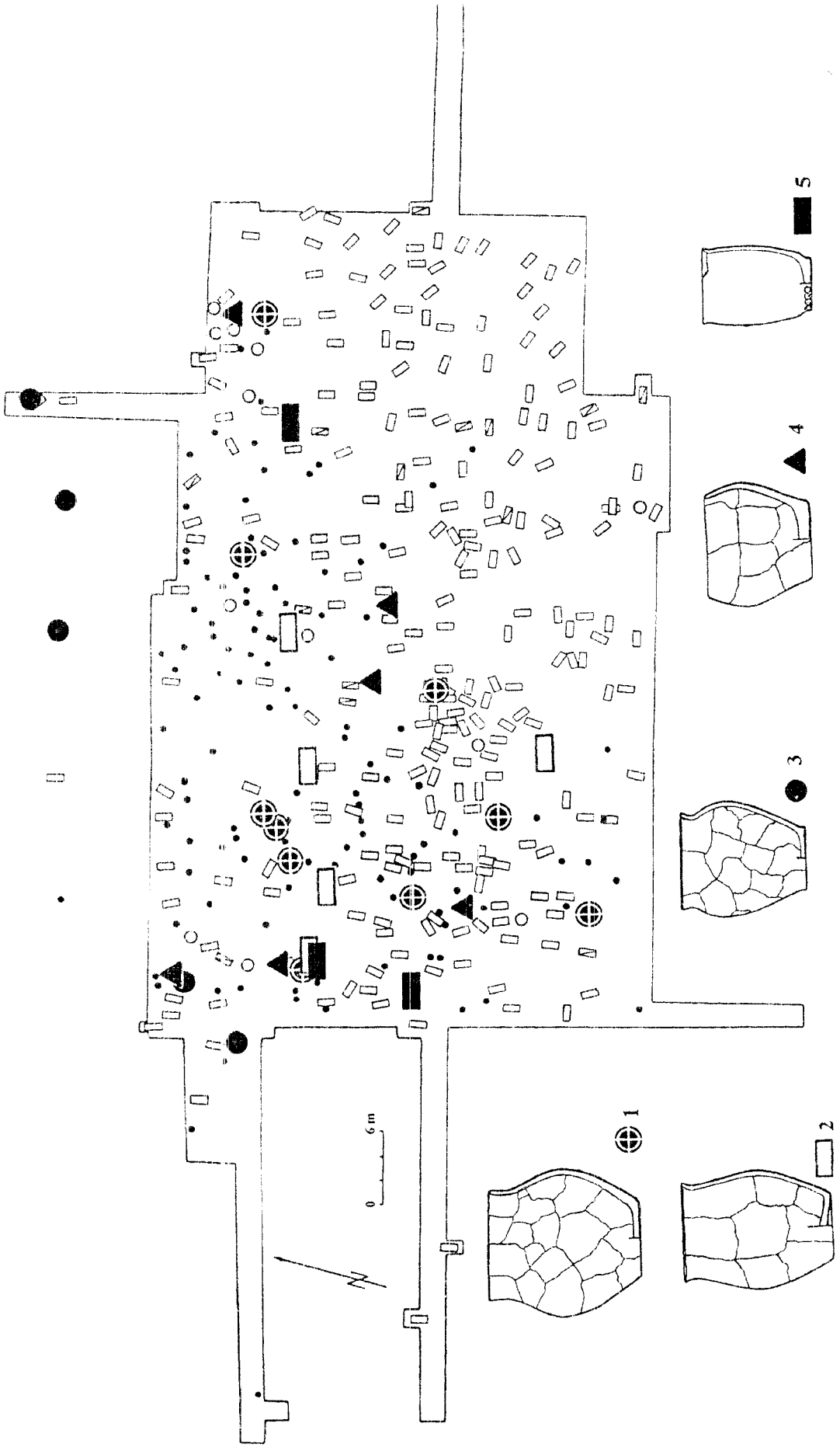


Fig. 3. Budeşti. Răspândirea obiectelor lucrate cu mâna de tip 1 (1), 2 (2), 3 (3), 4 (4) şi 5 (5) în arealul necropolei.

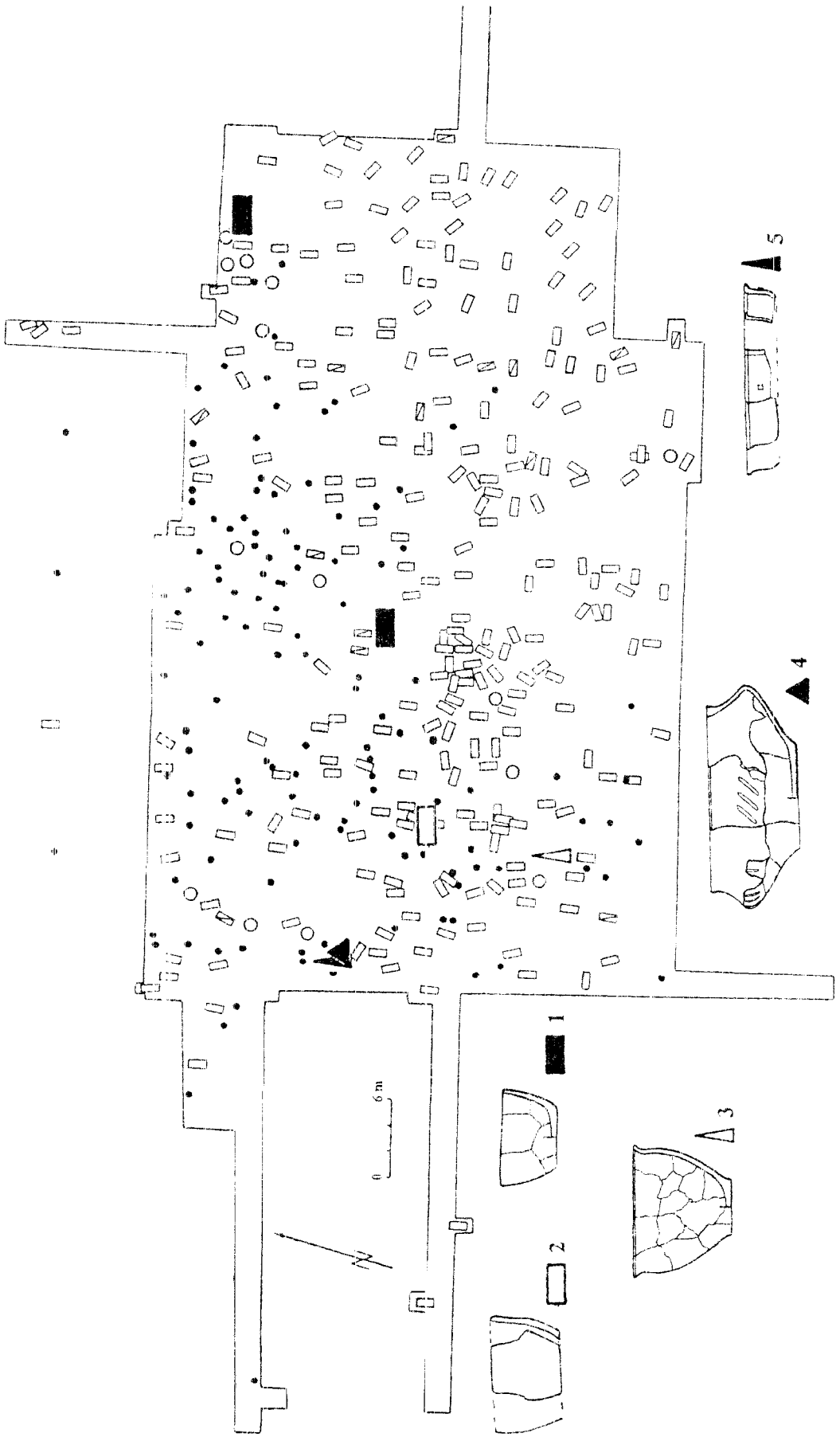


Fig. 4. Budeşti. Răspândirea ceştilor (1) şi a castroanelor lucrate cu mâna de tip 1 (2), 2 (3), 3 (4) şi 4 (5) în arealul necropolei.

În ceea ce priveşte originea, subliniem că ceramica lucrată cu mâna din aşezarea şi necropola de la Budeşti moşteneşte şi perpetuează tradiţiile mai multor grupuri etno-culturale, între care se evidenţiază clar unele elemente specifice populaţiilor geto-dacice, germanice şi sarmatice. Vasele modelate cu mâna, neavând valoarea de a fi plasate în circuitul produselor de schimb, au fost confecţionate doar pe plan local, făcând dovada prezenţei certe în staţiunea în discuţie a diferitor grupuri de geto-daci, goţi şi sarmaţi. În acelaşi timp, ansamblul descoperirilor de la Budeşti atestă limpede prezenţa şi a numeroase elemente provincial-romane în cultura materială şi spirituală a populaţiei de la care au rămas aceste vestigii.

Bibliografie

Grosu 1995: V. Grosu, Ornamentica ceramicii sarmatice. MemAntiq XX, 1995, 112-117.

Diaconu 1965: Gh. Diaconu, Târgşor. Necropola din secolele II-IV e. n.(Bucureşti 1965).

Ioniţă 1982: I. Ioniţă, Din istoria şi civilizaţia dacilor liberi (Iaşi 1982).

Mitrea, Preda 1966: B. Mitrea, C. Preda, Necropole din secolul al IV-lea în Muntenia (Bucureşti 1966).

Palade 1980: V. Palade, Elements geto-daces dans le site Sântana de Mureş de Bârlad-Valea Seacă. Dacia N.S. XXIV, 127-254.

Palade 1984: V. Palade, Metalurgia bronzului şi a fierului în aşezarea autohtonă de la Bârlad-Valea Seacă. Hierasus V, 1984, 127-133.

Palade 2004: V. Palade, Aşezarea şi necropola de la Bârlad-Valea Seacă (secolele III-V) (Bucureşti 2004).

Rotaru 1982: M.Rotaru, Necropola din secolul al IV-lea de la Şuletea-Vaslui. AMM III-IV, 1982, 243-247.

Şovan 1999: O.L. Şovan, La Chronologie de la necropole de Mihălăşeni, Roumanie. In: Die Sântana de Mureş-Černjachov-Kultur (Bonn, 1999), 13-21.

Ţau, Nicu 1982: S. Ţau, M. Nicu, Săpăturile din necropola birituală de la Barcea (jud. Galaţi). MCA XIX, 1982, 172-179.

Vornic 1999: V. Vornic, Aşezarea şi necropola de tip Sântana de Mureş de la Budeşti (r. Criuleni, Rep. Moldova) (Teza de doctorat) (Iaşi 1999).

Vulpe 1953: R. Vulpe, Săpăturile de la Poieneşti din 1949. MCA I, 1953, 213-254.

Zaharia ş.a. 1962: N. Zaharia, Em. Zaharia şi V. Palade, Sondajul din necropola de la începutul epocii migraţiilor de la Pietriş (r. Bârlad, reg. Iaşi) MCA VIII, 1962, 591-597.

Баран 1964: В.Д. Баран, Памятники черняховской культуры бассейна Западного Бута. МИА 116, 1964, 213-252.

Гудкова,Фокеев 1984: А.В. Гудкова, М.М. Фокеев, Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I-IV вв. н.э. (Киев 1984)

Кухаренко 1980: Ю.В. Кухаренко Могильник Брест-Тришин (Москва 1980).

Магомедов 1987: Б.В. Магомедов, Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья (Киев 1987).

Рикман 1967: Э.А. Рикман, Памятник великого переселения народов (по раскопкам поселения и могильника у с. Будешты) (Кишинев 1967).

Рикман 1975: Э.А. Рикман, Этническая история Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках н.э. (Москва 1975).

Рикман 1988: Э.А. Рикман, Раскопки могильника черняховского типа Балцаты в 1963-1964 гг. В сб: Могильники Черняховской культуры (Москва 1988), 111-132.

Тиханова 1963: М.А. Тиханова, Раскопки на поселении III-IV вв.н.э. у с.Ленесовка в 1957-1959 гг. СА 2, 1963, 178-191.

Чеботаренко, Щербакова 1974: Г.Ф. Чеботаренко,Т.А. Щербакова, Усадьба на поселении первых веков н.э. у с. Будешты. В сб. Археологические исследования в Молдавии в 1973 г. (Кишинев 1974), 93-104.

Сымонович 1959: Э.А. Сымонович, Об единстве и различиях памятников черняховской культуры. СА 2, 1959, 84-107

Сымонович 1964: Э.А. Сымонович, Орнаментация черняховской керамики. МИА 116, 1964, 270-301.

Сымонович 1988: Э.А. Сымонович, Придунайский могильник Фурмановка. В сб: Могильники Черняховской культуры (Москва 1988), 143-163.

Щукин 1989: М.Б. Щукин, Поселение Ленесовка: Вельбарк или Черняхов? В сб. Kultura Wielbarska w Mlodszem okresie rzymskim (Lublin 1989), 195-215.

Vlad Vornic,
Institutul de Arheologie şi Etnografie al Academiei de Ştiinţe din RM,
str. Mitropolitul Bănulescu-Bodoni 35, MD 2012, Chişinău, Republica Moldova

UN COMPLEX FUNERAR CU AMFORĂ ROMANĂ DIN SEC. IV DESCOPERIT LA CANTEMIR

Vlad Vornic, Larisa Ciobanu, Chişinău

Articolul cuprinde descrierea şi examinarea unor materiale (un colier alcătuit din 54 mărgele de sticlă, o fusaiolă de lut, două vase lucrate la roată din pastă fină, de culoare cenuşie şi o amforă romană de import) din colecţiile Muzeului de Arheologie şi Etnografie din Chişinău provenite dintr-un mormânt descoperit întâmplător în anul 1978 în raza or. Cantemir. Locul şi condiţiile exacte ale descoperirii nu ne sunt cunoscute. Datele referitoare la caracteristicile complexului din care provin obiectele lipsesc şi ele aproape complet. În actul de inventariere este consemnat doar faptul că piesele respective au constituit inventarul unui mormânt descoperit în 1978 la Cantemir, nefiind precizat nici măcar tipul înmormântării. Judecând însă după starea de conservare a obiectelor şi după alte indicii, este aproape sigur că materialele au aparţinut unui mormânt de înhumaţie. O piesă mai deosebită care provine din complexul de la Cantemir este amfora de factură romană. Ea face parte din categoria amforelor cu gâtul îngust din pastă zgrunţuroasă, cu particule negre şi maronii în compoziţie, numite în literatura de specialitate uneori „de tip Inkerman". Analogii apropiate se găsesc printre descoperirile de tip Sântana de Mureş de la Slobozia-Chişcăreni, Izvoare, Târgşor, Independenţa, Viktorovka ş.a., precum şi în centrele antice nord-pontice. Pe baza întregului inventar, complexul funerar de la Cantemir se încadrează în aria culturii materiale de tip Sântana de Mureş, iar cronologic - la mijlocul şi în a doua jumătate a sec. IV e.n.

Статья содержит описание и анализ материалов (54 стеклянных бусины, глиняное пряслице, два сероглиняных гончарных сосуда и римская импортная амфора) из фондов Музея Археологии и Этнографии Академии Наук Республики Молдова, происходящих из случайно обнаруженного в 1978 г. погребения в окрестностях г. Кантемир. Точное место и обстоятельства обнаружения нам неизвестны. Также почти полностью отсутствуют данные относящиеся к характеристике комплекса из которого происходят предметы. В сохранившемся сопроводительном акте отмечено лишь то, что материалы составляли инвентарь захоронения, обнаруженного в 1978 г. у г. Кантемира. Не уточнялся даже тип погребения. Но судя по степени сохранности предметов и по другим показателям, можно сделать вывод что это трупоположение. Среди представленного археологического материала выделяется амфора римского производства. Это светлоглиняная узкогорлая амфора так называемого "Инкерманского типа". Близкие аналогии ей обнаружены в ареале культуры Сынтана де Муреш – Черняхов: Слобозия Кишкэрень (Лазо), Извоаре, Тыргшор Индепенденца, Викторовка и др., а также в античных северопричерноморских центрах. На основании анализа всего инвентаря, погребальный комплекс из Кантемира может быть отнесен к материальной культуре Сынтана де Муреш – Черняхов, а хронологически - к середине и второй половине IV в.н.э.

The article contains the description and analysis of pieces (54 glass beads, a clay spindle whorl, two gray clay ceramic vessels and a Roman imported amphora) from the funds of the Museum of Archeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Republic of Moldova, which pieces are from a burial ground, which was discovered by chance in the vicinity of the Town of Cantemir in 1978. The precise place and the circumstances of this discovery are not known to us. The data, which refer to the characteristics of the complex, where these pieces were discovered, are completely absent. The preserved accompanying act states only that the pieces belonged to the inventory of the burial ground, which was discovered in the vicinity of the Town of Centemir in 1978. Even the type of the burial ground is not specified. But, judging by the preservation state of the pieces and their other characteristics, one can make a conclusion that it is an inhumation position. The Roman amphora is notable among the presented archeological pieces. It is a light clay, narrow-necked amphora of the so-called "Inkerman type". Its close analogues are revealed in the area of the Sintana de Mures – Cherniakhov culture: Slobodzia Chiscareni (Lazo), Izvoare, Tirgsor, Independenta, Viktorovka and others, as well as in the antic northern Black Sea centers. Proceeding from the analysis of the entire inventory, the burial complex from Cantemir can be attributed to the material Sintana de Mures – Cherniakhov culture and chronologically to the middle and the second half of IV A.D.

Graţie intenselor investigaţii arheologice efectuate în perioada postbelică sovietică în numeroase aşezări şi complexe funerare (tumuli şi necropole plane) datând din diferite epoci istorice, colecţiile Muzeului Institutului de Arheologie şi Etnografie din Chişinău au acumulat o cantitate impresionantă de ceramică şi de diverse alte materiale de importanţă ştiinţifică deosebită pentru arheologia şi istoria veche a Republicii Moldova. O bună parte din aceste vestigii au fost deja publicate şi valorificate din punct de vedere ştiinţific de autorii săpăturilor, aducându-se contribuţii însemnate la cunoaşterea mai aprofundată a trecutului îndepărtat al ţinutului nostru. În diferite depozite ale Muzeului de Arheologie şi Etnografie însă se păstrează încă un volum apreciabil de artefacte inedite, obţinute atât prin săpături cât şi fortuit, care abia urmează a fi prelucrate şi publicate de cercetători.

În articolul de față ne propunem să prezentăm datele privind o serie de materiale, printre care se numără și o amforă romană de import, provenite dintr-un mormânt descoperit întâmplător în anul 1978 în raza orășelului Cantemir. Din păcate, nu am putut afla până în prezent locul și condițiile exacte în care a fost făcută descoperirea respectivă. După câte se pare, însă, mormântul a făcut parte din necropola de tip Sântana de Mureș-Černjachov identificată în anul 1988 de către dr. Ion Tentiuc[1] cu ocazia efectuării în zonă a unor cercetări de suprafață[2]. Necropola la care ne referim este situată la distanța de circa 400 m spre nord-vest de or. Cantemir și la 200 m spre est de râul Prut, pe un promontoriu al terasei inferioare stângi a râului. Cimitirul ocupă o arie de circa 50 x 200 m, suprafața lui fiind cultivată. În apropiere de necropolă, în partea ei de est, pe terasa superioară a râului Prut se află o așezare de tip Sântana de Mureș-Černjachov, semnalată în anul 1980 de dr. hab. Eugen Sava.

Oferim în continuare descrierea și analiza obiectelor (în număr de 58) aparținând inventarului mormântului descoperit la Cantemir în 1978, obiecte ce se păstrează astăzi în fondurile Muzeului de Arheologie și Etnografie din Chișinău:

1-54. Colier alcătuit din 54 de mărgele de sticlă, aparținând la următoarele tipuri: 49 mărgele sferoidale mici, cu diametrul de 0,3-0,4 cm, de sticlă de culoare turcoaz (fig. 1,1-49); trei mărgele sferoidale mici, cu diametrul de 0,3-0,4 cm, de sticlă bordo-violacee, care datorită irizării a căpătat reflexe argintii (fig. 1,50-52); o mărgică sferică, aplatizată, de sticlă neagră încrustată cu pastă: decorul ei constă din trei linii în zigzag, dintre care una (din mijloc) de culoare galbenă, iar două roșii; diametrul – 1,9 cm (fig. 1,54); o mărgică de formă sferoidală, accentuat aplatizată, de sticlă neagră, având ca decor trei "ochi" roșii prevăzuți cu câte trei puncte galbene; diametrul – 1,4 cm (fig. 1,53).

55. Fusaiolă de lut ars de formă bitronconică, asimetrică, având cele două registre de înălțime diferită, iar bazele, una albiată și alta plată, îngustă; este modelată dintr-o pastă fină cenușie și acoperită cu un strat de angobă brun-cenușie, lustruită; are înălțimea de 2,5 cm, diametrul maxim de 3,8 cm și diametrul orificiului de 1 cm (fig. 1,55).

56. Strachină de formă general tronconică, cu umerii abia evidențiați, marginea puternic răsfrântă în exterior și fundul inelar: este executată la roată din pastă fină cenușie, având pereții acoperiți atât la exterior cât și la interior cu un slip cenușiu închis, lustruit; este înaltă de 8,3 cm și are diametrul gurii de 22,2 cm (fig. 1,57).

57. Căniță fragmentară cu o parte din margine și toarta lipsă (rupte din vechime ?): are corpul bitronconic, gâtul cilindric, puțin mai scund decât corpul, buza ușor evazată și fundul inelar; toarta, care se prindea cu capătul de jos de umăr, a fost modelată dintr-o bandă ovală (?) în secțiune; vasul este lucrat la roată din pastă relativ fină, cu firicele de nisip și calcar în compoziție, și arsă reducător, obținând o culoare cenușiu-închisă, mai mult spre negru; suprafața exterioară este lustruită, fără a prezenta însă urme de angobă; are înălțimea de 10,5 cm și diametrul maxim de 9,5 cm (fig. 1,56).

---

[1] Mulțumim și pe această cale dlui dr Ion Tentiuc pentru informația oferită.

[2] În toamna anului 1988, locuitorii or. Cantemir V. Banicov și N. Popa i-au furnizat dlui dr Ion Tentiuc informația că în primăvara lui 1988, cu prilejul lucrărilor agricole efectuate pe unul din loturile particulare situate în marginea de nord-vest a localității, a fost scos la lumină un mormânt de înhumație prevăzut cu inventar. Din aceeași informație verbală reiese că scheletul era orientat cu capul spre nord-est, fiind întors cu fața în jos și avea depuse în jurul său două vase de lut. Piese de inventar de dimensiuni mici, cum ar fi mărgele, fibule, catarame ș.a., nu au fost observate de descoperitori. Nu este exclus însă ca mormântul să fi conținut și asemenea piese de inventar. Cele două vase ceramice descoperite au fost recuperate și păstrate de V. Banicov, iar în toamna anului 1988 Ion Tentiuc le-a achiziționat pentru Muzeul de Istorie din Cahul. Descrierea recipientelor se prezintă astfel:

1. Cană lucrată la roată din pastă fină cenușie, cu corpul sferoidal, gâtul cilindric și fundul inelar; toarta, modelată din bandă lată, se prinde cu un capăt de gât, iar cu celălalt de umăr; are înălțimea de 28 cm, iar diametrul maxim de 19 cm.

2. Cană romană cu gura trilobată lucrată la roată din pastă cărămizie ce conține și unele ingrediente ca degresant; are corpul sferoidal, gâtul foarte scund și toarta prinsă cu capătul de sus imediat sub buză; este înaltă de 13,5 cm și are diametrul maxim 11,5 cm.

Amândouă cănile își găsesc analogii apropiate în mai multe necropole din sec. IV e.n., precum cele de la Dănceni (Рафалович 1986, табл. XXXIV, 4; XLII, 10), Budești (Рикман 1967, рис. 28,6; 44,10), Spanțov (Mitrea, Preda 1966, fig. 16,4; 70,1), Independența (ibidem, fig. 106,5; 146,7), Izvorul (ibidem, fig. 190,4; 210,7) etc., pledând clar pentru atribuirea complexului culturii Sântana de Mureș-Černjachov.

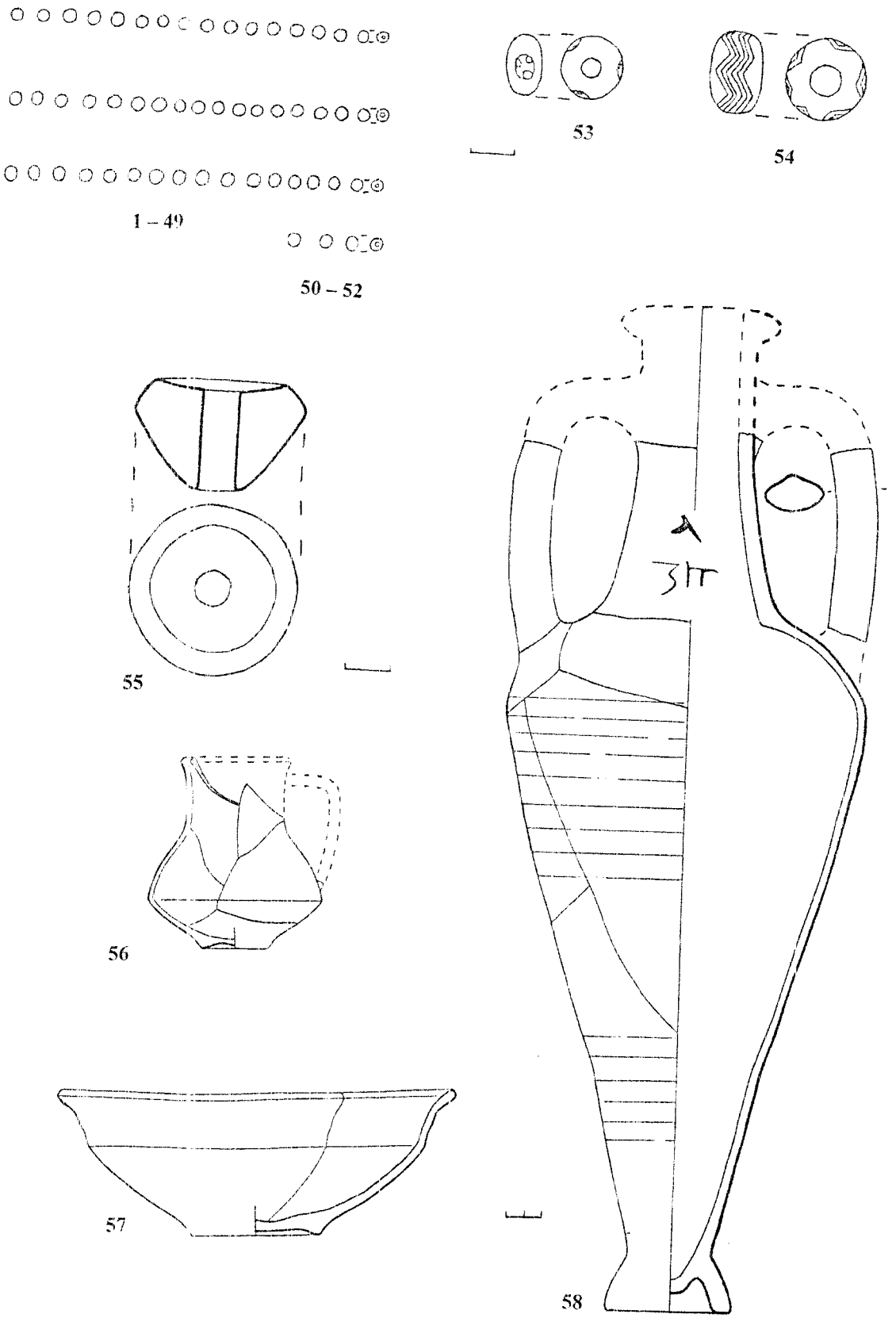


Fig. 1. Cantemir. Mărgele de sticlă (1-54), fusaiolă de lut (55), vase lucrate la roată din pastă fină (56, 57) şi amforă romană (58).

58. Amforă romană fragmentară, cu partea superioară a gâtului lipsă; are corpul piriform alungit, acoperit cu caneluri uşoare, gâtul înalt şi îngust, iar fundul profilat, pe suport inelar; torţile, ovoidale în secţiune, cu şănţuiri longitudinale, se prindeau cu un capăt de gât, iar cu celălalt de umăr; este lucrată la roată, din pastă roz-gălbuie, zgrunţuroasă, cu particule maronii şi negre în compoziţie; la ba-

za gâtului recipientul prezintă o inscripție cu vopsea roșie constând din trei litere grecești (λ, έ și π) dispuse în două rânduri; inscripția se încadrează într-un spațiu de formă aproximativ triunghiulară cu înălțimea maximă de 4,5 cm și lățimea de 4 cm; vasul, în starea care s-a păstrat, are înălțimea de 49 cm, diametrul maxim al corpului de 22 cm și diametrul piciorului de 7 cm (fig. 1,58).

Descoperirile prezentate mai sus au fost făcute întâmplător, iar datele referitoare la caracteristicile complexului din care provin lipsesc aproape complet. În actul de inventariere ce însoțește materialele este consemnat doar faptul că obiectele respective au constituit inventarul unui mormânt descoperit în 1978 la Cantemir, nefiind precizat nici măcar tipul înmormântării. Judecând însă după starea de conservare a mărgelelor și a vaselor de lut recuperate (nici o piesă nu prezintă urme de foc) și după alte indicii, este aproape sigur că materialele provin dintr-un mormânt de înhumație. Cât privește sexul celui înmormântat, prezența în mormânt a colierului de mărgele și a fusaiolei de lut denotă faptul că defunctul a fost o persoană de sex feminin.

Referitor la aspectul cultural, examinarea fie chiar și sumară a materialelor arheologice de la Cantemir ne îndreptățește să atribuim complexul funerar din care ele provin culturii Sântana de Mureș-Černjachov. Pentru această încadrare culturală pledează clar numeroasele corespondențe găsite pentru obiectele de la Cantemir în mai multe cimitire din sec. IV de aspect Sântana de Mureș.

Astfel, mărgelele din pastă sticloasă, atât cele sferoidale mici, cât și cele cu décor încrustat, se întâlnesc aproape în toate necropolele culturii Sântana de Mureș-Černjachov cercetate mai intens prin săpături, încât considerăm superfluă încercarea de a epuiza analogiile cu piesele noastre. Cât privește proveniența, toate aceste obiecte de podoabă au fost produse în centre meșteșugărești romane și au ajuns la populațiile "barbare" din nordul Dunării pe calea schimburilor comerciale.

O problemă mai dificilă ridicată de mărgelele de sticlă este încadrarea lor cronologică. În opinia lui E. Keller, mărgelele sferoidale încrustate cu pastă din necropolele romane târzii din cuprinsul provinciilor Pannonia, Raetia și Noricum se datează la mijlocul și în a doua jumătate a sec. IV e.n. (Keller 1971, 92-94), iar cele sferoidale mici lipsite de décor încrustat - în treimea mijlocie a veacului respectiv (ibidem, 87-92). Aproximativ în aceleași limite cronologice (deceniile 4-7 ale sec. IV) au fost încadrate de către C. Preda și mărgelele de sticlă sferoidale mici din necropola romano-bizantină de la Callatis (Preda 1980, 57). Perlele cu décor încrustat de la Callatis însă au fost datate mai timpuriu decât exemplarele din provinciile romane nord-est-europene, în al doilea și al treilea sfert al sec. IV (ibidem, 56).

Referitor la cronologia mărgelelor de tipul celor de la Cantemir din mediul culturii Sântana de Mureș-Černjachov, opinăm că ele se datează în fazele târzii ale culturii respective. Această datare este susținută de cronologia mormintelor cu astfel de mărgele în inventar din necropolele de la Târgșor și Budești. Astfel, la Târgșor mărgelele sferoidale de sticlă decorate cu "ochi" (grupate de I. Ioniță în tipul 7) și cele ornamentate cu linii încrustate (tipul 8, după I. Ioniță) au apărut, fără excepție, în morminte datate în faza târzie (a III-a) de funcționare a cimitirului (Ioniță 1986, 298,302,316, tab. 1). Consemnăm că mărgele sferoidale mici de sticlă nu au fost identificate în necropola de la Târgșor. În schimb, podoabele de acest tip sunt bine reprezentate în cimitirul de la Budești, fiind datate aici exclusiv în faza târzie (a III-a) de evoluție a complexului (Vornic 1999, 175-179, tab. 1). Cât privește mărgelele sferoidale cu décor încrustat de la Budești, acestea au apărut în morminte datând din fazele a II-a și a III-a de evoluție a necropolei (ibidem).

Ținând seama de datele oferite de descoperirile din complexele romane și din necropolele de la Târgșor și Budești, fixăm cronologia mărgelelor de tipul celor de la Cantemir din mediul culturii Sântana de Mureș la mijlocul și în a doua jumătate a sec. IV e.n.

În ceea ce privește fusaiola și vasele din pastă fină cenușie din mormântul de la Cantemir, trebuie notat că ele sunt de certă factură locală, spre deosebire de mărgele și amforă, fiind foarte probabil lucrate în așezarea aferentă. Așa cum bine se știe, fusaiolele de lut ars sunt apariții extrem de frecvente în cadrul culturii Sântana de Mureș-Černjachov, nelipsind din nici o așezare sau necropolă investigată mai intens prin săpături. Cele mai numeroase sunt fusaiolele de formă bitronconică cu registrele de dimensiuni egale și bazele albiate. Nu lipsesc din descoperiri însă nici fusaiolele de alte tipuri, inclusiv exemplare de forma celei de la Cantemir. Astfel, fusaiole bitronconice cu o bază plată și alta concavă au fost semnalate în stațiunile de la Bârlad-Valea Seacă (Palade 2004, fig. 2,3; 20,5;

30,2; 202,3), Dănceni (Рафалович 1986, табл. XVIII,5), Miorcani (Ioniță 1974, 88, fig. 3,8), Oselivka (Никитина 1988, 26,2; 42,Б.3) și Ripnev (Баран 1964, рис. 7,21). Este interesant de consemnat că fusaiole de acest tip au fost identificate și în unele așezări din epoca romană de tip Etulia din sudul spațiului prato-nistrean, cum ar fi spre exemplu la Cișmichioi (Гудкова 1999, 296, рис. 22,2.4). Din punct de vedere cronologic, piesele din această categorie se datează larg, în cursul sec. III-IV e.n. Notăm totuși că în necropola de la Budești fusaiolele de lut de formă bitronconică cu bazele albiate au apărut, cu o singură excepție, în morminte datate în prima etapă de funcționare a complexului, corespunzătoare primei jumătăți a sec. IV e.n. (Vornic 1999, 1975-1979, tab. 1).

Referitor la cele două recipiente lucrate la roată din pastă fină provenite din mormântul de care ne ocupăm, trebuie subliniat că ele își găsesc analogii din abundență în obiectivele culturii Sântana de Mureș-Černjachov. Astfel, forma de strachină de la Cantemir, cu umerii ridicați, mai mult sau mai puțin evidențiați, marginea răsfrântă puternic în exterior și fundul inelar se întâlnește foarte frecvent și în mai multe variante în așezările și necropolele de tip Sântana de Mureș-Černjachov, fiind atestată aproape în fiecare complex explorat prin săpături. Ne rezumăm a trimite la principalele așezări și necropole: Bârlad-Valea Seacă (Palade 2004, fig. 100,3-4; 132,3; 175,6; 215,2), Budești (Рикман 1967, рис. 11,6; 14,3; 24,3; 28,5), Târgșor (Diaconu 1965, LXXXI,4; LXXXXII,1; LXXXVI,2; LXXXVIII,3-4; XCIV,4; CI,1; CII,4; CVII,2; CXXIII,1; Ioniță 1986, 337, Ab. 20,2), Mihălășeni (Șovan 1999, 15,17, fig. 5,2-5), Iași-Nicolina (Ioniță 1985, fig. 9,6-7), Dănceni (Рафалович 1986, табл. XXIII,5; XXIV,10; XXV,5, 7; XXX,7; XXXXII,2; LVII,1.4), Černjachov (Петров 1964, 95, рис. 4,6, 20; 6,1.11), Maslovo (Петров 1964а, 154,155, рис. 13,27; 14,16) etc. Cât privește încadrarea cronologică, străchinile de tipul celei de la Cantemir se datează, în linii mari, în cursul secolului al IV-lea e.n. O cronologie a lor mai exactă nu a putut fi încă fixată.

Cel de al doilea vas lucrat la roată din pastă fină din mormântul de la Cantemir avut în discuție este o cană de dimensiuni mici, cu gâtul cilindric și corpul bitronconic, formă ce își găsește corespondențe cu precădere în aria vestică a culturii Sântana de Mureș-Černjachov, cum ar fi spre exemplu la Bârlad-Valea Seacă (Palade 2004, fig. 19,5; 42,30; 271,1; 292,2), Mihălășeni (Șovan 1999, 16,18, fig. 6,2), Spanțov (Mitrea, Preda 1966, fig. 30,2), Târgșor (Diaconu 1965, pl. XXXVII,8; LXXII,2; XCVII,3) și Furmanovka (Сымонович 1988, рис. 5,8; 14,14). Câte două cănițe cu corpul bitronconic, având însă gâtul și toarta rupte, au mai fost semnalate în necropolele Sântana de Mureș de la Budești (Рикман 1967, рис. 20,1; 35,1) și Oselivka (Никитина 1988, табл. 25,А.1; 26,Б.2). Este interesant de remarcat că la Budești amândouă cănițele au apărut în morminte datate în prima fază de funcționare a cimitirului, proiectată de noi în prima jumătate a sec. IV e.n. (Vornic 1999, 175-179, tab. 1). Cele trei morminte cu cănițe bitronconice în inventar din cimitirul de la Târgșor însă au fost datate, unul în faza timpurie, iar două în faza mijlocie de evoluție a complexului (Ioniță 1986, 300,316, tab. 1). Este important de subliniat că unul din mormintele cu căniță de tipul celei de la Cantemir din necropola de la Târgșor conținea, printre altele, două fibule de bronz cu piciorul înfășurat și resortul lung lucrat din două bucăți de sârmă (Diaconu 1965, 61,247, pl. XCVII). În asociere cu fibule având piciorul înfășurat și resortul lung executat din două sau trei bucăți de sârmă au fost găsite și cele două căniță cu gâtul cilindric și corpul bitronconic din necropola de la Furmanovka (Сымонович 1988, рис. 5; 14).

Tipul de fibulă cu piciorul înfășurat și resortul prelung este relativ bine datat. Cei mai mulți specialiști plasează fibulele de acest fel la sfârșitul secolului al III-lea și în prima jumătate a secolului al IV-lea (Амброз 1966, 63). Potrivit lui I. Ioniță, fibulele cu piciorul înfășurat și resortul prelung aparțin etapei a doua a culturii Sântana de Mureș-Černjachov, datată C_2 târziu și C_{3a} (Ioniță 1992, 82).

În funcție de indicațiile cronologice oferite de fibule și alte elemente, cănițele cu corpul bitronconic și gâtul cilindric din necropolele de la Furmanovka, Târgșor și Budești s-ar plasa în timp în prima jumătate a secolului IV e.n. O perioadă mult mai îndelungată însă au fost întrebuințate cănițele de tipul celei de la Cantemir în marile stațiuni Sântana de Mureș de la Mihălășeni și Bârlad-Valea Seacă. Potrivit observațiilor lui O. Șovan, în necropola de la Mihălășeni cănițele scunde cu corpul bitronconic și gâtul ușor arcuit (tipul 1a) au fost depuse în morminte în toate cele trei faze de funcționare a complexului, adică de la sfârșitul secolului al III-lea până la începutul secolului al V-lea (Șovan 1999, 16,18,20). Aproximativ în același diapazon cronologic, sfârșitul secolului al III-lea –

începutul secolului al V-lea, se încadrează şi căniţele cu corpul bitronconic şi gâtul cilindric din celebra staţiune de tip Sântana de Mureş de la Bârlad-Valea Seacă. Această datare este asigurată de cronologia complexelor în cuprinsul cărora s-au găsit recipientele la care ne referim. Astfel, bordeiul nr.18 care conţinea, alături de alte materiale, şi câteva căniţe fragmentare de tipul celei de la Cantemir se datează pe baza unei fibule cu portagrafa înaltă în faza timpurie de existenţă a aşezării, mai exact la sfârşitul secolului al III-lea e.n. (Palade 2004, 63,223). Printre complexele cele mai târzii cu căniţe în inventar din necropola de la Bârlad-Valea Seacă este de menţionat mormântul 541, care cuprindea un inventar foarte bogat şi variat (ibidem, 147, fig. 292). Acest complex funerar se încadrează, pe baza unui pahar de sticlă conic decorat cu faţete alungite şi a două fibule de argint cu placă şi semidisc, în prima etapă a epocii stăpânirii hunice (Гавритухин 1999, 56,57).

Aşadar, tipul de căniţă cu gâtul cilindric şi corpul bitronconic din cultura Sântana de Mureş nu poate fi datat mai restrâns, decât în prima jumătate a secolului IV, ci mult mai larg, de la sfârşitul secolului III şi până la începutul secolului V e.n. Trebuie precizat totuşi că majoritatea recipientelor de acest fel din spaţiul pruto-nistrean datează din prima jumătate a secolului IV e.n., adică din etapa C_2 târzie şi până către partea finală a etapei C_{3a}.

Căniţele lucrate la roată din pastă fină de tipul celei de la Cantemir sunt de evidentă origine dacică, în secolele II-III e.n. fiind frecvent utilizate în aşezările şi necropolele dacilor liberi din spaţiul est-carpatic (Bichir 1973, 82,83, pl. CXXVI,1-2).

După cum am consemnat deja, inventarul mormântului de la Cantemir mai conţinea şi o amforă romană de import. Deşi s-a păstrat în stare fragmentară, amfora a putut fi aproape complet întregită, aşa încât stabilirea tipului la care aparţine nu întâmpină nici o dificultate. Ea face parte din categoria amforelor de culoare deschisă (albuie, gălbuie sau roz), cu pigmentaţii negre şi maronii, având gâtul îngust, puţin tronconic, înalt, buza îngroşată, corpul piriform alungit, cu suprafaţa exterioară canelată şi piciorul pe suport inelar. În literatura de specialitate amforele de acest fel au fost numite uneori *„de tip Inkerman"*, după o descoperire făcută de S. Strželeckij în anul 1940 în necropola de la Inkerman din peninsula Crimeea (Стржелецкий 1947, 292,293, рис. 7; Щукин 1968, 41; Кравченко, Корпусова 1975, 42; Kazanski, Legoux 1988, 21). Cei mai mulţi cercetători care au elaborat tipologii proprii pentru amforele romane din regiunea circumpontică au denumit însă în mod diferit amforele din seria celei de la Cantemir: Zeest 1960, tipurile 104 şi 105; Kropotkin 1970, tipul 23; Scorpan 1975, tipul E; Šelov 1978, tipul F; Opaiţ 1996, tipul E-VI; Paraschiv 2002, tipul 3, varianta E.

Aşa cum au remarcat deja unii specialişti, amforele *„de tip Inkerman"* sunt cele mai numeroase, având respectiv şi cea mai largă utilizare, în arealul culturii Sântana de Mureş-Černjachov (Щукин 1968, 41; Кропоткин, Кропоткин 1988, 170). Destul de frecvent amforele de tipul celei de la Cantemir se întâlnesc şi în oraşele antice bosporane, în special la Panticapeum şi Phanagoria (Зеест 1960, 122). În centrele antice vest- şi nord-vest-pontice însă amforele *„de tip Inkerman"* sunt mai slab reprezentate. Din câte cunoaştem până în prezent, în zona istro-pontică a fost descoperită o singură piesă întreagă de acest tip într-un mormânt de înhumaţie din necropola romano-bizantină de la Beroe, iar fragmente aparţinând unor amfore similare au fost identificate în staţiunile de la Sacidava, Teliţa-Amza, Slava Rusă-Coşari, Gaugagia, Topraichioi şi Mihai Bravu (Scorpan 1975, 267; Opaiţ 1996, 76; Paraschiv 2002, 162). Destul de puţine amfore de tipul celei de la Cantemir par să fie şi la Tyras. Pentru moment deţinem informaţia doar asupra unei singure amfore *„de tip Inkerman"* descoperite în acest oraş antic de pe limanul Tyrasului. Este important de menţionat că recipientul la care ne referim a fost găsit sub ruinele unei construcţii de piatră împreună cu alte câteva amfore de tipuri diferite (Кравченко, Корпусова 1975, 20-42, рис. 5,1).

Deşi fragmente de amfore din pastă de nuanţe deschise cu gâtul îngust au fost semnalate foarte des în staţiunile aparţinând culturii Sântana de Mureş-Černjachov, nelipsind practic din nici o aşezare sau necropolă prospectată prin săpături, numărul amforelor întregi sau aproape întregi de tipul celei de la Cantemir descoperite în mediul acestui complex cultural este relativ redus. Spre exemplu, pe teritoriul actual al Republicii Moldova, în afară de exemplarul de la Cantemir, a mai fost găsită până în prezent o singură amforă *„de tip Inkerman"* întreagă în necropola din sec. IV e.n. de la Slobozia-Chişcăreni (Lazo) (Левинский 1999, 126, рис. 5,2). Tot acestui tip de amfore se pare că aparţin şi cele trei amfore descoperite în cimitirul Sântana de Mureş de la Oselivka (Никитина 1988,

23,61,79,91,96-97; табл. 10,3; 37,6; 48), precum şi alte trei amfore fragmentare identificate în aşezarea contemporană înrudită de la Komarov din nordul spaţiului pruto-nistrean (Кропоткин 1970, 9,69, рис. 32,1.2.4). Ţinem să subliniem însă că în privinţa amforelor de la Oselivka şi Komarov nu avem certitudinea că ele sunt *„de tip Inkerman"*, deoarece recipientele sunt descrise sumar, iar desenele publicate sunt deficitare şi cu inexactităţi.

Ceva mai multe amfore complete sau aproape complete de tipul celei de la Cantemir au fost documentate în complexele culturii Sântana de Mureş-Černjachov de pe teritoriul României şi în siturile din aria estică a acestei culturi. Astfel, pe teritoriul actual al României amfore *„de tip Inkerman"* întregi sau fragmentare, dar întregibile, au fost descoperite la Izvoare (Vulpe 1957, 295, fig. 315), Bogdăneşti-Fălciu (Palade 1973, 175, fig. 6,1), Bârlad-Valea Seacă (idem 2004, 557, fig. 207,5), Barcea (Tau, Nica 1982, 177, fig. 4,2), Târgşor (Diaconu 1965, 83,84, pl. CXXVI,1), Gherăseni (idem 1977, fig. 7,1), Spanţov (Mitrea, Preda 1966, 38, fig. 89,3), Independenţa (ibidem, 54, fig. 140,1), Alexandru Odobescu (ibidem, 98, fig. 237,1) şi Copuzu (Muşeţeanu 1986, 215, fig. 4,7). De remarcat că toate aceste staţiuni sunt situate în regiunile extracarpatice ale României, în aşezările şi necropolele Sântana de Mureş din interiorul arcului carpatic nefiind deocamdată atestată nici o amforă romană întreagă.

În aria estică a culturii Sântana de Mureş-Černjachov, după ştiinţa noastră, amfore *„de tip Inkerman"* complete sau aproape complete au fost semnalate în complexele de la Viktorovka (Сымонович 1967, 215, рис. 5) Frunzovka (Кравченко 1967, 163, рис. 1,1), Maximovka (Кропоткин 1970, 10). Nikolaevka (ibidem), Ivane-Zolotoe (Кропоткин, Кропоткин 1988, 180), Čapaevka (ibidem, 181), Orlovec (Кравченко, Корпусова 1975, 41, рис. 14), Čubovka (Магомедов 1987, 79), Kamenka-Anţekrak (ibidem), Nagornoe 2 (Магомедов 2001, 62), Dubjagi (ibidem) şi Vasilevka (Гудкова 1999, 366). De relevat că majoritatea acestor puncte arheologice sunt amplasate în zona de litoral nord-vest-pontică, zonă în care înrâurirea civilizaţiei romane s-a exercitat mai intens decât în regiunea de nord a culturii Černjachov. Ţinem să subliniem în acest context că în aria meridională a culturii Černjachov, mai exact în necropola Kaborga IV, a fost identificată şi o imitaţie de amforă romană *„de tip Inkerman"*. Spre deosebire de recipientele originale, amfora de la Kaborga a fost modelată dintr-o pastă fină, fără ingrediente şi arsă la cenuşiu (Магомедов 1987, 80, рис. 35,3), fiind fabricată, după toate probabilităţile, într-un atelier „romano-barbar" din mediul culturii Černjachov.

La fel ca şi alte categorii de vase romane de transport, amforele *„de tip Inkerman"* întregi din cadrul culturii Sântana de Mureş-Černjachov au fost descoperite, aproape fără excepţie, în morminte, unde au fost depuse ca ofrandă potrivit unor ritualuri greu de descifrat astăzi.

Aşa cum bine se ştie, pe gâtul sau pe umărul amforelor romane din prima jumătate a mileniului I e.n. se întâlnesc destul de frecvent diferite inscripţii sau semne anepigrafice desenate cu vopsea roşie, neagră ori de altă culoare. O inscripţie cu *tituli picti* de culoare roşie, constând din trei litere greceşti, **λ /έ π**, dispuse în două rânduri, are păstrată pe o porţiune din partea inferioară a gâtului şi amfora de la Cantemir. Deocamdată nu am găsit nici o analogie perfectă pentru aceşti *dipinti*, cu toate că literele **λ, έ** sau **π** apar relativ frecvent printre inscripţiile cu vopsea de pe amforele romane de diferite tipuri din epoca imperială (Кропоткин 1970, 53; Рикман 1972, 89,90; Rădulescu 1973, 201-203; Sapunie 1981, 144; Alexianu 1988, 107,110). Dintre corespondenţele mai apropiate pentru inscripţia cu vopsea de pe amfora de la Cantemir sunt de menţionat doi *tituli picti* de pe un gât de amforă de *„tip Inkerman"* de la Comrat, care cuprind literele **λ** şi **π**, pictate cu roşu, dispuse în două rânduri (material aflat în colecţiile Muzeului de Arheologie şi Etnografie din Chişinău). Inscripţia la care ne referim a fost publicată de E. Rikman într-un studiu apărut în anul 1972, dar a fost redată greşit, litera **λ** fiind interpretată drept **γ**, iar **π** drept **ή** (Рикман 1972, 89,90, рис. 2,7). Este interesant de remarcat că fragmentul de amforă de la Comrat are păstrate urmele unei a doua inscripţii, şterse din antichitate, care însă n-a fost semnalată de E. Rikman. În opinia unor specialişti, prezenţa pe amfore a două sau mai multor inscripţii cu vopsea, dintre care unele sunt şterse din vechime, denotă faptul că recipientele respective au fost refolosite de mai multe ori pentru transportul unor produse-mărfuri diferite, cu care prilej notările mai vechi erau şterse şi înlocuite cu altele mai noi adecvate noului conţinut (Rădulescu 1973, 295).

Inscripţiile cu *tituli picti* de pe amforele romane, studiate cu migală, pot oferi indicii preţioase pentru stabilirea originii, răspândirii şi cronologiei diferitor tipuri de amfore. De asemenea, însemnările cu vopsea conţin uneori informaţii importante despre numele proprietarilor de amfore, a transportatorilor şi a negustorilor, precum şi date despre conţinutul şi calitatea mărfurilor transportate în aceste tipuri de recipiente (Гайдукевич 1963, 29; Tudor 1968, 391-399; Popilian 1976, 40-45; Sanie 1981, 138-146; Alexianu 1988, 105-116).

Cât priveşte inscripţia de pe amfora de la Cantemir, ea ar putea indica capacitatea convenţională a recipientului sau cantitatea reală a conţinutului introdus în vas. Am formulat această supoziţie bazându-ne pe faptul că literele greceşti **λ, έ** şi **π** au valori numerice. Subliniem însă că rezolvarea propusă poate reprezenta doar una din variantele posibile, deoarece însemnările cuprinse în aceşti *tituli picti* pot avea semnificaţii multiple.

Amforele romane de import descoperite în aşezările şi necropolele culturii Sântana de Mureş-Černjachov ridică o multitudine de probleme, dintre care unele, cum ar fi determinarea centrelor de proveniență, identificarea produselor transportate şi precizarea cronologiei, sunt mai complicate, dar şi importante.

În ceea ce priveşte originea amforelor *„de tip Inkerman"*, cei mai mulţi specialişti consideră că ele sunt de proveniență pontică. Centrele de producţie ale acestor recipiente sunt căutate însă de cercetători în zone diferite. Astfel, unii specialişti, precum V. Gajdukevič, D. Šelov ş.a., socot că centrele de proveniență ale amforelor cu gâtul îngust lucrate din pastă alburie cu pigmentaţii negre şi maronii în compoziţie s-ar afla în Asia Mică, iar prezenţa în număr mare a vaselor de transport de acest tip în complexele culturii Sântana de Mureş-Černjachov ar atesta intensificarea relaţiilor economice ale populaţiilor „černjachoviene" cu ţărmul de sud al Mării Negre (Гайдукевич 1963, 28; Шелов 1978, 20). Această idee este respinsă însă de D. Paraschiv, care crede că "numărul mare de exemplare descoperite în Crimeea şi în Moldova demonstrează că principalele ateliere ale acestui tip trebuie căutate în zona nord-pontică" (Paraschiv 2002, 172). În ce ne priveşte, deşi nu excludem posibilitatea existenţei unor ateliere de producţie ale unor variante de amfore cu gâtul îngust în oraşele bosporane (Sanie 1981, 136), considerăm că principalele centre de proveniență ale acestui tip de amfore s-au aflat în zona sud-pontică. Dovada cea mai concludentă în sprijinul ipotezei respective o constituie descoperirea la Alapi (12 km sud de Heraclea Pontică) a unui atelier de olărie în care se fabricau, alături de alte tipuri, şi unele variante mai timpurii de amfore cu gâtul îngust de nuanţe deschise, variante de care *„tipul Inkerman"* se leagă genetic (Paraschiv 2002, 167,172).

Referitor la felul conţinutului transportat în amforele de tipul celei de la Cantemir, subliniem că cei mai mulţi specialişti indică drept produs principal vinul. Descoperirea unei amfore *„de tip Tanais"* cu ulei de măsline la Şcheia (jud. Galaţi) (Brudiu 1976, 159-163) dovedeşte clar însă că era importat şi acest lichid.

Printre problemele mai dificile ridicate de amforele romane în discuţie se numără şi încadrarea lor cronologică. După părerea lui M. Ščukin şi V. Kropotkin, amforele *„de tip Inkerman"* se datează larg, în a doua jumătate a sec. III - sec. IV e.n. (Щукин 1968, 42; Кропоткин 1970, 14). Cei mai mulţi arheologi pledează însă pentru o datare mai restrânsă: la sfârşitul sec. III - sec. IV (Зеест 1960, 122; Кравченко, Корпусова 1975, 31; Шелов, 1978, 19) sau în cursul sec. IV e.n. (Diaconu 1965, 83,84; Mitrea, Preda 1966; 134.146; Айбабин 1984, 114; Магомедов 1987, 80; Гудкова 1999, 356; Paraschiv 2002, 172). O cronologie complet diferită pentru vasele în discuţie din cultura Sântana de Mureş-Černjachov au fixat M. Kazanski şi R. Legoux. Potrivit acestor autori, amforele *„de tip Inkerman"* ar fi caracteristice fazei timpurii a culturii Sântana de Mureş-Černjachov, care ar fi durat „până în a doua treime a sec. IV" (Kazanski, Legoux 1988, 21,37). În privinţa acestei încadrări cronologice ţinem să subliniem însă că ea este categoric contrazisă de datarea complexelor în cuprinsul cărora s-au găsit vasele la care ne referim. În realitate, majoritatea, dacă nu chiar totalitatea complexelor cu amfore *„de tip Inkerman"* din cultura Sântana de Mureş-Černjachov se datează nu în faza timpurie, ci în etapele mijlocie şi târzie ale culturii respective, mai exact în al doilea pătrar şi în a doua jumătate a sec. IV e.n. Relevăm că aprecierea noastră se sprijină pe datarea mai precisă, pe baza întregului inventar, a mormintelor cu amfore *„de tip Inkerman"* întregi sau întregibile din necropolele de la Slobozia-Chişcăreni, Izvoare, Bârlad-Valea Seacă, Bogdăneşti-Fălciu, Barcea, Copuzu, Târgşor, Spanţov, Independenţa, Alexandru Odobescu, Viktorovka ş.a.

Cât privește mormântul cu amforă de la Cantemir, în funcție de indiciile oferite de întregul inventar, dar mai ales de mărgelele de sticlă, fixăm cronologia acestuia la mijlocul și în a doua jumătate a sec. IV e.n. Este interesant de remarcat că această datare corespunde, în linii generale, cu cronologia stabilită de cercetători pentru stațiunile de tip Sântana de Mureș din zona de sud a spațiului pruto-nistrean, zonă în care se situează și complexul de la Cantemir (Щербакова 1990, 159, 160; Гудкова 1999, 366).

Complexul funerar de la Cantemir completează harta arheologică a Republicii Moldova cu încă o descoperire datând din epoca migrației goților. De altfel, această stațiune este situată într-o microregiune în care așezările și necropolele aparținând culturii Sântana de Mureș-Černjachov sunt extrem de rare. Trebuie remarcat însă că ea se află în preajma râului Prut, de-a lungul căruia, atât la nord, cât și la sud, au fost semnalate anterior un număr însemnat de situri din sec. IV e.n. Așa cum bine se cunoaște, râul Prut și valea acestuia au reprezentat în antichitate una din cele mai importante căi de circulație a mărfurilor în ținutul est-carpatic, pe această arteră de comunicație fiind adusă și o parte considerabilă a produselor de proveniență romană, inclusiv diferitele sorturi de vinuri și uleiuri transportate în amfore de tipul celei de la Cantemir.

BIBLIOGRAFIE

Alexianu 1988: M. Alexianu, Răspândirea amforelor cu inscripții în teritoriul dacic liber din estul României. AM XII, 1988, 105-116.

Bichir 1973: Gh. Bichir, Cultura carpică (București 1973).

Brudiu 1976: M. Brudiu, O amforă cu ulei de măsline din sec. II-III p. Chr. descoperită la Șcheia, jud. Galați. Muzeul Național III, București, 1976, 158-163.

Diaconu 1965: Gh. Diaconu, Tîrgșor. Necropola din secolele II-IV e.n.(București 1965).

Ioniță 1974: I. Ioniță, Necropola din secolul IV e.n. de la Miorcani, județul Botoșani. CI 5, 1974, 81-92.

Ioniță 1982: I. Ioniță, Din istoria și civilizația dacilor liberi (Iași 1982).

Ioniță 1985: I. Ioniță, Importante descoperiri arheologice din perioada de formare a poporului român în așezarea de la Iași-Nicolina. AM X, 1985, 30-49.

Ioniță 1986: I. Ioniță, Chronologie der Sântana de Mureș-Černjachov Kultur. Peregrinatio Gothica. Archeologia Baltica 7, Lodz, 1986, 295-351.

Ioniță 1992: I. Ioniță, Die Fibeln mit umgeschlagenem fuss in der Sântana de Mureș-Černjachov-Kultur. Peregrinatio Gotika III, Oslo, 1992, 77-90

Kazanski, Legoux 1988: M. Kazanski, R. Legoux, Contribution a l'étude des témoignages archéologiques des Goths en Europe orientale a l'époque des Grandes Migrations: La cronologie de la culture de Černjachov récente. Archéologie Médievale XVIII, Paris, 1988, 7-53.

Keller 1971: E. Keller, Die spätrömischen Grabfunde in Südbaiern (München 1971).

Mitrea, Preda 1966: B. Mitrea, C. Preda, Necropole din secolul al IV-lea în Muntenia (București 1966).

Opaiț 1996: A. Opaiț, Aspecte ale vieții economice din Provincia Scytia (sec. IV – VI p. Ch.) (București 1996).

Palade 1973: V. Palade, Săpăturile arheologice de la Bogdănești-Fălciu, jud. Vaslui (1967-1968). MCA X, 1973, 169-189.

Palade 2004: V. Palade, Așezarea și necropola de la Bârlad-Valea Seacă (secolele III-V) (București 2004).

Paraschiv 2002: D. Paraschiv, Amfore pontice romane și romano-bizantine din zona Dunării de Jos. AM XXV, 165-207.

Popilian 1976: Gh. Popilian, 1976, Ceramica romană din Oltenia (Craiova 1976).

Preda 1980: C. Preda, Callatis. Necropola romano-bizantină (București 1980).

Rădulescu 1973: A. Rădulescu, Amfore cu inscripții de la edificiul roman cu mosaic din Tomis. Pontica VI, 1973, 193-207.

Sanie 1981: S. Sanie, Civilizația romană de la est de Carpați și romanitatea pe teritoriul Moldovei (Iași 1981).

Scorpan 1975: C. Scorpan, Ceramica romano-bizantină de la Sacidava. Pontica VIII, 1975, 263-313.

Șovan 1999: O. L. Șovan, La Chronologie de la necropole de Mihălășeni, Roumanie. In: Die Sântana de Mureș-Černjachov-Kultur (Bonn, 1999), 13-21.

Tudor 1968: D. Tudor, Importul de vin și untdelemn în provncia Dacia. Apulum VII, Alba Iulia, 1968, 391-399.

Țau, Nicu 1982: S. Țau, M. Nicu, Săpăturile din necropola birituală de la Barcea (jud. Galați). MCA XIX, 1982, 172-179.

Vornic 1999: V. Vornic, Așezarea și necropola de tip Sântana de Mureș de la Budești (r. Criuleni, Rep. Moldova) (Teza de doctorat) (Iași 1999)

Vulpe 1953: R.Vulpe, Săpăturile de la Poienești din 1949. MCA I, 1953, 213-254.

Айбабин 1984: А.И. Айбабин, Проблемы хронологии могильников Крыма позднеримского времени. СА 1, 1984, 104-122.

Амброз 1966: А. К. Амброз, Фибулы юга Европейской части СССР. САИ Вып. Д, 1-30 (Москва 1966).

Баран 1964: В.Д. Баран, Памятники черняховской культуры бассейна Западного Буга. МИА 116, 1964, 213-252.

Гавритухин 1999: И.О. Гавритухин, Хронологические индикаторы финала черняховской культуры. В сб.: Сто лет черняховской культуры (Киев 1999), 48-70.
Гайдукевич 1963: В.Ф. Гайдукевич, Керамический комплекс II в. н.э. из Мирмекия. КСИА 95, 1963, 25-32.
Гудкова 1999: А.В. Гудкова, I – IV вв. в Северо-Западном Причерноморье (Культура оседлого населения). Stratum plus, 1999, 235-404
Зеест 1960: И.Б. Зеест, Керамическая тара Боспора. МИА 83, 1960.
Левинский 1999: А.Н. Левинский, Лазо – могильник финальной фазы черняховской культуры в Молдавии. Stratum-plus 4, 1999, 121-166.
Кравченко 1967: А.А. Кравченко, Могильник черняховской культуры в селе Фрунзовка. МИА 139, 1967, 161-164.
Кравченко, Корпусова 1975: Н. М. Кравченко, В.Н Корпусова, Деякі риси матеріальної культури Пізньоримської Тіри. Археологія 18, Киев, 1975, 20-42.
Кропоткин 1970: В.В. Кропоткин, Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. – V в. н. э). САИ, вып. Д 1-27 (Москва 1970).
Кропоткин, Кропоткин 1988: А.В. Кропоткин, З.В. Кропоткин, Северная граница распространения римских амфор в Восточной Европе. В сб.: Могильники черняховской культуры (Москва 1988), 168-185.
Магомедов 1987: Б.В. Магомедов, Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья (Киев 1987).
Магомедов 2001: Б.В. Магомедов, Черняховская культура. Проблема этноса (Люблин 2001).
Никитина 1988: Г.Ф. Никитина, Могильник у с. Оселивка Кельменецкого района Черновицкой области. В сб.: Могильники черняховской культуры (Москва 1988), 5-97.
Петров 1964: В.П. Петров, Черняховский могильник (по материалам раскопок В.В.Хвойки в 1900-1901 гг.). МИА 116, 1964, 53-117.
Петров 1964а: В.П. Петров, Масловский могильник на р. Товмач (по материалам раскопок П.И.Смоличева и С.С. Гамченко в 1926, 1928 и 1929 гг.). МИА 116, 1964, 118-167.
Рикман 1967: Э.А. Рикман, Памятник великого переселения народов (по раскопкам поселения и могильника у с. Будешты) (Кишинев 1967).
Рикман 1972: Э.А. Рикман, Вопрос датировки импортных вещей в памятниках элемен черняховской культуры Днестровско-Прутского междуречья. СА 4, 1972, 84-101.
Стржелецкий 1947: С.Ф.Стржелецкий, Раскопки в Инкермане в 1940 г. СА IX,1947, 290-296.
Сымонович 1967: Э.А. Сымонович, Итоги исследований черняховских памятников в Северном Причерноморье. МИА 139, 205-237.
Сымонович 1988: Э.А. Сымонович, Придунайский могильник Фурмановка. В сб: Могильники Черняховской культуры (Москва 1988), 143-163.
Шелов 1978 Д.Б. Шелов, Узкогорлые светлоглинянные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология. КСИА 176, 1978, 16-21.
Щербакова 1990: Т.А. Щербакова, Могильник черняховской культуры у с. Чалык. В сб.: Археологические исследования в Молдавии в 1985 (Кишинев 1990), 141-162.
Щукин 1968: М.Б. Щукин, Вопросы хронологии черняховской культуры и находки амфор. СА 2, 1968, 41-51.

Vlad Vornic,
Institutul de Arheologie şi Etnografie, Academia de Ştiinţe din RM,
str. Mitropolitul Bănulescu-Bodoni 35, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova

Larisa Ciobanu,
Institutul de Arheologie şi Etnografie, Academia de Ştiinţe din RM,
str. Mitropolitul Bănulescu-Bodoni 35, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova

О ЛИСТОВИДНЫХ УКРАШЕНИЯХ – ПОДВЕСКАХ, КОПОУШКАХ И РЕШМАХ

Светлана Рябцева, Кишинэу

Articolul este consacrat descoperirilor de podoabe turnate în formă de frunză ajurată, atribute culturii materiale a pecenegilor. Pandantivele foliforme cu ornament vegetal sau geometric erau caracteristice veştimentaţiei femeilor şi fetiţelor. Motivul pomului de pe aceste piese, posibil, are rădăcini în tradiţia sasanidă de prelucrare a fierului. Pandantivele timpurii în formă de frunză provin din materialele culturii siberiene Srostki. În procesul de înaintare a hoardelor pecenege spre vest moda podoabelor similare s-a răspîndit din zona râului Volga până în Balcani. La contactul pecenegilor cu cultura materială a alanilor este posibil să se fi realizat sinteza de tip pandantiv peceneg foliform cu decorul „pom" şi baghera (ustensila de curăţat urechile) cu capătul în formă de lopăţică. Posibil, de la alani pecenegii au preluat şi tipul aplicelor-pandantive în formă de frunză ajurată pentru decorarea harnaşamentului cailor, îmbogăţind aceste piese cu motivul pomului.

Статья посвящена находкам литых ажурных листовидных украшений, связываемых с материальной культурой печенегов. Листовидные подвески с растительным или геометризированным орнаментом были характерны для костюма женщин и девочек. Древовидный орнамент этих изделий, возможно, имеет истоки в сасанидской металлообработке. Ранние листовидные подвески происходят из материалов сибирской сросткинской культуры. При продвижении печенежских орд на запад мода на подобные украшения распространилась от Поволжья до Балкан. При соприкосновении печенегов с материальной культурой алан, возможно, произошел синтез типа печенежской листовидной подвески с древовидным орнаментом и аланской копоушки с завершением в виде лопаточки. Возможно, от алан печенеги позаимствовали и тип ажурных листовидных решм для декорировки конской сбруи, обогатив эти изделия древовидным мотивом.

The article is dedicated to the finds of cast open-worked leaf-like ornaments usually associated with the material culture of the Petcheregers. Leaf-like pendants with vegetable or geometric ornament were typical of women's and girls' dress. Tree-like ornament on such objects seems to be connected with Sasanidian metalwork. An earlier variant of leaf-like pendants was found on sites of Srostkinskaya culture in Siberia. Migration of Petcheneger tribes to the west made such ornaments fashionable from the Volga river to the Balkan region. Contacts between Petchenegers and the Alans appear to have resulted in a synthesis of the Petcheneger pendant with tree-like ornament and Alan kopoushkas (ear cleaning stick) with spade-like ending. Seemingly, the type of open-worked leaf-like reshms for decoration of harness was also borrowed by the Petchenegers from the Alans and enriched with the tree-like ornament.

С территории Карпато-Дунайских земель происходит довольно представительная подборка литых ажурных листовидных украшений, часто интерпретируемых в литературе, как подвески. В Молдове при раскопках впускного позднекочевнического захоронения в кургане, расположенном между селами Шальвир и Паланка (Дрокиевский район), был найден один экземпляр подобной подвески (Курчагов 1991, 23, 24).[1] Курган представлял собой насыпь ямного времени, в которую были впущены погребения эпохи поздней бронзы. В начале нашей эры комплекс дополнился позднесарматским могильником, а в начале второго тыс. н.э. было совершено еще несколько впускных погребений. Захоронение № 26, в котором была найдена бронзовая листовидная подвеска, принадлежало девочке – подростку. Подвеска, вероятно, входила в состав ожерелья, так как поблизости от неё было расчищено 9 пастовых бусин.

Листовидная подвеска из этого захоронения довольно крупного размера (7,7x5,1см), выполнена в технике литья (вероятно, по восковой модели) в односторонней литейной форме (рис. 1,1). В центре подвески расположено четыре отверстия неправильной формы. Фигура, обрамляющая эти отверстия, напоминает косой крест. По краю подвеска украшена углубленным циркульным орнаментом. Орнамент, скорее всего, был нанесён на восковую модель при помощи штампов. Нижний край изделия обломан в древности.

На территории Румынии было обнаружено гораздо большее количество листовидных подвесок. Они были найдены: в Добрудже – в Диногеции (6 экз.), Нуфэру (1 экз.), Пэкуюл луй Соаре (2 экз.), «Валя Дачелор» (1 экз.) и Истрии (2 экз.); Валахии - в Букурешть-Стрэулешть (1 экз) (Dumitriu 2002, 49, Taf. 15/1-5,9; 71/1,9-10; 80/13-14; 93/13); Румынской

[1] Приношу благодарность С.И. Курчатову за возможность ознакомиться с материалами раскопок.

Молдове – Тодирень (2 экз.), Брэхэшешть (1 экз.), Берешть (1 экз.) (Spinei 1973, 279, fig 1; Idem 1994, 460, fig. 26,4; Idem 1999, 132-133, fig. 27-28) (рис. 1,2-14; рис. 2,16-20). Находят подобные подвески, как правило, в захоронениях, относимых к древностям печенегов. Причем встречаются они только в захоронениях женщин и девочек (Федоров-Давыдов 1966, 116; Spinei 1973, 28[7]).

Техника изготовления этих подвесок та же – литье в односторонних формах, однако среди них встречаются изделия с гораздо более сложным орнаментом, чем на украшении из Шальвир. Этот прорезной орнамент интерпретируется исследователями по-разному: как древо жизни, ящерица или птица с распростертыми крыльями (Йотов 2000, 210). Мы склонны рассматривать эту композицию, как растительную, древовидную, на чем подробнее остановимся ниже.

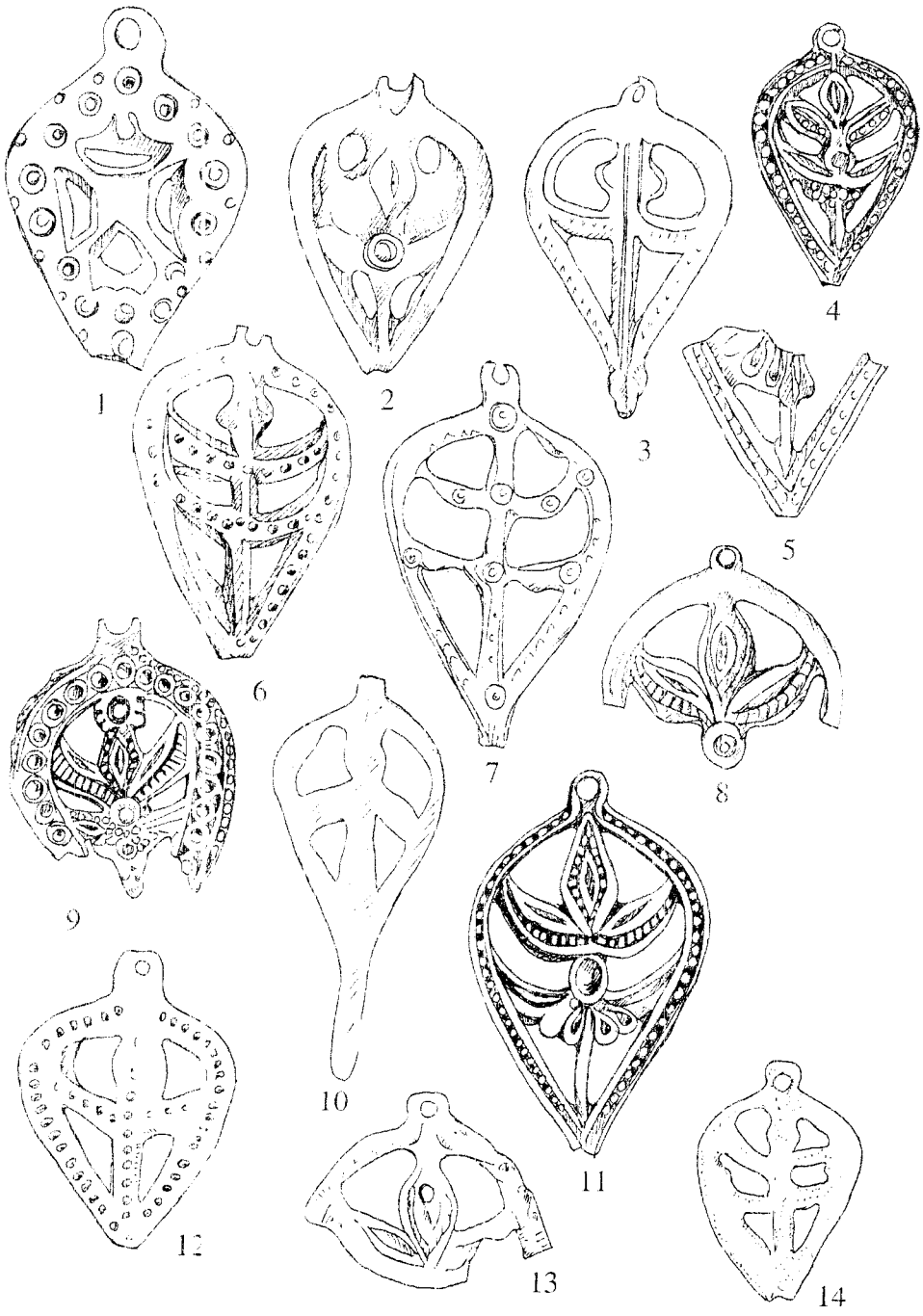


Рис. 1. Листовидные подвески и копоушки (масштабы разные): 1 - Шальвиры (Молдова); 2-3,5-6,8,10 - Диногеция; 7-Нуфэру; 9,11-Истрия; 12-3 - Пэкуюл луй Соаре; 14 - Румыния (по Курчатов 1991 и Dumitriu 2001).

Среди этих изделий выделяются отливки разного качества. Есть изящные экземпляры с четко переданной листвой древа, вписанного в пространство подвески. По краю подвески располагается кайма из ложных перлов (рис. 1,4-5.8-9.11). Такие изделия могут быть объединены в тип I. Есть весьма схематизированные почти гладкие образцы, силуэт дерева на которых крайне упрощен, листва не проработана, применен только циркульный орнамент (рис. 1,2-3.6-7.10.12-14). Подобные отливки можно объединить в тип II.

Кроме того, подвески отличаются по наличию или отсутствию стержня в нижней части. Иметь стержень могут изделия, как первого, так и второго типа. На территории Румынии есть одна весьма схематизированная подвеска (происходит из Диногеции) с довольно длинным стержнем (рис. 1,10). У пары подвесок из Тодирень - стержни более короткие (рис. 2,16-17). Кроме того, есть экземпляры подвесок, где этот стержень явно обломан (например, из Букурешть-Стрэулешть (рис. 2,20). Есть - сильно фрагментированные экземпляры, у которых нельзя установить наличие стержня. Встречаются отливки, у которых подобный стержень не был предусмотрен изначально. Весьма упрощенным вариантом второго типа является и крупная подвеска из Шальвир.

Подвеска, найденная в 1960 г. в захоронении в Берешть (ритуал захоронения не известен – Spinei 1974, 394), отличается от остальных экземпляров тем, что у нее орнамент в виде древа соединен с изображением тюльпановидного цветка (рис. 2,19). Нижняя часть подвески также завершается расширением наподобие цветочной чашечки (Spinei 1985, 220, fig. 48,2). В целом, эта подвеска близка ко второму типу – она гладкая, изображение сильно схематизировано. Однако если приглядеться внимательно к этому изделию, то можно выделить не только декоративные, но и конструктивные отличия. То, что подвесное отверстие расположено не в одной плоскости с самим изделием, как у остальных экземпляров, а сбоку ушка, позволяет реконструировать возможность применения шарнирного крепления, характерного для другого типа листовидных украшений – решм, служивших для декорировки козской сбруи (рис. 3,12-14, 16). В нижней части украшения из Берешть есть отверстие, к которому можно было прикрепить дополнительную привеску, как мы это видим на решме из позднеаланского могильника «Андреевская щель» под Анапой (рис. 3,12).

На территории Болгарии находок листовидных украшений практически столько же, как и в Румынии – к настоящему времени известно 15 местонахождений (Йотов 2000, 211, табл. 1) (рис. 2,1-15). Наибольшее количество их происходит из Варны, Плиски и Силистры. Среди болгарских находок нет экземпляров с длинными нижними стержнями. Выделяются экземпляры с небольшим рудиментарным стержнем (находки из Варны и Вылнари, Шуменской обл.), часто встречаются подвески с обломанным нижним краем. Есть отливки, у которых нижний стержень не был предусмотрен изначально, или заменен каплевидным завершением нижний части.

В. Йотов поделил известные ему отливки на три типа. Тип I – более миниатюрные изделия с четырьмя прорезями (соответствует нашему второму типу). Тип II – более крупные и сложные украшения с шестью отверстиями (соответствует нашему первому типу). Кроме того, исследователь, объединил с листовидными и лунницевидные подвески (тип III), имеющие, на наш взгляд, иное происхождение (Йотов 2000, 211, рис. 1).

По характеру погребального обряда и инвентаря захоронений, в которых находят подобные подвески на территории Болгарии, их также соотносят с печенежским населением. При датировке этих находок упор, как правило, делается на сообщения письменных источников. Румынские образцы датируются более широко – в пределах X-XII вв (Spinei 1973, 277-292) или X-XI вв. (Dumitriu 2002, 49). Основанием для подобных датировок служат сообщения источников о продвижении печенегов из южнорусских степей на запад. Образцы из Болгарии на основании соотнесения данных письменных источников и археологического контекста находок были продатированы 30-90 гг. XI в. (Йотов 2000, 212).

На восток от Карпато-Поднестровья подобные подвески известны до Поволжья и Сибири. Вернее, можно говорить о распространении этих изделий в широтном направлении с востока на запад. Зачастую подобные находки интерпретируются российскими исследователями как копоушки – из-за наличия нижнего стержня, в ряде случаев обломанного (Плетнева 1963, 255; Федоров-Давыдов 1966, 54, рис. 9). Основным ареалом распространения подобных крупных копоушек является Нижнее Поволжье и Нижнее Подонье,

встречаются они также в Нижнем Поднепровье и на территории Одесской области. Г.А. Федоровым-Давыдовым было зафиксировано около 30 пунктов находок подобных копоушек (Федоров-Давыдов 1966, 68, карта 20).

Встречаются и изделия, не служившие в качестве копоушек. Экземпляр, найденный в кургане Ур-Бедари в ареале распространения сибирской сростекинской культуры, вероятно, является именно подвеской. Судя по доступному нам изображению, у него не было нижнего штыря, так как контур подвески ограничен ложной сканью (Степи Евразии 1981, 135, рис. 27,79). В центр подвески вписано четкое хорошо проработанное изображение трехлепесткового древа, верхний лист которого украшен глазковым орнаментом (и сам лист подобен глазу). По краю изделия расположен орнамент из глубоко врезанных кружков.

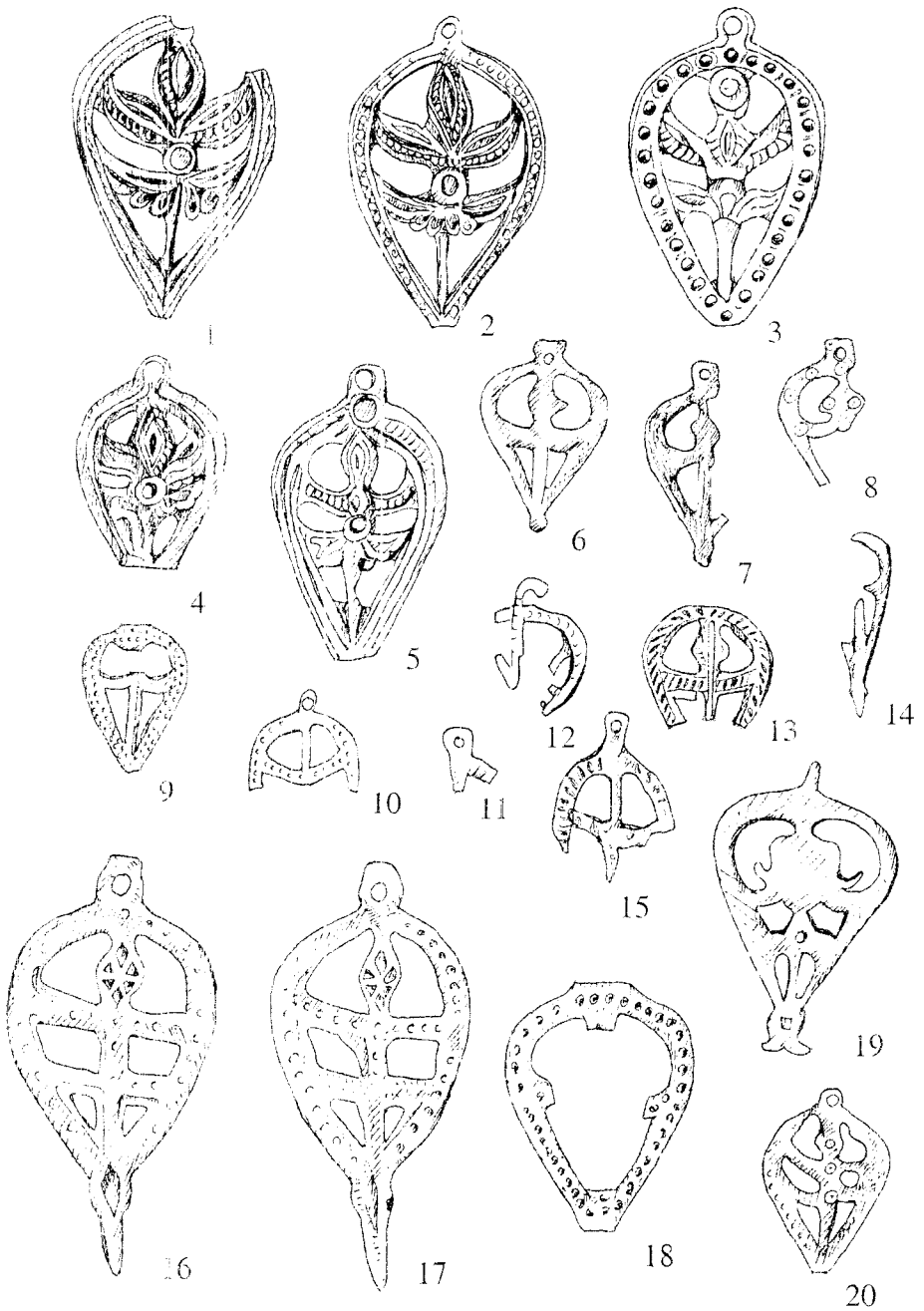


Рис. 2. Листовидные подвески и копоушки (масштабы разные): 1.6-7.12 – Варна; 2-3.13 – Плиска; 4 – Северо-Восточная Болгария, Нови-Пазар(?); 5.15 – Силистра; 8 – Долище (Варненская обл., Болгария); 9 - Северо-Восточная Болгария (частная коллекция); 10 - Крепость Скала; 11 – Северо-Восточная Болгария; 14 – Вылнари (Шуменская обл., Болгария); 16-17 – Тодирень; 18 – Брэхэшешть; 19 – Берешть; 20 – Бухарест (по Котов 2000; Spinei 1973; Spinei 1985).

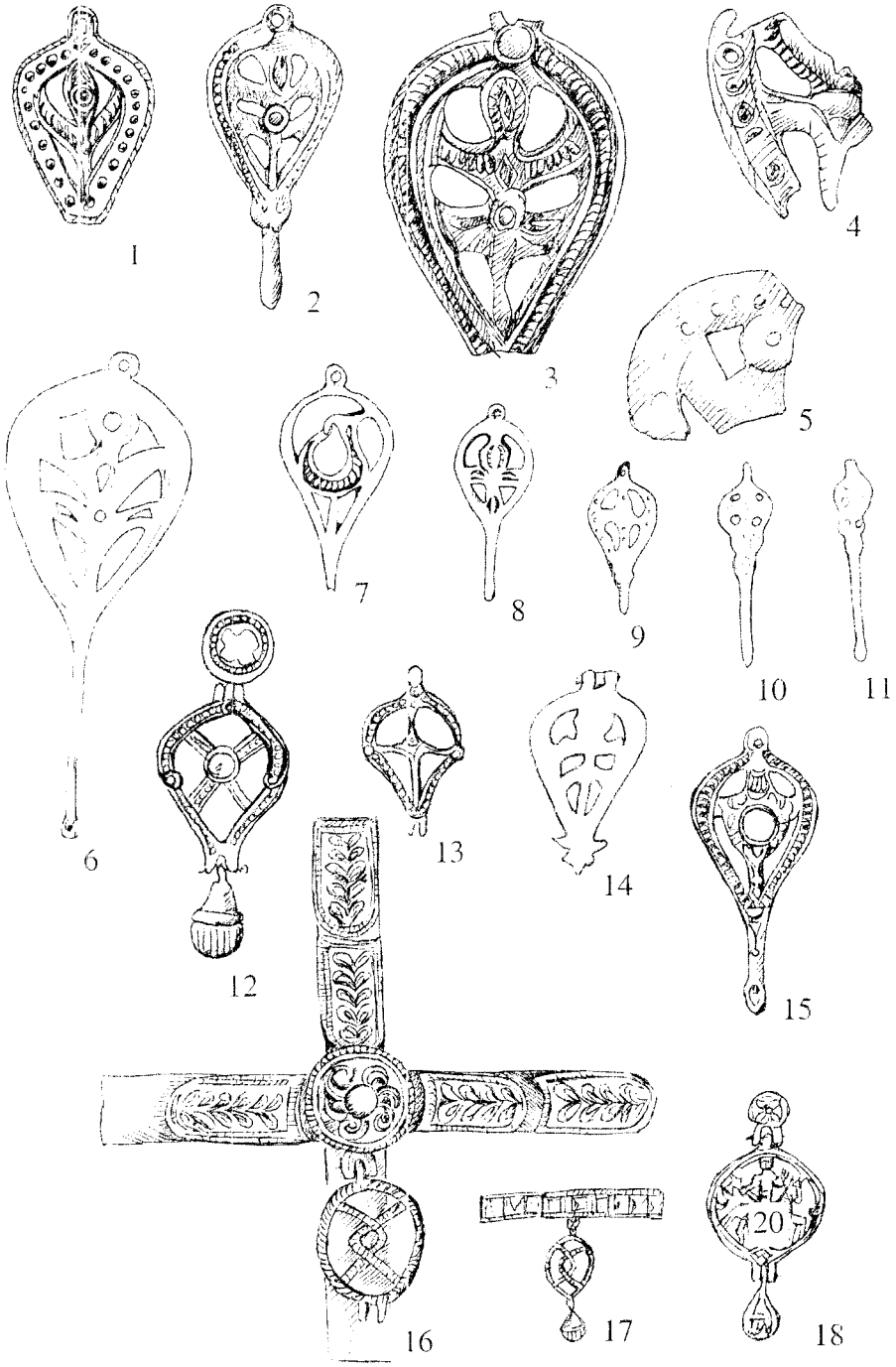


Рис. 3. Листовидные подвески, копоушки, решмы (масштабы разные): 1 - мог. Ур-Бедари; 2 - мог. Лопас; 3-5 - Саркел–Белая Вежа; 6 - мог. в окр. Волгограда; 7 - Средняя Ахтынба; 8 – Буковина; 9 - бас. р. Десны; 10-11 - мог. Змийск; 12 - мог. Андреевская щель; 13 - окр. Анапы; 14 – Молдова; 15 - мог. Верхнее Погромное (по Степи Евразии 1981; Филипченко 1959; Плетнева 1963; Федоров-Давыдов 1966; Spinei 1973; Армарчук, Новичихин 2004).

В Поволжье, например, в захоронении X в. у с. Лопас Астраханской области находят экземпляры, явно являющиеся копоушками (Филипченко 1959, 240, рис. 1). На городище Саркел было найдено несколько фрагментов подобных изделий. Одно из них, происходящее из детского погребения (№ 59) (ГЭ, инв. № 2340/ 209), имеет лучшую сохранность, и по нему можно судить, что оно могло иметь штырь в нижней части, т.е. быть копоушкой (Плетнева 1963, рис. 27) (рис. 3,2-5).

В связи со всем вышеизложенным возникает вопрос, нарочно ли обламывали штыри у копоушек, превращая их в подвески. Вероятнее всего нет, ведь есть очень сильно фрагмен-

тированные образцы, есть изделия, у которых сломано только ушко для привешивания. Скорее всего, ломались наиболее хрупкие части. С другой стороны, монолитную отливку из Шальвир назвать хрупкой весьма сложно. Можно предположить, что вещь "умерщвляли" при помещении в захоронение.

О полифункциональности ажурных изделий листовидной формы может свидетельствовать тот факт, что подвески и копоушки создавались с одинаковым орнаментом, деградация которого шла от сложного растительного к простому геометризированному (рис. 4). Кроме того, подобную листовидную форму имели и детали конской сбруи - ажурно-рамчатые бляхи-решмы. С находкой подобного изделия мы сталкиваемся на примере бляшки из Берешть.

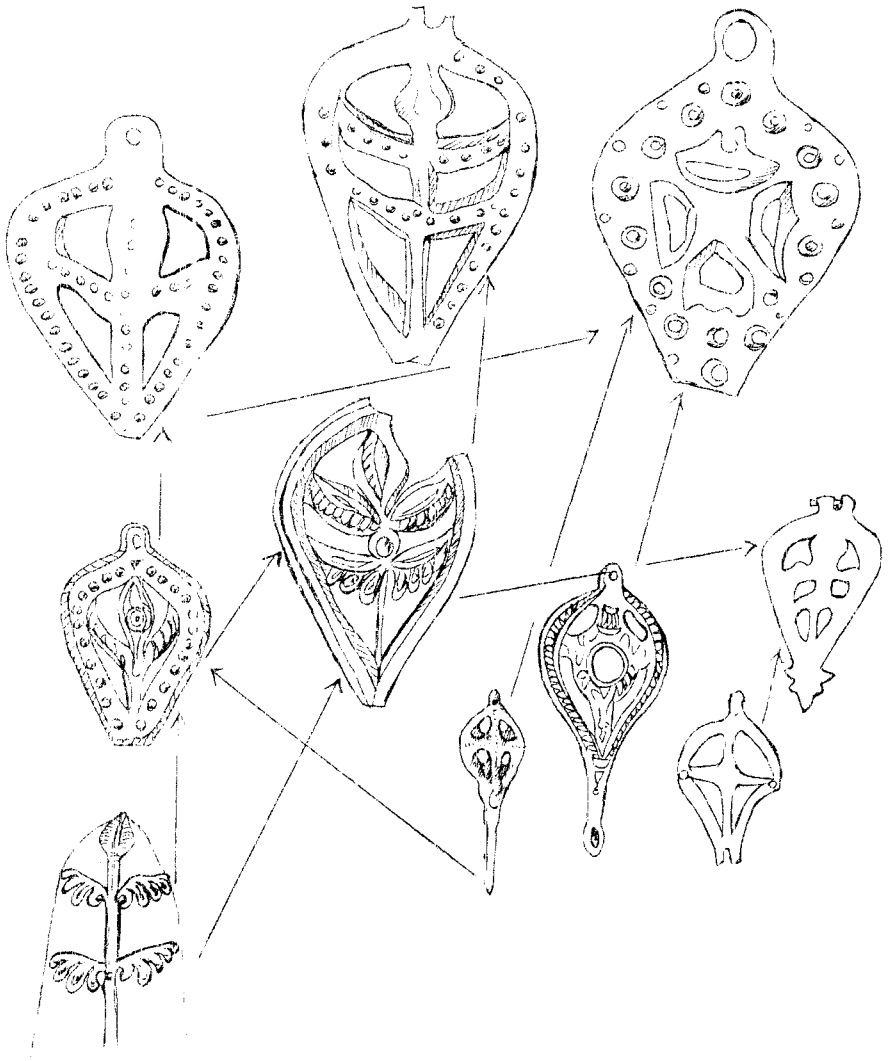


Рис. 4. Развитие листовидных украшений (масштабы разные).

Интересна находка целого комплекса конского убранства, в том числе и ажурных решм листовидной формы, происходящая, из захоронения X-XI вв. в могильнике «Андреевская щель» под Анапой (Армарчук, Новичихин 2004:59-71, рис. 3).

В погребении 5 этого могильника было обнаружено пять бронзовых позолоченных трехсоставных блях-решм. Бляхи состоят из трех деталей. Верхняя деталь - круглая накладка с гнездом-карстом для стеклянной вставки, обрамленным пояском ложной зерни. Эта накладка имеет на оборотной стороне два шти фта для крепления к ремню. Круглая накладка соединена при помощи шарнира с листовидной решмой, в нижней части которой, также на шарнирном креплении подвешен сфероконическ й бубенец. Внутри листовидной бляшки располагается косое перекрестие, создающее орнамент в виде четырех прорезных отверстий, имеющий аналогию на

упомянутой выше бляхе из Шальвир. В центре перекрестия решмы – круглый низкий карст для стеклянной вставки. На листовидных подвесках и копоушках стеклянные вставки не применяются, но низкий карст как бы имитируется крупным кружком, вписанным в силуэт древа.

Орнамент по краю решмы из Андреевской щели традиционный и для листовидных подвесок – кайма из ложных перлов, дополненная в данном случае тремя завитками (завитки встречаются и на решмах с Северного Кавказа). В захоронении решмы лежали на конском черепе. Неподалеку располагались седло и позолоченный начельник конского оголовья, богато украшенный гравированным растительным и антропоморфным узором. Кроме того, в разрушенном пахотой слое могильника были найдены крупные сбруйные бляхи, две из которых имели листовидную форму (Армарчук, Новичихин 2004, 62-64, рис. 2).

Трехсоставные бляхи-решмы характерны для позднеаланских погребений Северного Кавказа (Змийский, Колосковкий могильники). В этих могильниках встречаются и конские начельники. Орнамент аланских решм, как правило, антропоморфный или геометрический – «пляшущие человечки», воин с мечом, всадники с секирой, косая плетенка (Кузнецов 1969, 108, рис. 11; Кузнецов 1962, рис. 8).

Растительный орнамент, по-видимому, не так характерен. Узор, представленный на подвеске, найденной под Анапой, ближе не к «цветочному побегу» (Армарчук, Новичихин 2004, 65-66, рис. 3,E), а к прямому перекрестию (рис. 3,13.16-18). Нам известна еще одна бронзовая листовидная решма, происходящая вероятно с одного из золотоордынских поселений Молдовы (Старый Орхей или Костешты) и хранящаяся в частной кишиневской коллекции[1]. Эта подвеска (рис. 3,14) имеет орнамент близкий к древесному побегу, изображаемому на подвесках и копоушках. Однако, судя по применению шарнирного крепления в подвесном ушке и расширенной в виде растительных отростков нижней части, это украшение является решмой, наиболее близкой к находке из Берешть. Погребение из Берешть вписывается в круг печенежских древностей X-XI вв. (Spinei 1994, 173), условия находки решмы из Молдавии не ясны, но она является весьма близкой аналогией находке из Берешть и относится, вероятно, к тому же культурному кругу.

Что касается листовидных сбруйных блях из погребального комплекса Андреевской щели, то подобные изделия, также как и начельники, были характерны как для древностей приалтайских кимаков IX-XI вв., так и для материалов сросткинской культуры (Могильников 2002, 90; Армарчук, Новичихин 2004, 65-66) – то есть для того же культурного круга, из которого происходят и листовидные женские украшения. По мнению исследователей (И.И. Толстой, Н.П. Кондаков, Л.Г. Савинов), конский убор с решмами, кистями и бубенцами распространяется в Европе вместе с тюркоязычными кочевниками, сама же традиция подобного парадного убранства коня восходит к древностям Ирана и Средней Азии.

В сасанидской торевтике конца III-VII вв. часто встречаются изображения конских уборов с начельниками (Армарчук, Новичихин 2004, 65-67), представлены на сасанидских сосудах и мотивы дерев, аналогичные встречаемым на более поздних подвесках и копоушках. Такие деревья изображены (рис. 4), например, в клеймах позолоченной ложчатой сасанидской чаши VI в. из Перещепинского сокровища (Тревер, Луконин 1987, 126, кат. 25). Изображения на чаше – музыканты, деревья, виноградная лоза, животные, птицы, рыбы – связаны, по мнению исследователей, с темой мирового порядка, гармонии (Залесская, Львова, Маршак, Соколова, Фонякова 1997, 124).

Таким образом, и украшения, и детали конской сбруи листовидной формы восходят, по всей видимости, к древностям IX-XI вв. Приалтайского и Прииртышского регионов, возможно, впитавшим в себя более ранние сасанидские декоративные традиции. Можно предположить, что в конце IX-X вв., при соприкосновении печенегов с хазарским и аланским населением, произошел синтез кимакской подвески со сложным растительным орнаментом и салтово-маяцкой копоушки с расширением в верхней части в виде лопаточки (Плетнева 1963, 255; 1967, 140, 141, рис. 36) (рис. 4). Копоушки, распространенные в сибирских древностях, имеют иные завершения, например, с сопоставленными птичками (Могильников 2004, 278, рис. 144,5).

[1] Пользуясь случаем, приношу М. Чекану благодарность за возможность ознакомиться с материалами.

Наиболее роскошные варианты крупных печенежских листовидных подвесок и копоушек украшены древовидным орнаментом, на упрощенных схематизированных отливках этот узор превращается в прямое или косое перекрестие, ограничивающее шесть или четыре отверстия. Этот упрощенный вариант как бы возвращается к исходному декору миниатюрных аланских копоушек (рис. 3,10-11; рис 4). В костюме миниатюрные аланские копоушки зачастую носили совместно с другими туалетными принадлежностями (Кузнецов 1959, 111, рис. 14). В катакомбе № 14 Змиевского могильника была найдена копоушка, подвешенная на серебряном шнуре к позолоченным медальонам-складням, на подобных шнурах крепились ногтечистки и миниатюрный флакончик (рис. 5). Массивные печенежские копоушки (могли достигать до 12 см. в длину) носили, вероятно, на груди как детали ожерелья. В этом смысле показательна находка в женском захоронении в Лопасе четырех крупных копоушек, расположенных на груди умершей. Это захоронение содержит целый комплекс находок – ожерелье из бус и бубенчиков, два дротовых браслета с сужающимися концами, перстень салтоидного типа, набор наплывок и накладок, четыре дирхема (954-955) и один медный фелс (958-959) (Филипченко 1959, 239-341, рис. 1), – позволяющий составить представление о женском ювелирном уборе X – начала XI в. (рис. 6).

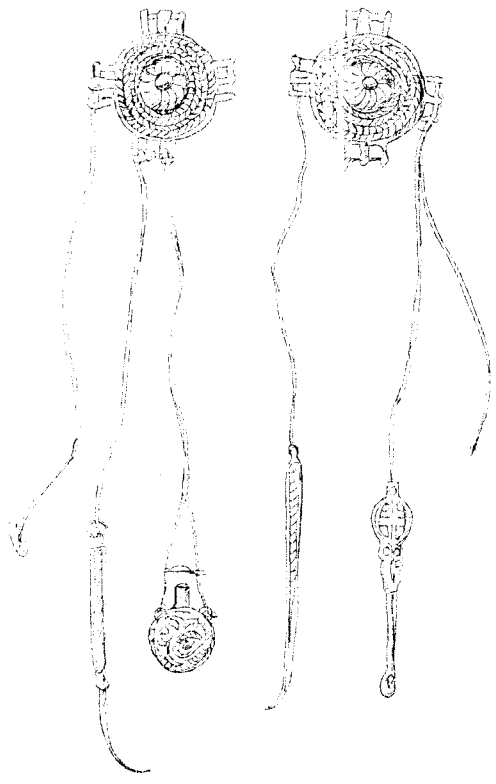


Рис. 5. Туалетные принадлежности (Змиевский могильник) (по Кузнецову 1959).

Рис. 6. Вариант реконструкции женского убора на основе материалов захоронения в Лопасе.

У алан печенеги могли позаимствовать и моду на украшение конской сбруи ажурными решмами (находки из Молдовы и Румынии), также обогатив их узор растительными мотивами, дополнив, таким образом, кимакский конский убор с листовидными бляхами и начельниками. Мода на листовидные украшения проникает в этот период вместе с печенегами из южнорусских степей вплоть до Карпато-Балканского региона.

Библиография

Армарчук, Новичихин 2004: Е.А. Армарчук, А.М. Новичихин, Украшения конской упряжи X-XII вв. из могильника «Андреевская щель» близ Анапы. КСИА 216, 59-70.

Залесская, Львова, Маршак, Соколова, Фонякова 1997: В.Н. Залесская, З.А. Львова, Б.И. Маршак, И.В. Соколова, Н.А. Фонякова, Сокровища хана Кубрата. Перещепенский клад (Санкт-Петербург 1997).

Йотов 2000: В. Йотов, О материальной культуре печенегов к югу от Дуная – листовидные ажурные амулеты XI в. Stratum plus 5, 2000, 209-225.

Кузнецов 1959: В.А. Кузнецов, К вопросу о позднеаланской культуре Северного Кавказа. СА 2, 1959, 97-118

Кузнецов 1962: В.А. Кузнецов, Аланские племена Северного Кавказа. МИА СССР 106, 1962.

Курчатов 1991: С.И. Курчатов, Отчет о результатах археологических исследований курганов близ с. Паланка и Н. Шальвиры. Дрокиевского р-на ССРМ в 1990 г. Кишинев 1991. Архив МАЭ АН РМ. Инв. № 318.

Могильников 2002: В.А. Могильников, Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX-XI вв. (Москва 2002).

Плетнева 1963: С.А. Плетнева, Кочевнический могильник Саркела-Белой Вежи. МИА СССР 109, 1963.

Плетнева 1967: С.А. Плетнева, От кочевий к городам. МИА СССР 142, 1967.

Савинов 1989: Д.Г. Савинов 1989, Взаимодействие кочевых обществ и оседлых в эпоху раннего средневековья. В сб: Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций (Алма-Ата 1989), 309-310.

Степи Евразии 1981: Степи Евразии в эпоху средневековья (Москва 1981).

Толстой, Кондаков 1897: И. Толстой, Н. Кондаков, Русские древности в памятниках искусства. Вып. 5. (Санкт-Петербург 1897).

Федоров-Давыдов. 1966. Г.А. Федоров-Давыдов, Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов (Москва 1966).

Филипченко 1959. В.А. Филипченко 1959, Погребение X в. в Астраханской области у с. Лопас. СА 2, 1959, 239-242.

Dumitriu 2001: L. Dumitriu, Der mittelalterlich Schmuck des unteren Donaugebietes im 11-15. Jahrhundert (Bucureşti 2001).

Spinei 1973: V. Spinei, Découvertes de l'étape tardive des migrations á Todireni (dép. De Botoşani). Dacia XVIII, 1973, 277-292.

Spinei 1974: V. Spinei, Antichităţile nomazilor turanici din Moldova în primul sfert al mileniului al II-lea. SCIVA, 25, 3, 1974, 388-415.

Spinei 1985: V. Spinei, Realităţi etnice şi politice în Moldova meridionalâ în secolele X-XIII. Români şi turanici (Iaşi 1985).

Spinei 1994: V. Spinei, Moldova în secolele XI-XIV (Chişinau 1994).

Spinei 1999: V. Spinei, Marile migraţii din Estul şi Sud-Estul Europei în secolele IX-XIII (Iaşi 1999).

Светлана Рябцева,
Институт Археологии и Этнографии, Академия Наук Республики Молдова,
ул. Митрополит Бэнулеску-Бодони 35, MD-2012 Кишинэу, Республика Молдова

CONSIDERAȚII PRIVIND REPREZENTAREA CĂLĂREȚULUI PE MONEDELE DIN PODOLIA ȘI MOLDOVA DE LA FINELE SECOLULUI XIV ȘI AL TREILEA DECENIU AL SECOLULUI XV

Anatol Gorcdenco, Lilia Dergaciova, Chișinău

Lucrare de față este concepută în rezultatul publicării a câtor va monede cu chipul cavalerului, care omoară balaurul de pe monedele atribuite lui Constantin Koriatovici de către O. Pogorilec și R. Savvov (Погорілець, Саввов 2004). O figură asemănătoare mai este cunoscută pe stampilele lui Alexandru Koriatovici (Podolia) și ale lui Dimitrii Koriatovici (Moscova). Monede cu același chip au fost bătute și pe timpul domnitorului Moldovei Iliaș (după 1430). În articol este analizată legătura dintre înfățișările de pe aceste două grupe de monede (Constantin Koriatovici și Iliaș), cât și legăturile genealogice ale primilor domnitori moldoveni (Roman I, Alexandru cel Bun, Iliaș) cu dinastia Lituaniană a knejilor Koriatovici.

Данная работа была обусловлена новыми публикациями монет конца XIV века с изображениями всадника (Погорілець, Саввов 2004), которые авторы относят к Константину Кориятовичу. Аналогичные изображения известны для того же периода на печатях Александра Кориятовича (на Подолье) и Димитрия Кориятовича (в Москве). Монеты такого типа чеканились молдавским господарём Ильяшем несколькими десятилетиями позже. В статье рассматривается связь между изображением на этих двух группах монет (Константина Кориятовича и Ильяша), а так же связь первых молдавских господарей (Романа I, Александра Доброго, Ильяша и др.) с княжеской династией Кориятовичей.

This paper is motivated by new publications of late 14th century coins with the image of horseman on them (Погорілець, Саввов 2004) attributed by the authors to Constantine Korijatowič. Similar images of the same period are known on seals of Alexander Korijatowič (Podolje) and Dimitry Korijatowič (in Moscow). A few decades later, coins with a similar image were minted by the Moldavian ruler Ilias. The paper examines the connection between the images on these two groups of coins (i.e. Constantine Korijatowič' s and Ilias') and the connection between the first Moldavian rulers (Roman I, Alexander the Kind, Ilias, etc.) and the Korijatowič prince's dynasty.

Printre problemele destul de discutate ale istoriografiei, pentru perioada de început al statului medieval Moldova, este cea a domniei lui Iurii (Jurg) Koriatovici (*pentru o documentare mai largă vezi*: Cihocaru 1979, 139-157; Spinei 1994, 329-332, 340, 374, 381-389; Gorovei 1997, 117-118, 147-153, 208-209, 271-276). Disputa dusă de mai mult de un secol, în privința locului acestuia în ierarhia primilor comnitori, pare să se fi oprit la recunoașterea prezenței lui doar ep zodice în cadrul presupusei revoluții de palat din anul 1375(77), în calitate de unul din pretendenții la tronul Moldovei, dispărut în împrejurări necunoscute (conform letopisețelor ruse, fusese otrăvit de boieri). Epizodicitatea participării lui la acele evenimente, de la un autor la altul, este văzută diferit – Constantin Cihodaru considerînd că din lista domnitorilor moldoveni "trebuie de suprimat definitiv Iurg Coriatovici, a cărui domnie în Moldova este o simplă invenție în baza unui act fals, și a unor pasaje de cronici modificate de copiștii care le-au transcris" (Cihodaru 1979, 150). Câțiva ani mai târziu Victor Spinei teoretic a acceptat posibilitatea că mormântul lui Iurii Koriatovici a fost văzut de Stryjkowski în 1575 la Vaslui, iar suzeranitatea lui a fost de scurtă durată pentru zona Moldovei de sud-est (Spinei 1982, 327-329; idem 1994, 381). Ștefan Gorovei, într-una dintre lucrările sale mai recente, admite "o anumită influență lituaniană, mergând chiar – după toate probabilitățile – până la o suzeranitate de scurtă durată a lui Iurii Coriatovici" asupra Moldovei (Gorovei 1997, 160).

Printre argumentele aduse în favoarea domniei lui Iurii Koriatovici este și o monedă din argint, atribuita lui, ce se află în colecția dr. Ignacs Doboczki la Muzeul Național al Ungariei (MNU) din Budapesta (Rethy 1899, Tab. XXV-XXVII; Lucian ș.a. 1977, 57; Погорілець, Саввов 2004) și care a trezit multe discuții în literatura de specialitate. Moneda are pe avers cavalerul cu sulița, în mers spre dreapta, omorând balaurul, iar pe revers scutul angevin – despicat, cu trei grinzi pe prima parte și cu șapte flori de crin pe cea de a doua, deasupra scutului și pe părțile laterale câte o stea cu cinci raze. Inițial ea a fost atribuită de către numismatul Rethi Lazlo lui Iurii Koriatovici (Tab. 1.1). Imaginea cavalerului întruchipat pe ștampila lui Alexandru

Koriatovici aplicată pe gramota din 1375 (Tab. 1,2), a permis, de a se face legătură între această monedă şi Iurii Koriatovici, presupus domnitor al Moldovei. În mare, cu toate că atribuirea acestei monede reamului Koriatovici este destul de logică, ea nu putea fi acceptată decât la nivel de opinie din cauza că aveam de a face cu un caz unitar.

O publicaţie recentă a trei piese ce au imprimat cavalerul cu sulița care omoară balaurul (una din Muzeul Naţional de istorie al Ucrainei (MNIU) din Kiev, descoperită în anul 1937 la Vyşgorod (Tab. 1,3), a doua, descoperită "câţiva ani în urmă" în localitatea Dunaevic din Podolia şi a treia descoperită în aceiaşi localitate în anul 2004 (Нороліець, Саввов, 2004) de rând cu cea pomenită mai sus, ne face să vedem într-o altă perspectivă evenimentele din acea perioadă (Tab. 1,4).

Toate trei monede sunt asemănătoare cu cea descrisă mai sus din colecţia lui Ignacs Doboczki: pe avers – cavalerul cu sulița, în mers spre dreapta, omorând balaurul, iar pe revers scutul angevin – despicat, cu trei grinzi pe prima parte şi cu şapte flori de crin pe cea de a doua, deasupra scutului şi pe părţile laterale câte o stea cu cinci colţuri. Asemănarea monedelor este destul de mare şi se grupează câte două, astfel autorii constată că una dintre monedele din Dunaevic pare a fi bătută cu aceiaşi matriţă ca şi cea din MNU, iar cealaltă cu cea din MNIU, ceea ce ne determină să dăm dreptate autorilor care consideră că toate patru monede aparţin aceluiaşi emitent şi el este Constantin Koriatovici. Fapt atestat de legenda, mai mult sau mai puţin, lizibilă de pe monedele din Dunaevic. Astfel prima din ele, identică cu cea din MNU, are legenda pe avers: [*M*]ONET[*A*]★CONSTATIN[*I*], iar pe revers: ✞DHDOMINI★DESMOTRICI. A doua monedă, mai prost lizibilă, are pe avers aceeaşi inscriptie: ✞MONETA★[*CONS*]TATIN[*I*], iar pe revers: [✞*D*]HDOM[*INI*★*DESMO*]TRICI, moneda identică cu aceasta din colecţia MNIU are păstarată următoarea legendă, de asemeni prost lizibilă – pe avers: ✞MON[*ETA*★*CON*]STA[*T*]INI, iar pe revers: ✞DHDOMINI[★*DESMOTRICI*] (Нороліець, Саввов, 2004). După câte vedem legenda de pe moneda MNU (pe avers: [...]UDAT★M[...]WIN[...], iar pe revers: [...]DOMINI★LLD[...]), atribuită lui Irii Koriatovici (Rethy 1899, Tab. XXV-XXVII; Lucian ş.a. 1977, 57; Нороліець, Саввов 2004)., nu corespunde întru totul legendei de pe cele trei monede. Fără a nega o asemenea posibilitate, credem că cauza acestor este diferenţa de ordin tehnic – faptul că la momentul când moneda a fost publicată, ea nu avea analogii şi literele prost lizibile au putut fi confundate, lucru uşor de explicat pentru oricare cercetător care a încercat descifrarea textelor de pe monedele din acea epocă. Din aceste considerente, pentru o mai mare certitudine, ar fi necesar ca moneda dată să fie revăzută.

Se pare că cavalerul în armură care apare pe moneda lui Constantin şi pe ştampila lui Alexandru (Грамоти 1974, №24) este de fapt herbul celor doi fraţi Koriatovici, care mai apare şi pe aversul la o ştampilă dublă din 1403 a fratelui lor mai mic Teodor (Halecki, 1939, 88, R.18,6) (Tab. 1,5a-b). Dacă e să acceptăm faptul că cavalerul întruchipat nu este altul decât sf. Iurie (=Gheorghe)[**] (Нороліець, Саввов 2004), am putea să emitem presupunerea că primul care a acceptat acest herb dintre Koriatovici ar fi chiar Iurie.

Deoarece domnia lui Iurii Koriatovici (care de altfel o acceptăm) este o problemă cu mult mai comlexă şi necesită un studiu aparte, în rîndurile ce urmează vom face câteva observaţii care ar pretinde de a lămuri anumite momente din istoria Moldovei de la finele secolului XIV şi începutul secolului XV. Astfel, după câte ştim, două dintre emisiunile monetare ale lui Iliaş, tipul IV

---

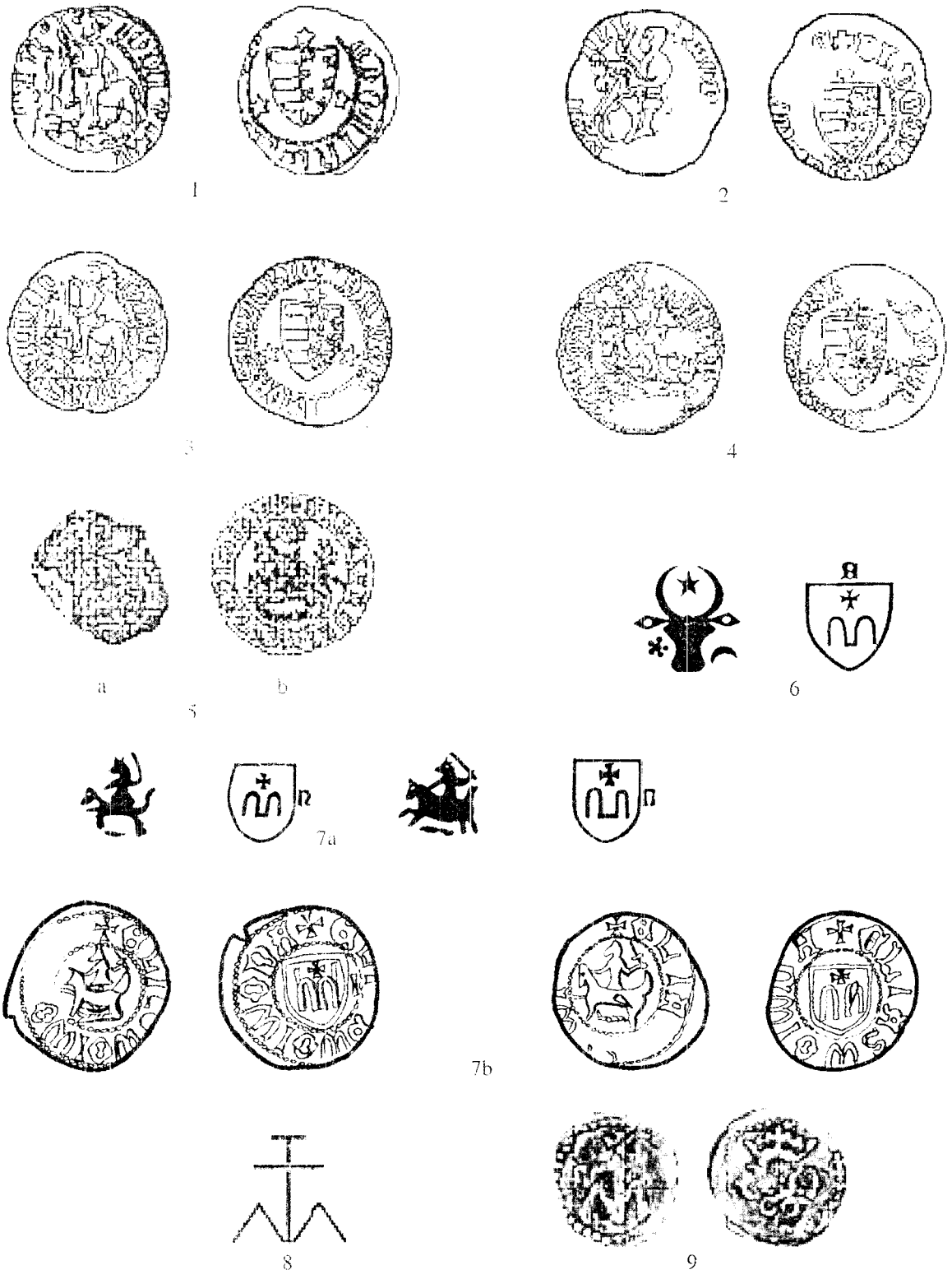
[*] În paranteze cu cursiv literele legendei care nu s-au păstrat, sau nu sunt lizibile.

[**] În tradiţia ortodoxă ruso-ucraineană de la finele secolului XIV sf. Iurie – cavalerul ce omoară balaurul - este mai popular decât sf. Gheorghe, dar este egală cu ea (de aici şi tradiţia de a se da celor cu numele Iurii numele de botez Gheorghe). "Iecana" călăreţului de pe scut de obicei era identificat cu purtătorul scutului, purtând uneori chiar şi acelaşi nume, spre exemplu ştamp la Cneazului de Halicii şi Vladimir Iurii din prima jum a sec. XIV cu reprezentarea sf. Iurii (Gheorghe), ştampila Marelui Cneaz Semion Ioanovici de pe un gramotă de la 1341 cu reprezentarea sf. Semion, a Marelui Cneaz Ioan Ioanovici din 1356 cu reprezentarea cf. Ioan, sau a Marelui Cneaz Dimitrii Ioanovici de pe un act de la 1406 cu reprezentarea sf. Dumitru (Лаппер 1990, 72-76).

şi V conform lui Octavian Iliescu (Iliescu 1970, 25 şi urm.; Lucian ş.a. 1977, 66-68), după decor, ese din contextul general al monetei moldoveneşti de pînă atunci. Tipul IV are pe avers semnele tradiţionale: capul de bour, steaua cu cinci colţuri între coarne, la dreapta rozeta şi la stânga semiluna; iar pe revers scutul triunghiular cu sigla A deasupra şi în interior cu o figură ce se aseamănă cu sigla M, cu cruce la mijloc deasupa. Sunt cunoscuţi groşi care au aplicată pe ambele părţi aceiaşi inscripţie ✝ELIAS WOEWODA, şi jumătăţi de groşi anepigrafi (Tab. 1,6). Tipul V are pe avers călăreţul în armură cu coif şi spada în mâna stângă, mergând spre dreapta, iar reversul şi legenda este similară cu cea a tipului IV (Tab. 1,7a-b) (Iliescu 1970, 28 şi urm.; Lucian ş.a. 1977, 67-68, nr. 489-501). Cavalerul medieval care apare pe monedă din tipul V am fi tentaţi să-l considerăm o moştenire a herbului Koriatovicilor şi prin aceasta să ne alăturăm cercetătorilor care consideră că Anastasia, soţia lui Roman, mama lui Alexandru cel Bun şi bunica lui Iliaş, a fost din acest neam. Faptul că printre atributele cavalerului lipseşte lancea, iar în locul ei este spada, credem că este ceva acceptabil pentru acele timpuri şi nu constituie un caz singular. Spre exemplu, s-a păstrat o ştampilă a Marelui cheaz al Rusiei (Moscova) Vasilii Dimitrevici, de pe o gramotă de la 1389, unde cavalerul (care merge spre stânga) apare cu lancea şi acelaşi Mare cneaz apare pe monede şi pe o altă ştampilă cu spada. Aceiaşi situaţie o vedem şi la feciorul lui Vasilii Dimitrevici – Marele cneaz Vasilii Vasilevici, unde cavalerul apare atât cu spadă cât şi cu lance, plus la aceasta unele reprezentări (pe monede şi ştampile) au aplicat şi balaurul (Лакиер 1990, 75-80, Таб. V-5), ceea ce ne determină să afirmăm că prezenţa balaurului nu este obligatorie, sau se subânţelege. Notăm aici că toate monedele lui Iliaş, care le-am văzut, au o figură greu descifrabilă (din cauza deteriorării monedelor) sub picioarele calului, care nu reprezintă altceva decât rămăşiţile balaurului.

Asemănări pentru scutul, ce are reprezentată sigla M şi crucea la mijloc dedeasupra, de pe aversul ambeleor tipuri monetare pomenite mai sus, le găsim din nou la Teodor Koriatovici pe reversul ştampilei dubie enunţate deja (Halecki 1939, 88, R.18,6) (Tab. 1,8). Ce-i drept, sigla M de pe ştampilă este cu vârfurile superioare ascuţite, în timp ce pe moneda lui Iliaş vârfurile sunt rotunjite, iar crucea, plasată de asemenea dedeasupra, se uneşte prin braţul de jos cu parea inferioară a mijlocului siglei. Notăm de asemeni o monedă anepigrafă din tezaurul de la Sosnick atribuită lui Teodor Koriatovici, care are pe avers o siglă asemănătoare cu cea de pe ştampilă (Погорілець, Саввов 2004) (Tab. 1,9). Dacă e însă să acceptăm că figura asemănătoare cu sigla M nu este altceva decît reprezentarea şarpelui, iar crucea la mijloc deasupra înseamnă biruinţa asupra lui, putem presupune că la nivel semantic acest însemn de pe scut ar simboliza reprezentarea cavalerului (sf. Iurie, sf. Gheorghe sau sf. Dumitru) care birue balaurul.

Sfârşitul domniei lui Alexandru cel Bun şi începutul domniei lui Iliaş sunt marcate de o încercare de abandonare a vasalităţii polone şi de întărirea alianţei cu Lituania. Astfel, la data de 18 mai 1432, Iliaş va întări alianţa cu Lituania şi Ordinul Cavalerilor Teutoni contra Poloniei (Şimanschi 1996, 25). Anume în aceste condiţii, credem că, Iliaş a acceptat însemnele strămoşilor săi (pe linia bunicii după tată), care în a doua jumătate a secolului XIV şi începutul secolului următor au dominat un teritoriu cuprins între Carpaţi la vest şi Moscova la est, Marea Baltică la nord şi Marea Neagră la sud. Reieşind din cele expuse conchidem că emiterea acestor două tipuri de monede au avut menirea de a accentua orientarea antipolonă a lui Iliaş şi a sublinia legăturile de sânge ale domnului cu neamul Koriatovicilor, măreţia şi importanţa căruia, pentru istoria zonei, mai era încă o realitate la acea oră (Cihodaru 1990, 38; Gorovei 1991, 36-37; Gorovei 1997, 123-130). Luînd în consideraţie situaţia politică de după moartea lui Alexandru cel Bun, în comun acord cu cele expuse anterior, credem că monedele din tipurile date au fost bătute în primul an al domniei lui Iliaşi, nu mai târziu de data omagiului său necondiţionat (după bătălia de la Korostrzin, la data de 30 noembrie 1432) din 3-5 iunie 1433. Totodată această monedă poate servi ca una dintre dovezile incontestabile ale faptului că soţia lui Roman I, mama lui Alexandru cel Bun şi bunica lui Iliaş a fost fiica, sora sau nepoata lui Iurii Koriatovici.



Tab. 1: 1 moneda din colecţia MNU; 2 moneda din colecţia MNIU; 3 prima monedă din Dunaevic (descoperită anterior anului 2004); 4 a doua monedă din Dunaevic (descoperită în anul 2004); 5 Stampila lui Alexandru Koriatovici; 5a fotografia ştampilei lui Alexandru Koriatovici de pe gr. din 1375 (Поропілець, Саввов 2004); 5b desenul ştampilei lui Alexandru Koriatovici de pe gr. din 1375 (Лакиер 1990); 6 moneda lui Iliaş (tip IV) (Lucian ş.a. 1977); 7a desene după monede lui Iliaş (tip V) (Lucian ş.a. 1977); 7b monede lui Iliaş din colecţia particulară, urmează să fie publicate; 8 semnul heraldic de pe stampila dublă a lui Teodor Coriatovici (Поропілець, Саввов 2004); 9 moneda atribuită lui Teodor Coriatovici (Поропілець, Саввов 2004).

Bibliografie

Cihodaru 1979: C. Cihodaru, Din nou despre Jurg Coriatovici şi Iuga Vodă. Acta Moldaviae Meridionalis. Anuarul Muzeului judeţean Vaslui I, 1979, 139-157.
Cihodaru 1990: C. Cihodaru, Alexandru cel Bun (Chişinău 1990).
Iliescu 1970: O. Iliescu, Moneda în Romania (Bucuresti 1970).
Halecki 1939: O. Halecki, Koriatowicze a przodkowie Holszanskich i Czartoryskich. Miesiecznik heraldyczny (Warszawa 1939).
Gorovei 1991: Şt. S. Gorovei, Muşatinii (Chişinău 1991).
Gorovei 1997: Şt. S. Gorovei, Întemeierea Moldovei. Probleme controversate (Iaşi 1997).
Rethy 1899: L. Rethy, Corpus nummorum Hungariae (Budapest 1899).
Lucian ş.a. 1977: O. Lucian, G. Buzdugan, C.C. Oprescu, Monede şi bancnote româneşti (Bucureşti 1977).
Spinei 1982: V. Spinei, Moldova în secolele XI – XIV (Bucureşti 1982).
Spinei 1994: V. Spinei, Moldova în secolele XI – XIV (Chişinău 1994).
Şimanschi, 1996: L. Şimanschi, Criza politică din Moldova dintre anii 1432 şi 1437. Anuarul Institutului de Istorie din Iaşi „A.D. Xenopol" XXXIII, 1996, 23-34.
Грамоти 1974: Грамоти XIV ст. (Київ 1974).
Лакиер 1990: А. Б. Лакиер, Русская геральдика (Москва 1990).
Погорілець, Саввов 2004: О.Г. Погорілець, Р.В. Саввов, Монета Подільського кнеязя Костянтина. Нумізматика і Фалеристика 3, 2004 (в печати).

Anatol Gorodenco,
Şcoala Antropologică Superioară; Catedra de Istorie a civilizaţiei Europene;
str. Zimbrului 10a, Chisinau, Republica Moldova.

Lilia Dergaciova,
doctorantă, Institutul de Arheologie şi Etnografie, Academia de Ştiinţe din RM,
str. Mitropolitul Bănulescu-Bodoni 35, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova.

Неизвестные монеты Богдана III из Сесенского клада

Лилия Дергачёва, Кишинэу

Articolul introduce în circuitul ştiinţific patru monede din argint, de tip groşi, cu legendă, emise de Bogdan al III. Monedele, după informaţia care ne-a parvenit, fac parte din tezaurul de la Seseni şi nu au fost cunoscute până în prezent. În timpul de faţă ele se află într-o colecţie particulară. Toate patru sunt în stare bună şi fac parte din varianta a doua a tipului de monede caracteristice lui Bogdan al III.

Настоящая статья посвящена введению в научный оборот четырех эпиграфных грошей Богдана III. Монеты входили в состав Сесенского клада и до недавнего времени не были известны. В данный момент они находятся в частной коллекции. Все четыре хорошей сохранности и отчеканены из серебра. Монеты представлены вторым вариантом типа, характерного чеканке Богдана III.

This article introduces four epigraphic groszes of Bogdan III. The coins, preserved today in a private collection, have been discovered in the Sesen hoard and have not been known until recently. All four coins are minted of silver and are in good condition. There is only one type of such coins, represented by two variants. The coins treated in this article belong to the second variant.

Весной 1973 г. в окрестностях села Сесены Каларашского района ученицей местной школы был случайно обнаружен большой денежный клад, из которого науке стали известны 272 монеты из серебра и биллона. Судя по опубликованным экземплярам, в данной тезаврации оказались эмиссии ханов Золотой Орды и королей Венгрии, османские акче, полугроши Литвы и молдавские гроши. Наиболее старшие монеты датируются серединой XIV в. (дирхемы Джанибека), а младшие – не позднее 1517 г. (Нудельман 1974, 204-208; Нудельман 1975, 103-105; Нудельман 1976, 96-97). К сожалению, уже вскоре после обнаружения клада много монет разошлось по рукам и, судя по всему, исчезло из поля зрения научной общественности.

Сравнительно недавно одному из кишинёвских коллекционеров г-ну М. Чекану* удалось собрать в селе Сесены ещё 80 монет из клада 1973 г. Так же он узнал у жителей этого села, что уже после обнаружения клада, на его месте было найдено ещё много монет, в том числе и золотых. Стоит так же отметить, что и клад, и монеты, обнаруженные позже, находились в нескольких метрах от холма, что само по себе достаточно удивительно. К сожалению, в ходе оползней, изменившийся рельеф местности не позволяет провести какие-либо работы.

Из числа этих собранных экземпляров доступными для изучения и публикации стали 4 гроша Богдана III (1504-1517).

Все монеты выполнены из серебра и хорошей сохранности. Они представляют I вариант грошей Богдана III (Buzdugan, Oprescu, Lichian 1977, 85-86).

1. Д – 1,9 мм; В – 0,9 гр. Соотношение осей 5,30 ч.

Аверс: В плотном точечном ободке изображены традиционные элементы молдавского герба - голова тура в анфас с большими, почти смыкающимися в виде сферы, рогами, между которыми располагается пятиконечная звезда. Слева – полумесяц рогами в левый нижний угол, справа – шестилепестковая розетка. Между внутренним и внешним точечными ободками располагается круговая славянская легенда. +IωБОГДАNВОЕВОДАГОС

Реверс: В центре монеты, в почти слившемся в сплошную линию точечном ободке, на гербовом щите, располагается двойной равносторонний крест, с несколько расширяющимися концами. Между внутренним и внешним точечными ободками продолжается круговая славянская легенда. +ПОДАРЗЕМЛИМОЛДАВСКОІ (буквы А Р и А В даны в лигатуре) (Рис. 1.1-1а).

2. Д – 1,8 мм; В – 1,10 гр. Соотношение осей 7,30 ч.

Аверс: То же. Круговая славянская легенда гласит: +IωБОГДАNВОЕВОДАГС

Реверс: То же. Продолжение славянской легенды: +ПОДАРЗЕМЛИМОЛДАВСКОИ (буквы А Р и А В даны в лигатуре) (Рис. 1,2-2а).

Пользуясь случаем, искренне благодарю директора антикварного магазина г-на М. Чекану за предоставленные сведения и возможность публикации данных монет.

3. Д – 1,9 мм; В – 0,79 гр. Соотношение осей 11 ч.

Аверс: То же. Круговая славянская легенда: +IωБОГДANВОЕВОДАГС

Реверс: То же. Продолжающаяся легенда: +ПОДАРЕМЛИМОЛДАВСКОИ (буквы А и В даны в лигатуре) (Рис. 1,3-3а).

4. Д – 1,9 мм; В – 1,10 гр. Соотношение осей 5,30 ч.

Аверс: То же. Круговая славянская легенда гласит: +IωБОГД . . ВОЕВОДАГС

Реверс: То же. Продолжающаяся надпись: +ПО . . . ЕМЛИМОЛДАВСКОИ (буквы А и В даны в лигатуре) (Рис.1, 4-4а).

Данные монеты дополняют уже опубликованные 27 монет Богдана из того же клада. Таким образом, вариант I теперь представлен 28 экз., а вариант II, отличающийся зеркальным изображением полумесяца и розетки на аверсе, только 3 (Нудельман 1974, 207-208; Нудельман 1975, 104-105; Нудельман 1976, 96-97).

Стоит отметить, что до сегодняшнего дня известен лишь один-единственный клад с таким содержанием монет Богдана III. Все остальные находки его монет единичны и разбросаны на территории Днестровско-Прутского междуречья.

Типологически монеты Богдана III в значительной мере повторяют эмиссии его отца Стефана III Великого 1480-1504 гг. Преемственность прослеживается не столько в традиционном для династии Мушатинов изображении головы тура в окружении звезды, полумесяца и розетки, сколько в помещении на щите реверса двойного равностороннего креста (Бырня, Руссев 1999, 198). Появление этого знака связывается с вассальной присягой, принесённой венгерскому королю Матиашу Корвину (1458-1490 гг.).

Судя по весовой шкале уже известных молдавских грошей из Сесен (Нудельман 1976: 96-97), публикуемые монеты входят в число наиболее тяжёлых экземпляров данного клада. Составляя весовое колебание 0,79 – 1,10 гр. Это объяснимо, поскольку они не раз подвергались «искусственному отбору» коллекционеров-нумизматов. Той же причиной объясняется высокое качество изображений и хорошая степень сохранности.

Хорошо известно, что после смерти Стефана Великого экономика Молдавии постепенно приходит в упадок. Это не замедлило сказаться и на качестве монет и на их реальной стоимости. Богдан III все чаще предпочитает чеканить биллоновые (с содержанием серебра менее 50%) деньги.

К сожалению, не удалось установить пробу публикуемых монет. Визуально они выглядят серебряными, хотя качество их явно уступает грошам Стефана Великого. А.А. Нудельман писал, что эти монеты биллоновые, хотя убедительных свидетельств этому не привел (Нудельман 1976, 96-97).

Вместе с тем, принадлежность большинства монет Богдана III из Сесен первому варианту показывает их хронологическую близость эпохе Стефана III Великого.

Об этом же говорит и общая хронология клада – самые поздние датированные монеты комплекса относятся к 1509 г. – венгерский денарий Владислава II (1409-1516 гг.) и 1510 г. – литовский полугрош Сигизмунда I Старого (1506-1548 гг.). Это означает, что Богдан (во всяком случае, в первые годы правления) продолжал линию политики отца в развитии монетного дела и товарно-денежных связей.

То же наблюдается по материалам грамот. Богдан, так же как и отец, поддерживал монастыри, жалуя им деньги и земли. В частности, во время своего правления Стефан пожаловал в 1466 г. Афонскому монастырю годовой оброк в размере 100 венгерских дукатов (DIR 1954, A, vol. I, № 414; Bogdan 1913a, № LXI; DRH 1976, vol. II, № 135), а в 1471 г. - 500 аспров (DIR 1954, A, vol. I, № 453; Bogdan 1913a, № XCIII; DRH 1976, vol. II, № 176). Кроме того, он дважды дарил Путненскому монастырю по 100 венгерских золотых (DRH 1976 vol. II, № 207; DRH 1976, vol. II, № 208). Богдан, за два года своего правления (1514-1515 гг.) выплатил Добровэцкому, Молдовицкому, Путненскому, Рэдэуцкому монастырям и митрополиям Романа и Сучавы по 800 татарских золотых, что в общей сложности составило 7200 татарских золотых (DIR 1953, A, vol. I, № 85-89, 97). Сумма по тем временам не малая, на эти деньги можно было приобрести более двух де-

сятков сёл с прудами и мельницами. Жалуя такие суммы Богдан не только укреплял веру в церковь, но и себя.

Присутствие в составе тезаврации денег Османской Турции, Венгрии и Литвы, несомненно, указывает на важнейшие направления экономических связей страны, сложившиеся ещё в последние десятилетия властвования Стефана Великого. Что касается джучидских монет, то они, по всей видимости, являются реликтом денежного обращения XIV в. Таким образом, Сесенский клад является редким по составу и далеко не исчерпанным для исследования.

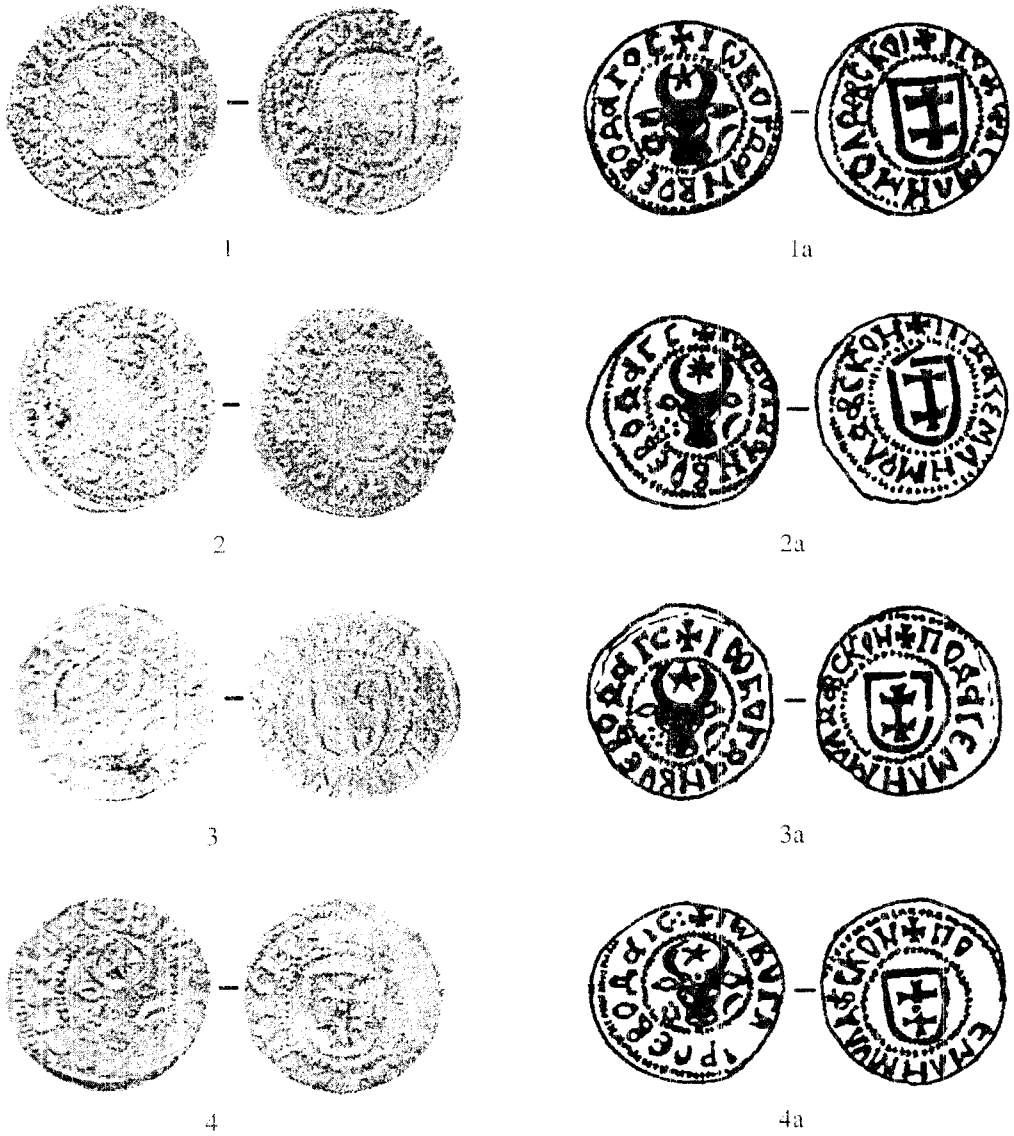


Рис.1: 1-1а монета Богдана III; 2-2а монета Богдана III; 3-3а монета Богдана III; 4-4а монета Богдана III.

Библиография

Бырня, Руссев 1999: П.П. Бырня, Н.Д. Руссев, Монеты средневековой Молдавии. В кн: STRATUM plus (Санкт-Петербург, Кишинёв, Одесса 1999), 176-262.

Нудельман 1974: А.А. Нудельман. Монеты из раскопок и сборов 1972-1973 гг. В кн: Археологические исследования в Молдавии (Кишинёв 1974), 188-229.

Нудельман 1975: А.А. Нудельман, К вопросу о составе денежного обращения в Молдавии в XIV – начале XVI вв. (по материалам кладов). В кн: Карпато-Дунайские земли в средние века (Кишинёв 1975), 94-124.

Нудельман 1976: А.А. Нудельман. Топография кладов и находок единичных монет (Кишинёв 1976).

Bogdan 1913a: I. Bogdan, Documente lui Ştefan cel Mare, vol. I. Hrisoave şi cărţi domneşti 1457-1492, nr. LXI (Bucureşti 1913).

Bogdan 1913a: I. Bogdan, Documente lui Ştefan cel Mare, vol. I. Hrisoave şi cărţi domneşti 1457-1492, nr. XCIII (Bucureşti 1913).

Buzdugan, Oprescu, Lichian 1977: G. Buzdugan, C. Oprescu, O. Lichian, Monede şi banknote romîneşti (Bucureşti 1977).

DIR 1953: Documente privind istoria Romîniei, veacul XVI, A. Moldova, vol. I (1501-1550), nr. 85-89, 97 (Editura Academiei RPR 1954).

DIR 1954: Documente privind istoria Romîniei, veacul XIV, XV, A. Moldova, vol. I (1384-1475), nr. 414 (Editura Academiei RPR 1954).

DIR 1954: Documente privind istoria Romîniei, veacul XIV, XV, A. Moldova, vol. I (1384-1475), nr. 453 (Editura Academiei RPR 1954)

DRH 1976: Documenta romaniae historica, A. Moldova, vol. II (1449-1486), nr. 135 (Bucureşti 1976).

DRH 1976: Documenta romaniae historica, A. Moldova, vol. II (1449-1486), nr. 176 (Bucureşti 1976).

DRH 1976: Documenta romaniae historica, A. Moldova, vol. II (1449-1486), nr. 207 (Bucureşti 1976).

DRH 1976: Documenta romaniae historica, A. Moldova, vol. II (1449-1486), nr. 208 (Bucureşti 1976).

Лилия Дергачёва,
аспирантка Института Археологии и Этнографии, Академия Наук Республики Молдова,
ул. Митрополит Бэнулеску-Бодони 35, MD-2012 Кишинэу, Республика Молдова

TERIOFAUNA STAȚIUNII PALEOLITICE OFATINȚI

Anatolie David, Chișinău

În articolul dat e prezentată o sinteză a rezultatelor cercetărilor preliminare anterioare a reminiscențelor scheletice de mamifere (peste 2 mii de piese) de la stațiunea paleolitică Ofatinți, raionul Rîbnița – una dintre cele mai vechi (Paleoliticul inferior, culturile acheuleană târzie și musteriană) în sud-vestul Europei de Est, cercetată de arheologii G.P. Sergheev, N.A. Chetraru și N.K. Anisiutchin. Materialul osteologic provine de la 18 specii de mamifere printe care 15 de vînătoare. Cele mai multe rămășițe scheletice aparțin calului cu membrele late, ursului-de-peșteră, mamutului, bizonului, hienei-de-peșteră, cerbului nobil, rinocerului-cu-blană, care, probabil, erau predominante în împrejurimile stațiunii. Merită atenția le d-de-peșteră, măgarul european (calul hidruntin), cerbul gigantic, renul, capra neagră, precum și rozătoarele mici-ondoiena-de-stepă și lemingul-cu-copite subarctic.

В данной статье обобщаются результаты предварительных исследований костных остатков млекопитающих (свыше 2 тыс. экземпляров) из раскопок палеолитической стоянки Офатинц, Рыбницкого района – одной из наиболее древних (ранний палеолит, культуры поздняя ашель и мустье) на юго-западе Восточной Европы, изученной археологами Г.П. Сергеевым, Н.А. Кетрару и Н.К. Анисюткиным. Остеологический материал происходит от 18 видов млекопитающих, среди которых 15 охотничьих. Наиболее многочисленные скелетные остатки принадлежат шерстистой лошади, пещерному медведю, мамонту раннего типа, бизону, пещерной гиене, благородному оленю, шерстистому носорогу, которые, по видимому, были самыми распространенными в окрестностях стоянки. Заслуживает внимания присутствие пещерного льва, европейского осла, гигантского и северного оленей, серны, а также мелких грызунов – степной (пещерной) пищухи и субарктического копытного лемминга.

The results of the previous investigations of the mammal skeletal remains (more than 2000 exemplars) from the Paleolithic site Ofatinti (Ribnita region, Republic of Moldova), one of the most ancient settlements (Early Paleolit, late Ashel and Mustie cultures) of the South-Western Europe, described by archeologists G.P. Sergheev, N.A.Chetraru and N.K.Anisiutkin. The osseous material is related to 18 species of mammals, among which 15 are shooting ones. The most numerous skeletal remains belong to large-fingered horse, cave beer, mammoth of the early form, bison, cave hyena, red deer, wool rhinoceros that, probably, were widespread nearby the site. It is of a big interest the presence of the cave lion, European donkey, gigantic and red deer, chamois and small rodent – steppe (cave) squeaker and subarctical ungulate lemming.

Printre stațiunile Paleoliticului inferior din Republica Moldova deosebit interes sub aspect faunistic prezintă Ofatinți - una dintre cele mai vechi în partea de sud-vest a Europei de Est (Кетрару 1973; Chetraru 1995). A fost descoperită la începutul secolului XX în grota de pe coasta dreaptă a stîncii de calcar din văgăuna „Rîpa lui Maftei" din satul Ofatinți, raionul Rîbnița (fig. 1), dar a fost cercetată abea în anul 1946 de arheologul G.P. Sergheev (Сергеев 1950), apoi în 1963 de arheologul N.A. Chetraru, la care a participat în calitate de paleozoolog și autorul acestei comunicări, iar în anii 1971-1973 – de N.A. Chetraru împreună cu N.K. Anisiutkin (Анисюткин, Кетрару 1982).

În procesul săpăturilor arheologice în cele două straturi de cultură umană-acheuleană (nivelul inferior) și musteriană (nivelul superior) au fost colectate peste 2 mii de resturi scheletice de mamifere mari, care, după starea lor de păstrare, prezintă „resturi de bucătărie" ale oamenilor paleolitici (fig. 2-3). Majoritatea osemintelor au fost adunate în timpul săpăturilor din anii 1946 și 1963. Materialele osteologice din anul 1946, depozitate la Muzeul Național de Etnografie și Istorie Naturală din Chișinău, au fost cercetate de V.I. Zubarev (Зубарева 1949), iar celelalte de A.I. David (David 1980) și se află în colecția Muzeului complexelor faunistice fosile din Moldova al Institutului de Zoologie al A.Ș.M.

Cele mai multe oase provin din stratul cultural inferior al stațiunii, în care au fost înregistrate cîteva aglomerări de rămășițe scheletice, printre care mandibule și unele oase ale membrelor (tibia, metapodii etc.) întregi de urs-de-peșteră, hienă-de-peșteră, cal, bizon ș.a. Grosimea stratului de oase în unele locuri atingea 20 cm. În stratul musterian s-au găsit mai puține oase, însă componența specifică foarte puțin diferă de cea din nivelul inferior. Unele oase au semne (tăieturi, zgîrîeturi și a.) ale activității omului neandertalian din acele timpuri, urme de dinți de hienă sau leu.

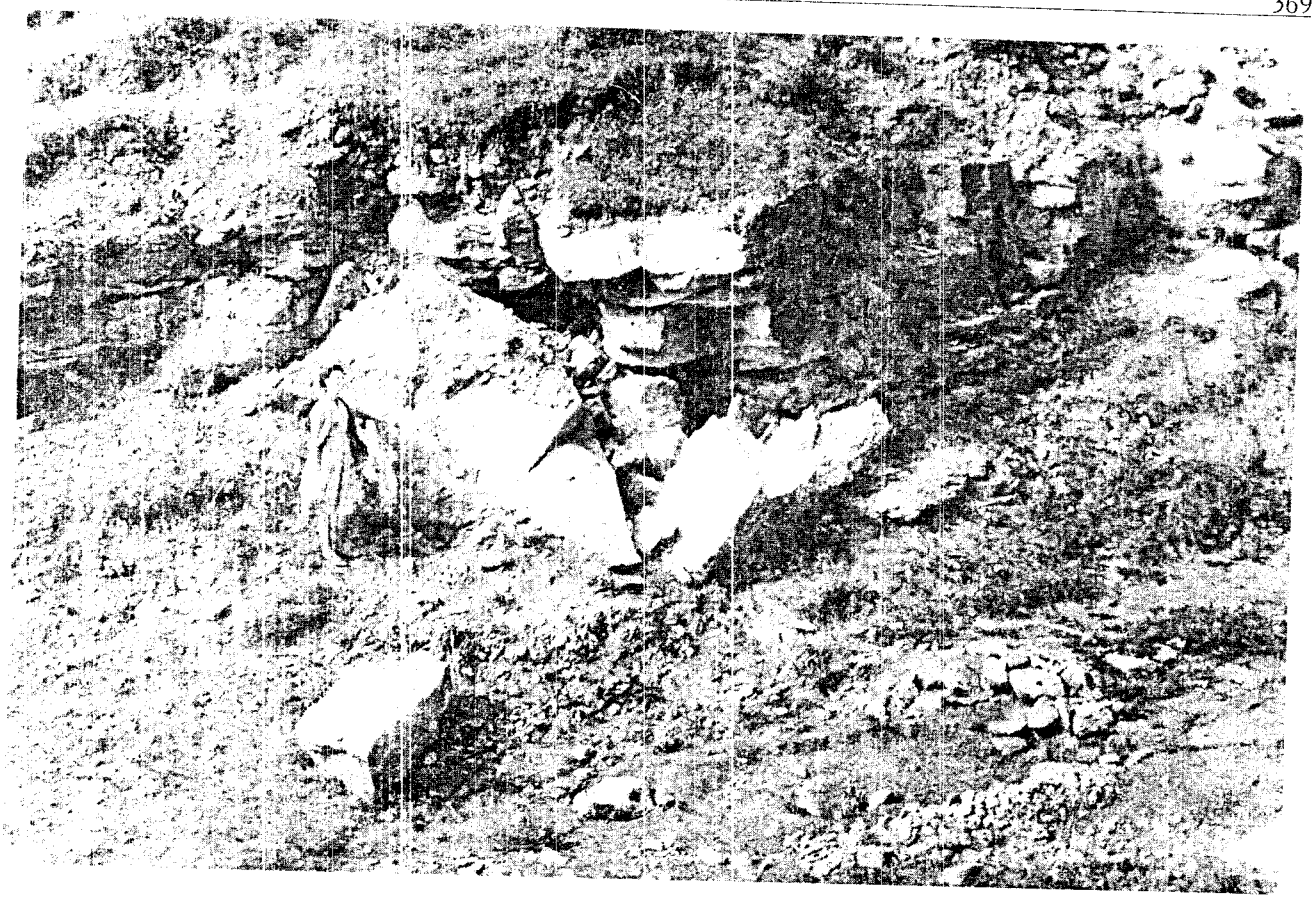


Fig. 1. Grota cu staţiunea paleolitică de la Ofatinţi parţial deteriorată (vedere generală; foto de N. Chetraru)

În rezultatul cercetării materialelor osteologice integral s-a stabilit următoarea componenţă sistematică: Canis lupus L., Vulpes vulpes L., Vulpes sp., Crocuta spelaea (Goldf.), Ursus spelaeus Rosen., Panthera spelaea (Goldf.), Ochotona spelaeus Owen, Lepus sp., Dicrostonyx guilielmi Sanf., Microtus sp., Mammuthus primigenius (Blum.), Equus latipes Grom., E.(Asinus) hidruntinus Reg., Coelodonta antiquitatis (Blum.), Cervus elaphus L., Megaloceros giganteus Blum., Rangifer tarandus L., Rupicapra rupicapra L., Bison priscus mediator Hels.

Majoritatea animalelor enumărate au fost consemnate în ambele straturi de cultură umană, însă de un număr diferit de reminiscenţe, mai multe provenind, după cum s-a menţionat mai sus, din stratul inferior (acheulean). Doar resturile de hidruntin (măgar european) au fost înregistrate numai în stratul acheulean, iar cele de lemning-cu-copite (determinat de V.I.Gromov la faţa locului în timpul vizitei staţiunii) şi capra neagră - exclusiv în stratul musterian.

Mamiferele mari menţionate au fost capturate de vînătorii neandertalieni în împrejurimile staţiunii, mamiferele mici au nimerit în stratul de cultură întîmplător (în căutarea hranei, ascunzişului sau din excrementele păsărilor răpitoare nocturne).

Cele mai multe rămăşiţe scheletice aparţin calului – 527 de la 23 indivizi. Ele constău din fragmente de maxilare, vertebre, coaste şi de diverse oase, mai cu seamă tubulare, ale membrelor. Întregi sau dovedit a fi unele metapodii şi falange, astragalii, mai multe măsele izolate. După dimensiunile oaselor membrelor, îr special ale metapodiilor şi falangelor, osemintele sunt atribuite lui Equus latipes. De exemplu, lungimea maximă medie a 5 exemplare de metacarp (canon anterior) constitue 241 mm, lăţimea epifizei superioare a lor – 57,6 mm, lăţimea diafizei – 43 mm, lăţimea epifizei inferioare la nivelul tuberculilor supraarticulari – 54,9 mm; lungimea maximă a primei falange –98 mm, lăţimea epifizei superioare a ei – 61 mm, lăţimea epifizei inferioare – 52 mm; lăţimea copitei – 93 mm etc. (Давид 1974). Această specie de cal a fost larg răspîndită în Paleolit (Pleistocenul superior) în regiunile de sud ale Europei de Est, inclusiv în Moldova, fiind unul din obiectele principale de vînat ale omului paleolitic (Давид 1974, 1980; Белан 1986; Кузмина 1997; David, Obadă 1996; David, Condratiuc 2001, 2003; Condratiuc 2001).

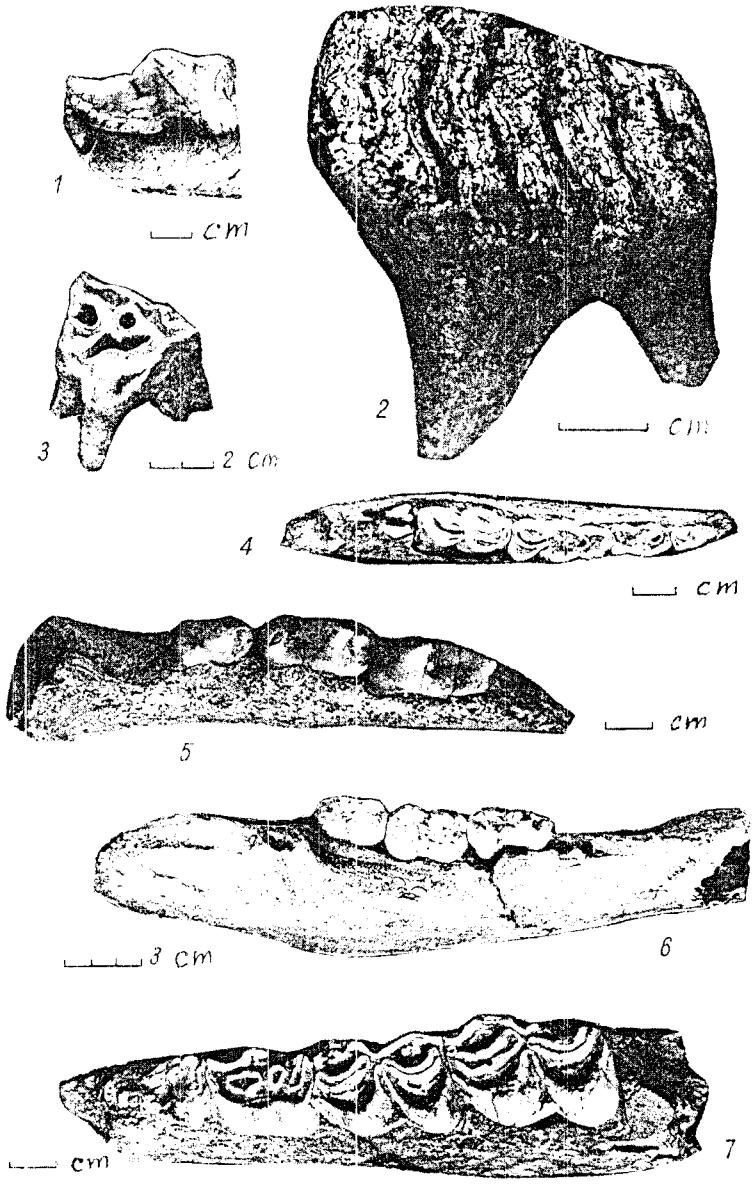


Fig. 2. Resturi scheletice ale unor mamifere mari de la staţiunea paleolitică Ofatinţi: 1-măseua carnisieră superioară (Pm^4) a hienei-de-peşteră; 2-măsea de lapte de mamut; 3-măsea superioară a rinocerului-cu-blană; 4-fragment de mandibulă de ren; 5-fragment de mandibulă de leu-de-peşteră; 6-fragment de mandibulă de urs-de-peşteră; 7-fragment de mandibulă de cerb gigantic.

Locul doi, după numărul de oase (450) şi primul, după numărul de indivizi (26), îi revine ursului-de-peşteră. Ele au fost înregistrate, atît în straturile de cultură umană, cît şi în nişele de jos din pereţii grotei. În fundul grotei în stratul de jos s-au descoperit porţiuni de craniu şi maxilare, fragmente mari de oase tubulare, metapodii, falange şi altele de la animale de diferite vîrste individuale, fapt ce permite să presupunem că ele aparţin urşilor care îşi aveau aici bîrlogul pînă la ocuparea ei de oamenii paleolitici. În straturi s-au găsit fragmente de oase tubulare şi de mandibule, mulţi dinţi izolaţi, printre care canini şi măsele de dimensiuni foarte mari, de animale bătrîne, fragmente de coroane de canini şi măsele de premolari fără rădăcini de lapte, o ramură mandibulară cu caninul şi M_3 abea ieşind la suprafaţă (M_1 şi M_2 sunt căzuţi) de la indivizi tineri. Prezintă interes o ramură de mandibulă destul de masivă cu o umflătură pe partea exterioară în regiunea măselelor P_4 şi M_1, cauzată de o boală, în rezultatul căreia dinţii menţionaţi au căzut în timpul vieţii animalului.

Dimensiunile resturilor scheletice cercetate variază mult, ce e caracteristic pentru oasele de urs-de-peşteră din alte staţiuni paleolitice din R. Moldova (Давид 1980; David 2004).

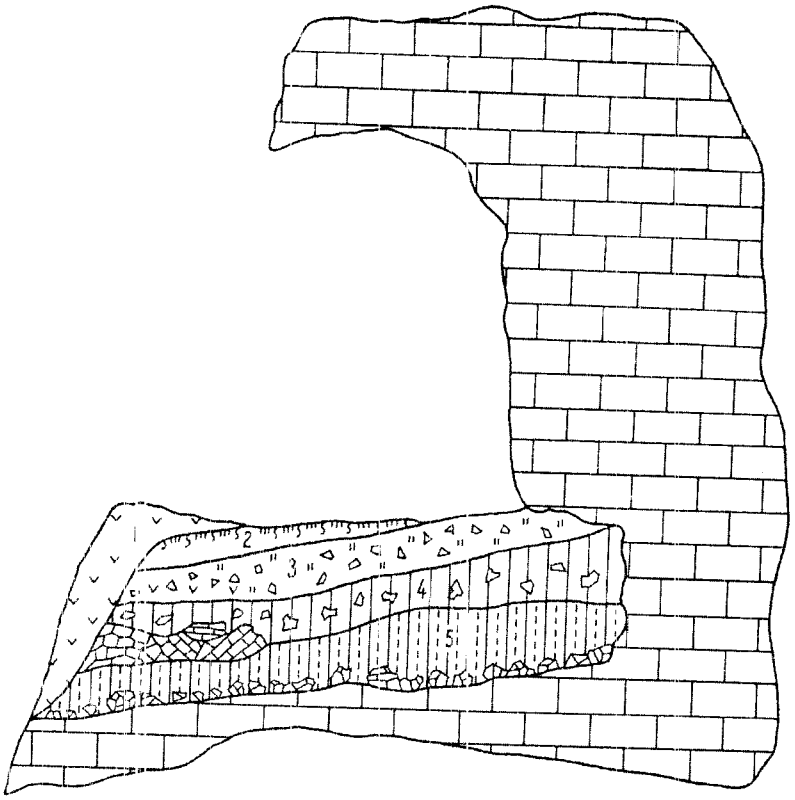


Fig. 3. Stratigrafia staţiunii arheologice din grota de la Ofatinţi(după Сергеев 1950): 3-stratul de cultură musteriană; 5-stratul de cultură acheuleană

Ursul-de-peşteră e considerat carnivor mai mult vegetarian, despre care fapt mărturiseşte structura suprafeţei masticatoare a măselelor. Folosea mai cu seamă fructe, pomuşoare, rădăcini mustoase de plante ierboase, plante tinere şi fragile, se hrănea, însă, şi cu animale mici.

Circa 425 de resturi scheletice aparţin mamutului (15 indivizi). Predomină fragmente de măsele, lame dentare separate, fragmente de diverse oase ale scheletului postcranial provenite de la indivizi de diferite vârste. Au fost evidenţiate şi cîteva porţiuni ale cutiei craniale. Merită menţionate o măsea de lapte (premolarul doi superior – Pd^2, compus din 6 lame, cu lungimea totală de 54 mm şi lăţimea coroanei 34 mm), care aparţine unui pui de mamut de aproximativ 1,5-2 ani, şi ultimul molar inferior (M_3), unica măsea aproape întreagă a unui animal matur (colecţia Muzeului Naţional de Etnografie şi Istorie Naturală a Moldovei din Chişinău), care, după frecvenţa lamilară (6,5-7 lame la 10 cm lungime a coroanei) şi grosimea smalţului (1,6-2,0mm), este atribuit, ca şi celelalte fragmente de măsele, precum şi oasele scheletului postcranial, formei timpurii a mamutului. Starea fragmentară a măselelor poate fi explicată prin folosirea lor la spargerea oaselor tubulare pentru extragerea măduvei. În R.Moldova această formă de mamut a fost înregistrată doar în cîteva localităţi (Давид 1985; David 2003).

Unul dintre animalele preferate de vânat ale locatarilor staţiunii paleolitice Ofatinţi a fost bizonul, care des se întîlnea pe păşunile bogate în vegetaţie ierboasă din lunca fluviului Nistru, despre care fapt ne mărturisesc cele peste 290 de resturi scheletice "de bucătărie" de la circa 20 de indivizi adulţi şi bătrâni, descoperite în straturile de cultură umană, predominînd cele din stratul de jos. Dimensiunile unor oase (lăţimea epifizei proximale a radiusului – 117,0 mm, lăţimea epifizei distale a tibiei – 91,0 mm, lungimea şi lăţimea distală a astragalului – 92,0 şi respectiv 59 mm etc.) provin de la animale destul de viguroase. În R. Moldova rămăşiţe scheletice de bison au fost înregistrate la circa 16 staţiuni paleolitice, mai multe fiind colectate la Duruitoarea Veche în stratul de cultură acheuleană târzie – 1060 de la 21 indivizi, în stratul magdalenian de la aceeaşi staţiune –564 de la 25 de animale, la Brînzeni I (cultura Szeleta, Brînzeni) – 360 de la 21 bizoni (Давид 1980; David, Rusu 2003) şi Buzdujeni (cultura musteriană) –190 de la 12 indivizi.

Neandertalienii staţiunii Ofatinţi vînau de asemenea curioşii şi periculoşii rinoceri (10 indivizi), graţioşii cerbi nobili (12 animale), impozanţii cerbi gigantici cu coarne uriaşe şi splendide (4 indivizi), reni polari (8 indivizi), care sunt înregistraţi pentru prima dată în părţile noastre, hiene-de-peşteră (14 indivizi) – carnivore mai mult nocturne, hrana cărora constituia în special cadavrele animalelor.

Lupul (7 indivizi), hiena şi leul-de-peşteră (3 animale) erau nimicite, probabil, ca animale răpitoare, care locuiau în apropierea staţiunii, provocînd spaimă locatarilor. Ele sunt reprezentate mai cu seamă de fragmente de mandibule şi ale unor oase ale membrelor. Măsurătorile ramurei de dreapta a unei mandibule de hienă (lungimea P_2-M_1-90,0 mm, lungimea coroanei lui M_1-32,2 mm, lăţimea maximă a părţii dentale în regiunea lui P_3-20,0 mm) şi a ramurei de stînga de leu cu măselele P_4 şi M_1, alveolele lui P_3 şi caninului (lungimea alveolară P_3-M_1-80,0 mm, lungimea coroanei lui M_1 – 33,0 mm, lungimea şi lăţimea alveolei caninului – 35,0 mm şi respectiv 22,0 mm, înălţimea ramurei dentale înaintea lui P_3-52,0 mm şi lăţimea ei maximă în regiunea lui P_4-27,0 mm) demonstrează că ele provin de la indivizi maturi viguroşi.

Asociaţia faunistică evidenţiată în ansamblu constitue etapa timpurie de dezvoltare (evoluţie) a teriofaunei Pleistocenului superior(epoca interglaciară Ris-Wurm şi, posibil, Wurm1), în componenţa căreia prevalează speciile de stepă şi silvo-stepă (ohotona de stepă, mamutul, calul, măgarul european, rinocerul, cerbii nobil şi gigantic, leul-de-peşteră, ursul-de-peşteră,etc.), însoţite de unii reprezentanţi ai tundrei (renul), zonei subarctice (lemingul-cu-copite, capra neagră) şi ubicvişti (lupul, vulpea comună).

Staţiunea paleolitică Ofatinţi prezintă deosebit interes pentru istoria umană şi a teriofaunei Paleoliticului din Europa de Est, fapt demonstrat de participanţii Conferinţelor şi Congreselor internaţionale de cercetare a Cuaternarului din Europa, care au avut loc în Moldova (fig. 4).

Fig. 4. Staţiunea paleolitică Ofatinţi vizitată de participanţii Congresului Internaţional de cercetare a Cuaternarului (anul 1982)

Bibliografie

Chetraru 1995: N.A. Chetraru, Contribuţii la cunoaşterea Paleolitului inferior în Moldova. Anuarul Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei 2, 1995, 114-121.

Condratiuc 2001: L. Condratiuc, Rămăşiţe scheletice de cal (Equus latipes Gromova) de la aşezarea paleolitică Brînzeni I. În: Tezele conferinţei tinerilor cercetători a A.Ş.M. (Chişinău 2001), 17.

David 2005: A. David. Răspîndirea mamutului pe teritoriul R.Moldova în Pleistocenul tîrziu. Conferinţa corpului didactico-ştiinţific al USM în anii 2000-2003. Chişinău, 30 septembrie - 6 octombrie 2003, 122-123.

David 2004: A. David, Ursul de peşteră în Paleoliticul din R.Moldova. Tyragetia XIII, 2004, 60-67.

David, Condratiuc 2001: A. David, L. Condratiuc, Resturi scheletice de cal de la aşezarea paleolitică tîrzie Cosăuţi I. Materialele Conferinţei IV a Zoologilor din R.Moldova. Chişinău 2001, 278-279.

David, Condratiuc 2003: Anatolie David, Lucia Condratiuc,Vestugii scheletice de cal (Equus latipes) de la staţiunile arheologice musteriene Trinca I-III (R.Moldova. Conferinţa corpului didactico-ştiinţific a USM în anii 2000-2002, Chişinău, 30 septembrie - 6 octombrie 2003), 126-127.

David, Obadă 1996: A.I. David, T.F. Obadă, Fauna de mamifere din săpăturile staţiunei paleolitice Climăuţi II. Buletinul A.Ş.M. biol. şi chimie 1, 1996, 42-48.

David, Rusu 2003: A. David, V. Rusu, Bizonul-obiect de vînat al oamenilor paleolitici din R.Moldova.În culegerea: Ecologia, evoluţia şi ocrotirea diversităţii regnului animal şi vegetal (Chişinău 2003), 127-129.

Анисюткин, Кетрару 1982: Н.К. Анисюткин, Н.А. Кетрару, Грот Выхватинцы и проблема домустьерских памятников Молдавии. В сб: Проблемы антропогена Молдавии (Кишинев 1982), 120-132.

Белан 1986: Н.Г. Белан, Широкоскулая лошадь в позднем плейстоцене на Украине. Вестник зоологии 1, 1986, 36-41.

Давид 1974: А.И. Давид, Остатки Equus caballus latipes Grom. в Молдавии. В сб.: Млекопитающие позднего кайнозоя юго-запада СССР. (Кишинев 1974), 3-52.

Давид 1980: А.И. Давид, Териофауна плейстоцена Молдавии (Кишинев 1980).

Давид 1985: А.И. Давид, Жигант ал епочий глачиаре (Кишинэу 1985).

Зубарева 1949: В.И. Зубарева, Фауна палеолитической стоянки Выхватинцы. Природа 3, 1949

Кетрару 1973: Н.А. Кетрару. Памятники эпох палеолита и мезолита. Археологическая карта МССР (1) (Кишинев, 1973), 21-24.

Кузьмина 1987: И.Е. Кузьмина, Лошади северной Евразии от плиоцена до современности. Труды зоолог. ин-та РАН, 273 (Санкт-Петербург 1997).

Сергеев 1950: Г.П. Сергеев, Позднеашельская стоянка в гроте у с Выхватинцы. Советская археология, 12, 1950, 202-212.

Anatolie David
Institutul de Zoologie, Academia de Ştiinţe din Republica Moldova,
str. Academiei 1, MD-2028, Chişinău

Морфотипическая изменчивость зубов M_1 и M^3 Microtus gregalis Pallas из раскопок палеолитической стоянки Буздужень 1

Виорика Паскару, Кишинэу

Este cercetată variabilitatea morfologică a jugalilor M_1 şi M^3 a şoarecelui de tundră Microtus (Stenocranius) gregalis Pallas din grota Buzdujeni din nordul Republicii Moldova. Au fost evidenţiate 7 morfotipuri ale jugalului M_1 şi 3 morfotipuri – M^3.

Рассматривается морфотипическая изменчивость M_1 и M^3 позднеплейстоценовой узкочерепной полевки Microtus (Stenocranius) gregalis Pallas из грота Буздужень севера Республики Молдова. Выделено 7 морфотипов M_1 и 3 морфотипов M^3.

Om is examine variations M_1 and M^3 of late Pleistocene Microtus (Stenocranius) gregalis Pallas from Buzdujeni grotto on the North of the Republic of Moldova. Ot have distinguished 7 morphotypes M_1 and 3 morphotypes M^3.

Введение

Полевка Microtus gregalis – обычный элемент микротериофауны верхнего плейстоцена Восточной Европы. Многочисленные ее скелетные остатки известны из плейстоценовых отложений Украины (Рековец 1985), Крыма (Громов 1961), Поволжья (Громов 1957), из азиатской части Европы (Галкина 1977; Агаджанян, Мотузко 1972) и др., а также M^3 из аналогичных отложений Центральной и Западной Европы: в Англии (Hinton 1926), Франции (Chaline 1972), Германии (Brunher 1957), Венгрии (Janossy 1969), Польши (Kowalski 1958, 2001; Nadachowski 2001), Румынии (Terzea 1970, 1971) и других регионов. Костные остатки узкочерепной полевки обнаружены и на территории Республики Молдова (Лозан 1971; Давид 1980; Паскару 1997; Давид, Паскару 2000).

Методы и материалы

В настоящей статье рассматриваются остатки узкочерепной полевки из плейстоценовых отложений палеолитической стоянки в гроте у села Буздужень. Грот находится в гряде толтровых известняков на правом склоне р. Раковэц к северо – востоку от с. Буздужень, Единецкого района.

Путем шурфирования приблизительно в центральной части грота, был сделан разрез, стратиграфия которого представлена ниже по Н.А. Кетрару (1973):

1. Черная земля, перемешаная с перегноем 10-15см
2. Обожженая прослойка 3-15см
3. Светло-желтый суглинок с примесью щебенки и белоглазки 15-15см
4. Суглинок темно-желтый 6-18см
5. Суглинок песчанистый, светло-желтый с незначительной примесью щебенки 3-17см
6. Суглинок светло-желтый 22-48см
7. Суглинок темно-желтый 15-40см
8. Суглинок темно-желтый с примесью мелкой и крупной известняковой щебенки 23-42см
9. Суглинок темно-желтый 20-40см
10. Суглинок песчанистый светло-коричневый 20-42см
11. Супесь 16-20см
12. Прослойка пещерной глины коричневого цвета 6см
13. Разрушенный известняк 70-100см

Культурные остатки залегают в слоях с 3-го по 9-й включительно и состоят из каменных изделий и костных остатков плейстоценовых животных (Кетрару 1973; Давид 1980).

Сбор микропалеонтологического материала проводился автором в основном из слоя 5 путем промывания грунта в сите с ячейками диаметром 2.00мм с последующим отбором высушенного материала. Почти все костные остатки имеют светло-коричневый цвет.

В течении 4-х лет из этого слоя было собрано более 6000 костных остатков мелких млекопитающих, среди которых фрагменты черепов, нижних челюстей, отдельные кости посткраниального скелета, большое количества изолированных зубов (таб. 1) Узкочерепной полевки принадлежит около 1000 диагностичных костных остатков.

ТАБЛИЦА 1: ВИДОВОЙ СОСТАВ МЕЛКИХ МЛЕКОПИТАЮЩИХ ИЗ ГРОТА БУЗДУЖАНЫ I

Виды	*Количество определимых остатков*
Insectivora	
Sorex sp.	4
Crocidura leucodon Herm.	3
Lagomorpha	
Lepus tanaiticus Gur.	5
Lepus europaeus L.	9
Lepus sp.	8
Ochotona cf. pussila Pall.	28
Ochotona sp.	37
Rodentia	
Citellus (Spermofilus) suslica Gull.	9
Marmota bobac Mull.	19
Marmota sp.	12
Spalax leucodon Nord.	4
Spalax sp.	7
Apodemus silvaticus L.	12
Cricetus cricetus L.	19
Cricetus sp.	7
Allocricetus sp.	30
Clethrionomys glareolus Schr.	4
Lagurus lagurus Pall.	110
Eolagurus luteus Eversm.	9
Dicrostonyx guilielmi Sanf.	13
Arvicola terrestris L.	16
Microtus arvalis Pall.	13
Microtus arvalinus Pall.	17
Microtus socialis Pall.	15
Microtus oeconomus Pall.	105
Microtus (Stenocranius) gregalis Pall.	1000

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Для изучения морфотипической изменчивости использовалось, главным образом, строение жевательной поверхности зубов M_1 и M^3.

На основании изучения M_1 узкочерепной полевки: Microtus gregalis и литературных данных было установлено, что наблюдаемая трущая поверхности M_1, как с внутренней, так и с наружной стороны зуба, выражается у этого вида, главным образом, в количестве выступов и входящих углов, а также в строении рисунка передней непарной петли.

Исходя из этого, нами выделено 3 категории морфотипов: грегалоидные (I, II,), грегаломикротидные (III, IV) и микротидные (V-VII).

Морфотип I (рис. 1,Ia-IB):

Наружная сторона M1 имеет 3 выступа и 3 входящих угла. Внутренняя сторона имеет пять выступов и пять входящих углов. Передняя непарная петля имеет один выступ на внутренней стороне в различной степени ограниченный спереди развитым входящим углом. Он

бывает небольших размеров или достигает одинаковой величины с параконидным и основными треугольными выступами внутренней стороны. Головка передней непарной петли почти не обособлена (Iа).

Имеется также и другая вариация морфотипа, которая характеризуется наличием на внутренней стороне двух выступов на передней непарной петле. Передний из этих выступов представляет собой выпуклость так называемого «лобика». У отдельных экземпляров этот передний выступ может быть развит в различной степени, но всегда меньший, чем следующий за ним другой выступ. Зуб имеет шесть внутренних выступов и пять входящих углов. Головка передней непарной петли обособлена с внутренней стороны.

Первая вариация характерна для средне- и верхнеплейстоценовых представителей вида, распространенных в составе степных и «смешанных фаун» Центральной и Восточной Европы (Большаков, Васильева, Малеева 1980).

Подобное строение обеих вариаций M_1 описывается у средне- и позднеплейстоценовых Microtus gregalis из Нижнего Займища, с территории Татарстана, Зауралья, а также из Молдовы (Александрова 1976; Громов 1957; Лозан 1971).

Морфотип II (рис. 1,IIа-IIв):

Наружная сторона передней непарной петли имеет в своем основании намечающийся выступ (у первого морфотипа отсутствует) слегка нависающий над передней стороной наружного параконидного треугольника и не отделяется спереди выемкой, т.е. наружная сторона передней петли в своем очертании почти прямая. Внутренняя сторона передней непарной петли округлая (как у первого морфотипа). Этот морфотип представлен также двумя вариациями.

IIа – головка передней непарной петли почти не обособлена. Внутренняя сторона имеет пять выступов и пять входящих углов.

IIв – головка непарной петли обособлена с внутренней стороны, где «лобик» имеет развитый выступ. С внутренней стороны имеется шесть выступов и пять входящих углов.

Сходное строение обеих вариаций наблюдается у представителей средне- и позднеплейстоценовых близких видов, распространенных в Центральной и Восточной Европе (Большаков, Васильева, Малеева 1980), для позднеплейстоценовых отложении Крыма (Громов 1961), а также для молдавской Microtus gregalis (средний плейстоцен-голоцен, Старые Дуруиторы и Брынзены – 1 (Лозан 1971).

Морфотип III (рис. 1,III):

В основании передней непарной петли наружный выступ небольшой, но (в отличие от второго морфотипа) спереди отделяется от головки передней непарной петли заметной выемкой, развитой в различной степени, но не достигает величины входящего угла. Форма выступа варьирует у разных экземпляров. Внутренняя сторона зуба имеет пять выступов и пять входящих углов. Наружная сторона имеет четыре выступа и три входящих угла. Внутренний выступ передней непарной петли крупных размеров. Обособление головки передней непарной петли заметно с обеих сторон.

Строение M_1 свойственное зубам III морфотипа наблюдается у некоторых представителей рода из средне- и позднеплейстоценовых отложений Центральной и Восточной Европы (Большаков, Васильева, Малеева 1980), конец среднего- позднего плейстоцена Украины (Рековец 1978), из позднеплейстоценовых-голоценовых отложений нижнего Урала (Громов 1957), у молдавской Microtus gregalis (из Старые Дуруиторы I, Брынзены I).

Морфотип IV (рис. 1,IV):

Головка передней непарной петли хорошо обособлена с внутренней стороны, а с внешней обособление только намечается. Наружная сторона зуба имеет четыре выступа и три входящих угла. Внутренняя сторона характеризуется наличием шести выступов и пятью входящими углами.

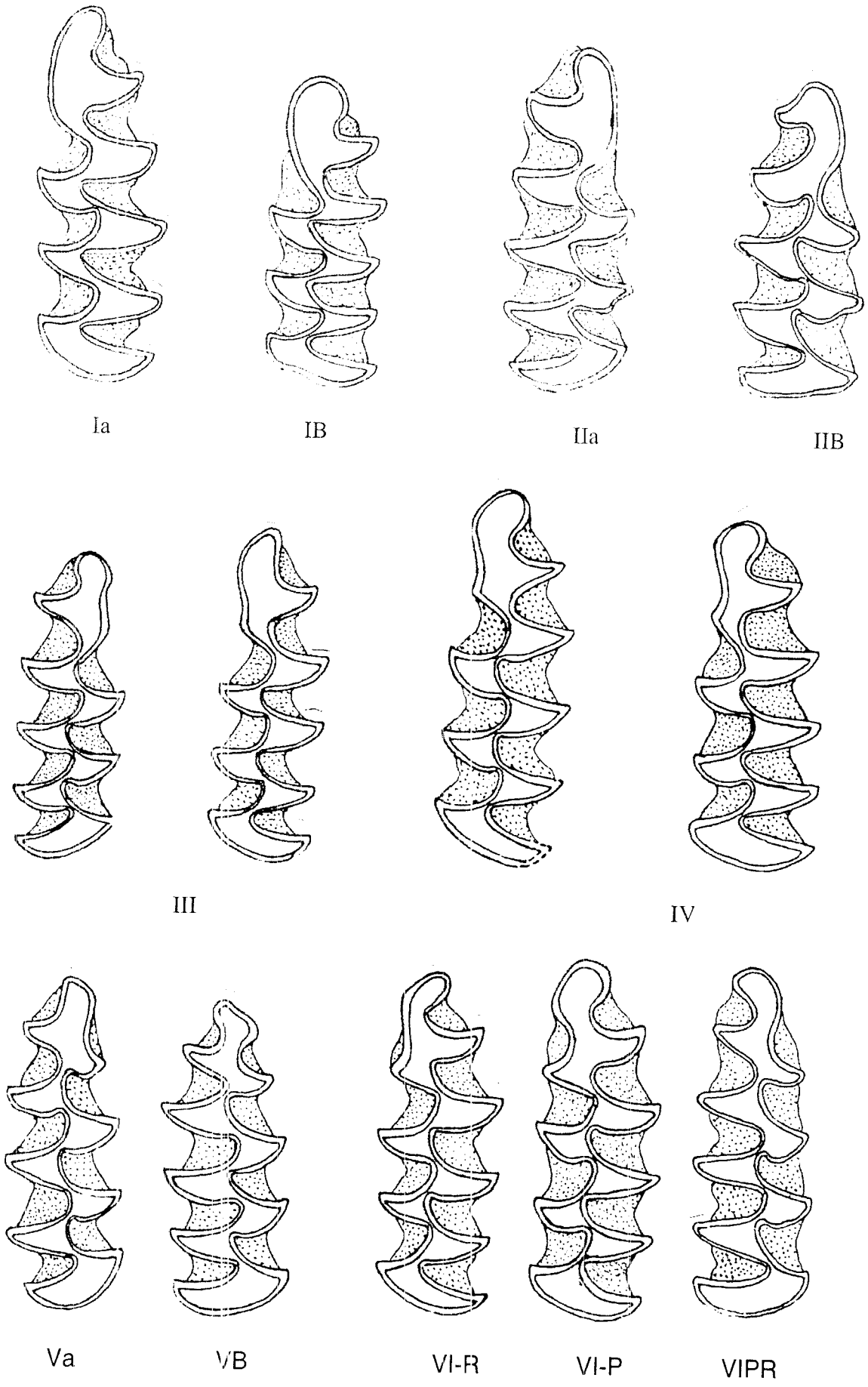


Рис. 1. Морфотипическая изменчивость M_1 Microtus gregalis Pallas

продолжение рис. 1

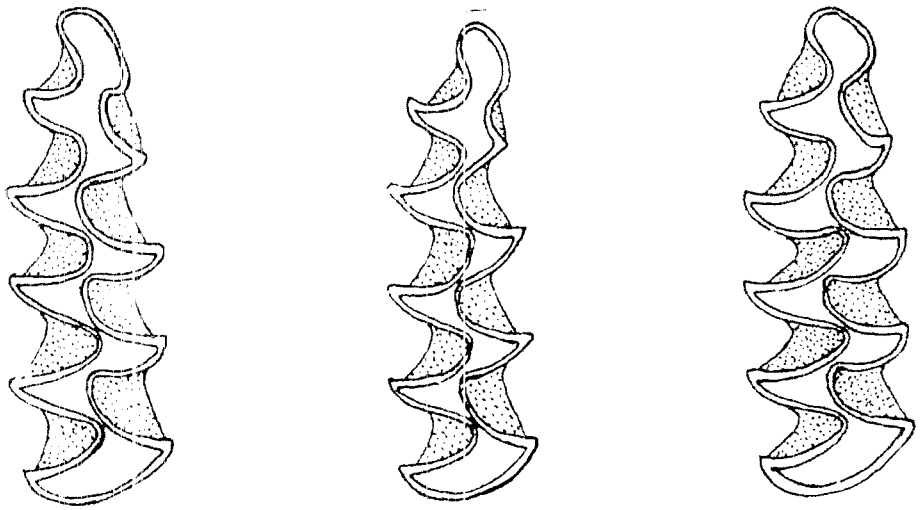


Рис. 1. Морфотипическая изменчивость M_1 Microtus gregalis Pallas

Сходное строение M_1 имеют позднеплейстоценовая Microtus gregalis из Крыма (Громов 1961), позднеплейстоценовая Microtus conf. gregalis из Нижнего Урала (Громов 1957), такое же строение характерно для молдавской Microtus gregalis из конца среднего плейстоцена (Лозан 1971) и для среднеплейстоценовой Microtus gregalis criogenicus Украины и Белоруссии (Рековец 1978; Мотузко, Калиновский 1975).

Морфотип V (рис. 1,IVa-VB):

В основании передней непарной петли с внутренней и наружной сторон имеются входящие углы, которые четко обособляют непарную петлю в виде головки, благодаря чему передняя непарная петля приобретает округлую форму. Внутренняя сторона зуба характеризуется наличием пяти выступов и пяти входящих углов, а наружная сторона усложнена за счет наружного выступа крупных размеров, достигающего величины наружного параконидного и основных треугольных выступов зуба. По этому, наружная сторона характеризуется наличием четырех выступов и четыре входящих углов.

Сходное строение M_1 наблюдается у позднеплейстоценовых представителей Microtus gregalis из Старых Дуруитор и Брынзен) Молдовы (Лозан 1971).

Морфотип VI (рис. 1,VI-R;VI-P;VI-PR):

Наружная сторона зуба характеризуется четырьмя выступами и четырьмя входящими углами, что характерно для V морфотипа. Внутренняя сторона имеет шесть выступов и пять входящих углов. Форма передней непарной петли обычно ассиметричный трилистник; наружная часть которого несколько вытянутая или округлая характеризуется внутренним боковым выступом, который в значительной степени нависает над следующим за ним выступом. Величина треугольников при основании передней петли по питимисному типу. В нашей выборке присутствуют морфотипы ратицепоидной, питимисной (II) и смешанному РП вариации.

Строение M_1 сходное с описанными нами морфотипов приводится для средне- и позднеплейстоценовых Microtus gregalis criogenicus Украине (Рековец 1978) для среднего плейстоцена и древнего голоцена Молдовы (Лозан 1971).

Морфотип VII (рис. 1,VII-PR;VII-R;VII-P):

Данный морфотип характеризуется наиболее сложным сочетанием признаков, как внутренней, так и наружной сторон зуба.

С внутренней стороны имеется шесть выступов и пять входящих углов. Наружная сторона характеризуется пятью выступами и четырьмя входящими углами. По сравнению с VI морфотипом, головка передней непарной петли усложнена двумя боковыми выступами с каждой стороны, которые отделяются хорошо развитыми входящими углами. Описываемый морфотип, также как и VI морфотип представлен тремя вариациями:

VII-П,VII-Р,VII-ПР.

Усложненные передней непарной петли по типу П и Р приводит к образованию восьми эмалевых, а по типу вариации ПР приводит к образованию девяти полей.

Головка передней непарной петли часто округлая, укорочена, симетричная или ассиметричная и отвечает строению только питимисной вариации.

Строение M_1, сходное с описаным VII морфотипом, наблюдается у Microtus gregalis kriogenicus – конец среднего плейстоцена Украины (Рековец 1985). Подобное строение M_1 приводится также для Microtus arvalis и Microtus agrestis (Лозан 1971).

Среди ископаемого материала нами обнаружено несколько десятков изолированных зубов M^3, что позволило выделить три основных типа строения заднего отдела.

Морфотип I (рис. 2,I):

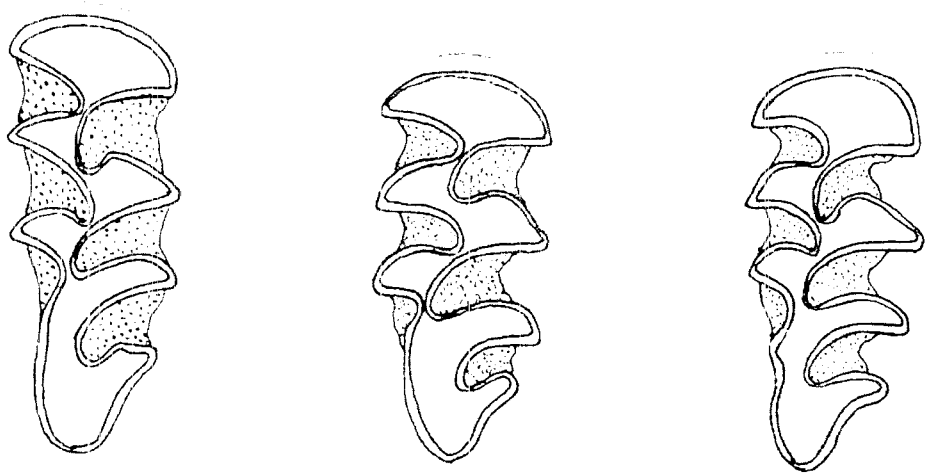
Задняя петля упрощенного типа строения, без каких – либо выступов. Её задний отдел слит с третьим треугольником внутреннего ряда. Наружная сторона имеет три выступа и три входящих угла.

Морфотип II (рис. 2,II):

Наружная сторона задней петли имеет развитое в различной степени углубление и выступ, т.е. зуб содержит четыре выступа и четыре входящих угла. Пятка округлой формы.

Морфотип III (рис. 2,III):

Задняя петля на наружной стороне имеет хорошо выраженный выступ, позади которого имеется углубление, которое в дальнейшем образует добавочный наружный входящий угол.



I II III

Рис. 2. Морфотипическая изменчивость M^3 de Microtus gregalis Pallas

Выводы

Количество выступов и входящих углов такое же, как и у II морфотипа. Из вышесказанного видно, что выделенные морфотипы располагаются в непрерывный ряд по степени усложнения передней непарной петли наружной стороны зуба. Крайними вариантами ряда являются морфотип I (где наружная сторона параконидной петли равномерно выпуклая) и морфотип VII (где с наружной стороны параконидной петли имеется входящий угол и два выступа). Между этими крайними вариантами обнаруживается ряд переходных, промежуточных, на которых наблюдается постепенное усложнение наружной стороны параконидной петли. Наличие в одном местонахождении рядя морфотипов, очевидно, свидетельствует о том что материал накапливался постепенно, начиная от среднего плейстоцена до древнего голоцена.

Библиография

Агаджанян, Мотузко 1972: А.К. Агаджанян, А.Н. Мотузко, Териофауна плейстоцена (Москва 1972).

Александрова 1976: Л.П. Александрова, Грызуны антропогена Европейской части СССР (Москва 1976).

Большаков, Васильева, Малеева 1980: В.Н. Большаков, И.А. Васильева, А.Г. Малеева, Морфотипическая изменчивость зубов полевок (Уфа 1980).

Громов 1957: И.М. Громов, Верхнеплейстоценовые грызуны Камско-Куйбышевского Поволжья. Труды ЗоологическогоИнститута АН СССР, 1957, 22.

Громов 1961: И.М. Громов, Ископаемые верхнечетвертичные грызуны предгорного Крыма. Труды комиссии по изучению четвертичного периода 17, 1961.

Галкина 1977: Л.И. Галкина, Формирование фауны антропогена грызунов (Rodentia) юго-востока Западной-Сибирии. В сб.: Фауна и систематика позвоночных Сибири (Новосибирск 1977).

Давид 1980: А.И. Давид, Териофауна плейстоцена Молдавии (Кишинев 1980).

Давид, Паскару 2000: А.И. Давид, В.Н. Паскару, Териофауна многослойной позднепалеолитической стоянки Косэуць (Республика Молдова). В: Сборник воспоминаний (Одесса 2000).

Кетрару 1973: Н.А. Кетрару, Памятники эпох палеолита и мезолита (Кишинев 1973).

Лозан 1971: М.Н. Лозан, Грызуны Молдавии (Кишинев 1971).

Мотузко, Калиновский 1975: А.Н. Мотузко, П.Ф. Калиновский, Новые находки антропогеновых гризунов Белоруссии. Доклады АН БССР 20, 10, 1975.

Паскару 1997: В.Н. Паскару, Предварительные данные о мелких млекопитающих из палеолитических стоянок севера Республики Молдова В: Сборник воспоминаний и научных трудов, посвященный памяти профессора А.А. Браунера (1857-1941) (Одесса 1997).

Рековец 1978: Л.И. Рековец, Новый подвид узкочерепной полевки (Microtus gregalis Pall.) из позднеплиоценовых отложений Украины. Доклады АН УССР. Сер. Б. 6, 1978.

Рековец 1985: Л.И. Рековец, Микротериофауна деснянско поднепровского позднего, палеолита (Киев1985).

Brunner 1957: G. Brunner, Eine Mindel-Riss und eine postgleciale Mediterran-Fauna. Neues jahrbuch Geologie und Paleontologie 126, H.7/8 (Monatsch 1957).

Chaline 1972: J. Chaline, Le rongeurs du pleistocene moyen et superieur de Franse (Paris 1972).

Hinton 1926: M. Hinton, Monograph of the voles and lemmings (Microtinae) living and extinct (London 1926).

Janossy 1969: D. Janossy, Stratigrafische Auswertung der eurpaischen mittepleistocanen Wirbeltierfauna. T. 2-Ber.geol. Les DDR. Ser. A., 1969. 14 H. 5.

Kowalski 1958: K. Kowalski, Plejstocenskie Microtinae (Rodentia, Mammalia) z Jaskini w Dsiadowej Scale. –Acta Zoologica Cracovensia (Krakow1958), 31, 32.

Kowalski 2001: K. Kowalski, Folia Quaternaria 72, Pleistocene, Rodents of Europe (Krakow 2001).

Terzea 1970: E. Terzea, La faune de Mammiferes quaterneires de la Grotte Măgura de Sighistel (Bichor, Roumanie). Travaux de l'Instut de Speologie 9, 1970.

Terzea 1971: E.Terzea, Les micrommamiferes quaterneires de deux grottes des Carpates roumaines. Travaux de l'Instut de Speologie 10, 197 .

Виорика Паскару,
Институт Зоологии Академии Наук Молдовы,
ул. Академией 1, МД-2028, Кишинэу

Палеоантропологический материал позднечернолесского комплекса Тэтэрэука Ноуэ XV (предварительное заключение)

Александр Варзарь (Кишинэу), Денис Пежемский (Москва), Ольга Ларина (Кишинэу)

În lucrarea dată sunt analizate materiale paleoantropologice din complexul culturii de tip Černolessk târziu, care a fost investigat în anul 1997 în situl pluristratigrafic Tătărăuca Nouă XV, raionul Dondușeni Republica Moldova. Materialul osteologic aparține unui individ de gen masculin și poate fi datat în perioada de la sfârșitul secolului VIII – intersecția secolelor VIII-VII a.Chr.

В работе анализируются палеоантропологические материалы из позднечернолесского (ранний железный век) комплекса, исследованного в 1997 г. на многослойном памятнике Тэтэрэука Ноуэ XV, район Дондушень, Республика Молдова. Скелетные остатки мужчины датируются концом VIII – рубежом VIII-VII вв. до н.э.

In work are analyzed paleoanthropological materials from late Cernolessky complex (the early Iron Age) investigated in 1997 on multilayered monument Tatarauca Noua XV, area Dondjushen, Republic of Moldova. Skeletal remains from burial (object №25) are dated the end VIII boundary VIII-VII of centuries BC.

Сохранность материала. Череп имел серьезные нарушения и в мозговой части собран не полностью. Отсутствует большая часть правой теменной кости и примыкающие к ней части чешуи лобной и височной костей, сосцевидная, каменистая и барабанная части правой височной кости, скуловой отросток левой височной кости. В лицевом скелете отсутствует большая часть носовых костей, часть левой половины верхней челюсти, формирующая нижний край глазницы и верхнюю половину латерального края грушевидного отверстия, большая часть твердого неба. Посткраниальный скелет представлен костями практически всех отделов скелета, за исключением костей грудной клетки, кистей и стоп. Кости рук; правая плечевая с утратой головки, левая – с минимальными утратами, правая лучевая с существенными утратами, левая – без дистального эпифиза, правая локтевая практически целая, левая – без головки. Ключицы: правая отсутствует, левая с утратами. Лопатки: правая представлена фрагментами, левая отсутствует. Кости таза: крестец и левая безымянная отсутствуют, правая безымянная представлена с большими утратами (наличие от нее девяти фрагментов все же не позволяет провести реставрацию). Кости ног: правая бедренная с утратой части мыщелка, левая — без мыщелка и большого вертела, правая большая берцовая без проксимальной части, левая - с утратами, правая малая берцовая с минимальными утратами, левая - без дистальной части. Сохранность костной ткани очень хорошая.

По нашему мнению, остатки принадлежат мужчине позднего зрелого возраста 45-55 лет.

Череп крупный. Мозговая коробка в вертикальной норме овоидной формы. Со стороны затылка контуры свода черепа угловатые, крышеобразные. Затылок очень широкий, удлиненный, сильноизогнутый со слабо развитым рельефом. Теменные кости средней длины, среднеизогнутые с выраженными теменными буграми. Височные линии выражены слабо. Чешуя височной кости низкая, с прямым сильно скошенным по направлению к астериону теменным краем. Сосцевидные отростки средних размеров. Надсосцевидный гребень развит отчетливо. Лобная кость широкая, средней длины, умеренно изогнутая, наклонно поставленная с невыраженными лобными буграми. Надглазничный рельеф развит сильно: надбровные дуги заходят за середину верхнеорбитального края, не доходя до его латеральной трети, и превышают выступание глабеллы. Надглазничный треугольник вздутый.

Лицевой скелет характеризуется средней величиной морфологической высоты лица (70 мм) и большой величиной скулового диаметра. Лицо пентагональной формы, мезогнатное. Горизонтальная профилировка обнаруживает отчетливый сдвиг в направлении к уплощенности на обоих уровнях. В отношении глубины клыковых ямок обращает на себя внимание естественная асимметрия лица. С левой стороны клыковая ямка значительно углублена, с правой стороны более уплощенная. Скуловые кости крупные, сильно выступающие. По абсолютным размерам нос высокий и широкий, по указателю - скорее всего ме-

зен. Переносье хорошо профилированное, орбиты четырехугольные, низкие. Фронтальная постановка орбит горизонтальная, профилировка - вертикальная, надглазничный край орбит заострен, подглазничный притупленный. Альвеолярная дуга очень широкая, с выраженным прогнатизмом. Прикус щипцеобразный. Нижняя челюсть крупная. Форма нижнего края челюсти угловатая. Степень выступания подбородка средняя, подбородок четко оформлен, угловатой формы. Рельеф на внутренней поверхности челюсти развит отчетливо, хотя torus mandibularis и ореховидные вздутия отсутствуют.

Посткраниальный скелет исследуемого мужчины представляет большой интерес. Плечевые кости крупные, среднего строения с тенденцией к грацилизации, сильно развита середина диафиза правого плеча, что свидетельствует о значительных нагрузках, падавших на этот сегмент. Лучевые кости трудно охарактеризовать по продольным признакам, наименьшая окружность малая, что позволяет предположить их грацильное строение. Локтевые кости большие или даже очень большие с наименьшей окружностью средней величины, что свидетельствует об их грацильном строении. Верхнее сечение средней формы с тенденцией к уплощению в поперечном направлении (табл. В).

Бедренные кости очень крупные, средних пропорций, верхние сечения показывают заметную асимметрию: правое — среднего строения, левое уплощено в сагиттальном направлении. Большие берцовые кости крупные, со средней наименьшей окружностью, следовательно, они имеют среднее строение с тенденцией к грацилизации. Верхнее сечение расширено в поперечном направлении, что может свидетельствовать об относительно меньшей нагрузке на голень.

При той сохранности костяка, которую мы имеем, указатели пропорций невосстановимы. Остеологическую длину ноги установить также очень трудно. Во-первых, правая и левая бедренные кости дают слишком большой коэффициент асимметрии по продольному диаметру (эти показатели были усреднены). Во-вторых, разрушения большой берцовой кости не позволяют измерить полную ее длину, для восстановления этого размера использовалась методика Н.Н. Мамоновой *(1968)*. В итоге, нами использовалась величина (Fem. 1+Tib. 1) = 878 мм. Восстановление длины тела было проведено по нескольким формулам, пригодным для работы с высокорослыми группами или универсальным: по Г.Ф. Дебецу — 180 см, по С. Дюпертюи и Д. Хэддену - 176,1 см (универсальная формула), 176, 4 (для дистального типа ростовых процессов), по М. Троттер и Г. Глезер - 176,4 (с ошибкой - 172,5-180.4; для высокорослых мезоморфов). Итогом наших расчетов может быть длина тела исследуемого индивида, равная 176-180 см, то есть большая. Вычисленный на основе этого указатель скелии Мануврие равняется 89,6 (мезоскелия). Он маркирует мезоморфный тип телосложения с тенденцией к долихоморфии.

ТАБЛИЦА 1. ОСТЕОМЕТРИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОСТЯКА

Признак, № по Р. Мартину	*Правая*	*Левая*
Плечевые кости		
1. Наибольшая длина	-	335
2. Общая длина	-	332
3. Верхняя эпифизарная ширина	-	50
4. Нижняя эпифизарная ширина	66	-
5. Наибольший Ø середины диафиза	26	23,5
6. Наименьший Ø середины диафиза	19	18,5
7. Наименьшая окружность диафиза	67	66
7a. Окружность середины диафиза	74	70
14. Ширина локтевой ямки	26,5	26,5
7:1. Указатель массивности	-	19,7
6:5. Указатель поперечного сечения	73,1	78,7
Лучевые кости		
1. Наибольшая длина	-	-
2. Сустазная длина	-	-

Признак, № по Р. Мартину	*Правая*	*Левая*
4. Поперечный диаметр диафиза	19	17
5. Сагиттальный диаметр диафиза	13	13
3. Наименьшая окружность диафиза	42	42
5:4 Указатель поперечного сечения	68,4	76,5
Локтевые кости		
1. Наибольшая длина	287	-
2. Суставная длина	255	-
11. Сагиттальный диаметр диафиза	13,5	13,5
12. Поперечный диаметр диафиза	17,5	17
13. Верхний поперечный диаметр	22,5	22
14. Верхний сагиттальный диаметр	27,5	27
3. Наименьшая окружность диафиза	39	37,5
3:2. Указатель массивности	15,3	-
11:12. Указ. поперечного сечения	77,1	79,4
13:14. Указатель платолении	81,8	81,5
Ключицы		
1. Наибольшая длина	-	-
6. Окружность середины диафиза	-	33
Безымянные кости		
1. Высота таза	234	-
9. Высота подвздошной кости	159	-
10. Высота крыла подвздошной кости	111	-
15. Высота седалищной кости	79	-
22. Ширина вертлужной впадины	60	-
Бедренные кости		
1. Наибольшая длина	470	486
2. Длина в естественном положении	-	-
21. Мыщелковая ширина	-	-
6. Сагиттальный Ø середины диафиза	31,5	30
7. Поперечный Ø середины диафиза	29	29,5
9. Верхний поперечный Ø диафиза	32	33,5
10. Верхний сагиттальный Ø диафиза	28	26,5
8. Окружность середины диафиза	95	95
15. Вертикальный диаметр шейки	37	36
19. Сагиттальный диаметр головки	49	49
6:7. Указатель пилястрии	108,6	101,7
10:9. Указатель платимерии	87,5	79,1
Большие берцовые кости		
1. Общая длина	-	400*
2. Суставная длина	-	380
1a. Наибольшая длина	-	-
3. Наибольшая ширина верх. эпифиза	-	79
6. Наибольшая ширина ниж. эпифиза	54	-
8. Сагиттальный Ø середины диафиза	-	29
8a. Верхний сагиттальный диаметр	-	37
9. Поперечный Ø середины диафиза	-	22
9a. Верхний поперечный диаметр	-	26
10. Окружность середины диафиза	-	86
10b. Наим. Окружность диафиза	76	76
9a:8a. Указатель платикнемии	-	70,3
Малые берцовые кости		
1. Наибольшая длина	375?	-

Размер восстановлен по методике Н.Н. Мамоновой (1968)

Остеоскопия. Рельеф костей рук и голени развит нормально, за исключением чуть пониженного развития заднего края локтевых костей. Рельеф бедренных костей развит значи-

тельно, в норме находится только ягодичная бугристость. Из данных фактов можно заключить, что исследуемый индивид испытывал повышенную физическую нагрузку на бедро. Охарактеризовать специализацию остеоскопического комплекса не представляется возможным, вполне допустимо что она отсутствовала.

Как уже упоминалось, кости данного скелета несут на себе ряд характерных разрушений, которые трудно назвать случайными. Во-первых, отметим разрушение дистальной части правой плечевой кости, которое можно интерпретировать как перелом с отслоением "сырой" еще компакты. Во-вторых, следует обратить внимание на разрушение мыщелка правой бедренной кости, над которым, со сдвигом кнаружи и вправо, обнаружено обширное вдавление (25 х 55 мм), сходное со следом от удара тупым предметом. Возможно, деструкции мыщелка и связаны с этим ударом. Наконец, в-третьих, кости левого предплечья (лучевая и локтевая) имеют идентичные разрушения своих дистальных отделов, хотя правое предплечье в норме. Эти разрушения могли образоваться и некоторое время спустя после совершения погребения. Что соответствует и факту депонирования материалов: вскрытие погребения до истечения срока естественной мацерации, разрушение тела и изъятие части костей. Учитывая археологический контекст (наконечник стрелы в черепе) можно заключить, что мужчина из погребения 25 погиб насильственной смертью.

Сравнительные данные по остеологии гальштатского времени с территории Молдовы крайне немногочисленны. Один из интереснейших комплексов дает поселение Хлинжень II (Hîngeni) (Литвинова 1995), где было найдено три пригодных для остеологического изучения мужских скелета, с которыми и следует сравнивать мужчину из ТН ХУ. Перед тем как проводить сравнительную характеристику, стоит несколько слов сказать о погребенных из Хлинжень II. Во-первых, посткраниальные скелеты всех трех индивидов не достаточно полны. Во-вторых, они не демонстрируют какого-то определенного единства, по большинству остеометрических признаков показывая принадлежность к разным категориям: средней (погр. 2), большой (погр. 3, скел. 1) и очень большой (погр. 3, скел. 2). Указатели массивности и сечений также достаточно неоднородны. Поэтому сравнительный анализ носит здесь условный и предварительный характер.

Сравнение проводилось по трем системам признаков: абсолютным величинам, указателям (как традиционным, так и нетрадиционным) и показателям асимметрии.

Анализ абсолютных величин привел нас к выводу о том, что костяк из ТН ХУ по своим признакам располагается между костяком 1 из погребения 3 и костяком 2 из того же погребения, и совсем не сходен с костяком из погребения 2. По традиционным указателям он имеет черты сходства с каждым из хлинженских мужчин. По этой причине мы вычислили ряд нетрадиционных указателей, которые призваны описать наиболее индивидуальные черты скелетной системы. По нетрадиционным указателям мужчина из ТН ХУ также сходен со всеми тремя хлинженскими индивидами, но наиболее всего он сходен с мужчиной 2 из погребения 3 (Табл. 2).

ТАБЛИЦА 2. СРАВНЕНИЕ ОСТЕОМЕТРИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ У МУЖЧИН ГАЛЬШТАТСКОГО ВРЕМЕНИ С ТЕРРИТОРИИ МОЛДОВЫ (УКАЗАТЕЛИ)

Признакк	*Хлин., п.2*	*Хлин., п.3-1*	*Хлин., п.3-2*	*ТН ХУ*
Hum.4:7	96,7	104,6	96,0	98,5
Hum.6:7a	26,9	27,1	26,8	25,7
Rad.5:3	30,0	30,4	-	31,0
Uln.12:13	84,2	-	76,0	77,8
Fem.7:8	32,2	31,5	29,1	30,5
Tib.6:5	-	-	66,3	68,3
Tib.10b:10	-	92,7	91,3	88,4

Асимметрию длинных костей в рамках данного материала удалось изучить по большей части на костях рук, тем не менее, и в данном случае мужчина из ТН ХУ продемонстрировал замет-

ное сходство с мужчиной 2 из погребения 3. Эти данные предполагают реальное сходство изучаемого скелета с материалами из Хлинжень II.

Однако черепа из этих погребений отличаются исключительной массивностью, что позволяет говорить о существенном преобладании протоевропейской компоненты.

Фракийские серии из Болгарии, Румынии и Венгрии обнаруживают разнообразие величин черепного указателя. Но независимо от формы головы, черепа всех этих серий сильно отличаются от черепов из ТН ХУ и Глинжень II меньшими абсолютными размерами черепной коробки, меньшим развитием надглазничного рельефа, значительно более узким лицом. Сочетание у молдавских черепов таких признаков, как большие широтные размеры лица, низкие орбиты, развернутые скуловые кости при глубоких клыковых ямках, усиленное развитие рельефа в нижней части лобной кости, высокая мозговая коробка, определяет череп из ТН ХУ в кругу протоморфных серий с территории Украины эпох позднего неолита, ранней и средней бронзы. Украинские черепа из погребений поздней бронзы белозерской культуры характеризуются комплексом признаков, присущим древнесредиземноморскому варианту и стоят ближе к балканским черепам, чем к черепам более ранних эпох с территории Украины. Исследуемые индивидуумы из ТН ХУ вероятно проникли сюда с востока и можно говорить о прямом восточном влиянии.

Скорее всего корни протоморфных черт населения севера Днестровско-Прутского междуречья следует искать в предшествующих эпохах на этой же территории. Известно, что гальштатской культуре на территории северной Молдавии предшествовала культура Ноуа. Более того, племена культуры Ноуа рассматриваются некоторыми румынскими исследователями как протофракийцы (Петреску-Дымбовица). Эта версия как будто находит подтверждение при сравнении гальштатских черепов с черепами культуры Ноуа. Известные костные материалы культуры Ноуа с территории Молдавии (Старые Бедражи), Украины (Островец) и Румынии (Великанова 1975; Кондукторова 1972; 1980) указывают на отличие морфологических особенностей людей культуры Ноуа, проживавших в различных регионах. Причем изменение физического типа имеет направленный характер: наличие местных грацильных элементов (средиземноморских и альпийско-динарских) на территории распространения данной культуры увеличивается в направлении к западу, а влияние пришлого протоевропейского компонента причерноморских степей наоборот, постепенно затухает. У людей из Старых Бедражей и из Островец точно также как и у людей из погребений с территории Молдавии существенно преобладает протоевропейский компонент. Преемственность физического типа между эпохами поздней бронзы и раннего железного века прослеживается и для населения с территории Румынии. Только с той разницей, что там наблюдается временная трансфузия грацильных элементов (Табл. 3).

ТАБЛИЦА 3. СРАВНЕНИЕ ОСТЕОМЕТРИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ ЧЕРЕПОВ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ ЭПОХ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

Признак		*Фракийцы*		*Скифы*		*Население культуры Ноуа*	
		Разброс средних групповых	*Среднее значение*	*Разброс средних групповых*	*Среднее значение*	*Островец*	*Старые Бедражи*
1	Продольный диаметр	181,0-193,5	183,4(67)	187,0-19[illegible],6	188,7(79)	193,2(4)	192,3(10)
8	Поперечный диаметр	136,4-145,0	138,6(68)	136,8-145,0	139,3(77)	141,8(4)	134,6(10)
9	Наименьшая ширина лба	93,8-99,0	95,2(61)	96,0-99,0	97,1(76)	104,2(4)	96,7(10)
8:1	Черепной указатель	73,7-79,8	75,4(67)	72,3-75,7	74,0(77)	73,6(4)	70,1(10)
45	Скуловой диаметр	130,4-135,0	130,7(17)	133,2-139,7	134,6(63)	139,0(3)	135,7(6)
48	Верхняя вы-	68,5-69,4	69,3(32)	69,1-72,3	70,5(70)	71,3(3)	72,6(7)

Признак		Фракийцы		Скифы		Население культуры Ноуа	
		Разброс средних групповых	Среднее значение	Разброс средних групповых	Среднее значение	Островец	Старые Бедражи
	сота лица						
48:45	Лицевой указатель	50,7-53,9	53,3(17)	51,7-54,5	52,5(60)	51,3(3)	53,5(6)
54:55	Носовой указатель	47,4-51,5	49,3(32)	48,8-51,8	49,9(64)	-	
52:51	Орбитный указатель	75,0-81,0	77,3(33)	73,5-79,0	78,5(66)	-	

Конечно, делать глобальные выводы по столь малочисленным находкам рискованно и во многом не обоснованно, однако в практике, из-за специфичности палеоантропологического материала, приходится применять метод индивидуальной диагностики, ограниченного часто единичными находками, по которым только и можно судить о морфологических и расовых особенностях населения.

Библиография

Великанова 1975: М.С.Великанова, Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья (Москва 1975).

Кондукторова 1972: Т.С. Кондукторова, Антропология древнего населения Украины (Москва 1972).

Кондукторова 1980: Т.С. Кондукторова, Антропологический тип людей культуры Ноа с территории Украины. Вопросы антропологии 65, 1980, 116-123.

Литвинова 1995: Л.В. Литвинова, Антропологический материал из раннегальштатского зольника цитадели городища Глинжень II. В кн: Н.В. Гольцева, М.Т. Кашуба, Глинжень II. Многослойный памятник Среднего Поднестровья (Тирасполь 1995)

Мамонова 1968: Н.Н. Мамонова, Определение длины костей по их фрагментам. Вопросы антропологии 29, 1968.

Александр Варзарь,
Институт Археологии и Этнографии, Академия Наук Республики Молдова,
ул. Митрополит Бэнулеску-Бодони 35, МД-2012, Кишинэу, Республика Молдова

Денис Пежемский,
Московский Государственный Университет, НИИ и Музей Антропологии им. Д.Н. Анучина,
ул. Моховая 11, 125009Москва, Россия

Ольга Ларина,
Институт Археологии и Этнографии, Академия Наук Республики Молдова,
ул. Митрополит Бонулеску-Бодони 35, МД-2012, Кишинэу, Республика Молдова

Die Thraker. Das goldene Reich des Orpheus. Katalog zur Ausstellung 23.7. – 28.11.2004 in der Kunst- und Ausstellungshalle der Bundesrepublik Deutschland in Bonn [Tracii. Regatul de aur al lui Orfeu. Catalogul expoziției între 23 iulie – 28 noiembrie 2004 în sala de artă și expoziții a Republicii Federale Germania din Bonn] (Mainz: von Zabern 2004). 384 pagini, 742 figuri, 1 tabel, 7 planuri și 19 hărți. ISBN 3-8053-3341-2).

După unele lansări anterioare în Republica Federală Germania (cf. *Gold der Thraker*, Mainz: von Zabern 1979; *Der thrakische Silberschatz aus Rogozen, Bulgarien*, Sofia 1988; *Macht, Herrschaft und Gold: Das Gräberfeld von Varna [Bulgarien] und die Anfänge einer neuen europäischen Zivilisation*, Saarbrücken 1988), Ministerul Culturii din Bulgaria a revenit în a doua jumătate a anului trecut cu noua expoziție arheologică *Tracii*. Atât prin consistența volumului informațional, cât și prin numărul colaboratorilor științifici angrenați la prezentarea lor publică, această coniucrare bulgaro-germană se prezintă ca un eveniment excepțional pe tărâmul propagării civilizației tracice din sud-estul Europei. Așa cum reiese din prefață, cele circa 1000 de obiecte selecționate pentru expoziție includ piese din renumitele tezaure de la Varna, Panagjurište, Russe, Vălčitrân, etc., materiale arheologice din complexul de cult inedit de la Starosel, precum și o reconstrucție a spectaculoasei picturi murale din tumulul de la Alexandrovo, toate acestea fiind puse la dispoziție de 34 muzee bulgare și de colecțiile de antichități *Ares Collection* și *Ing. Stavri Topalov* din Sofia (p. 6). Despre marele interes cu care publicul german a primit expoziția de la Bonn ne vorbește și acel fapt, că după expirarea termenului prevăzut inițial, ea a fost prelungită până la începutul anului curent, când inclusiv și subsemnatul a avut ocazia de a o vizita. Nu mai puțin relevant este că până în anul 2010 ea va fi găzduită și de alte țări din lume.

Cu aluzie la cele șapte coarde ale lirei lui Orfeu, catalogul prezentat în continuare reunește șapte compartimente. Așa după cum reiese din prefața și introducerea semnate de intendentul W. Jacob (7-8) și curatorul expoziției Al. Fol (*Tracologia la începutul secolului al 21-lea*, 9-13), la prezentarea materialelor s-a ținut cont, în mod deosebit, de contextul lor cultural, istoric și geografic. În trei din cele șapte compartimente menționate sunt elucidate perioadele preistorică târzie, miceniană și romană, în timp ce restul patru sunt tematice, fiind reunite în jurul subiectelor dinastiile regale, zeitățile, cultul și credința, și, în cele din urmă, tehnica și iscusința artistică a tracilor.

Compartimentul preistoriei târzii (nr.-cat. 1-147) include perioada cuprinsă între 6100-1000 a.Chr. și începe cu contribuția prezentată de V. Nikolov *Cultura primilor agricultori de pe teritoriul Bulgariei moderne* (15-29, fig. 1-16). În legătură cu apariția primelor grupuri de agricultori și crescători de vite pe teritoriul actual al Bulgariei, aflat în mileniile VI-V a.Chr. în centrul culturii europene, autorul este de părerea că aceste colective umane au ajuns încoace pe cale maritimă din Anatolia. În urma schimbărilor climaterice în mileniile V-IV a.Chr. crește influența populațiilor nomade din stepele nordpontice. Migrațiile lor au contribuit la modificarea situației demografice și culturale din regiune, pregătind astfel faza de tranziție spre epoca bronzului. Cititorul își poate crea o imagine clară despre transformările demografice produse din neolit și până în epoca bronzului pe baza celor trei hărți-color anexate (16). Prin diferite semne grafice sunt cartografiate principalele categorii de monumente pe perioade istorice. Dintre acestea se evidențiază așezările de tip *tell*, din cadrul cărora provine o bună parte a materialului prezentat în cadrul expoziției. Printre piesele selectate un interes deosebit prezintă plastica (nr.-cat. 1-4, 33-37, 46, 58-61, 63-64) și vesela antropomorfă (nr.-cat. 7-9, 39-40, 47, 62, 66-70). Ca și amuletele cu reprezentări de broaște țestoase, șerpi sau broaște (nr.-cat. 15, 16), mai multe dintre piesele antropomorfe menționate sunt puse în legătură cu cultul Zeiței-mamă.

Analizând informațiile despre condițiile geografice și climaterice, materialul arheologic și datele lingvistice, K. Porožanov oferă cititorului sub genericul *Indoeuropenii în Eurasia* o privire de ansamblu asupra dezvoltării cultura-istorice și etnice în sud-estul Europei (30-36, fig. 1-4). Demersul cunoscutului cercetător bulgar ajunge până în a doua jumătate a mileniului I a.Chr., adică până la consolidarea și apariția primelor formațiuni politice tracice, depășind limitele cronologice ale perioadei preistorice, așa cum ele au fost scitate la începutul acestui compartiment. Unele din ideile formulate aici merită o atenție deosebită. Astfel, cu privire la difuzarea neoliticului pe continentul euro-

pean, autorul acceptă teoria unei migrații din Sud-Est. În conformitate cu teoriile enunțate de J. Lichardus, această regiune a constituit împreună cu căile maritime un nod de legătură dintre Europa și Asia (31). În cadrul discuției despre *Tracia înainte de traci*, adică dacă acest spațiu cultural a oscilat între Europa de Mijloc și Centrală, pe de o parte, sau bazinul mărilor Egee și Mediteraneană, pe de alta, K.P. înclină în favoarea ipotezei din urmă (32). În sprijinul acestei afirmații autorul apelează la toponimile în rădăcina cărora se întâlnesc sufixele *-nth-/-nd* și *-ss-*. Începând cu bronzul timpuriu teritoriile Traciei fac parte din așa-numitul *International Age*, pentru care erau caracteristice structurile sociale de tipul *chiefdom*.

La sfârșitul compartimentului preistorie un colectiv de autori condus de regretatul J. Lichardus și Al. Fol pune la cunoștința publicului *Cercetările bulgaro-germane în microregiunea Drama (1983-2003)* (37-58, fig. 1-27, nr.-cat. D1-D31). Cititorului i se oferă o lectură deosebit de interesantă despre rezultatele unui project științific, care, prin aplicarea diverselor metode interdisciplinare, a avut drept scop cercetarea exaustivă a unui obiectiv arheologic de o importanță deosebită – în viziunea autorilor o adevărată placă turnantă – pentru dezvoltarea culturală din sud-estul Europei. Într-un spațiu geografic foarte restrâns (*Siedlungskammer*) au fost semnalate resturile a peste 100 de așezări (fig. 1b) din epoca neoliticului până în Evul Mediu (38). Din cele 22 de obiective arheologice încadrate din epoca neoliticului și până în cea a fierului (Tabelul I) au fost selecționate pentru expoziția de față doar trei. În continuare ne vom stărui să aducem la cunoștință unele informații mai importante despre aceste situri.

1. *Drama-„Merdžumekja", așezarea de tip Karanovo VI și complexul de cult* (începând cu 4 100 a.Chr.) (40-47). Pe o suprafață de circa 13 000 m² înconjurată cu un șanț cu lățimea și adâncimea maximală de 6 și respectiv 2,6 m au fost semnalate urmele a peste 20 de locuințe de diferite dimensiuni (fig. 4). În unele cazuri s-a putut constata că pereții interiori au fost acoperiți cu o tencuială fină de culoare albă, care ulterior fusese pictată cu diverse motive de culoare roșie. În cadrul unor locuințe au fost semnalate gropi-beciuri cu adâncimea de până la 0,80 m, vetre cu cupolă, bănci de lut, gropi menajere și alte instalații de uz casnic. Pentru locuința 244 există indicii siguri că dispunea de două etaje. Cea mai numeroasă categorie arheologică este ceramica. Astfel, din locuința 137 auf fost colectate 81 de vase întregi sau restaurate și 10 985 fragmente ceramice, în timp ce din locuința 244 provin 237 de vase și, respectiv, 43 393 fragmente. Semnificativ este și faptul, că 18 și respectiv 26,6 % din vasele și fragmentele descoperite sunt ornamentate, constituind, astfel, un suport important la elaborarea cronologiei relative și absolute a așezării. Pornind de la inventarul foarte numeros din locuințe, autorii consideră că piesele au fost depuse intenționat în gropile menajere și beciuri, pentru ca mai apoi întreaga așezare să fie supusă printr-o incendiere completă unui act de *„tabuizare"*. Puțin timp după aceasta, tot în cadrul culturii Karanovo VI și probabil chiar de aceeași populație, pe acest loc este ridicată o construcție de cult (fig. 5). Ea constă dintr-un podest cu dimensiunile 3×4,4×2 m, o locuință 10×7 m și circa 26 depuneri sub îngrămădiri de piatră.

2. *Drama-„Merdžumekja", complexul de cult de tipul Nova-Zagora* (începând cu 2 100 a.Chr.) (48-51). Instalația constă dintr-un șanț circular de formă puțin ovală cu dimensiunile maxime de 41,5×38,5 m și lățimea între 1,8 și 3,9 m, întrerupt în partea de sud-est pe un segment de 3,6 m (probabil poarta lăcașului) și dintr-o locuință dreptunghiulară cu laturile de 13×8,2 m, plasată la circa 15 m de la locul întreruperii șanțului (fig. 14-15). Dintre materialele descoperite sunt menționate statui antropomorfe din lut de dimensiuni naturale, coarne de cerb lucrate din lut, bazine și obiecte de cult, precum și mai multe vase ceramice, printre care predomină formele de tip *askoi* și urcioarele.

3. *Drama-„Kajrjaka", complexul de cult tracic* (începând cu 1 000 a.Chr.) (51-58). În urma cercetărilor au fost semnalate trei părți componente ale monumentului respectiv: B – templul circular, asemănător cu cele de tip calendar; C – complex din mai multe pachete din pietre și gropi puțin adîncite; D – câmpul cu gropi (fig. 19). În unele din gropile menționate au fost semnalate vase și fragmente ceramice, precum și mai multe înhumări de animale sau oameni, realizate în urma practicilor de cult. În gropile 46-47 au fost semnalate înhumări umane fără inventar funerar. Trei femei și un copil au fost înhumați în poziție chircită și fără inventar funerar pe locul templului circular. Dat fiind faptul, că unele părți ale scheletelor lipsesc, înhumările au fost considerate ca jertfe umane. Prezintă interes și groapa 8 în care a fost înhumat un câine, la capul căruia a fost depusă o toartă de la un

vas pictat grecesc. În groapa 29 au fost semnalate 9 fragmente cu greutatea de peste 10 kg, toate aparținând de la un vas de plumb. Pe unul din ele se poate vedea partea de jos a unei figuri umane executată prin poansonare (fig. 22). În unele cazuri gropile au fost marcate după umplere cu plachete din pietre și, probabil, cu stâlpi. Printre cele mai însemnate descoperiri se numără și inscripția Linear-A semnată pe o bobina din lut (fig. 27), actualmente prima descoperire de acest gen de pe teritoriul Bulgariei.

Compartimentul al doilea include contribuția V. Fol *Suverani și sacerdoți în Tracia miceniană* (93-100, fig. 1-7, nr.-cat. 148-185). Bazându-se, în special, pe analiza surselor literare, autoarea include tracii, alături de hyksoși, hetiți, troieni și frigieni, printre popoarele care, începând cu sec. al XII-lea a.Chr., au participat activ la evenimentele istorice din sud-estul Europei. Astfel, thalasocrația tracică în sudul Mării Negre, în Marea Marmara, precum și în strâmtorile Bospor și Dardanele prezintă nu numai un epizod care marchează trecerea de la epoca bronzului la cea a fierului, dar și o etapă importantă de stabilizare a structurilor social-politice din *Tracia miceniană* (94). Introdusă în circuitul științific de Al. Fol, V.F. consideră că această noțiune trebuie localizată în nord-vestul Asiei Mici, pe litoralul de nord al Mării Egee și al Propontidei, pe cel de vest al Mării Negre, precum și în adâncul continentului, de-a lungul râurilor Hebros, Tonzos, Nestos și Strymon, precum și pe cursul inferior al Dunării (95). Tracia secolelor VIII-VII a.Chr. nu a suferit schimbări radicale ca, de exemplu, Grecia, unde în această perioadă are loc procesul de constituire a polisurilor, teritoriile menționate păstrând în continuare o structură conservativă. Reieșind din aceasta, V.F. este de părerea că noțiunea *Tracia miceniană* poate fi extinsă cronologic până la sfârșitul sec. al VI-lea – începutul sec. al V-lea a.Chr. (99).

Compartimentul al treilea *Dinastiile regale* (113-140, nr.-cat. 186-225) include patru subcapitole în care sunt analizate diverse aspecte ale acestei problematici. Prin contribuțiile *Tracia și marele regate timpurii* (113-117) și *Regatul Odrys* (118-125) cunoscutul cercetător bulgar K. Jordanov versează publicul în istoria politică a Traciei începând cu sfârșitul sec. al VI-lea a.Chr. și până la începutul sec. I p. Chr. În baza surselor literare și numismatice sunt analizate, în deosebi, relațiile structurilor politice tracice cu regatele persan și macedonian. În viziunea autorului, conjunctura politică favorabilă care s-a creat în Tracia după expediția lui Darius împotriva sciților (114), iar mai apoi și după victoria navală și terestră a grecilor asupra perșilor în anul 466 a.Chr. la Eurymedon (116), a contribuit substanțial la consolidarea și stabilizarea statalității tracice, acest proces culminând cu constituirea regatului Odrys. La elucidarea acestui aspect, K.J. acordă o atenție deosebită relațiilor cu Atena iar mai apoi cu Macedonia, accentul fiind pus pe relațiile matrimoniale cu caracter diplomatic și pe colaborarea militară cu aceste puteri. Pe baza diverselor categorii de surse D. Dimitrova întreprinde în subcapitolul *Războinici și arme* o analiză a artei militare tracice (126-133). Pe lângă sursele scrise și diversele tipuri de arme descoperite în mediul tracic (fig. 3-8), în atenția autoarei stau reprezentările de pe piesele toreutice de la Duvanli, Vraca, Rogozen și Bašova Mogila (fig. 9) și picturile murale din complexele funerare de la Kazanlăk, Măgliž și Alexandrovo (fig.1-2). Tematica ce ține de *Orașele regale, reședințele, templele și așezările în Tracia preromană*, deosebit de importantă pentru popoarele care nu au cunoscut scrisul, din care au făcut parte și tracii, este analizată în ultimul subcapitol de L. Konova (134-140). Un interes deosebit prezintă aici harta de la pagina 137. Prin diverse semne grafice sunt cartografiate așezările, necropolele și complexele de cult din Tracia bulgară începând cu epoca bronzului și până în epoca romană. Pe lângă plasarea topografică și organizarea funcțională a diverselor tipuri de monumente, L.K. trece în revistă și toponimile cu terminațiile -taba/-tava, -deva/-dava, -bria, pe care le corelează cu terminologia utilizată de autorii antici.

În compartimentul patru *Zei* sunt abordate aspectele privind panteonul și cultul la traci (177-194, nr.-cat. 226-232). Binecunoscut în lumea științifică prin lucrările sale fundamentale despre religia și cultul tracilor, Al. Fol revine și în catalogul de față cu un eseu despre *Orfizmul tracic ori două drumuri spre nemurire* (177-186). Însoțit de imaginile sanctuarelor din stâncile și grotele din regiunea Tangarda, demersul autorului se axează pe dezvăluirea esenței orfizmului tracic. Prin intermediul analizei theonimelor întâlnite în lumea tracă și a surselor literare cititorul este inițiat, de altfel într-o formă foarte accesibilă, în cele zece etape ale cosmogoniei orfice. Punând accentul pe deosebirile față de felul cum acest ritual a fost înterpretat de greci, autorul conchide

că orfizmul tracic trebuie tratat ca o formă specifică a credinței în nemurire caracteristică tracilor. Ea își găsește expresie în misterile cosmogonice și cultice legate de căsătoria sacră dintre Zeița-mamă și feciorul ei soarele/focul. În continuare, M. Vassileva vine cu sinteza *Contactele traco-frigiene* (187-194) în care analizează diverse aspecte ale înrudirii etno-culturale dintre cele două popoare. Dat fiind faptul că atât tracii cât și frigienii nu au lăsat posterității o moștenire literară, la baza studiului stau, în primul rând, informațiile autorilor antici și puținele surse epigrafice din mediul traco-frigian. Un interes deosebit prezintă și paralele dintre complexele-sanctuare plasate în stâncile și grotele din Tracia bulgară (Tatul, Harman Kaja, Asenovgrad, fig. 1-5) și cele frigiene din nord-vestul Anatoliei. Pe baza datelor obținute sunt evidențiate aspectele comune în venerarea cultului Zeiței-mamă (189) și a lui Sabazios (190), precum și în funcționalitatea și simbolismul complexelor tumulare din mediul tracic și frigian (193).

În continuarea celui precedent, și compartimentul cinci *Credința și cultul* inițiază publicul în aspectele cosmogoniei și cultului tracic (203-224, nr.-cat. 233-245). În subcapitolul *Tracia mitică și legendară* (203-212, fig. 1-6), E. Penkova supune unei analize semnatice reprezentările iconografice de pe cănile de argint de la Rogozen (fig. 2, 4, nr.-cat. 228, 230) și de pe mânerul oglindei de bronz de la Čuharka (fig. 1), propunând reconstrucția ritualului cifrat pe aceste obiecte. Definind aspectele principale ale cultului Zeiței-mamă de pe aceste obiecte, E.P. analizează semnificația cultuală a simbolurilor reprezentate aici: leul, centaurul, taurul, cerbul și berbecul. Numeroasele complexe cultuale megalitice din regiunile montane ale Bulgariei sunt analizate de V. Fol în subcapitol *Locurile de cult* (213-224). Deosebit de semnificative sunt Heroon-ul de la Miškova niva (fig. 1), complexele-sanctuare și gropile rituale de la Harman Kaja (fig. 2, 4) și Beliš-Asenovgrad (fig. 5), precum și templul de la Tatul (fig. 3). Plasarea mai multora din ele în locuri greu accesibile arată că în aceste complexe cultuale erau practicate misteriile orfice timpurii, acestea fiind realizate, de obicei, de către sacerdoți din cadrul clasei aristocratice. Odată cu „coborârea" credinței din regiunile muntoase și instituționalizarea ei – fenomenul este pus în legătură cu stabilizarea comunităților teritorial-statale tracice în sec. al V-lea a.Chr. (215) –, locurile principale de practicare a orfizmului tracic devin complexele tumulare. Numărul lor depășește în Bulgaria cifra de 10 sau chiar 15 mii (217, 239). O semnificație deosebită au necropola tumulară din așa-zisa *valea regilor traci* de la vest de Kazanlăk, tumulii de la Alexandrovo, Četinjova Mogila și Starosel. Conform V.F. asistăm aici la o cifrare a credinței orfice, realizată prin intermediul elementelor arhitectonice și a picturilor murale (220).

Techne tracică prezintă subjectul celui de-al șaselea compartiment al catalogului (239-284, nr.-cat. 246-290). Sub titlul *Tumuli, morminte, temple*, Gh. Kitov analizează complexele arhitecturale (239-251), sculptura (251-254, fig. 9-10), pictura (254-258), și, în cele din urmă, toreutica tracică (258-265, fig. 2, 16-22), încercând să evidențieze trăsăturile caracteristice artei tracice din aceste domenii. Pe lângă cele două hărți (p. 240-241) cu cartografierea principalelor categorii de monumente discutate aici, un interes deosebit prezintă descrierea și analiza arhitecturii din complexele funerare de la Šumanek (fig. 1) și Ostruša Mogila (fig. 3), din templele din tumulii de la Horizont (fig. 5) și Goljama Arsenalka (fig. 7), mausoleul de la Strelča (fig. 8), precum și a picturii murale din tumulul recent descoperit de la Alexandrovo (fig. 11-15). În subcapitolul *Tracia și mările* K. Porožanov ia în discuție noțiunea *Tracia pontică* din punctul de vedere al importanței căilor maritime pentru destinele civilizației tracice (266-277). Cele patru hărți oferă cititorului o privire asupra relațiilor întreținute pe cale maritimă începând cu epoca eneolitică și până în perioada colonizării grecești în Tracia bulgară, acest proces fiind analizat în a doua parte a demersului. Alături de sursele literare un suport important pentru reconstrucțiile oferite de K.P. prezintă ancorele descoperite în apropierea litoralului, precum și barele de cupru din adâncul continentului. În continuarea ideilor despre legăturile tracilor cu alte popoare vine și contribuția *Sintezele traco-grecești* de L. Konova (278-284, fig. 1-3). În afară de toponomia pontică un interes deosebit prezintă interferențele religioase traco-grecești. Acestea sunt analizate aici prin prizma cultului lui Apollon, care stă în legătură cu difuzarea semnelor premonetare sub forma vârfurilor de săgeți și a delfinașilor, a cultului Zeiței-mamă și a zeului cunoscut în mai multe colonii nordvestpontice sub numele Theos Megas.

Compartimentul *Tracia romană* (309-326, nr.-cat. 291-352) încheie catalogul prezentat aici. Abordând problema *Tracii și romanii*, I. Šopova trece în revistă organizarea provinciilor romane în

Tracia bulgară, precum şi cerularea procesului de urbanizare şi romanizare din aceste teritorii (309-313). În acest context prezintă interes harta de la pagina 312, care include sistemul de drumuri din Tracia romană. *Heros-ul trac* prezintă tema demersului E. Penkova (314-321, fig. 1-6) cu o hartă a sanctuarelor din perioada romană în care era venerat cultul dat (317). Dezvăluind importanța religioasă a subiectului, E.P. se opreşte şi asupra tipurilor iconografice cunoscute pe reliefurile votive şi pietrele funerare cu această reprezentare. Subcapitolul *Tracia Christiana* (322-326) de I. Šopova iniţiază publicul în problema trecerii de la păgânism la creştinism, eseul incluzând şi o hartă a monumentelor creştine timpurii din Tracia bulgară (325). Deosebit de interesante sunt raţionamentele autoarei privind tendinţele monoteiste din cadrul credinţei orfice tracice, care au pregătit, într-un fel, terenul şi au facilitat răspândirea creştinismului la traci.

Sub genericul *Moştenire vie*, Al. Fol vine la sfârşitul catalogului cu o analiză asupra reminescenţelor culturale trace din perioada modernă (347-352). Dintre acestea face parte şi ritul *mersul prin foc* sau *dansul focului*. Practicat la traci în legătură cu zeul focului Sabazios încă în epoca antică, ritul este atestat în unele regiuni ale peninsulei balcanice şi în a doua jumătate a sec. al XIX-lea. Un alt aspect analizat constituie relaţia dintre creştinism şi credinţa orfică, care a ajuns până în epoca modernă pe cale orală.

Aparatul critic al catalogului prezintă un tabel cronologic, care include cele mai importante evenimente şi transformări istorice din neoliticul timpuriu şi până la consiliul de la Serdica din anul 343 d. Chr. (353-359), şi o listă bibliografică a literaturii folosite în textele menţionate (360-383). În legătură cu aceasta trebuie să menţionăm că, fiind scris într-o manieră accesibilă şi înzestrat cu note bibliografice, textul catalogului prezintă un interes deosebit, atât pentru laicii pasionaţi de istoria tracilor, cât şi pentru cercetătorii ştiinţifici. În deosebi pentru cei din urmă, dar şi pentru cadrele didactice, cele peste 750 de figuri înmănunchiate în acest catalog prezintă un instrument de lucru foarte preţios. Grosul materialului ilustrativ include fotografii-color a celor mai interesante piese descoperite în Bulgaria pe parcursul secolului trecut, publicate de obicei în diverse reviste de specialitate, deseori, greu accesibile publicului larg. Importanţa ştiinţifică a catalogului rezidă şi în faptul că, în comparaţie cu publicaţiile precedente, el introduce în circuitul ştiinţific un număr mare de obiecte, rămase până acum inedite. Reieşind din cele spuse suntem convinşi că publicaţia va trezi un interes mare în rândul tuturor celor interesaţi de civilizaţia tracilor.

Valeriu Banaru,
Facultatea de Istorie şi Prihologie, Universitatea de Stat din Republica Moldova,
str. Mateevici 60, MD-2009, Chişinău, Republica Moldova

D. Popovici, A. Bălăşescu, C. Haită, V. Radu, A. M. F. Tomescu, I. Tomescu, Cercetarea Arheologică Pluridisciplinară. Concepte, Metode şi Tehnici, Editura Cetatea de Scaun, Bucureşti, 2002, 78 p., 12 pl.

Volumul de faţă, de mici dimensiuni, apare în colecţia aparţinînd Muzeului Naţional de Istorie a României, Biblioteca Muzeului Naţional, Seria Cercetări Pluridisciplinare, fiind cel de al treilea, după volumele consacrate palinologiei şi datării prin radiocarbon. Întreaga serie este editată de Dragomir Popovici, fondatorul şi directorul Centrului Naţional de Cercetări Pluridisciplinare din cadrul aceluiaşi Muzeu Naţional de Istorie a României din Bucureşti.

În introducerea volumului, sugestiv intitulată „De Ce? şi Cum?", editorul explică necesitatea unui astfel de demers precum şi drumul parcurs până la apariţia fizică a volumului de faţă, drum care începe odată cu înfiinţarea în 1996 a Centrului Naţional de Cercetări Pluridisciplinare.

Volumul de faţă este de fapt o sumă de prezentări rapide a unor metode şi tehnici utilizate în arheologie. El se doreşte a fi un semnal şi în acelaşi timp o introducere, la data care scriu această prezentare, multe din metodele şi tehnicile expuse aici beneficiind de un volum propriu.

Structura volumului este următoarea: Concepţii, metode şi tehnici în cercetarea arheologică pluridisciplinară modernă (p. 5-7), Săpătura şi înregistrarea datelor stratigrafice (p. 8-15), Sedimentologie şi micromorfologie (p. 16-26), Palinologia (p. 27-36), Antracologia (p. 37-46), Carpologie (p. 47-52), Arheozoologia (p. 53-67), Stocarea şi utilizarea datelor în format digital (p. 68-69). Volumul se încheie cu o serie de anexe şi ilustraţii.

Înainte de a trece la prezentarea fiecărui capitol în parte trebuie subliniat că acestea nu sunt semnate, autorii putând fi numai bănuiţi, pe baza activităţii lor actuale.

Primele două capitole, de mici dimensiuni, avându-l ca autor pe Dragomir Popovici, trasează câteva linii de principiu în ceea ce se numeşte cercetarea arheologică contemporană, autorul menţionând în bibliografia lucrării unde pot fi găsite aceste lucruri în detaliu.

Al treilea capitol, avându-l ca autor pe Constantin Haită, prezintă în principal tipurile de analize de laborator – sedimentologice şi micromorfologice – şi mai ales categoriile de rezultate, implicit şi utilitatea acestora, pentru cercetarea arheologică.

Cel de al patrulea capitol, elaborat de Alexandru Mihail Florian Tomescu, prezintă utilitatea palinologiei pentru arheologie, tehnicile de prelevare a sedimentului folosit în analiza palinologică şi rezultatele ce pot fi obţinute prin folosirea acestei metode.

Capitolele cinci şi şase, elaborate de Iulia Tomescu, prezintă pe scurt problematica antracologiei şi carpologiei – utilitatea lor pentru arheologie, metodologia prelevării şi eşantionării probelor necesare analizei, tipurile de rezultate şi utilitate lor pentru cercetarea arheologică.

Capitolul al şaptelea, redactat de Adrian Bălăşescu şi Valentin Radu, este dedicat arheozoologiei şi oferă cea mai bună prezentare de metodă din cadrul volumului. Sumar sunt prezentate definiţia, istoricul disciplinei, materialele de studiu şi metodele de cuantificare. Etapele de studiu sunt prezentate în detaliu, insistându-se asupra avantajelor şi dezavantajelor folosirii diferitelor metode de prelevare. De asemenea sunt oferite detalii asupra procedeelor de estimare a vârstei, determinare a sexului şi asupra tafonomiei. Autorii prezintă şi categoriile de rezultate specifice arheozoologiei, considerând că „la ora actuală o cercetare arheologică completă şi modernă nu mai este posibilă fără contribuţia arheozoologiei".

Ultimul capitol, redactat tot de Dragomir Popovici, prezintă câteva date privind stocarea şi utilizarea datelor în format digital, cu trimitere la cercetările de la Hârşova – program de cercetări care de altfel a dus la înfiinţarea Centrului Naţional de Cercetări Pluridisciplinare şi la realizarea acestui volum.

Acest foarte mic capitol (ce putea fi mai bine alipit capitolelor de început), încheie volumul, care este însoţit de câteva anexe foarte utile: Mic glosar de termeni (p. 70-71), Fişă de înregistrare a unităţilor stratigrafice, Fişă de înregistrare a complexelor, Fişă de înregistrare a structurilor de locuire, Diagrama secvenţelor stratigrafice, Fişă de prelevare sedimentlogică, Fişă de prelevare palinologică, Fişă de prelevare antracologică, Fişă de prelevare carpologică, Fişă de prelevare malacologică, Fişă de prelevare ihtiologică, Fişă de prelevare arheozoologie mamifere. Volumul are şi o bibliografie selectivă (p. 72-78) pentru fiecare din domeniile abordate.

Am socotit utilă prezentarea acestui mic volum privind cercetarea arheologică pluridisciplinară deoarece el reprezintă un moment de cotitură în arheologia românească. Pentru prima dată avem un volum românesc care prezintă coerent, deşi sumar, concepte, metode şi tehnici folosite în arheologia de teren. Volumul reprezintă desprinderea de canoanele arhelogiei "clasice", pozitiviste, statuate încă din perioada interbelică de generaţia elevilor lui Pârvan şi la care s-a adăugat o doză de metodologie marxistă în perioada postbelică.

Volumul vine în principal în ajutorul studenţilor şi al tinerilor arheologi, care au acum un îndreptar, dar atrage atenţia tuturor arheologilor privind complexitatea cercetării arheologice şi a standardelor la care ar trebui să ajungă aceasta. Volumul, datorită manierei sintetice şi clare de prezentare, este util chiar şi publicului larg, interesat de arheologie, şi nu în ultimul rând beneficiar al acesteia.

Nu puteam încheia fără a amiti numeroasele greşeli de tehno-redactare ale volumului, dar care nu scad cu nimic valoarea acestuia, o valoare de manifest, care va lasă fără îndoială urme în timp.

Cătălin Nicolae,
Seminarului de Arheologie "Vasile Pârvan", Facultate de Istorie, Universitatea Bucureşti,
Bd. Regina Elisabeta 4-12, RO-030018 Bucureşti, România

LISTA ABREVIERILOR

Acta Arch. Acad. Scien. Hungaricae – Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae, Budapest
AHAX – Anuarul Institutului de Istorie şi Arheologie "A. D. Xenopol", Iaşi
AM – Arheologia Moldovei, Iaşi
AMM – Acta Moldaviae Meridionalis, Vaslui
AMN – Acta Musei Napocensis, Cluj-Napoca
Arhiva IAE AŞ RM – Arhiva Institutului de Arheologie şi Etnografie al Academiei de Ştiinţe din Republica Moldova, Chişinău
BAR – British Archaeological Reports, Oxford
BTHR – Bibliotheca Thracologica, Bucureşti
BRGK – Bericht der Römisch-Germanischen Kommission, Frankfurt am Main
CI – Cercetări Istorice, Bucureşti
Dacia NS – Revue d'archéologie et d'histoire ancienne, Nouvelle Série, Bucureşti
ERAUL – Etudes et recherches archéologiques de l'Université de Liège, Liège
EurAnt – Eurasia Antiqua, Berlin
MAE IAE AN RM – Muzeul de Arheologie şi Etnografie al Institutului de Arheologie şi Etnografie, Academia de Ştiinţe din Republica Moldova, Chişinău
MCA – Materiale şi Cercetări Arheologice, Bucureşti
MemAntiq – Memoria Antiquitatis, Piatra Neamţ
MNIM – Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, Chişinău
MNIU – Muzeul Naţional de Istorie al Ucrainei
MNU – Muzeul Naţional al Ungariei
PAS – Prähistorische Archäologie in Südosteuropa
PBF – Prähistorische Bronzefunde, München
PZ – Prähistorische Zeitschrift, Berlin
RESEE – Revue des études sud-est européennes, Bucureşti
RRN – Revue Roumaine d'Histoire, Bucureşti
SAA – Studia Antiqua et Archeologia, Iaşi
SCIV – Studii şi Cercetări de Istorie Veche, Bucureşti
SCIVA – Studii şi Cercetări de Istorie Veche şi Arheologie, Bucureşti
SCN – Studii şi Cercetări Numismatice, Bucureşti
SCŞ – Studii şi Cercetări Ştiinţifice, Iaşi
SIA – Slovenska Arheologia, Bratislava
SSB – Südosteuropa-Schriften, Band
Univerforsch. Prähist. Arch. – Universitätforschungen zur Prähistorischen Archäologie

АДУ – Археологічні Дослідження на Україні, Київ
АИМ – Археологические Исследования в Молдавии, Кишинев
АИМУМ – Археологические исследования молодых ученых Молдовы
АМА – Античный мир и археология, Саратов
АИУ – Археологические Исследования на Украине, Киев
АН БССР – Академия Наук Белорусской ССР
АН СССР – Академия Наук СССР
АО – Археологические Открытия, Москва
АП – Археологічні пам'ятки УССР, Київ
Археол. Сборн. МГУ – Археологический Сборник Московского Государственного Университета
Архив ИА АН Украины – Архив Института Археологии Академии Наук Украины, Киев
Архив ИАиЭ АН РМ – Архив Института Археологии и Этнографии Академии Наук Республики Молдова, Кишинэу
АСГЭ – Археологический Сборник Государственного Эрмитажа, Ленинград/Санкт-Петербург
БИАС – Бахчисарайский Историко-Археологический Сборник, Симферополь
Бюллетень МОИП – Бюллетень Московского Общества Испытателей Природы, Москва
БС – Боспорский Сборник, Москва
ВДИ – Вестник древней истории, Москва
ДАС – Донецкий Археологический Сборник, Донецк
ДМ – Древний Мир, Киев
ДСПК – Древности Степного Причерноморья и Крыма, Запорожье
ЗОАО – Записки Одесского Археологического Общества, Одесса
ЗООИД – Записки Одесского общества изучения древностей
ИАИ – Известия на Археологически Институт БАН, София
ИАЭ – Институт Археологии и Этнографии, Кишинев
Известия МФ АН СССР – Известия Молдавского Филиала Академии Наук СССР, Кишинев
ИКОГО – Известия Крымского Отделения Географического Общества, Симферополь
ИНИОН АН СССР – Институт Научной Информации по Общественным Наукам Академии наук СССР, Москва
КСИА – Краткие Сообщения Института Археологии, Москва
КСИИМК – Краткие Сообщения Института Истории Материальной Культуры, Москва-Ленинград
ЛОИА АН СССР – Ленинградское Отделение Института Археологии Академии наук СССР
КСОАО - Краткие Сообщения Одесского Археологического Общества, Одесса
МАСП – Материалы по Археологии Северного Причерноморья, Одесса
МДАПВ – Матеріали і Дослідження по Археології Прикарпаття і Волині, Київ
МАЭ – Музей археологии и этнографии, Кишинев
МИА СССР – Материалы и Исследования по Археологии СССР, Москва-Ленинград
МИА ЮЗ СССР и РНР – Материалы и Исследования по Археологии Юго-Запада СССР и РНР, Кишинев
МИАР – Материалы и Исследования по Археологии России, Москва
НАНУ – Национальная Академия Наук Украины
ОАК – Отчет Императорской Археологической Комиссии, Санкт-Петербург
ОАМ НАН – Одеский Археологический Музей Национальной Академии Наук Украины
ПАСП – Проблемы Археологии Северного Причерноморья, Херсон
РА – Российская Археология, Москва
СА – Советская Археология, Москва
САИ – Свод Археологических Источников, Москва
ССПК – Старожитності Степового Причорномор'я і Криму, Запоріжжя
Труды ГЭ – Труды Государственного Эрмитажа, Ленинград/Санкт-Петербург
Труды ГИКМ – Труды Государственного Историко-Краеведческий Музея, Кишинев
Труды ГИМ – Труды Государственного Исторического Музея, Москва
Труды МОИП – Труды Московского Общества Испытателей Природы, Москва
Ученые Записки – Ученые записки Института Истории, Языка и Литературы Молдавского филиала АН СССР

STIMAŢI COLEGI

Institutul de Arheologie şi Etnografie din Republica Moldova vă invită să prezentaţi materiale pentru **"Revista Arheologică"**. Revista apare anual în două volume.

CONSIDERAŢII GENERALE

Revistă prevede publicarea lucrărilor arheologice şi rezultatele cercetărilor ştiinţelor interdisciplinare în domeniu, care reflectă investigaţiile din spaţiul carpato-balcanic şi teritoriile limitrofe, în formă de:

- lucrări de sinteză;
- discuţii;
- materiale şi rezultate ale cercetărilor de teren;
- lucrări muzeografice;
- studii şi materiale ale ştiinţelor interdisciplinare;
- recenzii şi prezentări de cărţi;
- personalia;
- antologii;
- cronica cercetărilor ştiinţifice;
- sistemul de ocrotire a siturilor arheologice conform normelor internaţionale.

Toate genurile de lucrări pot fi prezentate în limba română, rusă, engleză, germană sau franceză.

Lucrări de sinteză, materiale şi rezultatele investigaţiilor de teren, lucrări muzeografice, studii şi materiale interdisciplinare

Lucrările de sinteză, discuţiile, materialele şi rezultatele cercetărilor de teren, lucrările muzeografice, studiile şi materialele ştiinţelor interdisciplinare prevăd unele cerinţe speciale.

Structura acestor lucrări este următoarea:

I. Adnotare:

La începutul textului principal se va introduce adnotare în trei limbi: română; rusă; engleză (germană sau franceză). Volumul fiecărei adnotări nu va depăşi 1500 caractere, inclusiv spaţiu. Adnotările se vor prezenta în format: *Times New Roman; Font size 10; Space 1,0.*

II. Textul lucrării:

Volumul maximal nu va depăşi 60000 caractere, inclusiv bibliografia şi ilustraţiile. Textul lucrărilor trebuie prezentat în formă de manuscris şi în format electonic: *Times New Roman; Font size 12, Space 1,5.*

III. Planşele cu materialul ilustrativ

Planşele, în format A4, se vor prezenta în formă grafică clară, cu numerotarea poziţiei fiecărui obiect. Planşele trebuie să fie numerotate. Materialul ilustrativ trebuie să fie însoţit de o lista a planşelor cu o legendă exhaustivă. În cazul lucrărilor în limba rusă şi română legendele planşelor trebuie să fie asociate de o traducere în engleză, franceză sau germană. Planşele şi lista planşelor se va prezenta şi în format electronic (*TIF* – nu mai puţin de 600 dpi).

IV. Bibliografie

Notele bibliografice din text se prezintă în original.

Exemple de note bibliografice în text: (Petrache 1999, 15, fig. 3,4-6; Müller 1953, 123, Abb. 15,4-6, Петров 1999, 15, рис. 3,4-6)

Lista bibliografică se prezintă în ordine alfabetică la sfârşitul textului, dar conform condiţiilor următoare:

Modul de citare a monografiilor:

Bader 1978: T. Bader, Epoca bronzului în nord-vestul Transilvaniei. Cultura pretracică şi tracică (Bucureşti 1978).

Аванесова 1991: Н.А. Аванесова, Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (Ташкент 1991).

Modul de citare a articolelor publicate în culegeri de lucrări ştiinţifice:

Metzner-Nebelsick 1998: C. Metzner-Nebelsick, Abschied von den „Thrako-Kimmeriern"? – Neue Aspekte der Interaktion zwischen karpatenländischen Kulturgruppen der späten Bronz- und frühen Eisenzeit mit der osteuropäischen Steppenkoine. In: (Hrsg. B. Hänsel und J. Machnik) Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe. Nomadenbewegungen und Kulturaustausch in den vorchristlichen Metallzeit (4000-500 v.Chr.) (München-Rahden/Westf. 1998), 361-422.

Дергачев 1969: В.А. Дергачев, Поселение эпохи бронзы у села Слободка-Шырэуцы. В сб: (Отв. ред. Л.Л. Полевой) Далекое прошлое Молдавии (Кишинев 1969), 110-122.

Modul de citare a lucrărilor publicate în ediţii periodice (reviste, jurnale etc):

Zaharia 1990: E. Zaharia, La culture de Monteoru. La deuxième étape de cévelopppement à la lumière des fouilles de Sărata-Monteoru (dép. de Buzău). Dacia N.S. XXXIV, 1990, 23-51.

Качалова 1970: Н.К. Качалова, Ильменские курганы. Археологический Сборник 12, 1970, 7-34.

Modul de citare a rezumatelor publicate în volumele de simpozioane, conferenţe şi seminare ştiinţifice:

Sava 1994: E. Sava, Investigaţiile istorico-arheologice în microzona Rudi-Tătărăuca Nouă-Arioneşti, raionul Donduşeni. Cronica cercetărilor arheologice. Campania 1993. A XXVIII-a Sesiune Naţională de rapoarte arheologice, Satu Mare, 12-15 mai 1994. Satu Mare 1994, 114.

Савва 1993: Е. Савва, Позднефракийский культурно-хронологический горизонт VII-VI вв. до н. э. в Молдове (по материалам курганного могильника у с. Тринка). Първи международен симпозиум «Севтополис», «Надгробните могили Югоизточна Европа» Казанлък, България 1993, 55-56.

Modul de citare a rapoartelor ştiinţifice şi actelor de arhivă

Larina ş.a. 1996: O.V. Larina, K.P. Wechler, V.A. Dergaciov, S.I. Kovalenko, V.M. Bicbaev, Periegheze arheologice în raioanele Donduşeni, Drochia, Sîngerei în anul 1996. Arhiva MAE IAE AŞ RM. Inv. nr. 358 (Chişinău 1996).

Агульников 1987: С.М. Агульников, Отчет о полевых исследованиях Слободзейской новостроечной экспедиции в 1987 г. Архив МАЭ ИАЭ АН РМ. Инв. № 266 (Кишинев 1988).

V. Lista abrevierilor

VI. Date despre autor: nume c, prenumele; gradul ştiinţifico-didactic; funcţia; instituţia; adresa; telefon, fax, e-mail.

Recenzii, prezentări de cărţi, personalia, antologii etc.

Astfel de materiale pot fi prezentate într-o formă liberă, însă trebuie să corespundă normelor prevăzute. Lucrările de acest gen trebuie prezentate în formă de manuscris şi în format electronic (*Times New Roman; Font size 12; Space 1,5*). Volumul maximal – 20000 caractere.

Manuscrisele şi varianta electronică pot fi prezentate direct la redacţie sau trimise prin poştă pe adresa: Colegiul de redacţie Revista Arheologică, Institutul de Arheologie şi Etnografie AŞ RM, str. Mitropolit Gavriil Bănulescu-Bodoni, 35, MD-2012, Chişinău, Republica Moldova

Informaţii suplimentare pot fi solicitate: (37522) 238292 (91); 238270.
E-mail: dergacev@mcc.md; sava_md@yahoo.com

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ,

Институт Археологии и Этнографии приглашает Вас принять участие в издании «**Археологического** Журнала». Журнал издается два раза в год.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ:

В журнале будут опубликованы работы по археологии и междисциплинарных наукам, которые освещают результаты исследований в Карпато-Балканском регионе и соседних территорий.

Основные рубрики журнала:

- аналитические работы
- материалы и результаты полевых исследований
- музеография
- междисциплинарные исследования
- рецензии
- антологии
- персоналии
- хроника научных исследований

Все виды работ могут быть представлены на румынском, русском, английском, немецком или французском языке

Основные требования к работам аналитического характера, материалам полевых исследований, статьям по музеографии и междисциплинарным исследованиям

Структура этих работ должна быть следующей:

I. Аннотация

Перед основным текстом должна быть аннотация на трех языках: румынском; русском; английском (немецком или французском). Объем каждой аннотации не должен превышать 1500 символов. Аннотации представляются в формате: *Times New Roman; Font size 10; Space 1.0.*

II. Рукопись основного текста:

Текст представляется в виде рукописи и в электронном варианте в формате: *Times New Roman; Font size 12 cm; Space 1.5.* Максимальный объем рукописи 60000 знаков, включительно иллюстрации и список литературы

III. Иллюстрации

Представляются на формате А4 в четком графическом изображении. Каждый рисунок должен быть пронумерован и сопровожден легендой. В случае работ на русском или румынском языке легенды рисунков должны быть переведены на английский, немецкий или французский язык.

Желательно представить иллюстрированный материал и в электронном виде (*TIF*, не менее 600 dpi)

IV. Библиография

Сноски на библиографию в основном тексте даются в оригинале согласно следующей форме: (Петров 1999, 15, рис.3,4-6), (Müller 1953, 123, Abb. 15,4-6).

Список использованной литературы представляется в алфавитном порядке в конце основного текста, с учетом следующих требований.

Примеры для монографий:

Bader 1978: T. Bader, Epoca bronzului în nord-vestul Transilvaniei. Cultura pretracică şi tracică (Bucureşti 1978).

Аванесова 1991: Н.А. Аванесова, Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (Ташкент 1991).

Примеры для работ, опубликованных в сборниках:

Metzner-Nebelsick 1998: C. Metzner-Nebelsick, Abschied von den „Thrako-Kimmeriern"? – Neue Aspekte der Interaktion zwischen karpatenländischen Kulturgruppen der späten Bronz- und frühen Eisenzeit mit der osteuropäischen Steppenkoine. In: B.Hänsel und J. Machnik (Hrsg.), Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe. Nomadenbewegungen und Kulturaustausch in den vorchristlichen Metallzeit (4000-500 v.Chr.) (München-Rahden/Westf. 1998), 361-422.

Дергачев 1969: В.А. Дергачев, Поселение эпохи бронзы у села Слободка-Ширеуцы. В сб: Далекое прошлое Молдавии (Кишинев 1969), 110-122.

Примеры для работ, опубликованных в периодических изданиях:

Zaharia 1990: E. Zaharia, La culture de Monteoru. La deuxième étape de développement à la lumière des fouilles de Sărata-Monteoru (dép. de Buzău). Dacia N.S. XXXIV, 1990, 23-51

Качалова 1970: Н.К. Качалова, Ильменские курганы. Археологический Сборник 12, 1970, 7-34.

Примеры для работ, опубликованных в материалах конференций и семинаров:

Sava 1994: E. Sava, Investigaţiile istorico-arheologice în microzona Rudi-Tatărăuca Noua-Arioneşti, raionul Donduşeni. Cronica cercetărilor arheologice. Campania 1993, A XXVIII-a Sesiune Naţională de rapoarte arheologice. Satu Mare, 12-15 mai 1994. Satu Mare 1994, 114.

Савва 1993: Е. Савва, Позднефракийский культурно-хронологический горизонт VII-VI вв. до н. э. в Молдове (по материалам курганного могильника у с. Тринка). Първи международен симпозиум «Севтополис». «Надгробните могили Югоизточна Европа» Казанлък, България 1993, 55-56.

Примеры для научных отчетов и архивных материалов:

Larina ş.a. 1996: O.V. Larina, K.P. Wechler, V.A. Dergaciov, S.I. Kovalenko, V.M. Bicbaev, Periegheze arheologice în raioanele Donduşeni, Drochia, Sîngerei în anul 1996. Arh.va MAE IAE AŞ RM. Inv. nr. 358 (Chişinău 1996).

Агульников 1987: С.М. Агульников, Отчет о полевых исследованиях Слободзейской новостроечной экспедиции в 1987 г. Архив МАЭ ИАЭ АН РМ. Инв. № 266 (Кишинев 1988)

V. Список сокращений

VI. Сведения об авторе:

ФИО, научное звание, должность, место работы, почтовый адрес, телефон, факс, e-mail

Рецензии, персоналии, антологии и пр.

Такие работы могут быть представлены в произвольной форме, однако с учетом технических требований, предусмотренных для издания журнала (*Times New Roman; Font size 12 cm; Space 1,5*). Максимальный объем - не более 20000 символов.

Рукописи и электронный вариант на дискете могут быть высланы обычной почтой или непосредственно представлены в редакцию журнала по адресу: Редакция «Археологического Журнала», Институт Археологии и Этнографии АН РМ, ул. Митрополит Бэнулеску-Бодони 35, MD-2012 Кишинев, Республика Молдова.

Дополнительная информация может быть получена по тел. (37322) 238292 (91), 238270.

E-mail: dergacev@mcc.md, sava_rad@yahoo.com